

Изображение: Gettyimages.com

Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам

сборник статей

Российская академия наук
Уральское отделение
**ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ**

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
К ГЛОБАЛЬНЫМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВЫЗОВАМ**

Сборник научных статей

Екатеринбург
2023

Десятилетие науки и технологий в Российской Федерации

Сборник подготовлен в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Редакторы: д-р экон. наук, проф. О.А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А.П. Багирова, д-р истор. наук, проф. Г.Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И.А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б.Ю. Берзин, канд. экон. наук Н.П. Неклюдова, О.А. Пышминцева.

Рецензенты: д-р экон. наук Т.А. Коркина, д-р экон. наук В.Г. Логинов.

Д 31 **Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам** [Текст]: сб. науч. ст. / ред. д-р экон. наук, проф. О.А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А.П. Багирова, д-р истор. наук, проф. Г.Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И.А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б.Ю. Берзин, канд. экон. наук Н.П. Неклюдова, О.А. Пышминцева ; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. — Электрон. текст. дан. (18,5 Мб). — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2023. — 764 с. — 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). — Текст: электронный.

ISBN 978-5-94646-675-2

Сборник научных статей включает работы ученых, посвященные наиболее актуальным вопросам демографического развития: демографическим вызовам в исторической ретроспективе России, современным проблемам трудовой миграции в принимающем сообществе, взаимосвязи демографических процессов и социально-экономического развития регионов России, роли гражданского общества в формировании и реализации демографической политики в контексте глобальных перемен, социально-психологической адаптации различных групп населения к происходящим изменениям, семейным ценностям и родительству. Статьи структурированы в сборнике в виде разделов в соответствии с их проблематикой.

Издание представляет интерес для экономистов, специалистов в области управления демографическими процессами, социологии и психологии воспроизводства населения, медицины и здоровьесбережения населения, историков, географов, преподавателей, аспирантов и представителей общественных и некоммерческих организаций, интересующихся вопросами демографической и семейной политики.

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)

I. Демографические вызовы в исторической ретроспективе России (XIX – начала XXI вв.)

<i>Алексеева Л. В.</i> О численности населения Югры в первой половине 1920-х гг.....	7
<i>Араловец Н. А.</i> Репродуктивное здоровье российских мужчин и женщин в 1980-е гг.....	17
<i>Бурматов А. А.</i> Городское население Западной Сибири в 1920 г.....	27
<i>Горбачев О. В.</i> Миграция как фактор развития крупных городов Урала в XX в. (на примере Екатеринбурга)	35
<i>Жарков А. В.</i> Образовательный уровень населения Пермской области в 1989–2002 гг.....	44
<i>Жиров Н. А.</i> Демографические процессы в сельском социуме православных приходов Елецкого и Ливенского уездов Орловской губернии в первой половине XIX в.	54
<i>Корнилов Г. Е.</i> Урбанизация на Урале в XX веке: демографические последствия	63
<i>Лыткина У. В.</i> Естественное движение населения Коми автономной области в 1920-е годы	77
<i>Мазур Л. Н.</i> Демографический портрет семьи научного работника (по материалам бюджетного обследования 1925 г.)	86
<i>Роднов М. И., Тагирова Л. Ф.</i> Демографические последствия Гражданской войны для фермерского хозяйства Южного Урала	100
<i>Шукuroв К. К.</i> Демографическое развитие Азербайджана после обретения независимости: основные периоды и их характеристики.....	107

II. Социально-психологическая адаптация различных групп населения к происходящим изменениям – социологический и психологический аспекты

<i>Антонова О. А.</i> Корпоративная социальная поддержка и человеческий капитал как составляющие социальной политики региона	113
<i>Безрук Е. Е.</i> Социально-психологическая адаптация иностранных студентов в российских вузах	125
<i>Берзин Б. Ю.</i> Барьеры адаптации и психологическая защита личности	132
<i>Галкин К. А.</i> Стратегии адаптации пожилых людей в постковидное время в городе и в сельской местности	139
<i>Дёмина А. А., Куликова А. А.</i> Поведение мигрантов в процессе их адаптации к новым условиям жизни	147
<i>Егорова Н. Ю.</i> Отказ от регистрации супружества: адаптация в новых социально- экономических реалиях или трансформация института?	151
<i>Ефимова А. А.</i> Современные тенденции глобального рынка труда молодежи.....	158
<i>Комлева Р. Н.</i> Поколенческие особенности семейно-брачных установок городских жителей: на примере исследования по Республике Башкортостан	171
<i>Кондакова Н. А.</i> Социальное самочувствие населения Вологодской области (на основе мониторинга)	181
<i>Короленко А. В.</i> Влияние пандемии COVID-19 на здоровье населения и отношение к нему (на материалах регионального исследования)	190
<i>Миронова Е. Н., Ваторопин А. С.</i> Адаптация полиаморов к внешней среде: социологический анализ	203
<i>Румянцев В. В.</i> Социальная адаптация молодой семьи в условиях современного экономического кризиса: проблемы и перспективы	209

<i>Санаева О. В., Дорошенко С. В.</i> Экономико-демографические факторы наркопреступности в регионах России	215
<i>Селезнева Е. В.</i> Ментальное здоровье населения России в период пандемии COVID-19 и социально-экономических изменений 2022 г.: вызовы и используемые стратегии адаптации.....	224
<i>Трушкова Е. А.</i> Исследование проблемы экологической миграции и необходимости адаптации населения к условиям воздействия экологических угроз различных видов	236
<i>Chevtayeva E., Chevtayeva N., Gamor E.</i> Socio-Psychological Obstacles to the Resumption of Travel in the Post-Covid Period.....	248
<i>Шубина Е. Ю.</i> Сущность грейдовой системы оплаты труда как механизма реализации концепции ценностного предложения работодателя	254

III. Современные проблемы трудовой миграции в принимающем сообществе

<i>Ахметова (Хилажева) Г. Ф.</i> Структура населения регионов ПФО и УрФО по месту рождения (по данным переписей населения).....	263
<i>Бедрина Е. Б.</i> Участие Большого Урала в «западном дрейфе»	269
<i>Дружинин П. В., Седова К. Е.</i> Миграция населения в крупнейшие агломерации и экономическое развитие регионов.....	278
<i>Лакомова А. А.</i> Молодые трудовые иммигранты в России: их характеристики и особенности социальной адаптации	285
<i>Муродов М. К.</i> Современная тенденция внешней трудовой миграции населения Республики Таджикистан	298
<i>Остриков В. Р., Спектор Л. А.</i> Адаптация и интеграция иностранных мигрантов в контексте взаимоотношений с принимающим населением в Российской Федерации	303
<i>Соколова А. А., Калачикова О. Н.</i> Современное отходничество: анализ территориальной специфики по данным переписи населения России	312
<i>Фарафонова Ю. Ю., Лялина А. В., Волошенко К. Ю., Новикова А. А.</i> Общие и профессиональные причины миграции медицинских работников в Калининградскую область	323
<i>Ходячих С. С.</i> Международная миграция населения: контент-анализ материалов СМИ.....	337

IV. Роль гражданского общества в формировании и реализации российской демографической политики в контексте глобальных перемен

<i>Петухова И. С.</i> Негосударственные социальные сервисы на рынке социальных услуг для пожилых граждан в Республике Карелия	348
<i>Саитова Д. Г., Храпцов Д. А.</i> Информационная поддержка социально ориентированных НКО Свердловской области в социальных сетях.....	359

V. Демографические процессы и социально-экономическое развитие: вопросы взаимосвязи

<i>Антипова Е. А., Дыдышко А. В.</i> ГИС-технологии в обеспечении региональной демографической безопасности Республики Беларусь: база данных и визуализация.....	371
<i>Антипова Е. А., Чэнь Ли</i> Демографическая нагрузка в Китае в контексте старения населения.....	380
<i>Арнаут М. Н., Арнаут Н. Н.</i> Оценка человеческого капитала и человеческих ресурсов как инструмент формирования необходимых социально-экономических	

условий для обеспечения требуемых демографических процессов субъектов РФ.....	391
<i>Архангельский В. Н.</i> Современный Екатеринбург в демографическом измерении.....	401
<i>Богданова Л. П., Шукина А. С.</i> Оценка демографического неблагополучия городов Тверской области.....	418
<i>Вакуленко О. С., Грачев С. А.</i> Моделирование взаимосвязи демографических и экономических параметров	426
<i>Галицкая Н. В.</i> Продовольственная безопасность Индии	437
<i>Дорошенко С. В.</i> Региональный индекс человеческого развития: эффекты употребления алкоголя и табака	443
<i>Калабина Е. Г., Газизова М. Р.</i> Формирование продуктивной занятости населения старших возрастов в контексте концепции активного старения	451
<i>Калабина Е. Г., Шадрина Е. А.</i> Выбор методов обучения для работников старших возрастных групп	458
<i>Козлова О. А., Макарова М. Н., Пышминцева О. А.</i> Перспективы развития малых городов в контексте адаптационного потенциала населения	466
<i>Мамадалиева Х. Х., Алимухамедов Б. Б.</i> Демографический аспект развития рынка труда и рынка образовательных услуг Республики Узбекистан	475
<i>Масалова Ю. А.</i> Демографические детерминанты качества человеческих ресурсов.....	485
<i>Матвеев В. В., Овчинникова А. В.</i> Влияние демографических процессов в Удмуртской Республике на социально-экономическое развитие региона	493
<i>Морошкина М. В., Поташева О. В.</i> Уровень и качество жизни населения в районах Карельской Арктики: демографические индикаторы.....	503
<i>Ромашкина Ю. В., Морозова Л. Р., Быкова А. Н., Седова К. Е.</i> Демографические факторы формирования человеческого капитала Европейского Севера России	511
<i>Русанов А. В.</i> Функциональная дифференциация подмосковных дач	524
<i>Сачук Д. И., Фадеева Н. Л.</i> К вопросу о социально-экономической уязвимости семей с детьми в современных российских реалиях	532
<i>Секицки-Павленко О. О.</i> Типология возрастной структуры субъектов Российской Федерации	542
<i>Смирнов А. В.</i> Опыт разработки демографических дашбордов.....	550
<i>Тельнов В. И.</i> Сравнительная характеристика динамики жизненного потенциала населения России и Франции за 1959–2020 гг.	560
<i>Цёхла С. Ю., Симченко Н. А.</i> Молодые ученые: социально-демографическая динамика в России.....	571
<i>Шевалдина Е. И.</i> Взаимосвязь социально-экономического развития Уфы и движения населения в 2020–2021 годах.....	584

VI. Развитие системы здравоохранения в условиях современных демографических вызовов

<i>Булатова Г. Ф., Разумовская Е. М., Биктимиров Н. М.</i> Механизмы содействия системы здравоохранения достижению задач в области демографии	593
<i>Жеребцова Т. А., Леонтьев С. Л., Михайлова Д. О., Ануфриева Е. В.</i> Роль внедрения Новой модели организации оказания медицинской помощи в сохранении здоровья детского населения Свердловской области.....	603
<i>Русанова Н. Е.</i> Актуальные тенденции применения программ вспомогательной репродукции в демографической политике России.....	616
<i>Травникова Д. А.</i> Оценка факторов устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации в контексте статистического анализа системы здравоохранения.....	623

<i>Хомутова Е. А., Кириленко В. С.</i> Национальная система здравоохранения России: демографические вызовы, проблемы и пути их решения	633
--	-----

VII. Семья, семейные ценности и родительство

<i>Багирова А. П., Бледнова Н. Д., Нешатаев А. В.</i> Информированность российских родителей о системе родительских отпусков: оценка объемов и форматов	640
<i>Барашкова А. С., Кондратьева В. И.</i> Трансформационные процессы в сфере брака и семьи (по результатам социолого-демографических исследований в Якутии)	651
<i>Вавилова А. С.</i> Корпоративная демографическая политика: перспективы внедрения практик в российских организациях	660
<i>Камарова Т. А., Баранова Н. В.</i> Влияние цифровых форм занятости на рождаемость и родительское благополучие	669
<i>Кулькова И. А.</i> Тренды изменений репродуктивных установок в России в 2022 году	679
<i>Лисых В. В.</i> Теоретические аспекты участия института предпринимательства в решении демографических задач государства	689
<i>Никонец О. Е.</i> Гендерное равенство: экономические выгоды для государства	698
<i>Синельников А. Б.</i> Пути повышения эффективности семейно-демографической политики в России	708
<i>Тобышева А. А., Шубат О. М.</i> Теоретические подходы к анализу когнитивных искажений как фактора корпоративной демографической политики	722
<i>Фаузер В. В.</i> Трансформация брачной структуры населения Республики Коми в контексте Всероссийской переписи населения 2021 года	733
<i>Широкалова Г. С.</i> Семья в системе ценностей молодежи	746
<i>Шмарова И. В.</i> Изменение положения женщин на рынке труда как один из факторов успешной реализации репродуктивных намерений населения	755

И. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ РОССИИ (XIX – начала XXI вв.)

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-1>

УДК 94(47).084.6

JEL classification: J11, B20

О ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.¹

Л. В. Алексеева

Нижневартровский государственный университет (г. Нижневартовск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-1870-4052>

Автор для корреспонденции: Л. В. Алексеева (lvalexeeva@mail.ru).

Аннотация. *Статья актуализирует проблему изучения численности населения Югры (в современных границах Ханты-Мансийского автономного округа) применительно в первой половине 1920-х гг. в рамках выполнения комплексного исследования по демографической истории первой половины XX в. В центре внимания — проблема исчисления населения, которая ввиду недостатка источников являлась долгое время неисследованной. Основываясь на сопоставлении данных, выявленных преимущественно в Государственном архиве Российской Федерации, предпринимается сопоставительный анализ источников, на основе которого определяется численность населения региона. По оценке автора точность ее определения весьма приближительна. Систематизированный источниковый материал позволяет сформулировать вывод, что в условиях поиска форм национально-государственного строительства и проведения административных реформ органы региональной власти и Комитет народов Севера при ВЦИК нуждались в сведениях о численности населения региона, однако по причине невозможности проведения переписи имевшиеся оперативные данные характеризовались неточностью.*

Ключевые слова: население; численность; состав; Север; Югра

On the Population of Yugra in the First Half of the 1920s

L. V. Alekseeva

Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-1870-4052>

Corresponding author: L. V. Alekseeva (lvalexeeva@mail.ru)

Abstract. *The article updates the problem of studying the population size of Yugra (within the present borders of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug) in the first half of the 1920s in the framework of a complex research on the demographical history of the first half of the 20th century. The focus is on the issue of calculation of the population, which has been unexplored for a long time due to the lack of sources. A comparative analysis of sources was performed based on data primarily coming from the State Archive of the Russian Federation. The sources are used to determine the number of population in the region, which is estimated as very approximate. The systematised source material revealed that regional authorities and People's Committee of the North at the All-Russian Central Executive Committee needed the information on the number of population, however, the available operative data were characterised by inaccuracy because of census impossibility.*

Keywords: population; number; composition; North; Yugra

¹ © Алексеева Л. В. Текст. 2023.

Введение

Демографические процессы Югры, в первую очередь численность населения, состав и воспроизводство первой половины 1920-х гг. являются малоизученными в отечественной науке. Данная статья в рамках научной проблемы комплексного исследования путей формирования и развития населения территории первой половины XX в. (ХМАО-Югра в его современных границах) ставит своей целью представить сопоставительный анализ имеющихся данных для определения численности населения края в менявшихся условиях территориально-административного деления и формирования советской системы управления на Севере Западной Сибири первой половины 1920-х гг.

Материалы и методы

К изучению демографических процессов в Югре первой половины 1920-х гг. исследователи почти не обращались. Основная причина состоит в скудности источниковой базы. Среди исследований, в которых в той или иной мере затронуты вопросы демографической истории Севера Западной Сибири исследуемого периода, — работы Г.Е. Корнилова, Г.Г. Корнилова, Н.А. Михалева [4, 5, 9], В.В. Цыся [13] и Л.В. Алексеевой [1].

В первой половине 1920-х гг. в регионе не проводились специальные демографические обследования и переписи населения, а учет населения в исполкомах советов носил весьма приблизительный характер. Первое издание информационно-справочного характера «Список населенных пунктов Тобольского округа Уральской области» 1924 г. является основным доступным источником сведений о численности населения края исследуемого периода. Из неопубликованных материалов использованы документы из фонда Комитета Севера при ВЦИК (Ф. 3977) Государственного архива Российской Федерации, из фонда Тюменского обкома КПСС (Ф. П-1) и из фонда Тобольского комитета Севера Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске (Ф. 695).

Основными методами исследовательской статьи стали системный, сопоставительный и количественный, а также методы последовательно-текстуального анализа документов и синтеза, необходимые для преобразования имеющихся информационных данных в новое качество, что и определяет результат исследования.

Результаты

В изучении населения Югры малоисследованной является первая половина 1920-х гг. Именно тогда советская власть поставила вопрос об изучении демографической судьбы так называемых малых народностей национальных окраин, в том числе и народов Севера. До переписи 1926 г. численность населения и его состав на Севере Западной Сибири советскими органами власти не подвергались систематическому учету по объективным причинам. Вначале этому препятствовали события Гражданской войны (в том числе и Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г.), которые не обошли Север, а затем органы возрождавшейся советской власти приступили к решению более актуальных для нее вопросов, касавшихся налаживания хозяйства и налогообложения, а также неотложного снабжения населения хлебом, поэтому в тех условиях попытки установить численность населения при его дисперсности не были удачными и носили весьма приблизительный характер.

Исходными данными для анализа динамики численности населения края являются материалы переписи 1897 г. В Березовском округе всего было учтено 21 423 чел.,

в Сургутском округе — 7746 чел. Таким образом, всего переписью зафиксировано 29169 чел. (вместе с кочевниками, численность которых установлена приблизительно) [10, с. 33–36]. Н.А. Михалев подсчитал численность населения Обдорского Севера; она составила 10005 чел. [9, с. 25]. Это позволяет нам констатировать, что в югорских волостях население превышало по численности население Дальнего Севера (Куноватская и Обдорская волости) в два раза и составляло 19 164 чел. Согласно «Списку населенных мест Тобольской губернии» (1912 г.), численность учтенного населения Березовского уезда составила 15 756 чел. (из них в Обдорском крае: Куноватская и Обдорская волости — 5894; на этот раз учету не подлежали кочевники, по приблизительным оценкам составлявшие 6488 чел.), а Сургутского — 7109 чел. (всего населения — 29 353 чел.)¹. Общая численность населения на территории Югры составила 16 971 чел.

Данные о численности населения края в годы революционных потрясений и Гражданской войны в конце 1918 г. приведены В.В. Цысем. Он опирается на сведения, предоставленные уездными комиссарами. В Березовском уезде проживало 31 620 чел.: русские — 3802 чел., зыряне — 2322 чел., остяки — 12 670 чел., вогулы — 2844 чел., самоеды — 9982 чел. В Сургутском уезде проживало 11 229 чел.: русские — 2653 чел., остяки — 7290 чел. В уездном центре — 1286 чел. [13, с. 107]. Всего на Тобольском Севере в двух уездах проживало 42 849 чел. Сколько из них проживало в югорских волостях определить не представляется возможным, так как нет данных по Обдорскому краю, такого же мнения придерживается и Н.А. Михалев [9, с. 27].

Первая перепись населения, организованная в РСФСР в 1920 г., на Севере Тюменской губернии не проводилась. В предисловии к «Предварительным итогам переписи населения 28 августа 1920 г.» объяснялись причины, сделавшие невозможным ее проведение. В источнике сообщалось, что «в так называемой полосе 3-й очереди Северной Сибири (Березовский и Сургутский уезды Тюменской губернии, Нарымский край Томской губернии, Туруханский край Енисейской губернии и весь северо-восток Иркутской губернии), где перепись отложена на лето 1921 г. и зиму 1921–1922 гг. из-за отсутствия в распоряжении местных статистических учреждений необходимых запасов продовольствия и одежды для снабжения участников переписи»². Перепись 1920 г. не носила всеобщего характера и не была проведена, как планировалось в регионе в 1921/1922 г.

В Югру, входившую в состав Тюменской губернии, после отступления войск адмирала А.В. Колчака в начале 1920-го г. по инициативе Тюменского губернского центра были отправлены представители губернской власти для решения неотложных задач. Так, в конце декабря 1919 г. была организована поездка инструктора губотдела управления С.С. Гимгина, добравшегося до Сургута три недели, в задачу которого входило налаживание деятельности уездного ревкома и низовых органов советской власти (волостные и сельские ревкомы) [13, с. 166–167]. Документы о его поездке не содержали сведений о населении. Другой советский служащий, инструктор-контролер Тюменского губернского революционного комитета Г.Г. Фуфаев был направлен в самый восточный район Югры — Ларьяк, где в первую очередь организовал новый

¹ Список населенных мест Тобольской губернии: [сост. по сведениям на 15 июля 1909 года, полученным от уездных исправников и волостных правлений]. Тобольск: издание Тобольского губернского статистического комитета, 1912. 634 с. С. 562–603.

² Труды Центрального статистического управления. Т. 1. Вып. 2. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 25 губерний Европейской и Азиатской России. Москва: 14-я типография МСНХ, 1921. 19 с. С. 5–6.

ревком, а прежний из-за неблагонадежности его членов, распустил. Им оставлено краткое описание тяжелых условий жизни коренного населения¹, но никаких статистических сведений автором о численности населения Ларьяка и близлежащей округи не приводилось. Поездки представителей губернских властей на Север имели выраженную прагматическую цель и после подавления крестьянского восстания 1921 г., о чем в местных газетах периодически сообщалось в виде кратких информационных заметок, отмечавших трудности материально-бытовой жизни острок.

Сведения о численности населения Сургутского уезда после вторичного установления советской власти отразились в материалах Сургутской конференции беспартийных, состоявшейся 10–17 октября 1920 г. Численность населения составляла 11 008 чел.² (напомним, что в конце 1918 г. население составляло в уезде 11 229 чел., т. е. сокращение весьма незначительное). Однако большая часть населения Югры размещалась все же на территории Березовского уезда, значительно превосходившего Сургутский уезд по численности населения.

Первые официальные данные, исходившие от Тюменского губернского комитета РКП (б), предназначенного для ЦК партии большевиков за 1921 г., содержали сведения о численности населения в северных уездах губернии. В отчете Тюменского ГК РКП (б) указывалось, что в Березовском уезде проживало 43996 чел. (в том числе в уездном центре — 1292 чел.); в Сургутском уезде — 13756 чел. (из них в уездном центре — 1610 чел.); всего, таким образом, в двух уездах на Севере Тюменской губернии 59 332 чел.³ Сколько из них проживало в границах территории Югры, по этим данным выяснить нельзя. Сложности установления численности населения связаны и с тем, что зачастую в статистических документах губернии сведения представлялись суммарно в рамках поселенческой сети Тобольского Севера, включавшего в себя до районирования 1923 г. населенные пункты не только Березовского и Сургутского уездов, но и частично Тобольского.

Имеющиеся статистические материалы о населении страдают неточностью, на что указывал еще В. М. Новицкий. Василий Михайлович родился в 1890 г. в купеческой семье, окончил гимназию в Тобольске, а затем Казанский университет [7]. Он в годы Гражданской войны жил в Обдорске, где учительствовал, а затем возглавил музей и в буквальном смысле спас его фонды от разграбления; после нормализации обстановки, в 1921 г. переехал в Тобольск. В. М. Новицкий долгое время являлся членом Правления общества изучения края при Музее Тобольского Севера, с 1925 г. являлся членом Тобольского и Уральского комитетов Севера, принял активное участие в разработке «Временного положения об организации судебной части на северных окраинах Тобольского округа» [3]. В. М. Новицкий писал, что в документах исполкомов данные о численности населения преувеличены по причине желания получить больше продовольственных фондов (в частности муку)⁴.

Сокращение численности населения региона в период Гражданской войны — вопрос, не изученный в историографии. В источниках и исследованиях содержатся сообщения о жертвах Гражданской войны и крестьянского восстания, о вспышках тифа, примерах голода в некоторых стойбищах, повлекших сокращение населения. Так,

¹ ГАСПИТО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 149. Л. 46.

² ГАСПИТО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 63. Л. 11.

³ ГАСПИТО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 267. Л. 16.

⁴ ГАТО в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 13. Л. 72.

Таблица 1

Население и населенные пункты Югры по районам на 1 декабря 1924 г.

Район	Количество сельских советов	Населенных пунктов на территории совета	Численность дворов / хозяйств	Численность населения
Кондинский	7	100	1010	4566
Самаровский	10	57	1632	8025
Сургутский	5	112	1011	5432
Березовский	8	149	1513	9769
Итого	30	418	5166	27 792

Источник: Список населенных пунктов Тобольского округа Уральской области / Под ред. орг.-инструкторск. отд. Тобольск: ред. газ. «Бюллетень Окрисполкома». Тобольск, 1924. 88 с. С. 1–17.

П.И. Сосунов сообщал, что эпидемия тифа 1920–1922 гг. опустошила целые селения. «Тундра мрет, катастрофически вымирает с огромной быстротой на глазах у всех», — сообщал он в Комитет Севера при ВЦИК¹.

В начале 1920-х гг. уже функционировало Тюменское губернское статистическое бюро (Губстатбюро), однако данные о его работе в районах Севера отсутствуют. В 1923 г. была проведена Всероссийская городская перепись населения, переписи торговых и промышленных заведений, положено начало обследованию семейных бюджетов [8]. Однако перепись 1923 г. в северных районах губернии снова не проводилась, хотя Сургут и Березов пребывали тогда в статусе городов.

В последующие годы стремление к получению более точных сведений о численности населения края было продиктовано процессом формирования Уральской области и ее экономическими задачами. 12 ноября 1923 г. Указом ВЦИК образован Тобольский округ, состоявший из 11 районов и 128 сельских советов.

На территории Югры в процессе административной реформы сформировали пять новых административных районов: Березовский, Кондинский, Самаровский, Сургутский и Александровский (позднее из Тобольского округа этот район будет передан в Томский округ Западно-Сибирского края). На территории Александровского района находились Ларьякский сельский совет и Нижневартовский сельский совет (территории, которые входят в современный Нижневартовский район ХМАО). Следовательно, при подсчетах численности населения Югры необходимо учитывать и население этих двух советов.

В 1924 г. была предпринята попытка по составлению перечня населенных пунктов Тобольского Севера² в районном измерении и установления проживавшего населения в соответствии с административным учетом (т. е. необходимо было выявить административно-хозяйственные единицы территории). Именно здесь представлены сведения о населении районов Югры по состоянию на 1 декабря 1924 г. В предисловии к изданию указывалось, что сведения получены от исполкомов и не всегда эти данные точны и доступны особенно по северным районам из-за необъятности и недоступности территории. Данные сведения составлялись с целью получения информации о северных районах к концу первого года районирования и предназначались для органов власти Уральской области (табл. 1).

¹ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 39. Л. 26.

² Список населенных пунктов Тобольского округа Уральской области / Под ред. орг.-инструкторск. отд. Тобольск: ред. газ. «Бюллетень Окрисполкома». Тобольск, 1924. 88 с.

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что всего в районах Югры было учтено 418 населенных пунктов, в которых проживало 27 792 чел. (5166 хозяйств). Среди районов, наиболее населенным являлся Березовский (9769 чел.). По Березовскому району составителями сделано примечание: «Сведения за отсутствием точных данных носят ориентировочный характер» [12, с. 17]. Наименее населенным являлся Кондинский район с населением 4566 чел. К этим данным следует добавить население Ларьякского и Нижневартовского сельских советов Александровского района, переданных в Томский округ, а затем возвращенных в 1931 г. Население этих советов составляло в 1924 г. по «Списку...»: Ларьякский — 1623 чел. (252 населенных пункта) и Нижневартовский — 710 чел. (176 населенных пунктов). Следовательно, население Югры составило по данным указанного источника — 30 125 чел.

В документах нередко встречаются расхождения по статистике населения. Так, по данным Тобольского Комитета Севера, в Березовском районе население составляло 11 229 чел. (по данным «Списка населенных пунктов...» — 9769), при этом отмечено, что не учтены вогулы, предполагалось, что их численность не менее 2000 чел.¹

Для определения численности населения, практиковались немногочисленные по составу экспедиции. В 1924 г. Л.Р. Шульцем² была предпринята экспедиция на Север, которая позволила уточнить сведения о численности населения Кондинского района. Было установлено 42 населенных пункта, в которых проживали 3455 чел. [2, с. 65]. По Кондинскому району данные о населении отразились и в документе ГАРФ. Речь идет о письме члена президиума Кондинского РИК И.А. Искры в Комитет содействия народностям Севера при президиуме ВЦИК от 3 июля 1925 г. В нем сообщалось, что в районе проживает 4590 чел. (1020 дворов) в 110 населенных пунктах³. Поездка сотрудников Тобольского музея к юганским осякам в 1925 г. также позволила собрать некоторые сведения о них, в частности, здесь установили наличие 177 остяцких хозяйств, при этом подсчитать население не удалось, так во многие юрты экспедиция не добралась [10, с. 50–54].

Количественные данные о национальном составе и численности населения Тобольского Севера за 1924 г. были опубликованы П.И. Сосуновым в журнале «Северная Азия» (без ссылки на источник): осяки — 18 145 чел., самоеды — 11 658 чел., зыряне — 4769 чел., вогулы — 2094 чел., русские — 19 226 чел., прочие нерусские — 59 чел. Всего, по представленным данным, население региона составляло 55 951 чел. Из них туземцы — 36 666 чел. (65,06 %) [11, с. 78].

П.И. Сосуновым был представлен доклад «Тобольский Север: его хозяйственное состояние и национальный состав», который датирован 3 октября 1924 г. В документе содержатся следующие сведения о национальном составе и численности народов: русские — 25 756 чел., осяки — 18 357 чел., самоеды — 7087 чел., вогулы — 5888 чел., зыряне — 4009 чел., всего — 61 097 чел.⁴ Следовательно, по сравнению с опубликованными данными в «Северной Азии», в этом документе численность населения отличается в сторону увеличения.

¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп.1. Д. 115. Л. 136.

² Леонид Рудольфович Шульц (род. в 1878 г.) в 1920-е гг. заведовал Тюменским окружным архивом, музеем и руководил обществом изучения Тюменского края. После проведения Приполярной переписи 1926–1927 гг. работал заместителем директора Уральского областного музея в 1928–1929 гг.

³ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 10. Л. 53.

⁴ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 39. Л. 24.

Кроме этого документа, в ГАРФ еще обнаружено три, в которых представлены данные о населении края по районам с указанием численности народов и соотношения их с русским населением. Эти документы хоть и датированы 1925 г., но первые два содержат сведения о населении за 1924 г. Первый документ, направленный П.И. Сосуновым из Комитета Севера при ВЦИК в Совет Народных Комиссаров РСФСР, датирован 13 февраля 1925 г. Выборка о численности по районам и процент русского населения представлены в таблице 2.

Таблица 2
Численность населения Тобольского Севера по районам, 1924 г.

Район	Всего населения, чел.	Процент русского, населения, %
Обдорский	21481	9,65
Березовский	11229	29,40
Кондинский	4556	36,07
Самаровский	8025	87,67
Сургутский	5432	47,01
Александровский	5208	43,67
Итого	55951	

Источник: ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 10. Л. 52.

Сведения, представленные в таблице 2, демонстрируют, что в четырех районах Югры доля коренного населения составляла большинство (кроме Самаровского). По четырём районам Югры численность населения составила 29 242 чел., эти данные весьма близки к тем, что опубликованы в «Списке населенных пунктов...», а по общей численности населения полностью совпадают с данными статьи, опубликованной П.И. Сосуновым в журнале «Северная Азия». Следовательно, в основу представленных сведений автором были положены данные из «Списка населенных пунктов...».

Второй документ отправлен был Уральским комитетом Севера в Комитет Севера при ВЦИК и датирован 29 июня 1925 г. В нем содержатся данные о численности населения по районам Тобольского Севера и национальном составе населения региона: вогулы — 2094; остяки — 15 206 чел., самоеды — 11 658 чел., русские — 16 947 чел., зыряне — чел., прочие — 57 чел. В районном измерении численность населения была следующей: Обдорский — 21 481 чел., Березовский — 11 229 чел., Сургутский — 5432 чел., Самаровский — 8025 чел., Кондинский — 4566 чел. Общая численность — 50 733 чел.¹ Эти данные полностью совпадают со сведениями, приведенными в документе № 1 (без Александровского района, так как уже решался вопрос о передаче его в Запсибкрай). Численность населения по районам Югры, если вычесть Обдорский район, составила 29 252 чел. Составителем этого документа секретарем Поспеловым сделана приписка, в которой сообщалось, что кочующее население в большинстве случаев не учтено. Им приведены данные по вогулам, в соответствии с которыми их не 2094 чел., а должно быть не менее 4–5 тыс. чел. (в том числе 2 тыс. чел. в Березовском районе).

Третий документ представлен в Комитет Севера при ВЦИК Обь-Иртышским окружным Союзом кооперативов. Это ходатайство от 25 сентября 1925 г. о снабжении населения продовольствием ввиду его тяжелого положения, в связи с чем и сообщались данные о численности населения региона: остяки — 18 303 чел., самоеды — 11 558 чел., вогулы — 2094 чел., зыряне — 4769 чел., русские — 18 226 чел., всего — 55 050 чел.² В этом документе представленные сведения отличаются от данных документа № 2: численность остяков — 18 303 чел., (было 15 206 чел.), русские — 18 226 чел. (было 16 947), группа «прочие» не выделена.

¹ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 115. Л. 136.

² ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 115. Л. 19-30.

Итак, в основу оперативных данных о населении края в середине 1920-х гг. были положены сведения «Списка населенных пунктов...». Составители указанного справочно-информационного издания использовали для его составления данные, предоставленные исполкомами районных советов, те, в свою очередь, руководствовались сведениями, полученными из населенных пунктов, входящих в сельский совет; от кочевников информация почти не поступала. Эти сведения носили весьма приблизительный характер. В отличие от Обдорского края, подавляющее большинство коренного населения Югры жили оседло. Большая часть остяков вела полукочевой и незначительная часть — кочевой образ жизни, однако сведений демографического характера о них было крайне мало. Огромная территория и труднодоступность в транспортном отношении являлись существенными факторами, сдерживавшими получение сведений о проживавшем населении.

Анализ имеющихся данных позволяет определить численность населения по четырем районам Югры (без населенных пунктов Александровского района) — 29242 чел.; с прибавлением населения двух сельских советов (Ларьякский и Нижневартовский) численность населения составила 30 125 чел. В дальнейшем Всесоюзная перепись населения зимой 1926/1927 г., в которой не отражен учет кочевого населения, показала, что общая численность населения, исходя из подсчета данных по 4 административным районам Югры, составила 36 889 чел.¹

Заключение

Первые попытки получить сведения о численности населения северных районов были предприняты органами советской власти в конце 1918 г. и в конце 1920 г. По этим данным установить численность населения по населенным пунктам Югры не представляется возможным, так как они содержат информацию по двум северным уездам в общем исчислении. В процессе районирования Уральской области составленный «Список населенных пунктов Тобольского округа Уральской области» стал единственным источником сведений о численности населения, которыми оперировали органы местной, региональной и центральной власти. Административный учет проживавшего населения выявил на территории Югры 30 125 чел. Эти сведения, как покажет Всесоюзная перепись 1926/1927 г., являлись весьма приблизительными и не охватили учетом довольно значительную часть населения Югры (перепись учла 36 889 чел.). Исследование демографического характера по периоду первой половины 1920-х гг. затруднено тем, что имеющаяся информация весьма скудно представлена в источниках, отразивших происходившие общественно-политические процессы тех лет, что не создает условий для оптимистических ожиданий на предмет обнаружения более точных сведений.

Список источников

[1] *Алексеева Л. В.* Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 годах: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002. 264 с.

[2] *Белобородов В.* Экскурсия на реку Салым // Югра. 2000. № 2. С. 66-71.

[3] Бюллетень общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1929. № 1-2. 54 с.

¹ Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г. Краткий стат. спр. Свердловск: Издание Уральского областного статистического управления, 1928. 571 с. С. 550.

[4] Корнилов Г. Г., Корнилов Г. Е., Михалев Н. А. История Уральского Севера в исторических документах // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 95-107.

[5] Корнилов Г. Е. Население Ямала в XX в.: процесс формирования // Уральский исторический вестник. 2014. № 2. С. 136-142.

[6] Кузакова Е. Конда: страницы истории // Югра. 2000. № 1. С. 65-68.

[7] Маслова О. Знаком Обского Севера (К 130-летию краеведа Василия Михайловича Новицкого). https://ugra-news.ru/article/znatok_obskogo_severa/ (дата обращения: 28.01.2023).

[8] Менова Н. Ф., Сараева Л. О., Маркова В. А. О развитии государственной статистики в Тюменской области. https://nsuem.ru/science/publications/science_notes/2010_3/3.pdf (дата обращения: 01.02.2023).

[9] Михалев Н. А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 196 с.

[10] Несколько слов и цифр об остяках р. Югана // Наш край. 1925. № 2-3. С. 50-54.

[11] Сосунов П. И. Тобольский Север // Северная Азия. 1925. Кн. 4. С. 76-84.

[12] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.) / сост. Радченко Н. Д., Смирнова М. А. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. 320 с.

[13] Цысь В. В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны 1917-1921 гг. Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2005. 268 с.

References

[1] *Alekseeva L. V.* Northwestern Siberia in 1917-1941: National-State Construction and Population. Nizhnevartovsk: Nizhnevart. ped. in-t, 2002. 264 p.

[2] *Beloborodov V.* Excursion to Salym River // Yugra. 2000. № 2. P. 66-71.

[3] Bulletin of the Society for the Study of the Edge at the Museum of the Tobolsk North. 1929. № 1-2. 54 p.

[4] *Kornilov G. G., Kornilov G. E., Mikhalev N. A.* The history of the Ural North in historical documents // Ural Historical Bulletin. 2005. No. 12. P. 95-107.

[5] *Kornilov G. E.* The population of Yamal in the twentieth century: the process of formation // Ural Historical Bulletin. 2014. No. 2. P. 136-142.

[6] *Kuzakova E.* Konda: pages of history // Yugra. 2000. No. 1. P. 65-68.

[7] *Maslova O.* The Connoisseur of Ob North (To the 130-th Anniversary of a Regional Ethnographer Vasilii Mikhaylovich Novitskiy). https://ugra-news.ru/article/znatok_obskogo_severa/ (accessed on: 28. 01. 2023).

[8] *Menova N. F., Sarayeva L. O., Markova V. A.* On the Development of State Statistics in the Tyumen Oblast. https://nsuem.ru/science/publications/science_notes/2010_3/3.pdf (accessed on: 01.02.2023).

[9] *Mikhalev N. A.* Population of Yamal in the First Half of the Twentieth Century (Historical and Demographic Analysis). Ekaterinburg: Ural Branch of RAS, 2010. 196 p.

[10] A Few Words and Figures about Ostyaks of Yugan river // Our Region. 1925. No. 2-3. P. 50-54.

[11] *Sosunov P. I.* The Tobolsk North // North Asia. 1925. P. 76-84.

[12] The Fates of Peoples of the Ob-Irtysh North (from the History of Nation-State Building. 1822-1941) / ed. by N. D. Radchenko, M. A. Smirnova. Tyumen: IPP Tyumen, 1994. 320 p.

[13] *Tsyy V. V.* The North of Western Siberia During the Civil War (1917-1921). Monograph. Nizhnevartovsk: Nizhnevart. ped. in-t, 2005. 268 p.

Информация об авторах

Алексеева Любовь Васильевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и документоведения, Нижневартровский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-1870-4052> (Российская Федерация, 628600, г. Нижневартовск, ул. Мира, 36; e-mail: lvalexeeva@mail.ru).

About the authors

Lyubov V. Alekseeva — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department for Russian History and Document Science, Nizhnevartovsk State University; <https://orcid.org/0000-0002-1870-4052> (3B, Mira St., Nizhnevartovsk, 628600, Russian Federation; e-mail: lvalexeeva@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-2>

УДК 314.1

JEL classification: I1, J13, J17

РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В 1980-Е ГГ.¹

Н. А. Араловец

Институт российской истории РАН (г. Москва, Россия)

Автор для корреспонденции: Н. А. Араловец (aralovetz@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается состояние репродуктивного здоровья мужчин и женщин в РСФСР 1980-е гг. На основе архивных и опубликованных данных, а также статистических, демографических, исторических методов исследования показывается, что в 1980-е гг. в РСФСР нарастали проблемы, связанные с репродуктивным здоровьем мужчин и женщин. Это явление недостаточно изучено в отечественной и зарубежной историографии. Негативные проявления в репродуктивном здоровье объясняются социально-экономическими и другими факторами. В эти годы мужчины и женщины болели инфекционными, сердечно-сосудистыми, онкологическими заболеваниями, что свидетельствовало о развитии эпидемиологического и демографического переходов. Уровень репродуктивного здоровья мужчин и женщин сказывался, в частности, на демографической ситуации в стране. В конце 1980-х гг. в РСФСР показатели рождаемости снижались, смертности увеличивались, естественного прироста населения сокращались. В последующие десятилетия в РСФСР демографическая ситуация заметно ухудшилась. Статья адресована научным работникам, преподавателям, бакалаврам, магистрантам и аспирантам.

Ключевые слова: РСФСР; мужчины; женщины; репродуктивность; здоровье

Reproductive Health of Russian Men and Women in the 1980s

N. A. Aralovets

Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia)

Corresponding author: N. A. Aralovets (aralovetz@yandex.ru)

Abstract. The article examines the reproductive health of men and women in the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) in the 1980s. Based on archival and published data, as well as statistical, demographic, historical research methods, the study shows that in the 1980s in the RSFSR, problems related to the reproductive health of men and women increased. This phenomenon is insufficiently studied in Russian and foreign historiography. Negative developments in reproductive health are explained by socio-economic and other factors. During these years, men and women suffered from infectious, cardiovascular and malignant diseases, which indicated the epidemiological and demographic transitions. The reproductive health of men and women affected the demographic situation in the country. At the end of the 1980s, in the RSFSR, birth rates and natural population growth were declining, mortality rates were increasing. In the following decades, the demographic situation in the RSFSR deteriorated remarkably. The findings can be useful for researchers, teachers, undergraduate and graduate students.

Keywords: RSFSR; men; women; reproduction; health

Введение

Репродуктивное здоровье мужчин и женщин, связанное с воспроизводством будущих поколений, составляет важнейшую проблему и для человека, и для общества. Его изучение имеет неизменную актуальность в научном и общественном

¹ ©Араловец Н. А. Текст. 2023.

контекстах. Репродуктивное здоровье определяется совокупностью разнообразных социально-экономических, экологических, демографических и других факторов. Воспроизводство здорового потомства оказывает существенное влияние на организм мужчин и женщин и на состояние их здоровья в целом. Важно изучать репродуктивное здоровье в связи с состоянием здоровья населения, его влиянием на здоровье потомства. Особое значение приобретает рассмотрение этой проблемы в РСФСР в 1980-е гг., в преддверии масштабного демографического кризиса. Тем более, что проблемы репродуктивного здоровья недостаточно изучались в историко-демографических работах. Целью статьи стали изучение репродуктивного здоровья мужчин и, особенно, женщин в РСФСР в 1980-е гг., рассмотрение социально-демографических мер, направленных на оздоровления населения, их влияние на показатели рождаемости.

Обзор литературы

В условиях труднодоступности и малочисленности архивных и опубликованных данных в историографии репродуктивное здоровье мужчин и женщин в РСФСР в 1980-е гг. исследовалось недостаточно полно. Внимание исследователей, главным образом, медиков привлекали отдельные аспекты проблемы. Рассматривались особенности организации в СССР родовспоможения и гинекологической помощи женщинам [1]. Показывались факторы, влиявшие на принятия женщинами решения прервать беременность. Вместе с тем раскрывались негативные влияния аборт на репродуктивное здоровье женщин [2–4]. Изучались разнообразные вопросы материнской смертности [5]. В 1990–2000-е гг. доступность, прежде всего, архивных материалов усилила научный интерес к репродуктивному здоровью преимущественно женщин. Эта проблема изучалась в контексте демографической модернизации России [6]. Отдельные сюжеты ставились в коллективных [7] и индивидуальных работах исследователей разных научных специализаций [8–10]. В эти годы проблемы репродуктивного здоровья мужчин практически не исследовались. Таким образом, рассматриваемая проблема не стала объектом самостоятельного изучения.

Материалы и методы

Репродуктивное здоровье мужчин и женщин изучается на архивных и опубликованных данных текущей и медицинской статистики, а также проведенных социологических обследований. Методология работы обусловлена основными положениями концепции демографического перехода [6, с. 137–139; 8, с. 7–32]. Изучаемая проблема исследовалась статистическими, демографическими и историческими методами. Исползованные в работе источники и литература позволили автору раскрыть поставленную в статье проблему.

Результаты

В 1980-е гг. в РСФСР, особенно в городах, нарастали проблемы, связанные с репродуктивным здоровьем мужчин и женщин. Медики отмечали, что репродуктивное здоровье было обусловлено совокупностью таких факторов, как санитарная культура, эффективная система здравоохранения, профессиональная подготовка медицинских кадров, состояние здоровья населения в целом и др.

Женщины репродуктивных возрастов наиболее часто имели патологию шейки матки (эрозия и энтропион шейки матки). В РСФСР на 100000 женщин репродуктивных возрастов имели эрозию и энтропион шейки матки в 1985 г. — 806,9, в 1990 г. — 711,3.

Хронические воспаления при эктропионе шейки матки влияют на развитие других патологий, в т. ч. злокачественных новообразований. Тем более что широко распространялись опасные злокачественные новообразования, в т. ч. молочной железы соответственно — 237,2 и 246,9 на 100 000 женщин (в 1980 г. — 228,0). Диагностировался у женщин алкоголизм и алкогольные психозы — 64,2 и 37,1.

Общее состояние здоровья женщин отражалось на течение их беременности, а также на родах и послеродовом периоде. Из числа женщин, закончивших беременность, страдали поздним токсикозом в 1980 г. — 8,3 %, в 1985 г. — 8,9 %, в 1990 г. — 10,7 %, анемией — 3,6 %, 5,4 %, 12,1 %, болезнями системы кровообращения — 3,5 %, 4,3 %, 5,1 %, болезнями мочеполовой системы — 2,3 %, 3,5 %, 5,9 %.

В ходе проводимых медицинских осмотров было установлено, что у беременных женщин был распространен токсикоз второй половины беременности с тяжелыми последствиями для здоровья матери и плода, а также заболевания, не зависевшие от беременности и родов (сердечно-сосудистые болезни, анемия, хронический пиелонефрит и др.). Эти болезни воздействовали на репродуктивное здоровье женщин. Роды женщин особенно осложняли нарушения родовой деятельности — на 1000 родов таких нарушений было в 1980 г. — 59,6, в 1990 г. — 93,1, болезни системы кровообращения — 24,6 и 32,6, анемия — 19,6 и 65,1, болезни мочеполовой системы — 17,0 и 43,5, кровотечения — в 1985 г. — 22,0, в 1990 г. — 22,5¹. Приведенные данные свидетельствовали о повышении показателей патологий, заметно осложнявших роды.

В конце 1980-х гг. при медицинских осмотрах у беременных женщин врачи преимущественно находили анемию и поздний токсикоз. В 1989 г. в РСФСР из числа осмотренных в лечебно-профилактических учреждениях (система Министерства здравоохранения СССР) беременных женщин были выявлены: поздний токсикоз — 10,6 %, анемия — 9,8 %, болезни почек — 5,1 %, заболевания сердечно-сосудистой системы — 4,9 %. В СССР в целом осмотренные беременные женщины чаще, чем в РСФСР, болели анемией — 14,8 %, но реже поздним токсикозом — 8,1 %, а также болезнями почек — 3,9 % и сердечно-сосудистыми заболеваниями — 3,7 %².

Проведенные исследования показали, что в промышленных городах, особенно при длительном проживании, уровень патологии беременности и родов и послеродового периода у женщин заметно повышался. Это явление негативно сказывалось и на состоянии здоровья детей. Исследователи отмечали, что патология беременности и родов оказывала влияние на развитие у детей нервно-психических расстройств [11].

Одним из факторов, влиявших на репродуктивное здоровье женщин, было искусственное прерывание беременности (аборт). В 1980-е гг. в РСФСР число абортотворений увеличивалось. На 100 родов (включая мертворожденных) было абортов в 1985 г. — 191,5, в 1989 г. (по данным лечебно-профилактических учреждений системы Министерства здравоохранения) — 196,0. В конце 1980-х гг. увеличение числа абортов было обусловлено, в частности, включением данных об их производстве на ранних стадиях беременности (мини-аборты). В СССР фиксировалось аналогичное явление — 130,7 и 131,5.

В РСФСР, и особенно в СССР, у женщин репродуктивных возрастов 15–49 лет отмечалось снижение показателей абортов. На 1000 женщин в возрасте 15–49 лет было произведено абортов в РСФСР в 1980 г. — 122,8, в 1985 г. — 123,6, в 1989 г. — 117,5; в СССР — 102,3, 100,3, 95,6. Однако эти показатели оставались высокими.

¹ Российский статистический ежегодник, 2001: стат. сб. Москва: Госкомстат России, 2001. С. 252-253.

² Охрана здравоохранения в СССР: стат. сб. Москва: Финансы и статистика, 1990. С. 74-76.

Вместе с тем снижалось число родов — на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет роды составляли: в РСФСР в 1985 г. — 64,6, в 1989 г. — 59,9; в СССР — 76,5 и 72,7¹.

В 1980-е гг. в РСФСР ухудшалось репродуктивное здоровье мужчин. Медики отмечают, что репродуктивный потенциал мужчин зависит от многочисленных факторов, в т. ч. наследственных и приобретенных, непосредственно связанных с образом жизни. Негативное влияние на репродуктивное здоровье мужчин оказывают инфекционно-воспалительные болезни, эндокринные и другие заболевания, а также алкоголизм.

Здоровье мужчин и женщин, в т. ч. репродуктивное, отражалось на здоровье новорожденных. Увеличивалось число рожденных детей, больными или заболевшими позднее (масса тела 1000 г и более): в 1980 г. — 7,9 % (от числа родившихся), в 1985 г. — 9,1 %, в 1990 г. — 14,8 %. У новорожденных диагностировали врожденные аномалии, патологию развития плода и отдельных состояний, возникавших в перинатальный период (гипоксию плода, его недостаточный или избыточный рост, внутриутробную гибель и другие отклонения в состоянии, родах и т. д.). Кроме того, рождались недоношенные дети (родившиеся при сроке менее 37 полных недель, т. е. до 260 дня беременности, с массой тела менее 2500 г, ростом менее 45 см), нуждавшиеся в особом, в т. ч. медицинском внимании².

Данные лечебно-профилактических учреждений Министерства здравоохранения СССР демонстрируют, что в 1980-е гг. РСФСР входила в состав союзных республик, выделявшихся по числу детей, рожденных недоношенными. Однако в РСФСР рожденных недоношенных детей было численно меньше, чем в других союзных республиках. На 1000 родившихся живыми недоношенные дети составляли: в РСФСР в 1980 г. — 51,5, в 1986 г. — 51,7; в Молдавии — 52,5 и 52,9, в Армении — 53,8 и 55,6, в Эстонии — 52,0 и 55,0. В Таджикистане число таких детей было заметно выше — 58,1 и 54,5.

В 1980-е гг. в РСФСР и в Молдавии отмечалось незначительное повышение числа недоношенных детей. В Армении и Эстонии увеличение их численности было намного заметнее. Вместе с тем в Таджикистане число рожденных недоношенных детей снижалось. В СССР в целом число детей, рожденных недоношенными, имело стабильный характер — 49,1 и 49,1

В 1980-е гг. в городах и сельских местностях РСФСР фиксировались мертворождения. Исследователи отмечали, что причина такого явления в большинстве случаев связана с токсикозами второй половины беременности матери. В РСФСР на 1000 родившихся живыми и мертвыми умерло в перинатальный период в 1980 г. — 9,0, в 1985 г. — 9,3, в 1989 г. — 9,0. В российских городах их уровень был выше, чем в РСФСР в целом — 10,2, 10,2, 9,7 соответственно. Приведенные показатели его снижение в конце 1980-х гг. В сельских местностях были наиболее низкие показатели мертворождений — 6,4, 7,3, 7,4. Однако в сельских местностях, в отличие от городов, эти показатели немного увеличились.

В СССР уровень мертворождений был выше, чем в РСФСР. В середине 1980-х гг. он повысился — на 1000 родившихся живыми и мертвыми умерло в перинатальный период в 1980 г. — 9,1, в 1986 г. — 9,9³. В эти годы в РСФСР показатели мертворождений также повышались.

¹ Там же. С. 60; Население СССР, 1987: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 319.

² Российский статистический ежегодник, 2001. С. 253.

³ Демографический ежегодник, 2005: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2005. С. 292-296; Население СССР, 1987. С. 349.

Тем не менее в 1980-е гг. в российских городах в общем числе родившихся число мертворождений было низким — 1,0 %. Это явление было характерно для сельских местностей и РСФСР в целом. В конце 1980-х гг. в городах РСФСР численность младенцев, родившихся живыми, составляла 99,0 %, мертвыми — 1,0 %; в сельских местностях — 99,3 % и 0,7 %, в РСФСР в целом — 99,1 % и 0,9 %. Наибольшее число мертворожденных детей отмечалось в городах Центрального региона, а также Уральского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного регионов.

Среди мертворожденных младенцев численно преобладали мальчики. В РСФСР на 1000 родившихся живыми и мертвыми умерло мальчиков в 1980 г. — 9,9, в 1989 г. — 9,6, девочек — 8,2 и 8,4 соответственно. Однако в 1980-е гг. коэффициент мертворожденных мальчиков немного снизился, девочек — повысился, особенно в 1987 г. (8,9 %). В российских городах мертворожденные мальчики составляли в 1980 г. 55,5 %, девочки — 44,5 %, в 1982 — 55,4 % и 44,6 %, в 1984 гг. — 54,2 % и 45,8 %¹. Репродуктивное здоровье мужчин и женщин наряду с другими факторами влияло и на состояние здоровья новорожденных, и на показатели рождаемости населения в целом.

В первой половине 1980-х гг. в российских городах показатели рождаемости населения имели естественные колебания в сторону увеличения и снижения. В 1982 г. и особенно в 1983 г. видно их повышение — на 1000 чел. населения родилось в городах в 1980 г. — 15,8, в 1982 г. — 16,3, в 1983 г. — 17,2. В последовавшие 1984 и 1985 гг. уровень рождаемости немного понизился, в 1986 г. — повысился, но был ниже уровня 1983 г. — 16,5, 16,1, 16,7 соответственно. Следует отметить, что в эти годы в городах РСФСР уровень рождаемости населения был выше, чем в 1970-е гг.

Наиболее высокие коэффициенты рождаемости населения отмечались в городах таких местностей, как районные поселения Агинское, Усть-Ордынское, Агинский Бурятский автономный округ. Тем не менее в 1984 г. в городах районного поселения Агинское и Агинского Бурятского автономного округа показатели рождаемости населения повысились, в городах районного поселения Усть-Ордынское — понизились. На 1000 чел. населения родилось в 1982 в городах районных поселений Агинское — 28,6, Усть-Ордынское — 28,5, Агинского Бурятского автономного округа — 27,0, в 1984 г. соответственно — 31,8, 25,1, 30,9.

Однако во второй половине 1980-х гг. в городах РСФСР уровень рождаемости ежегодно снижался: на 1000 чел. населения родилось в 1987 г. 16,6, в 1988 г. — 15,4, в 1989 г. — 14,0, в 1990 г. — 12,7. В конце 1980-х гг. в российских городах показатели рождаемости были ниже по сравнению с показателями конца 1970-х гг.

В 1980-е гг. в сельских местностях, а также в РСФСР в целом фиксировались аналогичные явления. В то же время в городах коэффициенты рождаемости населения были ниже, чем в сельских местностях и в РСФСР в целом. На 1000 чел. населения родилось в сельских местностях в 1987 г. — 18,6, в 1988 г. — 17,6, в 1989 г. — 16,4, в 1990 г. — 15,5. В РСФСР соответственно — 17,2, 16,0, 14,6, 13,4².

Изучение показателей рождаемости показало их зависимость от численности женщин детородных возрастных групп в возрастном составе населения РСФСР. Так,

¹ Демографический ежегодник России, 1998: стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998. С. 359-360 (подсчеты автора) Демографический ежегодник, 2005. С. 292-296; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4-21. Оп. 65. Д. 1920. Л. 4-20а. Д. 2002. Л. 10-10об. Оп. 67. Д. 1812. Л. 4-17 (подсчеты автора).

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 1920. Л. 13-20; Оп. 67. Д. 1812. Л. 9, 13, 14; Демографический ежегодник России, 2003: стат. сб. Москва: Госкомстат России, 2003. С. 55-57.

сравнительный анализ данных переписей населения 1979 г. и 1989 г. свидетельствовал о численном увеличении женщин средних детородных возрастов 30–34 года (1979 г. — 11,5 % от общей численности женщин детородных возрастов, в 1989 г. — 17,7 %) и 35–39 лет (соответственно — 11,6 % и 16,6 %) в возрастном составе городских жителей. Женщины этих возрастных групп рожали вторых, третьих и более детей.

Наряду с этим за эти годы число женщин детородных возрастов понизилось в самых молодых возрастных группах: 15–19 лет (16,2 % и 13,6 %) и 20–24 года (17,8 % и 13,0 %). К тому же в активном репродуктивном возрасте 25–29 лет численность женщин в практически не изменилась. Число женщин детородных возрастов также сократилось в средних возрастах 40–44 года (14,2 % и 11,2 %) и 45–49 лет (12,1 % и 11,2 %)¹. Эти явления сказывались на уровне рождаемости населения в последовавшие годы.

Данные статистики показывают, что среди горожанок в наиболее молодых возрастах до 20 лет показатели рождаемости повышались. На 1000 женщин в возрасте 15–19 лет родилось живыми в 1969–1970 гг. — 27,0, в 1979–1980 гг. — 38,4, в 1989 г. — 45,6, а в 1990 г. — 48,1. В городах женщины репродуктивных возрастов в большинстве случаев рожали в возрастах 20–24 и 25–29 лет. Однако у сельских женщин уровень рождаемости в возрасте 20–24 года были выше, чем у городских. С увеличением возраста женщин уровень рождаемости снижался, особенно в средних возрастах 45–49 лет.

В 1980-е гг. городские женщины в среднем рожали 1–2 детей, сельские — 2–3 детей. В 1989 г. в городах РСФСР — на 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше было женщин, родивших: 0 детей — 218, 1 ребенка — 290, 2 детей — 337, 3 детей — 91, 4 детей — 29, 5 детей и более — 35. В активных репродуктивных возрастах 25–29 лет преобладали женщины с 1 ребенком — 196, 418, 336, 42, 6, 2 соответственно. В возрасте 30–39 лет женщины в основном имели 2 детей. В то же время повышалось число женщин с 3 и 4 детьми — 100, 311, 473, 91, 16, 9. В возрасте 40–49 лет в конце репродуктивного периода преобладали женщины с 1–2 детьми. В то же время фиксировалось значительное число бездетных женщин². Это явление наряду с другими факторами было связано с изменениями репродуктивных установок женщин, а также с состоянием их репродуктивного здоровья.

В первой половине 1980-х гг. в РСФСР увеличение уровня рождаемости населения было также обусловлено проведением в стране важных социально-демографических мероприятий. В 1970–1980-е гг. государство стремилось преодолеть малообеспеченность семей с детьми, стимулировать рождаемость, поддержать родителей в воспитании детей. 22 января 1981 г. ЦК КПСС и Совета министров СССР приняли постановление «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». 2 сентября 1981 г. Совет министров СССР и ВЦСПС также приняли постановление «О порядке введения частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года и других мероприятий по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». В этих постановлениях отмечалось, что женщинам предоставлялся отпуск по беременности и родам продолжительностью 56 календарных дней до родов и 56 календарных дней после родов, в случае сложных родов или рождения двух и более детей этот отпуск увеличивался до 70 календарных

¹ Семья в России: стат. сб. Москва: Госкомстат России, 1990. С. 14.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 67. Д. 1796. Л. 4-5; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Москва: Статистика России, 2005. Т. 14. С. 270; Демографический ежегодник России, 1998. С. 154; О положении семей в Российской Федерации. Москва: Юридическая литература, 1994. С. 18, 20.

дней, что способствовало оздоровлению женщин. Кроме того, по желанию женщины и при наличии у нее общего трудового стажа не менее одного года мог быть оформлен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года. За этот период женщине выплачивались пособия по государственному и социальному страхованию. Женщине по ее заявлению также предоставлялся дополнительный отпуск без сохранения заработной платы по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Особым образом поддерживались не состоявшие в браке матери. Одиноким матери получали на содержание и воспитание детей государственные пособия в размере 20 руб. в месяц на каждого ребенка.

Улучшались условия работы, позволявшие женщинам сочетать трудовую деятельность в общественном производстве и воспитание детей. Для такого сочетания предлагалось введение неполного рабочего дня, неполной рабочей недели, скользящего графика и др. К тому же женщинам с двумя и более детьми в возрасте до 12 лет предоставлялись трехдневный оплачиваемый отпуск, а также и первоочередное право на получение ежегодного отпуска летом или в другое удобное время. В случае болезни ребенка матери имели право на отпуск сроком до двух недель по уходу за детьми без сохранения заработной платы.

Матерям, работавшим или обучавшимся с отрывом от производства, по месту их работы или учебы вводились выплаты государственного единовременного пособия за счет средств государственного социального страхования: при рождении первого ребенка в размере 50 рублей, второго и третьего ребенка — 100 руб. Однако когда матери не работали и не учились, государственное единовременное пособие в размере 30 руб. при рождении первого, второго и третьего ребенка выплачивались работавшим или обучавшимся с отрывом от производства отцам по месту их работы или учебы, независимо от размера заработка или стипендии¹.

Изменялись условия труда беременных и женщин с детьми. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1987 г. «О расширении льгот работающим беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей» подчеркивалось, что по просьбе беременной женщины или матери с ребенком в возрасте до 8 лет предоставлялся неполный рабочий день. Матери с детьми в возрасте до 1 года имели право работать дома с сохранением пособия по уходу за ребенком². Одновременно в принятом постановлении Совета министров СССР и ВЦСПС от 20 октября 1987 г. «Об увеличении продолжительности оплачиваемого периода по уходу за больным ребенком» была увеличена продолжительность оплачиваемого отпуска матерям по уходу за больным ребенком³.

В 1981 г. были введены новые нормы предельно допустимых нагрузок для женщин, занимавшихся физическим трудом⁴. Введение таких норм оказывало положительное влияние на состояние здоровья женщин, в т. ч. репродуктивное.

Важное значение для здоровья населения имели принятые правительством меры по борьбе с пьянством и искоренению алкоголизма. В 1985 г. были приняты постановление Совета министров СССР (7 мая) «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» и указ Президиума Верховного Совета

¹ Свод законов СССР. Москва: Известия, 1984. Т. 2. С. 678–686.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 36, ст. 586.

³ Собрание Постановлений Правительства СССР (СП СССР). 1973. № 18, ст. 102.

⁴ Свод законов СССР. Т. 2. С. 427–428.

СССР «Об усилении борьбы с пьянством» (16 мая), введенный в действие уже с 1 июня этого года¹. Все это оздоравливало население и способствовало увеличению уровня рождаемости. Вместе с тем в РСФСР его повышение было кратковременным. Во второй половине 1980-х гг. показатели рождаемости населения ежегодно снижались. Об этом явлении также свидетельствовали возрастные коэффициенты рождаемости городских и сельских женщин. Данные статистики показывают, что у горожанок репродуктивных возрастов 15–49 лет уровень рождаемости увеличивался. Такое увеличение было особенно заметно при сравнении с аналогичными данными 1970-х гг. Однако в конце 1980-х гг. рождаемость понизилась практически до показателя 1969–1970 гг. На 1000 женщин в возрастах 15–49 лет родилось живыми в 1969–1970 гг. — 49,2, в 1979–1980 — 55,3, в 1984–1985 гг. — 58,9, в 1987 — 61,4, в 1989 — 54,0, в 1990 гг. — 49,3.

В 1980-е гг. по сравнению с 1970-ми гг. коэффициенты рождаемости значительно выросли в возрастных группах 20–29 лет, особенно в группе 20–24 года. В этих возрастах наиболее высокий уровень рождаемости был в городах Калмыцкой АССР — 176,0 и Дагестанской АССР — 174,5. Однако в городах РСФСР повышение показателей рождаемости населения фиксировалось до 1987 г. включительно. В конце 1980-х гг. видно их снижение в самых активных репродуктивных возрастах 20–29 лет. В сельских местностях отмечались близкие явления. В городах РСФСР на 1000 женщин родилось живыми в возрастах 20–24 года в 1969–1970 гг. 135,1, в 1979–1980 гг. — 141,2, в 1987 г. — 152,9, в 1990 г. — 141,5; 25–29 лет — 97,2, 93,8, 108,0, 86,1. В сельских местностях 183,8, 210,7, 232,6, 207,1; 131,9, 126,4, 187,0, 116,2.

Принимаемые социально-демографические меры также отразились на повышении суммарного коэффициента рождаемости. Тем не менее в конце 1980-х гг. видно его сокращение в городах, в сельских местностях и в РСФСР в целом. В 1988 г. суммарный коэффициент рождаемости населения сократился в городах до 1,896 ребенка, в 1990 г. — до 1,698 ребенка, т. е. был ниже показателя 1980–1981 гг. — 1700. В сельских местностях был выше, чем в городах и в РСФСР в целом. В 1980-е гг. суммарный коэффициент рождаемости населения в среднем составлял в городах — 1–2 ребенка, в сельских местностях — 2–3 ребенка, в РСФСР — 1–2 ребенка

Наиболее низкие суммарные коэффициенты рождаемости населения фиксировались в Московской и Мурманской, Ленинградской и Тульской, а также Орловской областях (в среднем 1,0–1,4 ребенка на женщину). Низкие показатели суммарной рождаемости отмечались на Камчатке и в Магадане, самые высокие традиционно были в Калмыцкой, Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Бурятской, Тувинской, Якутской АССР (в среднем 2,2–2,6 ребенка на женщину²).

Постепенное сокращение коэффициентов рождаемости населения объяснялось разными факторами. Некоторые исследователи считали, что по постановлению 1981 г. размеры пособий были обусловлены увеличением порядкового номера очередного рождения. Однако самая большая заинтересованность в таких пособиях была в многодетных семьях, прежде всего Средней Азии и Кавказа [12, с. 104].

Снижение уровня рождаемости населения в РСФСР и, прежде всего, в городах наряду с возрастанием ценностей профессиональной карьеры у женщин, сложностями

¹ Свод законов СССР. Москва: Известия, 1985. Т. 10. С. 269–270, 487–489.

² Демографический ежегодник России, 2005. С. 108, 194–195.

сочетания трудовых и семейных обязанностей, возрастанием требований мужчин и женщин к качеству жизни, снижением потребности в детях и т. д. было обусловлено также состоянием репродуктивного здоровья мужчин и женщин. Проблемы репродуктивного здоровья сказывались на снижении уровня рождаемости, а также на состоянии здоровья детей.

Обсуждение

Рассмотрение недостаточно изученных в историко-демографической литературе проблем репродуктивного здоровья мужчин и женщин, влияние здоровья родителей на заболеваемость их детей, воздействие принимаемых социально-демографических мер на оздоровление населения в целом углубляет понимание демографического и эпидемиологического переходов.

Заключение

В 1980-е гг. в РСФСР отмечались негативные явления в репродуктивном здоровье мужчин и женщин, что при наличии других факторов влияло на демографическую ситуацию. В конце 1980-х гг. в городах и сельских местностях РСФСР показатели рождаемости снижались, смертности увеличивались, естественного прироста населения сокращались. В сельских местностях и в РСФСР в целом отмечались аналогичные демографические процессы. В сложных политических, экономических, социальных условиях 1990-х гг. в городах и сельских местностях РСФСР демографическая ситуация заметно ухудшилась. Изучение архивных и опубликованных данных состояния репродуктивного здоровья мужчин и женщин, его влияния на рождаемость и на демографическую ситуацию в стране в целом раскрывает недостаточную исследованность проблемы в научной литературе.

Список источников

- [1] Ильин И. В., Блошанский Ю. М. Организация родовспоможения и гинекологической помощи в СССР. Москва: Медицина, 1980. 240 с.
- [2] Дмитриева Н. М. Забота о матери и ребенке. Москва: Медицина, 1967. 108 с.
- [3] Аборты и противозачаточные средства: клиничко-стат. исслед. / А. А. Вербенко, С. Е. Ильин, В. Н. Чусова, Т. Н. Альшевская. Москва: Медицина, 1968. 39 с.
- [4] Садвокасова Е. А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. Москва: Медицина, 1969. 191 с.
- [5] Уткин В. М. Материнская летальность, причины, структура и пути снижения. Рязань: РГМУ, 1977. 379 с.
- [6] Демографическая модернизация России / под ред. А. Вишневого. Москва: Новое изд-во, 2006. 599 с.
- [7] Население России в XX веке: исторические очерки. Т. 3, кн. 2. Москва: РОССПЭН, 2011. 295 с.
- [8] Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. Москва: Кучково поле, 2012. 320 с.
- [9] Гурко Т. А. Брак и родительство в России. Москва: Институт социологии РАН, 2008. 326 с.
- [10] Кон И. С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. Москва: Время, 2010. 245 с.

[11] *Какорина Е. П.* Социально-гигиенические особенности заболеваемости детей дошкольного возраста в условиях промышленного города // Материалы изучения состояния здоровья населения и статистического обеспечения учреждений здоровья: сб. науч. тр. Москва: ВНИИ СГ и ОЗ им. Н. А. Семашко, 1987. 194 с. С. 106-107.

[12] *Захарова О. Д.* Демографический кризис в России: уроки истории и перспективы // СОЦИС: Социологические исследования. 1995. № 9. С. 99-109.

References

[1] *Ilyin I. V., Bloschansky Yu. M.* Organization of obstetrics and gynecological care in the USSR. M.: Medicine, 1980. 240 p.

[2] *Dmitrieva N. M.* Caring for mother and child. M.: Medicine, 1967. 108 p.

[3] Abortions and contraceptives: clinical statistics. research / A. A. Verbenko, S. E. Ilyin, V. N. Chusova, T. N. Alshevskaya. M.: Medicine, 1968. 39 p.

[4] *Sadvokasova E. A.* Socio-hygienic aspects of family size regulation. M.: Medicine, 1969. 191 p.

[5] *Utkin V. M.* Maternal mortality, causes, structure and ways of reduction. Ryazan: RSMU, 1977. 379 p.

[6] Demographic modernization of Russia / ed. by A. Vishnevsky. M.: New edition, 2006. 599 p.

[7] The population of Russia in the 20th century: historical essays. Vol. 3, book 2. Moscow: ROSSPEN, 2011. 295 p.

[8] *Zhiromskaya V. B.* The main trends of demographic development of Russia in the XX century. Moscow: Kuchkovo field, 2012. 320 p.

[9] *Gurko T. A.* Marriage and parenthood in Russia. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008. 326 p.

[10] *Kon I. S.* Sexual Culture in Russia. Strawberries on the birch. Moscow: Vremya, 2010. 245 p.

[11] *Kakorina E. P.* Socio-hygienic features of morbidity of preschool children in the conditions of an industrial city // Materials for studying the state of public health and statistical support of health institutions: collection of scientific tr. M.: VNIИ SG and OZ named after N. A. Semashko, 1987. 194 p. P. 106-107.

[12] *Zakharova O. D.* Demographic crisis in Russia: history lessons and perspectives // SOCIS: Sociological Studies. 1995. No. 9. P. 99-109.

Информация об авторах

Араловец Наталья Аркадьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; e-mail: aralovetz@yandex.ru).

About the authors

Natalia A. Aralovets — Dr. Sci. (Hist.), Leading Research Associate, Institute of Russian History of RAS (19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: aralovetz@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-3>
УДК 94(470+571)+314
JEL classification: J 10, J 19

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920 Г.¹

А. А. Бурматов

Новосибирский государственный педагогический университет, Куйбышевский филиал
(г. Куйбышев, Россия); Институт истории Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-5455-4717>

Автор для корреспонденции: А. А. Бурматов (al-burmatov@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается население Западной Сибири в 1920 г. На основе итоговых материалов местной переписи в городах Каинске и Барабинске и Всероссийской демографической переписи и отчетов анализируются численность населения и его размещение в регионах Западной Сибири. Рассматриваются потери населения от эпидемии тифа и ее влияния на численность жителей. Число жертв в ходе Гражданской войны в регионе оказалось существенно выше, чем официально принято считать. Миграционные потоки смогли смягчить потери, что ранее считалось свидетельством меньшего числа жертв, понесенных населением в Сибири, по сравнению с европейской частью страны.

Ключевые слова: Западная Сибирь; население; перепись населения; демография

Urban Population of Western Siberia in 1920

A. A. Burmatov

Novosibirsk State Pedagogical University in Kuybyshev (Kuybyshev, Russia);
Institute of History of the Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-5455-4717>

Corresponding author: A. A. Burmatov (al-burmatov@yandex.ru)

Abstract. The article examines the population of Western Siberia in 1920. Based on the materials of the local census in the cities of Kainsk and Barabinsk, as well as the All-Russian Demographic Census and reports, the population and its location in the regions of Western Siberia are analysed. Population losses from the typhus epidemic and its impact on the number of inhabitants are considered. The number of victims during the civil war in the region turned out to be significantly higher than the official figure. Migration flows were able to mitigate losses, which were previously considered evidence of a smaller number of victims in Siberia, compared to the European part of Russia.

Keywords: Western Siberia; population; population census; demography

Введение

Население Сибири и ее западной части в последнее время стало активно исследоваться ученым сообществом. Вызвано это как геостратегическими проблемами, так и необходимостью изучения прошлого данной территории с целью обобщения опыта для ее экономического развития. В течение всей второй половины XX в. и в начале XXI в. наблюдается постоянный отток жителей с данной территории в другие районы страны. В то же время регион — важный центр формирования демографического и экономического потенциала РФ. Цель статьи — проследить и проанализировать формирование и протекание демографических процессов на территории Западной Сибири в начале двадцатых годов XX в. Это время окончания на этих землях гражданской войны, когда свирепствовали голод и эпидемии, которые удалось преодолеть

¹ © Бурматов А. А. Текст. 2023.

путем титанических усилий. В этот период в Западной Сибири наблюдались массовые миграции населения. Для исследования применяются общеисторические методы и методы исторической демографии. Западная Сибирь рассматривается как совокупная территория существовавших тогда Алтайской, Новониколаевской, Омской и Томской губерний. Это соответствует современным субъектам РФ: Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская область (Кузбасс), Новосибирской, Омской и Томской области.

Обзор литературы

Период для изучения был открыт в советские времена. В двадцатые годы XX в. вышел капитальный труд Е.З. Волкова [2]. Добросовестное исследование не потеряло до сих пор своей актуальности. Время выхода этой монографии — последний период нэпа по формальным признакам. Фактически он уже был завершён и началась реконструкция сельского хозяйства. Е.З. Волкову нужно было также преуменьшить потери населения в ходе революции и гражданской войны. Сибири учёный уделил особое внимание, но не разделял ее на субрегионы. Становление советской демографии рассматривал В.З. Дробижев [4], который население Сибири почти не исследовал. Обеспеченность источниками в годы Гражданской войны в Сибири оставляла желать лучшего. Население Советской страны после окончания гражданской войны изучал Ю.А. Поляков. Однако в основном его привлекли автономные регионы РСФСР и союзные республики, местности России, которые имели достаточную источниковую базу [11], но он отметил численное увеличение населения Сибири и миграционный приток в регион. Основным демографическими исследованиями занимались московские учёные. Мало исследована была демографическая история всей страны: учёных из столицы периферия интересовала мало. Следует отметить труды В.Б. Жиромской [5, 6].

Специальных исследований населения Западной Сибири в указанных временных рамках и территориальных границах не существует. Во 2-й и 3-й главах коллективной монографии «Население Западной Сибири», автором которых является В.А. Исупов, рассматривается население этого периода, но с точки зрения более широкого региона (Тюменское Прииртышье) и в других хронологических составляющих. В.А. Исупов относит временной отрезок 1920–1923 гг. к «эпохе революционных бурь (1918–1923 гг.)», а 1923–1926 гг. к периоду «золотого века демографического роста (1923–1928 гг.)» [3, с. 72–139; 8, с. 26–28; 9]. Это верно отчасти. Можно определить период 1920–1922 гг. как период последствий революции и как период, предшествующий начавшемуся демографическому росту. Достаточно указать, что естественный прирост стал отмечаться в регионе с 1922 г. Данные региональных отделов ЗАГС свидетельствуют об этом¹. Составляющим Западную Сибирь губерниям «повезло» больше. Наличествуют исследования по Новониколаевской и Алтайской губерниям [1, 7]. Имеются наработки по реконструкции естественного движения [13].

Задачи новой власти. Местная перепись в городах

После окончания боев с колчаковцами на территории Западной Сибири властям столкнулись с многочисленными проблемами. Необходимо было в ситуации, когда свирепствовали голод и эпидемии, наладить учет населения, чтобы хоть как-то обеспечить население продовольствием. Первая известная перепись населения в Сибири

¹ Отдел ЗАГС Администрации г. Куйбышева Новосибирской области. Текущий архив.

в годы Гражданской войны была проведена в январе 1920 г. (через месяц после окончания боев с колчаковцами) горпродотделом в г. Каинске. Она охватила население городов Каинска и Барабинска, которые еще официально не были признаны как два города (шло обсуждение данного вопроса. Каинские власти настаивали на выделении г. Барабинска в самостоятельный населенный пункт). Согласно ее итогам, в Каинске насчитывалось 907 семей, в которых проживало 6006 чел. В Барабинске число семей было 2850, а жителей 10 670 чел. Согласно проведенному цenzу, в Каинске учли 2820 мужчин и 3186 женщин. В Каинске преобладали женщины 53,05 % жителей, мужчины составляли 46,95 % населения. В Барабинске сложилось другое соотношение полов: мужчин 5482 чел. (51,4 %), а женщин 5188 чел. (48,6 %). Большое число беженцев, отступавших белых, мигрирующих обеспечили приращение населения по сравнению с 1917 г. и преобладание мужского населения над женским в Барабинске. Железная дорога способствовала перемещению населения, а поскольку продовольствия в Сибири было больше, то из голодающих районов сюда направился поток людей. Особенно много, согласно каинским статистикам, прибыло чувашей к родственникам в Биазинскую и Новотроицкую волости. Прибывшие «съели запасы родичей» и вернулись обратно [14, с. 2, 7–9].

Сохранились итоговые подсчеты числа жителей местными статистиками по возрасту. В Каинске во всех возрастах до 50 лет лидировали женщины. Происходящие мобилизации и боестолкновения способствовали этому. В возрасте 18–49 лет в Каинске насчитывалось 1127 чел. мужского населения (44,7 %) и 1392 чел. женского (55,3 %). Мальчики гибли чаще, чем девочки. В ходе переписи выяснилось, что среди детей до 1 года в Каинске 88 мальчиков и 90 девочек. В возрасте 1 года тоже фиксируется перевес малышей: 236 девочек (50,4 %), и 232 мальчика (49,6 %). В возрасте 5–7 лет переписано 198 мальчиков (46,8 %) и 225 девочек (53,2 %). Среди лиц 8–15 лет оказалось 585 мальчиков (44,8 %) и 639 девочек (53,2 %). Среди младшего юношества (16–17 лет) учтено 139 юношей (45,0 %) и 170 девушек (55,0 %). В возрастах 50 лет и старше учтены 451 мужчина (51,0 %) и 434 женщины (49,0 %). До революции г. Каинск являлся городом, в который прибывали мигранты. В те годы 50 лет — это уже возраст старости. Такие возрасты в гражданском конфликте практически не участвовали. Массовая гибель мужчин в ходе голода фиксируется и в церквях, где число погибших мужчин, отпетых по православному обряду, оказалось в 3 раза больше, чем женщин.

В Барабинске возрастной состав населения был представлен иначе. В нем до 1 года так же преобладали девочки: 164 (52,1 %) против 151 мальчика (47,9 %). В возрасте 1–4 года сохранилось природное преобладание сильного пола: 570 чел. (52,4 %) при 518 (47,6 %) представительницах прекрасного. В возрасте 5–7 лет отмечен перевес девочек: 489 чел. (51,5 %), мальчиков 461 (48,5 %). В возрасте 8–15 лет учтено 1085 мальчиков (46,7 %) и 1240 девочек (53,3 %). У 16–17 летних на 161 юношу (39,45) приходится 248 девушек (60,65). В этом возрасте юноши активно воевали или скрывались, чтобы избежать мобилизации. В Барабинске в возрастах с 18 по 49 лет учтено 2298 мужчин (50,3 %), женщин 2266 чел. (49,7 %). Кроме железнодорожников, которые от мобилизации освобождались, в Барабинске наличествовало большое число военных. В возрастах старше 50 лет в Барабинске доминировали женщины — 567 чел. (55,1 %), против 462 мужчин (44,9 %). И. В. Сарапулкин, возглавлявший каинскую статистическую службу, приводит информацию об отсутствующих. Согласно его данным в Каинске временно отсутствующих было 242 чел. (196 мужчин и 46 женщин), в Барабинске 90 чел. (60 мужчин и 30 женщин) [14, с. 2, 3].

Эпидемия тифа

Согласно данным чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом (Чекатиф), в городах Новониколаевской губернии количество погибших от тифа составляло десятки тысяч человек. Например, в феврале 1920 г. в Новониколаевске было сожжено 118 трупов, в Каинске — 3000. В марте ситуация была катастрофической. В Новониколаевске было погребено свыше 30000 чел., в природном селе Кривошекове — 2466 чел., в Барабинске — 572 чел., на станции Болотная — 844 чел., в Чулыме — 3000, Щегловске с уездом — 1057 чел. В этот же месяц было сожжено в Мариинске 5000 трупов, в Барабинске — 3500, в Новониколаевске — 4992 трупов. Погребенные родственниками, а не специальными командами в статистику не попали: в отчетах были только непогребенные, собранные командами Чекатифа. Среди населения ходили страшные легенды о числе погибших от тифа. Чтобы успокоить население, советская пресса оповещала населения об отсутствии страшных последствий и смертности. Орган Барабинского горuezдного исполкома РКП газета «Искры коммунизма», основанная в 1920 г. и издававшаяся в г. Каинске, писала в номере 22 от 28 марта 1920 г.: «Все трупы в Барабинске и Каинске убраны, сожжены. Слухи насчитывали в Барабинске много тысяч трупов, а оказалось их меньше тысячи. Недобрый человек их распускает. Смертность от тифа незначительна, эпидемия заметно утихает» [15].

Понятно, что в условиях эпидемии тифа, которая началась в городах, цифры переписи января 1920 г. нужно признать условными. Но они оказались очень близки данным переписи населения, проведенной на 28 августа 1920 г. советской властью по всей стране. Согласно последним в Каинске проживало 5791 (мужчин 2742, женщин 3049), а в Барабинске 8296 чел. (муж. 4027, жен. 42690). Доля мужчин в Каинске 47,3 %, женщин — 52,7 %, в Барабинске соответственно 48,5 % и 51,5 %. По сравнению с январскими данными несколько увеличился удельный вес числа мужчин в Каинске с 46,95 % до 47,3 %, в Барабинске произошло существенное снижение доли мужчин с 51,4 % до 48,5 %. Число жителей в Каинске уменьшилось с января по август 1920 г. с 6006 чел. до 5791 чел. (на 3,6 %), в Барабинске с 10670 чел. до 8296 чел. (на 22,25 %). Последнее связано с оттоком части военных и мобилизациями, более частой гибелью мужчин от тифа и прочих инфекций. К городскому населению отнесли также 2386 чел. (муж. 1146, жен. 1240), проживавших в зоне отчуждения железной дороги. Здесь доля мужчин составляла 48,0 %, женщин 52 % [10, с. 13]. Отметим, что до революции в Каинске и Барабинске преобладало мужское население. Города представляли перевалочную базу для мигрирующего населения. Резкий рост доли женщин в населении свидетельствовал об экономической разрухе и тяжести потерь в ходе пертурбаций периода с 1914–1920 гг.

Всероссийская перепись августе 1920 г.

Перепись, проведенная по состоянию на 28 августа 1920 г., фактически продолжалась до октября. ЦСУ РСФСР сообщало еще в начале ноября, что из Сибири не получено ни одного отчета с губерний. Высокая смертность от продолжавшихся эпидемий, растянутые сроки сбора данных и продолжавшаяся гражданская война не способствовали точности данного ценза. Оценка учтенного переписью населения по официальным расчетам составила 72 %. Переписью были не охвачены значительные территории страны, в том числе и в Сибири. Итоговые результаты по Западной Сибири представлены в таблице 1.

Несмотря на неполноту итогов данных переписи, можно констатировать, что наиболее урбанизированной оказалась Томская губерния с 18,2 % горожан. Это связано

Таблица 1

Население Западной Сибири по данным всероссийской переписи населения 1920 г.

Губерния	Численность населения, чел.			Доля в населении, %	
	всего	городское	сельское	городское	сельское
Алтайская	1 615 180	130 443	1 484 737	8,1	91,9
Новониколаевская	1 297 447	115 036	1 182 411	8,9	91,1
Омская	1 716 123	195 914	15 220 209	11,4	88,6
Томская	1 091 871	198 949	892 922	18,2	81,8

Источник: Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 года). Погубернские, поузедные и поволостные итоги. Новониколаевск, 1921. С. 11–16.

с наличием как старого административного центра региона — Томска, так и расположенных на ее территории рудников и шахт. Почти каждый пятый ее обитатель относился к городскому населению. На втором месте по доле городского населения — Омская губерния, на территории которой был второй административный центр бывшей Акмолинской губернии г. Омск, где концентрировались военные и административные кадры. Здесь горожанином оказался один из 9 жителей. Горожанином был один из 11 жителей Новониколаевской губернии и один из 12 жителей Алтайской губернии. Другими словами, историческая специализация территорий с более благоприятным климатом для ведения сельского хозяйства способствовала очень низкой доле горожан в Алтайской и Новониколаевской губернии. Нужно отметить быстрый рост городов в последней, связанных с транссибирской железнодорожной магистралью. Это касается Новониколаевска и Барабинска. Последний вырос за счет Каинска. Отмечена стагнация старого уездного центра Барабинской низменности. Население административных центров и крупнейших городов представлено в таблице 2.

В таблице 2 приведены все города, имеющие соответствующий статус в 1920 г. В этом перечне из числа городов в дальнейшем окончательно исчезнет Кольвань (Новониколаевской губернии) — ныне село. Боготол административно в дальнейшем окажется в составе Красноярского края, то есть отойдет к Восточной Сибири. Сам перечень городов невелик — 22 города. Без двух вышеуказанных всего 20. В Алтайской и Омской губернии — все города — уездные центры. В Новониколаевской Барабинск, Кольвань не были административными центрами. В Томской губернии таковыми не являлись Болотный, Тайга и Бототол. Большинство городов не достигали по числу жителей 10 тыс. чел. (13, или 59,1 %). До 5 тыс. жителей насчитывало население Кузнецка, Калачинска и Тюкалинска. В городе Нарыме жителей было 1 тыс., но он был административным центром одноименного края. Свыше 100 тыс. жителей насчитывал только Омск. Ближе подошел к этой численности Томск (91 тыс.), свыше 50 тыс. насчитывали Новониколаевск и Барнаул. В Бийске проживало 42 тыс. От 18 до 40 тыс. жителей городов не имелось. Промышленное развитие региона было слабым и об этом свидетельствовали данные переписи. Только в 2 городах Нарыме и Славгороде число мужчин превышало число женщин. Половину жителей Омска составляли мужчины, свыше 49 % мужчин в населении зафиксировано в Татарске. Здесь повлияли перемещения военных. В основном доля мужчин составляла 46–48 %. Сказывались мобилизации, военные потери и массовая гибель от эпидемий.

Перепись 1920 г. учла во многих городах Сибири приращение жителей по отношению к 1917 г. В Камне с 11,5 тыс. до 17,3 тыс., в Татарске с 3,0 тыс. до 7,0 тыс., в Барабинске с 5,6 тыс. до 8,3 тыс., Каинске с 4,3 тыс. до 5,8 тыс., в Славгороде с 5,0 тыс. до 10,0 тыс., в Щегловске с 3,9 тыс. до 10,4 тыс., Омске с 80,3 до 141,9 тыс.,

Население городов Западной Сибири в 1920 г.

Город	Численность населения, чел.			Доля мужчин, %
	всего	мужчин	женщин	
<i>Томская губерния</i>				
Томск	90888	43052	47836	47,4
Тайга	9372	4540	4832	48,4
Болотный	5178	2367	2811	45,7
Кузнецк	4552	2216	2336	48,7
Мариинск	12854	6309	6525	49,2
Боготол	8226	3928	4298	47,8
Щегловск	5837	2813	3024	48,2
Нарым	1046	532	514	50,9
<i>Новониколаевская губерния</i>				
Новониколаевск	67989	33029	34960	48,6
Колывань	10737	4931	5806	45,9
Каинск	5791	2742	3049	47,3
Барабинск	8296	4027	4269	48,5
Камень	17310	8239	9071	47,6
<i>Алтайская губерния</i>				
Барнаул	61905	29816	32089	48,2
Бийск	41652	19766	21886	47,6
Змеиногорск	11543	5616	5927	48,6
<i>Омская губерния</i>				
Омск	144525	72114	72411	49,9
Калачинск	3657	1712	1855	46,8
Славгород	9045	4626	4419	51,1
Тара	9451	4468	4983	47,2
Татарск	7039	3461	3578	49,2
Тюкалинск	4056	1934	2122	47,7

Источник: Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 года). Погубернские, поездные и поволостные итоги. Новониколаевск, 1921. С. 11–16. Расположение согласно источнику.

Барнауле с 56,0 до 63,9 тыс., Тайге с 7,9 тыс. до 12,4 тыс., в Бийске с 25,3 до 41,9 тыс., в Мариинске с 10,0 до 13,4 тыс. В основном это были небольшие города или расположенные на территории, которая примыкала к железной дороге и районам с развитым производством зерна, то есть «хлебные города». В то же время осталось без изменений (отклонение незначительное) в Таре, Тюкалинске. Снизилось население в городах, удаленных от мест производства продуктов: в Томске с 101,2 тыс. до 90,9 тыс. (на 10,2 %), Новониколаевске с 69,8 тыс. до 67,9 тыс. (на 2,7 %). При этом Новониколаевск — это важный транспортный узел. Однако рост был вызван наличием в городах региона огромного количества беженцев, мешочников и военных лиц. Фактически население большинства городов сократилось. Это отметила перепись городского населения в 1923 г. Она отметила сокращение население Томска (на 16 тыс., или 16,7 %), Кузнецк (на 22,5 %), Барнаула, (на 3 %), Мариинска (на 17,6 %), Тары (13,8 %), Каинска (на 6,1 %). Некоторые города, такие как Омск, Новониколаевск, несколько выросли.

Это оказались административные центры новой власти. В них проще было скрыться от репрессий [12, с. 40]. Сказались голод, эпидемии и репрессии новой власти, которые сильно повлияли на численность населения Кузнецка.

Заключение

Города Западной Сибири в 1920 г. понесли огромные демографические потери. Это хорошо просматривается на материалах городов Каинска и Барабинска, власти которых в условиях войны смогли провести местную перепись в январе 1920 г. и осуществить общероссийский перепись в августе — октябре 1920 г. Несмотря на огромный приток мигрирующего населения (военные, беженцы, мешочники) численность населения уменьшалась. Эпидемии, голод способствовали этому.

Список источников

[1] Бурматов А. А. Население Новониколаевской губернии // К 100-летию образования Новониколаевской губернии и перенесению в Новониколаевск административного центра Сибири. Мат-лы круглого стола. Новосибирск, 10 июня 2021 г. / отв. ред. О. Н. Катионов. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. С. 14-25.

[2] Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1930. 272 с.

[3] Демографическая история Западной Сибири конец XIX-XX вв. / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2017. 350 с.

[4] Дробижнев В. З. У истоков Советской демографии. Москва: Мысль, 1987. 221 с.

[5] Жиромская В. Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. Москва: Наука, 1988. 168 с.

[6] Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 200 с.

[7] Косыгина С. В. Воспроизводство населения Новониколаевской и Алтайской губернии в 1920–1927 гг. // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2019. № 6(101). С. 62-66.

[8] Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. 168 с.

[9] Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред. Н. Я. Гушин, В. А. Исупов. Новосибирск: СО РАН, 1997. 172 с.

[10] Население Сибири: (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 г.). Погубернские, поездные и поволостные итоги. Новониколаевск: Сибстатуправление. 45 с.

[11] Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. Москва: Наука 1986. 272 с.

[12] Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибкрае. Новониколаевск: Сибкрайстатотдел, 1927. 64 с.

[13] Рябцева И. А. Воспроизводство населения Западной Сибири в 1920-1930 гг. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск: НГУ, 2008. Вып. 8. С. 110-118.

[14] Сарапулкин И. В. Каинский уезд: статистический очерк. Каинск, 1922. 65 с.

[15] Трупов нет. Хроника // Искры коммунизма (г. Каинск). № 22. 1920, 28 марта.

[16] Чекатиф: Томская (Новониколаевская) губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (декабрь 1919 г. — апрель 1920 г.). Сб. документов и мат-лов. Новосибирск: Государственный архив, 2021. 200 с.

References

- [1] *Burmatov A. A.* The population of Novonikolaevsk province // To the 100th anniversary of the formation of Novonikolaevsk province and the transfer of the administrative center of Siberia to Novonikolaevsk: materials of the round table (Novosibirsk, June 10, 2021) / ed. by O. N. Kationov. Novosibirsk: Publishing House of NGPU, 2021. P. 14-25.
- [2] *Volkov E. Z.* Population dynamics of the USSR for eighty years. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1930. 272 p.
- [3] Demographic history of Western Siberia at the end of the XIX-XX century / ed. by V.A. Isupov. Novosibirsk: AI SB RAS, 2017. 350 p.
- [4] *Drobizhev V. Z.* At the origins of Soviet demography. Moscow: Mysl, 1987. 221 p.
- [5] *Zhiromskaya V. B.* The Soviet city in 1921-1925: problems of social structure. Moscow: Nauka, 1988. 168 p.
- [6] *Zhiromskaya V. B.* After Revolutionary Storms: Population of Russia in the First Half of the Twenties. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2019. 200 p.
- [7] *Kosygina S. V.* Population Reproduction of the Novonikolaevsk and Altai Provinces in 1920-1927 // Izvestiya of Altai State University. Historical sciences and archeology. 2019. No. 6 (101). Pp. 62-66.
- [8] *Moskovskiy A. S., Isupov V. A.* Formation of the urban population of Siberia (1926-1939 years). Novosibirsk: Nauka, 1984. 168 p.
- [9] The population of Western Siberia in the twentieth century / ed. N. Ya. Gushchin, V. A. Isupov. Novosibirsk: SB RAS, 1997. 172 p.
- [10] The population of Siberia (based on the materials of the All-Russian Demographic Census of 1920). Pogubern, county and county results. Novonikolaevsk: Sibstatupravlenie. 45 p.
- [11] *Polyakov Yu. A.* The Soviet country after the end of the Civil War: territory and population. Moscow: Nauka 1986. 272 p.
- [12] Preliminary results of the demographic census of 1926 in Sibkray. Novonikolaevsk: Sibkraistatoddel, 1927. 64 p.
- [13] *Ryabtseva I. A.* Reproduction of the population of Western Siberia in 1920-1930. // Questions of the history of Siberia of the twentieth century. Novosibirsk: NSU, 2008. No. 8. Pp. 110-118.
- [14] *Sarapulkin I. V.* Kainsky uyezd. Statistical essay. Kainak, 1922. 65p.
- [15] There are no corpses. Chronicle // Sparks of Communism (Kainak). No. 22. 1920, 28 March.
- [16] Chekatif: Tomsk (Novonikolaevskaya) provincial Emergency Commission to combat typhus (December 1919–April 1920). Collection of documents and materials. Novosibirsk: State Archive, 2021. 200 p.

Информация об авторах

Бурматов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, Куйбышевский филиал Новосибирского государственного педагогического университета; научный сотрудник, Институт истории СО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-5455-4717> (Российская Федерация, 632387, г. Куйбышев, ул. Молодежная, 7; 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: al-burmatov@yandex.ru).

About the authors

Alexander A. Burmatov — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University in Kuybyshev; Research Associate, Institute of History of the Siberian Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-5455-4717> (7, Molodezhnaya St., Kuybyshev, 632387; 8, Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: al-burmatov@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-4>

УДК 94(47).84+314.7

JEL classification: J11

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КРУПНЫХ ГОРОДОВ УРАЛА В XX В. (на примере Екатеринбурга)¹

О. В. Горбачев

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-2911-3100>

Автор для корреспонденции: О. В. Горбачев (og_06@mail.ru)

Аннотация. На основе доступной статистики в статье анализируется динамика изменения факторов миграционной активности населения Екатеринбурга — Свердловска в XX в. На протяжении столетия изменение численности городского населения обеспечивалось действием одного или нескольких факторов, в том числе достигнутым уровнем экономической активности и удобной логистикой. Подобно другим российским городам, росту населения Свердловска в значительной степени способствовало обретение статуса административного центра. В дальнейшем, в том числе в годы первых пятилеток наблюдается совокупное действие нескольких факторов. Развитая транспортная система не только способствовала активному притоку населения, но и облегчала его отток. Поэтому численность населения города быстро менялась в годы войн, когда приходили в движение многочисленные людские контингенты. Во второй половине XX в. на первый план выходит фактор притяжения большого города с развитой инфраструктурой. В постсоветский период значение экономического фактора в миграционной активности вновь возрастает, в том числе во внешнем миграционном обмене.

Ключевые слова: миграция; население; Урал; Екатеринбург; Свердловск

Migration as a Factor in the Development of Large Cities in the Urals in the 20th Century (the Example of Ekaterinburg)

O. V. Gorbachev

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-2911-3100>

Corresponding author: O. V. Gorbachev (og_06@mail.ru)

Abstract. Using available statistics, the article analyses the dynamics of changes in the factors of migration activity of the population in Ekaterinburg-Sverdlovsk in the 20th century. Over the course of a century, the size of the urban population changed under the influence of various factors, including the level of economic activity achieved and convenient logistics. Like in other Russian cities, the growth of the population of Sverdlovsk was largely facilitated by the acquisition of the status of an administrative center. Later, including during the years of the first five-year plans, the combined effect of several factors was recorded. The developed transport system not only contributed to the active influx of the population, but also facilitated its outflow. Therefore, the city population changed rapidly during the years of wars, when numerous groups of people were in motion. In the second half of the 20th century, the factor of a large city's developed infrastructure became the most important. In the post-Soviet period, the importance of the economic factor in migration activity was growing again, including in external migration exchange.

Keywords: migration; population; Ural; Ekaterinburg; Sverdlovsk

В течение всего XX столетия миграция выступала мощным фактором роста населения городского населения Урала. Ситуация определялась географическим положением региона. Урал сохранял значение территории фронтального освоения [1] и служил

¹ © Горбачев О. В. Текст. 2023.

перевалочным пунктом при движении населения сначала на восток («восточный вектор», до конца советского периода), а начиная с 1990-х гг. — на запад. При этом в крупных городах региона (св. 500 тыс. жителей) миграция оказалась способной выступать в качестве основного источника роста населения.

Вторым обстоятельством, обусловившим миграционную активность местного населения, стала включенность региона в процесс миграционного перехода, который прошел через несколько этапов. Считается, что примерно до 1926 г. в миграции доминировал социально-политический фактор (первый этап); затем, до конца 1950-х гг. миграционный прирост осуществлялся под влиянием индустриализации, коллективизации и урбанизации, когда основным видом миграционных перемещений было движение из села в город (второй этап). На третьем этапе, до начала 1990-х гг. наблюдается ослабление потока село — город, а миграция приобретает ступенчатый характер (село — малый город — средний город и т. д.). Наконец, с начала 1990-х гг. (четвертый этап) имеет место рост возвратной миграции, начинает доминировать поток «город — город» [2]. Примечательно, что на всех стадиях миграционная привлекательность крупных городов сохраняется.

В целом для городов Урала характерна большая зависимость интенсивности миграций от войн и мероприятий текущей политики государства. И если политика модернизации, предполагавшая опору на региональные ресурсы, однозначно способствовала приросту численности городского населения за счет миграции, то влияние Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн было более сложным («пульсирующий» поток: миграционный прирост, затем отток). Примечательно, что и в этих случаях приток населения в крупные города обычно превышал возвратную миграцию.

Целью настоящей статьи является определение сравнительной значимости факторов миграционной активности, обусловивших рост населения крупных городов Урала в XX в. на примере Екатеринбурга — Свердловска.

Мы выделяем следующие основные факторы притяжения мигрантов в город на протяжении столетия:

- 1) развитая экономика (промышленность и торговля);
- 2) удобная логистика с точки зрения мотивов будущих переездов;

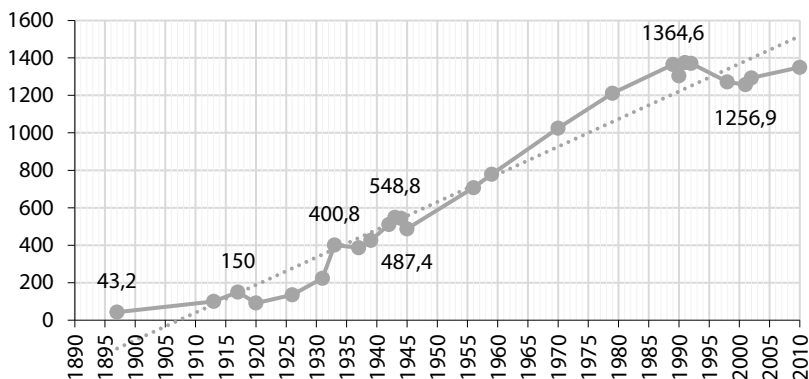

Рис. 1. Динамика численности населения Екатеринбурга — Свердловска в XX в. (тыс. чел.)
(источник: сост. автором по материалам опубликованной статистики)

- 3) административный статус города;
- 4) притяжение крупного города с развитой инфраструктурой.

В разные периоды истории XX в. значение этих факторов менялось.

В течение XX столетия население Екатеринбург — Свердловска устойчиво росло, при этом миграционный приток играл стабильно высокую роль в этом процессе (рис. 1).

Действие экономического фактора миграционной привлекательности отчетливо проявляется со второй половины XIX в., когда обозначился интенсивный миграционный приток из уездов Пермской и Вятской губерний. За 27 лет с 1870 г. по 1897 г. численность населения города увеличилась в 1,7 раза, преимущественно за счет миграции [3, с. 133]. Следствием кризиса уральской промышленности в начале XX в. стали, с одной стороны, банкротство ряда предприятий, а с другой — модернизация горнозаводской промышленности. И в том и в другом случаях высвобождалась рабочая сила, искавшая новые источники заработка. Поэтому в начале XX в. приток мигрантов в Екатеринбург еще более усилился. По переписи 1897 г. население Екатеринбург насчитывало 43 тыс. чел., а в 1913 г. оно было уже никак не менее 83 тыс. чел., а возможно, и превышало 100-тысячную отметку [4, с. 899, 901–902].

В годы Первой мировой войны сыграло роль удобное транспортное положение города, которое способствовало его превращению в мобилизационный центр (в Екатеринбурге находилось не менее 40 тыс. солдат [5, с. 243]), а также в перевалочный пункт для раненых, больных, военнопленных и рабочих-китайцев. По состоянию на начало 1917 г. постоянное население города насчитывало 71,5 тыс. чел., а количество жителей Екатеринбургской городской агломерации (с Верх-Исетским и Нижне-Исетским заводами, Пышмой, селами Шарташ и Уктус) оценивается в 150 тыс. чел. [5, с. 244].

Немедленно после окончания войны обозначился обратный миграционный отток. Тем самым проявилась уязвимость логистического фактора миграции как источника формирования населения.

Приток голодобеженцев в города Урала в 1921–1922 гг. из Поволжья, Казахстана, Центральной России привел к тому, что к 1923 г. город насчитывал уже почти 74 тыс. жителей. Таким образом, в годы мировой и гражданской войн численность населения Екатеринбург в основном менялась за счет логистического фактора.

После придания Свердловску статуса центра Уральской области в 1923 г. впервые проявились обычные для российского процесса городского развития преимущества административного статуса города. Население стало быстро расти, в том числе за счет переезда части управленцев из прежнего губернского центра — Перми. К 1926 г., то есть еще до индустриализации в городе жило 140 тыс. чел. Такой быстрый рост в огромной степени был обязан действию административного фактора.

Итак, до определенного времени, пока Екатеринбург — Свердловск был средним по размеру городским центром, доминирующие причины миграционной активности, способствовавшие росту (реже — сокращению) численности его населения, лишь в малой степени соотносились с уровнем развития городской среды. Обретение городом административного статуса имело огромное значение: отдельные выгоды (развитая промышленно-торговая сфера и хорошая транспортная коммуникация) способствуют усложнению городской инфраструктуры и превращаются в решающие преимущества в сравнении с другими уральскими городами. Поэтому в дальнейшем появляется возможность говорить о комплексном воздействии нескольких миграционных факторов.

Мультипликативный эффект обозначился с началом индустриализации: к административному статусу центра огромной Уральской области (с 1934 г. — Свердловской области) добавилась программа экономической модернизации Свердловска в контексте планов первых пятилеток. Крупнейшее из построенных предприятий, которое можно считать градообразующим — завод ВЗТМ (Уралмаш) было пущено в 1933 г. За счет притока рабочей силы к этому году численность населения города увеличилась до 334,8 тыс. чел. [6, с. XXV], при этом считается, что миграция обеспечила 80 % прироста [7, с. 383].

Подобный рост численности населения (в 2,3 раза) — прямой результат действия механизмов мобилизационной экономики. Здесь следует заметить, что в годы первой пятилетки, на которые пришлась наиболее активная фаза коллективизации, была востребована любая рабочая сила («Кадры решают все!»), тогда как во время второй пятилетки (по формулировке Л.Д. Троцкого, «Сталинский неонэп») ценились, в первую очередь, квалифицированные работники и стал актуальным лозунг «Кадры, вооруженные техникой, решают все!». Соответственно, прирост населения города за этот период несколько меньший — в 1939 г. население Свердловска составило 425,5 тыс. чел. (рост в 1,7 раза)¹ [8, с. 103].

Значение фактора принуждения в формировании населения Свердловска не было настолько большим, как иногда полагают [9, с. 98]. Следует напомнить, что система регистрации городского населения окончательно оформилась лишь с введением паспортной системы в сентябре 1934 г. Согласно имеющейся статистике, в 1937 г. доля «спецконтингента» в Свердловске не превышала 4,6 тыс. чел. (1,2 % от общей численности населения города) (см.: [8, с. 163]).

В годы Великой Отечественной войны основным фактором роста численности населения города стала эвакуация. При очень значительном количестве эвакуированных их доля по отношению к постоянному населению была значительно меньшей по сравнению с периодом Первой мировой войны (21,8 % в конце 1942 г. [7, с. 383]; ср.: в начале 1917 г. — свыше 120 %). В 1943 г. в городе проживало 548 тыс. чел., а затем началась реэвакуация. К началу 1945 г. население сократилось до 488 тыс. чел. [7, с. 383].

И в годы пятилеток, и (в неменьшей степени) в годы Великой Отечественной войны был сформирован мощный промышленный потенциал города, который сам по себе стал серьезным мотиватором для привлечения мигрантов в послевоенные десятилетия.

Рост населения города в годы войны в основном был обязан действию административного (мобилизационного) и логистического факторов.

В послевоенные десятилетия официальный статус Свердловска как областного центра и неофициальный — как центра Урала — способствовал ускоренному развитию не только промышленной, но и образовательной, социальной, культурной инфраструктуры. Например, в послевоенном Свердловске действовало 16 вузов. Возможность решения жилищного вопроса для расширяющегося потока мигрантов из села усматривалась в том, что при 300 промышленных предприятиях города сформировалась система общежитий. По переписи 1959 г., в Свердловске проживало уже около 780 тыс. чел. Рост

¹ Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам: По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. Москва: Госпланиздат, 1941. С. 103.

населения, по большей мере миграционный, продолжался в течение всего советского периода. В 1989 г. население города составило 1 364 тыс. чел.

Отметим, что после войны не было государственных мероприятий, способных повлиять на дальнейший миграционный прирост населения Свердловска, как это было в прежние годы. Несмотря на это, оно продолжало расти. Важную роль продолжали играть экономический и административный статус города; к ним добавился кумулятивный эффект урбанизации: превращение просто крупного города в мегаполис в российских условиях неизбежно повышает его привлекательность в глазах мигрантов. Крупные города в России выполняют функцию «опорного каркаса расселения», концентрируя в себе как жизнеобеспечивающие, так и рекреационные функции. То же можно сказать и о других уральских миллионниках — Перми, Уфе и Челябинске. Справедливости ради следует заметить, что в послевоенные годы достаточно высоким был естественный прирост населения. По мнению А. И. Кузьмина и А. Г. Оруджиевой, миграция в этот период обеспечивала несколько более половины всего прироста населения Свердловска [7, с. 383].

Таким образом, в 1950–1980-е гг., наряду с административным, впервые проявился инфраструктурный фактор привлечения населения, то, что можно назвать возможностями большого города.

В 1990-е гг. серьезно изменилась структура миграционных потоков, что привело к сокращению численности населения Екатеринбурга — Свердловска.

Во-первых, государство ушло из сферы активного миграционного регулирования. В позднесоветский период тренд на освоение восточных районов страны поддерживался более высоким уровнем доходов населения в регионах нового освоения. Прекращение финансирования востока при очевидно худших условиях жизни, чем в западной части страны, неизбежно сформировало обратный вектор миграционного движения — с востока на запад. Как обычно, уральские города оказались на пути мигрантов, а их население в изменившихся социально-экономических условиях, в свою очередь, поддерживало западный вектор. Центрами притяжения для уральского населения стали (и до сих пор являются) Москва, Санкт-Петербург (в основном для высокообразованных и квалифицированных мигрантов) и города Краснодарского края.

К внутренней миграции добавилась внешняя: Свердловская область теряла население в миграционном обмене с Республикой Беларусь. (Это была единственная страна СНГ, оттягивавшая мигрантов со Среднего Урала.) В многонациональном регионе активизировалась этническая миграция: наиболее активно переезжали в Германию и Израиль.

Как следствие, начиная с 1990 г. население Екатеринбурга постоянно сокращалось. В низшей точке падения (2001) оно достигло 1 257 тыс. чел. Таким образом, за десятилетие город потерял более 100 тыс. чел. Для Свердловской области наиболее драматичным оказался 1993 г., когда на фоне радикальной экономической реформы отток населения был наибольшим¹ (см. подробнее в [10]).

Отток населения сопровождался сокращением его естественного прироста. На территории уральских областей он стал устойчиво отрицательным начиная с 1995 г., впрочем, в 2000-е гг. ситуация стала улучшаться, особенно в урбанизированных областях (относительно худшие показатели демонстрировала Курганская область).

¹ См. Свердловская область: демографическая ситуация в последнем десятилетии XX века: стат. сб. Екатеринбург: Свердлов. областной комитет статистики, 1999.

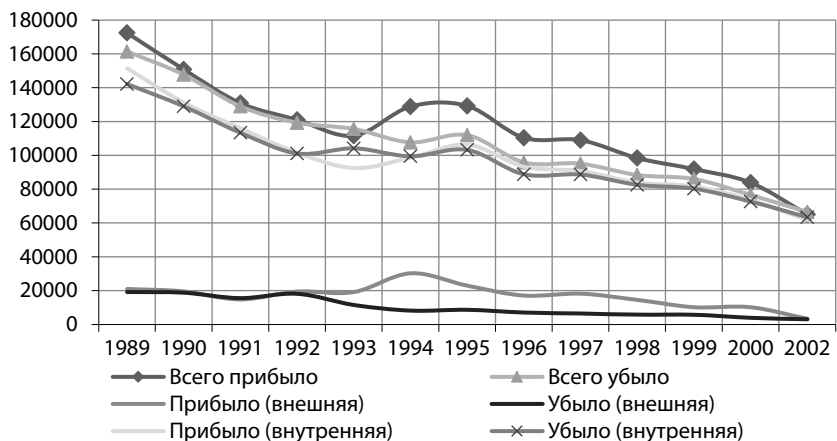

Рис. 2. Объемы внешней и внутренней миграции по Свердловской области в 1990-е гг., чел. (источники: Свердловская область: демографическая ситуация в последнем десятилетии XX века; Миграция населения Свердловской области в 2000 году: стат. бюллетень. Екатеринбург: Свердл. областной комитет статистики, 2001; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2002 г.: стат. бюллетень. Москва: Госкомстат России, 2003)

В Екатеринбурге отрицательный естественный прирост отчасти компенсировался миграционным притоком, причем в отличие от советского времени, это были внешние мигранты. Как можно судить по графику на рисунке 2, в Свердловской области внешний миграционный обмен в 1990-е гг. существенно уступал внутреннему.

В этой связи парадоксальным выглядит то обстоятельство, что именно внешняя миграция, а не внутренняя обеспечивала реальный миграционный прирост (рис. 3). Здесь уместно заметить, что во внешнем миграционном обмене в те годы участвовали, как правило, образованные русскоязычные жители республик бывшего СССР (их доля составляла около 80 %). Они предпочитали переезжать в города Свердловской области, в первую очередь — в Екатеринбург (около 70 % всех мигрантов). Основной страной выхода была Республика Казахстан (53 % всех прибытий в 2000 г.)¹. После пика 1994 г., случившегося на фоне межнациональных конфликтов, наблюдался некоторый спад. Минимальный миграционный прирост фиксируется в постдефолтный 1999 г., после чего значение внешней миграции в миграционном обмене снова стало расти, теперь за счет так называемых гастарбайтеров.

В целом на рубеже 1990–2000-х гг. сформировалась тенденция роста населения Екатеринбурга преимущественно за счет внешней миграции, которая компенсировала и неудовлетворительный естественный прирост, и миграционный отток в западную часть страны.

Что касается качественных характеристик мигрантов, то это была, как правило, молодежь от 15 до 24 лет, приезжавшая, главным образом, на учебу. Студенты работали и в сфере обслуживания, которая в городе постепенно вытесняет промышленность

¹ Миграция населения Свердловской области в 2000 году: стат. бюллетень. Екатеринбург: Свердловский областной комитет статистики, 2001. С. 24.

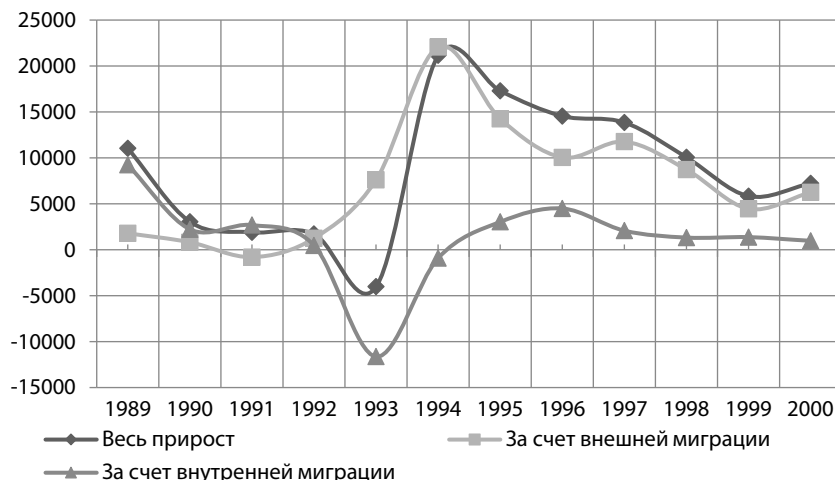

Рис. 3. Миграционный прирост населения Свердловской области: соотношение внешней и внутренней миграций, чел. (источники: Свердловская область: демографическая ситуация в последнем десятилетии XX века; Миграция населения Свердловской области в 2000 году: стат. бюллетень. Екатеринбург: Свердлов. областной комитет статистики, 2001; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2002 г.: стат. бюллетень. М.: Госкомстат России, 2003)

в качестве доминирующей сферы приложения труда. Характерно, что переезжающих «на работу», в отличие от советского времени, немного.

Подводя итог, следует заметить, что каждый очередной этап интенсивного развития Урала обычно связан с усилиями государства, что наглядно проявилось в миграционной динамике первой половины XX в. Географическое положение обеспечивает Екатеринбургу статус перевалочного пункта. Логистический фактор определяет высокую интенсивность движения населения и способствует развитию города, но делает его уязвимым в ситуации неблагоприятных экономических трендов.

По мере роста численности населения, как стало очевидно после окончания Великой Отечественной войны, все большее значение в привлечении мигрантов приобретал статус города-миллионника с развитой инфраструктурой.

В постсоветский период (1990–2000-е гг.) административный фактор миграционной активности (статус Екатеринбурга как столицы Урала) уступил место экономическому. В это время чрезвычайно значимую роль играли усилия местных властей по стимулированию деловой активности, способствовавшие оживлению миграционного притока из других регионов страны и извне. В 2010-е гг. с возвратом к системе централизованного перераспределения ресурсов в масштабе страны роль административных механизмов вновь предсказуемо возросла (не стоит забывать, что с мая 2000 г. Екатеринбург является еще и центром Уральского федерального округа).

Оценивая перспективы дальнейшего роста города в условиях низкого естественного прироста населения, важно понимать, что они тесно связаны прежде всего с возможностями внешней миграции.

Список источников

- [1] *Побережников И. В.* Азиатская Россия: фронтир, модернизация // Известия Уральского государственного университета. 2011. № 4(96). С. 191–203. (Сер. 2. Гуманитарные науки).
- [2] *Корнилов Г. Е.* Восточный поворот: миграции населения на Урал и с Урала в XX веке // Демографическая история России и регионов: сб. науч. трудов. Вып. II: Миграции населения / отв. ред. Г. Е. Корнилов. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2018. С. 198–226.
- [3] *Мазур Л. Н.* Особенности демографического развития Екатеринбурга в конце XIX — начале XXI в. // Урал. ист. вестник. 2022. Т. 76, № 3. С. 131–143.
- [4] *Бахареv Д. С., Заболотных Е. А.* Еще до войны: опыт реконструкции численности населения Екатеринбурга в 1913 году // Вестник Российского университета дружбы народов. 2020. Т. 19. № 4. С. 889–904. (Сер. История России).
- [5] *Козлов А. Г.* О населении Екатеринбурга во второй половине 1916 и в начале 1917 г. // Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска (26–29 мая 1948 г.). Свердловск: УрГУ им. А. М. Горького, 1950. С. 239–244.
- [6] Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. Москва: Власть Советов, 1934. XXXII, 350 с.
- [7] *Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г.* Население // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 382–384.
- [8] *Журавлева В. А.* Городское население Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. 220 с.
- [9] *Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г.* Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 95–100.
- [10] *Горбачев О. В.* Средний Урал на миграционной карте России // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 9. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2008. С. 216–225.

References

- [1] *Poberezhnikov I. V.* Asian Russia: frontier, modernization // Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts. 2011. No. 4(96). Pp. 191–203.
- [2] *Kornilov G. E.* Eastern turn: population migration to the Urals and from the Urals in the XX century // Demographic history of Russia and regions: a collection of scientific papers. Issue II: Population migrations / ed. by G. E. Kornilov. Ekaterinburg: IHaA UB RAS, 2018. P. 198–226.
- [3] *Mazur L. N.* Features of the demographic development of Ekaterinburg (late 19th — early 21st century) // Ural Historical Journal. 2022. Vol. 76, No. 3. P. 131–143.
- [4] *Bakharev D. S., Zabolotnykh E. A.* Before the First World War: Reconstruction of the Yekaterinburg City Population in 1913 // RUDN Journal of Russian History. 2020. Vol. 19, No. 4. Pp. 889–904.
- [5] *Kozlov A. G.* On the population of Yekaterinburg in the second half of 1916 and at the beginning of 1917 // Proceedings of the second scientific conference on the history of Yekaterinburg-Sverdlovsk (May 26–29, 1948). Sverdlovsk: Ural State University im. A. M. Gorky, 1950. P. 239–244.
- [6] Administrative-territorial division of the USSR on July 15, 1934. M.: Power of the Soviets, 1934. XXXII, 350 p.
- [7] *Kuzmin A. I., Orudzhieva A. G.* Population // Ekaterinburg: Encyclopedia. Ekaterinburg: Akademkniga, 2002. P. 382–384.
- [8] *Zhuravleva V. A.* Urban population of the Urals in the 1920s–1930s. Chelyabinsk: Publishing Center of SUSU, 2012. 220 p.

[9] *Kuzmin A. I., Orudzhieva A. G.* Historical and demographic portrait of Yekaterinburg // Proc. of the Ural State University. 1998. No. 9. P. 95–100.

[10] *Gorbachev O. V.* The Middle Urals on the migration map of Russia (1990s) // Document. Archive. History. Modernity: a collection of scientific papers. Issue 9. Ekaterinburg: Ural University Press, 2008. P. 216–225.

Информация об авторах

Горбачев Олег Витальевич — доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-2911-3100> (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, e-mail: og_06@mail.ru).

About the authors

Oleg V. Gorbachev — Dr. Sci (Hist.), Professor, Ural Federal University <https://orcid.org/0000-0002-2911-3100> (51, Lenina Ave., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: og_06@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-5>

УДК 94 (470.53) “1989/2002”

JEL classification: I21

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1989–2002 ГГ.¹

А. В. Жарков

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-7401-3854>

Автор для корреспонденции: А. В. Жарков (alessandro2017@mail.ru)

Аннотация. В статье на основе данных переписей населения сравнивается образовательный уровень населения Пермской области в 1989 и 2002 гг., а также с общероссийскими показателями. Сделаны выводы о существенном росте доли лиц со средним специальным, высшим и незаконченным высшим образованием, а также о некотором снижении доли лиц со средним общим и начальным профессиональным образованием среди всего мужского населения и небольшом ее росте среди женского населения. А обладателей неполного среднего образования стало значительно меньше у обоих полов. При этом по сравнению с общероссийским уровнем в 2002 г. в области были выше показатели начального, неполного среднего и начального профессионального образования, но в основном ниже показатели среднего общего и среднего специального, и существенно ниже — показатели высшего и незаконченного высшего образования.

Ключевые слова: образовательный уровень; Пермская область; РСФСР; РФ

Educational Level of the Population of Perm Krai in 1989-2002

A. V. Zharkov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-7401-3854>

Corresponding author A. V. Zharkov (alessandro2017@mail.ru)

Abstract. Based on population census data, the article compares the educational levels of the population of Perm krai in 1989 and 2002, as well as with all-Russian level indicators. The analysis revealed a significant increase in the proportion of people with secondary vocational, higher and incomplete higher education, as well as a slight decrease in the proportion of people with secondary general and basic vocational education among the entire male population and a slight increase among the female population. The number of people with incomplete secondary education has significantly decreased for both sexes. At the same time, compared with the all-Russian level in 2002, the indicators of primary, incomplete secondary and basic vocational education were higher in the region, but in general the indicators of secondary general and secondary vocational education were lower, and the indicators of higher and incomplete higher education were significantly lower.

Keywords: educational level; Perm krai; RSFSR; RF

Введение

Последнее десятилетие российской истории двадцатого века было ознаменовано большими политическими и экономическими изменениями, связанными с распадом СССР и переходом от командно-административной экономической системы к рыночной. Частью их было изменение как государственной политики в сфере образования, так и системы образования в целом. Согласно новой Конституции, обязательным

¹ © Жарков А. В. Текст. 2023.

стало основное общее образование вместо полного среднего¹. А законом «Об образовании» 1992 г. предусматривалась возможность создания негосударственных учебных заведений².

Все это неизбежно наложило свой отпечаток на динамику образовательного уровня населения. Пермская область представляет собой один из промышленно развитых регионов России. Поэтому анализ изменения образовательного уровня ее населения в 1990-е гг. является весьма актуальным. Лучше всего образовательный уровень отражен в переписях населения, ближайшими из которых к изучаемому периоду по времени являются Всесоюзная перепись 1989 г. и Всероссийская перепись 2002 г. Они же и определяют хронологические рамки исследования. Целью статьи являются сравнение показателей образования населения Пермской области в 1989 и 2002 гг., и с общероссийским уровнем, а также анализ произошедших изменений.

Материалы и методы

В качестве источников для исследования выступают опубликованные материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2002 г. Необходимо отметить, что при разработке материалов переписей выделялись разные образовательные ступени. В переписи 1989 г. фиксировались данные о лицах с начальным, неполным средним, средним общим, средним специальным, незаконченным высшим, высшим образованием, а также среди лиц с начальным, неполным средним и средним общим образованием выделялись окончившие ПТУ. В 2002 г. все ступени образования были разделены на 2 группы: общее и профессиональное. Первая состояла из начального, основного общего (бывшего неполного среднего) и среднего полного общего. Вторая включала в себя начальное, среднее, неполное высшее, высшее профессиональное образование, а также послевузовское. В настоящей статье лица с послевузовским образованием присоединены к лицам с высшим, основное общее образование именуется неполным средним, а начальное профессиональное сопоставляется с носителями неполного среднего и среднего общего образования, окончившими ПТУ (по данным 1989 г.).

В исследовании применяются историко-генетический и историко-сравнительный методы. Под образовательным уровнем населения понимается отношение числа лиц, получивших образование определенной ступени, к общей численности населения определенного возраста, выраженное в промилле.

Обзор литературы

Вопросы, связанные с уровнем образования населения в указанный временной период, нашли отражение в ряде исследований. В многотомном труде «Население России в XX веке», посвященном вопросу демографического развития населения, уровень образования в 1990-е гг. рассматривается во 2-й и 3-й книгах 3-го тома [1, 2]. В статье Б.Н. Миронова о грамотности населения России за 1000 лет освещается также и рассматриваемый период [3]. Индексу образованности населения России в XX в. посвящена статья М.Н. Руткевича [4]. Диссертация Г.С. Чернышова посвящена политике

¹ Конституция Российской Федерации. Статья 43 // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8452df644dd1f63f07ca7744f87beddac2947282/?ysclid=l6webjrlcc331033317 (дата обращения: 02.02.2022).

² Об образовании. Закон РФ от 10.07.92 № 3266-1 Ст. 11-12 // [Zakonbase.ru](https://zakonbase.ru/content/base/1052). <https://zakonbase.ru/content/base/1052> (дата обращения: 03.02.2023).

государства в сфере школьного образования, в том числе в 1990-е гг. [5]. Некоторые вопросы образования, среди прочего, также освещает А. С. Сеньявский в работе о российском городе в 1960–1980-е гг. [6].

На региональном уровне вопросам образования в указанный период было посвящено меньше работ. Школьной политике на Урале посвящена диссертация Г. В. Кораблевой [7], а подготовке учительских кадров — диссертация Л. А. Кривцовой [8]. Начальному профессиональному образованию на Среднем Урале в период с 1917 г. по 1990 г. посвящена коллективная монография [9]. В свою очередь, работа общеобразовательной школы в 1980–1990-е гг. на материале Южного Урала освещается в монографии Д. А. Астафьева [10].

Таким образом, хотя различные вопросы образования освещались как на общероссийском, так и на региональном уровне, работ, непосредственно посвященных образовательному уровню населения Пермской области в указанный период времени, нами выявлено не было.

Результаты и обсуждение

Согласно данным, представленным в таблице 1, в Пермской области в 1989 г. какое-либо образование имели 933,4 % лиц, в том числе 141,8 % — начальное, 193,1 % — неполное среднее, 156,2 % — среднее общее, 173,5 % — среднее специальное, 13,5 % — незаконченное высшее и 80,3 % — высшее образование. Общая доля образованных лиц среди горожан была больше, чем среди селян на 3 % у мужчин и на 13 % у женщин. Удельный вес носителей начального образования был больше среди селян — в 1,9 раза у мужчин и в 1,7 раза у женщин. Лиц с неполным средним образованием в городе по сравнению с сельской местностью было на 12 % меньше среди мужчин и на 5 % меньше среди женщин. Носителей среднего общего образования было больше, чем на селе: у мужчин на 25 %, а у женщин — в 1,6 раза. Удельный вес лиц с начальным профессиональным образованием среди городских мужчин был на 6 % меньше, чем в деревне, но у горожанок он был больше на 25 %. Лиц со средним специальным в городе среди мужчин и женщин было больше в 1,8 и 1,4 раза соответственно. Доля носителей высшего и незаконченного высшего образования среди горожан была больше, чем среди селян в 2,7 раза у мужчин и в 2,4 раза у женщин. И в городе, и на селе доля лиц с неполным средним, средним общим и начальным профессиональным образованием была больше среди мужчин (особенно в последнем случае), нежели женщин, среди которых были больше показатели остальных ступеней образования.

Общий уровень образования населения Пермской области был незначительно выше показателей РСФСР только у мужчин среди всего населения и в сельской местности, тогда как у женщин и горожан он был незначительно ниже (табл. 2). Лиц с начальным образованием в области было больше на 8–12 % среди всего населения, на 19–25 % в городе, а в деревне — на 0,5–5 %, при этом показатели мужчин превосходили республиканские в большей мере, чем показатели женщин. Доля лиц с неполным средним образованием была больше: у мужчин — на 13 % в городе и на 6 % на селе, а у женщин — соответственно на 14 и на 2 % относительно республиканских показателей. Носителей среднего общего образования у горожан области было меньше на 11 % среди мужчин и на 13 % среди женщин, в сельской же местности их было меньше соответственно на 18 и 24 %. Удельный вес лиц с начальным профессиональным образованием был больше республиканского уровня у мужчин — на 33 % в городе

Таблица 1

Число лиц с неполным средним, средним общим и начальным профессиональным образованием в возрасте 15 лет и старше в Пермской области в 1989 г., %*

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе с						
			высшим	незак. высшим	сред. спец.	нач. проф.	сред. общим	непол. средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	933,4	80,3	13,5	173,5	175,0	156,2	193,1	141,8
	муж.	973,3	77,5	13,0	145,7	231,9	174,1	197,7	133,4
	жен.	899,2	82,7	13,9	197,3	126,2	140,9	189,2	149,0
Городское	оба пола	948,4	92,2	15,5	187,6	176,5	166,3	189,3	120,9
	муж.	980,1	89,5	15,1	161,6	228,8	181,8	191,8	111,6
	жен.	921,3	94,5	16,0	209,9	131,8	153,1	187,2	128,8
Сельское	оба пола	878,5	36,9	6,2	122,1	169,2	119,3	206,8	217,9
	муж.	948,5	33,6	5,6	87,8	243,5	146,0	219,2	212,9
	жен.	818,6	39,8	6,6	151,4	105,8	96,5	196,3	222,3

* Подсчит. по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года / Статистический комитет СНГ. Микрорепрод. изд.: [Б. м.], 1992–1993. Т. 6. Уровень образования населения СССР. Ч. 1. С. 396–401.

и на 27 % в деревне, а у женщин — на 39 и 36 % соответственно. Доля лиц со средним специальным образованием была меньше общероссийского уровня во всех категориях населения, при этом у женщин отставание составляло от 1 % в деревне до 11 % в городе, а у мужчин — 12 % в городе и 21 % в сельской местности. Удельный вес лиц с незаконченным высшим образованием также был меньше, чем по РСФСР, но отставание среди селян и женщин было намного меньшим, чем среди горожан и мужчин. Показатели горожан составляли 72 % у мужчин, и 79 % у женщин от республиканского уровня, а селян — соответственно 84 % и 96 %. Схожая ситуация была и с высшим образованием, показатели которого равнялись соответственно у мужчин 64 % и 69 % от уровня РСФСР в городе и на селе, а у женщин — 72 % и 88 %.

Таблица 2

Число лиц, имевших образование в возрасте 15 лет и старше в 1989 г. среди городского и сельского населения РСФСР, %*

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе с						
			высшим	незак. высшим	сред. спец.	нач. проф.	сред. общим	непол. средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	935,2	112,7	17,1	192,1	129,9	179,2	175,1	129,0
	муж.	973,2	116,7	17,4	165,5	177,4	198,3	179,0	118,9
	жен.	903,5	109,4	16,8	214,3	90,3	163,3	171,9	137,4
Городское	оба пола	954,3	135,8	20,7	212,5	130,0	189,0	166,7	99,7
	муж.	982,3	140,8	21,1	184,5	172,4	205,1	169,0	89,3
	жен.	931,1	131,7	20,3	235,8	94,7	175,6	164,7	108,3
Сельское	оба пола	880,5	46,6	6,8	133,8	129,9	151,3	199,3	212,8
	муж.	947,4	48,4	6,7	111,8	191,4	179,1	207,2	202,8
	жен.	823,9	45,1	6,9	152,5	77,8	127,7	192,6	221,2

* Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР и союзных республик по возрасту и уровню образования. РСФСР // Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_edu_89.php?reg=2 (дата обращения: 02.06.2022).

Таблица 3

Число лиц, имевших образование в возрасте 15 лет и старше в Пермской области в 2002 г., %*

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе с						
			высшим	незак. высшим	сред. спец.	нач. проф.	сред. общим	непол. средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	989,4	118,6	21,1	274,2	173,5	152,4	161,5	88,0
	муж.	994,1	108,2	20,5	249,8	213,2	161,1	168,8	72,4
	жен.	985,4	127,1	21,6	294,4	140,7	145,2	155,5	101,0
Городское	оба пола	993,3	138,9	24,8	294,4	159,7	158,4	147,6	69,4
	муж.	996,2	129,5	24,7	276,6	190,9	164,9	154,0	55,6
	жен.	990,9	146,5	24,9	308,8	134,7	153,3	142,4	80,4
Сельское	оба пола	976,8	53,8	9,2	209,9	217,4	133,2	205,9	147,5
	муж.	987,6	44,9	7,9	170,4	279,3	150,0	213,0	122,1
	жен.	967,0	61,9	10,3	245,9	160,8	117,9	199,4	170,7

* Подсчитано по: Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 3 Образование. 3. Население по уровню образования, полу и возрастным группам по субъектам Российской Федерации. Пермская область // Всероссийская перепись населения 2002 года. http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_03_03.xls (дата обращения: 02.07.2022).

В 2002 г. общий уровень образования населения области составлял 989,4 % (табл. 3). Среди лиц, имевших образование, 88 % имели начальное, 161,5 % — неполное среднее, 152,4 % — среднее общее, 173,5 % — начальное профессиональное, 274,2 % — среднее специальное, 21,1 % — незаконченное высшее и 118,6 % имели законченное высшее образование. Общая доля образованных лиц среди горожан была немногим больше, чем среди селян: на 0,9 % у мужчин и на 2,5 % у женщин. Носителей начального образования, на селе было больше, чем в городе в 2,2 раза среди мужчин и в 2,1 раза среди женщин. Больше в деревне было и лиц с неполным средним образованием: в 1,4 раза и у мужчин, и у женщин. Удельный вес носителей среднего общего образования в городе был на 10 % больше у мужчин, а у женщин — на 30 %. Лиц с начальным профессиональным образованием, наоборот, больше было в сельской местности: в 1,5 раза у мужчин и на 19 % у женщин. Носителей среднего специального образования больше было у городского населения: на 26 % у женщин и в 1,6 раза у мужчин. Также больше в городе было и лиц с незаконченным и законченным высшим образованием: среди мужчин их было больше соответственно в 3,1 и 2,9 раза, а среди женщин — в 2,4 раза в обоих случаях. Среди мужчин и в городе, и на селе были больше, чем у женщин, показатели неполного среднего, среднего общего и начального профессионального образования, а у женщин, наоборот, больше были показатели начального, среднего специального, незаконченного высшего и высшего образования.

Общая доля образованных лиц в Пермской области в 2002 г. была незначительно (на десятые и сотые доли процента) ниже общероссийского уровня во всех группах населения (табл. 4). Носителей начального образования было немного больше в сельской местности (на 1 % среди женщин и на 4 % среди мужчин), но значительно больше в городе (на 24 и 33 % соответственно). Удельный вес лиц с неполным средним образованием в области был больше, чем в РФ, во всех группах населения, но особенно среди горожан (на 20–24 %). Показатели среднего общего образования были, наоборот, меньше общероссийского уровня и в городе, и на селе, и среди всего населения, но особенно — среди сельских женщин. Носителей начального профессионального

Таблица 4

Число лиц, имевших образование в возрасте 15 лет и старше в 2002 г. среди городского и сельского населения РФ, %^{*}

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе с						
			высшим	незак. высшим	сред. спец.	нач. проф.	сред. общим	непол. средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	990,0	161,6	31,2	274,6	128,1	177,4	139,2	78,0
	муж.	994,8	157,3	31,5	253,4	159,0	188,8	142,7	62,1
	жен.	985,9	165,2	30,9	292,3	102,2	167,8	136,3	91,2
Городское	оба пола	994,2	192,2	37,4	295,9	116,4	176,7	121,2	54,4
	муж.	997,0	188,2	38,1	277,3	140,5	186,5	124,4	41,9
	жен.	991,9	195,4	36,7	311,2	96,5	168,7	118,6	64,8
Сельское	оба пола	978,0	74,3	13,6	213,7	161,5	179,3	190,5	145,0
	муж.	989,0	72,0	13,1	187,6	209,9	195,3	193,2	117,8
	жен.	968,3	76,4	14,0	236,7	119,0	165,3	188,1	168,9

^{*} Подсчитано по: Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 3. Образование. 1. Все население, городское, сельское по уровню образования, полу и возрастным группам // Всероссийская перепись населения 2002 года. http://www.perepis2002.ru/ct/doc/ТОМ_03_01.xls (дата обращения: 02.07.2022).

образования было существенно больше во всех категориях населения — на 33–35 % в сельской местности и на 36–40 % в городе, при этом среди женщин превышение общероссийского уровня было больше, чем среди мужчин. Лиц со средним специальным образованием было немного больше у женщин в сельской местности и в целом по области, тогда как среди сельских мужчин их было меньше, а среди горожан — незначительно меньше, чем по РФ. Показатели незаконченного высшего образования в области были существенно меньше российского уровня, составляя 65–68 % от него в городе и 60–74 % в деревне. Также существенно меньше было и лиц с законченным высшим образованием — 69–75 % от уровня РФ в городе и 62–81 % в сельской местности. При этом показателем женщин с высшим и незаконченным высшим образованием отставали от общероссийского уровня меньше, чем показатели мужчин.

За более чем десятилетие общий уровень образования населения области вырос на 2 % у мужчин и на 10 % у женщин (табл. 5). Показатели начального образования снизились на 46 % и 32 % у мужчин и женщин соответственно, а неполного среднего — на 15 % и 18 %. Лиц со средним общим образованием стало несколько меньше среди мужчин и немного больше — среди женщин. Носителей начального профессионального образования стало несколько меньше у мужчин (на 8 %), но несколько больше — среди женщин (на 11 %). Удельный вес лиц со средним специальным образованием вырос очень существенно: в 1,7 раза среди мужчин и в 1,5 раза у женщин. Существенно выросли и показатели незаконченного высшего образования, притом в почти равной степени у обоих полов (на 55–58 %). Доля же носителей высшего образования выросла в несколько меньшей степени: на 40 % у мужчин и на 54 % у женщин.

В сельской местности (табл. 5) общий уровень образованности увеличился сильнее, чем в городе, особенно у женщин (4 % против 2 % у мужчин и 18 % против 8 % у женщин). Доля лиц с начальным образованием у горожан сократилась сильнее, чем у селян, а доля носителей неполного среднего образования у последних стала даже немного больше среди женщин при небольшом снижении у мужчин и существенном снижении — у горожан. Удельный вес лиц со средним общим образованием

Таблица 5

Доля лиц городского и сельского населения Пермской области в возрасте 15 лет и старше, имевших образование в 2002 г. к 1989 г., %*

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе с						
			высшим	незак. высшим	сред. спец.	нач. проф.	сред. общим	непол. средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	106	148	156	158	99	98	84	62
	муж.	102	140	158	171	92	93	85	54
	жен.	110	154	155	149	111	103	82	68
Городское	оба пола	105	151	160	157	90	95	78	57
	муж.	102	145	164	171	83	91	80	50
	жен.	108	155	156	147	102	100	76	62
Сельское	оба пола	111	146	148	172	128	112	100	68
	муж.	104	134	141	194	115	103	97	57
	жен.	118	156	156	162	152	122	102	77

* Составлено по материалам таблиц 1 и 3.

несколько снизился у городских мужчин и почти не изменился у городских женщин, тогда как у сельских мужчин он немного вырос, а у женщин вырос значительно (на 22 %). Доля носителей начального профессионального образования в городе снизилась у мужчин на 17 %, и выросла на 2 % у женщин, а в сельской местности она несколько выросла у мужчин (на 15 %), и значительно — у женщин (на 52 %). Рост числа лиц со средним специальным образованием также был более существенным на селе, нежели в городе, достигая 1,9 раза у мужчин и 1,6 раза у женщин. Доля лиц с незаконченным высшим образованием одинаково выросла у женщин и в городе, и в сельской местности, но у мужчин рост был более значительным в городе. Показатели высшего образования города и деревни также выросли в почти равной степени среди женщин, но в меньшей — у деревенских мужчин относительно городских.

Таким образом, в 1989 г. 93 % населения Пермской области в возрасте 15 лет и старше имели какое-либо образование. В городах таких лиц было 95 %, а в сельской местности — 88 %. Мужчины были немного более образованными, чем женщины, однако у женщин были выше показатели начального, среднего специального, незаконченного высшего, а также и законченного высшего образования. В городе 83 % населения имели образование от неполного среднего и выше, а в деревне — 66 %.

Спустя 13 лет, к 2002 г. общий уровень образования вырос в целом немного — на 2–4 % у мужчин и на 8 % у городских женщин, однако у сельских женщин рост составил 18 %. Показатели начального образования снизились и у жителей города, и у жителей села, но у сельских женщин их снижение было несколько меньшим. Значительно снизились и показатели неполного среднего образования среди всего населения и среди горожан, в сельской же местности они немного выросли у женщин и немного снизились у мужчин. Удельный вес числа лиц со средним общим образованием снизился у городских мужчин и немного вырос у городских женщин, но на селе у мужчин он немного вырос, а у женщин вырос значительно. Носителей начального профессионального образования в городе стало существенно меньше среди мужчин и немного больше среди женщин, в сельской же местности их стало существенно больше у женщин и несколько больше — у мужчин. Доля лиц со средним специальным образованием очень существенно выросла во всех категориях населения, особенно на селе.

Показатели незаконченного высшего образования также сильно выросли у всего населения, однако в городе рост был больше у мужчин, а в деревне — у женщин. Удельный вес лиц с высшим образованием также существенно вырос во всех категориях населения, однако у мужчин он в большей мере вырос в городе, тогда как у женщин он вырос в почти равной степени и в городе, и на селе. Таким образом, в 2002 г. неполным средним, средним общим и специальным и начальным профессиональным образованием обладали 76 % населения области, а 12 % — высшим и незаконченным высшим.

По сравнению с РСФСР в 1989 г. общий образовательный уровень населения в Пермской области был на доли процента выше у мужчин среди всего населения и в деревне, но незначительно ниже у остальных групп населения. Лиц с начальным образованием в области было немного больше на селе, но существенно больше — в городе, притом среди мужчин превышение республиканских показателей было более значительным. Удельный вес носителей неполного среднего образования был немного больше уровня РСФСР, при этом превышение его было существеннее в городе, чем в деревне. Обладателей среднего общего образования было меньше и в городе, и в деревне, но при этом горожане меньше отставали от республиканского уровня, нежели селяне. Доля лиц с начальным профессиональным образованием была существенно выше республиканского уровня у всех групп населения, но особенно у женщин. Носителей среднего специального образования среди мужчин было несколько меньше в городе и существенно меньше в деревне. Среди женщин их было немного меньше в городе и незначительно меньше на селе. Лиц с незаконченным высшим образованием было меньше у всех категорий населения, но показатели сельских жителей отставали от республиканского уровня намного меньше, чем показатели горожан. Доля лиц с высшим образованием была намного ниже российского уровня среди мужчин и в городе, и на селе, тогда как показатели женщин области отставали в меньшей степени, особенно в сельской местности.

К 2002 г., по сравнению с показателями РФ, общий уровень образования незначительно вырос у горожан и у сельских женщин, тогда как у сельских мужчин он снизился в той же степени. Показатели начального образования выросли у всех категорий населения области, кроме сельских мужчин, у которых они снизились. Доля лиц с неполным средним образованием в сравнении с общероссийским уровнем немного выросла у всех категорий населения. Соотношение показателей среднего общего образования немного выросло у горожанок и у женщин среди всего населения, но у снизилось у остальных групп населения, особенно на селе. Обладателей начального профессионального образования в сравнении с общероссийским уровнем стало немного больше у горожан и у сельских мужчин, но несколько меньше у женщин среди всего населения и в деревне. Лиц со средним специальным образованием стало несколько больше относительно уровня РФ во всех группах населения. Удельный вес носителей незаконченного высшего образования по сравнению с общероссийскими показателями снизился у всех категорий населения. Обладателей же высшего образования относительно федерального уровня стало немного больше у горожан, но несколько меньше — у сельских жителей.

Заключение

Таким образом, в рассматриваемый период в Пермской области существенно выросла доля лиц со средним специальным, высшим и незаконченным высшим образованием. При этом удельный вес лиц со средним общим и начальным профессиональным

образованием среди всего населения несколько снизился у мужчин и немного вырос у женщин, а обладателей неполного среднего образования стало значительно меньше среди представителей обоих полов. В сравнении с общероссийским уровнем к концу периода в области были выше показатели начального, неполного среднего и начального профессионального образования, но в основном ниже показатели среднего общего и среднего специального, и существенно ниже — показатели высшего и незаконченного высшего образования. И это несмотря на то, что относительно уровня РФ доля лиц с высшим и средним специальным образованием в рассматриваемый период выросла. Данная ситуация является отражением государственной образовательной политики, в рамках которой, во-первых, полное среднее образование стало необязательным, а во-вторых, стало возможным обучение в вузах и ссузах на платной основе, что и привело к росту числа лиц с высшим и средним специальным образованием, но снижению — со средним общим. Однако общий образовательный уровень населения вырос, и также выросла доля лиц, имевших образование от неполного среднего и выше.

Список источников

[1] Население России в XX веке: Ист. очерки: [В 3 т.] / Рос. акад. наук. Отд-ние истории. Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории; Отв. ред. Ю. А. Поляков. Москва: РОССПЭН, 2000. Т. 3, кн. 2: 1980-1990. 2011. 292 с.

[2] Население России в XX век : Ист. очерки: В 3 т. / Рос. акад. наук. Отд-ние истории. Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории; отв. ред. Ю. А. Поляков. Москва: РОССПЭН, 2000. Т. 3, кн. 3: 1991-2000; отв. ред. Ю. А. Поляков. 2012. 396 с.

[3] Миронов Б. Н. Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет, X-XX вв. // *Studia Humanistica*. Исследования по истории и филологии. Санкт-Петербург: Блиц, 1996. С. 24-46.

[4] Руткевич М. Н. Динамика образованности населения России в XX в. // *Экономика образования*. 2011. № 4. С. 156-164.

[5] Чернышов Г. С. Государственная политика в сфере школьного образования России: история, опыт, проблемы: 1970-е — 1990-е гг. : дисс. ... д-ра ист. наук. Москва, 2003. 380 с.

[6] Сенявский А. С. Российский город в 1960—80-е гг. Москва: Институт российской истории РАН, 1995. 266 с.

[7] Короблева Г. В. Школьная политика и ее осуществление в Российской Федерации в 1970-1980-е гг.: Опыт, уроки. На материалах Уральского региона: дисс. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2001. 455 с.

[8] Кривоцова Л. А. Подготовка учительских кадров в условиях социально-экономических преобразований второй половины XX — начала XXI в.: на материалах Южного Урала: дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2009. 245 с.

[9] Начальное профессиональное образование на Среднем Урале, 1917-1990 гг.: монография / Н. В. Васильева [и др.; ред. совет: В. М. Сай — пред. и др.]; Уральский гос. ун-т путей сообщ., Екатеринбург: УрГУПС, 2007. 213 с.

[10] Астафьев Д. А. Молодежь и школьное образование на Южном Урале в 1980-1990-е гг. Оренбург: Оренбургский филиал Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2012. 224 с.

References

[1] The population of Russia in the 20th century: historical essays: in 3 vols / ed. Yu. A. Polyakov. Moscow: ROSSPEN, 2000. Vol. 3, book 2: 1980-1990. 2011. 292 p.

[2] The population of Russia in the 20th century: historical essays: in 3 vols / ed. Yu. A. Polyakov. Moscow: ROSSPEN, 2000. Vol. 3, book 3: 1991-2000. 2012. 396 p.

[3] *Mironov B. N.* Development of literacy in Russia and the USSR for 1000 years, X-XX centuries // *Studio Humanistica. Studies in history and philology.* St. Petersburg, 1996. P. 24-46.

[4] *Rutkevich M. N.* The dynamics of education of the population of Russia in the XX century // *Economics of education.* 2011. No. 4. P. 156-164.

[5] *Chernyshov G. S.* State policy in the field of school education in Russia: history, experience, problems: 1970s — 1990s. : diss. ... Dr. Hist. Sciences. Moscow, 2003. 380 p.

[6] *Senyavsky A. S.* Russian city in the 1960s-80s. Moscow, 1995. 266p.

[7] *Korableva G. V.* School policy and its implementation in the Russian Federation in the 1970s — 1980s: Experience, lessons. On the materials of the Ural region: diss. ... Dr. Hist. Sciences. Orenburg, 2001. 455 p.

[8] *Krivtsova L. A.* Training of teachers in the context of socio-economic transformations in the second half of the 20th — early 21st centuries: based on the materials of the Southern Urals: diss. ... Cand. Hist. Sciences. Astrakhan, 2009. 245 p.

[9] Primary vocational education in the Middle Urals, 1917-1990: monograph / N. V. Vasilyeva et al.; Ural State University of Railway Transport. Ekaterinburg: USURT, 2007. 213 p.

[10] *Astafiev D. A.* Youth and school education in the Southern Urals in the 1980s — 1990s. Orenburg: Orenburg branch of the Educational Institution of Trade Unions of Higher Education «Academy of Labor and Social Relations», 2012. 224 p.

Информация об авторах

Жарков Александр Владимирович — младший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0002-7401-3854> (Российская Федерация, 620108, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16; e-mail: alessandro2017@mail.ru).

About the authors

Alexander V. Zharkov — Research Assistant, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-7401-3854> (16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; e-mail: alessandro2017@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-6>

УДК 94(47).083

JEL classification: J11

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ ЕЛЕЦКОГО И ЛИВЕНСКОГО УЕЗДОВ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.¹

Н. А. Жиров

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (г. Елец, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-8460-9865>

Автор для корреспонденции: Н. А. Жиров (zhirov-nikolai@mail.ru)

Аннотация. *Статья посвящена изучению основных демографических процессов на примере нескольких типичных православных приходов Елецкого и Ливенского уездов Орловской губернии в первой половине XIX в. Предметом исследования выступают основные демографические показатели: брачность, рождаемость, смертность, естественный прирост населения, а объектом является сельское население, в основном однодворцы и владельческое крестьянство населенных пунктов, входящих в исследуемые приходы. Цель работы состоит в изучении особенностей протекания демографических процессов у различных сословных групп и выявлении поведенческих моделей местного социума. В работе были использованы качественные методы, а также традиционные методики гуманитарных исследований. В качестве основного источника были взяты материалы первичной приходской статистики — метрические книги. Основные выводы: население изученных приходов в первой половине XIX в. находилось в рамках традиционной модели воспроизводства населения, с присущими ему высоким уровнями рождаемости, смертности, брачности и сравнительно небольшим естественным приростом населения. Микродемографический анализ отдельных православных приходов позволил детально рассмотреть этот процесс на низовом уровне.*

Ключевые слова: демографические процессы; традиционное общество; сельское население; крестьянство; математические методы

Demographic Processes in the Rural Society of the Orthodox Parishes of Yelets and Livensky Districts of the Oryol Province in the First Half of the 19th Century

N. A. Zhirov

Bunin Yelets State University (Yelets, Russia). <https://orcid.org/0000-0001-8460-9865>

Corresponding author: N. A. Zhirov (zhirov-nikolai@mail.ru)

Abstract. *The article considers main demographic processes on the example of several typical Orthodox parishes in Yelets and Livensky districts of the Oryol province in the first half of the 19th century. The subject of the study is the key demographic indicators: marriage, birth rate, mortality, natural population growth; the object is the rural population, mainly smallholders and private peasants of the settlements belonging to these parishes. The article aims to study the features of demographic processes in various estate groups and identify behavioural models of the local society. The work used quantitative methods, as well as traditional methods of humanitarian research. The primary source of parish statistics — metric books — were analysed. It was concluded that the population of the studied parishes in the first half of the 19th century adhered to the traditional model of population reproduction, with its inherent high birth rate, mortality rate, marriage rate and relatively small natural population growth. Micro-demographic analysis of individual Orthodox parishes made it possible to consider this process in detail at the “grassroots level”.*

Keywords: demographic processes; traditional society; rural population; peasantry; mathematical methods

¹ © Жиров Н. А. Текст. 2023.

Введение

Центрально-Черноземный регион к началу XIX в. превратился из фронтальной зоны освоения лесостепной окраины Юга России в довольно развитую социально-экономическую территорию аграрного центра страны. Завершение этого процесса пришлось на последнюю четверть XIX в., а к моменту отмены крепостного права стали заметны первые признаки начавшейся нехватки земли и иных природных ресурсов в сочетании с ростом численности населения, ведущим к аграрному перенаселению.

Изучение социальных, в том числе демографических процессов, протекавших в исследуемом регионе в первой половине XIX в. обусловлено наличием хорошо сохранившихся массовых архивных материалов. Это относится, в первую очередь, к метрическим книгам православных приходов, в которых содержится разнообразная информация об основных демографических показателях — рождаемости, брачности, смертности и естественном приросте населения. Гипотеза исследования состоит в предположении, что губерния находилась в зоне перехода от промышленной зоны к типично аграрной, вследствие чего могла сочетать разные варианты демографического поведения населения. Цель работы состоит в исследовании особенностей протекания демографических процессов на микроуровне на примере отдельных православных приходов и входящих в них населенных пунктов.

В качестве объекта исследования нами было взято сельское население ряда приходов Ливенского и Елецкого уездов Орловской губернии, а предметом изучения стали демографические процессы.

В качестве основного источника для исследования демографических процессов были использованы материалы церковного учета населения — метрические книги, хранящиеся в государственных архивах Липецкой и Орловской областей. Общая характеристика этого вида первичного массового источника была проведена Д. Н. Антоновым и И. А. Антоновой, а также в сборниках статей, посвященных описанию основных характеристик метрических книг, их особенностей и методов изучения [1, 2].

Выбор приходов и входящих в них населенных пунктов зависел от двух факторов. Первый — это наличие основного источника — метрических книг за длительный промежуток времени с минимальным количеством лакун, и в этом плане выбор пал на Божоявленский приход с. Паниковец Елецкого уезда. По этому приходу сохранились в приемлемом состоянии метрические книги с 1780 г. по 1850-е гг. с незначительным отсутствием информации всего за несколько лет [3]. Входящие в него населенные пункты располагались в непосредственной близости от бывшей Белгородской черты, само же село, как и большая часть деревень, известны с начала XVII в. Основная категория населения состояла из потомков служилого населения края, ставших впоследствии однодворцами. Владельческие деревни появились лишь во второй половине XVIII в., но, несмотря на это, помещицкие крестьяне к началу XIX в. составляли около половины всех жителей прихода. Основной причиной этого явления может служить выгодное месторасположение территории относительно г. Задонска и г. Ельца, а также живописные места в районе р. Дон. Таким образом, приход по составу населения стоит считать смешанным, с примерно равным количеством проживавших однодворцев и владельческих крестьян.

Вторым фактором, влиявшим на выбор исследуемых приходов, является комплексный подход в изучении локальной территории с близко расположенными или граничащими приходами. В ходе анализа развития поселенческой сети исследуемой

территории был сделан выбор в отношении приходов с. Гатище, с. Круглое и с. Навесное Ливенского уезда, так как они и населяющие их жители имели тесную историческую связь.

В середине XVII в. служилым населением на правом берегу р. Быстрая Сосна было образовано с. Навесное и входящая в его приход д. Круглая. Согласно переписи 1678 г. эти поселения были самыми многочисленными в Ливенском уезде. В 1763 г. из состава села Навесного выделились с. Гатище и д. Пикалово, образовав самостоятельный приход в 1783 г., но формально оставаясь в границах дачи с. Навесное. В начале XIX в. из прихода с. Навесное выделилось с. Круглое. Образовавшиеся приходы непосредственно граничили друг с другом, а местные жители в большинстве своем доводились друг другу либо родственниками, либо имели тесные связи, о чем, в частности, свидетельствуют заключаемые браки.

Метрические книги с. Гатище и с. Круглое сохранились на промежутке с 1812 г. по 1825 г. включительно, а вот по с. Навесное лишь с 1830 г. по 1845 гг. [4]. Таким образом, прямое сравнение можно провести лишь по первым двум приходам. Что касается с. Навесное, то сравнение было сделано с результатами исследования демографических процессов в Орловской и Тульской губерниях на промежутке с 1830 г. по 1850-е гг., которое было проведено несколько лет назад, а его результаты были опубликованы [5].

Обзор литературы

В советский период в рамках изучения народонаселения Европейской части России XVII–XIX вв. появилось несколько крупных трудов, носивших в большей степени обобщающий характер, без детализации на уровне отдельных населенных пунктов, приходов, локальных территорий [6–8]. К сожалению, при изучении больших цифр невозможно увидеть вариации демографических процессов и социального поведения населения на низовом уровне, и в этом случае применим микроисторический подход. В современной отечественной и зарубежной историографии этот метод хорошо себя зарекомендовал и используется в исторической демографии [9–11].

В постсоветский период в отечественной исторической науке внимание ученых-демографов концентрировалось не только на демографических показателях, но и на масштабных процессах, протекавших в дореволюционном российском социуме [12, 13]. В настоящее время в России существует несколько крупных научных центров по изучению проблем исторической демографии, где защищаются диссертационные работы и появляются новые труды [14–16]. Кроме отечественных исследователей, обращавшихся к опыту изучения демографических процессов имперской России, есть иностранные специалисты, оставившие свой след в российской и мировой науке [17, 18].

Методы исследования

В работе были использованы различные традиционные методы исторического исследования (ретроспективный метод, принцип историзма и т. д.). Использование сравнительного метода способствовало выявить общие и отличительные признаки изучаемых явлений, связанных с демографической динамикой и социальной структурой. Также были применены цивилизационный метод и связанная с ним теория модернизации общества. Структурно-функциональный метод, связанный с выделением в отдельных системах их структуры — совокупности устойчивых связей между

ее элементами, позволил детально рассмотреть формы социальной организации и особенности повседневной жизни сельского общества на примере брачных отношений.

Важное место в работе занял микроисторический метод исследования, тесно связанный с методикой изучения локальной истории. С его помощью на примере конкретных населенных пунктов и приходов православных церквей можно увидеть вариации демографических процессов и социального поведения местного социума, что невозможно сделать при использовании обобщенных статистических данных на уровне крупной административно-территориальной единицы.

Кроме того, были активно применены математические и статистические методы и связанные с ними современные компьютерные технологии.

Все представленные методики были апробированы и использовались в конкретно-научных исследованиях архивного материала XVII в. — начала XX вв. Методология работы с демографическими источниками хорошо описана в отечественной научной литературе и не требует дополнительного освещения в данной работе [19].

Результаты

Основным населением ливенских приходов в начале XIX в. было однодворческое население, владельческие крестьяне составляли не более $\frac{1}{4}$ местных жителей, что автоматически позволяет считать данные приходы смешанными.

Приступая к описанию демографических процессов, стоит отметить общую специфику основного источника. Метрические книги появились только во второй четверти XVIII в. Несмотря на их обязательное ведение и последующее хранение, это редко исполнялось в практической деятельности вплоть до 1770-х гг. Сохранность метрик XVIII в. фрагментарна, часто мало информативна в отношении записей о смертности прихожан (не велась фиксация умерших младенцев, не указывались возраст и причины смерти), редко указывался возраст брачующихся пар и т. д. Эти особенности метрических книг хорошо описаны в отечественном источниковедении и не требуют дополнительных комментариев. Вследствие перечисленных причин сложно провести полноценное демографическое исследование на уровне отдаленно взятого прихода. Именно поэтому наше исследование начинается только с первой половины XIX в. и не охватывает более ранний период.

Уровень рождаемости в Казанском приходе с. Гатище колебался в пределах 115–145 новорожденных детей в год и имел положительную динамику роста. Среднее количество появившихся в приходе детей увеличилось со 120 чел. в 1812 г. до 128 чел. к 1825 г. Уровень смертности на этом отрезке существенно снизился в среднем с 70 до 50 чел. в год. К сожалению, в источнике нет сведений о причинах смерти прихожан, но анализ возрастного распределения умерших позволило сделать несколько выводов. Младенческая смертность за период составила 29,5 %, а совокупно с детьми в возрасте до 5 лет — 57 %. В первую очередь, регистрация младенческой смертности в первой четверти XIX в. продолжала оставаться неполной в силу мировоззренческих и религиозных представлений духовенства. В нашем случае сложно сказать имел ли этот факт определяющую роль, так как доля умерших детей все-таки была подавляющей среди всех возрастных групп. Во-вторых, возможной причиной низкой детской смертности являлось отсутствие существенных вспышек инфекционных заболеваний, хотя это только предположение, лишь частично подтвержденное. В целом сочетание роста рождаемости на фоне существенного снижения смертности породило

эффект высокого естественного роста населения в приходе, что было не совсем типично для рассматриваемого периода времени.

Стоит отметить, что уровень брачности в приходе за это время существенно снизился: с 30 до 20 браков в среднем за исследуемый период. Это явление объяснимо возможным сокращением потенциальных женихов и невест вследствие общего старения населения молодого прихода. Это типичная ситуация, когда преимущественно первопоселенцами являются лица фертильного возраста. В таких поселках традиционная половозрастная пирамида складывается в течение нескольких десятилетий, и перекосы в сторону увеличения или снижения определенной доли возрастных групп могли ощущаться долгое время. В зависимости от этого менялись и тенденции демографических процессов.

В соседнем Козьмодемьянском приходе с. Круглое в тот же период времени уровень рождаемости находился на одном уровне, с небольшой тенденцией к снижению. Число новорожденных в приходе колебалось в районе 60–100 чел. Уровень смертности в приходской округе имел уверенную динамику роста числа умерших. Скорее всего, это было связано с лучшей регистрацией младенческой смертности, так как общее увеличение смертности было обеспечено ростом умерших детей в возрасте до 1 года. В общем младенцы составляли 31 % умерших, а в совокупности с детьми до 5 лет — 57 %, что идентично данным по Казанскому приходу с. Гатище. К сожалению, как и в предыдущем примере, причины смертности населения в источнике отсутствуют. Сочетание низкой рождаемости на фоне повышенной смертности привело к тенденции снижения естественного прироста населения в исследуемый период, хотя в среднем он оставался высоким — около 30 чел. ежегодно.

Уровень брачности в исследуемом приходе показал двукратный рост — с 10 до 20 браков в среднем. Основная часть брачующихся были жителями прихода. К сожалению, в источнике отсутствует информация о возрасте бракосочетавшихся, что было характерно для метрик этого времени.

В Богоявленском приходе с. Паниковец Елецкого уезда на аналогичном промежутке с 1812 г. по 1826 г. уровень рождаемости показывал стабильно высокий рост и в среднем увеличился с 60 до 120 новорожденных в год, то есть в два раза. Это соответствует динамике рождаемости в приходе и на длительном промежутке с 1780 г. по 1850 г.

Уровень смертности в Богоявленском приходе с. Паниковец как на коротком (с 1812 г. по 1826 г.), так и на длительном хронологических отрезках показывал примерно одинаково высокий темп увеличения умерших жителей. Показатели общей смертности частично соответствовали уровню увеличения новорожденных, о чем свидетельствуют цифры по половозрастным группам умерших. К сожалению, как и в предыдущих приходах причины смерти в первой четверти XIX в. отсутствуют. Несмотря на почти пропорциональный рост рождаемости и смертности в приходе, естественный прирост населения на отрезке с 1812 г. по 1826 г. увеличился в два раза. Этому способствовала и высокая брачность прихожан, среднее количество браков за исследуемый период выросло с 17 до 28.

Уровень рождаемости в Богоявленском приходе с. Навесное на исследуемом промежутке имел уверенную тенденцию незначительного роста. Количество новорожденных в приходе в среднем за период выросло со 137 до 152. При этом уровень смертности приобрел тенденцию к снижению: с 115 до 105 умерших в среднем на исследуемом хронологическом промежутке. Хотя в 1836 г. количество умерших превысило число

новорожденных на 12 чел., несмотря это вызвало уверенный естественный прирост приходского населения. Данное сочетание смертности и рождаемости, как и в приходе с. Гатище, привело к двукратному естественному приросту населения.

На этом фоне выразительно выглядит бурный рост числа супружеских пар в Богоявленском приходе с 15 до 33 в среднем за исследуемое время. Из этого следует вывод о росте молодого населения прихода.

Во второй четверти XIX в. в Центральной России наблюдалось падение темпов естественного прироста сельского населения, особенно владельческого крестьянства. В свое время автор обращался к этой теме и изучил демографические процессы на микродемографическом уровне (приходском) в отношении сел Кромского (Слобода, Пенное, Шахово, Вожево), Ливенского (Речица, Россошное, Троицкое) и Малоархангельского (Корсунское) уездов Орловской губернии и приходы сел Новосильского уезда Тульской губернии (Дичня, Богоявленское, Знаменское, Суры, Спасское на Раковке).

В рамках проведенной работы были сделаны определенные выводы. Почти везде наблюдались повышение числа смертей в 1840–1842 гг. и 1848 г., связанные со вспышками инфекционных заболеваний, особенно выделялся 1848 г. когда повсеместно бушевала холера. Снижение темпов естественного прироста было связано с сочетанием сокращения рождаемости и увеличения смертности, связанных с неблагоприятными социально-экономическими явлениями: неурожаями, голодом, вспышками инфекционных и иных видов заболеваний.

В исследуемых приходах Ливенского и Елецкого уездов происходили похожие события, наблюдались увеличение смертности из-за роста заболеваемости от инфекционных заболеваний и снижение естественного прироста населения приходов. Таким образом, подтвердилось предположение о схожем протекании демографических процессов в русской деревне в Центральном Черноземье в исследуемый период.

Заключение

Изученный сельский социум в плане демографических процессов продолжал оставаться традиционным обществом. В целом, для всех изученных приходов были характерны рост рождаемости и невысокий уровень смертности, дававшие стабильный естественный прирост населения. Основными причинами смертности являлись вспышки инфекционных заболеваний, среди которых особенно распространенными были оспа, корь и холера. Даже в периоды относительно небольшого количества умерших инфекционные болезни уносили большую часть жизней, особенно детей в возрасте до 1 года. Часто священники о причинах их смертей писали такие диагнозы, как золотуха, младенческая, жар, понос и т. д., что указывает на распространение и иных причин смертности, связанных с антисанитарными условиями жизни крестьян, скудным рационом, отсутствием медицинского обслуживания деревни. Рост числа заключаемых браков свидетельствовал об увеличении молодого населения приходов, что вело к дальнейшему росту рождаемости и естественному приросту жителей.

Список источников

[1] Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII — начала XX вв. Москва: Издательский центр РГГУ, 2006. 384 с.

[2] Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сб. статей / Под ред. В. Н. Владимирова. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2007. 264 с.

- [3] Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. 157. Оп.1. Д. 440, 441.
- [4] Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 101. Оп.1. Д. 1752, 1780, 1802, 1804, 1805, 1806, 1807.
- [5] *Жиров Н. А.* Демографические тенденции в крестьянской среде Орловской и Тульской губерний во второй четверти XIX в. // Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных наук: сб. мат-лов обл. профильного семинара. 2 июня 2017 г. Елец: ЕГУ, 2017. С. 26-31.
- [6] *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет. Москва: Просвещение, 1973. 161 с.
- [7] *Кабузан В. М.* Население Центрально-земледельческого района в конце XVIII — 50-х гг. XIX в. // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989. С. 54-63.
- [8] *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / отв. ред. С. Г. Струмилин. Москва: Гос. стат. изд-во, 1956. 352 с.
- [9] Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции 5-6 октября 1998 г. / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. Москва: Изд-во ИВИ РАН, 1999. 316 с.
- [10] *Канищев В. В., Кончаков Р. Б., Мизис Ю. А.* Соотношение когортного и сплошного анализа демографического поведения российского крестьянства XIX — начала XX в. (по материалам с. Малые Пупки Тамбовской губернии) // Социально-демографическая история России XIX-XX вв. Современные методы исследования. Мат-лы науч. конф. г. Тамбов, апр. 1998 г. Тамбов: ТГУ, 1999. С. 60-71.
- [11] *Коллентур Х. А., Пайпинг Р.* Возраст вступления в первый брак в Нидерландах и России, 1730–1905: традиции или социально-экономические обстоятельства // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества: мат-лы междунар. конф. Тамбов: ТГУ, 2002. С. 43-57.
- [12] *Нефедов С. А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: УГГУ, 2005. 543 с.
- [13] *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 583 с.
- [14] *Бахарев Д. С.* Младенческая смертность в Пермской губернии в конце XIX — начале XX в.: опыт пространственного анализа // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых / отв. ред. М. А. Гордеева, Т. И. Морозова. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. С. 75–82.
- [15] *Кащенко С. Г.* Современные исследования по исторической демографии России. Особенности массовых источников и современные проблемы их изучения // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Мат-лы VIII конф. АИК. 2002. № 30. С. 182–183.
- [16] *Корнилов Г. Е.* Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3(44). С. 80–89.
- [17] *Wegren K. S.* Human capital and Russia's agricultural future // Post-Communist Economies. 2014. Vol. 26, No. 4. P. 537–554.
- [18] *Wegren K. S.* The Quest for Rural Sustainability in Russia // Sustainability. 2016. Vol. 8, No. 7. P. 1–18.
- [19] *Дьячков В. Л., Канищев В. В.* Уровни применения демографических коэффициентов: от микро до мезо. Тамбовская губерния, начало XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Б. Жиромская, В. В. Канищев. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2010. С. 71–90.

References

- [1] *Antonov D. N., Antonova I. A.* Metrical books of Russia of the XVIII — early XX centuries. M., 2006. 384 p.
- [2] Materials of the parish accounting of the population as a historical and demographic source: collection of articles / ed. by V. N. Vladimirova. Barnaul, 2007. 264 p.
- [3] State Archive of the Lipetsk Region (GALO), fond 157, series 1, files 440, 441.
- [4] State archive of the Oryol Region (GAOO), fond 101, series 1, files 1752, 1780, 1802, 1804, 1805, 1806, 1807.
- [5] *Zhirov N. A.* Demographic Demographic trends in the peasant environment of the Oryol and Tula provinces in the second quarter of the 19th century // School of young scientists on the problems of the humanities: collection of materials of the regional specialized seminar. June 2, 2017. Yelets, 2017. P. 26-31.
- [6] *Vodarsky Ya. E.* The population of Russia for 400 years. M.: Enlightenment, 1973. 161 p.
- [7] *Kabuzan V. M.* The population of the Central agricultural region in the late XVIII — 50s. 19th century // Historical geography of the Black Earth center of Russia (pre-October period). Voronezh, 1989. P. 54-63.
- [8] *Rashin A. G.* The population of Russia for 100 years (1811-1913). Statistical essays / ed. by S. G. Strumilin. M.: State Statistics publishing house, 1956. 352 p.
- [9] Historian in search. Micro and macro approaches to the study of the past. Reports and speeches at the conference October 5-6, 1998 / ed. by Yu. L. Bessmertnyy. M.: Publishing House of IWH RAS, 1999. 316 p.
- [10] *Kanishchev V. V., Konchakov R. B., Mizis Yu.* The ratio of cohort and continuous analysis of the demographic behavior of the Russian peasantry in the 19th — early 20th centuries (Based on materials from the village of Malye Pupki, Tambov province) // Socio-demographic history of Russia in the 19th-20th centuries. Modern research methods. Materials scientific. conferences. April 1998. Tambov, 1999. P. 60-71.
- [11] *Collenteur H. A., Paping R.* Age at first marriage in Eighteenth and Nineteenth century Russia and the Netherlands: tradition or economic and social circumstances? // Social history of the Russian province in the context of the modernization of the agrarian society: materials of the international conference. Tambov, 2002. P. 43-57
- [12] *Nefedov S. A.* Demographic and structural analysis of the socio-economic history of Russia. Ekaterinburg, 2005. 543 p.
- [13] *Mironov B. N.* Social History of Russia during the Empire period (XVIII — early XX century): in 2 vols. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. 587 p.
- [14] *Bakharev D. S.* Infant mortality in the Perm province at the end of the XIX — beginning of the XX century: the experience of spatial analysis // Actual problems of historical research: The view of young scientists / ed. by M. A. Gordeev, T. I. Morozova. Novosibirsk: CPI NSU, 2018. P. 75-82.
- [15] *Kashchenko S. G.* Modern research on the historical demography of Russia. Features of mass sources and modern problems of their study // Newsletter of the Association «History and Computer». The materials of the VIII AIC Conference. June 2002, No. 30. M., 2002. Pp. 182-183.
- [16] *Kornilov G. E.* Evolution of infant mortality in the Ural during the first half of the 20th century // Ural Historical Journal. 2014. No. 3(44). P. 80-89.
- [17] *Wegren K. S.* Human capital and Russia's agricultural future // Post-Communist Economies. 2014. Vol. 26, No. 4. P. 537-554.
- [18] *Wegren K. S.* The Quest for Rural Sustainability in Russia // Sustainability. 2016. Vol. 8. Issue 7. P. 1-18.

[19] *Dyachkov V. L., Kanishchev V. V. Levels of application of demographic coefficients: from micro to meso. Tambov province, the beginning of the XX century // Demographic and environmental problems of the history of Russia in the 20th century: a collection of scientific articles / ed. by V. B. Zhiromskaya, V. V. Kanishchev. M.; Tambov: Publishing House of TSU, 2010. P. 71-90.*

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00400) на базе на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 23-28-00400) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Yelets State University named after I. A. Bunin».

Информация об авторах

Жиров Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина; <https://orcid.org/0000-0001-8460-9865> (Российская Федерация, 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28/1; e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru).

About the authors

Nikolay A. Zhirov — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Senior Research Associate, Bunin Yelets State University; Scopus Author ID: 57193094479; <https://orcid.org/0000-0001-8460-9865> (28/1, Kommunarov St., 399770, Yelets, Russian Federation; e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-7>
УДК 94(47).84+314.7
JEL classification: J11

УРБАНИЗАЦИЯ НА УРАЛЕ В XX ВЕКЕ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ¹

Г. Е. Корнилов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>

Автор для корреспонденции: Г. Е. Корнилов (genakorn@mail.ru)

Аннотация. На основе государственной статистики и архивных материалов анализируется влияние урбанизации на воспроизводство населения, миграционные процессы, формирование городского населения Урала в XX в. Исходными теоретическими предпосылками стали две концепции — теории урбанистического и демографического переходов. Сделана попытка выявить региональные особенности в соотношении фаз урбанистического перехода с демографическим, миграционным и эпидемиологическим переходами, определить их взаимовлияние и взаимозависимость. Урбанизация выполнила свою историческую миссию в модернизации региона, выступила средством демографической модернизации.

Ключевые слова: население; состав населения; Урал; Свердловская область; урбанизация; демографический переход; миграционный переход; эпидемиологический переход

Urbanisation in the Ural in the 20th Century: Demographic Consequences

G. E. Kornilov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>

Corresponding author: G. E. Kornilov (genakorn@mail.ru)

Abstract. Based on government statistics and archival materials, the paper analyses the impact of urbanisation on population reproduction, migration processes, and the formation of urban population of the Ural in the 20th century. Theories of urban and demographic transitions were used as basic theoretical assumptions. The study attempted to identify regional features in the relationship between the phases of the urban transition and demographic, migration, and epidemiological transitions, as well as to determine their mutual influence and interdependence. Urbanisation has fulfilled its historical mission in the modernisation of the region, acting as a means of demographic modernisation.

Keywords: population; population composition; Ural; Sverdlovsk Oblast; urbanisation; demographic transition; migration transition; epidemiological transition

Введение

XX век в истории Урал стал периодом коренной трансформации демографической сферы, размещения и состава населения. Население Свердловской области выросло в 3,5 раза. Изменения были вызваны различными факторами, наиболее интенсивными из них оказались демографические, экономические, политические и социальные. Их катализатором выступила урбанизация. Понятие уровня урбанизации, или урбанизированности, трактуется по-разному. Для его оценки предлагаются комплексные показатели, учитывающие такие параметры, как доля горожан, доля крупных городов в структуре поселений, людность этих центров, площадь региона. Бытует и узкое толкование урбанизированности — как доли городского населения. В этом качестве оно

¹ © Корнилов Г. Е. Текст. 2023.

используется в статье, цель которой выявление взаимосвязи и взаимообусловленности урбанизации с демографическим, миграционным и эпидемиологическим переходами. Исследование проводилось на материалах Урала — региона, ставшего одним из лидеров урбанизации страны.

Материалы и методы

Известно, что факторы миграции, рождаемости и смертности не полностью совпадают. До сих пор не разработано теории, которая во всех взаимосвязях могла бы объяснить перемены, происходившие одновременно в численности, воспроизводстве и пространственных перемещениях населения. Изучение только рождаемости и смертности не является достаточным, так как миграции в динамике численности горожан играли важную роль. Поэтому теоретической основой стали две концепции — теория урбанизационного перехода и теория демографического перехода. Если первая теория рассматривает изменения главным образом в численности и миграции городского населения, то вторая — в его воспроизводстве, рождаемости и смертности.

В ходе подготовки статьи использован статистический материал, позволивший получить довольно разностороннее представление о тенденциях урбанизации, миграции и их влияния на городское население Урала. Использованные данные взяты из официальных публикаций или являются результатом авторской разработки первичных данных, извлеченных из государственных архивов, часть материалов опубликована автором.

Изучение истории городов в регионе, их экономической структуры, культурной роли имеет более чем вековую традицию в среде историков, географов, экономистов, демографов [1–8]. В отечественной науке, посвященной урбанизации в России, встречаются резко противоположные утверждения: от ее отрицания до признания урбанистической революции в XX в. в стране. Часть ученых подчеркивают превращение сельской России в городскую, урбанизированную страну: три четверти населения проживает в городах и поселках городского типа. Встречается и мнение о квазиурбанизации [9, с. 7–22]. Как верно заметил Г.М. Лаппо, не признать процесс урбанизации невозможно [10, с. 4]. Вместе с тем разразился спор об уровне урбанизации (доле городского населения в общем населении) [11, с. 2–21; 12, с. 171–190]. Появляются публикации, в которых бесосновательно утверждается, что политическое и социально-экономическое развитие страны стало основой депопуляции и демографического кризиса, который продолжается со времен Российской империи и до настоящего времени [9]. Урбанизация шла вместе с индустриализацией, или индустриализация шла вместе с урбанизацией. Расширение территориального размещения промышленных предприятий стало главным фактором формирования и развития городов, укреплялась экономическая основа старых административных центров, рабочие поселки вырастали до статуса города, создавались новые города [13, с. 3–25].

Результаты

Урбанизация изменила демографическое поведение и демографические структуры. Можно выделить следующие основные этапы урбанизационного процесса (или перехода) на Урале.

1. В конце XIX — начале XX вв. сельское население в Пермской губернии составило 94 % и существенно превышало городское (94 и 6 % соответственно), что показала

перепись населения 1897 г.¹ Особенностью Урала (срединной его части) была связка завод — город. Появившиеся в XVIII в. поселения около заводов долго не имели статуса городов, назывались заводами. В.П. Семенов-Тянь-Шанский, анализируя материалы Всероссийской переписи населения 1897 г., выделил официальные и «истинные города», в которых большая часть населения «получает жизненные средства не от земледелия» и они отличаются «торгово-промышленной бойкостью». На территории современной Свердловской области он вопреки официальному статусу относил 26 поселений, из них 23 завода [14, с. 72, 168–172]. На экономические показатели при определении городского поселения обращал внимание А. Войков. Он писал, что Екатеринбургский и Верхотурский уезды Пермской губернии являются местом сосредоточения «огромных заводских селений городского типа» [15, с. 19]. С учетом заводских поселений с людностью более 1000 чел. общая численность городского населения по переписи 1897 г. составляла 670359 чел. В этом случае доля городского населения Пермской губернии поднимается до 22,4 %². Урбанизационные тенденции набирали темп, но Первая мировая и Гражданская войны не дали им проявиться в полной мере.

2. Второй этап — ускоренная урбанизация. Понятие «городское поселение» в течение первой четверти XX в. претерпело значительные изменения. До революции наиболее крупные заводские поселения все чаще в экономических и географических трудах относились к городским поселениям. В 1920 г. на Урале создаются статистические органы, для учета численности горожан важно было четко определить круг городских поселений. Во Всероссийской городской переписи 1923 г. к категории «городские поселения» были отнесены не только заводские поселения, но и поселения при рудниках, шахтах, железнодорожных станциях³. Однако в течение 1920-х гг. вышел целый ряд законодательных актов, которые давали четкие основания для отнесения для отнесения того или иного населенного пункта к категории городского или сельского. Вместо понятия «заводской поселок» законодательно ввело понятие «рабочий поселок», который однозначно относился к городским поселениям.⁴ Во второй половине 1920-х — 1930-е гг. в условиях экстенсивной урбанизации произошел резкий рост как абсолютной численности, так и доли городского населения, что зафиксировала перепись населения 1939 г. Основной причиной явилась проводимая в то время политика форсированной индустриализации, вызвавшая значительный приток мигрантов в города. Население Свердловской области (в современных административных границах) выросло за 1926–1939 гг. выросло в 1,5 раза. Число имевших официальный статус городов в области увеличилось с 10 в 1926 г. до 21 в 1939 г., число жителей в них выросло за это время с 286,3 тыс. до 1141,7 тыс. (в 4 раза). Доля, проживавших в этих городах, составила в 1939 г. 76,6 %, при этом 23,4 % горожан проживали в 56 рабочих поселках. В 1939 г. 27,2 % городского населения области было сосредоточено в Свердловске (423,3 тыс.), 10,3 % — в Нижнем Тагиле (159,9 тыс.). За 13 лет население Свердловска увеличилось в 3,1 раза, а Нижнего Тагила — в 4,1 раза. За пятидесятилетний рубеж преваляла численность населения Каменска-Уральского и Серова.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Санкт-Петербург, 1905. С. 113.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. Санкт-Петербург, 1904. Т. XXXI. С.149–158.

³ ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

⁴ СУ РСФСР.1924. № 73. Ст. 726.

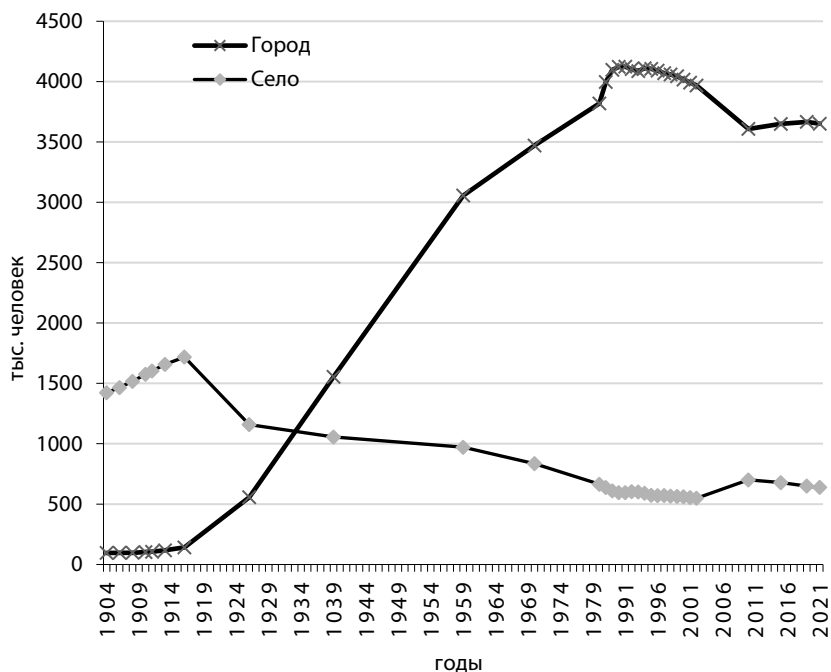

Рис. 1. Городское и сельское население Свердловской области в XX — начале XXI в., тыс. чел. (источники: Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. М., 1941. С. 102–106; Народное хозяйство Свердловской области. Стат. сб. к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1967. С. 138; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. М., 1981. С. 9–11; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. М., 1986. С. 9–11; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2020. Стат. сб. М., 2020. С. 324–329; Статистический ежегодник России за 1905 год (год второй). СПб., 1906. С. 49; Статистический ежегодник России за 1910 год (год седьмой). СПб., 1911. С. 43–44; Статистический ежегодник России за 1916 год (год тринадцатый). М., 1918. С. 92)

Население концентрировалось в крупных и средних городах¹. К концу 1930-х гг. был преодолен 50-процентный барьер — большая часть населения проживала в городских поселениях в Свердловской области (рис. 1). Челябинская и Молотовская (Пермская) области подходили к этому рубежу.

В военное время продолжился рост городского населения, его доля увеличивалась быстрыми темпами за счет выходцев из села и приема эвакуированных. В 1941 г. в Свердловской области было 24 города и 45 рабочих поселков, в 1945 г. 32 города и 61 поселок городского типа. 8 городов насчитывали менее 20 тыс. жителей, 17 — от 20 тыс. до 50 тыс., 5 — от 50 тыс. до 100 тыс., 2 — свыше 100 тыс. В 1,5–2 раза выросли

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. III. Москва, 1930. С. 77, 82–84; Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. Москва, 1941. С. 102–106; Административно-территориальное деление Свердловской области на 1 апреля 1939 г. Свердловск, 1939. С. 14–21.

города Верхняя Салда, Ирбит, Каменск-Уральский, Карпинск, Нижний Тагил, Серов¹. В результате возросла роль средних и больших городов в аккумуляции населения [16, с. 126–133]. Доля городского населения в области увеличилась с 60,8 % в начале войны до 71,2 % к концу войны.

Такая динамика сохранялась и после войны. К моменту проведения переписи населения 1959 г. в Свердловской области число городов выросло до 39. До конца 1950-х гг. количество сельских жителей сокращалось быстрее, чем росло в городах. Урбанизированность выросла до 76,0 %.

Рисунок 1 демонстрирует продолжающийся в 1960–1980-е гг. процесс интенсивной урбанизации. Наблюдался близкий к линейному росту численности и доли городского населения (в Свердловской области 86,6 %), что зафиксировали переписи населения 1970, 1979 и 1989 гг. В 1967 г. Свердловск стал первым на Урале городом-миллионником. Для интенсивной стадии, в отличие от ускоренной (или экстенсивной), присущи снижение масштабов увеличения численности и удельного веса городского населения, сокращение размеров миграционного прироста городов и опережающий рост горожан в наиболее крупных городах.

3. С начала 1990-х гг. рост численности и доля горожан стали уменьшаться, что зафиксировала перепись населения 2002 г. За 1990-е гг. все население области сократилось на 4,4 %, городское — на 4,0 %. Этот процесс продолжался до 2012 г. и вновь начался в 2017 г. Перепись 2020 г. зафиксировала 4276,5 тыс. жителей Свердловской области, из них 3668,3 тыс. горожан (85,77 %), сосредоточенных в 47 городах и 26 поселках городского типа (по состоянию на 1 октября 2021 г.). С 2002 г. по 2021 г. население области сократилось на 4,9 %, причем городское сократилось на 7,0 %, а сельское население, наоборот, выросло на 12,2 % [17, с. 68–73]². При сокращении горожан в Свердловской области население Екатеринбурга выросло до 1,5 млн чел.³. Это свидетельствует о том, что крупногородская стадия (или третий этап) урбанизации не завершена [3, с. 518].

Теория урбанизационного перехода рассматривает изменения главным образом в численности и росте удельного веса и миграции городского населения. Особая роль в демографическом развитии Урала принадлежит миграции как самому управляемому среди демографических процессов, игравшую особую роль в демографическом развитии Урала. На протяжении XX в. миграция являлась важнейшим фактором демографического развития, формирования городского населения. На Урале, занимавшем выгодное географическое положение между востоком и западом, миграционный переход проявился особым образом. До середины 1920-х гг. в миграции доминировал социально-политический фактор (первый этап); затем, до конца 1950-х гг. миграционный прирост осуществлялся под влиянием индустриализации, коллективизации и урбанизации, когда основным видом миграционных перемещений было движение из села в город (второй этап). На третьем этапе, до начала

¹Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1967 года. Свердловск, 1968. С. 6–13.

²Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по Свердловской области (по состоянию на 1 октября 2021 года). Т. 1. Численность и размещение населения Свердловской области. Екатеринбург: Управление федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области, 2022. https://sverdl.gks.ru/storage/mediabank/том%201_сайт.pdf.

³Итоги социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург» в 2021 году. <https://екатеринбург.рф/file/9dff2247df047a9988ab5b9621dffcf0>.

1990-х гг., наблюдалось ослабление потока село — город, а миграция приобрела ступенчатый характер (село — малый город — средний город и т. д.). Наконец, с начала 1990-х гг. (четвертый этап) имеет место рост возвратной миграции, доминирует поток «город — город». Примечательно, что на всех стадиях сохранялась миграционная привлекательность крупных городов. Сальдо миграции по г. Свердловску позволяет охарактеризовать результативность территориального перераспределения населения, ее роль в формировании населения. Если 1927 г. естественный прирост дал 13 % прироста горожан по сравнению с 1926 г., то миграция — 87, перед Великой Отечественной войной это соотношение составляло 49 и 51; в 1950 г. — 32 и 68, в 1964 г. — 34 и 664 в 1970-е гг. — 37 и 63 и, наконец, в 1980 г. это соотношение уравнилось: 50 на 50 % [18, с. 198–226; 19, с. 381; 20, с. 161]. В 1920-е и до начала 1980-х гг. основным источником формирования городского населения региона являлась миграция, первые два этапа миграционного перехода хронологически полностью совпадали с урбанизационным переходом. Этапы демографического перехода, в свою очередь, хронологически следовали после миграционных этапов. Переселения на новое место жительства связаны с откладыванием рождения детей и ориентациями на более низкие нормы детности.

Миграция влияла и на урбанизационные процессы, поскольку переселенцы размещались в первую очередь в городах. До 1980-х гг. она являлась основным источником роста городского населения региона. В совокупности приезд мигрантов, сокращение рождаемости, урбанизированный уклад жизни обусловили изменения ценности детей в семье. Всесоюзная перепись населения 1989 г. зафиксировала, что на территории Свердловской области население предпочитало модель двухдетной семьи [7, с. 62]. В конце 1980-х и в 1990-е гг. наметилась тенденция однодетности. Эволюция семьи преломлялась сквозь призму исторических и демографических явлений и действия миграционных процессов [21, с. 58–70].

Урбанизация XX в. оказалась основным фактором роста населения, триггером трансформации демографических структур и демографического поведения. Кардинальные изменения охватили, в первую очередь, процессы воспроизводства населения: рождаемость, смертность, продолжительность жизни горожан. На первом этапе осуществлялся переход от традиционного к современному типу репродуктивного поведения, в регионе он занял практически полвека. Его ход протекал очень бурно и сопровождался огромными потерями российского населения [6, с 5–21; 22, с. 38]. Поскольку Россия — территориально обширная страна, особенности ее демографической модернизации несли ярко выраженную региональную составляющую. В этой связи изучение процесса демографической модернизации невозможно без учета его специфики в различных районах. Демографическая модернизация, ядром которой являлся демографический переход, представлена как органическая составная часть модернизации традиционного общества. Следствием этих модификаций стали принципиальные изменения параметров смертности, рождаемости, брачности, численности и структуры населения. Они являлись важнейшим итогом промышленной революции, индустриализации, урбанизации, интенсивных миграций и формирования нового образа жизни как городского, так и сельского населения. На Урале отражались все векторы общероссийского процесса динамики народонаселения. Вместе с тем, динамика демографической модернизации Урала обладала целым рядом специфических характеристик. Они вытекали как из особенностей экономического и социокультурного развития региона, так и из его географического положения.

В конце XIX в. на Урале, как, впрочем, и во всей Российской империи, безраздельно доминировала аграрная экономика. Это, в свою очередь, явилось фундаментом абсолютного численного преобладания сельского населения. Процесс урбанизации на территории региона находился в самом зачаточном состоянии. Абсолютное количественное преобладание сельского населения порождало устоявшуюся патриархальность и отвечающий ей традиционный тип воспроизводства населения. Для него были характерны, прежде всего, очень высокие показатели рождаемости и очень высокие показатели смертности. Рождаемость в Пермской губернии в 1896–1901 гг. достигала 55,9 ‰, в 1914 г. она опустилась до 50,4 ‰¹. Средний показатель рождаемости городского населения Пермской губернии за 1897–1913 гг. составлял 43,3 ‰, что, согласно шкале Б.Ц. Урланиса, соответствовало очень высокому уровню. В то же время рождаемость в городах Пермской губернии была ниже, нежели среди уездного населения, в составе которого преобладало сельское население (58,3 ‰ за 1897–1915 гг.). Однако существовали различия и в сезонной динамике рождаемости городского и уездного населения. В городах существенно выше была доля внебрачных детей.

В этих обстоятельствах высокая рождаемость компенсировала высокую смертность, что обеспечивало хотя бы минимальные показатели естественного прироста. Рефлексией демографической подсистемы общества на такую демографическую ситуацию было появление особых социально-демографических механизмов. Их действие направлялось на достижение максимального числа детей в семье. К такого рода механизмам относилась ранняя и всеобщая брачность, высокая многодетность, строгое вето на средства контрацепции, безусловное осуждение аборт и т. д. Таким образом, на Урале, как, впрочем, и во всей стране, существовал явно нерациональный тип воспроизводства населения [22, с. 36–42; 23, с. 140–153].

Низкая демографическая эффективность традиционного типа воспроизводства заключалась в том, что для достижения относительно невысоких величин естественного прироста требовалось колоссальное перенапряжение репродуктивных усилий, особенно женщин. На Урале, как и в России, в конце XIX в. — начале XX в. остро стоял вопрос о коренной модернизации процесса воспроизводства населения. На Урале к этому времени почти созрели экономические, политические, социокультурные и демографические предпосылки для демографического перехода. Но демографический переход так и не развернулся в полную силу. Первая мировая война и последовавшие за ней революция и Гражданская война резко обострили демографическую ситуацию. В таких условиях демографическая модернизация была немыслима. Едва начавшийся вялый процесс складывания предпосылок для развертывания демографического перехода прервался. Выход из аномального состояния демографической подсистемы первоначально слабо обозначился только после нормализации политического, социально-экономического и культурного положения на основе новой экономической политики. Ближе к середине 1920-х гг. демографическая ситуация стабилизировалась. С этого времени установилось заметное снижение рождаемости в городских поселениях Урала с 40 до 29 ‰. Резкое падение общего коэффициента рождаемости происходило в экстремальных условиях голода 1932–1934 гг. (20 ‰) и в военных условиях в 1942–1944 гг. (11–12 ‰). Тем не менее еще длительное время ее уровень был довольно высоким. Второе заметное и более быстрое ее снижение произошло в 1950–1955 гг. с 31,7 до 20,6 ‰. В 1970–1980-е гг. наступила стабилизация рождаемости на уровне

¹ Статистический ежегодник России 1916 г. (Год тринадцатый). Вып. 1. Москва, 1916. С. 92.

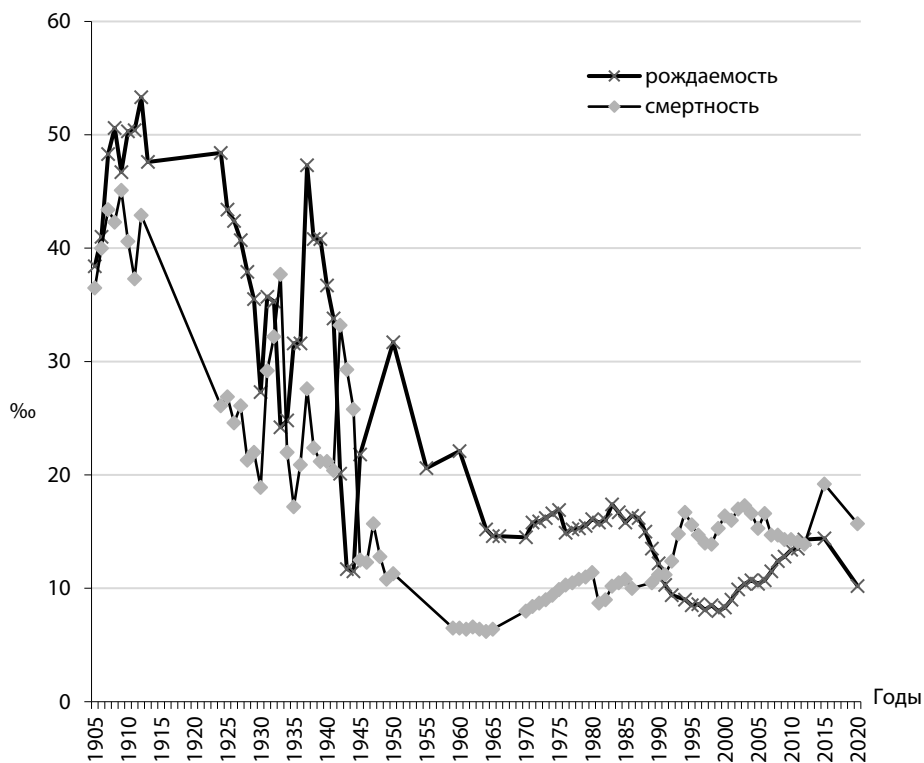

Рис. 2. Рождаемость и смертность городского населения Свердловской области в XX — начале XXI в., % (источники: ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 30. Л. 2; Д. 33. Л. 1–15; Д. 170. Л. 52–72. Д. 171. Л. 1; стат. сборники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области «Свердловская область в 2005–2009 гг.», в 2006–2010, 2007–2011, 2008–2012, 2009–2013, 2010–2014, 2011–2015, 2012–2016, 2013–2017, 2014–2018, 2015–2019 гг.; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 9, 18, 24; Свердловская область: демографическая ситуация в последнем десятилетии XX века: сб. Свердловского областного комитета государственной статистики. Екатеринбург, 1999; Свердловская область в 1990–1994 годах. Сб. / Свердловский областной комитет государственной статистики. Екатеринбург, 1995; Свердловская область в 1993–1997 годах. Сб. / Свердловский областной комитет государственной статистики. Екатеринбург, 1998; Свердловская область в 2006–2010 гг.; Свердловская область в 2010–2014 гг. http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/publications/official_publications/electronic_versions/archive/ (дата обращения 10.10.2016); Статистический ежегодник России. 1910 (год седьмой). СПб., 1911. С. 598–599, 601; Статистический ежегодник России. 1913 (год десятый). СПб., 1914. Отд. II. С. 1, 2; Статистический ежегодник России. 1916 (год тринадцатый). Вып. 1. М., 1918. С. 92; *Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1034 гг.* Т. 1. Сб. док. и мат-лов / Отв. ред. Г. Е. Корнилов. Оренбург, 2005. С. 257–258)

14–16 %о. (рис. 2). Снижение рождаемости в эти годы, особенно в 1960-е гг., было связано с деформацией половозрастной структуры, связанной с Великой Отечественной войной, а также со вступлением в наиболее фертильный возраст женщин 20–29 лет. Эти данные свидетельствуют, что первая фаза демографического перехода на Урале

периодически прерывалась внешними по отношению к демографической сфере факторами. Процессы урбанизации в регионе существенно опережали демографическую транзицию.

Модернизация смертности предполагала, прежде всего, установление контроля над смертностью экзогенного происхождения. Смертность такого типа непосредственно зависела от условий жизни уральцев, развития здравоохранения и санитарии. Сила внешних воздействий на здоровье горожан росла быстрее, чем способность противостоять этим воздействиям. Конец 1920-х гг. отмечен попыткой развернуть процесс демографической модернизации: снижалась инфекционная заболеваемость, развивались здравоохранение и санитария, повышался уровень материального потребления, что свидетельствовало о начале эпидемиологического перехода. Общий коэффициент смертности упал в городских поселениях Урала с более 40 ‰ в начале 1900-х до 18,9 ‰ в 1930 г. Однако поведение смертности не достигло стабильности (в условиях разразившегося голода ее уровень поднялся до 37,7 ‰ в 1933 г., затем упал до 17,2 ‰ в 1935 г. вновь вырос до 27,6 ‰, к концу 1930-х гг. остановился на уровне 20–21 ‰. В условиях Великой Отечественной войны смертность в городах существенно увеличилась (1942 г. — 33,2 ‰) и вновь, как и в 1933 г., превысила рождаемость. В послевоенное время, начиная с 1946 г., смертность городского населения неуклонно сокращалась, пик сокращения зафиксирован в 1964 г. на уровне 6,2 ‰. В 1970–1980-е гг. она держалась на 8–11 ‰. (рис. 2). Конец 1940-х — 1960-е гг. характеризовались быстрым и устойчивым процессом сокращения смертности. Произошла структурная перестройка основных причин смерти горожан, преобладали болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования, росла смертность от несчастных случаев и травматизма, особенно у мужчин трудоспособного возраста [24, с. 46–47]. Сокращение смертности протекало параллельно с сокращением рождаемости. Но это сокращение было очень медленным. Это был один из самых благополучных периодов демографической истории нашей страны. Очевидно, что в середине XX в. страна и люди изменились настолько, что созрели все предпосылки к развертыванию процесса демографической модернизации в его форсированном варианте. В первую очередь это выразилось в резком сокращении смертности горожан и смене репродуктивного поведения.

Идея В.Б. Жиромской о прерывности демографического перехода в СССР [25, с. 68–69], поддержанная В.А. Исуповым [22, с. 36–42], подтверждается на материалах Урала, когда в конце 1920-х — начале 1930-х гг. развернувшиеся в полную силу процессы форсированной индустриализации и насильственной коллективизации ввергли демографическую подсистему страны в состояние прострации, которая в ходе голода 1932–1933 гг. переросла в катастрофу и охватила городское население региона. В этих условиях застрельщиками нового репродуктивного поведения, связанного с установлением контроля над рождаемостью, стали жители крупных городов, главным образом административных, экономических и культурных центров — Свердловска, Нижнего Тагила, Перми, Челябинска, Магнитогорска. Важный шаг на пути демографической модернизации был сделан в годы Великой Отечественной войны в условиях резкого роста городского населения [26, с. 339–355]. Этот период характеризуется невиданным ранее по своим темпам сокращением рождаемости. Сокращение рождаемости в ходе войны вызывалось не эндогенными факторами совершенствования демографической подсистемы и демографической модернизации, но внешними ситуационными факторами, главным образом аномальными нарушениями

половозрастной структуры населения. Признаки демографической модернизации в военные годы необходимо искать главным образом в изменениях смертности [27, с. 94–107]. Анализ показывает, что в 1942–1945 гг. произошла глубокая перестройка структуры причин смерти. Она выразилась в сокращении смертей от инфекционных, желудочно-кишечных болезней и заболеваний органов дыхания. Сокращение смертности, которое фиксировала государственная статистика, явилось следствием не улучшения качества жизни, а адаптации населения к существованию в условиях военного времени. Демографические процессы военных лет представляют собой складывание предпосылок в виде трансформации причин смертности и их половозрастных характеристик, крайне необходимых для последующей демографической модернизации.

Немаловажную роль в развитии процессов демографической модернизации играла урбанизация Урала, развивавшаяся ускоренными темпами. В уральских городах формировался полноценный городской образ жизни, действовала советская система здравоохранения (доступная всем группам населения, бесплатная). Это означало, что городское население являлось застрельщиком нового репродуктивного и брачного поведения. Уровень рождаемости в городах был ниже, чем в сельской местности. Следовательно, чем выше был удельный вес горожан в составе населения, тем интенсивнее протекали процессы демографической модернизации. Нельзя не отметить, что к концу 1950-х гг. в регионе сформировались крупные города с населением, превышавшим 500 тыс. жителей, такие как Свердловск, Пермь, Челябинск. Многие уральские города превысили или вплотную приблизились к весьма важной по численности населения отметке 300 тыс. жителей: Нижний Тагил, Магнитогорск. Жители этих городов являлись основными застрельщиками нового, глубоко и сильно модернизированного демографического поведения. Воспроизводство населения стало более рациональным, не требовавшим «растраниживания» людских ресурсов и крайнего перенапряжения всей демографической подсистемы общества. Можно говорить о завершении к 1960-м гг. первой фазы демографического перехода (или первом демографическом переходе), о совпадении с окончанием первого этапа урбанизации.

Следующий этап демографической трансформации (1960-е – начало 1990-х гг.) оказался периодом благоприятного демографического развития. Он характеризовался понижением рождаемости на фоне низкой смертности, ростом показателей продолжительности жизни (рис. 2). Глубокие изменения всей демографической подсистемы общества явились результатом кардинальных изменений в матримониальном, прокреативном, жизнеохранительном, миграционном поведении людей. Снижение смертности было связано с завершением в 1960-е гг. эпидемиологического перехода. Улучшение санитарных условий и повышение качества медицинского обслуживания привели к резкому сокращению смертности населения от инфекционных заболеваний, туберкулеза. Экзогенные причины смерти ушли на задний план. На первое место в причинах смерти в городе вышли сердечно-сосудистые болезни, на второе — злокачественные новообразования, затем — несчастные случаи, отравления, травмы. Трансформация смертности включала борьбу с младенческой смертностью на Урале. Начавшийся демографический переход в первой трети XX в. обусловил почти двукратное ее сокращение. За первую половину XX в. младенческая смертность на Урале сократилась более чем в 4 раза. (с 440 ‰ в конце XIX в. до 72 ‰ в 1950-е гг.) [28, с. 82].

Изменение поведения смертности, являвшееся основным содержанием первой стадии демографического перехода, фиксировалось сначала преимущественно среди городского населения, а затем медленно захватывало и сельское население региона.

Уменьшение младенческой смертности оказалось основным компонентом сокращения смертности. Основными причинами ее снижения на Урале, как и по всей стране, стали развитие системы здравоохранения, внедрение новых медицинских препаратов, рост числа медицинских кадров (т. е. развитие системы, направленной на борьбу с причинами экзогенного характера), а также изменение характера ухода за детьми, рост гигиенической культуры, т. е. все то, что определяется общим культурным и материальным уровнем семьи. В целом трансформация смертности привела к увеличению средней продолжительности жизни. Это оказалось возможным благодаря внедрению в практику здравоохранения достижений медицинской науки, а также социальных мероприятий по улучшению условий труда и быта граждан. На второй фазе демографического перехода коэффициент рождаемости приблизился к уровню простого воспроизводства населения, а коэффициент смертности, хотя и испытал некоторое повышение, тем не менее оставался ниже уровня рождаемости.

Неблагоприятные исторические факторы, запечатленные в возрастной структуре населения 1989 г., в сочетании с ухудшившейся социально-экономической обстановкой в полной мере сказались на трендах рождаемости и смертности. Рождаемость резко упала, что в условиях повышающейся смертности привело к возникновению с 1991 г. депопуляционной тенденции в городах. Возврат к более высокой рождаемости конца 1930-х или хотя бы начала 1950-х гг. был маловероятен.

О незавершенности модернизации смертности свидетельствовали такие признаки, как высокий уровень общего коэффициента смертности (в 1990-е и начале 2000 гг. он колебался в диапазоне 13–19 ‰), значительный удельный вес среди умерших лиц трудоспособного возраста, а также сохранение элементов традиционной структуры причин смерти, в частности сравнительно высокой доли смертности от болезней органов дыхания. С 1991 г. по 2021 г. сохранялась убыль населения региона. Все население Свердловской области сократилось на 430,3 тыс. (на 9,1 ‰), при этом горожан стало меньше на 473,3 тыс. (на 11,5 ‰), количество селян увеличилось на 49,2 тыс. (на 7,3 ‰) (см. рис. 1).

Заключение

Урбанизация выступила средством модернизации страны, в том числе ее демографической составляющей. Ретроспективный анализ показывает, что XX в. урбанизация в регионе выступила триггером миграционных потоков и трансформации демографического развития. Вступление региона в длительную фазу депопуляции, начавшуюся в начале 1990-х гг. и продолжающуюся поныне, позволяет сделать вывод о необходимости существенной корректировки современной демографической политики.

Список источников

[1] Крупный город: концептуальные подходы к проблемам занятости населения / Е. Г. Анимца, Н. Ю. Власова, Я. П. Силин, Е. М. Кочкина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 1997.

[2] Закрытые атомные города России (особенности развития и управления) / Е. Г. Анимца, Н. Ю. Власова, Е. Б. Дворядкина, Н. В. Новикова, В. Н. Софронов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2002.

[3] Анимца Е. Г., Дворядкина Е. Б., Некрасов В. Г. Горнозаводские города: научно-теоретические аспекты исследования. Екатеринбург, 2004. 136 с.

[4] *Анимица Е. Г., Волкова Н. Ю.* Трансформации урбанистической структуры Урала // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. С. 518-523.

[5] *Анимица Е. Г.* Города Среднего Урала. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 364 с.

[6] Демографическая модернизация России. 1900-2000 / Под ред. А. Г. Вишневого М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

[7] *Кузьмин А. И.* Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 237 с.

[8] *Оруджиева А. Г.* Развитие городов Свердловской области в XX — начале XXI веков (краткий исторический экскурс) // Муниципалитет: экономика и управление. 2014. № 4(9). С. 59-72.

[9] *Григоренко Я. А., Резер Т. М.* Демографические кризисы в Свердловской области: социально-экономические аспекты // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. «022. № 3(7). <https://eee-region.ru/article/7109>.

[10] *Ланно Г. М.* Особенности российской урбанизации и их отражение в урбанистической структуре страны // Региональные исследования. 2004. № 1(3). С. 3-12.

[11] *Вишне夫斯基 А. Г.* Демографическая модернизация России и её противоречия // Мир России. 1999. № 4. С. 2-21.

[12] *Нефедова Т. Г.* Большой, малый, средний город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. Научный сборник. Отв. редактор А. Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 171-190.

[13] *Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И.* Среднеуральский меридиан: поляризация пространства старопромышленных регионов // Известия Российского географического общества. 2020. Т. 151. № 5. С. 3-25.

[14] *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб., 1910. С. 72, 168-172.

[15] *Войков А.* Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Известия Императорского русского географического общества. 1909. Т. XLV. Вып. 1.

[16] *Константинов О. А.* Новые городские поселения СССР периода Великой Отечественной войны // Научные записки ЛФЭИ. Вып. 12. Л., 1956. С. 126-133.

[17] *Чернядев А. П.* Всероссийская перепись населения 2002 г. и ее основные итоги по Свердловской области // Известия Уральского государственного экономического университета. 2004. № 9. С. 68-73.

[18] *Корнилов Г. Е.* Восточный поворот: миграции населения на Урал и с Урала в XX веке // Демографическая история России и регионов: сб. науч. трудов. Вып. II: Миграции населения / отв. ред. Г. Е. Корнилов. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2018. С. 198-226.

[19] *Комар И. В.* Урал. Экономико-географическая характеристика, М.: Изд-во АН СССР, 1959. 386 с.

[20] *Лебедев Ф.* Механическое движение населения городов Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 8-9. С. 158-165.

[21] *Бондарская Г. А.* Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет // Мир России. 1999. № 4. 58-70.

[22] *Исупов В. А.* Западная Сибирь в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Гуманитарные науки Сибири. 2013. № 2. С. 36-42.

[23] *Исупов В. А.* История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900-1950-е годы) // Исторический курьер. 2020. № 1(9). С. 140-153.

- [24] Курсаков Н. К., Бояршинова Н. П. Здоровье населения города Свердловска. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1978. 140 с.
- [25] Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Куличиково поле, 2012. 320 с.
- [26] Корнилов Г. Е. Влияние Великой Отечественной войны на воспроизводство населения (на материалах Молотовской области) // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 339-355.
- [27] Корнилов Г. Е. Население Свердловска в военные годы // Российская история. 2010. № 4. С. 94-107.
- [28] Корнилов Г. Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3(44). С. 80-89.

References

- [1] Large city: conceptual approaches to employment problems / E. G. Animitsa, N. Yu. Vlasova, Ya. P. Silin, E. M. Kochkina. Ekaterinburg, 1997.
- [2] Closed nuclear cities of Russia (features of development and management) / E. G. Animitsa, N. Yu. Vlasova, E. B. Dvoryadkina, N. V. Novikova, V. N. Sofronov. Ekaterinburg, 2002.
- [3] Animitsa E. G., Dvoryadkina E. B., Nekrasov V. G. Mining towns: scientific and theoretical aspects of research. Ekaterinburg, 2004.
- [4] Animitsa E. G., Volkova N. Yu. Transformations of the urban structure of the Urals // Trends in the Spatial Development of Modern Russia and Priorities of its Regulation. Tyumen: TSU-Press, 2022. P. 518-523.
- [5] Animitsa E. G. Cities of the Middle Urals. Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House, 1975. 364 p.
- [6] Demographic modernization of Russia. 1900-2000 / ed. by A. G. Vishnevsky M.: New Publishing House, 2006. 608 p.
- [7] Kuzmin A. I. Family in the Urals (demographic aspects of choosing a life path). Ekaterinburg: UIF «Science», 1993. 237 p.
- [8] Orudzieva A. G. The development of the cities of the Sverdlovsk region in the XX — early XXI centuries (a brief historical digression) // Municipality: economics and management. 2014. No. 4(9). P. 59-72.
- [9] Grigorenko Ya. A., Rezer T. M. Demographic Crises in the Sverdlovsk Region: Social and Economic Aspects // Regional economics and management: electronic scientific journal. 2022. No. 3(7). <https://eee-region.ru/article/7109>
- [10] Lappo G. M. Features of Russian urbanization and their reflection in the urban structure of the country // Regional studies. 2004. No. 1(3). P. 3-12.
- [11] Vishnevsky A. G. Demographic modernization of Russia and its contradictions // The Universe of Russia. 1999. No. 4. P. 2-21.
- [12] Nefedova T. G. Large, small, medium city and village in Russia // Geography, urban planning, architecture: synthesis of sciences and practices. Scientific Sat. / ed. by A. G. Makhrov. Smolensk: Oikumena, 2013. P. 171-190.
- [13] Nefedova T. G., Treiyvish A. I. Middle Urals meridian: space polarization in the old industrial region // Proceedings of the Russian Geographical Society. 2020. Vol. 151, No. 5. P. 3-25.
- [14] Semenov-Tyan-Shansky V. P. City and village in European Russia: an essay on economic geography. St. Petersburg, 1910. P. 72, 168-172.
- [15] Voikov A. The population of the villages of European Russia and Western Siberia // Izvestiya Imperial Russian Geographical Society. 1909. Vol. XLV. Issue 1.

- [16] *Konstantinov O. A.* New urban settlements of the USSR during the Great Patriotic War // Scientific notes of the LFEI. Vol. 12. L., 1956. P. 126-133.
- [17] *Chernyadev A. P.* The All-Russian Population Census of 2002 and its main results in the Sverdlovsk region // Proceedings of the Ural State University of Economics. 2004. No. 9. P. 68-73.
- [18] *Kornilov G. E.* The Eastern turn: migration of the population to the Urals and from the Urals in the XX century // Demographic history of Russia and regions: collection of scientific works. Issue II: Population migration / ed. by G. E. Kornilov. Ekaterinburg: IIA UrO RAS, 2018. P. 198-226.
- [19] *Komar I. V.* Ural. Economic and geographical characteristics, Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 386 p.
- [20] *Lebedev F.* Mechanical movement of the population of the cities of the Urals // The Economy of the Urals. 1928. No. 8-9. P. 158-165.
- [21] *Bondarskaya G. A.* Changing demographic behavior of Russian families over 100 years // The Universe of Russia. 1999. No. 4. P. 58-70.
- [22] *Isupov V. A.* Western Siberia in the context of demographic modernization: the first half of the twentieth century // Humanitarian sciences in Siberia. 2013. No. 2. P. 36-42.
- [23] *Isupov V. A.* History of Western Siberia in the Context of Demographic Modernization (1900s-1950s) // Historical Courier. 2020. No. 1(9). P. 140-153.
- [24] *Kursakov N. K., Boyarshinova N. P.* Health of the population of the city of Sverdlovsk. Sverdlovsk: Sredne-Uralsky book Publishing house, 1978. 140 p.
- [25] *Zhiromskaya V. B.* The Main Trends in the Demographic Development of Russia in the 20th Century. Moscow: Kuchkovo pole, 2012. 320 p.
- [26] *Kornilov G. E.* The Impact of the Great Patriotic War on Population Reproduction (Basing on the. Materials of the Molotov Region) // Modern History of Russia. 2021. Vol. 11, No. 2. P. 339-355.
- [27] *Kornilov G. E.* The population of Sverdlovsk in the war years // Russian History. 2010. No. 4. P. 94-107.
- [28] *Kornilov G. E.* Evolution of infant mortality in the Ural during the first half of the 20th century // Ural Historical Journal. 2014. No. 3(44). P. 80-89.

Информация об авторах

Корнилов Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий центром экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; <https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>. (Российская Федерация, 620108, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16; e-mail: genakorn@mail.ru).

About the authors

Gennady E. Kornilov — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for Economic History, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-6916-4439> (16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; e-mail: genakorn@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-8>
УДК 314.3+314.4(470.13)
JEL classification: J11

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КОМИ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1920-Е ГОДЫ¹

У. В. Лыткина

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-4875-6929>

Автор для корреспонденции: У. В. Лыткина (ulytkina@yandex.ru)

Аннотация. *Рассматривается естественное движение населения Коми автономной области в 1920-е гг. Анализ показателей рождаемости и смертности выполнен в разрезе пола, возрастных групп, крупнейших национальностей, уездов и волостей Коми автономии. Для выявления закономерностей естественного движения населения применяются картографические методы. Показано, что на территории региона сохранялся традиционный тип воспроизводства населения, а дифференциация интенсивности рождений и смертей во временном разрезе превосходила пространственную.*

Ключевые слова: естественное движение; рождаемость; смертность; население; Коми автономная область; Север России

Natural Movement of the Population of the Komi Autonomous Oblast in the 1920s

U. V. Lytkina

Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russian Federation). <https://orcid.org/0000-0002-4875-6929>

Corresponding author: U. V. Lytkina (ulytkina@yandex.ru)

Abstract. *The article examines natural movement of the population of the Komi Autonomous Oblast in the 1920s. The study analysed the birth and death rates for different sex groups, age groups, major ethnic groups and districts of the Komi oblast. Cartographic methods were utilised to identify patterns of natural movement of the population. The paper shows that the traditional type of population reproduction was preserved in the region, and the differentiation of the temporal intensity of births and deaths was stronger than the spatial one.*

Keywords: natural movement; birth rate; mortality rate; population; Komi Autonomous Oblast; Russian North

Введение

Республика Коми — крупный ресурсодобывающий регион на Европейском Севере России. Период 1920-х гг. в истории республики предшествовал масштабнейшим демографическим изменениям, вызванным индустриализацией и коллективизацией, созданием исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа. Поэтому естественное движение населения региона 1920-х гг. (до потрясений последующих десятилетий) представляет научный интерес. Данные могут использоваться для сравнения с последующими периодами и выявления трансформаций в воспроизводстве населения.

Основные демографические тенденции населения Коми автономной области 1920-х гг. рассмотрены в коллективных монографиях [1–2] и статьях Н. П. Безносовой [3–5]. Однако в перечисленных работах не дается детальный анализ структуры рождаемости и смертности по полу, возрасту, национальности и в территориальном разрезе.

¹ © Лыткина У. В. Текст. 2023.

В данной статье будут раскрыты эти аспекты. Особенно детально будут рассмотрены данные за 1926 г. Поскольку в этом году проводилась перепись населения, он наиболее удобен для расчета показателей интенсивности рождений и смертей в различных группах населения.

Так как в северных регионах демографическая ситуация часто очень различается даже в соседних населенных пунктах [6], особенный интерес представляет анализ показателей на муниципальном уровне [7]. В рассматриваемый период основной единицей статистического учета на местном уровне были волости. В статье для изучения естественного движения населения волостей будут представлены карты-схемы рождаемости и смертности.

Материалы и методы

Автономная область Коми (Зырян) была образована в августе 2021 г., а ее территория была уточнена в мае 1922 г. Область включала 4 уезда (Усть-Сысольский, Усть-Куломский, Усть-Вымский, Печорский), а административным центром был г. Усть-Сысольск, ныне Сыктывкар. В последующие годы административно-территориальное устройство Коми автономии многократно изменялось [8].

Исследование основано на материалах о естественном движении населения 1920–1929 гг. из Национального архива Республики Коми и Государственного архива Архангельской области. Для расчета коэффициентов рождаемости и смертности использовались итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. [9] в разрезе пола, возраста, национальности, 4 уездов, и 95 волостей. Для построения карт-схем использовались данные о координатах административных центров волостей из Геопортала Республики Коми и пространственные данные проекта Natural Earth.

Результаты и обсуждение

Крупное сравнительное исследование проекта «Европейская рождаемость» показало, что переход к устойчиво низкой рождаемости на территории Республики Коми приходился на 1920–1930-е гг. и был одним из самых поздних в Европе [10, с. 340]. Период 1920-х гг., в особенности первая их половина, в истории Коми края характеризуется спадом уровня жизни. В результате Первой мировой и Гражданской войн земледелие пришло в упадок. Посевные площади с 1917 г. по 1920 г. сократилось на 33 %, а поголовье крупного скота вследствие военных реквизиций и голода к 1921 г. уменьшилось на 31 % [11]. В некоторых районах часть населения голодала. Многие жители погибли или получили увечья в боях. Коми деревня переживала тяжелый демографический и экономический кризис. Довоенный уровень по основным показателям был достигнут только к 1925 г. [12]. Это не могло не сказаться на естественном движении населения.

Прежде всего рассмотрим динамику основных показателей. Число родившихся в 1920-е гг. менялось незначительно (табл. 1). Главным исключением стали 1920–1921 гг., что связано с еще продолжающейся тогда Гражданской войной. Число родившихся в 1920 г. было вдвое меньшим, чем в среднем за десятилетие, а в 1921 г. — меньше на 21 %. Число умерших изменялось на протяжении всего периода — от 4353 до 7215 чел. в год. Пики смертности были зафиксированы в 1923, 1925 и 1927 гг. Два последних связаны с высокой младенческой смертностью (свыше 324 ‰), которая, вероятно, вызвана вспышкой детских инфекционных болезней [5, с. 118]. Пик естественного прироста пришелся на 1926 и 1928 гг. (более 6 тыс. чел.).

Таблица 1

Показатели естественного движения населения Автономной области Коми в 1920-е гг., чел.

Год	Число родившихся	Число умерших	Умерших в возрасте до 1 года	Естественный прирост
1920	4760	4353	1479	407
1921	7677	4768	1919	2909
1922	9341	6054	2341	3287
1923	9145	7185	2535	1960
1924	9881	5592	2360	4289
1925	9784	6496	3174	3288
1926	10622	4383	1767	6239
1927	9768	7215	3287	2553
1928	10998	4640	1987	6358
1929	10730	5261	2497	5469
Всего	92706	55947	23346	36759

Составлено по: архивные материалы Комистата, [1].

Таблица 2

Рождаемость в Автономной области Коми по уездам и полу, 1926 г.

Уезд	Число родившихся, чел.			ОКР
	всего	мальчиков	девочек	
Сысольский	3638	1843	1795	49,6
Усть-Куломский	3183	1660	1523	56,5
Усть-Вымский	2278	1164	1114	48,5
Ижмо-Печорский	1523	779	744	54,8
Всего	10622	5446	5176	52,0

Составлено по: НА РК, ф. Р-140, оп. 1., д. 501, л. 1-4; НА РК, ф. Р-140, оп. 1., д. 502, л. 1-8.; НА РК, ф. Р-3, оп. 1, д. 253, л. 15-22.

В 1926 г. в Автономной области Коми родились живыми 10622 чел. Общий коэффициент рождаемости (ОКР) при этом составил 52,0 ‰. По уездам величина изменялась незначительно — от 48,5 ‰ в Усть-Вымском уезде до 56,5 ‰ в Усть-Куломском. Мальчики составили 51,3 % родившихся (табл. 2). На первое полугодие пришлось 48,5 % рождений, на второе 51,5 %. Наибольшие значения — в январе (1044) и июле (1057), наименьшее — в мае (712). Число мертворожденных за год — 63.¹ Начиная с 1930-х гг. интенсивность рождений несколько сократилась и достигла 50 ‰ только однажды, в 1949 г. [1]

Рассмотрим дифференциацию общего коэффициента рождаемости по волостям (рис. 1). Медианное значение по 95 волостям составило 53,5 ‰. Значение ОКР ниже 40 ‰ зафиксировано в 9 волостях, из которых 4 расположены в северных частях Усть-Вымского уезда (Чупровская, Шошецкая, Сереговская и Важгортская). Низкие показатели также демонстрируют отдаленные волости в восточной части региона, расположенные вдоль р. Печора и Уса (Усть-Кожвинская, Верхне-Усинская, Савиноборская). Эти территории находятся в наименее привлекательных районах для сельского хозяйства, что сказывается на половозрастной структуре населения и интенсивности рождений. В единственном городе (Усть-Сысольск) ОКР составил 46,0 ‰, что ниже

¹ НА РК, ф. Р-140, оп. 1, д. 500, л. 48.

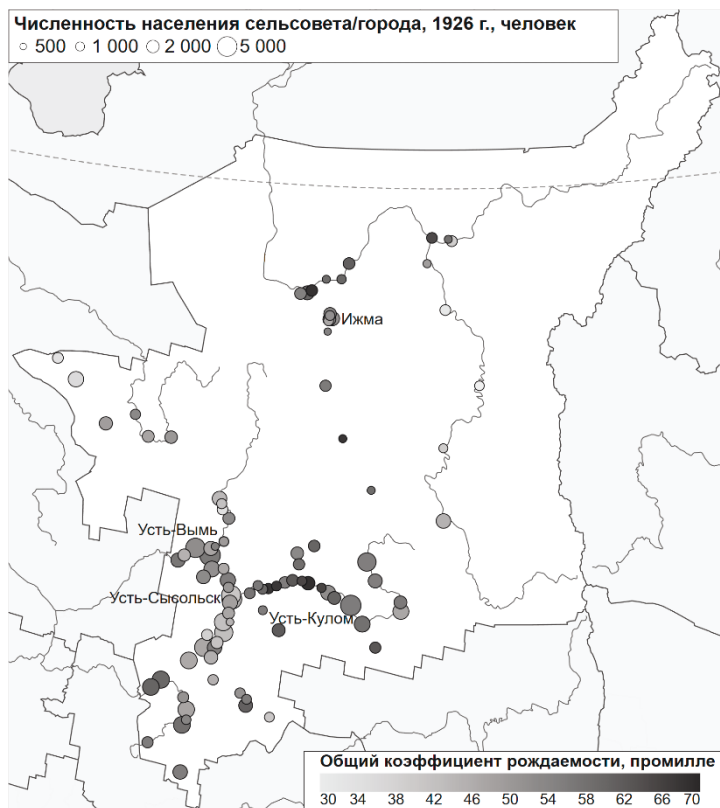

Рис. 1. Общий коэффициент рождаемости по волостям Автономной области Коми в 1926 г. (примечание: круги расположены в местах размещения административных центров волостей. Размеры кругов пропорциональны численности населения; источники: сост. по: НА РК, ф. Р-140, оп. 1., д. 501, л. 1–4; НА РК, ф. Р-140, оп. 1., д. 502, л. 1–8; НА РК, ф. Р-140, оп. 1, д. 429, л. 1–5; Геопортал Республики Коми)

среднего уровня. ОКР свыше 60 ‰ зарегистрирован в 18 волостях. Из них 10 расположены в Усть-Куломском уезде, а еще 5 — в Ижмо-Печорском. В Усть-Цилемской волости, которая вошла в состав Коми автономии позже, ОКР примерно соответствовал среднему уровню и составил — 52,9 ‰¹.

Смертность рассмотрим в разрезе пола, возрастных групп, национальностей, уездов и волостей. Возрастные коэффициенты смертности у мужчин превышают женские во всех возрастных группах кроме 10–14 лет (табл. 3). Обращает на себя внимание крайне высокая смертность в возрасте до 1 года (226,0 ‰ среди мальчиков и 179,7 ‰ среди девочек). Причем на возраст моложе 1 месяца приходится 28,7 % смертей, а на возраст от 1 до 5 месяцев — 45,6 %, от 6 до 11 месяцев — 25,7 %. Минимума смертность достигает в возрасте 10–14 лет (4,0 ‰). В самой старшей

¹ГА АО, ф. 187, оп. 1, д. 859, л. 64.

Таблица 3

Смертность в Автономной области Коми по полу и возрасту, 1926 г.

Возраст, лет	Число умерших, чел.			Возрастные коэффициенты смертности, ‰		
	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола
до 1 года	989	778	1 767	226,0	179,7	203,0
1-4	302	254	556	23,7	19,9	21,8
5-9	63	48	111	6,3	4,7	5,4
10-14	43	53	96	3,7	4,2	4,0
15-19	55	63	118	5,2	5,0	5,1
20-24	55	38	93	7,5	3,8	5,4
25-29	54	37	91	8,9	4,3	6,2
30-34	49	43	92	10,2	6,2	7,8
35-39	50	49	99	10,5	7,5	8,7
40-44	67	47	114	15,2	8,0	11,1
45-49	66	34	100	15,4	6,5	10,5
50-54	59	36	95	16,1	8,2	11,8
55-59	76	44	120	24,0	10,6	16,4
60-69	183	161	344	43,9	30,0	36,1
70 и более	225	242	467	101,7	74,7	85,7
не указан	61	59	120	—	—	—
Всего	2 397	1 986	4 383	25,4	17,6	21,1

Сост. по: НА РК, ф. Р-140, оп. 1., д. 503, л. 1-8; НА РК, ф. Р-140, оп. 1, д. 429, л. 15.

возрастной группе показатель составляет 85,7 ‰ (101,7 ‰ у мужчин и 74,8 ‰ у женщин).

Данные по структуре причин смерти за рассматриваемый период имеются только по городскому населению¹. Но и эта статистика не отличается высокой точностью. Из 156 случаев смерти в 1926 г. в 56 случаях причину определить не удалось. В остальных случаях наиболее распространенные причины: воспаление легких (16), туберкулез (16), старческая дряхлость (13), внешние причины (10), детская диарея (8), врожденная слабость и преждевременное рождение (7).

Общий коэффициент смертности (ОКС) несколько выше в Усть-Куломском уезде, а ниже — в Ижмо-Печорском, хотя разница не является очень большой. Среди коми (зырян) ОКС составил 21,6 ‰, а русских — 16,5 ‰. Как среди зырян, так и среди русских, смертность выше у мужчин (табл. 4). На первое полугодие пришлось 53,6 % смертей, на второе — 46,4 %. Наибольшее число смертей — в апреле (474) и мае (449), наименьшее — в июне (321) и ноябре (302). Пик младенческой смертности — в августе и сентябре².

В 14 волостях ОКС в 1926 г. был ниже 15 ‰. Они размещены в разных уездах. Показатели выше 25 ‰ в 22 волостях, а выше 30 ‰ — в 6 волостях, из которых 5 расположены в Усть-Куломском уезде (рис. 2). Это волости, находящиеся вдали от основной линии расселения на р. Вычегда: Большелугская, Нившерская. Позтыкересская, Мординская. Медианное значение по всем волостям Коми автономии — 21,8 ‰.

¹ НА РК, ф. Р-140, оп. 1., д. 503, л. 6.

² НА РК, ф. Р-140, оп. 1, д. 500, л. 48.

Таблица 4

Смертность в Автономной области Коми по уездам, крупнейшим национальностям и полу, 1926 г.

Уезд	Все население			В том числе:					
				зыряне			русские		
	муж- чины	жен- щины	оба пола	муж- чины	жен- щины	оба пола	муж- чины	жен- щины	оба пола
Число умерших, чел. Всего	2397	1986	4383	2256	1884	4140	132	95	227
Сысольский	865	685	1550	765	614	1379	98	71	169
Усть-Куломский	718	563	1281	715	561	1276	3	2	5
Усть-Вымский	505	463	968	475	442	917	27	21	48
Ижмо-Печорский	309	275	584	301	267	568	4	1	5
ОКС, %о Всего	25,4	17,6	21,1	26,0	18,0	21,6	20,1	13,3	16,5
Сысольский	26,1	17,1	21,1	26,9	17,5	21,7	21,0	14,3	17,5
Усть-Куломский	28,0	18,3	22,7	28,2	18,4	22,8	11,8	10,2	11,1
Усть-Вымский	23,7	18,1	20,6	23,9	18,5	21,0	19,2	12,1	15,3
Ижмо-Печорский	21,4	16,9	19,0	23,0	17,8	20,2	15,9	4,0	10,0

Сост. по: НА РК, ф. Р-140, оп. 1., д. 503, л. 1-8; НА РК, ф. Р-140, оп. 1, д. 429, л. 1-5.

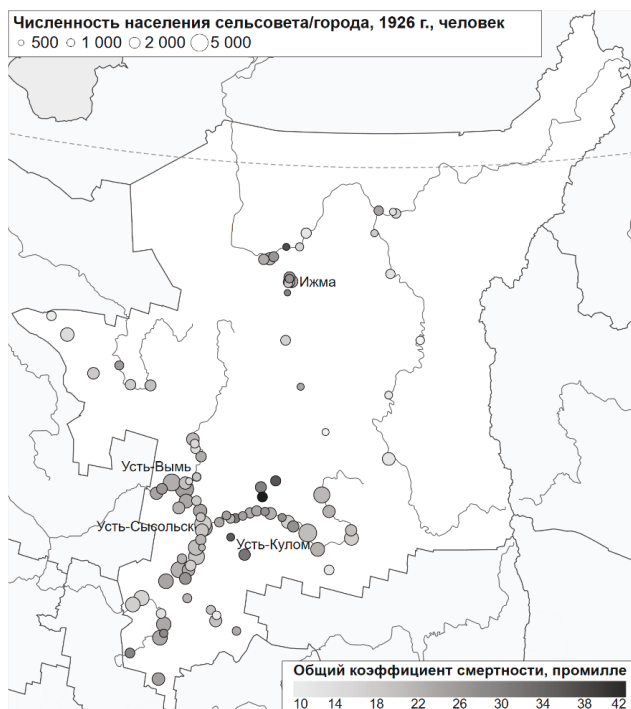

Рис. 2. Общий коэффициент смертности по волостям Автономной области Коми в 1926 г. (источник: сост. по: НА РК, ф. Р-140, оп. 1., д. 501, л. 1-4; НА РК, ф. Р-140, оп. 1., д. 502, л. 1-8; НА РК, ф. Р-140, оп. 1, д. 429, л. 1-5; Геопортал Республики Коми)

В столице региона Усть-Сысольске ОКС был чуть выше среднего — 23,7. Во всех волостях коэффициент естественного прироста в 1926 г. был положительным — от 14,6 ‰ в Большелугской волости до 50,8 ‰ в Вочевской (медианное значение — 30,5 ‰). В Усть-Цилемской волости Архангельской губернии ОКС составил 26,5 ‰, а коэффициент естественного прироста — 26,4 ‰¹.

Заключение

Исследование показало, что для населения Коми автономной области 1920-х гг. был характерен традиционный тип воспроизводства. При этом показатели могли меняться год от года двукратно под влиянием голода, Гражданской войны, вспышек заболеваний, недостаточного качества статистического учета. Особенно катастрофическим в отдельные годы было значение показателя младенческой смертности. В то же время в пространственном выражении показатели интенсивности рождений и смертей изменялись незначительно, а немногочисленные исключения являются скорее статистическими выбросами из-за низкой численности населения волостей. Для более полного понимания эволюции процессов воспроизводства населения необходимо провести подобный анализ по материалам 1930-х гг.

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России».

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the state assignment of the Komi Scientific Centre of the UrO RAS «Transformation of Society, Power and Economy in the Regions of the European North of Russia».

Список источников

[1] Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Загайнова Г. В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар: Полиграф-сервис, 2001. 124 с.

[2] Сквозников В. Я., Жеребцов И. Л., Фаузер В. В., Безносова Н. П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. 175 с.

[3] Безносова Н. П. Численность населения Коми автономной области в 1926 году: проблема отсутствия единства данных в источниках и историографии // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2017. № 4(32). С. 88-94.

[4] Безносова Н. П. Возрастнополовая структура населения Коми автономной области (АССР) в 1920-1930-е годы // Историческая демография. 2013. № 1(11). С. 43-48.

[5] Безносова Н. П. Естественное движение населения Республики Коми в 1926-1940 гг. // Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем Севере Евразии: Сб. научных трудов / Отв. ред. и сост. И. Л. Жеребцов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004. С. 111-125.

[6] Smirnov A. V., Lytkina U. V. Economic specialization and demographic development of settlements in the Northern region // Population and Economics. 2022. Vol. 6(2). P. 14-34. <http://doi.org/10.3897/popcon.6.e81561>.

¹ ГА АО, ф. 187, оп. 1, д. 859, л. 64.

[7] *Stjernberg M., Penje O.* Population Change Dynamics in Nordic Municipalities — Grid Data as a Tool for Studying Residential Change at Local Level. Stockholm: Nordregio, 2019. <http://doi.org/10.30689/R2019:1.1403-250>

[8] *Жеребцов И. Л.* Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20-30-е гг. XX в. // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. С. 264-271.

[9] *Таскаев А. М.* Подготовка, проведение и итоги Всероссийской переписи 1920 г. и Всесоюзной переписи 1926 г. в Коми автономной области: документы и материалы // Историческая демография. 2018. № 1(21). С. 77-93.

[10] *Alter C. G.* The Evolution of Models in Historical Demography // The Journal of Interdisciplinary History. 2020. Vol. 50, No. 3. P. 325-362. https://doi.org/10.1162/jinh_a_01445.

[11] *Якоб В. В.* Крестьянство Коми АО в период НЭПа, индустриализации, коллективизации (1920-1930-е гг.). Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2012. 216 с.

[12] *Сметанин А. Ф., Якоб В. В., Доброноженко Г. Ф.* Коми деревня в 20-е годы // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд. / под общ. ред. И. Л. Жеребцова, А. А. Попова и А. Ф. Сметанина. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. С. 322-330.

References

[1] *Fauzer V. V., Rozhkin E. N., Zagainova G. V.* The Komi Republic in the XX century: demography, resettlement, migration. Syktyvkar, 2001. 124 p.

[2] *Skvoznikov V. Ya., Zherebtsov I. L., Fauzer V. V., Beznosova N. P.* Population of the Komi Republic: past, present, future (as reported by the censuses). Syktyvkar: Komistat, 2001. 175 p.

[3] *Beznosova N. P.* Population of the Komi Autonomous Region in 1926: the problem of lack of unified data in sources and historiography// Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 4(32). Pp. 88-94.

[4] *Beznosova N. P.* Age and sex structure of the population of the Komi Autonomous Region (ASSR) in the 1920-1930s // Historical Demography. 2013. No. 1(11). P. 43-48.

[5] *Beznosova N. P.* Natural movement of the population of the Komi Republic in 1926-1940. // Ethno-demographic and ethno-cultural processes in the Far North of Eurasia / ed. by I. L. Zherebtsov. Syktyvkar: ILLH Komi SC UB RAS, 2004. P. 111-125.

[6] *Smirnov A. V., Lytkina U. V.* Economic specialization and demographic development of settlements in the Northern region // Population and Economics. 2022. Vol. 6(2). P. 14-34. <http://doi.org/10.3897/popecon.6.e81561>

[7] *Stjernberg M., Penje O.* Population Change Dynamics in Nordic Municipalities — Grid Data as a Tool for Studying Residential Change at Local Level. Stockholm: Nordregio, 2019. <http://doi.org/10.30689/R2019:1.1403-250>.

[8] *Zherebtsov I. L.* Administrative-territorial and demographic changes in the Komi region in the 20-30s. 20th century // History of Komi from ancient times to the present. P. 2. Syktyvkar: Anbur, 2011. P. 264-271.

[9] *Taskaev A. M.* Preparation, conduct and results of the All-Russia census of 1920 and the All-Union census of 1926 in the Komi Autonomous Oblast: documents and materials // Historical Demography. 2018. No. 1(21). P. 77-93.

[10] *Alter C. G.* The Evolution of Models in Historical Demography // The Journal of Interdisciplinary History. 2020. Vol. 50, No. 3. P. 325-362. http://doi.org/10.1162/jinh_a_01445

[11] *Yakov V. V.* The peasantry of the Komi Autonomous Okrug during the NEP, industrialization, collectivization (1920-1930s). Ekaterinburg: UB RAS, 2012. 216 p.

[12] *Smetanin A. F., Yakob V. V., Dobronozhenko G. F. Komi village in the 20s // History of Komi from ancient times to the present. Vol. 2. 2nd ed. / ed. by I. L. Zherebtsov, A. A. Popov, A. F. Smetanin. Syktyvkar: Anbur, 2011. P. 322-330.*

Информация об авторах

Лыткина Ульяна Владимировна — младший научный сотрудник, аспирант, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-4875-6929> (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: ulytkina@yandex.ru).

About the authors

Uliana V. Lytkina — Research Assistant, PhD Student, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-4875-6929> (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: ulytkina@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-9>

УДК 316.36

JEL classification: J11, J12, J13

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЕМЬИ НАУЧНОГО РАБОТНИКА (по материалам бюджетного обследования 1925 г.)¹

Л. Н. Мазур

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия); Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-0407-3816>

Адрес для корреспонденции: Л. Н. Мазур (Lmaz@mail.ru)

Аннотация. В статье на основе первичных данных бюджетного обследования научных работников 1925 г. проанализирована их семейная структура, рассмотрены особенности типологии и детности. Научное сообщество отличалось высоким уровнем брачности, что свидетельствует о значимости семьи для организации труда и быта ученого. При этом доходы научного работника должны были обеспечивать не только базовые потребности семьи, но и потребности более высокого порядка. Особые функции семьи ученого как важной предпосылки научного творчества получили отражение не только в высоком уровне брачности ученых, но и в распространении расширенного типа семьи.

Ключевые слова: научный работник; семья; бюджетное обследование; 1920-е гг.; СССР

Demographic Portrait of the Family of a Researcher (Based on the Budget Survey of 1925)

L. N. Mazur

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia); Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia). <https://orcid.org/0000-0003-0407-3816>

Corresponding author: L. N. Mazur (Lmaz@mail.ru)

Abstract. Based on the primary data of the budget survey of researchers in 1925, the article analyses their family structure, typology and parenthood status. The scientific community was distinguished by a high marriage rate, indicating the importance of the family for organising the work and life of a researcher. In turn, scientists needed sufficient income to satisfy basic and other needs of the family. These special functions of a researcher's family as an important prerequisite for scientific creativity are reflected not only in the high marriage rate, but also in the spread of the extended family type.

Keywords: researcher; family; budget survey; 1920s; USSR

Введение

Семья — это то жизненное пространство, в котором разворачивается и проходит значительная часть жизни человека. А для ученого дом и семья — это еще и территория творчества, что особенно важно для кризисных периодов истории, когда научные занятия выступают единственным средством ухода от реальности.

Из дневниковых записей М. Нечкиной. 17 апреля 1918 г. «Утро. Весна, совсем весна. Солнце освещает мою комнату, утро, тает снег, и подтаявшие его куски с грохотом валяются по водосточным трубам. Этот звук часто доносится ко мне в комнату и рождает жажду весны. ...

Пусть все кругом темно, пусть тяжело, пусть кажется, что все рушится, пусть кажется, что гибнет Россия, пусть заботы мелкие, ежедневные и потому страшные доводят

¹ © Мазур Л. Н. Текст. 2023.

душу до того, что хочется не быть, пусть стонет земля и плачет воздух — пусть все это так, но пока наука не умерла — жить еще можно!»¹

О значимости семейных отношений — заботы о близких и их поддержке — свидетельствуют не только источники личного происхождения, но и бюджетные обследования [1]. В 1925 г. ЦСУ СССР, ВЦСПС, Наркомтруда совместно с Центральной комиссией по улучшению быта ученых провели бюджетное обследование научных работников, проживающих в различных регионах страны.

Материалы и методы

Инициатором обследования выступила ЦеКУБУ, что свидетельствует о внимании власти к вопросам материального обеспечения ученых. Информация о том, как живут ученые, укладывалась в программу бюджетного обследования рабочих и служащих, поэтому для сбора информации были использованы соответствующие опросные листы «Обследование бюджетов» с дополнительными формами «листок питания», «приходно-расходные записи» и «бюджет времени». Этот комплекс документов — 300 бюджетов сохранился в ГАРФ и послужил основой для реконструкции повседневной жизни семьи советских ученых².

В бюджетную выборку попали столичные города — научные центры (Москва и Ленинград), составившие 1/3 от всей совокупности опрашиваемых, а также города — старые университетские центры (Киев, Харьков, Томск, Казань) и новые советские университетские города (Воронеж, Краснодар, Новочеркасск, Пермь, Ростов-на-Дону, Симферополь, Минск, Ташкент, Баку). Для проведения опроса отбирались семьи научных работников, по основному месту работы занятых в вузах и научных учреждениях, включая крупные музеи, библиотеки, обсерватории.

Для изучения повседневности ученых была спроектирована проблемноориентированная база данных, в структуре которой получили отражение несколько объектов — ученый, семья, жилье, собственно бюджет (доходы и расходы). Основным источником для заполнения БД послужил опросный бланк «Обследование бюджетов». Заполнение полей осуществлялось так, как это указано в документе, т. е. в источникоориентированном режиме [2, 3].

Структура базы данных содержит блоки информации:

- идентификационные поля (номер по порядку; номер бюджета; город — 3 поля);
- глава семьи (пол, основное и дополнительное место работы, стаж, профессия, образование, учебное заведение, национальность, семейное положение, возраст — 12 полей);
- семья (число членов семьи, тип семьи по Ласлету [4]; демографический тип семьи [5], число несовершеннолетних детей; число иждивенцев; наличие прислуги — 6 полей);
- хозяйство (полевое или огородное) — 2 поля;
- денежные доходы семьи (всего получено из основного источника дохода; тарифный разряд; прочие источники; натуральные поступления — 9 полей);
- помещение и расходы на него (род домовладения, вид помещения, характеристика жилья (индивидуальное / коммунальное / общежитие), число комнат, жилая

¹Дневник М. В. Нечкиной // Прожито.ру. <https://prozhitto.org/notes?date=%221918-01-01%22&diaries=%5B216%5D> (дата обращения: 10.02.2023).

²Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-5462. Оп. 7. Д. 397-412.

площадь, площадь на 1 члена семьи, отопление, плита, водопровод, канализация, ванная, освещение, стоимость помещения, одновременные расходы на помещение, расходы на топливо — 16 полей);

— баланс денежных доходов и расходов (поступления в течение месяца; израсходовано за месяц — 5 полей);

— состав денежных и натуральных поступлений и расходов (доход всего; зарплата по основному месту работы; зарплата по второстепенному занятию; прочие доходы главы семьи; социальные пособия; доходы других членов семьи; прочие виды дохода; прочие поступления; невыясненный доход; расходы всего; расходы на помещение; расходы на питание; на одежду; на культурно-просветительные нужды; общественно-политические расходы; прочие расходы; невыясненные расходы; натуральные поступления; расход натуральных продуктов — 37 полей);

— архивный адрес.

Большинство полей (24 поля) имеет дополнительную графу «примечание», в которой размещались комментарии регистратора, либо оператора, занимавшегося вводом информации.

Всего база данных включает 91 поле, 300 записей¹.

Созданная база данных послужила основой для изучения разных сюжетов повседневности ученых, в том числе особенностей семейной структуры и организации научных работников.

В целом в выборку попали все типы научных учреждений: 77,4 % составляют ученые, работавшие в высших учебных заведениях (в том числе, должность профессора занимали 38,3 %, преподавателя 34,6 %; ассистента 4,3 %) 5 % — сотрудники научно-исследовательских учреждений академического или отраслевого подчинения, и 5 % — занятых в научных учреждениях музейного, архивного и библиотечного типов. Такая структура в целом коррелирует с показателями текущего учета научных работников [6].

Интересный материал дает распределение ученых по сфере научной деятельности, где заметно преобладание ученых, специализирующихся в области медицинских и естественных наук, далее по частоте встречаемости следуют представители физико-математических (13,1 %) и гуманитарных (12,1 %) наук. Менее всего представлены в выборке юристы (1,4 %).

В целом, социальный портрет советского ученого середины 1920-х гг. имеет некоторые общие для данной социальной группы черты: наука в это время была преимущественно мужским занятием. Абсолютное большинство ученых занималось преподавательской деятельностью, имея стаж работы от 15 и более лет. В региональном разрезе столичный ученый отличается от провинциального по возрасту, стажу работы, сфере научной занятости. Еще более заметные отличия по половозрастной, национальной структуре научных сообществ союзных республик [7, 8]. Свой отпечаток на социальный портрет ученых накладывает историческая обстановка. Специфика момента времени состоит в том, что 1920-е гг. — это переходный этап, когда происходит смена поколений в науке. Он завершится к середине 1930-х гг. В 1925 г. социальный портрет

¹Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022620352 Российская Федерация. Бюджетное обследование научных работников СССР. 1925 г.: № 2022620085: заявл. 19.01.2022: опубли. 28.02.2022 / Л. Н. Мазур, Е. А. Долгова; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет».

Таблица 1

Распределение ученых по семейному состоянию и полу, чел.*

Семейное положение	Всего	Мужчин	Женщин
Состоит в браке	249	246	3
Вдова/вдовец	12	6	6
Холост / не замужем	19	15	4
Разведен / разведена	2	1	1
Всего	282	268	14

* Составлено по БД «Научные работники СССР. 1925 г.».

науки в СССР определяет генерация ученых, которая оформилась в конце XIX в. и достигла творческой зрелости в первом десятилетии XX в.

Результаты и обсуждение

Всего в бюджетном обследовании приняли участие 282 семьи, в составе которых были научные работники (282 чел.), в том числе 14 женщин (5,0 %) и 268 мужчин (95,0 %). Пропорция могла меняться в зависимости от территориального фактора: в Москве доля женщин-ученых составила 7,8 %, в российской провинции — 3,4 %, в республиках¹ таковые отсутствуют.

Большинство научных работников, участвовавших в обследовании 1925 г., состояли в браке (88,3 %). Лишь незначительная часть (12,8 %) по разным причинам не имели брачного партнера: 4,3 % — овдовели; два человека (0,7 %) были в разводе; 6,7 % относились к категории холостых / незамужних (табл. 1).

Обращает на себя внимание гендерный аспект состояния в браке: из 14 женщин-ученых, участвовавших в обследовании только 3 человека (21,4 %) были замужем, шесть человек овдовели, одна была в разводе и четыре — незамужними. Последняя категория — женщины в возрасте 35–36 лет, работавшие на ассистентских и секретарских должностях и проживавшие в составе расширенных семей с родителями и родственниками.

Развод еще не стал привычным явлением, хотя и был разрешен декретом от 16 декабря 1917 г.² В изучаемой выборке в число разведенных попала женщина в возрасте 38 лет — научный сотрудник Российской публичной библиотеки в Ленинграде, но не одинокая. Она проживала вместе с родственниками. В разводе значился также профессор физиологии из Среднеазиатского государственного университета (г. Ташкент) в возрасте 47 лет, отец двух детей.

Среди овдовевших (12 чел.) половину составили женщины в возрасте от 38 до 52 лет из Москвы, Ленинграда (3 чел.), Казани и Перми — сотрудницы библиотек, обсерватории и преподавательницы вузов (3 чел.), возглавляющие семьи из 3–6 чел. расширенного типа (с детьми и родственниками / родителями). Другая половина овдовевших — мужчины в возрасте от 37 до 70 лет, в том числе половина вдовцов старше 61 года. Среди овдовевших мужчин два научных сотрудника Академии наук из Москвы и Ленинграда, два преподавателя, работавшие на юге России (Краснодар и Новочеркасск) и два профессора (старше 61 года) из Донского государственного

¹ Белоруссии, Азербайджане, Узбекистане.

² О расторжении брака: Декрет ВЦИК и СНК от 16(29) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. 25 окт. 1917 г. 16 марта 1918 г. Москва: Гос. изд-во политической литературы, 1957. С. 237–238.

Таблица 2

Распределение семей ученых разных регионов по семейному состоянию, чел.*

Семейное положение	Столичные города РСФСР	Провинциальные города РСФСР	Украина	Союзные республики**	Итого, чел. / %
Состоит в браке	78	79	65	27	249/88,3
Вдова/вдовец	6	5	1	0	12/4,3
Холост/ не замужем	5	4	9	1	19/6,7
Разведен / разведена	1	0	0	1	2/0,7
Всего	90	88	75	29	282/100,0

* Составлено по БД «Научные работники СССР. 1925 г.».

** Азербайджан, Узбекистан, Белоруссия.

Таблица 3

Распределение семей ученых СССР по типу и размеру семьи*

Число членов семьи, чел.	Тип семьи		Всего	Удельный вес, %
	нуклеарная	расширенная		
1	—	—	1	0,3
2-4	76	50	126	44,7
5-7	47	95	142	50,4
8 и более	4	9	13	4,6
итого	127	155	282	100,0

* Составлено по БД «Научные работники СССР. 1925 г.».

университета и Киевского института народного хозяйства. Все проживают с семьей в составе 4–6 чел., как правило, расширенного типа — с детьми и родственниками.

В региональном разрезе наиболее высокий уровень брачности наблюдается в союзных республиках — закавказских, центральноазиатских республиках (93,1 %) и в провинциальных городах РСФСР (89,8 %), наиболее низкий — в Москве и Ленинграде (86,7 %). И напротив, удельный вес овдовевших был выше в РСФСР, особенно в столичных городах (табл. 2). Особенностью украинской выборки стала относительно высокая доля холостых / незамужних ученых (12,0 %), что в целом коррелирует с возрастной структурой научных работников в Украине (табл. 2).

О ранней стадии демографической модернизации свидетельствует распределение семей ученых по размеру и типу. Численно преобладают семьи среднего размера из 5–7 человек расширенного типа (33,7 %), далее следуют нуклеарные малые семьи (2–4 чел.) — 27,0 % (табл. 3).

Нуклеарная семья — простая по структуре, состоит из 1–2 поколений (брачная пара без детей, брачная пара с детьми, глава семьи с детьми) — рассматривается в демографии как результат процессов, связанных с демографической модернизацией [9–11]. Нуклеарные семьи составили в выборке в общей сложности 44,7 %, из них 82,7 % имели в составе несовершеннолетних детей, в том числе 1 ребенка — 45,7 % семей, 2 детей — 23,6 %, 3 и более детей — 13,3 % (табл. 4).

Количество несовершеннолетних детей в семьях ученых в целом соотносится с их возрастной структурой (преобладание средних и старших возрастных групп) и возрастом семи, большинство которых находится на завершающих стадиях своего жизненного цикла.

Таблица 4

Распределение семей ученых СССР по размеру и числу несовершеннолетних детей

Тип семьи	Число несовершеннолетних детей, чел.				
	нет	1	2	3	4 и более
Нуклеарная	22	58	30	12	5
Расширенная	46	57	35	12	4
Итого	68	115	65	24	9

* Составлено по БД «Научные работники СССР. 1925 г.».

Таблица 5

Распределение семей ученых разных регионов по типу*

Тип семьи	Количество типов семей по типу региона				Итого, абс. / %
	столичные города РСФСР	провинциальные города РСФСР	Украина	союзные республики	
Нуклеарная	35	40	34	18	127/45,2
Расширенная	54	48	41	11	154/54,8
Всего	89	88	75	29	281/100,0
Полная	78	79	65	27	249/88,6
Неполная	11	9	10	2	32/ 11,4
Всего	89	88	75	29	281/100,0

* Составлено по БД «Научные работники СССР. 1925 г.».

Больше половины семей научных работников (55,0 %) относились к расширенному типу, включая, кроме брачной пары с детьми, еще родителей, родственников, внуков. 67,1 % расширенных семей представлены средними по размеру (5–7 чел.) и большими (8 и более чел.) коллективами. При этом больше трети семей (36,2 %) не имели в своем составе несовершеннолетних детей. Один ребенок отмечен в 36,8 % расширенных семей, два ребенка — в 22,6 %, три и более детей — в 10,3 % семей (табл. 4). Таким образом, уровень детности в нуклеарных семьях был выше и составил в среднем 1,2 ребенка на семью, в расширенных — 1,07 ребенка.

Вместе с тем большой процент неразделенных (расширенных) семей в рассматриваемый период является не столько показателем архаичности семейной структуры научного сообщества, сколько реакцией социальных сетей на тяжелые условия жизни революционной эпохи, что объективно способствовало объединению родственников под одной крышей с целью материальной и психологической поддержки [12]. Но в еще большей степени распространению расширенного типа семей в изучаемый период способствовала жилищная политика, составной частью которой были мероприятия по уплотнению и самоуплотнению [13]. В частности, для научных работников была введена льгота, в соответствии с которой они могли выбирать (приглашать) соседей, в число которых в первую очередь попадали родственники и прислуга.

Распределение семей ученых по типам (нуклеарная / расширенная, полная (с брачной парой) / неполная (глава семьи не состоит в браке)) имеет региональную специфику (табл. 5). Так, например, нуклеарная семья преобладает в закавказских, центральноазиатских республиках и в Белоруссии (62,1 %), расширенные семьи — в столичных городах РСФСР (60,7 %) и в Украине (54,7 %). Обратная картина наблюдается с распределением полных / неполных семей: больше всего неполных семей в Москве и Ленинграде (12,4 %) и в Украине (13,3 %), наименьший удельный вес неполных семей ученых зафиксирован в союзных республиках (6,9 %). Что неудивительно:

Таблица 6

Распределение семей ученых разных регионов по размеру семьи*

Число членов семьи, чел.	Столичные города РСФСР	Провинциальные города РСФСР	Украина	Союзные республики**	Итого, абс. / %
1	1	0	0	0	1/0,3
2–4	35	35	43	13	126/44,7
5–7	51	47	29	15	142/50,4
8 и более	3	6	3	1	13/4,6
Итого	90	88	75	29	282/100,0

* Составлено по БД «Научные работники СССР. 1925 г.».

** Азербайджан, Узбекистан, Белоруссия.

Таблица 7

Распределение семей ученых СССР по размеру и числу несовершеннолетних детей

Число членов семьи, чел.	Число несовершеннолетних детей, чел.				
	нет	1	2	3	4 и более
2–4	51	62	13	0	0
5–7	17	52	49	21	3
8 и более	0	1	3	3	6
Итого, абс./%	68/24,2	115/40,9	65/23,1	24/8,5	9/3,2

* Составлено по БД «Научные работники СССР. 1925 г.».

столицы РСФСР, а также Украина в наибольшей степени ощутили последствия демографической катастрофы 1917–1922 гг., одним из проявлений которой было усиление половозрастного дисбаланса населения и, как следствие, — рост неполных семей в результате овдовения и повышенной смертности. Демографический кризис затронул не только основные социальные группы — рабочих и крестьян, понесших наибольшие потери в гражданской войне, но и ученых, оказавшихся в незащищенными в условиях голода, болезней, красного террора.

Украина отличается преобладанием малых семей (2–4 чел.) в структуре научного сообщества, их удельный вес составил более половины (57,3 %). В других регионах, в первую очередь в столичных городах РСФСР, чаще встречаются средние по размеру семьи (5–7 человек) — 56,7 % (табл. 6).

Как и в выборке в целом, в региональных массивах бюджетов основную факторную нагрузку, влияющую на размер семьи, несет показатель детности — признак «число несовершеннолетних детей». Семьи ученых по всем региональным группам преимущественно имели по одному ребенку (табл. 7). Многодетность чаще фиксируется в союзных республиках, включая Украину — от 4,0 % до 6,9 %, а также в провинциальных городах РСФСР — 3,4 % (табл. 8).

В выборке встречается всего одно домохозяйство, состоящее из 1 человека (0,3 %). Это мужчина — москвич в возрасте 29 лет, помощник технического редактора Госиздата, окончивший педагогический институт. Можно предположить, что в реальности «одиночек» было больше. По переписи 1926 г. в структуре населения Москвы одиночки составляли 3,6 % (73455 из 2025947 чел.), а в структуре самодеятельного населения — 6,8 %¹.

¹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VIII. Социальный состав и занятия населения г. Москвы. М.: ЦСУ, 1928. С. 2, 10.

Таблица 8
Распределение семей ученых разных регионов по числу несовершеннолетних детей*

Число несовершеннолетних детей	Количество городов по типу региона				Итого
	столичные города РСФСР	провинциальные города РСФСР	Украина	союзные республики**	
Нет	23	15	28	3	69
1	36	38	28	13	115
2	25	19	10	11	65
3	5	13	6	0	24
4 и более	1	3	3	2	8
Всего	90	88	75	29	282

* Составлено по БД «Научные работники СССР. 1925 г.».

** Азербайджан, Узбекистан, Белоруссия.

Таблица 9

Средний состав семьи в разных регионах СССР, чел.*

Тип семьи	Распределение типов семей по типам регионов				В среднем по типу
	столичные города РСФСР	провинциальные города РСФСР	Украина	союзные республики	
Нуклеарная	4,3	4,4	4,2	4,5	4,4
Расширенная	5,2	5,6	4,8	5,1	5,2
Полная	5,0	5,1	4,5	4,8	4,9
Неполная	4,1	4,1	4,3	3,0	4,1
В среднем по всей совокупности	4,8	5,1	4,5	4,7	4,8

* Составлено по БД «Научные работники СССР. 1925 г.».

В свою очередь, количество детей в семье зависело от уровня детской смертности, которая в изучаемый период была очевидно высокой, а также от уровня семейной консолидации (неразделенности).

Есть и специфические факторы, влиявшие на размер семьи — включение в ее состав не-членов семьи — прислуги, нахлебников и сирот¹. Так в составе семей расширенного типа «нахлебники» встречаются в 5,7 % случаев, а также есть примеры семей, где зафиксированы приемные «сироты» (0,4 %) и «беспризорники» (0,4 %). Но чаще дополнительным членом семьи выступает прислуга.

Прислуга как член семьи отмечена в каждом третьем бюджете (30,5 %). Приходящих домработниц в состав семьи не включали, но фиксировали в соответствующей графе бюджета. Всего больше половины семей научных работников имели прислугу (54,3 %), из них приходящую (37,9 %), проживающую в семье постоянно (60,8 %). Как правило, это женщина в возрасте 30–40 лет — домашняя работница, экономка или няня — грамотная, с начальным образованием, полученным в сельской школе.

Показателем, характеризующим всю изучаемую совокупность семей в целом, является средний состав семьи. В целом по выборке он составил 4,8 чел.: наименьший средний показатель наблюдается в неполных семьях ученых, проживающих на территории союзных республик. Наибольший — в расширенных семьях провинциальных

¹ ГАРФ, Ф. Р-5462. Оп. 7. Д. 401. Л. 24-28об, 156-162об; Л. 55-62об, 191-197об; Д. 412. Л. 162-168об.

городов. В столичных городах расширенная семья в среднем состояла из 5,2 чел., нуклеарная — из 4,3 чел. (табл. 9).

Бюджетные обследования фиксируют еще одно явление — достаточно высокую мобильность членов семьи, что нашло отражение в таком показателе, как «отсутствующие члены семьи». В 22,9 % семей, участвующих в бюджетных обследованиях, отмечены отсутствующие члены семьи, в том числе 1 человек отсутствует в 46 семьях, 2 чел. — в 14; 3 чел. — в 3; 4 чел. — в 1 семье. В расширенных семьях отсутствующие члены семьи зафиксированы в четверти случаев (24,5 %), в нуклеарных — в каждой пятой семье (20,5 %).

Особо высокой мобильностью отличался научный работник: в бюджетных бланках выделена специальная графа «Сколько дней в течение месяца жил в семье». Анализ данного признака показал, что в половине семей (52,8 %) глава (научный работник) все 31 день провел с семьей, никуда не выезжая. Отсутствие до 10 дней фиксируется в каждой третьей семье (30,9 %), 11–20 дней — в каждой десятой семье (11,0 %) семей, свыше 20 дней отмечено в 2,5 % случаев.

Причины отсутствия, как правило, не указаны, но в отдельных бланках есть пометки, которые позволяют предположить в качестве наиболее частой причины командировку (9 упоминаний), госпитализацию (2 случая), а также отъезд за город на дачу или к родственникам, как правило, вместе с другими членами семьи.

Таким образом, причины отсутствия можно ранжировать следующим образом: чаще всего по служебным надобностям (командировка, стажировка, участие в конференциях (съездах), по семейным причинам (с целью отдыха или посещения родственников и знакомых), по болезни.

Интерес представляет структурная характеристика семей ученых: 39,7 % семей имеет полная нуклеарная семья типа «брачная пара с детьми», полная трехпоколенная семья «брачная пара с детьми и родственниками» (16,3 %) и «брачная пара с детьми и родителями» (12,8 %) (табл. 10).

Их можно разделить на три группы:

- брачная пара / глава семьи с ближайшими родственниками — детьми, родителями, внуками (по вертикали) — 63,5 %;
- брачная пара / глава семьи с родственниками — братьями, сестрами, дядями, тетьми, племянниками (по горизонтали) — 34,7 %;
- семья, включающая посторонних членов (нахлебников) — 1,8 %.

Обращает на себя внимание разнообразие видов расширенных / неразделенных семей, насчитывающее почти два десятка разновидностей с вертикальным, горизонтальным и смешанным типами расширения с преобладанием вертикальных связей.

Данное распределение опосредованно отражает тактики семейной консолидации в условиях кризиса. Семья сплачивается перед лицом трудностей, укрепляя поколенческие связи. Объективно укрепляются отношения между родственниками на правах взаимопомощи. Для городской семьи показателен факт содержания посторонних иждивенцев — нахлебников, что можно рассматривать как результат решения жилищного вопроса: сохранения жилых помещений путем самоуплотнения — включения в состав семьи дальних родственников, прислуги, знакомых (табл. 11).

Влияние географического фактора прослеживается в следующих случаях: в столичных и провинциальных городах РСФСР наблюдается более высокий уровень диверсификации вариантов семейной организации. Наименьшее разнообразие характерно для союзных республик, где формируются новые научные центры, там

Таблица 10

Распределение семей ученых СССР по демографическому типу и структуре семьи*

Структура семьи	Число семей	Тип семьи		Средний размер семьи, чел.
		полная	неполная	
Нуклеарная семья	127	122	5	4,4
В том числе			—	
Брачная пара без детей	10	10	—	4,4
Брачная пара с детьми	112	112	—	
Мать (отец) с детьми	5	—	5	2,8
Расширенная семья	154	127	27	5,1
В том числе:				
Брачная пара с детьми и родственниками	46	46	—	5,3
Брачная пара с детьми и родителями	36	36	—	
Брачная пара с детьми, родителями и родственниками	15	15	—	
Брачная пара с родственниками	11	11	—	
Брачная пара с родителями	9	9	—	
Брачная пара с детьми и внуками	3	3	—	
Брачная пара с детьми и нахлебниками	2	2	—	
Брачная пара с нахлебниками	2	2	—	
Брачная пара с родителями и родственниками	1	1	—	
Брачная пара с внуками	1	1	—	
Брачная пара с детьми, внуками и родственниками	1	1	—	
Глава семьи с родителями и родственниками	10	—	10	4,3
Глава семьи с родственниками	7	—	7	
Глава семьи с детьми и родственниками	6	—	6	
Глава семьи с детьми и родителями	2	—	2	
Глава семьи с родителями	1	—	1	
Глава семьи с детьми, родителями и нахлебниками	1	—	1	
Итого	281	249	32	4,8

* Составлено по БД «Научные работники СССР. 1925 г.».

преобладают семьи с детьми с расширением как по вертикали, так и по горизонтали. Семьи с нахлебниками характерны в большей степени для провинциальных и столичных семей РСФСР.

В завершении характеристики семейных структур остановимся на феномене «одиночества» ученого. Речь идет о том, что в общественном сознании бытует миф об ученом-отшельнике, погруженном в мир научных идей и размышлений, далеком от семейных забот и тягот. Этот образ пришел из средневековья, когда знание концентрировалось в монастырях, а ученый монах был основным носителем этого знания. Эпоха просвещения породила свой идеал ученого — мыслителя, посвятившего себя науке. В советской версии этот идеал получил воплощение в фильме М. Ромма «Девять дней одного года» (1961 г.) в образе физика-ядерщика Гусева (А. Баталов). Его комедийный вариант — профессор Никитина из фильма «Весна» (1947 г. реж. Г. Александров). Этот образ утвердился и в литературе («Гиперболоид инженера

Распределение семей ученых разных регионов СССР по структуре и типу*

Структура семьи	Распределение количества семей определенной структуры по типам регионов				Итого
	столичные города РСФСР	провинциальные города РСФСР	Украина	союзные республики	
Нуклеарная семья	35	40	34	18	127
В том числе					
Брачная пара без детей	3	4	3	0	10
Брачная пара с детьми	29	35	31	17	112
Мать (отец) с детьми	3	1	0	1	5
Расширенная семья	54	48	41	11	154
В том числе					
Брачная пара с детьми и родственниками	16	14	11	5	46
Брачная пара с детьми и родителями	14	10	8	4	36
Брачная пара с детьми, родителями и родственниками	6	7	1	1	15
Брачная пара с родственниками	2	5	4	0	11
Брачная пара с родителями	6	0	3	0	9
Брачная пара с детьми и внуками	0	1	2	0	3
Брачная пара с детьми и нахлебниками	1	1	0	0	2
Брачная пара с нахлебниками	0	1	1	0	2
Брачная пара с родителями и родственниками	1	0	0	0	1
Брачная пара с внуками	0	0	1	0	1
Брачная пара с детьми, внуками и родственниками	0	1	0	0	1
Глава семьи с родителями и родственниками	1	3	6	0	10
Глава семьи с родственниками	2	1	3	1	7
Глава семьи с детьми и родственниками	4	2	0	0	6
Глава семьи с детьми и родителями	0	2	0	0	2
Глава семьи с родителями	0	0	1	0	1
Глава семьи с детьми, родителями и нахлебниками	1	0	0	0	1

* Составлено по БД «Научные работники СССР. 1925 г.».

Гарина» А.Н. Толстого). Насколько он был типичен для российской научной среды первой четверти XX века?

В выборке встречается всего один бюджет (0,4 %), где домохозяйство состоит из одного человека — мужчины в возрасте 29 лет, жителя Москвы украинской национальности (очевидно, мигрант), работающего в Госиздате помощником технического редактора. Он окончил педагогический институт и имел в целом невысокий доход — 109,3 руб. в месяц.

Для сравнения, в Москве по переписи 1926 г. зафиксировано 73455 одиночек, что составило 3,6 % от всего населения и 6,8 % по отношению к самостоятельному населению столицы.¹ Причем 97,1 % одиночек Москвы не имели отношения к науке и занимались сельским хозяйством (0,9 %), кустарно-ремесленной деятельностью (49,0 %), строительством (4,1 %), транспортом (18,3 %), торговлей (24,8 %). И только 2215 одиночек были отнесены к другим занятиям, включая научные². Если учесть, что удельный вес научных работников в структуре самостоятельного населения Москвы составляет 0,4 %, можно рассчитать соответствующую долю для одиночек: в Москве в 1926 г., по приближенным оценкам, насчитывалось 294 одиноких ученых, преимущественно мужчин в возрасте от 20 до 40 лет (55,5 %) и старше (35,9 %).

Таким образом, ученые-одиночки встречаются в 4 случаях на тысячу человек, то есть, крайне редко, что не поддерживает представлений об образе ученого-отшельника.

Заключение

Семья играла значительную роль в жизни научного работника, обеспечивая необходимые бытовые и психологические условия для научного творчества. При этом доходы научного работника должны обеспечивать не только базовые потребности семьи, но и потребности более высокого порядка — культурные, витальные, представительские и проч. Эти особые функции семьи ученого как важной предпосылки научного творчества получили отражение как в высоком уровне брачности ученых, так и сохранении расширенного типа семьи.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ 20-78-10095 «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant 20-78-10095 «Soviet Science as an Industry: Personnel, Infrastructure, Organisational and Management Practices (1920s–1970s)».

Список литературы

[1] Мазур Л. Н., Долгова Е. А. Бюджетное обследование научных работников СССР (1925): от источника к базе данных // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Мат-лы XLIII междуна. годичной науч. конф. Санкт-Петерб. отд-ния Рос. нац. комитета по истории и философии науки и техники Рос. акад. наук, Санкт-Петербург, 24–28 окт. 2022 года. Вып. XXXVIII. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2022. С. 32–37.

¹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VIII. Социальный состав и занятия населения Москвы. Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 2.

² Там же. С. 29.

[2] *Гарскова И. М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. Москва: МГУ; Gottingen: Scripta Mercaturae Verlag, 1994. 215 с.

[3] *Гарскова И. М.* Исследовательские базы данных: специфика создания, архивирования и каталогизирования // *Круг идей: новые архивные технологии.* Москва: Московское городское объединение архивов, 1996. С. 68–79.

[4] *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // *Брачность, рождаемость. Семья за три века: сб. ст. / под ред.: А. Г. Вишневого, И. С. Кона.* Москва: Статистика, 1979. С. 132–138.

[5] *Герасимова И. А.* Структура семьи. Москва: Статистика, 1976. 123 с.

[6] *Долгова Е. А.* Учет научных кадров в 1920-е гг. (на примере справочника «Наука и научные работники СССР») // *Творческое наследие В. О. Ключевского в истории, культуре и литературе.* Мат-лы VI междунар. науч. конф., посв. 175-летию со дня рождения выдающегося историка В. О. Ключевского. Пенза: ПГУ, 2016. С. 76–80.

[7] *Долгова Е. А.* Рождение советской науки: ученые в 1920-30-е гг. Москва: Изд-во РГГУ, 2020. 469 с.

[8] *Хабибрахманова О. А.* Научная интеллигенция 20-30х годов XX века: изменение состава, трансформация идентичности // *Ученые записки Казанского университета.* 2010. Т. 152. № 2-3. С. 122–129. (Сер. Гуманитарные науки).

[9] *Демографическая модернизация России, 1900–2000.* / Под ред. А. Г. Вишневого. Москва: Новое издательство, 2006. 608 с.

[10] *Вишевский А. Г.* Демографическая модернизация России и ее противоречия // *Мир России. Социология. Этнология.* 1999. № 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-modernizatsiya-rossii-i-ee-protivorechiya> (дата обращения: 26.03.2023).

[11] *Вишевский А. Г.* Эволюция российской семьи. Об истории развития семейных отношений россиян на протяжении всего XX века // *Экология и жизнь.* 2008. № 7-9 (№ 7, С. 4–11, № 8. С. 8–13, № 9. С. 4–9).

[12] *Мазур Л. Н.* Демографические катастрофы как фактор трансформации крестьянской семьи в России первой половины XX в. // *Известия Уральского федерального университета.* 2019. Т. 21, № 3 (190). С. 168–187. (Сер. 2. Гуманитарные науки). <http://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.3.054>

[13] *Долгова Е. А.* Квартирный вопрос для научных работников: от дома-коммуны к жилищному кооперативу // *Известия Уральского федерального университета.* 2021. Т. 23, № 4. С. 139–158. (Сер. 2. Гуманитарные науки). <http://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.071>

References

[1] *Mazur L. N., Dolgova E. A.* Budget survey of scientific workers of the USSR (1925): from source to database // *Science and technology: Questions of history and theory: Proceedings of the XLIII International annual scientific conference St. Petersburg Branch of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, October 24–28, 2022. Issue. XXXVIII. St. Petersburg: Scythia-print, 2022. P. 32–37.*

[2] *Garskova I. M.* Databases and data banks in historical research. Moscow; Gottingen: Scripta Mercaturae Verlag, 1994. 215 p.

[3] *Garskova I. M.* Research databases: the specifics of creation, archiving and cataloging // *Circle of ideas: new archival technologies.* M: Moscow City Association of Archives, 1996. P. 68–79.

[4] *Laslett P.* Family and household: a historical approach // *Marriage, fertility. Family for three centuries: Sat. Art. / ed. by A. G. Vishnevsky, I. S. Kon. M: Statistics, 1979. P. 132–138.*

- [5] *Gerashimova I. A.* Family structure. M: Statistics, 1976. 123 p.
- [6] *Dolgova E. A.* Accounting for scientific personnel in the 1920s. (on the example of the reference book «Science and scientific workers of the USSR») // Creative heritage of V. O. Klyuchevsky in history, culture and literature: Proceedings of the VI international scientific conference dedicated to the 175th anniversary of the birth of the outstanding historian V. O. Klyuchevsky. Penza: PGU, 2016. P. 76–80.
- [7] *Dolgova E. A.* The birth of Soviet science: scientists in the 1920s-1930s. M: RGGU Press, 2020. 469 p.
- [8] *Khabibrakhmanova O. A.* Scientific Intelligentsia of 1920-1930s: Change of Structure, Transformation of Identity // Proceedings of Kazan University. Humanities Series. 2010. V. 152, No. 2–3. P. 122–129.
- [9] Demographic modernization of Russia, 1900–2000. / ed. by A. G. Vishnevsky. M: New publishing house, 2006. 608 p.
- [10] *Vishnevsky A. G.* Demographic modernization of Russia and its contradictions // Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 1999. No. 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-modernizatsiya-rossii-i-ee-protivorechiya> (accessed on: 25.03.2023).
- [11] *Vishnevsky A. G.* The evolution of the Russian family. On the history of the development of family relations of Russians throughout the XX century // Ecology and Life. 2008. No. 7. P. 4–11; No. 8. P. 8–13; No. 9. P. 4–9.
- [12] *Mazur L. N.* Demographic Catastrophes as a Factor of Transformation of the Peasant Family in Russia in the First Half of the 20th Century // Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts. 2019. Vol. 21, No. 3(190). P. 168-187. <http://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.3.054>
- [13] *Dolgova E. A.* Housing questions for scholars: from a communal hose to a cooperative // Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts. 2021. Vol. 23, No. 4. P. 139-158. <http://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.071>

Информация об авторе

Мазур Людмила Николаевна — доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет; <https://orcid.org/0000-0003-0407-3816> (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; e-mail: Lmaz@mail.ru).

About the authors

Lyudmila N. Mazur — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Department of Document Management, Archival Studies and History of Public Administration, Ural Federal University; Leading Research Associate, Russian State University for the Humanities; <https://orcid.org/0000-0003-0407-3816> (51, Lenina Ave., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: Lmaz@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-10>

УДК 33(09) : 314(09) : 94(470.57)

JEL classification: N33 O13 Q12

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ФЕРМЕРСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЮЖНОГО УРАЛА¹

М. И. Роднов^а, Л. Ф. Тагирова^б

^{а, б} Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

^б <https://orcid.org/0000-0001-5967-2694>

Автор для корреспонденции: М. И. Роднов (rodnov@ufacom.ru)

Аннотация. На примере фермерских (предпринимательских) хозяйств Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в 1917 г. и Малой Башкирии в 1920 г. изучены демографические последствия Гражданской войны. Актуальность исследования связана с неоднородной социальной структурой сельского социума. В многоукладной экономике Южного Урала в начале XX в. сложился обширный слой зажиточных, чисто предпринимательских, кулацких (в терминологии той эпохи) хозяйств, в первую очередь, в черноземных степных и лесостепных волостях. Сделан вывод, что в условиях натурализации экономики фермеры — зажиточные крестьяне сумели сохранить свои хозяйства, а демографические последствия не привели к общей убыли населения из-за военных действий и гибели рыночной экономики.

Ключевые слова: историческая демография; экономика; сельское хозяйство; фермеры; Южный Урал

Demographic Impact of the Civil Wars on Farms in the South Ural

M. Rodnov^а, L. Tagirova^б

^{а, б} Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of RAS (Ufa, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

^б <https://orcid.org/0000-0001-5967-2694>

Corresponding author: M. I. Rodnov (rodnov@ufacom.ru)

Abstract. Using the example of farming (entrepreneurial) households in the Sterlitamak district of the Ufa province in 1917 and Malaya Bashkiria in 1920, the article examines the demographic consequences of the Civil War. The relevance of the study is due to the heterogeneous social structure of rural society. In the mixed economy of the South Ural at the beginning of the 20th century, an extensive layer of prosperous, purely entrepreneurial, kulak (in the terminology of that era) farms developed, primarily in the chernozem steppe and forest-steppe volosts. It is concluded that in the conditions of the naturalisation of the economy, farmers or wealthy peasants managed to save their farms; the demographic consequences did not lead to a general decline in the population even considering military activities and the death of a market economy.

Keywords: historical demography; economy; agriculture; farmers; South Ural

Введение

Одной из важных проблем в исторических и экономических исследованиях остается восприятие социально-экономических систем в прошлом и настоящем как неоднородных, основанных на разных принципах организации, акторы которых отличаются хозяйственной мотивацией. В российской исторической традиции это выражается в понимании дореволюционной экономики как многоукладной [4]. Если

¹ © Роднов М. И., Тагирова Л. Ф. Текст. 2023.

в современной отечественной экономической науке многоукладность воспринимается как очевидная повседневность [3], то среди историков сохраняется если не отторжение, то игнорирование неоднородности экономического строя и, соответственно, социальных и политических результатов развития России, восходящее к узкомарксистскому толкованию российского общества начала XX в. как страны победившего капитализма.

Анализ историографического наследия вышедшей из земской статистики так называемой организационно-производственной школы [2, 3] показывает, что уже современники четко различали экономику хозяйств натурального и фермерского типа. При наличии богатой литературы о традиционном общинном крестьянском хозяйстве [5] слабее исследована экономика южных регионов, где задолго до Столыпинской реформы сложился широкий слой чисто предпринимательских, фермерских, кулацких (в терминологии той эпохи) дворов. Парадоксально, но в современной постмарксистской и поныне отечественной историографии маятник качнулся в другую сторону, и уже практически все российское крестьянство воспринимается как традиционные (бедные) общинники, которых советская власть загнала в колхозы для их же счастья.

Материалы и методы

При изучении аграрного строя важнейшей, если не ключевой проблемой является корпус источников, которым пользуется исследователь. Вокруг этой проблемы идут жесткие дискуссии и, с нашей точки зрения, при всей важности земской аграрно-статистической литературы и отрицании сомнительной официозной статистики, «собиравшейся» полицией и низовой сельской администрацией, основными источниками должны стать документы, непосредственно исходящие от самого сельского хозяина. Каковыми, в первую очередь, при редкости бюджетных обследований являются подворные карточки сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. и иные. Ответы самого респондента контролировались той же администрацией, общиной, а в советскую эпоху «комиссары в пыльных шлемах» резко ограничивали известные усилия русского мужака скрыть правду, это наиболее точный, важный и исчерпывающий источник.

Многолетние исследования и публикация материалов сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. по Уфимской губернии [6, 9] продолжены Л.Ф. Тагировой сплошной обработкой подворных карточек переписи 1920 г. по Малой Башкирии — существовавшего в 1919–1922 гг. административно-государственного образования на Южном Урале.

Изучение буквально каждого сельского домохозяйства открывает совершенно новую оптику при анализе социально-экономической структуры любого уровня (двора, селения, волости, уезда или кантона, этнической, сословной, конфессиональной общности). При высокой сохранности подворных карточек по Уфимской губернии / Малой Башкирии это также позволяет провести компаративистские исследования, сопоставив ситуацию вплоть до семейного уровня в годы революции и Гражданской войны. Тем более что обе переписи, проводившиеся в летние месяцы, зафиксировали обстановку до и после Гражданской войны.

Результаты

В Уфимской, как и в соседних Оренбургской и Самарской губерниях не просто существовали многочисленные зажиточные, фермерско-кулацкие хозяйства с высоким уровнем механизации, основанные на часто преобладающем использовании

наемного труда, здесь сформировались обширные территории (степной юг и северо-восток Уфимской губернии), где фермерско-кулацкие семьи доминировали, им принадлежала основная (свыше половины) часть земли и уже на праве личной собственности, до 90 % производимого зерна; и во многих волостях и селениях они даже численно преобладали. Социальная структура напоминала зерновые штаты севера США или провинции соседней Канады.

Логичный интерес вызвала история этих многочисленных зажиточных дворов в годы революционных потрясений и хаоса Гражданской войны, тем более, что по местам расселения фермеров проходили линии фронтов. Сравнение итогов переписей 1917 и 1920 гг. проводились по горнозаводским волостям Златоустовского уезда [8], в данной статье впервые предпринята попытка показать демографические итоги Гражданской войны по зажиточным сельским поселениям, тем более что красные рассматривали фермеров-кулаков как своих социальных врагов.

К 1920 г. степные и лесостепные зажиточные волости бывшего Стерлитамакского уезда Уфимской губернии оказались в составе Малой Башкирии. Любопытно, но в новое государственное образование, создававшееся исключительно как чисто национальное, тем не менее вошло большинство «кулацких» русских волостей юга и северо-востока.

На сегодняшний момент обработаны карточки трех волостей — Бегеняш-Абукановской, Рязановской и возникшей в годы Гражданской войны Варваринской¹. Две первые лежат прямо за околицей Стерлитамака, оказавшегося столицей Малой Башкирии. Это земли левобережья реки Белой, горные хребты Уральских гор лежат за правым берегом.

Программа исследования по 1920 г. аналогична обработке карточек 1917 г. — выбирались данные по десяти показателям: национальность, число хозяйств, жителей, площадь посева, поголовье рабочего скота и группировка по посеву (без посева, до 4 дес., 4–10, 10–15 и свыше 15 дес. на двор). Последняя посевная группа — это и есть фермерско-кулацкие хозяйства.

В 1920 г. наибольшее число самых многопосевных семей, имевших под посевом более 15 дес., в Рязановской волости зафиксировано в Бугуруслановке (русские, 22 из 129 дворов), среди русских Ново-Ивановки (15 из 72), Преображеновки (21 из 164 семейств) и самой Рязановки (19 из 272).

Сравним число жителей этих селений с итогами переписи 1917 г. [7, с. 25–28, 50–52, 99–101], в которую включены находившиеся в армиях и плену мужчины. В Бугуруслановке в 1917 г. проживало 797 чел., в 1920 г. — 867, в Ново-Ивановке — 485 и 496 (еще в 1920 г. 11 белорусов и 7 украинцев), в Преображеновке — 1002 и 1084 (не считая 79 чувашей и 31 украинца в 1917 г., 83 чувашей, 4 украинцев и 28 белорусов в 1920 г.). Наконец, в волостном центре, селе Рязановке в 1917 г. проживало 1792 чел. русских и 30 белорусов, в 1920 г. — 1896 русских и 6 белорусов.

Везде во всех выбранных селениях численность населения с 1917 г. по 1920 г. выросла. Не намного, можно говорить об относительной убыли за счет снижения рождаемости и потерь в ходе военных действий, но, тем не менее, увеличилась. В то же самое время данные по горнозаводским волостям Уфимского и Златоустовского уездов,

¹ Здесь и далее подсчитано по: Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 716–721, 725, 727, 728, 734, 737, 818, 819 (Бегеняш-Абукановская волость), 716–722 (Варваринская волость), 716–722, 735, 738, 839 (Рязановская волость).

а также башкирским горнолесным волостям показывают стабильное и примерное одинаковое сокращение населения в пределах около 15 %. В зерновой зоне ничего подобного.

При этом город Стерлитамак и окрестности являлись одним из эпицентров военных действий, они неоднократно переходили от белых к красным и, наоборот, пока осенью 1919 г. армии Колчака не были окончательно отброшены за Урал.

Сопоставление численности населения по волостям не даст результатов, потому что после 1917 г. на базе бывших помещичьих и купеческих имений возникают новые населенные пункты. Например, к 1920 г. появился хутор Аверьяновка (111 жителей) вокруг мукомольного предприятия купцов Аверьяновых. Поместья Амбразанцева, Гачечиладзе, Мариинский винокуренный завод и пр. превратились в поселения рабочих или беженцев.

Сравним крупнейшие населенные пункты Рязановской волости (свыше 300 чел., без выше приведенных) по переписям 1917 и 1920 гг.: Асаф (Асаф-Зубово, 546 и 589 чел.), Ивановка (858 и 734), Казадаевка (310 и 343), Кучербаево (628 и 541), Левашево (646 и 742), Любажи (371 и 398), Ново-Барятино (606 и 623), Старо-Петровка (332 и 350 чел.). В единичных случаях не сохранились подворные карточки, как в Михайловке (было 74 двора, на 1920 г. есть карточки только 27 семейств).

В абсолютном большинстве больших селений Рязановской волости численность населения в годы Гражданской войны увеличилась, хотя не много, наблюдалась относительная убыль жителей. А прямое сокращение сельского населения фиксируется в единичных деревнях — русской Ивановке и башкирском Кучербаево. Аналогичная ситуация была в расположенной южнее русской Варваринской волости, выделившейся из Зиргановской волости. В самом Варварино в 1917 г. проживало 1077 чел., в 1920 г. было 1160, в Введеновке — 417 и 428, Дмитриевке — 883 и 890, Михайловке — 556 и 590, Ново-Троицком — 682 и 729, Сухаревском — 726 и 728, Чуфаровском — 317 и 349 чел.

Таким образом, это общие процессы, характерные для всего зажиточного степного левобережья Белой, где во времена Империи процветали фермерско-кулацкие хозяйства, поставлявшие большие массы зерна, в первую очередь пшеницы, на рынок.

Естественно, удельный вес зажиточных дворов за период революции и Гражданской войны сократился. Если в выбранных семи селениях Варваринской (Зиргановской) волости в 1917 г. самых многопосевных хозяйств, имевших свыше 15 дес. каждое, насчитывалось всего 150 из 654, или 23 %, то в 1920 г. их доля упала до 4 % (29 из 725). При этом мы берем не принятую в земской и правительственной статистике высшую посевную группу с посевом более 10 дес. на двор, в массе многосемейные мелкотоварные хозяйства, а выделяем «чисто предпринимательские» дворы.

Например, в 1917 г. всего в Стерлитамакском уезде насчитывалось 272 фермерских семьи с посевами свыше 50 дес. В упомянутом Ново-Троицком 52-летний Захар Романович Козлов в 1917 г. держал 124 головы скота (13 рабочих лошадей), засевал 57,5 дес. (из них 30 под пшеницей), ему принадлежали 250,5 дес. купленной земли, жнейка, молотилка, косилка, сепаратор и пр. [6, с. 105].

Именно за счет фермеров в военные годы уменьшились общие посевы, в том же Варварино — с 1693,21 дес. до 1321,27 дес., или на 22 %, упало поголовье рабочего скота — с 484 до 346 голов (почти на 30 %). Тем не менее, без сомнения, имевшиеся ресурсы (накопления в виде капиталов, продовольствия, иных материальных ценностей) позволили местному фермерству избежать голодовок, минимизировать потери

Таблица 1

Состав населения Бегеняш-Абукановской волостипо переписям 1917 и 1920 гг. (отдельные селения)

Селение	Национальность	Кол-во жителей по годам, чел.	
		1917	1920
Асавбашево	чуваши	1147	1199
Бирюказган	татары в 1917 г., в 1920 г. — 2312 татар, 130 башкир, 5 русских	2351	2447
Боголюбовка	в 1917 г. 452 русских, 6 белорусов, в 1920 г. — 506 русских, 3 украинцев	458	509
Верхне-Бегеняш-Абуканово	башкиры	404	399
Кармаскалы	в 1917 г. — 614 мордвы, 454 башкир, 294 татар, 29 тептяр, 9 русских, в 1920 г. — 916 мусульман, 632 мордвы, 13 русских, 8 украинцев	1400	1569
Нижнее Бегеняш-Абуканово	в 1917 г. — 764 тептяр, 292 башкир, 8 русских, в 1920 г. — 910 татар, 160 башкир, 26 украинцев, 8 русских	1064	1104

Источники: Роднов М. И. Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2010. С. 25–27, 99; подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 716–721, 725, 727, 728, 734, 737, 818, 819.

от реквизиций, а в условиях бешеной инфляции, когда бумажные деньги превратились в просто бумажки, господства бартера (натурального обмена) сам хлеб (зерно, мука) исполняли функцию денег. На хлеб можно было приобрести все.

Выживание богатых семей имело важнейшее значение для всего сельского социума. До революции неурожаи и голодовки регулярно посещали Уфимскую губернию, зону рискованного земледелия. Но хлеб в регионе всегда имелся в закромах мельников, купцов, богатых фермеров-кулаков. Голодавшие односельчане шли на поклон к зажиточным соседям и на каменных условиях, но получали продовольствие, что помогало избежать голодной смерти. У местных держателей хлеба земство закупало зерно в голодные годы. Этот механизм работал все время Гражданской войны, что, с нашей точки зрения, и позволило избежать абсолютной убыли населения.

А когда за красными армиями с конца 1919 г. на стерлитамакскую деревню обрушилась «армия» продотрядов А.Д. Цюрупы, которая выметала хлеб подчистую, засуха следующего 1921 г. и привела к катастрофическим последствиям. Богатых кулаков-фермеров не осталось, их грабили в первую очередь, идти на поклон было уже не к кому, соседи вымирали за забором.

Представленный материал по Рязановской и Варваринской волостям Стерлитамакского кантона Малой Башкирии относится преимущественно к русскому населению. Но также рядом со Стерлитамаком, немного севернее граничила Бегеняш-Абукановская волость с многонациональным составом жителей. В следующей таблице показана численность населения в крупнейших селениях (свыше 300 дворов), Бирюказган из Рязановской перешел в Бегеняш-Абукановскую.

Ситуация практически такая же, в большинстве селений Бегеняш-Абукановской волости: среди всех групп татар (мусульмане, тептяри, мишари), башкир и чувашей абсолютной убыли населения не наблюдалось, маленькая — в башкирском Верхне-Бегеняш-Абуканово. Национальный фактор, конечно, имел место, но определяющим на демографическую ситуацию оставалось влияние экономического положения.

Во всех волостях сказывалась близость достаточно крупного города Стерлитамака, где всегда был большой спрос на продовольствие.

Заключение

Таким образом, сравнение материалов сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. по трем левобережным волостям Стерлитамакского уезда (кантона), лежавших вблизи самого города, свидетельствует, что абсолютной убыли населения в годы революции и Гражданской войны не произошло. Можно говорить лишь о сокращении естественного прироста и относительной убыли. Как и в других частях Южного Урала, на демографические показатели решающее воздействие оказывали экономические факторы, а не последствия военных действий и политических репрессий.

В окрестностях Стерлитамака на плодородных черноземах местное зажиточное крестьянство, фермеры-кулаки сократили производство зерна, но мощный потенциал предыдущих десятилетий помог минимизировать последствия Гражданской войны.

Список источников

[1] Библиография школы Чаянова: направления исследования. Методическое пособие / сост. В. О. Афанасенков, И. А. Кузнецов, А. М. Никулин, Т. А. Савинова. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 156 с.

[2] *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. Москва: Наука, 1991. 487 с.

[3] Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы / отв. ред. Т. Е. Кузнецова. Москва: Институт экономики РАН, 2009. 286 с.

[4] Не отступая, быть самим собой: к 100-летию со дня рождения К. Н. Тарновского: сборник статей и воспоминаний / отв. ред. Н. А. Иванова, В. В. Шелобаев. Москва: Ин-т российской истории РАН, 2021. 440 с.

[5] *Николаев Г. Н.* Волжское крестьянство во второй половине XIX — начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 312 с.

[6] *Роднов М. И.* Крупнокрестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа: Нур-Полиграфиздат, 1997. 148 с.

[7] *Роднов М. И.* Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа [б. и.], 2010. 132 с.

[8] *Роднов М. И.* Демографические последствия Гражданской войны на Южном Урале (по материалам Златоустовского уезда) // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения. Сб. мат-лов IV Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. С. 286–291.

[9] *Роднов М. И.* Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и другие уезды) / Отв. ред. А. Д. Коростелёв. Москва: ИЭА РАН, 2014. 178 с.

References

[1] Bibliography of the Chayanov school: directions of research. Methodical manual / comp. by V. O. Afanasev, I. A. Kuznetsov, A. M. Nikulin, T. A. Savinova. Moscow: Delo Publishing House, RANEP, 2020. 156 p.

[2] *Kondratiev N. D.* Market for bread and its regulation during war and revolution. M.: Nauka, 1991. 487 p.

[3] The multiformity of Russia: historical roots, state and prospects / ed. by T. E. Kuznetsova. M.: Institute of Economics RAN, 2009. 286 p.

[4] Without retreating, to be yourself: On the 100th anniversary of the birth of K. N. Tarnovsky: a collection of articles and memoirs / ed. by N. A. Ivanova, V. V. Shelokhaev. M.: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2021. 440 p.

[5] *Nikolaev G. N.* The Volga peasantry in the second half of the 19th — early 20th centuries: studies on the history of ethnology. Cheboksary: ChGIGN, 2016. 312 p.

[6] *Rodnov M. I.* Large-scale peasant economy of the Sterlitamak district according to the 1917 census. Ufa: Nur-Polygraphizdat, 1997. 148 p.

[7] *Rodnov M. I.* The peasantry of the Sterlitamak district according to the 1917 census. Ufa, 2010. 132 p.

[8] *Rodnov M. I.* Demographic consequences of the Civil War in the Southern Urals (based on materials from the Zlatoust district) // Horizons of the demographic development of Russia: changing paradigms of scientific foresight: Collection of materials of the IV Ural Demographic Forum with international participation. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. P. 286–291.

[9] *Rodnov M. I.* The population of the Ufa province according to the 1920 census: ethnic composition (Birsky, Zlatoust and other counties) / ed. by A. D. Korostelev. M.: IEA RAS, 2014. 178 p.

Информация об авторах

Роднов Михаил Игоревич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН; <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782> (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, 71; e-mail: rodnov@ufacom.ru).

Тагирова Лейла Факиловна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН; <https://orcid.org/0000-0001-5967-2694> (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, 71; e-mail: sleila.83@mail.ru).

About the authors

Mikhail I. Rodnov — Dr. Sci. (Hist.), Leading Research Associate, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782> (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: rodnov@ufacom.ru).

Leyla F. Tagirova — Cand. Sci. (Hist.), Research Associate, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-5967-2694> (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: sleila.83@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-11>

УДК 314.04

JEL classification: J11

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АЗЕРБАЙДЖАНА ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКИ¹

К. К. Шукюров

Институт истории Национальной Академии Наук Азербайджана
(г. Баку, Республика Азербайджан). <https://orcid.org/0000-0001-6121-4182>

Автор для корреспонденции: К. К. Шукюров (shukurovkk@gmail.com)

Аннотация. В период советской власти (1920–1991 гг.) в Азербайджане сформировалась советская модель населения. С распадом СССР в 1991 г. советская модель населения начала приходить в упадок. Хаотичная ситуация в области демографии и народонаселения в десятилетний период после провозглашения в октябре 1991 г. государственной независимости в Азербайджане потребовала принятия серьезных мер. В 1999 г. была принята Концепция демографического развития Азербайджанской Республики, осуществлены другие законодательные акты и институциональные меры. В статье определены основные периоды демографического развития Азербайджанской Республики в период независимости и дана их характеристика.

Ключевые слова: Азербайджан; демография; концепция демографического развития; демографическая политика; демографические процессы

Demographic Development of Azerbaijan after Gaining Independence: Main Periods and their Characteristics

К. К. Shukurov

Institute of History of the Azerbaijan National Academy of Sciences
(Baku, Republic of Azerbaijan). <https://orcid.org/0000-0001-6121-4182>

Corresponding author: К. К. Shukurov (shukurovkk@gmail.com)

Abstract. During the period of Soviet rule in Azerbaijan (1920–1991), the Soviet population model was not formed. With the collapse of the USSR in 1991, the Soviet population model began to decline. The chaotic situation in the field of demography and population during the ten-year period after the declaration of state independence in October 1991 in Azerbaijan required serious changes. In 1999, the Demographic Development Concept of the Republic of Azerbaijan was adopted, other legislative acts and institutional measures were implemented. The article describes the main periods of demography formation in the Republic of Azerbaijan after gaining independence, as well as presents their characteristics.

Keywords: Azerbaijan; demography; concept of demographic development; population policy; demographic processes

Введение

С установлением советской власти в Азербайджане в апреле 1920 г. изменился путь исторического развития. Советская эпоха продлилась до конца 1991 г. В этой эпохе 1920–1922 гг. характеризуются как период формальной независимости. В конце 1922 г. Азербайджан в составе ЗСФСР вошел в состав СССР.

По официальной статистике, численность населения в 1920 г. составляет 1952,2 тыс. чел. В 1923 г., когда Азербайджан уже был в составе СССР, население составляло 1863,0 тыс. чел., то есть уменьшилось на 89,2 тыс. чел.

¹ © Шукюров К. К. Текст. 2023.

Наряду с общей численностью населения, размещение населения по городам и селам представляет собой серьезный материал для изучения. В 1920 г. в городах проживало 405,8 тыс. чел. (20,8 %), в селах — 1546,4 тыс. чел. (79,2 %). В 1923 г. эти цифры составляли соответственно 486,0 тыс. чел. (26,1 %) и 1377,0 тыс. чел. (73,9 %). Как видим, городское население увеличилось на 80,2 тыс. чел., а сельское уменьшилось на 169,4 тыс. чел.¹ Таким образом, в период формальной независимости большим потрясениям подверглось сельское население. Учитывая, что общая численность населения СССР на момент его создания составляла 136 100 тыс. чел., население Азербайджана составляло 1,37 % населения СССР.

По Всесоюзным переписям 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. численность населения Азербайджанской ССР составляла соответственно 2313,7, 3057, 3205,2, 3697,7, 5117,1, 6028,3 и 7021,2 тыс. чел. Население Азербайджанской ССР увеличилось в 1989 г. по сравнению с 1926 г. на 4724 тыс. чел. Накануне распада СССР население Азербайджанской ССР составляло 2,45 % населения СССР².

Если эту цифру сравнить с периодом создания СССР, то станет ясно, что население Азербайджанской ССР в составе СССР увеличилось с 1863,0 до 7021,2 тыс. чел. (+5158,2 тыс. чел.). Наряду с динамикой населения складывалась своеобразная демографическая ситуация, формировалась советская модель населения.

Основная часть

Провал политического курса, проводившегося в СССР с середины 1980-х гг., привел к распаду СССР в конце 1991 г. (Беловежские соглашения). Несмотря на то, что Алма-Атинской декларацией, подписанной в декабре 1991 г., было провозглашено создание Содружества Независимых Государств (СНГ) (Азербайджан присоединился к нему 24 сентября 1993 г.), в качестве основного курса осуществляется независимое развитие. Таким образом, как и во всех областях возникла необходимость замены советской модели, и в том числе демографического развития, моделью периода независимости.

Особенно тяжелым было первое десятилетие после распада СССР. В связи с переходом армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта в масштабную Первую карабахскую войну 1991–1994 гг., увеличением межгосударственной миграции населения и вынужденного переселения резко ухудшилась демографическая ситуация³. Несмотря на начало послевоенного периода с подписанием соглашения о прекращении огня между Азербайджаном и Арменией, сложная ситуация сохранялась до шестого года послевоенного периода (1994–1999 гг.).

В этот период существенно ухудшились основные показатели, характеризующие демографическую ситуацию: число умерших на тысячу человек (коэффициент смертности) увеличилось, а рождаемость снизилась. Особенно сложная ситуация сложилась в сфере детской и материнской смертности.

¹Основные данные о демографическом положении Азербайджана представлены из сборника «Demographic indicators of Azerbaijan. Baku, 2020».

²Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 4. Москва, 1927; Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Вестник статистики. 1990, 7, с. 65–67; Правда. 1939. 2 июня 1939 г.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). Москва, 1962; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. Москва, 1972, с. 7; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. I. Москва, 1989, с. 25; Azərbaycanın demografik göstəriciləri (Statistik məcmuə). Bakı, 2020, p. 43–44.

³Азербайджанская Республика. 1991–2001. Баку, 2001, с.112 (на азерб. яз.).

В 1991 г. смертность среди детей до 1 года (на 1000 чел.) составила 25,3 чел. Основная его часть пришлась на долю сельской местности (28,7). В 1994 г. эти цифры составили соответственно 25,2 и 28,5. Ситуация начала меняться в послевоенный период. С 1995 г. уменьшение этого показателя продолжилось и снизилось с 23,3 и 24,7 до 16,5 и 17,2 в 1999 г. соответственно.

Уровень материнской смертности (на 100 000 населения) в 1991–1994 гг. составило 10,5–43,8, а в 1995–1999 гг. он колебался в пределах 37,0–43,4. Другие негативные тенденции проявились в сфере браков и разводов. Так, в 1991–1994 гг. количество браков в республике уменьшилось с 74 378 до 47 147. В 1995–1999 гг. эти цифры составляли 43 130 и 37 382 соответственно.

По количеству безбрачных среди 25–29-летней молодежи Азербайджан занимал одно из первых мест среди стран СНГ, то есть в силу определенных факторов у этих молодых людей не было возможности создать семью. Уменьшение числа браков отразилось и на уменьшении числа разводов. Так, в 1999 г. число разведенных по сравнению с 1991 г. уменьшилось с 10 679 до 5 013 чел. При этом доля внебрачных рождений в республике за 1990–1997 гг. увеличилась в 2,8 раза, с 2,6 % до 7,3 % и т. д.

Таким образом, после распада советского государства сложилась сложная демографическая ситуация.

В 1999 г. впервые среди постсоветских государств в Азербайджанской ССР начались подготовка и реализация государственных мероприятий по демографическим вопросам.

В 1999 г. в Азербайджане была проведена первая за период независимости перепись населения, и стало правилом проводить ее каждые десять лет. Переписи населения также проводились в 2009 и 2019 гг. В 1999 г. в Азербайджанской Республике впервые была принята Концепция демографического развития. В 2004 г. была утверждена Государственная программа демографического развития. В 2007 г. принят Закон о миграции и утверждён Миграционный кодекс (2013 г.).

Одновременно с законодательством осуществлялась институционализация. Организованы Государственный комитет Азербайджанской Республики по проблемам семьи, женщин и детей, Миграционная служба (2007 г.) и др. Таким образом, были определены перспективы демографического развития Азербайджана на государственном уровне, и в центре внимания оказалось формирование демографической модели периода независимости.

Концепция демографического развития Азербайджанской Республики «разработана с учетом прежде всего национальных интересов, а также программы деятельности состоявшейся в 1994 г. в Каире международной конференции по народонаселению и его развитию, документов, принятых в 1995 г. на Всемирном саммите во имя социального развития в Копенгагене и Всемирной конференции, посвященной положению женщин, в Пекине».

Эта концепция была основным документом, определяющим государственную политику в области демографии и народонаселения. Согласно этому документу, основные приоритеты государственной политики в области демографии определены следующим образом:

— «увеличение продолжительности жизни по полу и возрасту путем последовательного снижения уровня смертности населения, в частности матерей и детей, а также лиц в трудоспособном возрасте;

- оказание целенаправленной социальной помощи малообеспеченным семьям с детьми, инвалидам, беженцам и вынужденным переселенцам;
- обеспечение здорового образа жизни для всех социально-демографических групп и слоев населения;
- усиление социальной защиты и охраны матерей и детей;
- улучшение жизни и здоровья населения (улучшение качества пищевых продуктов, воды, предотвращение загрязнения воздуха, оздоровление окружающей среды, предотвращение и постепенная ликвидация инфекционных болезней и заболеваний, передающихся половым путем, и т. д.);
- осуществление мер, направленных на улучшение репродуктивного здоровья населения, развитие службы планирования семьи и информирование об этом населения и обеспечение получения населением информации;
- развитие системы образования и занятости с целью обеспечения полностью продуктивного и полноценного образа жизни;
- обеспечение бесплатного медицинского обслуживания малообеспеченных семей, в том числе многодетных семей, инвалидов, беженцев и вынужденных переселенцев и т. д.;
- повышение знаний населения в области демографии, преподавание демографии в учебных заведениях и расширение научно-исследовательской работы в области демографии;
- регулирование миграционных процессов»¹.

В 2000 г., первом году реализации концепции демографического развития, численность населения составила 8032,8 тыс. чел. По результатам переписи населения в 2009 г. численность населения республики достигла 8922,4 тыс. чел., а в 2020 г. — 10067,1 тыс. чел. Можно сказать, что политика роста населения была достигнута. За 20 лет население увеличилось на 2034,3 тыс. чел., то есть на 25,3 %.

С точки зрения размещения населения основной тенденцией был рост городского населения. В отличие от 2000 г. (51,1 % и 48,9 %), в 2020 г. это соотношение составило 52,8 % и 47,2 %.

В Нахчыванской Автономной Республике Азербайджана динамика численности населения также развивалась с возрастающей динамикой. Так, по сравнению с 2000 г. численность населения автономной республики достигла с 358,8 тыс. чел. до 459,6 тыс. чел. в 2020 г., то есть, увеличилась на 100,8 тыс. чел. (28,1 %). Характерным для автономной республики был и рост численности городского населения.

В демографическом положении населения важную роль играет также его возраст-половой состав. Небольшое число мужчин по сравнению с женщинами сохранилось и в 2000 г. Тем не менее, разница начала уменьшаться.

Если в 2000 г. соотношение мужчин и женщин составляло 48,9 : 51,1 %, то в 2020 г. это соотношение составило 49,9 : 50,1 %, соответственно, число женщин на 1000 мужчин уменьшилось от 1046 до 1002. Можно предположить, что в сближении относительного количества мужчин и количества женщин играет роль и субъективный фактор. В последнее время возможность определения пола детей в утробе матери приводит к тому, что родители отдают предпочтение мальчикам. Это позволяет предотвращать искусственным путем рождение девочек.

¹ Концепция Демографического развития Азербайджанской Республики // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 1999, № 12, стр. 2921–2927 (на азерб. яз.).

В возрастной структуре населения Азербайджана проявляются новые тенденции. В 2000–2020 гг. основная тенденция связана с увеличением населения в возрастной группе 0–34 лет и сокращением населения старше 65 лет. В 2020 г. лица в возрастной группе от 0 до 34 лет составляли 54,1 % от общей численности населения, а лица старше 65 лет — 7,2 %, это означает, что население по-прежнему оставалось молодым.

Азербайджан исторически был одной из стран с высоким уровнем рождаемости. Однако с конца 1960-х гг. рождаемость здесь начала снижаться. Эта тенденция сохранялась до начала 2000-х гг., а затем снова начала повышаться. В 2019 г. рождаемость составила 14,1 промилле.

Из-за карабахской войны смертность несколько возросла в начале 1990-х гг. (7,1–7,3 на тысячу в 1992–1994 гг.), но затем стала снижаться. В 2019 г. число умерших на 1000 чел. составило 5,6.

Анализ смертности по причинам в Азербайджане выявил, что число смертей от болезней органов дыхания, а также травм, отравлений и последствий других воздействий внешних причин интенсивно снижается, в то время как число смертей от новообразований и болезней системы кровообращения увеличивается.

Таким образом, в Азербайджане идет процесс формирования современного типа смерти. Постепенное снижение смертности детей в возрасте до одного года можно рассматривать как одну из важных тенденций демографической ситуации в республике.

Институт семьи в Азербайджане характеризуется своей прочностью на протяжении всей истории. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. произошло резкое снижение числа браков на 1000 чел. (в 1999 г. нижний предел составлял 4,8 на тысячу). Однако с середины 2000-х гг. количество браков снова стало увеличиваться. В конце советской эпохи и в начале независимости наблюдаемый рост разводов также стал постепенно снижаться.

Положительная динамика в области основных демографических показателей отразилась и на ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Если в 2000 г. в целом этот показатель составил 71,8 года, у мужчин — 68,6, у женщин — 75,1, то в 2019 г. было 76,4, 74,0 и 78,7 соответственно.

Наиболее значительные изменения в период независимости произошли в миграционных процессах. Широкомасштабная межгосударственная миграция, характерная для первого периода распада СССР, постепенно стала стабилизироваться.

Заключение

Таким образом, факты показывают, что Азербайджан смог преодолеть негативные тенденции периода, существующие в течение десяти лет после распада СССР в области демографии и народонаселения, а благоприятная демографическая политика привела к определенным результатам и прогрессу в области адаптации к периоду независимости. Это также повлияло на ход демографического перехода в Азербайджане.

Автор, специально изучавший проблему демографического перехода в Азербайджане, пришел к выводу, что «по сравнению со своими Закавказскими соседями, в Азербайджане наблюдается естественный прирост населения... Армения и Грузия завершили демографический переход и вступили в фазу „депопуляции“ во второй половине 1990-х годов, а Азербайджан до сих пор переживает последствия „демографического взрыва“» [1, с. 72].

Список источников

[1] *Шукюров А. С.* Демографический переход в Азербайджане. Магистерская дисс. Москва, 2020. 96 с.

References

[1] *Shukurov A. S.* Demographic transition in Azerbaijan. Master’s thesis. M., 2020. 96 p.

Информация об авторах

Шукюров Керим Карам оглы — доктор исторических наук, профессор. Институт истории Национальной Академии Наук Азербайджана; <https://orcid.org/0000-0001-6121-4182> (e-mail: shukurovkk@gmail.com).

About the authors

Kerim K. Shukurov — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Institute of History of the Azerbaijan National Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0001-6121-4182> (e-mail: shukurovkk@gmail.com).

II. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ К ПРОИСХОДЯЩИМ ИЗМЕНЕНИЯМ – СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-1>

УДК 331.1

JEL J01, J24, R23

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА¹

О. А. Антонова

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (г. Челябинск, Россия);
Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-0050-7883>

Автор для корреспонденции: О. А. Антонова (antonova.aa@uiec.ru)

Аннотация. Представленное исследование посвящено возможностям реализации социальной ответственности и поддержки работников и населения как условию роста человеческого капитала через определение социального воздействия и его социально-экономических, экологических последствий. Цель исследования состоит в разработке некоторых теоретических положений реализации корпоративной социальной ответственности, поддержки работников и населения как условия роста человеческого капитала. Гипотеза исследования заключается в том, что реализация социальной поддержки работников открывает новые возможности социального воздействия на реализацию человеческого капитала. В проведенном исследовании был использован ряд научных методов: логический, сравнительный, статистический, количественного, качественного анализа и синтеза. Автором предложен ряд понятий: «социальная поддержка работников организации», «социальное воздействие», «социальный вклад», что будет являться приращением нового знания в теорию социальной ответственности и человеческого капитала. Установлено, что социальная поддержка организации должна иметь социальное воздействие на занятых и отражаться на социально-экономических и экологических последствиях в виде прироста человеческого капитала. Теоретические результаты исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях теорий социальной ответственности и человеческого капитала. Практические результаты могут быть получены в организациях различных отраслей и форм собственности, где возможна реализация социальной поддержки и роста человеческого капитала.

Ключевые слова: социальная ответственность; социальная поддержка; человеческий капитал; социальное воздействие; последствия; программы поддержки персонала

Corporate Social Support and Human Capital as Components of Regional Social Policy

О. А. Antonova

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics if the Ural Branch of RAS (Chelyabinsk, Russia);
Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). <https://orcid.org/0000-0003-0050-7883>

Corresponding author: О. А. Antonova (antonova.aa@uiec.ru)

Abstract. The presented study is devoted to the possibilities of implementing social responsibility and supporting workers and the population as a condition for the growth of human capital through the definition of social impact and its socio-economic and environmental consequences. The purpose of the study is to develop some theoretical provisions for the implementation of corporate social responsibility, support

¹ © Антонова О. А. Текст. 2023.

for employees and the public as a condition for the growth of human capital. The hypothesis of the study is that the implementation of social support for employees opens up new opportunities for social impact on the implementation of human capital. In the study, a number of scientific methods were used: logical, comparative, statistical, quantitative, qualitative analysis and synthesis. The author proposes a number of concepts: "social support of employees of the organization", "social impact", "social contribution", which will be an increment of new knowledge in the theory of social responsibility and human capital. It is established that the social support of the organization should have a social impact on employees and be reflected on socio-economic and environmental consequences in the form of human capital growth. Theoretical results of the study can be used in further studies of theories of social responsibility and human capital. Practical results can be obtained in organizations of various industries and forms of ownership, where it is possible to implement social support and human growth capital.

Keywords: social responsibility; social support; human capital; social impact; effects; staff support programmes

Введение

На фоне глобальных социально-экономических потрясений, связанных с пандемией COVID-19, специальной военной операцией (СВО), мобилизацией, санкциями и другими многочисленными проблемами, исследование, посвященное реализации корпоративной социальной поддержки работников организаций, становится еще более актуальным. Особая актуальность исследования определяется реализуемой в организациях практики ESG (Environmental, Social, Governance — экологическое, социальное и корпоративное управление), которая предусматривает заботу об окружающей среде, социальную ответственность, открытость и прозрачность в корпоративном управлении. В настоящем исследовании мы остановимся на реализации социальной поддержки организаций по отношению к занятому населению региона. Социальная поддержка оказывается в рамках социальной ответственности с учетом практик ESG и без них. Принципиальным отличием практики ESG, связанной с устойчивыми целями развития ООН в части социальной ответственности, от традиционной корпоративной социальной ответственности (КСО) является уровень принятия решений. ESG-практики обычно принимаются советом директоров и могут влиять на стратегические, в том числе инвестиционные решения организаций, в то время как деятельность КСО может осуществляться независимо от основного вектора развития организаций. Еще один аспект — корреляция с финансовыми показателями. Уровень развития ESG-практик организации может влиять на стоимость привлечения заемных средств, наличие политик КСО существенно не влияет. В настоящее время не все организации РФ применяют практики ESG, однако многие придерживаются в рамках поддержки работников концепции традиционной корпоративной социальной ответственности.

Как отмечают в своем исследовании Е.В. Попов с соавторами, «в настоящее время проблема становления социальной ответственности российского бизнеса в системе региональной социальной политики и ее экономической эффективности актуальна в связи с необходимостью устранения негативных последствий социальных преобразований в РФ, связанных с изменением общественно-экономического строя, резким ростом поляризации доходов различных социальных групп российского населения. К сожалению, в РФ недостаточно используется опыт развитых мировых экономик по формированию социальной ответственности бизнеса, особенно крупного, сосредоточившего у себя практически все природные ресурсы, конкурентоспособные отрасли экономики страны» [1]. Это положение распространяется, на наш взгляд, и на социальную поддержку организаций занятому населению.

На развитие социальной поддержки влияет ряд тревожных и беспрецедентных вызовов XXI в., которые необходимо учесть для предотвращения растущих потерь, связанных с «режимом выживания» занятого населения, отражающихся на снижении человеческого капитала:

- потери здоровья от все возрастающих интенсивности и напряженности труда, неблагоприятных условий труда;
- потери здоровья от неблагоприятных социально-психологических условий труда, связанных с токсичностью трудовых отношений, создающих и усиливающих уровень стресса среди занятых;
- потери здоровья от воздействия на человека страданий, болезни и смерти;
- потери уверенности от риска заражения опасными болезнями, регулярного приема лекарств и насилия;
- потери от ожидаемой продолжительности жизни;
- потери здоровья от некачественного скрининга хронических заболеваний, диагностики и задержки в лечении.

Увеличивается смертность от наркотической и алкогольной зависимости, в том числе среди населения в трудоспособном возрасте. На наркозависимых в трудоспособном возрасте приходится 80 % — это люди от 16 до 34 лет. Смертность в России от причин, связанных с наркотиками, в 2020 г. выросла на 60 %, до 7316 чел., по сравнению с 4569 умершими в 2019 г.— до пандемии COVID-19. Во многом это результаты утраты доступа к лечению, растущие проблемы с психическим здоровьем и в более широком смысле наличие опасных сильнодействующих уличных наркотиков. Около 70 % смертей приходится на мужчин в возрасте от 25 до 54 лет. [2]

Появляются новые виды потерь, связанные с пандемией COVID-19 и СВО — семьи, где есть дети, потерявшие одного или более работающих родителей, как в РФ, так и во всем мире. Во всем мире 10,5 млн детей потеряли одного или обоих родителей в первые 14 месяцев пандемии COVID-19, в том числе: 4,2 млн в Юго-Восточной Азии, 2,5 млн в Африке, 1,5 млн в Америки, 1,5 млн в регионе Восточного Средиземноморья, в России 56 тыс. и 500 тыс. в Европе. В США около 250 тыс. детей потеряли одного или обоих родителей [3]. Такой вид потерь отражается на качестве жизни, возникновении социально-экономических проблем у детей и оставшихся работающих родителей.

По данным исследований Международной ассоциации профессионалов поддержки сотрудников (EAPA) за 2010–2021 гг., опубликованных в 5-м годовом отчете Workplace Outcome Suite (WOS) [4], средний работник теряет 27 часов производительного времени в месяц, личные проблемы увеличивают эти потери до 63 часов в месяц. Сегодня для сокращения потерь рабочего времени, восстановления рабочей силы 27 % организаций обустроивают специальные wellness-зоны для своих работников, возмещают расходы на поддержание психологического здоровья, а 30 % имеют Employee Assistance Program (EAP) — программы поддержки сотрудников. Это в большей степени западные тенденции, но постепенно доходящие и до России: EAP уже предлагается отдельными организациями. Однако для улучшения ситуации этого недостаточно. Работодателям и органам государственной власти и управления необходимо обратить внимание на социально-психологическую адаптацию занятого населения к происходящим изменениям, включить мероприятия по этому направлению в программы поддержки населения.

Таким образом, корпоративная социальная поддержка занятых становится актуальной и востребованной как на уровне организаций, так и на уровне муниципалитетов,

регионов в рамках социальной политики. Однако, как показало исследование, отсутствует единое понимание содержания социальной ответственности и социальной поддержки занятых, не разработаны единые стандарты социального воздействия на прирост человеческого капитала, оценке социального воздействия от поддержки, в системе социального партнерства не предусмотрены взаимодействие и поддержка государства организациям, оказывающим социальную поддержку занятым и т. п.

Обзор литературы, методы исследования

Значительный вклад в исследование вопросов, связанных с реализацией социальной ответственности, поддержки и роста человеческого капитала, внесли как российские, так и зарубежные ученые: В.Н. Белкин [5], М.В. Киварина [6], Г. Макасса, К. Мак-Грат, Дж. Томаселли, С.С. Бутиджич [7], Хонг-Ян Ван, Чжи-Ся Чен [8], Х. Дропперт, С. Беннетт [9], Житин Чен, Вэньчжун Чжу, Хайнуо Фэн., Хоувэй Лу [10] и др.

Результатом многолетней работы коллектива авторов под руководством В.Н. Белкина [5] стала монография «Теория человеческого капитала предприятия», в которой вводятся в научный оборот ряд понятий: трудовой потенциал человека, жизненный цикл трудового потенциала человека, дается авторское определение понятия и категории «человеческий капитал предприятия». В исследовании речь идет не только о человеческом капитале, но и о его составляющих: организационном, интеллектуальном, социальном капиталах, что важно учитывать в исследованиях, связанных с социальной ответственностью и ростом человеческого капитала. Автор принимал непосредственное участие в данном исследовании.

Исследование М.В. Кивариной [6] посвящено поиску единого подхода к определению понятия корпоративной социальной ответственности, ее уровней, документам, которые ее формализуют на предприятиях.

В исследовании, представленном Г. Макасса, К. Мак-Гратом, Дж. Томаселли, С.С. Бутиджич [7], ставится ряд актуальных вопросов, связанных с корпоративной социальной ответственностью (КСО), здоровьем и благополучием внутренних заинтересованных сторон в Европе. В работе представлен обзор исследований, связывающих КСО со здоровьем и благополучием сотрудников (внутренних заинтересованных сторон) в европейском контексте. Полученные данные показывают, что в большинстве исследований рассматривалась связь между КСО и удовлетворенностью работой. Не было ясности ни в измерении внутренней КСО, ни в степени, в которой она влияла на результаты работы сотрудников. Авторы приходят к выводу, что есть необходимость достижения консенсуса по измерению внутренней КСО и результатов, связанных со здоровьем и благополучием, что обеспечит лучшее сравнение результатов исследований по всей Европе.

Была выявлена потребность в том, чтобы исследователи в области общественного здравоохранения и профессиональных заболеваний, присоединились к обсуждениям и исследовательским усилиям относительно потенциальной роли КСО в результатах физического и психологического здоровья, помимо удовлетворенности работой. Известно, что эти результаты связаны не только с прибыльностью, но и с долгосрочной устойчивостью бизнеса. Лучшее понимание того, как КСО влияет на здоровье и благополучие сотрудников, может быть важно для других типов организаций. В представленном исследовании был проведен анализ взаимосвязи социальной ответственности с благополучием и здоровьем работников, но не рассматривалась связь с ростом человеческого капитала.

Хонг-Ян Ван и Чжи-Ся Чен [8] в своей работе делают акцент на теории социальной идентичности в механизме посредничества и модерации КСО при привлечении соискателей. Всего для участия в экспериментальном опросе было привлечено 395 чел., ищущих работу. Результаты показали, что восприятие КСО соискателями положительно и связано с привлекательностью репутации работодателя. Кроме того, было установлено, что материальная ориентация соискателей играет сдерживающую роль в косвенном влиянии КСО на привлекательность соискателей через ожидаемую гордость и репутацию работодателя, но оно не является статистически значимым. Эти выводы обогащают новые, основанные на культуре данные о механизме воздействия КСО на отношение соискателей и дают ценную информацию о том, как КСО мотивирует и привлекает соискателей.

Результаты исследования Н. Droppert, S. Bennett [9], посвященного КСО в глобальном здравоохранении, показало следующее. КСО различалась для каждой из 6 отобранных для исследования фирм, особенно в отношении того, как определяется КСО организационных структур для управления КСО, текущей деятельности в области КСО и мотивации для КСО. Во всех исследованных фирмах общими мероприятиями КСО были: дифференцированное ценообразование на фармацевтические препараты, укрепление инфраструктуры распределения лекарств в развивающихся странах, инициативы в области мобильного здравоохранения и целевые исследования и разработки. Основными факторами, которые мотивировали участие в КСО, были: репутационные выгоды, набор и удовлетворенность сотрудников, более высокие рейтинги в индексах устойчивости, выход на новые рынки, долгосрочная экономическая отдача и улучшение здоровья населения. С точки зрения стратегии КСО, фирмы находились на разных этапах управления, начиная от благотворительных пожертвований и заканчивая интегрированными системными бизнес-моделями с общей ценностью. Представленное исследование вызвало интерес, связанный с анализом КСО на разных предприятиях, но авторы уделили недостаточно внимания взаимосвязи реализации КСО с ростом человеческого капитала.

Представляет интерес исследование, проведенное Z. Chen, W. Zhu, H. Feng, H. Luo [10], в котором осуществляется анализ, связанный с изменениями эффективности КСО в пищевой промышленности Китая, вызванные пандемией COVID-19 — исследование с использованием модели сверхэффективности DEA-Малмквиста-Тобита. COVID-19 в 2019 г. оказал значительное и далеко идущее влияние на мировую деловую среду, корпорации и отдельных лиц. В условиях общей нехватки средств, вызванной пандемией, принятие на себя КСО является проблемой для каждого руководителя организации. В последние годы, когда КСО стала актуальной темой во всем мире, многие организации решили включить социальную ответственность в свои стратегии развития. Пищевая промышленность является базовой отраслью, связанной с обеспечением жизнедеятельности людей, особенно в условиях пандемии. Ее социальная эффективность заслуживает отдельного внимания. В исследовании приняли участие 17 организаций, чьи показатели КСО в период с 2012 г. по 2020 г. в Китае были выше отраслевого уровня.

Теоретические и практические исследования, связанные с благополучием работников и занятого населения, нашли отражение в трудах следующих ученых: О. А. Коропец [11], Ж. Т. Тощенко, Г. В. Ниорадзе, А. П. Лазенкова и др. [12], Дж. О. Кроуфорд, Л. Мак-Колман и С. А. Джексон [13] и др.

В своей работе О. А. Коропец [11] проводит исследование, посвященное проблеме поддержания высокого уровня благополучия работников в условиях перехода к новой

модели труда и занятости «Работа 4.0». Автором рассмотрены основные теоретические подходы к феномену благополучия, а также подходы к изучению субъективных и объективных критериев благополучия личности в связи с профессиональной деятельностью. Результаты были получены на основе пилотажного социологического опроса работников различных организаций, проживающих в Свердловской области и Адыгее.

Ж.Т. Тощенко, Г.В. Ниорадзе, А.П. Лазенкова и соавторы [12] в своем исследовании, представленном в монографии «Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности» рассматривают благополучие занятого населения с позиции влияния нестабильной, неформальной, нестандартной, нетипичной, временной, неполной и других видов занятости. В результате исследования дано определение прекарной занятости и сформулированы ее индикаторы, отличающиеся от ранее применяемых характеристик проблемных зон занятости. На основе всероссийских исследований были выявлены отрасли экономики, в которых в наибольшей степени было выражено распространение различных форм прекарной занятости, — промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, сфера услуг и наука, что позволило раскрыть новые аспекты трудовой и повседневной жизни нового становящегося класса — прекариата.

В своей работе Дж.О. Кроуфорд, Л. Мак-Колмен и С.А. Джексон [13] исследуют вопросы, связанные со здоровьем и благополучием удаленных и мобильных работников (RMW). Это люди, которые проводят большую часть рабочего времени вне дома или офиса, оцениваются в 1 млн чел. в Великобритании и Ирландии. С этим способом работы был выявлен ряд преимуществ и проблем, но мало что известно о влиянии этого типа работы на здоровье и благополучие RMW. Систематический обзор доказательств показал, что не хватает исследований более высокого качества по RMW. Большая часть данных о здоровье была сосредоточена на проблемах опорно-двигательного аппарата, и, хотя были выявлены психосоциальные опасности, это было связано с исследованиями опорно-двигательного аппарата. Хотя существует мнение, что удаленная и мобильная работа даст преимущества с точки зрения гибкости и автономии, этому противоречат вопросы, касающиеся изоляции и фиксированных рабочих графиков, которых придерживаются работники сферы услуг. Необходимо дополнительно изучить влияние гибкого и негибкого режима работы, то, как выявляются и решаются проблемы в рамках этой профессиональной группы, а также выяснить, является ли доступ к здравоохранению проблемой. В заключении авторы исследования отмечают, что выявленные в рамках систематического обзора результаты исследования, были ограниченными, но определили ряд пробелов в фактических данных, которые необходимо будет устранить в будущих исследованиях, включая оценку последствий для здоровья в RMW. Будущие исследования, как видят авторы, должны изучить такие вопросы, как здоровье, доступ к услугам и обучению, управление здоровьем и благополучием, а также влияние управления рисками на отчеты о симптомах физического состояния и здоровье.

В представленном обзоре литературы ни в одной из работ не была установлена взаимосвязь корпоративной поддержки занятого населения с социальным воздействием на прирост человеческого капитала как составляющих социальной политики организации и региона.

В проведенном нами исследовании были использованы следующие научные методы: логический, сравнительный, статистический, количественного и качественного исследования основных тенденций и направлений, связанных с реализацией

социальной поддержки и роста человеческого капитала как составляющих социальной политики организаций региона.

Результаты, обсуждение

В результате исследования было установлено, что одним из стейкхолдеров корпоративной социальной ответственности является государство, которое на уровне регионов и муниципалитетов реализует социальную политику и осуществляет взаимодействие с бизнесом в получении одной из частей дохода от человеческого капитала — ежемесячных налоговых отчислений. В то же время государство заинтересовано в рамках реализации социальной политики в повышении уровня занятости и доходов населения, увеличении количества рабочих мест, в борьбе с бедностью среди занятого населения, уменьшении загрязнения окружающей среды, и в итоге стабилизации региональной экономики. Есть факторы, препятствующие развитию партнерских отношений между бизнесом и государством, к которым можно отнести бюрократизм органов государственной власти и управления, недостаток бюджетного финансирования на реализацию совместных проектов и др. По мнению автора и других специалистов, региональная власть на сегодняшний день не может справиться с масштабными задачами в социальной сфере, которые помогают развитию рыночных отношений. Власть стремится привлечь к реализации социальной политики крупные российские компании, средний и малый бизнес. Происходит это как через схему уплаты налогов, так и путем привлечения к корпоративной ответственности и благотворительности, которая является добровольным участием компаний в развитии территорий, выходящим за рамки, установленные законом. Примером может служить и набирает обороты социальное предпринимательство, которое призвано решать социальные проблемы общества. В такие организации принимают на работу бывших осужденных, лиц с особыми потребностями и т. п.

Необходимо отметить, что теоретическая база для исследования данной темы, на наш взгляд, не достаточна.

В связи с тем, что в специальной литературе отсутствует определение понятия «социальная поддержка работников организации», мы предлагаем под социальной поддержкой работников организации понимать совокупность мероприятий социального воздействия, направленных на создание благоприятных условий для раскрытия, развития и реализации трудового потенциала работников.

Вместе с тем необходимо определить связь между человеческим капиталом и социальной поддержкой работающих. Под человеческим капиталом мы понимаем реализованный трудовой потенциал, приносящий доход. Предлагается ввести в научный оборот такое понятие, как социальный вклад в реализацию трудового потенциала. Социальный вклад в реализацию трудового потенциала — это совокупность мероприятий, направленных на социальную ответственность и поддержку в виде социальных инвестиций в более полную реализацию трудового потенциала с целью роста человеческого капитала. То есть влияние социального вклада на рост человеческого капитала осуществляется через реализацию трудового потенциала работающих. Целесообразность социального вклада определяется исходя из потребностей, интересов организации и потребностей, интересов работающих и связывается с целями практик ESG, если организация их использует. С позиции потребностей и интересов организации целесообразность осуществления социального вклада в работающих заключается в следующем:

- получение работоспособного, здорового коллектива работников;
- формирование определенного имиджа и репутации у стейкхолдеров;
- реализация трудового потенциала и рост человеческого капитала;
- рост капитализации бизнеса, социально-экономических показателей деятельности организации;
- удовлетворенность трудовыми отношениями и социально-психологическим климатом и т. п.

С позиции потребностей и интересов работников целесообразность осуществления социального вклада заключается в следующем:

- укрепление здоровья;
- развитие трудового потенциала и реализации человеческого капитала;
- рост материального и нематериального благополучия;
- поддержка DEI (Diversity & Inclusion, разнообразие и инклюзивность), при которой каждый сотрудник включен в организацию, а его потребности и интересы учтены;
- участие в корпоративном волонтерстве, в том числе в программах охраны окружающей среды;
- улучшение жилищных условий;
- поддержка семьи и детства;
- обеспечение и поддержка цифровыми сервисами;
- другие.

Наш анализ по реализации социальной ответственности и поддержке некоторых организаций показал, что оценка социального воздействия реализуемых программ поддержки занятых и получения человеческого капитала не осуществляется. Предлагаем ввести в научный оборот понятие «социальное воздействие поддержки работников» со стороны организации, осуществляющей социальные программы поддержки. Социальное воздействие поддержки работников — это значительные или устойчивые изменения в жизни работающих в части реализации трудового потенциала после получения социальной поддержки от организации, ведущие к росту человеческого капитала.

Для определения целесообразности социальной поддержки с позиции социального воздействия, на наш взгляд, необходимо ответить на следующие четыре вопроса:

1. Какие социальные вопросы решит социальная поддержка?
2. Насколько социальная поддержка эффективна с точки зрения соотношения выгоды и затрат?
3. Какие будут социально-экономические и экологические последствия реализации социальной поддержки по развитию трудового потенциала и росту человеческого капитала?
4. Насколько социально-экономические и экологические последствия удовлетворят потребности, интересы субъектов социальной поддержки, оказывающих и получающих ее?

Социальная поддержка и ответственность может иметь разные уровни восприятия у тех, кто руководит бизнесом и государством, что и определяет уровень и качество социальной поддержки работников. Восприятие идеи и целей социальной поддержки, по нашему мнению, совпадает с восприятием идеи и целей социальной ответственности. Но социальное воздействие на реализацию человеческого капитала будет разным, что представлено в таблице.

Таблица

Уровни восприятия идеи социальной ответственности, поддержки организации и воздействия на человеческий капитал

Характеристика уровня	Уровень восприятия идеи социальной ответственности и поддержки организации		
	низкий: единственная ответственность организации — это увеличение прибыли акционеров	средний: социальная ответственность рассматривается как средство достижения долгосрочных конкурентных преимуществ	высокий: организация должна учитывать все аспекты своего влияния на заинтересованные группы и общество в целом
Направления	Корпоративный эгоизм	Разумный эгоизм	Корпоративный альтруизм
Цели направления	Обеспечение экономических интересов собственников. Получение высокой прибыли	Долгосрочное инвестирование для достижения конкурентных преимуществ	Социальные обязательства. Благотворительная практика. Социальная практика
Социальное воздействие на реализацию человеческого капитала	Отсутствие / слабое	Слабое / сильное	Сильное

Источник: составлено по [1, с. 21–22].

На уровне восприятия идеи социальной ответственности и поддержки организации, в первую очередь, влияет готовность руководителей ее осуществлять. По нашему мнению, готовность руководителя к осуществлению социальной поддержки является ее критерием. К многочисленным факторам проявления готовности можно отнести социальную зрелость, понимание социально-экономической ситуации, в которой находятся работники, знание потребностей, интересов и мотивов персонала, желание поддерживать и помочь, инвестиционные возможности организации и т. п. Если в организации уровень восприятия идеи социальной ответственности и поддержки работающих низкий, т. е. присутствует «корпоративный эгоизм», то, как правило, руководители таких организаций относятся к работникам как к средству достижения цели, экономя на персонале, осуществляя лишь тот социальный вклад и минимальные затраты, которые необходимы на законодательном уровне. В этом случае социальное воздействие на реализацию человеческого капитала либо будет отсутствовать, либо будет минимальным, здесь речи не идет о развитии трудового потенциала. Социально-экономические и экологические последствия от социального вклада будут несущественными. Так, например, предоставление организацией санаторно-курортного лечения с полной или частичной оплатой в даты, когда работник не может взять отпуск по тем или иным причинам.

На среднем уровне в направлении «разумного эгоизма» работодатель стремится не только увеличить прибыль, но и осуществить социальный вклад в развитие трудового потенциала, что связано с достижением конкурентных преимуществ. Социальное воздействие на этом уровне восприятия на реализацию человеческого капитала может быть как слабым, так средним или сильным. То же самое можно сказать и о социально-экономических и экологических последствиях после осуществления социального вклада в работающих, которые могут быть выражены как в существенном росте человеческого капитала, так и в незначительном росте.

Проявление «корпоративного альтруизма» в осуществлении социальной ответственности и поддержки — это самый высокий уровень реализации заботы, социального вклада в работающих. Социальное воздействие сильное, возможен синергизм от триады социально-экономических и экологических последствий от роста человеческого капитала.

Для реализации социальной поддержки и роста человеческого капитала важно не только осуществить инвестирование, но и определить социальное воздействие и последствия инвестирования. Такой подход позволит более системно прогнозировать программы по поддержке персонала и включать их в механизм социальной ответственности не только на уровне организаций, но и на уровне социальной политики региона.

Заключение

Проведенное исследование показало, что вопросами социального воздействия поддержки занятых и реализации человеческого капитала необходимо заниматься не только организациям, но и органам государственной власти и управления. В настоящее время этому вопросу в организациях, в органах власти и управления уделяется недостаточное внимание.

Для развития теоретической базы исследования на данную тему предлагается ввести в научный оборот такие понятия, как социальная поддержка организации, социальный вклад в реализацию человеческого капитала, социальное воздействие поддержки работников. Даны научные определения этих понятий. Определено содержание целесообразности социальной поддержки ее социального воздействия, социально-экономических и экологических последствий. Целесообразность социальной поддержки определена как для осуществляющей ее организации, так и для работников, которые ее принимают и реализуют вместе с организацией. Установлен критерий восприятия идей социальной ответственности и поддержки — это готовность руководителя их реализовать. Уточнены и определены уровни восприятия идеи социальной ответственности, поддержки руководителями организации (низкий, средний высокий) и воздействия на человеческий капитал (отсутствие, слабое, сильное).

Для наиболее полной реализации предлагаемого подхода и достижения желаемого результата необходимо, на наш взгляд, воспринимать идею и цель социальной ответственности и поддержки на уровне «разумного эгоизма» и «корпоративного альтруизма». Определение социального воздействия, социально-экономических и экологических последствий от поддержки позволит более точно и адресно инвестировать и оценивать реализацию человеческого капитала.

Список источников

[1] Социальная ответственность и человеческий капитал предприятий в системе региональной социальной политики: монография / Е. В. Попова, Н. Р. Кельчевская, И. М. Черненко, С. А. Сироткин, И. С. Пельмская. Москва: Креативная экономика, 2017. 318 с.

[2] *Ткачев И.* Смертность от наркотиков в России выросла на 60 % на фоне пандемии. <https://www.rbc.ru/economics/18/07/2021/60f1b7cc9a79472c99206f4d> (дата обращения 25.12.2022).

[3] *Салькова А.* Эпидемия сиротства. https://www.gazeta.ru/science/2021/07/21_a_13784120.shtml (дата обращения 25.12.2022).

[4] International Employee Assistance Professionals Association (EAPA) <https://www.eapassn.org/WOS> (дата обращения 25.12.2022).

[5] *Белкин В. Н.* Теория человеческого капитала предприятия. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 400 с.

[6] *Киварина М. В.* Корпоративная социальная ответственность // Экономический журнал. 2011. № 3 (23). С. 116-121.

[7] *Makassa G., McGrath S., Tomaselli G., Buttigieg S. S.* Corporate social responsibility and the health and well-being of internal stakeholders in Europe: a systematic descriptive review // International Promotion of Health. 2021. Vol. 36, No. 3. P. 866-883. <https://doi.org/10.1093/heapro/daaa071>

[8] *Wang H.-Y., Chen Z.-X.* Corporate social responsibility and attracting job seekers: a moderated mediation model // PLoS ONE 2022. No. 17(3). e0260125. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0260125>

[9] *Droppert H., Bennett S.* Corporate social responsibility in global healthcare: a research study of multinational pharmaceutical companies // Globalization and Health. 2015. No. 11. <https://doi.org/10.1186/s12992-015-0100-5>

[10] Changes in the effectiveness of corporate social responsibility in the Chinese food industry caused by the COVID-19 pandemic — A study using the super-efficient DEA-Malmquist-Tobit model. *Front / Z. Chen, V. Zhu, X. Feng, X. Lo* // Public health. 2022. No. 10. 875030. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.875030>

[11] *Коронец О. А.* Социально-психологическое благополучие работников разных категорий // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 11-3. С. 499-506. <https://vael.ru/ru/article/view?id=1454> (дата обращения: 25.12.2022).

[12] Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж. Т. Тощенко. Москва: Весь Мир, 2021. 400 с.

[13] *Crawford J. O., McCalman L., Jackson K. A.* The health and well-being of remote and mobile workers // Labor Medicine. 2011. Vol. 61, No. 6. P. 385-394. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqr071>

References

[1] Social responsibility and human capital of enterprises in the system of regional social policy: monograph / *E. V. Popova, N. R. Kelchevskaya, I. M. Chernenko, S. A. Sirotkin, I. S. Pelymskaya*. М.: Creative Economy, 2017. 318 p.

[2] *Tkachev I.* Mortality from drugs in Russia increased by 60 % against the backdrop of a pandemic. <https://www.rbc.ru/economics/18/07/2021/60f1b7cc9a79472c99206f4d> (accessed on: 25.12.2022).

[3] *Salkova A.* Epidemic of orphanhood. https://www.gazeta.ru/science/2021/07/21_a_13784120.shtml (accessed 25.12.2022).

[4] International Association of Employee Assistance Specialists (EAPA) <https://www.eapassn.org/WOS> (accessed on: 25.12.2022).

[5] *Belkin V. N.* Theory of human capital of the enterprise. Monograph. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2012. 400 p.

[6] *Kivarina M. V.* Corporate social responsibility // Economic Journal. 2011. No. 3(23). P. 116-121.

[7] *Makassa G., McGrath S., Tomaselli G., Buttigieg S. S.* Corporate social responsibility and the health and well-being of internal stakeholders in Europe: a systematic descriptive review // International Promotion of Health. 2021. Vol. 36, No. 3. P. 866-883. <https://doi.org/10.1093/heapro/daaa071>

[8] *Wang H.-Y., Chen Z.-X.* Corporate social responsibility and attracting job seekers: a moderated mediation model // PLoS ONE 2022. No. 17(3). e0260125. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0260125>

[9] *Droppert H., Bennett S.* Corporate social responsibility in global healthcare: a research study of multinational pharmaceutical companies // *Globalization and Health*. 2015. No. 11. <https://doi.org/10.1186/s12992-015-0100-5>

[10] Changes in the effectiveness of corporate social responsibility in the Chinese food industry caused by the COVID-19 pandemic — A study using the super-efficient DEA-Malmquist-Tobit model. *Front / Z. Chen, V. Zhu, X. Feng, X. Lo // Public health*. 2022. No. 10. 875030. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.875030>

[11] *Koropets O. A.* Socio-psychological well-being of workers of different categories // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020. No. 11-3. P. 499-506. <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1454> (accessed on: 25.12.2022).

[12] Precarious employment: origins, criteria, features / ed. by J. T. Toshchenko. M.: Publishing House «The Whole World», 2021. 400 p.

[13] *Crawford J. O., McCalman L., Jackson K. A.* The health and well-being of remote and mobile workers // *Labor Medicine*. 2011. Vol. 61, No. 6. P. 385-394. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqr071>

Информация об авторе

Антонова Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН; доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»; <https://orcid.org/0000-0003-0050-7883> (Российская Федерация, 454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155; Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129; e-mail: antonova.oa@uiec.ru).

About the author

Olga A. Antonova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Chelyabinsk State University; <https://orcid.org/0000-0003-0050-7883> (Russian Federation, 454091, Chelyabinsk, Svobody St., 155; Russian Federation, 454001, Chelyabinsk, Br. Kashirinykh St., 129; e-mail: antonova.oa@uiec.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-2>

УДК 159.9

JEL classification: I20

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ¹

Е. Е. Безрук

Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург, Россия). <https://orcid.org/0000-0001-9290-8136>

Автор для корреспонденции: Е. Е. Безрук (nisisdead@gmail.com)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности адаптации иностранных студентов к обучению в вузе. Изучены основные трудности социальной, психологической адаптации. Рассмотрены основные факторы и причины, влияющие на адаптацию. Приведен анализ результатов исследования, по которому разработаны условия и рекомендации социально-психологического сопровождения адаптации студентов. В исследовании использовались методы анализа психолого-педагогической литературы по рассматриваемой проблеме, анкетирование, обработка эмпирических данных. Результаты исследования позволили выявить основные трудности, с которыми сталкиваются студенты-иностранцы, что может использоваться при организации обучения, социализации к условиям жизни и обучения в России.

Ключевые слова: адаптация; иностранный студент; психологическая адаптация; социальная адаптация; факторы адаптации

Socio-Psychological Adaptation of Foreign Students in Russian Universities

Ye. Ye. Bezruk

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). <https://orcid.org/0000-0001-9290-8136>

Corresponding author: Ye. Ye. Bezruk (nisisdead@gmail.com)

Abstract. The article discusses the peculiarities of adaptation of foreign students to studying at a university. The main difficulties of social and psychological adaptation are observed. The main factors and reasons affecting adaptation are considered. The analysis of the research results presented conditions and recommendations for socio-psychological support of students' adaptation. Then study utilised methods of analysis of relevant psychological and pedagogical literature, questionnaires, processing of empirical data. The findings revealed the main difficulties faced by foreign students, which can be used in the organisation of training, socialisation to living conditions and learning in Russia.

Keywords: adaptation; foreign student; psychological adaptation; social adaptation; adaptation factors

Введение

На протяжении последних нескольких лет в России активно протекает процесс глобализации образования. Из-за существующих культурных особенностей иностранные студенты встречаются со многими проблемами при переезде в другую страну, особенно в первые годы обучения в университете. Именно по этой причине проблема социально-психологической адаптации иностранных студентов в условиях среды высшего образования становится все более актуальной.

Множество развитых стран мира выделяют международное образование как один из важнейших компонентов системы высшего образования. С каждым годом предъявляются новые требования к образовательной и профессиональной среде для лучшей

¹ © Безрук Е.Е. Текст. 2023.

адаптации иностранных студентов, что способствует повышению качества образования. Благодаря международному обмену студентами это становится возможным.

Основная часть

В первые месяцы пребывания в вузе студенты переживают период трудностей и адаптацией. Это возникает из-за проблем с устройством быта и учебного распорядка. Данный процесс сложнее проходит у иностранных студентов, изучение особенностей этого процесса является проблемой нашего исследования.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что иностранные студенты, обучающиеся в вузе другой страны, испытывают дополнительные трудности. Подготовка иностранных студентов предполагает высокую квалификацию выпускников, конкурентоспособных специалистов, которые могли бы решать профессиональные задачи, координировать свою деятельность, но эта проблема проявляется, когда иностранные студенты начинают посещать лекции и практические занятия, так как их уровень владения русским языком не позволяет им чувствовать себя уверенно в новой среде.

Не вызывает сомнений, что успешность процесса адаптации студентов зависит не только от внешней среды, но и от потребностей и ценностей, стремлений самих студентов.

Целью данного исследования являются раскрытие проблем и рисков, с которыми встречаются иностранные студенты в процессе адаптации в вузе, и определение значимых направлений социально-психологического сопровождения с целью повышения эффективности их адаптации.

Теоретический анализ данной проблемы показал, что она изучается с разных точек зрения и специалистами в области философии, педагогики, социологии, психологии, культурологии и др.

Исследованием социально-психологической среды в учебных группах занимались М.А. Иванова, Н.А. Титкова. В исследовании М.А. Ивановой раскрыты национально-психологическая нестандартность иностранных студентов, которые учитываются в педагогическом общении.

В исследованиях И.А. Гребенниковой, Ю.И. Скопиной, И.А. Позднякова, Б.Б. Степановой, О.А. Лебедевой рассматриваются факторы, положительно и негативно сказывающиеся на адаптацию студентов других стран. Авторы рассматривают технологии психолого-педагогической помощи иностранным студентам с первого курса обучения.

В некоторых исследованиях, связанных с адаптацией иностранных студентов в вузе, делается акцент на наличие полилингвизма. Студенты, владеющие английским языком, более склонны к хорошей адаптивности.

Иностранные студенты, приезжая в чужую страну, испытывают все виды адаптации: биологическую, социальную, психологическую. Во-первых, им приходится адаптироваться к новым природно-климатическим условиям, особенно сложно приходится им зимой. Психологическая адаптация заключается в том, что вчерашние выпускники школ, ставшие студентами, намного сложнее привыкают к вузовскому обучению еще и потому, что расставание с родными и близкими, одноклассниками приводят к эмоциональной нестабильности, у них понижается самооценка, повышается неуверенность, студенты испытывают депрессивные состояния, невротические реакции.

Социальная адаптация, приспособление к условиям социальной, культурной среды для иностранных студентов происходит с большими трудностями: языковой барьер, традиции, иная культура. Таким образом, трудности носят следующий характер: социальные, психологические, социально-психологические. Социальная адаптация предполагает привыкание к новым условиям среды [3].

Можно выделить несколько основных причин затруднений при процессе адаптации:

- межличностные, к которым относится новый коллектив, взаимоотношения с педагогами и однокурсниками, новая социальная обстановка развития, формы обучения, контроля;

- личностные, к ним относятся качества характера, темперамент, самооценка, мотивация к обучению;

- объективно-субъективные, например, умение организовать самоконтроль, развитость навыков самостоятельной работы и т. д.

Таким образом, иностранным студентам в процессе адаптации приходится справляться с разного рода барьерами (психологические, языковые, нравственные, социальные, эмоциональные, религиозные), а также исследовать новые формы поведения и неизвестные им ранее типы деятельности [8].

В свою очередь, трудности в работе с иностранными студентами испытывают и педагоги, которые с ними работают. От них требуется эмпатийное отношение, сочувствие, умение устанавливать контакт, поддерживать в различных сложных ситуациях.

Взаимодействие со студентами-иностранцами требует от педагога умения слушать и слышать, так как они говорят плохо на русском языке и с акцентом. Речь самого педагога тоже должна быть понятной и доступной, внятной, эмоционально окрашенной, педагог должен уметь активизировать деятельность обучающихся, иначе может значительно снизиться мотивация студента. По статистике на втором курсе студенты-иностранцы могут бросить учебу и уйти из вуза [2].

Для того, чтобы помочь студентам-иностранцам адаптироваться в вузе, нужна систематическая целенаправленная деятельность.

В течение последних лет количество иностранных студентов, поступающих в Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина (УрФУ), увеличивается. В 2021–2022 учебном году в данном университете обучаются более 36 000 студентов из 101 страны мира.

Чтобы выяснить, какие сложности испытывают студенты, приезжая на учебу в Россию, было проведено исследование, в котором приняли участие 34 иностранных студента, обучающихся в Уральском федеральном университете. С этой целью было проведено интервью. На вопросы отвечали студенты 1–4-го курсов.

Респондентами были студенты четвертого курса бакалавриата 15 человек, 5 — третьего, 9 — первого и 5 — второго. 32 иностранных студента утверждают, что им нравится учиться, однако они испытывают трудности при организации быта и учебы в России.

В ходе интервью получено, что все опрошенные студенты осознают важность знания русского языка в скорости их адаптации и считают, что низкий уровень понимания языка препятствует усвоению учебного материала. Студенты стремятся улучшить степень владения русским языком при прохождении обучающих курсов, коммуникации с однокурсниками, чтении литературы, просмотрах фильмов на русском языке.

Из анализа результатов исследования было установлено, что кроме коммуникативных, выделяются такие проблемы, как отсутствие по близости родственников (27 чел.). Другими важными проблемами, затрудняющими адаптацию, были проявления различных форм девиации среди других иностранных студентов и дороговизна медицинской страховки (13 чел.). Некоторые студенты отмечают недоступность официально трудоустройства иностранных студентов в России на выгодных условиях (24 чел.), отношение соседей и преподавателей (17 чел.).

В меньшей степени иностранные студенты не удовлетворены высокой оплатой за обучение (7 чел.), высокой стоимостью жизни и проездом в транспорте (11 чел.), плохими бытовыми условиями (10 чел.), особенностями русской кухни (3 чел.).

Большинство студентов (29 чел.) полагают, что плохое знание русского языка служит помехой в адаптации, учебе и при налаживании социальных контактов. Факторы, замедляющие освоение русского языка: нежелание приложить усилия, неудовлетворительные знаниями, полученные на подготовительных курсах, общение с земляками на родном языке. Иностранные студенты отмечают, что непонимание русского языка и неумение четко выражать свои мысли повышают риск возникновения конфликтов.

Студентам рекомендуется общаться на русском языке как можно больше, даже с земляками, просматривать учебные материалы на русском языке, дополнительно обучаться на курсах по изучению языка, посещать мероприятия в стенах вуза [5].

Важным моментом развития речи является расселение студентов в общежитии со студентами, говорящими на русском языке, со студентами других национальностей, когда в одной комнате собирается межнациональный коллектив. В первое время студентам-иностранцам, конечно, будет легче адаптироваться, живя с земляками, но постепенно процесс адаптации будет усложняться.

На основании ответов студентов, можно выделить группы факторов, которые оказывают сильное влияние на адаптацию:

- зависящие от мотивации студентов;
- зависящие от условий, созданных в вузе.

Таким образом, условия в вузе могут быть компенсированы подготовленностью к самостоятельной жизни студента, знаниями русского языка. Однако студенты отмечают, что скорость речи преподавателей слишком большая и что они растеряны на лекции, так как не понимают, о чем говорит преподаватель.

По мнению иностранных студентов, достичь успешной адаптации помогут отношения со студентами из России. Хорошие дружеские отношения сложились у 19 студентов, приятельские отношения у 6 студентов, у 8 студентов нейтральные отношения и у 1 напряженные отношения. Таким образом, социально-психологический климат, который сложился и в учебной группе, и в месте проживания, является одним из важнейших факторов адаптации.

Проживание студента в других социальных условиях, общаясь с людьми разных национальностей, развивается национальное самосознание, обогащается опыт. С течением времени происходит изменение личности студентов за период пребывания в России, сохраняются психические особенности, которые были до приезда, но постепенно появляются новые качества в ходе учебы и проживания в нашей стране.

Формирование национальной и этнической идентичности завершается в юношеском возрасте. В большинстве случаев многочисленные социальные контакты с представителями разных культур, поездки в другие города, знакомство с новыми обычаями, участие в общественной жизни способствуют формированию идентичности.

Иностранному студенту, оказываясь в непривычной для него среде, следует адаптироваться как носитель ценностей, традиций, культуры с определенным менталитетом и как личность, которая имеет индивидуальные особенности [2].

Иностранные студенты тратят на приспособление больше времени и эмоциональных ресурсов, чем обычные студенты, поэтому развитие их стрессоустойчивости и навыков саморегуляции является важным условием эффективной адаптации. В связи с этим необходимо организовать социально-психологическое сопровождение для адаптации иностранных студентов [5].

Адаптированность студента характеризуется следующими показателями: бесконфликтное общение с однокурсниками и преподавателями, желание учиться и усваивать учебный материал, позитивная социализация в новых условиях.

Программа социально-психологического сопровождения нацелена на изучение трудностей и усиление потенциала приспособления, развитие ресурсов для решения проблем, на профилактику дезадаптации, которая может привести к деструктивным формам поведения. Она предполагает следующие направления:

1. Повышение осведомленности студентов о вузе и городе, в котором они будут проживать. Студентам необходимо знать, где найти информацию о расположении и времени работы всех объектов, которые необходимы для жизни в стране (аптека, банк, паспортный стол, магазин, поликлиника, страховая компания, общежитие и т. д.).

2. Привлечение студентов-иностранцев к проведению мероприятий, отражающих национальные традиции, историю и культуру студентов зарубежья, что способствует увеличению социальных контактов, а также участие студентов в мероприятиях, организованных студенческими организациями, например студенческими отрядами. К этому привлекаются студенты-волонтеры старших курсов, которые знают язык и знакомы с особенностями проживания. Активная культурная жизнь поможет в снижении социального напряжения и адаптации.

3. Психологическое сопровождение, направленное на снятие затруднений, как в учебной, так и во вне учебной деятельности. Проведение тренингов как в больших, так и в малых группах. Тренинги, направленные на развитие коммуникативных навыков, сделают более устойчивыми личностные ресурсы студентов, помогут преодолеть психологические барьеры. Организация психологического консультирования, работа телефона доверия тоже призваны помочь в адаптации.

4. Создание информационных ресурсов и формулирование правил поведения для снижения уровня тревожности иностранных студентов.

Доброжелательные взаимоотношения студентов иностранцев и преподавателей способствуют формированию позитивного психологического климата. Взаимный интерес к культуре, тесное взаимодействие студентов в образовательном процессе (совместные проекты, посещение школ и подготовка и проведение мероприятий) будут помогать адаптации иностранных студентов.

Регулярная оценка адаптации социально-психологическим отделом вуза позволит на раннем этапе выявить причины неприспособленности студентов на ранних стадиях.

Важную роль в адаптации играют кураторы и наставники групп, сопровождающие студентов, фактически на время заменяющие им родителей, так как студенты не готовы самостоятельно решить проблемы, даже мелкие. Наставники — это студенты старших курсов, которые в первый год жизни и учебы студентов в вузе помогают

в образовательной (подготовка к занятиям, организация самостоятельной работы), физиологической, социально-бытовой, языковой и социокультурной адаптации.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что социально-психологическое сопровождение адаптации будет наиболее результативным при обеспечении интенсивного взаимодействия в социальном и образовательном пространстве. На скорость социально-психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе влияют мотивация студента, психологическая устойчивость личности и условия окружающей среды. Чем лучше студент выстраивает социальные связи, понимает значимость знаний, получаемых в вузе, для будущей карьеры, тем успешнее он будет адаптироваться. Важную роль играет социально-психологическая подготовка иностранных студентов к особенностям модели учебного процесса в российском вузе. Изучение русского языка требует большего времени и усилий, чем полагают студенты, не начав обучение непосредственно в вузе. Им важно понимать не только русскую речь, но и культуру. Социально-психологическое сопровождение будет эффективным при интеграции всех основных факторов, влияющих на процесс адаптации.

Список источников

- [1] *Дорожкин Ю. Н.* Проблемы социальной адаптации иностранных студентов // СОЦИС. 2007. № 3. С. 73-77.
- [2] *Иванова И. П., Сидорова Л. А.* Влияние билингвизма и полилингвизма на социально-психологическую адаптацию студентов высших учебных заведений // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме «Восток-Запад: пересечения культур». Науч.-практ. мат-лы II Всемирного конгресса. 2021. С. 471-477.
- [3] *Иванова И. П.* Особенности социально-психологической адаптации студентов-иностранцев в вузе // Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы. Мат-лы XI междунар. учеб.-метод. конф. / Под ред. А. Ю. Александрова, Е. Л. Николаева, А. М. Шамсиева, Ш. А. Юсупова. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2021. С. 31-34.
- [4] *Клюшников Е. В.* Проблемы адаптации иностранных студентов в России // Вестник ТвГУ. 2018. № 1. С. 133-140. (Сер. Педагогика и психология).
- [5] *Лагерева В. В.* Адаптация студентов к условиям обучения в техническом вузе и особенности организации учебно-воспитательного процесса с первокурсниками. Москва: НИИВО, 1991. 48 с.
- [6] *Любимова Г. Ю.* От первокурсника до выпускника: проблемы профессионального и личного самоопределения студентов психологов // Вестник Московского университета. 2000. № 1. С. 48. (Сер. 14. Психология).
- [7] *Мариненко О. П., Снопкова Е. И.* Педагогическое сопровождение иностранных студентов в процессе получения образования // Ученые записки ЗабГУ. 2017. Т. 12. № 2. С. 22-30.
- [8] *Ivanova I. P., Sidorova L. A.* Bilingualism and multilingualism as means of socio-psychological adaptation of the students of higher educational institutions // VI International Forum on Teacher Education. "ARPHA PROCEEDINGS". Kazan Federal University. 2020. P. 875-884.
- [9] *Fayzullina O. R.* Ways of International Students' Adaptation: Club of International Friendship // Space and Culture, India. 2019. No. 6(5). P. 87-98. <https://doi.org/10.20896/saci.v6i5.412>

[10] *Greenfield Jr., William D., Hunter J.* Working (with/out) the system: Educational leadership, micropolitics and social justice // *Issues in the Research Theory Policy and Practice of Urban Education* 2016. Pp. 67-94.

References

[1] *Dorozhkin Yu. N.* Problems of social adaptation of foreign students // *Sociological studies*. 2007. No. 3. P. 73-77.

[2] *Ivanova I. P., Sidorova L. A.* The influence of bilingualism and polylinguism on the socio-psychological adaptation of students of higher educational institutions // *The Second World Congress in real and virtual mode «East-West: intersections of cultures»*. Scientific and practical materials of the II World Congress. 2021. Pp. 471-477.

[3] *Ivanova I. P.* Features of socio-psychological adaptation of foreign students at the university // *Development of export potential of higher education: content, experience, prospects*. Materials of the XI educational and methodological International Conference / ed. by A. Y. Alexandrov, E. L. Nikolaev, A. M. Shamsiev, S. A. Yusupov. 2021. P. 31-34.

[4] *Klyushnikova E. V.* Adaptation problems of foreign students in Russia // *Herald of Tver State University*. Series: Pedagogy and Psychology. 2018. No. 1. P. 133-140.

[5] *Lagerev V. V.* Adaptation of students to the conditions of study in a technical university and the features of the organization of the educational process with first-year students. M., 1991. 48 p.

[6] *Lyubimova G. Yu.* From freshman to graduate: problems of professional and personal self-determination of psychology students // *The Moscow University Herald*. Series 14. Psychology. 2000. No. 1. P. 48.

[7] *Marinenko O. P., Snopkova E. I.* Pedagogical Tracking of International Students in the Course of Their Education // *Scholarly Notes of Transbaikal State University*. Series Pedagogical Sciences. 2017. Vol. 12, No. 2. P. 22-30.

[8] *Ivanova I. P., Sidorova L. A.* Bilingualism and multilingualism as means of socio-psychological adaptation of the students of higher educational institutions // *VI International Forum on Teacher Education*. "ARPHA PROCEEDINGS". Kazan Federal University. 2020. P. 875-884.

[9] *Fayzullina O. R.* Ways of International Students' Adaptation: Club of International Friendship // *Space and Culture, India*. 2019. No. 6(5). P. 87-98. <https://doi.org/10.20896/saci.v6i5.412>

[10] *Greenfield Jr., William D., Hunter J.* Working (with/out) the system: Educational leadership, micropolitics and social justice // *Issues in the Research Theory Policy and Practice of Urban Education* 2016. Pp. 67-94.

Информация об авторах

Безрук Евгения Евгеньевна — студент магистратуры, Уральский федеральный университет; <https://orcid.org/0000-0001-9290-8136> (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, пр-т. Ленина, 51; e-mail: nisisdead@gmail.com).

About the authors

Yevgeniya Ye. Bezruk — Master Student, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-9290-8136> (51, Lenina St., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation; e-mail: nisisdead@gmail.com).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-3>

УДК 314.06:314.4

JEL classification: Z13

БАРЬЕРЫ АДАПТАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ¹

Б. Ю. Берзин

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

Автор для корреспонденции: Б. Ю. Берзин (berzin.byu@uiec.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы адаптации личности к современным реалиям, ее эффективность от различных факторов. В качестве основополагающих анализируются личностный адаптационный потенциал и барьеры, препятствующие адекватному приспособлению человека к изменяющемуся миру. Барьеры адаптации выступают в двойной роли: как препятствие, мешающее приспособиться, и как стимул, побуждающий к действиям по изменению ситуации. Человек, попадающий в экстремальную ситуацию, вынужден либо уйти в психологическую защиту, либо преодолеть тот или иной барьер, что во многом определяется наличествующим адаптационным потенциалом личности.

Ключевые слова: личностный адаптационный потенциал; барьеры; адаптации; психологическая защита; поведение личности; дезадаптивность

Barriers to Adaptation and Psychological Protection of Personality

B. Yu. Berzin

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)

Corresponding author: B. Yu. Berzin (berzin.byu@uiec.ru)

Abstract. The article examines the adaptation of personality to modern realities, as well as its dependence on various factors. Personal adaptive potential and barriers preventing an adequate adaptation of a person to a changing world are considered as fundamental factors. Barriers to adaptation play a dual role: as an obstacle preventing adaptation and as an incentive to take action to change the situation. A person in an extreme situation is forced to either go into psychological protection or overcome one or another barrier, which is largely determined by the existing adaptive potential of an individual.

Keywords: personal adaptive potential; barriers; adaptations; psychological protection; personality behaviour; maladaptivity

Введение

В постоянно изменяющемся мире (дезорганизация геополитической картины мира, активизация миграционных процессов, происходящие перемены в организации профессиональной деятельности и неопределенность рынка труда) все острее стоят вопросы, связанные со способностью и возможностью для человека адекватно реагировать на требования среды, выбрать оптимальный способ поведения, психологической защиты и соотносить его с будущим состоянием [1].

Адаптация выступает как процесс развертывания во времени определенных реакций организма, как состояние систем организма индивида, показывает результаты приспособления к изменившейся среде, т. е. это системный ответ на воздействие окружающего мира. Она показывает степень расхождения (соответствия) между основными направлениями развития и ценностной системой индивида (жизненные цели, смыслы, ожидания). Способность к адаптации, умение быстро адаптироваться

¹ © Берзин Б. Ю. Текст. 2023.

к той или иной ситуации зависят от степени развития, уровня личностного адаптационного потенциала (ЛАП), характеристик личности, позволяющей дифференцировать людей по их стрессоустойчивости [2].

Основная часть

Личностный адаптационный потенциал составляют основные свойства личности: ее знания и умения, навыки, способности, сила воли и характера, полученный социальный опыт — все то, что помогает преодолеть трудности, препятствия, возникающие в процессе достижения цели.

Однако существуют барьеры, которые преодолеть невозможно, так как адаптационного потенциала недостаточно. Впервые в психологической науке эту проблему поднял З. Фрейд, когда писал об инстинктах, требующих разрядки, и о барьерах, этому препятствующих [3].

В этих ситуациях выход во вмешательстве в окружающую среду, изменении ее таким образом, чтобы стало возможным использование адаптационного потенциала (именно в этом основная функция институционализации), создание условий для оптимального приспособления индивидов к новой ситуации. Барьеры, ограничители адаптации играют роль стимуляторов.

К. Левин (1936) писал о роли барьеров в формировании личности. Они стимулируют развитие индивида, его активность, повышают уровень притязаний и способствуют переключению с одного вида деятельности на другой [4].

О роли барьеров в развитии личности писали К.Д. Ушинский и Б.М. Кедров.

Р.Х. Шакуров считает барьеры универсальным атрибутом жизнедеятельности человека, они способствуют сохранению системы, они препятствуют ее размыванию, служат границами [5].

Барьер выступает как отношение между элементами, подсистемами, ограничивающее действие на систему в целом или на какой-то ее элемент, т. е. обладает функцией стабилизации. Кроме того, выделяются функции коррекции и дозирования (регулирующая роль), мобилизации и энергетизации, подавления, торможения.

Барьер создает такое внутреннее состояние индивида, которое характеризует степень чувствительности к некоторым объектам, показывает их привлекательность и непривлекательность. С этой точки зрения барьер категория субъективная, так как у одного индивида барьер есть, у другого подобного барьера нет.

В то же время важную роль играет значимость ситуации, ее цена для конкретного человека. Иногда ее не замечают, иногда она вызывает эмоциональный дискомфорт [5].

Исследователи выделяют внутренние и внешние барьеры адаптации. К внутренним барьерам можно отнести напряженность и застенчивость, тревожность и агрессивность, неразвитость мышления. Среди внешних барьеров: статусно-ролевые и возрастные, воспитание и условия общения, межличностные отношения, неблагоприятный опыт эмоциональных переживаний и отсутствие жизненного опыта [6].

Например, в социальной жизни велика роль (как внешнего барьера) законов требований, норм, запретов, традиций и обычаев, регулирующих жизнь не только отдельного индивида, но и существование больших социальных общностей, наций, государств.

Или, например, новое информационное пространство, выступая в качестве барьера, является источником роста девиантных форм поведения и пограничных

психических расстройств, в первую очередь из-за повышенной тревожности и незрелости в социальных отношениях, когда требуется принять ответственность на себя. Эмоциональная нестабильность также способствует эмоциональному выгоранию в результате профессионального стресса.

Как барьеры действуют преобладающая экстернальность локуса контроля в значимых социально-экономических ситуациях, эгоцентризм. Доминирование тенденции генерализации тревожности приводит к изменению поведения, появлению неадекватных стратегий поведения. Тем самым потребность в безопасности становится барьером адаптации для индивида в изменившихся условиях [7].

В опасных для здоровья человека психотравмирующих ситуациях резко уменьшаются «степени свободы» индивида, что не позволяет ему оптимально адекватно реагировать, что является характеристикой его дезадаптированности.

Среди исследователей существует точка зрения, согласно которой каждому человеку присущ строго индивидуальный адаптационный барьер, обладающий определенными ресурсами реагирования, как генетически определенными, так и приобретенными в процессе филогенеза, актуализированными в конкретный момент времени в зависимости от состояния человека [8].

Барьер адаптации определяет красную линию, границу между порядком (как социальным, так и внутриличностным) и беспорядком, и в обычном состоянии не фиксируется. При росте напряженности возможно приближение к крайним значениям, что чревато появлением пограничных состояний и в случае сверхсильного, резкого или длительного напряжения (перенапряжения) происходит «надрыв» адаптационного барьера. Это, в свою очередь, вызывает необходимость новых форм приспособления или психологической защиты и одновременно сокращает поле адекватного поведения; человеческая деятельность может приобрести неадекватные формы, иметь извращенный характер.

Таким образом, индивид стоит перед выбором: либо уйти в психологическую защиту, либо выбрать адекватную его состоянию стратегию поведения [8].

Психологическая защита может рассматриваться как определенная совокупность институализированных механизмов адаптации человека, направленная на ликвидацию, устранение, минимизацию последствий психотравмирующей ситуации, созданной внешними обстоятельствами (войной, техногенными или природными катастрофами, экономическими потрясениями) или внутриличностными конфликтами, тревогой, нервным истощением.

Наиболее популярна выдвинутая З. Фрейдом концепция психологической защиты [9]. За прошедшие десятилетия психоаналитическая теория заметно обогатилась последователями фрейдизма.

Сегодня одной из наиболее известных является теория Р. Плутчика, которая выводит механизмы психологической защиты из базисных эмоций, объединенных прежде всего переживанием страха. Эмоции выступают как механизмы адаптации. Эти восемь механизмов образуют четыре пары: рационализация — регрессия; отрицание — проекция; реактивное образование — компенсация, подавление — замещение.

Образуются структурные связи между эмоциональной сферой, системой психологической защиты и диспозиционной структурой личности, которые позволяют либо ослабить, либо перенаправить негативную эмоцию. Р. Плутчик считает, что при адаптации следует учитывать несколько проблем: время, пространство (территориальность), идентичность и иерархичность [10].

Территориальность — контроль личного пространства; иерархия — конфликты, социально-экономические отношения, возрастные ограничения и взаимоотношения полов; идентичность — стремление отождествить себя с определенной ролью и статусом в обществе. Временные параметры характеризуют ограниченность существования индивида, его переживания по поводу отделения, отчуждения себя от других.

Для современных исследователей характерен анализ системы психологической защиты в более широком социальном масштабе, то есть макроуровень — в пределах общества в целом, мезоуровень — социально-групповой (внутри различных общностей) и микроуровень — система индивидуальной психологической защиты [11].

Психологическая защита рассматривается как нормальный механизм, служащий предотвращению нежелательных последствий на физиологическом, психологическом и социальном уровне. При этом она выступает как механизм, обеспечивающий целостность личности, но прежде всего она нужна как способ определения различных форм поведения. Психологическая защита — это норма, естественное поведение, и в то же время — невротическая реакция ригидного характера, обеспечивающая защитное поведение. Психологическая защита выполняет, помимо функций собственно защиты и адаптации, функции искажения ситуации, сохранения «Я», блокировки информации, поддержания целостности психики индивида [12].

Л. Ю. Субботина подробно анализирует различные виды психологической защиты.

К основному базовому виду психологической защиты относится вытеснение — механизм, благодаря которому токсичная для организма информация переводится на подсознательный уровень. Неблагоприятная ситуация «забывается», не замечается, уходит из фокуса внимания. Либо происходит искажение получаемой информации, с тем чтобы было возможно ее совмещение с восприятием информации, не противоречащей мотивам и ценностям индивида.

Регрессия — другой вид психологической защиты, когда человек как бы впадает в беспомощное состояние, переходит на более раннюю ступень своего развития в целях избегания борьбы, напряжения для достижения цели — условно «впадение в детство» или симуляция болезни.

Проекция — механизм переноса индивидом собственных эмоций, стремлений, мотивов на другого субъекта, отторжение при этом неприятных чувств, переживаний.

Идеализация — выстраивание образа защитника от всех потрясений, опоры и защиты. Идеал служит средством идеального решения всех проблем.

Замещение — как механизм переноса действий с недоступного индивиду объекта на более доступный или безопасный.

Реактивное образование — это механизм формирования противоположной нежелательной схемы поведения, это защита от неприемлемой поведенческой модели, подавление нежелательной реакции и появление противоположной.

Изоляция — стремление личности уйти от угроз внешнего мира, спрятаться, закрыться посредством создания своего собственного мира, подчас полностью иллюзорного.

Отрицание — механизм игнорирования беспокоящей, неприятной информации, ее искажение. То, чего нет, не может вызывать тревогу или страх.

Интроекция — механизм преобразования возникающих отношений между людьми во внутриличностное отношение. Возможен перенос на себя качеств, свойств других людей при некритичности их усвоения.

Рационализация — механизм использования для защиты только приемлемой информации, которая позволяет аргументированно сохранять и контролировать собственную линию поведения. Это происходит за счет повышения целостности совершаемых действий и снижения ценности того, что не удалось сделать.

Агрессия — защитный механизм, связанный с причинением вреда другому индивиду. Избавление от тревоги происходит за счет нападения, действий против других лиц или животных, даже вещей и предметов.

Сублимация обычно рассматривается как механизм перевода поведения из неблагоприятных форм в социально одобряемые, благодаря ей происходит снятие напряженности, повышение творческой активности личности. Исследователи считают ее единственно здоровой формой, конструктивной защитой.

В научной литературе выделяется более четырех десятков (на основе базовых механизмов) видов психологических защит, что позволяет абсолютному большинству людей в той или иной степени адаптироваться к окружающему миру, приспособиться за счет использования за счет использования внутренних ресурсов организма.

В последние десятилетия интерес исследователей в большей степени вызывает изучение стратегий лиц, попавших в трудные жизненные ситуации, находящихся под влиянием перемен в состоянии стресса. Для выбора адекватной возникшей проблеме ситуации необходимо представить особенности предшествующего состояния индивида, характерные черты возникшей проблемы, значение и цену происходящего события — чем выше ценность, тем сильнее мотивация. Следует учитывать и реальность представлений индивида об окружающем мире: чем дальше от истинной картины действительности, чем больше иллюзорных представлений, тем сильнее стресс и труднее его преодолеть.

Каждый человек выбирает, точнее, порождает свою жизненную стратегию и превращает в той или иной ситуации. Например, он выбирает стратегию преображения (совладания) — намечает главные и промежуточные цели, планирует порядок их реализации и способы, средства достижения.

Если индивид избирает сугубо приспособительное поведение — формально исполняет свои роли, идентифицирует себя с каким-то идеалом, либо сравнивает себя с теми, «кому хуже», либо верит в свою удачливость в иных сферах, либо не верит в свой успех и готов потерпеть неудачу.

Вполне вероятен уход в систему собственной психологической защиты (избегание, юмор, погружение в мир собственных эмоций, отрицание) — все это становится барьером, ограничителем, блокирует результативные действия [13].

Возможны и самопоражающие стратегии — пьянство, наркомания, суицид.

Заключение

В целом, если говорить о выборе стратегий, следует ясно представить, что не может быть одной стратегии для всех жизненных сценариев, главное — это умение предвидеть последствия происходящих изменений, распознавать и принимать невозможность решения проблемы в данной ситуации и перейти к реализации других целей.

Поэтому наиболее конструктивным представляется выбор такого поведения, когда субъект на различных этапах достижения цели применяет разные стратегии, подчас их совмещая. При этом конструктивный характер не должен приносить вред другим людям [13].

Таким образом, эффективность личностного адаптационного потенциала зависит от барьеров, возникающих перед человеком в экстремальной ситуации и способов их преодоления.

Список источников

- [1] Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. Сб. науч. тр. / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. Москва: Институт психологии РАН, 2007. 624 с.
- [2] Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 16-24.
- [3] Фрейд З. Психология бессознательного. Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. Москва: Просвещение, 1990. 448 с.
- [4] Lewin K. The dynamic theory of personality. New York: Mcgraw-Hill Book Company, 1935. 286 p.
- [5] Шакуров Р. Х. Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 18-33.
- [6] Редькина Л. В. Психологические барьеры: структура и содержание // Вестник Тамбовского университета. 2010. № 10(90). С. 102-105. (Сер. Гуманитарные науки).
- [7] Осипова Н. Н., Зайцева В. М. Барьеры психической адаптации человека в постиндустриальном пространстве // Вестник Тамбовского университета. 2015. № 4 (4). С. 27-35. (Сер. Общественные науки).
- [8] Александровский Ю. А. Системный анализ состояний психической дезадаптации // Катастрофы и психическое здоровье. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2020. С. 15-52.
- [9] Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. Москва: Наука, 1989. 456 с.
- [10] Plutchik R., Kellerman H., Conte H. R. A structural theory of ego defenses and emotions // Emotions in personality and psychopathology / ed. by C. E. Izard. New York: Plenum Press, 1979. P. 229-257.
- [11] Грачев Г. В. Психологическая защита личности: проблемы и определение основных понятий // Психология и практика. Ежегодник РПО. Ярославль, 1998. Т. 4. Вып. 4. С. 182-185.
- [12] Субботина Л. Ю. Психология защитного поведения / Яросл. гос. ун-т. Ярославль: ЯрГУ, 2006. 220 с.
- [13] Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 3-18.

References

- [1] Psychology of adaptation and the social environment: modern approaches, problems, prospects: collection of scientific papers / ed. by L. G. Dikaya, A. L. Zhuravlev. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2007. 624 p.
- [2] Maklakov A. G. Personal adaptive potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions // Psychological Journal. 2001. Vol. 22, No. 1. P. 16-24.
- [3] Freud S. Psychology of the unconscious: Collection of works / Comp., scientific ed., author. intro. art. M. G. Yaroshevsky. M.: Enlightenment, 1990. 448 p.
- [4] Lewin K. The dynamic theory of personality. N.Y.: Mcgraw-Hill Book Company, 1935. 286 p.
- [5] Shakurov R. H. Barrier as a category and its role in activity // Questions of psychology. 2001. No. 1. Pp. 18-33.

[6] Redkina L. V. Psychological barriers: structure and content // Tambov University Review. Series: Humanities. 2010. No. 10(90). P. 102-105.

[7] Osipova N. N., Zaitseva V. M. Barriers of the mental adaptation in the post-industrial space // Tambov University Review. Series: Social Sciences. 2015. No. 4(4). P. 27-35.

[8] Alexandrovsky Yu. A. System analysis of states of mental maladaptation // Catastrophes and mental health. M.: GEOTAR-Media, 2020. P. 15-52.

[9] Freud S. Introduction to psychoanalysis: lectures. M.: Nauka, 1989. 456 p.

[10] Plutchik R., Kellerman H., Conte H. R. A structural theory of ego defenses and emotions // Emotions in personality and psychopathology / ed. by C. E. Izard. New York: Plenum Press, 1979. P. 229-257.

[11] Grachev G. V. Psychological protection of personality: problems and definition of basic concepts // Psychology and practice. The yearbook of the RPO. Yaroslavl, 1998. Vol. 4. Issue 4. P. 182-185.

[12] Subbotina L. Yu. Psychology of protective behavior: monograph. Yaroslavl: YarGU, 2006. 220 p.

[13] Antsyferova L. I. Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection // Psychological Journal. 1994. Vol. 15, No. 1. Pp. 3-18.

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики уральского отдела РАН на 2021-2023г. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Acknowledgments

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021-2023, No. 0327-2021-0011 "Institutional models and factors of social and economic adaptation of the regional population in the context of the transition to dynamic development".

Информация об авторах

Берзин Борис Юрьевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; профессор, УрФУ (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: berzin.byu@uiec.ru).

About the authors

Boris Yu. Berzin — Dr. Sci. (Phil.), Professor, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29 Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: berzin.byu@uiec.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-4>
УДК 316.4 (<https://udcsummary.info/php/index.php#>)
JEL classification: I38

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПОСТКОВИДНОЕ ВРЕМЯ В ГОРОДЕ И В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ¹

К. А. Галкин

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>
Автор для корреспонденции: К.А. Галкин (Kgalkin1989@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии адаптации пожилых людей в постковидное время в городе федерального значения и сельской местности. На основании анализа 30 полуструктурированных интервью с пожилыми людьми из Санкт-Петербурга и сел Республики Карелия представлена авторская типология стратегий адаптации этой категории граждан. В исследовании выделены три стратегии, которые отличаются взглядами на адаптационный процесс. Классификация стратегий адаптации проведена на основании тематического анализа интервью, который позволил выделить ключевые темы, в рамках которых пожилые люди обозначали, как они справляются (или не справляются) с новыми условиями жизни, а также осмысливают то, как происходит именно наличие тех или иных ресурсов, а также доверие к средствам массовой информации и органам государственной власти для адаптации к новым временам и возможности быстро подстраиваться под изменяющуюся, трансформирующуюся темпоральность современного мира. Обозначенные в исследовании стратегии позволяют рассматривать, как специфика восприятия возраста трансформируется в зависимости от принятия или непринятия перемен, происходящих в постковидное время.

Ключевые слова: пожилые люди; адаптация; постковидное время; пожилые в городе; пожилые в селе

Adaptation Strategies of Older People in the Post-Covid Period in Urban and Rural Areas

К. А. Galkin

Sociological Institute of RAS – a branch of FCTAS RAS (Saint-Petersburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>
Corresponding author: K. A. Galkin (kgalkin1989@mail.ru)

Abstract. The article discusses adaptation strategies of older people in the post-Covid period in a federal city and rural areas. Based on the analysis of 30 semi-structured interviews with older people from St. Petersburg and villages of the Republic of Karelia, the article presents a typology of adaptation strategies for this category of citizens. The study identifies three strategies that differ in their views on the adaptation process. The classification of adaptation strategies in accordance with a thematic analysis of interviews was used to identify key topics in which the older people indicated how they cope (or do not cope) with new living conditions, as well as comprehend how their adaptation occurs. The highlighted strategies showed that the main difference is the availability of certain resources, as well as trust in the media and public authorities to adapt to new times and the ability to quickly adapt to the changing, transforming temporality of the modern world. The strategies outlined in the study can be used for considering the transformation of age perception depending on the acceptance or non-acceptance of changes occurring in the post-Covid period.

Keywords: older people; adaptation; post-Covid period; elderly in the city; elderly in the countryside

¹©Галкин К. А. Текст. 2023.

Введение

Современное общество характеризуется глобальными изменениями, связанными, в частности, с периодом пандемии и переходом к новым моделям развития. Как на глобальном и страновом, так и на региональном уровне они затрагивают и социальную политику. Ситуация с пандемией COVID-19 усилила социальную напряженность, создала трудности в различных сферах общественной жизни для различных групп населения [1, 2]. Одной из таких групп, которая в наибольшей степени ощутила на себе все сложности в преодолении ситуации пандемии, выступают пожилые люди [3, 4].

Созданные ранее и активно внедряемые политики активного долголетия, которые развивались в рамках закрепленной в принятом в 2002 г. Мадридском плане концепции активного долголетия, подверглись критике, так как столкнулись с множеством проблем при их реализации, прежде всего проблем, связанных с необходимостью вынужденной изоляции пожилых людей, а также с переосмыслением возможных активностей в рамках тотальных ограничений при изоляции в период пандемии [5, 6]. В постпандемийное время налицо активное изменение взглядов на понимание старения. Происходит переход от идей активного долголетия, которые по большей части рассматривали возраст как ресурс, как время интеграции в социальную жизнь, как активное время для развития возможностей, к пониманию индивидуального возраста, его региональных особенностей, реализации пожилыми возможностей в контексте доступности технологий после окончания пандемии COVID-19 [7]. Таким образом, в настоящее время крайне важным становится исследование адаптации пожилых людей, их адаптации к трансформирующемуся, изменяющемуся миру.

В настоящей статье мы рассматриваем адаптацию как совокупность условий, в которые помещен индивид, и взаимосвязей человека с окружающим миром. Адаптация рассмотрена как особенность социального поведения пожилых людей, а также как категория, связанная со спецификой современного российского общества, с региональным контекстом, с отличием жизни в городе от жизни на селе [8, 9]. Процесс социальной адаптации пожилых людей тесно связан с выбором социальных стратегий адаптации пожилых людей и обусловлен сельской или городской спецификой. Мы анализируем, как сами пожилые люди рассматривают возможности для своей адаптации, как пожилой человек строит вокруг себя социальную реальность и как реализует те или иные стратегии адаптации, в рамках которых позиционирует свой возраст. Таким образом, мы исследуем смыслы и особенности адаптации пожилых людей в постковидном мире с точки зрения репрезентации, рефлексии ими своего возраста, а также того, в какой степени существующий мир позволяет пожилым людям проявлять активность, какие стратегии проявления и маркирования активностей существуют у этой категории граждан в трансформирующемся постковидном мире.

Обзор литературы

Сегодня существует обширный пул работ, посвященных социальной адаптации. Ряд исследователей рассматривает адаптацию как степень адаптированности, то есть степень того, как индивиды или группы людей смогли интегрироваться в существующие процессы социально-экономической и культурной среды [10]. Отмечается важность изучения характера взаимодействия индивидов с социальной средой, анализа самой адаптации, ее пассивного или активного характера [11]. В зависимости от природы адаптации, а также от ответов на вопрос о том, насколько успешна адаптация,

выбираются показатели, которые в количественных исследованиях рассматриваются преимущественно как показатели успешности адаптационного процесса.

Другим фокусом исследований выступает изучение индивидуальных особенностей и перспектив адаптации самого адаптанта. В рамках данного подхода учитываются такие факторы, как состояние здоровья, психологическое состояние, социальное самочувствие индивида, восприятие происходящих общественных перемен [12]. Специалисты, изучающие адаптацию в эпоху потребления, отмечают необходимость более широкого анализа адаптационных процессов и изучения не только материального обеспечения и социальной интегрированности, но и того, какие существуют различия в рамках жизненных шансов тех или иных индивидов и насколько эти шансы связаны с рисками, которые происходят в различных средах и нарушают процессы адаптации (или же способствуют их образованию) [13]. При таком рассмотрении на первый план выходят именно жизненные шансы индивидов, а также характер адаптации в контексте последствий адаптационного процесса человека.

В настоящей работе мы, операционализируя понятие социальной адаптации, опираемся на ресурсный подход в исследовании данного понятия. В рамках этого подхода существует несколько ответвлений. Первое связано с тем, что в ряде исследований, как правило, рассматриваются макроконтекст, социальные, экономические, властные, квалификационные ресурсы [14]. Второе направление рассматривает индивидуальный ресурс, который обусловлен социальным капиталом, здоровьем и субъективными стратегиями, связанными с выбором наилучшего и наименее затратного адаптационного пути [15]. Использование ресурсного подхода к изучению индивидуальной адаптации пожилых людей в городе и сельской местности позволило наиболее комплексно проанализировать, как происходит выбор пожилыми людьми той или иной стратегии адаптации, как ситуация пандемии повлияла на выбор пожилыми наилучшего способа адаптации в зависимости от местонахождения и специфики социальной поддержки, развития инфраструктуры, психологического и физического самочувствия, необходимости в одиночку справляться с различными трудностями, которые задала пандемия (например, с ограничениями в возможности общения). Кроме того, ресурсный подход к анализу адаптации пожилых людей дает исследователю шанс рассмотреть специфику перехода этой категории граждан к использованию в повседневности информационных технологий, особенно в ситуации, связанной с заданными пандемией ограничениями в коммуникации, изоляцией, отсутствием мобильности и офлайн-общения, которые стали для пожилых людей частью процесса преодоления ими последствий отдельного проживания в сельской местности и городе [16].

Стало быть, мы рассматриваем адаптацию как индивидуальную стратегию, принимая во внимание особенности ресурсов для пожилых людей в рамках различных территорий в постковидный период.

Материалы и методы

Исследование проводилось в двух регионах РФ: городе федерального значения Санкт-Петербурге и селах Республики Карелия. Всего в рамках исследования было собрано 30 полуструктурированных интервью с пожилыми людьми — жителями данных локаций ($n = 30$), по 15 интервью в каждой локации. Все интервью проводились с марта по сентябрь 2022 г. Информанты, участники исследования — это пожилые люди в возрасте от 65 до 75 лет, на пенсии и нигде не работающие.

Выбор двух локаций — города федерального значения и сельской местности — неслучаен. Методологически он обусловлен тем, что в рамках этих локаций мы планировали зафиксировать максимальные различия в стратегиях адаптации, связанные с инфраструктурными особенностями, развитием сельского и городского здравоохранения, а также спецификой изоляции в периоды пандемии. Структура выборки по полу отражала общую картину исследований пожилых людей в стране, где соотношение пожилых мужчин и женщин составляет примерно 1:2. Половина информантов имела высшее образование, преимущественно это информанты, которые проживали в городе федерального значения.

Метод анализа интервью — тематический. Применение данного метода позволило выделить адаптационные стратегии пожилых людей на основании анализа ими своей повседневной жизни и выделения ключевых тем, которые легли в основу этих адаптационных стратегий.

Результаты

Стратегия принятия перемен. Представители данной стратегии в большинстве своем отмечали, что не ощущали каких-либо проблем в период пандемии и постпандемийное время. Как правило, информанты — представители этой стратегии были городскими жителями, которые имели высшее образование и достаточно развитый адаптационный потенциал к изменениям. Сам период пандемии показал, что пожилые люди — представители данной стратегии могли спокойно воспринимать сложившуюся ситуацию:

«Да, была изоляция, но я не особенно почувствовал какие-либо проблемы. Да и сейчас, когда пандемия уже прошла, все равно так или иначе возникает необходимость жить. И я не скажу, что было какое-то сильное влияние на это, на то, что жизнь как-то изменилась. Нужно было просто принимать все результаты перемен, подстраиваться под эти перемены» (ж., 78, Санкт-Петербург).

В плане принятия перемен для представителей данной стратегии решающим оказался фактор уровня жизни, который способствовал сохранению баланса в психологическом и физическом здоровье и формированию отношения к изменениям как неизбежным и необходимым, к принятию таких изменений. Так, среди тех, кто не ощутил никаких проблем, большинство были информантами, которые имели довольно высокий уровень жизни. Кроме того, представители данной стратегии считали, что сам период пандемии выступает отличным шансом для того, чтобы получить новые навыки, освоить информационные технологии, обрести новые хобби и увлечения, в том числе подработки в интернете, — более того, пандемия открывает возможности для волонтерских практик, волонтерской помощи. Среди представителей стратегии принятия перемен зафиксирована наибольшая доля людей, которые доверяли официальной статистике, государственным мерам защиты, необходимым ограничениям в период пандемии. Также большинство представителей названной стратегии обычно придерживалось режима самоизоляции, соблюдения всех ограничительных мер и считало, что наилучшим ресурсом для адаптации выступает быстрая реакция на происходящие в мире глобальные изменения, выбор правильной стратегии поведения при адаптации. Основным источником помощи для представителей этой стратегии выступал узкий круг людей (как правило, это близкие люди, которые могли дать необходимый совет и показать, что необходимо делать в условиях пандемии).

Стратегия осознания изменений. Эта стратегия была характерна для тех пожилых людей, проживающих в сельской местности и имеющих крайне ограниченное число социальных контактов и довольно ограниченные ресурсы, что было обусловлено в том числе спецификой жизни на селе, характером местных взаимодействий. Среди представителей стратегии изменений было больше всего пожилых людей, которые перенесли COVID-19 в наиболее тяжелой форме. Для представителей данной стратегии наиболее сложным было перенести режим изоляции и его психологические последствия:

«Вот что я скажу. Сложно было сидеть вот так, в замкнутом пространстве, и по сути ничего не делать, не знать, что вокруг происходит. А если заболел, то это для тебя практически сплошная бесконечная неизвестность. Не знаешь, что вообще будет дальше и куда все это может повернуть» (ж., 80, село, Республика Карелия).

Наиболее значимой и оптимистичной для представителей стратегии изменений была отмена ограничений, которая, как отмечали информанты, внесла ясность в происходящее и способствовала тому, что пожилые люди стали воспринимать пандемию не как угрозу, а как нечто прошедшее. При этом представители данной стратегии отмечали, что наиболее проблемной была нехватка необходимых ресурсов, а также то, что сами пожилые люди воспринимали свой возраст, свое старение, исходя из нехватки ресурсов для адаптации. А следовательно, изменения, которые были необходимы таким пожилым людям, принимались ими с трудом. Как правило, представители этой стратегии прибегали для адаптации к новым, постпандемийным условиям к помощи других людей, а сами с трудом воспринимали необходимость перемен, в том числе вынужденной трансформации повседневной жизни. Ключевые изменения для представителей данной стратегии происходили в принятии поддерживающих здоровье лекарств, а также в понимании неотвратимости прихода нового мира, который названные информанты обыкновенно воспринимали таким, какой он есть.

Стратегия непринятия (отрицания). По уровню скептицизма и понимания важности ресурсов для возможностей адаптации представители данной стратегии наиболее близки к информантам, реализующим стратегию осознания изменений. Они отличаются от других тем, то столкнулись со смертельными случаями, со сложностями в перенесении и переживании инфекционного заболевания. Кроме того, для представителей данной стратегии наиболее характерно снижение доверия к государству и нормам, которые государство внедряло для возможной адаптации пожилых людей и сохранения их здоровья в период пандемии:

«Это было тяжелое испытание, которое, конечно, еще не закончилось. Да и как оно вообще может закончиться? Ведь происходит перелом всего, что было прежде, того порядка, который был ранее. И сейчас уже, конечно, приходит это осознание, но принять его практически невозможно. И лучшая стратегия здесь — просто наблюдать, молча и тихо ждать, особо ничего не делая. И тогда все будет идти так, как и должно идти, — своим чередом» (м., 81, Санкт-Петербург).

Среди представителей стратегии отрицания были не только жители сельской местности, но и пожилые люди из города федерального значения. И те, и другие, как правило, не доверяли официальной статистике заболеваемости и отмечали, что в период пандемии и после нее им приходилось отстаивать свои права на прежнюю жизнь и не принимать необходимых изменений. Например, пожилые люди — представители данной стратегии с трудом принимали изменения, связанные с переходом общения в онлайн-формат, тяжело им давалась и необходимость обучения, повышения

квалификации в сфере информационных технологий. Кроме того, представители указанной стратегии не поддерживали государственные нормы и политику активного долголетия, а также все рекомендации, которые в период пандемии давало государство и официальные СМИ, и отмечали, что основными сложностями, возникшим после пандемии, являются как отсутствие прежних ресурсов для общения, мобильности и коммуникации, так и то, что было практически нереально создать новые ресурсы, новые возможности, было чрезвычайно сложно маркировать свой возраст, занимаясь, как и раньше, привычными делами, но при этом не боясь заразиться вирусом.

Заключение

В рамках настоящего исследования нами были рассмотрены три стратегии адаптации пожилых людей к ситуации пандемии, проанализирована специфика такой адаптации в постковидное время в городе и сельской местности. Показано, что существуют явные различия между адаптацией к ковидному и периоду и адаптацией к постковидной реальности, они обусловлены территорией проживания (город или село), возрастом и в целом восприятием ситуации пандемии, ее последствий. С наибольшими трудностями столкнулись представители стратегий осознания изменений и непринятия (отрицания). Речь здесь идет об отсутствии необходимых ресурсов для адаптации в постковидное время, возможностей для того, чтобы принять изменения, адаптироваться к глобальным переменам в мире в целом. Следует отметить, что представители стратегии осознания изменений, как правило, проживали в сельской местности.

Представители стратегии принятия перемен, напротив, в наибольшей степени склонны воспринимать происходящие изменения как незначительные. Ключевыми ресурсами адаптации для представителей данной стратегии в период пандемии выступают переход к онлайн-общению, онлайн-взаимодействию, активное обращение к ресурсам семейного общения, поиск новых занятий и увлечений.

Список источников

[1] Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 187-211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>

[2] Batty M. The Coronavirus crisis: What will the post-pandemic city look like? // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. 2020. Т. 47. No. 4. P. 547-552. <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2399808320926912>

[3] Доброхлеб В. Г. Современная пандемия и риск роста социальной изоляции пожилых людей // *Научное обозрение*. 2020. № 3. С. 166-173. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-15>. (Сер. 1: Экономика и право).

[4] Zinn J. O. Introduction: Towards a sociology of pandemics // *Current Sociology*. 2021. Vol. 69, No. 4. P. 435-452. <https://doi.org/10.1177/00113921211020771>

[5] Галкин К. А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 2. С. 239-252. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.15>

[6] Petretto D. R., Pili R. Ageing and COVID-19: what is the role for elderly people? // *Geriatrics*. 2020. No. 5(2). 25. <https://doi.org/10.3390/geriatrics5020025>

[7] Atzendorf J., Gruber S. Depression and loneliness of older adults in Europe and Israel after the first wave of covid-19 // *European journal of ageing*. 2022. Vol. 19, No. 4. P. 849-861.

[8] Колязина Л. В. Практики заботы о пожилых гражданах в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 3(55). С. 40-49. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2020-3-4>

[9] Social capital, individual responses to heat waves and climate change adaptation: An empirical study of two UK cities / J. Wolf, W. N. Adger, I. Lorenzoni, V. Abrahamson, R. Raine // *Global Environmental Change*. 2010. Vol. 20, No. 1. P. 44-52. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2009.09.004>

[10] Мозговая А. В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределенности // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 4(28). С. 151-165. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808>

[11] Umanailo M. C. B. Structure of Social Change in Industrial Society // *Proceedings of the International Conference on Industrial Engineering and Operations Management Riyadh*. 2019. P. 668-672.

[12] Романычев И. С. Ресурсный подход в социальной работе: к вопросу о социологическом осмыслении // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 82-85.

[13] Terziev V. Conceptual framework of social adaptation // *IJASOS-International E-Journal of Advances in Social Sciences*. 2019. Т. 5. № 13.

[14] Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Экономическая социология*. 2006. Т. 7. № 3. С. 28-41.

[15] Смолева Е. О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12, № 2. С. 179-195. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.11>

[16] Галкин К. А. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта // *The Journal of Social Policy Studies*. 2022. Т. 20, № 3. С. 377-392. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392>

References

[1] Grigoryeva I., Bogdanova E. The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2020. No. 2. P. 187-211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>

[2] Batty M. The Coronavirus crisis: What will the post-pandemic city look like? // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. 2020. Vol. 47. No. 4. P. 547-552. <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2399808320926912>

[3] Dobrokhleb V. G. The Current Pandemic and the Risk of Increasing Social Isolation of Older People // *Scientific review. Series 1: Economics and Law*. 2020. No. 3. P. 166-173. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-15>

[4] Zinn J. O. Introduction: Towards a sociology of pandemics // *Current Sociology*. 2021. Vol. 69, No. 4. P. 435-452. <https://doi.org/10.1177/00113921211020771>

[5] Galkin K. A. Social policy of active aging in Russia and European welfare states: Comparative analysis // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022. Vol. 15, No. 2. P. 239-252. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.15>

[6] Petretto D. R., Pili R. Ageing and COVID-19: what is the role for elderly people? // *Geriatrics*. 2020. No. 5(2). 25. <https://doi.org/10.3390/geriatrics5020025>

[7] Atzendorf J., Gruber S. Depression and loneliness of older adults in Europe and Israel after the first wave of Covid-19 // *European journal of aging*. 2022. Vol. 19, No. 4. P. 849-861.

[8] Kolyazina L. V. Practices of care for elderly citizens in modern Russia // *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2020. No. 3(55). P. 40-49. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2020-3-4>

[9] Social capital, individual responses to heat waves and climate change adaptation: An empirical study of two UK cities / J. Wolf, W. N. Adger, I. Lorenzoni, V. Abrahamson, R. Raine // Global Environmental Change. 2010. Vol. 20, No. 1. P. 44-52. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2009.09.004>

[10] *Mozgovaya A. V.* Identification, assessment and adaptation to risk in conditions of uncertainty // Sociological science and social practice. 2019. Vol. 7, No. 4(28). P. 151-165. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808>

[11] *Umanailo M. C. B.* Structure of Social Change in Industrial Society // Proceedings of the International Conference on Industrial Engineering and Operations Management Riyadh. 2019. P. 668-672.

[12] *Romanychev I. S.* The resource approach in social work: to the question of the sociological understanding // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2012. No. 3. P. 82-85.

[13] *Terziev V.* Conceptual framework of social adaptation // IJASOS-International E-Journal of Advances in Social Sciences. 2019. Vol. 5, No. 13.

[14] *Tikhonova N. E.* Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies // Economic sociology. 2006. Vol. 7, No. 3. P. 28-41.

[15] *Smoleva E. O.* Criteria and Resources for Social Adaptation of Russia's Population // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2019. Vol. 12, No. 2. P. 179-195. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.11>

[16] *Galkin K. A.* Digitalization of Older People's Volunteering during the Pandemic: Opportunities and Barriers of the Artificial Intelligence // The Journal of Social Policy Studies. 2022. Vol. 20, No. 3. P. 377-392. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392h>

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00461).

Acknowledgments

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00461)

Информация об авторах

Галкин Константин Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0002-6403-6083> (Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; e-mail: kgalkin1989@mail.ru).

About the authors

Konstantin K. Galkin — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Associate, Sociological Institute of RAS — a branch of FCTAS RAS; <https://orcid.org/0000-0002-6403-6083> (25/14, 7th Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: kgalkin1989@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-5>

УДК 159.9

JEL classification: J11

ПОВЕДЕНИЕ МИГРАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ АДАПТАЦИИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ¹

А. А. Дёмина^а, А. А. Куликова^б

^{а, б} Институт сферы обслуживания и предпринимательства
(филиал) Донского государственного университета в г. Шахты (г. Шахты, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0002-8251-6144>

Автор для корреспонденции: А. А. Дёмина (demidenko733@bk.ru).

Аннотация. В данной работе отражены результаты анализа адаптации мигрантов к условиям их новой жизни в новом для них обществе, описаны стратегии поведения мигрантов, их адаптация, дезадаптация и отношение к населению принимающей страны. Также приводятся результаты сравнения показателей групп мигрантов, в которые входят мигранты: активной адаптации, пассивной, активный негативизм к местному населению и пассивной дезадаптации.

Ключевые слова: миграция; адаптация; поведение; социально-психологическая адаптация; стратегия; принимающая страна

Behaviour of Migrants in the Process of Their Adaptation to New Living Conditions

А. А. Demina^а, А. А. Kulikova^б

^{а, б} Institute of Service Sector and Entrepreneurship DSTU (Shakhty, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0002-8251-6144>

Corresponding author: А. А. Demina (demidenko733@bk.ru)

Abstract. The paper shows the results of an analysis of the adaptation of migrants to the conditions of their new life in a new society, a description of strategies of the behaviour of migrants, their adaptation, maladaptation and attitude to the population of the host country. Additionally, the comparison of the indicators of migrant groups (active adaptation, passive adaptation, adaptive negativism to the local population and passive maladaptation) are presented.

Keywords: migration; adaptation; behaviour; socio-psychological adaptation; strategy; host country

Введение

Проблема адаптации мигрантов начала приобретать большое значение еще в XX в. В трудах отечественных и зарубежных исследователей данная проблема становилась все более актуальной. Миграция становилась более интенсивной, что создавало новые проблемы, которые были связаны с взаимоотношениями мигрантов и населением принимающей страны.

Дж. Берри создал некоторые стратегии аккультурации. Ими стали интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация. Основой классификации Берри стали развитие и поддержание этнической единицы, которая проживает в данном обществе и желание этой единицы взаимодействовать с коренным населением. Далее на основании данных Берри приводится анализ о социально-психическом поведении мигрантов в принимающей их стране.

¹ © Демина А. А., Куликова А. А. Текст. 2023.

Основная часть

Что означает адаптация? Адаптация — это процесс приспособления к новым условиям жизни, окружающим людям, принятие местной культуры и языка. Психологи отмечают, что мигранты при переезде на другую территорию испытывают сильнейший стресс, сила воздействия которого приравнивается к ста баллам. [1, с. 49]

Адаптация мигрантов включает в себя языковую, социальную и социально-культурную адаптацию.

Языковая адаптация первостепенна. Прежде всего, разобравшись и поняв язык принимающей страны, мигранты начинают понимать культуру этого государства. Адаптация к языку — первая ступень к адаптации в культуре и социуме.

В своей привычной среде человек может быть более открытым и дружелюбным. В обратном случае ожидает обратное. Мигранту иногда сложно понять, что у него хотят спросить или рассказать. Это, в свою очередь, также вызывает сильнейший стресс. [2, с. 29–38]

Без коммуникации невозможны другие виды адаптации. Только при изучении языка комфортная жизнь в новом обществе будет реально гарантирована.

Социальная адаптация хоть и стоит после языковой, но является более сложной для мигрантов. Кроме знания языка, им нужно осознавать и свои социальные роли, например, в школе или университете. [3, с. 280]

Культурная же адаптация, в свою очередь, может привести к конфликтам. При столкновении двух культур могут развиваться все более серьезные конфликты. Но тем не менее, мигранты стараются приспосабливаться к жизни в новой стране, принимать местные традиции и культуру.

Коэн, опираясь на данные Дж. Берри и развивая их, составил немного иную модель аккультурации, которая может использоваться в целях аккультурационного процесса. Эта модель определяет мигрантов как отдельное общество.

Э. Георгиаду исследовал совместно с коллегами проявления стресса по прошествии определенных травм, депрессии у мигрантов из восточных стран с помощью психологических опросов. С их помощью было выявлено 35,7 % опрошиваемых, которые страдали посттравматическим стрессом. 23,2 % страдали от депрессии. По мнению исследователей, данные указывают на необходимое вмешательство психологов, которые помогут мигрантам быстрее и проще приспособиться к новым условиям их жизни в принимающей стране. [4, с. 66–81]

По данным исследований, существуют четыре стратегии поведения мигрантов в принимающей стране: активная адаптация, пассивная адаптация, активный негативизм к местному населению и пассивная дезадаптация. [5, с. 45]

1. Активная адаптация. Она формируется после решения мигрантов об оседании на новой для них территории на долгое время. Этот процесс характеризуется изменением мировоззрения мигрантов, их психических, социально-культурных устоев. Но тем не менее, хоть устои мигрантов и преобразовываются в пользу устоев другой страны, прежние этнические взгляды могут сохраняться. Если же мигрант полностью «оставляет позади» прежнюю жизнь, то он как бы растворяется в среде, в которой пребывает на данный момент.

2. Активный негативизм к местному населению. Эта стратегия связана с непринятием чужой культуры мигрантами. Представители недоминантной группы стараются сохранять свои культурные ценности на территории принимающей страны, отгораживая себя от культуры коренного населения.

3. Пассивная адаптация. Данная стратегия заключается в том, что при адаптации не происходит каких-либо явных изменений в мышлении, мировоззрении, устоях мигрантов. Они не стремятся познавать чужую культуру и оставлять свою в прошлом, все идет постепенно, пассивно.

4. Пассивная дезадаптация. Она предполагает процесс, при котором мигранты забывают родную культуру, но при этом и не примыкают к культуре государства принимающего их. У людей нет сильной тяги к другой культуре, но и к своей они не привязаны духовно.

Заключение

Стратегия поведения «активная адаптация» возникает после появления у мигрантов установки на пролонгированное присутствие в среде адаптации, когда происходит интенсивная трансформация социально-психологических, конфессиональных и этнокультурных характеристик групп и субъектов. Однако существуют и границы трансформации социально-психологических и этнокультурных характеристик, при этом более стабильным компонентом оказывается этническая идентичность мигрантов. Если трансформация социокультурной идентичности в среде адаптации слишком интенсивна, процесс ассимиляции становится необратимым и завершается «растворением» мигранта внутри принимающего общества. Суть стратегии поведения «S-пассивная адаптация» проявляется в отсутствии заметных изменений в процессе приспособления к новым условиям жизни: не изменяются образ поведения, ценностные ориентации, коммуникативные модели. В этом процессе не осваиваются глубоко ни образы, ни культурные нормы среды адаптации. Стратегия поведения «активный негативизм к местному населению и культуре» строится на отрицании чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой. Представители недоминантной группы предпочитают большую или меньшую степень изоляции от доминантной культуры. Стратегия поведения «пассивная дезадаптация» представляет собой, с одной стороны, потерю собственной культурной идентичности, а с другой — отсутствие идентификации с культурой принимающего большинства. Такая ситуация возникает из-за невозможности поддерживать собственную идентичность (обычно в силу каких-то внешних причин) и отсутствия интереса к получению новой идентичности (возможно, из-за дискриминации или сегрегации со стороны культуры принимающего населения).

Список источников

- [1] Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация вынужденных переселенцев из ближнего зарубежья в России: автореферат дис. ... д-ра психол. наук / Ин-т психологии РАН. Москва, 2002, 49 с.
- [2] Иноземцев В. Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия. Методологические аспекты // Социологические исследования. 2003. № 6(230). С. 29-38.
- [3] Ионин Л. Г. Социология культуры. Москва: Логос, 1998. 280 с.
- [4] Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Психологическая адаптация вынужденных мигрантов // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 4. С. 66-81.
- [5] Cross-cultural psychology: Research and applications / J. W. Berry, J. H. Poortinga, S. M. Bruegelmans, A. Hasiotis, D. L. Sam. New York: Cambridge University Press, 2011.

References

[1] *Gritsenko V. V.* Socio-psychological adaptation of internally displaced persons from neighboring countries in Russia: abstract of the dissertation. ... Doctors of Psychological Sciences: 19.00.05 / Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2002. 49 p.

[2] *Inozemtsev V. L.* Immigration: a new issue for the new century // Sociological studies. 2003. No. 6(230). P. 29–38.

[3] *Ionin L. G.* Sociology of culture. Moscow: Logos, 1998. 280 p.

[4] *Soldatova G. U., Shaygerova L. A.* Psychological adaptation of forced migrants // Psychological journal. 2002. Vol. 23, No. 4. P. 66–81.

[5] Cross-cultural psychology: Research and applications / J. W. Berry, J. H. Poortinga, S. M. Bruegelmans, A. Hasiotis, D. L. Sam. New York: Cambridge University Press, 2011.

Информация об авторах

Дёмина Александра Андреевна — студент 2 курса факультета «Юриспруденции, социальных технологий и психологии», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного университета; <https://orcid.org/0000-0002-8251-6144> (Российская Федерация, 346500 г. Шахты, ул. Шевченко, 147; e-mail: demidenko733@bk.ru).

Куликова Анна Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Трудовое право и право социального обеспечения», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного университета (Российская Федерация, 346500 г. Шахты, ул. Шевченко, 147; e-mail: demidenko733@bk.ru).

About the authors

Alexandra A. Demina — Student, Faculty of Jurisprudence, Social Technologies and Psychology, Institute of Service Sector and Entrepreneurship DSTU; <https://orcid.org/0000-0002-8251-6144> (147, Shevchenko St., Shakhty, 346500, Russian Federation; e-mail: demidenko733@bk.ru).

Anna A. Kulikova — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Labor Law and Social Security Law, Institute of Service Sector and Entrepreneurship DSTU (147, Shevchenko St., Shakhty, 346500, Russian Federation; e-mail: demidenko733@bk.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-6>

УДК 316.36

JEL classification: J11, J12

ОТКАЗ ОТ РЕГИСТРАЦИИ СУПРУЖЕСТВА: АДАПТАЦИЯ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА?¹

Н. Ю. Егорова

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);

<https://orcid.org/0000-0002-5914-8021>

Автор для корреспонденции: Н. Ю. Егорова (nadegorova@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются супружество как семейный субинститут, его изменения, распространение сожительства в контексте разных теоретических концепций. Предпринята попытка понять, что есть сожительство в современных российских реалиях: форма адаптации отдельных социальных групп к внешним условиям или показатель трансформации института семьи. На основании количественных (РМЭЗ) и качественных (авторских исследований) данных, автор делает вывод о сложности и неоднородности феномена, объяснения которого одновременно лежат и в области адаптационной, и трансформационной концепций.

Ключевые слова: супружество; сожительство; брак; адаптация; трансформация семьи

Refusal to Register a Marriage: Adaptation to New Socio-economic Realities or Transformation of the Institution?

N. Ju. Egorova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-5914-8021>

Corresponding author: N. Ju. Egorova (nadegorova@yandex.ru)

Abstract. The article examines matrimony as a family substitute and its changes, as well as the spread of cohabitation in the context of different theoretical concepts. The study aims to understand whether cohabitation is the adaptation of individual social groups to external conditions or an indicator of the transformation of the family institution in modern Russian realities. Based on quantitative (Russian Longitudinal Monitoring Survey) and qualitative (author's research) data, the analysis revealed the complexity and heterogeneity of the studied phenomenon, which can be simultaneously explained by adaptation and transformation concepts.

Keywords: matrimony; cohabitation; marriage; adaptation; transformation of the family

Введение

Понятия брака как социально регулируемого союза [1, с. 158–159] становится недостаточно для описания все более разнообразных форм супружества, которое постепенно, в России начиная с конца XX столетия, выходит за рамки санкционированных обществом / государством, зарегистрированных отношений [2]. Распространение сожительств расширяет границы привычных / «традиционных» представлений о браке и семье, заставляет вводить и использовать новые термины (незарегистрированные браки / супружеские союзы, партнерство и т. д.) для четкой фиксации социальной реальности в исследованиях, оценивать феномен в контексте демографических, социальных, экономических процессов.

¹ © Егорова Н. Ю. Текст. 2023.

С одной стороны, все сложнее спорить с имеющимися фактами роста популярности таких отношений, с другой — есть разные, часто диаметрально противоположные позиции, связанные с интерпретацией складывающейся ситуации.

Согласно концепции демографических переходов, смена режимов воспроизводства сопровождается перестройкой всей системы демографического и семейного поведения: и брак, рождение в браке перестают быть обязательными [3]. Современное состояние privately-демографического поля снимает необходимость сохранения запретов в интимной сфере [4, с. 19] и, следовательно, допускает сожителство как часть новой семейно-брачной системы. Такова позиция и сторонников трансформационной и эволюционной парадигм. Новые современные отношения призваны в большей степени отвечать потребностям личности в индустриальном / постиндустриальном обществе, и, если рассматривать супружество как «личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемого и поддерживаемого принципами и нормами, выработанными в процессе такого взаимодействия» [5, с. 85], характер связи (институциональный или нет) уже не имеет значения, а сами отношения более индивидуализированы. Здесь также можно говорить о «деинституционализации», «диверсификации» семьи [6], а сами альтернативы, в том числе сожителство, считать вариациями (эволюция семьи) или девиациями (трансформация семьи) [7].

Сторонники кризисной концепции выступают в качестве оппонентов, появление незарегистрированных союзов для них — аргумент в пользу деградации традиционной моногамной семьи [8], где сожителство не может считаться полноценной формой семейных отношений [9]. В условиях социальных реформ распространение новых практик становится своеобразной негативной адаптивной стратегией семей [10, с. 94].

Так что же означает фиксируемая сегодня демографами и социологами тенденция роста сожителств и отказа от регистрации супружества: адаптацию социальных групп к современным реалиям или трансформацию, серьезное и, возможно, безвозвратное изменение институтов семьи и брака? Накапливается все больше исследований, как количественных, так и качественных, которые позволяют не только увидеть масштабы явления, но и понять смыслы, определяющие выбор формы существования пары.

Основная часть

Эмпирическая база анализа. В статье мы будем опираться как на количественные, так и на качественные исследования: данные Мониторинга социально-экономического положения и здоровья населения РФ, проводимого с 1994 г. по настоящее время (РМЭЗ)¹ [11], материалы полуформализованных интервью — авторские исследования «Сожителство: практики молодых» (2013 и 2015 гг., Н. Новгород, объект — живущие в сожителствах молодые люди в возрасте от 19 до 30 лет ($N = 42$)), «Модели супружеских отношений» (2015–2016 гг., Н. Новгород, объект — сожителы, воспитывающие детей в рамках союза, $N = 22$).

Результаты анализа. Распространенность феномена сожителства. Количественные данные, которые сегодня имеются в нашем распоряжении,

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом — Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>)

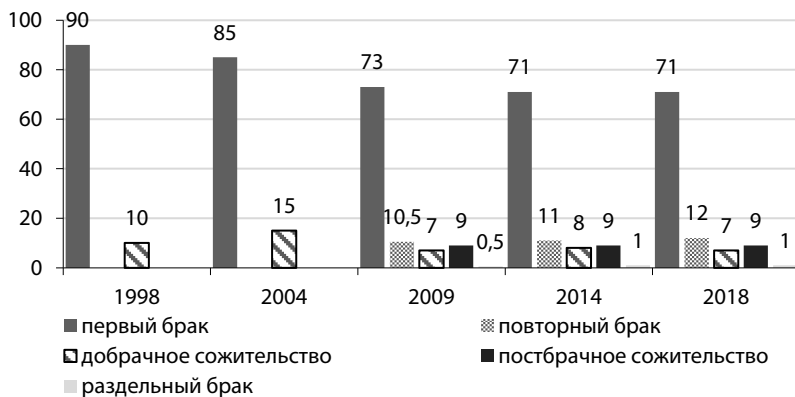

Рис. *Формы супружеских союзов, % (очередность регистрации отношений стала учитываться в опросниках Мониторинга начиная с 2009 г., поэтому данные за 1998 и 2004 гг. представлены только с учетом наличия регистрации отношений (брак или сожительство)) (источник: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)». Рассчитано автором по результатам мониторинга 1998–2018 гг. (репрезентативная выборка «индивиды»))*

однозначно говорят, что сожительство прочно встроилось в современную семейную систему. Согласно данным РМЭЗ, структура супружества в последнее десятилетие остается относительно постоянной, а сожительство, как и брак, может быть первым (добрачным) и повторным (постбрачным). Брак, конечно, как и в конце прошлого столетия, является предпочтительной и нормативной формой, но доля живущих в союзах без регистрации постоянно растет. За двадцать лет (с 1998 г. по 2018 г.) она увеличилась в полтора раза и составила в среднем 16 % от общего числа супружеских союзов. Кроме того, появилась мало распространенная, но постоянно фиксируемая форма раздельного проживания супругов (рис.).

Незарегистрированные союзы наиболее популярны в среде молодых. В группе 20–29-летних доля мужчин и женщин, живущих без регистрации, максимальна — 28 %. Но и в остальных возрастных группах она высока: среди 30–39-летних в 2018 г. она составила 14 %, у представителей старшего поколения (50 лет и старше) — 12 %.

Часто сожительство выступает как пробный вариант отношений, и здесь совместное проживание до брака можно считать нормой. Т. е. в стратегии выстраивания близких отношений произошла серьезная трансформация, изменившая последовательность основных событий, связанных с формированием семьи. Сожительство стало необходимым этапом ухаживания, за которым может последовать брак. Согласно расчетам автора по данным РМЭЗ 2018 г., среди тех, кто вступил в брак после 2010 г., более чем две трети респондентов (70 %) жили вместе до момента регистрации: 66 % вступивших в первый союз и подавляющее большинство (4 из 5, или 80 %) из тех, для кого союз стал повторным, во всех случаях средняя продолжительность «пробных» отношений была не больше 3 лет.

Сравнение базовых характеристик сожителей и состоящих в браке: демографические и социально-экономические параметры. Считать сожительство только пробным браком, даже на основании количественных данных, неверно. Во-первых, средняя продолжительность совместного проживания пары с учетом опросов разных лет

Таблица 1

Характеристики различных типов супружества, среднее

Тип супружества		Возраст, лет	Количество детей	Продолжительность отношений, лет
брак	первый	50	1,7	25,5
	повторный	53	1,9	16,3
сожительство	добрачное	33	0,7	8,4
	постбрачное	51	1,6	12,3

Источник: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)». Рассчитано автором по результатам мониторинга 2018г. (репрезентативная выборка «индивиды»).

Таблица 2

Социальные-экономические характеристики состоящих в браке и сожителей (с учетом наличия детей)

Характеристика	Всего		Есть дети		Нет детей	
	брак	сожительство	брак	сожительство	брак	сожительство
Доход, средний, тыс.	24,2*	22,8*	24,1*	22,2*	25,7	24,2
Уровень образования*						
Незаконченное среднее	10	17	10	16	10	18
Среднее общее	30	37	31	39	23	33
Среднее специальное	26	25	26	25	28	26
Высшее	34	21	33	20	39	23
Профессиональные статус (группы, %)*						
Крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	8	7	8	8	4	4
Военнослужащие и специалисты высшего и среднего уровня	39	28	38	26	45	33
Служащие и работники торговли и услуг	21	27	21	27	20	26
Квалифицированные работники различных отраслей	27	29	28	30	26	30
Неквалифицированные работники различных отраслей	5	9	5	9	5	8

* разница статистически значима.

Источник: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)». Рассчитано автором по результатам мониторинга 2018г. (репрезентативная выборка «индивиды»).

в рамках РМЭЗ достаточно высока — 9 лет. Значительная часть сожителей (41 %) живут с партнером 10 лет и более. Во-вторых, большинство живущих без регистрации имеют детей. Согласно данным РМЭЗ, в 2018 г. таких было 71 %. В то же время сожители всегда моложе состоящих в браке (в среднем на 7 лет), имеют меньше детей (в среднем 1,2 против 1,7 ребенка), меньшую длительность проживания (в среднем на 14 лет). Стоит отметить, что сожительство очень непростой и неоднородный феномен. Даже здесь разница определяется не только наличием регистрации, но и очередностью

отношений: по описанным характеристикам к бракам максимально приближены постбрачные сожительства и минимально — первобрачные, а сами сожительства (первые и повторные) сильно отличаются (табл. 1).

Разница фиксируется не только в демографических характеристиках, но и в социальных: в отличие от состоящих в браке, сожители чаще являются выходцами из низкостатусных социальных групп. И здесь основной дифференцирующий признак другой — наличие / отсутствие детей, и максимальные отличия наблюдаются именно в детных группах (табл. 2).

Во-первых, самый низкий средний доход фиксируется у сожителей, имеющих детей. Сожители в целом «беднее», чем состоящие в браке, но наиболее заметной и статистически значимой становится разница как раз в детных группах: разность средних значений находится в положительной зоне (от 800 руб. до 3 тыс.) в 95 % случаев при разрыве средних в почти 2 тыс. руб. (22,2 и 24,1 тыс. руб. соответственно). Во-вторых, сожители, как правило, имеют невысокий уровень образования, это касается всех исследуемых групп. Группами с высоким уровнем образования оказываются состоящие в браке, и среди детных, и среди бездетных. В-третьих, профессиональный статус сожителей также ниже. Только 28 % сожителей против 39 % состоящих в браке принадлежат к специалистам высшего и среднего уровней, в то время как каждый 10-й (9 %) против каждого 20-го (5 %) соответственно — неквалифицированные рабочие. Если говорить о детных группах, то 46 % состоящих в браке родителей — представители статусных групп (крупные чиновники, руководители / специалисты высшего и среднего звена), лишь 34 % таких среди сожителей. Статистически значимой разница в профессиональных статусах сохраняется и в группах, не имеющих детей.

Интерпретация феномена. «Смыслы» в контексте качественных исследований. Безусловно, фиксируемая разница в анализируемых социально-экономических характеристиках не означает, что сожители не могут принадлежать к группам, которые стоит считать статусными с точки зрения дохода, образования, профессиональной принадлежности. Так, например, группы бездетных сопоставимы по этим параметрам. Тем не менее, наш анализ подтверждает: сожительство для пар с детьми может рассматриваться как своеобразная семейная стратегия выживания и адаптация к непростым социальным (экономическим) реалиям. Наши качественные исследования также дают основания сделать такой вывод. Респонденты-родители, живущие без регистрации супружества, прямо или косвенно указывали, что не торопятся в ЗАГС по причине чисто экономической — желание сохранить пособия и льготы, на которые имеют право малоимущие. Очевидно, возможность оказаться в этой категории повышается, если учитывается только доход матери. Более того, интервью с молодыми парами показывают, что и в «пробном» браке все не так однозначно. Действительно пробным, т. е. выполняющим селективную функцию, он является только для части сожителей, для которых совместное проживание — «этап развития отношений», желание быть ближе друг к другу, чтобы понять, как быть дальше. Еще для одной части — это уже притирка, адаптация внутри фактически семейных отношений, «ожидание их регистрации», когда решение уже принято. А вот для оставшейся части сожительство — «результат стечения обстоятельств», удобная форма для решения определенных проблем (студенты, нет денег на отдельное жилье). Оно не связано с браком, семьей, это скорее адаптация к непростым условиям.

Заключение

Представленный анализ дает основания говорить, с одной стороны, что сожителство менее функционально, по крайней мере в контексте демографических характеристик. Для слабонересурсных / низкостатусных групп оно вполне может рассматриваться, в частности и как несемейная стратегия выживания и негативной адаптации к внешним условиям. С другой стороны, очевидно меняется последовательность семейных событий, совместное проживание воспринимается как необходимый этап ухаживания и практикуется, чтобы быть уверенным в выборе. Парамии регистрация может рассматриваться как необязательный элемент семьи, которая не является гарантом счастливой семейной жизни, а последнее — очень важная характеристика так называемой «постсовременной или супружеской» семьи. Как указанные вариации представлены сегодня? Насколько распространены разные типы сожителства? Сказать пока сложно, но наличие разнообразия четко фиксируется исследованиями, указывая на сложность и неоднородность феномена, различия в смыслах, а значит, в возможности анализа и в контексте адаптации и трансформации семейных институтов.

Список источников

- [1] *Голод С. И.* Адюльтер: тенденции и нормы // Рубеж. 1994. № 5. С. 158-159.
- [2] *Егорова Н. Ю.* Супружество в современной России: особенности функционирования. Автореф. дис. ... докт. социол. наук. Нижний Новгород, 2020. 39 с.
- [3] *Вишневецкий А. Г., Дмитриев Р. В.* Глобальные демографические процессы в XX — начале XXI веков // География мирового развития. Сб. науч. тр. Москва: Общество», 2016. С. 197-229.
- [4] *Михеева А. Р.* Векторы современных трансформаций российской семьи: анализ в дискурсе структурно-генетической теории. Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Новосибирск, 2015. 39 с.
- [5] *Голод С. И.* Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 9. С. 74-87.
- [6] *Гурко Т. А.* Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. № 1. С. 31-54.
- [7] *Гурко Т. А.* Эволюция и трансформация семьи брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58-69.
- [8] *Антонов А. И.* Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально-демографические исследования (электронный журнал). 2014. Апрель. <http://demographia.net/journal/2014-04/antonov> (дата обращения: 15.02.2023).
- [9] *Синельников А. Б.* Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С.95-113.
- [10] *Карцева Л. В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92-99.

References

- [1] *Golod S. I.* Adultery: trends and norms // Rubezh. 1994. No. 5. P. 158-159.
- [2] *Egorova N. Yu.* Matrimony in modern Russia: features of functioning. Abstract of the dis. ... Dr. Sci. (Soc.): 22.00.04. Nizhny Novgorod. 2020. 39 p.

[3] *Vishnevsky A. G., Dmitriev R. V.* Global demographic processes in the 20th and at the beginning of the 21st centuries // *Geography of world development. Collection of scientific papers.* М., 2016. P. 197-229.

[4] *Mikheeva A. R.* Vectors of modern transformations of the Russian family: analysis in the discourse of P. Burye's structural-genetic theory. Abstract of the dis. ... Dr. Sci. (Soc.): 22.00.03. Novosibirsk. 2015. 39 p.

[5] *Golod S. I.* Monogamous family: crisis or evolution? // *Socio-political Journal.* 1995. No. 9. P. 74-87.

[6] *Gurko T. A.* Theoretical Approaches towards Studying the Transformation of the Family Institution // *Sociological Journal.* 2020. No. 1. P. 31-54.

[7] *Gurko T. A.* Evolution and transformation of the institution of marriage: analysis of empirical indicators // *Sociological studies.* 2021. No. 5. P. 58-69.

[8] *Antonov A. I.* Institutional crisis of the family and family-demographic structures in the context of social changes and social inequality // *Family and socio-demographic research (electronic journal).* 2014. April. <http://demographia.net/journal/2014-04/antonov> (accessed on: 15.02.2023).

[9] *Sinelnikov A. B.* Family and marriage: crisis or modernization? // *Sociological Journal.* 2018. Vol. 24, No. 1. P. 95-113.

[10] *Kartseva L. V.* Family patterns under current Russian societal transformation // *Sociological studies.* 2003. No. 7. P. 92-99.

Информация об авторах

Егорова Надежда Юрьевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, <https://orcid.org/0000-0002-5914-8021> (Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д.7, e-mail; nadegorova@yandex.ru)

About the authors

Nadezhda Ju. Egorova — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor, Professor of the Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; <https://orcid.org/0000-0002-5914-8021> (7, Universitetsky Lane, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation; e-mail: nadegorova@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-7>

УДК 33.005.95/96

JEL classification: J01, J20, J21

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА МОЛОДЕЖИ¹

А. А. Ефимова

Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет
(г. Санкт-Петербург, Россия). <https://orcid.org/0000-0003-3891-1988>

Автор для корреспонденции: А. А. Ефимова (efimaxax@gmail.com)

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции современного глобального рынка труда молодежи по результатам изучения материалов и статистических сборников Международной организации труда (МОТ), начиная с упадка после мирового финансового кризиса 2008 г. Проанализированы изменения основных показателей, таких как уровень безработицы, уровень занятости молодежи (соотношение численности работающей молодежи ко всей популяции молодежи), а также индикатор (индикатор НРНО) количества неработающих (молодые люди, не находящиеся при этом в процессе получения образования), который является наиболее показательным в аспекте анализа ситуации. Изучено влияние пандемии COVID-19 и связанных с ней ограничений на ситуацию на глобальном рынке труда молодежи. Предложены вероятные прогнозы развития ситуации и комплекс мер по стабилизации процессов, происходящих на рынке труда молодежи во всем мире.

Ключевые слова: рынок труда молодежи; уровень занятости; уровень безработицы

Current Trends in the Global Youth Labour Market

A. A. Efimova

Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University (St. Petersburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-3891-1988>

Corresponding author: A. A. Efimova (efimaxax@gmail.com)

Abstract. The article considers the main trends in the modern global youth labour market based on the materials and statistical collections of the International Labour Organisation (ILO), starting from the decline after the 2008 global financial crisis. The study analyses changes in the main indicators, such as the unemployment rate, youth employment rate (the ratio of working youth to the entire population of young people), as well as the indicator of the share of young people who are not in employment, education or training (NEET indicator), which is the most significant indicator. The impact of the COVID-19 pandemic and related restrictions on the situation in the global youth labour market were examined. Probable forecasts for the development of the situation and a set of measures to stabilise the processes taking place in the youth labour market around the world are proposed.

Keywords: youth labour market; employment rate; unemployment rate

Введение

В последние десятилетия наблюдается повышенное внимание к молодежи как на российском, так и на международном уровнях. Это закономерно, так как именно от условий жизни и трудовой деятельности сегодняшней молодежи зависит последующее развитие общества в целом. Невостребованность молодежи на рынке труда, неуверенность в своем профессиональном будущем, а также неудовлетворенность молодежи своим материальным положением и статусом в обществе могут

¹ © Ефимова А. А. Текст. 2023.

спровоцировать девиантное поведение и привести к социально-политическим взрывам [1]. Актуальность исследования обусловлена сложившимся сложным положением молодежи на рынке труда во всем мире. В результате последствий финансовых кризисов, а в последние годы и пандемии COVID-19, молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет несут гораздо больше негативных последствий на рынке труда, чем взрослое население. При этом растет не только количество неработающих молодых людей, но и тех, которые при этом не находятся в процессе получения образования, то есть не учатся и не работают. Молодые люди, попадающие в эту группу, упускают решающий этап своего личностного и профессионального развития и рискуют столкнуться с серьезными проблемами на рынке труда в будущем.

На рубеже XX–XXI вв. государства во всем мире начали осознавать, что борьба с молодежной безработицей, порождающей социальную незащищенность и ощущение отверженности необходима, она могла бы внести значительный вклад в развитие мировой экономики. Понимание и признание особенно важной роли социально-психологической адаптации молодых специалистов на рынке труда в условиях нестабильности привело к концентрации внимания на молодежи на международном уровне в последние десятилетия, что способствовало большему пониманию проблем, связанных с функционированием рынков труда молодежи и развитию растущего числа национальных планов действий, направленных на занятость молодежи, а также других более определенных программ, связанных с молодежью [2]. Таким образом, благодаря глобальным усилиям, в начале века наметились некоторые положительные тенденции. Однако мировой финансовый кризис 2008 г. еще более усугубил ситуацию на рынке труда молодежи во всем мире, в связи с этим страны во главе с МОТ пришли к выводу, что для предотвращения появления «потерянного поколения» было важно, чтобы занятость молодежи стала приоритетом в повестке дня национальной политики. Во всем мире страны начали разрабатывать и внедрять комплексные стратегии, направленные на обеспечение долгосрочных, устойчивых и согласованных действий по продвижению достойной работы для молодежи. Проблема занятости молодежи на рубеже веков потребовала согласованной политической основы в рамках национальных стратегий. После периода быстрого роста в период с 2007 г. по 2010 г. глобальный уровень безработицы среди молодежи установился на уровне 13,0 % в период 2012–2014 гг. Но несмотря на то, что этот показатель уровня безработицы молодежи соответствовал показателям начала 2000-х гг., количество безработной молодежи за тот же период значительно сократилось: 78,7 млн молодых людей были безработными в 2005 г., 76,6 млн на пике кризиса в 2009 г., а затем уменьшились до примерно 73,4 млн чел. в 2015 г. Тот факт, что уровень безработицы среди молодежи не снизился при сокращении числа безработной молодежи, являлся признаком долгосрочных тенденций сокращения молодежной рабочей силы. За десятилетний период с 2005 г. по 2015 г. численность рабочей силы молодежи сократилась на 46 млн чел., а количество безработной молодежи сократилось на 5,3 млн чел.¹

Циклический характер безработицы среди молодежи говорит о том, что молодежь в наибольшей степени страдает от экономических кризисов; молодежь выходит первой из рынка труда по мере того, как экономика падает, и последней входит в периоды подъема. Таким образом, процесс социально-психологической адаптации

¹ ILO Global employment trends for youth 2012. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_180976.pdf (accessed on: 10.02.2023).

к изменениям на рынке труда проходит для молодых специалистов сложнее, чем для взрослого населения. Данные предыдущих кризисов свидетельствовали о том, что с момента возобновления экономического роста проходит в среднем четыре-пять лет, прежде чем общая занятость вернется к докризисному уровню (МОТ, 2009)¹. Восстановление занятости молодежи могло занять еще больше времени.

Целью данного исследования является выявление глобальных тенденций положения молодежи на рынке труда и прогноз возможного развития ситуации. Для достижения поставленной цели нами были решены следующие задачи: изучение и анализ статистических данных официальных сборников МОТ «Глобальные тенденции занятости молодежи» за 2012, 2017 и 2022 гг., изучение и систематизация результатов исследований экспертов, посвященных проблемам рынка труда молодежи. По результатам проведенного исследования были сформулированы выводы о необходимости принятия мер, в том числе привлечение самой молодежи, для благоприятного развития ситуации и эффективном функционировании этого сегмента рынка труда в будущем.

Основная часть

Фактически на конец 2014 г., через шесть лет после начала глобального экономического кризиса глобальный уровень безработицы среди молодежи по-прежнему значительно превышал докризисный уровень в 11,7 % в 2007 г. Таким образом, в результате принятых мер глобальный уровень безработицы среди молодежи за период с 2012 г. по 2014 г. стабилизировался на уровне 13,0 %. В то же время количество безработной молодежи сократилось на 3,3 млн по сравнению с пиком кризиса: в 2014 г. было 73,3 млн безработных молодых людей, тогда как в 2009 г. их было 76,6 млн. Доля молодежи в общей безработице также постепенно снижалась. По состоянию на 2014 г. 36,7 % безработных в мире составляла молодежь. Для сравнения: десять лет назад, в 2004 г. доля молодежи в общей безработице составляла 41,5 %. Хотя показатель со временем улучшается, все же стоит отметить, что в 2014 г. молодежь составляла лишь одну шестую часть населения мира² и, следовательно, значительно преобладала среди безработных. То есть, несмотря на некоторые признаки положительных тенденций, сохранялась нестабильность ситуации на рынке труда.

Как показано на графике (рис.), в то время как число безработной молодежи в эти годы постепенно сокращалось, уровень безработицы среди молодежи во всем мире оставался практически неизменным. К 2014 г. глобальный уровень безработицы среди молодежи оставался значительно выше своего докризисного уровня в 11,7 % (в 2007 г.). В целом 42,6 % экономически активной молодежи по-прежнему оставались либо безработными, либо работали, но жили очень бедно. Таким образом, в начале последнего десятилетия положение молодежи на рынке труда оставалось сложным.

Следует отметить, что в развитых странах показатель уровня безработицы среди молодежи улучшился за период с 2012 г. по 2014 г., а в азиатских регионах, странах

¹ International Labour Office (ILO). Global Employment Trends for Youth (Geneva). Tackling the global jobs crisis: Recovery through decent work policies, Report of the Director-General, Report I(A). 2009. https://labordoc.ilo.org/discovery/fulldisplay?vid=41ILO_INST:41ILO_V2&docid=alma994335563402676&context=L&adaptor=Local%20Search%20Engine (accessed on: 10.02.2023).

² United Nations (UN). 2013. World Youth Report: Youth and migration (New York). <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/trends/Concise%20Report%20on%20the%20World%20Population%20Situation%202014/en.pdf> (accessed on: 10.02.2023)

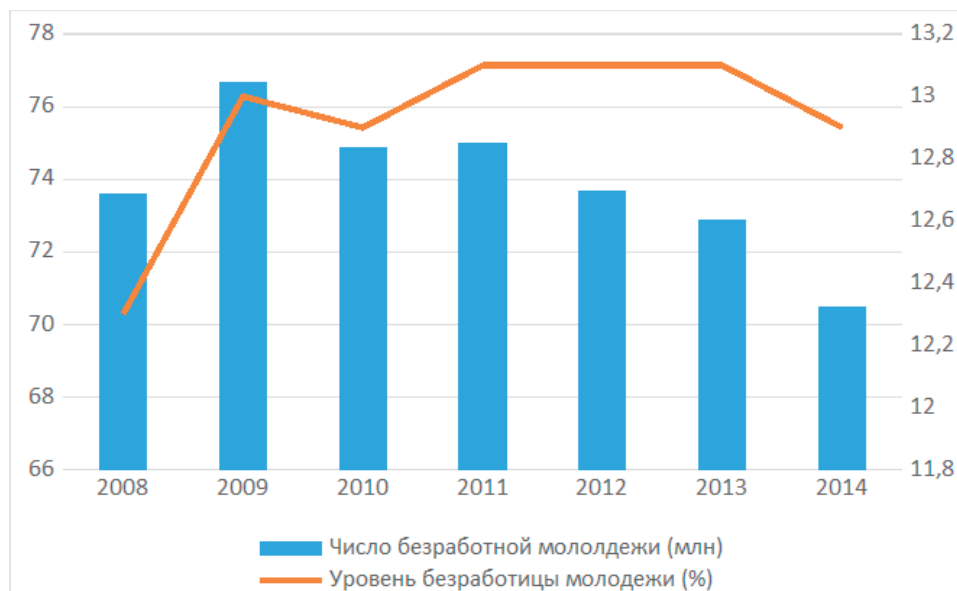

Рис. Изменение количества безработной молодежи и уровня безработицы среди молодежи за период с 2008 г. по 2014 г. (источник: International Labour Office (ILO). *Global Employment Trends for Youth* (Geneva). 2015. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_412015.pdf (accessed on: 10.02.2023))

Ближнего Востока и в Северной Африки уровень безработицы среди молодежи за тот же период ухудшился. В Центральной и Юго-Восточной Европе (не входящих в ЕС) и СНГ, Латинской Америке и Карибском бассейне, а также в странах Африки к югу от Сахары уровень безработицы среди молодежи демонстрировал тенденцию к снижению как в среднесрочном, так и в краткосрочном периоде. Однако во всех регионах стабильность карьерных перспектив становилась все более сомнительной. В развитых странах доля молодежи, вынужденно работающей неполный рабочий день или занятой на временной основе, снизилась с момента пика кризиса в 2009 г., но в более долгосрочной перспективе наблюдалась тенденция к росту, поскольку все больше молодых людей соглашались за неполный рабочий день или временную работу в сочетании с образованием.

Хотя перспективы для молодежи, выходящей на рынок труда в этот период, выглядели несколько более радужными, чем в предыдущие пять лет, тем не менее во многих странах молодежь продолжала страдать от последствий экономического кризиса и / или мер жесткой экономии, введенных в результате этого кризиса. В этих странах поиск подработки, не говоря уже о работе на полный рабочий день, для молодежи без опыта работы по-прежнему представлял большую сложность.

При сравнении уровня безработицы молодежи и уровня безработицы взрослого населения, следует отметить, что это соотношение остается практически неизменным и уровень безработицы молодежи примерно в три раза выше. При этом показатель по молодым мужчинам незначительно превышает показатель по молодым женщинам. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Отношение уровня безработицы молодежи к уровню безработицы взрослого населения в 2000, 2005–2015 гг.

Категория населения	Отношение уровня безработицы молодежи к уровню безработицы взрослого населения по годам										
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	2,8	2,9	2,9	2,9	2,8	2,8	2,8	2,8	2,9	2,9	2,9
Муж	2,9	3	3	3	2,8	2,9	2,9	2,9	3	3	3
Жен	2,7	2,8	2,8	2,8	2,8	2,7	2,7	2,2	2,7	2,7	2,8

Источник: International Labour Office (ILO). Global Employment Trends for Youth (Geneva). 2015. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_412015.pdf (accessed on: 10.02.2023).

По объему рабочая сила молодежи за этот период сократилась на 29,9 млн чел., при том что численность молодежи увеличилась на 185 млн. То есть произошло значительное снижение доли участия молодежи на рынке труда. В период с 1991 г. по 2014 г. этот коэффициент снизился на 11,6 п. п. (с 59,0 до 47,3 п. п.) по сравнению со снижением такого же коэффициента среди взрослого населения только на 1 процентный пункт. При том, что доля участия мужчин оставалась выше по сравнению с молодыми женщинами, это показатель у обоих полов сократился в целом по миру на 11,8 п. п. у мужчин и 11,7 у женщин. Данные по регионам представлены в таблице 2.

Как показывают данные, представленные в таблице, снижение доли участия молодежи на рынке труда носило всеобщий характер (только в странах Африки к югу от Сахары не произошло никаких изменений). По оценкам экспертов, одним из основных факторов, влияющих на данный показатель, была тенденция к получению молодежью второго и третьего профессионального образования. Этот фактор практически не оказывает влияния на долю участия на рынке труда взрослого населения, чем и объясняется такой огромный разрыв в данном показателе между молодежью и взрослыми участниками рынка труда. По исследованиям МОТ, молодые люди, как мужчины, так и женщины, демонстрировали рост получения образования,

Таблица 2

Доля участия молодежи на рынке труда по региону и полу в 1991 и 2014 гг., %

Регион	1991			2014		
	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.
Весь мир	59	67	50,6	47,3	55,2	38,9
Развитые страны и ЕС	55,6	58,7	52,4	47,4	49,1	45,5
Центральная и Северо-Восточная Европа (не ЕС)	50,2	56,3	44	40,6	47,9	33
Восточная Азия	75,7	74,9	76,6	55	57	52,9
Юго-Восточная Азия и Тихоокеанский регион	59,3	65,8	52,7	52,4	59,4	45,2
Южная Азия	52,2	70,4	32,5	39,5	55,2	22,6
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	55,5	71,3	39,6	52,5	62,1	42,6
Средний Восток	35,6	57,3	12,6	31,3	47,2	13,8
Северная Африка	37	51,8	21,5	33,7	47,2	19,7
Африка южнее Сахары	54,3	58,6	50,1	54,3	56,6	52,1

Источник: International Labour Office (ILO). Global Employment Trends for Youth (Geneva). 2015. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_412015.pdf (accessed on: 10.02.2023).

Таблица 3

Соотношение занятой молодежи к общему числу молодежи (ЗПК), 2000, 2005–2014 гг., %

Пол	Соотношение занятой молодежи к общему числу молодежи по годам										
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	46,3	44,6	44,2	43,9	43,2	42,2	41,5	41,4	41,2	41,2	41,2
Муж	54	52	51,6	51,3	50,5	49,4	48,7	48,6	48,3	48,3	48,3
Жен	38,3	36,8	35,4	36,2	35,5	34,7	33,9	33,9	33,7	33,7	33,7

Источник: International Labour Office (ILO). Global Employment Trends for Youth (Geneva). 2015. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_412015.pdf (accessed on: 10.02.2023).

особенно это касалось уровня высшего образования. Несмотря на улучшение показателей получения образования в одних регионах, серьезной проблемой в других оставалось отсутствие возможности получения образования молодежью. По данным ЮНЕСКО, 58 миллионов детей во всем мире по-прежнему не посещали школу и около 100 миллионов детей не получали полного начального образования. Неравенство в доступе молодежи и детей к образованию оставалась существенной глобальной проблемой. Миллионы молодых людей в странах с низким уровнем дохода все еще начинали работать в раннем возрасте. Раннее участие в трудовой деятельности сопровождалось ранним уходом из школы и низким уровнем образования. Обобщая тенденции в области образования в этот период, следует отметить чрезвычайно низкую долю молодежи в странах с низким уровнем доходов, которой удастся получить даже самый начальный уровень образования [3]. По данным на 2014 г., 31 % молодежи в странах с низким уровнем дохода вообще не имел образования. Для сравнения, этот показатель составлял 6 % в странах с уровнем дохода ниже среднего и менее 2 % в странах с уровнем дохода выше среднего. В странах с низким уровнем доходов только получение высшего образования служит гарантией оплачиваемой занятости для молодежи (в отличие от работы на семью). Трое из четырех выпускников вузов (75 %) смогли найти оплачиваемую работу, в то время как среди молодых выпускников средних школ — четыре из десяти (40 %) [4]. Таким образом, доступ к образованию стал еще одним элементом сегментации и неравенства на рынке труда.

Еще один важный показатель ситуации на рынке труда — соотношение занятой молодежи к общему числу молодежи (коэффициент занятости к популяции — ЗПК), изменение данного показателя за период с 2000 г. по 2014 г. показан в таблице 3.

Таким образом, в первой четверти века среди молодежи по всему миру наблюдалось постоянное уменьшение доли работающей молодежи. Всего доля работающей молодежи за этот период сократилась на 5,1 п. п. При этом доля работающих мужчин сократилась больше, чем доля работающих женщин (на 5,7 и 4,6 п. п. соответственно). Понятно, что эта тенденция также тесно связана с тенденцией более длительного получения образования и более позднего выхода на рынок труда. Однако есть и другие причины неучастия молодежи на рынке труда, такие как занятость в домашнем хозяйстве, инвалидность и заболевания, препятствующие возможности найти достойную работу, ожидание сезонной работы и др. Показатель НРНО (доля не работающих и не получающих образование молодых людей) отражает именно ту часть молодежи, которая неактивна на рынке труда по иным причинам, нежели получение образования [5]. Это показатель в странах с развитой экономикой постепенно снижается, как и показатель уровня безработицы молодежи. Например, в Европейском союзе

(28 стран) этот показатель снизился с 13,1 % в 2012 г. до 12,4 % в 2014 г.¹ Что касается показателя НРНО во всем мире, то он составил 21,8. Одной из важных задач должно стать снижение значений данного показателя. То есть всем странам необходимо стремиться к тому, чтобы молодые люди либо «не болтались без дела». То есть находились либо в процессе получения образования, либо работали, либо совмещали учебу и частичную занятость.

В целом начиная с 1997 г. до периода 2017–2018 гг. наблюдались следующие тенденции:

1. За 20 лет численность молодежи увеличилась на 139 млн чел., а численность рабочей силы молодежи сократилась на 34,9 млн чел. Эта динамика также нашла отражение в снижении доли молодежи в общей глобальной рабочей силе с 21,7 % до 15,5 %.

2. Уровень участия молодежи в рабочей силе снизился за последние с 55,0 % до 45,7 %

3. По оценкам экспертов, в 2017 г. 70,9 млн молодых людей во всем мире были безработными.

4. Уровень безработицы среди молодежи составлял 13,1 % в мире в 2017 г., и самым высоким является в Арабских странах — 30,0 %.

5. 76,7 % работающей молодежи имели неофициальное трудоустройство (по сравнению с 57,9 % взрослого населения). При этом в процентном соотношении ко всей работающей молодежи, доля молодых людей с неофициальным трудоустройством составляла 96,8 % в неразвитых странах, 83 % в развивающихся и чуть менее 20 % в развитых.

6. 21,8 % молодежи составляли категорию НРНО (не работающие и не получающие образование), подавляющее большинство которых (76,9 %) были женщины.

7. 16,7 % работающей молодежи в неразвитых и развивающихся странах находились ниже порога крайней бедности, который составляет 1,90 долл. США в день.

8. Основную часть международных потоков мигрантов составляли молодые люди — около 70 % моложе 30 лет.

В программе устойчивого развития, предложенной МОТ на период до 2030 г. в рамках содействия постоянному, инклюзивному и устойчивому экономическому росту, полной и продуктивной занятости и достойной работе, для всех были обозначены следующие ключевые задачи²:

1. Увеличение численности молодежи, обладающей соответствующими навыками для трудоустройства, достойной работы и предпринимательства.

2. Обеспечение повышения грамотности молодежи по всему миру.

3. Обеспечение полной и достойной занятости для молодых мужчин и женщин в равной степени, а также равной оплаты за одинаковый труд.

4. Снижение показателя НРНО — сокращение доли неработающих молодых людей, которые не находятся в процессе получения образования.

¹ International Labour Office (ILO). Global Employment Trends for Youth (Geneva). 2015. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_412015.pdf (accessed on: 10.02.2023)

² International Labour Office (ILO). Global Employment Trends for Youth (Geneva). 2017. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_600465.pdf (accessed on: 10.02.2023).

5. Развитие потенциала для эффективного планирования и управления в связи с изменениями в наименее развитых странах и малых островных развивающихся государствах

6. Разработка и внедрение глобальной стратегии занятости молодежи.

Таким образом, к 2017–2018 гг. наметилась некоторая стабилизация ситуации в сочетании с глобальным повышением уровня экономического развития, прогнозы МОТ на развитие рынка труда молодежи были в оптимистичном ключе. Однако пандемия COVID-19 усугубила многочисленные проблемы на рынке труда в целом, и особенно на рынке труда молодежи. В период с 2019 г. по 2020 г. многие молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет оказались без работы. В отличие от взрослого населения, молодежь пострадала не только от увольнений и сокращений, но многие вообще не вышли на рынок труда из-за огромных трудностей с поиском работы в то время, когда правительства вводили карантинные меры, а работодатели несли огромные потери в доходах. Более того, резкое падение семейных доходов и переход учебных заведений на дистанционное обучение усложнили для многих получение образования и профессиональной подготовки. Следовательно, и без того большое количество молодых людей, не работающих, не обучающихся (показатель НРНО), в 2020 г. еще больше увеличилось.

Основные показатели рынка труда молодежи по всему миру и отдельно по регионам за период с 2016 г. по 2020–2022 гг. (в зависимости от наличия информации) представлены в таблице 4.

Таким образом, устойчивая тенденция к снижению отношения занятости к численности популяции молодежи, наблюдавшаяся в предыдущие десятилетия, замедлилась в годы, предшествовавшие пандемии COVID-19. В период с 1995 г. по 2015 г. глобальный данный показатель среди молодежи снизился с 48,8 до 36,9 %, что означает среднегодовое снижение почти на полпроцента. Снижение было наиболее сильным в странах с уровнем дохода выше среднего и относительно слабым в странах с низким и высоким уровнем дохода. По регионам снижение было самым сильным в Восточной и Южной Азии, относительно слабым в странах Африки к югу от Сахары и отсутствовал в Северной, Южной и Западной Европе. Показатель отношения занятости к численности популяции молодежи восстановился во время бума занятости в странах с высоким уровнем дохода в период с 2015 г. по 2019 г., в то время как его снижение заметно замедлилось в странах со средним уровнем дохода. Увеличение продолжительности процесса получения образования является основной движущей силой снижения данного показателя молодежи в странах с высоким уровнем жизни, поскольку по мере роста благосостояния у молодых людей появляется больше возможностей для повышения уровня своего образования. Однако снижение данного показателя является серьезной проблемой при одновременном росте показателя НРНО (неработающие молодые люди, не находящиеся в процессе получения образования), как это произошло в 2020 г. абсолютно во всех регионах мира после вспышки пандемии и последовавшим за этим глобальным экономическим кризисом. Как показывают данные, представленные в таблице, пандемия COVID-19 свела на нет 15-летний прогресс в снижении показателей НРНО среди молодежи. За предыдущий период с 2005 г. по 2019 г. доля молодых людей во всем мире, не занятых ни в сфере занятости, ни в образовании, снизилась на 1,3 п. п., однако кризис уничтожил весь этот прогресс в течение одного года. В среднем в 2020 г. почти каждый четвертый (23,3 %) всех молодых людей имел статус НРНО. Как следствие, в долгосрочной перспективе молодые люди во всех

Показатели рынка труда молодежи в 2016–2020 гг. (2022 г. — по наличию информации) во всем мире и отдельно по регионам

Регион	Индикатор	Значение индикатора по годам							
		2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Весь мир	Отношение занятых к популяции	36,9	36,4	36,1	35,8	35,7	32,7	33,6	34,1
	Уровень безработицы	13,5	13,8	13,7	13,5	13,5	15,2	15,6	14,9
	Показатель НРНО	21,8	21,9	22,0	22,0	21,8	23,3	—	—
Арабские страны	Отношение занятых к популяции	22,0	22,0	21,5	21,3	21,5	20,3	20,5	21,1
	Уровень безработицы	21,9	22,0	23,3	23,6	22,9	25,6	25,9	24,8
	Показатель НРНО	33,2	33,2	33,6	34,5	34,6	35,6	—	—
Центральная и Западная Азия	Отношение занятых к популяции	34,4	34,8	34,5	34,5	33,5	30,1	31,5	31,9
	Уровень безработицы	15,1	15,6	16,3	16,1	18,6	19,3	19,3	19,6
	Показатель НРНО	22,0	21,9	22,0	22,0	22,6	24,4	—	—
Восточная Азия	Отношение занятых к популяции	46,2	45,7	45,0	44,7	43,9	41,7	42,7	42,5
	Уровень безработицы	10,3	10,2	10,0	9,6	10,2	11,3	10,7	10,5
	Показатель НРНО	17,5	17,2	17,0	16,8	16,6	17,6	—	—
Западная Европа	Отношение занятых к популяции	29,0	29,0	29,1	28,6	28,8	26,7	26,9	27,2
	Уровень безработицы	18,1	17,5	15,9	15,4	13,8	15,4	16,0	14,9
	Показатель НРНО	13,4	13,5	12,9	12,8	12,3	13,0	—	—
Лат. Америка и страны Карибского бассейна	Отношение занятых к популяции	41,2	39,8	39,7	40,0	40,1	34,2	36,7	37,9
	Уровень безработицы	14,7	17,4	17,9	17,9	18,0	21,2	21,6	20,5
	Показатель НРНО	20,8	21,1	21,4	21,3	21,2	24,0	—	—
Северная Африка	Отношение занятых к популяции	19,9	19,6	18,7	18,0	17,8	16,0	16,3	16,7
	Уровень безработицы	31,7	31,2	30,9	28,3	26,3	29,3	29,8	29,2
	Показатель НРНО	27,8	27,7	27,5	27,6	28,0	29,1	—	—
Северная Америка	Отношение занятых к популяции	45,3	46,0	46,8	46,9	47,6	42,4	46,4	47,5
	Уровень безработицы	13,4	11,7	10,7	9,5	8,6	15,5	10,1	8,3
	Показатель НРНО	12,6	12,2	11,1	11,1	10,6	14,3	—	—
Сев., Южн. и Восточная Европа	Отношение занятых к популяции	34,9	35,5	36,2	36,9	37,4	35,2	37,1	37,8
	Уровень безработицы	20,6	19,1	17,3	15,7	14,8	16,6	16,6	15,3
	Показатель НРНО	12,2	11,7	11,1	10,7	10,3	11,4	—	—
Юго-Зап. Азия и страны Тихоок. региона	Отношение занятых к популяции	44,0	43,4	42,6	42,5	42,4	40,1	40,3	40,5
	Уровень безработицы	10,0	9,8	9,6	9,7	9,0	10,2	11,2	11,0
	Показатель НРНО	18,4	18,2	17,7	17,1	16,7	17,6	—	—

Окончание табл. 4 на след. стр.

Регион	Индикатор	Значение индикатора по годам							
		2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Южная Азия	Отношение занятых к популяции	26,7	25,9	25,5	24,9	24,9	21,8	21,8	22,6
	Уровень безработицы	17,0	17,7	18,4	18,6	18,4	20,1	22,3	20,9
	Показатель НРНО	29,3	29,3	29,7	30,1	29,3	31,1	—	—
Африка, южнее Сахары	Отношение занятых к популяции	43,9	43,7	43,6	43,4	43,2	40,8	41,7	42,2
	Уровень безработицы	8,6	9,2	9,3	9,6	10,1	11,0	11,3	11,3
	Показатель НРНО	19,1	19,8	20,0	20,3	20,8	21,8	—	—

Источник: ILO. Global employment trends for youth 2022. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_853321.pdf (accessed on: 10.02.2023).

странах также могут столкнуться с ухудшением своих возможностей и карьерных перспектив на рынке труда.

Заключение

Следует отметить, что воздействие кризиса COVID-19 на занятость было особенно разрушительным для молодежи, поскольку организации, которым удалось пережить кризис, стремились в первую очередь удержать работников (в том числе с помощью государственной помощи), в то время как набор новых сотрудников остановился. Кроме того, молодые работники чаще всего не имеют трудового стажа и достаточного опыта работы и, следовательно, представляют меньшую ценность и с большей вероятностью были подвержены увольнению[6].

Уровень безработицы во всем мире существенно вырос в 2020 г., (на 1,7 п. п.). В 2021 г. уровень безработицы среди молодежи вырос всего на 0,4 п. п., несмотря на то, что число безработных увеличилось в большей степени, чем в 2020 г. Кризис оказал очень неоднородное влияние на уровень безработицы среди молодежи в разных регионах. В 2020 г. во всех регионах наблюдался рост уровня безработицы среди молодежи, но наибольший рост был в Северной Америке — на 6,8 п. п. На другом конце спектра находятся Центральная и Западная Азия, где показатель увеличился всего на 0,7 п. п. Однако, по оценкам экспертов МОТ, индикатор НРНО является более показательным, так как учитывает количество молодых людей, получающей образование¹.

По оценкам экспертов [7], экономический кризис может сказаться на продолжительности процесса образования как отрицательно, так и положительно, в зависимости от социально-экономического положения семьи. Отрицательный вариант развития предполагает сокращение дохода семьи, что может сделать невозможным покрытие расходов на образование, а также может привести к тому, что молодые люди будут вынуждены зарабатывать деньги и вносить свой вклад в доход семьи, возможно, в форме неофициального трудоустройства или работы в домохозяйстве. Положительный вариант предполагает достаточно высокий материальный потенциал семьи, когда молодым людям не приходится помогать старшему поколению, и более

¹ International Labour Office (ILO). Global Employment Trends for Youth (Geneva). 2022. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_853321.pdf (accessed on: 10.02.2023).

привлекательным в сложной ситуации на рынке труда выглядит вариант продолжения образования и повышения квалификации для улучшения будущих возможностей. Баланс между этими эффектами определяется, в первую очередь, наличием и охватом систем социальной защиты [8], а также стоимостью начального, среднего и высшего образования[9].

Кризис COVID-19 не только сказался на перспективах трудоустройства и доходах молодых людей, но и изменил качество и объемы образования и профессиональной подготовки [10]. Повсеместное закрытие школ затронуло более 1,6 млрд учащихся. Качество и охват возможностей дистанционного обучения сильно различались, и в большинстве случаев этот метод не мог адекватно заменить очное обучение, особенно для тех, кто и без того был экономически уязвим. Миллионы детей рискуют никогда не вернуться в школу¹. Уже сейчас понятно, что дети и молодые люди страдают от этих потерь в обучении в долгосрочной перспективе, хотя пока невозможно сказать, насколько сильным будет это воздействие.

Таким образом, уже сейчас необходимо принимать меры по созданию благоприятных условий функционирования рынка труда молодежи. В том числе совершенствовать систему прогнозирования потребности в рабочих кадрах различных сфер экономической деятельности. Отслеживать тенденции внешней и внутренней миграции молодежи и разрабатывать рычаги воздействия на эти процессы. Необходимы прогноз и дальнейшее развитие наиболее перспективных секторов экономики с точки зрения трудоустройства молодежи. При этом следует развивать социальный диалог, привлекать непосредственно молодежь к обсуждению, разработке и принятию мер по стабилизации и в дальнейшем положительной динамике на молодежном рынке труда. Поскольку именно молодежь в будущем будет развивать экономику, эти аспекты играют критически важную роль для общества в целом.

Список источников

[1] *Ефимова А. А., Пыстин А. М.* Профессиональная адаптация молодых специалистов-геологов (на примере выпускников кафедры геологии СыктГУ) // Вестник института геологии Коми научного центра уральского отделения РАН. 2012. № 2(206). С. 016-019. <https://geo.komisc.ru/vestnik/contents-of-the-journal/2012/160-206-02-2012?format=html> (дата обращения: 01.02.2023).

[2] World Youth Report. Young people's transition to adulthood: Progress and Challenges. United Nations, New York, 2007. 305 p. https://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/wyr07_complete.pdf (accessed on: 10.02.2023).

[3] Skill mismatch in Europe: Statistics Brief. Geneva, ILO, 2014. 31 p. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_315623.pdf (accessed on: 10.02.2023).

[4] *Sparreboom T., Staneva A.* Is education the solution to decent work for youth in developing economies: Identifying qualifications mismatch from 28 school-to-work transition surveys. Work4Youth Publication Series. 2014. No. 23. Geneva, ILO. 60 p. <https://www.un.org/youthenvoy/wp-content/uploads/2014/10/Work4Youth-Publication.pdf> (accessed on: 10.02.2023).

¹ILO and UNICEF (United Nations Children's Fund). Child Labour: Global Estimates 2020, Trends and the Road Forward. New York, 2021 96 p. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---ipecc/documents/publication/wcms_797515.pdf (accessed on: 10.02.2023).

[5] *Elder S.* What does NEETs mean and why is the concept so easily misinterpreted? Work4Youth Technical Brief. 2015. No. 1. Geneva, ILO. 13 p. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_343153.pdf (accessed on: 10.02.2023).

[6] ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work. Seventh Edition, 25 January 2021. 35 p. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_767028.pdf (accessed on: 01.02.2023).

[7] *Shafiq M. N.* The Effects of an Economic Crisis on Educational Outcomes: An Economic Framework and Review of the Evidence”// Current Issues in Comparative Education. 2010. Vol. 12(2). P. 5–13. <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ889563.pdf> (accessed on: 10.02.2023).

[8] Zimbabwe Green Jobs Assessment Report: Measuring the Socioeconomic Impacts of Climate Policies to Guide NDC Enhancement and a Just Transition / K. S. Wiebe, T. Andersen, M. Simas, M. Harsdorff. UNDP, 2021. 70 p. <https://www.undp.org/zimbabwe/publications/measuring-socio-economic-impacts-climate-policies-guide-ndc-enhancement-and-just-transition> (accessed on: 10.02.2023).

[9] Child Labour: Global Estimates 2020, Trends and the Road Forward. ILO and UNICEF, New York, 2021. 96 p. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---ipecc/documents/publication/wcms_797515.pdf (accessed on: 10.02.2023).

[10] *Ефимова А. А.* Тенденции рынка труда молодежи в столкновении с «новой реальностью» — санкциями и пандемией (на примере профессиональной области «медицина и фармацевтика») // Ремедиум. 2022. Т. 26, № 4. С. 357–363. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49857371> (дата обращения: 10.02.2023).

References

[1] *Ефимова А. А., Пыстин А. М.* Professional adaptation of young experts-geologists (on an example of graduates of chair of geology of Syktyvkar State University) // Vestnik of the Institute of Geology of the Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2012. No. 2(206). P. 16–19. <https://geo.komisc.ru/vestnik/contents-of-the-journal/2012/160-206-02-2012?format=html> (accessed on: 10.02.2023).

[2] World Youth Report. Young people’s transition to adulthood: Progress and Challenges. United Nations, New York, 2007. 305 p. https://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/wyr07_complete.pdf (accessed on: 10.02.2023).

[3] Skill mismatch in Europe: Statistics Brief. Geneva, ILO, 2014. 31 p. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_315623.pdf (accessed on: 10.02.2023).

[4] *Sparreboom T., Staneva A.* Is education the solution to decent work for youth in developing economies: Identifying qualifications mismatch from 28 school-to-work transition surveys. Work4Youth Publication Series. 2014. No. 23. Geneva, ILO. 60 p. <https://www.un.org/youthenvoy/wp-content/uploads/2014/10/Work4Youth-Publication.pdf> (accessed on: 10.02.2023).

[5] *Elder S.* What does NEETs mean and why is the concept so easily misinterpreted? Work4Youth Technical Brief. 2015. No. 1. Geneva, ILO. 13 p. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_343153.pdf (accessed on: 10.02.2023).

[6] ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work. Seventh Edition, 25 January 2021. 35 p. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_767028.pdf (accessed on: 01.02.2023).

[7] *Shafiq M. N.* The Effects of an Economic Crisis on Educational Outcomes: An Economic Framework and Review of the Evidence”// Current Issues in Comparative Education. 2010. Vol. 12(2). P. 5–13. <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ889563.pdf> (accessed on: 10.02.2023).

[8] Zimbabwe Green Jobs Assessment Report: Measuring the Socioeconomic Impacts of Climate Policies to Guide NDC Enhancement and a Just Transition / K. S. Wiebe, T. Andersen, M. Simas, M. Harsdorff. UNDP, 2021. 70 p. <https://www.undp.org/zimbabwe/publications/measuring-socioeconomic-impacts-climate-policies-guide-ndc-enhancement-and-just-transition> (accessed on: 10.02.2023).

[9] Child Labour: Global Estimates 2020, Trends and the Road Forward. ILO and UNICEF, New York, 2021. 96 p. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---ipec/documents/publication/wcms_797515.pdf (accessed on: 10.02.2023).

[10] *Efimova A. A.* Youth labor market trends in the collision with the «new reality» — sanctions and the pandemic (on the example of the professional field «medicine and pharmacy») // *Remedium*. 2022. Vol. 26, No. 4. P. 357-363. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49857371> (accessed on: 10.02.2023).

Информация об авторах

Ефимова Александра Александровна — старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет; <https://orcid.org/0000-0003-3891-1988> (Российская Федерация, 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 14; e-mail: efimaxax@gmail.com).

About the authors

Alexandra A. Efimova — Senior Lecturer, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University; <https://orcid.org/0000-0003-3891-1988> (14, Prof. Popova St., Saint Petersburg, 197022, Russian Federation; e-mail: efimaxax@gmail.com).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-8>

УДК 314

JEL classification: J12, J13

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ УСТАНОВОК ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ: НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН¹

Р. Н. Комлева

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-9367-0246>

Автор для корреспонденции: Р. Н. Комлева (komlevarn@isi-rb.ru)

Аннотация. Поведенческие стратегии населения формируются во многом исходя из социально-экономических, идеологических, политических условий в обществе, являясь по сути социально-психологической адаптацией к ним. На основе исследования качественными методами в статье выявляется дифференциация в брачных и репродуктивных установках молодых поколений городских жителей разных возрастных категорий. По результатам исследования можно констатировать, что у самой молодой категории исследуемой молодежи сильнее проявлена ориентация на индивидуализм и рациональный подход к принятию решений в области семьи и брака исходя из имеющегося опыта и возможностей, практически отсутствует опора на какие-либо традиционные общественные нормы. Для наиболее зрелой группы участников — 30-39 лет — характерно преобладание более традиционных установок на семью и брак, у них сильнее проявлены гендерные различия в установках, есть понимание важности общественных интересов, не только индивидуальных. И хотя установки самой юной части молодежи могут меняться в течение жизни, все же результаты исследования отчетливо демонстрируют поколенческие сдвиги в ценностях молодых поколений горожан, демографические последствия которых мы можем наблюдать уже сегодня.

Ключевые слова: брачные установки; репродуктивные установки; ценности молодежи

Generational Features of Family and Marital Attitudes of Urban Residents: Example of a Study in the Republic of Bashkortostan

R. N. Komleva

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-9367-0246>

Corresponding author: R. N. Komleva (komlevarn@isi-rb.ru)

Abstract. Behavioural strategies of the population largely depend on socio-economic, ideological, political conditions in the society, being essentially a socio-psychological adaptation to them. Based on the qualitative research methods, the article reveals the differentiation in the marital and reproductive attitudes of young generations of urban residents of different age categories. The research results revealed that the youngest category of the studied youth (students of universities and colleges) is characterised by a stronger orientation towards individualism, rational approach to decision-making in the field of family and marriage based on existing experience and capabilities, disregard of most traditional social norms. The predominance of more traditional attitudes towards family and marriage is characteristic for the most mature group of participants aged 30-39: they have stronger gender differences in attitudes, there is an understanding of the importance of public interests, not only individual ones. Although the attitudes of the youngest youth may change throughout their lives, the findings of the study clearly demonstrate generational shifts in the values of young generations of citizens, the demographic consequences of which can already be observed today.

Keywords: marital attitudes; reproductive attitudes; values of youth

¹ © Комлева Р. Н. Текст. 2023.

Введение

Современная семья и брак проходят стадию значительной трансформации: более позднее вступление в брак, сожитительство, либерализация половой морали, изменение гендерных отношений в семье и браке — это лишь некоторые изменения в семейно-брачной сфере. Во многом эти трансформационные процессы связаны с изменением экономических, технологических, социальных, политических трендов, которые оказывают свое воздействие на поведенческие практики через изменения в системе ценностей, что является социально-психологической адаптацией населения к ним. Основными носителями новых ценностей и практик являются молодые поколения людей репродуктивного возраста, прежде всего проживающих в городах.

С 2016 г. в Республике Башкортостан, как и в других регионах России, наблюдается снижение интенсивности рождаемости. Это свидетельствует о замедлении воспроизводственных процессов, выражающихся, прежде всего, в снижении интенсивности формирования брачных союзов, откладывании рождений на более поздний возраст. Следует констатировать, что переход от более раннего брака к более позднему соответствует общему тренду старения брака в развитых странах. Это связано с группой факторов, в числе которых получение высшего образования, более длительная профессиональная самореализация и ценности индивидуализма у современного поколения, а также широкое распространение незарегистрированных браков и свобода до-брачных сексуальных отношений.

Данные демографической статистики показывают, что снижается рождаемость у наиболее молодых возрастных категорий населения (15–19, 20–24, 25–29 лет), которые всегда обладали самой высокой интенсивностью рождений, прежде всего первых и вторых детей. В то же время возрастная структура населения в настоящий момент сложилась таким образом, что наибольшая численность женщин репродуктивного возраста наблюдается в категории 30–35 лет, то есть их вклад в рождаемость в абсолютном выражении может быть значительным именно в данный временной период.

Соответственно, возникает необходимость изучения именно этих возрастных категорий населения в целях понимания их потребностей, мотивов, ценностей, факторов, сдерживающих рождения, и совершенствования семейно-демографической политики на региональном уровне для наиболее полной реализации ими своего репродуктивного потенциала.

Таким образом, цель исследования — выявить дифференциацию в брачных и репродуктивных установках молодых поколений разных возрастных категорий репродуктивных возрастов и определить их основные причины и факторы.

Обзор литературы

Трансформация семейно-брачных отношений проходит не одно десятилетие и вызывает в научной среде немало дискуссий. Сам процесс трансформации оценивается учеными по-разному: А.И. Антонов и В.М. Медков оценивают его скорее пессимистично, как кризис социального института, выражающегося в распаде семейных связей и ценностей [1]; несколько иной подход к этим процессам выражают А.Г. Вишневский и С.В. Захаров — как к естественному процессу эволюции и трансформации семьи в результате изменения социальных отношений и демографических тенденций (прежде всего снижения смертности и рождаемости) [2].

С.И. Голод обращает внимание на то, что освобождение детей от родительской опеки, а и также женская эмансипация привели к малодетности семьи и росту разводов

[3]. Эти два процесса существенно изменили характер семейных отношений в российском обществе, что привело к появлению типа семьи, названного С.И. Голодом «супружеским».

Об изменении гендерных ролей также писал американский социолог Т. Парсонс с точки зрения функционального подхода к институту семьи [4]. Т. Парсонс отмечал, что трансформация семейных отношений обусловлена изменением поло-ролевых практик, в ходе которых женщина перестает выполнять экспрессивную функцию по поддержанию внутрисемейного баланса и психологического микроклимата в семье и начинает выполнять мужскую инструментальную функцию по общению с внешним миром, по сути выполняя роль добытчика.

Некоторые исследователи указывают на то, что изменения в структуре семьи во многом обусловлено утратой формальных институциональных признаков. Так, Л.В. Карцева характеризует современный институт семьи как неформальный и утверждает, что такой тип семьи адаптивен для индивида, но не для общества. При этом она отмечает, что данный процесс преобразования является не следствием разрушения семьи, а реакцией на социальные изменения в обществе, которые произошли в результате либерализации отношений и «модернизацией по западному типу» [5].

Первичное значение ценностей и индивидуальных установок в противоположность вторичным — условиям жизни, подчеркивали В.А. Белова и Л.Е. Дарский, которые отмечали: «Сознание людей формируется всей суммой социального воздействия общества на личность в процессе ее социализации. И в этом обширном комплексе влияний индивидуальный доход, бюджет времени или жилищные условия играют далеко не первую роль. В общей системе ценностей, существующих в обществе, есть ценность семьи и детей; и если потребность в детях, чем она ни была бы обусловлена, удовлетворена двумя детьми, то третий не нужен семье, его рождения она будет избегать с той степенью настойчивости, с которой она привыкла добиваться других целей» [6, с. 140].

Поколенческие сдвиги в наступлении демографических событий в жизненном цикле россиян изучались Е.С. Митрофановой [7]. На основе данных панельной части исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ) исследователь показал, что на фоне постарения возрастных профилей наступления демографических событий — откладывания браков и деторождения, наблюдается сдвиг в ранние возрасты опыта партнерства. Кроме того, поведение молодых мужчин и женщин и в социоэкономической, и в демографической сфере сближается, хотя женщины все еще активнее и в более ранних возрастах создают семьи.

Феномен позднего материнства на основе исследования, проведенного качественными методами, изучался А.А. Ипатовой и А.О. Тындик [8]. Авторы приходят к выводу, что такие факторы, как образование и карьера, играют значимую роль для молодых женщин. При этом добровольные мотивы откладывания рождения детей порой уступают место вынужденным.

Среди современных исследований, посвященных репродуктивному поведению россиян, можно выделить работу Е.В. Чуриловой и С.В. Захарова, в которой были проанализированы результаты 13 исследований, репрезентирующих население России и проведенных в 1990-е и начале 2000-х ВЦИОМом и с середины 2000 г. до 2019 г. «Левада-Центром» [9]. Результаты исследования показали, что на протяжении последних десятилетий идеалом для россиян была и остается двухдетная семья. При этом

на основе полученных расчетов исследователи прогнозируют: «Принимая во внимание то, что фактическое число рожденных детей всегда несколько ниже, чем ожидаемое, на основании имеющихся данных нет никаких оснований полагать, что произойдет существенное увеличение итоговой рождаемости поколений женщин 1980-х — начала 1990-х годов рождения».

Методология исследования

Наиболее полно и глубоко изучение причин и факторов матримониального и репродуктивного поведения, последовательность и роль событий, связанных с созданием семьи, уровень внутрисемейного планирования, возможно с помощью качественных методов социологического анализа. В этих целях был проведен исследовательский проект в Республике Башкортостан по заказу Министерства семьи, труда и социальной защиты РБ методом фокус-групповых дискуссий. В соответствии с целями и задачами исследования для проведения фокус-групп были выделены три целевые группы населения репродуктивного возраста: студенты старших курсов вузов и ссузов, мужчины и женщины репродуктивного возраста (в возрасте 25–29 лет), впервые вступившие в брак (не имеющие детей) и мужчины и женщины репродуктивного возраста (в возрасте 30–39 лет), состоящие в браке и имеющие 2 детей. Акцент в исследовании сделан на изучении репродуктивных мотивов и стратегий именно городских семей, поэтому основные фокус-группы проводились в г. Уфа, а контрольные — в малом или среднем городах республики.

Результаты

Одной из задач исследования было выявление установок молодых поколений относительно идеального возраста вступления в семейную жизнь и необходимых для этого условий.

Согласно результатам проведенного анализа, для наиболее молодой части исследуемой аудитории — студенческой молодежи — достижение определенного возраста не является само по себе критерием готовности к семейной жизни. Так как влияние общественных норм в отношении семьи и брака, последовательности событий в жизненном цикле, постепенно ослабевает, и информантами чаще допускается разнообразие стратегий и практик в зависимости от личного опыта, возможностей, условий и установок (*«Насчет семьи? Я думаю, что каждый это должен решить для себя сам. Ну, кому-то хочется... они заводят детей и в 20 лет, и в 19 лет, и семью заводят. Если они настроены духовно, что они готовы уже к этому, пожалуйста», «Нет в Европе бывает и никогда не женятся, замуж не выходят, или детей рожают после 30. После 35. Ну, в конце концов, это каждый решает сам для себя», «Ну, я думаю, 23 — там сколько-то, сколько хочешь, 50 лет. Ну, 23–25 — начало»*). Сам вопрос об оптимальном возрасте для начала семейной жизни даже вызывает у информантов некоторое недоумение (*«Ну, это пусть каждый решает сам для себя. Мне кажется, это даже не стоит обсуждать»*).

Большинством информантов данной возрастной категории указывается на то, что вступление в брак — событие, которое должно происходить после самореализации, удовлетворения своих интересов, амбиций: *«Ну, сейчас совершенно не хочется (заводить семью — прим.), хотя претенденты есть. Ну, не знаю, для меня это сейчас не на первом месте. Сейчас я хочу самореализоваться, чтобы в дальнейшем я не жалела ни о чем. То есть сначала карьерный рост, карьера, бизнес, а потом уже какие-то»*.

отношения», «для меня на данный момент семья не главное», «Можно даже постарше, когда самореализуется. Это же здорово, когда полноценные личности сплочаются».

Таким образом, в основном превалирует мнение о необходимости саморазвития, в первую очередь, чтобы накопить определенный бэкграунд — как материальный, так и в плане социальной зрелости; и создании семьи, будучи зрелыми людьми. Главным условием для семейной жизни является наличие моральной зрелости и ответственности вне зависимости от возрастного фактора: «Ну, вот, по моему мнению, что на возраст не стоит ориентироваться, а нужно делать упор на чувства и, так скажем, мозги. Ну, например, есть люди в 35, которые по уму в 16, и наоборот в 16, как на все 30. Вот. Ну то есть в создании нужно понимать, что отношения — это не игрушки, а, скорее, ответственность».

Весьма похожие мнения о необходимости достижения прежде всего моральной и материальной готовности к браку, звучали и от более зрелой молодежи (в возрастах 25–29 лет): «Если честно, мне кажется, нет какого-то определенного возраста. Для кого-то и в 18 лет нормально, созрели, а для кого-то в 30 еще рано», «Тоже считаю, что нет определенного возраста. Это все зависит от того, человек созрел или нет. И плюс ко всему, это материальное положение. То есть, ну, не зависит от родителей, во-первых, ну и, чтобы оба были готовы уже к этому, чтобы никого не заставляли».

Однако среди представителей молодежи данной возрастной категории чаще звучали мнения о том, что должна быть разница в возрасте между супругами — муж должен быть старше жены. Это объясняется соображениями материальной и моральной зрелости мужчины: «Мне лично кажется, что мужчина он все-таки должен встать на ноги полностью, чтобы потом в итоге у него получилось обеспечить свою семью ... Лет к 30, я думаю, когда он уже нагуляется полностью, успокоится, вот тогда уже можно, наверное, задумываться о семье. Ну, у меня такое мнение. Ну женщине, в 21–22 нужно уже задумываться». При этом предпочтительный возраст жены колеблется в диапазоне 21–28 лет так как это наиболее благоприятный период для рождения ребенка с точки зрения репродуктивного здоровья: «Мне кажется девушке с биологической точки зрения, лучше, наверное, до тридцати уже родить», «Многие говорят, что у девушки возраст 21–22 — то идеальный для рождения... родов».

Описывая и моделируя «идеальную» картину брачности, некоторые участники неосознанно называли оптимальным более молодой возраст вступления в брак, нежели тот, в котором сами вступили в семейную фазу отношений. Участники также подчеркивают и возрастные пределы для начала семейных отношений, так как в более зрелых возрастах людям сложнее адаптироваться к партнеру и семейному образу жизни.

Более зрелые участники фокус-групп (30–39 лет), имеющие опыт семейной жизни, имеют более четкие взгляды относительно оптимального возраста для старта семейной жизни: для мужчины — около 30 лет, для женщины 25 лет плюс минус несколько лет. Аргументация схожа с участниками более молодой возрастной группы, при этом более молодой возраст для женщин продиктован соображениями не только наиболее благоприятного репродуктивного возраста для рождения ребенка, но и наличия образования и какого-то опыта работы (стажа).

Причем, взгляды на оптимальный возраст для начала семейной жизни зачастую не совпадают с собственным опытом, особенно это заметно по ответам участников из малых городов: «Ну, судя по тому, что сейчас молодежь уже не такая. Мне кажется, после 25 только, ближе к 30», «Сейчас мода другая. Это мы, раньше, в свое время, хотели

пораньше замуж выйти, там, туда-сюда. А, сейчас, я считаю, девчонкам, ну не раньше 25, мужчинам ближе к 30, наверное».

Таким образом, налицо трансформация установок на брак и семью, произошедшая за последние 10–15 лет, заключается в повышении оптимального возраста для создания семьи в сознании молодежи. Это на наш взгляд, обусловлено тем, что молодые люди стали более осторожно, ответственно и рационально подходить к этому вопросу, меньше ориентироваться на общественное мнение, больше — на собственные силы и возможности.

Одной из важнейших составляющих, напрямую влияющих на динамику брачности, является распространенность незарегистрированных браков. Истории участников доказали их широкое распространение в настоящее время и лояльное отношение к ним. Многими подтверждалось наличие такого опыта перед регистрацией брака. Данную форму отношений все чаще называют «репетицией перед официальным браком», которая становится нормой в современном обществе: *«Мы жили один год в незарегистрированном браке. Я очень положительно к этому отношусь. Если есть в дальнейшем серьезные намерения, это своего рода проверка на совместимость: психологическую, бытовую», «Я тоже довольно положительно к этому отношусь, потому что для двух осознанных людей, это шанс друг друга узнать лучше».* Однако участники фокус-группы в возрасте 30–39 лет проявляли лояльность в меньшей степени чем представители более молодых групп, у них ярче проявлялись гендерные различия в отношении к незарегистрированным бракам. Гендерные различия выражались в том, что мужчины традиционно оказываются больше «сторонниками», чем «противниками» по сравнению с женской половиной, поскольку женщины чаще всего находятся в более зависимом с материальной точки зрения положении и брак дает им необходимые имущественные и юридические гарантии, особенно при наличии детей:

«...Например, она рискует остаться ни с чем, как правило, потому что все-таки официальный брак он, ну, если люди все-таки расходятся, создает хоть какие-то там гарантии»;

«Для женщины лучше всего брак. Она так себя, что ли, юридически защищает, таким образом. Себя, своего ребенка, и то, что она все-таки с чем-то, с каким-то имуществом останется, потому что женщины обычно на декрете, большинство проводит, денег они не так много зарабатывают, чтобы позволить себе купить в одиночку какую-то квартиру, а когда это все вместе покупается, да».

В этом смысле, согласно нашей гипотезе, чем сильнее проявляется материальное неравенство между супругами и зависимость женщины от доходов мужа, особенно в малых городах, где возможности для женской занятости с высокими доходами ограничены, а мужчины часто работают по вахтам, тем сильнее потребность в зарегистрированных отношениях.

Тем не менее, несмотря на то что среди участников фокус-групп было немало сторонников незарегистрированных браков, все же пребывание в таком браке рассматривается в основном как временный этап отношений (*«...в моем понимании гражданский брак — это максимум 3–4 года, потом это уже как-то ненормально»*), который предшествует заключению официального брака и рождению ребенка. Даже среди самых молодых участников желание иметь ребенка является поводом для официальной регистрации отношений:

«Нет, я считаю, когда мужчина и женщина уже хотят завести ребенка, наверное, но, хотят уже узаконить свои отношения, чтобы это было уже на официальном уровне»;

«Да, если пара уверенная в друг друге то, что они хотят семью, продолжение, то есть, если они хотят ребенка, то, да, обязательно, по моему мнению, нужно зарегистрировать».

Если анализировать репродуктивные установки на число детей в семье у разных возрастных категорий городских жителей, то сильнее всего они отличаются у наиболее молодых категорий участников — студентов вузов и ссузов. Их установки наиболее вариативные — допускается как многодетность, так и отсутствие детей в семье. В основном все же ими озвучивались предпочтения по двухдетной семье. Часто это связано с опытом родительской семьи, ожиданиями, что двое детей будут помогать друг другу, вырасти вместе: *«Как бы у меня в семье все родственники многодетные, я привыкла к тому, что 2 ребенка — это хорошо»*, *«Ну, мне кажется, я бы сама лично хотела бы двух детей».*

Подход к планированию детей у информантов данной возрастной категории очень рационален. В первую очередь, они проговаривают мысль о необходимости достижения определенного финансового благополучия, материального благосостояния, которое позволит поддерживать комфортный уровень жизни семьи. Информанты проявляют очень зрелый подход для своего возраста, как и в случае с оценкой готовности к семейным отношениям речи о любви и чувствах не идет, все очень рационально, прагматично: *«Важно, наверно, понять и почувствовать, что готовы завести ребенка в финансовом плане и по состоянию здоровья, как говорится, любовь приходит и уходит. А кушать хочется всегда. Нужно. Наверно, сначала понять, что ты сможешь что-то дать этому ребенку, ты сможешь его обеспечить, что он будет жить хорошо, получит образование, не будет ни в чём нуждаться».* Практически не связано решение о рождении ребенка с возрастом, скорее с состоянием здоровья. Информанты уже задумываются о физических ограничениях для здоровья в плане подготовки к рождению детей, и это тоже связано с практическим подходом и целеполаганием: *«Но по поводу того заводить ребенка или нет, мне кажется, что в молодом возрасте девушке проще завести ребенка по состоянию здоровья».*

У молодежи также прослеживается тренд на понимание ответственного родительства: *«Ну, и также должно быть какое-то понимание, для чего... как ты заводишь, как ты его будешь воспитывать. И должен понимать, что ты уже не будешь ходить по танцам-шманцам, а то, что ты должен дать именно какие-то знания своему ребенку и следить за ним, присматривать».*

Что касается более зрелых возрастных категорий — 25–29 лет и 30–39 лет, то их репродуктивные установки очень схожи: в основном это 2–3 ребенка в семье. Стоит отметить, что только в самой старшей возрастной группе (30–39 лет) звучала точка зрения, что детей в семье должно быть много, потому что это соответствует интересам государства и общества, в более молодых группах вопрос числа детей в семье рассматривается исключительно с точки зрения индивидуализма — интересов семьи и отдельных индивидов.

Многие участники указывали на то, что количество детей в семье должно коррелировать с материальными возможностями семьи и воздержались от количественных оценок, сославшись на частный характер каждого отдельного случая. При этом, имеются некоторые гендерные различия: мужчины чаще указывают на желание иметь 3 детей, а женщины допускают такую возможность лишь при наличии определенных условий: материальных возможностей семьи, помощи мужа или родственников, наличия хорошего здоровья.

Что касается условий для появления детей, то большинство участников солидарны друг с другом в том смысле, что к моменту появления ребенка на свет супруги должны достичь психологической, социальной и финансовой зрелости. Это предполагает получение образования, профессии и продвижение по карьерной лестнице. Говорилось о том, что мужчина должен твердо «стоять на ногах» и иметь возможность обеспечить семью всеми необходимыми материальными благами.

Одним из наиболее часто упоминаемых факторов было наличие собственной жилплощади, многими акцентировалось внимание на качественных характеристиках жилья (большая жилплощадь, хороший ремонт), наличие автомобиля. При этом у участников есть понимание термина «репродуктивное здоровье», они осознают, что откладывание первых рождений может повлечь за собой определенные трудности в реализации репродуктивных планов. Часто в число приоритетов также включались возможности для собственного саморазвития и желание путешествовать по миру. Именно эти доводы сдвигают первые рождения у женщины в сторону более старших возрастов.

Заключение

Результаты исследования показали поколенческий сдвиг в ценностных ориентациях на создание брака, семьи, рождение детей. Несмотря на то, что воспроизводство ценностного ядра продолжается, происходит трансформация жизненных стратегий и ценностей.

Все значимые события в жизни семьи, как правило, подвергаются планированию, что характеризует жизненные стратегии участников как рационализаторские и взвешенные. Это касается и такого аспекта, как создание семьи. Хотелось бы отметить, что данная тенденция развивается с разной интенсивностью в более молодых и более старших группах. Так, группе студентов вузов и ссузов в большей степени присущи ориентации на образование и карьеру, ими чаще указывается, что брак может быть совершен после самореализации, удовлетворения личных интересов и амбиций. Хотя в целом вариант раннего вступления в брак допускается некоторыми участниками, находящимися в меньшинстве. Но даже в этом случае семья рассматривается как средство для достижения целей (материальных), расширения личных возможностей через поддержку семьи и родственников. В группе участников 30–39 лет, имеющих двух и более детей, пока преобладают более традиционные установки на семью и брак. Промежуточная группа участников — 25–29 лет, которые пока не имеют детей, также демонстрирует установки на более поздние сроки в отношении вступления в брак, демонстрируя ценности индивидуализма.

В целом можно констатировать, что у современных молодых поколений в возрасте от 15 до 35 лет нет ориентаций на какие-либо общественные нормы в вопросе репродуктивных установок на число детей в семье, они формируются исходя из собственных предпочтений, мотивов и возможностей. Стоит отметить, что только у самой зрелой категории участников (30–35 лет) встречается сознательное отношение к деторождению как социальному явлению государственного значения, у молодых поколений моложе 30 лет такого отношения не наблюдается. У совсем юной молодежи — установки на число детей варьируются от 0 до 3 и более, то есть допускается как отсутствие детей в семье, так и многодетность, упор делается на индивидуальные решения партнеров. У 25–29-летних и 30–35-летних преобладают установки на 2–3 детей, реализация и изменение этих установок зависит от различных факторов как материального, так нематериального характера.

Результаты анализа свидетельствуют о наличии большего разнообразия установок и ценностей у наиболее юной части молодежи, с большей опорой на материальные возможности и индивидуальные предпочтения и меньшей — на общественные нормы. На наш взгляд, в социальной политике, ориентированной на поддержку семьи, необходимо учитывать эти особенности и предоставлять больше возможностей для занятости молодежи и получения жилья, создания условий для сочетания женщинами работы и материнства.

Список источников

- [1] Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. Москва: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.
- [2] Вишневецкий А. Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 8. С. 8-13.
- [3] Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3-4. С. 99-108. <http://jour.isras.ru/index.php/soqiour/article/viewFile/291/285> (дата обращения: 02.02.2023).
- [4] Parsons T. The family, Its Function and Destiny. London, 1959. 538 p.
- [5] Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92-100.
- [6] Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. Москва: Статистика, 1972. 144 с.
- [7] Митрофанова Е. С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. № 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/ne-vremya-vzroslet-kak-menyayetsya-vozrast-nastupleniya-debyutnyh-biograficheskikh-sobytiy-u-rossiyan> (дата обращения: 02.02.2023).
- [8] Ипатов А. А., Тындик А. О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnyy-vozrast-30-letniy-rubezh-v-predpochteniyah-i-biografiyah> (дата обращения: 02.02.2023).
- [9] Захаров С. В., Чурилова Е. В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. № 3-4(129). С. 69-89.

References

- [1] Antonov A. I., Medkov V. M. Sociology of the family. M.: Publishing House of Moscow State University, 1996. 304 p.
- [2] Vishnevsky A. G. Evolution of a Russian family // Ecology and life. 2008. No. 8. P. 8-13.
- [3] Golod S. I. Contemporary family: pluralism of models // Sociological journal. 1996. No. 3-4. P. 99-108. <http://jour.isras.ru/index.php/soqiour/article/viewFile/291/285> (accessed on: 02.02.2023).
- [4] Parsons T. The family, Its Function and Destiny. London, 1959. 538 p.
- [5] Kartseva L. V. Family patterns under current Russian societal transformation // Sociological studies. 2003. No. 7. P. 92-100.
- [6] Belova V. A., Darsky L. E. Statistics of opinions in the study of fertility. M.: Statistics, 1972. 144 p.
- [7] Mitrofanova E. S. (No)time to grow up: changing ages of debut biographical events in Russia // Demographic review. 2020. No. 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/ne-vremya-vzroslet-kak-menyayetsya-vozrast-nastupleniya-debyutnyh-biograficheskikh-sobytiy-u-rossiyan> (accessed on: 02.02.2023).

[8] *Ipatova A. A., Tyndik A. O.* Reproductive age: 30 years old in preferences and biographies // Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 2015. No.4. <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnyy-vozrast-30-letniy-rubezh-v-predpochteniyah-i-biografiyah> (accessed on: 02.02.2023).

[9] *Zakharov S. V., Churilova E. V.* Russia's populace's notions on reproduction: is there basis for optimism? // The Russian Public Opinion Herald. 2019. No. 3-4(129). P. 69-89.

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института стратегических исследований Республики Башкортостан.

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Strategic researches of the Republic of Bashkortostan.

Информация об авторах

Комлева Рената Наилевна — научный сотрудник, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан; <https://orcid.org/0000-0003-0513-7041> (Российская Федерация, 450008, г. Уфа, ул. Кирова, 15; e-mail: komlevarn@isi-rb.ru).

About the authors

Renata N. Komleva — Research Associate, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000> (15, Kirova St., Ufa, 450008, Russian Federation; e-mail komlevarn@isi-rb.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-9>

УДК 316.47

JEL classification: I31

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (на основе мониторинга)¹

Н. А. Кондакова

Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-2810-7235>

Автор для корреспонденции: Н. А. Кондакова (n.a.kondakova@yandex.ru)

Аннотация. Понимание уровня социального самочувствия населения позволяет принимать эффективные управленческие решения в социальной сфере и вовремя корректировать социальную политику государства. В статье на основе мониторинга социокультурного развития представлен анализ социального самочувствия населения Вологодской области с 2008 г. по 2021 г., уделено внимание гендерной и возрастной составляющей, а также рассмотрены аспекты жизни населения в зависимости от степени ее удовлетворенности.

Ключевые слова: социальное самочувствие; методы измерения; индекс социального самочувствия; мониторинг

Monitoring of Social Well-Being of the Population in Vologda Oblast

N. A. Kondakova

Vologda Research Center of RAS (Vologda, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-2810-7235>

Corresponding author: N. A. Kondakova (n.a.kondakova@yandex.ru)

Abstract. Social well-being of the population should be examined in order to make effective management decisions in the social sphere and timely adjust the social policy of the state. Based on the monitoring of socio-cultural development, the article presents an analysis of the social well-being of the population in Vologda Oblast from 2008 to 2021, paying attention to the gender and age component, and as well as considers aspects of the life of the population depending on the degree of its satisfaction.

Keywords: social well-being; methods of measurement; index of social well-being; monitoring

Введение

Уровень социального самочувствия населения служит барометром эффективности проводимой государством социальной политики в Российской Федерации, в то же время отражает процесс адаптации населения к изменяющимся условиям жизни. Процесс адаптации представляет собой сложный процесс взаимодействия социальной среды и человека, обеспечивающий соотношение целей и ценностей социума и людей, в чем немаловажную роль играет социальное самочувствие. Особую актуальность процесс изучения социального самочувствия приобретает в условиях динамично изменяющейся социально-экономической и политической реальности, международной напряженности, пандемии коронавируса, оказывающих негативное влияние на социальное положение и, как следствие, психологическое самочувствие населения регионов России. Вместе с тем на социальное самочувствие населения оказывают влияние социально-демографические показатели, личностный статус, этнокультурные и индивидуальные особенности, ценностные ориентации, потребности и интересы личности [1].

¹ © Кондакова Н. А. Текст. 2023.

Мониторинг социального самочувствия позволяет проследить за динамикой и выявить проблемные стороны, на которые нужно обратить внимание органам власти и управления.

В данной статье мы постараемся ответить на следующие вопросы: как изменилось социальное самочувствие населения Вологодской области за период с 2008 г. по 2021 г., существуют ли гендерные и возрастные различия в показателе социального самочувствия и его компонентах, какие факторы определяют высокую степень удовлетворения населения своей жизнью.

Обзор литературы

В науке сложилась довольно большая и авторитетная научная база изучения и диагностики социального самочувствия различных групп населения [2–4]. В то же время при всем многообразии подходов и определений данная дефиниция не имеет однозначного толкования, а также методологической и методической базы исследования.

О.А. Хасбулатова и Л.С. Егорова под социальным самочувствием понимают «целостную характеристику восприятия действительности с позиции определенной ценностной установки в динамичной социокультурной среде». В качестве его индикаторов предлагают следующие: удовлетворенность разными аспектами жизни, уверенность в завтрашнем дне, наиболее беспокоящие проблемы, оценка социальной значимости экономических и политических реформ, степень готовности к новым испытаниям, связанным с их продолжением, отношение к деятельности властных структур, готовность лично участвовать в социально-политической жизни общества [4].

З.А. Бутуева предлагает рассматривать социальное самочувствие как интегральную характеристику, имеющую субъективные и объективные компоненты. «Субъективные характеристики социального самочувствия сосредоточены на рассмотрении ценностных установок, оценке своего сегодняшнего положения в новых условиях, общем эмоциональном состоянии, уверенности относительно своего будущего, то есть степени удовлетворенности своей жизнью в целом, в то время как объективные характеристики — на таких компонентах, как уровень здоровья, образования, семейного положения, социальной активности в различных сферах жизни» [5].

В исследованиях В.Н. Аргуновой, Н.Б. Гафизовой и соавторов под социальным самочувствием понимается «целостное эмоционально-когнитивное отношение к жизни, представленное в виде оценок обстоятельств своей жизни, процессов, протекающих в близком социальном окружении, городе, регионе, стране. Показателями социального самочувствия являются субъективные самооценки частных сфер жизни (семейно-брачные, родственные, дружеские отношения), а также экономических, политических, культурных и социальных аспектов жизнедеятельности людей» [6].

В зависимости от степени выраженности чувств, оценок эмоционального и физического состояния М.К. Горшков предлагает деление социального самочувствия на три типа: позитивное, пограничное и негативное [7].

Таким образом, социальное самочувствие отражает различные стороны взаимоотношений человека с обществом и отражает субъективную оценку населением удовлетворенности различными аспектами своей жизни.

Для целей нашего исследования с учетом имеющейся информационной базы, под социальным самочувствием мы принимаем определение, предложенное Н.И. Лапиным, которое звучит как «субъективное восприятие людьми своего социального положения, уровня удовлетворения своих потребностей и интересов» [3].

Актуальным при изучении социального самочувствия населения является выявление факторов его формирования. Проведенный анализ исследований [8–10] по данной теме позволил выделить факторы, которые учитываются авторами при оценке социального самочувствия населения: демографические (пол, возраст), витальные (здоровье, благоустройство жилья, материальное положение, уровень безопасности и защищенности), профессиональные (образование, удовлетворенность работой), социальные (семейное положение, досуговые практики, интересы, оценка деятельности власти и уровень доверия к ней, оценка социального положения, оценка социально-экономической ситуации в регионе, стране), личностные (ценностные ориентации, социальная активность, оценка собственных перспектив).

Материалы и методы

Основу большинства исследований по тематике социального самочувствия составляют социологические опросы, проводимые научными школами, а также Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). ВЦИОМ ежемесячно публикует данные по следующим направлениям: индекс удовлетворенности жизнью, социального оптимизма, индекс самооценок материального и экономического положения страны, политической обстановки, общий вектор развития страны¹. Продолжительное исследование социального самочувствия женщин и мужчин в малых городах также проводилось сотрудниками Ивановского госуниверситета (1991–2000 гг.). С 2008 г. по 2021 г. в рамках проекта «Социокультурный портрет Вологодской области: тенденции и современность» ФГБУН «ВолНЦ РАН» проводятся опросы населения, позволяющие следить за динамикой социального самочувствия население Вологодской области.

Изучение социального самочувствия населения Вологодской области основывается на типовой методике и инструментарии «Социокультурный портрет региона России», разработанный учеными Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой. «Индекс социального самочувствия (Исс) является композиционным показателем, состоящим из трех индексов: степень удовлетворенности населения своей жизнью в целом (Куж), степень социального оптимизма (Ко), степень защищенности населения от опасностей (Кз)» [3]. Эмпирическую базу составили данные социологических опросов, проводимых в Вологодской области с 2008 г. Выборка квотная по полу и возрасту, опрошено 1500 чел. в возрасте старше 18 лет в городах Вологда, Череповец и 8 муниципальных районов Вологодской области.

Результаты

В целом за период с 2008 г. по 2021 г. жители региона стали более удовлетворены своей жизнью, о чем высказалось 61 % опрошенных, что на 14 п. п. больше, чем в 2008 г. (табл. 1). Аналогичная тенденция наблюдается и относительно уверенности в будущем среди населения — доля неуверенных сократилась с 31 % до 26 %. Неудивительна закономерность снижения оптимизма относительно своего будущего. Согласно опросу, в 2021 г. 56 % населения в возрасте от 18 до 34 лет высказали уверенность в своем будущем, а в возрасте старше 60 лет такой позиции придерживается уже 42 % опрошенных.

¹ Индексы социального самочувствия // ВЦИОМ. <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnog-samochuvstviya>.

Таблица 1

**Удовлетворенность жизнью и уровень оптимизма относительно будущего жителей
Вологодской области, 2008–2021 гг.**

Вариант ответа	Доля варианта ответа по годам, %						Прирост / снижение (2008–2021 гг.)
	2008	2010	2012	2015	2017	2021	
<i>Вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?»</i>							
Удовлетворен(а)	7,2	5,7	19,1	13,7	13,3	14,9	7,7
Скорее удовлетворен(а)	40,0	36,0	38,2	46,5	42,5	46,3	6,3
Затрудняюсь ответить	12,4	22,6	26,8	24,2	19,3	23,9	11,5
Скорее не удовлетворен(а)	30,8	29,8	11,1	12,8	20,5	12,8	–18
Не удовлетворен(а)	8,5	5,3	4,8	2,7	4,4	2,1	–6,4
<i>Вопрос: «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?»</i>							
Вполне уверен (скорее уверен, чем нет)	46,9	38,2	42,1	41,6	43,0	47,7	0,8
Не могу сказать точно	21,5	34,7	28,8	34,5	27,0	26,6	5,1
Совершенно не уверен (скорее не уверен, чем уверен)	31,2	26,4	29,1	24,0	30,1	25,7	–5,5

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ВолНЦ РАН в 2008, 2010, 2012, 2015, 2017, 2021 гг.

Рассмотрим мнение населения в вопросах защищенности от различных опасностей. На протяжении всего периода опроса (с 2008 г.), более половины жителей региона отмечают свою незащищенность от бедности и преступности (табл. 2). Полученные результаты совпадают с более ранними исследованиями О.А. Хасбулатовой и Л.С. Егоровой, проводимыми с 1991 г. по 2000 г., которые также демонстрировали обеспокоенность каждого второго респондента высоким уровнем преступности и низким материальным положением [4]. Если до 2012 г. среди социальных опасностей превалировала преступность, то далее на первое место стала выходить бедность. На третьем месте стоит проблема одиночества и заброшенности (47 %), далее следует — экологическая угроза (43 %) и произвол чиновников (40 %). При этом в большей степени население региона чувствует свою защищенность от притеснений из-за религиозных убеждений. Каждый второй отметил, что защищен, тогда как опасения по этому поводу в 2021 г. высказали 18 % респондентов. Исследование показало, что чувство одиночества и заброшенности наиболее выражено у людей старших возрастов. Так отметили 50 % населения данной возрастной группы, в то время как среди молодых в возрасте от 18 до 24 лет — 35 % респондентов.

За 2008–2021 гг. среди населения наиболее выросло чувство незащищенности от одиночества — на 10 п. п. (с 37 до 47 %), бедности и опасности от преследования за политические убеждения — на 4–5 п. п. с 46 % до 50 % и с 22 % до 27 % соответственно. При этом стал несколько меньше беспокоить произвол правоохранительных органов: повысилась доля оценок «защищен» с 21 до 26 %, а доля оценок «не защищен» понизилась с 39 до 32 %.

Обратимся к оценке индекса социального самочувствия и его компонент. За исследуемый период 2008–2021 гг. коэффициенты удовлетворенностью жизнью и защищенностью от опасностей увеличились, показатель коэффициента оптимизма остался на том же уровне (0,66; табл. 3). В целом результирующий индекс социального самочувствия повысился за обозначенный период с 0,62 до 0,67. Наибольший вклад в него вносит показатель удовлетворенности жизнью.

Таблица 2

Жители Вологодской области о своей защищенности от социальных опасностей, %

Варианты угроз	Доля вариантов ответа по годам					
	2008	2010	2012	2015	2017	2021
<i>Вариант ответа «Защищен; пожалуй, защищен»</i>						
Бедность	19,8	13,3	17,3	7,5	14,7	16,3
Преступность	13,4	10,9	14,3	11,5	14,7	17
Одиночество и заброшенность	28,1	24,2	27,4	17,1	23,8	22
Экологическая угроза	27,1	20,8	23,2	20	20,8	29,2
Произвол чиновников	20,5	17,3	19,5	13	17,8	21
Произвол правоохранительных органов	21,4	19,1	20,3	15,1	21,5	25,6
Преследования за политические убеждения	38	40,9	30,6	32	31,7	34,8
Притеснения из-за возраста или пола	42,4	45,7	43,1	37	40,6	48,8
Ущемление из-за региональности	51,1	58,9	52,3	42,9	52,7	54
Притеснения за религиозные убеждения	50,3	59	50,5	40,2	52,0	50,3
<i>Вариант ответа «Пожалуй, не защищен; совсем не защищен»</i>						
Бедность	46,1	50	53,3	59,5	56,3	50,1
Преступность	48,6	53,3	53,5	51,6	52,5	49,2
Одиночество и заброшенность	36,8	39,5	43,2	52,7	45,4	47
Экологическая угроза	37,8	45	41,7	34,5	48,1	42,7
Произвол чиновников	38,9	43	45,3	41,9	40,9	40,2
Произвол правоохранительных органов	39,3	39,3	41,2	39,8	37,9	32,6
Преследования за политические убеждения	22,3	16,5	25,7	20,7	25,3	26,8
Притеснения из-за возраста или пола	22,5	19,8	23,1	21	23,0	22,7
Ущемление из-за национальности	16,8	11,4	16,5	17,5	14,6	19
Притеснения за религиозные убеждения	16,2	10,9	16,4	16,9	13,3	17,7

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ВолНИЦ РАН в 2008, 2010, 2012, 2015, 2017, 2021 гг.

Таблица 3

Динамика индекса социального самочувствия населения Вологодской области за 2008–2021 гг.

Компоненты Исс, индексы	Значение индекса по годам					
	2008	2010	2012	2015	2017	2021
Удовлетворенность жизнью в целом, Куж	0,61	0,61	0,71	0,71	0,72	0,72
Оптимизм, Ко	0,66	0,61	0,58	0,58	0,66	0,66
Защищенность от опасностей, Кз	0,6	0,6	0,58	0,58	0,64	0,64
Индекс социального самочувствия, Исс	0,62	0,60	0,62	0,62	0,64	0,67

Оценивая социальное самочувствие населения Вологодской области, отметим, что оно детерминируется возрастом респондентов. Так, в старших когортах населения по сравнению с младшими значение индекса удовлетворенности жизнью снизилось с 0,75 до 0,7, оптимизма — с 0,66 до 0,54, защищенности от опасностей — с 0,62 до 0,58 (табл. 4). Результирующий индекс понизился на 0,08 пунктов с 0,68 до 0,60. Существуют и гендерные различия: женщины в возрасте до 35 лет в целом более удовлетворены своей жизнью, чем мужчины того же возраста.

Опрос позволяет нам оценить субъективное благополучие населения, путем анализа ответов на вопрос «*Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?*». При этом

Таблица 4

Социальное самочувствие населения Вологодской области в зависимости от пола и возраста, 2021 г.

Компоненты Исс, его индексы	Все население, лет				Мужчины, лет				Женщины, лет			
	18-24	25-34	35-59 (54) лет	>60 (55) лет	18-24	25-34	35-60	>60 лет	18-24	25-34	35-54	>55 лет
Куж	0,75	0,74	0,72	0,70	0,73	0,73	0,71	0,70	0,78	0,76	0,73	0,70
Ко	0,66	0,63	0,58	0,54	0,66	0,61	0,58	0,55	0,66	0,65	0,57	0,53
Кз	0,62	0,59	0,58	0,58	0,63	0,56	0,58	0,57	0,60	0,61	0,58	0,58
Исс	0,68	0,65	0,62	0,60	0,67	0,63	0,62	0,61	0,68	0,67	0,62	0,60

Примечание: Куж — коэффициент «удовлетворенности жизнью в целом», Ко — коэффициент «оптимизма», Кз — коэффициент «защищенность от опасностей», Исс — индекс социального самочувствия. Полуширными выделены значения, которые отличаются между мужчинами и женщинами.

Источник: расчеты автора.

есть возможность рассмотреть, какие же аспекты жизни определяют степень довольства населения своей жизнью, а какие — недовольство. Рассмотрим некоторые из них более подробно, разделив респондентов на две группы в зависимости от степени удовлетворенностью жизнью. К первой группе мы отнесли респондентов, ответивших «удовлетворительно» и «скорее удовлетворено» на вопрос «*Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?*» (998 чел.). Данную группу составляют 44 % мужчин и 56 % женщин, распределение по возрасту выглядит следующим образом: 9 % в возрасте от 18 до 24 лет, 18 % — от 25 до 34 лет, 40 % — от 35 до 60 лет и 33 % респондентов старше 60 лет. Подавляющее большинство опрошенных (62 %) состоят в зарегистрированном браке, 13,5 % холосты или не замужем, 10 % вдовы, 8 % проживают совместно с партнером, без заключения брака и столько же разведены. Каждый второй имеет среднее специальное или незаконченное высшее образование, 27 % — высшее образование, 29 % — более двух высших образований, 11 % закончили школу. Ко второй группе отнесли респондентов, ответивших на поставленный вопрос «скорее не удовлетворен» и «неудовлетворен жизнью» (224 чел.). Здесь социально-демографический портрет выглядит следующим образом: 44 % мужского и 56 % женского пола, 8 % — это молодежь в возрасте от 18 до 24 лет, 16,5 % — в возрасте от 24 до 35 лет, 40,5 % — в возрасте от 25 до 60 лет и 35 % старше 60 лет. При этом 47 % женаты или замужем, 19 % разведены, 17 % холостые или не замужем, 10 % вдовы, 8 % проживают совместно с партнером. Половина респондентов имеет среднее специальное или незаконченное высшее образование, 17 % — более двух высших образований, 16 % — одно высшее, 14 % — начальное профессиональное, 18 % только закончили школу.

Результаты исследования показали, что среди населения, удовлетворенного своей жизнью, каждый второй отметил свое здоровье как «хорошее» и «очень хорошее», тогда как в группе недовольных так отметило только 17 % (табл. 5). Подавляющее большинство (73 %) довольных своей жизнью отмечают удовлетворенность и в работе, в противоположной группе — всего 17,5 %. Что же касается материального положения, то каждому третьему в обеих рассматриваемых группах денег хватает только на повседневные затраты, в то время как покупка одежды затруднительна. Около 6 % респондентов, удовлетворенных своей жизнью, испытывают большие материальные трудности, при этом в группе неудовлетворенных таких 12 %. Повседневные проблемы, с которыми сталкиваются люди, во многом обуславливают и их интересы

Таблица 5

Оценка населением Вологодской области некоторых аспектов жизни в зависимости от общей удовлетворенностью своей жизнью, 2021 г.

Вариант ответа	Вариант ответа об удовлетворенности аспектами жизни в группах по удовлетворенности жизнью в целом		
	удовлетворен и скорее удовлетворен жизнью (1 группа)	скорее не удовлетворен и неудовлетворен жизнью (2 группа)	разница оценок, п. п.
<i>Аспект жизни «состояние здоровья»</i>			
Очень хорошее	6,2	1,3	4,9
Хорошее	43,1	15,6	27,5
Удовлетворительное	45,2	64,3	19,1
Плохое	4,4	16,5	12,1
Очень плохое	0,1	1,3	1,2
<i>Аспект «удовлетворенность работой»</i>			
Удовлетворен(а)	22	1,6	20,4
Скорее удовлетворен(а)	51,2	15,7	35,5
Затрудняюсь ответить	17	26,0	9
Скорее не удовлетворен(а)	7,2	26,8	19,6
Не удовлетворен(а)	2,5	29,9	27,4
<i>Аспект «материальное положение»</i>			
Денег не хватает на повседневные затраты	5,8	12,1	6,3
На повседневные затраты уходит вся зарплата	19,2	26,8	7,6
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	30,1	33,9	3,8
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	32,7	21,0	11,7
Почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	9,9	5,4	4,5
Практически ни в чем себе не отказываем	2,1	0,9	1,2
<i>Аспект «интересы»</i>			
Мои главные интересы связаны прежде всего с моей работой	8,4	18,8	10,4
Мои главные интересы в семье и доме	69,3	55,8	13,5
Главные интересы в области учебы, образования, повышения квалификации	4,7	1,8	2,9
Для меня самое важное — это общение с определенным кругом людей	5,0	3,1	1,9
Главное дело — обеспечить приличный заработок	7,1	14,7	7,6
Для меня главное — мои духовные интересы, культура	2,7	1,8	0,9

Источник: данные опроса «Социокультурный портрет региона», проведенных ВолНИЦ РАН, 2021 г.

по жизни. Значимо больше респондентов, недовольных своей жизнью, связывают свои интересы с работой (так отметили 19 % респондентов), нежели довольные жизнью (8 %), так как работа для них является основным источником заработка и существования.

Заключение

Анализируемый период с 2008 г. по 2021 г. характеризовался в стране сильными изменениями в условиях жизни населения: рост цен и курсов валют в результате мирового финансового кризиса 2008 г., с 2014 г. нагнетание международной напряженности, ухудшение экономической ситуации в результате введения санкций, пандемия COVID-19. Казалось бы, что данные изменения должны были сильно сказаться на оценках населения собственной жизни. Однако, как показало исследование, этого не произошло, что говорит о выносливости и терпимости большинства населения. С возрастом уровень социального самочувствия населения падает: в 2021 г. снизился на 12 %. При этом женщины в возрасте до 35 лет по сравнению с мужчинами более удовлетворены своей жизнью, оптимистичнее смотрят на будущее.

За 2008–2021 гг. повысился индекс безопасности, что свидетельствует о повышении уровня доверия к правоохранительным органам и притеснений относительно возраста и пола. При этом растет обеспокоенность населения по поводу защищенности от проблем бедности, преступности, одиночества и экологической ситуации в месте проживания.

В целом полученные данные свидетельствуют, что решающую роль в удовлетворенности своей жизнью играет невысокая оценка материальной возможности. Так, четверть населения, довольного своей жизнью, могут удовлетворить только базовые физиологические потребности. При этом данная группа населения значимо имеет более хорошее здоровье, более удовлетворены своей работой, чем группа неудовлетворенных своей жизнью в целом.

Список источников

[1] *Осинский И. И., Бутуева З. А.* Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14. С. 38–45.

[2] *Тощенко Ж. Т., Харченко С. В.* Социальное настроение. Москва: Academia, 1996. 196 с.

[3] Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева; Ин-т философии. Центр изучения социокультурных изменений. Науч.-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Москва: Academia, 2009. 808 с.

[4] *Хасбулатова О. А., Егорова Л. С.* Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 48–54.

[5] *Бутуева З. А.* Особенности социального самочувствия людей старшего возраста, находящихся в трудной жизненной ситуации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 64–68.

[6] Социальное самочувствие жителей малых городов Ивановской области / В. Н. Аргунова, Н. Б. Гафизова, И. Н. Кодина, Е. В. Панкратова // Вестник Ивановского государственного университета. 2012. Вып. 1. С. 72–86.

[7] Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М. К. Горшкова. Москва: Нестор-История, 2011. 176 с.

[8] Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 19-33.

[9] Гафизова Н. Б., Панкратова Е. В., Смирнова И. Н. Социальное самочувствие мужчин и женщин малого города (на материалах Ивановской области) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016. № 4(44). С. 135-147. (Сер.: Социальные науки).

[10] Курышова Л. Н., Федосеева М. В. Факторы социального самочувствия населения региона // *Огарёв-ONLINE*. 2020. № 9(146).

References

[1] Osinsky I. I., Butueva Z. A. Social well-being: concept, factors of formation and indicators to measure // *The Buryat State University Bulletin*. 2015. No. 14. P. 38-45.

[2] *Toshchenko Zh. T., Kharchenko, S. V. Social mood*. Moscow: Academia, 1996. 196 p.

[3] *Regions in Russia: socio-cultural portraits of regions in the all-Russian context / comp. and ed. by N. I. Lapin, L. A. Belyaeva; Institute of Philosophy. Center for the Study of Socio-Cultural Changes. Scientific Coordination Council of the Section of the UN FSPP RAS «Problems of socio-cultural evolution of Russia and its regions»*. Moscow: Academia, 2009. 808 p.

[4] *Hasbulatova O. A., Egorova L. S. Social well-being of women and men in medium-sized cities of Russia* // *Sociological studies*. 2002. No. 11. P. 48-54.

[5] *Butueva Z. A. Features of social feeling of the advanced age people with a deprived background* // *Theory and practice of social development*. 2013. No. 9. Pp. 64-68.

[6] *Social welfare of population in small towns of Ivanovo region / V. N. Argunova, N. B. Gafizova, I. N. Kodina, E. V. Pankratova* // *Ivanovo State University Bulletin*. 2012. No. 1. P. 72-86.

[7] *Social well-being of the population in the context of reforms: regional aspect / ed. by M. K. Gorshkova*. Moscow: Nestor-History, 2011. 176 p.

[8] *Tikhonova N. E. Russians' life satisfaction: dynamics and factors* // *Social Sciences and Contemporary World*. 2015. No. 3. Pp. 19-33.

[9] *Gafizova N. B., Pankratova E. V., Smirnova I. N. Social well-being of men and women in a small town (based on the materials of the Ivanovo region)* // *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2016. No. 4 (44). Pp. 135-147.

[10] *Kuryshova L. N., Fedoseeva M. V. Factors of social well-being of the population of the region* // *Ogarev-online*. 2020. No. 9(146).

Информация об авторах

Кондакова Наталья Александровна — научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0002-2810-7235> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: n.a.kondakova@yandex.ru).

About the authors

Natalia A. Kondakova — Research Associate, Vologda Scientific Center of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-5434-8094> (56A, Gorkogo St., Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: n.a.kondakova@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-10>

УДК 304, 316.6

JEL classification: I12, J17

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ (на материалах регионального исследования)¹

А. В. Короленко

Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-7699-0181>

Автор для корреспонденции: А. В. Короленко (coretra@yandex.ru)

Аннотация. Цель исследования заключалась в изучении влияния пандемии COVID-19 на здоровье населения и отношение к нему по данным репрезентативного социологического опроса. Особое внимание уделялось взаимосвязи перенесенной коронавирусной инфекции и тяжести ее протекания с самооценками здоровья, практикуемыми мерами профилактики COVID-19 и здоровьесбережения. Информационную базу составили результаты очередного этапа социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНИЦ РАН в 2022 г. В ходе работы частично подтверждена гипотеза о более выраженном влиянии пандемии на состояние здоровья и отношение к нему среди тех, кто переболел COVID-19, особенно в тяжелой форме. Опыт заболевания коронавирусной инфекцией с тяжелой симптоматикой подталкивает респондентов больше заботиться о собственном здоровье, предпринимать специальные меры профилактики и вакцинироваться. Вместе с тем такие люди чаще всего имеют неблагоприятные субъективные характеристики здоровья, что может быть как последствием перенесенной болезни, так и, напротив, ее причиной. Данный факт подтверждает неразвитость профилактического мотива у населения региона.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; коронавирусная инфекция; здоровье населения; самооценки здоровья; отношение к здоровью; вакцинация; социологический опрос

Impact of the COVID-19 Pandemic on Public Health and Attitudes Towards It (On the Materials of a Regional Study)

A. V. Korolenko

Vologda Research Center of RAS (Vologda, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-7699-0181>

Corresponding author: A. V. Korolenko (coretra@yandex.ru)

Abstract. The research aims to examine the impact of the COVID-19 pandemic on the health of the population and attitudes towards it according to a representative sociological survey. Particular attention was paid to the relationship of the transmitted coronavirus infection and the severity of its course with self-assessments of health, the COVID-19 prevention and health-saving measures practiced. To this end, the results of the sociological monitoring of the physical health of the population in Vologda Oblast, conducted by the Vologda Research Center of RAS in 2022, was analysed. In the course of the work, the hypothesis of a more pronounced impact of the pandemic on the state of health and attitude towards it among those who had COVID-19, especially in the severe form, was partially confirmed. The experience of coronavirus infection with severe symptoms pushed respondents to take more care of their own health, take preventive measures and get vaccinated. At the same time, such people most often are characterised by unfavourable health characteristics, which can be both a consequence of the disease, and, on the contrary, its cause. This fact confirms the underdevelopment of the preventive motive among the population of the region.

Keywords: COVID-19 pandemic; coronavirus infection; public health; self-assessment of health; attitude to health; vaccination; sociological survey

¹ © Короленко А. В. Текст. 2023.

Введение

Смягчение «ковидной повестки», выражающееся в снижении мировых и национальных масштабов заболеваемости и смертности от COVID-19, не отменяет актуальности вопроса влияния пандемии на популяционное и, прежде всего, индивидуальное здоровье. Как отмечает Е. Н. Новоселова, несмотря на рутинизацию коронавируса, превращение его в часть жизни, он внес и продолжает вносить серьезные изменения в представления людей о своей безопасности в плане сохранения здоровья и жизни в целом. Вирус изменил отношение людей к привычным вещам и заставил их делать выбор между следованием некой норме (соблюдением ограничительных мер призванных уменьшить угрозу распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих) и игнорированием этой нормы [1, с. 244]. Ситуация с распространением коронавирусной инфекции улучшится только тогда, когда люди осознают важность поведенческой адаптации к новым нормам жизни [1, с. 247].

В случае успешной социально-психологической адаптации населения к условиям пандемии происходит закрепление в образе жизни конструктивных практик профилактики инфекционных заболеваний, что находит отражение в ответственности за здоровье и готовности к эпидемиологическим вызовам будущего. Обратная ситуация, подразумевающая возврат к модели попустительского отношения к здоровью, таит в себе повышенные риски инфекционного заражения и неблагоприятного исхода болезни во время новых эпидемий и пандемий.

Цель данной статьи заключалась в исследовании влияния пандемии COVID-19 на здоровье населения и отношение к нему по данным репрезентативного социологического опроса. Особое внимание уделялось взаимосвязи перенесенного заболевания коронавирусной инфекцией и тяжести ее протекания с самооценками здоровья, практикуемыми мерами профилактики COVID-19 и здоровьесбережения. Гипотезой исследования выступило предположение, что наибольшее влияние пандемия оказала на тех, кто реально перенес коронавирусную инфекцию, причем в тяжелой форме. То есть внимание к собственному здоровью возрастает лишь по факту перенесенной болезни, а не заблаговременно, что может свидетельствовать о несформированности профилактических мотивов заботы о здоровье.

Обзор литературы

В 2021 г. международной фармацевтической компанией STADA был проведен онлайн-опрос 30 тыс. респондентов из 15 европейских государств, в том числе из России, посвященный тому, как их жители справились с пандемией COVID-19 и как изменилась их жизнь за это время. Анкета содержала 34 вопроса, в частности о том, как пандемия повлияла на жизнь респондентов, какое воздействие оказала на психическое здоровье, изменилось ли личное отношение к здоровью вследствие пандемии. Согласно результатам опроса, почти каждый третий респондент (29 %) страдал от повышенного уровня тревожности, каждый четвертый (25 %) испытывал стресс и внутреннее беспокойство в связи с COVID-19, у 15 % наблюдались нарушения сна. 54 % опрошенных отметили у себя высокий риск эмоционального выгорания. Главной проблемой, с которой столкнулись европейцы с начала пандемии, является невозможность видеться с родными и их семьями (52 %). На втором месте среди проблем оказался страх заражения коронавирусной инфекцией (42 %), на третьем — беспокойство за финансовое и профессиональное благополучие (32 %). Примечательно, что в России ответы распределились несколько по-другому: на первое место вышел страх заражения (44 %),

вторую позицию заняло беспокойство за финансовое благополучие (39 %), а третье место — нехватка личного общения с семьей и друзьями (32 %)¹. В 2022 г. опрос вновь был проведен в 15 европейских странах, однако состав их был изменен (Россия и Украина заменены на Казахстан и Румынию). В 2022 г. по сравнению с 2021 г. отмечались следующие неблагоприятные тенденции: доля респондентов, испытывающих стресс вследствие пандемии, выросла до 37 %, тех, кто имеет симптомы эмоционального выгорания, — до 59 %, а тех, кто имеет проблемы со сном, — до 35 %. Однако исследование продемонстрировало изменение отношения европейцев к вопросам профилактики здоровья. Так, самыми распространенными практиками профилактики заражения COVID-19 продолжают оставаться мытье рук (46 %), использование дезинфицирующих средств для рук (43 %), соблюдение минимальной дистанции (36 %), избегание большого скопления людей (36 %) и ношение маски (30 %). Почти половина респондентов (49 %) отметили, что они с большей вероятностью будут держаться подальше от кого-то, у кого проявляются симптомы инфекции (чихание или кашель), а 43 % беспокоятся о том, что другие люди будут опасаться их в случае проявления симптомов простуды².

Что касается отечественных исследований, то в 2020–2021 гг. сотрудниками НИУ ВШЭ проводился онлайн-опрос жителей России. По данным опроса 2021 г. среди тех, кто считает, что переболел коронавирусом, 21 % переболели бессимптомно или в легкой форме, у 38 % наблюдалась средняя тяжесть заболевания, у каждого третьего (33 %) — тяжелая форма, а 8 % перенесли заболевание в крайне тяжелой степени с угрозой для жизни и госпитализацией. 40 % опрошенных, считающих, что они переболели, не обращались за помощью врачей, почти 30 % не сдавали тест на коронавирус, а каждый четвертый респондент не соблюдал домашний карантин во время болезни [2, с. 9]. Опрос зафиксировал рост ответственного отношения к профилактике COVID-19: в 2021 г. по сравнению с 2020 г. респонденты стали чаще носить маски в общественных местах (с 41 до 64 %), мыть руки (с 56 до 63 %), соблюдать социальную дистанцию (с 36 до 43 %), избегать мест массового скопления людей (с 38 до 47 %) и общественного транспорта (с 28 до 40 %) [2, с. 10]. По данным общероссийского социологического исследования академик М.К. Горшков и канд. социол. наук И.О. Тюрина подтвердили существование противоречия: с одной стороны, в период пандемии многие россияне практиковали меры профилактики инфекции — носили маски и сократили количество контактов, но, с другой стороны, они не считают нужным делать частью повседневной жизни занятия физкультурой и спортом, здоровое питание и другие самосохранительные практики, способные долгие годы поддерживать здоровье в хорошем состоянии. Авторы отмечают, что среди населения страны распространено реактивное отношение к своему здоровью, при котором заботиться о нем начинают только после его ухудшения [3, с. 750].

Отдельным направлением исследований стало изучение влияния пандемии на психоэмоциональное состояние населения. Обзорные зарубежные исследования продемонстрировали широкое распространение симптомов посттравматического стрессового расстройства, спутанности сознания и гнева в период пандемии COVID-19 [4]. В обзорной статье отечественных ученых А.В. Васильевой,

¹ STADA Health Report 2021. <https://www.stada.com/media/health-reports/stada-health-report-2021> (дата обращения: 10.01.2023).

² Там же.

Н. Г. Незнанова и А. Г. Соловьева показан значительный рост адаптационных и тревожно-депрессивных нарушений в период пандемии. Среди специфических психических феноменов, ассоциированных с пандемией, выделяются такие, как коронафобия, COVID-19-стрессовый синдром, проявления ковид-диссидентства с вовлеченностью в конспирологические теории и мифологическое мышление. Авторами отражено негативное влияние инфодемии на приверженность противозидемическим мерам и готовность к вакцинации. Продемонстрированы негативные тенденции в сообщениях, где максимальный риск заражения и летального исхода связан с низкой приверженностью в отношении эпидемиологических мер и отказом от вакцинации [5, с. 461].

В ходе ряда исследований подтверждено негативное воздействие пандемии COVID-19 на поведение населения в отношении здоровья — снижение физической активности и изменение питания [6, 7], рост употребления алкоголя [8], снижение качества сна [9]. Отдельные работы посвящены отношению населения к вакцинации и его факторам [10, 11]. В частности установлено, что к началу 2022 г. доля вакцинированных среди опрошенных россиян составляла около 60 %, а главными мотивами вакцинации выступали самосохранительные факторы — около 51 % респондентов, прошедших вакцинацию, ответили, что вакцина поможет сохранить их собственную жизнь и здоровье, а 39 % респондентов вакцинировались из-за заботы о своих близких [11, с. 186].

Несмотря на широкую представленность исследований воздействия COVID-19 на здоровье населения и здоровьесберегающее поведение, актуальным и востребованным представляется изучение вопросов взаимосвязи опыта перенесенной коронавирусной инфекции и тяжести протекания болезни с субъективными оценками состояния здоровья и отношением к нему.

Материалы и методы

Информационной базой исследования выступили результаты очередного этапа социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНИЦ РАН в 2022 г. В анкету 2022 г. были добавлены новые вопросы, посвященные опыту заболеваемости респондентов коронавирусной инфекцией («*Болели ли Вы коронавирусной инфекцией?*»), тяжести протекания болезни («*Как Вы перенесли заболевание (коронавирусную инфекцию)?*»), влиянию пандемии на отношение к здоровью («*Повлияла ли пандемия COVID-19 на Ваше отношение к здоровью?*»), мерам профилактики коронавирусной инфекции («*Скажите, пожалуйста, какие меры Вы предпринимаете, чтобы обезопасить себя и свою семью от коронавирусной инфекции?*»), а также отношению к вакцинации от COVID-19 — опыту вакцинации («*Делали ли Вы прививку от коронавирусной инфекции?*») и ее мотивам («*Если Вы делали прививку или собираетесь сделать ее, то по какой причине?*»), причинам отказа от вакцинации («*Если Вы не собираетесь делать прививку вакциной, то почему?*»). Кроме того, для оценки взаимосвязи COVID-19 с показателями самооценок здоровья использовались вопросы «*Как Вы оцениваете состояние своего здоровья в настоящее время?*», «*Имеются ли у Вас длительно протекающие (хронические) заболевания или состояния?*». С целью изучения влияния пандемии на отношение населения к здоровью дополнительно привлекался вопрос о здоровьесберегающих практиках («*Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья?*»).

Опрос населения проводился на территории городов Вологды, Череповца и восьми районов Вологодской области. Метод опроса — раздаточное анкетирование. Объем

Рис. 1. Тяжесть протекания коронавирусной инфекции в зависимости от постановки официального диагноза (источник: данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2022 г.)

выборки — 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов, пропорции половозрастной структуры населения области. Ошибка выборки не превышает 5 %. Техническая обработка информации производилась в программах SPSS и Excel.

Результаты

Согласно опросу, более половины жителей региона не болели коронавирусной инфекцией (53 %), 33 % респондентов перенесли официально подтвержденное заболевание, а у 14 % инфекция не была диагностирована, но наблюдались схожие с ней симптомы. Среди респондентов, у которых коронавирусная инфекция была диагностирована официально, по сравнению с людьми, испытывавшими схожие симптомы, но без подтверждения диагноза, оказалось в 2 раза больше тех, кто тяжело перенес заболевание (21 % против 11; рис. 1). В свою очередь, те, кто имел симптомы COVID-19 без официальной постановки диагноза, в четверти случаев переболели легко (25 % против 19 % у переболевших официально).

Для респондентов, у которых коронавирусная инфекция протекала легко, и в случае официального диагноза, и просто наличия схожей симптоматики, а также для не болевших COVID-19 в большей степени характерны благоприятные самооценки состояния здоровья: доля оценок «хорошее, очень хорошее» составила 45, 45 и 47 % соответственно, тогда как доля оценок «плохое, очень плохое» — 4, 6 и 8 % соответственно (табл. 1). При этом среди тяжело перенесших болезнь (официально) самооценки здоровья оказались наиболее неблагоприятными: доля самых позитивных оценок составила лишь 32 %, а отрицательных — 16 %.

Тяжело перенесшие заболевание значительно чаще имеют хронические недуги: об этом заявлял каждый второй респондент с официальным диагнозом COVID-19 и почти каждый третий имевший симптомы COVID-19 без официального диагноза (рис. 2).

Согласно опросу, для 42 % респондентов пандемия никак не изменила отношение к здоровью, а 38 % опрошенных отметили, что благодаря ей стали больше

Таблица 1

Взаимосвязь самооценок здоровья респондентов с опытом заболевания коронавирусной инфекцией и тяжестью ее протекания

Самооценка здоровья	Болели COVID-19 официально			Имели симптомы COVID-19			Не болели COVID-19
	легко	средне	тяжело	легко	средне	тяжело	
Очень хорошее, хорошее	44,7	36,5	32,0	45,1	39,6	39,1	47,0
Удовлетворительное	51,1	59,0	52,0	49,0	51,5	56,5	45,4
Плохое, очень плохое	4,3	4,4	16,0	5,9	9,0	4,3	7,6

Источник: данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2022 г.

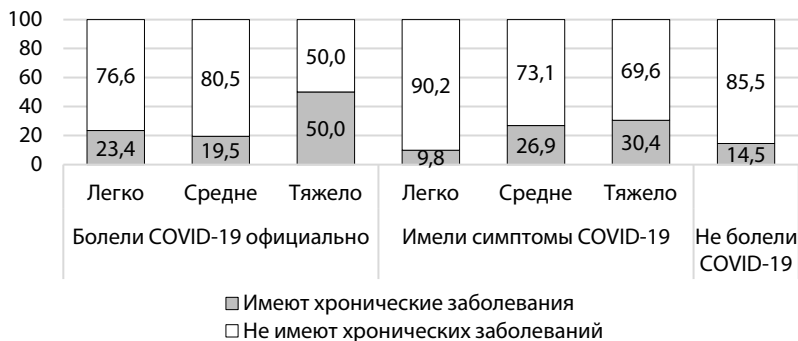

Рис. 2. Взаимосвязь тяжести протекания коронавирусной инфекции и наличия хронических заболеваний (источник: данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2022 г.)

заботиться о своем здоровье. При этом более половины официально переболевших коронавирусной инфекцией (57 %) признались, что стали больше заботиться о здоровье, тогда как среди имевших симптомы болезни и вовсе не болевших чаще распространено обратное мнение, что пандемия никак не повлияла на отношение к здоровью (по 48 % соответственно). Однако большое значение имеет тяжесть перенесенного заболевания. И среди имевших официально подтвержденный диагноз COVID-19, и среди тех, у кого наблюдались лишь схожие симптомы, прослеживается следующая закономерность: если заболевание перенесено в легкой форме, то влияние пандемии на отношение к здоровью в большей степени отрицается (46 и 69 % соответственно), но, если заболевание протекало в тяжелой форме, то в большинстве случаев признается воздействие пандемии на личную заботу о здоровье (79 и 70 % соответственно) (табл. 2).

Среди мер профилактики коронавирусной инфекции в 2022 г. самыми распространенными у населения региона оказались ношение медицинской маски или респиратора (50 %), мытье рук и применение антисептиков (45 %), поддержка иммунитета, прием витаминов и противовирусных лекарств (31 %). Переболевшие COVID-19 респонденты чаще предпринимают все меры профилактики болезни: следят за гигиеной (60 %), носят средства защиты дыхания (59 %), следят за здоровьем и поддерживают иммунитет (44 %), избегают посещения массовых мероприятий (41 %) и др. Кроме того, среди данной категории респондентов лишь каждый четвертый ничего не предпринимает для защиты здоровья от коронавирусной инфекции. Для сравнения: среди имевших симптомы COVID-19, но без официального диагноза, доля таких

Таблица 2

Взаимосвязь влияния пандемии COVID-19 на отношение к здоровью с опытом заболевания коронавирусной инфекцией и тяжестью ее протекания

Повлияла ли пандемия на отношение к здоровью	Болели COVID-19 официально			Имели симптомы COVID-19			Не болели COVID-19
	легко	средне	тяжело	легко	средне	тяжело	
Да, я стал(а) больше заботиться о здоровье	44,7	53,6	79,0	23,5	35,1	69,6	26,1
Нет, пандемия никак не изменила отношение к здоровью	45,7	30,4	9,0	68,6	45,5	13,0	48,1
Затрудняюсь ответить	9,6	16,0	12,0	7,8	19,4	17,4	25,8

Источник: данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2022 г.

Таблица 3

Взаимосвязь практикуемых мер профилактики COVID-19 с опытом заболевания коронавирусной инфекцией и тяжестью ее протекания

Мера профилактики	Болели COVID-19 официально			Имели симптомы COVID-19			Не болели COVID-19
	легко	средне	тяжело	легко	средне	тяжело	
Ношу медицинскую маску / респиратор	61,7	51,2	78,0	60,8	42,5	65,2	44,3
Слежу за гигиеной / мою руки / использую антисептики для рук	54,3	59,4	67,0	49,0	42,5	60,9	35,0
Слежу за здоровьем / поддерживаю иммунитет / принимаю витамины, лекарства, противовирусные / ем чеснок	48,9	46,1	37,0	29,4	23,1	39,1	24,5
Делаю уборку / провожу дезинфекцию и проветривание помещений	22,3	32,1	35,0	29,4	22,4	17,4	20,1
Не посещаю массовые мероприятия / избегаю скопления людей, например, в общественном транспорте	46,8	40,3	40,0	27,5	23,1	56,5	17,6
Соблюдаю дистанцию с другими людьми	27,7	18,4	23,0	19,6	16,4	21,7	15,8
Ограничил(а) контакты / сиюю дома / уехал(а) в отдаленное место	7,4	8,2	17,0	9,8	8,2	4,3	6,8
Ношу перчатки / не трогаю ничего руками в общественных местах	3,2	3,1	7,0	9,8	6,0	0,0	3,4
Соблюдаю карантин (по предписанию врача)	4,3	5,5	16,0	2,0	5,2	13,0	2,4
Ничего специально не предпринимаю	26,6	24,2	22,0	41,2	42,5	4,3	45,1

Источник: данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2022 г.

составила уже 39 %, а среди не болевших — 45 %. Однако и здесь прослеживается влияние тяжести протекания болезни. Тяжело перенесшие ее, как в случае официального диагноза, так и без его официальной постановки заметно чаще применяют такие меры профилактики, как ношение маски или респиратора (78 и 65 % соответственно), контроль гигиены рук (67 и 61 % соответственно), соблюдение карантина (16 и 13 %

Таблица 4

Взаимосвязь вакцинации от COVID-19 с опытом заболевания коронавирусной инфекцией и тяжестью её протекания

Делали ли прививку от COVID-19	Болели COVID-19 официально			Имели симптомы COVID-19			Не болели COVID-19
	легко	средне	тяжело	легко	средне	тяжело	
Не собираются делать прививку	28,7	26,6	29,0	51,0	45,5	17,4	51,8
Не делали прививку, но собираются сделать	8,5	6,8	5,0	3,9	9,7	0,0	7,1
Делали прививку	62,8	66,6	66,0	45,1	44,8	82,6	41,2

Источник: данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2022 г.

соответственно; табл. 3). Вместе с тем среди официально переболевших коронавирусом в легкой форме оказалось больше тех, кто следит за здоровьем и поддерживает иммунитет (49 %), избегает массовых мероприятий (47 %), тогда как эти же меры оказались в большей степени распространены среди «неофициально» перенесших COVID-19 в тяжелой форме (39 и 57 % соответственно).

Согласно данным опроса, каждый второй респондент прошел вакцинацию от коронавирусной инфекции, 43 % — не делали прививку и не собираются ее делать, а 7 % — не вакцинировались, но планируют это сделать. При этом среди официально переболевших доля вакцинированных оказалась максимальной и составила 66 %, тогда как среди имевших симптомы COVID-19 и вовсе не болевших этот показатель был значительно ниже (49 и 41 % соответственно). Более половины респондентов, не болевших коронавирусом, на момент опроса отмечали, что вовсе не собираются делать прививку (52 %). Примечательно, что среди официально перенесших инфекцию нет существенных различий в опыте вакцинации в зависимости от тяжести протекания болезни, тогда как среди имевших симптомы COVID-19 такие различия обнаружены: наибольшая доля вакцинированных оказалась среди тяжело переболевших (83 %), а максимальный удельный вес не планирующих вакцинироваться — среди респондентов с легкой формой болезни (51 %). Не болевшие коронавирусной инфекцией также чаще заявляли о нежелании проходить вакцинацию (52 %).

Главными мотивами вакцинации от коронавирусной инфекции для населения Вологодской области являются обязательное требование по месту работы или учебы (48 %) и желание защитить себя и своих близких от данного заболевания (44 %). Реже жители региона руководствуются желанием сделать это на всякий случай (23 %), необходимостью для поездки на отдых или в командировку (22 %), а также для посещения учреждений культуры и досуга (17 %). Примечательно, что официально перенесшие заболевание в легкой форме при вакцинации чаще руководствовались формальными мотивами — требованиями по месту работы, учебы (61 %), а также необходимостью прививки для поездки на отдых или в командировку (37 %), тогда как тяжело переболевшие коронавирусом в большей степени склонны вакцинироваться с целью защиты себя и близких от болезни (52 %) и на всякий случай (47 %). Основными причинами отказа от вакцинации выступают опасение побочных действий вакцины (40 %) и отсутствие смысла (38 %). Реже это объяснялось необходимостью окончания всех испытаний вакцины (29 %), в целом антипрививочным настроением (27 %), а также наличием противопоказаний по здоровью (18 %). Антипрививочную позицию чаще высказывали не имевшие опыта болезни респонденты (32 %).

Респонденты, перенесшие коронавирусную инфекцию официально, чаще по сравнению с другими применяют практически все меры здоровьесбережения: отказываются от курения (57 %), используют приборы для очистки воды (49 %), посещают баню, сауну (58 %), своевременно обращаются за медицинской помощью (45 %), соблюдают умеренность в потреблении алкоголя (38 %) и др. Однако практика активных занятий физкультурой и спортом оказалась в большей степени распространена среди людей, не болевших COVID-19 (19 %; табл. 5). Доля ничего не предпринимающих

Таблица 5

Взаимосвязь практикуемых мер сохранения и укрепления здоровья с опытом заболевания коронавирусной инфекцией и тяжестью ее протекания

Меры сохранения и укрепления здоровья	Болели COVID-19 официально			Имели симптомы COVID-19			Не болели COVID-19
	легко	средне	тяжело	легко	средне	тяжело	
Активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма	19,1	13,3	4,0	7,8	13,4	4,3	18,8
Использую бытовые приборы для очистки питьевой воды, покупаю бутилированную воду, пользуюсь водой из специальных источников (родников, колодцев)	52,1	51,5	37,0	31,4	30,6	26,1	29,8
Соблюдаю режим питания, стараюсь, чтобы рацион был сбалансированным	45,7	24,9	18,0	25,5	20,1	39,1	20,2
Не курю	53,2	58,7	53,0	45,1	50,7	52,2	41,3
Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медосмотр	36,2	44,7	57,0	35,3	31,3	30,4	29,3
По возможности прохожу курс лечения в санатории, на курорте и т. п.	13,8	14,7	16,0	9,8	14,9	4,3	8,8
Посещаю баню, сауну	53,2	53,2	28,0	41,2	26,1	39,1	36,0
Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	39,4	39,6	31,0	27,5	32,8	30,4	20,7
Стараюсь больше ходить пешком, совершаю прогулки в местах отдыха	39,4	33,8	20,0	17,6	20,1	17,4	19,4
Стараюсь контролировать свое психическое состояние	36,2	23,2	16,0	23,5	19,4	26,1	14,4
Стараюсь оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых	33,0	35,2	16,0	25,5	18,7	43,5	18,4
Стараюсь организовать свое свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации	21,3	24,6	25,0	17,6	18,7	17,4	15,9
Ничего специально не предпринимаю	12,8	13,7	23,0	29,4	24,6	8,7	24,1

Источник: данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2022 г.

для сохранения и укрепления здоровья наибольшего значения достигла среди имевших симптомы коронавируса, но без официального диагноза (25 %), а также тех, кто вовсе им не болел (24 %). Среди официально переболевших COVID-19 в легкой форме большинство практик заботы о здоровье распространены чаще. Тяжело перенесшие коронавирусную инфекцию заметно чаще обращаются к врачу при первых признаках болезни (57 %), чаще организуют свое свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации (25 %). Доля ничего не предпринимающих для заботы о здоровье (среди респондентов с официальным диагнозом COVID-19) наибольшего значения достигла у тяжело переболевших (23 %), что также объяснимо ввиду ограничений в состоянии здоровья в результате перенесенной болезни.

Несколько иная ситуация складывается среди тех, у кого наблюдались признаки коронавируса, но официально диагноз не был поставлен. Респонденты, легко перенесшие болезнь, чаще вовлечены в активные практики заботы о здоровье: посещение бани, сауны (41 %), регулярное обращение за медицинской помощью (35 %), использование приборов для очистки воды (31 %), соблюдение режима и рациона питания (26 %). Однако среди этой же категории оказалось больше тех, кто вовсе не предпринимает мер заботы о здоровье (29 %). Тяжело переболевшие коронавирусом чаще отказываются от курения (52 %), стараются сочетать трудовые нагрузки и отдых (44 %).

Обсуждение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов о влиянии пандемии COVID-19 на здоровье населения и поведение в его отношении. Каждый третий опрошенный житель Вологодской области перенес коронавирусную инфекцию официально, а у 14 % заболевание не было диагностировано, но наблюдались схожие симптомы. Среди официально переболевших COVID-19 у каждого пятого болезнь протекала в тяжелой форме, тогда как среди тех, кто лишь имел схожие симптомы, — только в 11 % случаев. Закономерно, что наиболее благоприятные самооценки здоровья оказались среди не болевших коронавирусной инфекцией, а также среди тех, кто перенес заболевание легко. В свою очередь, среди переболевших COVID-19 в тяжелой форме субъективные оценки здоровья более критичны. Аналогичная закономерность прослеживается и с хроническими болезнями: не болевшие коронавирусом чаще всего не имеют длительно протекающих недугов, тогда как те, кто перенес болезнь тяжело, в большей степени подвержены хроническим болезням. Однако взаимосвязь опыта заболевания COVID-19 с самооценками здоровья и наличием хронических недугов двойственна: с одной стороны, неблагоприятное состояние здоровья может быть следствием тяжело перенесенной инфекции, с другой стороны, ослабленный организм (особенно хроническим заболеванием) более уязвим перед лицом коронавируса, для него выше риск протекания болезни в тяжелой форме. Примечательно, что пандемия в большей степени заставила заботиться о здоровье тех, кто тяжело переболел COVID-19, тогда как у не болевших или перенесших инфекцию легко не изменила отношения к здоровью. Меры профилактики коронавируса чаще практикуют те, кто официально им переболел, особенно в тяжелой форме, а ничего не предпринимают для профилактики инфекции в основном те, кто не имел опыта болезни или болел в легкой форме. Вакцинацию от COVID-19 в большинстве случаев проходили респонденты, официально перенесшие болезнь вне зависимости от тяжести ее протекания, а также те, кто имел серьезные симптомы COVID-19 (без официального диагноза), тогда как не болевшие или имевшие легкие симптомы чаще всего отказываются

от вакцинации. Среди тяжело перенесших болезнь лидирует такой мотив вакцинации, как необходимость защиты от нее себя и близких, тогда как среди переболевших легко – формальные причины (требование по мету работы, учебы, необходимость для отдыха). Отказавшиеся от вакцинации в основном обосновывают это опасением ее побочных эффектов и не видят в этом смысла. Официально переболевшие COVID-19 чаще соблюдают меры по сохранению и укреплению здоровья, особенно те, кто перенес болезнь легко, а тяжело переболевшие коронавирусом заметно чаще обращаются к врачам при первых признаках болезни, но реже практикуют остальные меры, что может быть связано с возникшими вследствие болезни ограничениями по состоянию здоровья. Среди не болевших коронавирусом респондентов оказалась самой высокой доля активно занимающихся физкультурой и закаливанием организма.

Заключение

Таким образом, гипотеза исследования о более выраженном влиянии пандемии на состояние здоровья и отношение к нему среди тех, кто переболел COVID-19, особенно в тяжелой форме, была частично подтверждена. Опыт заболевания коронавирусной инфекцией с тяжелой симптоматикой подтолкнул респондентов больше заботиться о собственном здоровье, предпринимать специальные меры профилактики и вакцинироваться. Вместе с тем, такие люди чаще всего имеют неблагоприятные субъективные характеристики здоровья, что может быть как последствием перенесенной болезни, так и ее причиной. Возможно, это обусловило меньшую распространенность практик здоровьесбережения среди тяжело переболевших коронавирусом (за исключением обращаемости за медицинской помощью). Данный факт подтверждает неразвитость профилактического мотива у населения региона. Внимание к здоровью повышается лишь по факту перенесенной болезни, что влечет за собой риски развития осложнений и хронических недугов, трудно поддающихся лечению и ухудшающих качество жизни. Исследование вносит вклад в развитие научных представлений о влиянии пандемии коронавирусной инфекции на здоровье населения и отношение к нему, а его результаты служат основой для разработки рекомендаций в направлении профилактики поведенческих факторов риска.

Список источников

- [1] Новоселова Е. Н. Влияние пандемии COVID-19 на социальные практики здоровьесбережения и ментальное здоровье россиян // Вестник Московского университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 238–259. (Сер. 18. Социология и политология). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-238-259>
- [2] «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С. М. Плаксина, А. Б. Жулина, С. А. Фаризовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 336 с.
- [3] Горшков М. К., Тюрина И. О. Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. 2021. Т. 21, № 4. С. 739–754. (Сер. Социология). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-739-754>
- [4] The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence / S. K. Brooks, R. K. Webster, L. E. Smith, L. Woodland, S. Wessely, N. Greenberg, G. J. Rubin // The Lancet. 2020. No. 395. P. 912–920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)

- [5] Васильева А. В., Незнанов Н. Г., Соловьев А. Г. Ментальная экология в структуре пандемии COVID-19 (обзор литературы) // Экология человека. 2022. Т. 29, № 7. С. 461–469. <https://doi.org/10.17816/humeco81183>
- [6] Оценка физической активности граждан в условиях распространения коронавирусной инфекции / М. И. Тарасова, О. С. Кулямина, Е. М. Бронникова, Л. А. Васильева // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19, № 4(137). С. 178–187. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2020-19-4-178-187>
- [7] Снижение физической активности и прибавка веса в период карантина COVID-19 / В. Н. Романов, В. М. Кириенкова, Ю. А. Володина, А. А. Сточик // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. № 30(спецвыпуск). С. 1105–1108. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-s1-1105-1108>
- [8] Позднякова М. Е., Брюно В. В. Употребление алкоголя в России в условиях пандемии COVID-19 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 3 (39). С. 25–44. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9195>
- [9] Мелёхин А. И. Тактика психологического обследования и психотерапии нарушений сна в период пандемии COVID-19 // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2021. Т. 9, № 3(34). С. 259–276. <https://doi.org/10.23888/humj20213259-276>
- [10] Сравнительный анализ отношения населения к вакцинации от коронавирусной инфекции COVID-19 в зарубежных странах и в России / Н. А. Вошева, Н. Н. Камынина, Е. О. Короткова, Д. В. Вошев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 2. С. 220–226. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-2-220-226>
- [11] Рязанцев С. В., Храмова М. Н., Смирнов А. В. Вакцинация населения России от COVID-19: отношение населения и преодоление барьеров // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 171–191. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-171-191>

References

- [1] Novoselova E. N. Impact of the COVID-19 Pandemic on social healthsaving practices and mental health of Russian citizens // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2022. Vol. 28, No. 1. P. 238–259. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-238-259>
- [2] «Black swan» in white mask. Analytical report of HSE University on the first anniversary of COVID-19 pandemic / under the general editorship: S. M. Plaksin, A. B. Zhulin, S. A. Farizova: M. HSE Publishing House, 2021. 336 p.
- [3] Gorshkov M. K., Tyurina I. O. The state and dynamics of the Russian mass consciousness and behavioral practices under the COVID-19 pandemic // RUDN Journal of Sociology. 2021. Vol. 21, No. 4. P. 739–754. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-739-754>
- [4] The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence / S. K. Brooks, R. K. Webster, L. E. Smith, L. Woodland, S. Wessely, N. Greenberg, G. J. Rubin // The Lancet. 2020. No. 395. P. 912–920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
- [5] Vasileva A. V., Neznanov N. G., Soloviev A. G. Mental ecology in the structure of the COVID-19 pandemic (review) // Ekologiya cheloveka (Human Ecology). 2022. Vol. 29, No. 7. P. 461–469. <https://doi.org/10.17816/humeco81183>
- [6] Assessment of Physical Activity of Citizens in the Context of the Spread of Corona Virus Infection / М. I. Tarasova, O. S. Kuljamina, E. M. Bronnikova, L. A. Vasileva // Social Policy and Sociology. 2020. Vol. 19, No. 4(137). P. 178–187. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2020-19-4-178-187>

[7] Decrease in physical activity and weight gain during quarantine COVID-19 / V. N. Romanov, V. M. Kirienkova, Y. A. Volodina, A. A. Stochik // Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. 2022. Vol. 30 (Special Issue). P. 1105–1108. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-s1-1105-1108>

[8] *Pozdniakova M. E., Briuno V. V.* Alcohol consumption in Russia during the COVID-19 pandemic // Sociological Science and Social Practice. 2022. Vol. 10, No. 3. P. 25–44. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9195>

[9] *Melehin A. I.* Tactics of psychological testing and psychotherapy of sleep disorders during the COVID-19 pandemic // Personality in a changing world: health, adaptation, development. 2021. Vol. 9, No. 3(34). P. 259–276. <https://doi.org/10.23888/humj20213259-276>

[10] The comparative analysis of population attitude to vaccination against COVID-19 infection in foreign countries and in Russia / N. A. Vosheva, N. N. Kamynina, E. O. Korotkova, D. V. Voshev // Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. 2021. Vol. 29, No. 2. P. 220–226. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-2-220-226>

[11] *Ryazantsev S. V., Khramova M. N., Smirnov A. V.* Vaccination of the Russian population against COVID-19: the attitude of the population and overcoming barriers // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022. Vol. 15, No. 4. P. 171–191. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-171-191>

Благодарность

Исследование выполнено в рамках темы государственного задания № FMGZ-2022-0001 «Социально-экономические детерминанты демографического и социокультурного развития современной России»

Acknowledgments

The article has been prepared in the framework of the state task No. FMGZ-2022-0001 “Socio-economic determinants of demographic and socio-cultural development in contemporary Russia”.

Информация об авторах

Короленко Александра Владимировна — научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0002-7699-0181> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Гоголя, 53а; e-mail: coretra@yandex.ru).

About the authors

Aleksandra V. Korolenko — Research Associate, Vologda Scientific Center of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-7699-0181> (53A, Gogolya St., Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-11>

УДК 316.356.2(470)

JEL classification: Z13, J53

АДАПТАЦИЯ ПОЛИАМОРОВ К ВНЕШНЕЙ СРЕДЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Е. Н. Миронова^а, А. С. Ваторопин^б

^{а, б} Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия).

^б <https://orcid.org/0000-0002-7632-5165>

Автор для корреспонденции: Е. Н. Миронова (m_katerina@e1.ru)

Аннотация. В статье рассматривается процесс адаптации сообщества полиаморов к внешней среде в двух сферах — трудовой и жилищной, выявляется дифференциация полиаморов по отношению к способам такой адаптации. Новизна работы состоит в рассмотрении механизма адаптации сообщества полиаморов к внешней среде, а также в выделении типовых отношений полиаморов к условиям негативного внешнего окружения. Авторы делают вывод, что в качестве механизма адаптации можно рассматривать появление тематических чатов для поиска работодателей и арендодателей жилья с нейтральным или положительным отношением к полиаморам. Другой вывод: полиаморы можно разделить на три группы в контексте их отношения к внешнему негативно-му окружению, а следовательно, и к способам адаптации к нему.

Ключевые слова: полиамория; механизм адаптации; тематические чаты; негативная внешняя среда; дифференциация полиаморов

Adaptation of Polyamorous People to the Environment: Sociological Analysis

E. N. Mironova^а, A. S. Vatoropin^б

^{а, б} Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg, Russia)

^б <https://orcid.org/0000-0002-7632-5165>

Corresponding author: E. N. Mironova (m_katerina@e1.ru)

Abstract. The article discusses the process of adaptation of the polyamorous community to the external environment in two areas — labour and housing, as well as examines the differentiation of polyamorous people in relation to the methods of such adaptation. The novelty of the work lies in the consideration of the mechanism of adaptation of the polyamorous community to the external environment, as well as in the identification of typical relations of polyamorous people to the conditions of a negative external environment. The study concludes that the appearance of thematic chats for finding employers and landlords with a neutral or positive attitude towards polyamorous people can be considered as an adaptation mechanism. Another conclusion is that polyamorous people can be divided into three groups in the context of their attitude to the external negative environment, and, consequently, to the ways of adapting to it.

Keywords: polyamory; adaptation mechanism; thematic chats; negative external environment; differentiation of polyamorous people

Введение

В условиях современных реалий можно говорить об изменении формы и содержания сферы любовных отношений, об увеличении нетрадиционных форматов последних. Эти форматы затрагивают сферы семьи, брака, детства. При этом они часто не регламентируются официальными социальными институтами и стоят особняком,

¹ © Миронова Е. Н., Ваторопин А. С. Текст. 2023.

либо идут вразрез с традиционными представлениями и установками. Несмотря на то, что в российской действительности моногамия остается единственной социально одобряемой формой романтических и семейных отношений, альтернативные формы постепенно распространяются. Одной из таких форм является полиамория. Авторы рассматривают полиамирию в теоретическом и прикладном смысле. Полиамория в теоретическом смысле представляет собой систему ценностей и взглядов на романтические и сексуальные отношения, которая допускает возможность наличия любовных отношений с более чем одним партнером, такие отношения возможны при условии доверия и согласия всех участников. Полиамирию в прикладном смысле определим как форму немонагамных любовных отношений, находясь в которой человек имеет или готов иметь более одного партнера одновременно с согласия всех участников отношений. Полиамор является самоидентификацией, соотносением себя с полиаморной системой ценностей, проявляет желание и готовность иметь подобные отношения. При этом, на наш взгляд, следует отметить, что важно, чтобы такая самоидентификация была подкреплена наличием опыта подобных отношений, то есть человек точно знал, с чем он себя идентифицирует. Взгляды, представления человека, когда он не имел опыта полиаморных отношений, но ощущает готовность вступить в подобный формат, можно назвать полиаморным мировоззрением.

Сегодня многие альтернативные сообщества формируются в интернет-пространстве. Некоторые из них остаются в рамках виртуальной среды, некоторые выходят в офлайн-пространство [1]. Для полиаморов сообщество на интернет-площадке является одним из основных способов для знакомства, общения и формирования самого их сообщества. Двумя основными способами перехода онлайн-общения в офлайн-формат являются организация офлайн-мероприятий, а также знакомства с помощью чат-бота, при которых возможно завязать общение и договориться о встрече в реальной жизни [2].

Для исследователей очень важно не упускать моменты становления и развития подобных сообществ. С социологической точки зрения актуально рассматривать их становление, развитие, складывающиеся тенденции и характерные особенности представителей. Особый интерес представляет исследование процесса адаптации такого рода сообществ к реалиям традиционного российского общества.

Целью данной работы является рассмотрение механизмов, которые используют полиаморы для адаптации сообщества к окружающей среде и интеграции своего образа жизни и мировоззрения в рутинные жизненные процессы, связанные с работой и арендой недвижимости. Авторы предполагают, что появление тематических чатов для поиска работодателей и арендодателей с нейтральным или положительным отношением являются такими механизмами адаптации.

Основная часть

Социологи изучают феномен полиамории, как правило, в рамках более широких исследований, например, таких, как появление альтернативных форм брака в российском обществе и добрачное поведение российской молодежи [3]. Альтернативные формы семейных отношений рассматриваются в работе О.С. Васильевой, в которой изучаются представления молодежи об альтернативных формах брака [4]. Понятие полиамории как формы романтических отношений концептуализировано в работе О.В. Григоренко [3]. Е.С. Останина рассматривает полиамирию в контексте интимности, говоря о том, что это не какая-то специфическая форма отношений,

а приверженность некоему набору ценностей и культивированию особого внутреннего подхода к интимной жизни [5]. Этические принципы, лежащие в основе полиаморных отношений, рассматривали в своих работах Д. Анаполь [6], К. Клессе [7–9].

В качестве теоретико-методологических оснований исследования выступили аксиологический подход к определению и интерпретации полиамории, а также подход Г. Минцберга к организационному развитию, а именно рассмотрение фактора внешней среды как благоприятной или враждебной, влияющего на структуру и функционирование организации [10]. Использован подход виртуальной этнографии, нетнографии к изучению виртуального сообщества полиаморов, а именно к анализу высказываний.

Эмпирическую базу работы составили данные, полученные в ходе проведенного авторами социологического исследования в 2022 и 2023 годах. Авторами проведено исследование методом нетнографии на площадке Telegram: чаты Polyrenting/Полирентинг МСК¹, Polyjob² и Полирентинг СПб³. Методом неформализованного интервью было опрошено 10 информантов (5 мужчин и 5 женщин) — девушки и юноши, имеющие опыт полиаморных отношений не менее одного года. Возраст информантов варьировался в диапазоне 22–34 лет.

В описании чата Polyjob можно увидеть следующее: «Работа от и для полиаморов. Наша миссия — снизить риски непринятия вашей модели жизни в вашей трудовой активности» и «Когда можно не бояться, что на работе не поймут ваши принципы». Данные высказывания отражают потребность полиаморов интегрировать полиаморный формат отношений или полиаморное мировоззрение в сферу работы — избегая негативных последствий в виде осуждения формата отношений / снижения заработной платы / отказа в работе / увольнения.

Проведенные интервью отражают опасения и страх некоторых респондентов (три респондента) о том, что информация о приверженности полиаморному формату повлияет на отношение к ним коллег / работодателя / клиента, которое будет выражаться в исключении их из неформальной жизни коллектива или в презрительном / осуждающем отношении. В то же время другие респонденты (4 респондента) достаточно открыто выражают свое мировоззрение — без страха получить осуждение или недовольство. Два респондента говорят о том, что демонстрация своего образа жизни приносит им больше бонусов, чем негативных последствий, так как помогает формировать необычный образ. Часть респондентов (три респондента) придерживаются позиции, что работа нужна для рабочих процессов, а межличностные отношения и информация о личной жизни не должны афишироваться и влиять на отношение с коллегами / работодателем. При этом 9 респондентов состоят в чате Polyjob и пользовались им для различных целей:

- 1) изучение вакансий и задач на рынке труда для расширения кругозора, «любопытство»;
- 2) непосредственно поиск вакансий кандидатами;
- 3) поиск сотрудника работодателем (как дополнительный источник резюме).

¹Чат Polyrenting / Полирентинг МСК на площадке Telegram. <https://t.me/joinc> (дата обращения: 02.02.2023).

²Чат Polyjob на площадке Telegram. <https://t.me/polyjob> (дата обращения: 02.02.2023).

³Чат Полирентинг СПб на площадке Telegram. <https://t.me/joinchat/bQCJeQhSye00Yjd> (дата обращения: 02.02.2023).

Отметим, что в ходе опроса был выявлен случай, когда человека, придерживающегося полиаморного формата, исключили из неформальной жизни компании и через некоторое время сократили его должность. Правда, сами участники интервью с подобными ситуациями не сталкивались.

Респонденты выражают разное отношение к работе в контексте полиамории, при этом выявлены три основные позиции:

1. На работе не может быть обсуждения подробностей личной жизни, соответственно, последствий приверженности полиаморному формату не должно быть.

2. Работа — важная часть жизни, потому будет отлично, если ценности с коллегами / работодателем не будут идти вразрез. Ожидается и нейтральное отношение и положительное.

3. Открытая приверженности полиаморному формату — важная часть жизни. Если работодателю не подходит сотрудник с подобным образом жизни, то это вопрос работодателя, а не сотрудника.

Мы можем увидеть то, что представители полиаморного сообщества по-разному относятся к открытости своего образа жизни: некоторые стремятся жестко разделять работу и личную жизнь, другие готовы к открытости и защите своих ценностей, третьи хотели бы иметь в окружении людей, как правило, со схожими ценностями.

Анализируя чаты для поиска недвижимости, авторы получили следующие результаты. Существующие активные чаты географически связаны с Москвой и Московской областью, а также с Санкт-Петербургом, то есть с крупнейшими городами и столичным регионом России. Чаты для решения вопросов аренды для других городов отсутствуют, так как, по-видимому, они недостаточно актуальны. Активность в чате для города Москвы выше, чем для Санкт-Петербурга. В московском чате ощутимо больше участников: 617 для Москвы против 140 в чате для Санкт-Петербурга. Данные проведенных интервью говорят о том, что часть участников (четыре респондента) имеет положительный опыт поиска (или продолжает искать) арендодателей / соседей / арендаторов для совместного проживания, у которых схожие ценности, которые разделяют подобный формат отношений. Другие используют данные чаты только как вспомогательный канал для решения вопросов с недвижимостью.

Полученные нами данные пока не могут рассматриваться как репрезентативные. Они требуют проверки с использованием количественных методов исследования.

Заключение

Согласно теории Г. Минцберга, для организации важно то влияние, которое оказывает на нее окружающая среда [10]. Среда может быть как благоприятной, так и враждебной. Рассматривая сообщество полиаморов с точки зрения структурной организации, можно говорить о том, что сообщество можно условно поделить на три части:

1. Часть сообщества, которой важно выражать свою идентификацию с полиаморным форматом, иметь с коллегами / работодателем схожие ценности и не сталкиваться с осуждением и непониманием своего образа жизни, пытается адаптироваться к враждебной (негативно настроенной) окружающей среде, создавая чаты для решения вопросов, связанных с жизненными рутинными процессами — работой и жильем. Данная категория ищет способы выработки механизмов адаптации, такие как чаты на площадке Telegram, описанные в данной работе.

2. Другая часть сообщества подстраивается под окружающую среду, не афишируя приверженность полиаморному формату отношений, разделяя работу и личную сферу.

3. Третья часть сообщества не скрывает полиаморный образ жизни, ожидая того, что окружение (коллеги, арендодатель, клиенты) адаптируется и примет этот факт, либо полиамор и окружение не смогут взаимодействовать.

Мы не можем говорить о том, что все сообщество закрывается в себе и использует только внутренние ресурсы для решения данных вопросов, но многие его участники, видимо, стремятся создать механизмы для того, чтобы среда была более благоприятной для этих решений. Дальнейшие исследования помогут проверить валидность этих выводов.

Список источников

[1] Скуратов А. Б. Локальные интернет-сообщества как новый социальный феномен // Дискурс-Пи. 2010. № 1-2. С. 48-52.

[2] Миронова Е. Н., Ваторопин А. С. Сообщество полиаморов как виртуальная группа: анализ интернет-сообщества // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5(80). С. 114-121. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.80.5.006>

[3] Григоренко О. В. Феномен полиамории в современном обществе: социологический анализ // Вестник Московского университета. 2018. № 2. С. 139-154. (Сер. 18. Социология и политология).

[4] Васильева О. С., Хомякова Ю. Ю. Исследование представлений современной молодежи об альтернативных формах брака // Северо-Кавказский психологический вестник. 2015. № 2. С. 5-11.

[5] Останина Е. С., Индивидуализационные процессы и конструирование сферы интимного на основе диалога (общие тенденции изучения проблемы) // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4(76). С. 148-153.

[6] Anapol D. Polyamory in the 21st century. New York, 2010. 260 p.

[7] Klesse C. Notions on love in polyamory — elements in a discourse on multiple loving // Laboratorim. 2011. Vol. 3, No. 2. P. 4-25. <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/12/1267235503/01CK.pdf> (accessed on: 03.02.2023).

[8] Klesse C. Polyamory and its „Others”: Contesting the Terms of Non-Monogamy // Sexualities. 2016. Vol. 9, No 5. P. 515-529. <http://sites.middlebury.edu/sexandsociety/files/2015/01/polyamory4-klesse-polyamorypdf> (accessed on: 04.02.2023).

[9] Клессе К. Понятие любви в полиамории: составляющие дискурса о множественных любовных отношениях // Laboratorim: журнал социальных исследований. 2011. № 2. С. 121-127.

[10] Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / Пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 512 с.

References

[1] Skuratov A. B. Local internet-communities as a new social phenomenon // Discourse-Pi. 2010. No. 1-2. P. 48-52.

[2] Mironova E. N., Vatoropin A. S. The Polyamory Community as a Virtual Group: an Analysis of the Internet Community // Surgut State Pedagogical University Bulletin. 2022. No. 5(80). P. 114-121. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.80.5.006>

[3] Grigorenko O. V. The phenomenon of polyamory in modern society: sociological analysis // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2018. No. 2. P. 139-154.

[4] *Vasileva O. S., Homjakova Ju. Ju.* Research of ideas of modern youth about alternative forms of marriage // North-Caucasian Psychological Bulletin. 2015. No. 2. P. 5-11.

[5] *Ostanina E. S.* Individualization processes, discourse of power and construction of the sphere of intimacy founded on dialogue (general trends of studying the problem) // Scientific Thought of Caucasus. 2013. No. 4(76). P. 148-153.

[6] *Anapol D.* Polyamory in the 21st century. N.Y., 2010. 260 p.

[7] *Klesse C.* Notions of love in polyamory — elements in a discourse on multiple loving // Laboratorim. 2011. Vol. 3, No. 2. P. 4-25. <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/12/1267235503/01CK.pdf> (accessed on: 03.02.2023).

[8] *Kleese C.* Polyamory and its “Others”: Contesting the Terms of Non-Monogamy // Sexualities. 2016. Vol. 9, No. 5. Pp. 515-529. <http://sites.middlebury.edu/sexandsociety/files/2015/01/polyamory4-kleese-polyamorypdf> (accessed on: 04.02.2023).

[9] *Klesse C.* The concept of love in polyamory: components of the discourse on multiple love relationships // Laboratorim: Russian Review of Social Research. 2011. No. 2. P. 121-127.

[10] *Mintzberg G.* Structure in Fives: Designing Effective Organization / trans. from English, ed. by Yu. N. Kapturevsky. St. Petersburg: Peter, 2002. 512 p.

Информация об авторах

Миронова Екатерина Николаевна — аспирант кафедры Управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: m_katerina@e1.ru).

Ваторопин Александр Сергеевич — доктор социологических наук, профессор кафедры Управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; <https://orcid.org/0000-0002-7632-5165> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: vatoropin-as@ranepa.ru).

About the authors

Ekaterina N. Mironova — PhD Student, Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: m_katerina@e1.ru).

Alexander S. Vatoropin — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; <https://orcid.org/0000-0002-7632-5165> (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: vatoropin-as@ranepa.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-12>

УДК 316.354

JEL classification: J13

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

В. В. Румянцев

Российский государственный социальный университет (г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-7459-361X>

Автор для корреспонденции: В. В. Румянцев (vlad.rumyantsev01@mail.ru)

Аннотация. *Статья посвящена вопросам социальной адаптации молодой семьи в условиях современного экономического кризиса в России. Рассмотрен процесс адаптации молодой семьи в условиях современного экономического кризиса в России, указаны компоненты адаптации. Рассмотрена связь адаптации молодой семьи в условиях современного экономического кризиса в России и общей динамики развития института семьи в России и в мире.*

Ключевые слова: адаптация; экономический кризис; молодая семья; трансформация семьи; социология семьи

Social Adaptation of Young Families in the Context of the Economic Crisis: Problems and Prospects

V. V. Rumyantsev

Russian State Social University (Moscow, Russia). <https://orcid.org/0000-0001-7459-361X>

Corresponding author: V. V. Rumyantsev (vlad.rumyantsev01@mail.ru)

Abstract. *This article examines social adaptation of young families in the context of the current economic crisis in Russia. The process of adaptation of young families is considered, the components of adaptation are indicated. The connection between the adaptation of young families in the context of the current economic crisis and the general dynamics of the development of the family institution in Russia and the world is considered.*

Keywords: family institution; adaptation; economic crisis; young family; family transformation; family sociology

Введение

Такой феномен, как молодая семья, в каждом без исключения социальном организме является с большой степенью вероятности зоной возможной общественной опасности, поскольку подобный вид семейного сообщества является наиболее подверженным каким-либо влияниям извне, ввиду чего можно заключить, что данная структура является в достаточной степени неустойчивой. Особенно характерно эта неустойчивость проявляется при различных социально-экономических и социально-политических потрясениях. Подобным потрясением на сегодняшний момент можно считать современный экономический кризис, выражающийся в падении паритета покупательной способности, падении внутреннего валового продукта, социальными волнениями и др. [5].

Основная часть

Можно выделить следующие причины социально-психологической неустойчивости молодой семьи.

¹ © Румянцев В. В. Текст. 2023.

Первая причина состоит в том, что новообразовавшийся семейный союз пребывает в процессе адаптации не только к внешним условиям, но и внутренним [8]. Под внешними условиями в данном случае понимаются различные влияния внешней среды, такие как, например, вышеописанный экономический кризис, при котором проблема социальной адаптации молодой семьи становится особенно актуальной. Внутренние условия здесь представляют собой условия семейной жизни, такие как различные социальные и индивидуальные характеристики участников семейного союза, различные модели поведения и другие. Результат адаптации к внутренним условиям — создание общего представления о семье, включающего общие семейные ценности, модели поведения и нормы. Адаптация к внутренним условиям, как и любая другая адаптация, требует затрат специфических и неспецифических адаптивных ресурсов, являющихся ограниченными. Молодая семья затрачивает большое количество адаптивных ресурсов на адаптацию к внутренним условиям семейной жизни, следовательно, может сложиться такая ситуация, что на адаптацию к внешним условиям семейной жизни адаптивных ресурсов будет недостаточно.

Вторая причина состоит в том, что молодая семья как молодое социальное формирование, при прочих равных, не обладает высоким социальным статусом, а также устойчивым и высоким материальным положением. Как правило, члены молодой семьи находятся на этапе приобретения профессионального статуса и профессиональной идентичности [1, 3]. Часто молодая семья не имеет собственного жилья и ей приходится либо формировать совместный быт с родственниками, образуя нечто наподобие расширенной семьи, либо арендовать жилье [6]. Ввиду перечисленных особенностей социального и экономического положения молодой семьи, она также становится уязвимой к внешним условиям. Но эта уязвимость представляет собой уже не субъективные особенности, представляющие качество и количество адаптивных ресурсов у человека, а объективные социальные и экономические факторы, такие как рост цен на жилье, снижение паритета покупательной способности и др. Подобные объективные социальные и экономические факторы могут кардинальным образом повлиять на адаптацию семьи в условиях современного социального и экономического кризиса.

Исходя из обозначенных нами причин, молодая семья подвержена двухкомпонентному риску. С одной стороны, подобная семья имеет внутренние условия адаптации, как правило представляющие собой индивидуальные особенности участников семейно-брачного союза. С другой стороны, подобная семья имеет внешние условия адаптации, представляющие собой в основном объективные социальные и экономические факторы [1]. Из-за перечисленных причин, по всей вероятности, наблюдается большое количество актов расторжения брака в начальный период существования молодой семьи.

Период социального и экономического кризиса в России, начавшегося, по мнению различных социологов [5], в 2020 г. и идущим до сих пор, стал еще одним поводом для осмысления проблемы социальной адаптации молодой семьи, а также ценностной поддержки молодой семьи в процессе ее социальной адаптации. И родительская семья в процессе межпоколенческого взаимодействия поддерживает молодую, оказывая, в частности, ценностную поддержку [4].

В связи с вышеперечисленным существовал ряд вопросов, обсуждаемых в рамках дискурса, предметом которого выступала молодая семья в условиях социального и экономического кризиса.

Одним из важнейших подобных вопросов был вопрос о том, как существующий и без сомнения тяжелый с точки зрения своих последствий социальный и экономический кризис изменит семью. Следует указать, что определенного характера трансформации в институте семьи и брака, а также в сфере ценностной поддержки института семьи, уже на тот момент обращали на себя пристальное внимание социологов и свидетельствовали о значительном изменении основ семейной жизни в современном мире вообще [3].

Рассмотрим ряд известных фактов об институте семьи и брака в современном обществе. Социологами неоднократно замечалась и продолжает замечаться интенция к повышению возраста вступления в первый брак. Молодые юноши и девушки не выражают стремления к созданию семьи. Если же создание семьи все-таки происходит, то эта семья достаточно часто принимает форму гражданской семьи. Понятие гражданской семьи в данном случае понимается как обозначение фактического сожительства без процедуры официальной регистрации брака в соответствующих государственных органах. На данный момент развития российского общества средний арифметический показатель возраста вступления в брачный союз составляет от 27 до 29 лет¹. Ко всему прочему возраст вступления в брачный союз предположительно с высокой долей вероятности имеет положительную корреляцию с возрастом рождения женщины первого ребенка. Таким образом, нельзя не отметить тенденцию к повышению среднего возраста рождения первого ребенка.

Женщины на данный момент гораздо дольше принимают решение стать матерями. Происходит это, вероятно, по причине того, что женщинам, как правило, необходимо почувствовать устойчивость и стабильность актуального брачно-семейного союза и в системе профессиональных социальных отношений. Ко всему прочему, отмечается существование тенденции укрепления ценностно-социальной модели малодетной семьи как доминирующей — данный факт представляется демографам и социологам крайне важным и решающим при решении проблем, содержанием которых выступают пути и перспективы демографического развития российского общества. Данные перспективы и построенные на их основе прогнозы, согласно воззрениям ряда социологов, являются скорее неудовлетворительными². Гражданские браки как браки без официальной регистрации в государственных органах в значительной степени оказывают давление на браки, в которых отношения являются официально оформленными. Подобные гражданские браки получают широкое распространение во всем мире, что особенно характерно для стран Западной Европы и Восточной Европы, а значит, и для ранее традиционно не признававших незарегистрированные браки России и стран Содружества Независимых Государств. Согласно мнению ряда социологов, браки без официальной регистрации наиболее широко распространены среди молодежи [2].

Получает широкое распространение такая форма организации брачно-семейных отношений, как брачный договор [7]. Наличие общественной практики брачного договора говорит прежде всего о трансформации отношения к семейному союзу, созданию, развитие и функционирование которого предполагает установление регламента поведения в семье и распоряжения собственностью семьи в ряде различных случаев и ситуаций. Большое внимание к себе привлекает продолжающаяся сохраняться

¹ Когда пора по парам? Современная семья в графиках и цифрах // ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/8901099> (дата обращения: 04.02.2023).

² Власти ухудшили прогноз по убыли населения России // РБК. <https://www.rbc.ru/economics/24/04/2021/60843d9b9a794775386e4b71> (дата обращения: 04.02.2023).

тенденция к высокой динамике расторжения брачного союза, что в особенности касается недавно сформировавшихся молодых семей. Время существования семейного союза, таким образом, становится в среднем значительно короче. В связи с перечисленными фактами на данный момент достаточно часто можно услышать неутешающие прогнозы, — такие как прогноз о гибели института семьи [3]. Так ли дело обстоит на самом деле? Вопрос для нас важный, поскольку у основ института семьи стоит именно молодая семья — с нее все начинается, ею все продолжается: и дальнейшие перспективы семейной жизни, и разочарования в ней.

Согласно нашим представлениям в области социологии, мы полагаем, что институт семьи как крайне важный в человеческой истории общественный институт не может окончательно уйти из человеческой истории. Но, несомненно, институт семьи и брака и связанные с ним семейные ценности за последние несколько веков претерпели существенные изменения, решительным образом отразившиеся на функционировании этого института. На данный момент исторического развития человечества также происходит процесс существенной трансформации формы организации и ценностного содержания института семьи и нельзя исключать, что в скором времени траектория наблюдаемого изменения приведет к тому, что поведенческие установки, функциональные особенности, ценностная и смысловая составляющая института семьи также претерпят решительное изменение [4].

Несмотря на то, что существует огромное количество публикаций научной литературы по проблеме семьи в ряде различных отраслей гуманитарной науки, можно уверенно утверждать, что институт семьи, проблемы института семьи, проблема ценностной поддержки института семьи снова попали в фокус внимания всех гуманитарных наук, в особенности в области российской социологии в последние два года, поскольку социальный и экономический кризис, обрушившийся на Россию в 2020 г. и продолжающийся до сих пор, невероятно сильно влияет на процессы возникновения, развития и функционирования молодых семей.

Заключение

От формы, сущности и доминантной модели семейной организации ее зависит очень многое в социокультурном развитии социума. При социализации молодых поколений в семье, при социализации молодежи на уровне семьи воспроизводится социальный порядок, выстраиваются тот или иной тип социальных отношений. Недооценка изменений института семьи может слишком дорого стоить обществу. Важно переосмыслить реалии и перспективы развития института семьи, в том числе и молодой, российского общества во время текущего социально-экономического кризиса.

На основе знания семейных ценностей, установок и смыслов молодежи, которая готовится к семейной жизни или уже начала ее, должна выстраиваться семейная и демографическая политика государства. Система семейного воспитания молодых поколений, формирования у них семейной культуры — это система ценностной поддержки института семьи. В противном случае молодая семья так и будет находиться в зоне повышенного риска.

Список источников

[1] *Верещагина А. В., Самыгин С. И., Кикоть А. С.* Молодая семья в России и проблемы ее адаптации: специфика социологического дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 21-25.

[2] *Загирова Э. М.* Гражданский брак: отношение и оценка (на примере Дагестана) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 39-42.

[3] *Коблева З. Х., Каратабан И. А.* Ценности современной семьи как объект социокультурного анализа // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 1. С. 121-130.

[4] *Вдовина М. В.* Межпоколенческие отношения: причины конфликтов в семье и возможные пути их разрешения // Знание. Понимание. Умение. Электронный журнал. 2009. № 3. <http://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/3/Vdovina> (дата обращения: 04.02.2023).

[5] *Ростовская Т. К., Князькова Е. А.* Государственная политика в отношении молодой семьи: экспертный обзор // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 22-31.

[6] *Рочева Е. А.* Налоговая политика России в условиях экономического кризиса // E-Scio. 2022. № 1(64). С. 125-131.

[7] *Руди Л. Ю., Тропникова Т. А.* Аренда жилья как альтернатива ипотечного жилищного кредитования // Инвестиции, градостроительство, недвижимость как драйверы социально-экономического развития территории и повышения качества жизни населения. Мат-алы XII международ. науч.-практ. конф.; в 2-х ч., 1-4 марта 2022 г. / Томский. гос. архит.-строит. ун-т ; под ред. Т. Ю. Овсянниковой, И. Р. Салагор. Томск: Издательство Томского архитектурно-строительного университета, 2022. С. 229-234. Ч. 2.

[8] *Синицына К. И.* Брачный договор: актуальные аспекты заключения // Студенческая наука — взгляд в будущее: мат-лы XVII всерос. студ. науч. конф. Ч. 4. Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т., 2022. С. 143-146.

[9] Особенности адаптации молодых людей к новым условиям окружающей среды при смене места жительства / А. Б. Мулик, А. Н. Долецкий, В. В. Юсупов, М. В. Постнова, И. В. Улесикова, И. О. Назаров, И. В. Кобрянова, Ю. А. Шатыр // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2022. Т. 19. № 4. С. 78-87.

References

[1] *Vereshchagina A. V., Samygin S. I., Kikot A. S.* A young family in Russia and the problems of its adaptation: the specifics of sociological discourse // Humanities, social-economic and social sciences. 2017. No. 11. Pp. 21-25

[2] *Zagirova E. M.* Civil marriage: attitude and assessment (on the example of Dagestan) // Humanities, social-economic and social sciences. 2022. No. 1. P. 39-42.

[3] *Kobleva Z. H., Karataban I. A.* Values of a modern family as an object of social and cultural analysis // Bulletin of Maikop State Technological University. 2022. Vol. 14, No. 1. P. 121-130.

[4] *Vdovina M. V.* Intergenerational Relationships: the Causes of Conflicts in Family and Possible Ways of Their Resolution // «Knowledge. Understanding. Skill» Journal. 2009. No. 3. <http://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/3/Vdovina> (accessed on: 04.02.2023).

[5] *Rostovskaya T. K., Knyazkova E. A.* State policy towards a young family: expert review // Woman in Russian society. 2022. No. 1. P. 22-31.

[6] *Rocheva E. A.* Tax policy of Russia in the conditions of the economic crisis // E-Scio. 2022. No. 1 (64). P. 125-131.

[7] *Rudi L. Yu., Tropnikova T. A.* Rental housing as an alternative to mortgage housing lending // Investments, urban planning, real estate as drivers of socio-economic development of the territory and improvement of the quality of life of the population: materials of the XII International Scientific and Practical Conference, March 1-4, 2022, Tomsk; In 2 vol. / Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering; ed. by T. Y. Ovsyannikova, I. R. Salagor. Tomsk: Publishing House of Tomsk University of Architecture and Civil Engineering, 2022. P. 229-234.

[8] *Sinit'syna K. I.* Marriage contract: actual aspects of the conclusion // Student Science — a look into the future: materials of XVII All-Russian student scientific conf. Part 4. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2022. P. 143-146.

[9] Features of adaptation of young people to new environmental conditions when changing the place of residence / A. B. Mulik, A. N. Doletsky, V. V. Yusupov, M. V. Postnova, I. V. Ulesikova, N. O. Nazarov, I. V. Kobryanova, Yu. A. Shatyr // Journal of Volgograd State Medical University. 2022. Vol. 19, No. 4. P. 78-87.

Информация об авторах

Румянцев Владислав Викторович — аспирант кафедры социологии, этнографии и социометрии, Российский государственный социальный университет; <https://orcid.org/0000-0001-7459-361X> (Российская Федерация, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4/1; e-mail: vlad.rumyantsev01@mail.ru).

About the authors

Vladislav V. Rumyantsev — PhD Student, Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University; <https://orcid.org/0000-0001-7459-361X> (4/1, Wilhelm Pieck St., Moscow, 129226, Russian Federation; e-mail: vlad.rumyantsev01@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-13>

УДК 332.1

JEL classification: K42, J12, J6

ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

О. В. Санаева ^а, С. В. Дорошенко ^б

^{а, б} Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-9826-9547>

^б Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>

Автор для корреспонденции: О. В. Санаева (olg.sanaev@yandex.ru)

Аннотация. Данная работа направлена на оценку влияния экономико-демографических факторов на одну из крайних форм девиантного поведения — наркопреступлений. Предметом исследования выступают экономико-демографические характеристики регионов. В работе были использованы панельные данные с 2009 г. по 2020 г. по 82 субъектам Российской Федерации и применен метод фиксированных эффектов с расчетом стандартных ошибок методом Дрисколла — Края. Увеличение безработицы, задолженности, количества разводов, психической заболеваемости и продолжительности рабочего времени приводит к росту уровня наркопреступлений, поэтому стоит обратить внимание на снижение данных факторов в регионах России. Сдерживающим фактором выступает рост уровня ВРП региона. Полученные результаты могут быть использованы в качестве рекомендаций для формирования механизмов снижения уровня преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в регионах России. Научный вклад работы состоит в эмпирической доказанности влияния экономико-демографических факторов на уровень наркопреступлений в России. Направление будущих исследований по рассматриваемой проблеме может заключаться в расширении факторов анализа (неравенство, периоды экономической нестабильности), в изменении спецификации модели (кластеризация) или зависимой переменной (доля наркопреступлений от общего числа).

Ключевые слова: наркопреступления; безработица; задолженность; разводы; регионы

Economic and Demographic Factors of Drug Crime in Russian Regions

O. V. Sanaeva ^а, S. V. Doroshenko ^б

^{а, б} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-9826-9547>

^б Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>

Corresponding author: O. V. Sanaeva (olg.sanaev@yandex.ru)

Abstract. This study aims to assess the impact of economic and demographic factors on one of the extreme forms of deviant behaviour — drug crimes. For that purpose, the socio-economic characteristics of regions were analysed. The work used panel data from 2009 to 2020 for 82 regions of the Russian Federation and applied the fixed effects method with the calculation of Driscoll-Kraay standard errors. The increase in unemployment, debt, divorce rates, mental illness and working hours lead to an increase in drug crimes, so it is necessary to focus on decreasing these factors in Russian regions. The limiting factor is the growth of the region's gross regional product. The obtained results can be used as recommendations for the formation of mechanisms for reducing the level of crimes related to drug trafficking in Russian regions. The research contributed to the empirical evidence of the influence of economic and demographic factors on drug crimes in Russia. Future research may expand the factors of analysis (inequality, periods of economic

¹ © Санаева О. В., Дорошенко С. В. Текст. 2023.

instability), as well as change the specification of the model (clustering) or the dependent variable (proportion of drug crimes to the total number of crimes).

Keywords: drug crimes; unemployment; debt; divorces; regions

Введение

Проблема преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, актуальна среди мирового сообщества, в том числе и для России. Несмотря на низкие темпы снижения уровня наркопреступлений (0,2 %)¹, особую тревогу вызывает снижение возраста лиц, употребляющих наркотические средства [1]. Что, в свою очередь, может свидетельствовать о формировании устойчивой наркосреды, выступающей формой ухода от действительности как адаптации части населения [2].

Большинство научных работ, поднимающих вопрос наркопреступлений в России, рассматривают данный феномен или со стороны юридической составляющей (изменения в законодательстве, недостаточные меры наказания, нерешенные в полной мере проблемы перевоза наркотиков мигрантами [3–6] и др.), или со стороны статистических данных, рассматривающих возможные причины наркопреступлений и их классификации [2, 7–9]. Однако чрезвычайно мало работ, выявляющих детерминанты и их влияние с применением регрессионного анализа. В работе [10] была предпринята попытка, однако на примере лишь части регионов. Поэтому цель нашей работы заключается именно в оценке влияния экономико-демографических факторов на уровень наркопреступлений в регионах России.

Статистика наркопреступлений в региональном разрезе

Под преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков, понимается незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка, сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов². Таким образом, данный показатель способен отражать и употребление наркотических средств, и их продажу.

В таблице 1 представлен рейтинг регионов России по уровню преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по данным 2020 г., для 10 регионов с высоким и низким уровнем. Для сравнения в таблице также указаны показатели соответствующего региона на 2015 г. Курсивом выделены регионы, которые и в 2015 г. входили в десятку по уровню показателя.

Чеченская Республика, Чукотский автономный округ, Республика Ингушетия, Республика Адыгея, Тульская и Белгородская области по протяжении пяти лет (2015–2020) относятся к 10 регионам с низким уровнем преступности. Почти по всем регионам наблюдается снижение уровня преступности (отрицательное значение Δ), кроме Республики Адыгея, в которой уровень в 2020 г. вырос на 1,11 случая на 10 тыс. населения относительно уровня 2015 г. (табл. 1).

К десятке регионов с высоким уровнем преступлений, связанных с наркотиками, как по данным 2015 г., так и 2020 г. относятся Магаданская область, Приморский край, Амурская область, Еврейская автономная область и Республика Тыва. В данной группе регионов заметен рост уровня преступности. У пяти регионов положительное

¹ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России — декабрь 2020 г. <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 20.01.2023).

² Портал правовой статистики. http://crimestat.ru/indicator_passport (дата обращения 10.12.2022).

Таблица 1

Рейтинг регионов России по уровню преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на 10 тыс. населения (по возрастанию)

№	Регионы (низкий уровень преступлений)				№	Регионы (высокий уровень преступлений)			
	2020	2015	Δ	2020		2015	Δ		
1	Чеченская Респ.	3,34	5,01	-1,67	76	Челябинская обл.	20,68	18,31	2,37
2	Чукотский АО	4,21	4,97	-0,76	77	Новгородская обл.	20,94	12,59	8,35
3	Респ. Саха (Якутия)	5,34	11,13	-5,79	78	Магаданская обл.	21,99	35,12	-13,13
4	Респ. Ингушетия	6,02	9,37	-3,35	79	Приморский край	22,33	33,62	-11,29
5	Респ. Адыгея (Адыгея)	6,52	5,41	1,11	80	Псковская обл.	22,51	9,57	12,94
6	Волгоградская обл.	6,63	10,31	-3,68	81	Респ. Хакасия	23,25	18,08	5,17
7	Тульская обл.	7,27	9,08	-1,81	82	Амурская обл.	23,79	26,76	-2,97
8	Вологодская обл.	7,29	14,50	-7,21	83	Еврейская автон. обл.	24,27	28,99	-4,72
9	Белгородская обл.	7,36	7,48	-0,12	84	Респ. Тыва	24,78	36,22	-11,44
10	Ярославская обл.	7,5	12,93	-5,43	85	Респ. Северная Осетия	27,53	18,63	8,9
...	Россия в целом	12,97	16,18	-3,21

Источник: составлено авторами на основе Портала правовой статистики. http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения 10.01.2023).

значение Δ (Челябинская область, Новгородская и Псковская области, Республика Хакасия и Республика Северная Осетия).

В целом по России уровень преступлений, связанных с наркотиками, сократился в 2020 г. на 3,21 случая на 10 тыс. населения относительно 2015 г. Однако число регионов с уровнем, превышающим показатель по России, увеличивается. Например, по данным 2015 года у 33-х субъектов наблюдался уровень преступлений, превышающий средний уровень по Российской Федерации, в то время как по данным 2020 г. уже у 40 регионов РФ.

Помимо этого, анализируя уровень наркопреступлений в регионах России, стоит обратить внимание на показатель доли наркопреступлений от общего количества. По данным Ежемесячного сборника о состоянии преступности, на 2019 г. среди всех регионов РФ наибольшая доля преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, от общего числа преступлений в регионе была обнаружена в Республике Северная Осетия (24 %). Далее следуют Республика Дагестан (18 %), Чеченская Республика (17 %) и Санкт-Петербург (16 %)¹. Как мы видим, несмотря на то, что Чеченская Республика входит в список регионов с низким уровнем наркопреступлений относительно численности (табл. 1), она входит в тройку лидеров по их удельному весу. Стоит отметить, что на протяжении рассматриваемого периода регионы Северного Кавказа и Санкт-Петербург лидируют по значению доли преступлений, связанных с наркотиками, от общего уровня преступности региона. Причина такого поведения, скорее всего, кроется в высокой нестабильности социально-экономической обстановки для регионов Северного Кавказа, а для Санкт-Петербурга — в его местоположении (город является удобным пунктом транспортировки наркотических средств и объединяет большое количество молодежных субкультур) [11].

¹ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России — декабрь 2020 г. // Портал правовой статистики. <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 20.01.2023).

Обзор литературы

На факт желая употребления или распространения наркотических средств могут оказывать различные факторы как внешней, так и внутренней среды. Причина столь широкого распространения наркотиков среди молодежи может заключаться в принятии наркосреды как допустимой нормы среди части групп населения. К примеру подростки, состоящие на учете в ПНД, относят к проявлению девиантного поведения лишь кражи и нарушения закона, считая употребление алкоголя, сигарет и ненормативной лексики как нормы [12]. Таким образом, наблюдается изменение восприятия дозволенного поведения в крайнюю сторону.

Чаще всего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, совершают молодые люди от 25 до 35 лет и безработные [11]. Действительно, значительная часть авторов отмечают, что именно безработица, бедность и затяжной экономический кризис стали спусковым крючком большого количества преступлений [9, 13]. Помимо этого, алкоголь и психические расстройства могут служить факторами преступности.

Также авторы отмечают наличие заболеваемости (гепатиты, ВИЧ) у лиц, совершающих преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Притом стоит отметить, что связь двунаправленная. С одной стороны, хронические заболевания могут возникнуть как раз из-за приема наркотических средств. С другой стороны, нарушители объясняют свое поведение вынужденной необходимостью оплачивать кредиты, взятые на лечение, или отсутствия иного вида заработка [14], что подтверждается связью между задолженностью и совершаемыми преступлениями в работе [15].

Важным фактором выступает семейный статус. Часто развод приводит к депрессивному состоянию и отторжению окружающего мира, что может спровоцировать желание употребить наркотики. Однако основная проблема кроется в перенесении серьезных эмоциональных переживаний ребенком после развода родителей [16]. Отчуждение от родителей, финансовые проблемы в неполной семье, недостаточная забота о ребенке могут стать причиной криминального образа жизни, связанного, в частности, с наркотиками [17].

Таким образом, нами были выдвинуты следующие гипотезы.

Н1) безработица, финансовые проблемы и разводы увеличивают уровень преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиками;

Н2) увеличение роста экономического развития региона оказывает сдерживающий эффект на наркопреступления.

Данные и метод

Для анализа были использованы панельные данные с 2009 г. по 2020 г. по 82 субъектам Российской Федерации. В выборку не были включены города Крыма, Севастополь и Чеченская Республика по причине существенного пропуска данных за рассматриваемый период.

В качестве зависимой переменной выступает количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков¹. Для расчета относительного показателя был использован уровень численности постоянного населения в среднем за год². Однако для нормальности распределения зависимая переменная

¹ Портал правовой статистики. http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения 15.01.2023).

² ЕМИСС. <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения 10.01.2023).

Таблица 2

Описание переменных	
Переменная	Описание переменной
<i>Зависимая переменная</i>	
Наркопреступления	Уровень зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на 10 тыс. населения, шт.
<i>Объясняющие переменные</i>	
Безработица	Средний уровень безработицы региона, %
Задолженность	Объем задолженности физических лиц по кредитам в млн рублей к ЭАН в регионе (с учетом межрегионального индекса цен), млн руб.
Алкоголь	Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом алкоголизма и алкогольного психоза (чел. 100 тыс. населения), чел.
Псих. заболеваемость	Доля пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях, от общего числа лиц с заболеваемостью психического расстройства и расстройствами поведения, %
Разводы	Коэффициент разводимости на 1000 человек населения, чел.
Продолжительность рабочего времени	Средняя фактическая продолжительность рабочей недели занятого населения, час
ВРП	ВРП в ценах базового года к численности населения, руб.

Источник: составлено авторами на основе Регионы России. Социально-экономические показатели. https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 20.12.2022).

была прологарифмирована. Описание всех переменных анализа представлено в таблице 2.

Были построены модели со случайными и фиксированными эффектами. На основании теста Хаусмана наилучшей моделью была выбрана модель с фиксированными эффектами, что вполне логично, т.к. при анализе статистики наркопреступлений в региональном разрезе уже было заметно, что около половины субъектов сохраняют свои позиции в рейтинге на протяжении пяти лет. Для региональных данных свойственна поперечная зависимость, вследствие чего в работе был использован метод фиксированных эффектов с расчетом стандартных ошибок методом Дрисколла — Края, позволяющий решить данную проблему.

Результаты и обсуждение

Результаты оценки представлены в таблице 3.

Переменная безработицы оказывает положительное статистически значимое влияние на уровень наркопреступлений. Увеличение безработицы на 1 % приводит к росту количества преступлений на 1,3 %. Действительно, потеря работы может служить поводом для незаконного быстрого заработка или причиной употребления психотропных препаратов для ухода от нависших проблем.

Коэффициент логарифма ВРП значим и отрицателен. Следовательно, увеличение уровня ВРП в регионе в среднем приводит к снижению уровня преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на 0,45 %. Экономическое развитие региона может способствовать формированию социальных и экономических институтов, сдерживающих уровень преступности.

Следующим значимым фактором выступает уровень закредитованности населения. Данные, представленные в таблице 3, показывают, что рост объема кредитов в регионе увеличивает число преступлений на 0,1 %. Влияния коэффициента меньше,

Результаты оценки методом Дрисколла – Края

Переменная	Коэффициент (стандартная ошибка)	Доверительный интервал (95 %)
Безработица	0,013** (0,005)	0,002 (0,024)
Логарифм ВРП	-0,449*** (0,1)	-0,676 (-0,223)
Задолженность	0,001** (0,000)	0,000 (0,002)
Алкоголь	-0,001 (0,002)	-0,001 (0,001)
Псих. заболеваемость	0,503** (0,202)	0,046 (0,960)
Разводы	0,145*** (0,008)	0,082 (0,208)
Продолжительность рабочего времени	0,022** (0,202)	0,005 (0,040)
Константа	6,520*** (1,204)	3,796 (9,244)
Фиксированные эффекты (региона)	да	
Кол-во наблюдений	830	
<i>R-sq</i>	0,22	
<i>Prob > F</i>	0,0000	

Источник: составлено автором в пакете Stata 14.

Примечание: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

чем у ВРП или безработицы, однако оно статистически значимо. Финансовые проблемы в виде задолженности могут послужить причиной нарушения закона из-за быстрого заработка.

Переменная количества лиц с психическим расстройством положительно влияет на уровень наркопреступлений в регионе, что крайне логично. Нарушения психики или личностных ориентиров могут послужить причиной проявления форм девиантного поведения. Помимо этого, высокое значение переменной заболеваемости психическими расстройствами может быть индикатором неблагоприятной социальной среды региона.

В модели оказался значим и коэффициент разводов, его увеличение приводит к росту числа преступлений на 14,5 % в среднем в регионе. Следовательно, укрепление института семьи в обществе играет существенную сдерживающую роль.

Следующим значимым фактором выступает продолжительность рабочего времени в регионе. Рост средней фактической продолжительности рабочей недели способствует увеличению числа наркопреступлений на 2,2 %, что может объясняться высокой нервной напряженностью на работе и сокращением времени досуга, которое могло бы быть потрачено на семью.

Переменная количества лиц с выявленным алкогольным психозом оказалась незначимой в модели, хотя логичнее было предположить наличие ее усугубляющего воздействия. Возможно, влияния не было обнаружено из-за природы самой переменной, отражающей не только уровень употребления алкоголя в регионе, но и качество работы лечебных центров.

Заключение

В результате работы подтвердились обе гипотезы. Безработица, финансовые проблемы и разводы увеличивают уровень преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиками, в регионах России, а экономическое развитие региона оказывает сдерживающий эффект на наркопреступления. Таким образом, полученные

результаты эмпирически доказывают важность как экономических, так и демографических факторов для решения проблемы наркопреступлений в регионах России. А именно следует снижать уровень безработицы, мониторить кредитную нагрузку населения, укреплять институт семьи и семейные ценности в обществе. Лишь комплексный подход, задействующий несколько сфер жизни общества, позволит заметно снизить уровень преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Направление будущих исследований по рассматриваемой проблеме может заключаться в расширении факторов анализа (неравенство, периоды экономической нестабильности), в изменении спецификации модели (кластеризация) или зависимой переменной (доля наркопреступлений от общего числа).

Полученные результаты могут быть использованы в качестве рекомендаций для формирования механизмов снижения уровня преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в регионах России.

Список источников

[1] Брылев В. И., Исупова И. В. Наркомониторинг среди молодежи // Юристъ Правоведъ. 2018. № 2(85). С. 178-182.

[2] Прянишников А. А. Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в современной России: актуальная статистика и аналитика // Социально-гуманитарные науки в информационном обществе: перспективы и потенциал. 2020. С. 56-59.

[3] Ашueva Д. Г. Статистика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в России // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сб. ст. XXVI междунар. науч.-практ. конф.; Пенза, 05 февр. 2020 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 62-65.

[4] Сенцов А. С., Волколупова В. А. Новое в правовой регламентации ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и наркосодержащих растений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4(23). С. 79-85.

[5] Газимуллин И. Ю. Актуальные проблемы раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. № 3(3). С. 24-29.

[6] Кетенчиева Е. С. Отдельные факторы, детерминирующие преступления мигрантов в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 2(43). С. 92-96.

[7] Курындина А. Н. Криминологическая классификация и типология личности лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3(6). С. 82-88.

[8] Дружинина Л. В. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вопросы науки и образования. 2020. № 1(85). С. 34-46.

[9] Готчина Л. В. Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 4(11). С. 767-775.

[10] Захаркина Н. В. Влияние отдельных социально-экономических показателей региона на уровень преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств // Актуальные вопросы права, экономики и управления. 2022. С. 214-218.

[11] *Крюкова Н. И., Буслаев С. И.* Криминологические показатели преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, их основные тенденции и закономерности // Экономика. Право. Общество. 2015. № 2. С. 29-36.

[12] *Шульга Т. И., Дворянчиков Н. В.* Представления подростков о девиантном поведении // Психология и право. 2020. № 3(10). С. 174-188.

[13] *Андриенко Ю.В.* В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2001. № 2(5). С. 194-220.

[14] *Кустов А. М., Мурзагалиева О. К., Шимановская К. Е.* Типичная информация о личности преступника при расследовании преступлений, совершенных в сфере оборота наркотических средств // Успехи в химии и химической технологии. 2017. № 7(188). С. 48-50.

[15] *Aaltonen M., Oksanen A., Kivivuori J.* Debt problems and crime // Criminology. 2016. No. 2(54). С. 307-331.

[16] *Унарова А. А., Платонова З. Н.* Влияние развода родителей на психологическое состояние подростков // Актуальные вопросы современной науки. 2018. С. 158-162.

[17] *Заречнев Д. О.* К вопросу о социально-психологических детерминантах преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2007. № 12. С. 98-102.

References

[1] *Brylev V. I., Isupova I. V.* Drug monitoring among youth // Lawyer — Pravoved. 2018. No. 2(85). P. 178-182.

[2] *Pryanishnikov A. A.* Crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in modern Russia: current statistics and analytics // Social and humanitarian sciences in the information society: prospects and potential. 2020. P. 56-59.

[3] *Aushev D. G.* Statistics of crimes in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in Russia // Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations: collection of articles of the XXVI International Scientific and Practical Conference (February 05, 2020). Penza: Science and Education, 2020. P. 62-65.

[4] *Sentsov A. S., Volkolupova V. A.* Current developments in legal regulation of responsibility for crimes related to illegal trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues, and drug-containing plants // Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest. 2012. No. 4(23). P. 79-85.

[5] *Gazimullin I. Yu.* Current issues of solving crimes related to illicit traffic of narcotic drugs and psychotropic substances // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2020. No. 3(3). P. 24-29.

[6] *Ketenchieva E. S.* Certain factors, determining crimes of migrants in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues // Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy. 2019. No. 2(43). P. 92-96.

[7] *Kuryndina A. N.* Criminological classification and typology of the personality of persons committing crimes related to drug trafficking // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2008. No. 3(6). P. 82-88.

[8] *Druzhinina L. V.* Forensic characteristics of crimes related to illegal drug trafficking // Questions of science and education. 2020. No. 1(85). P. 34-46.

[9] *Gotchina L. V.* Criminological characteristics of Russian drug-related crimes: structure, dynamics and forecast // Russian Journal of Criminology. 2017. No. 4(11). P. 767-775.

- [10] *Zakharkina N. V.* Influence of individual socio-economic indicators of the region on the level of crime in the sphere of illicit drug trafficking // Actual issues of law, economics and management. 2022. P. 214-218.
- [11] *Kryukova N. I., Buslaev S. I.* Criminological Indicators of Crimes Related to the Smuggling of Drugs, Their Main Trends and Patterns // Economics. Law. Society. 2015. No. 2. P. 29-36.
- [12] *Shulga T. I., Dvoryanchikov N. V.* Adolescents' Perceptions of Deviant Behavior // Psychology and Law. 2020. No. 3(10). P. 174-188.
- [13] *Andrienko Yu. V.* Understanding Crime Growth in Russia during Transition: A Criminometric Approach // The HSE Economic Journal. 2001. No. 2(5). P. 194-220.
- [14] *Kustov A. M., Murzagalieva O. K., Shimanovskaya K. E.* typical information on the personality of the criminal in the investigation of the crimes in the sphere of the turnover of narcotic drugs // Advances in chemistry and chemical technology. 2017. No. 7(188). P. 48-50.
- [15] *Aaltonen M., Oksanen A., Kivivuori J.* Debt problems and crime // Criminology. 2016. No. 2(54). P. 307-331.
- [16] *Unarova A. A., Platonova Z. N.* The impact of parental divorce on the psychological state of adolescents // Actual issues of modern science. 2018. P. 158-162.
- [17] *Zarechnev D. O.* On the issue of socio-psychological determinants of crimes related to the involvement of minors in drug trafficking // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 12. P. 98-102.

Благодарность

Исследование проводится в рамках темы плана НИР Института экономики УрО РАН на 2021-2023 гг. «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Acknowledgments

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021-2023 "Institutional models and factors of social and economic adaptation of the regional population in the context of the transition to dynamic development".

Информация об авторах

Санаева Ольга Владимировна — младший научный сотрудник, Институт экономики УРО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-9826-9547> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: olg.sanaev@yandex.ru).

Дорошенко Светлана Викторовна — доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики УрО РАН; профессор кафедры экономики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: doroshenkos@mail.ru).

About the authors

Olga V. Sanaeva — Research Assistant, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-9826-9547> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: olg.sanaev@yandex.ru).

Svetlana V. Doroshenko — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Sector for Research on Adaptation of Regional Systems, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Professor, Department of Economics, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: doroshenkos@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-14>

УДК 314.1

JEL classification: I14, I15, I31

МЕНТАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ 2022 Г.: ВЫЗОВЫ И ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ¹

Е. В. Селезнева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-6623-6815>

Автор для корреспонденции: Е. В. Селезнева (evselezneva@hse.ru)

Аннотация. В последние три года население России столкнулось с целым рядом изменений в повседневной жизни, способных нанести вред ментальному здоровью. Цель исследования — изучить влияние пандемии коронавируса и социально-экономических изменений 2022 г. на ментальное здоровье населения России. Эмпирической базой исследования стали глубинные интервью с представителями групп населения, наиболее уязвимых перед ухудшением ментального здоровья, проведенные в г. Москве и г. Ревде Свердловской области. Одной из ключевых характеристик жизни в пандемию и во время социально-экономических изменений 2022 г. стала неопределенность. Наиболее адаптивными стратегиями в условиях неопределенности стали общение с близкими и сохранение привычного уклада жизни. В более уязвимом положении перед факторами риска для ментального здоровья оказались (1) те, кто наряду с глобальными стрессорами (рисками для здоровья и жизни, дефицитом достоверной информации о происходящих событиях) столкнулся и с проявлениями экономической нестабильности — потерял работу и долгое время не мог найти новую, (2) растратил психологические ресурсы в период пандемии.

Ключевые слова: ментальное здоровье; психическое здоровье; копинг; ресурсы; пандемия COVID-19

Mental Health of the Russian Population during the COVID-19 Pandemic and Socio-Economic Changes of 2022: Challenges and Adaptation Strategies

E. Selezneva

HSE University (Moscow, Russia). <https://orcid.org/0000-0001-6623-6815>

Corresponding author: E. V. Selezneva (evselezneva@hse.ru)

Abstract. In the past three years, the population of Russia has faced numerous changes in everyday life that can harm mental health. The study evaluated the impact of the coronavirus pandemic and socio-economic changes of 2022 on the mental health of the Russian population. The analysis is based on the series of in-depth interviews in Moscow and Revda (Sverdlovsk oblast), representing population groups most vulnerable to the deterioration of mental health. One of the key features of life during the pandemic and the socio-economic changes of 2022 is uncertainty. The most adaptive strategies under uncertainty were communication with relatives and friends, and maintaining the usual way of life. The more vulnerable to risk factors for mental health were: (1) people who, along with global stressors (risks to health and life, lack of reliable information), also faced economic instability (e.g., lost their job and could not find a new one for a long time); (2) people who had wasted psychological resources during the pandemic.

Keywords: mental health; mental health; coping; resources; COVID-19 pandemic

¹ © Селезнева Е. В. Текст. 2023.

Введение

Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) рассматривает ментальное здоровье как важный компонент здоровья в целом, без внимания к которому невозможно достигнуть состояния полного благополучия человека. Согласно определению ВОЗ, под ментальным здоровьем следует понимать «состояние психического благополучия, которое позволяет людям справляться со стрессовыми ситуациями в жизни, реализовывать свой потенциал, успешно учиться и работать, а также вносить вклад в жизнь общества»¹.

Помимо удовлетворенности жизнью, ментальное здоровье отвечает за способность человека успешно выстраивать отношения между собой и адаптироваться к изменениям окружающего мира, в том числе социальным — в конечном счете обеспечивает устойчивость общества и его экономическое развитие. Ментальное здоровье вносит вклад и в показатели физического здоровья и смертности. Аффективные расстройства способны истощить биологические ресурсы организма, внести сбой в работу его систем и тем самым способствовать возникновению заболеваний и увеличению риска смерти [1–3]. И если данный механизм влияния ментального здоровья на смертность фиксируется чаще у лиц старших возрастов, то еще один механизм, проявляемый у населения средних возрастов, составляющих производительный потенциал страны, — по данным ВОЗ, более половины самоубийств приходится на население в возрасте до 50 лет².

Неблагоприятные изменения в экономике и обществе способны нанести существенный урон ментальному здоровью. Крупные исследовательские направления в рамках эпидемиологии, демографии и социологии сформировали работы по влиянию экономических кризисов XX в. и постсоциалистических трансформаций в России и странах Восточной Европы на здоровье и показатели смертности. Периоды экономического спада и социальных изменений оказывают влияние на ментальное здоровье, лишая части материальных ресурсов, а также социальных ролей, возможности пользоваться сформировавшейся картиной мира привычными ценностями. В подобных исследованиях индикаторами ухудшения ментального здоровья выступают распространенность суицидов, депрессии, снижение удовлетворенности жизнью, распространенность опасных видов девиантного поведения, в том числе связанных с употреблением психоактивных веществ.

Оценка влияния пандемии COVID-19 на ментальное здоровье населения стала обширным направлением исследований в странах мира в 2020–2022 гг. [4–7]. К наиболее массовым специфическим факторам риска для ментального здоровья, созданных пандемией, относятся: (1) страх перед заражением коронавирусом и его возможными последствиями, (2) изменение режима труда (обучения) и отдыха, (3) дефицит общения и вынужденное длительное пребывание в замкнутом пространстве с родственниками, (4) необходимость соблюдать запреты и санитарные нормы (например, носить маски), (5) дефицит надежной информации, (6) потеря близких, (7) нейротоксическое действие коронавируса у зараженных.

¹ Всемирная Организация Здравоохранения. <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response#> (дата обращения: 14.02.2023).

² World Health Organization. World mental health report: transforming mental health for all. 2022. <https://www.who.int/publications/i/item/9789240049338> (дата обращения: 14.02.2023).

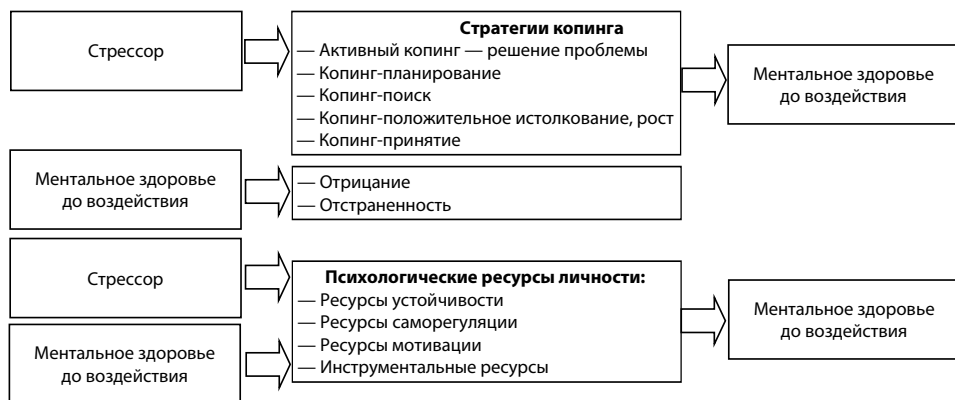

Рис. 1. Теоретическая модель исследования (источник: составлено автором на основе [13–17])

К проблеме влияния коронавируса на ментальное здоровье обращались и исследователи из России [8–12]. Однако за пределами внимания исследователей пока остается следующий неблагоприятный для ментального здоровья россиян период — специальной военной операции на Украине и сопутствующих ей экономических санкций в отношении России. В этот период, как мы предполагали, начиная исследование, продолжилось и усилилось воздействие отдельных негативных факторов, характерных для пандемии, а также возникли новые факторы риска.

Цель исследования — изучить влияние пандемии коронавируса и социально-экономических изменений 2022 г. на ментальное здоровье населения России.

Задачи исследования:

- 1) Выявить последствия пандемии и социально-экономических изменений 2022 г. с точки зрения ментального здоровья различных групп населения России.
- 2) Проанализировать стратегии адаптации населения к негативному воздействию пандемии и социально-экономических условий на ментальное здоровье; выявить конструктивные и разрушительные стратегии поведения.

Теоретическая модель исследования

В основе нашего исследования лежит положение о социальной детерминированности ментального здоровья. Негативные характеристики среды, в которой живет человек, автоматически не ухудшают здоровье. Они вызывают необходимость человека адаптироваться к ним, используя различные когнитивные и поведенческие стратегии, как конструктивные, так и деструктивные, задействовать психические (психологические) ресурсы (рис. 1). Если выбор стратегий и обеспеченность ресурсами являются оптимальными, последствия для ментального здоровья оказываются несущественными, если неоптимальными — ментальное здоровье может ухудшиться.

При этом выбор стратегий адаптации и обеспеченность психическими ресурсами определяются как генетическими и личностными особенностями, так и социальными факторами: уровнем образования индивида, образом жизни, условиями жизни, в которых происходило его внутриутробное и ранее развитие, доступом к психологической помощи, качеством социального окружения (социальных контактов),

а также характеристиками общества — по заявлению исследователей, фактором риска для ментального здоровья являются и высокое социальное неравенство, несправедливость в распределении ресурсов¹.

Метод

Для решения задач исследования в период с 27 октября по 9 ноября 2022 г. была проведена серия глубинных интервью. Информантами стали представители социальных групп, которые, согласно ВОЗ, являются наиболее уязвимыми перед ухудшением ментального здоровья, в том числе в период пандемии и социальных изменений:

— студенты — совершеннолетняя молодежь (18–24 года), с одной стороны, активная и вовлеченная в социальные контакты и способная испытать депривацию в период социальной изоляции, а с другой стороны, выстраивающая свою жизнь в соответствии с планами на будущее, а не текущими событиями, и потому способная оказаться в затруднительном положении во время перемен и неопределенности;

— женщины с детьми до 3 лет (25–35 лет) — группа населения, потеря ментального здоровья в которой обусловлена биологически женским полом, а также недавним принятием на себя роли матери и сопутствующими изменениями в укладе жизни и социальных контактах, уровне доходов;

— индивиды (25–45 лет), потерявшие работу в связи с пандемией или экономическими санкциями 2022 г. и испытывающие (или испытывавшие в недавнем прошлом) давление на ментальное здоровье необходимостью искать работу и потерей части доходов;

— врачи инфекционных отделений, оказывавшие помощь в течение длительного периода (не менее 1 месяца) больным коронавирусом — индивиды 30–55 лет, ментальное здоровье которых в период пандемии проверялось нестандартными и трудными профессиональными задачами, а также, возможно, моральным выбором по оказанию помощи;

— одиноко проживающие пожилые люди (65–72 лет) — группа населения, чье ментальное и, в конечном счете, физическое здоровье, зависит от наличия и качества социальных контактов.

Интервью проводились в двух географических точках, обеспечивающих, на наш взгляд, максимальную полярность мнений по вопросам ментального здоровья, личных стратегий его сбережения, используемых населением, и отношением к психологической помощи. Точками исследования стали г. Москва и г. Ревда Свердловской области. Ревда является провинциальным городом с численностью населения около 60 тыс. чел., расположенным вдали от крупных агломераций и очагов вооруженных конфликтов 2022 г. При этом в Ревде находится относительно большое количество промышленных предприятий и организаций, которые могли увольнять работников в пандемию или период санкций, что позволяет нам изучать на примере этого города проблему потери работы.

Распределение интервью по характеристикам информантов представлено в таблице 1.

¹World Health Organization. World mental health report: transforming mental health for all. 2022. <https://www.who.int/publications/i/item/9789240049338> (accessed on: 14.02.2023).

Таблица 1

Распределение интервью по характеристикам информантов

Категория информанта	Москва	Ревда	Всего интервью
Студенты	1 интервью с юношей, 1 интервью с девушкой	1 интервью с юношей, 1 интервью с девушкой	4
Женщины с детьми до 3 лет	2 интервью с женщинами	2 интервью с женщинами	4
Потерявшие работу в период пандемии	1 интервью с мужчиной, 1 интервью с женщиной	1 интервью с мужчиной, 1 интервью с женщиной	4
Потерявшие работу в период санкций	1 интервью с мужчиной, 1 интервью с женщиной	1 интервью с мужчиной, 1 интервью с женщиной	4
Врачи ковидных отделений	1 интервью с мужчиной, 1 интервью с женщиной	1 интервью с мужчиной, 1 интервью с женщиной	4
Одинок проживающие пожилые люди	1 интервью с мужчиной, 1 интервью с женщиной	1 интервью с мужчиной, 1 интервью с женщиной	4
Итого интервью			24

Результаты

Пандемия COVID-19 вызвала негативные переживания практически у всех информантов. Индивиды испытывали страх, тревогу, раздражение, апатию, что было связано как с отношением к самой инфекции, так и с вынужденным изменением уклада жизни и работы из-за самоизоляции. Среди специфических триггеров негативных эмоций, с которыми сталкивалось население России, можно отметить неоднозначность и непрозрачность правил, которые вводило государство, например, по получению и использованию QR-кодов на передвижение по городу. Отдельные информанты признавали, что коронавирусная инфекция сама по себе подрывала ресурсы организма, позволяющие бороться с раздражителями — повышалась раздражительность.

Часть населения испытывала переживания и по поводу экономических проявлений пандемии — даже те индивиды, материальное положение которых в итоге не пострадало. Такие установки могли стать результатом накопленного жителями России негативного опыта по переживанию достаточно частых экономических шоков — аспекты жизни, связанные с материальным обеспечением семьи, являются, по-видимому, сферой напряженного внимания всегда, и провоцируют алармистские настроения в ситуациях, когда возникает даже небольшая вероятность подобных событий.

Общей особенностью событий 2022 г. и пандемии является ощущение неопределенности, о котором информанты на интервью начинают говорить сами. Данное состояние формируют два вида обстоятельств: (1) с похожими событиями (эпидемией заболевания с высокой смертностью и отсутствием эффективных средств лечения, а также крупными военными действиями) информанты никогда в жизни не сталкивались и потому не имеют готовых рецептов до действий, (2) неизвестна (даже примерно) возможная продолжительность неблагоприятного периода. Отдельные информанты противопоставляют ситуацию неопределенности, которая вызывает шок или апатию, прочим раздражителям, при которых могут наблюдаться другие реакции: стресс, напряжение, агрессия, грусть:

*«Такое состояние было, что тебя немного выбили из жизни, тебе дали пинок под ***, ты не можешь выйти на ту ступеньку, на которой стоял. Такое ощущение неприкаянности. Вроде, у тебя была жизнь, ты ступеньку занимал, по работе, в семье, по здоровью*

у тебя было на пульсе, по часам, а тут тебя выбили, и ты стоишь, не можешь набрать воздух, понять, что дальше делать... У тебя падают руки, ощущения упаднические, потому что ты применяешь все, что можно, но это не помогает. Ощущения подвешенности. Не страха. Эмоций было очень мало. Кроме ощущений подвешенности не было ничего. Ни страха, ничего, такая апатичность.» (Потерявшие работу, Москва, женщина).

Пандемия рассматривается отдельными зарубежными исследователями через призму неопределенности [18, 19], однако стоит отметить, что они фокусируются на экономической неопределенности и рисках материального благополучия, в то время как население России, как показывает исследование, сталкивалось прежде всего с неопределенностью в отношении личной безопасности (и в пандемию, и в течение 2022 г.), изменениями в мировоззрении (в 2022 г.).

В ситуации неопределенности особую ценность представляет информация. Но, как показывает исследование, не всем гражданам она могла принести облегчение, возможно, в связи с ее невысоким качеством. Распространенной стратегией поведения в пандемию и особенно в 2022 г., позволяющей по заявлению информантов защитить их ментальное здоровье, стала сознательная закрытость от потоков данных из СМИ и обсуждения проблем с близкими.

Необходимо отметить, что интенсивность переживаний в период пандемии была различной. По интенсивности эмоций, демонстрируемых информантами, выделяются интервью с потерявшими работу, что может указывать либо на наибольшую уязвимость данной группы перед факторами риска для ментального здоровья (данные индивиды должны были одновременно адаптироваться к глобальным факторам риска, действовавшим на всех, и к проявлениям экономических шоков), либо большей легитимностью экономических потрясений как повода для жалоб. Второй уязвимой группой оказались врачи, которые сталкивались с самыми жесткими проявлениями пандемии (смертями пациентов и коллег) и в основном не получали какой-либо профессиональной психологической помощи. Среди врачей были и те, кто воспринял с большим пессимизмом события 2022 г., что может указывать на истощение психологических ресурсов данной группы за пандемию. Пандемию восприняли достаточно остро студенты, что согласуется с результатами зарубежных исследований [19–21], однако к событиям 2022 г. они отнеслись достаточно спокойно, хотя их могла по возрасту затронуть объявленная осенью частичная мобилизация.

Во время исследования была выявлена особенность, которая редко упоминается в зарубежных работах по восприятию населением пандемии. Участники интервью соглашались, что наряду с неприятными эмоциями события 2020 и 2021 гг. принесли им и позитивные эмоции. Чаще всего они были связаны с возможностью уделять больше времени, которое раньше было посвящено работе, близким или личным увлечениям. Такие ответы звучали в интервью с жителями Москвы, для которых, по-видимому, проблема баланса труда и отдыха обычно стоит более остро. Жители Ревды не заметили значительного улучшения жизни в пандемию и могли предьявить интервьюерам в ответ на соответствующий вопрос только дополнительные доплаты медицинским работникам, которые получили они сами или их родственники.

Основными стратегиями, используемыми населением в пандемию и в 2022 г., стали те, что относились к принятию стрессовой ситуации (копингу–принятию). Индивиды либо пытались заглушить стресс или раздражение спортивными занятиями, активной работой, в том числе на приусадебном участке, или учебой, либо уходили в мир литературы, сериалов. Поскольку вызовы были глобальными и непреодолимыми,

население скорее пыталось принять происходящие события, а не активно бороться с ними. Отдельные индивиды, попробовавшие другие стратегии, копинг-поиск (поиск ответов и новых ориентиров) или копинг-истолкование, по-видимому не добились успеха — реальность была слишком турбулентной, чтобы позволить быстро осмыслить ее и одержать над ней верх. Те, кто столкнулся с личными проблемами (например, потерей работы), мог пытаться преодолеть эту проблему, порой действуя иррационально («сесть в любую лодку» — устроиться на первую попавшую работу), только бы расстаться с неприятным статусом. Другие, понимая, что эту проблему быстро не решить, также отказывались от активных действий, пытались понять, как смягчить ощущения от пребывания в статусе безработного, как ожидалось, достаточно длительное.

Общение не как средство решения проблемы, а как средство снижения остроты эмоций использовали почти все рассмотренные группы населения, что соотносится с результатами социологических опросов, проведенными ведущими исследовательскими компаниями осенью 2022 г.¹ Врачи ковидных отделений стремились найти поддержку прежде всего у коллег, по-видимому, не рассчитывая на понимание родственников, не обладающих медицинским знанием, либо пытаясь их уберечь от негативных событий, напрямую не связанных с их семьей. При этом необходимо отметить, что и в пандемию, и в течение 2022 г. население имело ограниченный доступ к такой важнейшей стратегии адаптации к действию стрессоров, как общение. В 2020–2021 г. возможности для общения были ограничены в связи с требованиями социальной изоляции, в 2022 г. — возникшими различиями в точках зрения по поводу происходящего.

«...а тебя это [общение с близкими] еще больше заводит. И кому ты это высказываешь? Он не поддерживает тебя. И он либо усугубляет эту ситуацию, либо возникает спор на этой почве.» (Потерявшие работу, Москва, женщина).

На эффективность концентрации на обычных делах как стратегии адаптации к неблагоприятным условиям 2020–2022 гг. указывает большая психическая стабильность индивидов, которые считали себя занятыми в этот период.

«Но какие-то внешние события, даже если последние, хотя и страшные, они на меня не оказали такого огромного значения. Возможно, потому что я вся в ребенке. И туда весь фокус внимания, на внешние не хватает времени.» (Женщины с детьми, Москва).

«Отвлечения на какие-то дела. Даже домашние дела — посуду помыть, приготовить что-то, стирка, уборка, может быть, что-то почитать. Тогда отвлекаешься, переключаешь мысли свои на что-то другое, это помогает.» (Врачи, Москва, женщина).

«Потому что даже те идеи, которые в маленькой моей ООО не растут, но когда я прорабатываю, продумываю, таблицы считаю, я погружаюсь с головой, меня вообще ничего не волнует, что в мире происходит, даже рядом.» (Потерявшие работу, Москва, женщина).

«Отдельных граждан те трудные условия, в которых они оказались (по нашему предположению, прежде всего, в более тяжелый период, в 2022 г.), вынудили обратиться к такой деструктивной стратегии адаптации, как отстраненность.»

¹НАФИ. Две трети россиян испытывают тревогу из-за сложившейся социально-экономической ситуации [Электронный ресурс]. 2022. <https://nafi.ru/analyticts/dve-treti-rossiyan-ispityvayut-trevogu-iz-zaslzhivsheysya-sotsialno-ekonomicheskoy-situatsii/>. (дата обращения: 14.02.2023).

²ЦИОМ. Психологи среди нас. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/psikhologi-sredinas-2020>. (дата обращения: 14.02.2023).

Да, я не мог ни физически развлекаться, ни слушать музыку веселую, ни смотреть фильмы никакие. Только в основном документальные, мнения, что связано с войной, с переживанием. Как в Украине, так и в России. Я перестал со многими общаться, с друзьями и знакомыми.» (Потерявшие работу, Москва, мужчина).

Наличие ограничений с доступом к такой наиболее популярной и одной из наиболее эффективных стратегий адаптации к воздействию стрессоров, как общение, и обращение к деструктивным стратегиям указывает на то, что тех психологических ресурсов, которыми обладали граждане, в 2020–2022 гг. было не всегда достаточно для того, чтобы защитить ментальное здоровье от происходящих событий и сложившейся ситуации. При этом, однако, население неохотно обращается к профессиональной психологической помощи. Исследование показывает, что такая позиция населения может иметь четыре возможных источника:

- недостаточная осведомленность о методах и возможных результатах работы психолога;
- общая установка на самолечение (даже в сфере физического здоровья) как результат инструментального отношения к здоровью;
- национальная культура, предполагающая относительную закрытость, сохранение в тайне подробностей личной жизни;
- низкое ожидаемое качество услуг психологов.

Стигматизировать психологов и лиц, обращающихся за их услугами, больше склонны граждане старшего возраста и жители небольших городов. Однако заявления информантов указывают на то, что даже индивиды с прогрессивными взглядами, готовые обратиться за подобной помощью, предпочли бы скрыть факт обращения к психологу, поскольку не уверены, что будут правильно поняты ближайшим окружением.

Заключение

Исследование показало, что одной из ключевых характеристик жизни в пандемию и во время социально-экономических изменений 2022 г., которая могла ухудшить эмоциональное состояние населения России, стала неопределенность. События 2020–2022 гг., заражение новым вирусом и вступление России в военный конфликт никогда не случались в жизни участников интервью, поэтому готовые рецепты по тому, как относиться к этим событиям, как изменить свое поведение, чтобы обезопасить себя, как относиться к этим событиям, отсутствовали. Наблюдался дефицит информации, либо имеющаяся информация была не всегда достоверной. Трудно было понять, как долго продлится неблагоприятный период и каков сценарий дальнейшего развития глобальных событий.

В подобных условиях выбор стратегий, связанных с активным преодолением негативных событий, был не всегда возможен, не все подобные стратегии работали (например, потерявшие работу в 2022 г. отмечали, что не могут найти ее уже долгое время). Основными стратегиями населения в 2020–2022 г. были те, что обеспечивали принятие происходящих событий: общение с близкими, отвлечение на повседневные дела, работу на дачном участке, хобби, чтение книг и просмотр сериалов. Наиболее эффективными стратегиями адаптации к ситуации неопределенности стали общение с близкими и сохранение привычного образа жизни. Отдельные информанты заявили, что сознательно отказались от чтения новостей и обсуждения их с близкими, поскольку поступающая информация была бесполезной, но могла спровоцировать дополнительные негативные эмоции.

Социальные группы, которые более успешно адаптировались к проблемам пандемии и влиянию событий 2022 г., точно выделить сложно. Однако о том, что данные события достаточно перестали быть значимыми для них, чаще заявляли индивиды среднего возраста, имеющие большое количество обязательств перед окружающими: женщины с детьми, врачи. В более уязвимом положении перед факторами риска для ментального здоровья оказались те, кто наряду с глобальными стрессорами (рисками для здоровья и жизни, дефицитом достоверной информации о происходящих событиях) столкнулся и с проявлениями экономической нестабильности — потерял работу и долгое время не мог найти новую. Второй уязвимой группой стали те, кто столкнулся с серьезными стрессорами в пандемию и к 2022 г. мог истратить значительную часть психологических ресурсов для адаптации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- [1] *Juster R. P., McEwen B. S., Lupien S. J.* Allostatic load biomarkers of chronic stress and impact on health and cognition // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2010. Vol. 35, No. 1. P. 2-16.
- [2] Mental health status as a predictor of morbidity and mortality: a 15-year follow-up of members of a health maintenance organization / T. Vogt, C. Pope, J. Mullooly, J. Hollis // *American Journal of Public Health*. 1994. Vol. 84, No. 2. P. 227-231.
- [3] No health without mental health / M. Prince, V. Patel, S. Saxena, M. Maj, J. Maselko, M. R. Phillips, A. Rahman // *The Lancet*. 2007. Vol. 370, No. 9590. P. 859-877.
- [4] *Vindegaard N., Benros M. E.* COVID-19 pandemic and mental health consequences: Systematic review of the current evidence // *Brain, behavior, and immunity*. 2020. Vol. 89. P. 531-542.
- [5] Psychological impact of an epidemic/pandemic on the mental health of healthcare professionals: a rapid review / S. Stuijzfand, C. Deforges, V. Sandoz, C.-T. Sajin, C. Jaques, J. Elmers, A. Horsch // *BMC public health*. 2020. Vol. 20. P. 1-18.
- [6] Mental health outcomes of the CoViD-19 pandemic / D. Talevi, V. Socci, M. Carai, G. Carnaghi, S. Faleri, E. Trebbi, A. di Bernardo, F. Capelli, F. Pacitti // *Rivista di psichiatria*. 2020. Vol. 55, No. 3. P. 137-144.
- [7] The impact of the COVID-19 pandemic on women's mental health / M. Almeida, A. D. Shrestha, D. Stojanac, L. J. Miller // *Archives of women's mental health*. 2020. Vol. 23. P. 741-748.
- [8] Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 / С. Н. Ениколопов, О. М. Бойко, Т. И. Медведева, О. Ю. Воронцова, О. Ю. Казьмина // *Вызовы пандемии COVID-19: психическое здоровье, дистанционное образование, интернет-безопасность*. Москва: ФБГОУ ВО МГППУ, 2020. С. 100-121.
- [9] Анализ динамики депрессивной симптоматики и суицидальных идей во время пандемии COVID-19 в России / Т. И. Медведева, С. Н. Ениколопов, О. Н. Бойко, О. Ю. Воронцова // *Суицидология*. 2020. Т. 11, № 3(40). С. 3-16.
- [10] Качество жизни населения Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19 / Ю. Л. Шевченко, Т. И. Ионова, В. Я. Мельниченко, Т. П. Никитина // *Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н. И. Пирогова*. 2021. Т. 16, № 1. С. 74-83.
- [11] Resource Change Representation in the Russian Population after the First Three Months of the COVID-19 Pandemic Outbreak / F. Shankov, M. Chumakova, M. Vasilchuk, N. Kiselnikova // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2021. Vol. 18, No. 2. P. 247-258.
- [12] COVID-19 and Subjective Well-Being: Perceived Impact, Positive Psychological Resources and Protective Behavior / T. Bokhan, E. Galazhinsky, D. Leontiev, E. Rasskazova, O. Terekhina, A. Ulyanich, M. Shabalovskaya, A. Bogomaz, T. Vidyakina // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2021. P. 259-275.

[13] *Berg C. A., Meegan S. P., Deviney P. P.* A social-contextual model of coping with everyday problems across the lifespan // *International Journal of Behavioral Development*. 1998. No. 22(2). P. 231-237.

[14] *Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K.* Assessing Coping Strategies: a Theoretically Based Approach // *Journal of Personality and Social Psychology* 1989. Vol. 56. P. 267-283.

[15] *Frydenberg E.* Beyond Coping. Meeting goals, visions and challenges. Oxford University Press, 2002. 272 p.

[16] *Lazarus R. S., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. N.Y: Springer Publishing Company, 1984. 472 p.

[17] *Леонтьев Д. А.* Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструкторов // *Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе*. Мат-лы II междунар. науч.-практ. конф. Кострома 23-25 сент. 2010. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. Т. 2. С. 40-42.

[18] The association between uncertainty and mental health: a scoping review of the quantitative literature / A. Massazza, H. Kienzler, S. Al-Mitwalli, N. Tamimi, R. Giacaman // *Journal of Mental Health*. 2022. No. 32(2). P. 480-491.

[19] *Godinić D., Obrenovic B.* Effects of economic uncertainty on mental health in the COVID-19 pandemic context: social identity disturbance, job uncertainty and psychological well-being model // *International Journal of Innovation and Economic Development*. Vol. 6(1). P. 61-74. <http://doi.org/10.18775/ijied.1849-7551-7020.2015.61.2005>

[20] The impact of the COVID-19 Pandemic on self-reported health: Early evidence from the German National Cohort / A. Peters, S. Rospleszcz, K. H. Greiser, M. Dallavalle, K. Berger // *Deutsches Ärzteblatt International*. 2020. Vol. 117, No. 50. P. 861-867.

[21] *Szwarcwald C. L., Damacena G.N., Barros M.B.A.* et al. Factors affecting Brazilians' self-rated health during the COVID-19 pandemic / C. L. Szwarcwald, G. N. Damacena, M. B. A. Barros, D. C. Malta, P. R. B. Souza Júnior, L. O. Azevedo, I. E. Machado, M. C. Lima, D. Romero, C. S. Gomes, A. O. Werneck, D. R. P. Silva, R. Gracie, M. F. Pina // *Cadernos de Saúde Pública*. 2021. Vol. 37. P. 1-13.

References

[1] *Juster R. P., McEwen B. S., Lupien S. J.* Allostatic load biomarkers of chronic stress and impact on health and cognition // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2010. Vol. 35, No. 1. P. 2-16.

[2] Mental health status as a predictor of morbidity and mortality: a 15-year follow-up of members of a health maintenance organization / T. Vogt, C. Pope, J. Mullooly, J. Hollis // *American Journal of Public Health*. 1994. Vol. 84, No. 2. P. 227-231.

[3] No health without mental health / M. Prince, V. Patel, S. Saxena, M. Maj, J. Maselko, M. R. Phillips, A. Rahman // *The lancet*. 2007. Vol. 370, No. 9590. P. 859-877.

[4] *Vindegaard N., Benros M. E.* COVID-19 pandemic and mental health consequences: Systematic review of the current evidence // *Brain, behavior, and immunity*. 2020. Vol. 89. P. 531-542.

[5] Psychological impact of an epidemic/pandemic on the mental health of healthcare professionals: a rapid review / S. Stuijzfand, C. Deforges, V. Sandoz, C.-T. Sajin, C. Jaques, J. Elmers, A. Horsch // *BMC public health*. 2020. Vol. 20. P. 1-18.

[6] Mental health outcomes of the CoViD-19 pandemic / D. Talevi, V. Socci, M. Carai, G. Carnaghi, S. Faleri, E. Trebbi, A. di Bernardo, F. Capelli, F. Pacitti // *Rivista di psichiatria*. 2020. Vol. 55, No. 3. P. 137-144.

[7] The impact of the COVID-19 pandemic on women's mental health / M. Almeida, A. D. Shrestha, D. Stojanac, L. J. Miller // *Archives of women's mental health*. 2020. Vol. 23. P. 741-748.

[8] Dynamics of Psychological Reactions at the Start of the Pandemic of COVID-19 / S.N. Enikolopov, O. M. Boiko, T. I. Medvedeva, O. U. Vorontsova, O. Y. Kazmina // Challenges of the COVID-19 pandemic: mental health, distance education, Internet security. 2020. P. 100-121.

[9] The Dynamics of Depressive Symptoms and Suicidal Ideation during the Covid-19 Pandemic in Russia / T. I. Medvedeva, S. N. Enikolopov, O. M. Boyko, O. Yu. Vorontsova // Suicidology. 2020. Vol. 11, No. 3(40). P. 3-16.

[10] Quality of life in the population of Russian Federation during pandemic of COVID-19 / Yu. L. Shevchenko, T. I. Ionova, V. Ya. Mel'nichenko, T. P. Nikitina // Bulletin of Pirogov National Medical & Surgical Center. 2021. Vol. 16, No. 1. P. 74-85. (In Russ.)

[11] Resource Change Representation in the Russian Population after the First Three Months of the COVID-19 Pandemic Outbreak / F. Shankov, M. Chumakova, M. Vasilchuk, N. Kiselnikova // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2021. Vol. 18, No. 2. P. 247-258.

[12] COVID-19 and Subjective Well-Being: Perceived Impact, Positive Psychological Resources and Protective Behavior / T. Bokhan, E. Galazhinsky, D. Leontiev, E. Rasskazova, O. Terekhina, A. Ulyanich, M. Shabalovskaya, A. Bogomaz, T. Vidyakina // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2021. P. 259-275.

[13] *Berg C. A., Meegan S. P., Deviney P. P.* A social-contextual model of coping with everyday problems across the lifespan // International Journal of Behavioral Development. 1998. No. 22(2). P. 231-237.

[14] *Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K.* Assessing Coping Strategies: a Theoretically Based Approach // Journal of Personality and Social Psychology 1989. Vol. 56. P. 267-283.

[15] *Frydenberg E.* Beyond Coping. Meeting goals, visions and challenges. Oxford University Press, 2002. 272 p.

[16] *Lazarus R. S., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. N.Y: Springer Publishing Company, 1984. 472 p.

[17] *Leontiev D. A.* Psychological resources for overcoming stressful situations: to clarify the basic constructs // Psychology of stress and coping behavior in modern Russian society: materials of the II International scientific and practical conference. Kostroma. 2010. Vol. 2. P. 40-42.

[18] The association between uncertainty and mental health: a scoping review of the quantitative literature / A. Massazza, H. Kienzler, S. Al-Mitwalli, N. Tamimi, R. Giacaman // Journal of Mental Health. 2022. No. 32(2). P. 480-491.

[19] *Godinić D., Obrenovic B.* Effects of economic uncertainty on mental health in the COVID-19 pandemic context: social identity disturbance, job uncertainty and psychological well-being model // International Journal of Innovation and Economic Development. Vol. 6(1). P. 61-74. <http://doi.org/10.18775/ijied.1849-7551-7020.2015.61.2005>

[20] The impact of the COVID-19 Pandemic on self-reported health: Early evidence from the German National Cohort / A. Peters, S. Rospleszcz, K. H. Greiser, M. Dallavalle, K. Berger // Deutsches Ärzteblatt International. 2020. Vol. 117, No. 50. P. 861-867.

[21] *Szwarcwald C. L., Damacena G.N., Barros M.B.A.* et al. Factors affecting Brazilians' self-rated health during the COVID-19 pandemic / C. L. Szwarcwald, G. N. Damacena, M. B.A. Barros, D. C. Malta, P. R. B. Souza Júnior, L. O. Azevedo, I. E. Machado, M. C. Lima, D. Romero, C. S. Gomes, A. O. Werneck, D. R. P. Silva, R. Gracie, M. F. Pina // Cadernos de Saúde Pública. 2021. Vol. 37. P. 1-13.

Благодарность

Исследование проведено в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325), при финансовой поддержке Фонда развития прикладных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments

The article has been prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant Agreement Number: 075-15-2022-325) with the financial support of the HSE Applied Research Development Fund.

Информация об авторах

Селезнева Елена Владимировна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; <https://orcid.org/0000-0001-6623-6815> (Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; e-mail: evselezneva@hse.ru).

About the authors

Elena V. Selezneva — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, HSE University; <https://orcid.org/0000-0001-6623-6815> (20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: evselezneva@hse.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-15>

УДК 314.114

JEL classification: F 22, O 15

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ И НЕОБХОДИМОСТИ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ К УСЛОВИЯМ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ¹

Е. А. Трушкова

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-7232-2576>

Автор для корреспонденции: Е. А. Трушкова (trushkova.ea@uiec.ru)

Аннотация. *Статья посвящена изучению проблемы экологической миграции населения в условиях воздействия экологических угроз различных видов. В результате исследования в статье представлены анализ и описание условий отнесения лиц к категории экологического мигранта, климатического мигранта и экологического беженца, типология факторов, определяющих изменение условий окружающей среды и являющихся причинами миграции населения. Дано обоснование процесса экологической миграции как механизма адаптации населения в условиях климатических изменений и воздействия различного рода экологических угроз. Исследование экологической миграции как механизма адаптации населения позволяет обратить внимание на объективные процессы и тенденции перемещений населения в результате изменения экологических условий жизнедеятельности, отражает последовательность принятия решений с учетом оценки ситуации и пределов адаптации, после которой достижение целей действующего субъекта или потребности не могут быть защищены от недопустимых рисков с помощью адаптивных действий. Полученные результаты могут быть востребованы в сфере дальнейших исследований, касающихся разработок поэтапного плана адаптации населения в условиях изменения климата и нарастания экологических угроз.*

Ключевые слова: миграция; изменение климата; факторы окружающей среды; адаптация населения

The Study of Environmental Migration and Population Adaptation to the Impact of Various Environmental Threats

Е. А. Trushkova

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-7232-2576>

Corresponding author: E. A. Trushkova (trushkova.ea@uiec.ru)

Abstract. *The article examines the problem of ecological migration of the population under the influence of various environmental threats. As a result of the study, the paper presents an analysis and description of the conditions for distinguishing between environmental migrants, climate migrants and environmental refugees, as well as a typology of factors causing population migration, which determine the change in environmental conditions. The process of ecological migration as a mechanism of population adaptation affected by climate change and various kinds of environmental threats is substantiated. The study of environmental migration as a mechanism of population adaptation highlights the objective processes and trends of population movements resulting from changes in environmental conditions, reflects the decision-making sequence, taking into account the assessment of the situation and adaptation limits, after which the achievement of the goals or needs of the acting subject cannot be protected from unacceptable risks through adap-*

¹ © Трушкова Е. А. Текст. 2023.

tive action. The obtained results may be used in further research related to the development of a phased plan for population adaptation in the face of climate change and increasing environmental threats.

Keywords: migration; climate change; environmental factors; population adaptation

Введение

Развитие эпохи антропоцена и нарастающие проблемы изменения климата обратили внимание научного и политического сообществ к исследованию вопросов экологической миграции и необходимости разработок национальных планов адаптации, в том числе и в Российской Федерации. В 2008 г. Росгидромет опубликовал первый отчет об изменении климата и его последствиях в России¹. Для всего сообщества были изложены материалы, касающиеся наблюдаемых и ожидаемых изменений климата, их возможных последствий для природных и хозяйственных систем, здоровья населения, а также необходимости разработки адаптационных мероприятий и проведения дальнейших исследований. В 2014 г. Росгидрометом был выпущен Второй оценочный отчет² и сделаны выводы о необходимости детализации некоторых задач в виду их невыполнения политическим сообществом.

Распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2019 г. № 3183-р был утвержден Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года³. Разработка поэтапного плана вызвана тем, что в течение нескольких лет проявляется все больше ситуаций, свидетельствующих о превышении естественного уровня климатических изменений во многих регионах. В отчетах Росгидромета отмечается, что среднегодовая температура воздуха у поверхности Земли на территории РФ с середины 1970-х растет в среднем на 0,47 °C за 10 лет — это в 2,5 раза больше темпов роста средней мировой температуры воздуха. Как отмечено в официальных документах, значительная часть субъектов Российской Федерации подвержена ощутимому изменению климата, а последствия этих изменений оказывают существенное и усиливающееся воздействие на социально-экономическое развитие страны, условия жизни и здоровье людей, а также на состояние объектов экономики.

Так, например, по данным Глобальной базы данных о перемещении лиц внутри страны (Центра мониторинга внутреннего перемещения (IDMC)) в период с 2010 г. по 2021 г. было выявлено 147,7 тыс. перемещений лиц, подвергшихся стихийным природным бедствиям в Российской Федерации⁴.

Данные Центра мониторинга внутреннего перемещения населения из-за бедствий в условиях изменяющегося климата сигнализируют о реальности глобальной проблемы для многих регионов России.

Целью настоящей статьи являются определение и описание условий отнесения человека к категории экологического мигранта, типологии факторов, определяющих

¹ Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. <http://climate2008.igse.ru/> (дата обращения: 22.01.2023).

² Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. <http://voeikovmgo.ru/download/2014/od/od2.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).

³ Об утверждении национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 г. Распоряжение Правительства РФ от 25 дек. 2019 г. № 3183-р. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73266443/#1000> (дата обращения: 22.01.2023).

⁴ Global internal displacement database. Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC). <https://www.internal-displacement.org/database/displacement-data> (дата обращения: 22.01.2023).

изменение условий среды и миграции населения, обоснование экологической миграции как механизма адаптации населения в условиях климатических изменений и воздействия различного рода экологических угроз.

Объектом исследования являются причины миграции и процессы адаптации населения в обстоятельствах воздействия факторов окружающей среды. При этом предметом должен стать круг условий экологической миграции в результате различной природы воздействий среды, мобилизации внутренних предпочтений индивидов, выбора способов адаптации.

В качестве методов исследования использовались анализ и синтез результатов предыдущих исследований отечественных и зарубежных ученых, обобщения понятий и метод классификации условий экологической миграции.

Методология настоящей работы заключается в изучении научных работ как российских, так зарубежных ученых, мировых общественных организаций и федеральных органов власти (Росгидромет, Росприроднадзор) по вопросам изменения климата.

Основная часть

Понятие экологической миграции. В настоящее время не сложилось единого подхода к разработке и трактовке понятия экологической миграции. В монографии Д.В. Иванова, Д.К. Бекашева [1] приводится широкий перечень наиболее часто встречаемых в научной литературе терминов, имеющих сходное значение: экологический беженец / перемещенное лицо; экологический мигрант; вынужденный экологический мигрант; мигрант по экологическим мотивам; мигрант / беженец / перемещенное лицо, мигрирующее в связи с реализацией проектов развития; климатический мигрант / беженец / перемещенное лицо; мигрант / беженец / перемещенное лицо в связи с изменением климата; экомигрант / беженец; будущий экологический беженец.

Проблема экологической миграции изучается многими специалистами из разных областей знаний — социологии, демографии, миграции, антропоэкологии, экономики и т. д. Помимо этого, в решении современных глобальных проблем изменения климата немаловажен вклад международных и национальных общественных организаций.

Применительно к настоящему исследованию понятие миграции и обусловленность процесса перемещения населения факторным влиянием и его последствиями приведено В.М. Моисеенко. Автором миграция представлена как «одна из форм движения населения, при которой перемена места жительства на более или менее значительное расстояние и время сопровождается общественно значимыми экономическими, социальными, демографическими и другими последствиями (позитивными и негативными, явными и скрытыми, текущими и долгосрочными и т. д.) [2, с. 18].

Сами по себе изменение климата и состояние окружающей среды являются общественно значимой проблемой, поскольку эта проблема носит не только локальный характер и связана со здоровьем человека и качеством его жизни, но имеет более глобальный подтекст — изменению подвержены все природные компоненты (вода, воздух, суша, растительный и животный мир).

На конференции 2008 г. в Бонне, посвященной миграции, связанной с состоянием окружающей среды, были выделены следующие категории мигрантов:

1) экологические чрезвычайные мигранты, которые бегут от опасного экологического воздействия, чтобы спасти свои жизни;

2) экологические принудительные мигранты, которые уезжают с постоянного места жительства, чтобы избежать неизбежных и серьезных последствий экологической деградации окружающей среды;

3) экологические мотивируемые мигранты, которые имеют возможность (в частности и материальную) оставить район постоянного места жительства с постоянно ухудшающейся экологической обстановкой, чтобы найти лучшее место жительства¹.

Выделение категории принудительных мигрантов, на наш взгляд, не совсем корректно, поскольку принуждение связано с противоправными насильственными (психологическими) действиями в отношении субъекта (человека, группы людей). Природа не может быть субъектом действия. Негативные природно-климатические особенности и неблагоприятная окружающая среда могут являться побудительной причиной — мотивом для принятия решений человеком, быть основанием для переезда в другой населенный пункт или за пределы государства.

Наиболее развернутое определение экологической миграции представлено в работе В.И. Евтушенко. Под данной дефиницией автор рассматривает «перемещение людей с целью изменения постоянного места жительства или места пребывания, связанное с невозможностью или нежеланием нахождения в зоне экологического бедствия при природной или техногенной катастрофе, изменении экологической, санитарно-эпидемиологической или климатической обстановки и невозможности возвращения до стабилизации экологической или санитарно-эпидемиологической ситуации на прежнее место жительства или место пребывания вследствие угрозы жизни или нанесения вреда здоровью, или нежеланием возвращения на прежнее место жительства вследствие таких опасений» [3, с. 150]. В данном определении перемещение населения скорее вызвано мотивами сохранения здоровья и предотвращением угрозы жизни и здоровью.

Многие авторы еще выделяют экономические причины миграции вследствие негативного воздействия экологической и климатической обстановки. М.Л. Хантер, Д.К. Луна и Р.М. Нортон отмечают, что миграция часто является стратегией домохозяйства по диверсификации рисков, зависящих от состава домохозяйства, индивидуальных характеристик, социальных связей, а также исторических, политических и экономических условий. Они подчеркивают, что миграция является давней формой адаптации к окружающей среде и лишь одной из многих форм адаптации [4].

По данным International Organization for Migration, экологические мигранты — это «лица или группы лиц, которые вынуждены покинуть свои дома временно или навсегда, переехав внутри страны или за границу по причинам внезапного или прогрессирующего изменения окружающей среды, которое отрицательно влияет на их жизнь»² (вынужденную и добровольную, временную и постоянную, внутреннюю и международную, индивидуальную и коллективную, близкую и дальнюю). Авторы, исходя из стадий изменения состояния окружающей среды, описывают сценарии, связанные с миграцией, в том числе и имеющие экономический подтекст:

1) миграцию на менее поздних стадиях постепенного изменения окружающей среды (снижение улова рыбы связано с уменьшением ее запасов, снижение производства сельхозпродукции). В данном случае миграция вызвана снижением заработков

¹ Bonn Points. <http://www.efmsv2008.org/article/780?menu=103> (дата обращения: 22.01.2023).

² Discussion note: migration and the environment. https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/jahia/webdav/shared/shared/mainsite/about_iom/en/council/94/MC_INF_288.pdf (дата обращения: 22.01.2023).

домохозяйств. Данную миграцию авторы описывают как временную, необходимую для восстановления природной системы;

2) миграция на поздних стадиях постепенного изменения окружающей среды. В данном случае изменения окружающей среды приводят к переходу от циркулярной к постоянной миграции. Постоянное ухудшение состояния окружающей среды, которое может усугубляться или не усугубляться изменением климата, может полностью подорвать местную среду обитания и уменьшить средства к существованию и др.

Исследователь ЮНЕП Эссам Эль-Хиннави [5, с. 466] не разграничивает понятия экологического мигранта и экологического беженца и рассматривает их как «те люди, которые были вынуждены покинуть свою традиционную среду, временно или постоянно, из-за выраженного экологического нарушения окружающей среды (естественные и / или вызванные людьми), которые поставили под угрозу их существование и / или серьезно повлияли на качество их жизни». Под «нарушением окружающей среды» автор подразумевает любые физические, химические и / или биологические изменения в экосистеме, которые не подходят для поддержания жизни [6].

Автор не делает различий между беженцами, которые спасаются от внезапных землетрясений, наводнений или извержений вулкана, и теми, кто неспешно покидает свои дома по мере ухудшения состояния почвы.

Многие авторы в качестве подвида экологической миграции рассматривают климатическую миграцию, делят лиц, которые переместились, на добровольных мигрантов и вынужденных переселенцев (беженцев).

В научной литературе и мировом сообществе обсуждаются проблемы экоцида и признания статуса экологического беженца. В том числе и в российском уголовном законодательстве закреплена уголовная ответственность за экоцид (ст. 358 УК РФ) — массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу¹.

Д. С. Бейтс в качестве примера преднамеренного разрушения среды обитания человека и уничтожения природных ресурсов с целью стратегического перемещения основной массы населения приводит печально известный случай с массовым уничтожением 85 % посевных площадей во Вьетнаме и использованием для этих целей дефолиантов и гербицидов Соединенными Штатами в 1960–1970-х гг. [5, с. 472–473].

В настоящее время в мире существует первый случай получения статуса климатического беженца гражданином островного государства Кирибати по имени И. Тейтиота². Место жительства семьи И. Тейтиота было подвержено сильнейшим климатическим изменениям. Сокращение количества питьевой воды, площади самого острова из-за повышения уровня моря, деградация почв — все это привело к конфликтам в борьбе за ресурсы между островитянами. С 2010 г. по 2013 г. семья И. Тейтиота пыталась получить статус беженцев в Новой Зеландии. Однако они были депортированы по причине отсутствия правовых оснований получения данного статуса по экологическим причинам. В 2015 г. островитянин обратился с жалобой в Комиссию по правам человека

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/31ec6d92fb1854250f7b09764276f39aec4bfa4b/ (дата обращения: 22.01.2023).

² РБК тренды. <https://trends.rbc.ru/trends/green/60b0a6d59a794726b0de9e6d> (дата обращения: 22.01.2023).

ООН, которым было установлено новое юридическое решение о том, что в случае если жизни человека угрожает климатический кризис в стране его проживания, он не может быть депортирован.

Мы согласимся с мнением Т.Н. Юдиной по поводу того, что люди, подвергшиеся переселению вследствие изменений в окружающей среде, как правило, не рассматриваются в качестве беженцев, даже если они переместились внутри страны или выехали за границу. Отличительной чертой, как поясняет автор, является то, что беженцы лишены защиты со стороны своего государства, поэтому прибегают к помощи международного сообщества, в то время как экологические мигранты могут рассчитывать на помощь государства [7, с. 318]. Однако при этом, по мнению автора, пострадавшее население, покинувшее прежнее место в поисках защиты другого государства по причине преднамеренного уничтожения иными лицами окружающей среды (отравление, сжигание посевов) с целью преследования или запугивания населения, могут вполне претендовать на статус беженца.

В настоящее время страны можно разделить на три типа на основании типа политики, имеющей отношение к миграции, связанной с окружающей средой:

1) страны, предусматривающие дополнительную защиту для людей, которые не могут вернуться в страну своего происхождения по причине экологической катастрофы. Так, например, законы об иностранцах Финляндии¹ и Швеции² предусматривают дополнительную защиту для людей, которые не могут вернуться в страну своего происхождения «в результате экологической катастрофы». Помимо этого, закон Финляндии³ предусматривает временную защиту в случаях, когда «имело место массовое перемещение людей... конфликт, иная насильственная ситуация или экологическая катастрофа»;

2) страны, предполагающие различные программы для сезонных рабочих, для которых, например, улов рыбы или сельское хозяйство являются основным источником дохода, и они вынужденно не могут некоторое время заниматься этим делом в стране своего проживания (может по причине сезонного повышения воды). Например, закон Австралии о миграции (климатические беженцы) позволяет австралийским предпринятиям нанимать рабочих из тихоокеанских штатов. Это позволяет не только решить проблему потребности в рабочей силе, но и способствовать сокращению бедности и экономическому развитию в странах Тихоокеанского региона. Данные законодательные положения не предназначены для решения проблемы адаптации к изменению климата и основаны лишь на содействии занятости;

3) страны, не регламентирующие статус экологического беженца или мигранта в отношении лиц, которые вынуждены были мигрировать по причине экологического воздействия. На них распространяются основные законодательные положения, касающиеся о правовых положениях мигрантов и беженцев. Например, в соответствии с российским законодательством так называемые «экологические беженцы» в действительности признаются лишь мигрантами, в результате чего лишены

¹Закон об иностранцах Финляндии. Раздел 88a(1). <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2004/en20040301.pdf> (дата обращения 17.03.2023); Закон об иностранцах Финляндии. Раздел 109. <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2004/en20040301.pdf> (дата обращения 17.03.2023).

²Закон об иностранцах Швеции. Гл. 4, раздел 2. https://www.government.se/contentassets/784b3d7be3a54a0185f284bbb2683055/aliens-act-2005_716.pdf (Дата обращения 17.03.2023).

³Закон об иностранцах Финляндии, раздел 109. <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2004/en20040301.pdf> (дата обращения 17.03.2023).

статуса, предусматривающего особый набор прав, позволяющих облегчить их адаптацию в стране [8, с. 178]. Если же иностранные граждане и лица без гражданства стали заложниками чрезвычайной ситуации, в том числе и природного характера, на территории Российской Федерации, то защита их прав осуществляется на основании Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹. Данный закон прописывает права и обязанности для иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе и право на возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций.

Обоснование экологической компоненты миграции населения и последовательности этапа адаптации. В настоящее время в контексте выработки политических и управленческих решений к процессам приспособления природных и социально-экономических систем, человека, группы людей и населения в целом к изменению климата и окружающей среде экологическая (климатическая) миграция может рассматриваться как механизм адаптации населения. Хотя некоторые считают, что экологическая миграция часто происходит на фоне определенного изменения социально-экономического положения региона, а иногда и политической ситуации в стране [9, с. 26].

На наш взгляд, экологическая миграция как механизм адаптации, как индивидуальная, так и групповая, характеризуется принципом причинности и объясняется категориями «причина» и «следствие». В качестве причины мы рассматриваем воздействие экологического фактора, его характеристики, и, как следствие, принятие решения человеком о перемещении.

Для обоснования процесса экологической миграции и развития адаптационного процесса вследствие воздействия экологического фактора (рис.) нами был выбран подход С.В. Дорошенко и Е.А. Трушковой. Отличительной характеристикой подхода авторов является то, что они рассматривают адаптацию как процесс, обусловленный не только воздействием факторов внешней среды, но и характеристикой индивидуально-личностных, ментальных, ценностных особенностей, факторами детерминации его поведения, этапами последовательного принятия решений относительно адаптации и выбора механизма.

Сама адаптация авторами рассматривается как «характеристика процессов осознанной деятельности человека или социальной группы людей, обусловленной ... возникновением новых элементов и структур, характеризующих изменения среды, а также появления ситуации, когда новые средовые требования не отвечают аксиологическому контексту жизнедеятельности индивидов или социальной группы (в условиях данной среды), тем самым способствуя необходимости поэтапного преобразования ситуации субъектами в их пользу или поэтапного приспособления к нему» [10].

Рассмотрим более подробно.

Состояние окружающей среды характеризуется экологическим равновесием² — соотношением (как качественным, так и количественным) всех природных процессов, экологических компонентов, факторов человеческой деятельности. Нарушение

¹ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 04.11.2022). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 22.01.2023).

² Академическое равновесие // Биология. Современная иллюстрированная энциклопедия. https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/6618/ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ (дата обращения: 22.01.2023).

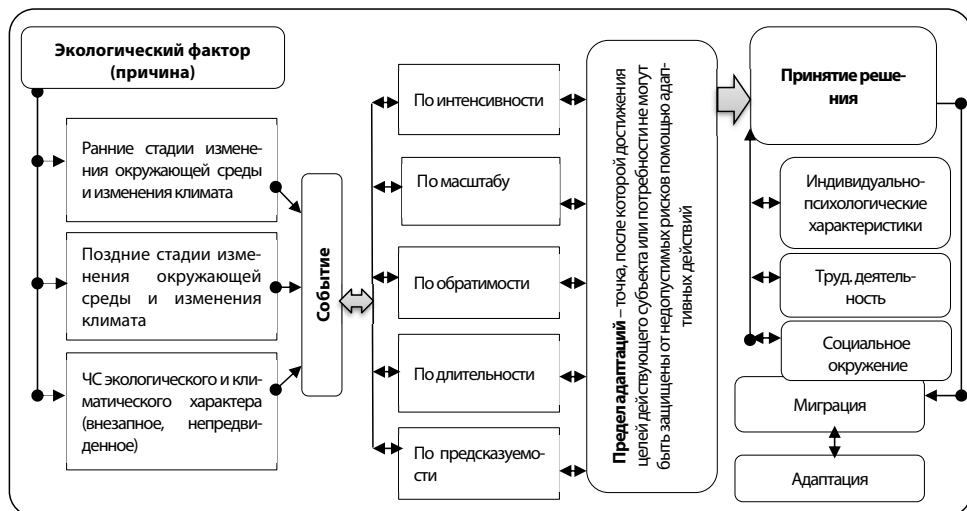

Рис. Обоснование экологической компоненты миграции населения и последовательности этапа адаптации (источник: составлено автором)

экологического равновесия представляет собой естественный или вызванный хозяйственной деятельностью несбалансированный ход природных процессов, ведущий к нарушениям устойчивого состояния окружающей среды¹ либо любое временное или постоянное отклонение от благоприятных для человека условий среды жизни (экологии человека)².

Условно можно выделить ранние стадии изменения окружающей среды и изменения климата, поздние стадии изменения окружающей среды и изменения климата и чрезвычайные ситуации экологического и климатического характера, носящие внезапный и непредвиденный характер.

Анализ научной литературы позволил нам выделить причины экологической миграции вследствие нарушения экологического равновесия, представленные в таблице.

Представленные в таблице факторы, определяющие изменение условий среды, приводят к возникновению некоей ситуации — события, требующего ряда изменений в текущей жизнедеятельности человека и принятия им решений в условиях данной среды. При этом на принятие решения индивидом оказывают воздействие не только цели, потребности, эмоции, но и социальное окружение, семья.

Событие может классифицироваться по масштабности, интенсивности, обратимости, длительности, предсказуемости и, с одной стороны, рассматривается как стимул к принятию решений и осуществлению действий, с другой стороны, задает некий адаптационный предел — точку, после которой достижение целей действующего субъекта или потребности не могут быть защищены от недопустимых рисков помощью адаптивных действий [12, с. 74]. Здесь цели выступают как способ интеграции

¹ Нарушение экологического равновесия // Электронный словарь академик. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/emergency/1456/Нарушение> (дата обращения: 22.01.2023)

² Нарушение экологическое // Электронный словарь академик. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/emergency/1457/Нарушение>.

Наиболее часто встречающиеся в научной литературе факторы, определяющие изменение условий среды и миграции населения

Источник	Причина миграции
Н. Маерс [11]	отсутствие земли, обезлесение, эрозия почв, опустынивание, засоление почв, заболачивание, засуха, нехватка пресной воды, сельскохозяйственный стресс, сокращение биоразнообразия, неблагоприятные погодные явления, изменение климата, наводнения, ураганы, цунами, повышение уровня моря, лавины, сели и др.
Росстат ^{*1}	Экологическое неблагополучие; несоответствие природно-климатических условия
ООН ^{*2}	Деградация земель, опустынивание и засуха; стихийные бедствия и экстремальные погодные явления; повышение уровня моря и наводнения; промышленные аварии и загрязнения окружающей среды антропогенными выбросами; урбанизация и возведение инфраструктуры (плотин, автодорог и отчуждение земель); конфликты, связанные с борьбой за природные ресурсы
Национальная программа РФ ^{*3}	Рост повторяемости, интенсивности и продолжительности засух в одних регионах, экстремальных осадков, наводнений и опасного для сельского хозяйства переувлажнения почвы — в других; повышение пожароопасности в лесных массивах; деградация вечной мерзлоты в северных регионах с ущербом для строений и коммуникаций, нарушение экологического равновесия...
Международная организация по миграции ^{*4}	Экстремальные природные явления — стихийные бедствия и техногенные катастрофы (опустошительные цунами, землетрясения и наводнения); крупномасштабная застройка и охрана земель
ФЗ РФ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» ^{*5}	Обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы
Индекс экологической уязвимости (EVI) ^{*6}	50 индикаторов экологической уязвимости разделены на категории проблем: изменение климата, биоразнообразие, вода, сельское хозяйство и рыболовство, аспекты здоровья человека, опустынивание и подверженность стихийным бедствиям

^{*1} Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства и гражданству // Федеральная служба государственной статистики. https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm (дата обращения: 22.01.2023).

^{*2} Доклад Организации Объединенных Наций по окружающей среде «Перемещение населения по экологическим причинам: мобильность человека в эпоху антропоцена». https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/22269/Frontiers_2017_CH6_RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения: 22.01.2023).

^{*3} Об утверждении национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 г. Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2019 г. № 3183-р <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73266443/#1000> (дата обращения: 22.01.2023).

^{*4} Discussion note: migration and the environment. <https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/jahia/>

Окончание табл.

webdav/shared/shared/mainsite/about_iom/en/council/94/MC_INF_288.pdf (дата обращения: 22.01.2023).

⁵ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 04.11.2022). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/1000 (дата обращения: 22.01.2023).

⁶ Разработан Южно-Тихоокеанской комиссией по прикладным наукам о Земле (SOPAC), Программа ООН по окружающей среде для характеристики относительной степени тяжести различных типов экологических проблем, их воздействия на население и необходимости адаптации.

различных действий человека в некую последовательность и характеризуют осознанность его действий, а также принятия им решений. Все это продуцируется в сознании человека. Потребности характеризуют отклонения от уровня адаптации субъекта ввиду несоответствия внешней или внутренней реальности от сложившихся ожиданий субъекта по поводу этой реальности [13, с. 149] (например, потребности в безопасности по Маслоу).

Помимо потребностей в индивидуально-психологических характеристиках человека Т.И. Брессо. [14, с. 85] к факторам проявления и регуляции поведения относят также эмоции, субъективные переживания (стремления, желания) и установки человека.

Исходя из этого автором под экологической миграцией понимается перемещение населения, вызванное ранней, поздней и чрезвычайной стадиями изменения окружающей среды, задающими некие адаптационные пределы, продуцирующие в сознании населения необходимость нивелирования различного вида воздействия экологических угроз и климатических изменений.

Заключение

В настоящее время как на международном, так и на национальном уровне разрабатываются вопросы защиты населения от влияния факторов климатических изменений и экологических воздействий. Однако фундаментальной проблемой как для политического, так и научного сообществ, пытающихся решить проблемы миграции, связанной с окружающей средой, является отсутствие единого понимания связей между экологическими факторами, факторами изменения климата и миграцией (вынужденной, добровольной, краткосрочной, долгосрочной, вызванной экономическими причинами миграции (сезонная работа).

Существует также двойственность проблемы, связанная в частности с многогранным характером проблемы исследования: с одной стороны, люди мигрируют ради защиты своих интересов и здоровья, с другой стороны, они создают нагрузку на принимающие их регионы и страны: экономическую, социальную, демографическую и экологическую.

Одной из самых серьезных предстоящих задач будет понимание двойственности проблемы миграции, связанной с окружающей средой, необходимости адаптации населения к вызовам внешней среды, принятия ответных мер (краткосрочных, долгосрочных), которые будут эффективно решать проблемы потенциального перемещения в будущем, в том числе и возвратной миграции. Предполагаемые меры не универсальны. Они должны учитывать характер конкретных экологических явлений или климатических воздействий, а также социальные, политические и экономические условия в регионах, в которых они происходят.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- [1] *Ivanov D. V., Bekyashev D. K.* Environmental migration: International law aspects: Scientific publication. Moscow: Aspect Press, 2013. 176 p.
- [2] *Ионцев В. А.* Международная миграция: населения: теория и история изучения. Москва: Диалог-МГУ, 1999. 370 с.
- [3] *Евтушенко В. И.* Классификация экологической миграции // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2(11). С. 145-150.
- [4] *Hunter L. M., Luna J. K., Norton R. M.* The Environmental Dimensions of Migration. Annual Review Sociology. 2015. Vol. 41. P. 377-397. <http://doi.org/10.1146/annurev-soc-073014-112223>
- [5] *Bates D. C.* Environmental Refugees? Classifying Human Migrations Caused by Environmental Change // Population and Environment. 2002. Vol. 23. No. 5. P. 465-477.
- [6] *Loneragan S.* The role of environmental degradation in population displacement// Environmental change and security project report. 1998. No. 4. P. 5-15. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12321719/> (accessed on: 19.01.2023).
- [7] *Юдина Т. Н.* Социология миграции: к формированию нового научного направления. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003. 399 с.
- [8] *Еремеева П. С.* Проблема правового статуса «экологических беженцев» // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 6А. С. 173-182. <http://doi.org/10.34670/AR.2020.11.16.055>
- [9] *Лукьянец А. С., Савцова Я. С.* Экологическая миграция: подходы к определению, причины, последствия и тенденции // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 21-32.
- [10] *Дорошенко С. В., Трушкова Е. А.* Макромодель адаптации населения в изменяющейся экономике: подходы и решения // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 4. С. 617-629.
- [11] *Myers N.* Environmental Exodus: An Emergent Crisis in the Global Arena. Climate Institute, Washington D.C. 1995. P. 18-19.
- [12] *Липка О. Н., Романовская А. А., Семенов С. М.* Прикладные аспекты адаптации к изменениям климата в России // Фундаментальная и прикладная климатология. 2020. Т. 1. С. 65-90.
- [13] *Кошарная Г. Б., Белякова В. А.* Методологические подходы к долгосрочному прогнозированию потребительского поведения на основе теорий потребностей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 4(20). С. 147-155.
- [14] *Брессо Т. И.* Основные подходы к проблеме мотивации просоциального поведения личности // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 83-86.

References

- [1] *Ivanov D. V., Bekyashev D. K.* Environmental migration: International law aspects: Scientific publication. M.: Aspect Press. 2013. 176 p.
- [2] *Iontsev V. A.* International Migration: Population: Theory and History of Study. M.: Dialogue-MGU, 1999. 370 p.
- [3] *Evtushenko V. I.* Classification of environmental migration // Actual problems of Russian law. 2009. No. 2(11). P. 145-150.
- [4] *Hunter L. M., Luna J. K., Norton R. M.* The Environmental Dimensions of Migration. Annual Review Sociology. 2015. Vol. 41. P. 377-397. <http://doi.org/10.1146/annurev-soc-073014-112223>
- [5] *Bates D. C.* Environmental Refugees? Classifying Human Migrations Caused by Environmental Change // Population and Environment. 2002. Vol. 23. No. 5. P. 465-477.

[6] Lonergan S. The role of environmental degradation in population displacement // Environmental change and security project report. 1998. No. 4. P. 5-15. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12321719/> (accessed on: 19.01.2023).

[7] Yudina T. N. Sociology of migration: towards the formation of a new scientific direction. M: Publishing and Trading Corporation «Dashkov and Co», 2003. 399 p.

[8] Ereemeeva P. S. The problem of the legal status of «environmental refugees» // Matters of Russian and International Law. 2020. Vol. 10. No. 6A. P. 173-182. <http://doi.org/10.34670/AR.2020.11.16.055>

[9] Lukyanets A. S., Savtsova Ya. S. Ecological migration: approaches to definition, causes, consequences and trends // Scientific Review. Series 2. Human sciences. 2018. No. 6. P. 21-32.

[10] Doroshenko S. V., Trushkova E. A. A Macromodel of Population Adaptation in Changing Economic Conditions: Approaches and Solutions // Russian Journal of Economic Theory. 2019. Vol. 16. No. 4. P. 617-629.

[11] Myers N. Environmental Exodus: An Emergent Crisis in the Global Arena. Climate Institute, Washington D.C. 1995. P. 18-19.

[12] Lipka O. N., Romanovskaya A. A., Semenov S. M. Applied aspects of adaptation to climate change in Russia // Fundamental and applied climatology. 2020. Vol. 1. P. 65-90.

[13] Kosharnaya G. B., Belyakova V. A. Methodological approaches to the long-term forecasting of consumer behavior based on the theories of needs // University proceedings. Volga region. Social sciences. 2011. No. 4(20). P. 147-155.

[14] Bresso T. I. The main approaches to the problem of motivation of prosocial behavior of a person // Initiatives of the XXI century. 2012. No. 3. P. 83-86.

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2021-2023 гг. № 0327-2021-0011.

Acknowledgments

The article has been prepared within the framework of the research under the state order of the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021-2023 No. 0327-2021-0011.

Информация об авторах

Трушкова Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0001-7232-2576> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: trushkova.ea@uiec.ru).

About the authors

Ekaterina A. Trushkova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-7232-2576> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: trushkova.ea@uiec.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-16>

УДК 304

JEL classification. D91, L83

SOCIO-PSYCHOLOGICAL OBSTACLES TO THE RESUMPTION OF TRAVEL IN THE POST-COVID PERIOD¹

E. Chevtavaeva ^a, N. Chevtavaeva ^b, E. Gamor ^c

^{a, c} The Hong Kong Polytechnic University (Hong Kong SAR, China).

<https://orcid.org/0000-0001-5689-1023>

^b Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-4223-3318>

^c <https://orcid.org/0000-0003-4945-126X>

Corresponding author: N. Chevtavaeva (chevtavaeva-ng@ranepa.ru)

Abstract. *The study aims to examine the perceptions towards returning travellers during the post-lockdown outbreak of COVID-19. This study contributes to the risk management and travel behaviour during the recovery stage of the health crisis by determining segments of residents based on their perceptions towards returning travellers. The findings of the study may deepen our understanding of maintaining social stability during the post-crisis recovery and the restart of travel.*

Keywords: public perception; risk management; COVID-19; travel behaviour; post-crisis recovery; returning travellers

Социально-психологические препятствия возобновлению путешествий в постковидный период

Е. Чевтаева ^a, Н. Чевтаева ^b, Э. Гамор ^c

^{a, b} Гонконгский политехнический университет (Гонконг, Китай).

<https://orcid.org/0000-0001-5689-1023>

^b Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-4223-3318>

^c <https://orcid.org/0000-0003-4945-126X>

Автор для корреспонденции: Н. Чевтаева (chevtavaeva-ng@ranepa.ru).

Аннотация. *Цель исследования — изучить восприятие соотечественниками людей, совершающих путешествия во время ограничений, связанных с пандемией COVID-19. Выявлены сегменты населения, демонстрирующие различное отношение к возвращающимся путешественникам в условиях посткризисного этапа. Результаты исследования могут углубить понимание поддержания социальной стабильности во время посткризисного восстановления и возобновления путешествий.*

Ключевые слова: общественное восприятие; управление рисками; COVID-19; туристическое поведение; посткризисное восстановление; возвращающиеся путешественники

Purpose

Global risk — be it war, pandemic, climate change — can be determined by both socio-economic and geographical position [1]. These health risk perceptions are also subject to personal characteristics such as age, culture, social status, and education level [2]. A recent study of COVID-19 travel risk perceptions in the DACH (Germany, Austria, Switzerland, and Netherlands) region revealed that society has different levels of travel risk perceptions

¹ ©Чевтаева Е., Чевтаева Н., Гамор Э. Текст. 2023.

during the pandemic that are connected to their travel behaviour [3]. Within the same residence, these opinions towards travel and safety due to COVID-19 may vary [4]. These differences in opinions may lead to negative perceptions of those who travel during the outbreak.

The focus of this study is on the public perception of the returning travellers taking into account the relaxation of the COVID-19 restrictions. The restart of travel in this sensitive, post-lockdown period may serve as a landmark towards social stability during the reopening of borders for tourists.

Methodology

Data was collected through an online survey using a non-student sampling approach. The context of the study was Ekaterinburg city, a millionaire city in Russian Federation in December 2020, when the actual numbers of COVID-19 cases in the country were on average 27,859 daily that month [5], however regional and international travel nevertheless had been reopened. Five items were used to measure the perception of returning travellers on a 5-point Likert scale and perceived risks of COVID-19 travel. Variables were developed considering the works of Neuburger and Egger [3], Rubin et al. [6], and Conway et al. [7], details are in Table 1. Additional questions targeted travel behaviour during the COVID-19 outbreak and social-demographic characteristics.

Table 1

Variables' sources	
Variables	Literature sources
<i>Perceived risk of COVID-19</i>	
I try to avoid other people because I do not want to get sick	Conway et al., 2020
I feel my health is at risk as a consequence of COVID-19	Rubin et al., 2020
I miss traveling, but I wait till I get a vaccine	
<i>Perception of Returning Travellers</i>	
I fear that the virus will be carried by returning travellers to my near surroundings	Neuburger and Egger, 2020
International Travelling should be prohibited to avoid the spread of the virus	
Regional Travelling should be prohibited to avoid the spread of the virus	
Currently, it is irresponsible to travel to international destinations	
Currently, it is irresponsible to travel within your region	

Authors used Ward's hierarchical cluster method to identify the optimal number of clusters. The agglomeration schedule suggested the presence of three to four clusters. The Non-hierarchical K-means method was then used. The solution with three clusters explained 60 % of the variance, while with four clusters explained 64 % of the variance. The solution with three clusters was chosen to facilitate interpretability, as it had the most well-balanced number of respondents in each cluster. In order to explore group differences, one-way ANOVAs were performed, and Turkey post-hoc tests were used.

Findings

The sample includes 31 % male and 69 % female respondents. Only 32.5 % of respondents did not engage in any kind of travel since the breakout of pandemic. Out of all respondents, 26.4 % engaged in domestic leisure travel, 3.6 % engaged in international leisure travel, 6.8 % had a work-related trip, 11.9 % had a study related trip and 18.9 % engaged in a family related travel. The majority of the sample (67 %) is below 30 years old; however, the

Table 2

Cluster Analysis					
	Cluster 1 Negative perception	Cluster 2 Uncritical perception	Cluster 3 Accept regional travel	F	Post Hoc
Size (Proportion)	150 (28.3 %)	177 (33.4 %)	203 (38.3 %)		
<i>Perception of returning travellers:</i>					
I fear that the virus will be carried by returning travellers to my near surroundings*	4.307	2.006	3.429	207.053 (0.000)	
International Travelling should be prohibited to avoid the spread of the virus*	4.527	1.390	3.310	607.808 (0.000)	
Regional Travelling should be prohibited to avoid the spread of the virus*	3.747	1.277	2.266	305.485 (0.000)	
Currently, it is irresponsible to travel to international destinations*	4.647	1.537	3.389	664.206 (0.000)	
Currently, it is irresponsible to travel within your region*	3.767	1.299	2.394	365.500 (0.000)	
<i>Profile:</i>					
Mandatory travel (work, family, study)	0.440	0.271	0.419	6.360 (0.002)	1 > 2, 3 > 2
Had a vacation outside the country (1 = yes)	0.000	0.102	0.005	17.720 (0.000)	1 < 2, 2 > 3
Had a vacation inside the country (1 = yes)	0.147	0.389	0.251	11.812 (0.000)	1 < 2, 2 > 3
No travel of any kind (1 = no travel)	0.413	0.249	0.325	5.095 (0.006)	1 > 2
I try to avoid other people because I do not want to get sick*	3.393	2.311	3.074	38.424 (0.000)	3 > 1, 3 < 2, 1 > 2
I feel my health is at risk because of COVID-19*	3.307	2.424	2.995	22.435 (0.000)	1 > 2, 1 > 3, 2 < 3
Education (1 = high school; 4 = university)	3.020	3.322	2.911	7.303 (0.001)	1 < 2; 2 > 3
I miss traveling, but I wait till I get a vaccine	3.113	1.859	2.778	35.555 (0.000)	1 > 2, 1 > 3, 2 < 3

* Measured on a 5-point scale from 1 = strongly disagree; 5 = strongly agree.

average negative perception of returning travellers as a combined component is above average ($mean = 2.8$; $SD = 1.14$). The results are present in Table 2 and Figure.

Following significant values, the profiling of clusters is presented below.

Cluster 1: "Negative perception".

This cluster, on average, consists of travellers with the highest negative perception of returning travellers, especially if they come from international trips. These respondents on average try to avoid other people and feel that their health is at risk more than other clusters. At the same time, this cluster on average has engaged in more mandatory travel or did not travel at all comparing to other clusters. This is the smallest cluster that represents 28.3 % of the total sample.

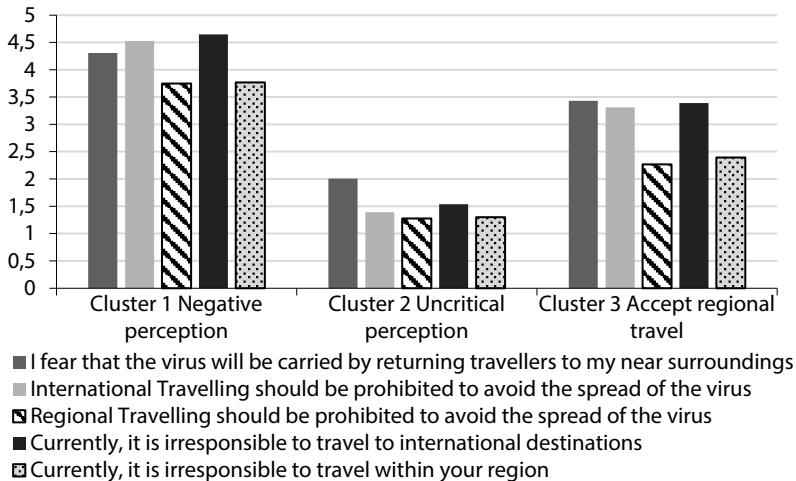

Fig. Three Cluster Solution

Cluster 2: “Uncritical perception”.

This cluster represents respondents who, on average, have quite low and comparing to other clusters the lowest level of negative perception towards returning travellers. This cluster represents the most domestic and international vacations, however they, on average, engaged the least in mandatory travel activities. Travellers from this cluster have, on average, the highest level of education comparing to other clusters. This cluster represents 33.4 % of the total sample.

Cluster 3: “Accept regional travel”.

Respondents in this cluster, on average, are in the middle between clusters in terms of negative perception of returning travellers, perception of risks, travel experience. The negative perception of returning travellers is considerably lower for returnees from domestic trips which leads to the proposition that this cluster is mostly negative towards travels outside the country. With 38.3 % of the sample this is the biggest cluster.

Discussion

This study investigates the current issue of resuming travel in the post-lockdown period of the pandemic outbreak. Besides relaxed regulations of the outbound and inbound travel, social prejudice and stability might be at risk with the resumption of travel. It is worth highlighting that, based on the sample, residents engage in a variety of travel activities, yet they manage to maintain a higher-than-average level of staying at home ($mean = 3.17$, $SD = 1.41$). Moreover, income was affected by COVID-19 ($mean = 2.88$; $SD = 1.38$) along with a relatively high level of personal experiences, for instance being sick or having loved ones infected with COVID-19 ($mean = 3.16$; $SD = 1.69$). Besides the lockdown, the COVID-19 experience is an ongoing stress for the country and its citizens as of the end of 2020. The recovery process might take time and this research is particularly focused on the post-lockdown stage, deeper understanding of which potentially can provide guidance to manage through the upcoming stages of travel recovery.

The findings of the study examined differences in perceptions about returning travellers and defined three main clusters: the “negative perception” cluster, who highly judge

returning travellers, the “uncritical perception” cluster with low negative perception and the “accept regional travel” cluster who had a limited negativity towards domestic travel returnees. The last two clusters together represent 71.7 % of the respondents and had a lower negative perception towards inbound returning travellers. Therefore, the study recommends that destination management organisations and policy makers focus on promoting internal leisure travel, especially those reachable by car for maintaining the most positive perception towards returning travellers. It is especially important considering that negative perception towards returning residents may have transferred onto upcoming tourists.

Travellers who engaged in leisure travel activities belong to clusters with lower levels of negative perception towards returning travellers, in contrast, engagement in mandatory travel activities did not have the same effect. Hence, to help understand why, the study recommends exploring the on-trip experience of leisure and mandatory travel, investigating possible touchpoints that influence negative perception of travelling when it is not for leisure. Moreover, at the time of the data analysis, the government of Sverdlovsk oblast, Russia (where Ekaterinburg city is) has not implemented a clear point of entry policy that controls the infection spread for inbound travellers. Due to a high level of negative perception of airplane travel and negativity towards returning from abroad travellers, the improvement of cross-border infection control measures between states and other countries is recommended to avoid social distress.

The findings of the study provide valuable insights for tourism destination organisations, regional policy makers and travel agencies to improve post-lockdown and potentially post-COVID-19 recovery strategies. The study contributes to establishing a perspective of a post-lockdown perception of residents that restart travel activities during the ongoing crisis. The key limitation of the study is in limited representation of mature residents, due to the specificity of online surveys that require a certain level of computer skills and access to technology. The current study has not distinguished the significant difference between various age groups, even previous studies suggested that older citizens have a different level of risk perceptions of COVID-19 [8].

Future studies should focus on the exploration of the stigmatisation of the returning travellers, specifically if the factors that explain why people who are involved in mandatory travel have a prominent level of the negative perception towards returning travellers. The differences in experiences between international and regional travel should be studied in detail, considering a lower level of negative perception towards regional travellers. This is especially interesting as the Russian Federation is the largest country in the world where regional travel involves long distance and airplane travel.

References

- [1] *Olofsson A., Öhman S.* Vulnerability, values and heterogeneity: one step further to understand risk perception and behaviour // *Journal of Risk Research*. 2015. 18(1). P. 2–20. <https://doi.org/10.1080/13669877.2013.879485>
- [2] *Wilks J., Pendergast D., Leggat P.* *Tourism in turbulent times*. Routledge, 2006. 357 p.
- [3] *Neuburger L., Egger R.* Travel risk perception and travel behaviour during the COVID-19 pandemic 2020: a case study of the DACH region // *Current Issues in Tourism*. 2021. No. 24(7). P. 1003-1016. <https://doi.org/10.1080/13683500.2020.1803807>
- [4] Impact of international travel and border control measures on the global spread of the novel 2019 coronavirus outbreak / C. R. Wells, P. Sah, S. M. Moghadas, A. Pandey, A. Shoukat, Y. WanG, Z. Wang, L. A. Meyers, B. H. Singer, A. P. Galvani // *Proceedings of the National Academy of*

Sciences of the United States of America. 2020. No. 117(13). P. 7504–7509. <https://doi.org/10.1073/pnas.2002616117>

[5] Communication Centre of the Government of the Russian Federation. (March 17, 2021). Number of new coronavirus (COVID-19) cases confirmed in Russia as of March 17, 2021, by date of report [Graph]. In Statista. <https://www.statista.com/statistics/1102303/coronavirus-new-cases-development-russia/> (accessed on: 23.03.2021).

[6] Public responses to the Salisbury Novichok incident: A cross-sectional survey of anxiety, anger, uncertainty, perceived risk and avoidance behaviour in the local community / G. J. Rubin, R. Webster, R. Amlot, H. Carter, D. Weston, S. Wessely // *BMJ Open*. 2020. No. 10(9). 36071. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2019-036071>

[7] Conway III L. G., Woodard S. R., Zubrod A. Social psychological measurements of COVID-19: Coronavirus perceived threat, government response, impacts, and experiences questionnaires. 2020. <https://doi.org/10.31234/osf.io/z2x9a>.

[8] Social costs of tourism during the COVID-19 pandemic / R. T. R. Qiu, J. Park, S. N. Li, H. Song // *Annals of Tourism Research*. 2020. No. 84. 102994. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102994>

About the authors

Ekaterina Chevtava — PhD, Postdoctoral Fellow, School of Hotel and Tourism Management, The Hong Kong Polytechnic University; <https://orcid.org/0000-0001-5689-1023> (17, Science Museum Road, TST East, Kowloon, Hong Kong SAR, China; e-mail: ekaterina.chevtava@connect.polyu.hk).

Natalia Chevtava — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; <https://orcid.org/0000-0002-4223-3318> (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: chevtava-ng@ranepa.ru).

Emmanuel Gamor — PhD Student, School of Hotel and Tourism Management, The Hong Kong Polytechnic University; <https://orcid.org/0000-0003-4945-126X> (17, Science Museum Road, TST East, Kowloon, Hong Kong SAR, China; e-mail: emmanuel.gamor@connect.polyu.hk).

Информация об авторах

Чевтаева Екатерина — PhD в сфере туризма и гостеприимства, постдокторант, аспирант, Школа гостиничного и туристического менеджмента, Гонконгский политехнический университет; <https://orcid.org/0000-0001-5689-1023> (Китай, Гонконг, Коулун, Чимсачэй, ул. Научного музея, 17; e-mail: ekaterina.chevtava@connect.polyu.hk).

Чевтаева Наталия — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; <https://orcid.org/0000-0002-4223-3318> (Российская Федерация, 620144, Екатеринбург, ул. 8 марта, 66; e-mail: chevtava-ng@ranepa.ru).

Гамор Эмануэль — аспирант, Школа гостиничного и туристического менеджмента, Гонконгский политехнический университет; <https://orcid.org/0000-0003-4945-126X> (Китай, Гонконг, Коулун, Чимсачэй, ул. Научного музея, 17; e-mail: emmanuel.gamor@connect.polyu.hk).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-2-17>

УДК 331.3

JEL classification: J24, J42, M52

СУЩНОСТЬ ГРЕЙДОВОЙ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА КАК МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЦЕННОСТНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ РАБОТОДАТЕЛЯ¹

Е. Ю. Шубина

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-9844-3616>

Автор для корреспонденции: Е. Ю. Шубина (lena.shubina.79@inbox.ru)

Аннотация. *Целью настоящей статьи является определение сущности грейдовой системы оплаты труда, при этом предметом исследования в статье выступают особенности организации выплаты заработной платы в организациях. В статье выдвигается гипотеза о прогрессивной сущности грейдов как наиболее перспективного метода построения дифференцированной шкалы выплаты заработной платы. В статье рассмотрены аспекты применения грейдовой системы оплаты как нового механизма определения стоимости труда. При этом выстраивание грейдов на современном рынке обусловлено особенностями формирования ценностных предложений со стороны конкретных работодателей. Очень важно изучить факторы влияния на оплату труда современных предприятий. Важность формирования ступенчатой оплаты труда и ее связь с горизонтальной и вертикальной карьерой также особо подчеркнуты в настоящей статье. Дается характеристика уровней оплаты труда, дается определение уровня позиции, должности. Приводится понятие грейда и грейдовой оплаты на предприятии. Показывается связь перемещения в грейде с повышением уровня оплаты. Таким образом, в статье отражается зависимость карьеры и нарабатываемого опыта работника в организации с ростом объема возмещения трудозатрат, то есть грейдовое движение — это движение от низкооплачиваемых и наименее значимых работ к высокооплачиваемым и наиболее значимым.*

Ключевые слова: грейд; грейдовая системы оплаты труда; ценностное предложение работодателя; оплата труда; механизм оплаты труда

Grade Wage System as a Mechanism for Implementing the Concept of the Employer Value Proposition

E. Yu. Shubina

Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia). <https://orcid.org/0000-0001-9844-3616>

Corresponding author: E. Yu. Shubina (lena.shubina.79@inbox.ru)

Abstract. *The article aims to examine the grade wage system, focusing on characteristics of payment of wages in organisations. It is hypothesised that the grade system is the most promising method for constructing a differentiated wage scale. The article discusses aspects of the application of the grade wage system as a new mechanism for determining the cost of labour. At the same time, the formation of grades in the modern market depends on peculiarities of specific employer value propositions. It is very important to study the factors influencing the remuneration in modern enterprises. The significance of the formation of graded remuneration and its connection with horizontal and vertical career paths is also emphasised. The characteristics of wage grades, as well as the definition of position and occupation are presented. The concept of grade and grade wage at the enterprise is described. The relationship between grade movement and an increase in remuneration are shown. Thus, the article reflects the dependence of an employee's career and accumulated experience in an organisation with an increase in the amount of compensation for labour costs, that is, the grade movement is a movement from low-paid and least significant jobs to high-paid and most significant.*

¹ © Шубина Е. Ю. Текст. 2023.

Keywords: grade; grade wage system; employer value proposition; remuneration; remuneration mechanism

Введение

Одним из наиболее важных элементов управления человеческими ресурсами является возмещение затрат труда, или заработная плата. Следовательно, необходимо разработать разумную политику и практику в области оплаты труда. Вознаграждение — это компенсация, которую сотрудник получает в обмен на свой труд в организации [6].

Грейдовая система оплаты труда выступает в качестве инструмента коммуникации между населением территории и предприятием, которое ее применяет. Социальные изменения выражаются, в частности в развитии элементов цифрового взаимодействия между потенциальными работниками и предприятием, которое посредством грейдовой системы, являющейся частью EVP, доносит до людей, проживающих на определенной территории, значимость и важность работы и взаимодействия именно с этим предприятием.

Оплата труда связана с потребностями, мотивацией и ожидаемыми вознаграждениями. Поэтому менеджеры анализируют и интерпретируют потребности своих сотрудников, чтобы оплата труда могла быть индивидуально разработана для удовлетворения этих потребностей. В управлении человеческими ресурсами очень трудно устанавливать заработную плату приемлемую как для сотрудников, так и для их руководителей.

Основная часть

Оплата труда может быть определена как денежное вознаграждение, выплачиваемое за выполнение работы, плюс многие виды льгот и услуг, которые организации предоставляют своим сотрудникам. Поэтому заработная плата — это прямая компенсация трудозатрат, являющаяся валовой оплатой, то есть всеми выплатами работнику за определенное рабочее время [5, 7].

Льготы в этот же момент являются косвенной компенсацией, которые включают в себя страхование жизни, страхование от несчастных случаев, медицинское страхование, взносы сотрудников в пенсионную систему.

Следовательно, разработка и администрирование политики в области оплаты труда необходимы для привлечения работников, а удержание их в организации является главной обязанностью любой организации. Основной целью политики в области оплаты труда является установление и поддержание оптимальной, но справедливой структуры заработной платы. Оплата труда также является одним из крупнейших элементов себестоимости продукции.

Международная организация труда определила термин «заработная плата» как вознаграждение, выплачиваемое работником за услуги при условии почасовой, сдельной или иной формы оплаты труда.

Покажем 12 ключевых целей оплаты труда в организации [с. 7–18]:

- 1) получить квалифицированный компетентный персонал;
- 2) удержать нынешних / действующих работников;
- 3) обеспечить внутреннее и внешнее равенство в пределах грейда — то есть одноуровневых позиций, что означает одинаковую заработную плату за рабочие места одного уровня внутри организации. Во внешней среде это подразумевает выплату

аналогичной заработной платы за аналогичные рабочие места в сопоставимых организациях;

- 4) обеспечить желаемое / позитивное поведение работников;
- 5) обеспечить мотивацию сотрудников;
- 6) сохранить контроль над трудовыми и административными расходами;
- 7) публично выступать в качестве прогрессивных работодателей и соблюдать законодательство о заработной плате;
- 8) сократить текучесть кадров и количество жалоб по поводу неравенства в оплате труда;
- 9) платить заработную плату в соответствии с содержанием, задачами, трудностью, риском работы и в соответствии с усилиями и заслугами работников;
- 10) упростить составление бюджета и контроль за расчетом и выплатой заработной платы;
- 11) упростить и облегчить процедуру коллективных переговоров по поводу системы оплаты труда в организации;
- 12) способствовать росту организации и ее позиционированию на рынке труда.

Ряд зарубежных авторов выделяет пять компонентов заработной платы — базовую заработную плату, надбавку за сложность, оплату сверхурочной работы, премии и дополнительные льготы. Бонусные и дополнительные льготы считаются отдельными аспектами системы оплаты труда.

В этом контексте базовая заработная плата — это стабильная заработная плата, выплачиваемая в течение определенного периода времени — ежемесячно, еженедельно или ежедневно. Это также можно рассматривать как норму для определенного уровня производительности. Таким образом, для конкретной работы, связанной с различными требованиями, такими как навыки и подготовка, требуется определенная цена за ее выполнение.

Она не колеблется, скорее, она равномерно прогрессирует с течением времени в случае роста производительности и перехода по уровням позиции. То есть грейды предусмотрены уже существующими механизмами оплаты труда на предприятиях. При установлении базовой заработной платы существует ряд аспектов, охватывающих установленную законом минимальную заработную плату, нормы о надбавках и доплатах, установленные законодательством льготы и условия коллективных договоров.

Уровень оплаты труда — это элемент построения системы оплаты труда, который определяет размер заработной платы, которую будет получать сотрудник. Уровень заработной платы обычно определяется уровнем обязанностей, выполняемых в рамках ролевого описания должности / профессии на рынке, полномочиями, обусловленными должностью / профессией, и продолжительностью времени, в течение которого работник выполняет работу.

Более высокий уровень оплаты труда распространяется на работников, которые управляют работой других, в том числе посредством обучения — управленческая компетенция есть и у рабочих, и у специалистов. С этой точки зрения растущие уровни ответственности руководства приводят к повышению уровня оплаты труда в рамках должностного оклада.

При определении уровней оплаты мы говорим о горизонтальной и вертикальной карьере. Горизонтальная карьера связана с производительностью сотрудника, а также с продолжительностью его работы в организации. Вертикальные ступени в таблице

уровней оплаты относятся к уровню обязанностей, определяемому требованиями к должности / профессии и в итоге они интегрированы в грейды [8].

Уровни оплаты труда обеспечивают основу для компенсации трудовых затрат, определяя размер оплаты, доступный на каждом этапе процесса трудоустройства и последующей работы в организации, поэтому различают начальный и последующие уровни. Установленные уровни заработной платы становятся основой представления о ценностном предложении работодателя (EVP).

Системы возмещения трудовых затрат, которые предполагают повышение заработной платы в зависимости от класса, чина, часто используются для работы в государственном секторе, например, в государственной власти, армии и образовательных структурах.

Этапы оплаты в рамках каждого класса / чина / разряда различаются в разных организациях и могут включать от 3 до 15 в Европе (до 10 в России) или более ступеней оплаты, прежде чем работник достигнет максимальной ставки оплаты для своего класса / чина / разряда оплаты. Повышение заработной платы, как только работник достигает высшей ступени своей заработной платы, зависит от надбавок или повышений МРОТ.

Количество ступеней оплаты способствует пониманию работников, что их карьерный успех и заработная плата увеличиваются в течение времени, пока они выполняют работу, даже если они выполняют одну и ту же работу. Это важно, поскольку не всегда у каждого сотрудника есть возможность получить повышение по службе, переход в другую компанию или на другую работу с большим количеством обязанностей, чтобы начать продвижение по ступенькам оплаты следующего уровня.

Если за счет поэтапного повышения заработной платы происходит очень мало повышений, сотрудники чувствуют себя недооцененными. Это может отрицательно сказаться на моральном состоянии сотрудников и их мотивации, а также на ухудшении имиджа работодателя и снижении стоимости бренда.

Одинаковая оплата за схожие требования к работе и обязанности гарантирует, что каждое рабочее подразделение может привлекать и удерживать хороших работников с внешнего рынка труда. Уровни оплаты труда могут включать определенные условия труда. Это связано с тем, что оплата труда по уровням направлена на поощрение и признание высокоэффективной работы, а также таких факторов, как долговечность и целеустремленность. Поэтому построение ступенчатой системы оплаты встроено в систему ценностного предложения работодателя, формирующего бренд работодателя в текущих рыночных условиях на существующем рынке труда.

Параметры, из которых складывается бренд работодателя согласно EVP-концепции:

- 1) интересная работа;
- 2) карьерный рост;
- 3) оклад;
- 4) поддержка личных ценностей;
- 5) возможность развиваться профессионально;
- 6) приятная рабочая обстановка;
- 7) ориентация на этику и честность;
- 8) предоставление широких возможностей;
- 9) гибкость рабочего процесса.

Ценностное предложение (EVP) — это баланс вознаграждений и льгот, которые получают сотрудники в обмен на их работу на рабочем месте. Организации обычно

разрабатывают EVP, чтобы обеспечить согласованную платформу для коммуникации с брендом работодателя и управления опытом. Ценностное предложение — полный набор элементов, которые организация предоставляет сотрудникам в обмен на вклад, который эти сотрудники вносят в организацию [1, 2].

Ценностное предложение сотрудника также относится к созданию баланса между удовлетворенностью работника работой и эффективностью работника в рамках рабочей культуры. Ценностное предложение сотрудника может быть использовано в качестве эффективного инструмента брендинга занятости, поскольку оно описывает желаемые требования сотрудников, связанные с трудоустройством, путем определения лучших целей подбора персонала, определения потребностей в трудоустройстве и позиционирования сотрудников в нужном месте, а также путем формирования ценностей существующих сотрудников в организации [3].

EVP относится к коллективному набору программ, которые организация предлагает в обмен на трудоустройство, его также называют соглашением о трудоустройстве. EVP определяет взаимные отношения между компанией и работником, охватывая каждый аспект опыта трудоустройства — от миссии, целей и ценностей организации до ее рабочих мест, культуры и людей до полного портфеля ее программ [3, 4].

EVP формирует подход к оплате труда, учитывающий систему уровней позиции, ступенчатую карьеру и соответствующие ей уровни оплаты труда, определяя при этом конкретный уровень оплаты для каждого грейда.

Грейдовая оплата обычно используется в государственном секторе. Это облегчает структуру возмещения трудозатрат работников, предоставляя фиксированный диапазон заработной платы, в отличие от системы контрактных отношений, формирующих индивидуальные контракты [9].

Как правило, уровень оплаты в грейдовой системе определяется уровнем обязанностей, которые работник будет выполнять в организации, занимаемой должностью / профессией и сроком пребывания в должности / профессии, в течение которого работник выполняет свой функционал.

Растущий уровень ответственности, экспертных знаний и навыков влечет за собой повышение заработной платы. Аналогичным образом, уровень оплаты труда повышается с увеличением уровня обязанностей в организации.

Оплата в границах грейда — это метод построения рамок-границ возмещения трудозатрат в соответствии с функциональными рамками-границами, определяющий конкретный доход, который будет получать работник. Это структурированная компенсация, которая не предполагает индивидуальных условий оплаты и включает прозрачные требования трудовой контрактации.

Размер заработной платы определяется образованием, опытом и другими факторами сотрудника. Этапы оплаты в рамках каждой зарплаты отличаются в разных организациях и могут включать 10–15 шагов. Например, новичок начнет с первой ступени оплаты труда, а старший специалист может получить десятую ступень оплаты труда.

Система оплаты труда по грейдам становится все более полезной на рабочих местах, предоставляемых в производстве и сфере сервиса. По мере роста компании сотрудникам требуются справедливая модель оплаты труда и дифференцированная структура оплаты труда на различных должностях / профессиях. Система оплаты за грейд работает путем анализа факторов, определяющих размер оплаты за конкретную должностную / профессиональную роль.

Шкала заработной платы обозначается графиками выплат, которые показывают названия должностей и диапазон их окладов. Например, грейд «грузчик» предполагает 3 уровня: 1 уровень грузчик — подсобный рабочий — низший уровень оплаты в пределах грейда; 2 уровень грузчик-комплектовщик — 2-й уровень оплаты в пределах грейда; 3 уровень — оператор погрузо-разгрузочных работ или кладовщик-грузчик — высший уровень оплаты в пределах грейда.

Ниже приведены некоторые элементы, которые влияют на то, как определяется заработная плата в системе оплаты за грейд [8, 9].

1. Название должности / профессии: название должности / профессии — это краткое описание того, чем именно занимается работник. Каждая должность / профессия имеет ожидаемый уровень оплаты. Данные об оплате труда в рамках должности / профессии анализируются в определенных территориальных границах: например, в Свердловской области, в городе Екатеринбурге.

2. Уровень оплаты с учетом опыта работы: зарплата за грейд также зависит от того, на каком уровне находится работник в своей карьере. Например, оплата за грейд для работников с опытом 0–2 лет будет отличаться от оплаты за 3–5 лет.

3. Сфера профессиональной деятельности: профессиональная деятельность структурирована по квалификационному признаку, то есть ученик токаря и токарь 3-го разряда имеют разный уровень квалификации и разный уровень оплаты труда. В этом контексте грейдование, разряды и классы — похожие модели построения систем оплаты труда в организациях. Вместе с тем независимо от того, в какой области работает человек, существует естественное продвижение к руководящим и старшим должностям, к более высоким разрядам и классам. Это, с другой стороны, означает, что новичок не будет получать ту же зарплату, что и опытный профессионал.

4. Достижения также учитываются при переходах из грейда в грейд: организации могут пересматривать уровень оплаты труда на основе прошлых достижений в предыдущих организациях, где работал данный специалист. Качество работы и результативность работника для организации могут повлиять на уровень оплаты труда с перемещением работника внутри грейда и повышением заработной платы.

Некоторые из преимуществ грейдовой оплаты заключаются в следующем:

1. Мотивация сотрудников: чем больше ступеней может проходить работник в росте своей заработной платы, тем больше работник будет стремиться к успеху в своей карьере. Это обуславливает увеличение вознаграждения за труд при росте опыта, а в целом в компании — при снижении текучести и сохранении работников с длительным стажем в компании.

2. Прозрачность: система оплаты труда по грейдам заранее дает представление о том, какой будет рост заработной платы при карьерном росте. Это помогает установить четкие ожидания и улучшает общественный имидж, основанный на их доверии и ценности.

3. Награды и признание: уровни оплаты труда направлены на признание и поощрение роста производительности, что помогает сотрудникам работать лучше и достигать наилучших результатов.

4. Устранение разрыва в заработной плате: разрыв в заработной плате представляет собой неравенство между различными группами. Система оплаты труда по грейдам использует равные коэффициенты для определения компенсации для всех, что помогает ликвидировать разрыв в заработной плате.

Методика установления грейдов, на взгляд автора статьи, должна предполагать следующие действия:

1. Определение философии компенсации и место компенсационных выплат в модели EVP: для определения философии компенсации необходим углубленный анализ бренда работодателя в компании в части применения механизмов оплаты труда. Компания должна следовать рыночным стандартам и определять диапазон оплаты после проведения маркетинговых исследований.

2. Анализ работы и операционного состава каждой должности / профессии: необходимо собрать информацию о составе функций и проанализировать ее, чтобы определить обязанности и квалификацию, необходимые для работы и грейдирования. Конечным результатом анализа работы является конкретное описание работы по конкретной должности / профессии и в пределах грейда.

3. Построение семейства должностей / профессий: определение ролей или названий должностей / профессий, которые похожи друг на друга. Например, кладовщик-грузчик, грузчик-комплектовщик и оператор погрузо-разгрузочных работ — это семейство профессий «грузчик».

4. Необходимость ранжирования вакансий по методу оценки вакансий: метод оценки вакансий заключается в упорядочении вакансий на основе содержания вакансии, чтобы определить относительную ценность всех вакансий по сравнению с другими.

5. Необходимость учета образовательного аспекта: технические знания и ученая степень, скорее всего, являются условием более высокой компетентности работника и уровня его успешности. Организация должна изучать работников с такими компетенциями и учитывать эти индивидуальные особенности работников при построении системы грейдирования.

6. Существуют различные варианты использования грейдовой оплаты в зависимости от отраслевых особенностей работы организации. Отраслевые условия влияют на профессиональный и квалификационный состав работников, грубо говоря, грейды машиностроительных и металлургических предприятий различаются по составу и компетенциям.

Заключение

Таким образом, грейдовая система оплаты труда становится основой построения современного механизма компенсации или возмещения трудозатрат, учитывающего дифференцированный характер функции, осуществляемых в рамках определенных работ и на определенных предприятиях.

Установлена зависимость между ступенчатой оплатой и ступенчатыми функциями по следующей закономерности: зависимость карьеры и нарабатываемого опыта работника в организации от роста объема возмещения трудозатрат, то есть грейдовое движение — это движение от низкооплачиваемых и наименее значимых работ к высокооплачиваемым и наиболее значимым.

Существование грейдов как рыночного явления также очевидно. Выплаты в грейдах зависят не только от функционала, но и от имиджа организации на рынке труда. Концепция имиджа работодателя встраивается в концепцию бренда работодателя, как часть и целое.

Имидж работодателя определяет наиболее высокую оплату и наименее высокую оплату в пределах одного грейда. Компании с хорошим имиджем могут предлагать

не высокую, а например, среднюю заработную плату, они добиваются за счет позитивного отношения со стороны работника [3, 4].

При этом внешний и внутренний имидж составляют основу бренда работодателя, оценки имиджа носят как психологический, так и экономический (по преимуществу маркетинговый) характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

[1] *Barrow S.* Turning recruitment advertising into a competitive weapon: paper delivered at the CIPD Annual Conference. Harrogate: Chartered Institute of Personnel and Development (CIPD), 1990.

[2] *Barrow S., Mosley R.* The Employer Brand: Bringing the Best of Brand Management to People at Work. http://www.untagsmd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_1/BRAND%20NAME%20PRODUCTS%20The%20employer%20brand%20%20bringing%20the%20best%20of%20brand%20management%20to%20people%20at%20work.pdf (accessed on 21.01.2023).

[3] *Collins C. J., Kanar A. M.* Employer brand equity and recruitment research // See Cable & Yu. 2013. P. 284-297.

[4] *Dell D., Ainspan N.* Engaging Employees through Your Brand // Conference Board Report, №R-1288-01-RR. Washington, DC: Conference Board, 2001.

[5] Грейдовая система оплаты труда // Кадровое дело. 2018. <https://www.kdelo.ru/art/383799-qqq-16-m11-greydovaya-sistema-oplaty-truda> (дата обращения: 21.01.2023).

[6] *Губанов Д. А.* Теоретические аспекты развития мотивационной функции заработной платы: дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Ин-т экономики УрО РАН. Екатеринбург, 2008. 192 с.

[7] *Романадзе И.* Бенчмаркинг грейдинга // HR портал. HR-сообщество и публикации. <http://hrportal.ru/article/benchmarking-greyinga> (дата обращения: 21.01.2023).

[8] *Чемеков В. П.* Грейдинг: технология построения системы управления персоналом. Москва: Вершина, 2007. 208 с.

[9] *Чуланова О. Л., Комарова Е. М., Фламинг Ю.* Методика внедрения грейдинга в систему оплаты труда организации: принципы, подходы, преимущества // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2-3. С. 128-138.

References

[1] *Barrow S.* Turning recruitment advertising into a competitive weapon: paper delivered at the CIPD Annual Conference. Harrogate: Chartered Institute of Personnel and Development (CIPD), 1990.

[2] *Barrow S., Mosley R.* The Employer Brand: Bringing the Best of Brand Management to People at Work. http://www.untagsmd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_1/BRAND%20NAME%20PRODUCTS%20The%20employer%20brand%20%20bringing%20the%20best%20of%20brand%20management%20to%20people%20at%20work.pdf (accessed on 21.01.2023).

[3] *Collins C. J., Kanar A. M.* Employer brand equity and recruitment research // See Cable & Yu. 2013. P. 284-297.

[4] *Dell D., Ainspan N.* Engaging employees through your brand: Conference Board Report No. R-1288-01-RR. Washington: Conference Board, 2001.

[5] Graded system of remuneration // HR business. 2018. <https://www.kdelo.ru/art/383799-qqq-16-m11-greydovaya-sistema-oplaty-truda> (accessed on: 21.01.2023).

[6] *Gubanov D. A.* Theoretical aspects of the development of the motivational function of wages: dissertation ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.01 / Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, 2008. 192 p.

[7] *Romanadze I.* Benchmarking of grading // HR Portal. HR community and publications. <http://hrportal.ru/article/benchmarking-greydinga> (accessed on: 21.01.2023).

[8] *Chemekov V. P.* Grading: technology for building a personnel management system. М.: Vershina, 2007. 208 p.

[9] *Chulanova O. L., Komarova E. M., Flaming Yu.* The methodology of introducing grading into the organization's remuneration system: principles, approaches, advantages // Actual problems of humanities and natural sciences. 2016. No. 2-3. P. 128-138.

Информация об авторах

Шубина Елена Юрьевна — соискатель, Уральский государственный экономический университет; <https://orcid.org/0000-0001-9844-3616> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45; e-mail: lena.shubina.79@inbox.ru).

About the authors

Elena Yu. Shubina — PhD Candidate, Ural State University of Economics; <https://orcid.org/0000-0001-9844-3616> (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: lena.shubina.79@inbox.ru).

III. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕМ СООБЩЕСТВЕ

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-3-1>

УДК 314.1

JEL classification: J11, J61

СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ПФО И УРФО ПО МЕСТУ РОЖДЕНИЯ (по данным переписей населения)¹

Г. Ф. Ахметова (Хилажева)

Уфимский университет науки и технологий (г. Уфа, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-9367-0246>

Автор для корреспонденции: Г. Ф. Ахметова (Хилажева) (hilazhevagf@isi-rb.ru)

Аннотация. В статье на основе данных Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. по Приволжскому и Уральскому федеральным округам рассматривается динамика такого показателя, как место рождения жителей регионов. Данный показатель дает возможность определить в составе населения урожденных жителей, а также мигрантов, прибывших в регионы на разных этапах своей жизни. Исходя из этого, можно выявить степень влияния фактора миграции на формирование населения отдельных территорий. Проведенный анализ показывает, что оно на разных территориях неодинаково: наблюдается дифференциация субъектов ПФО и УрФО по соотношению тех или иных категорий населения в зависимости от места рождения.

Ключевые слова: ПФО; УрФО; место рождения; местные уроженцы, мигранты

Population Structure of Regions of the Volga and Ural Federal Districts by Place of Birth (According to Population Censuses)

G. F. Akhmetova (Khilazheva)

Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

<https://orcid.org/0000-0001-9367-0246>

Corresponding author: G. F. Akhmetova (Khilazheva) (hilazhevagf@isi-rb.ru)

Abstract. Using the data of the All-Russian Population Censuses of 2002, 2010 and 2020 for the Volga and Ural Federal districts, the article considers the dynamics of an indicator of the place of birth of inhabitants in regions. This indicator is used to identify native residents, as well as migrants who arrived in the regions at different stages of their lives in the population structure of the examined districts. Based on this, it is possible to determine the influence of the migration factor on the population in individual regions. The analysis revealed a differentiation of regions of the Volga and Ural Federal Districts in terms of the ratio of certain population categories, depending on the place of birth.

Keywords: Volga Federal District; Ural Federal District; place of birth; local natives, migrants

Введение

Итоги всероссийских переписей населения дают возможность определить в составе населения разные категории жителей в зависимости от места рождения — местных уроженцев и уроженцев других территорий (тех, кто родился за пределами субъектов проживания, то есть являются мигрантами, прибывшими в регионы на разных этапах своей жизни).

¹ © Ахметова Г.Ф. Текст. 2023.

Анализ данного показателя дает возможность выявить масштабы влияния миграции на формирование состава населения отдельных территорий, определить, какие миграционные потоки вносят наибольший вклад в этот процесс.

Целью данной статьи является выявление соотношения указанных категорий населения в округах ПФО и УрФО по итогам трех Всероссийских переписей населения (ВПН) — 2002, 2010 и 2020 гг.

Обзор литературы

Переписи населения являются важными источниками для анализа разных аспектов миграции. Как отмечал В.И. Переведенцев, сопоставление материалов переписей с другими статистическими данными дает возможность глубже увидеть причинно-следственные зависимости миграционных процессов [1, с. 48].

В этой связи отечественными исследователями используется понятие генетической или генезисной структуры населения. Как отмечает Л.Л. Рыбаковский, в районах выхода и вселения мигрантов структура населения представлена разными по своему генезису частями, совокупность которых и является генетической структурой населения. Выделяются коренное и пришлое население, в свою очередь, то и другое состоят из местных уроженцев и уроженцев других мест, а последние распределяются в зависимости от срока пребывания в местах вселения на новоселов и старожилов. Такое деление является основой для оценки уровня стабильности населения той или иной местности [2, с. 466].

В отечественных исследованиях вопрос представленности разных категорий населения в зависимости от места рождения и миграционного опыта представлен довольно значительно. Это работы уже упомянутых В.И. Переведенцева, Л.Л. Рыбаковского, в которых ученые, анализируя миграционные процессы в Западной Сибири и на Дальнем Востоке, рассматривали соотношение разных категорий населения в зависимости от места рождения и прибытия [2, с. 457]. Близки к ним разработки А.В. Топилина, О.Д. Воробьевой и их коллег, которыми проведен анализ структуры населения в разрезе экономических районов страны, а также города и села с 1970 г. по 2010 г. [4, с. 31, 32, 34]. Другими исследователями — Л.Б. Карчуриной, Н.В. Мкртчяном, С.И. Абылкаликовым, проведен анализ представленности мигрантов в разных возрастных, гендерных, социально-территориальных группах [5, с. 394–399]. С.И. Абылкаликовым также рассмотрены данные вопросы как по России, так и по ряду зарубежных стран [6, 7]. А.С. Максимовой исследована генетическая (генезисная) структура населения России с 1998 г. по 2018 г. на основе исследований НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) [8]. Автором данной статьи по итогам переписей 2002 и 2010 гг., а также микропереписи населения 2015 г. Был ранее проведен анализ генетической структуры населения Башкортостана и России [9].

Материалы и методы

Автор опирается на данные ВПН 2002, 2010 и 2020 гг. о месте рождения жителей субъектов ПФО и УрФО¹. На основе данных переписей проведены расчеты удельного веса в составе населения регионов разных категорий населения: 1) родившиеся в субъектах, где они проживают (местные уроженцы), 2) лица, родившиеся в других

¹Переписи и обследования. Итоги Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг. // Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/524> (дата обращения: 10.02.2023 г.).

субъектах РФ; 3) лица, родившиеся за пределами РФ. Вторая и третья категории объединяют уроженцев других территорий, которые на разных этапах своей жизни прибыли для постоянного проживания в субъекты рассматриваемых округов.

Результаты исследования

Как правило, в структуре населения преобладающей группой являются урожденные жители данных территорий. Указанная тенденция наблюдается по итогам трех переписей как на уровне рассматриваемых округов в целом, так и на уровне отдельных субъектов.

Если сравнивать структуру населения ПФО и УрФО, то можно увидеть, что в первом доля местных уроженцев представлена значительно больше, чем во втором. Так, по итогам ВПН 2002, 2010, 2020 гг. они составили в ПФО 87,2 %, 86,5 и 83,1 %; в УрФО — 71,7 %, 71,9 и 67,0 % соответственно (рис. 1).

Второй по численности категорией населения в составе жителей территорий являются лица, родившиеся в других субъектах РФ. Их доля почти вдвое больше в УрФО, чем в ПФО. Даже с учетом того, что в 2020 г. значительная часть населения не указала территорию своего проживания (в ПФО — примерно каждый десятый, в УрФО — примерно каждый пятый-шестой), жителей, родившихся за пределами субъекта своего проживания, значительно больше. В ПФО их доля была равна в рассматриваемые годы 7,2 %, 6,2 % и 3,6 %; в УрФО — 18,5 %, 15,8 %, 9,1 %.

Следующими по своей представленности идут лица, родившиеся за пределами страны. Итоги каждой переписи показывают, что их так же, как и предыдущей категории населения, меньше в ПФО и больше — в УрФО.

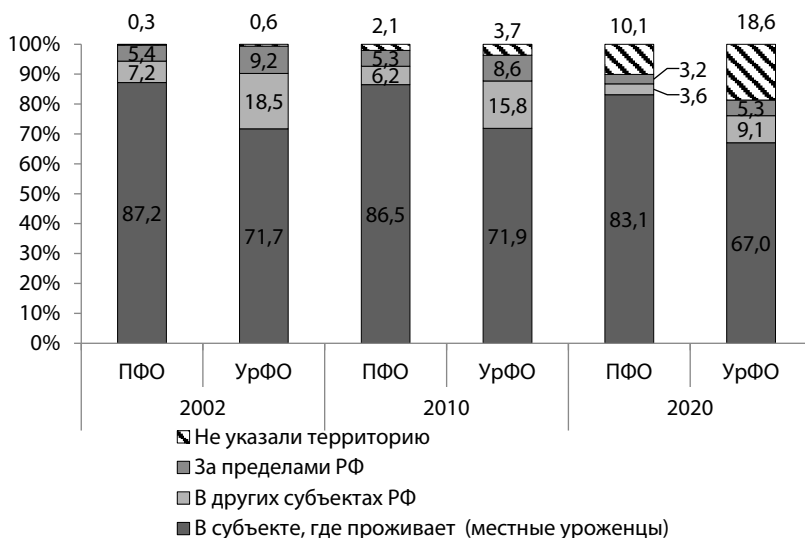

Рис. 1. Структура населения по месту рождения в РФ, ПФО и УрФО, по данным ВПН 2002, 2010, 2020 гг., % (источник: рассчитано автором по: Переписи и обследования. Итоги Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг. // Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/524> (дата обращения: 10.02.2023 г.))

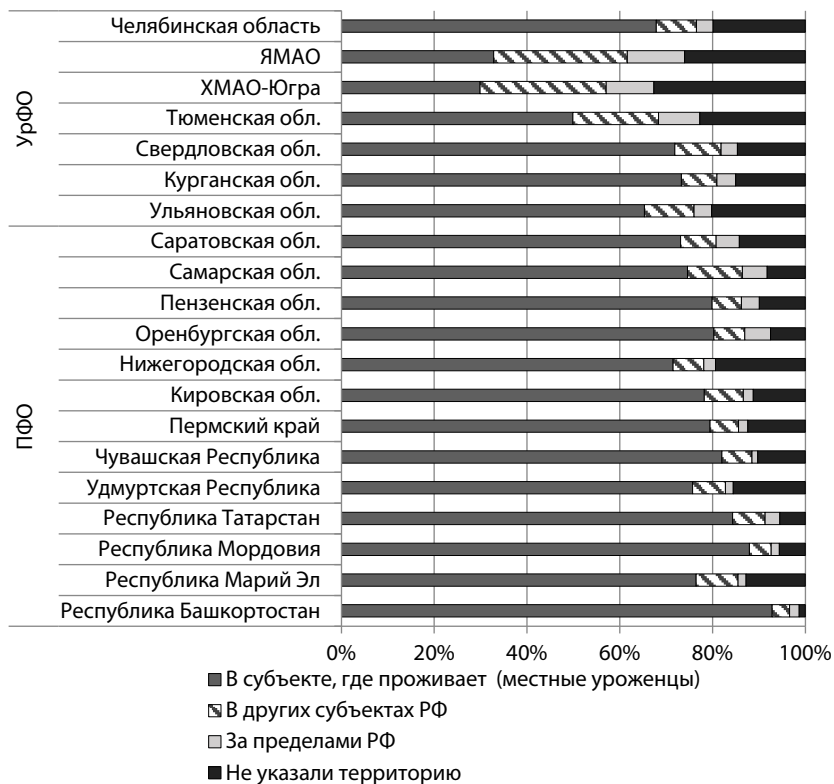

Рис. 2. Структура населения по месту рождения в субъектах ПФО и УрФО, по данным ВПН-2020, г., % (источник: рассчитано автором по: Переписи и обследования. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. // Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/524> (дата обращения: 10.02.2023 г.))

Рассмотрим, как представлены урожденные жители и мигранты в составе населения отдельных субъектов ПФО и УрФО. Все три переписи показывают, что лидерами по доле местных уроженцев являются такие субъекты ПФО, как Республика Башкортостан и Республика Мордовия (в 2002 г. также и Коми-Пермяцкий АО). В этих субъектах доля местных уроженцев держится на уровне 88–90 %. В УрФО относительно высокая доля местных уроженцев представлена в Курганской области, а и наименьшая — в Тюменской области и входящих в нее субъектах — ХМАО и ЯНАО. В целом по области местными уроженцами являются около 50 % постоянного населения, а во входящих в нее субъектах их удельный вес был минимальным по итогам ВПН-2002 г. в ЯНАО (20 %) и максимальным по итогам ВПН-2020 в ХМАО (32 %) (рис. 2). Указанные регионы вследствие высокого притока мигрантов являются лидерами как по доле лиц, родившихся в других субъектах РФ, так и по доле лиц, родившихся за рубежом.

В ПФО наибольшая доля уроженцев с других российских территорий родившихся за пределами своего субъекта — в других российских, по итогам всех трех переписей,

наблюдалась в Самарской и Ульяновской областях. Однако их доля, безусловно, значительно ниже, чем в указанных выше двух субъектах Тюменской области.

По доле уроженцев с зарубежных стран, как было отмечено выше, лидируют сибирские регионы, в ПФО их доля выше в Самарской и Саратовской областях.

Уроженцы зарубежных стран в субъектах УрФО по странам исхода представляют, в первую очередь, Казахстан и Украину; в ПФО наряду с этими странами относительно велика доля лиц, родившихся в Узбекистане. Так, в Башкортостане и Татарстане как в республиках с преобладающим мусульманским населением доля жителей, родившихся в Узбекистане, является наибольшей из долей выходцев из других стран.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что для каждого рассматриваемого федерального округа характерно преобладание в составе населения местных уроженцев и меньшая представленность уроженцев других территорий, федеральные округа отличаются разным соотношением этих категорий населения. Для ПФО характерно большая доля урожденных жителей, в УрФО больше представлены лица, прибывшие из других территорий. Это косвенно свидетельствует о меньшем уровне притока мигрантов в первый округ, чем во второй; более интенсивных миграционных потоках в УрФО, чем в ПФО. Значительный вклад в сложившуюся миграционную картину в УрФО вносят его сибирские регионы, куда происходит активный приток мигрантов как из российских регионов, так и из других стран. Миграционная ситуация, сложившаяся в субъектах Тюменской области, является исключительной, так как здесь доля местных уроженцев незначительна и приближается к доле уроженцев с других территорий.

Данные переписей показывают, что миграция является ключевым фактором формирования состава населения регионов. Влияние фактора миграции на разных территориях неодинаково, следствием чего является дифференциация субъектов по соотношению в них тех или иных категорий населения в зависимости от места рождения.

Список источников

- [1] *Переведенцев В. И.* Методы изучения миграции населения. Москва: Наука, 1975. 231 с.
- [2] *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения. Москва: Издательство «Юрайт», 2019. 486 с.
- [3] *Переведенцев В. И.* Миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1965. 95 с.
- [4] Территориальные сдвиги в размещении населения РФ в социально-экономическом развитии регионов / А. В. Топилин, О. Д. Воробьева, А. С. Максимова, А. А. Гребенюк, Т. В. Лебедева. Москва: Креативная экономика, 2018. 168 с.
- [5] *Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Абылкаликов С. И.* Внутрirosсийская миграция населения и новые данные микропереписи населения 2015 г. о миграционной активности россиян // *Население России 2016: Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад* / отв. ред. С. В. Захаров. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 376–405.
- [6] *Абылкаликов С. И.* Изучение миграционных процессов в переписях населения в разных странах мира // *Социально-политические и эколого-хозяйственные проблемы развития балтийского региона* / отв. ред. А. И. Слинчак. Псков: Изд-во Псков. гос. ун-та, 2015. С. 99–106.
- [7] *Абылкаликов С. И.* Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России // *Социологические исследования*. 2016. № 4. С. 42–49.
- [8] *Максимова А. С.* Генезисная структура населения России // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2021. Т. 1, № 1. С. 31–37. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.3>

[9] *Ахметова Г. Ф.* Местные уроженцы и мигранты в структуре населения России и Башкортостана // Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 2. С.86–95. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.7>

References

[1] *Perevedentsev V. I.* Methods of studying population migration. Moscow: Nauka, 1975. 231 p.
[2] *Rybakovsky L. L.* Population migration. Moscow: Publishing House “Urait”, 2019. 486 p.
[3] *Perevedentsev V. I.* Migration of the population of Western Siberia. Novosibirsk: Publishing House “Zapadno-Sibirskoye”, 1965. 95 p.

[4] Territorial changes in population distribution in the Russian Federation and socio-economic development of regions / A. V. Topilin, O. D. Vorobieva, A. S. Maksimova, A. A. Grebenyuk, T. V. Lebedeva. Moscow: Creative economy, 2018. 168 p.

[5] *Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V., Abylkalikov S. I.* Intra-Russian population migration and new data from the 2015 microcensus on the migration activity of Russians // Russia’s Population in 2016: 24rd Annual Demographic Report / ed. by S. V. Zakharov; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE Publishing House, 2018. 448 p.

[6] *Abylkalikov S. I.* Study of migration processes in population censuses in different countries of the world // Socio-political and ecological-economic problems of the development of the Baltic region / ed. by A. I. Slinchak. Pskov: Pskov State University Publishing house, 2015. P. 99–106.

[7] *Abylkalikov S. I.* Natives of the former Soviet Union countries in contemporary Russia // Sociological Studies. 2016. No. 4. P. 42–49.

[10] *Maksimova A. S.* Genesis structure of the Russian population // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1, No. 1. P. 30–37. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.3>

[1] *Akhmetova G. F.* Natives and migrants in the population structure of Russia and Bashkortostan // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1, No. 2. P. 86–95. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.7>

Информация об авторах

Ахметова (Хилажева) Гульдар Фаритовна — кандидат исторических наук, руководитель центра, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан; главный специалист, Уфимский университет науки и технологий; [https:// orcid.org/0000-0001-9367-0246](https://orcid.org/0000-0001-9367-0246) (Российская Федерация, 450008, г. Уфа, ул. Кирова, 15; e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru).

About the authors

Guldar F. Akhmetova (Khilazheva) — Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan; Chief Specialist, Ufa University of Science and Technology; [https:// orcid.org/0000-0001-9367-0246](https://orcid.org/0000-0001-9367-0246) (15, Kirova St., Ufa, 450008, Russian Federation; e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-3-2>

УДК 336.1

JEL classification: J10, O15, R11

УЧАСТИЕ БОЛЬШОГО УРАЛА В «ЗАПАДНОМ ДРЕЙФЕ»¹

Е. Б. Бедрина

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499>

Автор для корреспонденции: Е. Б. Бедрина (bedrina.eb@uiec.ru)

Аннотация. Исследование выполнено на основе анализа официальной статистики, характеризующей миграционную ситуацию в регионах Большого Урала. Предметом исследования выступают межрегиональные и международные миграционные потоки населения рассматриваемых территорий. Целью исследования является оценка сложившегося миграционного режима на территории Большого Урала, получившего в научной литературе название западный дрейф. Ограничением в исследовании являются статистические неточности, связанные с проблемами учета миграционных потоков и изменением учета, произошедшего в 2011 г. Исследование показало сохранение на территории Большого Урала «промывного» режима миграции в рамках «западного дрейфа». Данное исследование может быть интересно лицам, изучающим демографические процессы и занимающимся региональными исследованиями.

Ключевые слова: миграция; нетто-миграция; Большой Урал; западный дрейф; промывной режим миграции

Participation of the Great Urals in the Western Drift

Е. В. Bedrina

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499>

Corresponding author: E. B. Bedrina (bedrina.eb@uiec.ru)

Abstract. The present article analyses official statistics characterising the migration situation in regions of the Great Urals. The subject of the study is interregional and international migration flows of the population of the studied area. The research aims to assess the current migration regime on the territory of the Great Urals, named «western drift» in the scientific literature. The study is limited by statistical inaccuracies associated with the problems of accounting for migration flows and the change in accounting that occurred in 2011. The paper demonstrated the preservation of the flushing migration regime within the framework of the western drift in the Great Urals. This study may be of interest to people studying demographic processes and engaged in regional studies.

Keywords: migration; net migration; Great Urals; western drift; flushing migration

Введение

Исследование является продолжением работ по оценке сложившегося миграционного режима, получившего название в научной литературе западный дрейф. В исследовании представлены вопросы особенностей участия регионов, входящих в Большой Урал, в данном процессе. К ним относятся Республика Башкортостан и Удмуртская республика, Пермский край, Оренбургская, Курганская, Свердловская, Тюменская и Челябинская области и два автономных округа — Ханты-Мансийский — Югра и Ямало-Ненецкий. Для оценки использованы доступные данные нетто-миграции с другими регионами и зарубежными странами за период с 2003 г. по 2021 г. Исследование тестирует выдвинутую Н.В. Мкртчян в статье «Миграция в России:

¹ © Бедрина Е. Б. Текст. 2023.

западный дрейф» (2005) гипотезу о наличии и сохранении промывного миграционного режима [6] на территории Большого Урала.

Данное исследование может быть интересно лицам, изучающим демографические процессы и занимающимся региональными исследованиями.

Формирование Большого Урала

Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия «Большой Урал» была создана 9 июня 1991 г. Данное объединение первоначально включала в себя пять областей: Курганскую, Оренбургскую, Свердловскую, Челябинскую и Пермскую. В 1993 г. к ним присоединились Республика Башкортостан, Удмуртская Республика и Тюменская область, а Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа получили статус наблюдателей. 1 декабря 2005 г. в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа был образован Пермский край.

В настоящее время Большой Урал включает в себя: Республику Башкортостан и Удмуртскую, Республику, Пермский край, Курганскую, Оренбургскую, Свердловскую, Челябинскую и Тюменскую области, а также автономные округа Тюменской области Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский — Югра. В 2000 г. в Российской Федерации были созданы федеральные округа. Таким образом, в Большой Урал полностью вошел Уральский федеральный округ (Курганская, Свердловская, Тюменская и Челябинская области и автономные округа — Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский — Югра) и 4 субъекта Поволжского федерального округа (Республика Башкортостан и Удмуртская Республика, Пермский край и Оренбургская область).

Территории Большого Урала (за исключением Тюменской области и ее автономных округов) образуют Уральский экономический район, богатый природными ресурсами, такими как нефть, железная руда, медно-никелевые руды, медная руда, калийные соли, бурый уголь, каменный уголь, природный газ и лесные ресурсы. Тюменская область и ее автономные округа входят в Западносибирский экономический район. Их вхождение в Большой Урал оправдано тем, что они составляют один из самых крупнейших нефтегазоносных регионов России и, в силу географического положения, имеют тесные экономические связи с другими уральскими регионами, в частности активно абсорбируют трудовые ресурсы Урала и Западной Сибири [1].

Наличие природных ресурсов делает Большой Урал стратегически важной территорией Российской Федерации. При этом суровые неблагоприятные для жизни населения климатические условия являются препятствием для освоения его богатств, заставляя его жителей принимать активное участие в миграционных процессах. В этих условиях сохранение и закрепление населения за данными территориями является трудной, но архиважной задачей.

Промывной режим на территории Большого Урала

Миграция населения становится неотъемлемой характеристикой современного мира, однако она существовала и в прошлых столетиях. К примеру, движение на восток началось в России еще в конце XVI — начале XVII вв. и было связано, в первую очередь, с его промышленным освоением. Вплоть до 70–80-х гг. XX в. российское население двигалось сторону Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Активизация миграционных процессов на Урале происходила на протяжении всего XX в. [5]. Переход к рынку и отказ государства от политики поддержки численности населения на территориях с неблагоприятными климатическими условиями привели

к обратному движению населения — с территории Дальнего Востока и Сибири на юг и запад России. Таким образом, в 70–80-е гг. XX в. на территории России произошел слом миграционного тренда [3], а Большой Урал оказался в центре этих событий.

Особенно большие миграционные потери понесли территории Большого Урала в начале 1990-х гг. в связи с закрытием ряда предприятий и резким снижением уровня жизни населения. Н.Н. Роготень, А.А. Францев указывают, что с этих территорий в 1992 г. выехало огромное количество украинских и белорусских работников. Только за первые 5 лет районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности потеряли из-за миграционного оттока почти 7 % населения. За 1991–2000 гг. население европейского Севера и Северо-Востока сократилось больше, чем на 900 тыс. чел [9, с. 50]. Данное явление было названо Ж.А. Зайончковской западным дрейфом [4]. Позже это понятие укоренилось в демографической науке.

В силу географического положения Большой Урал находится на пути западного дрейфа, соединяя Европу и Азию, и является его особым участником, так как за счет данного миграционного потока частично компенсирует свои потери в численности населения прибывшими из Дальнего Востока и Сибири. В связи с чем Н.В. Мкртчян охарактеризовал его миграционный режим как промывной [6]. Причину возникновения данного режима на территории индустриального Урала М.С. Пальников видит наличие большого количества вакансий для трудоустройства [8, с.148]. Отмечая роль промывного миграционного режима в демографических процессах, Н.В. Мкртчян пишет: «Несмотря на то, что „западный дрейф“ оставляет по пути транзита относительно небольшое количество мигрантов, для Урала и Западной Сибири это играет очень важную роль. Особенно в последние годы, когда сократился миграционный приток населения из Казахстана и Средней Азии, которые питали приграничные регионы в этой части страны» [6].

Анализ миграционных потоков регионов Большого Урала показал, что несмотря на активную миграцию, миграционное сальдо остается относительно стабильным и небольшим. При этом отдающими выступают регионы, расположенные в Приволжском федеральном округе: Пермский край, Оренбургская область, Республика Удмуртская Республика, а также Курганская область, расположенная в Уральском федеральном округе.

Сдерживающим региональную миграцию форпостом в Пермском крае выступает г. Пермь с численностью населения на 2021 г. — 1042,8 тыс. чел.¹ Тем не менее на протяжении всего периода с 2003 г. по 2021 г. Пермский край имел отрицательное сальдо миграции, за исключением 2009 г., когда нетто-миграция составила 2,5 тыс. чел. (рис. 1).

Невысокая конкурентоспособность на рынке человеческих ресурсов Удмуртской Республики (рис. 2), Оренбургской (рис. 3) и Курганской областей (рис. 4) может быть объяснена относительно низкой урбанизацией этих территорий. Так, в 2021 г. индекс индустриализации в Удмуртской Республике составил 66,3 %, в Оренбургской и Курганской областях — 61,1 % и 62,5 % соответственно, в то время как на территории Большого Урала он равнялся 77,1 %, а в среднем в Российской Федерации — 81,9 %².

¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2022: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2022. 853 с.

² Сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2002, 2006, 2022 (см.: <https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023))

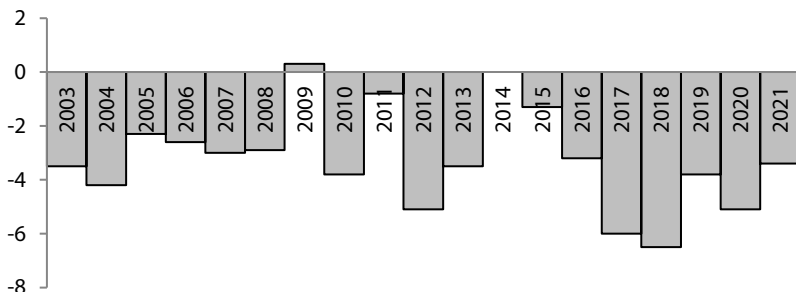

Рис. 1. Нетто-миграция в Пермском крае, 2003–2021 гг., тыс. чел. (источник: составлено на основе: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2004–2022: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2022. <https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023))

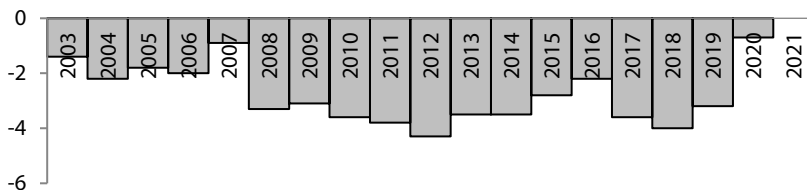

Рис. 2. Нетто-миграция в Удмуртской Республике, 2003–2021 гг., тыс. чел (источник: составлено на основе сборников Росстата «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2004–2022 гг. (<https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023))

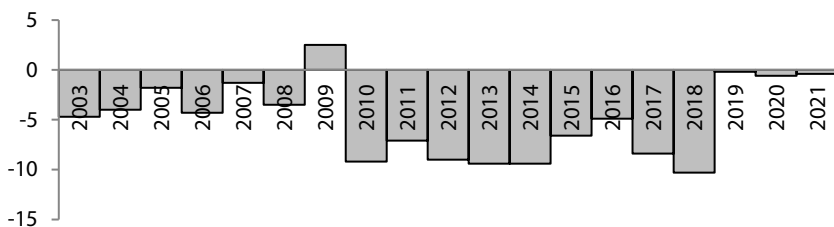

Рис. 3. Нетто-миграция в Оренбургской области, 2003–2021 гг., тыс. чел (источник: составлено на основе сборников Росстата «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2004–2022 гг. (<https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023))

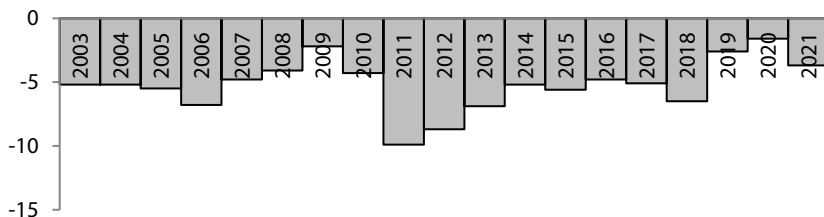

Рис. 4. Нетто-миграция в Курганской области, 2003–2021 гг., тыс. чел (источник: составлено на основе сборников Росстата «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2004–2022 гг. (<https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023))

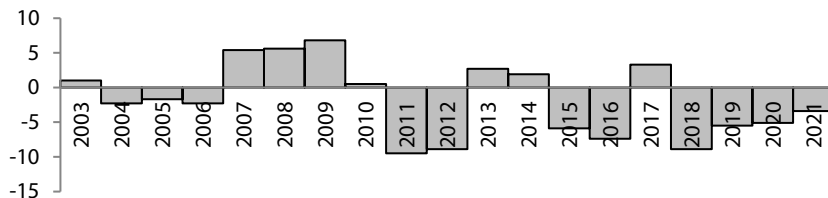

Рис. 5. Нетто-миграция в Республике Башкортостан, 2003–2021 гг., тыс. чел (источник: составлено на основе сборников Росстата «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2004–2022 гг. (<https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023))

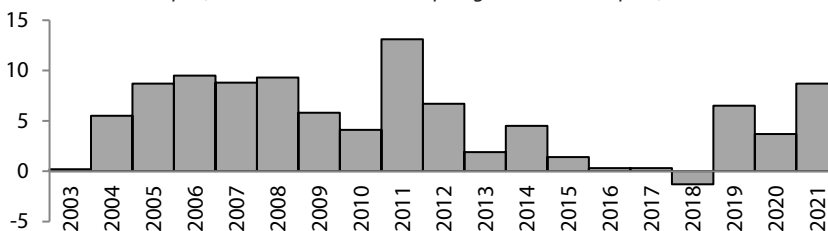

Рис. 6. Нетто-миграция в Свердловской области, 2003–2021 гг., тыс. чел (источник: составлено на основе сборников Росстата «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2004–2022 гг. (<https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023)) (источник: составлено на основе: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2004–2022: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2022. <https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023))

Среди регионов Приволжского федерального округа, входящих в Большой Урал, в лучшем положении находится Республика Башкортостан (рис. 5), где периоды убыли населения в результате миграции сменяются периодами роста: 2007–2010, 2013, 2014, 2017 гг. При этом важную роль в качестве центра притяжения населения играет город Уфа с численностью населения в 2021 году — 1 135,1 тыс. чел.*

Все регионы Уральского федерального округа, за исключением Курганской области, имеют положительный миграционный прирост населения. При этом в относительно выгодном положении находится Свердловская область, где на протяжении с 2003 г. по 2021 г. потери населения от миграции имели место только 2018 г., несмотря на то, что с 2015 г. наблюдается отрицательный обмен с другими регионами России. Дело в том, что потери населения в результате межрегиональной миграции в Свердловской области покрываются за счет международной миграции. Центром притяжения межрегиональной, внутренней для региона и международной миграции в Свердловской области выступает г. Екатеринбург с численностью населения по оценкам 2021 г. — 1 493,6 тыс. чел.¹ (рис. 6).

Особая ситуация сложилась в Тюменской области и ее автономных округах, где с 1970–1980-х гг. начал формироваться мощный нефтегазовый комплекс, позволивший данной территории стать центром притяжения трудовых ресурсов [8], несмотря на суровые климатические условия. Диаграммы на рисунках 7–10 демонстрируют, что миграция повышает численность населения данных территорий, причем свой

¹Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2022: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2022. 853 с.

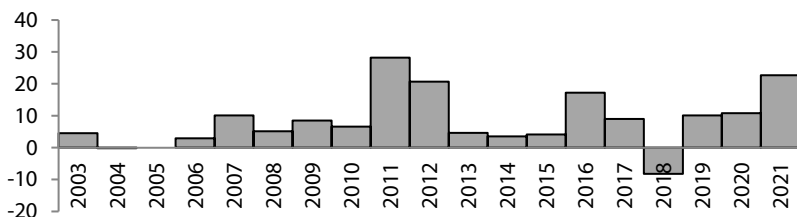

Рис. 7. Нетто-миграция в Тюменской области, 2003–2021 гг., тыс. чел (источник: составлено на основе сборников Росстата «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2004–2022 гг. (<https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023))

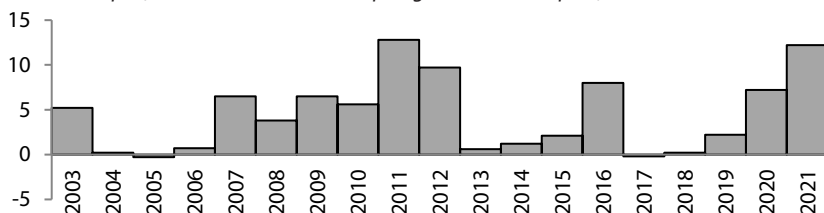

Рис. 8. Нетто-миграция в Ханты-Мансийском автономном округе — Югра, 2003–2021 гг., тыс. чел (источник: составлено на основе сборников Росстата «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2004–2022 гг. (<https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023))

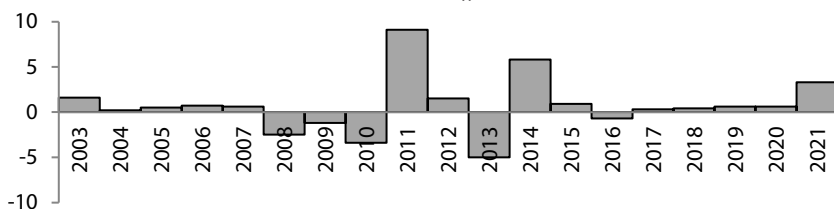

Рис. 9. Нетто-миграция в Ямало-Ненецком автономном округе, 2003–2021 гг., тыс. чел (источник: составлено на основе сборников Росстата «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2004–2022 гг. (<https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023))

положительный вклад в данный процесс вносит как межрегиональная, так и международная миграция.

Кроме того, следует отметить, что на территории Тюменской области и ее автономных округов, как и на многих других северных территориях России, миграция связана с возрастными характеристиками — люди пенсионного возраста предпочитают возвращаться на «большую землю», то есть в континентальные, западные и южные территории России. В то же время крупные города регионов привлекают молодое население. Данные тенденции хорошо описаны в работе Н. Мкртчяна и Л. Карачуриной [7].

Несмотря на индустриальный характер (уровень урбанизации в 2021 г. — 82,6 %¹) Челябинская область на протяжении длительного времени является отдающим

¹Регионы России. Социально-экономические показатели 2022 // Росстат. <https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023).

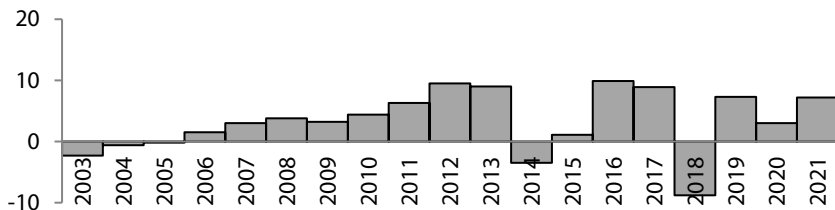

Рис. 10. Нетто-миграция в Тюменской области без авт. округе, 2003–2021 гг., тыс. чел (источник: составлено на основе сборников Росстата «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2004–2022 гг. (<https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023)))

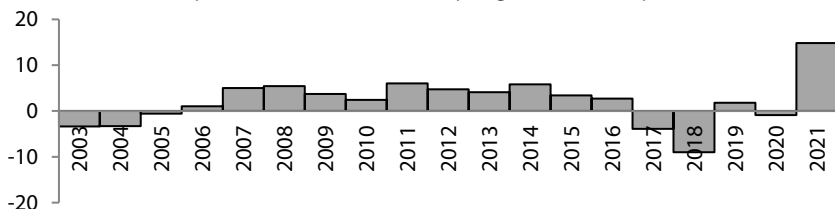

Рис. 11. Нетто-миграция в Челябинской области, 2003–2021 гг., тыс. чел (источник: составлено на основе сборников Росстата «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2004–2022 гг. (<https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023)))

Таблица

Миграционный обмен (нетто-миграция) Большого Урала и другими регионами и зарубежными странами (тыс. чел.)

Период	Миграционный поток		всего
	с другими регионами	с зарубежными странами	
2003–2005	–54,2	21,2	–33,0
2006–2010	–125,3	101,2	–24,1
2011–2015	–196,3	194,6	–1,7
2016–2020	–231,1	110,9	–120,2
2021	–23,0	63,9	40,9
2003–2021	–629,9	491,8	–138,1

Источник: рассчитано на основе сборников Росстата «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2004–2022 гг. (<https://gks.ru> (дата обращения: 20.02.2023)).

регионом в межрегиональной миграции, однако потери населения, как правило, покрываются положительным сальдо по международной миграции. Этому способствует г. Челябинск с численностью населения, по оценкам 2021 г., 1 179,3 тыс. чел.¹ В результате нетто-миграция в регионе небольшая и в целом носит позитивный характер (рис. 11).

В целом, как показывают данные, представленные в таблице, Большой Урал, участвуя в западном дрейфе, за период с 2003 г. по 2021 г. потерял 138,1 тыс. чел. При этом людские потери в результате обмена с другими регионами более чем на 3/4 были замещены миграцией из зарубежных стран.

¹Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2022: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2022. 853 с.

Заключение

Проведенный анализ показал сохранение промывного режима на территории Большого Урала. Благодаря богатым природным ресурсам и активной деловой среде процесс «вымывания» приглушается и становится постепенным. Большую лепту в данный процесс вносят торгующая энергоресурсами Тюменская область и ее автономные округа: Ханты-Мансийский — Югра и Ямало-Ненецкий, а также города-миллионники, такие как Екатеринбург, Челябинск, Уфа, Пермь.

На территории Большого Урала происходит замещение потерь от межрегиональной миграции потоками мигрантов из зарубежных стран, что требует проведения глубокого исследования изменений качественной составляющей человеческого капитала Большого Урала. Это особенно актуально в связи с представлением о дальнейшем увеличении потоков международной миграции в регионы России [2].

Ограничением в исследовании являются, во-первых, статистические неточности, связанные с проблемами учета как межрегиональных, так и международных миграционных потоков, во-вторых, изменения учета, произошедшие в 2011 г., позволившие включить в учет временную краткосрочную миграцию, прежде всего учебную [10]. Однако эти изменения в большей мере сказались на самих потоках, а не на сальдо миграции.

Так как наименее конкурентоспособными в борьбе за человеческие ресурсы оказываются аграрные территории Большого Урала, с нашей точки зрения, требуются специальные меры поддержки данных территорий. В качестве варианта можно предложить развитие научной и образовательной среды в данных регионах. Данное направление могло бы способствовать удержанию и закреплению молодежи в регионах Большого Урала.

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзадаанию Института экономики УрО РАН на 2021-2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021-2023, No. 0327-2021-0011 "Institutional models and factors of social and economic adaptation of the regional population in the context of the transition to dynamic development".

Список источников

[1] Демографические вызовы России. Ч. 3. Миграция / А. Г. Вишневский, Ж. А. Зайончковская, М. Б. Денисенко, Н. В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2017. № 753-754. <http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php> (дата обращения 28.02.2023).

[2] Ерохин Н. А. Механическое движение населения в России как политическая проблема // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 1. С. 34-47.

[3] Житин Д. В. Пространственно-временная трансформация миграционных связей регионов России // Социально-экономическая география: вестник ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 175-189.

[4] Зайончковская Ж., Архангельская Н. Западный дрейф // Эксперт. 2003. № 39(392). С. 120.

[5] Корнилов Г. Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX века // Уральский исторический вестник. 2012. № 2(35). С. 48-57.

[6] *Мкртчян Н. В.* Миграция в России: западный дрейф // Демоскоп Weekly. 2005. № 185-186. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema04.pp> (дата обращения 28.02.20023).

[7] *Мкртчян Н., Карачурина Л.* Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly. 2014. № 595-596. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema01.php> <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema04.php> (дата обращения 28.02.20023).

[8] *Пальников М. С.* Внутренняя миграция в России 1990-2013 гг.: основные параметры и особенности «западного дрейфа» <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22594944> // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 4. С. 138-172.

[9] *Роготень Н. Н., Францев А. А.* Внутренние миграции в европейской части Российской Федерации // Социальные отношения. 2017. № 3(22). С. 47-60.

[10] *Чудиновских О. С.* Статистика миграции знает не все // Демоскоп. 2008. № 335-336. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema02.php> (дата обращения: 28.02.2023).

References

[1] Demographic challenges in Russia. Part three — migration / A. G. Vishnevsky, Zh. A. Zayonchkovskaya, M. B. Denisenko, N. V. Mkrтчyan // Demoscope Weekly. 2017. No. 753-754. <http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php> (accessed on: 02.28.2023).

[2] *Erokhin N. A.* Mechanical migration of population in Russia as a political problem // Bulletin of Moscow Region State University. 2019. No. 1. P. 34-47.

[3] *Zhitin D. V.* Spatio-temporal transformation of migration relations of Russian regions // Socio-economic geography: Bulletin of the Association of Russian geographers and social scientists. 2016. No. 5. P. 175-189.

[4] *Zayonchkovskaya Zh., Arkhangel'skaya N.* Western drift // Expert. 2003. No. 39(392). P. 120.

[5] *Kornilov G. E.* Migration patterns and shaping of the ural population in the first half of the 20th century // Ural historical journal. 2012. No. 2(35). P. 48-57.

[6] *Mkrтчyan N. V.* Migration in Russia: Western Drift // Demoscope Weekly. 2005. No. 185-186. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema04.pp> (accessed on: 02.28.2023).

[7] *Mkrтчyan N., Karachurina L.* Migration in Russia: flows and centers of gravity // Demoscope Weekly. 2014. No. 595-596. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema01.php> (accessed on: 02.28.2023).

[8] *Palnikov M. S.* Home migration in Russia 1990-2013: main dimensional character and peculiarities of the «western drift» // Current problems of Europe. 2014. No. 4. P. 138-172.

[9] *Rogoten N. N., Frantsev A. A.* Internal migrations in the European part of the Russian Federation // Social relations. 2017. No. 3(22). Pp. 47-60.

[10] *Chudinovskikh O. S.* Migration statistics don't know everything // Demoscope. 2008. No. 335-336. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema02.php> (accessed on: 02.28.2023).

Информация об авторах

Бедрина Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 56658693400; <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: bedrina.eb@uiec.ru).

About the authors

Elena B. Bedrina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 56658693400; <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: bedrina.eb@uiec.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-3-3>

УДК 332.13

JEL classification: O18

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КРУПНЕЙШИЕ АГЛОМЕРАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ¹

П. В. Дружинин^a, К. Е. Седова^b

^{a, b} Институт экономики Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия)

^a <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>

^b <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453>

Автор для корреспонденции: П. В. Дружинин (pdruzhinin@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается развитие регионов Центрального и Северо-Западного федеральных округов, на которое влияет миграция населения в Москву и Санкт-Петербург. Цель исследования — оценка влияния концентрации населения в московской и петербургской агломерациях на динамику развития других регионов данных округов. На основе сравнительного анализа данных и расчетов определяется влияние изменения структуры занятости на динамику производительности труда в округах. На основе моделей оценивается влияние структурных сдвигов на эффективность инвестиций в экономику округов. Было показано, что производительность труда в Москве вдвое превышает среднюю по остальным регионам, но почти не растет. В Санкт-Петербурге производительность труда примерно равна средней по округу и растет медленнее. Соответственно изменение структуры занятости обеспечивает примерно 1/5 прироста производительности труда округа в первом случае и не влияет во втором. Инвестиции в экономику Москвы быстро растут, но их эффективность близка к нулю, что отрицательно влияет на эффективность инвестиций в экономику округа. В целом миграция населения в две агломерации не приносит положительного результата.

Ключевые слова: миграция; занятость; агломерация; Москва; Санкт-Петербург

Population Migration to Major Agglomerations and Regional Economic Development

P. V. Druzhinin^a, K. E. Sedova^b

^{a, b} Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

^a <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>

^b <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453>

Corresponding author: P. V. Druzhinin (pdruzhinin@mail.ru)

Abstract. The article considers the development of regions of the Central and Northwestern Federal Districts, which is influenced by the migration of population to Moscow and Saint Petersburg. The study aims to assess the impact of population concentration in the Moscow and Saint Petersburg agglomerations on the development dynamics of other regions in these districts. The impact of changes in the employment structure on the dynamics of labour productivity in the districts was determined based on the comparative analysis of data and calculations. The influence of structural shifts on the efficiency of investments in the economy of the districts was estimated using relevant models. It was shown that labour productivity in Moscow is twice as high as the average for the rest of the regions, but almost does not grow. In Saint Petersburg, labour productivity is approximately equal to the average for the district and grows more slowly. Accordingly, changes in employment structure provide approximately 20 % of the district's productivity growth in the former case and have no impact in the latter. Investments in the Moscow economy are growing rapidly, but their efficiency is close to zero, which has a negative impact on the efficiency of investments in the district's economy. Overall, migration to the two agglomerations does not bring positive results.

Keywords: migration; employment; agglomeration; Moscow; Saint Petersburg

¹ © Дружинин П. В., Седова К. Е. Текст. 2023.

Введение

В XXI в. ускорилось развитие российских агломераций, быстро росли крупнейшие города страны, появились новые города-миллионеры. Развитие агломераций должно способствовать активным структурным сдвигам в экономике региона в целом и ускорению инновационных процессов. На данных европейских стран было показано, что в более населенных агломерациях выше производительность труда [1]. Для РФ также было отмечено, что в регионах с крупнейшими агломерациями выше производительность труда [2]. Считается, что причины формирования и роста агломераций связаны с эффектом масштаба, который возникает, когда рост размеров и плотности городов позволяют создавать кластеры [3]. Фирмы и занятые в них извлекают выгоду из микромеханизмов обучения посредством взаимодействия и распространения идей между ближайшими фирмами, улучшения соответствия между концентрированной совокупностью фирм и требуемыми для них ресурсами, прежде всего системой образования, а также совместного использования неделимых объектов и трудовых ресурсов, расположенных в агломерации [4].

Но развитие агломераций не всегда положительно сказывается на экономике региона в целом. В настоящее время все большее внимание уделяется и негативным последствиям, вызываемым ростом размеров агломерации, в частности территории. Чрезмерная зависимость региона от инфраструктуры и потенциала одного города может привести к неблагоприятным последствиям, связанным с высокой плотностью фирм и населения, что ведет к транспортным проблемам, загрязнению окружающей среды, росту затрат на рабочую силу, арендную плату за землю и недвижимость [5].

Города второго уровня или другие меньшие города могли бы попытаться достичь тех же преимуществ агломерации, одновременно смягчая недостатки за счет иной пространственной структуры, в которой объединены их усилия и размеры. Предполагается, что обмен знаниями и другими ресурсами, творческий подход обеспечивают динамичный синергетический эффект для сотрудничающих сетей близлежащих городов при наличии необходимой инфраструктуры [6, 7]. В то же время было отмечено, что полицентрические городские структуры не оказывают прямого положительного воздействия на производительность [8]. Поэтому детальное исследование влияния формирования и развития агломераций на экономику региона является актуальным.

Цель исследования — анализ динамики населения регионов Северо-Западного федерального округа и Центрального федерального округа (ЦФО) и оценка влияния концентрации населения в московской и петербургской агломерациях на динамику развития регионов двух данных округов.

Материалы и методы

На основе данных переписей 2002, 2010 и 2021 гг. сравнивается динамика численности населения Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Ленинградской области, других регионов СЗФО и ЦФО и их столиц и периферии. Строятся графики основных показателей развития регионов и анализируется их изменение, возможные зависимости от расстояния до Москвы и Санкт-Петербурга и концентрации населения в столице региона.

Выбор данных округов связан с тем, что два крупнейших города страны оказывают влияние не только на окружающую их область, но и на другие регионы округа. Для анализа развития экономики региона необходимо строить трехсекторную

модель, которая включает в качестве секторов столицу региона, развивающиеся муниципалитеты и депрессивные муниципалитеты. Для обычного региона трехсекторная модель требует данных по муниципалитетам, основную проблему составляет отсутствие обобщающего показателя — валового муниципального продукта, показателя аналогичного валовому региональному продукту (ВРП), но по муниципалитетам. В некоторых странах подобная статистика имеется, в РФ велась работа по разработке методики оценки данного показателя. В то же время для Москвы и Санкт-Петербурга можно построить трехсекторную модель, где в качестве двух других секторов будут окружающая Москву и Санкт-Петербург область и остальные регионы округа как третий сектор. Для данных трех секторов можно строить различные модели, в частности производственные функции по динамике ВРП.

Для оценки влияния концентрации населения в столицах округов проводился анализ динамики производительности труда в округах, и выделялось влияние структурных сдвигов по занятости населения. Влияние структурных сдвигов на эффективность инвестиций в экономику округов оценивалось по результатам расчетов производственных функций Кобба — Дугласа и Хэди — Дилана, что позволило определить динамику эластичности по фондам. Поскольку в статистических справочниках отсутствует информация по динамике основных фондов в сопоставимых ценах, то при расчете производственных функций использовались кумулятивные инвестиции за четыре последних года. По формулам агрегирования параметров производственных функций разного уровня определялось влияние структурных сдвигов на эффективность кумулятивных инвестиций в экономику округов в целом.

Анализ данных

Исследование основано на данных статистических справочников Росстата «Регионы России» и данных переписей 2002, 2010 и 2020 гг.¹ Использовалась также информация о расстоянии от столицы региона до Москвы и Санкт-Петербурга для анализа зависимости изменения экономических показателей от близости к центрам округов.

Население округов постепенно концентрируется в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях. Численность населения большинства других регионов за 2010–2021 гг. сократилась, наиболее сильно в четырех северных регионах СЗФО (более чем на 16 %) и двух регионах ЦФО — Ивановской и Костромской областей (более, чем на 12 %). Данные области находятся на севере-востоке от Москвы. Также надо отметить, что у четырех северных регионов СЗФО наибольшее различие данных переписи и текущего учета численности населения, что говорит о неточности данных по годовой миграции для данных регионов и, видимо, значительном снижении привлекательности проживания в них. За 2010–2021 гг. выросло население трех регионов — анклавной Калининградской области, а также Калужской и Белгородской областей.

Надо отметить, что численность населения Москвы и Санкт-Петербурга сильно различается по оценкам различных ведомств и организаций. Комитет по труду и занятости Петербурга произвел оценку численности постоянного населения на основании

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 30.01.2023); Всероссийская перепись населения — 2020 // Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 30.01.2023).

технологий big data, эта оценка на октябрь 2021 г. составила около 7 млн чел.¹, что существенно больше, чем по данным переписи. Тщательный анализ данных сотовых операторов показал, что население агломерации намного больше, чем по данным Росстата, но в самом городе проживает меньше людей, а превышение численности населения происходит за счет кварталов, находящихся за пределами городских границ, большинство жителей которых работает в городе [9]. Причина в том, что Санкт-Петербург не изменял границ в XXI в., Москва расширилась лишь в одном направлении. Транспортная инфраструктура развивается в ближайших к городам территориях обеих областей, за пределами МКАД находится 21 станция метро, за пределами Санкт-Петербурга только одна, но развиваются другие виды транспорта.

В 2000-х гг. население столиц регионов мало менялось, сокращение населения регионов шло за счет периферии, в 2010-х гг. ситуация немного изменилась — в наиболее быстро теряющих население регионах стала сокращаться численность населения их столиц. Например, между переписями 2002 и 2010 гг. население Петрозаводска сократилось всего на 4,6 тыс. чел, а между переписями 2010 и 2020 гг. — уже на 27.1 тыс. чел. Связь между приростом населения столиц в 2000-х и 2010-х гг. отсутствует, но существует подобная прямо пропорциональная зависимость для динамики населения периферии — в большинстве регионов отток населения с периферии усиливается.

Изменение численности населения регионов, их столиц и периферии зависит от их расстояния до Москвы и Санкт-Петербурга. Наиболее далеко отстоящие от Санкт-Петербурга три региона быстрее других теряют население, но это одновременно и северные регионы. А в европейской части страны более северное расположение регионов способствует более быстрому сокращению численности населения [10]. Для остальных регионов двух округов лучше ситуация с динамикой численности населения регионов в целом и периферии у более близких и более отдаленных регионов, а для столиц регионов данная зависимость очень слабая. Если рассматривать все регионы европейской части РФ, то чем дальше регион от Москвы, тем лучше ситуация с динамикой численности населения (за исключением самых северных регионов).

Анализ данных показал, что численность населения региона и его столицы не влияет на изменение численности населения столицы региона и его периферии, более населенные столицы не являются более привлекательными для мигрантов. Исключение составляет Воронежская область, в которой менялись границы столицы, что способствовало росту населения Воронежа.

На миграцию населения влияют его доходы. Для регионов ЦФО динамика занятости зависит от соотношения зарплаты и прожиточного минимума, более высокие реальные доходы сдерживают отток населения в Москву ($R^2 = 0,40$). Уровень зарплат в регионах округа различается, но эти отличия несущественны относительно отличий от московской зарплаты, которая превышает среднюю по 16 регионам ЦФО за пределами московской агломерации почти в три раза. Для регионов СЗФО такой зависимости нет, северные регионы быстрее теряют население, в них быстрее снижается занятость, несмотря на более высокое значение отношения средней зарплаты к прожиточному минимуму. Видимо, существующая реальная зарплата недостаточно компенсирует тяжелые условия проживания и работы на Крайнем Севере. Зарплата в северных регионах растет медленнее, чем в РФ в целом. Поэтому динамика занятости

¹Петростат и Смольный разошлись в подсчетах числа петербуржцев почти на 1,6 млн // Neva today. Интернет-газета. <https://neva.today/news/2022/4/7/357057> (дата обращения; 30.01.2023).

в 2010–2021 гг. теснее связана с динамикой реальных доходов населения для СЗФО ($R^2 = 0,24$ для ЦФО и $R^2 = 0,41$ для СЗФО).

Связь динамики ВРП и численности населения региона очень слабая ($R^2 = 0,17$), с численностью населения столицы региона еще слабее. Связь динамики ВРП на душу населения с численностью населения региона и его столицы практически отсутствует. Также отсутствует связь и с динамикой производительности труда. Эффективность развития регионов с большей численностью населения не выше, чем у других регионов.

Результаты

Для расчетов использовались данные по занятости в региональной экономике, кумулятивным инвестициям за четыре года и ВРП за 2009–2020 гг. На изменение количества занятых в регионах кроме доходов влияют и объемы инвестиций. Рост инвестиций может вести к росту занятости (при создании новых производств) или ее снижению (при модернизации). Инвестиции росли во всех регионах, меньше снизилась занятость в регионах, получивших больший объем инвестиций или имевших более высокую долю инвестиций, в ЦФО (без учета Москвы и Московской области — $R = 0,36$). При анализе изменения доли занятости 16 регионов было отмечено, что связь становится все теснее, чем больше доля кумулятивных инвестиций в регион, тем больше доля в общей занятости (в 2019 г. $R^2 = 0,81$). Значит, после кризиса 2008–2009 гг. изменение доли занятости регионов ЦФО зависело от кумулятивных инвестиций.

Для оценки влияния миграции населения на эффективность развития округа в целом определялось влияние изменения структуры занятости населения на производительность труда. За 2009–2020 гг. рост производительности труда в ЦФО за счет структурных сдвигов составил 1/5 часть, что связано с ростом удельного веса Москвы, производительность труда в которой практически не растет, но более чем в два раза выше, чем в 17 других регионах округа. В СЗФО влияние структурных сдвигов было минимальным — менее 1 %.

Инвестиции в экономику Москвы после кризиса быстро растут, но расчеты производственных функций за 2009–2020 гг. показали, что их эффективность близка к нулю и рост удельного веса Москвы снижает общую эффективность инвестиций в экономику округа.

Расчеты показали, что концентрация населения в Москве и Санкт-Петербурге не оказала положительного влияния на эффективность развития округов в целом. Доля Москвы в ЦФО по занятости выросла с 34 % до 42 %, по инвестициям с 36 % до 57 %, а по ВРП упала с 62,4 % до 58,9 %. Москва в настоящее время не играет позитивной роли в развитии регионов за пределами московской агломерации, она лишь переправляет себе финансовые потоки, которые ей необходимы. После кризиса в основных отраслях экономики Москвы снижалась производительность труда, лишь в последние годы она стала незначительно расти в обрабатывающей промышленности. В Москве медленно растут наукоемкие сектора экономики, а доля высокотехнологичного производства в обрабатывающей промышленности невелика — 15,3 % в 2021 г.

Доля высокотехнологичного сектора в Санкт-Петербурге в структуре обрабатывающей промышленности значительно больше, чем в Москве. Инновационная активность в Санкт-Петербурге достаточно высокая. Но снижалась производительность труда в основных отраслях экономики — в обрабатывающей промышленности, строительстве, торговле и транспорте.

Заключение

Миграция в Москву и Санкт-Петербург из окружающих регионов в 2010-х гг. не приносила того эффекта, который был в предыдущие годы. Значительная часть промышленных производств была вынесена за пределы городов, виды деятельности, основанные на знаниях, слабо развивались, а рост сферы услуг зависит от роста доходов населения, который прекратился.

Благодарность

Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ № 23-28-00446 «Влияние формирования агломерации на развитие экономики региона в целом».

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-00446 «The Impact of Agglomeration Formation on the Development of the Economy of the Region as a Whole».

Список источников

- [1] Кабалинский А. И., Трутнева М. В. Города и агломерации как драйверы экономического развития (на примере европейских стран) // Муниципальная академия. 2017. № 3. С. 128-134.
- [2] Власюк Л. И. Размер городской агломерации и эффективность функционирования экономики региона // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10-2. С. 228-232.
- [3] Glaeser E. L., Ponzetto G. A., Zou Y. Urban networks: Connecting markets, people, and ideas // Papers in Regional Science. 2016. No. 95(1). P. 17–59. <https://doi.org/10.1111/pirs.12216>
- [4] Duranton G., Puga D. Micro-foundations of urban agglomeration economies // Handbook of regional and urban economics / ed. by V. Henderson, J. F. Thisse. Elsevier, 2004. P. 2063–2117.
- [5] Fujita M., Thisse J. F., Zenou Y. On the endogenous formation of secondary employment centres in a city // Journal of Urban Economics. 1997. No. 41(3). P. 337–357. <https://doi.org/10.1006/juec.1996.2002>
- [6] Batten D. F. Network cities: Creative urban agglomerations for the 21st century // Urban Studies. 1995. No. 32(2). P. 313–327. <https://doi.org/10.1080/00420989550013103>
- [7] Parr J. B. The polycentric urban region: A closer inspection // Regional Studies. 2004. No. 38(3). P. 231–240. <https://doi.org/10.1080/003434042000211114>
- [8] Ouwehand W., van Oort F., Cortinovis N. Spatial structure and productivity in European regions // Regional Studies. 2021. Vol. 56, No. 1. P. 48–62. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1950912>
- [9] Бабкин Р. А. Оценка численности населения муниципальных образований Московского столичного региона по данным операторов сотовой связи // Вестник Московского университета 2020. № 4. С. 116-121. (Сер. 5. География).
- [10] Дружинин П. В. Особенности расселения населения в РФ и Финляндии: влияние географических факторов и университетов // Регион: экономика и социология. 2020. № 3. С. 165-189. <https://doi.org/10.15372/REG20200307>

References

- [1] Kabalinskiy A. I., Trutneva M. V. Cities and agglomerations as drivers of economic development (on the example of European countries) // Municipal Academy. 2017. No. 3. P. 128-134.
- [2] Vlasyuk L. I. The size of the urban agglomeration and the efficiency of the regional economy // Journal of economy and entrepreneurship. 2017. No. 10-2. P. 228-232.
- [3] Glaeser E. L., Ponzetto G. A., Zou Y. Urban networks: Connecting markets, people, and ideas // Papers in Regional Science. 2016. No. 95(1). P. 17–59. <https://doi.org/10.1111/pirs.12216>

[4] *Duranton G., Puga D.* Micro-foundations of urban agglomeration economies // Handbook of regional and urban economics / ed. by V. Henderson, J. F. Thisse. Elsevier, 2004. P. 2063–2117.

[5] *Fujita M., Thisse J. F., Zenou Y.* On the endogenous formation of secondary employment centres in a city // Journal of Urban Economics. 1997. No. 41(3). P. 337–357. <https://doi.org/10.1006/juec.1996.2002>

[6] *Batten D. F.* Network cities: Creative urban agglomerations for the 21st century // Urban Studies. 1995. No. 32(2). P. 313–327. <https://doi.org/10.1080/00420989550013103>

[7] *Parr J. B.* The polycentric urban region: A closer inspection // Regional Studies. 2004. No. 38(3). P. 231–240. <https://doi.org/10.1080/003434042000211114>

[8] *Uwehand W., van Oort F., Cortinovis N.* Spatial structure and productivity in European regions // Regional Studies. 2021. Vol. 56, No. 1. P. 48–62. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.19509129>

[9] *Babkin R. A.* Estimation of the population of municipalities in the Moscow metropolitan region according to the data of mobile operators // Moscow University Vestnik. Series 5. Geography. 2020. No. 4. P. 116–121.

[10] *Druzhinin P. V.* Features of population distribution in Russia and Finland: impact of geographical factors and universities // Region: Economics and Sociology. 2020. No. 3. P. 165–189. <https://doi.org/10.15372/REG20200307>

Информация об авторах

Дружинин Павел Васильевич — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН; <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455> (Российская Федерация, 185030, г. Петрозаводск, пр. Невского, 50; e-mail: pdruzhinin@mail.ru).

Седова Ксения Евгеньевна — младший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН; <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453> (Российская Федерация, 185030, г. Петрозаводск, пр. Невского, 50; e-mail: ks.skidava@gmail.com).

About the authors

Pavel V. Druzhinin — Dr. Sci. (Econ.), Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455> (50, Al. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: pdruzhinin@mail.ru).

Ksenia E. Sedova — Research Assistant, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453> (50, Al. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: ks.skidava@gmail.com).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-3-4>

УДК 314.1

JEL classification: J15, J61

МОЛОДЫЕ ТРУДОВЫЕ ИММИГРАНТЫ В РОССИИ: ИХ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ¹

А. А. Лаконова

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-7614-3719>

Автор для корреспонденции: А. А. Лаконова (nastyalakomova@mail.ru)

Аннотация. Проблема адаптации иммигрантов актуальна в современном мире. Объектом исследования является трудовая иммиграция молодежи, предметом исследования выступает социальная адаптация молодых трудовых иммигрантов. Цель исследования состоит в изучении характеристик молодых трудовых иммигрантов и особенностей их социальной адаптации. Гипотеза исследования заключается в том, что успешность социальной адаптации молодых трудовых иммигрантов в России обусловлена спецификой их социального положения в принимающей стране (особым правовым статусом, стремлением работать и жить в стране-реципиенте, определенными социально-экономическими и социально-демографическими характеристиками). Социологическое исследование представляет вторичный анализ базы данных «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ», включающий опрос молодых трудовых иммигрантов ($N = 6317$), внутренних мигрантов ($N = 29648$) и коренных россиян ($N = 63816$) в возрасте от 18 до 35 лет с 1994 г. по 2019 г. Автором выявлено влияние уровня образования на уровень зарплаты иммигрантов, социально-демографических и социально-экономических характеристик иммигрантов на их социальную адаптацию в России. Результаты данного исследования могут быть применены в социологии миграции, социологии труда, этносоциологии.

Ключевые слова: социальная адаптация; трудовые иммигранты; занятость

Young Labour Immigrants in Russia: Their Characteristics and Features of Social Adaptation

А. А. Lakomova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-7614-3719>

Corresponding author: A.A. Lakomova (nastyalakomova@mail.ru)

Abstract. The problem of adaptation of immigrants is relevant in the modern world. The object of the study is the labour immigration of young people; the subject is their social adaptation. The research aims to investigate the characteristics of young labour immigrants, as well as the features of their social adaptation. It is hypothesised that the success of the social adaptation of young labour immigrants in Russia depends on their social status in the host country (special legal status, desire to work and live in the host country, as well as certain socio-economic and socio-demographic characteristics). The sociological study presents a secondary analysis of the database «Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE», which includes a survey of young labour immigrants ($N = 6317$), internal migrants ($N = 29648$) and native Russians ($N = 63816$) aged 18-35 for the period from 1994 to 2019. The analysis reveals the influence of the level of education on the wages of immigrants, the socio-demographic and socio-economic characteristics of immigrants on their social adaptation in Russia. The findings can be applied in the sociology of migration, the sociology of labour, and ethnosociology.

Keywords: social adaptation; labour immigrants; employment

¹ © Лаконова А. А. Текст. 2023.

Введение

Молодые трудовые иммигранты переезжают ежегодно в другие страны для улучшения социально-экономического положения. В большинстве случаев основной целью приезда иммигрантов является работа. В данном случае можно выделить несколько сценариев переезда. Например, иммигранты уезжают в другие страны для получения большего заработка, при этом работа может не соответствовать образованию, квалификации, предыдущему опыту работы иммигранта. Другие иммигранты стремятся уехать из своей страны, поскольку на родине отсутствует возможность трудоустройства на работу (высокие риски безработицы или занятости в теневом секторе экономики). Некоторые иммигранты предпочитают уехать в другую страну, найдя работу не только с уровнем заработной платы, который удовлетворял бы их потребности, но и с возможностями карьерного роста, а также условиями и особенностями работы, которые соответствовали бы их образовательным и профессионально-квалификационным характеристикам.

Особое внимание изучению адаптации иммигрантов в стране приезда уделяют с середины XIX в. — начала XX в. Это можно наблюдать в трудах исследователей Чикагской социологической школы У. Томаса и Ф. Знанецкого [1], Р.Э. Парка [2] и Л. Уорнера [3]. Теории о законах миграции Э.Г. Равенштейна [4] рассматривают различные факторы адаптации иммигрантов в стране-доноре, на стадии перемещения и в стране-реципиенте. Теории социальной стратификации и мобильности П.А. Сорокина¹ помогают охарактеризовать молодых трудовых мигрантов как особую социальную группу, а иммиграцию — социальный процесс [5]. Теории сегментной ассимиляции Дж. Берри [6], А. Портеса [7], М. Чжоу [8], Р. Румбо [9] исследуют культурную идентичность иммигранта в процессе социальной адаптации. В настоящее время различные аспекты социальной адаптации исследуют как зарубежные, так и отечественные ученые (Л.Л. Рыбаковский, В.И. Мукомель, Ж.А. Зайончковская, Т.Н. Юдина и др.).

В большинстве случаев иммигранты приезжают в Россию в молодом трудоспособном возрасте (в основном в возрасте 18–35 лет). Данный возраст соответствует возрастным рамкам молодежи в Российской Федерации. В России за последние 5 лет демографическая ситуация является сложной. Она детерминирована убылью населения, называемой естественной: в 2018 г. убыль составила –224 566 чел.², в 2019 г. стала больше, а именно –317 233 чел.³, а в 2020 г. увеличилась практически в 2,5 раза и составила –702 072 чел.⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что иммигранты преимущественно молодого трудоспособного возраста являются важным трудовым ресурсом для страны, а в отдельных регионах выступают практически одним из главных ресурсов восполнения дефицита трудоспособного населения. Следовательно, тема является актуальной для России как и с исследовательской, так и с практической точки зрения.

¹ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Ч. 1. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Петроград: Колос, 1920. XIV. 360 с.

² Демографический ежегодник России, 2019: Стат. сб. // Росстат. Москва, 2019. 252 с.

³ Родившиеся, умершие и естественный прирост населения по субъектам РФ за 2019 г. // Росстат. https://gks.ru/bgd/regl/b19_106/Main.htm (дата обращения: 15.11.2022).

⁴ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам РФ за 2020 г. // Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781?print=1> (дата обращения: 15.11.2022).

Обзор литературы

К теориям и работам, описанным в введении данной статьи, необходимо добавить теорию Р. Мертона, которая рассматривает миграцию в качестве социального явления, выступающего источником социальных изменений [10], а также теорию 3 стадий приспособления Й. Кима по кросс-культурной адаптации [11].

Теории П. Бурдые [12] и М. Кастельса [13] показывают, что трудовая иммиграция представляет часть глобализационного, транснационального, мультиэтнического общества.

М. Тодаро [14], Дж. Харрис [15] и С. Стауффер [16] рассматривает экономические факторы, которые влияют на адаптацию трудовых иммигрантов. В добавлении к этим факторам, Т. Бауэр и К. Циммерман [17] относит еще социально-психологические и социокультурные факторы.

Отечественные социологи Т.И. Заславская [18], В.И. Переведенцева [19] и В.И. Мукомель [20] показывают значение социальных, экономических и демографических факторов в поведении молодых трудовых иммигрантов.

Важно также отметить теорию трехстадийности миграции Л.Л. Рыбаковского [21] и Т.И. Заславской, в которой социологи описывают факторы, влияющие на поведение и социальную адаптацию трудовых иммигрантов в стране-доноре, в процессе переезда и в стране-реципиенте. Отечественный социолог Т.Н. Юдина [22] в своих работах детально рассматривает «трудовых иммигрантов» как особую социальную адаптацию.

Теоретико-методологическая основа данного исследования включает теорию социальной мобильности и стратификации П.А. Сорокина и теорию трехстадийности миграции Л.Л. Рыбаковского и Т.И. Заславской.

Для изучения характеристик молодых трудовых иммигрантов, которые влияют на успешную социальную адаптацию иммигрантов, было проведено социологическое исследование «Социальная адаптация молодых трудовых иммигрантов, внутренних молодых трудовых мигрантов и местной работающей молодежи».

Выборочная совокупность 3 исследуемых групп в период с 1994 г. по 2019 г. представляет собой следующее: молодые трудовые иммигранты ($N = 6317$), внутренние молодые трудовые мигранты ($N = 29648$) и местная работающая молодежь ($N = 63816$). Выборка молодых трудовых иммигрантов в период с 1994 г. по 2019 г. составляет 6317 чел. (46,4 % женщин и 53,6 % мужчин). Это люди, приехавшие в Россию из других стран в возрасте от 18 до 35 лет с целью работы¹.

Выборочная совокупность является целевой и результаты исследования могут быть экстраполированы на всю генеральную совокупность, в качестве которой в исследовании выступают молодые трудовые иммигранты в возрасте от 18 до 35 лет. По данным Росстата, в период с 1997 г. по 2019 г. средний годовой миграционный прирост в целом, вне зависимости от возраста, составлял около 205 тыс. человек².

Гипотезой исследования является предположение, что успешность социальной адаптации молодых трудовых иммигрантов в России обусловлена спецификой их

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 15.11.2022).

² Демография. Миграция // Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 15.12.2022).

социального положения в принимающей стране (особым правовым статусом, стремлением работать и жить в стране-реципиенте, а также определенными социально-экономическими и социально-демографическими характеристиками).

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим результаты проведенного исследования. Образование молодого трудового иммигранта представляет социокультурные возможности социальной адаптации иммигрантов. Уровень образования молодых трудовых иммигрантов вполне сопоставим с уровнем образования молодых коренных жителей. Доля лиц с высшим и средним специальным образованием среди молодых трудовых иммигрантов в 1994 г. составляла 41,6 %, среди коренных россиян этот показатель был несколько ниже — 38,6 %, ситуация в 2019 г. — 43 % и 47,5 % соответственно (рис. 1). Если анализировать количество лет, инвестированных в образование, то среднее для молодых трудовых иммигрантов в 2019 г. составило 13,3 года, у местной молодежи этот показатель составляет 13,7 лет, то есть статистически значимых различий не было обнаружено.

Молодые трудовые иммигранты чаще являются семейными людьми (в 2019 г. доля состоящих в браке составляет 69,9 %), чем группа внутренних мигрантов и коренных жителей России (51,8 % и 39,2 % соответственно). Значительная часть молодых трудовых иммигрантов, состоящих в зарегистрированном браке, стремится в большей степени интегрироваться в российское общество. Другой вариант: самостоятельный приезд молодых трудовых иммигрантов в Россию необходим для предварительного знакомства с перспективами, возможностями его дальнейшего проживания в РФ уже с семьей.

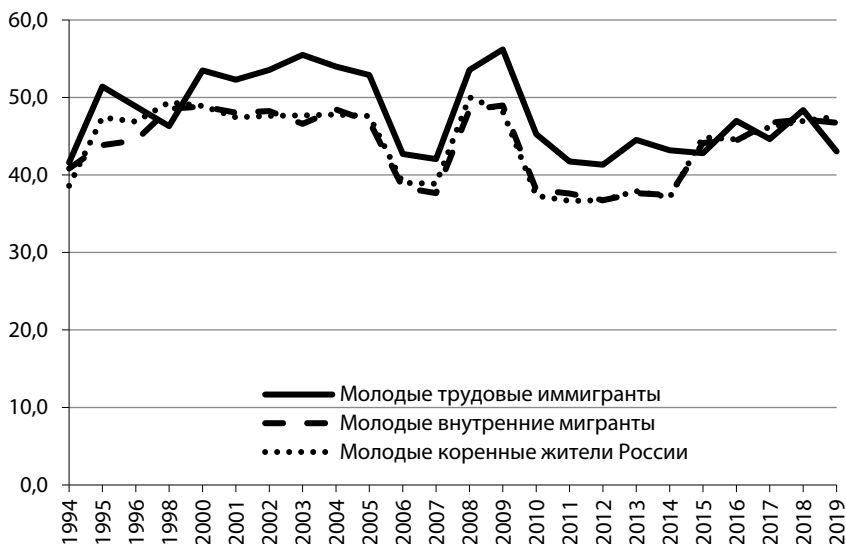

Рис. 1. Доля лиц с высшим и средним специальным образованием среди молодых трудовых иммигрантов, внутренних молодых трудовых мигрантов и молодых коренных жителей России в 1994–2019 гг., по данным RLMS-HSE, в %

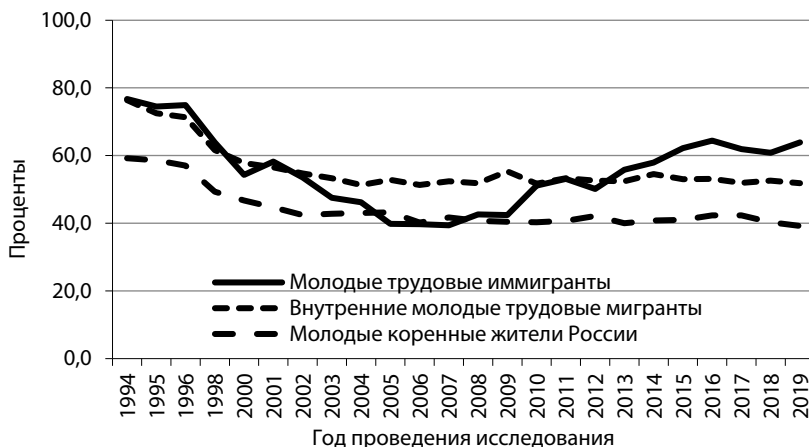

Рис. 2. Динамика изменения доли молодых трудовых иммигрантов, внутренних молодых трудовых мигрантов и молодых коренных жителей России, состоящих в зарегистрированном браке, с 1994 г. по 2019 г., по данным RLMS-HSE, в %

Если рассматривать динамику приезда в Россию молодых трудовых иммигрантов, состоявших в зарегистрированном браке (см. рис. 2), то она значительно выросла с 2007 г. по 2019 г., в отличие от уменьшающейся тенденции с 1994 г. по 2007 г. Данную динамику можно объяснить сложной социально-экономической ситуацией в государствах, соседствующих с Россией, следовательно, молодым трудовым иммигрантам на родине было трудно найти работу, зарплата являлась низкой, но потребности семьи необходимо было обеспечивать. Поэтому молодые трудовые иммигранты были вынуждены уезжать в Россию или другие страны на заработки, еще не создав семью и, в некоторых случаях, не получив определенного образования. Это доказывает уменьшающаяся динамика возраста молодых трудовых иммигрантов с 28,1 лет (1994 г.) до 25,6 лет (2007 г.) (рис. 2).

Исследование уровня зарплаты по основному месту занятости показало, что в период с 1994 г. по 2019 г. он был больше у молодых трудовых иммигрантов, чем у коренных жителей (с учетом 95 % доверительного интервала различие в зарплате в месяц составило от 1443,7 до 3778,9 в руб. 2019 г. в период с 1994 г. по 2019 г.) (рис. 3).

В ходе исследования не было выявлено различий в уровне зарплаты у молодых трудовых иммигрантов и внутренних мигрантов. Несмотря на это, анализ уровня зарплаты показывает, что внутренние молодые трудовые мигранты зарабатывают больше, чем коренная молодежь в период с 1994 г. по 2019 г. (с учетом 95 % доверительного интервала разность средних зарплат составляет от 1094 до 2091 в руб. 2019 г.).

Если же сравнивать размер зарплаты внутренних мигрантов и коренных жителей России с трудовыми иммигрантами, то самый высокий ее уровень — у категории трудовых иммигрантов. Например, для сравнения можно взять 2013 г.: зарплата молодых трудовых иммигрантов составляет 37 624 руб., зарплата внутренних молодых трудовых мигрантов — 33 634 руб., зарплата молодых коренных россиян — 30 482 руб. (рис. 3). Выявленная особенность наблюдается и в других годах исследования. Следовательно, иммигранты, приехавшие в другую страну, отличную по культуре от их родины, имеют доход больше, чем внутренние мигранты, проживающие

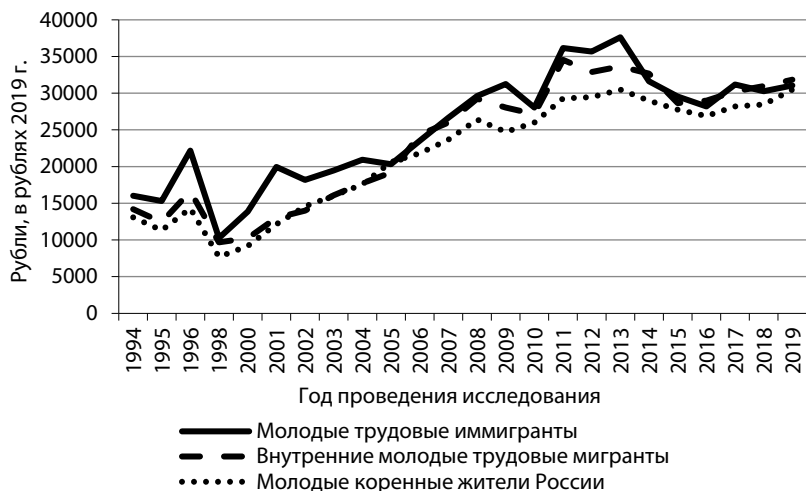

Рис. 3. Динамика изменения уровня зарплаты молодых трудовых иммигрантов, внутренних молодых трудовых мигрантов и молодых коренных жителей России с 1994 г. по 2019 г., по данным RLMS-HSE, в руб. 2019 г.

длительное время и имеющие опыт адаптации в определенном регионе России, и коренные россияне.

Анализ продолжительности рабочего дня молодых трудовых иммигрантов, внутренних молодых трудовых мигрантов и молодых коренных россиян показал, что женщины во всех 3 исследуемых группах работают меньше, чем мужчины (9 ч. и 10 ч. в день соответственно). В среднем трудовой день среди молодых трудовых иммигрантов длится 10 ч., среди внутрироссийских молодых мигрантов — 10,1 ч., среди россиян — 9,75 ч. В целом женщины-мигранты и мужчины-мигранты, принадлежащие к разным анализируемым группам, имеют приблизительно одинаковую продолжительность рабочего дня.

В ходе анализа была выявлена взаимосвязь уровня образования и уровня зарплаты. У группы мужчин-иммигрантов выявлена закономерность: чем выше уровень образования, тем выше уровень зарплаты. Средний уровень зарплаты у молодых трудовых мужчин-иммигрантов с неполным средним образованием составляет 24 931 руб., у мужчин-иммигрантов с общим средним образованием — 29 266 руб., у мужчин-иммигрантов со средним техническим образованием — 35 136 руб., а у мужчин-иммигрантов с высшим образованием — 42 580 руб. (все в руб. 2019 г.). Различие между средней зарплатой молодых трудовых мужчин-иммигрантов в образовательных группах составляет в среднем от 4 до 7 тыс. руб. в исследуемый период с 1994 г. по 2019 г. (в руб. 2019 г.) и являются статистически значимыми.

В отношении влияние образования на зарплату молодых трудовых иммигранток закономерность также выявлена, но имеет другую особенность. Статистически значимые различия выявлены между зарплатами иммигранток с высшим образованием и иммигранток с средним техническим образованием и ниже. Средняя зарплата иммигранток с высшим образованием составляет 27 333 руб., а средняя зарплата иммигранток со средним техническим, общим средним или неполным средним

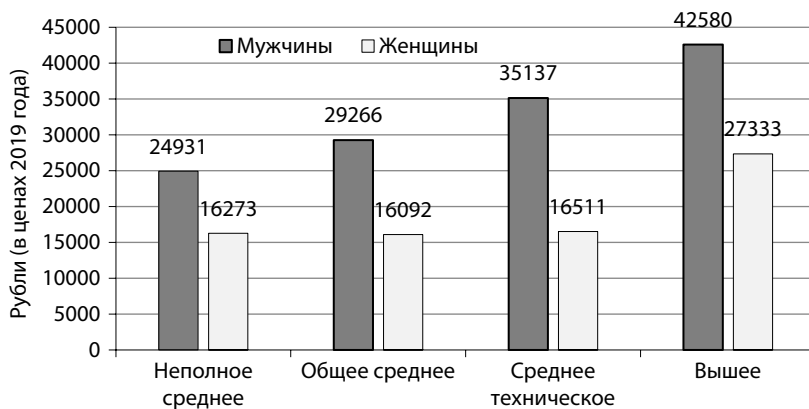

Рис. 4. Средний уровень заработной платы молодых трудовых иммигрантов-мужчин и иммигрантов-женщин в зависимости от уровня образования в 1994–2019 гг., по данным RLMS-HSE (в руб. 2019 г.)

образованием составляет соответственно 16273 руб., 16092 руб. и 16511 руб. (все в руб. 2019 г.) (рис. 4).

Чем выше уровень образования у молодых трудовых иммигрантов, тем они больше зарабатывают в России. При этом зафиксированы статистически значимые различия в зарплатах мужчин и женщин в образовательных группах: средняя зарплата иммигранток с высшим образованием составляет 64 % от зарплаты мужчин-иммигрантов с высшим образованием.

Основные сферы занятости мужчин в 3 исследуемых группах (иммигрантов, внутренних мигрантов и местных россиян) совпадают (табл. 1). Молодые трудовые мужчины-иммигранты работают преимущественно в сфере торговли и обслуживания (23,5 %), строительства (20,3 %), транспорта и связи (14,1 %), легкой и пищевой промышленности (6,6 %).

Основные отрасли занятости женщин отличаются от отраслей занятости мужчин в 3 исследуемых группах (табл. 2). Женщины в рассматриваемых группах работают преимущественно в сфере торговли и обслуживания (33,2 %, 28,7 % и 33,6 % соответственно). Образование, финансы и здравоохранение являются отраслями занятости женщин, отличными от сфер трудовой деятельности мужчин в данных изучаемых группах.

Официальное или неофициальное трудоустройство, причины неофициальной занятости и социальные льготы (оплачиваемый отпуск, период нетрудоспособности) влияют на социальную адаптацию молодых трудовых иммигрантов.

Одной из главных причин неофициального трудоустройства молодых трудовых иммигрантов, внутренних молодых трудовых мигрантов и молодых местных жителей является нежелание работодателя оформлять занятость официально. Менее распространенными причинами теневой занятости иммигрантов, внутренних мигрантов и россиян являются нежелание самого иммигранта, мигранта или коренного жителя быть официально трудоустроенным. К этому добавляется обоюдное нежелание работодателя и иммигранта, внутреннего мигранта или коренного жителя официального оформления на работе.

Таблица 1

Отрасли (сферы) занятости молодых трудовых мужчин-иммигрантов, внутренних молодых мужчин — трудовых мигрантов и молодых коренных мужчин — россиян в 1994–2019 гг., по данным RLMS-HSE, % [23, с. 29]

Отрасль (сфера)	Доля занятости в сфере представителей исследуемых групп молодых мужчин		
	иммигранты	внутренние мигранты	коренные россияне
Торговля, бытовое обслуживание	23,5	18,1	21,5
Строительство	20,3	15,5	15,5
Транспорт, связь	14,1	13,0	12,6
Легкая, пищевая промышленность	6,6	6,4	6,8
Армия, МВД, органы безопасности	5,4	11,2	7,6
Сельское хозяйство	3,9	5,8	4,6
Нефтегазовая промышленность	3,1	5,4	4,1
Другая отрасль тяжелой промышленности	3,1	4,9	5,6
Жилищно-коммунальное хозяйство	2,8	2,5	2,8
Здравоохранение	2,7	2,2	1,8
Военно-промышленный комплекс	2,5	1,5	2,1
Энергетическая промышленность	2,5	2,1	2,3
Гражданское машиностроение	2,3	2,3	3,6

На основе результатов исследования, представленных на рисунке 5, в 2004 г., 2009 г., 2017 г. и 2018 г. выявлен наибольший процент молодых трудовых иммигрантов, работающих неофициально из-за нежелания работодателя трудоустроить иммигрантов легальным способом (за исследуемый период с 2002 г. по 2019 г.).

Таблица 2

Отрасли (сферы) трудовой занятости молодых женщин-иммигранток, молодых женщин — внутренних мигранток и молодых коренных россиянок в 1994–2019 гг., по данным RLMS-HSE, в % [23, с. 30]

Отрасль (сфера)	Доля занятости в сфере представителей исследуемых групп молодых женщин		
	иммигрантки	внутренние мигрантки	коренные россиянки
Торговля, бытовое обслуживание	33,2	28,7	33,6
Образование	10,9	15,2	13,0
Легкая, пищевая промышленность	8,7	7,0	7,2
Финансы	7,5	4,4	4,6
Здравоохранение	7,0	11,9	9,5
Транспорт, связь	6,2	5,5	6,2
Наука, культура	4,4	3,8	2,9
Органы управления	3,7	3,1	3,6
Строительство	2,8	3,4	2,9
Нефтегазовая промышленность	2,8	1,6	1,7
Жилищно-коммунальное хозяйство	2,5	1,6	1,6
Армия, МВД, органы безопасности	2,0	2,8	2,7
Сельское хозяйство	1,7	3,7	1,8

Рис. 5. Динамика изменения доли лиц, имеющих официальное трудоустройство в 2002–2019 гг., по данным RLMS-HSE, %

С 2014 г. количество молодых трудовых иммигрантов, занятых официально, несколько сократилось. Это можно объяснить ужесточением российского миграционного законодательства. Многие работодатели не могли позволить неофициальное трудоустройство молодых трудовых иммигрантов из-за угрозы огромных штрафов. Кроме того, с конца 2014 г. отменена система квот для безвизовых трудовых иммигрантов в России, введена система приобретения трудовыми иммигрантами патентов на работу. Трудовые иммигранты должны были обязательно сдать экзамен на знание русского языка, истории России и основ законодательства РФ, пройти медицинский осмотр и процедуру дактилоскопии. Все это повлияло на резкое уменьшение количества трудовых иммигрантов, которых работодатели не хотели официально оформлять на работу. В 2009 г. показатель оказался низким (80,8 %) в сравнении с другими годами рассматриваемого периода (2002–2008 гг.).

До 2014 г. уровень нелегальной иммиграции был достаточно высоким. Попытка контролировать трудовую иммиграцию путем чрезмерно низкого уровня квот обернулась поощрением незаконной занятости трудовых иммигрантов. Квота, установленная в размере 1,8 млн иностранных работников на 2008 г., была выбрана уже в первом полугодии, а в некоторых регионах — уже в апреле, к июлю был исчерпан и 30 % резерва [24]. Поэтому данная реформа привела к неправильному распределению квот на рабочие места для трудовых иммигрантов.

Молодые трудовые иммигранты в большей степени могут воспользоваться социальными льготами в виде оплачиваемого отпуска или периода нетрудоспособности. Это доказывают результаты исследования, проводимого по данному вопросу в период с 2000 г. по 2010 г. и в 2018 г. В 2010 г. 80,9 % молодых трудовых иммигрантов могли взять оплачиваемый отпуск на работе, в 2018 г. — 76,7 %. В 2010 г. 76,3 % иммигрантов могли в случае необходимости воспользоваться на работе социальными льготами в виде оплаты периодов нетрудоспособности (так называемых «больничных листов»), а в 2018 г. — 76,7 %. Среди внутренних мигрантов и коренных россиян складывается похожая ситуация, но среди них количество воспользовавшееся социальными

льготами на работе больше, чем среди иммигрантов. Если говорить о возможности отдыха, то 90,1 % внутренних мигрантов воспользовались правом взять очередной оплачиваемый отпуск в 2010 г., а 88,3 % — в 2018 г. В 2010 г. 87,4 % россиян отдохнули, используя очередной оплачиваемый отпуск, в 2018 г. их было 89 %. В 2010 г. 84,9 % местных жителей могли уйти на больничный, а в 2018 г. такой процент составил 86,6 %.

Стоит отметить тенденцию снижения использования молодыми трудовыми иммигрантами социальных льгот. Они предпочитают отказаться от социальных льгот в пользу работы и сохранения рабочего места: в 2018 г. количество молодых трудовых иммигрантов, воспользовавшихся оплачиваемым отпуском, было практически в 2 раза меньше, чем количество внутренних мигрантов и коренных жителей. Данная тенденция снижения является статистически значимой.

Заключение

Подводя итог анализа полученных результатов исследования, можем сделать выводы. Во-первых, чем выше уровень образования молодых трудовых мужчин-иммигрантов, тем выше уровень их зарплаты. Молодые трудовые иммигрантки с высшим образованием получают зарплату больше, чем иммигрантки, имеющие любой другой уровень образования ниже высшего.

Во-вторых, у молодых трудовых мужчин-иммигрантов, внутренних молодых трудовых мужчин-мигрантов и молодых коренных мужчин-россиян средняя продолжительность рабочего дня составляет 10 ч., в отличие от 9 ч. среди женщин 3 исследуемых групп.

В-третьих, основными сферами занятости мужчин в 3 рассматриваемых группах являются сферы торговли и обслуживания, строительства, транспорта и связи, легкой и пищевой промышленности, а у женщин 3 исследуемых групп — сфера торговли и обслуживания, образования, финансов и здравоохранения, легкой и пищевой промышленности, транспорта и связи.

В-четвертых, высокий уровень официальной занятости молодых трудовых иммигрантов и россиян показывает, что социальные гарантии (очередной оплачиваемый отпуск или период нетрудоспособности), являющиеся необходимой частью социальной адаптации и интеграции, реализуются в РФ на достаточно высоком уровне.

Список источников

[1] *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. New York, 1927. 1115 p. <https://archive.org/details/polishpeasantine01thom/page/140/mode/2up> (accessed on: 15.12.2022).

[2] *Парк Р. Э.* Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. 1998. № 3. С. 167–176. (Сер. 11. Социология).

[3] *Warner W. L., Srole L.* The social systems of American ethnic groups. New Haven: Yale University Press, 1945. 318 p. https://archive.org/details/socialsystemsofa0000warn_o0z4/page/n343/mode/2up (accessed on: 15.12.2022).

[4] *Ravenstein E. G.* The laws of migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, No. 2. P. 167–235. <https://www.jstor.org/stable/pdf/2979181> (accessed on: 15.12.2022).

[5] *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. Москва: Политиздат, 1992. 393 с. <https://sociology.knu.ua/sites/default/files/library/elclosed/sorokin.pdf> (дата обращения: 15.12.2022).

[6] *Berry J. W.* Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychology: An International Review, 1997. Vol. 46(1). P. 5–68. https://is.muni.cz/el/fss/podzim2017/ZUR393i/um/W_2_Acculturation.pdf (accessed on: 15.12.2022).

- [7] *Portes A., Fernandez-Kelly P., Haller W.* The adaptation of the immigrant second generation in America: A theoretical overview and recent evidence // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2009. Vol. 35(7). P. 1077–1104.
- [8] *Портес А., Чжоу М.* Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности // *Городские исследования и практики*. 2017. № 1. С. 122–141. <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-vtoroe-pokolenie-segmentnaya-assimilyatsiya-i-ee-raznovidnosti> (дата обращения: 15.12.2022). <https://doi.org/10.17323/usp212017122-141>
- [9] *Portes A., Rumbaut R. G.* Immigrant America: a portrait. University of California Press, 1996. P. 74–98.
- [10] *Мертон Р.* Явные и латентные функции // *Современная западная социология: хрестоматия*. Москва: Тесей, 2008. С. 92–106.
- [11] *Kim Y. Y.* Adapting to a new culture: An integrative communication theory // *Theorizing about intercultural communication* / ed. by W. Gudykunst. Thousand Oaks, Sage. 2005. P. 375–400.
- [12] *Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. Москва; Санкт-Петербург: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2007. 288 с.
- [13] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- [14] *Todaro M. P.* A model of labor migration and rural unemployment in less-developed countries // *The American Economic Review*. 1969. No. 59. P. 138–148.
- [15] *Harris J. R., Todaro M. P.* Migration, unemployment and development: a two-sector analysis // *The American Economic Review*. 1970. No. 60. P. 126–142.
- [16] *Stouffer S. A.* Intervening opportunities: a theory relating mobility and distance // *American Sociological Review*. 1940. Vol. 5, No. 6. P. 845–867.
- [17] *Bauer T., Zimmermann K.* Causes of international migration: A Survey // *Crossing borders: Regional and urban perspectives on international migration* / ed. by P. Gorter, P. Nijkamp, J. Poot. Aldershot: Ashgate, 1998. P. 95–127.
- [18] *Заславская Т. И.* Миграция сельского населения (1970) // *Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология*. Москва: Экономика, 2007. С. 205–277.
- [19] *Переведенцев В. И.* Россия: демографический аспект иммиграционной проблемы // *Полития*. 2005. № 1. С.108–122.
- [20] *Мукомель В. И.* Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // *Россия реформирующаяся: Ежегодник [сб. науч. ст.] / отв. ред. М. К. Горшков; Рос. акад. наук, Ин-т социологии*. Москва: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411–467.
- [21] *Рыбаковский Л. Л.* История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. Москва: Изд-во «Экон-Информ», 2019. 218 с.
- [22] *Юдина Т. н.* Социология миграции: концептуальные подходы. // *Россия в глобальном контексте*. Москва: РИЦ ИСПИ РАН, 2002.
- [23] *Воронин Г. Л., Лаконова А. А.* Социальная адаптация молодых трудовых мигрантов в России // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2021. № 4. С. 20–42.
- [24] *Денисенко М. Б., Мкртчян Н. В., Тюрюканова Е. В.* Миграция в развитии России. Институт демографии ГУ-ВШЭ, 2011. 20 с. https://www.hse.ru/data/2011/03/09/1211375082/Денисенко_миграция.pdf (дата обращения: 15.12.2022).

References

- [1] *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. N.Y., 1927. 1115 p. <https://archive.org/details/polishpeasantine01thom/page/140/mode/2up> (accessed on: 15.12.2022).
- [2] *Park R. E.* Human Migration and the Marginal Man // *Social Sciences and Humanities. Series 11: Sociology.* 1998. No. 3. P. 167–176.
- [3] *Warner W. L., Srole L.* The social systems of American ethnic groups. New Haven: Yale University Press, 1945. 318 p. https://archive.org/details/socialsystemssofa0000warn_o0z4/page/n343/mode/2up (accessed on: 15.12.2022).
- [4] *Ravenstein E. G.* The laws of migration // *Journal of the Statistical Society of London.* 1885. Vol. 48, No. 2. P. 167–235. <https://www.jstor.org/stable/pdf/2979181> (accessed on: 15.12.2022).
- [5] *Sorokin P. A.* Human. Civilization. Society. M.: Politizdat, 1992. 393 p. <https://sociology.knu.ua/sites/default/files/library/elclosed/sorokin.pdf> (accessed on: 15.12.2022).
- [6] *Berry J. W.* Immigration, acculturation and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*, 1997. Vol. 46(1). P. 5–68. https://is.muni.cz/el/fss/podzim2017/ZUR393i/um/W_2_Acculturation.pdf (accessed on: 15.12.2022).
- [7] *Portes A., Fernandez-Kelly P., Haller W.* The adaptation of the immigrant second generation in America: A theoretical overview and recent evidence // *Journal of Ethnic and Migration Studies.* 2009 Vol. 35(7). P. 1077–1104.
- [8] *Portes A., Zhou M.* The new second generation: segmented assimilation and its variants // *Urban studies and practices.* 2017. No. 1. P. 122–141. <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-vto-roe-pokolenie-segmentnaya-assimilyatsiya-i-ee-raznovidnosti> (accessed on: 15.12.2022). <https://doi.org/10.17523/usp212017122-141>
- [9] *Portes A., Rumbaut R. G.* Immigrant America: a portrait // University of California Press, 1996. P. 74–98.
- [10] *Merton R.* Latent and Manifest Functions // *Modern Western sociology.* M.: Tesey, 2008. P. 92–106.
- [11] *Kim Y. Y.* Adapting to a new culture: An integrative communication theory // *Theorizing about intercultural communication / ed. by W. Gudykunst.* Thousand Oaks, Sage. 2005. P. 375–400.
- [12] *Bourdieu P.* Sociology of social space / Trans. from French; ed. by N. A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; SPb.: Aleteyya, 2007. 288 p.
- [13] *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow, State University Higher School of Economics, 2000. 608 p.
- [14] *Todaro M. P.* A model of labor migration and rural unemployment in less-developed countries // *The American Economic Review.* 1969. No. 59. P. 138–148.
- [15] *Harris J. R., Todaro M. P.* Migration, unemployment and development: a two-sector analysis // *The American Economic Review.* 1970. No. 60. P. 126–142.
- [16] *Stouffer S.A.* Intervening opportunities: a theory relating mobility and distance // *American Sociological Review.* 1940 Vol. 5, No. 6. P. 845–867.
- [17] *Bauer T., Zimmermann K.* Causes of international migration: A Survey // *Crossing borders: Regional and urban perspectives on international migration / ed. by P. Gorter, P. Nijkamp, J. Poot.* Aldershot: Ashgate, 1998, P. 95–127.
- [18] *Zaslavskaya T. I.* Migration of the rural population (1970) // *Selected works: in 3 volumes.* T. 1. Social economy and economic sociology. M.: Economics, 2007. P. 205–277.
- [19] *Perevedentsev V. I.* Russia: demographic aspect of the immigration problem // *Politeia.* 2005. No. 1. P. 108–122.
- [20] *Mukomel V. I.* Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to assessing performance and the role of the host society // *Reforming Russia: Yearbook [collection of*

scientific articles] / ed. by M. K. Gorshkov; Institute of Sociology RAS. Moscow: New Chronograph, 2016. Issue. 14. P. 411–467.

[21] *Rybakovsky L. L.* History and Theory of Population Migration. Book 3. The Theory of Three Stages of the Migration Process. Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 2019. 218 p.

[22] *Yudina T. N.* Sociology of migration: conceptual approaches. // Russia in a global context. RIC ISPI RAS. M., 2002.

[23] *Voronin G. L., Lakomova A. A.* Social adaptation of young labor migrants in Russia // PNRPU Sociology and Economics Bulletin. 2021. No. 4. P. 20–42.

[24] *Denisenko M. B., Mkrtychan N. V., Tyuryukanova E. V.* Migration in the development of Russia. Institute of Demography HSE, 2011. 20 p. https://www.hse.ru/data/2011/03/09/1211375082/Denisenko_migration.pdf (accessed on: 15.12.2022).

Информация об авторах

Лакомова Анастасия Александровна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; <https://orcid.org/0000-0001-7614-3719> (Российская Федерация, 603058, г. Нижний Новгород, ул. Героя Попова, 3; e-mail: nastyalakomova@mail.ru).

About the authors

Anastasia A. Lakomova — Cand. Sci. (Soc.), Assistant, Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; <https://orcid.org/0000-0001-7614-3719> (3, Geroya Popova St., Nizhny Novgorod, 603058, Russian Federation; e-mail: nastyalakomova@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-3-5>

УДК 314.74

JEL classification: O15

СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН¹

М. К. Муродов

Институт экономики и демографии Национальной Академии наук Таджикистана
(г. Душанбе, Республики Таджикистан)

Автор корреспонденции: М. К. Муродов (murodov_miramon@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции внешней трудовой миграции населения Республики Таджикистан с 2003 г. по 2020 г. Исследована динамика женской миграции и доля женского населения в миграционных процессах. Также изучены и охарактеризованы правонарушения в отношении трудовых мигрантов и совершаемые трудовыми мигрантами в странах-реципиентах.

Ключевые слова: глобализация; экономика; миграция; тенденция; конвенция; правонарушение; миграционные процессы; безработица

Current Trends in External Labour Migration of the Population of the Republic of Tajikistan

М. К. Murodov

Institute of Economy and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan
(Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Corresponding author: M. K. Murodov (murodov_miramon@mail.ru)

Abstract. The article discusses the current trends in external labour migration of the population of the Republic of Tajikistan from 2003 to 2020. The dynamics of female migration and the share of the female population in migration processes was examined. Additionally, violations in relation to labour migrants and violations performed by migrants in host countries were studied and characterised.

Keywords: globalisation; economy; migration; trend; convention; offense; migration processes; unemployment

Введение

В условиях глобализации внешняя трудовая миграция занимает особое место в развитии национальной экономики отправляющей страны путем обеспечения домохозяйств денежными переводами и сокращению уровня безработицы в стране. Проблемы трудовой миграции приобретают все более острый характер как в Республике Таджикистан, так и среди стран — бывших республик бывшего СССР. В связи с этим обеспечение стабильности в миграционных процессах является важнейшим условием устойчивого социально-политического и экономического развития стран СНГ, включая Республику Таджикистан.

В современном мире, когда миграционные процессы приобретают глобальный характер, вряд ли найдется я страна, которая не столкнулась бы последствиями миграции населения, как с негативными, так с позитивными. Усиление миграционных потоков определяется тем, что благодаря неравномерности глобальных процессов развития стран и регионов население в поисках достойной жизни стремится мигрировать в развитые и развивающиеся государства.

¹ © Муродов М. К. Текст. 2023.

Основная часть

Методическому исследованию проблемы внешней трудовой миграции и миграционных процессов занимались многие отечественные и зарубежные ученые. Теоретическим аспектам и вопросам внешней трудовой миграции занимались зарубежные ученые Р. Барала, А. Смита, С. В. Рязанцев, М. Пирова, Д. Саймона, Т. Мальтуса, Е. Ревенштейна, К. Маркса, В. Ионцева, а также отечественные ученые Х. У. Умаров, З. С. Султанов, С. И. Исламов, Р. У. Ульмасов, М. Бабаджанов, А. А. Бабаев и многие другие.

А. А. Бабаев в статье «Проблемы возвратившихся трудовых мигрантов — граждан Республики Таджикистан» охарактеризовал миграционную ситуацию страны следующим образом: «Республика Таджикистан, как развивающееся государство, за последние годы испытывает серьезные проблемы финансово-экономического кризиса, которые приводят к негативным последствиям социального характера в обществе, связанных с ухудшением уровня жизни населения страны, спада производства и сокращения уровня жизни населения страны, спада производства и сокращения рабочих мест, резкого увеличения численности безработных граждан и бедных слоев населения, что создает большую армию внешних трудящихся — мигрантов, ежегодно выезжающих за рубеж в целях трудоустройства» [1, с. 83].

Автор отмечает, что как в мире, так и в Таджикистане происходят глобальные миграционные процессы, в связи с чем Таджикистан нуждается в проведении в целях сокращения уровня безработицы, улучшения уровня жизни населения, увеличения уровня заработной платы гибкой и эффективной миграционной политики, учитывающей реальную социально-экономическую ситуацию в стране, рост цен на продукты первой необходимости.

Причинами внешней трудовой миграции являются поиск работы, улучшение жилищных условий, повышение уровня и изменение образа жизни. Основными причинами внешней трудовой миграции являются экономические причины: разница в уровне заработной платы, получаемой за схожую работу в разных странах мира, а также устойчивость заработной платы и условия труда [2].

Внешняя трудовая миграция год за годом все приобретает новые ранги, за двадцать тому лет назад большинство трудовые мигранты были неквалифицированными, эта тенденция за последние годы изменилась. В настоящее время на международный рынок труда выезжают уже квалифицированные трудовые мигранты, это свидетельствует о том, что внешние трудовые мигранты Таджикистана стали конкурентоспособными и на международном рынке труда.

В современном мире все страны являются участниками миграционных процессов они играют роли экспортеров и импортеров трудовых ресурсов. На сегодняшний день насчитывается примерно 281 млн международных мигрантов — 3,6 % населения мира. Речь идет о людях, которые живут и работают за пределами тех стран, где родились. Они переселяются в поисках лучшей жизни для себя и своих детей, вносят огромный вклад в развитие принимающих стран и стран своего происхождения. В последние годы масштабы международной миграции неуклонно растут: в 2020 г. в мире было на 128 млн больше мигрантов, чем в 1990 г., и в три раза больше, чем в 1970 г.¹

¹Новости ООН. Глобальный взгляд Человеческие судьбы. <https://news.un.org/ru/story/2022/02/1418252> (дата обращения: 20.01.2023).

Рис. 1. Анализ состояния внешней трудовой миграции в Республики Таджикистан с 2003 г. по 2020 г. (источник: составлен автором по данным Агентства по статистике при ПРТ и отчетам миграционной службы Республики Таджикистан 2003–2020 гг.)

В связи с этим нами составлена диаграмма состояния внешней трудовой миграции в РТ с 2003 г. по 2020 г., где более подробно и расширенно охарактеризована тенденция внешних трудовых мигрантов и доля женского пола в миграционном процессе республики (рис. 1).

Тенденция внешних трудовых мигрантов Республики Таджикистан колеблется от года к году. По данным Агентства по статистике и Миграционной службы Республики Таджикистан, в 2003 г. общая численность внешних трудовых мигрантов составила 347 556 чел., из них 18914 составили женщины, что в процентном выражении составило 5,4 %¹.

По сравнению с 2003 г. в 2020 г. число внешних трудовых мигрантов составило 129 807 чел., из них 16 880 составили женщины, что в процентном соотношении составляет 13,0 %. Основной причиной уменьшения уровня внешней трудовой миграции населения страны в 2020 г. является всем известная инфекционная болезнь COVID-19.

Имея ряд положительных результатов, внешняя трудовая миграция оказывает и отрицательные влияние на социально-правовую защищенность внешних трудовых мигрантов за рубежом. Хаотичность и неуправляемость миграционных процессов приведут и к негативным последствиям. Далее приведена динамика правонарушений, совершенных трудовыми мигрантами, и правонарушений в отношении иностранных граждан в городе Санкт-Петербурге.

По результатам мониторинга проявлений религиозного и национального экстремизма, проводимого в г. Санкт-Петербурге Комитетом по вопросам законности правопорядка и безопасности РФ выявлено, что наибольшая доля преступлений,

¹ Отчеты: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан и Миграционной службы Республики Таджикистан. <https://stat.tj/ru/?ysclid=ldblidem91231008718> (дата обращения: 20.01.2023).

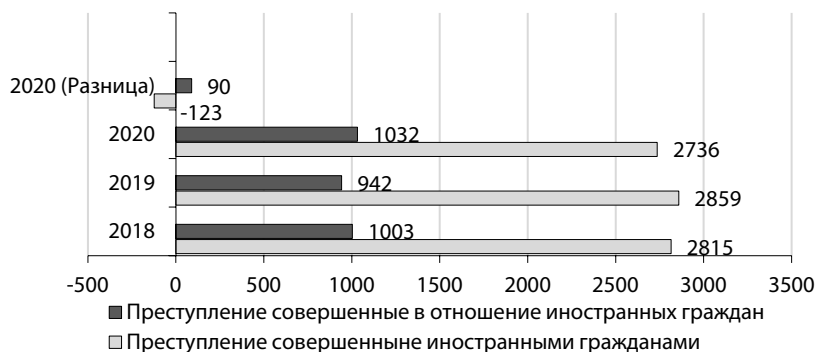

Рис. 2. Сведения о преступлениях с участием иностранных граждан (и в отношении иностранных граждан), ед. 2018–2020 гг. (источник: Результаты мониторинга проявлений религиозного и национального экстремизма в Санкт-Петербурге по итогам 2020 года. С. 14. <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/kmormp/protivodejstvie-terrorizmu-i-ekstremistskim-proyavleniyam/rezultaty-monitoringa-proyavlenij-religioznogo-i-nacionalnogo-ekstremi/> (дата обращения: 20.01.2023))

совершенных иностранными гражданами, приходится на граждан Республики Узбекистан 47,5 %. Далее с существенным отрывом следуют граждане республики Таджикистан (15,8 %).

В 2020 г. увеличились, по сравнению с 2019 г., доли пострадавших вследствие преступных посягательств в отношении иностранных граждан Узбекистана (+9,0 %), а также граждан Таджикистана (+10,4 %). Очевидно, что количество преступлений, совершенных иностранными гражданами, уменьшилось на 123 случаев, а преступлений в отношении иностранных граждан увеличивается на 90 ед. случаев. Высока доля граждан Таджикистана в числе правонарушений, совершенных в отношении иностранных граждан (10,4 %).

Зампредседателя комитета «Гражданское содействие» в городе Москве Анастасия Денисова говорит, что большая часть обращений трудовых мигрантов из Центральной Азии связана с невыплатой заработной платы. По ее словам, самый распространенный вид мошенничества, когда работодатели, обещая выплатить зарплату рабочим (трудовым мигрантам), в следующие месяцы используют их, как рабов, изымая у них документы, или же сами трудовые мигранты месяцами и годами работают, надеясь на получение своих зарплат когда-то.

Привлечь к ответственности кого-то даже при самых вопиющих случаях рабства практически невозможно. Например, случай в Гольяново, над которым мы бьемся уже давно, отметил «юбилейный» пятый год. У нас есть уже десятый отказ в возбуждении уголовного дела, несмотря на предоставление аудио- и видеоматериалов, которые никто не хочет изучать. А в делах меньшего масштаба — с посредниками и обманутыми мигрантами — это вообще нереалистично¹ [3].

В связи с вышеизложенными проблемами Посольству Республики Таджикистан в Российской Федерации, Представительству Минтруда Республики Таджикистан в РФ

¹ Миграция в рабство: с чем сталкиваются таджикские рабочие в России. Обещание выплатить зарплату длится месяцами, годами <https://www.opendemocracy.net/ru/migratsia-v-rabstvo-tajikistan-rossija/> (дата обращения: 20.01.2023).

и другим уполномоченным органам, необходимо образовать (создать) центры по вопросам социально-правовой защиты прав и интересов внешних трудовых мигрантов в целях предотвращения таких действий в отношении трудовых мигрантов в дальнейшем во всех областях и городах, где они работают.

Заключение

В связи с тем, что современная миграция приобретает новые направления и дает больше возможностей для наших внешних трудовых мигрантов (особенно высокий уровень заработной платы), необходимо подписать соглашение на государственном уровне в области миграции с странами ЕС, США и Англией о дальнейшей деятельности наших трудовых мигрантов. Во всех вышеперечисленных странах отношение к иностранным гражданам отличается от отношения в странах, где сейчас работают наши трудовые мигранты, и количество правонарушений в них в отношении трудовых мигрантов минимально, то есть в этих странах на каждом шагу иностранного гражданина не останавливает полицейский и не угрожает депортацией.

Исходя из вышеперечисленных проблем, связанных с нарушением прав трудовых мигрантов, необходимо подчеркнуть, что в некоторых странах-реципиентах не соблюдается «Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей», которая была принята 18 декабря 1990 г.

Другой вопрос — внешняя миграция женщин. Хорошо, что женщины тоже наравне с мужчинами выезжают на заработки в целях обеспечения будущего своих детей. Но, на наш взгляд, увеличение доли женской миграции также может оказывать отрицательное влияние на ухудшение стабильности брачно-семейных отношений населения Республики Таджикистан.

Список источников

[1] *Бабаев А. А.* Проблемы возвратившихся трудовых мигрантов- граждан Республики Таджикистан // Известия Академии наук Республики Таджикистан. 2017. № 2. С. 83.

[2] *Муродов М. К., Носирзода А. А.* Миграция основной рычаг развития экономики // Глобальные вызовы демографическому развитию. Сб. науч. ст. В 2-х т. / Ред. О. А. Козлова [и др.]. Екатеринбург, 2022. Т. I. С. 420-426.

References

[1] *Babaev A. A.* Problems of returning migrant workers — citizens of the Republic of Tajikistan // News of the Academy of Sciences of Tajikistan. 2017. No. 2. P. 83.

[2] *Murodov M. K., Nosirzoda A. A.* Migration as the Main Lever for Economic Development // Global challenges to demographic development. Collection of scientific articles. In 2 volumes / ed. by O. A. Kozlova et al. Ekaterinburg, 2022. Vol. I. P. 420-426.

Информация об авторах

Муродов Мирамон Косимович — научный сотрудник, Институт экономики и демографии Национальной Академии наук Таджикистана (Республика Таджикистан, г. Душанбе; e-mail: murodov_miramon@mail.ru).

About the authors

Miramon Q. Murodov — Research Associate, Institute of Economy and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan; e-mail: murodov_miramon@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-3-6>
УДК 332.14:(316+314)
JEL classification: J11

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ПРИНИМАЮЩИМ НАСЕЛЕНИЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

В. Р. Остриков^а, Л. А. Спектор^б

^{а, б} Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ (г. Шахты, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0002-4907-580X>

Автор для корреспонденции: В. Р. Остриков (demidenko733@bk.ru)

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ процессов адаптации и интеграции иностранных мигрантов в контексте взаимоотношений с принимающим населением в Российской Федерации. Центральное внимание уделяется наиболее важным направлениям адаптации мигрантов, а именно психологическому и социокультурному. В ходе исследования авторы приходят к выводу, что обеспечения эффективности адаптации мигрантов можно достичь при совокупности двух направлений: взаимодействие с мигрантами и взаимодействие с принимающим социумом. Автор указывает, что изменение социально-политических и экономических условий обостряет вопрос адаптации и интеграции иностранных граждан, таким образом, сохранение социально-политической стабильности в местах концентрации иностранных граждан выходит на первый план.

Ключевые слова: миграция; адаптация мигрантов; принимающее общество; интеграция мигрантов; демографическая безопасность

Adaptation and Integration of Foreign Migrants in the Context of Relations with Host Population in Russia

V. Ostrikov^а, L. Spektor^б

^{а, б} Institute of Service Sector and Entrepreneurship DSTU (Shakhty, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-4907-580X>

Corresponding author: V. R. Ostrikov (demidenko733@bk.ru)

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the processes of adaptation and integration of foreign migrants in the context of relations with the host population in the Russian Federation. Special attention is paid to the most important areas of adaptation of migrants, namely psychological and socio-cultural. It is revealed that the efficiency of migrants' adaptation can be ensured by combining the interaction with migrants and interaction with the host society. The study shows that the change in socio-political and economic conditions exacerbates the issue of adaptation and integration of foreign citizens: in the conditions of possible social and economic changes, the preservation of socio-political stability in places of concentration of foreign citizens comes to the fore.

Keywords: migration; adaptation of migrants; host society; integration of migrants; demographic security

Введение

Социально-экономическое и политическое развитие общества характеризуется определенными показателями, среди которых одним из наиболее реалистичных является уровень миграции населения. Перемещение населения из одних стран, регионов,

¹ © Остриков В. Р., Спектор Л. А. Текст. 2023.

городов в другие существовало исторически, однако глобализационные процессы, особенно усилившиеся в начале XXI в., способствовали расширению возможностей миграции. На сегодняшний день стала более доступной информация о других регионах, о правовых и экономических механизмах переселения, заметно повысился уровень образования и культуры людей. Находясь в своем регионе, будущий мигрант может узнать особенности той страны, в которую он планирует переехать на постоянное место жительства или которую желает посетить временно с целью поиска работы или отдыха. На сегодняшний день рациональный подход к миграции возможен лишь при стабильной ситуации, когда граждане планируют свое будущее, стремятся обезопасить себя на новом месте, создать комфортные условия и обеспечить положительное эмоционально-мотивационное состояние.

В связи с усилением миграционных процессов актуальными становятся вопросы эффективного управления ими на каждом этапе. Миграция представляется явлением достаточно сложным и многогранным. От простого понимания ее как перемещения, переселения ее отличают причинные и ценностные аспекты.

Среди основных принципов миграции — интеграция и адаптация мигрантов. При этом необходимо учесть, что важным фактором данного принципа является участие общества во всех сферах жизнедеятельности, а также институтов принимающей стороны, сфера деятельности которой направлена на создание инклюзивного общества, дающего гарантию экономического, политического, культурного и социального равенства мигрантов.

В статье будет более подробно раскрываться проблема процессов адаптации и интеграции иностранных мигрантов в контексте взаимоотношений с принимающим населением в Российской Федерации.

Основная часть

Россия является принимающей страной для многомиллионной армии мигрантов из разных стран. Миграционная мотивация этих людей разнообразна. Одни приезжают ради заработка и возвращаются домой, другие планируют остаться в России и как-то интегрироваться в ее жизнь. Однако независимо от цели приезда все стремятся найти работу, и при этом они должны приспосабливаться к условиям российского рынка труда и существующей структуре спроса на труд. Адаптация, как правило, ведет к смене сферы деятельности и профессии, то есть порождает трудовую мобильность. Эта мобильность может быть горизонтальной или вертикальной. Многие сдвигаются «вниз» и оказываются на более простых рабочих местах, кто-то занимает более сложные [1].

В исследованиях миграции и миграционной политики значительное внимание уделяется проблеме интеграции. Хотя существует много определений интеграции, смысл ее заключается в приближении мигрантов к местному населению по языку и культуре, работе и быту, условиям жизни и доступу к важнейшим социальным благам в принимающей стране.

Интеграция мигрантов в принимающее общество является важным процессом, оказывающим прямое влияние на социально-экономическое благополучие сообщества, территории, в которых он происходит. Данная интеграция тем успешнее, чем более схожи жизненные ценности представителей социальной группы мигрантов и представителей принимающей стороны [2]. На этот процесс также существует и запрос со стороны государства, который оформлен в виде Концепции государственной

миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Согласно этому документу, Россия является мигрантоориентированной страной.

Интеграция мигрантов сопряжена с изменением структуры их идентичностей: интегрированные мигранты (стремящиеся остаться в России навсегда, получить российское гражданство, дать детям российское образование) чаще идентифицируют себя с российским обществом, чем с посылающим, с российским локальным социумом, чем с социумом страны происхождения. Этническая, религиозная идентичность у них уходит на второй план, на первый план выходят идентификация себя с представителями своего возраста, поколения, профессии, людей своего социального круга (в частности, достатка). Трансформация ценностей мигрантов анализируется практически во всех подходах к исследованию их включения в принимающее общество [3]. Ценности мигрантов из постсоветских стран расходятся с представлениями принимающего российского общества. В отличие от россиян, они более консервативны в отношении разводов и добрачного секса, более требовательны в части семейных взаимоотношений и личной свободы, их гендерные установки более патриархальны, чем у местных жителей. Мигранты, перемещающиеся в другое общество, частично избавляются от давления посылающего общества и могут быть более свободны в своем поведении и представлениях, а изменения в ценностных установках мигрантов — важная часть их культурной интеграции в принимающем обществе. В то же время ценности, слабо поддающиеся изменению, не связаны с материальным благополучием, то есть экономическая интеграция едва ли будет влиять на культурную. Мигранты, у которых сформирована актуализированная российская идентичность (часто ощущают связь с гражданами России), придерживаются более эгалитарных взглядов. Одновременно с этим сильная этническая и религиозная идентичность — предиктор патриархальных, в частности, гендерных установок. Не длительность проживания и экономическое благополучие, а уровень образования, желание связать дальнейшую жизнь с Россией, формирование чувства общности со страной приема и межэтнического доверия могут выступать предикторами трансформации ценностных ориентаций мигрантов в России.

Отметим, что одним из важных направлений миграционной политики нашей страны выступает адаптация мигрантов из зарубежных стран к условиям принимающей их территории. В юридической литературе под понятием «адаптация» понимается комплексный процесс вхождения мигранта в принимающее сообщество и на принимающую территорию, а также усвоение традиционно устоявшихся культурно-правовых норм и отношений [4].

Адаптацию мигрантов можно назвать многосторонним процессом, включающим в себя многочисленные способы и направления. Полагаем, что наиболее важными из них являются психологическое и социокультурное направление.

Социально-психологические теории рассматривают психологическую адаптацию мигрантов как комплекс единого и исходно меняющегося процесса взаимодействия личности с обществом, в ходе которого происходят приспособление к новой социокультурной среде, принятие определенных традиций, правил, норм, а также позитивное восприятие целей и ценностей субъекта адаптации и удовлетворение его потребностей.

В принимающем сообществе социально-психологическая адаптация мигрантов выстраивается на идее функциональной зависимости и противоречий, которые появляются в результате несогласий между разными крайностями миграционных

намерений личности к новым условиям жизни и ожиданиями принимающей стороны. Успешная реализация психологической адаптации мигрантов к новым условиям жизни возможна лишь при наличии реалистической антиципации возможных трудностей адаптации в таких условиях, опыте позитивного сотрудничества с социальной средой и направленности личности на конструктивное преодоление проблем через взаимодействие с новой социальной группой.

Социокультурная адаптация — это процесс и результат приспособления мигранта к социокультурной среде принимающей страны. В указанном случае мигрант усваивает либо отторгает социальные и культурные нормы, устоявшиеся ценности данного общества, способы поведения и обычаи.

Проблема социокультурной адаптации мигрантов является одной из самых сложных, так как имеет две устоявшиеся проблемы: во-первых, степень поддержки мигрантом своей культуры, то есть того, в какой степени сохраняется его собственная культурная идентичность в новом инокультурном обществе; во-вторых, участие мигранта в межкультурных контактах и степень его приобщения к культуре принимающего сообщества. Представители социокультурного видения выделяют наиболее важные аспекты взаимосвязи между уроженцами других стран и разносторонний и обширный набор ценностных качеств, психологических особенностей, личных предпочтений, межличностного общения, удовлетворенности жизненного уровня и т. д. Данные аспекты являются показателями того, как индивид смотрит на мир и находит свое место в нем, какую нишу он занимает в системе общества.

Социокультурная адаптация — это многосторонний процесс, в данном случае одна из сторон должна воспринимать те изменения, которые происходят в процессе адаптации первичного социокультурного окружения в связи с повышением численности мигрантов. Необходимо помнить и о том, что формирование толерантности происходит постепенно, вместе с пониманием и принятием демократических ценностей и практической взаимосвязью с обществом. По нашему мнению, следует помнить о том, что подобные приоритеты должны быть заложены в сферы образования демократического государства.

Отметим, что значение психологической адаптации заключается в сохранении физического и психологического здоровья мигранта, а роль социокультурной адаптации заключается в принятии социокультурных норм «нового» сообщества. Полагаем, что указанные виды адаптации должны взаимодействовать на мигранта комплексно, однако в настоящее время способы адаптации остаются зависимыми от содержательных и длительных особенностей.

Одним из принципов современной миграционной политики Европейского союза выступает двухсторонний характер адаптации мигрантов, который заключается в следующем: мигрант адаптируется к принимающему сообществу, принимающее сообщество адаптируется к мигранту. Объяснить положительное значение данного принципа можно от обратного: при влиянии одностороннего процесса адаптации мигрантов возрастает роль негативного влияния социальных рисков [5]. Данные риски особенно характерны для этнических мигрантов, т. е. внешне отличающихся от местного населения, например, коренных жителей Средней Азии или Китая, а также низкоквалифицированные трудовых мигрантов, которые имеют временную занятость и составляют более половины миграционных потоков в Россию.

При исследовании оценки процессов адаптации трудовых мигрантов из зарубежных стран в России мы изучили статистические данные заинтересованности сторон.

Результаты опросов подтверждают, что большая часть населения России достаточно настороженно относится к миграции. Только 41 % респондентов в 2013 г., 47 % в 2019 г. и 52 % в 2022 г. согласились с тем, что мигранты полезны для общества. На вопрос «Следует ли для региональной экономики поощрять иностранную трудовую миграцию?» 63 % опрошенных ответили отрицательно.

Наиболее оптимистично настроены сами мигранты. На всей территории Российской Федерации более 60 % опрошенных чувствуют себя в безопасности, а также удовлетворительно оценивают психологический и эмоциональный комфорт.

В Российской Федерации трудовые мигранты имеют более низкие социокультурные адаптационные ресурсы и возможности, так как реже контактируют с местным населением, особенно в тех сегментах, в которых используется труд мигрантов из зарубежных стран и не требуется высокая квалификация, а именно: сфера ЖКХ, строительство, транспортные услуги, оптовая и розничная торговля, этническая кухня.

Несмотря на это, изученные нами результаты опросов указывают на то, что местное население не готово видеть приезжих среди коллег по работе, так как рассматривает их в качестве конкурентов на рынке труда. С 2000-х гг. в России обозначился достаточно четкий тренд на рост числа противников трудовой миграции. Однако поток трудовых мигрантов растет год от года. Отметим, что мигранты составляют более 10 % от всей рабочей силы нашей страны¹. Роль трудовых мигрантов в экономике государства отчетливо проявилась во время пандемии в 2020–2021 гг., когда в результате сокращения числа иностранных рабочих многие стройки остановились. С учетом демографических перспектив массовый спрос на дополнительные рабочие руки, особенно не очень высокой квалификации, может удовлетворяться только за счет мигрантов. Согласно прогнозам исследователей, к 2030 г. численность занятых на рынке труда россиян в возрасте до 40 лет сократится на четверть, а доля лиц с высшим образованием продолжит расти. Кроме того, в российском населении трудоспособного возраста практически не осталось людей с образованием ниже среднего, а рабочие места, не предъявляющие больших требований к образованию, квалификации и навыкам работников, никуда не исчезли [6].

Возможное соседство с семьями различных национальностей, а точнее способ расселения мигрантов на принимающей территории выступает еще одним признаком, который характеризует выбор модели адаптации. Анализ результатов социологических опросов, выявил высокую долю безразлично относящихся к национальности соседей (около трети для всех национальностей), что говорит о том, что в целом население готово к соседству с представителями различных национальностей [7].

В наибольшей степени отрицательное отношение к соседству зафиксировано относительно азербайджанских семей (53,8 % негативного отношения). В несколько меньшей степени негативное отношение вызывает проживание по соседству киргизской (47,3 %), узбекской (47,2 %) и таджикской (45,1 %) семей. Последнюю по нежелательности группу составляют семьи тех национальностей, присутствие которых давно привычно для московского сообщества, тем более что многие представители этих национальностей — потомственные граждане России и москвичи. Это — армяне (38,5 % негативных ответов), украинцы (31,4 %) и белорусы (27,7 %)². В России

¹ Монусова Г. А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436–458.

² Информационно-аналитический отчет о результатах социологического исследования «Мониторинг

с развитой сетевой миграцией (особенно представителей Средней Азии) и сильной пространственной сегрегацией, на некоторых территориях складывается анклавный характер проживания мигрантов [8]. В рамках такого расселения не требуется развития коммуникаций с местным населением.

Отметим, что особенно низкими социокультурными адаптационными способностями в российском обществе обладают представители Средней Азии, имеющие большую культурную, а часто и религиозную дистанцию от местного населения. Объем их лексических знаний русского языка на момент приезда в Россию, как правило, небольшой, и порой ограничивается требованиями по сдаче экзаменов для получения патента.

Указанное утверждение можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, с 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный Закон № 74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”», обязывающий трудовых мигрантов, за исключением высококвалифицированных специалистов, сдавать экзамены на знание русского языка. При обращении за получением разрешения на вид на жительство, на временное проживание, на работу или патента иностранцы должны подтвердить владение русским языком, знание истории России и основ законодательства РФ, представив соответствующие документы. Во-вторых, доля семейной миграции значительно увеличилась. В соответствии с этим дети мигрантов школьного возраста стали выступать в роли связующего звена между местным населением и родителями-мигрантами.

В соответствии с этим можно утверждать, что подавляющее большинство граждан РФ выступают за ограничение трудовой миграции, но безразлично относятся к возможному соседству с семьями различных национальностей. С каждым годом число сторонников данного утверждения становится все больше, причем динамика ответов респондентов отражает экономическую ситуацию в России, а также выбор направления на цифровизацию экономики, в рамках которого широкомасштабное использование неквалифицированных трудовых ресурсов выглядит нелогичным.

Таким образом, психологическая и социокультурная адаптация трудовых мигрантов в России из зарубежных стран связана с многочисленными трудностями, вызванными негативным настроением со стороны принимающего сообщества. Россияне считают численность мигрантов в ряде городов России чрезмерной. Это обуславливается наличием большой социокультурной дистанции, а также ростом конкуренции на российском рынке труда за места, не требующих высокой квалификации в силу экономического кризиса и проведения пенсионной реформы, а также некоего противоречия между курсом на цифровизацию и низким уровнем образования [9]. Однако даже будучи максимально подготовленным к миграции, человек не застрахован от враждебного отношения со стороны коренного населения. Именно поэтому важно рассмотрение процесса адаптации трудовых мигрантов как двоякого, в котором и принимающая сторона, и мигранты в одинаковой мере заинтересованы в успешности взаимного приспособления [10].

Подводя итог исследования отметим, что для обеспечения положительной адаптации и интеграции иностранных граждан необходимо обеспечение властями тех условий, которые будут направлены на обеспечение единых подходов

к социально-психологической и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, противодействию их социальной и территориальной изоляции и устранению способствующих этому условий.

Полагаем, что необходимо объединение усилий местных властей и местных сообществ при поддержке государства, включая законодательное обеспечение прав мигрантов, а именно полное и равноправное участие в экономической, социальной, культурной и гражданской жизни общества. В российском случае проблема ограниченности финансовых ресурсов органов местного самоуправления обостряется отсутствием правовых рамок интеграционной политики на федеральном и региональном уровнях.

Важнейшим институтом формирования дружелюбного отношения принимающего общества по отношению к мигрантам выступают меры по борьбе с дискриминацией. Российское законодательство артикулирует в общем виде, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». Однако не содержит таких понятий, как «принуждение к дискриминации», «подстрекательство к дискриминации», «виктимизация», «сегрегация» и некоторых других, используемых в антидискриминационных законах зарубежных стран и международных правовых актах. В российском законодательстве под дискриминацией понимается «нарушение равенства прав и свобод», а «предоставление равных прав» интерпретируется как отсутствие дискриминации. Полагаем, что необходимо развитие специального антидискриминационного законодательства.

На сегодняшний день назрела необходимость создания постоянно действующей комплексной многоуровневой системы адаптации и интеграции иностранных граждан, которая должна включать в себя разработку типовых региональных программ адаптации и интеграции иностранных граждан и не ограничиваться разработкой методических рекомендаций, причем ориентированных исключительно на социальную и культурную адаптацию и интеграцию иностранных граждан.

Необходимо развивать комплексную поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций, оказывающих помощь иностранным гражданам в адаптации и интеграции на рынке труда, в сферах образования, здравоохранения, воссоединения семей, изменении правового статуса и получении российского гражданства, борьбы с дискриминацией и др., представляющих интерес для трудовых мигрантов.

Заключение

В условиях отсутствия доброжелательности принимающего общества политика интеграции обречена на неуспех в условиях. Антимигрантские настроения устойчивы в российском обществе, большинство россиян настороженно относятся к присутствию мигрантов. Результаты анализа свидетельствуют, что межличностное доверие, индивидуальная ответственность, удовлетворенность жизнью, чувство безопасности, самодостаточность способствуют большей толерантности и открытости к окружающему миру. Необходимо еще раз подчеркнуть, что эффективность реализации отечественной миграционной политики в области адаптации и интеграции иностранных граждан в принимающее сообщество не может быть осуществлена без четко сформулированной государственной стратегии.

Список источников

- [3] Трансформация глобальной миграции / Н. В. Шкрабтак, М. В. Зинченко, В. З. Григорьева, Д. В. Пеков. Благовещенск: Издательство АмГУ, 2021. 117 с.
- [4] Рыбаковский О. Л., Судоплатова В. С., Таюнова О. А. Вопросы оценки миграционного потенциала // Научное обозрение. 2015. № 3. С. 169-173.
- [5] Управление миграцией и модели миграционной политики: возможности и риски / отв. ред. А. А. Громыко. Москва: ИЕ РАН, 2020. 188 с.
- [6] Адаптация и интеграция мигрантов: сб. эффект. практик / авт.-сост. А. Н. Якимов. Санкт-Петербург: БФ «ПСП Фонд», 2018. 72 с.
- [7] Рязанцев С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117-126.
- [8] Ходжиев М., Прокопенко Л. В., Фесенко М. А. Физиологическая адаптация трудовых мигрантов к трудовому процессу и социально-психологическим условиям среды // Здоровье населения и среда обитания. 2018. № 2(299). С. 4-6.
- [9] Суслова Т. Ф. Адаптация мигрантов: понимание проблемы в контексте конструктивистского подхода // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 9(51). Ч. 3. С. 100-103.
- [10] Ушкин С. Г. Принимающее сообщество и иностранные мигранты: региональные практики адаптации // Управленческое консультирование. 2019. № 12(132). С. 191-201.
- [11] Бажан Т. А. Социокультурная интеграция иностранных граждан в системе государственной миграционной политики // Азимут научных исследований: Экономика и управление Т. 7, № 3(24). 2018. С. 24-30.
- [12] Обущенко Т. н., Гагаринская Г. П. Адаптация региональной миграционной политики к инновационности экономики, глобализации и демографическим вызовам // Регионоведение. Т. 26, № 3. 2018. С. 512-537.

References

- [1] Transformation of global migration / N. V. Shkrabtak, M. V. Zinchenko, V. Z. Grigoryeva, D. V. Pekov. Blagoveshchensk, 2021. 117 p.
- [2] Rybakovsky O. L., Sudoplatova V. S., Tayunova O. A. Questions of assessment of migration potential // Scientific review. 2015. No. 3. P. 169-173.
- [3] Migration Management and Migration Policy Models: Opportunities and Risks / ed. by A. A. Gromyko. M.: IE RAS, 2020. 188 p.
- [4] Adaptation and integration of migrants: collection effect. practitioner / author-comp. A. N. Yakimov. St. Petersburg, 2018. 72 p.
- [5] Ryazantsev S. V. Modern migration policy of Russia: problems and approaches to improvement // Sociological studies. 2019. No. 9. P. 117-126.
- [6] Khodzhiev M., Prokopenko L. V., Fesenko M. A. Physiological adaptation of migrant workers to the labor process and the social and psychological conditions of the environment // Public Health and Life Environment — PH&LE. 2018. No. 2(299). P. 4-6.
- [7] Suslova T. F. Adaptation of migrants: understanding of the problem in the context of the constructivist's approach // International Research Journal. 2016. No. 9(51). Part 3. P. 100-103.
- [8] Ushkin S. G. Host community and foreign migrants: regional adaptation practices // Managerial consulting. 2019. No. 12 (132). Pp. 191-201.
- [9] Bazhan T. A. Socio-cultural integration of foreign citizens in the system of state migration policy // Azimut of scientific research: Economics and administration. Vol. 7, No. 3(24). 2018. P. 24-30.

[10] *Obushchenko T. N., Gagarinskaya G. P.* Adaptation of the Regional Migration Policy to the Innovativeness of the Economy, Globalization and Demographic Challenges // Russian Journal of Regional Studies (Regionology). Vol. 26, No. 3. 2018. P. 512-537.

Информация об авторах

Остриков Владислав Романович — студент 2 курса факультета «Юриспруденции, социальных технологий и психологии» Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ; <https://orcid.org/0000-0002-4907-580X> (Российская Федерация, 346500 г. Шахты, ул. Шевченко, 147; e-mail: demidenko733@bk.ru).

Спектор Людмила Александровна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория государства и права» (Российская Федерация, 346500 г. Шахты, ул. Шевченко, 147; e-mail: demidenko733@bk.ru).

About the authors

Vladislav R. Ostrikov — Student, Faculty of Jurisprudence, Social Technologies and Psychology, Institute of Service Sector and Entrepreneurship DSTU; <https://orcid.org/0000-0002-4907-580X> (147, Shevchenko St., Shakhty, 346500, Russian Federation; e-mail: demidenko733@bk.ru).

Lyudmila A. Spektor — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Institute of Service Sector and Entrepreneurship DSTU (147, Shevchenko St., Shakhty, 346500, Russian Federation; e-mail: demidenko733@bk.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-3-7>

УДК 314.1/ 314.72/ 332

JEL classification: R23

СОВРЕМЕННОЕ ОТХОДНИЧЕСТВО: АНАЛИЗ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ¹

А. А. Соколова^а, О. Н. Калачикова^б

^{а, б} Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0001-5434-8094>

^б <https://orcid.org/0000-0003-4681-4344>

Автор для корреспонденции: А. А. Соколова (anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru),
О. Н. Калачикова (onk82@yandex.ru)

Аннотация. В статье представлена авторская позиция в отношении трактовки отходничества как вида трудовой миграции. Используя данные Всероссийской переписи населения 2020 г. и «Итогов выборочного обследования рабочей силы» по периодичности выхода на работу занятого населения, работающего за пределами места своего постоянного проживания, определены виды отходничества, параметры миграционных перемещений данной группы в разрезе федеральных округов. Помимо этого, в работе проанализирован состав мигрантов-отходников, выявлены направления миграционных перемещений по видам отходничества. Определена взаимосвязь территориально-административного деления, численности населения, площади субъектов и расположения в них минерально-сырьевых центров с периодами выхода на работу занятого населения, работающего за пределами места своего постоянного проживания.

Ключевые слова: миграция; возвратная миграция; маятниковая миграция; вахта

Modern Return Labor Migration: Analysis of Territorial Specificity According to the Russian Census

A. Sokolova^а, O. Kalachikova^б

^{а, б} Vologda Research Center of RAS (Vologda, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0001-5434-8094>

^б <https://orcid.org/0000-0003-4681-4344>

Corresponding author: A. A. Sokolova (anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru),
O. N. Kalachikova (onk82@yandex.ru)

Abstract. The article presents the interpretation of seasonal work as a type of labour migration. Using the data of the 2020 All-Russian Population Census and «Results of a sample survey of the labour force» on the frequency of going to work for the employed population working outside their permanent residence, the types of seasonal work, the parameters of migration movements of this group in the federal districts are determined. In addition, the study analyses the composition of seasonal migrants, identifies the directions of migratory movements by types of seasonal work. The interrelation of territorial and administrative division, population size, regional area and location of mineral resource centres with the periods of going to work for the employed population working outside their permanent residence is determined.

Keywords: migration; return migration; commuting; rotation work

Введение

Явление возвратной трудовой миграции, или современного отходничества, на сегодняшний день вошло в жизнь российских домохозяйств. Данный вид трудовой миграции предполагает систематические выезды на работу — «отходы», осуществляемые

¹ ©Соколова А. А., Калачикова О. Н. Текст. 2023.

с разной периодичностью, в местность, не совпадающую с местом постоянного проживания занятого индивида. Это явление, как правило, вынужденное, часто обусловлено диспропорциональным социально-экономическим развитием субъектов страны и является способом адаптации занятого населения к нестабильной экономической ситуации в стране и мире. Отходники, занятые на территории другого субъекта, циклично возвращаются к месту своего проживания, и подобные перемещения могут как быть ежедневными, так и совершаться один раз в месяц или реже. Анализ данных Всероссийской переписи населения позволил нам оценить численность отходников среди занятого населения Российской Федерации, распределение занятого населения, работающего вне территории своего проживания в зависимости от периодичности выходов на работу по федеральным округам. В ходе исследования была поставлена цель выявить территориальные различия в видах периодичности выезда на работу занятого населения, работающего за пределами населенного пункта своего проживания.

Для удобства восприятия информации термин «занятое население, работающее за пределами своего населенного пункта», используемое при анализе данных Всероссийской переписи населения — 2020, обозначается терминами «отходники» или «возвратные трудовые мигранты».

Возникновение термина «отходничество» происходит от глагола «отходить», что в прошлом обозначало уходить из села или деревни на заработки вне постоянного места жительства индивида¹. Отход крестьян на заработки, особенно в зимний период, был весьма распространен в России в XIX — начале XX в. и подробно рассмотрен в дореволюционной, советской и постсоветской литературе [1]. Причинами отхода в дореволюционные времена были такие факторы, как неплодородие почвы, малоземельность, неурожай, спрос на рабочие руки по случаю крупных сооружений и т. д. Диспропорция и отраслевая специфика в социально-экономическом развитии регионов и, как следствие, территориальное несоответствие спроса и предложения на рабочую силу вынуждают и сегодня осуществлять поиск кадров вне территории размещения производств с одной стороны, с другой — вынуждают занятое население «отходить на заработки» за пределы места постоянного проживания.

На сегодняшний день лица, временно выезжающие на заработки в другие населенные пункты, сами называют и идентифицируют себя с термином «отходник». Отходник — это чаще всего житель сельской местности или малых городов, который не может устроиться на работу в том населенном пункте, в котором он проживает, поэтому ищет работу в столицах и промышленных центрах [2]. Такие трудовые мигранты не имеют намерений на перемену места постоянного проживания ради работы, и их основная трудовая мотивация состоит в повышении благосостояния семьи [3]. Отход переключается с понятием неформальной занятости и включает в себя различные типы возвратных перемещений от маятниковой миграции до дачных перемещений [4].

Проведенная в 2021 г. Всероссийская перепись — 2020 содержала в себе блок вопросов, которые послужили косвенным источником данных о возвратных видах трудовой миграции. Данные переписи структурируют информацию о лицах, занятых вне места своего постоянного проживания по периодичности их выезда на работу. Сама

¹ Отходничество // Ушаков Д. Н. Толковый словарь. Москва, 1935–1940. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/916266>. (дата обращения: 23.01.2023).

по себе такая градация не может однозначно идентифицировать такие перемещения, как вахта или маятниковая миграция, поскольку есть еще сезонная занятость вне места проживания, а также челночная миграция. Схожий алгоритм предоставления данных по периодичности демонстрируется в «Итогах выборочного обследования рабочей силы»¹, где Росстат предоставляет данные о трудовых мигрантах, которые выезжают на работу в другой субъект РФ ежедневно, несколько раз в неделю, несколько раз в месяц, 1 раз в месяц и реже. ВПН-2020 расширяет предоставляемые данные: мы можем отследить, совершают ли мигранты свою трудовую деятельность внутри субъекта, за пределами субъекта или на территории иностранного государства. В результатах ВПН-2020, наряду с информацией о физических перемещениях занятого населения, присутствует информация о лицах, работающих дистанционно, что можно связать с таким вызванным цифровыми трансформациями в сфере занятости явлением, как «телемиграция» («виртуальная трудовая миграция», «трансграничная трудовая миграция»), которое предполагает возможность работы трудового мигранта, или «цифрового кочевника» на территории другого населенного пункта [5].

Возвратные виды трудовой миграции по данным ВПН-2020 охватывают 10,9 % от всей численности занятого населения в возрасте 15 лет и более (10,5 % без учета работающих дистанционно). По данным выборочного обследования рабочей силы доля работающих на территории других субъектов РФ составляет 4 % от общего числа занятого населения в РФ в том же 2021 г. [6, 7]. Меньший процент может быть обусловлен спецификой формирования данных: в итогах выборочного обследования рабочей силы использовались данные лишь по межрегиональным перемещениям. Также способы сбора данных ВПН-2020 и «Итогов выборочного обследования рабочей силы» различаются.

В нашем исследовании мы условно объединяем ежедневные перемещения и выходы на работу несколько раз в неделю в маятниковую миграцию, поскольку цикл маятниковой миграции может быть не только ежедневным. По нашему мнению, маятниковая миграция больше привязана к графику работы трудового мигранта, который и рождает периодичность выездов на работу от одного до нескольких дней. Помимо этого, в научном сообществе некоторые авторы приходят к мнению, что маятниковые перемещения имеют диапазон от двух до пяти дней [8]. В англоязычной литературе нет дословного эквивалента маятниковой миграции, но есть схожие по семантике понятия «daily commuting» (ежедневные перемещения) и «long-distance weekly commuting» (еженедельные перемещения на длительные расстояния) [9].

Перемещения, совершаемые занятым населением с периодичностью 1 раз в месяц и реже, в своем исследовании мы условно отнесли к вахте. Вахтовый способ организации труда закреплен в статье 299 Трудового кодекса, но данная статья устанавливает только максимальную продолжительность работы — не более одного месяца, а при согласии выборного органа первичной профсоюзной организации продолжительность вахты может быть увеличена работодателем до трех месяцев². Перемещения, совершаемые несколько раз в месяц, достаточно сложно идентифицировать, поскольку это может быть как вахта, так и маятниковая миграция.

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.02.2023).

² Трудовой кодекс Российской Федерации. Федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 25.01.2023).

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных ученых. Для решения поставленных исследовательских задач использовались такие общенаучные методы и приемы, как метод статистического анализа, обобщение, систематизация, метод сравнения. Информационной базой исследования послужили данные официальной статистики, полученные в ходе Всероссийской переписи населения-2020 (далее ВПН-2020), Итоги выборочного обследования рабочей силы.

Результаты

Самой распространенной периодичностью выезда на работу в 2021 г. являются ежедневные перемещения — по России на их долю приходится 46,1 % от численности занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта, и перемещение на работу несколько раз в неделю — 29,2 %, то есть доля маятниковых перемещений составляет 75,3 % (рис. 1). Среди сельского населения доля маятниковых перемещений на 7,7 п. п. выше, чем среди городского. Интересной особенностью является большая (на 3,7 п. п.) распространенность вахтового труда среди городских жителей по сравнению с сельскими. В городской среде в 4,6 раза больше работающих дистанционно, что может быть связано как с объективными факторами (доступность цифровых средств, специфика труда и политика работодателя), так и субъективными (цифровые компетенции, готовность к дистанционной работе).

Самая большая доля отходников среди занятого населения России приходится на Центральный федеральный округ — 3,8 % и Приволжский федеральный округ — 2,5 % (рис. 2). Меньше всего занятых, работающих вне места своего проживания, наблюдается в Дальневосточном (0,4 %), Северо-Кавказском (0,6 %) и Уральском (0,6 %) федеральных округах.

Структура периодичности выездов на работу внутри самих округов схожа с общероссийской, где также наблюдается преобладание маятниковой миграции над другими

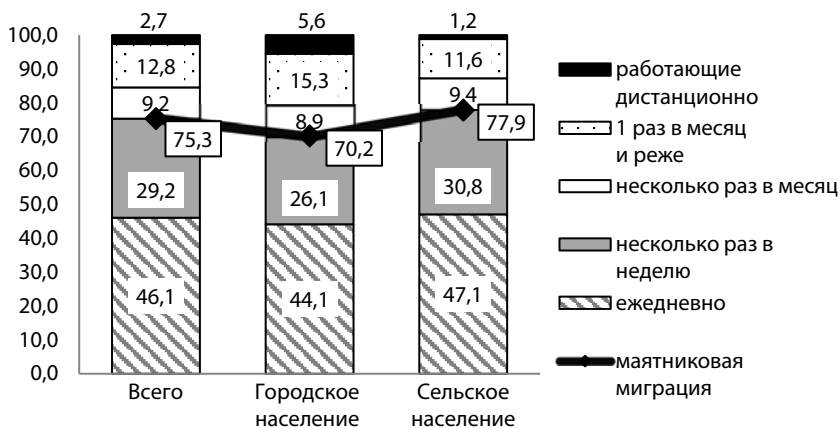

Рис. 1. Распределение по периодичности выезда на работу занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта по федеральным округам Российской Федерации, 2021 г., % от указавших периодичность выезда (выхода) на работу (источник: Итоги всероссийской переписи населения 2020 (<https://rosstat.gov.ru/folder/56580>) (дата обращения: 27.01.2023)

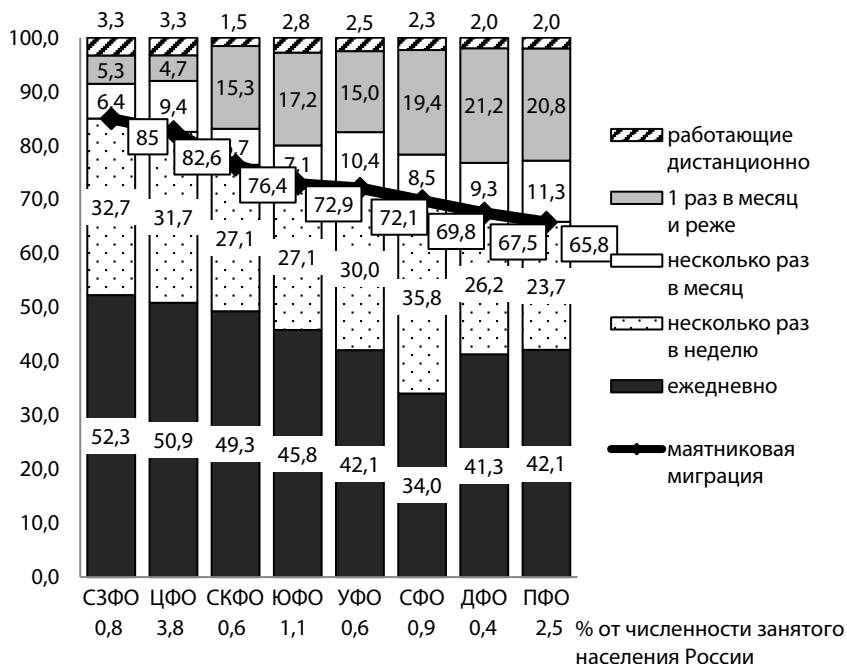

Рис. 2. Структура периодичности выезда на работу занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта внутри федеральных округов Российской Федерации, 2021 г., % от указавших периодичность выезда (выхода) на работу внутри соответствующего федерального округа (*регионы расположены по доле маятниковой миграции от наибольшего к наименьшему. Источник: Итоги всероссийской переписи населения 2020 (<https://rosstat.gov.ru/folder/56580>))

видами отходничества (рис. 2). Северо-Западный и Центральный федеральные округа несколько выделяются по структуре периодичности выходов на работу, поскольку, во-первых, они обладают большей долей маятниковых трудовых мигрантов (85 % и 82,6 % соответственно), во-вторых, доля вахтовых работников в 3–4 раза ниже, чем в других федеральных округах, а в третьих, доля работающих дистанционно имеет самые высокие среди других субъектов России показатели — 3,3 % от указавших периодичность выезда на работу внутри данных федеральных округов.

Самые высокие доли занятого населения, работающего вахтой, приходятся на Дальневосточный (21,2 %), Приволжский (20,8 %) и Сибирский (19,4 %) федеральные округа. В данных федеральных округах наблюдаются самые низкие доли маятниковых мигрантов.

Сельское население в целом больше задействовано в отходничестве: на городское население приходится 33,3 % от всех занятых, работающих за пределами своего населенного пункта. Однако в структуре видов возвратной миграции ситуация может отличаться от общероссийского тренда. Центральный и Северо-Западный федеральные округа отличаются более высокой долей городского населения, чем в других федеральных округах. Самая низкая доля городского занятого населения, работающего

за пределами своего населенного пункта приходится на Северо-Кавказский (14,7 %), Приволжский (15,7 %) и Южный (16,3 %) федеральные округа.

В Северо-Западном (56,7 %) и Уральском (55,3 %) федеральных округах наблюдается преобладание городского населения среди работающих вахтой. В отношении занятых, работающих дистанционно, большинство представлено городским населением во всех округах, кроме Южного (34 %) и Северо-Кавказского (46,8 %) федеральных округов.

Различия среди федеральных округов наблюдаются и по направлению движения отходников (табл. 1). Большинство перемещений возвратных трудовых мигрантов происходит в пределах субъекта своего проживания. Заметно выделяются Центральный (50,3 %) и Северо-Западный (54,4 %) федеральные округа, где доля подобных перемещений преобладает, но все же она значительно ниже, чем в остальных федеральных округах.

Таблица 1

Распределение периодичности выезда на работу по территории нахождения работы по федеральным округам РФ в 2021 г., %

Территория нахождения работы	Всего	Периодичность			Работающие дистанционно
		маятниковая миграция	несколько раз в месяц	1 раз в месяц и реже	
<i>Центральный федеральный округ</i>					
Внутри субъекта	50,3	57,3	21,2	9,7	15,6
На территории другого субъекта	44,8	37,5	76,5	86,4	76,0
На территории иностранного государства	0,3	0,0	0,7	3,1	2,7
Не указавшие территорию нахождения работы	4,6	5,2	1,6	0,7	5,6
Всего:	100	100	100	100	100
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>					
Внутри субъекта	54,4	57,6	46,5	38,3	12,7
На территории другого субъекта	40,5	37,6	49,1	54,0	76,6
На территории иностранного государства	0,9	0,2	2,6	6,3	6,3
Не указавшие территорию нахождения работы	4,2	4,6	1,8	1,4	4,4
<i>Южный федеральный округ</i>					
Внутри субъекта	74,3	91,8	56,1	14,7	30,1
На территории другого субъекта	22,8	5,6	40,7	82,0	62,4
На территории иностранного государства	0,8	0,1	1,9	2,7	4,8
Не указавшие территорию нахождения работы	2,1	2,5	1,3	0,6	2,8
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>					
Внутри субъекта	77,9	93,5	56,9	13,9	30,4
На территории другого субъекта	20,1	4,5	40,6	84,4	64,6

Окончание табл. 1 на след. стр.

Территория нахождения работы	Всего	Периодичность			Работающие дистанционно
		маятниковая миграция	несколько раз в месяц	1 раз в месяц и реже	
На территории иностранного государства	0,3	0,0	0,6	1,3	2,8
Не указавшие территорию нахождения работы	1,8	2,0	1,9	0,4	2,2
<i>Приволжский федеральный округ</i>					
Внутри субъекта	71,4	94,8	49,3	12,4	37,7
На территории другого субъекта	27,4	4,0	50,1	86,4	57,5
На территории иностранного государства	0,2	0,0	0,2	0,8	2,7
Не указавшие территорию нахождения работы	1,0	1,2	0,5	0,4	2,1
<i>Уральский федеральный округ</i>					
Внутри субъекта	78,2	92,2	60,3	30,5	37,1
На территории другого субъекта	19,9	6,1	38,7	67,0	56,4
На территории иностранного государства	0,3	0,0	0,1	1,4	3,6
Не указавшие территорию нахождения работы	1,5	1,7	0,9	1,1	2,9
<i>Сибирский федеральный округ</i>					
Внутри субъекта	79,6	96,0	67,6	31,0	35,1
На территории другого субъекта	18,6	2,2	31,2	67,4	57,9
На территории иностранного государства	0,4	0,0	0,4	1,0	4,4
Не указавшие территорию нахождения работы	1,5	1,8	0,8	0,5	2,6
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>					
Внутри субъекта	83,0	93,5	81,8	53,1	52,2
На территории другого субъекта	14,5	3,9	16,9	44,8	40,5
На территории иностранного государства	0,5	0,2	0,3	1,4	4,6
Не указавшие территорию нахождения работы	2,0	2,5	1,1	0,8	2,8

Источник: Итоги всероссийской переписи населения 2020 <https://rosstat.gov.ru/folder/56580> (дата обращения: 23.01.2023).

Маятниковая миграция в большинстве федеральных округов демонстрирует высокий процент ориентации на рынок труда территории субъекта проживания трудового мигранта. В Центральном и Северо-Западном федеральном округах процент внутри-субъектной маятниковой миграции примерно на треть ниже, чем в целом по другим субъектам. Большинство трудовых мигрантов, работающих дистанционно, находят место работы за пределами своего субъекта проживания, кроме Дальневосточного федерального округа (52,2 %), где большинство дистанционных работников располагается на территории субъекта своего проживания. Это подтверждает мысль о том,

что для дистанционной работы место нахождения самого работника и работодателя не имеет значения.

Центральный федеральный округ выделяется в направлении движения тех трудовых мигрантов, которые совершают поездки несколько раз в месяц и реже. Большая часть (76,5 %) трудовых мигрантов работают на территории другого субъекта, тогда как в других федеральных округах эта доля ниже 50 %, а в Дальневосточном федеральном округе доля таких перемещений составляет всего 16,9 %. Вахтовая организация труда ориентирована на внешнюю трудовую миграцию, на рабочее место, находящееся на территории другого субъекта, во всех округах, кроме Дальневосточного федерального округа. Самые высокие доли межсубъектной вахты наблюдаются в Центральном, Южном, Северо-Кавказском и Приволжских федеральных округах. Такое распределение можно объяснить тем, что чем дальше находится место работы отходника, тем реже он совершает выезды на работу.

Обсуждение

Вышеописанные результаты демонстрируют различия в составе населения, участвующего в отходничестве, в направлениях перемещений трудовых мигрантов между федеральными округами и в доле каждого вида возвратной трудовой миграции.

В. Зелинский [10] в концепции мобильного перехода отмечает, что по мере модернизации общества в связи с демографическим и социально-экономическим ростом, развитием транспортной инфраструктуры, формированием новых каналов передачи информации и ростом уровня жизни населения меняются миграционные намерения населения и, как следствие, тип миграционной мобильности. Он подчеркивал, что есть взаимосвязь между определенными формами миграции населения и социально-экономическими, демографическими процессами, происходящими в обществе [11]. Мы можем предположить, что возвратная трудовая миграция также зависит от многих факторов: социально-экономического развития региона, уровня урбанизации, административного деления субъекта, типа расселения, исторических и социокультурных аспектов и т. д. Рассмотренные федеральные округа являются крупными административно-территориальными единицами и для выявления закономерностей в специфике отходничества необходимо изучение данных на мезо- и микроуровнях. Однако некоторые выводы о взаимосвязи характеристик федеральных округов и видах возвратной трудовой миграции все же сделать можно (табл. 2):

1. Округа, которые обладают высокой численностью населения в совокупности с большим количеством субъектов внутри, имеют большую долю численности отходников в структуре занятого населения. Так, по численности населения выделяются Центральный (27 %) и Приволжский (20 %) федеральные округа, которые состоят из 18 и 14 субъектов соответственно и, в свою очередь, имеют большую долю отходников (3,8 % и 2,5 %) в общем количестве занятых по России по сравнению с другими федеральными округами.

2. Высокая доля городских жителей в структуре населения справедливо отражается на пропорции участия городского и сельского населения в отходничестве. Так, например, Северо-Западный (84,9 %), Центральный (82,1 %) и Уральский (82 %) федеральные округа имеют самые высокие доли городского населения, и их доли как в целом, так и по всем видам отходничества отдельно, значительно выше, чем у остальных округов.

Характеристика федеральных округов, 2021 г.

Характеристика	Значение характеристики по федеральным округам							
	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Численность населения, в % от численности населения РФ	27	9	11	7	20	8	11	5
Численность городского населения, %	82,1	84,9	63,2	50,7	72,1	82	74,9	73,6
Площадь субъекта, % от территории РФ	3,8	9,9	2,6	1	6,1	10,6	25,5	40,6
Число субъектов, ед.	18	11	8	7	14	6	10	11
Минерально-сырьевые центры, ед.	0	2	0	0	1	3	3	3

Источник: Итоги всероссийской переписи населения 2020. <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>; Регионы России: Социально-экономические показатели. 2022. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. N 207-р Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/72174066/> (дата обращения: 01.02.2022).

3. Большая площадь субъекта в сочетании с высокой концентрацией населения в городах сочетается с более низкой долей маятниковой миграции, что характерно для Дальневосточного (40,6 %) и Сибирского (25,5 %) федеральных округов как обладателей самых больших территорий.

Вероятно, для отходничества существует некий оптимум длины вектора миграции, в случае относительно малой территории федерального округа в сочетании с большим количеством субъектов внутри него данный вектор будет пересекать административно-территориальные границы намного вероятнее, чем при больших расстояниях и малом количестве субъектов внутри федерального округа.

4. Наличие в федеральном округе крупных минерально-сырьевых центров в совокупности с большой территорией округа может быть связано с большей долей отходников, выезжающих на работу несколько раз в месяц внутри своего субъекта. Значительная часть таких центров представлена Уральским, Сибирским и Дальневосточным федеральными округами, на площадь которых приходится значительная доля территории России.

Можно предположить, что выезды на работу несколько раз в месяц в данном случае могут быть «краткосрочной» вахтой. Жителям данных субъектов в связи с предложением работодателей в их округе, где они проживают, нет нужды выезжать на работу в другой федеральный округ, помимо этого, расстояния до места работы в данном случае не такие значительные и, соответственно, есть возможность совершать перемещения не на такие длительные сроки, как при обычной вахте.

Выявление каких-либо закономерностей по результатам ВПН-2020 осложняется еще и тем, что данный источник не предоставляет информации о том, в какой субъект направляются отходники, что исключает возможность выявления связей между субъектами и изучения территории нахождения работодателя, где задействован отхожий труд.

Заключение

Из всех рассмотренных видов современного отходничества, маятниковая миграция является наиболее распространенным видом, второе место занимает вахтовая

организация труда. Сельское население сильнее задействовано в отходничестве, однако соотношение сельского и городского населения может различаться в различных федеральных округах. Данные ВПН-2020 позволяют проанализировать направления видов возвратной трудовой миграции: большая часть отходников перемещается внутри федерального округа, в котором проживает. В ходе исследования была выявлена взаимосвязь между видами отходничества и параметрами субъекта, таких как численность и состав населения, площадь территории и количество субъектов, входящих в состав федерального округа и наличие минерально-сырьевых центров.

Для анализа феномена современного отходничества недостаточно рассмотрения ситуации на уровне макрорегионов. При дальнейшем исследовании данной тематики планируется исследование проблематики отходничества на уровне регионов.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Причины и социально-демографические последствия отходничества в контексте регулирования миграционных процессов в современной России» (проект № 23-28-01395)».

Acknowledgments

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the grant «Causes and socio-demographic consequences of out-migration in the context of the regulation of migration processes in contemporary Russia» (Project No. 23-28-01395).

Список источников

- [1] Нефедова Т. Г. Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // Вестник Московского университета. 2015. № 2. С 93–100. (Сер. 5. География).
- [2] Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
- [3] Плюснин Ю. М. Отходники. Москва: Новый Хронограф, 2013. 288 с.
- [4] Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа / Рос. акад. наук, Ин-т географии. Москва: ЛЕНАНД, 2013. 452 с.
- [5] Цапенко И. П., Гришин И. В. Виртуализация трансграничной трудовой миграции // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 9. С. 849–859. <https://doi.org/10.31857/S0869587322090109>
- [6] Ахметова (Хилажева) Г. Ф. Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 76–89. <https://doi.org/https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.6>
- [7] Соколова А. А. Возвратная трудовая миграция в России: масштабы и тенденции // Вопросы территориального развития. 2022. Т. 10. № 2. <https://doi.org/10.15838/tdi.2022.2.62.9>
- [8] Бедрина Е. Б., Козлова О. А., Ишуков А. А. Методические вопросы оценки маятниковой миграции населения // Ars Administrandi. Искусство управления. 2018. Т. 10. № 4. С. 631–648. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-4-631-648>
- [9] Green A. E., Hogarth T., Shackleton R. E. Longer Distance Commuting as a Substitute for Migration in Britain: A Review of Trends, Issues and Implications // International journal of population geography. 1999. No. 5. P. 49–67.
- [10] Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. No. 61. P. 219–249.
- [11] Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51.

References

- [1] *Nefedova T. G.* employment of population and a phenomenon of seasonal work in the Stavropol krai // Moscow University Bulletin. Series 5. Geography. 2015. No. 2. P. 93-100.
- [2] *Lappo G. M.* Cities of Russia. Geographer's view. M.: New Chronograph, 2012. 504 p.
- [3] *Plyusnin Yu. M.* Otkhodniki. M.: New Chronograph, 2013. 288 p.
- [4] *Nefedova T. G.* Ten Topic Questions On Rural Russia: Answers of a Geographer. M: Russian Academy of Sciences, Institute of Geography. 2013. 452 p.
- [5] *Tsapenko I. P., Grishin I. V.* Virtualization of cross-border labor migration // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. No. 9. P. 849-859. <https://doi.org/10.31857/S0869587322090109>
- [6] *Akhmetova (Khilazheva) G. F.* Russian Regions in Interregional Labor Migration: Level of Participation, Causes and Factors // DEMIS. Demographic research. 2022. Vol. 2. No. 2. P. 76–89. <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.6>
- [7] *Sokolova A. A.* Return labor migration in Russia: scale and trends // Territorial development issues. 2022. Vol. 10. No. 2. <https://doi.org/10.15838/tdi.2022.2.62.9>
- [8] *Bedrina E. B., Kozlova O. A., Ishukov A. A.* Methodology Aspects in Estimating Commuting of the Population // Ars Administrandi. 2018. Vol. 10. No. 4. P. 631–648. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-4-631-648>
- [9] *Green A. E., Hogarth T., Shackleton R. E.* Longer Distance Commuting as a Substitute for Migration in Britain: A Review of Trends, Issues and Implications // International journal of population geography. 1999. No. 5. P. 49-67.
- [10] *Zelinsky W.* The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. No. 61. Pp. 219–249.
- [11] *Ivakhnyuk I. V.* Development of the migration theory in the context of globalization // Age of globalization. 2015. No. 1. P. 36-51.

Информация об авторах

Калачикова Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, ведущий научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0003-4681-4344>; (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Соколова Анастасия Алексеевна — младший научный сотрудник отдела уровня и образа жизни населения, аспирант Вологодского научного центра Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0001-5434-8094> (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru)

About the authors

Olga N. Kalachikova — Cand. Sci. (Econ.), Deputy Director for Research, Head of Department, Leading Research Associate, Vologda Scientific Center of RAS; <https://orcid.org/0000-0003-4681-4344> (56A, Gorkogo St., Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru).

Anastasia A. Sokolova — Research Assistant, Department for the Studies of Lifestyles and Standards of Living, PhD student, Vologda Scientific Center of RAS, <https://orcid.org/0000-0001-5434-8094> (56A, Gorkogo St., Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-3-8>

УДК 911.3, 913, 314.1

JEL classification: J11, O15, R23

ОБЩИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ МИГРАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В КАЛИНИНГРАДСКУЮ ОБЛАСТЬ¹

Ю. Ю. Фарафонова^а, А. В. Лялина^б, К. Ю. Волошенко^в, А. А. Новикова^г

^{а, б, в, г} Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0002-5996-1557>

^б <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

^в <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

^г <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

Автор для корреспонденции: А. В. Лялина (anuta-mazova@mail.ru)

Аннотация. В последние годы в связи с возросшей нагрузкой на сектор здравоохранения во всем мире остро встал вопрос привлечения и удержания медицинских кадров. Калининградская область не является исключением, несмотря на в целом благоприятную миграционную обстановку и существующие меры поддержки приезжих. В работе выдвинута гипотеза о неполном соответствии таких мер потребностям специалистов и недостаточном учете профессиональных мотивов миграции. Целью исследования является изучение мотивации медработников к переезду в область из других регионов России и проблем их адаптации на рынке труда. Анализ проведенных полуструктурированных интервью показал, что профессиональные мотивы не являлись ключевыми при принятии решения о переезде, важнее были общие факторы притяжения региона. Однако меры по поддержке медицинских кадров недостаточно эффективны, в т. ч. в связи с недостаточным вниманием к проблеме профессиональной адаптации. В работе предложен ряд рекомендаций по модернизации существующих мер, которые могут быть использованы при разработке механизмов региональной миграционной политики.

Ключевые слова: межрегиональная миграция; медицина; профессионалы; причины миграции; Калининградская область

General and Professional Reasons for the Migration of Healthcare Workers to Kaliningrad Oblast

Yu. Yu. Farafonova^а, A. V. Lialina^б, K. Yu. Voloshenko^в, A. A. Novikova^г

^{а, б, в, г} Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-5996-1557>

^б <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

^в <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

^г <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

Corresponding author: A. V. Lialina (anuta-mazova@mail.ru)

Abstract. In recent years, attracting and retaining medical personnel has become a crucial issue worldwide due to the increased pressure on the healthcare sector. Kaliningrad oblast is no exception, despite the generally favourable migration situation and provided support measures. It is hypothesised that the existing support does not fully address the needs of healthcare workers and lacks regard for the professional factors of their migration. The study investigates the factors influencing the decision of healthcare workers to move to Kaliningrad oblast from other Russian regions and the problems of their adaptation to the local labour market. The analysis of semi-structured interviews shows that professional factors were

¹ © Фарафонова Ю. Ю., Лялина А. В., Волошенко К. Ю., Новикова А. А. Текст. 2023.

less important than the region's general pull factors. However, the current support measures for medical personnel are not effective enough, including due to insufficient consideration for their professional adaptation. The paper provides recommendations to enhance existing support, which can be used to design regional migration policy mechanisms.

Keywords: internal migration; healthcare; professionals; causes of migration; Kaliningrad oblast

Введение

Калининградская область на протяжении последних десяти лет динамично наращивала интенсивность миграционных процессов, что было обусловлено не только модернизацией учета постоянных мигрантов в 2011 г.¹, но и качественными изменениями в структуре самих потоков и мотивах к миграции, трансформацией внешних и внутренних условий развития региона и страны в целом. Миграционный прирост населения, который полностью компенсирует естественную убыль населения, за 2011–2021 гг. суммарно составил 108 тыс. чел., за 2000–2010 гг. — 43 тыс. чел. По данным за 2021 г. сальдо миграции в регионе достигло исторического максимума (за период современной России) — 16 чел. на 1000 населения (5-е место среди регионов РФ)². Возрастно-половая структура прибывающих мигрантов благоприятствует социально-экономическому развитию региона — более половины прибывающих в и выбывающих из региона мигрантов относятся к категории молодежи в возрасте 15–39 лет [1]. Образовательная структура нетто-миграции в целом способствует повышению образовательного уровня населения Калининградской области. Так, доля лиц с высшим образованием среди мигрантов в 2011–2020 гг. превышала их удельный вес среди населения региона старше 15 лет, согласно данным переписи ВПН-2010 — 40 % против 28 %.

Но несмотря на выгоды складывающейся миграционной обстановки регион продолжает испытывать структурные несоответствия между спросом и предложением рабочей силы. Для сферы здравоохранения эта проблема в значительной степени обострилась в период наивысшей миграционной активности региона — в течение периода распространения пандемии COVID-19, когда в отрасли наблюдалось выбытие части персонала [2]. В сфере здравоохранения требуется, по разным оценкам (Минздрав³, Центр занятости населения), от 900 до 1200 специалистов. Решению данной проблемы должны способствовать модернизация системы образования в регионе с целью повышения степени удовлетворения потребности в кадрах и реализация активной миграционной политики по созданию условий для привлечения наиболее востребованных специалистов и повышения адаптации остальных. Сфера здравоохранения, выступая отраслью государственного регулирования и управления, обладает существенным потенциалом для применения селективных мер миграционной политики. Под таковыми понимаются меры, направленные на включение в миграционный поток востребованных в регионе специалистов определенного профессионально-квалификационного состава и создание условий для повышения эффективности

¹ В 2011 г. были внесены изменения в систему учета постоянных мигрантов, учитывающие временно пребывающих в стране сроком более 9 месяцев. Изменения сказались на увеличении числа прибытий и выбытий, прежде всего, международных мигрантов.

² Численность и миграция населения России в 2021 г. Стат. бюлл. Москва: Росстат, 2022.

³ «Куда деть того, кто работает плохо?»: Кравченко — о нехватке медицинских кадров в регионе // Новый Калининград.Ру. Информационный портал. 10.02.2022. https://www.newkaliningrad.ru/news/community/24032870-kuda-det-togo-kto-rabotaet-plokho-kravchenko-o-nekhvatke-meditsinskikh-kadrov-v-regione.html?from=bottom_main_page (дата обращения: 15.02.2022).

Рис. Среднесписочная численность работников организаций здравоохранения в Калининградской области, 2017–2021 гг. (источник: Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций с 2017 г. / ЕМИСС. 2022. <https://fedstat.ru/indicator/58699> (дата обращения: 26.11.2022))

интеграции на рынке труда лиц, которые потенциально могут испытывать трудности или разочарования по причине низкой осведомленности о регионе, возможностях трудоустройства или проживания [1].

Согласно данным Росстата, в сфере здравоохранения Калининградской области сегодня занято около 27 тыс. чел., или 9 % от среднесписочной численности работников организаций региона. Численность сотрудников в отрасли за последние пять лет увеличилась на фоне возрастания потребности в кадрах в условиях борьбы с пандемией COVID-19, однако уже в 2021 г. наметилось снижение. При этом наращивание мощностей происходило в основном в частном секторе, а не в государственном (рис.).

Отдельного внимания заслуживают проблемы удовлетворения потребности в кадрах на муниципальном уровне. Наиболее острая ситуация складывается в муниципалитетах восточной периферийной части области, где миграционная обстановка характеризуется устойчивым оттоком населения, наиболее интенсивным в молодом (15–17 лет) и трудоспособном возрастах [3–4]. Низкая миграционная привлекательность территории препятствует процессам привлечения и закрепления наиболее востребованных кадров.

Для решения обозначенных проблем в Калининградской области реализуются следующие федеральные программы: «Земский доктор» и «Земский фельдшер», Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. Указанные меры ориентированы, главным образом, на решение общих вопросов по сокращению издержек на переезд и обеспечение востребованных специалистов жильем и достойным уровнем оплаты труда. С 2023 г. Правительством РФ также установлены специальные социальные выплаты отдельным категориям медиков в размере от 4,5 тыс. руб. до 18,5 тыс. руб.¹

¹Постановление Правительства РФ от 31 дек. 2022 г. № 2568. Доступ из справочно-правовой системы

Для медицинских работников, кроме обозначенных выше «программных» механизмов, предусмотрены региональные меры поддержки. К ним относятся субсидии молодым медицинским работникам на увеличение первоначального взноса по ипотеке (но не более 30 % от стоимости жилого помещения), компенсация расходов на оплату найма жилого помещения (до 6 мес., 15 тыс. руб.), софинансирование молодым медицинским работникам процентной ставки по ипотеке, что дает возможность получить ипотечный кредит по ставке до 5,75–6,5 % годовых, субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг малообеспеченным медицинским работникам, предоставление служебных жилых помещений, жилищный сертификат в размере 2 млн руб. нуждающимся в жилье (с января 2023 г.). Предусмотрены также денежные выплаты при первом трудоустройстве в организации региона (от 150 до 1800 тыс. руб.), единовременная выплата при трудоустройстве после окончания целевой ординатуры (200 тыс. руб.), дополнительная стипендия обучающимся по договорам о целевом обучении по программам специалитета (2 тыс. руб.) и ординатуры (5 тыс. руб.), возмещение стоимости обучения по остродефицитным специальностям (СПО и ординатура). Госучреждениями могут устанавливаться дополнительные выплаты, в т. ч. ежемесячные надбавки к окладу молодым врачам-специалистам из числа мигрантов, единовременное пособие в размере двух должностных окладов и единовременное пособие на каждого прибывающего с ним члена его семьи в размере половины должностного оклада, подъемные выплаты на переезд и провоз багаж. Кроме того, вновь прибывшим специалистам предлагаются содействие в устройстве детей в дошкольные образовательные учреждения, сопровождение процесса трудоустройства родственников, помощь в оформлении необходимых для трудоустройства документов. Действуют также дополнительные льготы по найму жилья или земельных участков в Гусевском и Светлогорском муниципалитетах

Несмотря на существующую поддержку отрасли, кадровая потребность остается высокой, что свидетельствует о том, что действующие меры недостаточно эффективны. Так, по данным Минздрава Калининградской области за десять лет, начиная с 2012 г., участниками федеральных «земских» программ стали 174 специалиста, в 2022 г. — 38 чел.¹ Субсидией на первоначальный взнос за период с 2015–2022 гг. воспользовались 147 молодых специалистов. Поэтому гипотеза исследования состоит в том, что недостаточная эффективность мер обусловлена неполным их соответствием потребностям привлекаемых специалистов, т. е. они слабо учитывают высокое значение для миграции и адаптации таких специалистов профессиональных мотивов. Поэтому целью настоящего исследования стало изучение мотивации медицинских работников к переезду в Калининградскую область из других регионов России и проблем их адаптации на рынке труда.

Теоретический обзор

Решение о переезде в Калининградскую область жители других регионов России принимают под влиянием разнообразных факторов. Зачастую решение о переезде принимается по причинам личного и семейного характера [5, с. 95; 3, с. 195], например, в связи с переездом родителей [3, с. 210] или знакомых и родственников, вслед

«Консультант Плюс».

¹ За десять лет в регионе участниками «земских» программ стали 174 медика // Новый Калининград.Ru. Информационный портал 12.02.2022. <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24032950-zadesyat-let-v-regione-uchastnikami-zemskikh-programm-stali-174-medika.html> (дата обращения: 15.02.2022).

за которыми переезжает вся семья [6, с. 18]. Нередко решение о переезде принимается под влиянием позитивного опыта посещения региона в предыдущие годы [6, с. 19–20].

В период большей внешнеполитической стабильности на западных контурах государственной границы и до начала пандемии COVID-19 приграничное положение Калининградской области определяло привлекательность региона возможностями выезда в страны ЕС как в целях отдыха, так и работы [6, с. 24]. В современных условиях область лишилась этого конкурентного преимущества. Однако оно было не единственным. Так, для людей старше 35 лет большую значимость имеют общие благоприятные условия проживания: приморское расположение региона, благоприятные природно-климатические условия и хорошая экологическая обстановка, историко-культурное наследие, уровень развития инфраструктуры, образ современного «европейского» города, спокойный ритм жизни (относительно столичных регионов) [6, с. 18]. Вероятно, поэтому старшие возрастные группы также склонны выбирать регион как лучший вариант для жизни своих детей [6, с. 18].

Вопрос мотивации миграции профессионалов в регион до сих пор не изучался. В то же время исследователями подчеркивается, что в данном случае имеет место профессиональная специфика [7]. Так, согласно [7], при принятии решения сменить работу во всех регионах мира специалисты отрасли здравоохранения руководствуются в первую очередь привлекательной заработной платой, а также возможностью поддерживать баланс между работой и личной жизнью, гарантией занятости и благоприятной обстановкой на работе, возможностями для развития. Наименее значимыми являются доступ к новейшим технологиям, возможность приносить пользу обществу и интересное содержание работы.

В ряде исследований, посвященных утечке мозгов и дефициту персонала в медицине в развивающихся странах, где эта проблема наиболее актуальна, указываются те же факторы притяжения медперсонала при выборе нового места жительства: возможности трудоустройства, более высокая зарплата и семейные связи в стране назначения, желание предоставить возможности более высокого уровня жизни для себя и своих детей [8–12]. Среди выталкивающих факторов, которые следует принимать во внимание в целях удержания местных и приезжих работников, выделяют отсутствие возможностей для трудоустройства, низкую заработную плату, отсутствие возможностей для развития, неуважение к профессии, социально-политические факторы [8, 10, 13–17]. Кроме того, врачи называют и необходимость поддерживать баланс между личной жизнью и работой [18]. Проблема оттока медицинских работников актуальна и для развитых стран, при этом профессиональными триггерами для переезда становятся получение информации о новых возможностях (от рекрутеров и коллег), ограничения в развитии карьеры, чрезмерная нагрузка — причина выгорания и невозможности участвовать полноценно в жизни семьи; к персональным же триггерам относят, в частности, финансовые вопросы (например, отсутствие возможности приобрести собственное жилье)¹. В России решение о миграции медики принимают под влиянием практически той же совокупности факторов, что и за рубежом — материальных и нематериальных [19–20]. К материальным относятся эффективный контракт, система доплат, возможности карьерного роста; к нематериальным — стремление помогать людям, возможность профессионально развиваться, условия

¹ Understanding doctors' decisions to migrate from the UK. GMC. 2021. https://www.gmc-uk.org/-/media/documents/migration-decisions-research-report_pdf-94525731.pdf.

работы (включая, внутреннюю мотивацию и отношения в коллективе, субкультуру в медицинском учреждении, усталость, эмоциональное выгорание, недовольство пациентов).

Влияние на выбор новой страны проживания медицинскими работниками во многом оказывает национальная миграционная политика, например, визовые требования, балльно-рейтинговая система, постоянное проживание [21]. Поскольку на внутристрановом уровне подобные механизмы миграционной политики неприменимы, при разработке институциональных механизмов [22–23] необходимо учитывать иные факторы, влияющие на принятие решение медработников при переезде. Это не только финансовые мотивы (хотя они, безусловно, важны), но также, например, местная идентичность, общий уровень жизни на новом месте жительства [24], возможности для развития, наличие личных связей в новом сообществе [25]. Кроме того, необходимо принимать во внимание местные специфические региональные факторы притяжения и выталкивания [26].

Методы и материалы

В исследовании использованы данные проведенных в августе-сентябре 2022 г. 13 полуструктурированных интервью с работниками системы здравоохранения Калининградской области (приложение 1). Десять специалистов являются наемными работниками, переехавшими в регион — врачами, медсестрами, рентген-лаборантами, два специалиста представляли работодателей (заведующая отделением государственной клиники, руководитель частной клиники), один респондент представлял профсоюз работников здравоохранения. Данный метод был выбран в связи с особенностями целевой обследуемой аудитории и комплексностью предмета исследования. Новизна исследуемой проблемы, наличие большого числа узкопрофессиональных особенностей отрасли здравоохранения, которые влияют на формирование трудовых и миграционных стратегий специалистов отрасли, требуют применения именно качественных методов. В то же время требовалось структурировать собираемую от респондентов информацию в соответствии с определенным кругом исследовательских задач, что и обусловило выбор формата полуструктурированного интервью.

Разработанный гайд содержал базовую (вопросы о времени и причинах переезда в регион, уровне образования и квалификации, профессиональных изменениях, ожиданиях и удовлетворенности сменой места жительства, финансовом положении и т. д.) и специальную части (вопросы о профессиональных факторах притяжения и мерах поддержки мигрантов).

Поиск респондентов осуществлялся «методом снежного кома». Все интервью фиксировались в письменном виде и с согласия респондентов дублировались при помощи аудиозаписи.

Результаты исследования

Исследование показало, что основными причинами переезда работников здравоохранения в Калининградскую область являются общие хорошо известные факторы притяжения региона — природно-климатическая и экологическая привлекательность, историко-культурный образ региона, близость к Европе, а также семейные обстоятельства.

Респондент 2: «...У нас там (прим. — в Хакасии) экологическая катастрофа, ..., обстановка, которая очень плохо влияет на здоровье, оставаться там было уже невозможно — либо онкология легких, либо нужно было что-то решать».

Респондент 4: «Несмотря на то, что наш город (прим. — Новосибирск) — третий по величине, в нем я не вижу для себя будущего и перспектив. Это не было профессиональным перемещением, а скорее, связано с социальными проблемами. Город не развивается... Мы же все хотим жить в комфорте, уюте... поэтому выбираешь другой город и переезжаешь».

Трое респондентов не выбрали Калининградскую область в качестве места постоянного проживания, переехали сюда вслед за супругом.

Респондент 3: «Муж родом из Калининграда, решил жить на малой родине, последовала за ним».

Респондент 9: «Муж — калининградец, приехал сюда после окончания ординатуры по целевому направлению».

Респондент 10: «Муж — военный, был распределен в Калининград». Следует отметить, что еще для двоих респондентов выбор региона также связан с семейными обстоятельствами. Так, для респондента 5 важен был климат региона в связи с болезнью мужа (псориаз), а также близость (по сравнению с Нижневартковском) к родственникам, проживающим в Украине.

Наличие семейных и дружеских связей в регионе дало возможность еще трем респондентам познакомиться с ним, чтобы в последующем принять решение о переезде.

Профессиональные мотивы практически не рассматривались мигрантами. Вероятно, условия работы (заработная плата, интенсивность труда, возможности роста, профессиональное сообщество) принимались ими за равные в регионах России.

Лишь для одного респондента важную роль сыграли меры поддержки.

Респондент 6: «Увидела, что область предоставляет меры поддержки, выплату подъемных, приняла решение переехать (прим. — из Перми) и переучиться на рентген-лаборанта, один, отработав 7,5 лет, иметь возможность выйти на пенсию и жить у моря».

Еще один респондент указал, что в работе врача материальные стимулы не играют большой роли, поскольку врач — это призвание. Такой подход, на наш взгляд, объясняется отсутствием необходимости финансового обеспечения семьи со стороны медицинского работника вследствие основной нагрузки на других членов семьи.

Респондент 1: «Даже если меня не стимулировать, свои должностные обязанности буду выполнять так, как нужно... Если меня материально стимулировать, то это даст только хорошее настроение... Я хуже работать не стану...».

Однако такие представления в ряде случаев оказались ложными, и подавляющая часть респондентов высказала разочарование от работы в сфере здравоохранения в регионе, сравнивая их с условиями на прежнем месте работы. В основном они связаны с уровнем оплаты труда в отрасли и возможностями для карьерного роста. Здесь респондентами подчеркивались следующие проблемы:

- зарплата медицинских работников в регионе значительно ниже, чем в регионе их прежнего проживания (особенно при сравнении частной и государственной медицины);

- зарплата врачей ниже, чем других, менее квалифицированных работников в других отраслях;

- высокая вариативность оплаты труда медицинского персонала внутри отрасли.

Проблемы с неудовлетворительным уровнем оплаты труда сопровождаются сложностями с высокими ценами на товары и услуги в регионе (аренда и покупка недвижимости, продовольственные и непродовольственные товары), что ведет к сокращению финансового благополучия мигрантов при переезде и стимулирует отток специалистов из региона.

Респондент 1: *«Когда видишь объявление, что врач-нарколог с окладом 20 тыс. руб., а тут же разносчик пиццы с окладом 26 тыс. руб., уже создается (прим.: негативное) впечатление ... Был пример — приехали врачи-хирурги в частную клинику. Увидели, что проктология идет, прошли смоленские курсы и быстро переквалифицировались: проктологи, урологи и др. ... Есть другой пример — молодой специалист, 32 года, уехал из Калининграда в Москву, там получает в 3 раза больше. Как узнал о вакансии, поспекал с двумя чемоданами вприпрыжку. Работает в государственном медучреждении — очень счастлив».*

Респондент 2: *«В Сибири в принципе больше оплата за счет доплаты 60 % к окладу, плюс поощрения от начальства ... Там доплаты распределялись как-то более справедливо. ... Здесь больше заработок учреждения, чем там, но отношение руководства другое к врачам. ... Здесь стимулирующие фиксированные — копейки, которые ни от чего не зависят. Ты можешь работать или не работать вовсе».*

Те респонденты, у которых уровень оплаты труда вырос, отметили, что он был достигнут в результате повышения квалификации и наработки стажа, а также значительной нагрузки, которая, по мнению опрошенных, не всегда соответствует оплате труда. Необходимость совмещения нескольких ставок, напряженный рабочий график приводят к значительной усталости от работы и профессиональному выгоранию специалистов и зачастую нивелируют трудовой энтузиазм мигрантов на новом рабочем месте.

Респондент 9: *«Муж (тоже врач) уволился, уехал в Москву работать, здесь от 30 тыс. до 40 тыс. рублей на ставку, если больше работаешь, максимум — 80 тыс., но это значит, что дома не бываешь».*

Значительную трудность для медицинских работников представляют высокие цены на аренду или покупку жилья в регионе. Ряд опрошенных или уже воспользовались мерами социальной поддержки, или планируют это сделать, собирая в настоящий момент необходимый пакет документов (в основном это подъемные выплаты и компенсация аренды).

При этом ряд респондентов отмечает, что существующие меры поддержки не являются достаточно эффективными, даже если удастся ими воспользоваться.

Респондент 7: *«Что делать после этих 6 месяцев (прим.: компенсации аренды жилого помещения)? Прожить на зарплату можно, если имеешь свое жилье или социальный найм. Сейчас вся зарплату уходит на аренду».*

Респондент 1: *«У меня доктор знакомый, она сюда переехала, ей дали подъемные, она должна работать 5 лет... Как кабала!».*

Респондент 4: *«Если тем же врачам платить заработную плату от 60 тыс. рублей, они пойдут работать. А если зарплата всего 25 тыс. рублей, то не пойдут, даже если Вы им сделаете подъемные 2 млн рублей. Он 5 лет отработает и уйдет. Точно также и с медсестрами».*

Респондент 8: *«Добилась софинансирования заработной платы от Минздрава (прим.: регионального) — в первый год зарплата выше, 50 тыс. рублей, но через год снова будет 35 тыс. рублей».*

О необходимости предоставления служебных жилых помещений заявило 5 респондентов, при этом никто из них не смог его получить.

Респондент 8: *«Просили служебное жилье на время, пока не продадим свою квартиру, писали по всем инстанциям ... в ответ тишина».*

Респонденты отмечали, что несмотря на помощь с получением ипотеки и компенсацией первоначального взноса, при текущем уровне заработной платы и стоимости жилья в некоторых населенных пунктах региона (например, г. Зеленоградск, г. Калининград) накопить оставшуюся сумму на первоначальный взнос и погашение оставшейся суммы и процентов не представляется возможным.

Заключение

Результаты исследования показали частичную несостоятельность заявленной гипотезы, а именно, отсутствие обусловленности миграции медицинских специалистов в Калининградскую область причинами профессионального характера. Как и для других категорий мигрантов, для представителей сферы здравоохранения ключевую роль играют факторы выталкивания из регионов прежнего проживания (природные, экологические) и традиционные (общие) факторы притяжения Калининградского региона (близость моря, мягкий климат, благоприятная экологическая обстановка, комфорт городской среды), а также личные причины. Поэтому акцент на продвижение региона как комфортного места для проживания представляется обоснованным и актуальным. Вторая часть гипотезы, напротив, получила подтверждение. Эффективность мер поддержки медицинских работников в регионе остается недостаточно высокой, в т. ч. по причине недоучета проблем профессиональной адаптации мигрантов. Среди наиболее значимых негативных последствий переезда респонденты выделяли низкий уровень заработной платы по сравнению с другими регионами (особенно столичным или регионами, где установлены северные надбавки) либо по сравнению с расходами в регионе, отсутствие заинтересованности работодателей в работнике. Это, в свою очередь, приводит к невозможности поддерживать финансовое благополучие и баланс между работой и личной жизнью, поскольку для того, чтобы обеспечить себя и семью, врачам приходится работать на несколько ставок, что приводит к профессиональному выгоранию.

Учитывая это, а также невысокие показатели эффективности реализации мер по привлечению и поддержке медицинских кадров в регионе, целесообразной представляется их модернизация с акцентом на следующие ключевые вопросы. Во-первых, повышение уровня оплаты труда медицинских работников за счет региональных надбавок представляется более эффективной мерой, чем предоставление подъемных, поскольку их уровень недостаточен для покупки собственного жилья, особенно учитывая значительный рост цен на недвижимость, наблюдавшийся в регионе в 2020–2021 гг. Решение вопроса обеспечения достойного уровня оплаты труда в отрасли могло бы повысить спрос на работу в государственной медицине, в том числе и среди местных жителей, особенно по наиболее массовым и дефицитным, но в то же время не требующим узкой специализации профессиям (врач-терапевт, врач-педиатр). Во-вторых, компенсация расходов на аренду жилья предполагается лишь в течение полугода, а в дальнейшем оплата аренды становится для медработников затруднительной. В связи с этим еще одной важной мерой поддержки могло бы стать предоставление служебного жилья с возможностью выкупа. Эта мера позволила бы удержать специалистов в регионе, в отличие от единовременной выплаты

субсидии, которая накладывает обязательство отработать после ее получения 4–5 лет по договору. В-третьих, меры, направленные на привлечение специалистов (подъемные), на наш взгляд, должны быть дифференцированы и ориентированы, в первую очередь, на остродефицитных специалистов (например, онкологов). Точечное привлечение таких профессионалов может стать более качественным и включать более экономически выгодные для мигранта условия за счет сужения числа потенциальных заявителей на поддержку, с учетом выполнения мер по удовлетворению кадрового голода на более массовые медицинские профессии со стороны местного сообщества (выпускников местного вуза). В-четвертых, целесообразным представляется привлекать молодых специалистов по наиболее массовым профессиям на этапе обучения в медицинских вузах ближайших регионов (Смоленской области, например). В-пятых, вопросы нехватки медицинских работников в сельской местности могут быть частично решены посредством целевого обучения абитуриентов из сельской местности, которые более склонны к проживанию и осуществлению трудовой деятельности там.

Приложение 1

Респондент 1 — Елена, 58 лет, медсестра.

Респондент 2 — Кристина, 32 лет, врач-нарколог.

Респондент 3 — Анна, 44 лет, врач-гинеколог.

Респондент 4 — Лилия, 42 лет, медсестра.

Респондент 5 — Людмила, 42 лет, дерматовенеролог.

Респондент 6 — Елена, 49 лет, медсестра.

Респондент 7 — Светлана, 55 лет, рентген-лаборант.

Респондент 8 — Софья, 49 лет, акушер-гинеколог.

Респондент 9 — Елена, врач-педиатр.

Респондент 10 — Анастасия, 35 лет, акушер-гинеколог.

Респондент 11 — Валерия, 56 лет, директор частной клиники.

Респондент 12 — Евгения, 37 лет, заведующая отделением районной больницы.

Респондент 13 — Ирина, председатель Профсоюза работников здравоохранения.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-27-20064, <https://rscf.ru/project/22-27-20064>.

Acknowledgements

The research was supported by grant no. 22-27-20064 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/22-27-20064>.

Список источников

[1] Волошенко К. Ю., Лялина А. В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 102-128. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>.

[2] Емельянова Л. Л., Лялина А. В. Рынок труда эксклавной Калининградской области в условиях пандемии COVID-19 // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 61-82. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4>.

[3] Лялина А. В., Тарасова И. Н., Федорова Г. М. Миграционные процессы в Юго-Восточной Прибалтике // Калининградская область в новых координатах балтийской геополитики. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. С. 189-220.

- [4] Лялина А. В. Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 73–84. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-4-6>.
- [5] Зимовина Е. П., Щекотуров А. В., Кришталь М. И. Пространственная мобильность и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2020. № 2. С. 86–105. (Сер. Гуманитарные и общественные науки).
- [6] Медиаобразы Калининградской области и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов / А. В. Щекотуров, В. В. Винокуров, Е. П. Зимовина, М. И. Кришталь. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. 84 с.
- [7] Employer brand research 2021, Global healthcare professions report. Randstad. 2021. <https://workforceinsights.randstad.com/hubfs/REBR%202021/Randstad-Employer-Brand-Research-Global-Healthcare-Professions-Report-2021.pdf> (accessed on 15.01.23).
- [8] Nair M., Webster P. Health professionals' migration in emerging market economies: patterns, causes and possible solutions // Journal of Public Health. 2013. Vol. 35, No. 1. P. 157–163. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fds087>.
- [9] Domagała A., Kulbat A., Parzonka K. Emigration from the perspective of Polish health professionals — insights from a qualitative study // Frontiers in Public Health. 2022. Vol. 10. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.1075728>.
- [10] Factors influencing the migration of Iranian healthcare professionals: A qualitative study / H. Asadi, B. Ahmadi, S. Nejat, A. Akbari Sari, A. Garavand, A. Almasian Kia, M. Hasoumi // PLoS ONE. 2018. No. 13(6). e0199613. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0199613>.
- [11] Migration Intent of Health Care Workers during the COVID-19 Pandemic in Kosovo / N. Murataj, B. Sylja, Y. Krasniqi, S. Bahtiri, D. Bekaj, P. Beqiri, I. S. Hoxha // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2022. No. 19. 11122. <https://doi.org/10.3390/ijerph191711122>.
- [12] Factors Affecting Migration Intentions of Polish Physiotherapists and Students of Physiotherapy—A Cross-Sectional Study / D. Kostrzewa, J. Bonior, M. Polak, A. Domagała // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2022. No. 19. 14556. <https://doi.org/10.3390/ijerph192114556>.
- [13] Factors influencing the migration intention of health professionals in low and middle income countries: Critical review with a theoretical model / S. Hajian, S. Yazdani, M. Jadidifard, M.H. Khoshnevisan // Journal of Contemporary Medical Sciences. 2020. No. 6(6). P. 256–261. <https://doi.org/10.22317/jcms.v6i6.897>.
- [14] Keeping nurses in nursing: a qualitative study of German nurses' perceptions of push and pull factors to leave or stay in the profession / C. Roth, M. Wensing, A. Breckner, C. Mahler, K. Krug, S. Berger // BMC Nursing. 2022. No. 21. 48. <https://doi.org/10.1186/s12912-022-00822-4>.
- [15] The COVID-19 pandemic and health workforce brain drain in Nigeria / L. Lawal, A. O. Lawal, O. P. Amosu et al. // International Journal for Equity in Health. 2022. No. 21. 174. <https://doi.org/10.1186/s12939-022-01789-z>.
- [16] Factors influencing the migration intention of health professionals in low and middle income countries: Critical review with a theoretical model / S. Hajian, Sh. Yazdani, M.-P. Jadidifard, M.H. Khoshnevisan // Journal of Contemporary Medical Sciences. 2020. No. 6. <https://doi.org/10.22317/jcms.v6i6.897>.
- [17] Health Workers Perception and Migration in the Caribbean Region. Department of Health System and Services (HSS) Pan American Health Organization / Regional Office of the World Health Organization. 2019. <https://www.paho.org/en/file/120613/download?token=UEobX6wX> (accessed on: 11.01.2023)
- [18] Simard M. Retention and departure factors influencing highly skilled immigrants in rural areas: Medical professionals in Québec, Canada // International migration and rural areas — Cross

national comparative perspectives / ed. by B. Jentsch, M. Simard. Williston VT, Ashgate, 2009. P. 43-73.

[19] *Андреева Е. А., Карачурина Л. Б.* Стратегии миграции врачей в периферийные муниципальные образования (на примере Тверской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 316–338. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1725>.

[20] *Чурикова А.Е.* О полимотивации врачей: уроки реформ // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 6–26. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-3-6-26>

[21] Medical brain drain: How many, where and why? / E. Adovor, M. Czaika, F. Docquier, Y. Moullan // Journal of Health Economics. 2021. Vol. 76, 102409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1725>.

[22] *Zhou J., Chi-Man Hui E.* Housing prices, migration, and self-selection of migrants in China // Habitat International. 2022. No. 119. P. 43-73. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2021.102479>.

[23] *Tolksdorf K. H., Tischler U., Heinrichs K.* Correlates of turnover intention among nursing staff in the COVID-19 pandemic: a systematic review // BMC Nursing. 2022. No. 21(1). 174. <https://doi.org/10.1186/s12912-022-00949-4>.

[24] The migration of health care professionals from Hungary — global flows and local responses / L. Boros, G. Dudás, Z. Ilcsikné Makra, C. Morar, V. Pál // Deturope. 2022. No. 14(1). P. 164-188.

[25] Health-care worker retention in post-conflict settings: a systematic literature review / T. K. Lin, K. Werner, M. Kak, Ch. H. Herbst // Health Policy and Planning. 2023. Vol. 38, No. 1. P. 109–121. <https://doi.org/10.1093/heapol/czac090>.

[26] *Nair M., Webster P.* Health professionals' migration in emerging market economies: patterns, causes and possible solutions // Journal of Public Health. 2013. Vol. 35, No. 1. P. 157–163. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fds087>.

References

[1] *Voloshenko K. Yu., Lialina A. V.* Attractiveness of the Kaliningrad region: pull factors and reasons of disappointments of migrants from Russian regions // The Baltic region. 2022. No. 14(3). P. 102-128. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>.

[2] *Yemelyanova L. L., Lyalina A. V.* The labour market of Russia's Kaliningrad exclave amid Covid-19 // The Baltic region. 2020. No. 12(4). P. 61-82. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4>.

[3] *Lialina A. V.* Migration processes in the South-East Baltic // Kaliningrad region in the new coordinates of the Baltic geopolitics / ed. by I. N. Tarasov, G. M. Fedorov. Kaliningrad: IKBFU Press, 2020. P. 189-220.

[4] *Lyalina A. V.* The role of migration in the demographic development of the Kaliningrad region // Regional studies. 2019. No. 4. P. 73–84. (<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-4-6>).

[5] *Zimovna E. P., Shchekoturov A. V., Krshtal M. I.* Mobility and migration intentions of the Reform Generation and Millennials of the Kaliningrad region // IKBFU's Vestnik. The humanities and social science. 2020. No. 2. P. 86-105.

[6] Media images of the Kaliningrad region and migration attitudes of the reform generation and millennials: monograph / A. V. Shchekoturov, V. V. Vinokurov, E. P. Zimovina, M. I. Krishtal. Kaliningrad. IKBFU Press, 2022. 84 p.

[7] Employer brand research 2021, Global healthcare professions report. Randstad. 2021. <https://workforceinsights.randstad.com/hubfs/REBR%202021/Randstad-Employer-Brand-Research-Global-Healthcare-Professions-Report-2021.pdf> (accessed on: 15.01.23).

- [8] *Nair M., Webster P.* Health professionals' migration in emerging market economies: patterns, causes and possible solutions // *Journal of Public Health*. 2013. Vol. 35, No. 1. P. 157–163. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fds087>.
- [9] *Domagała A, Kulbat A, Parzonka K.* Emigration from the perspective of Polish health professionals — insights from a qualitative study // *Frontiers in Public Health*. 2022. Vol. 10. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.1075728>.
- [10] Factors influencing the migration of Iranian healthcare professionals: A qualitative study / *H. Asadi, B. Ahmadi, S. Nejat, A. Akbari Sari, A. Garavand, A. Almasian Kia, M. Hasoumi* // *PLoS ONE*. 2018. No. 13(6). e0199613. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0199613>.
- [11] Migration Intent of Health Care Workers during the COVID-19 Pandemic in Kosovo / *N. Murataj, B. Sylja, Y. Krasniqi, S. Bahtiri, D. Bekaj, P. Beqiri, I. S. Hoxha* // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2022. No. 19. 11122. <https://doi.org/10.3390/ijerph191711122>.
- [12] Factors Affecting Migration Intentions of Polish Physiotherapists and Students of Physiotherapy—A Cross-Sectional Study / *D. Kostrzewa, J. Bonior, M. Polak, A. Domagała* // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2022. No. 19. 14556. <https://doi.org/10.3390/ijerph192114556>.
- [13] Factors influencing the migration intention of health professionals in low and middle income countries: Critical review with a theoretical model / *S. Hajian, S. Yazdani, M. Jadidifard, M. H. Khoshnevisan* // *Journal of Contemporary Medical Sciences*. 2020. No. 6(6). P. 256–261. <https://doi.org/10.22317/jcms.v6i6.897>.
- [14] Keeping nurses in nursing: a qualitative study of German nurses' perceptions of push and pull factors to leave or stay in the profession / *C. Roth, M. Wensing, A. Breckner, C. Mahler, K. Krug, S. Berger* // *BMC Nursing*. 2022. No. 21. 48. <https://doi.org/10.1186/s12912-022-00822-4>.
- [15] The COVID-19 pandemic and health workforce brain drain in Nigeria / *L. Lawal, A. O. Lawal, O. P. Amosu et al.* // *International Journal for Equity in Health*. 2022. No. 21. 174. <https://doi.org/10.1186/s12939-022-01789-z>.
- [16] Factors influencing the migration intention of health professionals in low and middle income countries: Critical review with a theoretical model / *S. Hajian, Sh. Yazdani, M.-P. Jadidifard, M.H. Khoshnevisan* // *Journal of Contemporary Medical Sciences*. 2020. No. 6. <https://doi.org/10.22317/jcms.v6i6.897>.
- [17] Health Workers Perception and Migration in the Caribbean Region. Department of Health System and Services (HSS) Pan American Health Organization / Regional Office of the World Health Organization. 2019. <https://www.paho.org/en/file/120613/download?token=UEobX6wX> (accessed on: 11.01.2023)
- [18] *Simard M.* Retention and departure factors influencing highly skilled immigrants in rural areas: Medical professionals in Québec, Canada // *International migration and rural areas—Cross national comparative perspectives* / ed. by B. Jentsch, M. Simard. Williston VT, Ashgate, 2009. P. 43–73.
- [19] *Andreeva E. A., Karachurina L. B.* Strategies for the Migration of Physicians to Remote and Rural Areas (on the example of Tver region) // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021. 3. P. 316–338. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1725>.
- [20] *Chirikova A. E.* On the Multiple Motivations of Physicians: Lessons from Reforms // *The Universe of Russia*. 2019. No. 28(3) P. 6–26. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-3-6-26>.
- [21] Medical brain drain: How many, where and why? / *E. Adovor, M. Czaika, F. Docquier, Y. Moullan* // *Journal of Health Economics*. 2021. Vol. 76, 102409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1725>.
- [22] *Zhou J., Chi-Man Hui E.* Housing prices, migration, and self-selection of migrants in China // *Habitat International*. 2022. No. 119. P. 43–73. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2021.102479>.

[23] *Tolksdorf K. H., Tischler U., Heinrichs K.* Correlates of turnover intention among nursing staff in the COVID-19 pandemic: a systematic review // *BMC Nursing*. 2022. No. 21(1). 174. <https://doi.org/10.1186/s12912-022-00949-4>.

[24] The migration of health care professionals from Hungary — global flows and local responses / *L. Boros, G. Dudás, Z. Ilcsikné Makra, C. Morar, V. Pál* // *Deturope*. 2022. No. 14(1). P. 164-188.

[25] Health-care worker retention in post-conflict settings: a systematic literature review / *T.K. Lin, K. Werner, M. Kak, Ch. H. Herbst* // *Health Policy and Planning*. 2023. Vol. 38, No. 1. P. 109–121. <https://doi.org/10.1093/heapol/czac090>.

[26] *Nair M., Webster P.* Health professionals' migration in emerging market economies: patterns, causes and possible solutions // *Journal of Public Health*. 2013. Vol. 35, No. 1. P. 157–163. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fds087>.

Информация об авторах

Фарафонова Юлия Юрьевна — старший преподаватель научно-образовательного кластера «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта; <https://orcid.org/0000-0002-5996-1557> (Российская Федерация, 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: ifarafonova@kantiana.ru).

Анна Валентиновна Лялина — кандидат географических наук, научный сотрудник центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X> (Российская Федерация, 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: anuta-mazova@mail.ru).

Ксения Юрьевна Волошенко — кандидат экономических наук, директор центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155> (Российская Федерация, 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: KVoloshenko@kantiana.ru).

Новикова Анна Александровна — старший преподаватель, соискатель, Калининградский Государственный технический университет; <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337> (Российская Федерация, 236039, г. Калининград, Мальный переулок, 32; e-mail: anna.novikova@klgtu.ru).

About the authors

Yulia Yu. Farafonova — Senior Lecturer, Management and Territory Development Institute of Educational and Research Cluster, Immanuel Kant Baltic Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-5996-1557> (14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russian Federation; e-mail: ifarafonova@kantiana.ru).

Anna V. Lialina — Cand. Sci. (Geogr.), Research Associate, Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X> (14, Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russian Federation; e-mail anuta-mazova@mail.ru).

Ksenia Yu. Voloshenko — Cand. Sci. (Econ.), Director, Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155> (14, Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russian Federation; e-mail: KVoloshenko@kantiana.ru).

Anna A. Novikova — Senior Lecturer, PhD Candidate, Kaliningrad State Technical University; <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337> (32, Maly Lane, Kaliningrad, 236039, Russian Federation; e-mail: anna.novikova@klgtu.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-3-9>

УДК 314.748

JEL classification: J1, J15

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ СМИ¹

С. С. Ходячих

МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва Россия). <https://orcid.org/0000-0002-9884-1427>

Автор для корреспонденции: С. С. Ходячих (seeregey@mail.ru)

Аннотация. *Статья посвящена проблеме восприятия обществом феномена международной миграции населения. В ней представлены результаты социологического исследования особенностей восприятия международной миграции населения из стран ближнего зарубежья на основе использования метода контент-анализа материалов СМИ и социальных медиа. В статье утверждается, что материалы в СМИ и социальных медиа способствуют формированию негативного образа иммигранта и способны поляризовать общество, что может негативно сказаться на социально-демографическом развитии России.*

Ключевые слова: международная миграция населения; иммигранты; контент-анализ; СМИ; социальные медиа

International Population Migration: Content Analysis of Media

S. S. Khodiachikh

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-9884-1427>

Corresponding author: S. S. Khodiachikh (seeregey@mail.ru)

Abstract. *The article examines the society's perception of the phenomenon of international migration. The paper describes the results of a sociological survey of the perception of international population migration from the near abroad countries based on the method of content analysis of mass and social media. It is argued that mass and social media promote a negative image of immigrants and can polarise society, which can have a negative impact on the socio-demographic development of Russia.*

Keywords: international population migration; migrants; content analysis; mass media; social media

Введение

Международная миграция населения является важным демографическим процессом для решения демографических проблем в современной России, однако влияние иммиграции населения на социально-демографическое развитие рассматривается исследователями неоднозначно. Наряду с положительными демографическими последствиями, международная миграция населения может иметь и негативные социальные последствия, так как возможно негативное восприятие иммигрантов принимающим сообществом, что, в свою очередь, может привести к массовому недовольству коренного населения, конфликтам и протестам.

Средства массовой информации активно участвуют в формировании мировоззрения современного человека, в построении субъективной картины социальной действительности. Изучение образа мигрантов у населения представляется нам актуальным, а оценка степени влияния средств массовой информации на этот образ — недостаточно изученной проблемой.

¹ © Ходячих С. С. Текст. 2023.

Целью исследования явилось определение направленности и характера информационных сообщений средств массовой информации и социальных медиа, их роли в освещении проблемы иммигрантов, а также в формировании отношения коренного населения к международной миграции населения.

Нами проведено социологическое исследование особенностей восприятия международной миграции населения посредством проведения количественного и качественного контент-анализа публикаций электронных средств массовой информации и социальных медиа.

Обзор литературы

Внимание исследователей [1–3] обращено на социальные последствия международной миграции населения. Международная миграция влияет на рынок труда, так как мигранты согласны на трудовую деятельность за более низкое вознаграждение, в связи с чем коренное население может сопротивляться вторжению иммигрантов на рынок труда. Международная миграция населения может иметь негативные социальные последствия, так как способна привести к массовому недовольству людей, которое может вылиться в протесты.

Исследователи социальных проблем международной миграции населения среди основных причин возникновения конфликтов между местным населением и мигрантами особенно выделяют влияние средств массовой информации на общественное мнение. Такие исследователи, как В. А. Ионцев [4], Н. М. Великая [5], Н. А. Шибанова [6], отмечают негативное влияние средств массовой информации на интеграцию мигрантов в принимающее общество. Подобную точку зрения поддерживает Н. С. Мاستикова [7]: для россиян миграция из более бедных стран ассоциируется, в первую очередь, с приезжими из Средней Азии, применительно к таким мигрантам россияне демонстрируют низкую степень готовности приема.

И. В. Ивлева [8] приходит к выводу, что телевидение конструирует в разных форматах различные образы иммигрантов, среди которых преобладают негативно окрашенные. В. Е. Васильев, К. В. Власова [9], рассматривая образ мигрантов, конструируемый в электронных средствах массовой информации, приходят к выводу, что в условиях кризисных ситуаций стигматизация мигрантов в электронных СМИ усиливается.

Современный человек новости и различную информацию узнает из электронных средств массовой информации и новостных лент социальных сетей. В наиболее популярной социальной сети «ВКонтакте» на публичные страницы подписаны миллионы читателей, следовательно, новостной контент социальных сетей способен влиять на сознание населения, его ценности и идеалы [10].

Электронные средства массовой информации оказывают все большее влияние на сознание населения, и цифровизация нашего общества только способствует этому. По мнению И. В. Абакумовой [11], негативное отношение к иммигрантам возникает зачастую у людей, которые не имели непосредственного контакта с мигрантами, так как под влиянием стереотипов, транслируемых средствами массовой информации, у них формируются установки негативного ожидания.

Итак, не вызывает сомнения, что средства массовой информации обладают большими возможностями для формирования у населения представлений о международной миграции населения и иммигрантах, в том числе и негативных.

Методология исследования

В качестве метода исследования был выбран контент-анализ — количественный и качественный анализ публикаций в электронных средствах массовой информации и социальных медиа, к числу которых относятся социальные сети, блоги и др., с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей.

Исследование осуществлено на основе автоматизированной системы мониторинга СМИ и социальных медиа компании «Медиалогия»¹, которая осуществляет наиболее полный и качественный мониторинг СМИ и социальных медиа. Качественная и количественная оценка новостей базы данных «Медиалогии» осуществлялась посредством математической лингвистики: технология анализа данных оценивает происходящее в информационном поле событие и представляет краткий анализ основных показателей в форме отчета.

Единицей исследования стали слова и их сочетания. Подсчет проводился по количеству упоминаний смысловой единицы за анализируемый период и доле этих упоминаний в общей совокупности доступных веб-источников. Для проведения контент-анализа нами были выделены следующие основные смысловые единицы: миграция, мигранты, миграция населения, трудовая миграция, проблемы мигрантов, миграционная политика, мигранты из стран ближнего зарубежья, мигранты из стран СНГ.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе контент-анализа материалов СМИ было выявлено 633 268 сообщений на тему миграции за период с 01.01.2021 по 01.01.2022: 367 564 публикации в федеральных СМИ, 265 704 в региональных СМИ, из них 529 916 (83,7 %) в интернет-изданиях и интернет-СМИ.

Нами составлен рейтинг источников СМИ по вовлеченности аудитории в контент по теме миграции за период 01.01.2021 по 01.01.2022, в первую десятку попали источники СМИ, представленные на рисунке 1.

Лидерами по лайкам и репостам публикаций по теме миграции стали следующие СМИ: Seldon. News, интернет-издание Life, Рамблер/новости.

На рисунке 2 представлен рейтинг всех источников СМИ по медиа-индексу по теме «миграция населения» в период с 01.01. 2021 по 01.01.2022.

Медиа-индекс позволяет провести анализ эффективности взаимодействия СМИ с обществом. Значение индекса измеряется в диапазоне от (–1000) до (+1000) и зависит от тональности упоминания. Индекс состоит из трех показателей: индекса цитируемости, характера упоминания сообщения, а также заметности сообщения. Среди источников наиболее часто упоминали тему миграции «ТАСС», «ИА Regnum», «РИА Новости».

Динамика публикаций на тему миграции за период с 01.01 2021 по 01.01 2022 представлена на рисунке 3. Анализ динамики публикаций на тему миграции за 2021 г. в сравнении с 2020 г. показывает, что с января по апрель графики двух лет практически совпадают, а начиная с мая 2021 г. наблюдается постепенный рост показателя, при этом максимальное количество публикаций приходится на ноябрь 2021 г., за этот

¹ Автоматическая система мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей Медиалогия. <https://www.mlg.ru> (дата обращения: 11.06.2022).

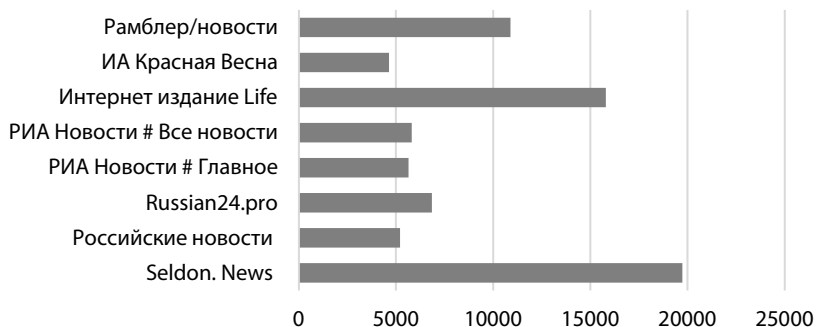

Рис. 1. Рейтинг источников СМИ по вовлеченности аудитории в контент (источник: Автоматическая система мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей Медиалогия. <https://www.mlg.ru> (дата обращения: 11.06.2022))

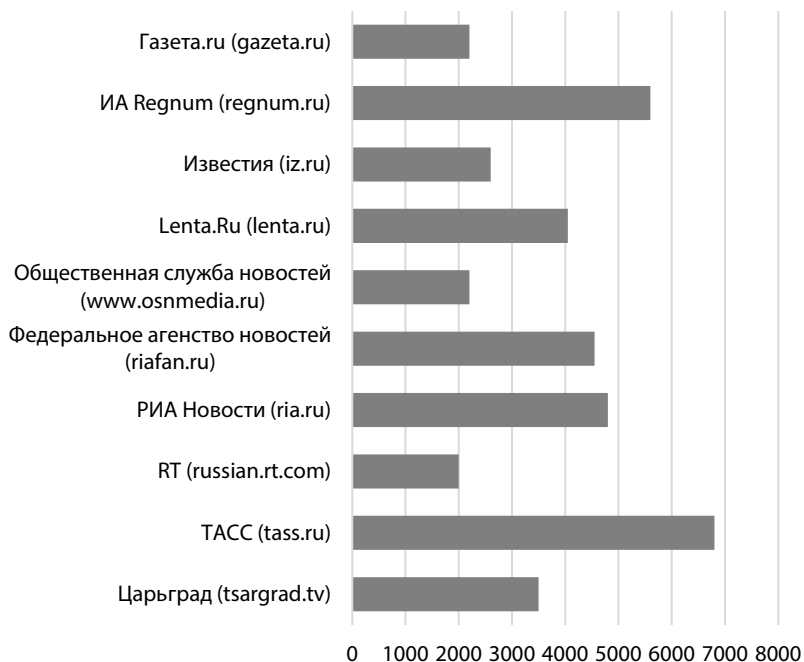

Рис. 2. Рейтинг источников СМИ по медиа-индексу по теме миграции (источник: Автоматическая система мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей Медиалогия. <https://www.mlg.ru> (дата обращения: 11.06.2022))

месяц опубликовано 126 629 сообщений на тему миграции населения. Анализируя характер публикаций, можно отметить, что большинство из них информационного и информационно-аналитического содержания, имеют нейтральную или положительную модальность и не имеют конкретной целевой аудитории, то есть направлены на население в целом.

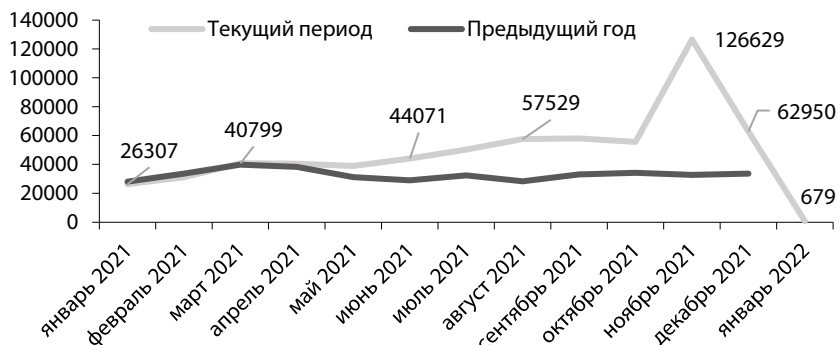

Рис. 3. Динамика публикаций на тему миграции за 2021 г. в сравнении с предыдущим годом (Россия) (источник: Автоматическая система мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей Медialogия. <https://www.mlg.ru> (дата обращения: 11.06.2022))

Чтобы детальней проанализировать проблемы, активно обсуждаемые в СМИ, мы отобрали материалы за самый популярный месяц — ноябрь 2021 г., и на их основе сделали качественный анализ. В основе качественного контент-анализа лежит процедура интерпретации публикаций. Отсортировав публикации в средствах массовой информации с 01.11.2021 по 30.11.2021 по убыванию заметности, выявили наиболее активно обсуждаемые темы ноября. Таким событием стал миграционный кризис в Республике Беларусь¹. Миграционный кризис воспринимается населением России как потенциальная угроза, поэтому публикации на эту тему оказались такими востребованными. Среди других актуальных тем ноября положительный отклик у общественности нашла тема принятия концепции миграционной политики России и Белоруссии², которая, несомненно, будет способствовать урегулированию миграционных потоков между странами и созданию единого миграционного пространства. Становится очевидно, что в федеральных СМИ аудитория получает достаточную информацию о реализации миграционной политики и концепции миграционного развития. Проблемы интеграции мигрантов активно обсуждаются на конференциях различного уровня, совещаниях в МВД и в совете безопасности РФ³. Ряд популярных публикаций посвящен обсуждению условий, необходимых для успешной адаптации мигрантов в России. В качестве таких условий эксперты называют владение мигрантами русским языком, знание действующих норм и правил, поэтому реализуются различные проекты, например, проект «Москва — простые правила», в рамках которого для мигрантов проводится цикл мероприятий с целью информирования их о правах и обязанностях⁴. Тональность таких сообщений положительная.

¹ Новый миграционный кризис на границе Белоруссии и ЕС. Главное // РБК. <https://www.rbc.ru/politics/08/11/2021/6189760a9a794767aef99101?> (дата обращения: 11.06.2022).

² Союз России и Беларуси: Утверждены 28 союзных программ // Российская газета. <https://rg.ru/2021/11/08/soiuz-rossii-i-belarusi-utverzhdeny-28-soiuznyh-programm.html?> (дата обращения: 11.06.2022).

³ Медведев призвал не допустить возникновения в России этнических анклавов // ТАСС. <https://tass.ru/politika/13056963?> (дата обращения: 11.06.2022).

⁴ Фадеев заявил, что не знающие русского языка мигранты выпадают из правового поля России// ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/12905057?> (дата обращения: 11.06.2022).

В июле-августе 2021 г. в СМИ активно обсуждался проект закона об условиях въезда и пребывания иностранцев в РФ. Этот документ обязывает мигрантов оформлять кроме патентов, *id*-карты, заполнять соглашение о лояльности, предполагает создание реестра иностранных работников. Часть проанализированных публикаций по изучаемой теме затрагивают вопрос о сокращении количества мигрантов на стройках Москвы¹. Все эти сообщения имеют нейтральную и положительную тональность.

Нагнетание СМИ вопросов, связанных с международной миграцией, отмечают религиозные деятели и специалисты властных структур, курирующих вопросы миграционной политики. Так, по сообщениям официальных представителей МВД, СМИ сознательно создают криминализированный образ мигрантов, которому они реально не соответствуют, чтобы формировать неприязнь к мигрантам в обществе, в СМИ активно муссируются отдельные негативные события, в которых мигранты участвуют, и почти нет положительных примеров того, как мигранты, успешно интегрируются в российское общество и приносят ему пользу². Есть и конструктивные предложения по этому вопросу, например, И. Р. Аляутдинов, муфтий Москвы предложил «не указывать национальность преступников в публикациях СМИ, чтобы не создавать конфликт внутри общества, и, наоборот, обозначать национальность человека всегда, «если он сделал что-то хорошее, отмечать достижения»³. Такие сообщения воспринимаются аудиторией преимущественно нейтрально.

В изучаемых СМИ есть часть негативных публикаций, связанных с преступлениями отдельных представителей иммигрантов, но следует отметить, что эти темы не являются в рейтинге самыми популярными. Проблемы взаимоотношения мигрантов с местным населением в районах компактного проживания трудовых мигрантов в Москве довольно часто находят негативное отражение в сообщениях СМИ, так как стоят достаточно остро. Тут мы еще лишний раз убеждаемся в правильности тезиса о том, что нельзя допускать компактного проживания мигрантов и их изоляции, это приводит к возникновению этнических анклавов. Большое количество публикаций посвящено конфликтам трудовых мигрантов с местными жителями. Среди упоминаний о негативном поведении мигрантов находим статьи, посвященные описанию ссор или драк трудовых мигрантов (узбеков, таджиков) друг с другом, а также с местными жителями⁴. Преобладание негативных упоминаний о трудовых мигрантах (узбеках, таджиках) в СМИ формирует у аудитории враждебное отношение ко всем мигрантам и, соответственно, негативное отношение к международной миграции населения в целом, и уровень толерантности к мигрантам у населения под влиянием таких публикаций будет снижаться. Важно отметить, что публикации данного вида сознательно создают негативный образ мигранта из Центральной Азии, в то время как о мигрантах из Украины, Белоруссии или Молдовы такие негативные сообщения не пишут.

Географическое распределение источников публикаций по количеству сообщений представлено в таблице.

¹Собянин поручил уменьшить количество мигрантов на стройках программы реновации // ТАСС. <https://tass.ru/ekonomika/12949855> (дата обращения: 11.06.2022).

²МВД заявило, что образ мигранта в России пытаются криминализировать // ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/12537503> (дата обращения: 11.06.2022).

³Муфтий Москвы попросил не указывать национальность преступников в СМИ // РБК. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61976b2a9a794719ffb5a898> (дата обращения: 11.06.2022).

⁴Двойные стандарты для мигрантов. Есть ли национальность у преступников // Царьград. https://tsargrad.tv/articles/dvojnje-standarty-dlja-migrantov-est-li-nacionalnost-u-prestupnosti_444594.

Таблица

Данные по регионам, в которых наиболее часто встречаются публикации на тему миграции
с 01.01 2021 по 01.01 2022

Город	Количество сообщений, ед.	Численность населения за 2020 г., чел.	Миграционный прирост за 2020 г., чел.
Москва	387 198	12 506 468	12 669
Санкт-Петербург	27 565	5 351 935	6 742
Московская область	11 786	7 503 385	16 409
Республика Крым	9 604	1 913 731	3 151
Свердловская область	9 427	4 325 256	1 769
Краснодарский край	8 420	5 603 420	11 065
Челябинская область	8 420	3 493 036	1 011

Источник: Автоматическая система мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей // Медиалогия. <https://www.mlg.ru> (дата обращения: 11.06.2022); Численность населения // ЕМИСС. <https://fedstat.ru/indicator/43701> (дата обращения: 11.06.2022).

Как видим, среди лидеров по сообщениям в первых строчках рейтинга находятся Москва, Санкт-Петербург и Московская область, что вполне закономерно, так как именно сюда направлены основные миграционные потоки из стран ближнего зарубежья. Данные статистики миграционного прироста только подтверждают этот факт, причем проблемы, связанные с мигрантами, существующие в Москве и Московском регионе, наиболее остро и активно обсуждаются в обществе.

Среди регионов нас интересовала Белгородская область, которая не попала в список лидеров по количеству сообщений по теме миграции (3120 сообщений). Уже на основании этого факта, на наш взгляд, можно сделать предварительный вывод, что проблемы миграции и мигрантов в Белгородской области не являются актуальными, и поэтому они не находят активного обсуждения в СМИ. В контент-анализе социальных медиа в Белгородской области с 01.03.2022 по 14.05.2022 было выявлено, что за изучаемый период опубликовано 777 сообщений с упоминанием темы миграции (рис. 4).

Динамика топ-площадок по вовлеченности аудитории Белгородской области в контент по теме миграции представлена на рисунке 5. Как видим, в изучаемый период наиболее широкое распространение тематика миграции получила в социальных сетях на площадке «ВКонтакте», именно здесь размещена большая часть (80,6 %) всех сообщений. Сообщения по другим площадкам распределились следующим образом: 13,9 % в Facebook¹, 2,8 % LiveJournal, 2,8 % Одноклассники. А теперь давайте разберемся, что это за сообщения, на рисунке 6 представлена динамика их тональности.

Как видим, из всех сообщений на тему миграции информационные сообщения положительного характера составляют 2 %, такие сообщения, в основном, характеризуют высказывания известных политических деятелей о реализации тех или иных мер миграционной политики. У большинства публикаций (56 %) преобладает нейтральная тональность, такие публикации нацелены на описание различного рода событий, без оценки их направленности, зачастую это официальные сообщения на страницах организаций в социальных сетях о проведении и итогах мероприятий, затрагивающих тематику миграции и мигрантов, авторы других публикаций стремились привлечь внимание аудитории к проблеме мигрантов с точки зрения создания условий для правового

¹ Принадлежит компании Meta Platforms Inc., которая по решению суда от 21.03.2022 признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

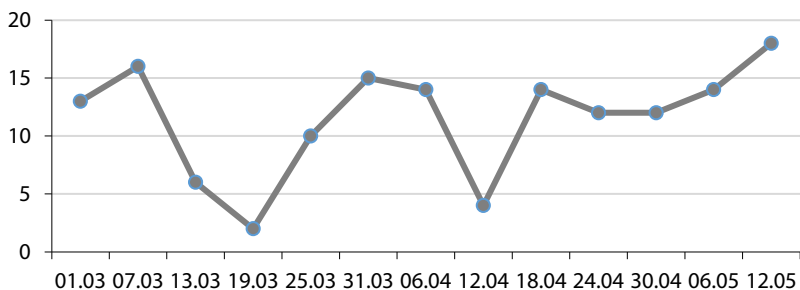

Рис. 4. Динамика количества сообщений в социальных медиа по теме миграции, Белгородская область с 01.03.2022 по 14.05.2022 (источник: Автоматическая система мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей // Медиалогия. <https://www.mlg.ru> (дата обращения: 11.06.2022))

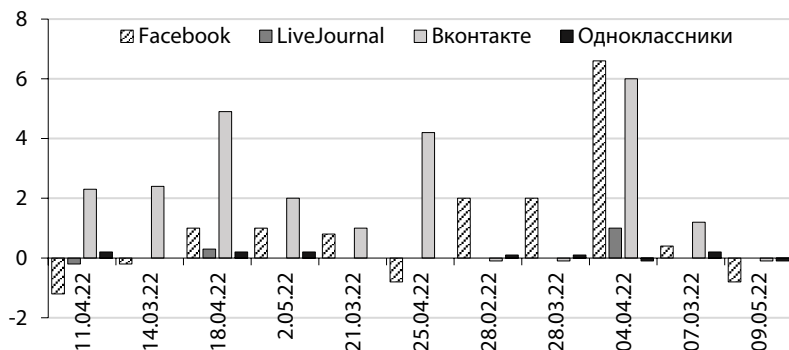

Рис. 5. Динамика топ-площадок по вовлеченности аудитории в контент по теме миграции, Белгородская область (источник: Автоматическая система мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей // Медиалогия. <https://www.mlg.ru> (дата обращения: 11.06.2022))

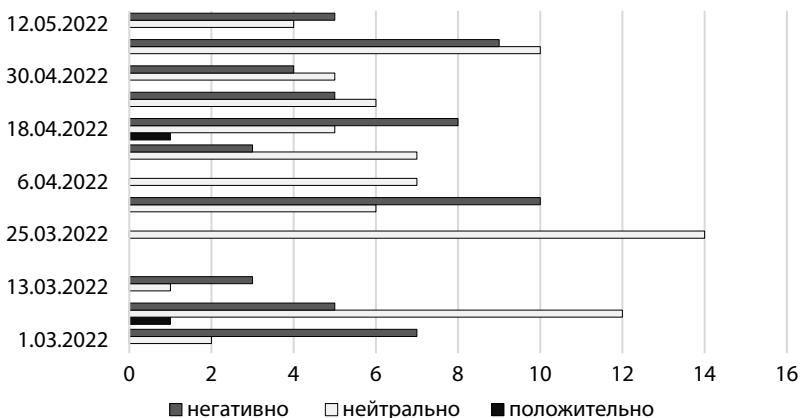

Рис. 6. Динамика тональности сообщений по теме миграции, Белгородская область (источник: Автоматическая система мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей // Медиалогия. <https://www.mlg.ru> (дата обращения: 11.06.2022))

урегулирования положения мигрантов и успешной интеграции их в российское общество. Стоит отметить, что доля сообщений, имеющих негативную тональность (42 %), тоже достаточно велика, почти половина публикаций по теме миграции носит отрицательный характер. Публикации такой направленности описывают ситуации с преступлениями, совершаемыми как отдельными мигрантами, так и группами мигрантов, среди преступлений немало тяжких (изнасилования, убийства, организация нелегальной миграции), вызывающих бурную негативную реакцию у аудитории.

Далее приведем анализ материалов социальных медиа, которые стали топ-лидерами по резонансности публикаций. Самый популярный пост имеет показатель СМ-индекс 688, и система определяет тональность данного поста как нейтральную. Содержание поста сопровождается фотографией, на которой изображены мигранты из Центральной Азии и представители правоохранительных органов. Фотография сопровождается заголовком «В Пермском крае вступил запрет на трудовую деятельность мигрантов» и комментарием следующего содержания: «Такой запрет нужно вводить по всей России»¹. Таким образом, администрация данного сообщества, в котором состоит 206 тыс. чел., сознательно предпринимает попытку сконструировать негативный образ иммигранта как представителя стран Центральной Азии, и анализ отзывов к этому посту показывает негативное отношение членов этого сообщества к международной миграции населения.

Среди таких популярных публикаций (значение СМ-индекса 568) пост, где освещается новость, что из-за падения курса рубля и нехватки работы мигранты стали уезжать из России², пост имеет нейтральную тональность. Проанализировав первые 100 комментариев к данному посту, мы пришли к выводу, что даже если сообщение имеет нейтральную тональность, то отношение пользователей к нему в большинстве своем негативное, так как 67 % комментариев имеют негативную тональность и поддерживают мнение, чтобы мигранты уезжали и больше никогда не возвращались.

Негативную тональность имеет пост, в котором освещается сообщение о том, как мигрант, национальность которого не указывается, изнасиловал 11-летнюю девочку³. Комментарий к этому посту имеют крайне негативную тональность (87,5 %), которая свидетельствует о том, что сообщения подобного рода способны конструировать чрезвычайно негативный образ иммигранта в массовом сознании пользователей. И таких сообщений в сети социальных медиа немало.

По оценке Д. Сабина-Миллера, который изучал причины поляризации общества в социальных медиа, «до тех пор, пока у пользователей есть свобода выбирать точки зрения, поддерживающие их собственные взгляды, подвергая их альтернативным взглядам способами, ведущими к отталкиванию, результатом будет поляризация общества»⁴. И с ним нельзя не согласиться, ведь именно такую поляризацию мнений пользователей по теме «миграция населения» мы и наблюдаем сегодня в социальных медиа. Контент-анализ материалов социальных медиа указывает на тенденции в поляризации позиции аудитории по отношению к иммигрантам, представляя их в негативном ключе, что способно

¹ Такой запрет нужно вводить по всей России // ВКонтакте. https://vk.com/wall-7875432_1696068 (дата обращения: 11.06.2022).

² Отток работяг // ВКонтакте. https://vk.com/wall-31976785_5446346 (дата обращения: 11.06.2022).

³ Мигрант изнасиловал 11-летнюю девочку // ВКонтакте. https://vk.com/wall-91280388_17252 (дата обращения: 11.06.2022).

⁴ The Wall Street Journal: почему социальные сети так сильно поляризуют общество // The idealist. <https://theidealist.ru/polarizedsociety/> (дата обращения: 11.06.2022).

смещать точку зрения коренного населения в сторону недоверия к иммигрантам и формировать негативное отношение к ним, препятствуя социальной интеграции.

Заключение

Как видим, публикации в социальных сетях на тему международной миграции населения имеют преимущественно негативный характер, который следует не только из самого поста, но и из реакции пользователей на данные сообщения. Другое наблюдение связано с тем, что если в постах не указывается национальность, то большинство пользователей под мигрантами понимают образ трудовых мигрантов из Центральной Азии, такое восприятие мигрантов, по нашему предположению, связано с тем, что если в посте говорится обо всех мигрантах, то на сопровождающих его фотографиях, как правило, изображены представители Центральной Азии.

Таким образом, если в сообщениях СМИ по теме миграции преобладает нейтральная тональность, то в социальных медиа, где аудитория более поляризована, выявлена значительная доля сообщений, имеющих негативную тональность.

Для противодействия распространению стереотипического отношения и нагнетанию нетерпимости к мигрантам необходимо учитывать специфику социальных медиа-сетей. Чтобы скорректировать негативное восприятие мигрантов обществом и сформировать образ международной миграции населения как важного демографического процесса для решения демографических проблем в России, необходимо формировать в СМИ позитивный образ мигрантов. В целях повышения толерантности общества к иммигрантам СМИ, обладающие серьезным воздействием на аудиторию, могут более активно освещать позитивные аспекты межнационального сотрудничества мигрантов и коренного населения, что в перспективе обеспечит большие возможности для формирования взаимного социального доверия.

Список источников

- [1] *Гречихин В. Г.* Проблемы миграции в России на современном этапе // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 2. С. 103-106.
- [2] *Осин Р. В., Константинов В. В.* Особенности отношения к образу трудового мигранта в СМИ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. С. 49-52.
- [3] *Прохода В. А.* Отношение россиян к мигрантам // Девятые Ковалевские чтения. Мат-лы науч.-практ. конф., 14-15 ноября 2014 г. / под ред. Ю. В. Асочакова. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2014. С. 594-596.
- [4] *Ионцев В. А.* Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном мире. Москва: МАКС Пресс, 2016. С. 5-11. Сер. Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 9.
- [5] *Великая Н. М.* Миграция и мигранты в публичном дискурсе современной России // II Всерос. демогр. форум с междунар. участием. Мат-лы форума, Москва, 04-05 дек. 2020. Москва: Объединенная редакция, 2020. С. 166-168.
- [6] *Шибанова Н. А.* Визуализация образа трудового мигранта на страницах российских электронных СМИ // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 1. С. 191-195.
- [7] *Мастикова Н. С.* Динамика отношения к миграции в России (по данным Европейского социального исследования за 2006-2016 гг.) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2. С. 99-116.
- [8] *Ивлева И. В., Тавровский А. В.* Образы трудовых мигрантов в российских массмедиа // Этнографическое обозрение. 2019. № 1. С.149-165.

- [9] *Васильев В. Е., Власова К. В.* Репрезентация стигматизации мигрантов в СМИ как проявление архетипов коллективного бессознательного // *Modern Science*. 2020. № 8-1. С. 285–288.
- [10] *Завьялов А. В.* Виртуальный образ мигранта // В поисках социальной истины. Мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 28 нояб. 2022 г. / Под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. С. 261–264.
- [11] *Абакумова И. В. Гришина А. В.* Образ мигранта в отечественных СМИ: особенности ценностно-смыслового восприятия в молодежной среде // *Российский психологический журнал*. 2011. № 1. С.9-19.

References

- [1] *Grechikhin V. G.* Problems of migration in Russia at the present stage // *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2019. No. 2. P. 103-106.
- [2] *Osin R. V., Konstantinov V. V.* Peculiarities of attitudes to the image of a labor migrant in the media // *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2014. No. 9. P. 49-52.
- [3] *Prokhoda V.A.* Attitude of Russians to migrants // *Ninth Kovalev Readings. Materials of the Scientific and Practical Conference on November 14-15, 2014* / ed. by Yu. V. Asochakov. Saint Petersburg: Skifia-print, 2014. P. 594-596.
- [4] *Iontsev V.A.* Integration of Migrations: Is it Possible in The Contemporary World? // *International Migration of Population: Russia and the Modern World*. Vol. 9. M: MAKS Press, 2016. No. 29. P. 5-11.
- [5] *Velikaya N. M.* Migration and migrants in the public discourse of modern Russia // II All-Russian Demographic Forum with international participation: Proceedings of the Forum, Moscow, 04-05 December 2020. Moscow: United Editorial Board, 2020. P. 166-168.
- [6] *Shibanova N. A.* Visualization of the image of migrant workers in Russian electronic mass-media // *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2014. No. 1. P. 191-195.
- [7] *Mastikova N. S.* The Dynamics of Attitudes Towards Migration in Russia (according to data of the European Social Survey 2006–2016) // *Sociological Science and Social Practice*. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 99-116.
- [8] *Ivleva I. V., Tavrovskiy A. V.* The Construction of Migrants' Images in the Russian Media // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2019. No. 1. P. 149-165.
- [9] *Vasiliev V. E., Vlasova K. V.* Representation of stigmatization of migrants in mass media as a manifestation of the archetypes of the collective unconscious // *Modern Science*. 2020. No. 8-1. P. 285-288.
- [10] *Zavyalov A. B.* Virtual image of a migrant // In search of social truth: Proceedings of the IV International Scientific-Practical Conference, Irkutsk, November 28, 2022 / ed. by O.A. Polyushkevich. Irkutsk: Irkutsk State University, 2022. P. 261-264.
- [11] *Abakumova I. V. Grishina A. V.* Labour migrant image in Russian mass media: peculiarities of young people value-sense perception // *Russian Psychological Journal*. 2011. No. 1. P. 9-19.

Информация об авторах

Ходячих Сергей Сергеевич — аспирант кафедры демографии, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0002-9884-1427>; Science Index: 9835-4503; Researcher ID: ADH-3174-2022 (Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1, стр. 13; e-mail: seeregey@mail.ru).

About the authors

Sergei S. Khodiachikh — PhD student, Department of Demography, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0000-0002-9884-1427>; Science Index: 9835-4503; Researcher ID: ADH-3174-2022 (1/13, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: seeregey@mail.ru).

IV. РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-4-1>

УДК 316.33

JEL classification: I38

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕРВИСЫ НА РЫНКЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ¹

И. С. Петухова

Социологический институт РАН – Филиал ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург, Россия);
Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-5218-6658>

Автор для корреспонденции: И. С. Петухова (irini-ptz@yandex.ru)

Аннотация. В последние несколько лет в нашей стране произошли значительные трансформации в системе социального обслуживания пожилых, вызванные, в частности, принятием законодательства, расширяющего присутствие негосударственного сектора на рынке социальных услуг. Однако отношения между государством и негосударственными поставщиками и обеспечение присутствия последних на региональных рынках услуг складываются по-разному. На примере анализа нормативно-правовой базы и результатов 24 полуструктурированных интервью с представителями государственных и негосударственных сервисов, органов исполнительной власти мы проанализируем положение негосударственных социальных сервисов на рынке социальных услуг в Республике Карелия. В попытках сохранить количество и качество социальных услуг негосударственным сервисам приходится дрейфовать. Полученные результаты могут быть полезны органам исполнительной власти регионов при регулировании рынка социальных услуг. В качестве ограничений исследования можно отметить существенные региональные различия, не учтенные в статье, что сокращает применимость результатов в контексте анализа ситуации в России в целом.

Ключевые слова: пожилые граждане; социальное обслуживание; негосударственные социальные сервисы

Non-State Social Services in the Social Services Market for Senior Citizens in the Republic of Karelia

I. S. Petukhova

Sociological Institute of RAS – a branch of FCTAS RAS (Saint-Petersburg, Russia);
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-5218-6658>

Corresponding author: I. S. Petukhova (irini-ptz@yandex.ru)

Abstract. In the last years, Russian system of social service for the elderly has transformed significantly, largely due to the adoption of legislation expanding the presence of the non-state sector. However, relations between the state and non-state suppliers and ensuring of the presence of the latter in regional service markets develop in different ways. Using the analysis of the regulatory framework and the results of 24 semi-structured interviews with representatives of state and non-state services, executive authorities, the study examines the status of non-state social services in the social services market in the Republic of Karelia. In an attempt to retain the quantity and quality of social services, non-state services have to drift. The

¹ © Петухова И. С. Текст. 2023.

results obtained can be used by regional executive authorities to regulate the social services market. The study is limited by significant regional differences that are not taken into account in the article, reducing the applicability of the results in the context of the analysis of the situation in Russia in general.

Keywords: senior citizens; social services; non-state social services

Введение

Увеличение доли лиц старших возрастов в общей численности населения с конца XX в. способствовало трансформации возрастной структуры населения. Доля лиц старших возрастов в различных странах увеличивается неравномерно; в 2019 г. эта доля для всего мира достигла 9 %, а к 2050 г., по среднему варианту прогноза ООН, она увеличится до 16 % [1]. Риск, который увидели в этом демографы и экономисты, связан с растущей нагрузкой на социальные системы разных стран в связи с необходимостью обеспечивать растущую группу пожилых. Однако важно мыслить не только в категориях риска, но и в категориях возможностей конструирования общества для всех возрастов. Различают два типа старения: старение преимущественно сверху и старение преимущественно снизу. Для первого типа характерно уменьшение потерь в любом возрасте, что связывается с улучшением качества жизни в целом. Для второго типа характерно, прежде всего, сокращение рождаемости, то есть происходит преимущественно увеличение доли старших групп. Такой тип старения характерен для России.

Разные государства по-разному реагируют на трансформации возрастной структуры населения и корректируют социальную политику в отношении старших групп, обеспечивая возможность разным агентам вмешиваться в поле заботы о пожилых. В российской социальной политике на современном ее этапе приоритет сделан именно на обслуживании, то есть оказании социальных услуг пожилым государственными и негосударственными провайдерами. Среди последних отдельно выделяются коммерческие и некоммерческие сервисы, а также неформальные сети поддержки: соседство, семья и квазисемейные формы (приемная семья). Таким образом, на современном этапе заботы о пожилых происходит так называемый «*economic mix*» [2] как результат сосуществования / взаимодействия указанных выше агентов в поле социальной заботы о пожилых.

В последние годы в научной литературе отмечается возросший интерес к теме социального обслуживания пожилых, вызванный, с одной стороны, увеличением доли старших групп в общей численности населения, с другой — трансформацией российской системы социального обслуживания в связи с принятием ФЗ № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [3]. Многие авторы отмечают, что именно отказ от монополии государства на социальные услуги, в том числе в попытках сформировать конкурентное поле для предоставления услуг, стали главными элементами трансформации [4, 5]. Однако саму степень демонополизации государственных сервисов в России достаточно трудно оценить, так как каждый регион мог самостоятельно выбирать и выбирать степень и варианты присутствия негосударственного сектора на рынке услуг. В то же время, сложно ответить на вопрос, пришли негосударственные провайдеры с 2015 г. в сферу социального обслуживания или они подстроили свою деятельность под требования вновь принятого законодательства [6]. С нашей точки зрения, не менее значимым является и то, что негосударственный сектор пришел не столько туда, где государству сложно оказывать услуги из-за необходимых вложений в основной фонд и квалификацию специалистов, сколько

туда, где есть вероятность получить грантовую поддержку и относительно большое количество получателей, то есть в большие города или как минимум в районные центры.

Как правило, показатели присутствия негосударственного сектора на рынке региональных услуг «спускаются» сверху, по крайней мере в отдаленных регионах, через утверждение «дорожных карт». Регионы, с одной стороны, нацелены на выполнение показателей присутствия негосударственных услуг, с другой — могут устанавливать определенные границы этого присутствия. То есть отношения между государством и негосударственными поставщиками складываются по-разному, в основном, противоречиво. В попытках удержать количество и качество социальных услуг негосударственным сервисам приходится дрейфовать.

Таким образом, нас интересует, каким образом государство обеспечивает и регулирует присутствие негосударственных социальных сервисов на рынке поставщиков социальных услуг для пожилых в Республике Карелия.

Теоретические предпосылки исследования

В настоящее время проблемы пожилых решаются различными социальными институтами: государством, рынком, гражданским обществом и неформальными сетями поддержки в виде семейной / квазисемейной заботы и неформальных инициатив местного сообщества. Разнообразие действий и инициатив, направленных на заботу о пожилых, привело к тому, что сегодня их сложно однозначно отнести к государству, гражданскому сообществу, рынку или семье. Так, современные исследователи отмечают возникновение так называемого «*welfare pluralism*», или гибких форм заботы о пожилых [7, 8].

В 1990 г. Г. Эспин-Андерсеном была предложена самая простая модель взаимодействия государства, рынка и гражданского общества, то есть первого, второго и третьего секторов соответственно. Затем эта модель взаимодействия была дополнена семьей в связи с признанием роли женщин в семейной поддержке [9].

Рассматривая взаимодействие между системой и жизненным миром, Ю. Хабермас предлагает четырехсубъектную модель, поскольку системный мир включает государство и экономику, а жизненный мир подразумевает частную и общественную сферу [10]. Деньги и власть являются инструментами системного мира, инструменты жизненного мира — отношения солидарности, относятся к иному порядку. Модель, которая была предложена Ю. Хабермасом, является наиболее подходящей в нашем анализе, так как она позволяет нам обозначить роль социальных институтов в системе социального обслуживания пожилых: государство включает в себя законодательство и государственных поставщиков социальных услуг, экономика — коммерческие сервисы, общественную сферу составляют некоммерческие негосударственные отношения — некоммерческие и благотворительные организации, частная сфера — это семья, соседство, дружеские связи и квазисемейные формы ухода за пожилыми (к примеру, приемная семья).

Материалы и методы

В качестве эмпирических материалов исследования выступали актуальные нормативно-правовые акты, приложения и инструкции, приказы, методики, регламентирующие внутреннюю деятельность поставщиков социальных услуг, материалы веб-сайтов государственных и негосударственных социальных сервисов, материалы

государственной статистики по социальному обслуживанию пожилых, полуструктурированные интервью с представителями государственных и негосударственных поставщиков социальных услуг и органов исполнительной власти ($N = 24$). Все материалы были собраны в 2018–2021 гг. в Республике Карелия. Все данные были получены офлайн, записаны на аудионосители и расшифрованы дословно. Имена информантов анонимизированы. При кодировании данных интервью использовался метод тематического анализа.

Результаты исследования

С 2015 г., после привлечения негосударственных поставщиков в сферу социальных услуг они оказались на одном поле с государственными социальными сервисами и в части оказания социальных услуг вынуждены стали играть по правилам государства, чтобы получать компенсацию за услуги: оказывать услуги по социальным (низким) ценам, обслуживать по индивидуальной программе получателя социальных услуг, руководствоваться стандартами, участвовать в проверках, готовить отчеты и пр. Каждый регион по-своему определил порядок поддержки негосударственных агентов и по-разному установил и корректирует распределение финансов между государственными и негосударственными сервисами: государственные закупки, компенсация затрат и предоставление целевых потребительских субсидий, «разыгрывание» определенной суммы денег между негосударственными поставщиками на основе конкурса и т. д.

Негосударственные социальные сервисы предлагают стационарные, полустационарные и надомные услуги. Услуги для пожилых предоставляются согласно индивидуальной программе или сверх программы, платно, за частичную плату или бесплатно.

Присутствие негосударственных поставщиков на региональных рынках регулируется «сверху» — через определение показателей и принятие «дорожных карт», и «снизу» — через методическую, финансовую и организационную поддержку.

«Вы знаете, наши органы исполнительной власти были очень заинтересованы в развитии рынка поставщиков социальных услуг. И на этапе зарождения этой деятельности практически каждая организация, которая входила в реестр, она сопровождалась и организационно, и методически. Консультировали по правовым вопросам» (интервью 5).

Подобная «сопроводительная» деятельность характерна для многих регионов и сейчас, так как созданы различного рода ресурсные центры, центры развития НКО и другие организации, регулирующие присутствие негосударственного сектора на рынке поставщиков социальных услуг. Некоммерческие организации обладают возможностью получения грантовой помощи, коммерческие — субсидий и льгот как видов поддержки социального предпринимательства.

Однако у рассматриваемого взаимодействия может быть и «предел», определяемый необходимостью выполнения плановых показателей и неготовностью «финансового» содержания негосударственного сектора. Так, 2020–2021 гг. стали поворотными во многих регионах России, в частности, в Республике Карелия, в части финансовой поддержки и компенсации социальных услуг негосударственным провайдером. Проанализировав решения органов исполнительной власти и ответы наших информантов, мы выделили два варианта «взаимодействия» государства и негосударственных поставщиков в части оказания и финансирования социальных услуг: до 2021 г. государство компенсировало поставщикам уже оказанные услуги («сначала услуги»), с 2021 г. органы исполнительной власти организуют конкурс для предоставления

субсидий негосударственным поставщикам («сначала деньги»)¹. Вот каким образом описывают эту ситуацию те, кто менял правила взаимодействия:

«В какой-то момент возник вопрос, что этот рынок (рынок социальных услуг — прим. интервьюера) надо регулировать. Не может бесконечно просто рождаться огромное множество организаций, так и в прошлом году. Почему возникли сейчас какие-то спорные ситуации с негосударственными поставщиками, потому что возник вопрос, что нужно регулировать этот рынок» (интервью 1).

Обозначившаяся разница во взаимодействии с негосударственным сектором и распределении финансовых средств может рассматриваться по-разному: с одной стороны, с этого момента негосударственный поставщик во взаимодействии с органами исполнительной власти как бы «приближается» к государственному: он получает государственное задание, а самое главное, финансовые средства на его исполнение не когда-нибудь потом, а сразу, перед тем, как оказывать услуги. Учреждение сначала получает государственное задание, деньги на его исполнение, расходует средства, затем отчитывается за оказанные услуги, не прибегая к кредитным средствам и поиску их из других источников. С другой стороны, негосударственные поставщики были совершенно не готовы к смене правил игры. Многие руководители негосударственных сервисов узнали о смене правил только тогда, когда не получили финансовую компенсацию за уже оказанные услуги, что нашло отражение в многочисленных публикациях в СМИ. Важно также отметить, что деньги получили не все негосударственные поставщики и не в том объеме, котором они запрашивали, что существенно обострило ситуацию конкуренции между негосударственными поставщиками за государственные деньги. Например, перестали компенсироваться надомные услуги для коммерческих поставщиков, что заметно сократило предложение надомных услуг негосударственными сервисами.

Наши информанты — представители негосударственного сектора по-разному оценивают сложившуюся ситуацию в основном негативно. Критика нового порядка заключается в том, что часть оказанных пожилым услуг до принятия решения о конкурсе так и не была компенсирована. Наши информанты отмечают также, что на конкурсе должны быть представлены не только негосударственные агенты, но и государственные, что создало бы реальную конкуренцию между всеми поставщиками на рынке. В результате некоммерческие организации рисковали вообще остаться без средств, а бизнес-организации вынуждены были расширять количество платных услуг и сокращать количество бесплатных.

Само присутствие коммерческих сервисов и общественных организаций в сфере оказания социальных услуг пожилым, аспекты их взаимодействия с государством, государственными поставщиками и получателями услуг позволяют нам выделить как возможности, так и барьеры существования и развития негосударственного сектора. Достоинствами негосударственных провайдеров являются их гибкость, способность приспосабливаться к запросам разных категорий получателей. Негосударственные сервисы в значительно большей степени, чем государственные, заинтересованы в индивидуализации и профессионализации социальных услуг. Обслуживание ради обслуживания в большей степени характерно для государственных поставщиков, чем для негосударственных, так как последние заинтересованы в реальном решении

¹ Нормативно-правовая база НКО // Карельский ресурсный центр развития социальных технологий: <http://развитие-рк.пф/index.php/dlya-so-nko/nko-dokumenty> (дата обращения: 19.10.2021).

проблем клиента и улучшении его состояния, в связи с тем, что именно этот показатель будет оцениваться в качестве результата их деятельности.

Барьерами привлечения негосударственных провайдеров на рынке социальных услуг являются финансовые и административные барьеры, а также барьеры, связанные с недоверием к их деятельности получателей социальных услуг, особенно на региональных рынках социальных услуг для пожилых. Административные барьеры, по нашему мнению, связаны с тем, что государство издает противоречивые импульсы в отношении их деятельности. Например, на федеральном уровне декларируется необходимость поддержки и развития деятельности негосударственного сектора социальных услуг, устанавливаются плановые показатели присутствия негосударственного сектора. Однако реальное финансирование социального обслуживания как направления социальной политики сокращается, а регулирование финансов передано в регионы. Результатом является то, что каждый регион по-своему выполняет требования к показателям присутствия негосударственных сервисов и регулирует отношения с ним, что отмечают отечественные исследователи [11].

Представители негосударственного сектора также отмечают противоречивость и рассогласование позиций центра и региона:

«Региону страшно, страшно менять эту систему. Я считаю, что Путин пишет, наш Президент: „Развивайте! Давайте!“. А они что? Урезают финансирование. Это как противодействие какое-то. <...> Мы как занозы становимся (негосударственные поставщики — прим. интервьюера), а на нас еще деньги нужны. Это нежелание идти в ногу со временем» (интервью 15).

Как результат, негосударственные поставщики сталкиваются с финансовыми барьерами. В частности, организации лавируют между необходимостью окупать свою деятельность, удерживая уровень зарплаты для сотрудников на уровне МРОТ, а также поддерживать стоимость услуг для получателей на уровне рынка или продавать услуги по социальным (низким) ценам согласно заданию, чтобы претендовать на государственные средства. Как пример приведем цитату из интервью с представителем негосударственного социального сервиса:

«Я знаю, что, допустим, на одну заведующую в государственном учреждении приходится порядка 10–15 социальных работников. К примеру, возьмем, что один социальный работник получает 40 000, значит, 10 социальных работников — это 400 000. Значит, они на 400 000 должны оказать, прежде всего, услуг. Кроме того, еще налоги идут, и фонд оплаты отпусков тоже должен быть создан. Это сверху еще тысяч 200 как минимум, а то и 300 сверху должно быть ежемесячно. То есть на 700 тысяч 10 человек должны оказать услуг. Это где-то порядка 70 000 тысяч, как социальный работник, должен отдаваться, чтобы принести в клювике. Кроме того, надо накормить заведующую, надо накормить директора, какой-то процент надо еще кого-то накормить. Естественно, столько они не зарабатывают, и государство дает им деньги (государственным поставщикам — прим. интервьюера) на то, чтобы поддерживать эту систему. А для негосударственных организаций такого вида, такой формы поддержки нет. И если, допустим, она (социальный работник — прим. интервьюера) принесет в клювике 40 000, дай Бог, чтобы я 20 там с копейками, вот эту минималку я ей поставила. Принесет она 50 000, в начисление ей пойдет 25 000» (интервью 2).

Еще к одному барьеру расширения присутствия негосударственного сектора на рынке услуг мы отнесли недоверие к нему со стороны клиентов, а также артикуляцию этого недоверия государственными поставщиками, СМИ, обществом. Наши

информанты считают, что пожилые лучше будут терпеть недостаток услуг в государственных сервисах или ждать очередь в государственный стационар, но не обратятся к негосударственным поставщикам:

«Они не верят в то, что негосударственная организация может работать, и хорошо работать, и оказывать качественные услуги. В их лице негосударственные поставщики — это шарлатаны» (интервью 2).

Естественно, эта тенденция будет меняться быстрее всего в крупных городах ввиду информационной открытости негосударственных сервисов, повышения требования к качеству среди получателей и их семей, хорошей репутации самих негосударственных сервисов.

Таким образом, в ситуации неопределенности и изменения отношений между государством и негосударственными социальными сервисами последним приходится дрейфовать, чтобы обеспечивать себе способность оставаться на рынке социальных услуг, при этом не сокращая качества и количества услуг. Результатом этого дрейфа становится также то, что общественные организации выживают за счет грантовой поддержки, часто «подстраивая» свою деятельность под требования гранта, а бизнес-организации повышают стоимость услуг, что сказывается на их доступности.

Дискуссия и выводы

Таким образом, присутствие негосударственных сервисов на рынке социальных услуг для пожилых сильно варьируется в зависимости от региона [12]. В наибольшей степени негосударственный сектор представлен на рынках крупных городов и региональных центров. По мере территориального удаления негосударственных поставщиков становится все меньше, а в сельской местности они практически полностью отсутствуют. Конкуренцию государству тут составляют семья и соседские формы заботы.

Среди барьеров присутствия негосударственного сектора на рынке услуг можно обозначить социальные (низкие) цены на услуги, нерегулярность организационной и финансовой поддержки со стороны государства, низкое доверие клиентов альтернативным государству учреждениям. Российские исследователи также отмечают, что недоверие к негосударственным поставщикам артикулируется работниками государственных социальных сервисов, транслируется в СМИ, которые регулярно публикуют новости о мошеннических схемах с пожилыми [13]. Барьерами привлечения негосударственных провайдеров на рынок услуг являются неустойчивость и низкая емкость рынка, что делает приход негосударственных поставщиков на рынок рискованным, считает А.А. Московская [14]. Однако довольно большое количество негосударственных сервисов уже получило признание, благодаря высокому качеству услуг, профессионализму персонала и адресности услуг. Так, И.А. Григорьева и О.А. Парфенова отмечают, что негосударственные провайдеры ориентированы на смену поля решения социальных проблем и превращение пассивных «получателей социальных услуг» в активных агентов [8]. Зарубежные исследователи считают, что негосударственный сектор способен повысить качество услуг, а также смягчить бюджетные ограничения в условиях экономической рецессии [15].

Однако и общественные организации, и бизнес-организации, функционирующие на рынке поставщиков социальных услуг, имеют свои недостатки. В частности, некоммерческий сектор находится в неравных условиях по сравнению с государственными и бизнес-организациями, так как он лишен госзаказов, а вместе с ними и прямого финансирования. Общественные организации, как правило, лишены оборотных средств

и доступа к кредитам, а также рыночного бизнес-подхода при выходе на рынок услуг [6]. Уровень бюджетного субсидирования общественного сектора очень низкий, как правило, он не достигает 10 % от расходов на социальную сферу¹. С точки зрения самих «общественников», наиболее сложными проблемами являются финансовая недостаточность (60 %), несовершенство законодательства (52 %), отсутствие взаимодействия со СМИ (32 %)². Важной региональной особенностью Карелии является то, что только одна общественная организация, предлагающая социальные услуги пожилым, включена в реестр поставщиков. Остальные НКО существуют исключительно за счет грантовой и другой поддержки.

Бизнес-организации, предоставляющие услуги в сфере социального обслуживания, получили статус социальных предприятий. Такие организации можно называть условно коммерческими. Коммерческие сервисы могут оказывать услуги по социальным (низким) ценам, покрывая свои расходы за счет государственных субсидий. Также коммерческие сервисы могут предлагать основные или дополнительные платные услуги, которые будут оплачиваться самим получателем. Однако в ряде регионов, в частности, в Карелии, коммерческим поставщикам было отказано в субсидировании надомных услуг, что привело к сокращению предложения этих услуг. Параллельно отмечается значительное увеличение предложения стационарных услуг и рекрутирование получателей [13]. С нашей точки зрения, государство так же, как и бизнес-организации, заинтересовано в развитии стационарных услуг. Стационарные услуги обходятся дорого как получателям социальных услуг, так и государству, а значит, коммерческие агенты могут заработать больше денег, оказывая их, а государство может избавиться от очереди в стационары и необходимости вкладываться в основной фонд.

Заключение

Таким образом, в сложившихся условиях, связанных с сокращением государственного финансирования и неопределенности в отношениях с государством, негосударственным социальным сервисам (коммерческим и некоммерческим) приходится постоянно приспосабливаться к новым условиям, искать возможности «заработка» на социальных услугах, привлекать общественность, обращаться в фонды. При этом, реального повышения качества услуг не происходит.

Регион, с одной стороны, нацелен на выполнение показателей по присутствию негосударственного сектора, с другой — устанавливает определенный предел этого присутствия. Самыми популярными оказываются стационарные услуги, предлагаемые социальными предприятиями, а некоммерческие сервисы для пожилых предпочитают оставаться вне реестра. Предлагаемые ими услуги финансируются за счет грантов или личных средств самих пожилых и практически никак не соотносятся с индивидуальной программой социальных услуг, то есть остаются вне поля именно обслуживания. Стационарные услуги, так активно развиваемые и предлагаемые коммерческими сервисами, не способствуют, с нашей точки зрения, улучшению качества жизни пожилых, так как как давно доказано, что самое благополучное старение — это старение дома, в привычной социальной среде. Тем более, что исполнительными органами заявлено о необходимости реализации системы долговременного ухода. В этой связи

¹ Некоммерческий сектор на рынке социальных услуг // Общественная палата Российской Федерации: <https://report2018.oprf.ru/ru/3.php#sub303> (дата обращения: 18.10.2021).

² Там же.

развитие и конкуренция в сфере оказания надомных услуг, вложения именно в эту сферу, привлечение семьи и соседского сообщества будут способствовать повышению качества социальных услуг, следовательно, улучшению качества жизни пожилых.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

Acknowledgements

The research was supported by grant no. 22-18-00461 (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>) from the Russian Science Foundation.

Список источников

[1] Старение населения мира по оценкам ООН 2019 года // Демоскоп Weekly. <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0837/barom01.php> (дата обращения: 30.01.2023).

[2] Григорьева И. А. Приоритеты социальной политики: пожилые люди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 3. С. 131-145.

[3] Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.10.2020).

[4] Константинова Л. В. Социальная политика как фактор конструирования неравенства: новая модель патернализма // Власть. 2017. № 2. С. 16-21.

[5] Парфенова О. А., Петухова И. С. Трансформация социального обслуживания пожилых граждан в российских регионах в условиях стареющего общества и меняющегося законодательства // Старения больше не будет: монография / И. А. Григорьева, И. Л. Сизова, Л. А. Видясова, А. В. Дмитриева, О. А. Парфенова, И. С. Петухова. Санкт-Петербург: Астерион, 2018. С. 58-102.

[6] Григорьева И. А., Сизова И. Л., Москвина А. Ю. Социальное обслуживание пожилых: реализация федерального закона № 442 и дальнейшие перспективы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4(152). С. 153-172. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.08>.

[7] Cook L., Iarskaja-Smirnova E.R., Tarasenko A. Outsourcing Social Services to NGOs in Russia: Federal Policy and Regional Responses // Post-Soviet Affairs. 2021. № 3. P. 119-136. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1853454>.

[8] Григорьева И. А., Парфенова О. А. Социально-ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 1. С. 7-22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22>.

[9] Esping-Andersen G. Two Societies, On Sociology and No Theory // British Journal of Sociology. 2000. N 51 (1).

[10] Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 123-136.

[11] Заболотная Г. М., Ларионов А. В. Региональные практики институционализации негосударственных поставщиков социальных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 72-91.

[12] Парфенова О. А., Петухова И. С. Конкуренция за заботу о пожилых: тактики социальных сервисов в новых условиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 173-186. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09>.

[13] *Парфенова О. А.* Ключевые агенты заботы о пожилых в современной России // *Петербургская социология сегодня*. 2019. № 11. С. 23-35. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-11.va9x-vc30>.

[14] *Московская А. А.* Стимулы и барьеры привлечения негосударственных поставщиков к оказанию социальных услуг в России: российский и международный опыт // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2018. № 3. С. 88-116.

[15] Old Age Civic Exclusion and the Symbolic Discourses that Underlie it / S. Torres, A. Lowenstein, S. Naim, F. Villar, J. Larragy, A. Preoteasa, I. Rivits-Arkonsuo, An. Leppiman, P. Topo. ROSEnet Civic Exclusion Working Group, Knowledge Synthesis Series: No. 4. CA 15122 Reducing Old-Age Exclusion: Collaborations in Research and Policy. 2017.

References

[1] The aging of the world's population according to UN estimates in 2019 // *Demoscope Weekly* <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0837/barom01.php> (accessed on: 30.01.2023).

[2] *Grigorieva I. A.* New priorities in a social policy: the elderly people // *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2005. No. 3. P. 131-145.

[3] About bases of social servicing of citizens in the Russian Federation. Federal Law No. 442-FZ of December 28, 2013. Access from the legal system «ConsultantPlus». (accessed on: 25.10.2020).

[4] *Konstantinova L. V.* Social policy as a factor in the construction of inequality: a new model of paternalism // *Vlast'*. 2017. No. 2. P. 16-21.

[5] *Parfenova O. A., Petukhova I. S.* Transformation of social services in the Russian region in terms of old societies and changing legislation // *There will be no more aging: a monograph* / I. A. Grigoryeva, I. L. Syzova, L. A. Vidyasova, A. V. Dmitrieva, O. A. Parfenova, I. S. Petukhova. SPB: Asterion, 2018. P. 58-102.

[6] *Grigoryeva I. A., Sizova I. L., Moskvina A. Yu.* Social services for the elderly: implementation of the Federal Law No. 442 and future prospects // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2018. No. 4(152). P. 153-172. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.08>.

[7] *Cook L., Iarskaja-Smirnova E. R., Tarasenko A.* Outsourcing Social Services to NGOs in Russia: Federal Policy and Regional Responses // *Post-Soviet Affairs*. 2021. No. 3. P. 119-136. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1853454>.

[8] *Grigoryeva I. A., Parfenova O. A.* Socially-oriented NPOs and social enterprises as drivers of denationalization in social services: barriers and opportunities // *The Journal of Social Policy Studies*. 2021. No. 1. P. 7-22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22>.

[9] *Esping-Andersen G.* Two Societies, On Sociology and No Theory // *British Journal of Sociology*. 2000. No. 51(1).

[10] *Habermas J.* Relations between the system and the life world in the conditions of late capitalism // *Thesis*. 1993. No. 2. P. 123-136.

[11] *Zabolotnaya G.M., Larionov A. V.* Regional Practices of Institutionalization of Non-Governmental Social Welfare Services' Providers // *Public Administration Issues*. 2017. No. 3. P. 72-91.

[12] *Parfenova O. A., Petukhova I. S.* Competition for the care for the elderly: strategies of social services in the new environment // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019. No. 4. P. 173-186. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09>.

[13] *Parfenova O. A.* The key agents of care for older people in modern Russia // *St. Petersburg Sociology today*. 2019. No. 11. P. 23-35. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-11.va9x-vc30>.

[14] *Moskovskaya A. A.* Incentives and Barriers to Engaging Non-State Providers in the Provision of Public Social Services: Russian and Foreign Experience // *Public Administration Issues*. 2018. No. 3. P. 88-116.

[15] Old Age Civic Exclusion and the Symbolic Discourses that Underlie it / S. Torres, A. Lowenstein, S. Naim, F. Villar, J. Larragy, A. Preoteasa, I. Rivits-Arkonsuo, An. Leppiman, P. Topo. ROSEnet Civic Exclusion Working Group, Knowledge Synthesis Series: No. 4. CA 15122 Reducing Old-Age Exclusion: Collaborations in Research and Policy. 2017.

Информация об авторах

Петухова Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Институт социологии РАН (Филиал ФНИСЦ РАН); доцент, Петрозаводский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-5218-6658> (Российская Федерация, 190005г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская улица, 25; 185000, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33; e-mail: Irini-ptz@yandex.ru).

About the authors

Irina S. Petukhova — Cand. Sci. (Soc.), Research Assistant, Sociological Institute of RAS — a branch of FCTAS RAS; Associate Professor, Petrozavodsk State University; <https://orcid.org/0000-0002-5218-6658> (25, 7th Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005; 33, Lenina Ave., Petrozavodsk, 185000, Russian Federation; e-mail: Irini-ptz@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-4-2>

УДК 330.659

JEL classification: L31, D83, J18

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ¹

Д. Г. Саитова ^а, Д. А. Храмов ^б

^а^б Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0002-0265-074X>

Автор для корреспонденции: Д. Г. Саитова (dgsaitova@urfu.ru)

Аннотация. Данное исследование посвящено проблемам информационной поддержки деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на базе одной из социальных сетей в 2022 г. Одна из целей таких организаций — способствовать адаптации населения к происходящим изменениям. Однако социально ориентированным некоммерческим организациям самим также необходимо адаптироваться к меняющимся условиям. Для содействия их адаптации и функционированию во многих регионах России, в том числе в Свердловской области, создаются особые некоммерческие организации — ресурсные центры, которые ставят перед собой задачи консультационной, методической и информационной поддержки вновь создаваемых и существующих некоммерческих организаций. В статье проведен анализ статистических данных, отражающих работу ресурсных центров Свердловской области, а также контент-анализ публикаций двух официальных страниц таких региональных организаций. В результате предложены рекомендации по совершенствованию информационной работы ресурсных центров.

Ключевые слова: информационные ресурсы; некоммерческий сектор; ресурсный центр; социальные сети

Information Support for Socially Oriented Non-Profit Organisations of Sverdlovsk Oblast in Social Media

D. G. Saitova ^а, D. A. Khrantsov ^б

^а^б Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-0265-074X>

Corresponding author: D. G. Saitova (dgsaitova@urfu.ru)

Abstract. The study examines problems of information support for socially oriented non-profit organisations in one of the social media in 2022. Among other things, such organisations strive to help the population adapt to the ongoing changes. However, social non-profit organisations themselves also need to adapt to new conditions. To facilitate their adaptation and functioning, special non-profit organisations that are called resource centres were created in many Russian regions, including Sverdlovsk oblast. Their task is to promote the functioning of non-profit organisations via consulting, methodological and information support for newly created and existing non-profit organisations. Analysis of statistical data on the work of the resource centres of Sverdlovsk oblast, as well as the content analysis of the publications on two official pages of such regional organisations were conducted. As a result, the study offered recommendations for improving the information support from the resource centres.

Keywords: information resources; non-profit sector; resource centre; social media

¹ © Саитова Д. Г., Храмов Д. А. Текст. 2023.

Введение

Ежегодно в Свердловской области появляется большое количество новых некоммерческих организаций, в том числе социально ориентированных, которые создаются для выполнения общественно полезной деятельности [1, с. 12]. Так, в 2022 г., по данным Минюста РФ, на территории региона было зарегистрировано 223 новых НКО. Всего Министерством юстиции РФ было зарегистрировано 15 984 некоммерческих организаций Свердловской области. При этом к концу 2022 г. в реестре осталось только 5529 НКО Свердловской области, а остальные 10455 организаций были из него исключены. Соотношение зарегистрированных и исключенных из реестра НКО Свердловской области представлено на рисунке 1.

Эти данные свидетельствуют о том, что только 35 % НКО, которые были созданы в Свердловской области, продолжают свою деятельность, а 65 % из них по тем или иным причинам прекратили свою деятельность.

Если в целом анализировать рынок НКО на территории Свердловской области, то, согласно реестрам социально ориентированных некоммерческих организаций Свердловской области на официальном сайте Министерства экономики и территориального развития Свердловской области за 2019–2022 гг., можно отметить ряд тенденций. В целом СОНКО как поставщики социальных услуг и институт поддержки пронаталистской политики в РФ имеют значительный потенциал [2, с. 201], и ежегодно рынок пополняется несколькими сотнями таких организаций. Так, в 2021 г. количество зарегистрированных социально ориентированных некоммерческих организаций увеличилось в два раза, по сравнению с 2019 г., однако в соотношении с 2020 г. этот показатель уменьшился, что свидетельствует о резком росте доли НКО на рынке оказания социальных услуг в 2020 г. и стабилизации этого показателя на уровне около 230 организацией в течение последующих двух лет. Данные о количестве некоммерческих организаций, внесенных за год в реестр, представлены на рисунке 2.

Если говорить только о социально ориентированных некоммерческих организациях, то в 2021 г. в Свердловской области их функционировало 4,2 тыс. При этом среднесписочная численность штатных работников (без внешних совместителей) составила 11,0 тыс. чел.¹ То есть в среднем в каждой организации работало от 3–4 чел., включая руководителя. Эти данные свидетельствуют о том, что в Свердловской области преобладают малочисленные НКО, у которых отсутствует возможности держать большой штат сотрудников и им нужна сторонняя консультационная помощь по юридическим, финансовым и другим организационно-управленческим вопросам.

Вместе с тем, из этих 4,2 тыс. социально ориентированных некоммерческих организаций только 45 организаций получили региональную государственную поддержку в 2019–2021 гг.² То есть лишь у небольшого процента таких организаций хватает знаний и компетенций для оформления и подачи заявок на получение финансовой помощи, объема которой со стороны государства ежегодно растут. За период с 2015 г. по 2019 г. государственная финансовая поддержка СОНКО увеличилась почти в 7 раз — до 35 млрд руб. в 2019 г. [3, с. 376]. В 2020–2021 гг. темпы роста государственной

¹ О деятельности СОНКО Свердловской области в 2021 году. Пресс-выпуск Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области. <https://sverdl.gks.ru/folder/36986> (дата обращения: 19.12.2022).

² Реестры некоммерческих организаций Свердловской области — получателей государственной поддержки // Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. http://economy.midural.ru/nko_reestr (дата обращения: 19.12.2022).

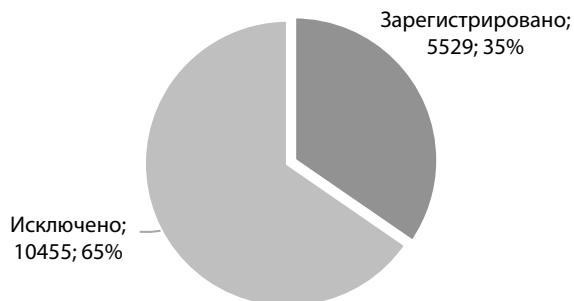

Рис. 1. Количество НКО Свердловской области в реестре Минюста РФ (источник: О деятельности некоммерческих организаций // Министерство юстиции Российской Федерации. <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 19.12.2022))

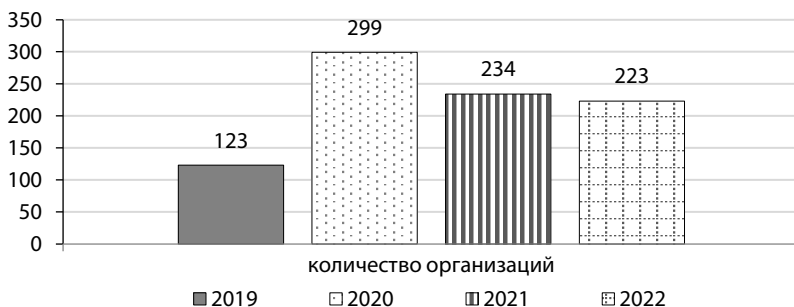

Рис. 2. Количество НКО Свердловской области, внесенных за год в региональный реестр (источник: Реестры некоммерческих организаций Свердловской области — получателей государственной поддержки // Министерства экономики и территориального развития Свердловской области. http://economy.midural.ru/nko_reestr (дата обращения: 19.12.2022))

финансовой поддержки СОНКО росли еще более высокими темпами, и она составила 53,3 и 162,2 млрд руб. соответственно¹.

Таким образом, указанные данные позволяют косвенно подтвердить актуальность проблемы недостатка базовых юридических, экономических и управленческих знаний у руководителей НКО на начальных этапах их деятельности. Для оказания поддержки консультационной, методической и информационной поддержки вновь создаваемым и существующим НКО создаются некоммерческие организации особого типа — ресурсные центры. В статье рассмотрены существующие исследования информационного сопровождения деятельности некоммерческого сектора, а также деятельность ресурсных центров в Свердловской области с точки зрения полноты и уровня информационной поддержки НКО. Методами исследования послужили анализ статистических данных, отражающих работу ресурсных центров Свердловской области,

¹ Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации за 2021 г. // Министерство экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/file/aa4732845c1eaa00c075cfb75f99fdcc/Doklad_2022.pdf (дата обращения: 21.12.2022).

а также контент-анализ публикаций двух официальных страниц таких региональных организаций.

Исследования информационного сопровождения деятельности некоммерческих организаций

В целом практика оценки информационных ресурсов как общественного [4, с. 70–71], так и некоммерческого сектора [5, с. 230–231] приобретает все более широкое распространение. Предметом исследования авторов становятся публикации в СМИ, а также на официальных сайтах и в аккаунтах государственных и некоммерческих организаций в социальных сетях в разрезе публикационной активности, тематики и отклика со стороны получателей этой информации. Наибольшее число исследований посвящено деятельности самих некоммерческих организаций и сообществ волонтеров в социальной сети «ВКонтакте» [6, с. 71–72; 7, с. 203–204]. В. Мато-Сантисо, М. Рей-Гарсия и М. Сансо-Перес проанализировали 169 научных статей за период с 2007 г. по 2019 г., посвященных взаимодействию некоммерческих организаций с разными социальными группами (инвесторами, волонтерами, представителями других некоммерческих организаций, получателями услуг и др.) [8, с. 5]. Из рассмотренного числа источников 48 публикаций, то есть 28,4 % статей, посвящено проблемам работы некоммерческих организаций в социальных сетях. Наибольшее число статей посвящено исследованию работы некоммерческого сектора в Twitter, на втором и третьем месте по упоминаемости в статьях — посты в запрещенных в России социальных сетях. Вместе с тем Л. О’Салливан и З. Хьюз утверждают, что регулярные и разнообразные публикации обеспечивают уровень поддержки, который имеет широкий охват и является экономически эффективным [9, с. 135–136].

Кроме того, другие исследователи доказывают, что разный тип контента вызывают различную ответную реакцию: визуальный контент приводит к большему числу лайков, рациональное и интерактивное наполнение — к комментариям, а сочетание этих типов контента может приводить к репостам [10, с. 445–446]. По мнению авторов, функция «не нравится» в социальных сетях — это поведение, управляемое эмоциями, комментарий — это более осознанное поведение, а репост — это комбинация их обоих. В статье рассматриваются особенности использования социальных сетей и этих же типов контента, но со стороны особого вида организаций — ресурсных центров, потребителем контента которых как раз и являются некоммерческие организации.

Количественная характеристика ресурсных центров Свердловской области

Всего, по данным Министерства экономики и территориального развития Свердловской области, на территории Свердловской области функционируют 19 ресурсных центров по поддержке СОНКО, из которых 6 ресурсных центров зарегистрированы в городе Екатеринбурге и распространяют свою деятельность на территорию всего региона. Распределение и численность ресурсных центров на территории Свердловской области представлены на рисунке 3.

На рисунке 3 показано, что ресурсные центры распределены по территории Свердловской области неравномерно. Наименьшая их численность размещена в северной, восточной и южной частях Свердловской области и далеко не во всех крупных городах. Всего ресурсные центры охватывают чуть больше 14 % (14,7 %) муниципальных образований Свердловской области (14 из 95). Вместе с тем, действующие на территории ресурсные центры отличаются по функционалу и подразделяются на узкопрофильные и многофункциональные, как представлено на рисунке 4.

Рис. 3. Распределение ресурсных центров по территории Свердловской области (источник: Информация о работе в Свердловской области ресурсных центров для некоммерческих организаций // Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. <http://economy.midural.ru/content/aktualizirovana-informaciya-o-rabote-v-sverdlovskoy-oblasti-resursnyh-centrov-dlya> (дата обращения: 28.12.2022))

Подавляющее большинство ресурсных центров, действующих на территории Свердловской области, относятся к многопрофильным (11 из 19). Вместе с тем, из них 7 многопрофильных ресурсных центров зарегистрированы в разных городах области, а 4 — в городе Екатеринбурге. И если ресурсные центры, зарегистрированные в других муниципальных образованиях, ориентированы на работы в своих муниципалитетах, то многопрофильные ресурсные центры, зарегистрированные в Екатеринбурге, ставят своей целью работу на территории всей Свердловской области и, судя по названиям, ориентированы именно на СОНКО.

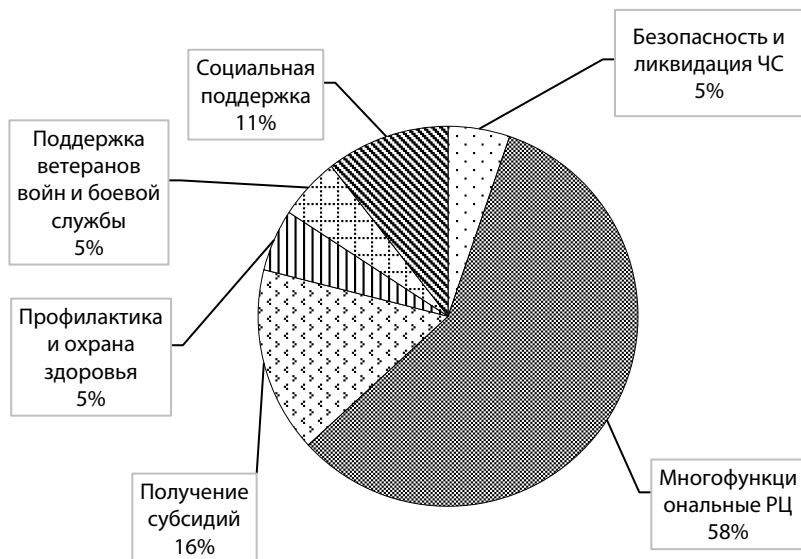

Рис. 4. Распределение ресурсных центров Свердловской области по профилю деятельности (источник: Информация о работе в Свердловской области ресурсных центров для некоммерческих организаций // Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. <http://economy.midural.ru/content/aktualizirovana-informaciya-o-rabote-v-sverdlovskoy-oblasti-resursnyh-centrov-dlya> (дата обращения: 28.12.2022))

Сравнение публичных страниц ресурсных центров

Все ресурсные центры, действующие на территории региона, имеют длинные названия с большим количеством аббревиатур. В названии 6 из 19 ресурсных центров содержится фраза «Ресурсный центр». С учетом схожести названий и многопрофильности заявленных направлений деятельности можно говорить если не о конкуренции, то о некотором дублировании функционала этих организаций. Без дополнительного исследования функционала и задач конкретного ресурсного центра получателям их услуг достаточно сложно разобраться, куда им следует обращаться за поддержкой. Данный аргумент легко проиллюстрировать следующим примером. По названию «Региональный ресурсный центр» и территориальной привязке к Свердловской области в социальной сети «ВКонтакте» можно найти 2 схожих группы «РРЦ. Региональный ресурсный центр» и «Региональный ресурсный центр для СО НКО». Главные страницы сообществ в социальной сети «ВКонтакте» представлены на рисунке 5.

По названию, оформлению и наполнению эти сообщества очень похожи, и только контент-анализ главной страницы сообщества с названием «РРЦ. Региональный ресурсный центр» позволяет увидеть в описании, что это сообщество занимается сопровождением деятельности школ искусств в Свердловской области, то есть это один из узкопрофильных ресурсных центров, действующих на территории Свердловской области. При этом контент-анализ главных страниц этих сообществ по ряду параметров свидетельствует о том, что группа «РРЦ. Региональный ресурсный центр» является более официальной и востребованной пользователями. Сравнительный анализ главных страниц этих сообществ по количественным параметрам представлен в таблице.

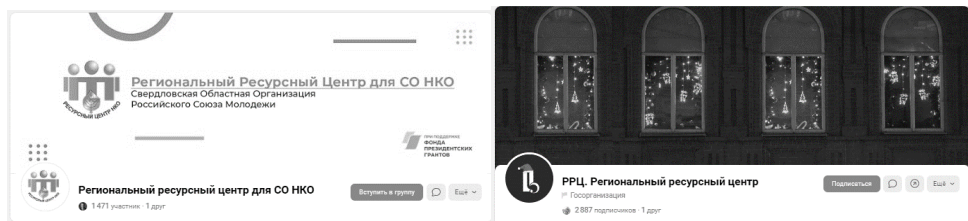

Рис. 5. Публичные страницы по запросу «Региональный ресурсный центр» с указанием территории

Таблица

Контент-анализ сообществ с названием «Региональный ресурсный центр»

Параметр сравнения	Региональный ресурсный центр для СО НКО	РРЦ. Региональный ресурсный центр
Адрес страницы	https://vk.com/trc_nko	https://vk.com/trcural
Территория деятельности	Свердловская область	Свердловская область
Профиль организации	Многопрофильная	Узкопрофильная
Тип сообщества	Не указан	Госорганизация
Верификация сообщества	Отсутствует	Статус подтвержден через Госуслуги
Информация, указанная в описании	Функционал, контактный телефон, адрес, сайт	Функционал, контактный телефон, адрес, сайт, режим работы
Количество подписчиков	1471	2887
Количество постов за 2022 г.	816	345

Источник: Региональный ресурсный центр для СО НКО. Официальная группа Вконтакте. 2022. https://vk.com/trc_nko (дата обращения: 28.12.2022).

Контент-анализ публикаций Ресурсного центра СОНКО Свердловской области

Нами проведен контент-анализ публикаций на странице ресурсного центра «Региональный ресурсный центр для СО НКО» за 2022 г., поскольку он является многопрофильным и ориентирован на поддержку НКО на территории всей Свердловской области. Среди 15 обсуждений в группе, самым активным из которых является «Электронная библиотека РРЦ || Материалы семинаров РРЦ СО НКО» и содержит 59 сообщений. Второе по активности обсуждение имеет уже 11 сообщений, что почти в пять раз меньше, и связано с грантами, субсидиями и конкурсами для НКО. Если анализировать посты в группе, то можно увидеть, что реакция пользователей сообщества на них крайне слабая, среднее количество лайков на один пост равно 7, комментарии появляются крайне редко, на все 816 постов приходится 167 комментариев. Среднее количество просмотров на пост составляет 303, что почти в 5 (в 4,86) раз меньше, чем количество подписчиков в сообществе (1474 человека). Получается, что посты смотрит только одна пятая часть аудитории.

Если рассматривать сами посты, то они ориентированы на уже действующие НКО, в том числе и начинающие, но лишь каждый третий пост. Там предлагаются ссылки, записи на вебинары и полезные материалы. Готовые гайды и инструкции в простом, удобном и популярном формате инфографики за 2022 г. отсутствуют. На рисунке 6 представлено распределение постов в сообществе «Региональный ресурсный центр для СО НКО» по типу контента.

Значимой проблемой, на наш взгляд, также является отсутствие навигации по темам. Исходя из контента, имеющегося в сообществе, невозможно идентифицировать

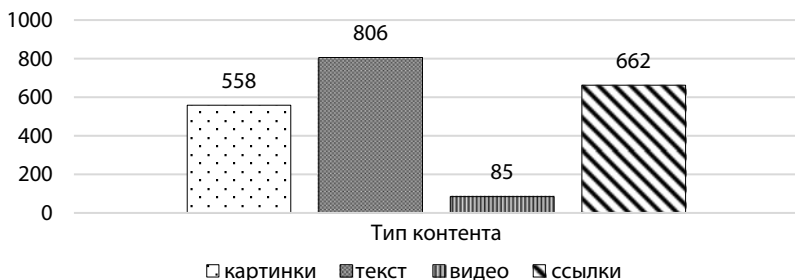

Рис. 6. Распределение постов ресурсного центра за 2022 год по типу контента (источник: Региональный ресурсный центр для СО НКО. Официальная группа Вконтакте. 2022. https://vk.com/rrc_nko (дата обращения: 28.12.2022))

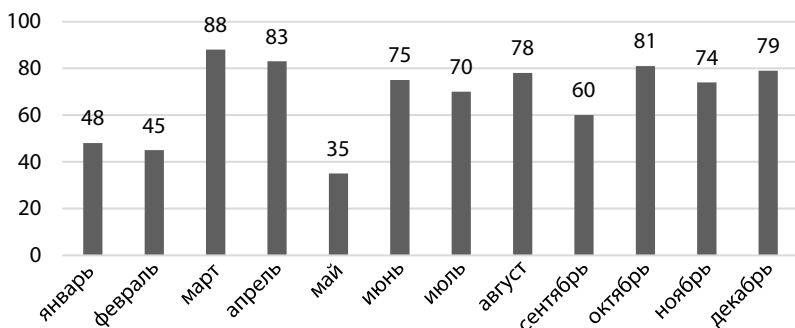

Рис. 7. Количество «лайков» на постах по месяцам за 2022 г. (источник: Региональный ресурсный центр для СО НКО // Официальная группа Вконтакте. https://vk.com/rrc_nko (дата обращения: 28.12.2022))

единую информационную повестку, а полезная информация, пусть и из разных сфер и под разные запросы теряется в другом контенте. Единственным вариантом для пользователя остается подписаться и мониторить каждый пост и надеяться, что в одном из них он найдет нужную информацию. Но, если судить по охватам, то такой вариант использования группы устраивает очень небольшую часть аудитории. Один из самых популярных по количеству просмотров стал онлайн-учебник по организации волонтерской деятельности, по количеству лайков — объявление о предлагаемом содействии НКО в поиске автоволонтеров и доставке врачей в любом городе. На рисунке 7 представлено помесечное распределение лайков на постах сообщества.

На диаграмме видно, что внимание к информации в течение года распределено неравномерно. В январе, феврале и мае 2022 г. наблюдаются значительные провалы в количественных показателях. Анализ репостов, то есть тех постов, которыми пользователи считали нужным поделиться с другими людьми, а также комментариев позволил выявить наиболее популярные посты в этом приближении. Пост, набравший наибольшее количество репостов (46), является методическим пособием для социально ориентированных некоммерческих организаций «НКО как поставщики социальных услуг». Возможно, активная пересылка поста связана с желанием сохранить для себя ценную информацию или распределить ее для сотрудников своих организаций. Стоит отметить, что в среднем на один пост в группе было оставлено менее

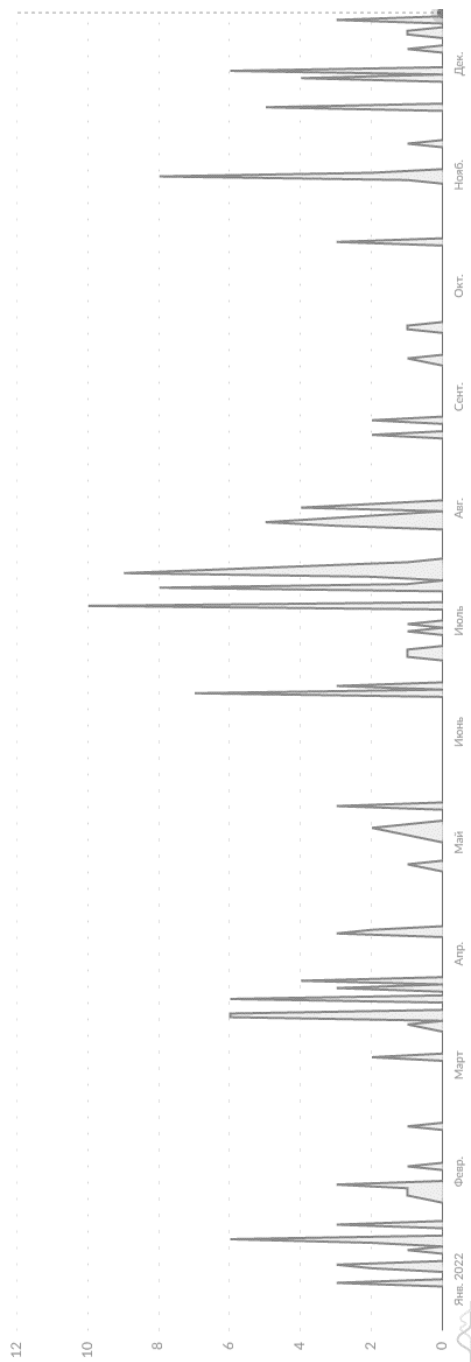

Рис. 8. Динамика количества комментариев в 2022 г. (источник: Региональный ресурсный центр для СО НКО // Официальная группа Вконтакте. 2022. https://vk.com/rsc_nko (дата обращения: 28.12.2022))

одного комментария. Динамика количества комментариев за 2022 г. представлена на рисунке 8.

Заключение

Среди проблем информационного обеспечения деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций многие авторы отмечают нерегулярность и бессистемность использования социальных сетей, неполноту размещенной там информации и ведение аккаунтов без привлечения специалистов [5, с. 230]. Схожие проблемы были выявлены нами в ходе анализа деятельности одного из многопрофильных ресурсных центров СОНКО Свердловской области в социальных сетях. Безусловно, каждой организации важно делиться новостями о своей деятельности, но наибольший объем контента должен быть посвящен непосредственно консультационным, информационным и методическим материалам, которые, как показывают результаты нашего исследования, как раз и являются наиболее востребованными на фоне других постов среди представителей НКО. Ресурсным центрам необходимо отдать предпочтение именно таким публикациям, используя разные типы контента, включая видео и инфографику для повышения вовлеченности и активности пользователей сообщества. Также в числе рекомендаций, которые можно сформулировать по результатам исследования с целью повышения информационной поддержки деятельности НКО, следует отметить, необходимость структурирования информации и имиджевой отстройки от других организаций со схожим функционалом, чтобы при поиске такой организации у руководителей СОНКО не возникало сомнений, в каком сообществе размещена более актуальная для них информация. Это позволило бы существенно повысить качество и скорость информационной поддержки СОНКО со стороны ресурсных центров.

Благодарность

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Acknowledgements

The study was conducted within the framework of the project «Russian pro-natalist policy support institutions: potential and prospects of impact on fertility growth», supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation for State Support to Leading Scientific Schools of the Russian Federation (NSH-1327.2022.2).

Список источников

- [1] Мухаметов Р. С. Некоммерческая организация как категория политической науки // *Studia Humanitatis*. 2016. № 2. С. 12.
- [2] Сапожникова К. А. Потенциал социально ориентированных некоммерческих организаций в поддержке российской пронаталистской политики // *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий*. Мат.-лы VIII междунар. науч.-практ. конф.; 18-19 апр. 2022 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. Т. 1. С. 197-202.
- [3] Владимирцева С. Ю. Количественные показатели развития некоммерческого сектора в Российской Федерации // *Весенние дни науки. Сб. докладов Междунар. конф. студентов и молодых ученых*; 22-24 апр. 2021 г. Екатеринбург: УрФУ, 2021. С. 375-379.

- [4] Саутова Д. Г. Багирова А. П. Использование информационного ресурса пронаталистской политики в муниципальных образованиях Свердловской области // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 3(36). С. 69-80. <http://doi.org/10.22394/2304-3385-2021-3-69-80>.
- [5] Бахматова Т. Г., Хроменкова А. Е. Проблемы информационного обеспечения деятельности некоммерческих организаций по работе с волонтерами: общие тенденции и анализ кейса // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31(2). С. 230-240. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31\(2\).230-240](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31(2).230-240).
- [6] Певная Е. И., Певная М. В. Волонтерские сообщества Среднего Урала в социальной сети «ВКонтакте» // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Мат-лы II междунар. науч.-практ. конф.; 18-20 апр. 2016 г. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2016. С. 203-206.
- [7] Смирнов В. А. Онлайн-сообщества российских волонтеров (на примере социальной сети VKontakte) // Вестник Московского университета. 2019. Т. 25. № 3. С. 71-93. (Сер.: Социология и политология).
- [8] Mato-Santiso V., Rey-García M., Sanzo-Pérez M. J. Managing multi-stakeholder relationships in nonprofit organizations through multiple channels: A systematic review and research agenda for enhancing stakeholder relationship marketing // Public Relations Review. 2021. Vol. 47. No. 4. P. 2-17. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2021.102074>.
- [9] O'Sullivan L., Hughes Z. Incorporating Facebook1 into Nonprofit Supports for Family Caregivers: Reflections on its Value and Relevance // Journal of Technology in Human Services. 2019. Vol. 37. No. 2-3. P. 129-141. <https://doi.org/10.1080/15228835.2019.1620669>.
- [10] Kim C., Yang S.-U. Like, comment, and share on Facebook: How each behavior differs from the other // Public Relations Review. 2017. Vol. 43, No. 2. P. 441-449. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2017.02.006>.

References

- [1] Mukhametov R. S. Non-profit organization as a category of political science // Studia Humanitatis. 2016. No. 2. P. 12.
- [2] Sapozhnikova K. A. The potential of socially oriented non-profit organizations to support the Russian pronatalist policy // Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the VIII International scientific and practical conference (April 18-19, 2022): in two volumes. Ural University Press: Ekaterinburg, 2022. Volume 1. P. 197-202.
- [3] Vladimirtseva S. Yu. Quantitative indicators of the non-profit sector development in the Russian Federation // Spring days of science: collection of reports of the International Conference of Students and Young Scientists (April 22-24, 2021). Ekaterinburg: UrFU, 2021. P. 375-379.
- [4] Saitova D. G., Bagirova A. P. The use of information resource of pronatalist policy in municipalities of the Sverdlovsk region // Municipality: Economics and Management. 2021. No. 3(36). P. 69-80.
- [5] Bakhmatova T. G., Khromenkova A. E. Problems of Information Support of Non-Profit Organizations Working with Volunteers: General Trends and a Case-Analysis // Bulletin of Baikal State University. 2021. Vol. 31(2). P. 230-240. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31\(2\).230-240](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31(2).230-240).
- [6] Pevnaya E. I., Pevnaya M. V. Middle Urals volunteer communities in the social network «VKontakte» // Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the II Intern. scientific-practical. conf. (April 18-20, 2016). In 2 volumes. Т. 1. Ekaterinburg, 2016. P. 203-206.
- [7] Smirnov V. A. Online community of Russian volunteers (on the example of social network VKontakte) // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 71-93.

[8] *Mato-Santiso V., Rey-García M., Sanzo-Pérez M. J.* Managing multi-stakeholder relationships in nonprofit organizations through multiple channels: A systematic review and research agenda for enhancing stakeholder relationship marketing // *Public Relations Review*. 2021. Vol. 47. No. 4. P. 2-17. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2021.102074>.

[9] O'Sullivan L., Hughes Z. Incorporating Facebook1 into Nonprofit Supports for Family Caregivers: Reflections on its Value and Relevance // *Journal of Technology in Human Services*. 2019. Vol. 37. No. 2-3. P. 129-141. <https://doi.org/10.1080/15228835.2019.1620669>.

[10] *Kim C., Yang S.-U.* Like, comment, and share on Facebook: How each behavior differs from the other // *Public Relations Review*. 2017. Vol. 43. No. 2. P. 441-449. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2017.02.006>.

Информация об авторах

Сайтова Дарья Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-0265-074X> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: dgsaitova@urfu.ru).

Храмцов Данила Алексеевич — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: danila.khramtsov@bk.ru)

About the authors

Daria G. Saitova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Academic Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-0265-074X> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: dgsaitova@urfu.ru).

Danila A. Khramtsov — Student, Ural Federal University (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: danila.khramtsov@bk.ru)

V. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ВОПРОСЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-1>

УДК 910,1

JEL classification: J11, P23

ГИС-ТЕХНОЛОГИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: БАЗА ДАННЫХ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ¹

Е. А. Антипова^а, А. В. Дыдышко^б

^{а, б} Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

^а <https://orcid.org/0000-0001-7862-5500>

Автор для корреспонденции: Е. А. Антипова (antipovaekaterina@gmail.com)

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы систематизации больших данных при создании геоинформационных систем (ГИС) для обеспечения региональной демографической безопасности Республики Беларусь. Авторами представлены система показателей эмпирического анализа демографической безопасности, фрагменты атрибутивных таблиц в среде ArcGIS. Охарактеризован процесс визуализации демографической информации с использованием ГИС-технологий. Кратко представлены этапы, отражающие процесс непосредственной работы с ГИС-инструментарием. Описана значимость ГИС-картографирования для проведения анализа демографических процессов. Раскрывается важность создания базы данных для хранения и обработки большого количества информации с целью ее дальнейшего применения в практике регионального управления.

Ключевые слова: региональная демографическая безопасность; ГИС-технологии; демографические данные; баз данных; ГИС-картографирование

GIS Technologies in Ensuring Regional Demographic Security of the Republic of Belarus: Database and Visualisation

Е. А. Antipova^а, А. V. Dydysenko^б

^{а, б} Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

^а <https://orcid.org/0000-0001-7862-5500>

Corresponding author: Е. А. Antipova (antipovaekaterina@gmail.com)

Abstract. The article examines issues of systematisation of big data when creating geographic information systems (GIS) to ensure regional demographic security of the Republic of Belarus. The paper offers a system of indicators for empirical analysis of demographic security and fragments of attribute tables in the ArcGIS environment. The visualisation of demographic information using GIS technologies is described. The stages of the process of direct work with GIS tools are briefly presented. The importance of GIS-mapping for the analysis of demographic processes is substantiated. The research reveals the significance of creating a database for storing and processing a large amount of information with a view to its further application in the practice of regional management.

Keywords: regional demographic security; GIS technologies; demographic data; database; GIS mapping

¹ © Антипова Е. А., Дыдышко А. В. Текст. 2023.

Введение

Статистические данные представляют собой объемный и широкий пласт информации, отражающий действительность и указывающий на реальную обстановку в тех или иных странах и регионах мира. В условиях высокой дифференциации явлений и процессов на разных территориях важно проводить детальное изучение имеющихся данных для их корректного анализа, оценки, прогнозирования и моделирования. Среди важных тем для обсуждения остаются вопросы демографического развития территорий. В Республике Беларусь наблюдается значительная территориальная дифференциация демографического развития, что позволяет выделять среди регионов относительно устойчивые в контексте демографической безопасности, неустойчивые и крайне неустойчивые. По причине наличия большого количества пространственных показателей, отражающих региональную демографическую ситуацию, важно систематизировать и упорядочивать данные с целью их грамотного отображения и получения достоверных умозаключений. Ввиду этого появляется необходимость создания региональных демографических геоинформационных систем (ГИС) с предметной базой данных, которые позволяют хранить и активно использовать всю имеющуюся необходимую информацию в практике регионального управления. В данной связи составление геодемографических информационных систем и использование ГИС-инструментария позволяют добиться желаемого результата и решить все поставленные задачи, связанные с хранением, обработкой и визуализацией пространственных данных о населении.

Основная часть

В последнее время все большую актуальность приобретает создание отраслевых ГИС. В контексте данного исследования рассматриваются некоторые аспекты создания геодемографической информационной системы Беларуси и региональных демографических ГИС.

Исследования в области ГИС основываются на общих идеях картографии и многолетнем опыте картографирования населения и демографических процессов, связанных с ним. Геоинформационное картографирование позволяет рассмотреть процессы демографического развития в динамике, выделить характерные особенности формирования, оценить демографическую обстановку в разных регионах мира.

К настоящему моменту проведено немало исследований как отечественных, так и зарубежных ученых на тему использования ГИС-технологий для изучения населения. Среди некоторых основных можно выделить следующих. А. М. Берлянт занимался вопросами геоинформационного картографирования, рассматривал его особенности, активно освещал проблемы геоинформационного образования [1]; С. А. Тимонин разрабатывал методики создания атласной демографической информационной системы России, активно продвигал подходы к использования данной системы в прикладных исследованиях для оптимизации размещения объектов социальной инфраструктуры [2]; А. И. Игонин разработал методику создания справочно-аналитической геоинформационной системы для исследования и анализа пространственных закономерностей демографического развития регионов Европы и Азиатской части России [3].

В Республике Беларусь ГИС-технологии для изучения характеристик населения активно применяются на базе факультета географии и геоинформатики Белорусского государственного университета. Активно ведутся обсуждения практической

значимости географических информационных систем для демографических исследований с целью обеспечения региональной демографической безопасности. Также происходит активная разработка геодемографической информационной системы по изучению старения (ГДИСС) [4]. Проводимые исследования направлены на расширение возможностей для упрощения принятия решений в области социально-демографической политики, а также для преобразования процесса исследования демографических процессов.

Сегодняшняя реальность диктует условия, в которых обращение к ГИС-технологиям является реальностью цифровой эпохи по причине удобства обнаружения пространственных взаимосвязей, что неизбежно прослеживается в современных научных трудах.

В качестве основной цели данного исследования было выделено создание базы статистических данных, отражающей демографические характеристики населения Республики Беларусь, которая бы помогала оперативно и наглядно осуществлять визуализацию информации с помощью ГИС-инструментария для дальнейшего ее анализа и рассмотрения.

Таблица 1

Основные показатели базы данных региональных ГИС Республики Беларусь, 1999, 2009, 2019 гг.

Модуль основных показателей	Показатели	Пространственные уровни
1. Динамика численности населения	Численность населения по годам, тыс. чел.	— страна; — область; — район; — город
	Ежегодный рост / сокращение численности всего населения, %	
	Ежегодный рост / сокращение численности населения моложе трудоспособного возраста, %	
	Ежегодный рост / сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, %	
	Ежегодный рост / сокращение численности населения старше трудоспособного возраста, %	
2. Возрастная структура населения	Численность и доля населения моложе трудоспособного возраста, чел., %	— страна; — область; — район; — город
	Численность и доля населения в трудоспособном возрасте, чел., %	
	Численность и доля населения старше трудоспособного возраста, чел., %	
3. Естественное движение населения	Абсолютные показатели численности родившихся, умерших, естественного прироста / убыли, чел.	— страна; — область; — район; — город
	Общий коэффициент рождаемости, ‰	
	Общий коэффициент смертности, ‰	
	Общий коэффициент естественного прироста / убыли, ‰	
	Суммарный коэффициент рождаемости	
4. Миграция населения	Численность прибывших, чел., ‰	— страна; — область; — район; — город
	Численность выбывших, чел., ‰	
	Сальдо миграции, чел., ‰	
	Миграционный оборот, чел., ‰	

В процессе формулировки конкретного запроса при проведении исследования было принято решение сформировать базу данных, содержащую основные показатели демографического развития территорий Республики Беларусь, для обеспечения региональной демографической безопасности. Было включено несколько пространственных уровней, среди которых были выделены страна в целом, область, административный район, город, сельская местность. В качестве основных временных ограничителей были выбраны годы проведения в Республике Беларусь переписей населения: 1999, 2009 и 2019 гг. Основные показатели, характеризующие население, были отобраны в соответствии с их разделением на следующие модули: динамика численности населения, возрастная структура населения, естественное движение населения; миграция населения (табл. 1).

Данный набор показателей помогает в динамике сформировать представление о территориальных различиях в численности населения 118 административных районов страны, ее росте или сокращении, распределяет население по возрастным характеристикам, отображает уровень рождаемости, смертности и естественного прироста

Таблица 2

Показатели естественного движения населения в административных центрах районов Брестской области Республики Беларусь за 2019 г.

Населенный пункт	Число родившихся, чел.	Число умерших, чел.	Естественный прирост, убыль, чел.	Общий коэффициент рождаемости, ‰	Общий коэффициент смертности, ‰	Общий коэффициент естественного прироста/убыли, ‰
Брестская область						
Барановичи	1676	1920	-244	9,6	11,0	-1,4
Береза	325	289	36	11,4	10,1	1,3
Белоозерск	98	132	-34	8,6	11,6	-3,0
Брест	3655	2919	736	10,8	8,6	2,2
Ганцевичи	140	128	12	10,2	9,3	0,9
Дрогичин	189	171	18	12,7	11,5	1,2
Жабинка	195	145	50	13,9	10,4	3,6
Иваново	214	140	74	12,9	8,4	4,5
Ивацевичи	271	189	82	12,2	8,5	3,7
Коссово	15	32	-17	7,9	16,8	-8,9
Каменец	82	92	-10	9,8	11,0	-1,2
Высокое	44	53	-9	9,2	11,0	-1,9
Кобрин	561	545	16	10,7	10,4	0,3
Лунинец	282	249	33	11,8	10,4	1,4
Микашевичи	147	137	10	11,7	10,9	0,8
Ляховичи	117	110	7	10,9	10,3	0,7
Малорита	144	108	36	11,3	8,4	2,8
Пинск	1486	1357	129	11,8	10,7	1,0
Пружаны	144	221	-77	7,6	11,7	-4,1
Столин	151	115	36	11,7	8,9	2,8
Давид-Городок	54	101	-47	9,3	17,4	-8,1

Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. <https://www.belstat.gov.by>.

MAME 2	FID	Shape *	ID 1	ID 2	дс99 19	РОЖДС	СМЕРС	КЕПС	0-14 чел	15-55 чел	55+ чел	0-14 %	15-55 %	55+ %	ММГР
Брестский	2	Полigon	1	3	1	10,7	10,8	-0,1	9202	24152	10541	20,8	54,4	23,7	6,73
Дропчинский	1	Полigon	1	4	-40,1	10,7	25,1	-14,4	3047	9693	6485	15,1	50,3	33,7	-6,32
Ивановский	5	Полigon	1	6	-38,1	10,4	22,9	-12,5	3368	10638	6692	15,6	51,3	32,3	-8,66
Каменицкий	7	Полigon	1	8	-31,2	12,5	21,8	-9,3	3543	10369	5711	17,3	52,8	29,1	-11,68
Кобринский	8	Полigon	1	9	-22	11,9	17,9	-5,9	5750	16444	8818	17,9	53	28,4	-2,49
Малоритский	11	Полigon	1	12	-36,4	9,7	23,2	-13,5	1644	5574	3471	14,8	52,1	32,4	0,09
Линский	12	Полigon	1	13	-28,4	10,9	21	-10,1	7309	20707	12774	17,3	50,4	31,1	-2,99
Пружанский	13	Полigon	1	14	-44,8	9,9	24,9	-15	3152	10250	6812	14,8	50,6	33,6	-3,17
Столинский	14	Полigon	1	15	-24,4	16,7	17,5	-0,8	9896	23924	12101	21,1	51,6	26,1	-4,39
Брагинский	17	Полigon	2	18	-47,3	11,7	22,9	-11,1	1076	3134	1584	17,6	54,3	27,4	-3,05
Черечский	20	Полigon	2	20	-41,6	11,3	22,5	-11,2	1013	1506	1650	16,5	54,4	28,1	-6,22
Добрушский	20	Полigon	2	21	-38,7	9,7	25	-15,3	2393	7645	4740	15,6	51,7	32,1	0,47
Гомельский	21	Полigon	2	22	-5,9	9,7	15,7	-6	12381	36567	17918	18,2	54,1	26,5	0,94
Хойникский	22	Полigon	2	25	-43,7	15	20,6	-5,6	1263	3198	1576	19,9	53,4	26,3	-8,38
Лоевский	24	Полigon	2	26	-45,3	11,3	27,1	-15,9	838	2633	1859	14,8	49,4	34,9	-8
Лельчицкий	26	Полigon	2	27	-41	9,8	22,6	-12,8	2171	6295	3937	16,6	50,8	31,8	-3,6
Навлянский	28	Полigon	2	29	-51,9	12,1	21,7	-9,6	368	1166	817	14,9	49,3	34,6	1,39
Ветковский	33	Полigon	2	34	-32,3	11	23,3	-12,4	1506	4749	2758	16,1	52,5	30,5	4,31
Ельский	34	Полigon	2	35	-44,1	12,5	25,7	-13,3	1001	3124	1817	16,1	52,8	30,7	-7,13
Ошмянский	37	Полigon	3	38	-35,5	10,9	20,9	-10,1	2153	7374	4059	15,1	54,5	15,5	-3,54
Островецкий	38	Полigon	3	39	-28,5	8,3	16,8	-8,5	2148	8000	4294	14,5	55,4	29,7	26,4
Берестовский	39	Полigon	3	40	-27,8	8,8	23,5	-14,7	1493	5044	3080	14,9	52,5	32	-5,14
Гродненский	41	Полigon	3	42	-29,1	8,5	17	-8,5	5980	20699	11584	15,4	53,6	30	4,33
Ивьевский	42	Полigon	3	43	-50,7	8,5	31,1	-22,6	1751	6451	4398	13,1	51,1	34,8	-2,91
Свислочьский	47	Полigon	3	48	-53,5	6,9	34,9	-28	780	3219	3137	10,1	45,2	44	-18,41
Щучинский	48	Полigon	3	49	-57,6	8,8	36,5	-27,7	1768	7921	6442	10,2	49,2	40	-1,24
Борозновский	52	Полigon	3	53	-41,7	9,8	21,6	-11,8	2413	8316	4459	15	54,7	29,3	-15,53
Горечий	62	Полigon	4	63	-50,5	9,3	23,9	-14,6	1342	4858	3501	13,1	50,3	36,2	-3,23
Костюковичский	63	Полigon	4	64	-50,4	11,2	25,2	-14	1009	3914	2147	13,5	55,5	30,4	-10,34
Хотимский	64	Полigon	4	65	-52,7	7	27	-20	562	2197	1362	12,9	53,7	33,3	-4,16
Климовичский	67	Полigon	4	68	-49,7	7,1	27,1	-20	1098	4260	2652	13	53,5	33,3	-12,45
Краснопольский	68	Полigon	4	69	-49,2	10,6	23,6	-13,1	537	2040	927	14,4	58,6	26,6	-12,91
Кричевский	70	Полigon	4	71	-48,2	11,2	30	-18,8	747	2694	1632	13,9	53,3	32,3	-5,14
Мстиславский	72	Полigon	4	73	-49,2	8,9	27	-18,2	1318	5100	3008	13,2	54,4	32,1	-10,7
Браславский	98	Полigon	6	99	-38,3	8,3	22,3	-13,9	1778	7297	4200	12,9	55,1	31,7	-0,37
Дубровенский	102	Полigon	6	103	-37,4	8,8	24,5	-15,8	998	3835	2270	13,5	53,9	31,9	-5,82
Городокский	103	Полigon	6	104	-49,4	8,5	30,4	-22	1079	4342	3338	11,6	49,8	38,3	0,68
Лозьновский	106	Полigon	6	107	-34,4	6,1	19,1	-13,1	1158	4840	3105	12,2	53,4	34,2	-7,45
Мирский	107	Полigon	6	108	-51	10,1	31,3	-21,2	1275	5014	3134	12,8	53,3	33,3	-6,26
Поставский	108	Полigon	6	109	-46,4	7,7	25,7	-18	1479	5751	3815	12,7	52,2	34,7	-1,65

43 (1 из 44 Выбранные)

Рис. 1. Фрагмент атрибутивной таблицы с демографическими данными по приграничному району Республики Беларусь (источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. <https://www.belstat.gov.by>)

или убыли населения в разных регионах, указывает на количество выбывших и прибывших в тот или иной район, а также общие показатели миграционного оборота и ее сальдо.

Первоначально база данных с демографическими характеристиками населения была сформирована с использованием Microsoft Excel. В таблице 2 представлен фрагмент базы данных, содержащий информацию об административных центрах районов Брестской области, отражены показатели естественного движения населения за 2019 г.

В качестве основного ГИС-приложения, с помощью которого имеется возможность производить работу с большими и объемными данными, было выбрано ArcMap 10.7. Задачи, которые способно решать данное программное обеспечение, обширны и разнообразны. Легкость создания и редактирования необходимых наборов данных, а также наглядность их отображения позволяет быстро удовлетворять те запросы, которые требуют графической визуализации.

Таким образом, информация об основных демографических показателях была перенесена в атрибутивные таблицы ArcMap, после чего их можно активно использовать

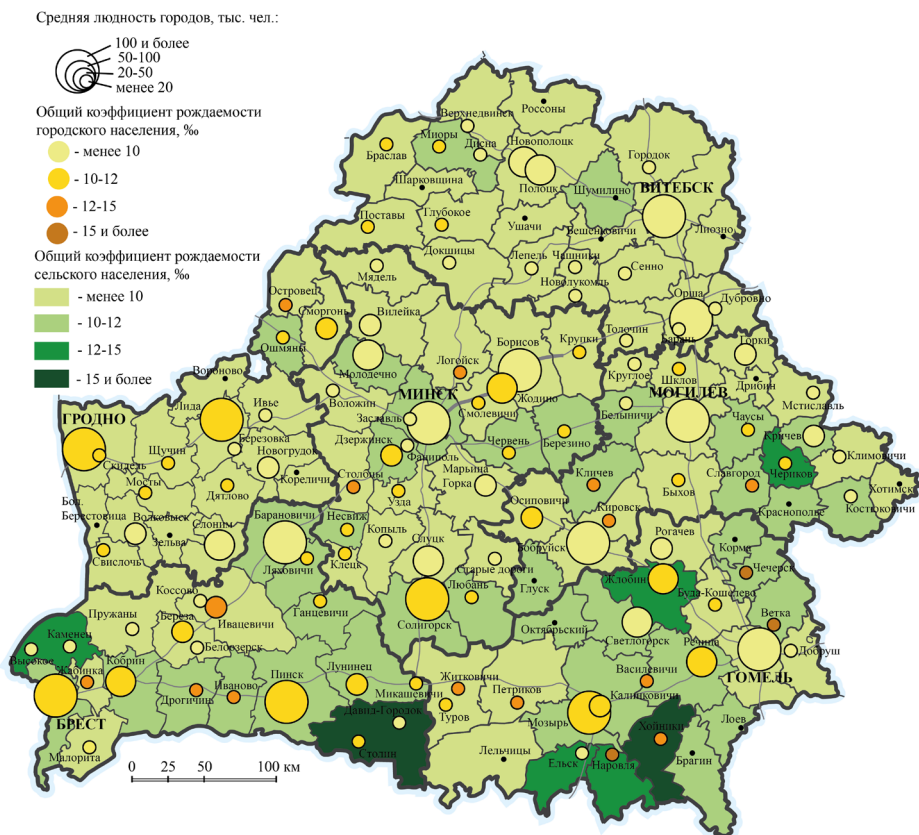

Рис. 2. Рождаемость населения Республики Беларусь, 2019 г. (источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. <https://www.belstat.gov.by>)

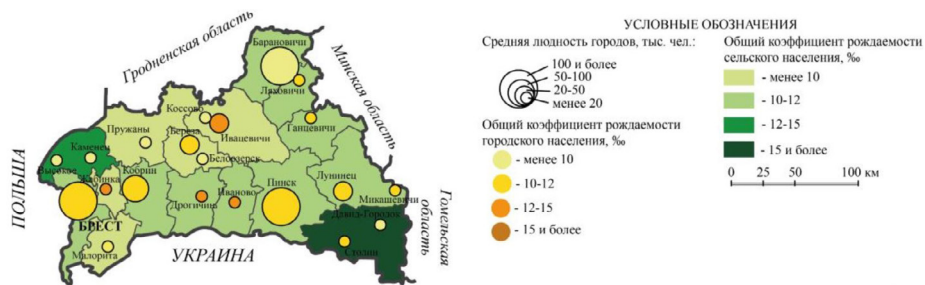

Рис. 3. Рождаемость населения Республики Беларусь, 2019 г. (источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. <https://www.belstat.gov.by>)

для отображения на картах и дальнейшего анализа. На рисунке 1 представлен фрагмент атрибутивной таблицы, содержащий информацию в определенной выборке административных районов Республики Беларуси, которые непосредственно прилегают к территориям соседних государств.

Пройдя этап внесения информации в атрибутивные таблицы, можно переходить к этапу непосредственной визуализации необходимых демографических процессов. Так, например, на карте была изображена информация, содержащая данные о рождаемости населения в 118 административных районах и 115 городах Республики Беларусь, с использованием способов картографирования населения [6]. В качестве основного слоя была выбрана Республика Беларусь, выделены границы областей страны, а также административных районов. Обозначены города Республики Беларусь. (рис. 2).

В связи с задачей исследования по созданию региональных демографических ГИС Республики Беларусь с использованием приемов ГИС-картографирования все демографические показатели были картографированы по шести административным областям страны. На рисунке 3 представлена территориальная дифференциация Брестской области по общему коэффициенту рождаемости.

Заключение

Создание единых баз данных, содержащих полный объем информации демографического характера, позволяет быстро и оперативно производить необходимые манипуляции с большим объемом данных и удовлетворять появляющиеся запросы. Многогранные возможности ГИС-инструментария позволяют визуализировать информацию для ее дальнейшего анализа и более подробного и наглядного рассмотрения. Широкий спектр возможностей, которые позволяют применять различные методы геоинформационного картографирования, дает возможность отражать информацию различными способами, что способствует повышенному вниманию к вопросам использования ГИС-технологии в картографировании населения и демографических процессов.

В дальнейшем планируется дополнять и расширять базу демографических данных, включая в нее все большее количество различных показателей, характеризующих демографическое развитие территорий, с целью обеспечения региональной демографической безопасности Республики Беларусь.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках НИР «Совершенствование теоретико-методологических основ оценки региональной демографической безопасности и человеческого капитала Республики Беларусь в контексте глобализации мировой экономики» (№ ГР 20211948) задания 3.04 «Научные основы развития человеческого капитала в контексте обеспечения социальной, демографической, экологической и экономической безопасности в Республике Беларусь» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма «Экономика».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the research «Improving the Theoretical and Methodological Framework for Assessing Regional Demographic Security and Human Capital of the Republic of Belarus in the Context of World Economy Globalization» (No. GR 20211948) task 3.04 «Scientific basis of human capital development in the context of social, demographic, ecological and economic security in the Republic of Belarus», GPNI «Society and Human Security of the Belarusian State», sub-program «Economy».

Список источников

- [1] Берлянт А. М. Геоинформационное картографирование / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Рос. акад. естеств. наук. Москва: Астрей, 1997. 64 с.
- [2] Тимонин С. А. Атласная демографическая информационная система России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 2013. 26 с.
- [3] Игонин А. И. Создание справочно-аналитической геоинформационной системы мониторинга демографического развития Европы и Азиатской части России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 2012. 27 с.
- [4] Антипова Е. А., Чэнь Ли. Геодемографическая информационная система по изучению старения населения в Китае: концептуальная схема и данные // Актуальные вопросы устойчивого природопользования: научно-методическое обеспечение и практическое решение. Мат-лы междунар. науч.-практич. конференции, посвященной 60-летию НИЛ экологии ландшафтов факультета географии и геоинформатики БГУ, Минск, 9–11 нояб. 2022 г. Минск: БГУ, 2022. С. 274–280.
- [5] Жмойдяк Р. А. Социально-экономическая картография: курс лекций. Минск: БГУ, 2011. <http://www.elib.bsu.by> (дата обращения: 10.01.2023).
- [6] Университетская школа географической картографии. К 100-летию профессора К. А. Салищева / Под ред. А. М. Берлянта. Москва: Аспект Пресс, 2005. 270 с.
- [7] Берлянт А. М. Картография: Учебник для вузов. Москва: Аспект Пресс, 2002. 336 с.
- [8] Геоинформатика / Под ред. В. С. Тикунова. Москва: Академия, 2005. 480 с.
- [9] Adnan M. Towards real-time geodemographic information systems: design, analysis and evaluation. Doctoral thesis, UCL (University College London). 2011. 323 p.
- [10] Harris R., Sleight P., Webber R. Geodemographics, GIS and Neighbourhood Targeting. West Sussex England: Wiley. 2005. 313 p.

References

- [1] Berlyant A. M. Geoinformation mapping / Lomonosov Moscow State University, Russian Academy of Natural Sciences. M.: 1997. 64 p.
- [2] Timonin S. A. Atlas demographic information system of Russia: abstract of the dis. ... Candidate of Geographical Sciences: 25.00.33. Lomonosov Moscow State University. M., 2013. 26 p.
- [3] Igonin A. I. Creation of a reference and analytical geoinformation system for monitoring the demographic development of Europe and the Asian part of Russia: abstract of the dis. ... Candidate of Geographical Sciences: 25.00.24. Lomonosov Moscow State University. M., 2012. 27 p.

- [4] *Antipova E. A., Chen Li.* Geodemographic information system for the study of population aging in China: conceptual scheme and data // Materials of the International scientific-practical conference Topical Issues of Sustainable Nature Management: Scientific and Methodological Support and Practical Solution, dedicated to the 60th anniversary of the Research Laboratory of Landscape Ecology, the Faculty of Geography and Geoinformatics of the BSU, Minsk, November 9-11, 2022. Minsk, BSU, 2022. P. 274–280.
- [5] *Zhmoydiak R. A.* Socio-economic cartography: a course of lectures. Minsk: BSU, 2011. <http://www.elib.bsu.by> (accessed on: 10.01.2023).
- [6] University School of Geographical Cartography. To the 100th anniversary of Professor K.A. Salishchev / ed. by A. M. Berlyant. M.: Aspect Press, 2005. 270 p.
- [7] *Berlyant A. M.* Cartography: Textbook for universities. M.: Aspect Press, 2002. 336 p.
- [8] Geoinformatics / ed. by V. S. Tikunov. M.: Academy, 2005. 480 p.
- [9] *Adnan M.* Towards real-time geodemographic information systems: design, analysis and evaluation. Doctoral thesis, UCL (University College London). 2011. 323 p.
- [10] *Harris R., Sleight P., Webber R.* Geodemographics, GIS and Neighbourhood Targeting. West Sussex England: Wiley. 2005. 313 p.

Информация об авторах

Антипова Екатерина Анатольевна — доктор географических наук, профессор; профессор кафедры экономической и социальной географии, факультет географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0001-7862-5500> (Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4; e-mail: antipovaekaterina@gmail.com).

Дыдышко Аlesia Васильевна — стажер младшего научного сотрудника кафедры экономической и социальной географии, факультет географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4; e-mail: alesyadydyshko@gmail.com).

About the authors

Ekaterina A. Antipova — Dr. Sci. (Geogr.), Full Professor; Professor of the Department of Economic and Social Geography, Faculty of Geography and Geoinformatics, Belarusian State University; <https://orcid.org/0000-0001-7862-5500> (4, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus; e-mail: antipovaekaterina@gmail.com).

Alesya V. Dydyszko — Intern for Research Assistant, Department of Economic and Social Geography, Faculty of Geography and Geoinformatics, Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus; e-mail: alesyadydyshko@gmail.com).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-2>

УДК 910,1

JEL classification: J11, P23

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА В КИТАЕ В КОНТЕКСТЕ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ¹

Е. А. Антипова^а, Ли Чэнь^б

^{а, б} Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

^а <https://orcid.org/0000-0001-7862-5500>

Автор для корреспонденции: Е. А. Антипова (antipovaekaterina@gmail.com)

Аннотация. В статье с использованием сравнительно-географического, статистико-математического, картографического метода и ГИС-технологий выявлены пространственно-временные тенденции демографической нагрузки в Китае в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет, за 2000–2020 гг. на основании официальной национальной статистики. В ходе анализа установлено, что за последние 20 лет вследствие демографической политики по регулированию рождаемости произошло увеличение демографической нагрузки практически в два раза, что доказывает проявление интенсивного старения в стране. Анализ выявил территориальную дифференциацию демографическую нагрузку по величине и поляризацию провинций по трендам динамики. По трендам динамики демографической нагрузки в результате роста доли населения 65 и более лет на территории Китая выделяется две зоны: северо-центральная зона роста нагрузки и западно-южная зона — сокращения, с преобладанием первой.

Ключевые слова: Китай; демографическая нагрузка; ГИС-технологии; территориальная дифференциация; поляризация; зонирование по трендам динамики демографической нагрузки

Demographic Burden in China in the Context of Population Ageing

Е. А. Antipova^а, Li Chen^б

^{а, б} Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

^а <https://orcid.org/0000-0001-7862-5500>

Corresponding author: Е. А. Antipova (antipovaekaterina@gmail.com)

Abstract. Using the comparative-geographical, statistical-mathematical, cartographic methods, geographic systematisation and GIS technologies, the paper examines spatial and temporal trends in the demographic burden of the Chinese population aged 65+ years for 2000–2020. To this end, official national statistics were analysed. The analysis found that in the past 20 years the demographic burden has almost doubled as a result of the demographic policy regulating the birth rate, which proves the intensive ageing in the country. The research revealed territorial differentiation of the demographic burden in terms of magnitude and polarisation of provinces in terms of dynamics. According to the trends in the dynamics of the demographic burden of the population aged 65+ years, two zones can be distinguished in China: the north-central zone where the burden increases and the west-south zone characterised by its reduction, with the predominance of the first zone.

Keywords: China; demographic burden; GIS technologies; territorial differentiation; polarisation; zoning according to the dynamics of demographic burden

Введение

В процессе исторического развития человечества общественный прогресс, сопровождаемый индустриализацией, привел к снижению смертности населения,

¹ © Антипова Е. А., Ли Чэнь. Текст. 2023.

увеличению продолжительности жизни, за которыми последовало снижение рождаемости. Демографический переход обусловил изменения в возрастной структуре населения, основным из которых выступает старение, которое, в свою очередь, является объективной и неизбежной тенденцией современного развития мира. Китай является уникальной страной, где в кратчайшие сроки произошла смена типа воспроизводства населения, сократилась рождаемость населения и темпы роста численности населения, трансформировалась в сторону регрессии и старения возрастная структура населения. Как следствие, в стране происходит увеличение демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет. В условиях интенсивного старения изучение демографической нагрузки долей пожилого населения в Китае выступает актуальным объектом исследования с точки зрения последствий в социальной сфере, сфере занятости населения и пенсионной системе. В силу больших различий уровне социально-экономического развития и уровне жизни населения в разрезе провинций и между городами и сельской местностью в Китае приобретает значимость анализ демографической нагрузки долей пожилого населения с позиций экономической географии. В связи с этим в данном исследовании ставилась цель выявить общие и пространственно-временные тренды демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет в Китае за 2000 и 2020 гг. на основе данных официальной национальной статистики. Полученные результаты могут быть использованы не только в научной сфере при анализе аналогичного процесса в других странах, но и практической — при разработке территориально дифференцированных мер государственной политики регулирования старения.

Основная часть

В процессе изучения возрастной структуры населения важным показателем является коэффициент демографической нагрузки, с помощью которого можно оценить потенциальное влияние изменения возрастной структуры населения на социально-экономическое развитие. Коэффициент демографической нагрузки, также известный как коэффициент зависимости населения, представляет собой соотношение численности населения нетрудоспособного возраста к численности населения трудоспособного возраста. Коэффициент демографической нагрузки долей населения пожилого возраста является одним из основных показателей, отражающим социальные последствия старения населения с экономической точки зрения.

Обзор литературы. Начиная со второй половины XX в. многие ученые обращают внимание на региональные различия изменений возрастной структуры населения и динамику коэффициента демографической нагрузки. Для китайских ученых данная предметная область становится особенно актуальной в XXI в. Так, Чжан Липин и Ван Гуанчжоу [1] обнаружили, что с 1995 г. население Китая вступило в период быстрого сокращения, что обусловило сдвиги в возрастной структуре населения и значительные различия в возрастной структуре населения регионов. В 2017 г. Жэнь Хуйлин [2] проанализировал взаимосвязь между старением населения, структурой населения и экономическим ростом и обнаружил, что демографические изменения, вызванные старением населения, приводят к росту демографической нагрузки, что отрицательно сказывается на экономическом росте. Лю Янь [3] считает необходимым углубленное изучение влияния изменений возрастной структуры населения Китая на экономический рост и устойчивое развитие, при котором важно учитывать влияние демографических факторов на различные экономические переменные. Ян Хунжу [4]

проанализировал изменения в возрастной структуре населения Китая и пришел к выводу, что основными переменными изменений являются коэффициент зависимости пожилого населения и детей, а также установил региональные различия в Китае по этим показателям.

Фэн Синь [5] считает, что изменения в возрастной структуре населения приводят к изменениям в отраслевой структуре занятости. Поэтому он утверждает необходимость разработки макроэкономической политики, использующей положительное влияние возрастной структуры населения на модернизацию структуры промышленности. Анализ Сяона Дуань [6] показал, что существует два пути регулирования старения населения на изменения в структуре промышленности: один из них — это изменения в структуре предложений рабочей силы, другой — изменения в потреблении, инвестициях и пенсионной нагрузке. Ли Хунмэй [7] провел исследование различий в старении населения Китая и обнаружил следующее: 1) региональные различия в старении населения очевидны, 2) среди пожилого населения существуют различия, которые позволяют среди выделять его группы (напр., группы в «пустых гнездах», группы-мигранты), которые, в свою очередь, будут определять региональные различия в демографической нагрузке.

Анализ Чэнь Цзипина [8] показал, что процесс старения населения в Китае приносит второй демографический дивиденд¹. В условиях продолжающихся изменений в системе социального пенсионного обеспечения увеличение продолжительности жизни населения является основным фактором формирования второго демографического дивиденда, а увеличение демографической нагрузки долей пожилого населения пока не оказывает существенного влияния на нормы сбережений жителей.

Методика исследования. Основные методы, которые использованы нами при анализе демографической нагрузки Китая в контексте старения населения, включали метод исторического подхода, литературный, статистико-математический метод, сравнительно-географический, метод группировок, метод пространственного анализа, географической систематизации, картографический метод и ГИС-технологии. В нашем исследовании представлены авторские картографические материалы, выполненные с использованием ArcGIS.

На первом этапе нами была проведена систематизация литературы для анализа результатов исследований отечественных и зарубежных ученых в области изменений возрастной структуры населения и демографической нагрузки долей пожилого населения. Далее нами была разработана база данных демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет с использованием Microsoft Office Excel в разрезе провинций за 2000 и 2020 гг. на основе данных Национального статистического бюро Китая (режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/>). В последующем при картографировании демографической нагрузки Китая эти данные были импортированы в среду ГИС — ArcGIS. В нашем исследовании, используя технологию ГИС в сочетании с информацией о пространственном местоположении, пространственный анализ используется для изучения динамики коэффициента демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет. На последующих этапах были составлены группировки провинций по коэффициенту демографической

¹Под вторым демографическим дивидендом понимают увеличение темпов экономического роста вследствие роста сбережений из-за изменившейся возрастной структуры населения (рост доли возрастного населения).

нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет и разработана типология провинций по тренду динамики демографической нагрузки в результате роста пожилого населения за 2000–2020 гг.

Основные результаты. В целом в мире демографическая нагрузка долей пожилого населения устойчиво увеличивается с 8,5 % в 1950 г. до 10,0 % в 1980 г. и 14,8 % в 2021 г. По данным UN Population Division, в предстоящие годы ожидается дальнейший рост значения коэффициента демографической нагрузки старшими возрастными, удвоение к середине века и утроение к его концу.

Во всех европейских мезорегионах демографическая нагрузка долей пожилых людьми уже заметно превышает демографическую нагрузку, обусловленную долей детей, кроме Восточной Европы, где они примерно одинаковы. В ближайшие годы общая демографическая нагрузка будет увеличиваться за счет нагрузки, обусловленной долей населения пожилых возрастов. Схожие тенденции наблюдаются в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии.

В период с 2000 г. по 2020 г. коэффициент демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет в Азии, как и во всем мире, увеличился. Так, данный коэффициент в Восточной Азии удвоился — с 11,2 до 21,6 %. Произошло практически удвоение этого коэффициента и в Китае с 10,0 % до 18,2 %. Как само значение, так и скорость роста демографической нагрузки в Китае значительно превышают средние показатели по миру (табл. 1).

Сравнительный анализ показывает, что в 2000 г. доля пожилого населения среди городских жителей Китая (13,6 %) была значительно выше, чем среди сельских (8,8 %). К 2020 г. доля сельского пожилого населения Китая (27,7 %) увеличилась почти вдвое по сравнению с городским населением (15,8). Из таблицы 2 видно, что в сельской местности доля пожилого населения росла значительно быстрее, чем в городах. Это объясняется интенсивной индустриализацией страны, которая протекает преимущественно в городах и вызывает отток трудоспособного населения из сельской местности. В целом, доля сельского пожилого населения почти в два раза превышает долю пожилого населения в городах.

В условиях существующих различий в уровне жизни между городом и селом в Китае данная тенденция является негативным последствием старения и должна выступать объектом пристального внимания со стороны государства.

Анализ данных о коэффициенте демографической нагрузки в результате роста доли

Таблица 1
Демографическая нагрузка в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет в Китае на фоне мира, %

Регион	Демографическая нагрузка по годам		
	2000	2010	2020
Мир	10,9	11,6	14,5
Азия	9,1	10,3	13,9
Восточная Азия	11,2	13,8	21,6
Китай	10,0	12,0	18,2

Источник: UN Population Division. <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>. (дата обращения: 20.12.2022).

Таблица 2
Динамика демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет в Китае, 2000–2020 гг., %

Год	Доля населения 65 и более лет		
	во всем населении	в городе	в селе
2000	10,0	13,6	8,8
2020	18,2	15,8	27,7

Источник: Национальное статистическое бюро Китая <http://www.stats.gov.cn/>. (дата обращения: 20.12.2022).

Таблица 3

Структура провинций Китая по коэффициенту демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет, %

Год	Шкала провинций по коэффициенту демографической нагрузки		
	высокая (более 20)	средняя (10-20)	низкая (менее 10)
2000	0	50	50
2020	47,1	50	2,9

населения в возрасте 65 и более лет в разрезе провинций Китая позволил установить значительные различия в значениях этого показателя и разделить их на три группы: провинции с низкой нагрузкой (менее 10 %), со средней (10–20 %), с высокой (более 20 %).

Сравнительный анализ показал, что за 2000–2020 гг. в структуре провинций по коэффициенту демографической нагрузки произошел существенный сдвиг. В 2000 г. наблюдался паритет между провинциями с низкой и средней нагрузкой. В 2020 г. в структуре осталась только одна провинция с низкой нагрузкой, а около 50 % провинций стали характеризоваться высокой нагрузкой. Таким образом, произошел структурный сдвиг (табл. 3).

На основе картографического анализа в среде ArcGIS нами выявлены пространственные и временные особенности распределения провинций Китая по коэффициенту демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет в Китае (рис. 1) в 2000 и 2020 гг. Сравнительный анализ показывает, что в 2000 г. в пространстве Китая выделялись две зоны: зона низкой нагрузки, охватывающая территориально большую часть Китая на западе, северо-востоке и юге, и зону средней нагрузки, представленную провинциями, расположенными на востоке и юго-востоке страны (рис. 1а).

Провинциями с наиболее низкими значениями демографической нагрузки в 2000 г. были Цинхай, Синьцзян-Уйгурский АР, Нинся-Хуэйский АР, Тибетский АР, Хэйлунцзян, АР Внутренняя Монголия, Ганьсу. В Шанхае и Гонконге наблюдалась самая высокая демографическая нагрузка пожилым населением в стране, превышающая 15 %.

Как показано на рисунке 1б, в 2020 г. в пространстве Китая произошло значительное сужение зоны низкой нагрузки. Географически к этой зоне в настоящее время относится только Тибетский АР. На фоне этого произошло расширение зоны средней нагрузки, и сформировалась зона высокой нагрузки. Зона средней нагрузки образует две полосы — северную и южную. Зона высокой нагрузки представляет полосу, протягивающуюся с северо-востока в центр страны. Провинции с высокой демографической нагрузкой долей пожилых людей в северо-восточном Китае включают Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь, в регионах с наиболее высоким уровнем социально-экономического развития Тяньцзинь, Тайвань, Гонконг, Шанхай, в центральной части Хубэй, Хэбэй, Хэнань, Хунань, Аньхой, Шаньдун, Цзянсу, Сычуань, Чунцин.

Выявленной территориальной дифференциация Китая по коэффициенту демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет обусловила анализ тренда динамики нагрузки. Для этого нами были проведены расчеты показателя роста / сокращения коэффициента демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет за 2000–2020 гг. В результате провинции Китая были разделены нами по характеру динамики на два типа — с ростом и сокращением, с выделением в них подтипов в зависимости от масштабов роста (табл. 4, рис. 2).

- Низкая (менее 10)
- Средняя (10 - 20)
- Высокая (более 20)

а). 2000 г.

б). 2020 г.

Рис. 1. Распределение провинций по коэффициенту демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет в Китае (источник: Национальное статистическое бюро Китая <http://www.stats.gov.cn/>. (дата обращения: 20.12.2022))

Таблица 4

Типология провинций Китая по динамике демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет, 2000–2020 гг., %

Типология провинций		Провинции	Коэффициент демографической нагрузки населениям в возрасте 65 и более лет	Доля типа/подтипа, %
Тип 1. Провинции с ростом	Подтип 1.1. Низкий рост (100-120)	Цинхай	100,3	23,6 %
		Шаньси	100,6	
		Шаньдун	102,8	
		Аньхой	105,4	
		Хэнань	107	
		Нинся-Хуэйский АР	107,2	
		Хэбэй	116,7	
	Подтип 1.2. Средний рост (120-140)	Хунань	118,5	17,6 %
		Шэньси	124,7	
		Чунцин	126,3	
		Ганьсу	128,3	
		Ляонин	131,8	
	Подтип 1.3. Высокий рост (более 140)	Хубэй	137,2	8,8 %
		Сычуань	137,4	
		АР Внутренняя Монголия	145,9	
Тип 2. Провинции с сокращением		Цзилинь	175,3	50,0 %
		Хэйлунцзян	194,2	
		Тибетский АР	13,7	
		Гуандун	36,3	
		Шанхай	45,7	
		Чжэцзян	48,8	
		Хайнань	49,7	
		Макао	64,6	
		Пекин	65,1	
		Синьцзян-Уйгурский АР	67,7	
		Фуцзянь	71,8	
		Гонконг	72,4	
		Юньнань	74,8	
		Гуанси-Чжуанский АР	77,5	
		Тяньцзинь	85,8	
		Цзянсу	93,2	
		Гуйчжоу	97,8	
Тайвань	98,3			
Цзянси	99,5			

В современной структуре заметен паритет, заключающийся в равных долях, приходящихся на провинции с сокращением и ростом демографической нагрузки, обусловленной долей пожилых людей. Вместе с этим среди провинций с ростом наблюдаются существенные различия. Так, в таких провинциях, как АР Внутренняя Монголия,

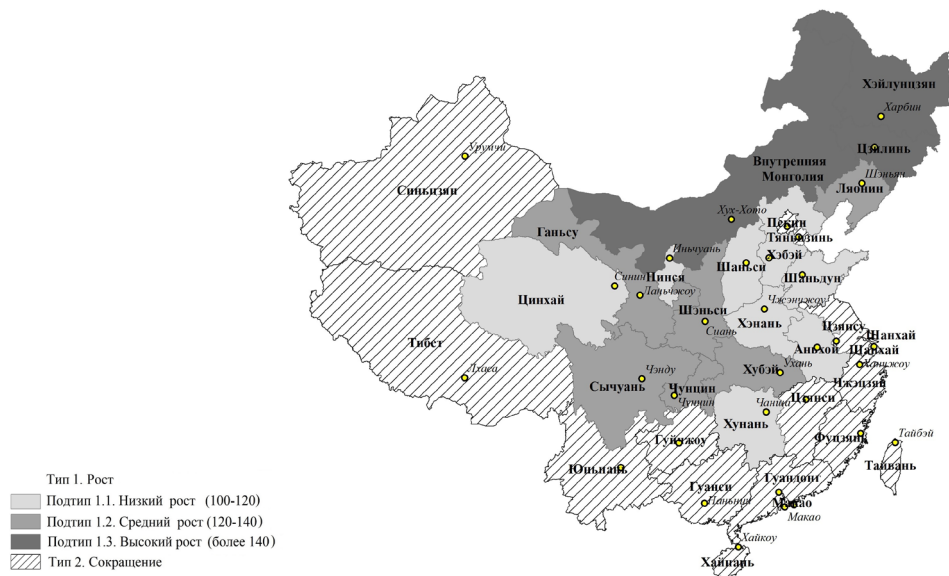

Рис. 2. Типология провинций Китая по динамике демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет, 2000–2020 гг. (источник: Национальное статистическое бюро Китая <http://www.stats.gov.cn/>. (дата обращения: 20.12.2022))

Цзилинь и Хэйлунцзян, нагрузка увеличилась в полтора-два раза за 2000–2020 гг., образовав северную дугу наибольшего роста нагрузки. К югу от нее сформировался компактный ареал среднего роста нагрузки, который обрамляют с запада и востока две полосы низкого роста нагрузки. Представляет интерес с научной точки зрения география зоны сокращения нагрузки. Она выглядит как дуга, которая проходит по западу, югу и востоку Китая, окаймляет страну и сформирована в результате реализации государственной политики. Благодаря действию политики «Западное развитие» значительно увеличилась численность трудоспособного населения в западных провинциях (Синьцзян-Уйгурский АР-Уйгурский АР, Тибетский АР, Юньнань и Гуйчжоу), что приводит к снижению нагрузки [9].

В восточных провинциях (Гуандун, Чжэцзян, Хайнань, Фуцзянь, Гуанси-Чжуанский АР, Цзянсу и Цзянси) и в провинциях с наиболее высоким уровнем социально-экономического развития (Пекин, Тяньцзинь, Тайвань, Гонконг, Макао и Шанхай) реализуется политика реформ и открытости, что способствует притоку молодого трудоспособного населения и, соответственно, сокращению нагрузки (рис. 2).

В целом, выполненная картограмма позволяет выделить на территории страны две зоны: 1) западно-южно-восточную — с сокращением демографической нагрузки, 2) центрально-северную — с ростом демографической нагрузки.

Заключение

Согласно основным законам демографии, старение населения приводит к уменьшению доли населения, вступающего в трудоспособный возраст, и старению рабочей силы, что приводит к сокращению предложения труда и снижению его

производительности. Результат старения населения приводит к постоянному увеличению доли иждивенцев в лице пожилого населения, поэтому демографическая нагрузка в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет находится в центре внимания в стареющем обществе. Увеличение коэффициента демографической нагрузки, обусловленной долей пожилых людей, свидетельствует об увеличении нагрузки на рабочую силу.

Проведенное исследование показало, что для Китая характерен устойчивый рост демографической нагрузки, обусловленной долей пожилых людей. За последние 20 лет она возросла почти в два раза, а следовательно, на современную молодежь Китая накладывается дополнительная нагрузка как материального, так и морально-психологического характера. Демографическая нагрузка, обусловленная долей пожилого населения в сельской местности и в городах различается. В сельской местности она практически в два раза больше и растет гораздо быстрее, чем в городах. За 2000–2020 гг. нагрузка в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет увеличилась в два раза. Анализ также показал, что в стране наблюдаются существенные различия в демографической нагрузке и ее тренде между провинциями. Низкой нагрузкой и ее сокращением характеризуются провинции, где реализуются политика реформ и открытости и политика «Западное развитие». Изучение демографической нагрузки в результате роста доли населения в возрасте 65 и более лет в Китае имеет научную ценность для изучения старения населения на примере других стран с позиций эмпирического анализа старения в экономической географии. Установленные различия в демографической нагрузке между провинциями Китая выступают научным обоснованием регионально дифференцированных мер государственной политики регулирования старения и экономического развития, а также с позиций использования второго демографического дивиденда и потенциала пожилых людей.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках гранта Национального стипендиального совета Министерства образования КНР.

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the grant from the China Scholarship Council of the Ministry of Education of the People's Republic of China.

Список источников

[1] 张丽萍; 王广州 [Чжан Липин; Ван Гуанчжоу] (2018). 全面二孩政策下的中国人口年龄结构问题——基于稳定人口理论思考 [Возрастная структура населения Китая в условиях комплексной политики двух детей — мышление, основанное на теории стабильной популяции]. 华中科技大学学报(社会科学版) [Журнал Хуачжунского университета науки и технологий (издание по общественным наукам)]. 2018. № 32 (03). 页码: 21-27 [2018. № 32(03). С. 21-27]. <http://dx.doi.org/10.19648/j.cnki.jhustss1980.2018.03.04>

[2] 任慧玲 [Жэнь Хуйлин] (2017). 老龄化背景下人口结构变动对经济增长的影响研究 [Исследование влияния изменений структуры населения на экономический рост на фоне старения]. 价格理论与实践 [Теория и практика цен]. 2017. № 12. 页码: 134-137 [2017. № 12. С. 134-137]. <http://dx.doi.org/10.19851/j.cnki.cn11-1010/f.2017.12.036>

[3] 刘岩 [Лю Янь] (2020). 我国人口年龄结构变动对经济增长的影响研究 [Исследование влияния изменений возрастной структуры населения моей страны на экономический рост]. 吉林大学吉林省211工程院校985工程院校教育部直属院校 [Цзилиньский университет, про-

винция Цзилинь 211 инженерных колледжей, 985 инженерных колледжей и университетов, находящихся в прямом подчинении Министерства образования]. 2020. 页数: 145 [2020. 145 с.]. <http://dx.doi.org/10.27162/d.cnki.gjlin.2020.007369>

[4] 杨鸿儒 [Ян Хунжу] (2020). 中国人口年龄结构变动对经济增长的影响研究 [Исследование влияния изменений возрастной структуры населения Китая на экономический рост]. 吉林大学吉林省211工程院校985工程院校教育部直属院校 [Цзилиньский университет, провинция Цзилинь 211 инженерных колледжей, 985 инженерных колледжей и университетов, находящихся в прямом подчинении Министерства образования]. 2020. 页数: 180 [2020. 180 с.]. <http://dx.doi.org/10.27162/d.cnki.gjlin.2020.000479>

[5] 冯馨 [Фэн Синь] (2020). 中国人口年龄结构变动对产业结构变动影响的实证研究 [Эмпирическое исследование влияния изменений возрастной структуры населения Китая на изменения в структуре промышленности]. 辽宁大学辽宁省211工程院校 [Ляонинский университет Инженерный колледж 211 провинции Ляонин]. 2020. 页数: 144 [2020. 144 с.]. <http://dx.doi.org/10.27209/d.cnki.glniu.2020.001407>

[6] 段晓娜 [Дуань Сяоан] (2020). 我国人口老龄化对产业结构变动的非线性影响研究 [Исследование нелинейного воздействия старения населения моей страны на изменения в структуре промышленности]. 吉林大学吉林省211工程院校985工程院校教育部直属院校 [Цзилиньский университет, провинция Цзилинь 211 инженерных колледжей, 985 инженерных колледжей и университетов, находящихся в прямом подчинении Министерства образования]. 2020. 页数: 53 [2020. 53 с.]. <http://dx.doi.org/10.27162/d.cnki.gjlin.2020.005157>

[7] 李鸿梅 [Ли Хунмэй] (2020). 中国人口老龄化差异化研究 [Исследование дифференциации старения населения Китая]. 山东省山东师范大学 [Шаньдунский педагогический университет]. 2020. 页数: 88 [2020. 88 с.]. <http://dx.doi.org/10.27280/d.cnki.gsdsu.2020.001888>

[8] 陈纪平 [Чэнь Цзипин] (2017). 我国老龄化进程中的第二人口红利:理论与实证 [Второй демографический дивиденд в процессе старения моей страны: теория и доказательства]. 西北人口 [Северо-западное население]. 2017. № 38 (04). 页码: 18-23 [2017. № 38 (04). С. 18-23]. <http://dx.doi.org/10.15884/j.cnki.issn.1007-0672.2017.04.003>

[9] *Antipova E., Chen Li*. Spatial and Temporal Shifts in the Demographic Development of China at the End of the 20th and the Beginning of the 21st Centuries // *Journal of Settlements and Spatial Planning*. 2021. No. 2. P. 93-105.

References

[1] Zhang Li-ping, Wang Guang-zhou. Problems of Population Age Structure under the Two-Children Policy — A Theoretical Thinking Based on the Stable Population Theory // *Journal of Huazhong University of Science and Technology (Social Sciences Edition)*. 2018. No. 32(03). P. 21-27. <http://dx.doi.org/10.19648/j.cnki.jhustss1980.2018.03.04>

[2] Ren Huiling. Study on the influence of population structure change on economic growth under the background of population aging // *Price: Theory & Practice*. 2017. No. 12. P. 134137. <http://dx.doi.org/10.19851/j.cnki.cn11-1010/f.2017.12.036>

[3] Liu Yan. Research on the Influence of Population Age Structure Change on Economic Growth in China. PhD dissertation. Jilin University. 2020. 145 p. <http://dx.doi.org/10.27162/d.cnki.gjlin.2020.007369>

[4] Yang Hongzhu. Research on the Effect of China's Population Age Structure Change on Economic Growth. PhD dissertation. Jilin University. 2020. 180 p. <http://dx.doi.org/10.27162/d.cnki.gjlin.2020.000479>

[5] Feng Xin. An Empirical Analysis of the Influence of the Age Structure Change of Population on the Industrial Structure Change in China. PhD dissertation. Liaoning University. 2020. 144 p. <http://dx.doi.org/10.27209/d.cnki.glniu.2020.001407>

[6] Duan Xiaona. Research on the Nonlinear Effect of Population Aging to the Change of Industrial Structure in China. PhD Thesis. Jilin University, 2020. 53 p. <http://dx.doi.org/10.27162/d.cnki.gjlin.2020.005157>

[7] Li Hongmei. Research on the Differentiation of Population Aging in China. PhD Thesis. Shandong Normal University. 2020. 88 p. <http://dx.doi.org/10.27280/d.cnki.gsdsu.2020.001888>

[8] Chen Ji-ping. Theoretical and Empirical Research on Second Demographic Dividend in Process of Aging in China // *Northwestern Population*. 2017. No. 38(04). P. 18-23. <http://dx.doi.org/10.15884/j.cnki.issn.1007-0672.2017.04.003>

[9] Antipova E., Chen Li. Spatial and Temporal Shifts in the Demographic Development of China at the End of the 20th and the Beginning of the 21st Centuries // *Journal of Settlements and Spatial Planning*. 2021. No. 2. P. 93-105.

Информация об авторах

Антипова Екатерина Анатольевна — доктор географических наук, профессор; профессор кафедры экономической и социальной географии, факультет географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0001-7862-5500> (Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4; e-mail: antipovaekaterina@gmail.com).

Чэнь Ли — соискатель кафедры экономической и социальной географии, факультет географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4; e-mail: 1914391266@qq.com).

About the authors

Ekaterina A. Antipova — Dr. Sci. (Geogr.), Full Professor; Professor of the Department of Economic and Social Geography, Faculty of Geography and Geoinformatics, Belarusian State University; <https://orcid.org/0000-0001-7862-5500> (4, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus; e-mail: antipovaekaterina@gmail.com).

Li Chen — PhD Candidate, Department of Economic and Social Geography, Faculty of Geography and Geoinformatics, Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus; e-mail: 1914391266@qq.com).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-3>

УДК 314.1, 332,1

JEL classification: J11, J19, H59

ОЦЕНКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НЕОБХОДИМЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРЕБУЕМЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СУБЪЕКТОВ РФ¹

М. Н. Арнаут^а, Н. Н. Арнаут^б

^{а, б} Владивостокский государственный университет (г. Владивосток, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0002-3573-5766>

^б <https://orcid.org/0000-0002-6946-9099>

Автор для корреспонденции: М. Н. Арнаут (skital87@mail.ru)

Аннотация. Исследование посвящено определению важности оценки человеческого капитала и человеческих ресурсов для анализа текущего положения региона и определения необходимых условий реализации человека. Целью исследования является формирование методического подхода к оценке человеческого капитала и человеческих ресурсов как инструмента формирования необходимых социально-экономических условий для обеспечения требуемых демографических процессов субъектов РФ. Гипотеза исследования заключается в том, что оценка человеческого капитала и человеческих ресурсов может являться базовым инструментом для формирования необходимых социально-экономических условий, обеспечивающих требуемые демографические процессы субъектов РФ. Предмет исследования — процессы инвестирования в человеческий капитал и человеческие ресурсы. Методы исследования: сравнительный и теоретический анализ, синтез, индукция и дедукция, математическое моделирование, графический метод. Научная новизна исследования состоит в четком разграничении понятий «человеческий капитал» и «человеческий ресурс» и определении дифференцированных последствий от наличия каждой категории в регионе. Развитие исследования видится в проведении оценки регионов, что позволит определить порядок изменений для построения условий реализации человека, что приведет к желаемым последствиям в демографических процессах.

Ключевые слова: человеческий капитал; человеческие ресурсы; оценка; условия реализации человека; демографические процессы

Assessment of Human Capital and Human Resources as a Tool for the Formation of Necessary Socio-Economic Conditions to Ensure the Required Demographic Processes in Russian Regions

M. N. Arnaut^а, N. N. Arnaut^б

^{а, б} Vladivostok State University (Vladivostok, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-3573-5766>

^б <https://orcid.org/0000-0002-6946-9099>

Corresponding author: M. N. Arnaut (skital87@mail.ru)

Abstract. The study aims to determine the importance of assessing human capital and resources for analysing current regional situation and identifying necessary conditions for the realisation of a person. The purpose of the study is to establish a methodological approach to the assessment of human capital and human resources as a tool for the formation of necessary socio-economic conditions to ensure the required demographic processes in Russian regions. It is hypothesised that the assessment of human capital

¹ © Арнаут М. Н., Арнаут Н. Н. Текст. 2023.

and resources can be a basic tool for the formation of necessary socio-economic conditions that ensure the required demographic processes. The research subject is the processes of investing in human capital and resources. The following methods were utilised: comparative and theoretical analysis, synthesis, induction and deduction, mathematical modelling, graphical method. The study distinguished between «human capital» and «human resource», as well as describes consequences of the presence of each category in regions. Future studies can assess regions to determine the order of changes necessary for the formation of conditions for the realisation of a person, which will have the desired effect on demographic processes.

Keywords: human capital; human resources; assessment; conditions for human realisation; demographic processes

Введение

Современное состояние основных демографических процессов субъектов РФ, а именно, рождаемости, смертности и миграции, не всегда соответствует управленческим решениям органов государственной власти и местного самоуправления и затраченным ресурсам, которые используются для целей развития указанных территорий. Например, долговременная программа социально-экономического развития территории Дальневосточного федерального округа, оформленная в ряде нормативных документов, главным из которых выступает Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, закрепляющая 11,5 трлн руб. инвестиций. При этом демографическое развитие регионов округа остается на крайне низком уровне: округ является самым депопулирующим в стране. ДФО занимает по площади более 40 % территории России, и можно заключить, что определенно неэффективно используются территориальные возможности. Похожая ситуация с Сибирским федеральным округом. Определена Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года, ранее реализовывалась Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года. При этом динамика численности населения округа неоднородна и уже более 30 лет характеризуется отрицательной тенденцией. Похожую проблему можно наблюдать и в других регионах страны. И проблема не в том, что недостаточен объем инвестиций, а в том, что при инвестициях в регионы не учитываются потребности самого человека, проживающего на конкретной территории и являющегося носителем человеческих ресурсов и человеческого капитала территории.

Использование человеческого ресурса и человеческого капитала коренится в неолиберальном подходе, нацеленном по своей сути на получение благ для территории на основе человека, что в последнее время подвергается критике со стороны исследователей. Среди критиков неолиберализма можно выделить Джозефа Стиглица, Амартии Сена, Майкла Хадсона, Р.И. Капелюшникову, А.А. Громыко и других [1–5]. Более того, в настоящий момент происходит смещение внимания на самого человека при развитии общества, о чем говорят, в частности, А.М. Сергеев¹, С.Д. Бодрунов, Ю.В. Вертакова, В.А. Плотников [6–8]. Государственные инициативы, в числе которых федеральный проект «Государство для людей»², также определяют своей целью повышение качества жизни самого человека, создание для него условий реализации.

Таким образом, подтверждается гипотеза, предполагающая, что для обеспечения требуемых демографических процессов субъектов РФ необходимо каждого отдельного

¹См.: <https://nauka.tass.ru/nauka/11908053>

²<https://ac.gov.ru/activity/activity/gosudarstvo-dla-ludej-9>

человека обеспечить теми социально-экономическими условиями, в которых он может приложить свои знания, умения и опыт сначала для собственной реализации и полезности, распространяя затем эту полезность на регион, в котором реализуется, что создаст колоссальный мультипликативный эффект для требуемых демографических процессов.

При этом вопросы, каким образом обеспечить требуемые социально-экономические условия каждого человека, равно как и то, что понимается под человеческими ресурсами и человеческим капиталом, до настоящего времени являются среди ученых-исследователей спорными. Более того, часть исследователей не разделяют данных определений понятия, что серьезно усложняет вопросы оценки этих категорий. При этом оценка необходима, потому как именно она создаст основу для глубокого понимания тех социально-экономических условий, в которых находится человек и в которых реализуются его человеческие ресурсы и человеческий капитал. Все это позволит обеспечить требуемые демографические процессы.

Обобщая обозначенную актуальность темы, была поставлена гипотеза исследования, предполагающая, что оценка человеческого капитала и человеческих ресурсов может являться базовым инструментом для формирования необходимых социально-экономических условий, обеспечивающих требуемые демографические процессы субъектов РФ.

Целью настоящего исследования является формирование методического подхода к оценке человеческого капитала и человеческих ресурсов как инструмента формирования необходимых социально-экономических условий для обеспечения требуемых демографических процессов субъектов РФ.

Обзор литературы

Принимая во внимание обозначенную актуальность исследования, необходимо погрузиться в методологию понятий «человеческий капитал» и «человеческий ресурс». Ранее было определено, что данные понятия имеют неоднородную трактовку среди исследователей. Теоретический анализ литературы по теме исследования показал, что проблема идентификации понятий «человеческий капитал» и «человеческий ресурс» не нова и присутствует в трудах различных ученых [9].

Ввиду неоднородности понятийно-категориального аппарата для целей дальнейшего исследования авторами под человеческим капиталом будет пониматься предмет и продукт комплементарной полезности инвестиций, вкладываемых в уникальную систему качеств и свойств человека.

Под человеческим ресурсом авторы будут понимать совокупность качеств и свойств личности, влияющих на результаты деятельности на микро- (личности), мезо- (хозяйствующий субъект, группа) и макроуровне (муниципалитет, регион, страна).

Для оценки обозначенных категорий (человеческого капитала и человеческого ресурса) также заявлено достаточное количество методик [10–11], большая часть из которых унифицирует человека, превращая его в «вещь» или ресурс, что является негативным последствием применения неолиберального подхода к развитию общества. Также важно отметить, что проанализированные методики не обращаются к человеку с позиции удовлетворения его потребностей на основе создания социально-экономических условий, обеспечивающих требуемые демографические процессы (рождаемость, смертность, миграция). Ведь если данные условия не будут созданы, человек как существо социальное, мыслящее будет делать свой

Рис. 1. Взаимосвязь между социально-экономическими условиями для реализации человека и налаживанием демографических процессов (источник: составлено авторами)

выбор в пользу того места жизни, где ему комфортнее находиться и где имеются возможности для его реализации, получения им материальных и социальных благ (что и наблюдается при ежегодной миграции населения из нецентральных регионов России в центральные, где уровень жизни, условия для реализации, развития и приложения своих ресурсов человеком и создания им капитала лучше). Таким образом, выстраивается четкая взаимосвязь: социально-экономические условия создают основу для реализации человека, обеспечивают возможность реализации человеческих ресурсов, создание человеческого капитала, что в последующем станет базой для возобновления и расширения инвестирования в поддержание необходимых социально-экономических условий для налаживания демографических процессов (рис. 1).

При этом, как показывают данные рисунка 1, инвестиции должны быть главным образом нацелены на человека, только тогда человек перестанет быть инструментом развития региона и станет его активным участником.

Для целей дальнейшего исследования важно определить материалы и методы, представленные далее.

Материалы и методы

Материалы, используемые для исследования: данные официальных сайтов статистики, а также нормативные документы по развитию территорий России, расположенные на официальных сайтах органов государственной власти и порталах справочно-правовых систем. Основные методы исследования: сравнительный и теоретический анализ, синтез, индукция и дедукция, математическое моделирование, графический метод.

Результаты

Ранее было определено, что для того, чтобы обеспечивать положительные изменения в демографических процессах регионов РФ, необходимо изначально ориентироваться на потребности человека и создавать ему социально-экономические условия, в которых он может реализовывать свои человеческие ресурсы, создавать и развивать человеческий капитал, что в последующем даст дополнительные блага, ценности, полезности, ресурсы для процесса поддержания и возобновления требуемых социально-экономических условий.

При этом важно понять одну принципиальную особенность: человек всегда обладает неким потенциалом знаний, умений и навыков, если этот потенциал раскрывается и используется для определенных целей, он становится ресурсом, а если путем инвестиций в человека и для человека возникают дополнительные полезности для всего общества, то это уже становится человеческим капиталом (капитализируемыми знаниями, умениями и навыками). То есть, не каждый человек и не в любом возрасте и состоянии здоровья может генерировать человеческий капитал (в виду врожденных способностей, уровня здоровья, возраста и т. д.). Более того, для функционирования общества, поддержания региона достаточно наличия человеческих ресурсов. Они же необходимы и для формирования социальной среды человека. Но если речь идет о развитии территории, возобновлении и расширенном воспроизводстве ресурсов для создания социально-экономических условий, способствующих налаживанию демографических процессов, человеческий капитал необходим. Для сравнения, человеческие ресурсы выступают как экстенсивный фактор, а человеческий капитал — как интенсивный фактор создания условий для требуемых демографических процессов.

Таким образом, человеческий капитал и человеческий ресурс — основы создания социально-экономических условий для требуемых демографических процессов. При этом чтобы данную основу получить, необходимы инвестиции. И инвестиции, прежде всего, в человека и в удовлетворение его потребностей. Только тогда человек как социальное и разумное существо, определяющее ценность условий, в которых жить и развиваться, создавать семью, сделает выбор в пользу того или иного региона страны. Также важно отметить, что человеческие потребности, согласно многочисленным теориям, основу которых составляет пирамида потребностей Маслоу, определяются, в первую очередь, базовыми физиологическими потребностями и потребностями в защищенности (в еде, воде, жилищных условиях, чувстве безопасности и уверенности в завтрашнем дне). Если данный уровень потребностей человека не обеспечен, эффективность разнообразных программ развития, инвестиций в образование и науку, передовые технологии, останется на достаточно низком уровне. У людей будет мотив закрывать свои базовые потребности и не думать о каком-либо развитии общества, тем более о создании семьи, продолжении рода. При этом желание сменить территорию проживания, особенно у молодого поколения, способного в силу показателей здоровья генерировать человеческий капитал, будет только усиливаться.

Также важно отметить, что инвестиции в человека и для человека не должны исходить только от государства. Необходима комплексная система инвестиций, в которой участвует и сам человек, и хозяйствующие субъекты, расположенные на территории, и, несомненно, государство (причем в большей, определяющей степени). Только благодаря данной комплексности станут возможны и реализация человеческих ресурсов, и формирование и развитие человеческого капитала.

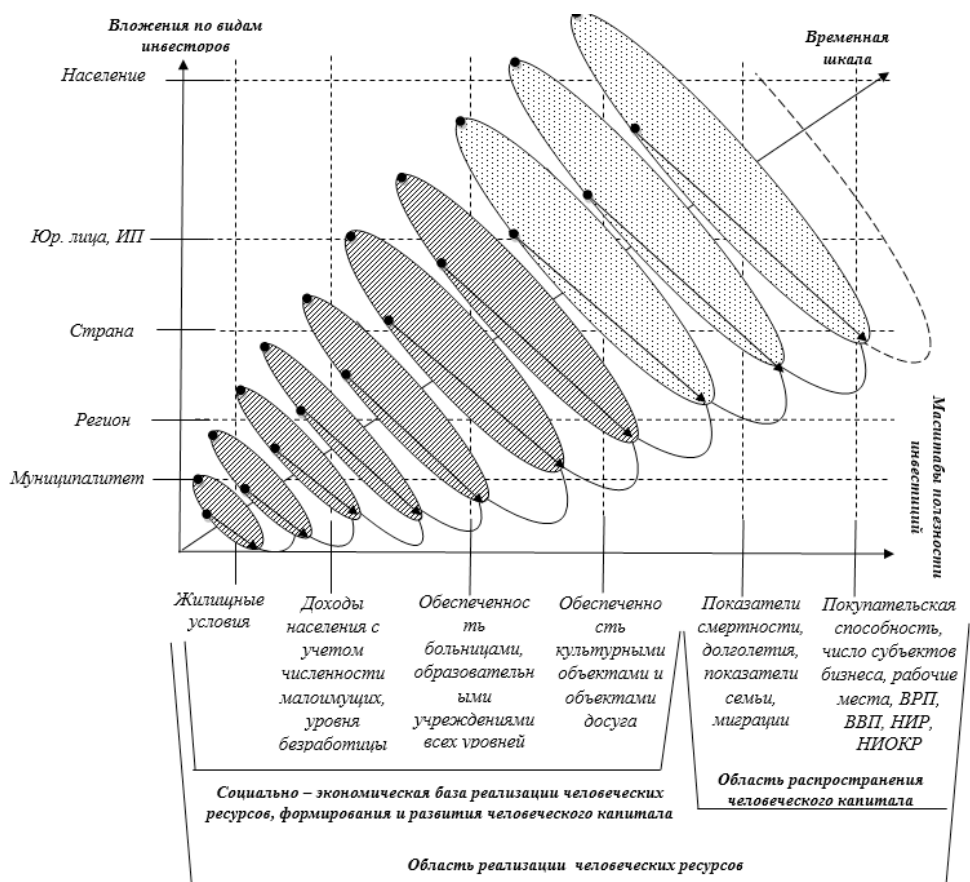

Рис. 2. Визуальное представление реализации человеческих ресурсов, формирования и развития человеческого капитала с учетом комплексной системы инвестиций (источник: составлено авторами)

На рисунке 2 мы визуальное представим реализацию человеческих ресурсов, формирование и развитие человеческого капитала с учетом комплексной системы инвестиций через призму времени как основу формирования необходимых социально-экономических условий для обеспечения требуемых демографических процессов.

На рисунке 2 представлено, что социально-экономическую базу для реализации человеческих ресурсов, формирования и развития человеческого капитала составляют инвестиции, причем в большей роли выступают инвестиции со стороны органов власти (страна, регион, муниципалитет). На основе инвестиций обозначенных инвесторов определяются жилищные условия населения, формируется база для реализации человеческих ресурсов и формирования каждым отдельным человеком его доходной части, происходит обеспечение социальными объектами (больницы, образовательные учреждения), а также объектами, составляющими культурную основу

населения. После формирования социально-экономической базы большая роль в процессе инвестирования начинает отводиться юридическим лицам, реализующим свою деятельность на конкретной территории, а также индивидуальным предпринимателям, самозанятым и населению. Причем отдача от инвестиций данного круга инвесторов, основанная на сформированной ранее социально-экономической базе, имеет мультипликативный, накопительный и долгосрочный эффект.

Понимая тот факт, что процесс инвестирования любого из круга инвесторов должен быть обеспечен целеполаганием — этапом, при котором формируются основные цели инвестиций, а также задачи, которые данными инвестициями решаются, определяется масштаб необходимых инвестиций, их структура, выбирается и идентифицируется конкретный объект инвестиций, на рисунке 2 обозначены границы данного этапа точками. Стрелками на рисунке 2 обозначен этап непосредственного использования ресурсов для целей инвестиции. Дугами на рисунке обозначен этап возмещения затрат. Разноплановыми штрихами визуально обозначен масштаб получения полезности инвестиций.

Каждый этап получения полезности взаимосвязан с предыдущим. Получение выгоды от одного этапа является основой для новой фазы инвестирования. Более того, невозможно единым инвестиционным проектом покрыть все необходимые нужды, учесть все изменения, которые определено будут происходить в обществе, науке, технологии, политике и т. д. Для этих целей также вновь вступает в силу этап целеполагания, непосредственных инвестиций и все повторяется (только с учетом уже больших масштабов и большей отдачи).

Далее перейдем к самому главному процессу, без которого не будет возможно обеспечение требуемых демографических процессов в регионе — к процессу оценки человеческого капитала и человеческих ресурсов, в которые необходимо вкладывать, чтобы обеспечить должный эффект от таких вложений. При этом, как было обозначено ранее, подходов к оценке человеческого капитала и человеческих ресурсов множество, однако в своем большинстве они человека унифицируют, превращая его в «вещь» или ресурс, забывая о его уникальности. А ведь у каждого человека есть свои мотивы, свои потребности, которые должны ложиться в основу методики оценки.

Обобщенная формула для возможности оценки человеческого капитала и человеческих ресурсов как предмета инвестиций имеет следующий вид:

$$Hc / r = \sum_1^i (Q + P) Df, \quad (1)$$

где Hc/r (*human capital / resource*) — человеческий капитал / ресурс как предмет инвестиций; Q (*qualities*) — совокупность i -качеств человека, в которые необходимо инвестировать; P (*properties*) — совокупность i -свойств человека, в которые необходимо инвестировать; Df (*demand factor*) — коэффициент потребности человека.

Применение Df является необходимым, потому как именно обеспечение потребностей человека является основой для эффективности стратегий или программ инвестирования. К примеру, раскрытие таланта человека, его интеллектуальных способностей невозможно (за редким исключением), если он не обеспечен качественным уровнем медицины и жилищной площадью. То есть, траектория инвестиций должна исходить от низших потребностей к высшим.

Формула определения коэффициента потребностей человека представлена далее.

$$Df = \sum_1^{all} \frac{N_g}{Ns_g}, \quad (2)$$

где N_g — совокупность всех g — групп потребностей от 1 человека до всех в выборке (*all*); Ns_g (*satisfied needs*) — удовлетворенные потребности; g — группы потребностей от 1 человека до всех в выборке (*all*).

Приведенные формулы представляют собой обобщенный вариант оценки человеческого капитала и человеческих ресурсов как предмета инвестиций.

Что касается оценки масштаба реализации полезности человеческих ресурсов, формирования и развития человеческого капитала, то здесь можно предложить следующую формулу:

$$SH = \pi \cdot Us \cdot Is \cdot 0.5, \quad (3)$$

где SH (*scale realization of human*) — масштаб реализации человеческих ресурсов, формирования и развития человеческого капитала; Us (*utility scale*) — масштаб получения полезности инвестиций; Is (*investment scale*) — масштаб инвестиций.

При этом величины элементов формулы 3, равно как и само значение масштаба, являются величинами безразмерными, нуждающимися в шкале интерпретации для каждого отдельного региона ввиду специфики развития. Шкала может быть построена на основе экспертной оценки от 0 до 1.

Масштаб получения полезности инвестиций и масштабы инвестиций для целей оценки также переводятся в безразмерную шкалу от 0 до 1 в зависимости от объемов, удельного веса (с учетом численности населения и территориальных объемов), с учетом возможной дифференциации по социальным и возрастным группам и с привлечением независимой экспертной оценки.

Числовые значения для расчета определяются на основе данных официальной статистики по демографии, экономике, статистике домохозяйств, предпринимательству, а также официальных данных по расходам бюджетов разных уровней.

На основе приведенных формул (1–3) возможно проводить сравнительную оценку регионов, находя болевые точки в их развитии — определенные проблемные участки, которые не позволяют построить ту социально-экономическую среду для конкретных категорий граждан на конкретной территории для конкретных потребностей и запросов, чтобы получить требуемые демографические процессы.

Обсуждение

Таким образом, оценка человеческого капитала и человеческих ресурсов является важным инструментом формирования необходимых социально-экономических условий для обеспечения требуемых демографических процессов субъектов РФ. У каждого субъекта свои уникальные возможности, ресурсы и люди, со своими уникальными потребностями и возможностями. Это обязательно необходимо учитывать при разработке разнообразных документов по стратегическому развитию и при планировании объемов и структуры инвестиций. Описанный авторский подход отличается научной новизной в виду четкого разграничения понятий «человеческий капитал» и «человеческий ресурс» и определения дифференцированных последствий от наличия каждой категории в регионе. Дальнейшее направление исследования авторами видится в проведении оценки по представленным формулам на базе данных каждого региона и возможной категоризации регионов и классификации управленческих решений

на основе проведенной оценки. Все это позволит определить порядок необходимых качественных и количественных изменений внутри региона для построения в нем условий для реализации человеческих ресурсов и человеческого капитала, что, в свою очередь, приведет к желаемым последствиям в процессах рождаемости, смертности и миграции.

Список источников

[1] *Стиглиц Дж.* Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства / Пер. с англ. В. Ионов; науч. ред. Н. Злобин. Москва: Альпина Паблишер, 2020. 430 с.

[2] *Сен А.* Идея справедливости. Москва: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. 520 с.

[3] *Hudson M., Sommers J.* How Neoliberals Bankrupted «New Europe»: Latvia in the Global Credit Crisis // *The Great Credit Crash* / ed. by M. Konings. Verso: London and New York, 2010. P. 244-263.

[4] *Капелюшников Р. И.* Приключения «неолиберализма» / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 52 с.

[5] *Громыко А. А.* Метаморфозы политического неолиберализма // *Современная Европа*. 2020. № 2. С. 6-19. <http://doi.org/10.31857/S0869587320110067>

[6] *Бодрунов С. Д. К.* Маркс. Четвертая технологическая революция. Ноономика. (Статья на основе доклада на междунар. форуме в МГУ им. М. В. Ломоносова 18 мая 2018 г.) // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2018. Т. 211. № 3. С. 367-389.

[7] *Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г.* Векторный анализ кластерных инициатив региона // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2015. № 1(211). С. 43-50. <http://doi.org/10.5862/Е.211.4>

[8] *Плотников В. А., Исаев М. И.* Экономика и человеческое развитие: российские реалии // *Экономическое возрождение России*. 2015. № 1(43). С. 128-139.

[9] *Арнаут М. Н.* Дефиниция понятий «человеческий капитал», «человеческий потенциал» и «человеческий ресурс» // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2021. № 2. С. 79-85. <http://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-2-79-85>

[10] *Коротовских А. Е.* Классификация методов оценки человеческого капитала в зависимости от субъекта оценки // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 7. С. 81-85. <http://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11081>

[11] *Романтеев П. В.* Аналитический обзор методик оценки человеческого капитала // *Экономика, предпринимательство и право*. 2011. № 2(2). С. 25-37.

References

[1] *Stiglitz J.* People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent / trans. from English by V. Ionov; ed. by N. Zlobin. Moscow: Alpina Publisher, 2020. 430 p.

[2] *Sen A.* The Idea of Justice. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; Liberal Mission Foundation, 2016. 520 p.

[3] *Hudson M., Sommers J.* How Neoliberals Bankrupted «New Europe»: Latvia in the Global Credit Crisis // *The Great Credit Crash* / ed. by M. Konings. Verso: London and New York, 2010. P. 244-263.

[4] *Kapelyushnikov R. I.* Adventures of «neoliberalism» / HSE University. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2022. 52 p.

[5] *Gromyko A. A.* Metamorphoses of political neoliberalism // Contemporary Europe. 2020. No. 2. P. 6-19. <http://doi.org/10.31857/S0869587320110067>

[6] *Bodrunov S. D. K. Marx.* The fourth technological revolution. Noonomy (the article is based on the author's report at an international forum held at Lomonosov Moscow State University on May 18, 2018) // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2018. Vol. 211, No. 3. P. 367-389.

[7] *Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G.* Vector analysis of regional cluster initiatives // Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. 2015. No. 1(211). P. 43-50. <http://doi.org/10.5862/E.211.4>

[8] *Plotnikov V. A., Isaev M. I.* Economics and Human development: Russian realities // The Economic Revival of Russia. 2015. No. 1(43). P. 128-139.

[9] *Arnaut M. N.* Definition of the concepts of «human capital», «human potential» and «human resource» // ЕТАР: economic theory, analysis, and practice. 2021. No. 2. P. 79-85. <http://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-2-79-85>

[10] *Korotovsky A. E.* Classification of methods for assessment of human capital depending on the subject of evaluation // Economy and Business: theory and practice. 2019. No. 7. pp. 81-85. <http://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11081>

[11] *Romanteev P. V.* Analytical review of valuation methodologies of human capital // Journal of economics, entrepreneurship and law. 2011. No. 2 (2). Pp. 25-37.

Информация об авторах

Арнаут Марина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления Института международного бизнеса, экономики и управления, Владивостокский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-3573-5766> (Российская Федерация, 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41; e-mail: skital87@mail.ru)

Арнаут Николай Николаевич — аспирант кафедры экономики и управления Института международного бизнеса, экономики и управления, Владивостокский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-6946-9099> (Российская Федерация, 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41; e-mail: nike2710@mail.ru)

About the authors

Marina N. Arnaut — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management, School of International Business, Economics and Management, Vladivostok State University; <https://orcid.org/0000-0002-3573-5766> (41, Gogolya St., Vladivostok, 690014, Russian Federation; e-mail: skital87@mail.ru).

Nikolay N. Arnaut — PhD Student, Department of Economics and Management, School of International Business, Economics and Management, Vladivostok State University; <https://orcid.org/0000-0002-6946-9099> (41, Gogolya St., Vladivostok, 690014, Russian Federation; e-mail: nike2710@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-4>

УДК 314

JEL classification: J1

Посвящается 300-летию Екатеринбурга

СОВРЕМЕННЫЙ ЕКАТЕРИНБУРГ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ¹

В. Н. Архангельский

МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия);

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия);

ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы» (г. Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

Автор для корреспонденции: В. Н. Архангельский (archangelsky@yandex.ru)

Аннотация. В статье анализируются показатели динамики численности и возрастной структуры населения, рождаемости, смертности и продолжительности жизни в Екатеринбурге в сравнении с остальным населением Свердловской области и другими крупнейшими городами России. В Екатеринбурге относительно более благоприятный с точки зрения демографической динамики возрастной состав населения и более высокая продолжительность жизни. Увеличение численности населения Екатеринбурга до начала 2021 г. в большей мере обусловлено миграционным приростом.

Ключевые слова: Екатеринбург; демографическая ситуация; возрастной состав населения; рождаемость; смертность; продолжительность жизни

Modern Ekaterinburg: Demographic Dimension

V. N. Arkhangelskiy

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);

Institute for Demographic Research of FCTAS RAS (Moscow, Russia);

Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (Moscow, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

Corresponding author: V. N. Arkhangelskiy (archangelsky@yandex.ru)

Abstract. The article analyses the indicators of population dynamics and age structure, fertility, mortality and life expectancy in Ekaterinburg in comparison with the rest of the population of Sverdlovsk oblast and other major Russian cities. In terms of demographic dynamics, Ekaterinburg is characterised by a relatively more favourable age structure of the population and higher life expectancy. The increase in Ekaterinburg's population until 2021 was mainly driven by migration growth.

Keywords: Ekaterinburg; demographic situation; the age composition of the population; fertility; mortality; life expectancy

Введение

Екатеринбург, которому в 2023 г. исполняется 300 лет, относится к числу наиболее динамичных, быстро развивающихся крупнейших городов России. Характер социально-экономического развития города во многом определяет и специфику демографических процессов в нем.

Екатеринбург относится к числу тех сравнительно немногих городов, демографическое развитие которых в прошлом и настоящем активно исследуется. Среди работ по истории развития населения города, охватывающих практически весь период

¹ © Архангельский В. Н. Текст. 2023.

его существования, нужно выделить прежде всего исследования Г.Е. Корнилова [1], А.И. Кузьмина и А.Г. Оруджиевой [2, 3], И.П. Мокерова и Д.Г. Суслопарова [4]. Значительный исторический период охватывает работа Л.Н. Мазур [5].

Более близкому к сегодняшнему дню периоду демографического развития Екатеринбурга посвящены работы Г.Е. Корнилова [6, 7]. Вопросы здоровья и продолжительности жизни рассматриваются в работах Н.К. Курсакова и Н.П. Бояршиновой [8], А.И. Кузьмина и М.Н. Макаровой [9]. Особо следует выделить статью И.П. Мокерова с анализом воспроизводства населения города [10].

Современная структура населения и демографическая динамика в Екатеринбурге анализируются в статьях О.В. Прохоровой [11] и В.И. Чиркова, Н.И. Шаховой, А.С. Янет, А.П. Боярского [12].

Демографический прогноз по Екатеринбургу представлен в работах Ю.Г. Лавриковой, И.А. Антипина, А.А. Прядеина, А.В. Суворовой [13], О.А. Козловой и М.Н. Макаровой [14], Д.В. Бородачевой [15].

Подробно анализируют демографическую ситуацию в Екатеринбурге и прогноз до 2030 г. Р.В. Нифантова, М.Н. Макарова и И.Ф. Косьмин. [16]

В данной статье рассматриваются динамика численности и возрастная структура населения, рождаемость, смертность и продолжительность жизни в Екатеринбурге в сравнении с остальным населением Свердловской области и другими городами России, численность населения которых, по данным переписи населения 2021 г., превышала 1 млн чел.

Численность населения Екатеринбурга и компоненты ее динамики

По данным Всероссийской переписи населения 2021 г., Екатеринбург занимает четвертое место среди российских городов по численности населения. Больше число жителей только в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске. По сравнению с 2010 г., когда проходила предыдущая перепись населения, Екатеринбург приблизился по численности населения к этим городам. Если в 2010 г. число жителей в нем было меньше, чем в Новосибирске, на 6,1 %, то в 2021 г. — на 2,8 %.

Численность населения городского округа Екатеринбург, по данным переписи населения 2021 г., составила 1 588 665 чел. (в т. ч. город Екатеринбург — 1 544 376; сельское население — 44 289). Результаты переписи населения показали существенно большую численность населения, по сравнению с той, которая определялась на основе текущего учета естественного и миграционного движения населения в период после переписи населения 2010 г.: на начало 2022 г. (без учета результатов переписи населения 2021 г.) все население городского округа — 1 525 663 чел., город Екатеринбург — 1 493 600, сельское население — 32 063).

Относительный прирост численности населения в Екатеринбурге за период между переписями населения 2010 и 2021 гг. составил 14,9 % и был самым большим среди городов, число жителей которых в 2010 г. превышало 1 млн чел. Если говорить о городах-миллионерах, по данным переписи населения 2021 г., то относительно больший прирост численности населения был только в Краснодаре (44,7 %) и Красноярске (22,0 %). Для сравнения, в Москве число жителей за межпереписной период возросло на 10,8 %, в Санкт-Петербурге — на 14,8 %, в Новосибирске — на 10,8 %, в Казани (которая занимает 5-е место по численности населения) — на 14,4 %, в Челябинске — на 5,3 %.¹

¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 1. Численность и размещение

Таблица 1

Изменение численности населения Екатеринбурга в 2010–2021 гг. (чел.; городское население)

Годы	Численность населения на начало года	Прирост численности населения за год		
		общий	естественный	миграционный
2010	1 341 141	11 652	1703	9949
2011	1 352 793	24 945	2148	22 797
2012	1 377 738	18 336	3264	15 072
2013	1 396 074	16 272	4439	11 833
2014	1 412 346	15 696	4412	11 284
2015	1 428 042	16 397	6683	9714
2016	1 444 439	11 075	5764	5311
2017	1 455 514	13 319	4043	9276
2018	1 468 833	14 286	2916	11 370
2019	1 483 119	10 630	1354	9276
2020	1 493 749	1317	–2792	4109
2021	1 495 066	–1466	–5709	4243
2022	1 493 600			

Источник: Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям». Москва, 2012–2022 (<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>); Миграция (витрины). Миграционный прирост населения по городам с числом жителей 100 тыс. человек и более (<https://showdata.gks.ru/report/279006/>); данные Росстата.

Более подробная статистическая информация о естественном и миграционном движении населения относится к городскому населению, т. е., собственно, к городу Екатеринбургу (табл. 1).

Общий прирост числа жителей Екатеринбурга за 2010–2021 гг., по данным текущего учета, составил 152 459 чел. (это существенно меньше прироста между переписями населения 2010 и 2021 гг. (по данным переписей) — 194 604). Основной вклад в увеличение численности населения Екатеринбурга вносит миграционный прирост (только в 2016 г. естественный прирост был несколько больше миграционного). Вклад естественного прироста составил 18,5 %, миграционного — 81,5 %, кроме 2016 г., когда на долю естественного прироста пришлось 52,0 %, свыше четверти она составляла в 2015 (40,8 %), 2017 (30,4 %), 2014 (28,1 %) и 2013 гг. (27,3 %).

Только в 2020 и 2021 гг. в Екатеринбурге была естественная убыль населения, обусловленная высокой смертностью в связи с пандемией COVID-19. В 2020 г. она полностью компенсировалась миграционным приростом, который был почти в 1,5 раза больше естественной убыли. В 2021 г. естественная убыль населения была очень значительной, и миграционный прирост компенсировал ее лишь на 74,3 %. В результате единственный раз за рассматриваемый период число жителей Екатеринбурга сократилось.

Естественный прирост населения

Общий коэффициент естественного прироста в Екатеринбурге за 2010–2021 гг. составил 1,7 на 1000 чел. населения. Более высоким среди городов с населением свыше 1 млн чел. он был только в Казани, Краснодаре, Красноярске и Уфе.¹

населения. Таблица 5 (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul); Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 1. Численность и размещение населения. С. 312–979 (https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-11.pdf).

¹ Рассчитано по данным Росстата.

В 2021 г. естественная убыль населения в Екатеринбурге составила 3,8 на 1000 населения, что значительно меньше, чем в Свердловской области (за вычетом Екатеринбурга) (10,1 на 1000 населения). Такая разница (на 6,3 промилльных пункта) обусловлена, главным образом, относительно более благоприятной (с точки зрения влияния на демографическую динамику) половозрастной структурой населения Екатеринбурга. Именно таким (6,3 промилльных пункта) в 2021 г. был ее вклад в разницу общих коэффициентов естественного прироста населения Екатеринбурга и остальной части Свердловской области. Вклады различных возрастных коэффициентов рождаемости и возрастных коэффициентов смертности в 2021 г. дублировали друг друга. За счет более низких возрастных коэффициентов смертности в Екатеринбурге естественная убыль населения была на 1,9 промилльных пункта меньше, чем в остальной части Свердловской области. А более низкие возрастные коэффициенты рождаемости в Екатеринбурге, наоборот, способствовали относительно большей (по сравнению со Свердловской областью) естественной убыли населения на те же 1,9 промилльных пункта.¹

Возрастная структура населения

В Екатеринбурге более молодая возрастная структура, чем у остального населения Свердловской области (табл. 2).

Основное отличие Екатеринбурга состоит (на начало 2022 г.) в существенно более высокой доле населения в возрасте 30–39 лет (19,8 % в Екатеринбурге и 14,9 % в Свердловской области) и в значительно меньшей доле населения в возрасте 60 лет и старше (соответственно, 20,0 % и 24,9 %), особенно, в 60–69 лет (10,9 % и 14,1 %).

Кроме того, в Екатеринбурге на начало 2022 г. была несколько выше, чем у остального населения Свердловской области, доля детей 0–9 лет, молодежи 20–29 лет, населения в возрасте 40–49 лет и, наоборот, ниже в 10–19 и 50–59 лет (табл. 2).

Средний возраст жителей Екатеринбурга на начало 2022 г. составлял 38,93 года, а остального населения Свердловской области — 40,68 года.

Среди городов, численность населения которых, по данным переписи населения 2021 г., превысила 1 млн чел., в Екатеринбурге средний возраст жителей (на начало 2022 г.; без учета данных переписи населения 2021 г.) сравнительно молодой. Меньше его величина только в Красноярске (38,06 года), Уфе (38,07), Краснодаре (38,15) и Казани (38,65). Для сравнения, в Перми средний возраст населения 39,04 года, в Новосибирске — 39,66, в Челябинске — 39,69, в Омске — 40,36, в Нижнем Новгороде — 40,85, в Воронеже — 40,92, в Ростове-на-Дону — 40,94, в Самаре — 41,45, в Волгограде — 41,62, в Санкт-Петербурге — 41,94, в Москве — 42,98 года.

Если говорить о последнем десятилетии, то средний возраст населения Екатеринбурга несколько снижался до начала 2016 г. (на начало 2012 г. — 38,63 года; 2013 г. — 38,56; 2014 г. — 38,51; 2015 г. — 38,49; 2016 г. — 38,45) и повышался в последующие годы: 2017 г. — 38,49; 2018 г. — 38,56; 2019 г. — 38,61; 2020 г. — 38,76; 2021 г. — 38,88; 2022 г. — 38,93 года.²

¹ Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>); данные Росстата.

² Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/>); данные Росстата.

Таблица 2
Распределение населения Екатеринбурга и Свердловской области по возрастным группам, %
(на начало 2022 г.; без учета данных переписи населения 2021 г.)

Возрастная группа (лет)	Доля возрастной группы	
	Екатеринбург	Свердловская область (без Екатеринбурга)
0-9	13,2	12,4
10-19	10,1	11,9
20-29	10,3	9,3
30-39	19,8	14,9
40-49	15,1	14,5
50-59	11,4	12,1
60-69	10,9	14,1
70-79	5,8	6,8
80-89	3,0	3,5
90 и старше	0,3	0,5

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>); данные Росстата.

Таблица 3
Распределение населения Екатеринбурга по возрастным группам в 2012–2022 гг., %
(на начало года; без учета данных переписи населения 2021 г.)

Возрастная группа	Доля возрастной группы в населении по годам										
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
0-9	10,0	10,4	10,9	11,4	12,0	12,6	13,0	13,2	13,3	13,3	13,2
10-19	9,4	9,0	8,9	8,7	8,7	8,7	8,9	9,2	9,4	9,6	10,1
20-29	19,6	19,4	18,9	18,1	17,0	15,7	14,4	13,2	12,2	11,2	10,3
30-39	16,4	16,6	17,0	17,4	17,7	18,2	18,7	19,1	19,5	19,7	19,8
40-49	13,1	13,0	12,9	13,0	13,2	13,4	13,7	14,0	14,4	14,8	15,1
50-59	13,7	13,5	13,3	13,0	12,7	12,4	12,1	11,8	11,6	11,5	11,4
60-69	8,4	8,9	9,4	10,1	10,5	10,6	10,7	10,8	10,8	10,9	10,9
70-79	6,7	6,4	6,0	5,7	5,5	5,5	5,4	5,4	5,5	5,6	5,8
80-89	2,5	2,5	2,5	2,4	2,4	2,5	2,7	2,9	3,0	3,1	3,0
90 и старше	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,3

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>).

Если на начало 2012 г. наибольшая доля населения в Екатеринбурге была в возрастной группе 20–29 лет (19,6 %), то через 10 лет она сместилась в группу 30–39 лет. На начало 2022 г. в этом возрасте был почти каждый пятый житель города (19,8 %). В то же время доля 20–29-летних за этот период сократилась (в 1,9 раза, с 19,6 % до 10,3 %) больше, чем доли других возрастных групп (табл. 3).

Доля детей в возрасте до 10 лет увеличивалась до 2019 г., а затем практически стабилизировалась. Некоторое повышение доли 10–19-летних, наоборот, происходило с 2018 г.

С 2016 г. повышается доля населения в возрасте 40–49 лет, и на начало 2022 г. она (15,1 %) занимала второе место после возрастной группы 30–39 лет. Доля населения в возрасте 50–59 лет ежегодно сокращалась с 13,7 % на начало 2012 г. до 11,4 % на начало 2022 г.

Таблица 4

**Возрастные коэффициенты миграционного прироста в Екатеринбурге в 2019–2021 гг.
(на 1000 населения данного возраста)**

Возрастная группа	Коэффициент миграционного прироста			
	Екатеринбург по годам			Свердловская область (без Екатеринбурга), 2021 г.
	2019	2020	2021	
0-4	4,0	3,1	2,4	0,3
5-9	4,8	3,4	1,6	0,2
10-14	4,0	4,7	2,5	-0,2
15-19	30,1	17,0	33,3	-12,8
20-24	-39,3	-38,7	-27,5	24,0
25-29	22,0	13,0	11,3	3,6
30-34	14,5	7,1	5,3	2,6
35-39	10,8	6,4	4,7	1,3
40-44	9,1	4,2	3,2	1,4
45-49	6,2	3,6	1,1	1,5
50-54	5,3	2,8	1,9	1,7
55-59	2,6	0,5	0,6	1,0
60-64	0,4	0,6	-1,4	1,4
65-69	1,1	0,2	-0,5	0,9
70-74	1,6	-0,1	0,1	0,5
75-79	1,3	1,5	2,7	-0,6
80 и старше	2,2	1,5	2,0	-0,9
Всего	6,2	2,7	2,8	1,4

Рассчитано по данным Росстата.

Доля населения в возрасте 60–69 лет существенно возросла до начала 2016 г., в заметно меньшей мере в 2016–2018 гг. и почти стабилизировалась в последние годы. Доля населения в возрасте 70–79 лет несколько снижалась до 2018 г. (в эту возрастную группу входили родившиеся в годы Великой Отечественной войны), а затем немного повышалась. Увеличивалась в 2017–2020 гг. и доля населения в возрасте 80–89 лет (табл. 3).

Выше отмечалось, что основной вклад в увеличение численности населения Екатеринбурга вносит миграционный прирост. Миграция оказывает существенное влияние и на возрастную структуру населения областного центра. Об этом свидетельствуют возрастные различия коэффициента миграционного прироста (табл. 4).

В Екатеринбурге коэффициент миграционного прироста в возрастной группе 25–29 лет значительно выше, чем в целом по всему населению: в 2019 г. — в 3,5 раза, в 2020 г. — в 4,8 раза, в 2021 г. — в 4,0 раза. Следовательно, возрастная дифференциация миграционного прироста способствует увеличению доли населения в возрасте 25–29 лет среди жителей Екатеринбурга.

В более старших возрастах коэффициент миграционного прироста ниже, но до 45 лет он выше общего коэффициента миграционного прироста. То есть миграционный прирост в Екатеринбурге способствует повышению доли населения в возрастном интервале от 25 до 45 лет и в более молодых возрастах, в рамках данного интервала это имеет место в большей мере.

В возрастах старше 45 лет (в 2020 г. — старше 55 лет) коэффициенты миграционного прироста ниже, чем общий в целом по всему населению. Это способствует снижению доли населения этого возрастного интервала.

Коэффициенты миграционного прироста групп детей и подростков (до 15 лет) в 2019 и 2021 гг. были несколько ниже общего в целом по всему населению, а в 2020 г. — выше.

Отдельного разговора заслуживают коэффициенты миграционного прироста в возрастных группах 15–19 лет и 20–24 года. В 15–19 лет очень высокий (несколько ниже в 2020 г., возможно, из-за пандемии) коэффициент миграционного прироста, а в группе 20–24 года, наоборот, очень значительное отрицательное миграционное сальдо. Вероятно, в значительной мере в этом находит отражение прибытие на учебу в Екатеринбург, а затем выбытие после окончания обучения. В пользу такого предположения свидетельствует и то, что у остального населения Свердловской области (без учета Екатеринбурга), наоборот, очень большие отрицательное миграционное сальдо в 15–19 лет и коэффициент миграционного прироста в 20–24 года (табл. 4).

Рождаемость

Общий коэффициент рождаемости в Екатеринбурге в 2021 г. (11,1 на 1000 населения) был выше, чем у остального населения Свердловской области (9,5). Однако это было обусловлено исключительно более благоприятной половозрастной структурой населения областного центра. Возрастные и суммарный коэффициент рождаемости в Екатеринбурге ниже.

Только в возрастах старше 35 лет коэффициенты рождаемости у жительниц Екатеринбурга в 2021 г. были выше, чем у остальных женщин Свердловской области (табл. 5). Это свидетельствует о несколько большем смещении возрастной модели рождаемости в Екатеринбурге к более старшим возрастам.

Суммарный коэффициент рождаемости в Екатеринбурге в 2021 г. составлял 1,468 и был существенно ниже, чем у остального населения Свердловской области (1,735).

Однако по сравнению с другими городами, в которых, по переписи населения 2021 г., число жителей превышало 1 млн чел., суммарный коэффициент рождаемости в Екатеринбурге в 2021 г. был одним из самых высоких. Выше он был только в Краснодаре (1,777), Казани (1,651) и Москве (1,597; столь высокая величина этого показателя в столице отчасти связана с высокой долей родившихся у иногородних). Для сравнения, в Челябинске суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. составлял 1,455, в Новосибирске — 1,450, в Самаре — 1,438, в Санкт-Петербурге — 1,379, в Омске — 1,290, в Перми — 1,282, в Красноярске — 1,279, в Ростове-на-Дону — 1,229, в Нижнем Новгороде — 1,218, в Уфе — 1,184, в Волгограде — 1,127.¹

В 2017–2019 гг. в Екатеринбурге имело место значительное снижение суммарного коэффициента рождаемости: с 1,657 в 2016 г. до 1,407 в 2019 г. В 2020–2021 гг. он несколько повысился: (табл. 6).

Отсутствие доступных данных по очередности рождения не позволяет корректно оценить причины такой динамики суммарного коэффициента рождаемости в Екатеринбурге. Но можно предположить, что основное снижение в 2017–2019 гг. имело место по вторым рождениям. Об этом свидетельствует то, что наибольшее

¹Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/>); данные Росстата.

Таблица 5

Возрастные коэффициенты рождаемости в Екатеринбурге и Свердловской области в 2021 г.

Местность	Родившиеся живыми на 1000 женщин по возрастным группам женщин, лет						
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
Екатеринбург	10,0	61,9	91,0	67,6	45,9	11,7	1,3
Свердловская область (без Екатеринбурга)	16,8	79,0	105,9	86,2	45,8	10,0	0,6

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>); данные Росстата.

Таблица 6

Суммарный коэффициент рождаемости в Екатеринбурге в 2016–2021 гг.

Показатель	Значение показателя по годам					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Суммарный коэффициент рождаемости	1,657	1,505	1,480	1,407	1,426	1,468

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>); данные Росстата.

снижение коэффициентов рождаемости в 2019 г., по сравнению с 2016 г., произошло в возрастных группах 25–29 лет (на 23,0 %) и 30–34 года (на 24,0 %). В возрасте 35–39 лет коэффициент рождаемости за этот период снизился на 13,0 %. В возрастах старше 40 лет этого снижения практически не было, а у 20–24-летних женщин коэффициент рождаемости в 2019 г. был выше, чем в 2016 г. В 2020–2021 гг. коэффициент рождаемости в возрасте 30–34 года продолжил снижаться, а в 25–29 лет — повышался (табл. 7). Если справедливо предположение, что такая динамика определялась, прежде всего, вторыми рожденьями, то возможно, что имели место тайминговые сдвиги, на вероятное наличие которых в этот период указывает анализ данных по очередности рождения на общероссийском и региональном уровнях. В преддверии завершения первоначально установленного срока федеральной программы материнского (семейного) капитала (до конца 2016 г.) в части семей могло иметь место более раннее рождение вторых детей. После таких тайминговых сдвигов неизбежны тайминговый провал и снижение показателей рождаемости. Выход из этого таймингового провала происходит по мере достижения активного возраста рождения вторых детей поколениями, не затронутыми тайминговыми сдвигами. Если это так, то логично, что повышение коэффициентов рождаемости в 2020–2021 гг. имело место у женщин в возрасте 25–29 лет и его не было в возрастной группе 30–34 года.

Динамика показателей рождаемости в Екатеринбурге в последнее десятилетие различалась по возрастным группам женщин (табл. 7).

У 20–24-летних женщин после некоторого снижения коэффициент повышался в 2015, 2018 и 2020 гг. В возрастной группе 25–29 лет коэффициент рождаемости существенно снижался в 2016–2019 гг., но несколько повысился в 2020 и 2021 гг. У женщин 30–34 и 35–39 лет показатель рождаемости также снижался с 2016 г., но, в отличие от более молодых женщин, в возрастной группе 30–34 года он продолжал снижаться и в 2020, и в 2021 гг., а в возрасте 35–39 лет в 2020 г. снизился, но в 2021 г. немного повысился. В возрастной группе 40–44 года повышение коэффициента рождаемости продолжалось до 2018 г. и только в последние годы он немного снизился.

В результате различающейся динамики коэффициентов рождаемости по возрастным группам изменялось их соотношение. Почти во все годы рассматриваемого

Таблица 7

Возрастные коэффициенты рождаемости в Екатеринбурге в 2012–2021 гг.

Год	Родившиеся живыми на 1000 женщин возрастной группы						
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
2012	16,0	54,9	100,2	82,6	41,7	8,2	0,3
2013	15,4	51,6	102,6	84,6	44,9	9,9	0,5
2014	15,8	50,6	100,7	87,3	47,9	10,8	0,5
2015	15,3	56,7	110,4	98,2	52,1	11,1	0,6
2016	14,3	56,4	103,7	97,8	51,1	11,8	0,9
2017	11,7	56,6	89,9	86,9	47,2	11,8	1,0
2018	10,2	60,9	83,2	83,7	47,9	12,2	0,9
2019	9,9	60,8	79,9	74,3	44,5	11,8	0,8
2020	10,1	63,9	83,3	68,8	43,8	11,6	1,0
2021	10,0	61,9	91,0	67,6	45,9	11,7	1,3

Расчитано по: База данных показателей муниципальных образований (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>); данные Росстата.

периода наибольший коэффициент рождаемости в Екатеринбурге у женщин в возрасте 25–29 лет. Только в 2018 г. он был немного выше у 30–34-летних женщин. Однако в последующие годы у них коэффициент рождаемости снизился, тогда как у более молодых женщин в 2021 г. он был выше, чем в 2020 г. Если в 2012 г. коэффициент рождаемости в возрастной группе 30–34 года был на 17,6 % меньше, чем в 25–29 лет, и в 1,5 раза выше, чем в 20–24 года, то в 2021 г. разница с показателем рождаемости в 25–29 лет возросла до 25,7 %, а перевес по сравнению с коэффициентом у 20–24-летних женщин сократился до 9,2 % (табл. 7).

Отмеченное выше несколько большее смещение возрастной модели рождаемости к более старшим возрастам в Екатеринбурге находит отражение и в более высоком среднем возрасте матери при рождении детей. В 2021 г. в Екатеринбурге он составлял 29,45 года, а у остальных женщин Свердловской области — 28,91. Средний возраст матери в целом по всем рождениям (без дифференциации по очередности) зависит от доли вторых, третьих и последующих рождений, т. е. от уровня рождаемости. При более высокой доле рождений больших очередностей, которые имеют место у женщин относительно более старшего возраста, средний возраст матери при рождении детей будет выше. Однако в Екатеринбурге уровень рождаемости существенно ниже, чем у остального населения Свердловской области, и, следовательно, можно предполагать еще большие различия в возрасте матери при рождении детей.

В Екатеринбурге средний возраст матери при рождении детей в 2021 г. был одним из самых высоких среди городов, численность населения которых, по данным переписи населения 2021 г., превышает 1 млн чел. Выше он был только в Санкт-Петербурге (30,22 г.), Уфе (29,85), Москве (29,83) и Перми (29,50). Для сравнения, в Краснодаре он составлял 29,37, в Нижнем Новгороде — 29,36, в Ростове-на-Дону — 29,23, в Казани — 29,18, в Омске — 29,16, в Новосибирске — 29,14, в Самаре — 29,13, в Красноярске — 29,04, в Волгограде — 29,01, в Челябинске — 28,99 года.¹

¹Расчитано по: База данных показателей муниципальных образований (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/>); данные Росстата.

Таблица 8

Средний возраст матери при рождении детей в Екатеринбурге в 2016–2021 гг., лет

Показатель	Значение показателя по годам					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Средний возраст матери при рождении детей	29,82	29,88	29,86	29,65	29,38	29,45

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>); данные Росстата.

В 2019–2020 гг. произошло существенное снижение среднего возраста матери при рождении детей. Если в отношении 2019 г. его можно было бы связать отчасти со снижением рождаемости, то в 2020 г. средний возраст матери при рождении детей снизился при повышении суммарного коэффициента рождаемости (табл. 6, 8).

В 2021 г. каждый пятый (20,5 %) новорожденный в Екатеринбурге родился вне зарегистрированного брака. Это существенно меньше, чем у остального населения Свердловской области (26,1 %). Разница целиком за счет доли родившихся, зарегистрированных по заявлению матери (соответственно, 8,7 % и 14,6 %). Тогда как доля зарегистрированных по совместному заявлению родителей в 2021 г., наоборот, в Екатеринбурге (11,8 %) была немного больше, чем у остального населения Свердловской области (11,5 %). Таким образом, если в Екатеринбурге большинство родившихся вне зарегистрированного брака зарегистрированы по совместному заявлению родителей, то в остальной части Свердловской области — по заявлению матери.

Среди крупнейших городов России, наибольшая доля родившихся вне зарегистрированного брака в 2021 г. была в Перми (22,9 %). Екатеринбург входит в число

Таблица 9

Доля родившихся вне зарегистрированного брака в крупнейших городах России в 2021 г., %

Города*	Доля родившихся вне зарегистрированного брака	в т. ч. зарегистрированных по:	
		заявлению матери	по совместному заявлению родителей
Екатеринбург	20,5	8,7	11,8
Москва	20,5	10,1	10,5
Санкт-Петербург	19,1	7,1	12,0
Новосибирск	19,3	8,7	10,7
Казань	14,9	5,4	9,5
Нижний Новгород	15,1	6,7	8,4
Краснодар	15,8	7,3	8,5
Челябинск	20,8	10,8	10,0
Красноярск	21,2	8,6	12,6
Самара	16,2	8,0	8,2
Уфа	14,7	5,6	9,1
Ростов-на-Дону	15,7	7,0	8,8
Омск	16,5	7,4	9,1
Воронеж	12,6	5,8	6,8
Пермь	22,9	8,0	14,9
Волгоград	19,7	9,7	10,0

* Города расположены в порядке убывания численности населения по данным переписи населения 2021 г.

Рассчитано по: данные Росстата.

городов, где она составляла от 19 % до 21 %, вместе с Москвой, Санкт-Петербургом, Новосибирском, Челябинском, Красноярском и Волгоградом.

Примерно на 5 п. п. меньше она в Казани, Нижнем Новгороде, Краснодаре, Самаре, Уфе, Ростове-на-Дону и Омске, а наименьшая — в Воронеже (12,6 %) (табл. 9).

Практически во всех крупнейших городах России среди родившихся вне зарегистрированного брака сейчас преобладают дети, зарегистрированные по совместному заявлению родителей (исключение в 2021 г. составлял только Челябинск). Екатеринбург относится к числу городов со значительной разницей в доле зарегистрированных по совместному заявлению родителей и по заявлению матери. В 2021 г. она составляла 3,1 п. п. и более существенной была только в Санкт-Петербурге, Казани, Красноярске, Уфе и Перми (табл. 9).

Смертность и продолжительность жизни

Общий коэффициент смертности в 2021 г. в Екатеринбурге (14,9 на 1000 населения) был почти на четверть (на 24,0 %) ниже, чем у остального населения Свердловской области (19,6). Расчеты с использованием индексного метода показывают, что эта разница на 39,8 % обусловлена более низкими возрастными коэффициентами смертности в Екатеринбурге и на 60,2 % — более благоприятной половозрастной структурой населения.

В Екатеринбурге возрастные коэффициенты смертности значительно ниже, чем у остального населения Свердловской области. Исключение составляют только пожилые возраста. В 2021 г. и у мужчин, и у женщин более высокие, чем у остального населения Свердловской области, возрастные коэффициенты смертности были в возрастах 85 лет и старше (в 2020 г. это имело место у женщин и в возрастной группе 80–84 года) (табл. 10).

В 2021 г. у мужчин в Екатеринбурге коэффициенты смертности в возрастных группах 30–34 года и 35–39 лет были на 40,0 % ниже, чем в остальной части Свердловской области. В более старших возрастах эта разница сокращается, но, по крайней мере, до 70 лет остается существенной: в 40–44 года она составляет 31,9 %, 45–49 лет — 30,8 %, 50–54 года — 21,9 %, 55–59 лет — 22,1 %, 60–64 года — 18,4 %, 65–69 лет — 16,9 %, 70–74 года — 6,1 %, 75–79 лет — 4,9 %, 80–84 года — 1,4 %.

Еще больше различия у женщин. В 25–29 лет у жительниц Екатеринбурга коэффициент смертности в 2021 г. был ниже, чем у остальных женщин Свердловской области, в 2,6 раза, в 30–34 года — в 2,2 раза, в 35–39 лет — в 2,0 раза. В 40–44 года разница составляет 37,0 %, 45–49 лет — 28,6 %, 50–54 года — 26,0 %, 55–59 лет — 28,6 %, 60–64 года — 17,7 %, 65–69 лет — 13,7 %, 70–74 года — 12,2 %, 75–79 лет — 14,2 %, 80–84 года — 1,2 % (табл. 11).

В возрастной группе 25–29 лет коэффициент смертности у мужчин в Екатеринбурге в 2021 г. была на 29,4 % выше, чем в 2019 г. (прирост этого показателя был у них и в возрасте 20–24 года). У женщин в областном центре в 2021 г. он был таким же, как в 2019 г., а у остальных мужчин и женщин Свердловской области — ниже, чем в 2019 г. (соответственно, на 15,6 % и 23,5 %).

В более старших возрастах в период пандемии COVID-19 имело место повышение возрастных коэффициентов смертности как в областном центре (кроме 35–39-летних мужчин Екатеринбурга), так и у остального населения Свердловской области. У мужчин до 60 лет в некоторых возрастных группах увеличение коэффициента смертности в 2021 г., по сравнению с 2019 г., было несколько большим в Екатеринбурге (30–34,

**Возрастные коэффициенты смертности в Екатеринбурге и Свердловской области
в 2019–2021 гг., число умерших на 1000 населения соответствующего пола и возраста**

Возрастная группа	Возрастные коэффициенты смертности											
	Екатеринбург						Свердловская область (без Екатеринбурга)					
	мужчины			женщины			мужчины			женщины		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
0	4,5	3,5	3,5	3,8	3,4	3,1	4,9	4,6	4,7	4,9	4,3	4,2
1-4	0,2	0,2	0,3	0,2	0,1	0,2	0,4	0,2	0,5	0,2	0,3	0,3
5-9	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,2
10-14	0,2	0,1	0,2	0,2	0,3	0,2	0,5	0,3	0,2	0,1	0,2	0,3
15-19	0,6	0,5	0,6	0,4	0,4	0,3	0,8	0,8	0,9	0,5	0,6	0,5
20-24	1,0	1,2	1,4	0,5	0,7	0,5	2,1	1,8	2,0	0,7	0,9	0,8
25-29	1,7	1,8	2,2	0,5	0,5	0,5	3,2	3,2	2,7	1,7	1,3	1,3
30-34	3,0	2,8	3,6	0,8	1,1	1,2	5,7	5,3	6,0	2,2	2,2	2,6
35-39	5,4	5,4	5,4	1,9	2,1	2,1	8,6	9,4	9,0	3,4	3,4	4,2
40-44	7,7	8,6	9,2	2,2	2,6	2,9	11,4	12,6	13,5	3,8	4,5	4,6
45-49	8,4	9,5	10,1	3,2	3,5	4,0	11,9	14,1	14,6	4,4	5,1	5,6
50-54	11,7	12,4	14,3	4,2	5,3	5,4	16,1	17,7	18,3	5,0	6,6	7,3
55-59	17,2	19,9	20,8	5,2	7,6	7,5	21,5	24,4	26,7	7,6	9,2	10,5
60-64	25,5	29,7	32,3	8,3	10,7	13,5	33,2	36,6	39,6	10,8	13,2	16,4
65-69	36,4	46,4	48,3	12,7	17,0	22,0	45,6	52,6	58,1	16,7	20,2	25,5
70-74	52,3	62,5	77,4	23,2	27,1	35,2	61,0	74,5	82,4	26,1	31,6	40,1
75-79	82,0	96,5	112,2	41,4	49,2	56,4	87,8	110,2	118,0	45,0	54,9	65,7
80-84	116,5	143,1	170,7	69,8	90,0	107,8	120,5	146,2	173,1	76,2	89,9	109,1
85-89	194,6	238,7	272,0	143,8	173,4	190,6	175,2	210,6	247,5	148,0	168,4	189,9
90-94	293,7	427,8	470,0	253,6	329,9	362,3	249,6	299,9	365,4	246,2	273,1	302,1
95 и старше	350,6	448,8	448,4	439,9	498,5	618,5	198,1	224,5	226,6	340,5	409,4	469,3

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>); данные Росстата.

40–44 и 50–54 года), а в других – в остальной части Свердловской области (35–39, 45–49 и 55–59 лет).

У мужчин старше 60 лет (кроме 85–89 лет) повышение коэффициентов смертности в 2021 г., по сравнению с 2019 г., в Екатеринбурге было больше, чем в Свердловской области. Более чем на четверть они повысились у екатеринбургских мужчин в возрастных группах 60–64 (на 26,7 %), 65–69 (на 32,7 %), 70–74 (на 48,0 %), 75–79 (на 36,8 %), 80–84 (на 46,5 %), 85–89 (на 39,8 %), 90–94 (на 60,0 %), 95 лет и старше (на 27,9 %). Столь же существенным было их повышение в возрастах 20–24 года (на 40,0 %) и 25–29 лет (на 29,4 %).

У женщин в большинстве возрастов старше 30 лет повышение коэффициентов смертности в 2021 г., по сравнению с 2019 г., в Екатеринбурге было несколько большим, чем в остальной части Свердловской области (исключение составили только возрастные группы 35–39, 45–49, 50–54, 70–74 и 75–79 лет). Наибольший их прирост был в возрастных группах 60–64 (на 62,7 %) и 65–69 (на 73,2 %) лет. У остальных женщин Свердловской области также в этих возрастах относительное увеличение коэффициентов смертности было наибольшим (соответственно, на 51,9 % и 52,7 %).

Таблица 11

**Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для новорожденных
в Екатеринбурге и Свердловской области в 2019–2021 гг., лет**

Годы	Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для новорожденных			
	Екатеринбург		Свердловская область (без Екатеринбурга)	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
2019	68,7	79,0	64,9	76,3
2020	67,3	77,0	63,5	74,6
2021	65,9	75,6	62,6	72,8

Рассчитано по: данные Росстата.

У жительниц Екатеринбурга в 1,5 раза повысился коэффициент смертности в 2021 г., по сравнению с 2019 г., в возрасте 30–34 года, на 51,7 % — в 70–74 года, на 54,4 % — в 80–84 года. Свыше 40 % его прирост составил в возрастных группах 55–59 (44,2 %), 90–94 (42,9 %) и 95 лет и старше (40,6 %). В возрасте 40–44 года коэффициент смертности повысился на 31,8 %, 45–49 лет — на 25,0 %, 50–54 года — на 28,6 %, 75–79 лет — на 36,2 %, 85–89 лет — на 32,5 % (табл. 11).

Более низкие возрастные коэффициенты смертности в Екатеринбурге, по сравнению с остальным населением Свердловской области, определяют более высокую продолжительность жизни (табл. 11).

В 2021 г. средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в Екатеринбурге составляла 65,9 года у мужчин и 75,6 года у женщин. По сравнению

Таблица 12

**Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для новорожденных в крупнейших
городах России в 2021 г., лет**

Город*	Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для новорожденных	
	мужчины	женщины
Екатеринбург	65,9	75,6
Москва	71,0	77,9
Санкт-Петербург	68,2	76,3
Новосибирск	65,5	75,2
Казань	66,9	76,3
Нижний Новгород	63,9	74,2
Краснодар	65,7	74,8
Челябинск	65,3	74,8
Красноярск	65,1	74,4
Самара	64,1	74,1
Уфа	66,1	75,0
Ростов-на-Дону	67,0	74,9
Омск	65,3	74,6
Воронеж	64,8	74,5
Пермь	64,9	74,7
Волгоград	66,2	74,8

* Города расположены в порядке убывания численности населения по данным переписи населения 2021 г.

Рассчитано по: данные Росстата.

с показателями для остального населения Свердловской области это больше соответственно на 3,3 и 2,8 года.

В период пандемии COVID-19 произошли значительное повышение смертности и снижение продолжительности жизни. Если у женщин продолжительности жизни в 2021 г. была ниже, чем в 2019 г., примерно в равной мере в Екатеринбурге (на 3,4 года) и остальной части Свердловской области (на 3,5 года), то у мужчин в этот период снижение средней ожидаемой продолжительности предстоящей жизни в Екатеринбурге (на 2,8 года) было существенно большим, чем в остальной части Свердловской области (на 2,3 года).

Отметим, что в 2019 г. продолжительность жизни и у мужчин, и у женщин была на 0,6 года больше, чем в 2015–2016 гг., по расчетам А.И. Кузьмина и М.Н. Макаровой [9].

Величина средней ожидаемой продолжительности предстоящей жизни мужчин в Екатеринбурге в 2021 г. была относительно более высокой, по этому показателю город входил в число крупнейших городов России. Выше она была в 6 городах (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Казань, Волгоград, Уфа), а ниже в 9 городах. У женщин Екатеринбург вообще входит в число лидеров по этому показателю, занимая 4-е место (после Москвы, Казани, Санкт-Петербурга) (табл. 12).

Заключение

Увеличение численности населения Екатеринбурга до начала 2021 г. в большей мере происходило за счет миграционного прироста (он имел место и в 2021 г., но не мог компенсировать значительную естественную убыль населения, обусловленную, главным образом, повышенной смертностью населения от COVID-19). До 2019 г. был и естественный прирост населения, который обеспечивался, прежде всего, благоприятной (с точки зрения демографической динамики) возрастной структурой населения в сочетании со сравнительно невысоким уровнем смертности.

Средний возраст населения Екатеринбурга не только существенно ниже, чем у остального населения Свердловской области (на начало 2022 г. (без учета данных переписи населения 2021 г.) — соответственно, 38,93 и 40,68 года), но и один из самых низких среди крупнейших городов России (ниже только в Красноярске, Уфе, Краснодаре и Казани).

В Екатеринбурге существенно ниже, чем у остального населения Свердловской области, уровень смертности и, соответственно, выше средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (в 2021 г. на 3,3 года у мужчин и на 2,8 года у женщин). Если по продолжительности жизни мужчин Екатеринбург в 2021 г. занимал 7-е место среди 16 крупнейших городов России, то по продолжительности жизни женщин — 4-е место.

По сравнению с этими городами в Екатеринбурге и сравнительно высокий суммарный коэффициент рождаемости (в 2021 г. выше только в Краснодаре, Казани и Москве). Однако он значительно (в 2021 г. на 0,267) ниже, чем у остального населения Свердловской области.

Список источников

[1] Корнилов Г. Е. Трехсотлетняя демографическая история Екатеринбурга: источники и историография // Парадигмы и модели демографического развития: сб. ст. XII Уральского демографического форума. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2021. С. 91-99. <https://doi.org/10.17059/udf-2021-1-12>

- [2] Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия УрГУ. 1998. № 9. С. 95–100. <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24373/1/iurp-1998-09-15.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).
- [3] Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Население // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 382-384. http://www.ihist.uran.ru/files/2002_Yekaterinburg.pdf (дата обращения: 13.02.2023).
- [4] Мокеров И. П., Суслопаров Д. Г. Демографические процессы в Екатеринбурге (прошлое, настоящее, будущее). Екатеринбург : [б. и.], 1996. 25 с.
- [5] Мазур Л. Н. Особенности демографического развития Екатеринбурга в конце XIX — начале XXI в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 131-143. [http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_3\(76\)_22_Mazur.pdf](http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_3(76)_22_Mazur.pdf) (дата обращения: 13.02.2023).
- [6] Корнилов Г. Е. Свердловск в период демографического благополучия (1959–1989 гг.) // Глобальные вызовы демографическому развитию: сб. науч. ст. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022 С. 132-145. <https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-12>
- [7] Корнилов Г. Е. Население Свердловска в военные годы // Российская история. 2010. № 4. С. 94-107. <https://russian-history.ru/s0869-56870000619-3-1-ru-549/> (дата обращения: 13.02.2023).
- [8] Курсаков Н. К., Бояршинова Н. П. Здоровье населения города Свердловска. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1978. 140 с.
- [9] Кузьмин А. И., Макарова М. Н. Опыт оценки продолжительности жизни населения Екатеринбурга как показателя общественного здоровья // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития. Сб. ст. IX Уральского демографического форума. Т. 1. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. С. 86-95. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/68310/1/978-5-94646-613-4_2018-1-07.pdf (дата обращения: 13.02.2023).
- [10] Мокеров И. П. Воспроизводство населения г. Свердловска // Особенности демографического поведения городского населения Урала. Сб. науч. ст. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1987. С. 26–52.
- [11] Прохорова О. В. Демографический кризис в городе Екатеринбурге и Свердловской области: да или нет? // Уральский медицинский журнал. 2019. № 5. С. 5-10. https://elibrary.ru/download/elibrary_38597644_67322213.pdf (дата обращения: 13.02.2023).
- [12] Динамика демографической ситуации в условиях социальных и экономических реформ в г. Екатеринбурге в конце XX и в начале XXI веков / В. И. Чирков, Н. И. Шахова, А. С. Янет, А. П. Боярский // Уральский медицинский журнал. 2007. № 11. С. 101-105 https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12868184_31741616.pdf (дата обращения: 13.02.2023).
- [13] Прогноз развития крупнейшего города: конструирование инновационного будущего / Ю. Г. Лаврикова, И. А. Антипин, А. А. Прядеин, А. В. Суворова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 214-235. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.6.48.12>
- [14] Козлова О. А., Макарова М. Н. Формирование расселения на основе результатов демографического прогнозирования крупнейшего города (на примере Екатеринбурга) // Ars Administrandi. Искусство управления. 2017. Т.9, № 2. С. 269–288. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-2-269-288>
- [15] Бородачева Д. В. Анализ демографического прогноза на примере МО «Город Екатеринбург» // Аллея науки. 2016. № 3. С. 3-8. https://alley-science.ru/domains_data/files/ROOT_DIRECTORY/Zhurnal%20Noyabr%20Vyhodnye%20dannye.pdf (дата обращения: 13.02.2023)

[16] *Нифантова Р. В., Макарова М. Н., Косьмин И. Ф.* Екатеринбург на демографической карте России: реалии и перспективы // Экономика региона. 2010 № 4. С. 52-59. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15576235_58220040.pdf (дата обращения: 13.02.2023).

References

[1] *Kornilov G. E.* The Three-Hundred-Year Demographic History of Ekaterinburg: Sources and Historiography // Paradigms and models of demographic development: collection of articles. XII Ural Demographic Forum. Vol. I. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 2021. P. 91-99. <https://doi.org/10.17059/udf-2021-1-12>

[2] *Kuzmin A. I., Orudzhieva A. G.* Historical and demographic portrait of Ekaterinburg // Izvestia of UrSU. 1998. No. 9. P. 95-100 <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24373/1/iurp-1998-09-15.pdf> (accessed on: 13.02.2023).

[3] *Kuzmin A. I., Orudzhieva A. G.* Population // Ekaterinburg. Encyclopedia. Ekaterinburg: Akademkniga publishers, 2002. P. 382-384. http://www.ihist.uran.ru/files/2002_Yekaterinburg.pdf (accessed on: 13.02.2023).

[4] *Mokerov I. P., Susloparov D. G.* Demographic processes in Ekaterinburg (past, present, future). Ekaterinburg, 1996. 25 p.

[5] *Mazur L. N.* Features of the demographic development of Ekaterinburg (late 19th — early 21st century) // Ural Historical Journal. 2022. No. 3(76). P. 131-143. [http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_3\(76\)_22_Mazur.pdf](http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_3(76)_22_Mazur.pdf) (accessed on: 13.02.2023).

[6] *Kornilov G. E.* Sverdlovsk in the period of demographic prosperity (1959–1989) // Global Challenges to Demographic Development: Collection of Scientific Articles Vol. I. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 2022. P. 132-145. <https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-12>

[7] *Kornilov G. E.* The population of Sverdlovsk during the war // Russian history. 2010. No. 4. P. 94-107. <https://russian-history.ru/s0869-56870000619-3-1-ru-549/> (accessed on: 13.02.2023).

[8] *Kursakov N. K., Boyarshinova N. P.* Health of the population of the city of Sverdlovsk. Sverdlovsk: Sredne-Ural Book Publishers, 1978. 140 p.

[9] *Kuzmin A. I., Makarova M. N.* Experience in Assessing the Life Expectancy of the Population of Yekaterinburg as an Indicator of Public Health // Demographic and family policy in the context of sustainable development goals. Collection of articles from the IX Ural Demographic Forum. Vol. 1. Ekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS. 2018. P. 86-95. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/68310/1/978-5-94646-613-4_2018-1-07.pdf (accessed on: 13.02.2023).

[10] *Mokerov I. P.* Reproduction of the population of Sverdlovsk // Features of demographic behavior of the urban population of the Urals. Collection of scientific articles. Sverdlovsk: Ural Scientific Center of USSR Academy of Sciences, 1987. P. 26-52.

[11] *Prokhorova O. V.* Demographic crisis in Yekaterinburg and the Sverdlovsk region: yes or no // Ural medical journal. 2019. No. 5. P. 5-10. https://elibrary.ru/download/elibrary_38597644_67322213.pdf (accessed on: 13.02.2023).

[12] Demographic dynamics in the context of social and economic reforms in Ekaterinburg in the late XX and early XXI centuries / V. I. Chirkov, N. I. Shakhova, A. S. Yanet, A. P. Boyarsky // Ural medical journal. 2007. No. 11. P. 101-105. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12868184_31741616.pdf (accessed on: 13.02.2023).

[13] Major city development forecast: designing the innovative future / Yu. G. Lavrikova, I. A. Antipin, A. A. Pryadein, A. V. Suvorova // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2016. No. 6. P. 214-235. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.6.48.12>

[14] *Kozlova O. A., Makarova, M. N.* Population distribution based on demographic forecasting of metropolis (case of Yekaterinburg) // *Ars Administrandi*. 2017. Vol. 9, No. 2. P. 269–288. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-2-269-288>

[15] *Borodacheva D. V.* Analysis of demographic forecasts for example of Ekaterinburg // *The alley of science*. 2016. No. 3. P. 3-8. https://alley-science.ru/domains_data/files/ROOT_DIRECTORY/Zhurnal%20Noyabr%20Vyhodnye%20dannye.pdf (accessed on: 13.02.2023).

[16] *Nifantova R. V., Makarova M. N., Kosmin I. F.* Ekaterinburg on the demographic map of Russia: facts and prospects // *Economy of Region*. 2010. No. 4. P. 52-59. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15576233_58220040.pdf (accessed on: 13.02.2023).

Информация об авторах

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, заведующий сектором воспроизводства населения и демографической политики научно-исследовательской лаборатории экономики народонаселения и демографии Экономического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова; руководитель отдела рождаемости и репродуктивного поведения, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; научный сотрудник отдела демографии, ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы»; <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632> (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46; 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1; 115184, г. Москва, ул. Большая Татарская, д. 30; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

About the authors

Vladimir N. Arkhangelsiy — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Population Reproduction and Demographic Policy Sector, Research Laboratory of Population Economics and Demography, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Head of Fertility and Reproductive Behavior Department, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Research Associate, Demography Department, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department; <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632> (1/46, Leninsky Gory, Moscow, 119991; 6/1, Fotievoy St., Moscow, 119333; 30, Bolshaya Tatarskaya, Moscow, 115184, Russian Federation; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-5>

УДК 314.1 (470.331)

JEL classification: J11, J19

ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ ГОРОДОВ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Л. П. Богданова^a, А. С. Щукина^b

^{a, b} Тверской государственный университет (г. Тверь, Россия)

^a <https://orcid.org/0000-0002-8436-9571>

Автор для корреспонденции: Л. П. Богданова (Bogdanova.LP@tversu.ru)

Аннотация. Представлены методика и опыт сравнительной оценки демографического неблагополучия городских поселений Тверской области. Проанализирована динамика численности населения городов и пгт за 2010–2020 гг. Рассмотрены особенности региональной системы городского расселения и факторы, их определяющие. Рассчитаны коэффициент депопуляции и коэффициент миграционного состояния. Проведена группировка городских поселений по особенностям демографической ситуации, которая позволяет оценить уровень их демографического неблагополучия.

Ключевые слова: городские поселения; коэффициент депопуляции; коэффициент миграционного состояния; демографическая ситуация; Тверская область

Assessment of the Demographic Disadvantage in the Cities of Tver Oblast

L. P. Bogdanova^a, A. S. Schukina^b

^{a, b} Tver State University (Tver, Russia)

^a <https://orcid.org/0000-0002-8436-9571>

Corresponding author: L. P. Bogdanova (Bogdanova.LP@tversu.ru)

Abstract. The methodology and experience of a comparative assessment of the demographic disadvantage in urban settlements of Tver oblast are presented. The population dynamics in cities and towns for 2010–2020 is analysed. The study considers features of the regional system of urban settlement and the determining factors. The coefficient of depopulation and the coefficient of migratory state are calculated. Urban settlements were grouped according to the characteristics of the demographic situation in order to assess the demographic disadvantages.

Keywords: urban settlements; depopulation coefficient; migration state coefficient; demographic situation; Tver oblast

Введение

Территориальные особенности демографических процессов являются предметом исследования двух научных дисциплин — демогеографии и региональной демографии, первая из которых сформировалась в рамках географии населения, вторая — в рамках демографии к началу 1970-х гг. Демогеографические исследования сосредоточены на выявлении территориальных различий в демографических процессах, а также факторах, которые их определяют.

Любая территория — страна, регион, отдельное поселение, отличается определенными особенностями демографического развития, которые обусловлены давностью освоения, географическим положением, созданной экономической базой, национально-культурными традициями и др. Тверская область — регион с депрессивной демографической ситуацией, давними проявлениями депопуляции, обусловленной

¹ © Богданова Л. П., Щукина А. С. Текст. 2023.

длительным оттоком населения. Более двух столетий регион служил «демографическим донором» двух столичных центров, что обусловило не только количественные, но и качественные потери населения. С 1990-х гг. в Тверской области сокращается не только сельское, но и городское население.

Подходы и методы

Демографическое благополучие принято связывать с состоянием демографических процессов, обеспечивающих воспроизводство главного ресурса общественного развития — человеческого. Демографическое благополучие, по мнению С.В. Рязанцева, следует рассматривать как сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития как минимум на протяжении пяти лет [1, с.11]. Автор рассматривает 5 составляющих демографического благополучия: 1) положительную динамику численности населения, 2) естественный и миграционный прирост, 3) суммарный коэффициент рождаемости, обеспечивающий демографическое воспроизводство, 4) умеренные показатели смертности от внешних причин смерти, особенно трудоспособного населения, 5) сбалансированную половозрастную структуру населения [1, с.12]. О таком демографическом благополучии сложно говорить применительно ко многим регионам России, особенно Тверской области — региону, демографическое неблагополучие которого активно обсуждается еще с 80–90-х гг. прошлого столетия. Численность населения Тверского региона сокращается с 1930-х гг. — с 2,6 млн чел. по переписи 1926 г. до 1,2 млн чел. по переписи 2020 г., а с начала 1990-х гг. в регионе снижается численность городского населения.

Понятие «демографическое неблагополучие» использовано Л.Л. Рыбаковским для оценки состояния демографических процессов в регионах России [2]. Сравнительная оценка рассчитана на основе коэффициентов депопуляции и миграционного состояния. Автором использована достаточно широкая база демографических показателей, разрабатываемых Росстатом на уровне регионов. Данная работа имеет целью оценку демографического неблагополучия городских поселений Тверской области, для которых статистическая база демографических показателей значительно уже.

Внутрирегиональный уровень исследований представляет особый интерес для географов, социологов, представителей экономической науки, сосредоточенных на изучении своих регионов [3–6]. Широкие возможности для подобных исследований обеспечивает База данных показателей муниципальных образований, но и в ее использовании есть определенные сложности — во многих регионах, в том числе и Тверской области, неоднократно менялся состав и статус муниципальных образований, при котором теряется разделение населения на городское и сельское. Вычленив данные по отдельным городским поселениям во многих случаях не представляется возможным.

Результаты

Городские исследования — одно из главных направлений научных исследований кафедры социально-экономической географии и территориального планирования ТвГУ. Сотрудниками кафедры проведены исследования средних и малых городов [7–9], организации городского пространства [10], социальных ресурсов и социальной активности населения [11]. Демографические процессы — обязательная часть городских исследований. Особое внимание уделяется миграционному движению:

Таблица 1

Группировка городских поселений Тверской области по численности населения и статусным позициям центра (2020 г.)

Группа городских поселений	Численность населения, тыс. чел							
	Всего	<10	10-20	20-30	30-40	40-50	50-100	>100
Города	23	8	6	3	1	3	1	1
ПГТ	26	25	1					
Всего городских поселений	49	33	7	3	1	3	1	1
в том числе центры МО	35	20	6	3	1	3	1	1
города	22	8	6	3	1	3	1	
ПГТ	12	12						
не имеющие статуса центра	14	13	1					

Источник: составлено авторами на основе данных Тверьстата.

количественному и качественному измерению миграционных потоков, пространственной структуре и особенностям трудовых и учебных миграций [12–14].

Тверская область — самый большой по территории регион Центральной России, с самым большим в РФ числом сельских населенных пунктов (9,5 тыс., причем 2,8 тыс. — без населения) и значительным числом городских поселений — 23 города и 26 пгт. Мелкоселенность характерна не только для сельского, но и для городского расселения — из 49 городских поселений 33 имеют численность менее 10 тыс. чел. Еще 7 городских поселений имеют численность населения 10–20 тыс. чел. В Тверской области было 4 средних города, в настоящее время остался только один. Административные функции выполняют 35 городских поселений — Тверь (региональный центр) и 34 центра МО, из них 22 города и 12 пгт (табл. 1).

Одним из факторов, оказывающих влияние на внутрорегиональные различия в демографическом и социально-экономическом развитии Тверской области, является конфигурация ее территории и положение городских поселений относительно транспортного каркаса и областного центра. Территория области имеет форму сильно вытянутого с юго-запада на северо-восток прямоугольника, причем региональный центр занимает эксцентричное положение. Особую роль для городов и районов Тверской области играет также пристольное положение, прежде всего близость к Москве.

Больше половины городских поселений находятся в часовой доступности от областного центра. Наиболее удаленными городскими поселениями являются Жарковский (337 км), Торопец (318 км), Андреаполь (312 км), Старая Торопа (304 км) (табл. 2). Удаленность затрудняет доступность регионального центра и получение предоставляемых им услуг, что негативно сказывается на качестве жизни населения.

Оценка демографической ситуации, степени ее неблагополучия в отдельных городских поселениях включает три составляющие:

- динамика численности населения городских поселений (2010–2020 гг.);
- коэффициент депопуляции (2017–2019 гг.);
- коэффициент миграционного состояния (2017–2019 гг.).

Динамика численности населения является итоговым показателем, отражающим состояние демографических процессов. Общая численность городского населения в Тверской области сокращается с 1991 г., с 1203 тыс. чел. до 938 тыс. чел. на 01.01.2022. Сокращение составило 22 %. За последнее десятилетие городское население региона

Таблица 2

Группировка городских поселений Тверской области по удаленности от Твери

Удаленность, км	Городские поселения	
	города	пгт
<80	Конаково, Лихославль, Старица, Торжок	Васильевский Мох, Изоплит, Козлово, Новозавидовский, Орша, Радченко, Рамешки, Редкино, Суховерково
80-160	Бежецк, Вышний Волочек, Зубцов, Кашин, Кимры, Кувшиново, Ржев	Белый Городок, Калашниково, Красномайский, Максатиха, Спирово
160-240	Бологое, Калязин, Красный Холм, Нелидово, Осташков, Удомля	Великооктябрьский, Кесова Гора, Куженкино, Молоково, Оленино, Пено, Селижарово, Сонково, Фирово
>240	Андреаполь, Белый, Весьегонск, Западная Двина, Торопец	Жарковский, Сандово, Старая Торопа

Таблица 3

Группировка городских поселений по динамике численности населения (2010–2020 гг.)

Динамика численности населения, 2020 г. к 2010 г. (%)	Городские поселения	
	города	пгт
>100	Тверь	Васильевский Мох
90-100	Вышний Волочек, Лихославль, Ржев, Торжок, Торопец	Кесова Гора, Красномайский, Оленино, Орша, Рамешки, Редкино, Спирово, Суховерково
80-90	Андреаполь, Бежецк, Белый, Бологое, Весьегонск, Западная Двина, Зубцов, Калязин, Кашин, Кимры, Конаково, Кувшиново, Осташков, Старица, Удомля	Великооктябрьский, Изоплит, Калашниково, Козлово, Куженкино, Максатиха, Новозавидовский, Пено, Радченко, Сандово, Селижарово, Сонково, Старая Торопа
<80	Красный Холм, Нелидово	Белый Городок, Жарковский, Молоково, Фирово

Источники: составлено авторами на основе данных Тверьстата.

сократилось на 5,1 %, только 2 городских поселения показали небольшой прирост населения — областной центр Тверь (на 5,3 %) и пгт Васильевский Мох (на 1,3 %). Почти у 70 % городов и половины пгт сокращение населения составило 10–20 %, наибольшая убыль наблюдается в г. Красный Холм (64,6 %) (табл. 3).

Динамика численности населения — суммарный результат естественного и механического движения населения. Для оценки демографической ситуации в городских поселениях Тверской области рассчитаны два показателя — коэффициент депопуляции и коэффициент миграционного состояния. Коэффициент депопуляции представляет собой отношение числа умерших к числу родившихся, вариативность показателей обуславливает необходимость их осреднения, в данном случае за 3 года.

Во всех городских поселениях Тверской области число умерших превышает число родившихся. Самая неблагоприятная ситуация сложилась в пгт Куженкино, Жарковском, Белом Городке и Радченко, где коэффициент депопуляции выше 3,0. Наибольший коэффициент депопуляции в пгт Белый Городок (5,28). Более благоприятная ситуация в г. Твери и пгт Суховерково. Наименьший коэффициент депопуляции имеет областной центр (1,31), но и здесь наблюдается естественная убыль населения.

Второй составляющей динамики численности населения является миграционное движение. Для сравнительной оценки миграционных процессов в городских поселениях области был рассчитан коэффициент миграционного состояния — отношение числа выбывших к числу прибывших. С учетом вариативности показателей миграционного движения их значения осреднены за 3 года.

Практически во всех городских поселениях наблюдается отток населения. Лишь 5 городских поселений имели положительный результат миграционного движения за анализируемый период — Тверь (0,75), Суховерково (0,88), Спиrosso (0,93), Кесова Гора (0,94) и Весьегонск (0,95). Неблагоприятная ситуация наблюдается в городах Конаково, Осташков, Старица и пгт Новозавидовский, Молоково, Пено, Сонково. Критическая ситуация сложилась в пгт Козлово (2,57) и г. Нелидово (2,11), которые больше других теряют население в результате миграционного оттока. Большинство городских поселений имеют коэффициент миграционного состояния в диапазоне от 1,0 до 1,5 (табл. 4).

На основании соотношения рассчитанных коэффициентов депопуляции и миграционного состояния были выделены 4 типа демографической ситуации, сложившейся в городских поселениях Тверской области:

- сравнительно благоприятная;
- относительно неблагоприятная;
- неблагоприятная;
- критическая.

В городских поселениях Тверской области преобладает относительно неблагоприятная и неблагоприятная демографическая ситуация, которая обусловлена депопуляцией и миграционным оттоком населения (82,7 % городов и 65,4 % ПГТ). Наиболее благоприятная демографическая ситуация сложилась в г. Твери и пгт Суховерково, где миграционный прирост превысил естественную убыль населения. Критическая

Таблица 4

Группировка городских поселений Тверской области по показателям депопуляции и миграционного состояния (2017–2019 гг.)

Коэффициент депопуляции	Коэффициент миграционного состояния			
	<1,0	1,0-1,5	1,5-2,0	>2,0
1,0-1,5	Тверь, Суховерково			
1,5-2,0	Кесова Гора, Спиrosso	Зубцов, Кашин, Красный Холм, Кувшиново, Лихославль, Торжок, Торопец, Удомля, Васильевский Мох, Максатиха, Оленино, Орша, Рамешки, Селижарово	Осташков, Старица, Молоково, Сонково	
2,0-2,5		Бежецк, Белый, Бологое, Вышний Волочек, Западная Двина, Калязин, Кимры, Ржев, Изоплит, Калашниково, Красномайский, Редкино, Фирово	Конаково, Новозавидовский, Пено	Нелидово, Козлово
2,5-3,0	Весьегонск	Андреаполь, Великооктябрьский, Сандово, Старая Торопа		
>3,0		Белый Городок, Жарковский, Куженкино, Радченко		

Таблица 5

Типы демографической ситуации в городских поселениях Тверской области

Городские поселения	Типы демографической ситуации			
	сравнительно благоприятная	относительно неблагоприятная	неблагоприятная	критическая
Города	Тверь	Зубцов, Кашин, Красный Холм, Кувшиново, Лихославль, Торжок, Торопец, Удомля	Бежецк, Белый, Бологое, Вышний Волочек, Западная Двина, Калязин, Кимры, Конаково, Осташков, Ржев, Старица	Андреаполь, Весьегонск, Нелидово
ПГТ	Суховерково	Васильевский Мох, Кесова Гора, Максатиха, Оленино, Орша, Рамешки, Селижарово, Спирово	ИзоPLIT, Калашниково, Красномайский, Молоково, Новозавидовский, Пено, Редкино, Сонково, Фирово	Белый Городок, Великооктябрьский, Жарковский, Козлово, Куженкино, Радченко, Сандово, Старая Торопа

ситуация наблюдается в 11 городских поселениях, большая часть которых значительно удалены от регионального центра. Критическая ситуация в пгт Белый Городок, Козлово, Радченко, расположенных в наиболее освоенной части региона, обусловлена утратой градообразующих функций.

Заключение

Главными факторами, определяющими территориальные различия в демографической ситуации и демографическом неблагополучии городских поселений Тверской области, являются их людность, географическое положение, состояние экономической базы и административный статус. Проведенное исследование подтверждает положение, высказанное А.Г. Махровой и О.Ю. Голубчиковым [15], о факторах неравномерного развития российских городов и раскрывает особенности демографического развития городских поселений изучаемого региона, в том числе сложное и неоднозначное влияние его межстоличного положения.

Неблагоприятная в целом демографическая ситуация в городских поселениях Тверской области свидетельствует о том, что демографическое неблагополучие является одной из ключевых проблем региона и серьезно ограничивает возможности его социально-экономического развития.

Список источников

- [1] Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская и др.; отв. ред. С. В. Рязанцев; ФНИСЦ РАН. Москва: ИТД «Перспектива», 2022. 108 с. <http://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022>
- [2] Рыбаковский Л. Л. Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 81-87.
- [3] Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Внутрирегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столиц // Известия РАН. 2021. Т. 85. № 1. С. 24-38. (Географическая). <https://doi.org/10.31857/S2587556621010076>

[4] *Мкртчян Н. В.* Внутрироссийская миграция в региональных столицах и нестолических территориях // Научные труды: ИНП РАН. / Гл. ред. А. Г. Коровкин. Москва: МАКС Пресс, 2018. Т. 16. С. 568-585. https://doi.org/10/29003|m280.sp_ief_ras2018/568-585

[5] *Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И.* Россия между двумя столицами: специфика территориальных сдвигов // Региональные исследования. 2013. № 4. С. 31-43.

[6] *Богданова Л. П., Шукина А. С.* Изучение демографических процессов на внутрирегиональном уровне // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика 2021. Сб. науч. ст. VII всерос. науч. конф. с междунар. участием. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2021. С. 61-68.

[7] *Смирнов И. П., Смирнова А. А., Лебедев П. С.* Малые города Тверской области: в поисках формулы места // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 105-113. <http://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-3-9>

[8] *Смирнов И. П.* Средние города Центральной России. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. 165 с.

[9] *Смирнов И. П., Смирнова А. А., Лебедев П. С.* География имеет значение: исследование малых городов Тверской области // Городские исследования: теория и практика / Д. А. Алексеенко, А. К. Анисимова, А. Н. Береговских и др. Москва: Проспект, 2020. С. 331-348.

[10] Социально-географическое пространство малых городов Тверской области / П. С. Лебедев, И. П. Смирнов, А. А. Смирнова, А. А. Ткаченко // Вестник Московского университета. 2022. № 2. С. 86-100. (Сер. 5. География).

[11] *Богданова Л. П., Смирнов И. П.* Социальная активность городских сообществ // Экология урбанизированных территорий. 2018. № 1. С. 50-57. <http://doi.org/10.24411/1816-1863-2018-11050>

[12] Between two Capitals: Population Migrations of Tver Oblast and their Reflections on the Social Networkkontakte / A. I. Alekseev, D. M. Vinogradov, I. P. Smirnov, A. A. Smirnova // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 71-79. <http://doi.org/10.1134/S2079970521010020>

[13] *Богданова Л. П., Шукина А. С.* Миграционные процессы в Тверской области: динамика и влияние на структуру населения // Вестник Тверского государственного университета. 2018. № 4. С. 100-108. (Сер. Экономика и управление).

[14] *Виноградов Д. М., Смирнов И. П.* Возрастные особенности миграционной подвижности населения муниципалитетов Тверской области // Вестник Тверского государственного университета. 2020. № 4(32). С. 15-24. (Сер. География и геоэкология).

[15] *Голубчиков О. Ю., Махрова А. Г.* Факторы неравномерного развития российских городов // Вестник Московского университета. 2013. № 2. С. 54-60. (Сер. 5. География).

References

[1] Demographic well-being of Russia. National demographic report / S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya et al.; ed. by S. V. Ryazantsev. FCTAS RAS. M., ITD «Perspektiva», 2022. 108 p. <http://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022>

[2] *Rybakovsky L. L.* Comparative assessment of the demographic not well-being of Russian regions // Sociological Studies. 2008. No. 10. P. 81-87.

[3] *Karachurina L. B., Mkrтчyan N. V.* Intraregional Population Migration in Russia: Suburbs Outperform Capitals // Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya. 2021. Vol. 85, No. 1. P. 24-38. <https://doi.org/10.31857/S2587556621010076>

[4] *Mkrтчyan N. V.* Internal Migration In Regional Capitals and Russia Non-Capital Territories // Scientific works: IEF RAS / ch. ed. A. G. Korovkin. M.: MAKS Press, 2018. Vol. 16. P. 568-585. https://doi.org/10/29003|m280.sp_ief_ras2018/568-585

- [5] *Nefedova T. G., Treyvish A. I.* Russia between its two capitals: the specifics of territorial shifts // *Regional Studies*. 2013. No. 4. P. 31–43.
- [6] *Bogdanova L. P., Schukina A. S.* Study of demographic processes at the intraregional level // *Socio-economic geography: history, theory, methods, practice* 2021. Sat. scientific articles of the VII All-Russian scientific conference with international participation. Smolensk, 2021. P. 61–68.
- [7] *Smirnov I. P., Smirnova A. A., Lebedev P. S.* Small towns of the Tver region: in search of a place formula // *Regional studies*. 2020. No. 3. P. 105–113. <http://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-3-9>
- [8] *Smirnov I. P.* Medium cities of Central Russia. Tver: Tver state university, 2019. 165 p.
- [9] *Smirnov I. P., Smirnova A. A., Lebedev P. S.* Geography matters: the study of small towns in the Tver region // *Urban research: theory and practice* / D. A. Alekseenko, A. K. Anisimova, A. N. Beregovskikh et al. Moscow, 2020. Pp. 331–348.
- [10] Socio-geographical space of small towns in the Tver region / P. S. Lebedev, I. P. Smirnov, A. A. Smirnova, A. A. Tkachenko // *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 2022. No. 2. P. 86–100.
- [11] *Bogdanova L. P., Smirnov I. P.* Social activity of urban communities: a study on the example of medium-sized cities of Tver region // *Ecology of urban areas*. 2018. No. 1. P. 50–57. <http://doi.org/10.24411/1816-1863-2018-11050>
- [12] Between two Capitals: Population Migrations of Tver Oblast and their Reflections on the Social Network vkontakte / A. I. Alekseev, D. M. Vinogradov, I. P. Smirnov, A. A. Smirnova // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 71–79. <http://doi.org/10.1134/S2079970521010020>
- [13] *Bogdanova L. P., Schukina A. S.* Migration processes in the Tver region: dynamics and impact on the population structure // *Bulletin of Tver State University. Series: Economy and Management*. 2018. No. 4. P. 100–108.
- [14] *Vinogradov D. M., Smirnov I. P.* Age features of migration mobility of the population of municipalities of the Tver region // *Herald of Tver State University. Series: Geography and geocology*. 2020. No. 4(32). P. 15–24.
- [15] *Golubchikov O. Yu., Makhrova A. G.* Factors of unequal development of Russian cities // // *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 2013. No. 2. P. 54–60.

Информация об авторах

Богданова Лидия Петровна — доктор географических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-экономической географии и территориального планирования, Тверской государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-8436-9571> (Российская Федерация, 170021, г. Тверь, ул. Прошина, 3, кор. 2, УЛК; e-mail: Bogdanova.LP@tversu.ru).

Щукина Анна Сергеевна — кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и территориального планирования, Тверской государственный университет (Российская Федерация, 170021, г. Тверь, ул. Прошина, 3, кор. 2, УЛК; e-mail: shchukanser@gmail.com).

About the authors

Lidia P. Bogdanova — Dr. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Head of the Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning, Tver State University; <https://orcid.org/0000-0002-8436-9571> (3/2, Proshina St., Tver, 170021, Russian Federation; e-mail: Bogdanova.LP@tversu.ru).

Anna S. Schukina — Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning, Tver State University; (3/2, Proshina St., Tver, 170021, Russian Federation; e-mail: shchukanser@gmail.com).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-6>

УДК 314.17

JEL classification: J13, I3, J3

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ¹

О. С. Вакуленко^а, С. А. Грачев^б

^{а, б} Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир, Россия)

^б <https://orcid.org/0000-0002-6056-5527>

Автор для корреспонденции: С. А. Грачев (grachev-sa@yandex.ru)

Аннотация. В представленной работе с позиции реализации репродуктивных установок рассматриваются средняя заработная плата как субъективная гарантия socio-экономической стабильности и число рождений. С использованием нелинейных регрессионных уравнений и корреляции установлены прямая и обратная зависимости между заявляемыми показателями на территориях Российской Федерации за ретроспективные диапазоны. Авторами выдвинуты предположения о причинах межтерриториальной дифференциации по полученным результатам, которые, вероятно, вызваны различиями преобладающего вида экономической деятельности, типа населения, его половозрастной структуры, уровня образования и степени вовлеченности в теневую экономику.

Ключевые слова: заработная плата; рождаемость; репродуктивные установки; регрессионный анализ; регион

Modelling the Relationship between Demographic and Economic Parameters

O. S. Vakulenko^а, S. A. Grachev^б

^{а, б} Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir, Russia)

^б <https://orcid.org/0000-0002-6056-5527>

Corresponding author: S. A. Grachev (grachev-sa@yandex.ru)

Abstract. The present study considers the average wage as a subjective guarantee of socio-economic stability, as well as the number of births from the perspective of reproductive attitudes. Nonlinear regression equations and correlation revealed direct and inverse relationships between the claimed indicators in regions of the Russian Federation. In accordance with the obtained results, it is assumed that interregional differentiation is probably caused by differences in the prevailing type of economic activity, type of population, gender-age structure, level of education and degree of involvement in the shadow economy.

Keywords: wages; fertility; reproductive attitudes; regression analysis; region

Введение

Значимость вопросов о динамике численности и воспроизводстве населения отмечается на государственном уровне в связи с необходимостью обеспечения экономического роста, достижение параметров которого требует достаточного объема и качества трудовых ресурсов. Демографические изменения неразрывно связаны с международными отношениями и экономикой, поэтому опасность неконтролируемой смертности и рождаемости вызывает не только демографически негативные последствия: ведь население является как производителем благ, так и его потребителем. Стоит отметить, что ресурсы, а соответственно, блага, как известно, ограничены. Поэтому для межстрановой конкурентоспособности необходимо преимущество. Его

¹ © Вакуленко О. С., Грачев С. А. Текст. 2023.

можно оценить с использованием показателей о численности населения, его желании и способности как к трудовой, так и репродуктивной деятельности. На репродуктивных стремлениях, безусловно, сказываются уровень, качество жизни, доступность и развитость инфраструктуры, образование и состояние здоровья, что в очередной раз свидетельствует о неразрывности демографических и экономических отношений. Государственная поддержка, реагируя на изменчивость демографических тенденций, проявляется в мерах, которые повышают благосостояние семей и отдельных категорий граждан, таким образом, происходит стимуляция ускорения рождений детей, улучшение жизненных условий и пр. В совокупности перечисленные меры способствуют экономическим и неэкономическим позитивным изменениям, что не может не оказывать влияния на качество выполняемого людьми труда.

Отметим, что проблемы демографии признаются частью глобальных проблем, отсутствие их решения ставит под вопрос существование человечества. Это свидетельствует о международной значимости, однако в рамках данной работы исследовательский интерес представляют территории Российской Федерации, которые не только продолжают бороться с демографическими последствиями 90-х гг. и веяниями распространения бездетной модели семьи, но и вступают в период постковидного восстановления.

Целью представленной работы являются моделирование и анализ взаимосвязи между средней заработной платой и числом рожденных. Это вызвано проблемой рассмотрения большинством исследователей экономико-демографических вопросов, включающих исключительно доходы. Авторы статьи считают, что реализация репродуктивных установок зависит от величины заработной платы, определяющей социоэкономическую стабильность индивидов.

Таким образом, становится понятно, что объектом работы выступает взаимосвязь между заработной платой и числом рожденных, а предметом ретроспективные связи на территориях Российской Федерации между упомянутыми показателями.

Выдвигаемая гипотеза состоит из предположения наличия взаимосвязей между элементами предмета (заработной платы и числа рождений).

Для достижения цели и подтверждения или опровержения гипотезы предлагается решить следующие задачи:

- рассмотрение теоретических экономико-демографических, социологических положений об исследовании взаимосвязей между аналогичными показателями;
- выбор подхода для установления связей и его описание;
- моделирование влияния показателей и его оценка.

Практическая значимость данной работы проявляется в возможности использования полученных результатов в научно-исследовательской, экономической и политической средах для изучения межрегионального сходства и дифференциации, прогнозирования и выявления лучших механизмов управления посредством методов группировки, классификации территорий с наиболее адекватными и схожими моделями.

С теоретической точки зрения работа может служить ознакомительным материалом по вопросам на стыке экономики и демографии и моделирования с использованием корреляционно-регрессионного анализа. Стоит отметить и то, что исследователями-теоретиками полученные модели могут быть использованы для уточнения характера связей и выявления причин территориальной дифференциации, что в последствии может применяться представителями власти при стратегическом планировании.

Обзор литературы

Обратимся к положениям всемирно известного демографа, австралийского происхождения Дж. Коллдуэла. По мнению исследователя [1], преобладание того или иного типа рождаемости связано с экономическими характеристиками рациональности, отношений внутри семьи и типом последней. В традиционной (аграрной) экономике целесообразность большой семьи вызвана благоперемещением от младших поколений к старшим. В индустриальной же экономике семья перестает являться основной экономической ячейкой, поэтому возникает целесообразность бездетности. Г. Спенсер отмечал, что по мере развития общества размножение выделяется в отдельную функцию, вытеснения которой будут проявляться в иных направлениях, связанных с совершенствованием самих организмов [2]. Иными словами, по мере развития общества тип семьи, а соответственно, число рождений, может изменяться под воздействием внешних и внутренних условий. Однако в конечном итоге, несмотря на стремительность и рассогласованность типов и режимов рождаемости и смертности, результатом демографической стабилизации станет население стационарного (постоянного) типа [1].

Отечественные исследования репродуктивных установок россиян [3] установили, что добровольная бездетность, при наличии необходимых условий, не является желательным сценарием [4]. Наиболее распространенной среди населения остается модель семьи с двумя детьми. Спенсер Г. также в ранних формулировках под сбалансированностью понимал семьи с двумя детьми [2]. По результатам исследования [4] отмечается, что на многодетную модель семьи ориентированы в большей степени мужчины.

Также установлена прямая зависимость между возрастом и желаемым числом детей для мужчин, чего не наблюдается для женщин. Объяснение такого явления, вероятно, кроется в большем временном отрыве от основной и полной занятости женщин из-за неравномерного распределения обязанностей по уходу за детьми [5].

Государству, как и семье, невыгодна социоэкономическая дифференциация. Так, исследования американских медиков показали, что у детей, находящихся продолжительный период времени в бедности, происходят биологические изменения, что в последующем вызывает необходимость в подготовке инфраструктуры и специалистов к большому числу нездоровых людей, а значит, потенциально лишает общество ряда социоэкономических преимуществ за счет снижения валового внутреннего продукта, здоровья нации и пр. Также это негативно сказывается на объемах и качестве человеческого капитала [6]. К аналогичным выводам пришли и специалисты Организации Объединенных Наций, утверждающие, что характеристики человеческого капитала зависят в большей степени не от развитости здравоохранения, а от условий и качества жизни. Таким образом, государству изначально выгоднее стимулировать рождение детей в условиях минимальной бедности для накопления умений, навыков, знаний, формируя основы человеческого капитала, повышая человеческий потенциал, чем делать то же самое в условиях крайней экономической неопределенности (бедности) населения [3].

Авторы монографии, зарубежные исследователи [9, 2] заключают, что неравенство и бедность являются статистически значимыми для исследования вопросов об их влиянии на демографические показатели. Также они отмечают, что социальное и экономическое расслоение сказывается на множестве сфер, поэтому семья и государство заинтересованы в минимизации как последствий от этих явлений, так и от них самих. Необходимы не только вливания ресурсов, но и институциональные изменения,

которые в совокупности с первыми должны привести к решению проблем воспроизводства населения, существующих и в настоящее время. С позиции же семьи бюджетные ограничения на потребности в питании, в образовании, и медицине негативно сказываются на компонентах человеческого капитала и потенциала, обращаясь к терминам демографии, в частности через снижение рождаемости и повышение смертности, с позиции экономики снижается эффективность труда.

Несмотря на популярность двухдетной модели, полного замещения поколений в России добиться не удалось [7], поэтому в стремлении минимизировать негативные последствия демографического кризиса 1990-х и реагируя на текущие изменения в демографических склонностях граждан государство принимает меры, которые могут способствовать ускорению реализации намерений рождений детей в ряде семей [8]. Выделяют 2 типа государственной поддержки, проявляемой в материальной форме или направленной на баланс занятости и родительства. В исследовании [4] отмечается, что при ответе граждан на открытый вопрос недостаточность мер поддержки государства не является самым значимым фактором снижения рождаемости. Однако со стороны государства меры продолжают предприниматься, и население отдает предпочтение денежным выплатам, что связывается с низкой средней заработной платой, подчеркнем, что здесь имеется в виду официальная плата за труд [9].

Безусловно, роль государственных институтов в демографических вопросах велика и ее нельзя недооценивать, однако в рамках данного исследования обратимся к позиции, в соответствии с которой большее внимание уделяется общественной свободе в вопросах воспроизводства населения [2]. Здесь же отметим, что частью населения, выплаты, вызванные рождением детей, воспринимаются как экономическая помощь, а не как мера, потенциально повышающая рождаемость [3], что, в частности, может быть причиной обоснования выбора в качестве исследуемой величины не средних доходов, а заработной платы. Последняя выступает в качестве субъективной гарантии социоэкономической стабильности [5]. В связи с этим, смеем предположить, что в зависимости от желания и стремления максимизировать не количество детей, а их качество, осознанная необходимость большого количества вложенных ресурсов (трудовые, временные, денежные и пр.), изменяется заработная плата. В защиту выдвинутых предположений отметим, что Беккер Г. и Шульц Т. [10, 11], основоположники теории человеческого капитала, писали о прямой связи между высоким качеством детей и затратами на их содержание. Любопытно, что мужчины в большей степени склонны учитывать меры поддержки от государства при определении намерений рождения детей.

Здесь же заметим, что отечественными исследователями устойчивая отрицательная связь между материальным положением и числом желаемых детей не выявлена, но отмечены причины, которые могли повлиять на число рождений:

1. В первую очередь образовательная структура в последние два десятка лет претерпела изменения по сравнению с 1995 годом: среди женщин значительное распространение приобрело высшее образование, доля женщин с образованием ниже среднего минимизировалась, как и среди мужчин. Среди последних также распространилось среднее и среднее специальное образование, что в целом не могло не сказаться как на репродуктивных установках населения, так и на фактическом количестве рождений.

2. Отмечается и то, что изменились и средний возраст вступающих в брак, и ожидаемая продолжительность жизни, распространилась как практика совместительства

материнства с карьерой, так и противоположная, связанная исключительно или с материнством, или с развитием карьеры [3].

3. В целом перечисленные факторы могут иметь тесную связь с типом населенного пункта: в городах-миллионниках возраст вступления в брак, рождения ребенка выше, чем среди сельчан, где темпы изменения перечисленных показателей растут с меньшей скоростью [2, 11, 12].

Материалы и методы

Авторы исследования предполагают: между числом рождений и заработной платой существует некоторая связь, выражающаяся во взаимосвязи этих показателей. Это обусловлено возможностью заработной платы отражать качество, уровень жизни человека, а также оказывать значительное влияние на формирование репродуктивных установок не только для рассматриваемого индивида, но и для его детей [6].

В связи с рассмотренным предположением отражение наиболее объективных результатов было возложено на корреляционно-регрессионный анализ (регрессию), который позволяет выявлять различного рода зависимости. Основанием для выбора инструмента исследования послужили доступность, простота и широкое распространение, а также вариативность, которая в рамках данной работы выражается в построении линейных и нелинейных моделей.

Обратимся к понятию регрессии. Э. Ферстер, Б. Ренц [13] дают следующее определение: регрессия — это односторонняя стохастическая зависимость, устанавливающая соответствие между случайными переменными. Иными словами, между зависимой переменной (то, на что необходимо отследить влияние — число рождений) и независимыми (то, что может оказывать влияние на зависимую переменную — заработная плата) устанавливается некоторая связь. Отметим, что для построения моделей нелинейного типа был использован прием линеаризации, поэтому в качестве зависимых и независимых переменных выступали их преобразования, представленные в таблице 1.

Подчеркнем, что функции являются необратимыми, то есть изменение расположения зависимой и независимой переменных не будет давать одинакового результата.

Также считаем необходимым рассмотреть корреляцию. Наиболее элементарным определением корреляции служит следующее: сила связи между переменными. Подобно линейному виду регрессии, авторами используется линейная корреляция для измененных переменных, имеющая вид

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x}) \times (y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2 \times \sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}, \quad \bar{x} = \frac{\sum_{i=1}^n x_i}{n}, \quad \bar{y} = \frac{\sum_{i=1}^n y_i}{n}, \quad (1)$$

где x и y — совокупности значений для независимой и зависимой переменных соответственно.

Стоит отметить, что регрессионное уравнение лишь устанавливает некоторую зависимость между переменными, которая может не соответствовать ожиданиям исследователя и иметь дискуссионную трактовку. Использование корреляционно-регрессионного анализа в качестве основного метода поставило перед авторами задачу о необходимости интерпретации выявленных причинно-следственных связей.

Таблица 1

Линеаризация переменных в функциях

Вид функции	Замена переменных для линеаризации	
	у	х
$Y = b_0 + b_1x$	у	х
$Y = b_0 \cdot a^x$	$\ln(y)$	$\ln(x)$
$Y = \frac{x}{b_1x + b_0}$	1/у	1/х

Источник: составлено автором.

Для снижения вероятности о стохастических зависимостях при построении уравнения задается и оценивается ряд условий, отвечающих за качество модели. Авторы считают, что становится возможным применить следующие адекватности моделей:

1) превышение скорректированного коэффициента детерминации (R^2), отвечающего за качество модели, 70 %. Для того, чтобы объяснять хотя бы 70 % случаев изменений X , приводящих к изменению Y . В противном случае модель признается недо-стоверной, а значит, в дальнейшем не рассматривается;

2) недопущение превышения величины стандартной ошибки аппроксимации 12 %. Данная величина отражает среднее расстояние, на которое отклоняются наблюдаемые значения от линии регрессии;

3) значимость коэффициентов корреляции, то есть по модулю превышающую 0,5. Коэффициент корреляции отражает взаимную силу и направление изменений величин Y и X .

Заметим, что корреляционная связь бывает прямой и обратной. В первом случае это означает однонаправленность изменений процесса, например, если между числом родившихся за год и заработной платой прямая связь, то при увеличении (уменьшении) числа родившихся на 1 % величина заработной платы увеличится (уменьшится) на b %. В случае обратной зависимости при увеличении (уменьшении) числа родившихся на 1 % величина заработной платы снижается (увеличивается) на b %.

Результаты

В рамках данного исследования были построены регрессионные модели гиперболического, линейного, степенного, показательного и квадратичного видов для территорий России, отвечающих требованиям достаточности и качества статистических данных. Таким образом, в число территорий, для которых были построены регрессионные модели, вошли области, края, республики, федеральные и автономные округа, а также Российской Федерации за варьируемые периоды с 2000 г. по 2021 г. (2000–2021 гг., 2001–2021 гг., 2002–2021 гг., ..., 2015–2021 гг.). Отметим, что приемлемые модели получены лишь в случае линеаризованной степенной и гиперболической функций, поэтому рассмотрим их подробнее. Также стоит отметить, что гиперболические модели более значимы, в связи с чем в случае, если у территории за один период получены 2 значимые модели, приоритетной признается гиперболическая, так как у моделей данного вида ошибка аппроксимации менее 1 % (во всех случаях, поэтому в дальнейшем ошибки для таких моделей не указываются) и R^2 во всех случаях больше, чем у показательных.

Распределение видов регрессионных моделей по периодам

Период	Количество лет	Общее число моделей	Наиболее значимых моделей	Гиперболических (из наиболее значимых)	Показательных (из наиболее значимых)
2015–2021	7	162	82	81	1 (Карачаево-Черкесская Республика)
2014–2021	8	162	82	81	1 (г. Санкт-Петербург)
2013–2021	9	159	80	79	1 (Чукотский АО)
2012–2021	10	149	78	71	7
2011–2021	11	74	53	21	32
2010–2021	12	30	26	5	21
2009–2021	13	16	15	1 (Республика Калмыкия)	14
2008–2021	14	8	8	0	8
2007–2021	15	3	3	1* (г. Москва)	2 (Республика Калмыкия, Чукотский АО)
2006–2021	16	2	2	1* (г. Москва)	1 (Чукотский АО)
2005–2021	17	4	3	2* (г. Москва и г. Санкт-Петербург)	1 (Чукотский АО)
2004–2021	18	4	3	2* (г. Москва и г. Санкт-Петербург)	1 (Чукотский АО)
2003–2021	19	2	1	1* (г. Москва)	0
2002–2021	20	5	3	3* (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область)	0
2001–2021	21	6	3	3* (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область)	0
2000–2021	22	8	5	5* (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Тюменская область и Краснодарский край)	0
Итого	—	786	447	357	90

Символом * обозначены модели с прямой корреляционной связью, в иных случаях связь обратная.
Источник: составлено автором.

Обратимся к таблице 2, в которой отражена численность построенных моделей по периодам и указаны территории — представители наименьшего числа в зависимости от вида модели. В качестве подробно рассматриваемых периодов примем 2000–2021 гг., 2008–2021 гг. и 2015–2021 гг.

За последние 7 лет получено 162 модели для 82 субъектов. Количество приоритетно значимых моделей соответствует количеству территорий. Таким образом, 1 показательная модель сформирована для Карачаево-Черкесской Республики с параметрами 4 % ошибки аппроксимации при значимости R^2 в 71 % и коэффициентом корреляции -0,87, а 81 модель имеет вид гиперболической с коэффициентом детерминации от 71 % до 99 % (в Южном федеральном округе (ЮФО), Кабардино-Балкарской

Республике и Тульской области соответственно) и обратным коэффициентом корреляции от $-0,87$ до $-0,99$ (соответственно для Кабардино-Балкарской Республики, Алтайского края и Тульской области).

За 14-летний период, с 2008 г. по 2021 г., построено 8 моделей, которые относятся к показательному виду. В состав территорий вошли Амурская, Иркутская, Кемеровская и Мурманская области, Забайкальский край, Республика Алтай, Республика Калмыкия и Еврейская автономная область. Стоит отметить, что полученные модели имеют не самую высокую точность, так как коэффициент детерминации принимает в среднем 75 % значения с минимумом в 71 % у Мурманской области и максимумом у Республики Калмыкия — 83 %, средняя ошибка находится в пределах 7–9 %, коэффициент корреляции от $-0,85$ до $-0,92$ для Иркутской области и Республики Калмыкия соответственно.

За период в течение 22 лет построено 8 моделей для 5 субъектов. Гиперболическая регрессия для г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Краснодарского края, Московской и Тюменской областей значима в соответствии с коэффициентом детерминации на 71–81 % (Тюменская область и г. Москва соответственно), стоит отметить, что в рамках периода коэффициенты корреляции положительные и находятся в пределах 0,85–0,91 (те же территории).

В среднем значимость моделей за период составляет более 80 %, коэффициенты корреляции принимают в большей степени обратный вид. Однако выявлена и прямая зависимость для ряда регионов, которая наиболее ярко проявляется для г. Санкт-Петербург и г. Москва, начиная с 22 до 15-летних периодов (табл. 2). Стоит отметить, что в число субъектов с прямой связью также вошли Тюменская область и Краснодарский край для 22-летнего периода и Московская область для промежутка от 20- до 22-летних периодов.

По Г. Спенсеру именно избыток рождаемости сделал процесс цивилизации неизбежным. Повышение выживаемости детей вызвало необходимость распространения образования, что стимулировало вложения семьи в данный вид деятельности [2]. Если принять данную точку зрения как дополнение к гипотезе представленной работы, то наши выводы сводятся к следующему: прирост числа рожденных способствует увеличению заработных плат родителей как причина продолжения развития последних. Стоит добавить и то, что не только качество человеческого капитала и потенциала зависят от окружающих человека (ребенка) условий с позиции экономики, но и репродуктивные установки с позиции демографии, как это было установлено ранее. Акцентируем внимание на том, что если рассматривать величины заработной платы сельского и городского населения, то у первых плата за труд (здесь речь идет об официальной) может отсутствовать из-за сложностей с трудоустройством вне теневого сектора [14]. Помимо этого, на величину заработной платы могут влиять как образование, которое рассматривалось ранее, так и отраслевые различия в оплате труда. Не стоит забывать о возможности мобильности родителей, а точнее возможности их перехода, в период ухода за ребенком (детьми), на смешанный или дистанционный формат работы. Все это может служить причинами прямой связи на перечисленных территориях: так, г. Москва и г. Санкт-Петербург — города федерального значения характеризуются полным отсутствием сельского населения, являются концентраторами огромных объемов ресурсов и именно они входят в число лидеров по продолжительности жизни населения. Московская область в силу территориальной близости к г. Москве, а также ряда тесных экономических связей к последней ожидаемо

появилась в числе регионов с положительной связью. Крупный промышленный и научный центр — Тюменская область в своем федеральном округе также является лидером по ряду как экономических, так и социальных показателей.

В заключение отметим, что в регионах с прямой связью между числом рождений и заработной платой, имеет место прогрессивное развитие, которое по Г. Спенсеру неизбежно. Это, как было высказано, вероятно, вызвано не только инфраструктурной подготовленностью, а значит изначально более высокими качественными характеристиками по уровню образования и здоровья, но и большей адаптируемостью населения к внедряемым технологиям и новым видам экономической деятельности.

Рассматривая обратную связь, то есть одновременное снижение заработных плат и повышение числа рождений, наблюдаемую в большинстве регионов, отметим, что это, вероятно, связано с преобладанием сельского населения, невысоким уровнем образования, а также теневой занятостью, которую отследить крайне затруднительно.

Территориальные различия также могут быть вызваны различиями половозрастной структуры, ведь не случайно в теоретической части исследования авторами подчеркивались различные точки зрения мужчин и женщин относительно вопросов деторождения, а также шла речь о различиях среднего возраста вступления в брак в зависимости от типа населенного пункта.

Дискуссия

Результаты моделирования, полученные в данной работе, закладывают основу оценки взаимосвязи между показателями благосостояния индивидов и реализацией их репродуктивных установок. Дальнейшее направление исследования для территорий со значимыми моделями видится в выявлении факторов, вызывающих дифференциацию по характеру связи, а задача нахождения причин несформированности моделей ставится для территорий с отсутствием адекватных результатов. Также представляют интерес рассмотрение, анализ и оценка влияния мер государственной поддержки на экономические и демографические показатели.

Заключение

В рамках представленной работы исследовался вопрос о взаимосвязи субъективного благосостояния и числа рождений в разрезе территорий Российской Федерации за варьируемые периоды с 2000 г. по 2021 г. Рассмотрев теоретические аспекты, подчеркнув актуальность поднятого вопроса, исследователи заключили, что в ряде регионов существует прямая и обратная связь между заработной платой и числом рожденных детей. Полученные результаты были интерпретированы как территориальная дифференциация в вопросах развитости демографии и экономики, которая, по мнению исследователей, может быть вызвана преобладающим видом экономической деятельности, типом населения, его половозрастной структурой, уровнем образования и степенью вовлеченности в теневую экономику. Построенные регрессионные модели могут как использоваться представителями власти и научного сообщества в качестве инструментария для планирования и прогнозирования социальных, экономических и демографических показателей, так и служить базисом для последующего исследования межтерриториальной дифференциации в выявленных взаимосвязях.

Список источников

[1] Антонова Н. Л. Демография: учеб.-метод. пособие / М-во образования и науки РФ, Урал. федер. ун-т. 2014. <https://mobz.cc/5qeb> (дата обращения: 10.01.2023).

[2] Вишневский А. Г. Герберт Спенсер — забытый отец теории демографического перехода. // Демографическое обозрение. 2019. № 6(1). С. 9-31. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9110>

[3] Захаров С. В., Чурилова Е. В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. № 3-4(129). <https://goo.su/8WLMIJ> (дата обращения: 11.01.2023).

[4] Осипова И. Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости // Демографическое обозрение. 2020. № 7(2). С. 97-120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11143>

[5] Шубат О. М., Багирова А. П. Экономические детерминанты рождаемости в России: оценка потенциала воздействия // Социально-экономические факторы воспроизводства и миграции населения. 2018. <https://elibrary.ru/item.asp?id=37253840> (дата обращения: 11.01.2023).

[6] Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи // Рос. акад. наук, Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН. Москва: М-Студио, 2009. <https://mobz.cc/zytu15> (дата обращения: 11.01.2023).

[7] Синельников А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. <https://kurl.ru/FtDtW> (дата обращения: 11.01.2023).

[8] Слонимчик Ф., Юрко А. В. Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. 2016. № 2(3). С. 30-68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1774>

[9] Исупова О. Г. Отношение к мерам стимулирования рождаемости по данным микропереписи 2015 г. // Демографическое обозрение. 2018. № 5(3). С. 25-56. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8134>

[10] Becker G. S., Lewis H. G. Interaction between Quantity and Quality of Children. <https://www.nber.org/system/files/chapters/c2963/c2963.pdf> (accessed on: 11.01.2023).

[11] Шульц Т. Экономика пребывания в бедности // Управление мегаполисом. 2009. № 6. <https://elibrary.ru/item.asp?id=13005186> (дата обращения: 11.01.2023).

[12] Захаров С. В. Браки и разводы в современной России // Демоскоп Weekly. 2015. № 625-626. <https://elibrary.ru/item.asp?id=24932241> (дата обращения: 11.01.2023).

[13] Фёрстер Э., Рёнци Б. Методы корреляционного и регрессионного анализа // Руководство для экономистов. Москва: Финансы и статистика, 1983. <https://qptr.ru/a7B6> (дата обращения: 07.01.2023).

[14] Шеломенцев А. Г., Козлова О. А., Гончарова К. С. Оценка влияния социально-демографических факторов на дифференциацию доходов населения // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2017. № 4. <https://clck.ru/33JV2F> (дата обращения: 11.01.2023).

References

[1] Antonova N. L. Demography: textbook / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, UrFU, 2014. <https://mobz.cc/5qeb> (accessed on: 10.01.2023).

[2] Vishnevsky A. G. Herbert Spencer: the unrecognized father of the theory of demographic transition // Demographic Review. 2019. No. 6(1). P. 9-31. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9110>

[3] Zakharov S. V., Churilova E. V. Russia's populace's notions on reproduction: is there basis for optimism? // The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussions. 2019. No. 3-4(129). <https://goo.su/8WLMIJ> (accessed on: 11.01.2023).

[4] *Osipova I.* Reproductive attitudes of Russians and how they regard government measures to support fertility // Demographic review. 2020. No. 7(2). P. 97-120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11143>

[5] *Shubat O. M., Bagirova A. P.* Economic determinants of Russian fertility: an assessment of the potential impact // Socio-economic factors of reproduction and migration of the population. 2018. <https://elibrary.ru/item.asp?id=37253840> (accessed on: 11.01.2023).

[6] *Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya.* Inequality, economic growth and demography: unexplored relationships. RAS, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences. M.: M-Studio, 2009. <https://mobz.cc/zytu15> (accessed on: 11.01.2023).

[7] *Sinelnikov A. B.* Transformation of marriage and fertility in Russia // Population. 2019. No. 2. <https://kurl.ru/FtDtW> (accessed on: 11.01.2023).

[8] *Slonimchik F., Yurko A. V.* Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia // Demographic review. 2016. No. 2(3). P. 30-68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1774>

[9] *Isupova O. G.* Attitudes to pronatalist policy measures according to the data of the 2015 micro-census // Demographic review. 2018. No. 5(3). P. 25-56. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8134> (accessed on: 11.01.2023).

[10] *Becker G. S., Lewis H. G.* Interaction between Quantity and Quality of Children. <https://www.nber.org/system/files/chapters/c2963/c2963.pdf> (accessed on: 11.01.2023).

[11] *Schultz T.* The economics of being poor // Managing a megapolis. 2009. No. 6. <https://elibrary.ru/item.asp?id=13005186> (accessed on: 11.01.2023).

[12] *Zakharov S. V.* Marriages and divorces in modern Russia // Demoscope Weekly. 2015. No. 625-626. <https://elibrary.ru/item.asp?id=24932241> (accessed on: 11.01.2023).

[13] *Forster E., Ronz B.* Methods of correlation and regression analysis // Handbook for economists. M.: Finance and Statistics, 1983. <https://qptr.ru/a7B6> (accessed on: 07.01.2023).

[14] *Shelomentsev A. G., Kozlova O. A., Goncharova K. S.* Assessing the impact of socio-demographic factors on the differentiation of incomes // Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2017. No. 4. <https://clck.ru/33JV2F> (accessed on: 11.01.2023).

Информация об авторах

Вакуленко Олеся Сергеевна — студент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Российская Федерация, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87).

Грачев Сергей Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; <https://orcid.org/0000-0002-6056-5527> (Российская Федерация, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87; e-mail: grachev-sa@yandex.ru).

About the authors

Olesya S. Vakulenko — Student, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (87, Gorkogo St., Vladimir, 600000, Russian Federation).

Sergey A. Grachev — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs; <https://orcid.org/0000-0002-6056-5527> (87, Gorkogo St., Vladimir, 600000, Russian Federation; e-mail: grachev-sa@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-7>

УДК 330.3

JEL classification: N35, O53

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ИНДИИ¹

Н. В. Галицкая

Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации
(г. Москва, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-8394-0908>

Автор для корреспонденции: Н. В. Галицкая (naykla@mail.ru)

Аннотация. В статье методом анализа и синтеза исследуется продовольственная безопасность второй по численности населения страны в мире — Индии. Автор констатирует, что страна имеет устойчивый экономический рост и в последние годы достигла самообеспеченности в производстве зерна. Несмотря на это, высокий уровень бедности, отсутствие продовольственной безопасности и недоедание сохраняются. Около 21,25 % населения живет менее чем на 2 доллара в сутки, а уровень неравенства и социальной изоляции очень высок. Индия является страной, в которой живут 25 % голодающих людей в мире. За последние два десятилетия доход на душу населения вырос более чем в 3 раза, но минимальное потребление пищи снизилось. Разрыв между богатыми и бедными увеличился в период высокого экономического роста. Поскольку правительство в настоящее время предоставляет свои собственные системы распределения продовольствия, делается вывод, что государственная поддержка у этих систем стала эффективной и помогла людям, которые нуждаются в продовольствии.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; Индия; голод; демография; закон

India's Food Security

N. V. Galitskaya

Scientific Center for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation
(Moscow, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-8394-0908>

Corresponding author: N. V. Galitskaya (naykla@mail.ru)

Abstract. The article analyses and synthesises the food security of India, which is the second most populous country in the world. The country has sustained economic growth and in recent years has achieved self-sufficiency in grain production. Despite this, high levels of poverty, food insecurity and malnutrition persist. About 21.25 % of the population lives on less than \$2 a day, and the level of inequality and social exclusion is very high. India is the country where 25 % of the world's starving people live. Over the past two decades, per capita income has more than tripled, but minimal food consumption has declined. The gap between rich and poor has widened during this period of high economic growth. Since the government currently provides its own food distribution systems, it is concluded that state support for these systems has become effective and has helped people who need food.

Keywords: food security; India; hunger; demography; law

Введение

Одной из самых острых проблем в Индии является демографическая ситуация, связанная с тем, что население Индии на протяжении многих лет неуклонно растет. За последние 45 лет оно выросло на 2,2 % в год, что означает, что в среднем к населению страны ежегодно добавляется около 17 млн чел. Это также значительно увеличивает спрос на потребительские товары и продукты питания. [1, с. 146–147]. В настоящее

¹ © Галицкая Н. В. Текст. 2023.

время Индия переживает экономический рост, полностью обеспечивает себя зерном и остается одной из самых быстро растущих экономик в мире. Тем не менее, нищета и отсутствие продовольственной безопасности в Индии по-прежнему вызывают озабоченность, несмотря на успехи в экономике. Еда рассматривается как основное средство, необходимое для пропитания, развития и роста человека.

Основная часть

Индия заняла 101-е место среди 116 стран в глобальном индексе голода в 2021 г.¹ По данным продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, индекс цен на продовольствие вырос на 30 % в 2021–2022 гг.²

Хотя правительство Индии уже давно активно занимается продовольственной безопасностью в домашних хозяйствах с помощью системы государственного распределения³ и закона «О национальной продовольственной безопасности»⁴, все еще существуют проблемы, связанные с продовольственной безопасностью в Индии на фоне растущего населения, изменения климата и сбоя глобальной цепочки поставок (украинско-российский конфликт) которые необходимо решить.

Стратегия продовольственной безопасности Индии многогранна.⁵ Пища так же важна для жизни, как и воздух для дыхания. Но продовольственная безопасность Индии означает нечто большее, чем двухразовое питание. Она имеет следующие критерии доступности:

- а) производство продуктов питания внутри страны, импорт продовольствия и запасы, хранящиеся в государственных зернохранилищах;
- б) еда находится в пределах досягаемости каждого человека без какой-либо дискриминации;
- в) наличие достаточного количества денег на покупку качественной, безопасной и калорийной пищи для удовлетворения потребностей человеческого организма.

Таким образом, продовольственная безопасность обеспечивается в стране только тогда, когда имеется достаточно продовольствия, доступного для всех граждан Индии, если у каждого жителя Индии есть средства для покупки продуктов питания приемлемого качества и если нет барьеров для доступа к еде.

Государственное регулирование продовольственной безопасности в Индии осуществляется рядом инструментов:

1. Конституционное положение. Хотя Конституция Индии не содержит какого-либо четкого положения, касающегося права на питание, основополагающее право на жизнь, закрепленное в статье 21 Конституции, может быть истолковано

¹ Глобальный индекс голод // Drishti IAS Coaching in Daly. <https://www.drishtiiias.com/daily-updates/daily-news-analysis/global-hunger-index-2021> (дата обращения: 06.12.2022).

² Мировой индекс цен на продукты питания // Drishti IAS Coaching in Daly. <https://www.drishtiiias.com/daily-updates/daily-news-analysis/world-food-price-index-fao-1> (дата обращения: 06.12.2022).

³ Система государственного распределения // Drishti IAS Coaching in Daly. <https://www.drishtiiias.com/to-the-points/paper3/public-distribution-system-1> (дата обращения: 06.12.2022).

⁴ Закон о национальной продовольственной безопасности // National Food Security Portal. Department of Food and Public Distribution Government of India. <https://nfsa.gov.in> (дата обращения: 06.12.2022).

⁵ Стратегия национальной безопасности Индии // Drishti IAS Coaching in Daly. <https://www.drishtiiias.com/to-the-points/paper3/food-security-1> (дата обращения: 06.12.2022).

как включающее право жить с человеческим достоинством, которое включает в себя право на питание и другие предметы первой необходимости¹.

2. Буферный запас. Запасами продовольствия занимается Продовольственная корпорация Индии. Она является предприятием государственного сектора при Департаменте продовольствия и общественного распределения Министерства по делам потребителей, продовольствия и общественного распределения.² Корпорация несет ответственность за закупку продовольственного зерна по минимальной цене, хранит на своих складах зерно и поставляет его правительствам штатов. Одновременно в 1965 г. была создана Комиссия по затратам и ценам на сельское хозяйство,³ созданная для того, чтобы рекомендовать фермерам невысокие цены на продовольствие за вознаграждение. В состав Комиссии входят председатель, секретарь-член, один официальный и два неофициальных члена. Неофициальные члены являются представителями фермерского сообщества и обычно имеют активную с ним активную связь.

3. Государственная система распределения. Это индийская система продовольственной безопасности, созданная при Министерстве по делам потребителей, продовольствия и общественного распределения. Система распределения была введена во время Второй мировой войны в качестве меры нормирования военного времени. До 1960-х гг. распределение через систему, как правило, зависело от импорта продовольственного зерна. К 1970-м гг. система распределения превратилась в универсальную схему распределения субсидируемого продовольствия. До 1992 г. система была общей схемой прав для всех потребителей без какой-либо конкретной цели. Обновленная система государственного распределения была запущена в июне 1992 г. с целью укрепления и рационализации системы распределения, а также для увеличения ее охвата в отдаленных и недоступных районах, где живет значительная часть обездоленных классов.

4. Закон «О национальной продовольственной безопасности» 2013 года. Чтобы предоставить право на питание каждому гражданину страны, парламент Индии принял закон, известный как «Закон о национальной продовольственной безопасности». Этот закон, также называемый Законом о праве на питание, направлен на предоставление субсидируемого продовольственного зерна примерно двум третям населения Индии в 1,33 млрд чел. Продовольственная субсидия является основой, на которой в Индии реализуется Закон о национальной продовольственной безопасности. Закон в значительной степени опирается на существующую систему распределения для доставки зерна бедным домохозяйствам. Это знаменует собой сдвиг, делая право на питание правом, защищаемым в судебном порядке.

Центральное правительство и правительства штатов Индии разделяют ответственность за предоставление продовольственного зерна бенефициарам. Центр закупает продовольственное зерно у фермеров по минимальной цене и продает его штатам по невысоким ценам. Центральное правительство Индии отвечает за транспортировку зерна в каждый штат. Штаты несут ответственность за транспортировку зерна

¹ Конституция Индии // Конституции государств (стран) мира. Библиотека Пашкова. <https://worldconstitutions.ru/?p=28> (дата обращения: 06.12.2022).

² Продовольственная корпорация в Индии // Food Corporation of India. <https://fci.gov.in> (дата обращения: 06.12.2022).

³ Комиссия по затратам и ценам на сельское хозяйство // Commission for Agriculture Costs and Prices. <https://cacp.dacnet.nic.in> (дата обращения: 06.12.2022).

в магазины. Многие штаты также субсидируют цену на продовольственное зерно, прежде чем продавать его бенефициарам. Согласно закону «О национальной продовольственной безопасности», домашние хозяйства, попадающие под категорию нуждающихся, имеют право получать 5 кг пищевого зерна на человека в месяц. Старшая женщина в семье в возрасте 18 лет и старше уполномочена быть главой семьи при получении продовольственных карт. Кроме того, закон устанавливает специальные положения для детей в возрасте от 6 месяцев до 14 лет, что позволяет им бесплатно получать продукты питания.

Правительство также запустило несколько программ, чтобы удвоить доходы фермеров к 2022 г. Они направлены на устранение проблемных мест, для повышения производительности сельского хозяйства, помощи голодающим. К ним относятся Национальная миссия по продовольственной безопасности,¹ созданная для увеличения ежегодного производства риса, пшеницы и бобовых, программа «полуденного питания» для детей в школах, система «анганвади» — предоставление пайков беременным и кормящим матерям и субсидируемого зерна для тех, кто живет за чертой бедности.² По мнению ученых, только комплексный подход может способствовать преодолению проблем, стоящих на пути достижения страной продовольственной безопасности [2, с. 95–96].

Сложности с обеспечением продовольственной безопасности усугубляются проблемами безопасности пищевых продуктов, особенно для проживающих в городе бедных слоев населения и мигрантов. Пищевое загрязнение инфекционными вирусами и бактериями происходит от необработанной воды, вредителей, плохих санитарных условий, плохой гигиены и плохого обращения с отходами. Около половины случаев недоедания среди детей связаны с небезопасной водой, неадекватными санитарными условиями или недостаточной гигиеной. Улучшение состояния питания зависит от предотвращения инфекций, передающихся через пищу. Из-за социального и экономического неравенства питание, особенно среди женщин и детей, по-прежнему является огромной проблемой. Женщины и девочки находятся в особо неблагоприятном положении из-за их неравного состояния питания и здоровья. Эта уязвимость усугубляется растущей феминизацией нищеты и сельского хозяйства: 79 % сельских женщин работают в сельском хозяйстве и сельском хозяйстве, они ограничены в правах и вопросах безопасности, только 13 % женщин имеют земельные владения в собственности³. Обеспечение равных прав женщин-фермеров на землю и другие формы собственности и равный доступ к сельским услугам и финансовым услугам повысит производительность сельского хозяйства и обеспечит продовольственную безопасность для их семей и общин. Важным является снижение уровня безработицы, экономика не успевает за стремительным ростом населения, хотя в стране ежегодно в стране создается около 5,5 млн рабочих мест, общее число безработных превышает

¹Национальная миссия по продовольственной безопасности Индии // National Food Security Portal. Department of Food and Public Distribution Government of India. <https://nfsm.gov.in> (дата обращения: 06.12.2022).

²Программа полуденного питания для детей в школах Индии // Pradhan Mantri Poshan Shakti Nirman of India. <https://pmposhan.education.gov.in> (дата обращения: 06.12.2022).

³Отчет Организации Объединенных Наций. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире 2022 // The State of Food Security in the World on 2021. www.fao.org/state-of-food-security-nutrition/en (дата обращения: 11.12.2022).

40 млн чел., 50 % молодых женщин не задействованы на рынке труда: не трудоустроены и не получают образования [3, с. 15–16].

Вспышка COVID-19 еще больше повлияла на снабжение продовольствием, средства к существованию и способность получить доступ к полезной калорийной пище, тем самым сократив недоедание, дефицит питательных микроэлементов и низкий вес при рождении [4, с. 159–160]. Последствия были еще хуже для уязвимых и маргинализированных групп населения Индии. Закрытие школ повлияло на питание, которое дети получали в рамках программы «полуденного бесплатного питания».

Заключение

Демографический взрыв имеет прямое отношение к проблемам обеспечения продовольственной безопасности [5, с. 21–22]. Поэтому решение проблем демографической безопасности и продовольственной безопасности взаимосвязаны. По-нашему мнению, меры, которые необходимо принять для достижения продовольственной безопасности растущего населения Индии, — это, прежде всего, увеличение производства продовольствия, повышение образования и грамотности населения, борьба с изменением климата, совершенствование внедрения технологий, комплексное управление сельским хозяйством, водными ресурсами, диверсификация сельскохозяйственных культур.

Список источников

[1] Галицкая Н. В. К вопросу об обеспечении безопасности пищевых продуктов // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. памяти засл. деятеля науки РСФСР д-ра юрид. наук, проф., Василия Михайловича Манохина (VII Саратовские административно-правовые чтения), Саратов, 08 июня 2021 г. / Саратовская гос. юрид. акад.; Саратовский филиал Ин-та гос-ва и права РАН. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 145–148.

[2] Шавлай Э. П. Инновации в сфере сельского хозяйства: Индия на пути к продовольственной безопасности // Фундаментальные и прикладные аспекты продовольственной безопасности. Сб. мат-лов 5-й всерос. науч.-практ. конф. в рамках VII междунар. воен.-техн. форума «Армия — 2021», Большие Вяземы, Московская обл., 24–28 авг. 2021 г. Большие Вяземы: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт фитопатологии», 2021. С. 95–99.

[3] Ахмадулина Т. В., Распов В. М. Вызовы развития экономики современной Республики Индия // Вектор экономики. 2020. № 6(48). 14 с.

[4] Галицкая Н. В. Безопасность населения в условиях распространения covid-19 // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы: Сб. науч. тр. по мат-лам всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 04 дек. 2020 г. / Отв. ред. Ю. В. Соболева. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. С. 158–161.

[5] Галицкая Н. В. Государственное регулирование демографической безопасности в России // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 20–23.

References

[1] Galitskaya N. V. On the issue of ensuring food safety // Public power in modern Russia: problems and prospects: a collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference in memory of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the RSFSR Vasily Mikhailovich Manokhin (VII Saratov Administrative and Legal Readings), Saratov,

June 08, 2021 / Saratov State Law Academy; Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Saratov: Saratov State Law Academy, 2021. P. 145-148.

[2] *Shavlay E. P.* Innovations in agriculture: India on the way to food security // Fundamental and applied aspects of food security: Collection of materials of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference within the framework of the VII International Military-Technical Forum «Army — 2021», Bolshye Vyazemy, Moscow region, August 24-28, 2021. Bolshye Vyazemye: Federal State Budgetary Scientific Institution «All-Russian Research Institute of Phytopathology», 2021. P. 95-99.

[3] *Akhmadulina T. V., Raspopov V. M.* Challenges of the economic development of the Republic of India // Vector Economy. 2020. No. 6(48). 14 p.

[4] *Galitskaya N. V.* Public safety in the conditions of the spread of Covid-19 // Public power in modern Russia: problems and prospects: Collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, December 04, 2020 / ed. by Yu. V. Soboleva. Saratov: Saratov State Law Academy, 2020. P. 158-161.

[5] *Galitskaya N. V.* State regulation of demographic security in Russia // Administrative Law and Procedure. 2020. No. 3. P. 20-23.

Информация об авторах

Галицкая Наталья Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации, <https://orcid.org/0000-0002-8394-0908> (Российская Федерация, 125438, г. Москва, ул. Михалковская, дом 65, e-mail: naykla@mail.ru).

About the authors

Natalya V. Galitskaya — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Research Associate, Scientific Center for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-8394-0908> (65, Mikhalkovskaya St., Moscow, 125438, Russian Federation; e-mail: naykla@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-8>
УДК 332.1(304)
JEL classification: J17, O15, R29

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНДЕКС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ЭФФЕКТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ И ТАБАКА¹

С. В. Дорошенко

Институт экономики Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, Россия)
<https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>

Автор для корреспонденции: С. В. Дорошенко (doroshenko.sv@uiec.ru)

Аннотация. *Целью исследования является эконометрическая оценка влияния употребления табака и алкоголя на индекс человеческого развития в разрезе российских регионов. Гипотеза: деструктивные формы поведения, а именно прием алкоголя и табакокурение, снижают индекс человеческого развития. Информационная база — расчеты индекса человеческого развития по регионам России, данные Росстата о структуре расходов домашних хозяйств. Период анализа — 2013–2019 гг. Основным методом является многофакторный регрессионный анализ на панельных данных по 83 субъектам РФ. Коэффициенты модели с фиксированными эффектами были оценены методом Дрисколла — Края. Результаты показали наличие снижающего эффекта доли затрат на табак на индекс человеческого развития. Также установлена U-образная зависимость зависимой переменной от доли затрат на алкоголь. Результаты могут быть учтены при разработке социально-экономической политики. Дальнейшие исследования планируется расширить за счет включения в модель других предикторов, а также увеличения временного периода.*

Ключевые слова: регионы России; индекс человеческого развития; алкоголь; табакокурение; эконометрическая оценка

Regional Human Development Index: Effects of Alcohol and Tobacco Use

S. V. Doroshenko

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)
<https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>

Corresponding author: S. V. Doroshenko (doroshenkos@mail.ru)

Abstract. *The article presents an econometric assessment of the impact of tobacco and alcohol use on the Human Development Index in Russian regions. It is hypothesised that destructive forms of behaviour, namely alcohol intake and smoking, reduce the Human Development Index. The study analysed human development indices by Russian regions, as well as Federal State Statistics Service data on the structure of household expenditures for the period 2013–2019. The multivariate regression analysis based on panel data for 83 regions was utilised. The model coefficients with fixed effects were estimated by the Driscoll-Kraay method. The results showed the reducing effect of tobacco costs on the Human Development Index. The U-shaped dependence of the dependent variable on the alcohol costs is revealed. The findings can be used to develop socio-economic policies. Further studies will be expanded by including other predictors in the model, as well as increasing the time period.*

Keywords: Russian regions; Human Development Index; alcohol; tobacco smoking; econometric assessment

Введение

Современные исследования в области адаптации населения, ее институциональных механизмов часто проводятся, как отмечает К.С. Гончарова, в контексте

¹ © Дорошенко С. В. Текст. 2023.

парадигмы устойчивого развития, своего рода идеологической платформы мирового и национального развития [1].

Известные 17 целей в области устойчивого развития были сформулированы и приняты всеми государствами — членами ООН в 2015 г. в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Позволим себе напомнить формулировки трех из них, которые направлены на повышение качества жизни населения и наиболее близки к предмету нашего исследования: «Цель 1: Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах. Цель 3: Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте. Цель 4: Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех»¹.

В современной России цели ООН в области устойчивого развития получили воплощение в национальных целях развития до 2030 г., две из которых определены как «сохранение населения, здоровье и благополучие людей» и «возможности для реализации и развития талантов»².

Очевидно, что и в глобальной, и в национальной повестке присутствуют вопросы развития образования, здравоохранения, а также рост уровня жизни населения. Оценка результативности институциональных механизмов адаптации в таком контексте может опираться, на наш взгляд, на определение и сравнение некоего совокупного показателя. В качестве одного из таких показателей предлагается использовать известный индекс человеческого развития (*Human Development Index*). Этот индекс, по нашему мнению, соединяет в себе три институциональных механизма адаптации — образование, здоровье (как образ жизни), доходы. Одновременно существует множество факторов, снижающих результативность адаптационных механизмов и, как следствие, уровень конструктивной адаптации населения (в противовес деструктивной).

Предлагается следующая гипотеза исследования: деструктивные формы поведения, а именно алкоголь и табакокурение, снижают индекс человеческого развития (ИЧР).

Целью исследования является эконометрическая оценка влияния употребления табака и алкоголя на ИЧР в разрезе регионов Российской Федерации.

Обзор исследований

Взаимосвязь экономического и человеческого развития давно стала предметом научных исследований. Например, внимательно исследуется взаимосвязь здоровья и экономического роста [2].

Кроме того, изучается как влияние экономики на человека, так и человеческого развития на уровень ВВП стран, как например, в исследовании [3]. Его авторы на основе межстрановых регрессий проанализировали обе цепочки связи между экономическим ростом и человеческим развитием, которые показали значительную взаимосвязь в обоих направлениях. При этом установлено, что государственные расходы на здравоохранение и образование, особенно на женщин, более важны в цепочке от экономического роста до человеческого развития, а уровень инвестиций и распределение

¹ 2030 Agenda for Sustainable Development. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 19.01.2023).

² «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Указ Президента РФ от 21.07.2020. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 19.01.2023).

доходов важны в обратной цепочке — от человеческого развития до экономического роста. И это формирует определенные циклы государственного развития.

Довольно часто в подобных исследованиях используется индекс человеческого развития, который был предложен ООН в 1990 г. С этого момента ведется его ежегодный расчет более чем по 170 странам мира. Показатель измеряет знания, продолжительность жизни и богатство. Довольно быстро ИЧР стал популярен в сравнительных исследованиях, как межстранового, так и национального уровня. Более того, появились различные его модификации, например, учитывающие общий уровень развития страны [4] или с поправкой на богатство [5]. Интересны также исследования, предлагающие альтернативный вариант, построенный на базе ИЧП — индекс ограничений человеческого развития [6], опирающийся на противоположные показатели — неграмотность, смертность, безработица.

В контексте нашего анализа интерес представляют эконометрические исследования, в которых индекс фигурирует в качестве зависимой переменной и проводится оценка факторов, влияющих на него. Например, в работе [7] авторы используют обобщенный системный метод моментов на панельном наборе данных из 161 страны с 2005 г. по 2019 г. При этом расходы на здравоохранение выступают в качестве основной объясняющей переменной, а индекс человеческого развития — зависимой переменной. В итоге эмпирически было установлено, что одного лишь увеличения объема медицинской поддержки недостаточно для улучшения человеческого развития. В меньшей степени на индекс влияют политическая стабильность и опасность терроризма, качество управления, которые были использованы в качестве контрольных переменных.

Очевидны два момента. Во-первых, индекс человеческого развития активно используется в межстрановых сравнениях. Во-вторых, деструктивные формы поведения населения нечасто включаются в модели. В основном используются политико-управленческие предикторы. В рамках нашего анализа предлагается проанализировать влияние двух деструктивных факторов, а именно употребление алкоголя и табака, которые весьма часто выступают предметом современных исследований по самому широкому спектру проблем, к примеру [8–10]. Кроме того, мы используем выборку российских регионов. В целом это и представляет научную новизну исследования.

Немного региональных сравнений

Аналитическим центром при Правительстве России с 2015 г. по адаптированной методике индекс человеческого развития рассчитывается по субъектам РФ. В своем исследовании мы опираемся именно на эти данные.

На рисунке 1 представлены данные по восьми субъектам РФ, имеющим наибольший индекс человеческого развития (ИЧР) в 2019 г., а также сведения о доли затрат домохозяйств на алкоголь и табачную продукцию в общей структуре расходов.

На рисунке 2 приведены графики, построенные на аналогичных показателях, но по российским регионам, занимавшим последние восемь мест в рейтинге ИЧР.

На графиках, представленных на рисунках 1 и 2, видно, что, во-первых, нет жесткой корреляции между расходами на табак и алкоголь, особенно в регионах — лидерах по ИЧР. Кроме того, доля затрат на алкоголь, как правило, в этих регионах выше, чем в регионах-аутсайдерах, хотя состав последних весьма разнообразен: представлены и Кавказ, и Сибирь, и Дальний Восток, и центр России. Что касается табачных изделий, то здесь и величина доли затрат, и размах ее колебаний выше у регионов-аутсайдеров.

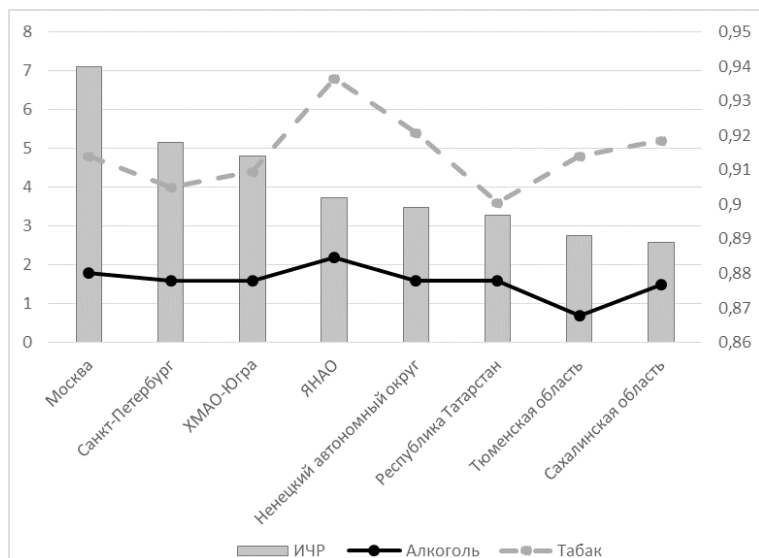

Рис. 1. Доля расходов домохозяйств на табак и алкоголь в российских регионах–лидерах рейтинга ИЧР в 2019 г., % (источник: Структура расходов домохозяйств. Приложение по субъектам РФ — 2019 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13271> (дата обращения: 31.01.2023); Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка. https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 31.01.2023))

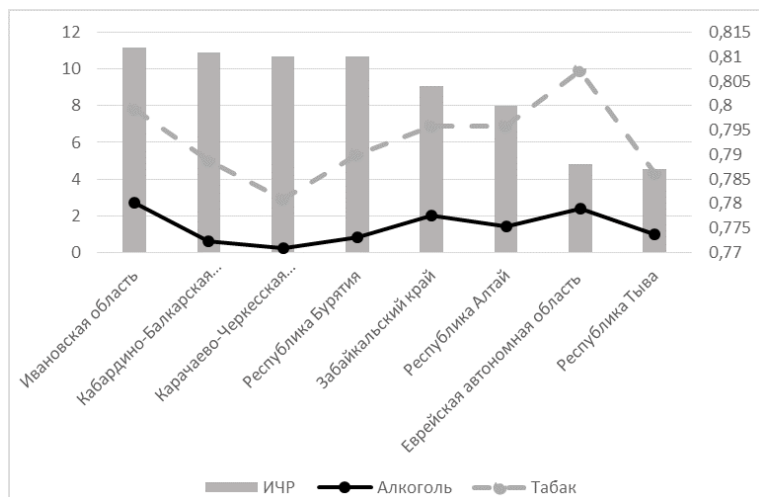

Рис. 2. Доля расходов домохозяйств на табак и алкоголь в российских регионах, замыкающих рейтинг ИЧР, в 2019 г., % (источники: Структура расходов домохозяйств. Приложение по субъектам РФ — 2019 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13271> (дата обращения: 31.01.2023); Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка. https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 31.01.2023))

Методы и информационная база

Основным методом нашего исследования является многофакторный регрессионный анализ на панельных данных.

Информационной базой явились результаты расчетов индексов человеческого развития по регионам России¹, а также данные Росстата о структуре расходов домашних хозяйств. Период анализа — 2013–2019 гг.

В выборку вошли данные по 83 субъектам РФ. Не включались Республика Крым и г. Севастополь по причине отсутствия данных за 2013–2014 гг.

Зависимой переменной явился региональный индекс человеческого развития (ИИР). Объясняющие переменные — доли расходов домохозяйств на алкоголь (*alcohol*) и табачные изделия (*tobacco*). Корреляция между этими переменными составляет 0,42, что говорит об отсутствии сильной связи между ними.

В таблице представлена описательная статистика переменных модели.

Таблица

Описательная статистика переменных модели

Переменная	Среднее	Медиана	ст. откл.	Мин.	Макс.
ИИР	0,831	0,828	0,0307	0,734	0,940
alcohol	1,57	1,60	0,550	0,002	3,10
tobacco	3,57	3,40	1,49	0,002	8,80

Источник: Расчеты в статистическом пакете Stata14.

В модели также была использованы переменные квадратов предикторов долей расходов на алкоголь и табак для установления U-образной зависимости.

Результаты модели

Оценивалась сбалансированная модель с 581 наблюдением.

Предварительно были рассчитаны три регрессии — сквозная, со случайными эффектами и фиксированными эффектами.

Тест Бройша — Пэгана (*Breusch-Pagan*) подтвердил преимущество модели со случайными эффектами над объединенной моделью. Тест Хаусмана (*Hausman*) показал преимущество модели с фиксированными эффектами над моделью со случайными эффектами.

Тест Песарана на зависимость поперечного сечения (*Pesaran CD test*) выявил наличие межпространственной зависимости. Поэтому в модели с фиксированными эффектами была оценены стандартные ошибки методом Дрисколла — Края — гетероскедастичные и автокоррелированные в пространстве и во времени.

Окончательные результаты модели представлены на рисунке 3.

Интерпретация результатов

Результаты модели демонстрируют наличие снижающего эффекта доли затрат на табачные изделия на индекс человеческого развития. Другими словами, увеличение расходов на табак, что можно трактовать как рост потребления, приводит к снижению индекса, поскольку негативная привычка отрицательно сказывается на здоровье и продолжительности жизни населения региона.

¹ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка. https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 31.01.2023).


```

Regression with Driscoll-Kraay standard errors   Number of obs   =       581
Method: Fixed-effects regression                Number of groups =         7
Group variable (i): year                       F( 3, 82)       =    11.50
maximum lag: 3                                 Prob > F         =    0.0000
                                                within R-squared =    0.1286
    
```

_HHD	Drisc/Kraay			t	P> t	[95% Conf. Interval]
	Coef.	Std. Err.				
alcohol	.0550742	.0130335	4.23	0.000	.0251456	.0810027
tobacco	-.0046619	.0015274	-2.42	0.018	-.0084961	-.0008277
alcohol2	-.0131147	.0050739	-2.58	0.012	-.0232082	-.0030212
_cons	.7971471	.0081826	97.42	0.000	.7808653	.8134249

Рис. 3. Результаты модели с фиксированными эффектами со стандартными ошибками Дрисколла — Края (источник: расчеты в статистическом пакете Stata14)

Установлена U-образная зависимость индекса человеческого развития от доли затрат на алкоголь. Иными словами, первоначально рост расходов на алкоголь не оказывает снижающего эффекта на индекс. Однако преодолев экстремум, они начинают уменьшать индекс. Дополнительные расчеты показали, что экстремум равен 2,12. То есть когда удельный вес затрат на алкоголь в общей структуре расходов домохозяйства превышает это значение, то можно говорить об отрицательном эффекте на человеческое развитие.

Заключение

Таким образом, выдвинутая гипотеза о понижающем эффекте употребления табак и алкоголя на региональный индекс человеческого развития в целом подтвердилась. При этом по фактору алкоголя установлена U-образная зависимость. Полученные результаты подтверждают необходимость дальнейшего проведения активной государственной политики, направленной на снижение потребления табачных изделий или алкогольной продукции. И это невозможно решать исключительно повышением отпускных цен и акцизов, поскольку это скажется на доходах населения. Необходима политика активного убеждения для взрослого населения и многоаспектного воспитания для молодежи и подростков. Дальнейшие исследования в области влияния деструктивных форм на адаптацию населения планируется расширить за счет включения в модель других факторов и увеличения временного периода.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021–2023, No. 0327-2021-0011 “Institutional models and factors of social and economic adaptation of the regional population in the context of the transition to dynamic development”.

Список источников

[1] Гончарова К. С. Институциональные механизмы адаптации населения в контексте интеграции современных подходов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 5. С. 98–125. <http://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-5-98-125>

- [2] *Weil D. N.* Health and Economic Growth // Handbook of Economic Growth. Vol. 2. Elsevier, 2014. P. 623-682. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53540-5.00003-3>
- [3] *Ranis G., Stewart F., Ramirez A.* Economic Growth and Human Development // World Development. 2000. Vol. 28. No. 2. P. 197-219.
- [4] *Noorbakhsh F.A* Modified Human Development Index // World Development. 1998. Vol. 26. No. 3. P. 517-528.
- [5] *Resce G.* Wealth-adjusted Human Development Index // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 318. 128587
- [6] *Caleiro A.* Data on Human Development Constraints // Mendeley Data. 2021. <https://doi.org/10.17632/phypgd5g99.1>
- [7] *Banik B., Roy Ch., Hossain R.* Healthcare expenditure, good governance and human development // *EconomiA*. 2022. <https://doi.org/10.1108/ECON-06-2022-0072>
- [8] Time perspective and alcohol-use indicators in France and the United Kingdom: results across adolescents, university students, and treatment outpatients / T. T. Loose, D. Acier, J. R. Andretta, J. C. Cole, M. T. McKay, V. Wagner, F. C. Worrell // *Addiction Research & Theory*. 2018. Vol. 26, No. 3. <https://doi.org/10.1080/16066359.2017.1345479>
- [9] Extending health messaging to the consumption experience: a focus group study exploring smokers' perceptions of health warnings on cigarettes / C. Moodie, R. O'Donnell, J. Fleming, R. Purves, J. McKell, F. Dobbie // *Addiction Research & Theory*. 2020. Vol. 28, No. 4. P. 328-334. <https://doi.org/10.1080/16066359.2019.1653861>
- [10] Predictive Model of Suicide Risk in Young People: The Mediating Role of Alcohol Consumption / C. Núñez, A. S. G. Tabares, J. H. M. Méndez, M. P. A. Osorio, V. E. Caballo. // *Archives of Suicide Research*. 2022. Vol. 23, No. 2. P. 613-628. <https://doi.org/10.1080/13811118.2022.2029783>

References

- [1] *Goncharova K. S.* Institutional mechanisms of population adaptation in a context of the modern approaches integration // *ETAP: economic theory, analysis, and practice*. 2022. No. 5. P. 98-125. <http://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-5-98-125>
- [2] *Weil D. N.* Health and Economic Growth // Handbook of Economic Growth. Vol. 2. Elsevier, 2014. P. 623-682. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53540-5.00003-3>
- [3] *Ranis G., Stewart F., Ramirez A.* Economic Growth and Human Development // World Development. 2000. Vol. 28. No. 2. P. 197-219.
- [4] *Noorbakhsh F.A* Modified Human Development Index // World Development. 1998. Vol. 26. No. 3. P. 517-528.
- [5] *Resce G.* Wealth-adjusted Human Development Index // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 318. 128587.
- [6] *Caleiro A.* Data on Human Development Constraints // Mendeley Data. 2021. <https://doi.org/10.17632/phypgd5g99.1>
- [7] *Banik B., Roy Ch., Hossain R.* Healthcare expenditure, good governance and human development // *EconomiA*. 2022. <https://doi.org/10.1108/ECON-06-2022-0072>
- [8] Time perspective and alcohol-use indicators in France and the United Kingdom: results across adolescents, university students, and treatment outpatients / T. T. Loose, D. Acier, J. R. Andretta, J. C. Cole, M. T. McKay, V. Wagner, F. C. Worrell // *Addiction Research & Theory*. 2018. Vol. 26, No. 3. <https://doi.org/10.1080/16066359.2017.1345479>
- [9] Extending health messaging to the consumption experience: a focus group study exploring smokers' perceptions of health warnings on cigarettes / C. Moodie, R. O'Donnell, J. Fleming,

R. Purves, J. McKell, F. Dobbie // *Addiction Research & Theory*. 2020. Vol. 28, No. 4. P. 328-334. <https://doi.org/10.1080/16066359.2019.1653861>

[10] Predictive Model of Suicide Risk in Young People: The Mediating Role of Alcohol Consumption / C. Núñez, A. S. G. Tabares, J. H. M. Méndez, M. P. A. Osorio, V. E. Caballo. // *Archives of Suicide Research*. 2022. Vol. 23, No. 2. P. 613-628. <https://doi.org/10.1080/13811118.2022.2029783>

Информация об авторах

Дорошенко Светлана Викторовна — доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: doroshenko.sv@uiec.ru).

About the authors

Svetlana V. Doroshenko — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Sector for Research on Adaptation of Regional Systems, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: doroshenko.sv@uiec.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-9>

УДК 314

JEL classification: J11, J24, O15, L26

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОДУКТИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ АКТИВНОГО СТАРЕНИЯ¹

Е. Г. Калабина ^а, М. Р. Газизова ^б

^а Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия); Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665>

^б Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия); Карагандинский университет имени академика Е. А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан). <https://orcid.org/0000-0002-7149-5130>

Автор для корреспонденции М. Р. Газизова (gazizova-maiya@mail.ru)

Аннотация. Практически в каждой стране мира наблюдается рост числа и доли населения старших возрастов в структуре рабочей силы. Эффективным ответом на вызовы демографических сдвигов является политика активного старения, направленная на привлечение работников старших возрастов в продуктивную занятость. Исследование предполагало выявление инструментов и направлений продуктивной занятости населения старших возрастов в условиях демографического старения. Авторами предложена трактовка продуктивной занятости. Особое внимание в работе уделено элементам активного старения как ответной мере на демографические вызовы. По результатам работы определены направления вовлечения в продуктивную трудовую деятельность старших возрастов.

Ключевые слова: демографическое старение населения; население старших возрастов; концепция активного старения; продуктивная занятость; предпринимательство в старшем возрасте

Generating Productive Employment for Older People in the Context of the Active Ageing Concept

E. G. Kalabina ^а, M. R. Gazizova ^б

^а Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia); Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665>

^б Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia); Karaganda Buketov University (Karaganda, Republic of Kazakhstan). <https://orcid.org/0000-0002-7149-5130>

Corresponding author: M. R. Gazizova (gazizova-maiya@mail.ru)

Abstract. Almost every country in the world has seen an increase in the number and share of older people in the labour force. An effective response to the challenges of demographic shifts is an active ageing policy aimed at attracting older workers into productive employment. The present study identifies the tools and direction of productive employment of the elderly population in the context of demographic ageing. An interpretation of productive employment is proposed. The paper focuses on the elements of active ageing as a response to demographic challenges. As a result, the paper identified the areas of involvement of older people in productive employment.

Keywords: demographic ageing of the population; the elderly population; active ageing; productive employment; senior entrepreneurship

¹ © Калабина Е. Г., Газизова М. Р. Текст. 2023.

Введение

Демографические исследования показывают, что старение населения, означающее увеличение продолжительности жизни и снижение рождаемости [1], приводит к существенному увеличению доли лиц в старшем возрасте, и в ближайшие десятилетия прогнозируется повышение доли населения в возрасте 65+ с 3 % в 2022 г. до практически 5 % в 2050 г.¹

Демографические изменения в сторону увеличения старших возрастов являются факторами замедления экономического роста, поскольку старение населения снижает участие в рабочей силе и производительность [2]. Традиционно считалось, что население старших возрастов не может быть вовлечено в общественное производство. Однако сегодня данный процесс получил новую окраску в связи с ростом числа физически здоровых людей старших возрастов, обладающих навыками, финансовыми ресурсами и временем, чтобы внести свой вклад в экономическую деятельность, предлагая свою трудовую занятость.

Следовательно, увеличение населения старших возрастов — это не только рост государственных расходов на пенсии, социальное обеспечение и здравоохранение, но и привлечение внимания к возможности участия населения данной возрастной когорты на рынке труда. Соответственно, старение населения мотивирует общество к применению человеческого потенциала старших возрастов². В этом аспекте концепция активного старения потенциально может позволить продуктивно реагировать на вызовы демографических сдвигов [3].

Цель исследования — выявление инструментов и направлений продуктивной занятости населения старших возрастов.

Обзор литературы

Научно-исследовательские работы по проблеме занятости населения старших возрастов в контексте старения населения можно классифицировать следующим образом: исследование различных социально-экономических аспектов активного старения (Р.И. Капельюшников, И.Е. Калабихина, С.И. Кузин, Н.Н. Пономарева, А.В. Юревич и др.), особенности занятости населения старших возрастов (В.Е. Гимпельсон, В.Ю. Ляшок, А.Н. Челомбитко, В.Н. Барсуков, М.Г. Колосницына и др.) [4].

Несмотря на существование разнообразных исследований, связанных с активным вовлечением населения старших возрастов в трудовую деятельность, остается недостаточно изученным вопрос формирования продуктивной занятости населения старших возрастов в контексте активного старения.

Материалы и методы

Методология исследования состояла в применении контент-анализа, который предусматривает качественно-количественное изучение содержания использованных источников.

¹ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022: Data Sources. (UN DESA/POP/2022/DC/NO. 9). https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf.

² Старение населения — проблема и возможности. ЕАК ООН. https://unece.org/DAM/highlights/what_ECE_does/Russian/0726056_UNECE_AGEING.pdf.

Теоретической и информационной базой работы являются труды российских и зарубежных ученых, посвященные проблематике исследования, доклады ОЭСР, отчеты Глобального мониторинга предпринимательства.

Результаты

Для усиления положительных аспектов и снижения рисков, связанных с более продолжительной жизнью, Всемирной организацией здравоохранения была предложена концепция «активное старение» как «процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности с целью улучшения качества жизни по мере старения людей»¹:

- под здоровьем понимается физическое, психическое и социальное благополучие в соответствии с определением здоровья ВОЗ;
- «участие» понимается как многогранная деятельность населения старших возрастов в социальных, экономических, культурных, духовных и гражданских делах в дополнение к их участию в рабочей силе;
- «безопасность» связана с доступом людей старшего возраста к физической и социальной среде;
- гарантия дохода и (когда применимо) обеспечение достойной работы.

В научных работах преобладает интерпретация активного старения в экономических рамках [5]. Многие исследователи сосредоточены исключительно на участии представителей старших возрастов на рынке труда, а также национальные правительства многих стран продолжают ставить экономические аспекты в центр своей активной политики в области старения [6].

Следует отметить, что концепция активного старения стала ответом на устоявшиеся стереотипы о старости как периоде жизни, который характеризуется пассивностью и зависимостью, сфокусировав внимание на самостоятельности, качестве жизни, физическом и психическом благополучии и участии в жизни общества, в том числе в продуктивной занятости [7].

Продуктивная занятость работников старших возрастных групп — трудовая занятость, приносящая соответствующий уровень дохода для достойной жизни с благоприятными условиями трудовой деятельности, отвечающая требованиям представителей данной группы, позволяющая реализовать их продуктивный потенциал и создающая стимулы для продолжения трудовой жизни работников [9]. Продуктивное использование трудового потенциала работников старших возрастных групп может стать драйвером инклюзивного роста и повышения благосостояния в условиях демографического старения населения. При формировании инструментов продуктивной занятости работников старших возрастных групп необходимо учитывать их возрастные особенности и возможности реализации профессионального и личностного потенциала.

При формировании механизмов продуктивной занятости работников старших возрастных групп необходимо учитывать их возрастные особенности и возможности реализации их профессионального и личностного потенциала. Так, образовательный уровень населения старших возрастов значительно вырос, поэтому нынешние представители старших когорт, вероятно, будут более продуктивными, чем предыдущие поколения. Кроме того, возраст, в котором способности начинают снижаться,

¹World Health Organization. Active Ageing: A Policy Framework 2002. World Health Organization, 2002. https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

вероятно, увеличился благодаря долголетию и увеличению продолжительности здорового образа жизни [8]. В частности, в последние годы все больше фокусирует внимание научного сообщества феномен суперэйджеров (SuperAger), это определение относится к людям в возрасте 70–80 лет, которые обладают умственными или физическими способностями, свойственными для гораздо более молодых людей (на десятилетия)¹.

Исследование мирового опыта поощрения продуктивной занятости населения старших возрастов позволило систематизировать следующие инструменты: программы обучения и переобучения работников старших возрастов, финансовое стимулирование работников и работодателей, информационные ресурсы, центры поиска работ, повышение уровня цифровой грамотности населения старших возрастов.

Кроме того, в результате проведенных собственных исследований по оценке структурных сдвигов занятости по видам экономической деятельности были выявлены позитивные отрасли для продолжения трудовой деятельности населения старших возрастов: деятельность по операциям с недвижимым имуществом, гостиничная сфера, предприятия общественного питания, здравоохранения и социальных услуг. Вовлечение старших возрастных групп в данные сферы деятельности будет способствовать формированию их продуктивной занятости.

Таким образом, процессы демографической трансформации в пользу старших возрастных групп обуславливают развитие активного старения, которое представляет возможность их вовлечения в продуктивную трудовую деятельность и участия в жизни общества старших возрастных групп [10] (рис.).

Модель формирования продуктивной занятости населения старших возрастов направлена на стимулирование активного старения через предпринимательскую активность. Предпринимательство в старшем возрасте может внести вклад в реализацию политики активного старения. Необходимо отметить, что преимущества предпринимательской активности в старшем возрасте выходят далеко за рамки самого предприятия. Так, развивая свой бизнес, старшее поколение вносит свой вклад в развитие общества: предприниматели старших возрастов создают рабочие места не только для себя, но и для других, не отнимая их у молодого поколения². Таким образом, предпринимательство в старшем возрасте может стать потенциальной движущей силой в аспекте демографических трансформаций.

Заключение

Таким образом, можно сделать общий вывод, что содействие продуктивной занятости в старшем возрасте является ключом к решению проблем демографического старения населения, которое во многих аспектах бросает вызов рынкам труда, экономике и обществу.

С другой стороны, следует подчеркнуть важность продления активного старения старших возрастных групп на основе содействия увеличению продолжительности трудовой жизни, сокращая его нагрузку на системы здравоохранения, пенсионного обеспечения и социальной защиты населения.

¹Healthy ageing. What does it take to be a super-ager? Harvard Health Publishing. <https://www.health.harvard.edu/healthy-aging/what-does-it-take-to-be-a-super-ager>.

²GEM 2016 / 2017 Report on Senior Entrepreneurship. <https://www.gemconsortium.org/file/open?fileId=49823>

Рис. Модель формирования продуктивной занятости населения старших возрастов (источник: составлено авторами)

Также следует отметить, что прямо сейчас формируется необходимость не только разработки государственной политики помощи населению старшего возраста, но и активного участия старших возрастных групп в процессах предпринимательской деятельности

Выполненная нами исследовательская работа позволяет выявить следующие перспективы дальнейших исследований по теме, которые определяются необходимостью

разработки комплексных мер по содействию предпринимательской деятельности старших возрастов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

[1] Workforce participation, ageing, and economic welfare: New empirical evidence on complex patterns across the European Union / M. S. Cristea, M. G. Pirtea, M. C. Suciuc, G. G. Noja // *Complexity*. 2022. Vol. 2022. P. 1-13.

[2] Population ageing, labour market rigidity and corporate innovation: Evidence from China / Y. Tan, X. Liu, H. Sun, C. Hanwen // *Research Policy*. 2022. Vol. 51, No. 2. 104428.

[3] Does active ageing contribute to life satisfaction for older people? Testing a new model of active ageing / S. Marsillas, L. De Donder, T. Kardol, S. van Regenmortel, S. Dury, D. Brosens, A.-S. Smetcoren, T. Braña, J. Varela // *European Journal of Ageing*. 2017. Vol. 14. P. 295-310. <https://doi.org/10.1007/s10433-017-0413-8>

[4] Калабина Е. Г., Газизова М. Р. Особенности демографического старения населения в Беларуси, Казахстане и России // Глобальные вызовы демографическому развитию. Т. II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. С. 183-196.

[5] Foster L., Walker A. Gender and active ageing in Europe. *European Journal of Ageing*. 2013. Vol. 10. P. 3-10. <https://doi.org/10.1007/s10433-013-0261-0>

[6] Boudiny K., Mortelmans D. A critical perspective: towards a broader understanding of active ageing // *E-journal of Applied Psychology*. 2011. Vol. 7, No. 1. P. 8-14.

[7] Сидоренко А. В. Политика активного, здорового и достойного долголетия для Казахстана. Алматы, 2020. 60 с.

[8] Bodnár K., Nerlich C. The macroeconomic and fiscal impact of population ageing. ECB Occasional Paper, 2022. 296 p.

[9] Искакова Г. К. Концептуальные основы формирования продуктивной занятости в контексте развития человеческого потенциала // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 3-8(47). С. 64-70.

[10] Kautonen T., Down S., Minniti M. Ageing and entrepreneurial preferences // *Small Business Economics*. 2014. Vol. 42. P. 579-594. <https://doi.org/10.1007/s11187-013-9489-5>

References

[1] Workforce participation, ageing, and economic welfare: New empirical evidence on complex patterns across the European Union / M. S. Cristea, M. G. Pirtea, M. C. Suciuc, G. G. Noja // *Complexity*. 2022. Vol. 2022. P. 1-13.

[2] Population ageing, labour market rigidity and corporate innovation: Evidence from China / Y. Tan, X. Liu, H. Sun, C. Hanwen // *Research Policy*. 2022. Vol. 51, No. 2. 104428.

[3] Does active ageing contribute to life satisfaction for older people? Testing a new model of active ageing / S. Marsillas, L. De Donder, T. Kardol, S. van Regenmortel, S. Dury, D. Brosens, A.-S. Smetcoren, T. Braña, J. Varela // *European Journal of Ageing*. 2017. Vol. 14. P. 295-310. <https://doi.org/10.1007/s10433-017-0413-8>

[4] Kalabina E. G., Gazizova M. R. Features of demographic ageing of the population in Belarus, Kazakhstan and Russia // *Global challenges to demographic development*. Vol. II Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 2022. P. 183-196.

[5] Foster L., Walker A. Gender and active ageing in Europe. *European Journal of Ageing*. 2013. Vol. 10. P. 3-10. <https://doi.org/10.1007/s10433-013-0261-0>

[6] Boudiny K., Mortelmans D. A critical perspective: towards a broader understanding of active ageing // *E-journal of Applied Psychology*. 2011. Vol. 7, No. 1. P. 8-14.

[7] *Sidorenko A. V.* Active, healthy and dignified longevity for Kazakhstan. Almaty, 2020. 60 p.

[8] *Bodnár K., Nerlich C.* The macroeconomic and fiscal impact of population ageing. ECB Occasional Paper, 2022. 296 p.

[9] *Iskakova G. K.* Conceptual foundations of productive employment formation in the context of human potential development // Current scientific research in the modern world. 2019. No. 3-8(47). P. 64-70.

[10] *Kautonen T., Down S., Minniti M.* Ageing and entrepreneurial preferences // Small Business Economics. 2014. Vol. 42. P. 579-594. <https://doi.org/10.1007/s11187-013-9489-5>

Информация об авторах

Калабина Елена Георгиевна — доктор экономических наук, профессор, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор Уральского государственного экономического университета; <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, 8 Марта, 62; e-mail: kalabina@mail.ru).

Газизова Майя Ривелевна — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; старший преподаватель кафедры экономики и международного бизнеса, Карагандинский университет имени академика Е. А. Букетова; <https://orcid.org/0000-0002-7149-5130> (Республика Казахстан, 100026, г. Караганда, ул. Университетская, 28; e-mail: gazizova-maiya@mail.ru).

About the authors

Elena G. Kalabina — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Ural Federal University; Professor, Ural State University of Economics; <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665> (62, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation, e-mail: kalabina@mail.ru).

Maiya R. Gazizova — PhD Student, Ural Federal University; Senior Lecturer, Department of Economics and International Business, Karaganda Buketov University; <http://orcid.org/0000-0002-7149-5130> (28, Universitetskaya St., Karaganda, 100026, Republic of Kazakhstan; e-mail: gazizova-maiya@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-10>

УДК 331.526

JEL classification: J01, J23, J24

ВЫБОР МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ РАБОТНИКОВ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП¹

Е. Г. Калабина ^а, Е. А. Шадрина ^б

^{а, б} Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665>

^б <https://orcid.org/0000-0003-1288-7512>

Автор для корреспонденции: Е. А. Шадрина (elena.shadrina.75@mail.ru)

Аннотация. *Статья представляет собой результаты теоретического исследования внутрифирменного обучения. Цель исследования: изучение методов обучения работников старших возрастных групп как фактора повышения их занятости на отечественном рынке труда. Методы исследования: общенаучные (анализ, синтез, классификация), описание, сбор данных, анализ документов. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по выбору методов внутрифирменного обучения возрастных работников.*

Ключевые слова: демографический кризис; дискриминация, старшая возрастная группа; внутрифирменное обучение; методы обучения; наставничество; ротация; групповые обсуждения; M-learning

Selection of Methods for Training Older Employees

E. G. Kalabina ^а, E. A. Shadrina ^б

^{а, б} Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665>

^б <https://orcid.org/0000-0003-1288-7512>

Corresponding author: E. A. Shadrina (elena.shadrina.75@mail.ru)

Abstract. *The article presents the results of a theoretical study of in-house training. The study aims to examine the methods for training older employees as a factor in increasing their employment in the domestic labour market. To this end, general scientific (analysis, synthesis, classification), description, data collection, document analysis methods were utilised. The practical significance of the study lies in the development of recommendations for selecting methods of in-house training of older employees.*

Keywords: demographic crisis; discrimination; older age group; in-house training; teaching methods; mentoring; rotation; group discussions; M-learning

Введение

В настоящее время Россия испытывает серьезные демографические проблемы, которые приводят к структурным изменениям рынка труда и диктуют необходимость максимального использования имеющегося трудового потенциала работников. Однако несмотря на преобладание на рынке труда работников старших возрастных групп, работодателями они мало востребованы, поскольку потребности бизнеса часто не соответствуют их профессиональной подготовке, а профессиональные навыки устаревают в связи с появлением более современного оборудования и развитием цифровых технологий. Данные факторы формируют необходимость инвестиций в развитие человеческого капитала. В связи с этим организация внутрифирменного

¹ © Калабина Е. Г., Шадрина Е. А. Текст. 2023.

обучения работников старших возрастных групп приобретает в настоящее время особую актуальность.

Значительный вклад в исследование теоретического и методического аспектов внутрифирменного обучения вложили отечественные и зарубежные ученые М. Армстронг, Т. В. Базаров, Е. А. Кулькова, В. А. Малинин, М. И. Магура, М. Б. Курбатова, А. Я. Кибанов, Д. А. Шендриков и др.

Исследования трудовой занятости работников старших возрастных групп представлены в работах М. Агранович, Н. Т. Вишневской, О. В. Забелиной, Е. Г. Калабиной, И. А. Кульковой, Д. В. Серegiной, А. Н. Челомбитко.

Работы этих исследователей позволяют по-новому оценить проблемы занятости лиц старших возрастных групп на российском рынке труда. Однако проведенный нами анализ литературы показал, что остаются неразработанными вопросы методики внутрифирменного обучения для работников старших возрастных групп.

Основная часть

Работники старших возрастных групп (от 45 лет и старше) мало востребованы на рынке труда, а их дискриминация приобретает скрытый характер, вытесняя на низкооплачиваемые рабочие позиции.

Вместе с тем мониторинг демографической ситуации в России, проводимый научно-исследовательскими центрами и Федеральной службой государственной статистики, выявляет, что при общем снижении численности населения на 935 тыс. чел. за период с 2017 г. по 2021 г., доля работников старшей возрастной группы от 45 лет и старше в структуре рабочей силы увеличилась более чем на 40 % (рис.).

Таким образом, демографический кризис и произошедшие структурные изменения на рынке труда диктуют необходимость инвестиций в развитие человеческого капитала и поиск решений максимального использования трудового потенциала работников. В связи с этим обучение без отрыва от производства, с помощью различных методов приобретает в настоящее время особую актуальность.

Подходы к определению внутрифирменного обучения менялись в процессе эволюции концепции развития человеческих ресурсов. Однако в настоящее время можно выделить основные трактовки термина в трудах различных ученых (табл. 1).

Анализ представленных в таблице 1 мнений различных авторов позволяет сделать вывод, что большинство исследователей считают внутрифирменное обучение персонала эффективным

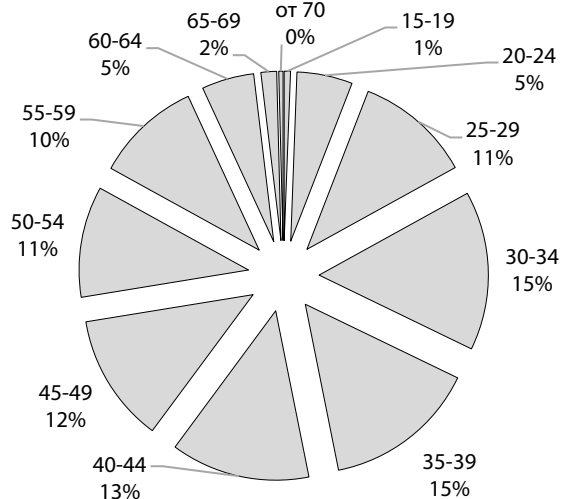

Рис. Структура рабочей силы по возрастным группам за 2021 г., % (источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). Стат. сб. / Росстат. Москва, 2022. 151 с.)

Теоретический обзор понятий «внутрифирменное обучение»

Исследователь	Определение понятия
Армстронг М.	Процесс интеграции, развития индивидуальных знаний, умений и навыков работников, повышения уровня их квалификации, направленный на развитие качества рабочей силы и обеспечение ее конкурентоспособности
Базаров Т. В.	Система подготовки (обучения и переподготовки) персонала, проводимой на базе предприятия (или корпоративных учебных центров) с привлечением собственных или внешних преподавателей и строящейся на решении проблем, специфичных для конкретной организации
Куликова Е.А.	Подготовка персонала, проводимая на территории предприятия (или корпоративных учебных центров) и основанная на решении проблем, специфичных для конкретной организации, с привлечением собственных или внешних преподавателей, а также ведущих специалистов самой компании
Малинин В.А.	Процесс непрерывного системного обучения, направленного на развитие и совершенствование профессиональных компетенций, личностных и деловых качеств работников корпораций, организованный в соответствии с целями и стратегиями ее развития, учитывающий потребности работников и работодателей в наращивании профессионализма и обладающий способностью гибко и оперативно откликаться на потребности рынка в отношении развития персонала новых знаний, умений и навыков
Соловьев Д. П.	Формирование и развитие профессиональных знаний, умений и навыков сотрудников с учетом целей соответствующих подразделений, которые, в свою очередь, определяются стратегией и целями организации
Хинричс Д.	Организованный и инициированный компанией, направленный на стимулирование повышения профессионального уровня ее работников с целью увеличения их вклада в достижение максимальной эффективности деятельности компании

Источник: Разработано автором на основании обзора литературы: [1, 4, 6, 9–11].

способом решения проблемы дефицита кадров путем обновления, обогащения, прироста и ориентации знаний, навыков и технологий производства в конкретных производственных условиях, осуществляемых в контексте специфики и корпоративной культуры предприятия.

Содержание программ внутрифирменного обучения должно определяться его целями, направленными на формирование компетенций и навыков работников и обеспечение функционирования основных производственных процессов. Однако обучение возрастных работников, кроме этого, имеет ряд особенностей, которые следует учитывать:

- разумное отношение к процессу обучения;
- стремление к самостоятельности;
- потребность в осмысленности обучения (для решения проблемы и достижения конкретной цели);
- стремление к применению полученных знаний, умений и навыков на практике;
- наличие жизненного и практического опыта;
- влияние на процесс обучения профессиональных, социальных, бытовых и временных факторов [11].

Таким образом, в построении модели обучения работников старших возрастных групп следует принимать во внимание их психологические особенности:

Таблица 2

Общие и частные критерии выбора обучения работников

Тип критериев	Критерий
Общие	Сфера деятельности; цель обучения; стоимость обучения; необходимое оборудование; продолжительность обучения
Частные	Задача, для решения которой проводится обучение; особенности производства; степень мастерства обучаемых; измеримость результатов

Источник: ГОСТ Р ИСО 10015–2007 Менеджмент организации. Руководящие указания по обучению. Москва: Российский институт стандартизации, 2022. С. 4.

заинтересованность в получении практических навыков, призванных решать повседневные задачи при минимальной подаче теоретического материала, осознанное понимание перспективы возмещения затраченного времени получаемыми результатами [2].

Анализ ГОСТ 10015 «Менеджмент качества. Руководящие указания по обучению» позволяет выделить критерии выбора метода обучения работников в организации (табл. 2)

Следует отметить, что для большинства предприятий определяющим фактором в обучении персонала является ожидаемый от его проведения результат, измеряемый количественными и качественными методами.

В настоящее время основным методом экономической оценки эффективности обучения (рост производительности труда, качества, снижение текучести кадров) является метод американского ученого Д. Филиппа ROI — коэффициент возврата от инвестиций в развитие сотрудников [5]:

$$ROI = \frac{D - Z}{Z} \times 100\%, \quad (1)$$

где D — доход от программы обучения; Z — затраты на программу обучения.

Для измерения качественных результатов обучения используют разные способы оценки определения степени овладения профессиональными знаниями и навыками. В частности, Е. Кулагина рекомендует использовать следующие способы проверки качественных результатов обучения:

- 1) наблюдение;
- 2) практические задания;
- 3) проектные вопросы;
- 4) кейсы;
- 5) тесты;
- 6) проверочные ситуации;
- 7) экзамен [5].

Таким образом, учитывая психологические особенности персонала, общие и частные критерии выбора методов обучения, а также ожидаемый от него эффект, для работников старших возрастных групп рекомендуется использование ряда методов внутрифирменного обучения (табл. 3).

**Рекомендуемые для работников старших возрастных групп методы
внутрифирменного обучения**

Метод обучения	Преимущества метода
<p>Наставничество — форма корректирующего / стимулирующего воздействия на персонал путем профессионального взаимообмена жизненным и практическим опытом работников</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Низкая себестоимость, поскольку функция обучения ложится на действующих работников предприятия и происходит без отрыва от реальных задач предприятия. 2. Формирует ключевые компетенции, необходимые для конкретного предприятия. 3. Широкая сфера применения: предприятия любого масштаба, отрасли и стадии организационного развития. Особенно эффективно работает на предприятиях с высокой текучестью кадров, когда требуется оперативная профессиональная подготовка большого количества работников, а также на предприятиях, производительность которых зависит от наличия навыков, присущих конкретной сфере деятельности
<p>Групповые обсуждения — сопоставление информации, мнений, идей, предложений участников производственного процесса в целях решения какой-то проблемы, анализа ситуации, основанного на индивидуальном опыте</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Низкая себестоимость, поскольку обучения происходит без отрыва от производства действующими работниками предприятия. 2. Широкий круг охвата (работает одновременно большое количество работников) 3. Стимулирует развитие рационализаторских предложений и взаимного обмена профессиональным опытом. 4. Возможность за короткий срок решить производственную задачу
<p>M-learning (мобильное обучение) — обучение и поддержка в обучении работников на мобильных телефонах, КПК или планшетах</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Используется на предприятиях с частым обновлением ассортимента товаров и услуг, а также при необходимости постоянного совершенствования навыков. 2. Быстрый доступ к учебным материалам в любом месте и в удобное для обучающегося время, что является определяющим условием для работников старшей возрастной группы, в связи с ограниченностью свободного времени. 3. Возможность самоконтроля, поскольку в обучающих приложениях предусмотрены системы тестирования, игровые тренажеры, позволяющие выдать заключение о корректности решения с разбором ошибок
<p>Рабочая ротация — расширение опыта сотрудников при помощи перемещений с одной рабочей деятельности на другую, либо из одного отдела в другой процессов</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Применение в сферах деятельности, требующих от работников владения несколькими и смежными профессиями. 2. Повышает универсальность работников. 3. Подходит для подготовки руководящего состава. 4. Низкая себестоимость (закрытие свободных вакансий предприятия собственными кадрами). 5. Вариативность линии движения персонала: от временной до постоянной

Источник: Разработано автором на основании обзора литературы: [1, 7, 8, 12].

Анализ методов обучения, используемых современными предприятиями, позволяет прийти к выводу, что в большинстве случаев экономически выгоднее обучать и развивать своих работников, организовав внутрифирменное обучение и обеспечивая себе кадровый резерв, чем покупать необходимые профессиональные навыки

на рынке труда, затрачивая дополнительные ресурсы. Каждый из рекомендуемых методов обучения персонала дает разные результаты, и для большей эффективности нужно пользоваться не одним методом, а совмещать их, то есть грамотно составить программу обучения персонала на рабочем месте.

Заключение

В настоящее время рынок труда начинает всерьез ощущать последствия демографического кризиса. По результатам опроса Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН, дефицит кадров в 2022 г. стал главной трудностью российского бизнеса [13].

В связи с этим работодателям придется избавляться от эйджистких стереотипов в отношении работников старших возрастных групп (от 45 лет и старше) и искать эффективные подходы к максимальному использованию их трудового потенциала и развитию профессиональных навыков. Стремительные изменения в технологиях производства и цифровизация требуют непрерывного обучения персонала, поскольку необходимые бизнесу компетенции не могут быть гарантированы базовым образованием.

Можно сделать вывод, что внутрифирменное обучение способствует повышению ценности трудовых ресурсов, путем накопления знаний, умений и навыков и преобразованием их в опыт успешной деятельности в интересах компании. Однако система внутрифирменного обучения принесет положительные результаты, только если программы и методы будут разработаны с учетом возрастных особенностей работников и нацелены на решение конкретных практических целей.

Список источников

- [1] *Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами: 8-е изд. Москва: Питер, 2008. 832 с.
- [2] *Байтеряков С. В.* Особенности обучения сотрудников 45 лет и старше // Управление развитием персонала. 2021. № 2. С. 98–102. <https://doi.org/10.36627/2619-144X-2021-2-2-98-102>
- [3] *Башкатова А.* Стране не хватает не просто айтишников, но и просто рабочих рук // Независимая газета, 25.01.2023. http://www.ng.ru/economics/2023-01-25/1_8643 (дата обращения: 10.02.2023).
- [4] *Глухов В. В.* Менеджмент. Санкт-Петербург: Специальная литература, 2014. 700 с.
- [5] *Кулагина Е.* Оценка эффективности обучения персонала: модели, методы и способы // Директор по персоналу. 01.09.2021. <http://www.hr-director.ru> (дата обращения: 10.02.2023).
- [6] *Куликова Е. А.* Эффективное внутрифирменное обучение – основа профессионального развития персонала // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 1. <https://web.snauka.ru/issues/2016/01/63012> (дата обращения: 23.01.2023).
- [7] *Локтюхина, Н. В., Назарова У. А., Шабаева С. В.* Развитие системы наставничества: российский и зарубежный // Непрерывное образование: XXI век. 2019. Вып. 4(28). <http://doi.org/10.15393/j5.art.2019.5155>
- [8] *Магура М. И., Курбатова М. Б.* Организация обучения персонала компании. Учеб. пособие. 2-е изд. доп. Москва: Изд. Бизнес-школа «Интел-синтез», 2008. 250 с.
- [9] *Малинин В. А.* Педагогические основы обучения персонала в организации. Учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2016. 104 с.
- [10] *Мальцев К.* Ценный кадр: как построить эффективную систему обучения в компании. Москва: Альпина Паблишер, 2015. 112 с.

[11] Психология менеджмента: учебник для вузов: 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. Г. С. Никифорова. М. Питер, 2004. 638 с.

[12] *Соловьев Д. П., Илюхина Л. А.* Обучение и развитие персонала: учеб. пособие. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2019. 204 с.

[13] *Штроо В. А.* Методы активного социально-психологического обучения: Учебно-метод. пособие для студентов 4 курса д/о и 5 курса в/о ф-т философии и психологии (отделения психологии). Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. 55 с.

References

[1] *Armstrong M.* A Handbook of Human Resource Management Practice: 8th edition. M.: Peter, 2008. 832 p.

[2] *Bayteryakov S. V.* Features of employee training 45 years and older // Personnel development Management. 2021. No. 2. P. 98-102.

[3] <https://doi.org/10.36627/2619-144X-2021-2-2-98-102>

[4] *Bashkatova A.* The country lacks not just IT specialists, but also a hundred workers // Nezavisimaya Gazeta, 25.01.2023. http://www.ng.ru/economics/2023-01-25/1_8643 (accessed on: 10.02.2023).

[5] *Glukhov V. V.* Management. St. Petersburg: Special Literature, 2014. 700 p.

[6] *Kulagina E.* Evaluation of the effectiveness of personnel training: models, methods and methods // HR Director, 01.09.2021. <http://www.hr-director.ru> (accessed on: 10.02.2023).

[7] *Kulikova E. A.* Effective in-house training is the basis for professional development of staff // Modern scientific researches and innovations. 2016. No. 1. <https://web.snauka.ru/issues/2016/01/63012> (accessed on: 23.01.2023).

[8] *Loktyukhina N. V., Nazarova U. A., Shabayeva S. V.* mentoring system development: Russian and foreign experience // Lifelong education: the 21st century. 2019. Issue 4 (28). <http://doi.org/10.15393/j5.art.2019.5155>

[9] *Magura M. I., Kurbatova M. B.* Organization of training of the company's personnel. Study guide. 2nd ed. supplemented. M: Publishing house of the Business School "Intel-synthesis". 2008. 250 p.

[10] *Malinin V. A.* Pedagogical foundations of personnel training in the organization. Textbook. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2016. 104 p.

[11] *Maltsev K.* Valuable personnel: how to build an effective training system in the company. M: Alpina Publisher, 2015. 112 p.

[12] Psychology of management: textbook for universities / ed. by G. S. Nikiforov; 2nd ed., supplemented and revised. M.: Peter, 2004. 638 p.

[13] *Soloviev D. P., Ilyukhina L. A.* Personnel training and development: a training manual. Samara: Publishing House of the Samara State Economy University, 2019. 204 p.

[14] *Shtroo V. A.* Methods of active socio-psychological training: A textbook for students of the 4th year of d/o and 5th year of the Faculty of Philosophy and Psychology (Department of Psychology). Voronezh, 2003. 55 p.

Информация об авторах

Калабина Елена Георгиевна — доктор экономических наук, профессор, профессор Уральского государственного экономического университета; <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, 8 Марта, 62; e-mail: kalabina@mail.ru).

Шадрина Елена Александровна — аспирант Уральского государственного экономического университета; <https://orcid.org/0000-0003-1288-7512> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, 8 Марта, 62; e-mail: elena.shadrina.75@mail.ru).

About the authors

Elena G. Kalabina — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Ural State University of Economics; <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665> (8, Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: kalabina@mail.ru).

Elena A. Shadrina — PhD Student, Ural State University of Economics; <https://orcid.org/0000-0003-1288-7512> (8, Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail elena.shadrina.75@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-11>

УДК 332.1, 314.8

JEL classification: J11

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ В КОНТЕКСТЕ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ¹

О. А. Козлова^а, М. Н. Макарова^б, О. А. Пышминцева^в

^{а, б, в} Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519>

^б <https://orcid.org/0000-0001-6144-6178>

^в <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459>

Автор для корреспонденции: М. Н. Макарова (makarova.mn@uiec.ru)

Аннотация. *Малые города являются звеном в организации регионального пространства, обеспечивающим его связанность. При этом динамика развития малых городов является во многом противоречивой, и их жители вынуждены приспосабливаться к изменяющимся условиям. Цель данной статьи — оценить результативность адаптации населения к условиям социально-экономического развития через изменение численности населения малого города, когда прирост показателя показывает положительную адаптацию населения, а убыль — отрицательную (в виде миграционной убыли и / или вымирания населения). В исследовании на основе данных Росстата о социально-экономическом положении малых городов Свердловской области за 2015 и 2021 гг. осуществляется комплексный анализ экономических (уровень безработицы и заработная плата) и демографических (рождаемость, смертность, миграционный прирост) характеристик населения данных территорий, в т. ч. по сравнению со среднеобластным уровнем. На основе данных статистического анализа проводится типология малых городов с учетом интенсивности демографических процессов и экономических факторов адаптационного поведения населения. Полученные результаты могут быть использованы при обосновании мер социально-экономического развития регионального и муниципального уровня.*

Ключевые слова: малый город; адаптационный потенциал; население; перспективы развития; типология

Prospects for the Development of Small Towns in the Context of the Adaptive Potential of the Population

О. А. Kozlova^а, М. N. Makarova^б, О. А. Pyshmintseva^в

^{а, б, в} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519>

^б <https://orcid.org/0000-0001-6144-6178>

^в <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459>

Corresponding author: М. N. Makarova (makarova.mn@uiec.ru)

Abstract. *Small towns are a link in the structure of the regional space, ensuring its connectivity. At the same time, development of small towns is characterised by contradictory dynamics, and the residents are forced to adapt to changing conditions. Thus, this article aims to evaluate the adaptation of the population to socio-economic conditions. The measurement is a change in the population of a small town, when the increase in the indicator shows a positive adaptation of the population, and the decrease indicates a negative one (in the form of migration loss and/or extinction of the population). Using Federal State Statistics Service data on the socio-economic situation in small towns of Sverdlovsk oblast for 2015 and 2021, the*

¹ © Козлова О. А., Макарова М. Н., Пышминцева О. А. Текст. 2023.

study provides a comprehensive analysis of economic (unemployment rate and wages) and demographic characteristics (birth rate, mortality, migration growth) of the population, including in comparison with the average regional level. Based on the statistical analysis data, a typology of small towns was created taking into account the intensity of demographic processes and economic factors of adaptive behaviour of the population. The obtained results can be used to justify measures of socio-economic development at the regional and municipal level.

Keywords: small town; adaptive potential; population; development prospects; typology

Введение

В мировой практике формирования расселения малые города играют значимую роль в связывании экономического пространства, поскольку они концентрируют на своей территории экономические и административные функции, исполнение которых обеспечивает жизнедеятельность не только непосредственно самих малых городов, но и окружающих и сельских территорий. Кроме того, именно в малых городах сохраняются культурное наследие и национальный колорит страны.

Как отмечают исследователи, малые города в России составляют около 2/3 всех городов страны и охватывают более 16 % городского населения. Именно уровнем их социально-экономического развития определяется благополучие граждан страны в целом, особенно ее сибирской и дальневосточной частей [1]. Однако тенденции развития малых городов противоречивы, а зачастую противоположны. В то время как одни, располагаясь вблизи крупных мегаполисов, представляют собой благополучные развивающиеся территории, другие, оставшись на периферии и / или утратив экономическую базу, постепенно теряют свое значение в системе расселения [2, 3]. Все это обостряет вопросы территориальной и, в более общем смысле, социальной справедливости в российском обществе [4].

Население малых городов вынуждено приспосабливаться к меняющимся условиям обитания в малых городах, связанным с изменением отраслевой структуры экономики данных территорий, а также уровнем развития сервисной и инфраструктурной составляющей, определяющей качество жизни. Успешность процесса адаптации населения к динамичным условиям социально-экономического развития малых городов можно оценить через изменение численности их населения («население голосует ногами»), когда прирост показателя показывает положительную адаптацию населения, а убыль — отрицательную (в виде миграционной убыли и / или вымирания населения). Безусловно, существует широкий круг исследований динамики численности населения малых городов в контексте пространственного развития регионов [5], демографического поведения населения [6, 7], урбанизационных и агломерационных процессов [8] и др. Однако новизна и оригинальность нашего исследования заключается в рассмотрении данного процесса в привязке к реализации адаптационного потенциала населения и определении перспектив развития малых городов региона.

Основная часть

На территории Свердловской области насчитывается 35 малых городов (с численностью населения до 50 тыс. чел.), в которых проживает около 23 % населения региона¹. Практически все малые города области представляют собой территории риска,

¹ Несмотря на то, что в исследовании идет речь о малых городах, в статистический анализ попали данные по муниципальным образованиям, включающим их в свой состав, поскольку показатели социально-экономического развития (кроме численности населения) агрегируются на уровне муниципалитетов и определить вклад непосредственно малого города не представляется возможным.

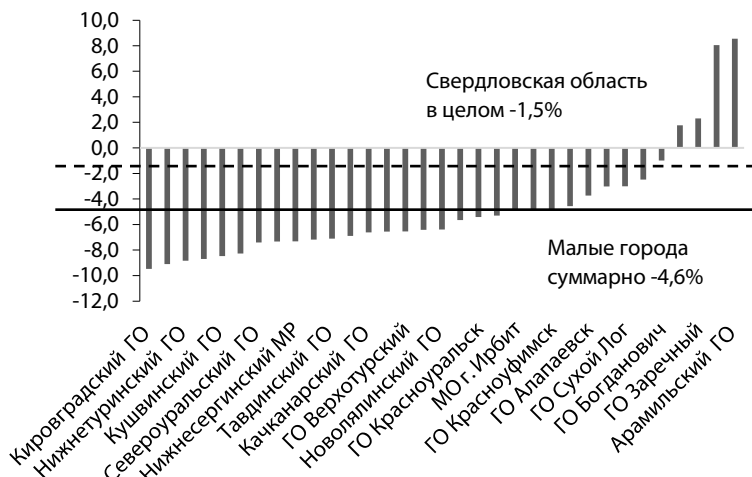

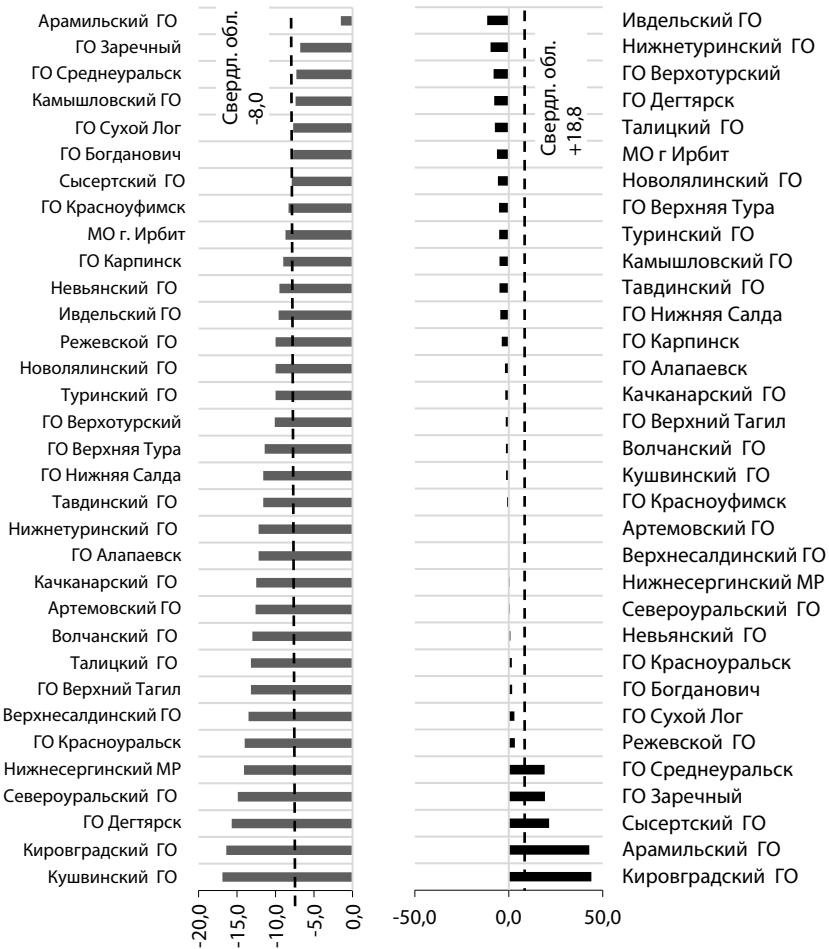
Рис. 1. Изменение численности населения малых городов Свердловской области за 2015–2021 гг., % к 2015 г. (источники: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 01.02.2023); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2022 года. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 01.02.2023))

находящиеся под влиянием комплекса неблагоприятных социально-экономических факторов, в первую очередь, монопрофильного характера их экономики. В результате в таких поселениях отмечаются такие негативные тенденции, как рост безработицы и резкое снижение возможности трудоустройства, низкий уровень социальной защиты высвобождаемых работников, рост социальной напряженности на территории. В условиях рынка монопрофильные города и поселки образуют наиболее уязвимую категорию поселений, постоянно находящуюся в зоне риска в силу односторонне развитой экономической базы. Все это снижает качество жизни населения в этих городах, формирует неблагоприятную социально-демографическую ситуацию и способствует оттоку населения в более благополучные территории, что в конечном итоге приводит к сокращению численности населения.

Таким образом, суммарное население малых городов области сокращается — в период 2015–2021 гг. убыль составила 49,5 тыс. чел., или 4,6 % (рис. 1).

Наиболее значительное сокращение численности населения малых городов (на 8–10 %) наблюдается в Кировграде, Верхнем Тагиле, Нижней Туре, Волчанске, Кушве, Ивделе, которые являются достаточно удаленными от Екатеринбурга (города-миллионника, административного центра региона) и практически не испытывают его агломерационного влияния. Вместе с тем в тех городах, которые входят в зону притяжения мегаполиса, наблюдается рост численности населения — это Сысерть, Заречный, Среднеуральск, Арамил, причем последние два уже практически сомкнулись с территорией Екатеринбурга и показывают динамику численности на уровне региональной столицы.

Источниками сокращения численности населения в малых городах становятся как естественная убыль, так и миграционный отток. При этом если естественная убыль населения характерна для всех малых городов региона (как и для области

а) естественный прирост на 1000 чел. б) миграционный прирост на 10000 чел.

Рис. 2. Динамика демографических процессов в малых городах Свердловской области в 2021 г. (источники: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 янв. 2016 г. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 01.02.2023); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 янв. 2022 г. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 01.02.2023))

в целом) и формируется преимущественно за счет высокой смертности, то направление и интенсивность миграционных потоков различны (рис. 2).

Миграционный отток формирует преимущественно молодое население — в возрасте от 20 до 24 лет и от 25 до 29 лет. Данное явление обусловлено множеством факторов, главными из которых являются более низкое качество жизни в малых городах и высокий уровень безработицы, вступающие в противоречие с потребностями молодежи в реализации своей способности к труду и стремлению к современному образу

Типология малых городов по видам адаптации населения

Тип территории	Демографические характеристики	Экономические характеристики	Количество малых городов
<i>1. Положительная (миграционный прирост)</i>			
1.1 Развивающиеся сервисные	Рождаемость выше среднего; смертность ниже среднего; низкая демографическая нагрузка; рост численности населения	Города первого пояса агломерации, аккумулирующие трудовые ресурсы мегаполиса; активное жилищное строительство; привлекательные рабочие места в мегаполисе и развитая социальная инфраструктура	4
<i>2. Отрицательная (миграционная убыль)</i>			
2.1 Промышленные	Невысокие темпы миграционной убыли; рождаемость выше среднего; высокий уровень смертности	Развивается промышленность, создаются рабочие места, относительно развитая социальная инфраструктура; это центры притяжения для окружающих сельских территорий	5
2.2 Депрессивные	Высокие темпы миграционной убыли; рождаемость выше среднего; высокий уровень смертности	Отдаленные территории с промышленностью устаревшими рабочими местами и некоторым количеством социальной инфраструктуры	14
2.3 Вымирающие	Высокие темпы миграционной убыли; низкий уровень рождаемости, сверхсмертность; высокая демографическая нагрузка	Территории с затухающей экономической и социальной активностью	10

Источник: сост. авторами.

жизни. Это значительно снижает перспективность данных поселений с точки зрения будущей демографической ситуации, провоцируя дальнейшее усиление естественной убыли населения на территориях, сокращение трудовых ресурсов и снижение темпов экономического развития.

Оценивая перспективы развития малых городов, проводим их типологию по сценариям адаптации населения, выраженного миграционным приростом (положительная адаптация) или миграционной убылью (отрицательная адаптация), с учетом специфики демографических и экономических процессов на рассматриваемых территориях (табл.).

В первую группу — развивающиеся сервисные — попали 4 малых города Свердловской области, входящие в первый пояс Екатеринбургской агломерации, демонстрирующие положительный сценарий адаптации (Арамилы, Заречный, Среднеуральск, Сысерть). В этих малых городах растет численность населения за счет высокого положительного миграционного прироста (более 19 на 10 000 чел.), формирующего более молодую структуру населения и обеспечивающего уровень рождаемости

выше среднеобластного уровня. Эти территории являются привлекательными для населения с точки зрения доступности мест приложения труда (региональная столица аккумулирует более 30 % рабочих мест области) и высокого уровня заработных плат (более 50 тыс. руб. в 2021 г., что на 5–10 % выше среднеобластного уровня). Приток населения обеспечивает социально-экономическое развитие и самих малых городов данной группы — здесь идет активное жилищное строительство, направленное на удовлетворение возникающего спроса, развивается сектор государственных и коммерческих социально значимых услуг (образовательных, медицинских, спортивно-оздоровительных, культурных и др.), растет малый бизнес сервисном секторе, удовлетворяющий запрос на формирование динамичного образа жизни современного городского жителя.

Отрицательный сценарий адаптации в виде миграционной убыли населения фиксируется в остальных 29 малых городах Свердловской области. Однако динамика демографических и социально-экономических процессов на этих территориях различается, что требует дополнительной типологизации — промышленные, депрессивные и высирающие территории.

Промышленные малые города (Богданович, Верхняя Салда, Красноуфимск, Невьянск, Сухой Лог) характеризуются незначительным миграционным притоком (0,2–3,0 на 10000 чел.) и естественной убылью населения на среднеобластном уровне в 2021 г., что обеспечивает достаточно медленное сокращение численности населения в них. При этом данные территории обладают развитой промышленностью, сохраняют и создают новые высококвалифицированные рабочие места с заработной платой на уровне среднерегionalного значения. Достаточно развитая социальная инфраструктура позволяет сохранять привлекательность данных малых городов для жизни за счет достаточно высокого уровня жизни, доступности социальных благ и меньшего уровня социального стресса по сравнению с крупным городом. Кроме того, данные территории выступают центрами притяжения для окружающих сельских территорий, обеспечивая потребности в товарах и услугах их населения, что в целом обеспечивает положительные социально-экономические перспективы развития промышленных малых городов.

Депрессивные малые города — это 14 отдаленных территорий региона со средним миграционным оттоком (от –7,4 до +0,6 на 10000 чел. населения; исключение составляет Кировград с выдающимся значением данного показателя в 2021 г. +44,0) и естественной убылью населения (от –7,4 до –16,9 на 1000 населения) в 2021 г. Несмотря на то, что здесь сохраняются отдельные промышленные предприятия, качество рабочих мест и заработная плата на них ниже, чем в среднем по области (40,8 тыс. руб., или 84 % от регионального уровня), что определенно отрицательно сказывается на доходах населения, а недостатки состояния социальной инфраструктуры (устаревшее оборудование, изношенные здания, нехватка квалифицированных специалистов) снижают качество жизни на этих территориях, стимулируя отток населения в более благополучные города как сценарий адаптации жителей.

Вымирающие малые города (15 ед.) характеризуются в 2021 г. активной миграционной убылью (от –1,5 до –11,4 на 10000 чел.), а также сверхсмертностью населения (более 17,7‰), низкой рождаемостью (менее 8,3‰) и высокой демографической нагрузкой (более 790 иждивенцев на 1000 чел. трудоспособного населения). Отсутствие рабочих мест (кроме бюджетной сферы), низкие доходы населения (в среднем заработная плата составляет 39,2 тыс. руб., или 80,6 % от регионального

уровня), деградирующая социальная инфраструктура — все это приводит к отрицательной адаптации населения, вынуждая жителей уезжать из малых городов данного типа в поисках лучшей жизни на иные территории региона или за его пределы. Социально-экономические перспективы данных малых городов при сохранении сложившейся ситуации достаточно печальны: ожидается дальнейшее активное сокращение численности населения вплоть до обезлюдивания, которое повлечет за собой опережающее сжатие социальной и экономической активности.

Заключение

Перспективы развития малых городов тесно связаны с теми стратегиями реализации их адаптационного потенциала, которые выбирает население этих территорий. Анализ статистических данных на примере малых городов Свердловской области о демографической и миграционной динамике позволил авторам предложить следующую типологию малых городов: (а) малые города с положительной адаптацией населения сконцентрированы вокруг активно развивающегося города-миллионника и поддерживающие его развитие; (б) малые города с отрицательной адаптацией населения представлены тремя группами территорий, значительно удаленных от региональной столицы. Полученные результаты могут быть использованы при разработке региональных и муниципальных стратегий социально-экономического и пространственного развития как научная основа для определения перспектив каждой территории и поиска соответствующих инструментов регулирующего воздействия.

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2021-2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021-2023, No. 0327-2021-0011 "Institutional models and factors of social and economic adaptation of the regional population in the context of the transition to dynamic development".

Список литературы

- [1] Макарова М. Н. Малые города в пространственной структуре размещения населения региона // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2017. № 2. С. 181-194. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.2.50.10>
- [2] Булдакова Н. Б. Проблемы и перспективы развития малых городов России // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2011. Вып. 1. С. 166-169.
- [3] Коломак Е. А. Развитие городской системы России: тенденции и факторы // Вопросы экономики. 2014. № 10. С. 82-96.
- [4] Клюев Н. Н., Яковенко Л. М. Территориальная справедливость // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. № 4. С. 16-27.
- [5] Никифорова Л. И. О роли малых городов в экономическом пространстве региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 3(87). С. 31-34.
- [6] Баймухаметова Г. Р. Состояние и тенденции развития социально-демографического развития населения малых городов Республики Башкортостан // Проблемы современной эко-

номики. Мат-лы I междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 162-168.

[7] *Симагин Ю. А.* Демографические проблемы малых городов России // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Мат-лы XIX нац. науч. конф. с междунар. участием. Вып. 15, ч. 1. Москва: ИНИОН, 2020. С. 764-768

[8] *Секушина И. А.* Урбанизация в России и значение малых и средних городов в развитии сельских территорий // Траектория науки. 2018. Т. 4, вып. 6. С. 2009-2016. <https://doi.org/10.22178/pos.37-4>

References

[1] *Makarova M. N.* Small towns in the spatial structure of regional population distribution // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. No. 2. P. 181-194. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.2.50.10>

[2] *Buldakova N. B.* Problems and prospects of development of small towns in Russia // Journal of Shadrinsky State Pedagogical Institute. 2011. No. 1. P. 166-169.

[3] *Kolomak E. A.* Development of Russian Urban System: Tendencies and Determinants // Voprosy ekonomiki. 2014. No. 10. P. 82-96.

[4] *Klyuev N. N., Yakovenko L. M.* Territorial justice // Problem Analysis and Public Administration Projection. 2010. No. 4. P. 16-27.

[5] *Nikiforova L. I.* The role of small towns in the economic space of the region // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2014. No. 3(87). P. 31-34.

[6] *Baymukhametov G. R.* The state and trends in the development of socio-demographic development of the population of small towns of the Republic of Bashkortostan // Problems of modern economy: materials of the I International Scientific Conference (Chelyabinsk, December 2011). Chelyabinsk: Two Komsomol members, 2011. P. 162-168.

[7] *Simagin Yu. A.* Demographic problems of small towns in Russia // Russia: trends and prospects of development: Yearbook. Materials of the XIX National Scientific Conference with international participation. Issue 15 Part 1. Moscow: INION, 2020. 794 p. P. 764-768

[8] *Seкушина И. А.* Urbanization in Russia and the Importance of Small and Medium-sized Cities in the Development of Rural Areas // Path of science. 2018. Vol. 4, No. 6. P. 2009-2016. <https://doi.org/10.22178/pos.37-4>

Информация об авторах

Козлова Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: kozlova.aa@uiec.ru).

Макарова Мария Никитична — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0001-6144-6178> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: makarova.mn@uiec.ru).

Пышминцева Ольга Александровна — младший научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: pyshmintseva.oo@uiec.ru)

About the authors

Olga A. Kozlova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: kozlova.oa@uiec.ru).

Mariya N. Makarova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-6144-6178> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: makarova.mn@uiec.ru).

Olga A. Pyshmintseva — Research Assistant, Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: pyshmintseva.oa@uiec.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-12>

УДК 331. 575

JEL classification: J01, 21, 24, O15

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА И РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН¹

Х. Х. Мамадалиева, Б. Б. Алимухамедов

Институт исследования рынка труда при Министерстве занятости и сокращения бедности
Республики Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан)

Автор для корреспонденции: Х. Х. Мамадалиева (mhafiza@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены современные тенденции на рынке труда и рынке образовательных услуг Республики Узбекистан, демографический аспект развития образования в республике и рост спроса на высококвалифицированную рабочую силу, а также зависимость устойчивого развития экономики от наличия в стране достаточного количества высококвалифицированных кадров. Сделан анализ сложившегося несоответствия рынка образовательных услуг требованиям рынка труда в современном Узбекистане. Кроме того, авторами рассмотрены особенности функционирования рынков труда и образовательных услуг и определены проблемы их взаимодействия. При изучении рынка труда Узбекистана определены факторы, влияющие на него, и показано их проявление на практике с точки зрения демографических процессов на рынке труда и рынке образовательных услуг. Сделаны общие выводы и разработаны предложения.

Ключевые слова: рынок труда; рынок образовательных услуг; демографическая ситуация; занятость, экономическое развитие

Development of the Labour Market and Educational Services Market in the Republic of Uzbekistan: Demographic Aspect

Kh. Kh. Mamadalieva, B. B. Alimukhamedov

Labor Market Research Institute under the Ministry of Employment and Poverty Reduction
of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Corresponding author: Kh. Kh. Mamadalieva (mhafiza@mail.ru)

Abstract. The article considers current trends in the labour market and educational services market in the Republic of Uzbekistan, demographic aspect of the development of education in the republic and the growing demand for a highly skilled workforce. The dependence of the sustainable economic development on the availability of highly qualified personnel in the country is examined. The current discrepancy between the educational services market and the requirements of the labour market in modern Uzbekistan is investigated. In addition, the study analyses features of the functioning of the labour market and educational services market and identifies the problems of their interaction. When studying the labour market of Uzbekistan, the factors influencing it were determined and their practical manifestations were shown in terms of demographic processes in the labour market and educational services market. General conclusions were made and relevant proposals were developed.

Keywords: labour market; educational services market; demographic situation; employment, economic development

Введение

Одной из приоритетных задач для Узбекистана, как и для большинства стран в мире, является устойчивое развитие экономики, при этом одним из основных критериев

¹ © Мамадалиева Х. Х., Алимухамедов Б. Б. Текст. 2023.

успеха для достижения данной задачи является наличие в стране достаточного количества высококвалифицированных кадров, отвечающих потребностям работодателей. Это подтверждается тем, что в XX в. мировой рост ВВП обеспечили всего 25 стран, в которых более 25 % от всего занятого населения — специалисты самой высокой квалификации, способные выполнять аналитическую работу и самостоятельно принимать решения в условиях неопределенности.

Узбекистан поставил перед собой задачу вхождения в число развитых стран мира, и поэтому вопрос подготовки для рынка труда высококвалифицированных специалистов, способствующих экономическому росту страны, сегодня является одним из наиболее актуальных. На протяжении многих лет в республике проблемным остается вопрос сбалансированности спроса и предложения на конкретные рабочие места, особенно высококвалифицированных рабочих профессий. На рынке труда при высоком уровне нуждающихся в трудоустройстве остаются вакантными рабочие места по многим видам рабочих профессий. Нерешенными остаются вопросы рынка образовательных услуг по перепрофилированию, переобучению и переподготовке рабочих кадров и специалистов.

В период социально-экономической трансформации как никогда возрастает роль образования в обществе. Оно становится ключевым фактором развития как материального, так и духовного производства. Вместе с тем усиливаются социальные функции образования, когда знания становятся залогом благосостояния личности. Сфера образования является одним из основных факторов потенциального экономического роста страны и, безусловно, актуальной задачей представляется использование рыночных возможностей.

Повышение уровня развития компетенций и профессиональных навыков, реформирование системы образования, повышение качества образования — задачи, входящие в число приоритетных направлений политики Узбекистана, как и большинства стран мира. Особую озабоченность вызывает проблема улучшения взаимодействия систем образования и подготовки кадров, с одной стороны, и национальных и глобальных рынков труда — с другой.

Обзор литературы

С точки зрения изучения взаимосвязи рынка труда и рынка образовательных услуг в мировой экономической науке были выработаны различные теоретические и методологические подходы к данным вопросам. В содержательном отношении теория человеческого капитала позволяет не только объяснить инвестиционные аспекты поведения людей на рынке труда и проблемы распределения доходов и экономического неравенства, но и уяснить значение образования как в экономическом росте общества, так и в решении многих социально-экономических проблем [1].

Исследование социально-экономических процессов на рынке образовательных услуг связано с концепцией человеческого капитала, начало которой было положено в конце 50-х начале 60-х гг. XX в. в трудах представителей чикагской школы Г. Беккера и Т. Шульца [2]. Согласно Г. Беккеру (1964), при принятии решений о вложении средств в образование учащиеся и их родители сопоставляют ожидаемую предельную норму отдачи от таких вложений с доходностью альтернативных инвестиций [3]. Теоретико-методологическим основам рынка труда много внимания уделено в работах российских ученых Л. П. Киян, А. Котляра, а проблемы регулирования данного рынка рассматриваются в работах И. Заславского, В. Костакова [4, с. 39], а также в работах

узбекских ученых К. Абдурахманова, Н. Закировой, Ш. Кутбиева и др [5]. Основы изучения взаимосвязи образования и экономики были заложены в трудах основателей и классиков социологической науки. Так, П. А. Сорокин определил механизм функционирования профессионального отбора: первоначально на уровне института образования и уже затем на уровне института профессии [6].

Результаты

Актуальные вопросы рынка труда и рынка образования в современном Узбекистане

Демографические процессы в Узбекистане оказывают непосредственное влияние на социально-экономическое развитие страны и ее регионов, в том числе на рынок труда, сферу занятости и безработицу, вызывая необходимость их учета в разработке и реализации соответствующей государственной политики, особенно в перспективе.

Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев в числе самых важных и актуальных вопросов, требующих обязательного внимания, отметил, что «население Узбекистана достигло 35 миллионов человек, а к 2026 году, по прогнозам, оно превысит 38 миллионов. Ежегодно на рынок труда приходит не менее 600 тысяч молодых людей. Такой демографический рост является и возможностью, и очень большой ответственностью. В этой связи важное значение имеет определение актуальных вопросов рынка труда в связи с изменением в перспективе численности населения, их качественного развития, создание рабочих мест, обеспечение занятости населения, развитие системы подготовки и переподготовки кадров, организация внешней трудовой миграции, совершенствование инфраструктуры рынка труда»¹. Сущность отношений взаимодействия рынка образовательных услуг и рынка труда определяется содержанием и результатами инвестиций в человеческий капитал. Эффективное развитие человеческого капитала становится основным условием национальной конкурентоспособности.

Сегодня для Узбекистана серьезной проблемой является несоответствие системы образования потребностям экономики. Согласно исследованию Всемирного банка, 35 % компаний Узбекистана сталкиваются с трудностями при поиске квалифицированных специалистов с высшим образованием. Дефицит достигает почти 50 % на промышленных предприятиях. Основной причиной затруднения, как сообщают работодатели, является «недостаточное количество специалистов» на рынке труда².

О недостаточном финансировании, недостаточной доступности высшего образования для молодежи, слабом развитии вузовской науки, относительно низком уровне вузовской профессиональной подготовки свидетельствуют относительно низкие оценки молодых специалистов в местах их трудоустройства, недостаточные профессиональные знания и навыки самостоятельной работы, полученные в процессе обучения. Сохраняется недостаточный уровень научного потенциала педагогов, работающих в высшей школе республики, в структуре педагогического состава доля кадров высшей квалификации (кандидатов и докторов наук) составляет лишь 37,9 %, остальные 62,1 % — это преподаватели, не имеющие ученых степеней. Тенденцией

¹ Выступление Президента Республики Узбекистан на X съезде УзЛиДеП 9 сентября 2021 г. <https://uz.sputniknews.ru> (дата обращения: 05.02.2023).

² Латипов Ш. Проблемы образования и пути решения — в проекте стратегии инновационного развития. <https://www.gazeta.uz/ru/2018/07/13/education-strategy/> (дата обращения: 05.02.2023).

последних лет является старение научно-педагогических кадров, имеющих ученые степени и звания при одновременном сокращении притока молодежи.

Проблема занятости быстро растущего трудоспособного населения республики продолжает оставаться наиболее острой из социально-экономических проблем, затрагивающей значительную часть экономически активного населения и семей.

Высокое давление демографической нагрузки на экономику в стране на протяжении многих десятилетий привело к серьезным структурным диспропорциям как в самой экономике, так и в структуре занятости населения по видам экономической деятельности. Значительная часть экономически активного населения занята в трудоемких, низкоэффективных отраслях и сферах экономики, не требующих высокой квалификации работников. Так, традиционными сферами занятости остаются сельское хозяйство, строительство, торговля, перевозка и хранение. На их долю приходится в среднем 52,0 % всех занятых в экономике страны. При этом часть промышленного персонала также трудится в трудоемких отраслях — хлопкообработывающей, текстильной и пищевой промышленности, промышленности строительных материалов и др.

Демографический аспект развития образования в Узбекистане

В Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 г. приоритетное внимание уделяется развитию человеческого капитала, повышению качества образования и подготовке высококвалифицированных кадров. Глава нашего государства в своем недавнем Послании Олий Мажлису и народу страны подчеркнул: «Повышение качества образования — единственно правильный путь развития Нового Узбекистана». Статистические данные позволяют выявить взаимосвязь показателей экономического роста страны и показателей уровня образования: благодаря избытку высококвалифицированных специалистов, Сингапур занимает первое место в индексе человеческого капитала, составленном Всемирным банком, а в индексе человеческого развития ООН — 14-е место, в Израиле высококвалифицированные кадры составляют более 50 %, в РФ — 44 %, Сингапуре и Египте 34 % и 1 % в Гвинее¹. В Узбекистане данный показатель находится на уровне 28 %, в 2016 г. он был равен 9 %².

В условиях Узбекистана с позиций демографических аспектов развития системы образования важно учитывать численность молодежи, то есть населения в возрасте 16–30 лет. Данная когорта формирует основные демографические показатели, прежде всего рождаемость, брачность, естественный прирост, трудовую миграцию населения. Кроме этого, население в возрасте 16–30 лет является основным контингентом, охватываемым системой образования.

В последние годы в системе высшего образования республики произошли значительные преобразования. По сравнению с 2015 г. число вузов возросло почти в 2 раза, улучшилось их территориальное размещение, расширился охват молодых людей высшим образованием, восстанавливается заочная форма обучения, сократились учебная и непрофильная нагрузки на профессорско-преподавательский состав, расширились международные возможности обучения и повышения квалификации.

¹ World Trade Report 2017. Labour market outcomes: trends and analytical framework. 2017. с. 42. https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/ (дата обращения: 05.02.2023).

² Данные государственного Комитета по статистике республики Узбекистан. <https://isrs.uz/ru/smti-ekspertlari-sharhlari/> (дата обращения: 05.02.2023).

Узбекистан включается в мировую экономику и в мировое сообщество, выходит на мировые рынки. Расширяется экономическое и деловое партнерство с зарубежными странами. Увеличивается число молодых людей, поработавших на предприятиях со сложным производством, в иностранных фирмах, расположенных на территории республики. Многие из них проходят стажировку за рубежом через совместные предприятия и соответствующие государственные структуры, овладевают иностранными языками. В 2018 г. 33 159 студентов из Узбекистана обучались за рубежом с коэффициентом мобильности 11,8 %. Из них 19 893 студента (60 %) обучались в России, 3 768 (11,4 %) — в Казахстане, 2 022 (6,1 %) — на Украине, 1 074 (3,2 %) — в Южной Корее и 1 025 (3,1 %) — в Латвии.

По данным исследования причин, препятствующих получению образования в желаемой стране, 35 % респондентов указали, что стоимость обучения и проживания в ней слишком высокая, тогда как 32 % указали в качестве главной причины незнание соответствующего иностранного языка [7]. Поэтому такие страны, как Россия, Украина или Беларусь, являются естественным выбором для многих студентов из Центральной Азии из-за относительно низкой стоимости обучения и русского языка обучения. Качество образования и возможности на рынке труда, особенно в России, зачастую оказываются более привлекательными, чем в родной стране.

До 2018 г. развитие профессионального образования в Узбекистане осуществлялось в рамках системы 9 + 3, то есть обязательного обучения в общеобразовательных школах и в дальнейшем — в академических лицеях, профессиональных колледжах, вузах, на производстве. Данная система была сформирована в целях решения проблемы дальнейшего обучения и трудоустройства большого числа выпускников, получивших девятилетнее общее среднее образование, но не имевших профессиональной квалификации. Среднее специальное, профессиональное образование (СПО) было обязательным продолжением общего 9-летнего среднего образования, длилось 3 года и осуществлялось в академических лицеях и профессиональных колледжах. Подготовка специалистов велась по 6 направлениям, более чем 240 профессиям, 700 специальностям для отраслей производства и технологий, социальной сферы, гуманитарных наук, культуры и искусства [8].

Указом от 25 января 2018 г. Президент Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию системы общего среднего, среднего специального и профессионального образования» с 2018/2019 учебного года обязательное общее среднее образование осуществляется на базе непрерывного и бесплатного 11-летнего цикла. С введением 11-летнего среднего образования путем интеграции общеобразовательных школ и профессиональных учебных заведений система профессионального образования кардинально изменилась. Во-первых, среднее специальное профессиональное образование перестало быть обязательным и учащиеся могут начинать трудовую деятельность после 11 класса, то есть после получения общего среднего образования. Во-вторых, продолжительность обучения в колледжах сократилась до 6–24 месяцев, в зависимости от профессиональных навыков, необходимых для конкретной профессии. В системе общего среднего образования республики внедрено начальное профессиональное образование, в профессиональных колледжах и общеобразовательных школах образовано 1748 учебно-производственных комплексов по 51 наименованию рабочих профессий.

При анализе молодежного рынка труда по уровню образования выяснилось, что 13,9 % из них имеют высшее образование, 60,2 % — средне-специальное, 25,9 %

— среднее. Видно, что на молодежном рынке труда конкуренция между лицами со средним специальным образованием выше, чем с высшим, и спрос на рабочие места выше. По прогнозным расчетам, их численность в целом по Узбекистану составляет 8,6 млн чел. (в 2020 г.), к 2040 г. она превысит 9,9 млн чел., затем начнет снижаться и достигнет к 2050 г. 9,0 млн чел., что на 362,4 тыс. чел. (или 4,2 %) больше, чем в 2020 г.¹

В Узбекистане в сфере высшего образования в настоящее время функционируют 127 вузов, включая 107 отечественных и 20 зарубежных, в них обучаются 571,5 тыс. студентов. Приоритетные прогнозные направления реформирования этой системы определены в Концепции развития системы высшего образования до 2030 года, утвержденной Президентом Республики Узбекистан 8 октября 2019 г. Среди них поднятие на качественно новый уровень подготовки высококвалифицированных кадров, обладающих современными знаниями и высокими духовно-моральными качествами, независимым мышлением, модернизация высшего образования, стратегические задачи по развитию социальной сферы и отраслей экономики, основанных на передовых образовательных технологиях, увеличение охвата выпускников с высшим образованием более чем в 2 раза, значительный рост числа негосударственных вузов и другие, всего по 70 целевым показателям².

Особенности и тенденции развития рынка труда в Узбекистане

Рынок труда Узбекистана ежегодно формируется в основном за счет выпускников профессиональных колледжей и вузов. В среднем общеобразовательные школы, лицеи и профессиональные колледжи выпускают на рынок труда ежегодно 450 тыс. специалистов, высшие учебные заведения — 100 тыс. специалистов. На конец 2021 г. коэффициент концентрации на рынке труда по республике составил 2,7. Это говорит о том, что уровень напряженности высокий, т. е. численность резюме, ищущих работу, почти в 3 раза превышает число имеющихся вакансий³.

Развитие рынка труда в Узбекистане происходит под влиянием целого комплекса процессов — демографических, экономических, социальных, организационных, и за последние 30 лет (1992–2022 гг.) характеризуется следующими особенностями и тенденциями. Кардинально изменились пропорции распределения рабочей силы между государственным и негосударственным сектором. Если в 1992 г. это соотношение составляло 58 % на 42 %, то в настоящее время оно составляет 17 % на 83 %, что обеспечило рыночные механизмы в сфере занятости. Произошли существенные сдвиги в отраслевой структуре занятости. Численность работающих в сельском хозяйстве, аккумулировавшем в начале 1990-х гг. свыше 40 % от общего числа занятых, к настоящему времени сократилась до 27 %. Значимый рост занятости отмечается в сфере услуг с 36 % до 50 %, а также в строительстве — с 8,2 % до 9,5 %.

¹ Анализ формирования спроса на рынке труда Узбекистана в разрезе отраслей и специальностей. <https://ifmr.uz/publications> (дата обращения: 05.02.2023).

² Высшее образование: проблемы и их решения. <https://uza.uz/ru/posts/vysshee-obrazovanie-problemy-i-ikh-resheniya-06-10-2020> (дата обращения: 05.02.2023).

³ На пути к процветающему и инклюзивному будущему. Узбекистан: Вторая систематическая диагностика страны, Апрель 2022. С. 7-8, С. 26-27, С. 37. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099242105192220964/pdf/IDU0758ddc1d080600405008fee0f9bb83305e7d.pdf> (дата обращения: 05.02.2023).

Внедряются новые, эффективные формы занятости, формируются позитивные характеристики рынка труда. Это — государственный заказ на создание рабочих мест в увязке с государственным заказом на подготовку кадров, формирование малых промышленных и свободных экономических зон, образование кластеров в сельском хозяйстве и других отраслях; адресное трудоустройство, стимулирование легальной самозанятости и трудовой миграции, наличие различных фондов, предусматривающих создание рабочих мест и развитие предпринимательства и др. В 2020–2021 гг. принят ряд принципиально важных мер по поддержанию занятости и защите безработных в условиях пандемии COVID-19.

Система профессионального обучения и переподготовки рабочей силы переориентируется на потребности рынка труда. Совершенствуется инфраструктура рынка труда, услуги на котором оказывают населению и работодателям не только центры содействия занятости. В соответствии с постановлением Президента Республики Узбекистан от 21 сентября 2022 г. №ПП-376 в 2022–2024 гг. в районах и городах образуются 1595 центров обеспечения занятости и укрепления здоровья женщин в махаллях, в которых будет оказываться содействие в организации швейного, кондитерского дела, фитнеса, шейпинга, обучение женщин профессиям, выделяться средства на создание рабочих мест и развитие предпринимательства.

Вместе с тем на рынке труда, в сфере занятости и безработицы имеется ряд недостатков и системных проблем. По оценкам Всемирного банка, низкие темпы роста занятости и заработных плат остаются в числе насущных проблем развития Узбекистана. Потребность в рабочих местах значительно больше фактически создаваемого их количества. С 2010 г. около двух третей экономического роста генерировалось путем роста экспорта сырьевой продукции, например, золота и природного газа. Доля труда в национальном доходе Узбекистана составляет (2017 г.) не более 41 %, создание рабочих мест обеспечивает лишь 6 % от общего роста ВВП на душу населения.

В 2019 г. число созданных рабочих мест (1,1 млн, включая неформальный сектор) было на 200 000 меньше, чем прирост рабочей силы. Более 4,3 млн чел. (22 % трудоспособного населения) являются экономически неактивными (то есть не работают по причине учебы, рождения ребенка и не ищут работу) в связи с ограниченным числом (недостатком) рабочих мест. В 1996–2016 гг. наблюдалось снижение занятости и числа создаваемых рабочих мест в трудоемких отраслях, таких как производство текстиля, одежды и кожаных изделий, переработка пищевой продукции¹. При этом инвестиции непропорциональным образом направляются в отрасли, где создается мало рабочих мест (добывающая и обрабатывающая промышленность).

Такое положение приводит к нарушению сбалансированности спроса и предложения рабочей силы, накоплению потенциала безработицы в отдельных районах и городах республики, росту неформальной занятости и нелегальной трудовой миграции. По итогам 2021 г. уровень безработицы превысил 9,4 % численности экономически активного населения. Остается высокой безработица среди молодежи (14,9 %) и женщин (12,8 %).

Из общего числа 13,6 млн занятых более 5,7 млн чел. (43 %) работают неформально, без заключения трудовых договоров. За 2010–2020 гг. их численность увеличилась

¹На пути к процветающему и инклюзивному будущему. Узбекистан: Вторая систематическая диагностика страны, Апрель 2022. С. 7-8, С. 26-27, С. 37. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099242105192220964/pdf/IDU0758ddc1d080600405008fee0f9bb83305e7d.pdf> (дата обращения: 05.02.2023).

на 1,6 млн чел., или 40 %. Неформальная занятость в основном (60 %) распространена в сельском хозяйстве, торговле и строительстве.

Таким образом, на рынке труда, наряду с мерами по трансформации неформальной занятости в защищенную сферу трудовых отношений, необходимо осуществление активной политики, включая существенный рост числа создаваемых рабочих мест, развитие эффективных форм трудоустройства населения, увеличение масштабов профессионального обучения, переподготовки и повышения квалификации безработных и др., с учетом международного опыта.

Заключение

Создание современной и активной системы рынка труда является важной задачей осуществляемых в нашей республике экономических реформ. В данном процессе две влияющие основные группы факторов — демографические и социально-экономические. Если демографические факторы дают возможность определения количества трудоспособного населения в определенный период, то анализ социально-экономических факторов служит основой вывода, что пополнение рынка труда в период рыночных реформ осуществляется за счет двух основных источников. Если первый связан с освобождением излишней рабочей силы в некоторых отраслях экономики страны, то второй — с наличием нетрудоустроенного населения. Если подойти к современной ситуации рынка труда, используя метод научной абстракции, то можно использовать демографический фактор как основной фактор, влияющий на него [9]. Зависимость между уровнем экономического развития страны и уровнем квалификации на рынке труда объясняет повышенный интерес к развитию программ образования во всех развитых и быстро развивающихся странах.

В Послании Президента Республики Узбекистан Олий Мажлису от 24 января 2020 г. борьба с бедностью была определена в качестве приоритетной цели. Впервые в республике было официально признано на высшем уровне наличие проблемы бедности в Узбекистане. Тогда Президентом Республики было отмечено, что «снижение бедности требует реализации комплексной экономической и социальной политики — от стимулирования предпринимательской активности до мобилизации способностей и потенциала населения, создания новых рабочих мест» и был взят курс на борьбу с бедностью и ее сокращение¹.

Среди факторов, способствующих снижению бедности и обеспечению равенства, — улучшение взаимодействия систем образования и подготовки кадров, с одной стороны, и национальных и глобальных рынков труда — с другой.

В Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг., в программе мер по реализации в Узбекистане Целей устойчивого развития определены радикальные преобразования экономической системы Республики Узбекистан, где приоритетными вопросами стали становление и развитие рынка труда, подготовки и качеству рабочей силы и ее профессионально-квалификационному составу, реформирования образовательной сферы как основного звена системы воспроизводства трудовых ресурсов.

Произошли значимые изменения в сфере занятости, трудовых отношений, в частности, по предотвращению принудительного и детского труда, привлечению

¹ Узбекистан априори избрал модель государственной политики, соответствующей концепции социальной справедливости. Почему так произошло? <https://review.uz/post/socialnaya-podderjka-v-borbe-s-bednostyu> (дата обращения: 05.02.2023).

граждан к предпринимательству, подготовке конкурентоспособных кадров и другие. Создана и развивается законодательная база развития рынка труда, Олий Мажлисом Республики Узбекистан приняты в новой редакции Закон о занятости населения прямого действия, в котором определены основные направления государственной политики в области занятости населения, порядок оказания услуг лицам, ищущим работу, гарантии по трудоустройству, механизмы профессионального обучения безработных, предусмотрено внедрение национальной системы профессиональных квалификаций и компетенций, развитие инфраструктуры рынка труда, установлены условия трудовой деятельности граждан за рубежом, и новый Трудовой кодекс, содержащий нормы эффективного функционирования рынка труда, обеспечения защиты прав и интересов работников и работодателей и др.

Это, в свою очередь, создает широкие возможности для дальнейшего развития экономики нашей республики, находящей достойное место в мировом сообществе, создания новых современных производственных отраслей, производства качественной и конкурентоспособной продукции для внутреннего и внешнего рынков.

Список источников

[1] Рынок труда и рынок образовательных услуг в субъектах Российской Федерации / В. Н. Васильев, В. А. Гуртов, Е. А. Питухин, Л. М. Серова, С. В. Сигова, М. Н. Рудаков, М. В. Суоров. Москва: Техносфера, 2007. 680 с.

[2] *Schultz T.* Investment in human capital // *American econ. rev.* Pittsburgh, 1961. Vol. 51, № 1. P. 1-17.

[3] *Becker G.* Human capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education. New York: National bureau of economic research, 1964. 187 p.

[4] *Костаков В.* Проблемы формирования рынка труда // *Экономика и математические методы.* 1995. № 5. С. 39-46.

[5] *Абдурахманов К. Х., Закирова Н. К.* Новые тенденции в экономической науке и образовании (второй цикл издания). Итоги I этапа Стратегического плана науч.-иссл. работы кафедр. Ташкент: Ташкентский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. 185 с.

[6] *Сорокин П. А.* Система социологии. В 2 т. Т. 2 Социальная аналитика. Учение о строении сложных социальных агрегатов. Москва: Наука, 1993. 688 с.

[7] *Кадилова З.* Миграция через образование // *Экономическое обозрение.* 2019. № 11. <https://review.uz/post/migracia-cerez-obrazovanie> (дата обращения: 05.02.2023).

[8] *Максакова Л. П.* Развитие образование в Узбекистане // *Перспективы демографического развития Республики Узбекистан на период 2018–2050 гг.* Ташкент, 2019. 63 с.

[9] *Худайбердиев Э. Р.* Рынок труда Республики Узбекистан: теоретико-практические и демографические вопросы // *Проблемы современной экономики.* 2019. № 1(69). С. 170-173.

References

[1] The labor market and the market of educational services in the constituent entities of the Russian Federation / V. N. Vasiliev, V. A. Gurtov, E. A. Pitukhin, L. M. Serova, S. V. Sigova, M. N. Rudakov, M. V. Surovov. M., 2007 680 p.

[2] *Schultz T.* Investment in human capital // *The American Economic Review.* 1961. Vol. 51. No. 1. P. 1-17.

[3] *Becker G.* Human capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education. New York: National bureau of economic research, 1964. 187 p.

[4] *Kostakov V.* Problems of formation of the labor market // *Economics and Mathematical Methods*. 1995. No. 5. P. 39-46.

[5] *Abdurakhmanov K. Kh. Zakirova N. K.* New trends in economics and education (second cycle edition). Results of the I stage of the Strategic plan for the research work of the departments: Monograph. Tashkent branch of PRUE G. V. Plekhanova, 2016. 185 p.

[6] *Sorokin P. A.* System of sociology. In 2 vols. V.2 Social analytics. The doctrine of the structure of complex social aggregates. M., 1993. 668 p.

[7] *Kadyrova Z.* Migration through education // *Economic Review*. 2019. No. 11. <https://review.uz/post/migracia-cerez-obrazovanie> (accessed on: 05.02.2023).

[8] *Maksakova L. P.* Development of education in Uzbekistan // *Demographic prospects of the Republic of Uzbekistan for the period 2018-2050*. Tashkent, 2019. 63 p.

[9] *Khudaiberdiev E. R.* Labor market in the Republic of Uzbekistan: theoretical, practical and demographic issues // *Problems of modern economics*. 2019. No. 1(69). P. 170-173.

Информация об авторах

Мамадалиева Хафиза Холдаровна — доктор экономических наук, первый заместитель директора Института исследования рынка труда при Министерстве занятости и сокращения бедности Республики Узбекистан (Республика Узбекистан, 100095, г. Ташкент; e-mail: mhafiza@mail.ru)

Алимухамедов Батир Бакиевич — заведующий отделом по развитию трудовых отношений и оплаты труда Института исследования рынка труда при Министерстве занятости и сокращения бедности Республики Узбекистан (Республика Узбекистан, 100095, г. Ташкент).

About the authors

Khafiza Kh. Mamadalieva — Dr. Sci. (Econ.), First Deputy Director of the Labor Market Research Institute under the Ministry of Employment and Poverty Reduction of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, 100095, Republic of Uzbekistan; e-mail: mhafiza@mail.ru).

Batir B. Alimukhamedov — Head of the Department for the Development of Labor Relations and Remuneration, Labor Market Research Institute under the Ministry of Employment and Poverty Reduction of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, 100095, Republic of Uzbekistan).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-13>

УДК 331.5

JEL classification: J01, J11, J24

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ¹

Ю. А. Масалова

Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-5298-5743>

Автор для корреспонденции: Ю. А. Масалова (ymasalova@yandex.ru)

Аннотация. *Качество человеческих ресурсов, определяемое как степень, с которой совокупность их характеристик соответствует требованиям, складывающимся в процессе формирования конкурентных преимуществ различных систем, на государственном уровне требует учета демографических детерминант. Предметом исследования выступают качественные характеристики человеческих ресурсов в масштабе страны. Целью статьи является оценка качества человеческих ресурсов в России на основе исследования демографических характеристик населения. Гипотеза исследования состоит в том, что демографические проблемы приводят к снижению качества человеческих ресурсов. Методология исследования базируется на анализе статистических данных, сравнении и синтезе. Проведенный анализ данных позволил выявить связь между наличием демографических проблем и снижением качества человеческих ресурсов. Исследование демографических детерминант важно для формирования эффективной политики в стране на основе учета ключевых параметров качества, таких как воспроизводственный потенциал, продолжительность жизни, образовательный уровень и т. д. На государственном уровне требуется создание благоприятных условий для обеспечения качества человеческих ресурсов страны.*

Ключевые слова: воспроизводство человеческих ресурсов; демографические характеристики; качество человеческих ресурсов

Demographic Determinants of the Quality of Human Resources

Yu. A. Masalova

Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia)

<https://orcid.org/0000-0001-5298-5743>

Corresponding author: Yu. A. Masalova (ymasalova@yandex.ru)

Abstract. *The quality of human resources, defined as the degree to which the totality of their characteristics meets the requirements emerging in the process of forming the competitive advantages of various systems, requires considering demographic determinants at the state level. The research examines qualitative characteristics of human resources on a national scale. The purpose of the article is to assess the quality of human resources in Russia based on a study of the demographic characteristics of the population. It is hypothesised that demographic problems lead to a decrease in the quality of human resources. The research methodology is based on the analysis of statistical data, comparison and synthesis. The analysis of the data revealed the relationship between the presence of demographic problems and the decline in the quality of human resources. The study of demographic determinants is important for the establishment of an effective policy in the country based on key quality parameters, such as reproductive potential, life expectancy, educational level, etc. At the state level, it is required to create favourable conditions to ensure the quality of the country's human resources.*

Keywords: reproduction of human resources; demographic characteristics; quality of human resources

¹ © Масалова Ю. А. Текст. 2023.

Введение

Качество человеческих ресурсов обусловлено различными детерминантами в зависимости от уровня их рассмотрения. Сама категория «человеческие ресурсы» используется как на макроуровне, когда речь идет о ресурсах в масштабах страны (государства) или общества в целом, так и на микроуровне. Микроуровень предполагает, что человеческие ресурсы рассматриваются в рамках организаций и их объединений, а также можно говорить о человеческом ресурсе, которым обладает конкретный индивид. Таким образом, человеческие ресурсы выступают важнейшими элементами таких социально-экономических систем, как государство, организация, человек. Каждая из этих систем в условиях рыночных отношений и характерных для них конкурентных условий функционирования стремится к тому, чтобы сформировать преимущества перед другими аналогичными системами. Возникает необходимость в повышении качества человеческих ресурсов, которое достигается за счет обеспечения их соответствия требованиям, складывающимся как во внешней, так и во внутренней среде указанных выше систем.

В данной статье остановимся на оценке качества человеческих ресурсов страны, выдвигая гипотезу, предполагающую, что наличие демографических проблем способствует снижению качества. А следовательно, для обеспечения требуемого качества необходимо акцентировать внимание на демографических детерминантах, разрабатывая соответствующую государственную политику.

Для начала следует определить, какие характеристики человеческих ресурсов отражают их качество в масштабах страны. Это предполагает определение конкурентных преимуществ, которые формируют страны для привлечения и удержания качественных человеческих ресурсов на своей территории. Сравнение стран происходит на основе таких показателей, как индекс человеческого развития и индекс человеческого капитала, которые взаимодополняют друг друга. Таким образом, конкурентоспособность страны как системы обеспечивается за счет формирования высокого качества жизни населения и экономического роста, который достигается за счет инвестиций в социальную сферу.

С одной стороны, рост валового национального дохода характеризует уровень благосостояния населения, а с другой стороны, он достигается за счет задействованных в экономике человеческих ресурсов, которые должны обеспечивать развитие и процветание общества, благодаря проявлению особых качественных характеристик, к которым можно отнести способность к воспроизводству, продолжительность жизни, образовательный уровень, доход и т. д. Все эти характеристики имеют связь с демографией, которая изучает закономерности воспроизводства населения, его распределение и динамику данных процессов. Следовательно, можно сделать вывод, что именно демографические детерминанты определяют качество человеческих ресурсов на государственном уровне, оказывают влияние на уровень качества: высокий, средний и низкий.

Исследование качественных характеристик человеческих ресурсов

В научной литературе уделяется большое внимание человеческим ресурсам как источнику благосостояния общества и драйверу экономического развития. К концу XX в. было признано, что главным фактором конкурентоспособности страны является именно человеческий ресурс, поэтому все больше исследователей акцентируют внимание не столько на количественных, сколько на качественных характеристиках человеческих ресурсов.

Качество человеческих ресурсов в масштабах страны рассматривали в своих работах Р. Сейнер, О. Н. Лескина, С. С. Жук, С. С. Стуканова, А. А. Мальцев, А. О. Фечина, М. С. Башлаева, А. Т. Аджигеримова и др. Авторы отмечают влияние качества человеческих ресурсов на конкурентные преимущества и инновационное развитие России, акцентируют внимание на конкретных показателях, характеризующих качество и т. д. К качественным характеристикам человеческих ресурсов отечественные исследователи относят не только уровень знаний, но и состояние здоровья, так как это позволяет наращивать качество за счет сохранения работоспособности населения, снижения заболеваемости и увеличения продуктивного периода жизни [5].

Вместе с тем, обеспечение качества человеческих ресурсов на государственном уровне требует согласования интересов общества и интересов конкретных людей, проживающих на данной территории. Важно отметить, что повышение качества человеческих ресурсов обеспечивается за счет развития систем образования и науки, здравоохранения, культуры. Именно эти системы оказывают непосредственное влияние на формирование конкретных качественных характеристик человеческих ресурсов в масштабах страны.

Особое внимание при этом должно уделяться вопросам воспроизводства человеческих ресурсов (в том числе их готовности к воспроизводству). Так как воспроизводство человеческих ресурсов базируется на воспроизводстве населения, то необходимо не только уделять внимание процессу формирования численности, но и анализировать половозрастной и социальный состав. Важно исходить из того, что регулирование воспроизводства человеческих ресурсов — это возможность влиять на изменения демографической, экономической и социально-профессиональной структуры, образовательного и культурного уровня, а также на миграционные процессы и расселение населения [8, с. 20]. Сам по себе воспроизводственный процесс человеческих ресурсов является сложным в силу его протяженности во времени и подверженности влиянию со стороны факторов внешней среды, среди которых можно отметить сложную экономическую и политическую обстановку, дисбаланс на рынке труда, изменение ценностей и предпочтений у населения и т. д.

Еще в начале 2020 г., выступая перед Федеральным собранием РФ, Президент РФ выделил основной государственный приоритет — «сбережение и прумножение народа России». Отмечая, что «судьба России, в том числе ее историческая перспектива, зависит от того, сколько нас будет». Вместе с тем в настоящее время наблюдаются общее снижение численности населения, демографическое старение, что еще больше подчеркивает значимость воспроизводства человеческих ресурсов как определяющего фактора для экономического и социального развития России.

По статистическим данным численность населения России на момент выступления Президента по состоянию на 2019 г. составляла около 147 млн чел., что примерно соответствовало концу 1980-х гг. Максимальная численность населения России была зафиксирована в период с 1991 г. и по 1996 г. — 148,3 млн чел. Однако с 2001 г. по 2009 г. наметилась отрицательная тенденция, и численность сократилась до 142,7 млн чел. (-5,6 млн чел.)¹.

В январе 2007 г. государством была разработана мера для повышения рождаемости в виде материнского капитала, и за период с 2007 г. по 2014 г. произошло увеличение

¹ В России определены демографические вызовы — о послании президента. <https://regnum.ru/news/polit/2831169.html> (дата обращения: 08.02.2023).

числа родившихся, которое достигло максимума в количестве 547 823 чел., таким образом, рост составил порядка 25 % за указанный период времени. При этом численность населения постепенно начинает увеличиваться, только с 2010 г., и такая положительная динамика сохранялась в течение восьми лет до 2018 г., при этом рост составил всего около 3 % за данный период.

В 2019 г. наметилась очередная волна снижения, при этом численность населения по сравнению с 2018 г. снизилась на 0,1 млн чел. Данная ситуация была определена Президентом РФ как «демографическая ловушка», обусловленная тем, что семьи создает малочисленное поколение, которое было рождено в девятидесятые годы.

По статистике число рождений детей снижается (и в 2018 г. составляет всего лишь 73 % от данного показателя 2014 г.). Это свидетельствует о том, что для страны необходимо обеспечение естественного прироста населения. Вместе с тем статистика фиксирует естественную убыль населения, которая примерно соответствует уровню 2008 г. Данная неблагоприятная ситуация, с одной стороны, обусловлена снижением числа женщин в активном репродуктивном возрасте, а с другой стороны, вызвана трудной экономической ситуацией в стране, которая характеризуется низким уровнем доходов у семей с детьми и многодетных семей, а также недостаточностью мер по их поддержке, которые стали активно разрабатываться только в период с 2020–2022 гг. В целом можно констатировать невысокую готовность населения к воспроизводству, что формирует одну из существенных демографических проблем, снижение рождаемости, которая за период с 2020–2022 гг. сохраняет отрицательную тенденцию.

В качестве целевого ориентира, заданного Президентом, был принят суммарный коэффициент рождаемости (число детей, приходящееся на одну женщину), который на 2019 г. составлял в России 1,5, в 2020 г. — 1,51¹. Предлагается к 2024 г. довести данный показатель до 1,7 (следует отметить, что такой уровень был характерен для него в период с 2012 г. по 2016 г.). Ранее же прогнозировалось, что суммарный коэффициент рождаемости будет постепенно расти и уже к 2020 г. составит 2,0. Поэтому сейчас прогнозы экспертов более пессимистичны и ориентиром является величина 1,669 к 2030 г., которая должна быть достигнута в среднем по стране. Следует учесть, что есть регионы, где этот показатель уже сейчас выше ожидаемого (Республика Тыва, Чеченская Республика, Ненецкий автономный округ и др.), но в значительной части российских регионов он существенно ниже (Смоленская область, Республика Мордовия, Ленинградская область и др.).

Действительно российские семьи не стремятся рожать детей, так как справедливо ожидают, что их расходы при этом существенно вырастут. А статистика показывает, что семьи с детьми имеют самые низкие доходы, и это является «прямой угрозой демографическому будущему» страны. Следовательно, на государственном уровне требуются меры социального характера, которые бы способствовали воспроизводству человеческих ресурсов, поддерживая их репродуктивную составляющую, которая также может рассматриваться как одна из необходимых характеристик качества данных ресурсов в масштабах страны. Для этого необходимо обеспечивать семьи с детьми адресной поддержкой.

Следует отметить, что за последние три года наблюдается дальнейшее снижение общей численности населения в России, по состоянию на 2022 г. она составила

¹ В России определены демографические вызовы — о послании президента. <https://regnum.ru/news/polit/2831169.html> (дата обращения: 08.02.2023).

145,6 млн чел., уменьшение на 1,2 млн, что вызвано как естественной убылью, так и сокращающимся притоком людей в страну. В 2022 г. произошел миграционный отток населения из страны, который составил 73 тыс. чел. против прироста на 111 тыс. в 2021 г.

Важно при этом учесть, что по состоянию на 2022 г. доля трудоспособного населения составляет 57 % в общей численности. Для сравнения, в 2012 г. она составляла около 61 %. За двадцать лет население моложе трудоспособного возраста выросло всего на 990 тыс. чел., но при этом население старше трудоспособного возраста увеличилось на 5 235 тыс. чел. Таким образом, проявилась еще одна демографическая проблема — старения населения. На изменение возрастной структуры населения влияет продолжительность жизни, которая по итогам 2022 г., со слов Министра здравоохранения РФ составит 72,4 года, что на 2,4 года выше, чем в 2021 г. Существенное влияние на данный показатель оказывает образ и условия жизни, а также медицинское обеспечение в стране. В целом уровень продолжительности жизни является индикатором повышения качества жизни населения, ожидается, что к 2035 г. продолжительность жизни в России по среднему сценарию составит 79,1 год [9, с. 183].

Вместе с тем, показателем, характеризующим качество жизни, можно считать индекс развития человеческого потенциала (HDI) или, с 2013 г., индекс человеческого развития, который разработан специалистами из Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). Данный показатель включает в себя расчет на основе трех параметров: ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования и величина ВВП на душу населения. Данный интегральный показатель, применяемый с 1990 г., можно использовать и для оценки качества человеческих ресурсов в контексте страны, обеспечивая тем самым его сравнение в мировом масштабе.

На основе данного показателя можно разделить страны по четырем уровням человеческого развития: самый высокий (по данным на 2020 г. первое место традиционно занимает Норвегия — 0,957, затем идут Швейцария, Ирландия, Германия, Гонконг, Австралия и Исландия и т. д.), высокий (Россия занимает 52-е место), средний и низкий (Нигер занимает 189-е место с показателем 0,394). Несмотря на то, что Россия относится к странам с высоким уровнем человеческого развития, индекс благосостояния в ней, по сравнению с другими странами, существенно ниже. В целом же рост индекса человеческого развития требует целенаправленных управленческих воздействий на государственном уровне, которые должны способствовать повышению качества человеческих ресурсов в стране за счет увеличения продолжительности жизни населения, доступного образования и роста доходов. Следует учесть, что данный индекс рассматривает лишь количественные параметры, связанные с образованием, принимая во внимание только продолжительность обучения, а не его качество. В то же время учитывается по паритету покупательской способности уровень дохода населения. Здесь можно отметить, что не всегда длительность образования способствует росту доходов населения.

Важно отметить, что в 2018 г. Всемирным банком был предложен новый инструмент, характеризующий, на наш взгляд, качество человеческих ресурсов на уровне государств, позволяющий провести сравнение стран между собой, на основе учета инвестиций в социальную сферу. Так, был введен новый показатель — индекс человеческого капитала (ИЧК, Human Capital Index), который призван дополнить индекс человеческого развития, делая акцент на уровне жизни населения. Новый показатель установил в центре внимания человеческий капитал, характеризующий

здоровье, знания и навыки, которые накапливаются людьми в течение всей жизни и являются характеристиками качества. В целом оценка развития человеческого капитала учитывают свыше 50 показателей, объединенных в четыре группы:

- образование (высшее, среднее, начальное) и профессиональная подготовка;
- здоровье, физическое и психологическое благополучие;
- трудоустройство и занятость;
- инфраструктура, правовая защита, социальная мобильность.

В целом же индекс человеческого капитала отражает связь между государственными инвестициями в социальную сферу и показателями экономического роста стран. ИЧК предлагается использовать в качестве индикатора, позволяющего принимать решения, направленные на наращивание человеческого капитала в отдельных странах, руководствуясь при этом национальными планами их развития. По итогам 2020 г. индекс человеческого капитала в России составил 68 % — это 41-е место среди 174 стран. На первом месте Сингапур (88 %), замыкает рейтинг Центральноафриканская Республика, ее показатель — 29 %. В рейтинге стран мира по индексу уровня образования Россия занимает 29-е место, опережая Испанию, Сингапур, Австрию и Францию. Что в целом формирует высокий потенциал человеческих ресурсов России.

Вместе с тем, качество человеческих ресурсов в масштабах страны также определяется тем, насколько оно соответствует требованиям, формируемым в рамках складывающихся экономических условий хозяйствования. Так как в Российской Федерации принята программа «Цифровая экономика РФ», для страны важными становятся соответствующие компетенции у населения. Исследования показывают, что цифровые компетенции пока не рассматриваются работающим населением как часть навыков, важных для их профессиональной деятельности, при этом компьютерная грамотность напрямую коррелирует с уровнем образования, поэтому интеграция в цифровую экономику происходит в стране поступательно, а осознание необходимости профессионального развития характерно для всех возрастных и профессиональных групп [10, с. 72–73].

Можно сказать, что в целом для человеческих ресурсов, имеющих высокий уровень образования, свойственна быстрая адаптация к новым требованиям экономики. При этом, по оценкам консалтинговой компании FinExpertiza, в первой половине 2022 г. доля работников с высшим образованием в России составила 34,9 %, 45 % имеет среднее профессиональное образование, 15,8 % — среднее общее, 3,9 % — основное общее, 0,2 % не имеют документа об образовании. При этом доля женщин с высшим образованием выше, чем у мужчин, но уровень занятости у женщин ниже¹. Все это говорит о том, что экономические условия не способствуют повышению качества человеческих ресурсов, часто неоправданными оказываются вложения в образование, что требует пересмотра образовательной политики в стране.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что рассмотрение качества человеческих ресурсов на государственном уровне предполагает учет влияния демографических проблем на составляющие данного качества. Качество человеческих ресурсов страны зависит от готовности населения к воспроизводству, от продолжительности жизни, в том

¹ Оценена доля работников с высшим образованием в России // Лента.ру. <https://lenta.ru/news/2022/09/05/educ/> (дата обращения: 08.02.2023).

числе трудовой, от уровня образования и способности формировать доход, который будет коррелировать с полученным образованием.

Анализ статистических данных показал, что качество человеческих ресурсов в России можно оценить как среднее, при низком воспроизводственном потенциале растет продолжительность жизни. В то же время пока еще высокий образовательный уровень населения обеспечивает готовность к адаптации в новых экономических условиях, но это не позволяет обеспечить достаточный доход и уровень благосостояния, так как не всегда есть связь с уровнем образования. Этому способствуют дисбаланс на рынке труда в целом, высокая дифференциация по уровню доходов, социальное расслоение и т. д.

Таким образом, мероприятия по повышению качества человеческих ресурсов страны должны включать в себя, прежде всего, решение демографических проблем.

Список источников

- [1] Сейнер Р. Конкурентное преимущество и качество человеческих ресурсов в России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2008. Т. 3. № 6. С. 39-45.
- [2] Лескина О. Н. Качество человеческих ресурсов и инновационное развитие России // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 30. С. 111-118.
- [3] Жук С. С. Управление качеством человеческих ресурсов: теория и практика. Москва: Дашков и К°, 2015. 231 с.
- [4] Стуканова С. С. Здоровье в системе показателей качества человеческих ресурсов: состояние и актуальные модели сохранения // Социальная динамика населения и устойчивое развитие. I всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Сб. тезисов. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. С. 250-253.
- [5] Мальцев А. А., Фечина А. О. Медицинская услуга в системе управления качеством человеческих ресурсов // Управленец. 2019. Т. 10. № 2. С. 62-72. <http://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-2-7>.
- [6] Башлаева М. С., Аджигеримова А. Т. Социальная реабилитация как мера повышения качества человеческих ресурсов в современной России // Национальные и исторические традиции — источник общероссийского единства. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. 2020. С. 47-63.
- [7] Масалова Ю. А. Система управления качеством человеческих ресурсов // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 81-85. (Сер. Экономика).
- [8] Лаврентьева И. В., Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С. Трансформация модели воспроизводства человеческих ресурсов в современных реалиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11(469). С. 18-27. <http://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-11103>
- [9] Ткаченко Ю. Г. Уровень продолжительности жизни как индикатор повышения качества жизни населения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10-2. С. 181-189.
- [10] Омельченко И. Б., Забелина О. В., Мирзабалаева Ф. И. Самооценка работающим населением своих навыков в условиях цифровизации экономики // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 1. С. 63-76. <http://doi.org/10.18334/et.6.1.39785>

References

- [1] Saner R. Competitive Advantage and Quality of Human Resources of Russia // International Organisations Research Journal. 2008. Vol. 3. No. 6. P. 39-45.
- [2] Leskina O. N. The quality of human resources and innovative development of Russia // NovaInfo.Ru. 2015. Vol. 1. No. 30. P. 111-118.

[3] *Zhuk S. S.* Quality management of human resources: theory and practice: monograph. М: Dashkov i K°. 2015. 231 p.

[4] *Stukanova S. S.* Health in the system of indicators of the quality of human resources: state and current conservation models // Social dynamics of the population and sustainable development. I All-Russian scientific and practical conference with international participation: a collection of abstracts. Lomonosov Moscow State University, 2018. P. 250-253.

[5] *Maltsev A. A., Fechina A. O.* A medical service in the HR quality management system // The Manager. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 62-72. <http://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-2-7>

[6] *Bashlaeva M. S., Adzhigerimova A. T.* Social rehabilitation as a measure of improving the quality of human resources in modern Russia // National and historical traditions — a source of all-Russian unity. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. 2020. P. 47-63.

[7] *Masalova Yu. A.* Quality management system of human resources // Herald of Omsk University. Series «Economics». 2015. No. 1. P. 81-85.

[8] *Lavrentieva I. V., Kapkaev Yu. Sh., Rudenko D. S.* Transformation of the model of reproduction of human resources in modern realities // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022. No. 11(469). P. 18-27. <http://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-11103>

[9] *Tkachenko Yu. G.* Level of life expectancy as an indicator of improving the life quality of population // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. No. 10-2. P. 181-189.

[10] *Omelchenko I. B., Zabelina O. V., Mirzabalaeva F. I.* Self-working population evaluation of their skills in terms of economy digitalization // Russian Journal of Labor Economics. 2019. Vol. 6, No. 1. P. 63-76. <http://doi.org/10.18334/et.6.1.39785>

Информация об авторах

Масалова Юлия Александровна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом, Факультет корпоративной экономики и предпринимательства, Новосибирский государственный университет экономики и управления; <https://orcid.org/0000-0001-5298-5743> (Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1, каб. 5-306; e-mail: ymasalova@yandex.ru).

About the authors

Yulia A. Masalova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Faculty of Corporate Economics and Entrepreneurship, Novosibirsk State University of Economics and Management; <https://orcid.org/0000-0001-5298-5743> (52/1, Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation; e-mail: ymasalova@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-14>

УДК 331.556 + 332.142.4

JEL classification: J11, J24

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА¹

В. В. Матвеев^а, А. В. Овчинникова^б

^{а, б} Удмуртский филиал ИЭ УрО РАН (г. Ижевск, Россия)

^б <https://orcid.org/0000-0001-9713-9583>

Автор для корреспонденции: В. В. Матвеев (matveev.vv@uiec.ru)

Аннотация. Вопросы формирования человеческого капитала в значительной степени определяются динамикой демографических процессов в национальной экономике и экономике регионов. Именно поэтому в значительной степени вырос научный и общественный интерес к изучению демографических процессов. Это определяется тем, что фактор демографических изменений необходимо рассматривать в качестве стратегического условия социально-экономического развития национальной экономики. Демографические изменения оказывают прямое воздействие на количественные и качественные параметры человеческого капитала. Отмечается особая роль образования и здравоохранения в формировании и развитии человеческого капитала. Недостаточное внимание государства к двум этим социально значимым отраслям оказывает крайне негативное влияние на социально-экономическую ситуацию. Обосновывается тезис о необходимости придания статуса «государственный служащий» учителям, преподавателям и работникам здравоохранения, которые работают в бюджетных организациях.

Ключевые слова: демография; человеческий капитал; регион; экономический рост; образование; здравоохранение

The Influence of Demographic Processes on Regional Socio-Economic Development in the Udmurt Republic

V. V. Matveev^а, A. V. Ovchinnikova^б

^{а, б} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Udmurt Branch (Izhevsk, Russia)

^б <https://orcid.org/0000-0001-9713-9583>

Corresponding author: V. V. Matveev (matveev.vv@uiec.ru)

Abstract. The issues of human capital formation largely depend on the dynamics of demographic processes in the national and regional economies. That is why the scientific and public interest in the study of demographic processes has significantly grown. The factor of demographic changes must be considered as a strategic condition for the socio-economic development of the national economy. Demographic changes directly influence the quantitative and qualitative parameters of human capital. The special role of education and healthcare in the formation and development of human capital is noted. The state's insufficient attention to these two socially significant sectors has an extremely negative impact on the socio-economic situation. The hypothesis about the need to give the status of «public servants» to teachers, lecturers and healthcare workers in budgetary organisations is substantiated.

Keywords: demography; human capital; region; economic growth; education; healthcare

Введение

В настоящее время имеет место значительный интерес к изучению факторов и динамики демографических процессов как в экономике России в целом, так и регионов,

¹ © Матвеев В. В., Овчинникова А. В. Текст. 2023.

которые входят в ее состав. Это объясняется тем, что динамика демографических процессов оказывает значительное влияние на количественные и качественные параметры социально-экономического развития территориальных экономических систем. Экономика любой территории — это сложная система, которая находится под воздействием множества всевозможных факторов. Для каждой территории характерным является набор собственных индивидуальных особенностей развития. Поэтому очень важно определить для каждой территории значимость того или иного фактора, определяющего динамику демографических процессов. При этом следует понимать, что дать исчерпывающий и однозначный ответ на поставленные вопросы не представляется возможным именно в силу особой сложности данной проблемы. Демографические изменения оказывают прямое воздействие на количественные и качественные параметры человеческого капитала.

Динамика демографических процессов напрямую влияет на динамику человеческого капитала. Стратегическая важность данной проблемы для России была рассмотрена в Докладе Всемирного банка. Согласно его оценке, доля человеческого капитала составляет 46 % в суммарном богатстве страны. Для сравнения: величина этой доли в структуре богатства стран ОЭСР составляет 70 %. Чтобы догнать развитые экономики по этому показателю, России потребуется от 50 до 100 лет¹.

Основная часть

В тех странах, где доля трудоспособного населения является достаточно высокой, можно вести речь о наличии демографического окна возможностей. Это может послужить залогом обеспечения экономического роста. Например, это имело место в СССР в 30-е гг. XX столетия. То же самое можно сказать о Тайване и Южной Корее в период 1960–1980-х гг. Оба этих примера объединяют разработка и реализация соответствующей демографической политики, а также принципиальные улучшения в системах образования и здравоохранения.

Становление теории человеческого капитала напрямую связано с той ситуацией, которая имела место в экономике США и других развитых стран на рубеже 50–60-х гг. XX в. Это было связано с необходимостью перехода к новому технологическому укладу. В тот период времени традиционные формы инвестиций уже не гарантировали реальной возможности достижения устойчивых темпов экономического роста в долгосрочном периоде. Кроме того, возникли проблемы, связанные с необходимостью формирования новой формы организации и функционирования человеческой общности.

Для осуществления перехода на новый уровень технологий потребовалось найти решение не только традиционных социально-экономических проблем, имеющих отношение к материальным активам. Пришлось искать ответы на сложные вопросы о вариантах эффективного использования наемных работников: от разнорабочих до топ-менеджеров. Это привело к осознанию их принципиально новой роли, которая, в свою очередь, определяется объемом их знаний, а также количеством и качеством навыков. Иных вариантов обеспечения устойчивых темпов экономического роста и повышения уровня конкурентоспособности национальной экономики не было. Инкорпорированные активы работника, то есть человеческий капитал, получают признание в качестве стратегического фактора.

¹Насколько богата Россия? // Всемирный Банк. <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/how-wealthy-is-russia> (дата обращения: 25.01.2023).

Это нашло свое отражение в теоретических исследованиях в форме теории человеческого капитала. Становление и первый этап развития данной теории происходит в рамках Чикагской экономической школы. Основателями теории человеческого капитала являются Дж. Минсер [1], Т.В. Шульц [2], Г. Беккер [3].

По своей сути теория человеческого капитала обосновывает стратегическую необходимость творческого развития человеческой личности как залога развития социума и национальной экономики.

Первое определение человеческого капитала можно найти в работе Т.В. Шульц «Investment in Human Capital»: это приобретенные человеком профессиональные качества. Причем особо оговаривалось, что эти качества могут быть усилены и получить дальнейшее развитие за счет дополнительных целевых вложений. В конечном итоге качество жизни человека напрямую зависит от его знаний, умений и навыков [4].

Следует отметить, что проблемы формирования, развития и использования человеческого капитала начинают пристально изучаться российскими учеными в силу действия определенных идеологических запретов только с начала 1990-х гг. [5–9].

Принято выделять три вида человеческого капитала:

1. Национальный человеческий капитал — это часть национального богатства, включающая интеллектуальные, физические, трудовые способности людей, которые в значительной степени определяют количественные и качественные параметры развития национальной экономики.

2. Человеческий капитал фирмы (организации) — это знания, навыки, мыслительные и профессиональные способности, физическое здоровье и психологическое состояние персонала фирмы (организации), используемые для эффективной организации их хозяйственной деятельности.

3. Индивидуальный человеческий капитал — это знания, навыки, умения и состояние здоровья отдельно взятого человека, которые в значительной степени определяют величину его доходов и качество жизни.

Однако мы согласны с теми авторами, которые говорят о том, что необходимо в обязательном порядке изучать факторы формирования и развития регионального человеческого капитала, так как экономический рост и безопасность национальной экономики в значительной степени определяются положением дел в регионах, в том числе демографической ситуацией [10–12].

Мы определяем человеческий капитал региона как некую весьма разнокачественную общность людей, которые проживают на конкретной территории. Эти люди могут принципиально отличаться друг от друга своей идеологией, уровнем образования, профессиональными знаниями, умениями и навыками, состоянием здоровья, уровнем культуры и отношением к жизни и работе.

Признание того, что человеческий капитал оказывает значительное влияние на конечные результаты хозяйственной деятельности фирмы, поставило на повестку дня вопрос об инвестициях в данную форму капитала.

По мнению Т.В. Шульца, человеческий капитал — это нечто похожее на актив, который формируется и улучшается в течение всей жизни человека в форме приобретаемых ценных личностных качеств. По этой причине человеческий капитал нельзя определять как изначально данные врожденные способности. Человеческий капитал развивается и включает в свой состав знания, умения и навыки, накопленные в течение всей жизни. [4, с. 5].

Действительно, человеческий капитал определяется следующими инвестициями:

- школьное образование;
- среднее специальное и высшее образование;
- обучение на рабочем месте;
- забота о собственном здоровье;
- самообразование (профессиональные компетенции и способность к объективной оценке процессов, происходящих в обществе).

В силу вышеназванных причин никоим образом нельзя принижать значение демографического фактора формирования, развития и функционирования человеческого капитала.

Хорошо известно, что с 1955 г. Германия в рамках реализации политики «экономического чуда» столкнулась с проблемой нехватки человеческого капитала. Страна начинает привлекать трудовых мигрантов. Этот год можно считать началом активной международной миграции в ФРГ. Страна привлекала мигрантов из Италии, Испании и Греции, Турции, Марокко, Португалии, Туниса, Югославии. Среди мигрантов преобладали мужчины от 20 до 40 лет, только позже началась миграция родственников трудовых мигрантов» [12, с. 89].

В результате в период 1950–1960-х гг. доля мигрантов в населении ФРГ выросла с 1 % до 4 %. Миграционный оборот вырос от 260 тыс. в середине 1950-х гг. до 1,5 млн чел. к 1970 г. В начале текущего столетия этот показатель уже составляет 10 %. Миграционный оборот вырос до 2 млн чел. в год [12, с. 92].

В статье Л.Н. Гарусовой подробно рассматривается эволюция иммиграционной политики США. В частности отмечается ее достаточно жесткий характер, направленный на ограничение миграции: «Эволюция иммиграционной политики США на протяжении двух столетий свидетельствует о том, что иммиграция является ключевым фактором развития американского общества, а проблема нелегальной миграции практически всегда присутствовала в стране. До середины XX в. правительство и законодательство обходились запретительными мерами в регулировании иммиграционных потоков. Со второй половины XX в. ... американское законодательство становилось более лояльным, что привело к значительному росту численности иммигрантов. Следствием этого стало как обострение проблем легальной иммиграции, так и превращение нелегальной иммиграции в угрозу национальной безопасности» [13, с. 113].

Для современной России демографический фактор играет особо важную роль, потому что ситуация с динамикой количества населения может быть определена как демографический кризис. По данным Росстата, за 2021 г. естественная убыль населения в РФ увеличилась на 51 % — до 1 042,7 тыс. чел. В 2020 г. данный показатель составил 688,7 тыс. чел. При этом число родившихся в 2021 г. сократилось на 2,3 % (с 1 435 700 до 1 402 800 детей), количество умерших выросло на 15,1 % (с 2 124 500 до 2 445 500 чел.). Миграционный прирост составил 429,9 тыс. чел. В целом естественная убыль населения России по итогам 2021 г. стала рекордной за всю ее новую историю¹.

В 2022 г., население России составляло 146 млн чел. За этот год население России увеличилось приблизительно на 60 тыс. чел. Годовой прирост составил 0,04 %. Однако естественный прирост населения имел отрицательное значение: -167 927 чел. Минимальный прирост был получен за счет миграционного прироста населения, который составил 227 796 чел. Согласно прогнозу Отдела народонаселения Департамента

¹ Численность населения России по годам // iFinance. <http://global-finances.ru/chislenност-naseleniya-rossii-po-godam/> (дата обращения: 26.01.2023).

по экономическим и социальным вопросам ООН при сохранении негативных тенденций население России в 2050 г. составит 132,7 млн чел.¹.

Демографический кризис — это главный фактор негативного сценария развития человеческого капитала в России. Его главная особенность заключается в том, что наряду с негативными количественными изменениями имеют место негативные качественные изменения.

Динамика количественных изменений человеческого капитала может быть проанализирована на основании хорошо известной и доступной системы показателей. Намного сложнее составить объективное представление о качественных изменениях человеческого капитала. Это объясняется тем, что здесь речь идет о показателях, которые, как правило, носят косвенный характер. Как точно оценить влияние оптимизации в форме сокращения медицинских учреждений на состояние здоровья населения? Как повлияет сокращение бюджетного набора в вузы конкретного региона на дефицит работников каких-то специальностей?

Так, например, в статье О.В. Забелиной, Т.М. Козловой и А.В. Романюка идет речь о том, что для оценки человеческого капитала региона необходимо использовать сложную систему индикаторов. Для измерения образовательного капитала территории — 4 индикатора, трудового капитала территории — 4 индикатора, капитала здоровья территории — 4 индикатора, социокультурного капитала территории — 7 индикаторов. Авторы статьи признают, что «в дальнейшем следует провести отдельное исследование для выявления значимости каждого индивидуального и сводного индексов, чтобы методика оценки человеческого капитала региона получила дополнительное обоснование и развитие» [14, с. 56].

Аналогичную точку зрения высказывают С.Г. Шульгин и Ю.В. Зинькина, которые обосновывают необходимость использования нового подхода к оценке человеческого капитала — индикатора человеческой жизни, который учитывает неравенство в продолжительности жизни. По их мнению, «разработанный ООН индекс человеческого развития не учитывает, что при одинаковой или близкой ожидаемой продолжительности жизни страны могут иметь значительное внутреннее неравенство» [15, с. 888].

Не вызывает сомнений, что подобные исследования необходимы. Однако уже сейчас имеют место потребность в объективной оценке демографических процессов и их влияние на качество человеческого капитала. Рассмотрим данную проблему применительно к Удмуртской Республике. Данный регион характеризуется явно выраженным преобладанием промышленного производства и добычи нефти. Сельское хозяйство играет в регионе вспомогательную роль.

В октябре 2009 г. принимается Стратегия социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 года, в которой отмечается: «В настоящее время Удмуртская Республика обладает значительным человеческим потенциалом, выгодно отличающим республику от других регионов ПФО и Российской Федерации. Это подтверждается высокой оценкой республики по Индексу человеческого потенциала (ИРЧП ПРООН), по которому Удмуртия заняла 6 место в ПФО и 24-е место в Российской Федерации в 2007 году»².

¹Население России // Countrymeters. Статистика в реальном времени. https://countrymeters.info/ru/Russian_Federation#population_forecast (дата обращения: 26.01.2023).

²Стратегия социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 года // Официальный сайт Министерства экономики Удмуртской Республики. <https://economy.udmurt.ru/prioriteti/ser/strategia/40-rz.pdf> (дата обращения: 29.01.2023).

Динамика показателей численности населения в 2017–2020 гг., чел.

Показатель	Значение показателя по годам				
	2017	2018	2019	2020	2021
Численность постоянного населения на начало года	1 516 826	1 513 044	1 507 390	1 500 955	1 493 356
Число родившихся	17877	16423	14601	14454	14326
Число умерших	18135	18079	17870	21180	23280
Естественный прирост	-258	-1656	-3269	-6726	-8954
Миграционный прирост	-3524	-3998	-3166	-707	58

Источник: Удмуртская Республика в 2017–2021 годах: Краткий статистический сборник. https://udmstat.gks.ru/storage/mediabank/C006_2017–2021.pdf (дата обращения: 29.01.2023).

Стратегия предусматривала, что численность населения Удмуртской Республики в 2025 г. составит 1535,9 тыс. чел. В 2009 г. численность населения составляла 1527,3 тыс. чел., то есть предполагался незначительный прирост (8,6 тыс. чел.). Рост численности населения будет обеспечен за счет снижения смертности населения, удержания рождаемости в различные годы не ниже 11,7 родившихся на 1000 жителей и миграционному притоку населения после 2015 г.

На практике ситуация оказалась совершенно иной (табл. 1).

Однако развитие ситуации опровергло прогнозы, изложенные в Стратегии. Абсолютно все показатели имеют отрицательный рост. Единственное минимальное исключение — это миграционный прирост в 2021 г. Таким образом, руководство Удмуртской Республики столкнулось с необходимостью решения проблемы, которое в современных условиях крайне затруднено. Возможно, такое решение вообще отсутствует не только в краткосрочной, но и среднесрочной перспективе.

Глава региона А.В. Бречалов отмечает: «У нас огромный дефицит работников. 5 200 официально зарегистрированных безработных и 18 500 актуализированных вакансий»¹. Для привлечения работников многие предприятия Удмуртии организуют на производстве бесплатные обучающие курсы и размещают рекламу с вакансиями в лифтах жилых домов и в общественном транспорте. Однако на завод приходят в основном люди старше 45 лет, так как работа организована в три смены и с одним выходным днем. Молодежь не выдерживает такой напряженный график работы. Во многом это связано с тем, что среди молодежи сложилось неверное представление о работе: они хотят меньше работать и при этом много зарабатывать.

По мнению руководителя пресс-службы «hh.ru Поволжье» Александры Севостьяновой, данная ситуация является непростой в первую очередь для работодателей. Снова обнажился дефицит рынка труда, разрыв между спросом и предложением по-прежнему колоссальный. Уровень конкуренции среди синих воротничков не дотягивает даже до одного резюме на вакансию².

Данная ситуация объясняется воздействием двух факторов. Во-первых, 30 лет назад было разрушено многое в системе профессионально-технического образования. ПТУ вместо рабочих специальностей начали обучать бухучету, финансам,

¹ Глава Удмуртии: «У нас огромный дефицит работников» // Последние новости Ижевска и Удмуртии. <https://udm-info.ru/news/2022-10-26/glava-udmurtii-u-nas-ogromnyu-defitsit-rabotnikov-2412298> (дата обращения: 29.01.2023).

² В Удмуртии усиливается нехватка рабочего персонала и инженеров // Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/5721454> (дата обращения: 29.01.2023).

управлению, маркетингу, праву. И сейчас имеет место дефицит синих воротничков. Во-вторых, у молодых людей изменилась идеология. Молодежь уже не считает рабочие специальности престижными. Постепенно сформировалось убеждение, что всегда можно найти работу, например, охранником.

Все это позволяет сделать вывод о качественных изменениях в человеческом капитале под воздействием демографических изменений.

Непростая ситуация сложилась в системе высшего образования. В силу ограниченного количества бюджетных мест по некоторым видам подготовки в региональных вузах выпускники средних школ уезжают поступать в столичные вузы и обратно в свой регион уже не возвращаются. Например, в 2021 г. 7 тыс. молодых людей уехали из Удмуртии. Как правило, это выпускники школ с весьма высокими баллами ЕГЭ. Строить свою карьеру в родном регионе они не планируют.

Министерству образования РФ необходимо принципиально изменить систему выделения бюджетных мест в регионы. Регулярными стали случаи, когда в вузах заканчивается срок принятия документов, а бюджетные места не востребованы.

В 2022 г. в Удмуртии некоторые вузы были вынуждены объявить дополнительный набор абитуриентов. В Ижевском государственном техническом институте 53 свободных бюджетных места сохранились по направлению «строительство», 22 — по направлению «техносферная безопасность», 15 — по направлению «наземные транспортно-технологические средства». Дополнительный набор проводился также на радиотехнику и робототехнику. В Удмуртском государственном университете самое большое количество мест для дополнительного приема фиксировалось на специальности «физика и астрономия» — 30. Также добирали абитуриентов по специальностям «математика», «информатика», «физика», «химия», «музыкально-инструментальное искусство». В Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, по данным официального сайта вуза, свободными для абитуриентов остались места на 14 специальностях, в том числе «агрономия», «агрехимия», «зоотехния» и «агроинженерия»¹.

Во многом негативная ситуация сложилась в системе здравоохранения России. Г.Э. Улумбекова, руководитель Высшей школы организации и управления здравоохранением, обращает внимание на то, что согласно данным Минздрава РФ, сегодня дефицит медицинских кадров составляет не менее 100 тыс. специалистов. Обеспеченность врачами — при большем потоке больных и огромных расстояниях — ниже, чем во многих странах Европы, при этом доходы врачей по отношению к ВВП в 5 раз ниже, чем в Германии, и в 1,5 раза ниже, чем в Польше и Венгрии². Министр здравоохранения РФ М.А. Мурашко, выступая в Госдуме, сказал, что в стране не хватает порядка 25 тыс. врачей и около 50 тыс. среднего медицинского персонала³.

Мы считаем, что достаточно очевидной является ошибка, когда учителя, преподаватели вузов и врачи, которые работают в бюджетных организациях, не были включены в категорию государственных служащих, что имело место в Российской Империи до 1917 г.

¹ Естественный добор. В вузах Удмуртии после основного этапа остались вакантные места для поступления абитуриентов. <https://www.kommersant.ru/doc/5525287> (дата обращения: 29.01.2023).

² Дождемимись. В России не хватает 100 тысяч врачей и медсестер. <https://www.fontanka.ru/2022/10/27/71770565/> (дата обращения: 30.01.2023).

³ Мурашко заявил о нехватке в России более 25000 врачей // Ведомости. 2002. Ноябрь 23. <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/11/23/951732-murashko-o-nehvatke-vrachei> (дата обращения: 30.01.2023).

Приведем только один пример. И.Н. Ульянов, отец В.И. Ленина, дослужился до гражданского чина 4-го класса: действительный статский советник, что соответствовало чинам генерал-майора в армии и контр-адмирала во флоте. В течение многих лет он занимал должности инспектора и начальника народных училищ Симбирской губернии.

Многие ректоры Санкт-Петербургского и Московского университетов имели гражданский чин 3-го класса — тайный советник.

Заключение

Все это позволяет сделать вывод о наличии весьма существенных негативных факторов развития человеческого капитала в России. Если возобладает негативный тренд развития ситуации, то России будет крайне сложно, возможно, даже невозможно обеспечить конкурентоспособность национальной экономики на международном уровне. Для предотвращения подобной ситуации необходимо осознание на государственном и региональном уровне того факта, что человеческий капитал в современных условиях является стратегическим активом. Следует разработать и реализовать на практике комплексную стратегическую программу развития человеческого капитала, которая должна предполагать принципиальное изменение систем просвещения и образования, системы здравоохранения, семейной политики.

Список источников

- [1] *Mincer J.* Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // The Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. No. 4. P. 281–302.
- [2] *Schultz T. W.* Capital Formation by Education // The Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68. No. 6. P. 571–583.
- [3] *Becker G. S.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // The Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. P. 9–49.
- [4] *Schultz T. W.* Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. No. 1. P. 1–17.
- [5] *Дятлов С. А.* Теория человеческого капитала. Санкт-Петербург: Изд. СПбУЭФ, 1996. 141 с.
- [6] *Аникин В. А.* Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 120–156.
- [7] *Пилюшенко А. В.* К вопросу о социально-философском содержании человеческого капитала личности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 64–67. <http://doi.org/10.17223/15617793/430/9>
- [8] *Корчагин Ю. А.* Человеческий капитал как фактор роста и развития или стагнации, рецессии и деградации. Воронеж: ЦИРЭ, 2016. 252 с.
- [9] *Минаев Н. Н., Жарова Е. А.* Анализ накопления человеческого капитала в регионах России в условиях технологических сдвигов и перехода к цифровой экономике // Экономика труда. 2021. № 6. С. 565–584. <http://doi.org/10.18334/et.8.6.112314>
- [10] *Забелина О. В.* Человеческий капитал региона: проблемы сущности, структуры и оценки // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 4. С. 52–57.
- [11] *Бабина С. И., Садовникова И. Ю.* Анализ человеческого капитала региона // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 69–74. (Сер. Политические, социологические и экономические науки). <http://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-3-69-74>

[12] *Савоскул М. С.* Иммиграция в ФРГ во второй половине XX века // Вестник Московского университета. 2020. № 6. С. 86-98. (Сер. 5. География).

[13] *Гарусова Л. Н.* Эволюция иммиграционной политики США: фактор нелегальной миграции // Россия и АТР. История, международные отношения. 2020. № 1. С. 104-117. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10008>

[14] *Забелина О. В., Козлова Т. М., Романюк А. В.* Человеческий капитал региона: проблемы сущности, структуры и оценки // Статистика и экономика. 2013. № 4. С. 52-57.

[15] *Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В.* Оценка человеческого капитала в макрорегионах России // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 3. С. 888-901. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-12>.

References

[1] *Mincer J.* Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // The Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66, No. 4. P. 281-302.

[2] *Schultz T. W.* Capital Formation by Education // The Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68. No. 6. P. 571-583.

[3] *Becker G. S.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // The Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. P. 9-49.

[4] *Schultz T. W.* Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. No. 1. P. 1-17.

[5] *Dyatlov S. A.* Theory of human Capital. St. Petersburg: SPbUEF Publishing House, 1996. 141 p.

[6] *Anikin V. A.* Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations // Journal of economic sociology. 2017. Vol. 18. No. 4. P. 120 — 156.

[7] *Pilyushenko A. V.* on the sociophilosophical concept of an individual's human capital // Journal of Tomsk State University. 2018. No. 430. P. 64-67. <http://doi.org/10.17223/15617793/430/9>

[8] *Korchagin Yu. A.* Human capital as a factor of growth and development or stagnation, recession and degradation. Monograph. Voronezh: CIRCE, 2016. 252 p.

[9] *Minaev N. N., Zharova E. A.* Analysis of human capital's accumulation in regions of Russia // Russian Journal of Labor Economics. 2021. No. 6. P. 565-584. <http://doi.org/10.18334/et.8.6.112314>

[10] *Zabelina O. V.* Regional human capital: problems of essence, structure and assessment // Economics, statistics and computer science. Bulletin of the UMO. 2013. No. 4. P. 52-57.

[11] *Babina S. I., Sadovnikova I. Yu.* Analysis of the Human Capital of the Region // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2018. No. 3. P. 69-74. <http://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-3-69-74>

[12] *Savoskul M. S.* Migration in Germany in the second half of the 20-th century // Moscow University Bulletin. Series 5, Geography. 2020. No. 6. P. 86-98.

[13] *Garusova L. N.* The Evolution of U.S. Immigration Policy: The Factor of Illegal Migration // Russia and the Pacific. 2020. No. 1. P. 104-117. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10008>

[14] *Zabelina O. V., Kozlova T. M., Romanyuk A. V.* Regional human capital: problems of essence, structure and assessment // Statistics and economics. 2013. No. 4. P. 52-57.

[15] *Shulgin S. G., Zinkina Yu. V.* Assessment of Human Capital in Russian Macroregions // Economy of region. 2021. Vol. 17, No. 3. P. 888-901. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-12>

Информация об авторах

Матвеев Владимир Валентинович — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Удмуртский филиал ИЭ УРО РАН (Российская Федерация, 426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4; e-mail: matveev.vv@uiuc.ru).

Овчинникова Анна Владимировна — доктор экономических наук, директор, Удмуртский филиал ИЭ УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0001-9713-9583> (Российская Федерация, 426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4; e-mail: ovchinnikova.ov@uiiec.ru).

About the authors

Vladimir V. Matveev — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Udmurt Branch (4, Lomonosova St., Izhevsk, 426004, Russian Federation; e-mail: matveev.vv@uiiec.ru).

Anna V. Ovchinnikova — Dr. Sci. (Econ.), Director, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Udmurt Branch; <https://orcid.org/0000-0001-9713-9583> (4, Lomonosova St., Izhevsk, 426004, Russian Federation; e-mail: ovchinnikova.ov@uiiec.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-15>

УДК 38.1

JEL classification: J11

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В РАЙОНАХ КАРЕЛЬСКОЙ АРКТИКИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ¹

М. В. Морошкина ^а, О. В. Поташева ^б

^{а, б} Карельский научный центр Российской академии наук Институт экономики
(г. Петрозаводск, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0001-6520-4248>

^б <https://orcid.org/0000-0001-9599-6370>

Автор для корреспонденции: М. В. Морошкина (maribel74@mail.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования различий в уровне демографических показателей в районах Карельской Арктики. В рамках критерия для оценивания были рассмотрен важнейший для развития человеческого капитала показатель — демографическая ситуация. Полученные результаты расчета определили изменение тенденций демографического показателя в районах Карельской Арктики. В рассматриваемых территориях наблюдается неустойчивая тенденция по исследуемому показателю, исключение составляют территории, которые имеют развитый производственный потенциал.

Ключевые слова: районы Карельской Арктики; демографические показатели; уровень и качество жизни

The Level and Quality of Life of the Population in the Karelian Arctic Regions: Demographic Indicators

М. В. Moroshkina ^а, О. В. Potasheva ^б

^{а, б} Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0001-6520-4248>

^б <https://orcid.org/0000-0001-9599-6370>

Corresponding author: М. В. Moroshkina (maribel74@mail.ru)

Abstract. The article presents the results of the study of differences in the demographic indicators in the Karelian Arctic regions. As part of the criterion for evaluation, the most important indicator for the development of human capital — the demographic situation — was considered. The calculation results determined the change in the trends of the demographic indicator in the Karelian Arctic regions. The studied indicator is characterised by instability, with the exception of territories with developed production potential.

Keywords: Karelian Arctic regions; demographic indicators; level and quality of life

Введение

Исследование уровня и качества жизни в российских регионах в рамках современных условий представляется актуальным ввиду значимости данного ресурса для показателей экономического развития территории. В контексте проводимых научных работ формируется определение экономического потенциала и позволяет формировать подходы к развитию территории в разрезе данного направления [1, 2].

В рамках данного исследования объектом исследования выступают районы Карельской Арктики, в которых территории имеют статус арктических и в рамках действуют особые условия хозяйственной деятельности. Данные регионы представляют

¹ © Морошкина М. В., Поташева О. В. Текст. 2023.

особый интерес для ученых региональной специализации ввиду того, что для данных территорий разработаны направления стратегического развития, ориентированные на северные регионы [3].

Проводимые исследования показывают, что уровень развития российских регионов неодинаков, для регионов СЗФО данное заключение верно ввиду разнородности территорий. В состав СЗФО включены: центральные, столичные регионы — Санкт-Петербург, приграничные с морским выходом — Мурманская область, приграничные по сухопутной границе — Республика Карелия и т. д. [4]. На уровень развития территорий влияют различные факторы и процессы, значимыми факторами, влияющими на уровень развития территории, признаются факторы развития человеческого капитала [5].

В рамках данного исследования рассматриваются уровень и качество жизни в районах Карельской Арктики. В результате важной задачей является определить уровень жизни в рассматриваемых регионах населения, на основании оценки которого предложить направления для его развития. Объектом исследования является уровень и качество жизни населения.

Обзор литературы

Вопросам повышения уровня и качества жизни в различных регионах уделено большое внимание, и исследователи активно обращаются к данной тематике [6, 7]. Стратегические и управленческие решения по обеспечению устойчивого развития территории определяются процессами по обеспечению и созданию благоприятных условий жизнедеятельности населения [8].

Вопросы повышения качества жизни и уровня благосостояния в российских регионах включают различные направления: численность и занятость населения, оплата труда, оценка человеческого капитала и его качественных характеристик и т. д., большинство исследователей принимают данные индикаторы для оценки качества жизни [9].

Исследование оценки качества жизни населения может проводиться в результате различных методик и подходов, в рамках данной статьи мы используем систему показателей, в результате оценки измерений которой мы проведем изучение динамики поведения. Анализ индикаторов, определяющих качество жизни населения, проводится учеными довольно часто, ввиду того, что на современном этапе динамика показателей благосостояния населения позволяет оценить уровень и качество жизни [10, 11].

Отдельным подходом к оценке показателей качества жизни является методология, позволяющая разделить индикаторы, оценивающие данный процесс, в рамках двух основных направлений. В контексте рассмотрения первого направления анализируются объективные показатели, к которым относятся индикаторы демографического, экономического, природного и социального направления. В рамках второго, субъективного направления анализируются оценочные опросные индикаторы, представляющие возможность понять уровень удовлетворенности населения качеством жизни и т. д. [12–14].

Проведение оценки качества жизни в региональном разрезе является актуальным направлением исследования и представляет особый интерес для проведения сравнительного анализа. Исследователи при анализе показателей качества жизни используют социально-экономические показатели, представляемые Росстатом.

Таблица 1

**Категории и показатели, используемые для расчета оценки качества жизни населения
(демографическая категория)**

Категории	Показатели, характеризующие категории
Демографические показатели	Число родившихся на 1000 чел., число умерших на 1000 чел., общий коэффициент рождаемости (на 1000 чел. населения)
Социальные условия. Жилищные условия. Уровень доходов. Уровень экономического развития	Система показателей, характеризующих территорию, формируется в рамках наличия статистических данных и в зависимости от направления исследования.

* Источник: составлено авторами.

Отмечается важность комплексного подхода к анализу качества жизни населения. Проведение данного подхода обеспечивается исследованием нескольких важных направлений: 1) оценка изменения показателей в динамике, позволяющая оценить сдвиги и происходящие изменения, 2) сопоставление с усредненными значениями, позволяющее понять наличие отклонения от нормы, 3) сопоставления в региональном или территориальном разрезе, обеспечивающие оценку между субъектами [15].

Методология

Процедура оценки качества жизни населения определяется в результате выбора показателей, на основании которых будет проводиться анализ развития территории. Исследователи в своих научных трудах за основу для проведения оценки используют различные индикаторы, которые попадают в пять основных категорий [16–19]. Показателям уровня и качества жизни территории можно объединить в группы по категориям (табл. 1).

Система показателей, представленная в таблице 1, имеет урезанный формат ввиду узкого направления исследования — демографические категории. В рамках проведения дальнейшего исследования авторами будут рассмотрены и другие категории, позволяющие оценить уровень и качество жизни населения районов Карельской Арктики.

Результаты

Статистической и информационной базой для проведения аналитических работ послужили данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия.

Интегральная оценка качества жизни в рамках данного исследования проводится на основании изучения поведения различных индикаторов, в основу которых заложены различные социально-экономические показатели, характеризующие их. В результате проведения расчетов исследуется поведение различных факторов, влияющих на показатели качества жизни и благосостояния населения. В частности, демографические показатели, социальные условия, жилищные условия, уровень доходов и уровень экономического развития территории. В рамках данного исследования рассматривается оценка демографических показателей, которая проводится на основании следующей формулы:

$$I_k = \frac{\sum \Pi_{i=1}^n}{i}, \quad (1)$$

где I_k — демографическая составляющая индекса i -й компоненты; $\Pi_{i=1}^n$ — произведение индикаторов демографического показателя рассматриваемых районов; i — индикаторы демографического показателя; n — районы Карельской Арктики

В рамках демографического показателя оцениваются 3 основных индикатора, характеризующих демографическое положение в районе (табл. 1). В рамках оценки данного индикатора проводится оценка (средневзвешенных) на основании следующей формулы:

$$I_{ij} = \frac{X_{ij} - X_{ij \min}}{X_{ij \max} - X_{ij \min}}. \quad (2)$$

Стоит отметить, что численность населения всех рассматриваемых в исследовании районов Карельской Арктики отличается (рис. 1)

В таблице 2 представлен демографический показатель — индикатор «число родившихся на 1000 чел.» и его изменение в рамках районов Карельской Арктики в рассматриваемом временном интервале, рассчитанный по формуле (2).

Таблица 2

Демографический показатель, индикатор число родившихся на 1000 чел., 2015–2021 гг.

I_{ij}	Значение индекса по годам						
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Костомукшский ГО	1,00	-1,00	0,67	0,92	1,00	0,71	0,94
Беломорский МР	0,90	-0,58	0,22	0,18	0,56	0,53	0,19
Калевальский МР	0,97	-0,79	1,00	1,00	0,29	1,00	1,00
Кемский МР	0,23	-0,06	0,85	0,10	0,62	0,65	0,20
Лоухский МР	0,13	-0,15	0,00	0,00	0,00	0,01	0,03
Сегежский МР	0,00	0,00	0,37	0,15	0,03	0,00	0,00

* Составлено автором на основании данных Росстата.

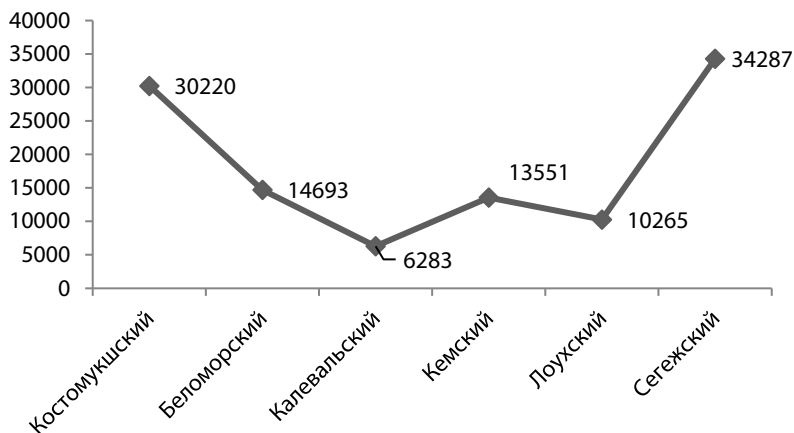

Рис. 1. Численность постоянного населения районов Карельской Арктики, 2021 г. (источник: составлено авторами на основании данных Росстата)

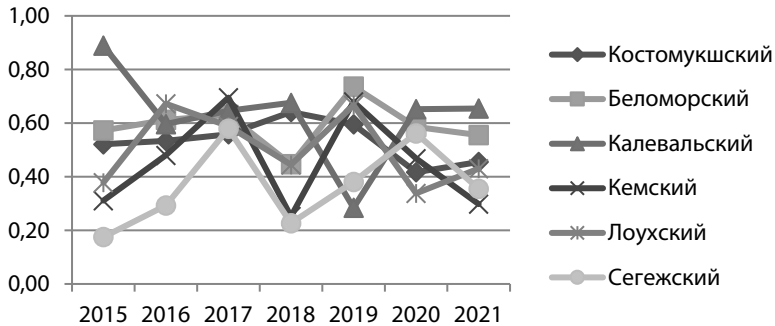

Рис. 2. Демографический показатель районов Карельской Арктики за 2015–2021 г. (источник: составлено авторами на основании данных Росстата)

Подобные таблицы составлены для каждого индикатора демографического показателя: число родившихся на 1000 чел., число умерших на 1000 чел., коэффициент рождаемости на 1000 чел. Оценка демографического показателя проводилась на основании определения среднего по всем индикаторам, его определяющим.

На основании формулы (1) и оценок, проведенных по индикаторам демографического показателя, сформирована оценка поведения демографического показателя по районам Карельской Арктики (рис. 2).

Данные, представленные на рисунке 2, позволяют оценить уровень территориальных диспропорций по экономическому развитию районов Карельской Арктики в период 2015–2021 гг.

Модель развития демографического показателя Костомукшского ГО является наиболее успешной и характеризуется более устойчивой колебательной амплитудой. С 2017–2018 г. можно наблюдать рост индикатора по рассматриваемым территориям.

Заключение

Рассмотрев асимметрию распределения демографического показателя в районах Карельской Арктики, авторы выявили преобладание районов с низким уровнем экономического развития. Полученные результаты говорят о необходимости внимания к районам с целью выравнивания отдельных показателей и принятия необходимых мер государственной поддержки.

Полученные результаты являются отдельной частью проводимого исследования, в рамках которого планируется рассмотреть большее широкий спектр индикаторов экономического и социального развития, результаты исследования в данном направлении могут быть более детализированы, дополнены и иметь более углубленный формат.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № № 22-28-20504 (<https://rscf.ru/project/22-28-20504/>), проводимого совместно с органами власти Республики Карелия с финансированием из Фонда венчурных инвестиций Республики Карелия (ФВИ РК).

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the grant No. 22-28-20504 (<https://rscf.ru/project/22-28-20504/>), conducted jointly with the authorities of the Republic of Karelia with funding from the Republic of Karelia Venture Capital Fund.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- [1] Мухаметов Д. Р. Развитие человеческого капитала в «умных городах» России: сети и «живые лаборатории» // Мир новой экономики. 2020. № 14(2). С. 16-24. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-16-24>
- [2] Григорьев С. Г., Лукин В. В., Лукин Д. В. Развитие человеческого капитала в условиях цифровизации // E-Management. 2018. № 2. С. 13-19. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2018-2-13-19>
- [3] Салыгин В. И., Криворотов А. К. Задачи развития российской Арктики в новой международной обстановке // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 3(77). С. 7-18. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.001>
- [4] Корчак Е. А. Человеческий капитал и дисбаланс на рынках труда Арктической зоны России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. № 9(366). С. 1619-1631.
- [5] Зоткина Н. С., Гусарова М. С., Копытова А. В. Человеческий капитал как ведущий фактор развития компании. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2021. 164 с.
- [6] Асалиев А. М. Человеческий капитал в контексте стратегии социально-экономического развития // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2017. № 6(96). С. 96-105.
- [7] Орлова Л. Н. Основные принципы и подходы к управлению устойчивым инновационным развитием экономических систем // Менеджмент в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 3-9.
- [8] Дабиев Д. Ф., Чульдун А. Ф. Влияние географических факторов на экономический рост регионов России (на примере приграничных регионов Сибири) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 40. С. 56-67. <https://doi.org/10.17223/19988648/40/6>
- [9] Корчак Е. А. Долгосрочная динамика социального пространства арктических территорий России // АиС. 2020. № 38. С. 121-139. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.38.121>
- [10] Айвазян С. А. Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения. Ч. I. Методология анализа и пример ее применения // Мир России. 2001. Т. X. № 4. С. 59-96.
- [11] Айвазян С. А. Сравнительный анализ интегральных характеристик качества жизни населения субъектов Российской Федерации. Москва: ЦЭМИ РАН, 2001. 65 с.
- [12] Дробышева В. В., Герасимов Б. И. Интегральная оценка качества жизни населения региона: Монография / под науч. ред. Б. И. Герасимова. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета, 2004. 108 с.
- [13] Чой В. И., Оберемко О. А. Индикаторы качества жизни в региональных центрах России // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 57-67.
- [14] Anielski M. The Economics of Happiness: Building Genuine Wealth. Canada: New Society Publishers, 2007. 267 p.
- [15] Baudrillard J. The Consumer Society. London: SAGE Publication, 1998. 208 p.
- [16] Social Indicator / ed. by R. A. Bauer. Cambridge: MIT Press, 1966. 357 p.
- [17] Мартынов А. П., Богословская С. С. Уровень и качество жизни населения в регионах Приволжского федерального округа: современное состояние и динамика развития // Вопросы статистики. 2018. № 25(1). С. 25-33.
- [18] Айвазян С. А., Степанов В. С., Козлова М. И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. 2006. Т. 2. № 2. С. 18-84.
- [19] Карасик Е. А., Сайфутдинова Л. Ф. Проблема исследования качества жизни населения // Экономические науки. 2014. № 11(120). С. 19-24.

[20] *Климкина Л. В.* Оценка качества жизни населения региона // Креативная экономика. 2008. № 10(22). С. 147–152.

[21] *Трофимова Н. В., Лобанова В. А.* Качество жизни населения региона: ключевые подходы к анализу и оценке // Экономические науки. 2009. № 10(59). С. 145-149.

References

[1] *Mukhametov D. R.* Development of Human Capital in Russian “Smart” Cities: Networks and ‘Living labs’ // The world of new economy. 2020. No. 14(2). P. 16-24. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-16-24>

[2] *Grigoriev S. G., Lukin V. V., Lukin D. V.* Human capital in the conditions of digitalization // E-Management. 2018. No. 2. P. 13-19. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2018-2-13-19>

[3] *Salygin V. I., Krivorotov A. K.* Russian Arctic development goals in the new international situation // The north and the market: forming the economic order. 2022. No. 3(77). P. 7-18. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.001>

[4] *Korchak E. A.* Human Capital and Imbalance in the Labor Markets of the Russian Arctic // National Interests: Priorities and Security. 2018. No. 9(366). P. 1619-1631.

[5] *Zotkina N. S., Gusarova, M. S., Kopytova A. V.* Human capital as a leading factor in the development of the company: monograph. Cheboksary: Publishing House “Wednesday”, 2021. 164 p.

[6] *Asaliev A. M.* Human capital in the context of social-economic development strategy // Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2017. No. 6(96). P. 96-105.

[7] *Orlova L. N.* Basic principles and approaches to management of sustainable innovative development of economic systems // Management in Russia and abroad. 2016. No. 3. P. 3-9.

[8] *Dabiev D. F., Chuldum A. F.* The influence of the geographical factor on the economic growth of Russian regions (evidence from the border regions of Siberia) // Tomsk State University Journal of Economics. 2017. No. 40. P. 56-67. <https://doi.org/10.17223/19988648/40/6>

[9] *Korchak E. A.* The Arctic territories of Russia: long-term dynamics of the social space // Arctic and North. 2020. No. 38. P. 121-139. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.38.121>

[10] *Ayvazyan S. A.* Russia in the cross-country analysis of synthetic quality of life of the population. Part I. Methodology of analysis and an example of its application // The universe of Russia. 2001. Vol. X. No. 4. P. 59-96.

[11] *Ayvazyan S. A.* Comparative analysis of integral characteristics of the quality of life of the population of the subjects of the Russian Federation. Moscow: CEMI RAS, 2001. 65 p.

[12] *Drobysheva V. V., Gerasimov B. I.* Integral assessment of the quality of life of the population of the region: monograph / under the scientific editorship of B. I. Gerasimov. Tambov: Publishing House of the Tambov State Technical University, 2004. 108 p.

[13] *Choi V. I., Oberemko O. A.* Indicators of quality of life in the capitals of the Russian Federation regions // Sociological studies. 2017. No. 6. P. 57-67.

[14] *Anielski M.* The Economics of Happiness: Building Genuine Wealth. Canada: New Society Publishers, 2007. 267 p.

[15] *Baudrillard J.* The Consumer Society. London: SAGE Publication, 1998. 208 p.

[16] Social Indicator / ed. by R. A. Bauer. Cambridge: MIT Press, 1966. 357 p.

[17] *Martynov A. P., Bogoslovskaya S. S.* Level and Quality of Life in Regions of the Privolzhskiy (Volga) Federal District: Current State and Development Dynamics // Voprosy statistiki. 2018. No. 25(1). P. 25-33.

[18] *Ayvazyan S. A., Stepanov V. S., Kozlova M. I.* Measuring the synthetic categories of quality of life in a region and identification of main trends to improve the social and economic policy (Samara region and its constituent territories) // Applied Econometrics. 2006. Vol. 2, No. 2. P. 18-84.

[19] *Karasik E. A., Sayfutdinova L. F.* The problem of studying the quality of life of the population // Economic sciences. 2014. No. 11(120). P. 19-24.

[20] *Klimkina L. V.* Assessment of the quality of life of the population of the region // Creative economy. 2008. No. 10(22). P. 147-152.

[21] *Trofimova N. V., Lobanova V. A.* Quality of life of the population of the region: key approaches to analysis and evaluation // Economic sciences. 2009. No. 10(59). P. 145-149.

Информация об авторах

Морошкина Марина Валерьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Карельский научный центр Российской академии наук Институт экономики; <https://orcid.org/0000-0001-6520-4248> (Российская Федерация 185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50; e-mail: maribel74@mail.ru).

Поташева Ольга Вячеславовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Карельский научный центр Российской академии наук Институт экономики; <https://orcid.org/0000-0001-9599-6370> (Российская Федерация 185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50; e-mail: LelyaPotasheva@yandex.ru).

About the authors

Marina V. Moroshkina — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-6520-4248> (50, Al. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: maribel74@mail.ru).

Olga V. Potasheva — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-9599-6370> (50, Al. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: LelyaPotasheva@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-16>

УДК 314.9, 331.35

JEL classification: I15, I25, J21

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ¹

Ю. В. Ромашкина^а, Л. Р. Морозова^б, А. Н. Быкова^в, К. Е. Седова^г

^{а, б, в, г} Карельский научный центр Российской академии наук (г. Петрозаводск, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0002-2043-3060>

^б <https://orcid.org/0000-0001-8792-4000>

^в <https://orcid.org/0000-0003-0686-8073>

^г <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453>

Автор для корреспонденции: Ю. В. Ромашкина (romashkinayulia@gmail.com)

Аннотация. В статье представлено исследование влияния социальных институтов и системы здравоохранения на формирование человеческого капитала. Кроме того, проведен анализ функционирования рынка труда в регионах Европейского Севера России. Целью работы является изучение процесса формирования человеческого капитала на территории Европейского Севера России в контексте глобальных вызовов. Показана дифференциация регионов европейского севера и остальных регионов России. Отмечен фактор территориальной близости с мегаполисами, способствующий «вымыванию» человеческого капитала с территорий Севера. Показана динамика изменения компонентов человеческого капитала в условиях внешних шоков.

Ключевые слова: человеческий капитал; здоровье; занятость; образование; некоммерческие организации

Demographic Factors in Human Capital Formation of the European North of Russia

Yu. V. Romashkina^а, L. R. Morozova^б, A. N. Bykova^в, K. E. Sedova^г

^{а, б, в, г} Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-2043-3060>

^б <https://orcid.org/0000-0001-8792-4000>

^в <https://orcid.org/0000-0003-0686-8073>

^г <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453>

Corresponding author: Yu. V. Romashkina (romashkinayulia@gmail.com)

Abstract. The article presents a study of the impact of social institutions and healthcare system on human capital formation. In addition, the functioning of the labour market in the regions of the European North of Russia is analysed. The research aims to examine the process of human capital formation in the European North of Russia in the context of global challenges. The differentiation between the regions of the European North and other Russian regions is shown. The factor of territorial proximity with urban centres, which contributes to the outflow of human capital from the North, is noted. The dynamics of changes in the components of human capital under external shocks is presented.

Keywords: human capital; public health; employment; education; non-profit organisations

Введение

К концу XX в. стало очевидно, что старение населения — это глобальный тренд, который приводит к повышению нагрузки на пенсионную систему и систему здравоохранения, сокращению численности рабочей силы и качества человеческого капитала.

¹ © Ромашкина Ю. В., Морозова Л. Р., Быкова А. Н., Седова К. Е. Текст. 2023.

Между предприятиями возросла конкуренция за молодые кадры, а между странами — за рабочую силу мигрантов.

Старение населения происходит в результате повышения качества и доступности медицинской помощи и сокращения рождаемости. В 1991 г. на международном уровне были разработаны принципы в отношении пожилых людей¹, а в 2002 г. — план действий по проблемам старения.² В результате отдельные страны пересмотрели приоритеты в области социальной политики, увеличив расходы на здравоохранение. Так, в США расходы на здравоохранение в 2019 г. составили 17 % ВВП, в Швейцарии — 12 %, в Финляндии и Италии — 9 %, в Японии — 11 %³. На фоне этих стран расходы на российское здравоохранение выглядят очень скромно — лишь 5,3 % ВВП.⁴ По данным последней переписи населения, в России доля населения старше 65 лет составляет 16,2 % от общей численности.⁵ Для сравнения: в США этот показатель составляет 13,1 %, в Японии — 22,9 %, в Финляндии — 17,8 %, в Италии — 20,3 %, в Швейцарии — 17 %⁶.

Здоровье населения — один из компонентов человеческого капитала. Не менее важными являются знания и навыки, которые формируются в рамках системы образования. Эта система также меняется под влиянием фактора старения населения. Кроме того, в стремительно меняющемся мире знания устаревают и для сохранения конкурентоспособности на рынке труда их необходимо постоянно обновлять. Поэтому во многих странах внедряется система непрерывного образования, адаптированная под особенности когнитивных навыков разных возрастных групп населения и конкретные производственные задачи.

Практика последних лет показала, что крупные государственные бюджетные организации могут не справляться с актуальными вызовами современности. Это особенно явно проявилось в период пандемии, когда государственная система здравоохранения оказалась не готова к возросшей нагрузке. На помощь пришли некоммерческие организации, они быстро среагировали на новые вызовы. Таким образом, некоммерческий сектор становится еще одним фактором в процессе формирования человеческого капитала. Направления деятельности НКО очень разнообразны, они организуют помощь там, где в работе бизнеса и государства образуются пробелы.

Наличие человеческого капитала предполагает получение дохода за счет его реализации. Поэтому, на наш взгляд, важно отметить функционирование рынка труда как ключевого института использования человеческого капитала региона.

Ввиду большой дифференциации регионов страны целесообразно рассматривать процессы формирования человеческого капитала на ограниченном однородном пространстве, каким является Европейский Север России. В данном исследовании проведен анализ демографических процессов последних лет в регионах Европейского Севера России — Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, Республики Карелия и Республики Коми, рассмотрены трансформационные процессы

¹ Резолюция 46/91 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1991 г. // Организация Объединенных Наций. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml.

² На Второй Всемирной ассамблее по проблемам старения, Мадрид, 8–12 апреля 2002 г.

³ Health at a Glance 2021: OECD Indicators // OECD Publishing, 2021, Paris, <https://doi.org/10.1787/ae3016b9-en>

⁴ Рейтинг стран мира по уровню расходов на здравоохранение // Гуманитарный портал: Исследования (последняя редакция: 23.12.2022). <https://gtmarket.ru/ratings/global-health-expenditure>

⁵ Росстат. Итоги всероссийской переписи населения. Т. 2. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

⁶ Статистика в реальном времени. <https://countrymeters.info/ru>

в рассмотренных системах регионов, адаптирующиеся к изменениям в структуре населения.

Целью данной работы является изучение процесса формирования человеческого капитала на территории Европейского Севера России в контексте глобальных вызовов. Кроме того, предполагается оценка работы ключевых институтов, формирующих человеческий капитал населения — здравоохранения и образования, и роли НКО в этом процессе.

Становление теории человеческого капитала начинается с работ Г. Беккера и Т. Шульца. Основатель теории Т. Шульц впервые определил человеческий капитал как «приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями» [1]. Измерение человеческого капитала является сложной методологической проблемой. Исследователи из Всемирного банка для измерения индекса человеческого капитала используют показатели здоровья населения и уровень знаний¹. Эти два компонента формируются посредством реализации политики в области здравоохранения и образования.

Совокупный показатель человеческого капитала населения, проживающего на определенной территории, зависит от демографической структуры населения. За последние десятилетия демографическая структура России изменилась в сторону повышения доли людей пенсионного возраста. Несмотря на то, что в других странах, например в Западной Европе, доля престарелого населения значительно выше, Россия все же относится к демографически старым странам. В отличие от многих развитых стран, старение населения России происходит «снизу», это означает, что доля пожилого населения растет за счет снижения рождаемости в большей степени, чем от повышения продолжительности жизни.

Процесс старения населения непосредственно влияет на показатель человеческого капитала и, соответственно, на экономику страны в целом [2]. Исследователи-физиологи и антропологи отмечают, что в течение жизни физиологические функции организма человека претерпевают ряд изменений. К ним относятся когнитивные способности, показатели физического здоровья, устойчивость организма к различным заболеваниям. Авторы сходятся во мнении, что предпенсионный возраст характеризуется спадом физических возможностей, способностей к обучению и адаптации к новым технологиям [3–5]. Влияние старения населения на рынок труда в России освещали в своих работах исследователи ведущих научных организаций страны [6]. Для нивелирования негативных последствий старения населения предпринимаются попытки адаптации систем здравоохранения и образования к демографическим изменениям для продления активной трудовой жизни стареющего населения.

Тем не менее, специфика российского законодательства такова, что изменение социальных институтов происходит, как правило, на федеральном уровне, учитывая средние показатели по стране. В России с ее огромной площадью и большой дифференциацией как по составу населения, так и по уровню экономического развития регионов, целесообразно исследовать демографические процессы и их влияние на экономическое развитие отдельных регионов, учитывая их особенности экономического, социального, демографического развития. Ранее были проведены исследования дифференциации регионов по показателям здоровья, образования населения, комплексному показателю человеческого капитала и трудового потенциала [7–10],

¹ Human Capital Project. 2018. World Bank Publications. Washington, 59 p.

однако за короткое время произошли масштабные и резкие изменения в экономике и обществе, что требует анализа и осмысления современных процессов.

Материалы и методы

Как выше было отмечено, измерение человеческого капитала — достаточно сложная проблема ввиду сущности самого показателя, включающего в себя как количественные, так и качественные характеристики. Наше исследование базируется на методике, разработанной Всемирным банком, которая предполагает оценку человеческого капитала, включающую два основных компонента — знания и здоровье. Эти два компонента можно оценивать с помощью разных показателей, однако разработчики остановились на показателе выживаемости, в частности на уровне смертности детей до 5 лет. На наш взгляд, эта оценка не в полной мере отражает показатель здоровья населения. В текущем исследовании за основу показателя здоровья населения взят интегральный показатель ожидаемой продолжительности жизни, который широко используется как показатель качества населения [11]. Кроме того, он важен с точки зрения оценки возможности пожилого населения продолжать трудовую жизнь. Второй показатель — уровень рождаемости, характеризующий количественный компонент человеческого капитала в будущем и оказывающий влияние на демографическую структуру населения. Помимо здоровья населения, исследователи из Всемирного банка измерили показатель знаний на основе количества лет обучения и показателя унифицированных образовательных достижений учащихся. В России существуют унифицированные показатели, отражающие уровень подготовки населения и качество полученных знаний за период обучения. Если рассматривать все население, то уровень образования — достаточно информативный показатель для сравнения уровня подготовки индивидов, выходящих на рынок труда. Для понимания межрегиональных различий в школьном образовании разработана система оценки Единого государственного экзамена. Кроме того, образовательный потенциал региона можно оценить через показатели студентов высших и среднеспециальных учебных заведений на 1000 чел. населения.

Источником данных является Федеральная служба государственной статистики, сайты различных ведомств. Следует акцентировать внимание на том, что часть данных актуализирована с учетом Всероссийской переписи населения 2020, проведенной в октябре–ноябре 2021 г., часть данных результаты переписи не учитывают.

Результаты и обсуждение

Основой человеческого капитала территории является его население, его качественные и количественные характеристики. Следует отметить динамику изменения численности за последние два десятилетия. Согласно переписям населения, за межпереписный период с 2002 г. по 2021 г. численность населения Европейского Севера сократилась более чем на 907 тыс. чел., что составляет 21 % от численности на 2002 г. Наибольшее сокращение численности наблюдалось в Республике Коми — за 19 лет численность сократилась более чем на 27 %.¹

В области здоровья населения в период 2012–2019 гг. наблюдается стабильный рост продолжительности жизни. В целом по стране продолжительность жизни выросла на 3,1 года, а в отдельных регионах Европейского Севера более чем на 3,5 года.

¹Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 1. Численность и размещение населения.

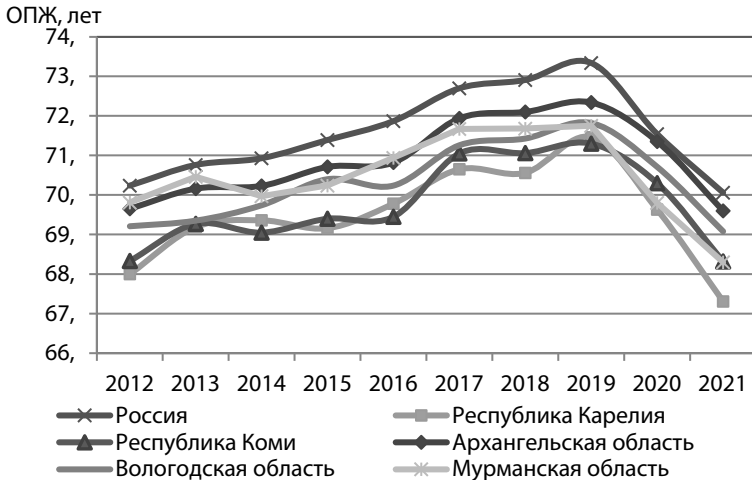

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) в регионах Европейского Севера и России за 2012–2021 гг. (источник: на основе данных Федеральной службы государственной статистики)

Однако в 2020 г. весь мир потрясло появление опасного вируса COVID-19, вследствие чего существовавшая ранее динамика роста ожидаемой продолжительности жизни, резко изменила направление. За два года показатели ожидаемой продолжительности жизни резко снизились, оказавшись на уровне значений десятилетней давности (рис. 1).

На борьбу с новой опасностью потребовались большие ресурсы, в том числе практически полное перепрофилирование лечебных учреждений, на создание эффективных методов лечения и профилактики (вакцинопрофилактика) также потребовались время и человеческие ресурсы, поэтому этим можно объяснить некоторую избыточную смертность, в 2020 г. смертность увеличилась на 17,9 % [12].

Показатель рождаемости также претерпел некоторые изменения. На 2012 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР) практически во всех регионах Европейского Севера (за исключением Мурманской области) был выше среднероссийских значений, и вплоть до 2015 г. наблюдался стабильный рост данного показателя. С 2016 г. СКР как в целом по стране, так и в регионах Европейского Севера, отмечалось постепенное снижение значений; распространение пандемии COVID-19 в 2020 г. также оставило свой след и на воспроизведении населения. Если в 2020–2021 гг. снижение СКР не было таким серьезным вследствие масштабной борьбы с распространением заболевания, то на момент 2022 г. произошло резкое снижение коэффициента рождаемости. Стоит отметить, что падение СКР стало настолько сильным, что показатели регионов Европейского Севера установились на значениях довольно низких по сравнению со среднероссийскими цифрами (рис. 2).

В исследованиях российских и зарубежных авторов неоднократно обсуждалась роль образования и качества полученных знаний на доходы и уровень жизни населения [13]. На рисунке 3 показана структура населения по уровню образования. В большинстве регионов Европейского Севера доля населения, имеющего высшее

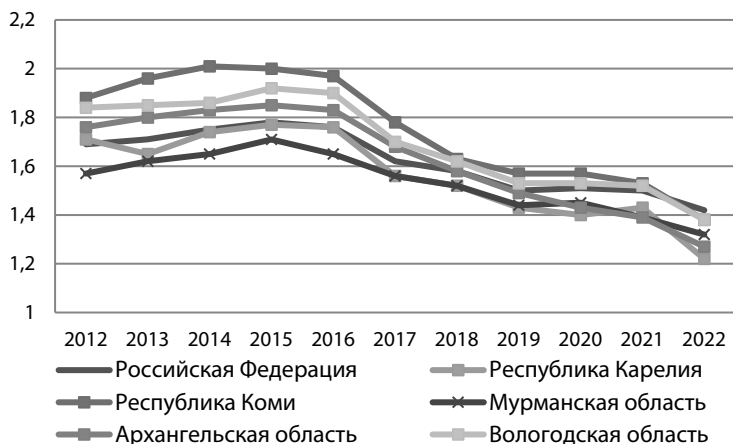

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в регионах Европейского Севера и России за 2012–2022 гг. (источник: на основе данных Федеральной службы государственной статистик)

образование, уступает средним показателям по России. Как демонстрируют данные, представленные в таблице 1, высшее образование сосредоточено в основном в трудоспособных возрастах. Среднее профессиональное образование сосредоточено в большей части в возрасте старше трудоспособного.

Между регионами также существует дифференциация в показателе качества образования. Анализом деятельности образовательных учреждений занимается ряд организаций: Министерство просвещения Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, Федеральный институт оценки качества образования. Деятельность организаций на региональном и местном уровне оценивается по трем группам показателей — результаты обучения, практикоориентированность школьного образования, управление системой образования.

В рамках нашего исследования интерес представляет показатель «поступление в вузы своего региона». Этот показатель вычисляется как доля выпускников 11 класса,

Рис. 3. Уровень образования населения регионов Европейского Севера России в возрасте 15 лет и старше (источник: Составлено авторами на основе данных Всероссийской переписи населения 2020)

Таблица 1

Структура населения регионов Европейского Севера России и уровню образования в разрезе основных возрастных групп

	Возраст	Уровень образования, %		
		высшее	неполное высшее	среднее профессиональное
Российская Федерация	15 лет и более	21,1	2,0	32,8
	трудоспособном	23,7	2,3	31,0
	старше трудоспособного	15,7	1,3	38,3
Республика Карелия	15 лет и более	21,0	1,6	39,1
	трудоспособном	22,9	2,0	36,5
	старше трудоспособного	17,9	1,0	45,5
Республика Коми	15 лет и более	17,8	1,3	34,6
	трудоспособном	20,2	1,5	32,2
	старше трудоспособного	13,0	0,8	42,1
Архангельская область (с Ненецким автономным округом)	15 лет и более	17,4	1,2	38,4
	трудоспособном	19,8	1,5	36,1
	старше трудоспособного	13,1	0,7	44,7
Вологодская область	15 лет и более	16,9	1,1	33,8
	трудоспособном	18,7	1,5	31,7
	старше трудоспособного	13,8	0,7	39,7
Мурманская область	15 лет и более	22,5	1,4	35,4
	трудоспособном	26,0	1,6	33,5
	старше трудоспособного	14,5	0,8	42,2

Источник: Составлено авторами на основе данных Всероссийской переписи населения 2020.

поступивших в вузы своего региона в общей численности выпускников, поступивших в вузы¹. Согласно данным рейтинга, составленного Рособрудзором, школьники северных регионов более склонны поступать в вузы других регионов, тем самым увеличивая дифференциацию регионов в возрастной структуре населения.

Существует взаимосвязь показателей рынка труда и демографической структуры населения. Среди российских регионов наблюдается значительная дифференциация по возрастной структуре населения. В большинстве регионов Европейского Севера доля населения старше трудоспособного возраста выше, чем в среднем по стране. Одной из причин такого явления может выступать миграция населения. Существующие мировые процессы миграции характеризуются направлениями от периферии к центру и с севера на юг. В случае с Европейским Севером эти два фактора совпадают и накладываются, приводя к обезлюдиванию территории, потери существенной части населения. При этом наиболее активными являются люди молодого возраста, наиболее образованные, с высоким уровнем человеческого капитала. Пожилое население менее мобильно. Этот факт приводит к вымыванию рабочей силы с территорий и старению населения Севера.

Возрастная структура населения (табл. 2) влияет на показатель занятости населения, так как после выхода из трудоспособного возраста уровень экономической

¹Официальный сайт Рособрудзора. Показатели субъектов Российской Федерации по итогам 2021 года. <https://maps-oko.fioso.ru/> (дата обращения: 21.01.2023).

Структура населения России и регионов Европейского Севера по основным возрастным группам, %

Регион	Доля населения старше трудоспособного возраста	Доля населения в трудоспособном возрасте
Российская Федерация	24,9	58,3
Республика Карелия	28,3	54,6
Республика Коми	23,8	57,4
Архангельская область	26,8	55,3
Вологодская область	26,6	55,5
Мурманская область	22,3	59,5

активности населения снижается, что сказывается на показателе занятости населения. В этих условиях особенно актуальным становится вопрос вовлечения пожилого населения в трудовой процесс, использования его человеческого капитала. На рисунке 4 представлена динамика уровня занятости населения за период 2017–2021 гг. Этот показатель зависит как от уровня безработицы, так и от экономической активности населения. Причем в Мурманской области этот показатель значительно выше уровня не только остальных регионов Европейского Севера, но и России в целом. Это может быть связано с возрастной структурой населения — в Мурманской области в структуре населения наименьшая доля населения старше трудоспособного возраста среди рассматриваемых территорий, а население трудоспособного возраста обычно в большей степени экономически активно (рис. 5).

Значение сектора некоммерческих организаций (НКО) в России и мире растет. Согласно действующему российскому законодательству, под некоммерческой организацией понимается «организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками». НКО могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов

Рис. 4. Уровень занятости населения по годам (источник: ЕМИСС Государственная статистика. URL <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 21.01.2023))

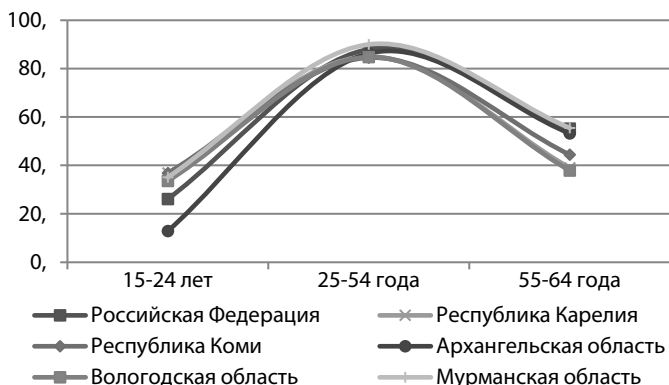

Рис. 5. Уровень занятости населения по возрастным группам, 2021 г. (источник: ЕМИСС Государственная статистика. <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 21.01.2023)

граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ¹.

Некоммерческие организации, удовлетворяя потребности гражданского общества и уязвимых групп населения, становятся важным компонентом экономической системы стран и регионов, влияя на развитие человеческого капитала. Количество НКО за последние годы выросло в Карелии и во всем СЗФО². Стремительный взлет НКО в международном развитии за последние три десятилетия также отмечается исследователями [15]. Росту НКО способствовало часто неявное предположение о том, что некоммерческие организации эффективны в решении социально-экономических проблем через сильное гражданское общество, предоставлении услуг, когда у государства и бизнеса не хватает человеческих ресурсов [16].

Для реализации своих уставных целей НКО могут финансироваться за счет добровольных пожертвований юридических и физических лиц, государственных субсидий, грантовых средств частных и государственных фондов, а также осуществлять коммерческую деятельность. В этом исследовании мы опирались на значение НКО для региональной и федеральной властей, поэтому обратили внимание на грантовую поддержку НКО на примере Республики Карелия с 2021 г., когда был зарегистрирован фонд грантов главы Карелии.

В 2021 г. в рамках конкурса грантов Главы Карелии поддержку получили 63 НКО Карелии на сумму более 80 млн руб., в 2022 г. — 65 НКО на сумму 100 млн руб. В 2021 г. из Карелии получили поддержку 57 проектов на сумму более 80 млн руб., в рамках конкурса фонда президентских грантов, в 2022 г. — 42 НКО на сумму более 70 млн руб. По результатам первого конкурса 2023 г. фонда президентских грантов 17 НКО Карелии получили поддержку на сумму более 30 млн руб. [17].

Таким образом, можно отметить, что поддержка социальных проектов НКО государством и региональной властью растет, конкуренция в конкурсах также возрастает

¹ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве). Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

² О деятельности некоммерческих организаций в Республике Карелия // Официальный сайт Управления Министерства юстиции по Республике Карелия. <http://unro.minjust.ru/NKOReports.aspx> (дата обращения: 28.09.2022).

в связи с увеличением числа НКО и повышения требований к проектам. За счет этого развитие человеческого капитала идет не только в плане поддержки целевых групп проектов НКО, но и в сфере повышения компетенций команд НКО, экспертов конкурсов, в сфере повышения доверия к сектору НКО.

Другим важным аспектом развития человеческого капитала через НКО является большая вовлеченность в благотворительность гражданского общества, последние исследования отмечают рост количества добровольцев, тех, кто стал регулярно помогать фондам и участвовать в их проектах. Такая динамика отмечена после эпидемии коронавируса, начала специальной военной операции и мобилизации¹. Таким образом, развитие добровольчества через сектор НКО становится новым трендом поддержки гражданского общества и формирования человеческого капитала.

Заключение

В настоящее время лидерами в мире по темпам экономического роста стали страны, которые научились лучше других развивать и формировать человеческий капитал. Человеческий капитал населения формируется посредством взаимодействия различных институтов и подсистем. Мы разделяем мнение ряда исследователей, что важнейшими являются системы здравоохранения и образования. Кроме того, возрастает роль некоммерческих организаций, способствующих росту человеческого капитала региона.

В исследовании рассмотрена динамика показателей здоровья, которая отражает эффективность принимаемых мер по улучшению здоровья населения в период 2021–2019 гг. Однако система здравоохранения оказалась не готова выдержать нагрузку, связанную с начавшейся в 2020 г. пандемией. Потери человеческого капитала, связанные с пандемией, на сегодняшний день сложно оценить, но уже очевидно, что разные страны и регионы, имея различный запас прочности в области здравоохранения, понесли и продолжают нести разные потери человеческого капитала. Кроме того, демографическая структура населения играет не последнюю роль — в большей степени пострадали регионы с большей долей населения старшей трудоспособного возраста.

Формирование и использование знаний, умений, компетенций людей, их способности к дальнейшему обучению, совместной деятельности — еще один важный показатель человеческого капитала. Более образованные и квалифицированные специалисты способны к более сложному труду, а последний создает больше добавленной стоимости в единицу времени, чем труд малоквалифицированного работника, то есть, делает вклад в ВВП страны, ВРП региона. В настоящее время процесс образования претерпевает существенные изменения. Уже недостаточно получить знания в образовательном учреждении и пользоваться ими на протяжении десятилетий. Уровень образования населения России — один из самых высоких в мире, однако внешние условия и демографические процессы вносят свои коррективы. Адаптация образовательных программ к структуре населения, их практическое применение становятся ключевым фактором экономического роста. В условиях, когда на рынке труда увеличивается квалификационная яма, растет численность возрастных сотрудников и знания быстро устаревают, возрастает роль некоммерческих организаций, которые способны быстро

¹ Юршина М. Привычка помогать: после начала СВО системная благотворительность уступила стихийной // Профиль. <https://profile.ru/society/privyчка-pomogat-posle-nachala-svo-sistemnaya-blagotvoritelnost-ustupila-stihijnaj-1216798/> (дата обращения: 27.01.2023).

адаптироваться к меняющимся условиям и помочь адаптироваться различным структурам и населению. В таких условиях помощь некоммерческому сектору способствует росту человеческого капитала.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках государственного задания КарНЦ РАН «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Acknowledgements

The article has been prepared within the framework of the state order of KRC RAS «Comprehensive research and development of management framework for sustainable development of the northern and frontier belts of Russia in the context of global challenges».

Список источников

- [1] Schultz T. W. Capital Formation by Education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68. No. 6. P. 571-583.
- [2] Капелюшников Р. И. Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 2. С. 8-63. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-2-8-63>
- [3] Доброхлеб В. Г. Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 2. С. 66-76. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.6>.
- [4] Bromley D. B. The psychology of human ageing. London: Penguin Books, 1966. 366 p.
- [5] Birren J. E. The psychology of aging. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964. 303 p.
- [6] Лукьянова А. Л., Капелюшников Р. И. Работники предпенсионного и пенсионного возраста на российском рынке труда: тенденции в реаллокации занятости // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 5-34. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-5-34>
- [7] Римашевская Н. М., Мигранова Л. А., Токсанбаева М. С. Человеческий и трудовой потенциал российских регионов // Народонаселение. 2014. № 3. С. 106-119.
- [8] Попова Л. А. Терентьева М. А. Сравнительная оценка трудового потенциала северных регионов России // Регион: Экономика и социология. 2014. № 1(81). С.29-45.
- [9] Локосов В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В. Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала // Экономика региона. 2015. № 4. С. 185-196. <https://doi.org/10.17059/2015-4-15>
- [10] Фурсов В., Кривокоца Е., Стриелковски В. Региональные аспекты оценки трудового потенциала в современной России // Terra Economicus. 2018. Т. 16. № 4. С. 95-115. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-95-115>.
- [11] Regional trajectories in life expectancy and lifespan variation: Persistent inequality in two Nordic welfare states / B. Wilson, S. Drefahl, I. Sasson, P. M. Henery, C. Uggla // Population, Space and Place. 2020. Vol. 26, No. 8. <https://doi.org/10.1002/psp.2378>
- [12] Дружинин П. В., Молчанова Е. В. Смертность населения российских регионов в условиях пандемии COVID-19 // Регионология. 2021. Т.29. № 3. С. 666-685. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.666-685>
- [13] Castelló-Climent A., Doménech R. Human capital and income inequality revisited // Education Economics. 2021. Vol. 29. No. 2. P. 194-212. <https://doi.org/10.1080/09645292.2020.1870936>
- [14] Каравай А. В. Состояние человеческого капитала российских профессионалов // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 1. С. 124-137. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-124-137>

[15] NGOs and international development: A review of thirty-five years of scholarship / J. N. Brass, W. Longhofer, S. R. Robinson, A. Schable // *World Development*. 2018. No. 112. P. 136-149. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.07.016>

[16] Brass J. N. *Allies or Adversaries: NGOs and the State in Africa*. New York: Cambridge University Press, 2016. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316678527>

[17] Быкова А. Н. Роль социальных проектов НКО в социально-экономическом развитии региона на примере Республики Карелия // *Вопросы экономической географии и статистики пространственного развития*. Мат-лы XII междунар. науч.-практ. конф., посвященной К. И. Арсеньеву, 28–30 сент. 2022 г. Москва: Первое экономическое издательство, 2022. С. 15-18.

References

[1] Schultz T. W. Capital Formation by Education // *Journal of Political Economy*. 1960. Vol. 68, No 6. P. 571-583.

[2] Kapelyushnikov, R. I. The Phenomenon of Population Aging: Major Economic Effects // *Economic policy*. 2019. Vol. 14, No. 2. P. 8-63. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-2-8-63>.

[3] Dobrokhleb V. G. Demographic aging in Russia and new social reality // *Population*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 66-76. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.6>.

[4] Bromley D. B. *The psychology of human ageing*. London: Penguin Books, 1966. 366 p.

[5] Birren J. E. *The psychology of aging*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964. 303 p.

[6] Lukyanova A. L., Kapeliushnikov R. I. Older workers in the Russian labor market: Trends in employment reallocation // *Voprosy Ekonomiki*. 2019. No. 11. P. 5-34. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-5-34>

[7] Rimashevskaya N. M., Migranova L. A., Toksanbaeva M. S. Human and labour potential of the Russian regions // *Population*. 2014. No. 3. P. 106-119.

[8] Popova L. A., Terentyeva M. A. Comparative Assessment of Labour Potential in the North Regions of Russia // *Region: Economics and Sociology*. 2014. Vol. 81, No. 1. P. 29-45.

[9] Lokosov V. V., Ryumina Ye. V., Ulyan V. V. Regional Differentiation of Human Potential Indicators // *Economy of Region*. 2015. No. 4. P. 185-196. <https://doi.org/10.17059/2015-4-15>

[10] Fursov V. Krivokora E., Strielkowski W. Regional aspects of labor potential assessment in modern Russia // *Terra Economicus*. 2018. Vol. 16, No. 4. P. 95-115. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-95-115>.

[11] Regional trajectories in life expectancy and lifespan variation: Persistent inequality in two Nordic welfare states / B. Wilson, S. Drefahl, I. Sasson, P. M. Henery, C. Ugglå // *Population, Space and Place*. 2020. Vol. 26, No. 8. <https://doi.org/10.1002/psp.2378>

[12] Druzhinin P. V., Molchanova E. V. Mortality Rates in Russian Regions in the Context of the COVID-19 Pandemic // *Russian Journal of Regional Studies*. 2021. Vol. 29, No. 3. P. 666-685. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.666-685>

[13] Castelló-Climent A., Doménech R. Human capital and income inequality revisited // *Education Economics*. 2021. Vol. 29. No 2. P. 194-212. <https://doi.org/10.1080/09645292.2020.1870936>

[14] Karavay, A. V. State of human capital of the Russian professionals // *Terra Economicus*. 2021. Vol. 19. No. 1. P. 6–31. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-6-31>

[15] NGOs and international development: A review of thirty-five years of scholarship / J. N. Brass, W. Longhofer, S. R. Robinson, A. Schable // *World Development*. 2018. No. 112. P. 136-149. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.07.016>

[16] *Brass J. N.* Allies or Adversaries: NGOs and the State in Africa. New York: Cambridge University Press, 2016. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316678527>

[17] *Bykova A. N.* The Role of Ngo Social Projects in the Socio-Economic Development of the Region on the Example of the Republic of Karelia // Materials of the 11th International Conference in honour of K. I. Arsenyev “Problems of economic geography and statistics of spatial development statistics” (September 28-30, 2022). M.: First economic publishing house, 2022. P. 15-18.

Информация об авторах

Ромашкина Юлия Валерьевна — младший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН <https://orcid.org/0000-0002-2043-3060> (Российская Федерация, 185005, г. Петрозаводск, пр. Александра Невского, 50; e-mail: romashkinayulia@gmail.com).

Морозова Людмила Руслановна — аспирант, младший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН <https://orcid.org/0000-0001-8792-4000> (Российская Федерация, 185005, г. Петрозаводск, пр. Александра Невского, 50; e-mail: kryuchkova96@yandex.ru).

Быкова Анастасия Николаевна — аспирант, младший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН <https://orcid.org/0000-0003-0686-8073> (Российская Федерация, 185005, г. Петрозаводск, пр. Александра Невского, 50; e-mail: anaamalia20696@gmail.com).

Седова Ксения Евгеньевна — аспирант, младший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453> (Российская Федерация, 185005, г. Петрозаводск, пр. Александра Невского, 50; e-mail: ks.skidava@gmail.com).

About the authors

Yulia V. Romashkina — Research Assistant, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-2043-3060> (50, Al. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: romashkinayulia@gmail.com).

Liudmila R. Morozova — PhD Student, Research Assistant, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-8792-4000> (50, Al. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; kryuchkova96@yandex.ru).

Anastasia N. Bykova — PhD Student, Research Assistant, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0003-0686-8073> (50, Al. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; anaamalia20696@gmail.com).

Kseniya E. Sedova — PhD Student, Research Assistant, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453> (50, Al. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: ks.skidava@gmail.com).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-17>

УДК 911.374.1

JEL: P25, P28

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОДМОСКОВНЫХ ДАЧ¹

А. В. Русанов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-9047-401X>

Автор для корреспонденции: А. В. Русанов (rusanovmsu@gmail.com)

Аннотация. *Функциональные различия подмосковных садово-дачных образований отражают усиление значения жилищной функции в прилегающих к столице районах, которые исторически формировались с учетом возможности круглогодичного проживания. Из-за высокой стоимости земли ближайшие пригороды постепенно сокращают дачные функции, становясь элитными субурбиями, либо полностью теряют их, вытесняясь многоэтажной застройкой повышенной комфортности. Традиционный «дачный пояс» отдалается на 30–40 км от столичных границ, но благодаря развитию локальных городских центров, транспорта и коммуникации здесь расширяются масштабы бюджетной малоэтажной жилой застройки на потенциально дачепригодных землях. На отдаленных землях Московской области дачные функции почти не изменились, за исключением отдельных площадей с уникальными природными условиями или с хорошей транспортной доступностью, где дачное освоение приобретает форму коттеджных поселков.*

Ключевые слова: дачи; садово-дачные образования; сельско-городские взаимосвязи; жилищная застройка

Functional Differentiation of Dachas in Moscow Oblast

A. V. Rusanov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-9047-401X>

Corresponding author: A. V. Rusanov (rusanovmsu@gmail.com)

Abstract. *The functional differences of the dachas and second homes in Moscow oblast reflect the increasing importance of the housing function in Moscow's suburbs. Such houses were constructed with the possibility of year-round residence in mind. Due to the high cost of land, the nearest suburbs are gradually losing dacha functions, becoming elite suburbs with high comfort buildings. The traditional «dacha belt» is moving 30–40 km away from the borders of the capital. In connection with the development of local urban centres, transport and communications, the scale of low-budget residential development on lands potentially suitable for dachas is expanding. In the remote lands of Moscow oblast, dacha functions are almost unchanged, except for some areas with unique natural conditions or with good transport accessibility, where dacha development takes the form of modern cottage settlements.*

Keywords: dacha; second homes; rural-urban linkages; residential development

Введение

Сегодня дачи являются неотъемлемым компонентом городского образа жизни и через сельско-городские взаимосвязи способствуют решению некоторых проблем городов за их пределами. Общественный прогресс приводит к тому, что количество и содержание дачных функций меняется, а сочетание их на разных территориях отражает локальную специфику урбанизации. Современные постиндустриальные

¹ © Русанов А. В. Текст. 2023.

тенденции убрали традиционную продовольственную доминанту дач, сблизили экономическую функцию с экологической, отдав приоритет «чистому» урожаю, и с рекреационной, сделав сады и огороды популярным хобби. Уже первые российские организованные садово-дачные образования (СДО) предоставляли своим владельцам возможности сезонной или круглогодичной альтернативы городскому жилью, и сегодня этот процесс продолжает развиваться. Особенно ярко он заметен в столичной области, поскольку жилищный вопрос в Москве всегда был очень острым, а размеры и природно-институциональное разнообразие Подмосковья делают реальными все перспективы дачных поселений — от сохранения их в качестве сезонного второго дома горожан до передачи земель под массовую многоэтажную жилую застройку. Это делает актуальным изучение жилищных особенностей подмосковных СДО с учетом их отдаленности от столицы, институциональных, природных и экологических характеристик. Источниками информации стали открытые базы данных крупнейших российских агентств недвижимости, законодательные, нормативные, статистические, картографические, литературные источники, архивные материалы Федеральной службы государственной статистики по Московской области.

Сельско-городская специфика дачной субурбанизации

Локализация и функции вторых домов в российских СДО позволяют рассматривать их как своеобразные субурбии, сельско-городские взаимосвязи которых определяются обстоятельствами и последствиями притока новых обитателей в дачные поселения. Интенсивность процесса неравномерна: он отчетливо виден в границах ближайших пригородов и более отдаленных, но важных коммуникационных маршрутах (вдоль автомобильных дорог с твердым покрытием и рядом с железнодорожными станциями), а также в районах с высокой земельной рентой и уникальными ландшафтами (локальные курорты). Усиление жилищного компонента СДО связано с макроструктурными (системными) и микроструктурными (индивидуальными) причинами дачной субурбанизации, схожими с общими причинами субурбанизации [1]:

1. Макроструктурные:

- последствия нехватки доступного жилья в городах;
- повышение уровня жизни и облегчение дачного кредитования;
- перевод сельскохозяйственных земель в земли под жилую застройку и «расползание» городов;
- снижение качества жизни в крупных микрорайонах («человеяники») и в центре городов («ситизация»);
- автомобилизация и развитие дорожной инфраструктуры;
- динамичное развитие рынка строительных материалов;
- пандемия.

2. Микроструктурные:

- выбор жилищных предпочтений (возможность смены места жительства между городом и областью);
- мода на «дачную жизнь»;
- индивидуализация качества жизни: стремление к большим площадям, открытому пространству и экологическим ценностям, недоступным в городе;
- появление проектов комфортных одноквартирных домов;
- чувство безопасности жилой среды.

Такие мотивы загородного проживания означают, что горожане отвергают не город как комплексную социально-пространственную, инфраструктурную и сервисную систему возможностей для своего образа жизни, а городскую среду обитания как место жительства, не соответствующее их устремлениям. Однако выбор в пользу круглогодичного проживания на даче не означает, что горожане будут формировать специфическую социокультурную систему дачного поселения, они практикуют маятниковые трудовые и учебные поездки в город, сохраняя большую часть профессиональной, потребительской и социальной активности в городе. Это приводит к неэффективному использованию инженерной и социальной инфраструктуры и ресурсов, как в городе, так и за его пределами.

Среди многообразия сельско-городских контактов наиболее важными являются те, которые направлены на снижение изоляции сельской местности и улучшение локального качества жизни: жилье, работа, образование, здравоохранение, сфера услуг, мобильная связь и интернет. В сети постоянных поселений их доступность повышается благодаря локальным центрам (малым городам и поселкам городского типа), отвечающим на запросы обитателей вторых домов. При этом сами дачные поселения, особенно долго существующие и хорошо организованные, имеют определенную общетерриториальную значимость как уникальные пространства, формирующие чувство территориально-культурной идентичности у сезонно проживающих жителей. Сервисное значение локальных центров усиливается с повышением интенсивности функциональных связей с дачными поселениями, которые предъявляют спрос на повседневные услуги, дублирующие городские (розничная торговля, общественное питание, экстренная помощь), тогда как детские образовательные учреждения мало привлекают дачников. Таким образом, возникает несбалансированность территории дачного освоения, при которой «функциональной пустоте» периферии противопоставляется «концентрация функций» в локальных центрах. Современная полифункциональность развития сельских территорий и переход от традиционной сельскохозяйственной занятости к инновационным агроиндустриальным и удаленным рабочим местам позволяют сделать дачные поселения местами приложения труда для горожан.

Жилищные особенности подмосковных садово-дачных образований

Спецификой подмосковных дачных поселений является их девелоперская основа, в результате чего дачники оказываются обособленными от коренных жителей ближайших сельских поселений, а территориальная дистанция дополняется социальной. В Московской области в 2021 г. насчитывалось около 12 тыс. СДО общей площадью более 135 га (рис. 1). Такая популярность означает, что большинство москвичей имеет опыт дачной жизни и использует его в решении индивидуальных проблем, а «город» и «дача» рассматриваются государством как эквивалентные элементы в системе регионального управления.

В конце XIX в. промышленный подъем спровоцировал массовую нехватку доступного жилья в Москве, стоимость аренды которого в городе в несколько раз превысила загородную [2]. Во второй половине 1890-х гг. на дачах стали круглый год жить «зимники», «превращающие городских обитателей из временных в постоянных», а дачные поселки стали «крупным фактором уездной жизни»¹. С учетом этого уже в первых подмосковных организованных дачных поселениях создавалась соответствующая

¹Поселковая жизнь в 1910 году // Экономически-статистический сборник. Вып. I. Москва, 1911.

Рис. 1. Садово-дачные образования Московской области, 2021 г. (источник: составлено автором)

инфраструктура, позволявшая находиться там круглый год, и сезонное переселение на дачу становилось постоянным: по данным переписи 1902 г., около 2/3 населения в ближайших московских пригородах «были пришлые рабочие или ремесленники» [3]. Переход к централизованному планированию в 1917 г. не снизил остроту жилищной проблемы, и практика переезда на весь год на дачи продолжилась. Развитие дачно-строительной кооперации (ДСК) в 1920-е гг. заложило основу подмосковных дачных поселений, по территориальным и социальным характеристикам схожих с привилегированными зарубежными субурбиями.

В ходе социалистической индустриализации в некоторых дачных поселениях были размещены промышленные предприятия, что категорически запрещалось правилами дореволюционных дачных поселков, дачные дома стали рабочими общежитиями, а сами поселения — «рабочими поселками» (Подлипки, 1938), иногда приобретающая несвойственные им административно-управленческие функции (Ленино (бывш.

Царицыно), 1939, центр Ленинского района Московской области) либо полностью или частично ликвидировались «по производственной необходимости» (Хлебниково, Шереметьевский при строительстве канала им. Москвы). С учетом того, что в 1934 г. в Московской области было выделено 200 тыс. участков общей площадью 121,7 тыс. км² под рабочие огороды¹, которые априори допускали только продовольственную (подсобно-аграрную) функцию, рост числа «зимников» свидетельствует об укреплении селитебной функции дачных поселений, способствующей их слиянию с городом или «автономизации» за счет поглощения свободных земель или объединения с соседними поселениями (поселок Челюскинский получил статус дачного в 1938 г., а в 1940 г. включен в черту стародачного Черкизова)².

Расширение ДСК за счет городских трудовых коллективов увеличило к 1935 г. площадь дачного фонда до 150 тыс м², что позволило обеспечить жильем ок. 30 тыс. москвичей. Размещение в дачных поселениях объектов социальной сферы продолжило процесс распространения городского образа жизни на сельские территории и формирования градообразующих отраслей урбанистического типа. Это либо укрепляло тенденцию к слиянию их с соседними городами, либо развивало в автономные населенные пункты со статусом «дачный поселок». После Великой Отечественной войны жилищная проблема в столице оставалась актуальной, однако решать ее с помощью дачного фонда стало сложнее, поскольку удаленность земель под СДО достигла 70 км от Москвы. В 1950–1960-х гг. на нарушенных землях, освободившихся после промышленной разработки торфа в Ногинском, Орехово-Зуевском, Дмитровском и Талдомском районах появились СДО, позже объединившиеся в «дачные конгломераты» с общей инфраструктурой и управленческими связями, характерными для автономных поселений [4].

До начала 1990-х гг. площади относительно «дачепригодных» свободных земель сокращались, даже выводимые из сельскохозяйственного оборота низкоплодородные сельхозугодья оставались лишь в слабоурбанизированном и труднодоступном дальнем Подмосковье, мало подходящем для постоянного проживания горожан. После рыночных реформ наиболее привлекательные «дачепригодные» земли все чаще переводились из земель сельскохозяйственного назначения в земли населенных пунктов или ИЖС, где размещались коттеджные поселки или объекты малоэтажного строительства. Сегодня сеть сезонного дачного расселения Московской области превышает 7 тыс. поселков вне границ официальных населенных пунктов, что на 20 % больше общего числа сельских поселений [5]. Земли СДО занимают 4–6 % от общей площади в прилегающих к МКАД районах области, сокращаясь по мере удаления до 3 % (рис. 2). Больше всего СДО в северных и западных направлениях, где сосредоточена треть СНТ и ДНТ: это Истринский (673 — 5,7 %), Дмитровский (663 — 5,6 %), Наро-Фоминский (640 — 5,4 %), Солнечногорский (640 — 5,4 %), Одинцовский (615 — 5,2 %), Сергиево-Посадский (602 — 5,1 %) районы (рассчитано по [9]).

В настоящее время из-за «расползания» территории столицы СДО ближнего Подмосковья постепенно теряют дачные функции, становясь элитными субурбидиями, либо вытесняясь многоэтажной застройкой. По данным московских агентств

¹ О развертывании индивидуального рабочего огородничества. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1935 г. <https://istmat.info/node/59521> (дата обращения: 04.09.2021).

² Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. / Гл. арх. упр. Московской обл., Центральный гос. арх. Московской обл.; [сост.: Г. Е. Кирюшкин и др.]. Москва: Кучково поле, 2011. 895 с.

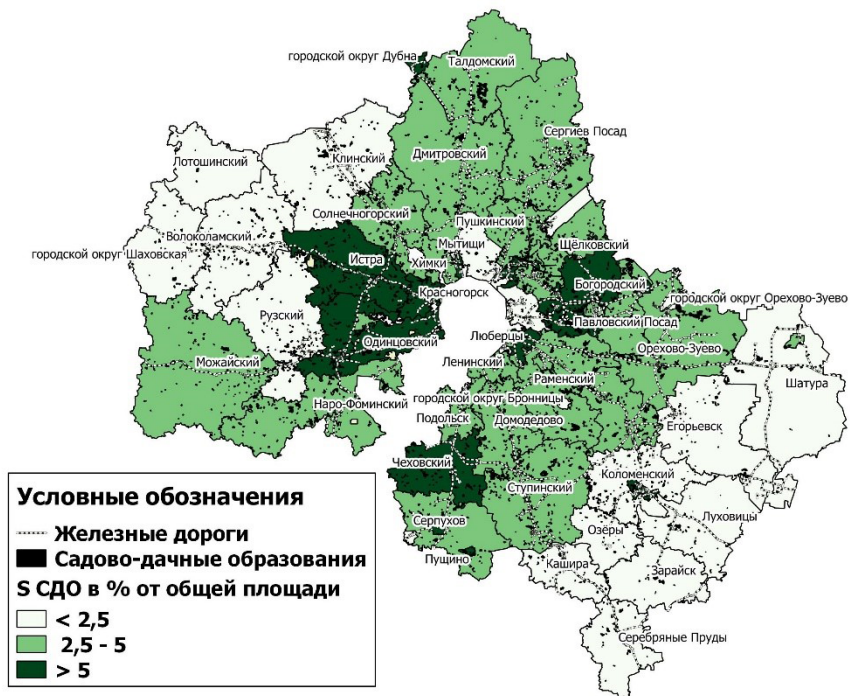

Рис. 2. Площадь, занимаемая садово-дачными образованиями в районах Московской области (сост. автором по: Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. <https://rosstat.gov.ru/519> (дата обращения: 04.09.2021); Реестр дачников Московской области / Министерство имущественных отношений Московской области. 2017. <https://mio.mosreg.ru/dokumenty/napravleniya-deyatelnosti/gosudarstvennoe-regulirovanie-zemelnyh-otnosh/reestr-dachnikov/20-03-2017-09-53-58-reestr-dachnikov-moskovskoy-oblasti-po-sostoyaniyu> (дата обращения: 04.09.2021))

недвижимости, в городских округах, непосредственно граничащих со столицей (ГО Балашиха, Одинцовский, Подольск, Люберцы, Химки, Красногорск, Королев, Мытищи), располагаются современные комфортабельные коттеджные поселки, выросшие из немногочисленных дореволюционных дачных поселений, первых советских ДСК и «стародачных» объединений. Из-за высокой кадастровой цены земли здесь крупные девелоперы стремятся застроить площади, полученные от собственников участков в бюджетных садоводческих некоммерческих товариществах (СНТ) или от арендаторов участков в огороднических некоммерческих товариществах (ОНТ), жилыми комплексами повышенной этажности бизнес- или комфорт-класса. Такая недвижимость негативно влияет на престиж традиционных элитных дачных пригородов: о стирании даже институциональных границ между ними и городом свидетельствует, например, строительство 17–18-этажных домов в дачном поселке Красково ГО Люберцы.

«Дачный пояс» переместился в Среднее Подмоскowie на 40–60 км от МКАД, где административные центры (Ногинск, Дмитров, Солнечногорск и проч.) являются локальными «сервисными центрами» для владельцев участков в СДО. Здесь в поле зрения девелоперов попадают свободные территории рядом с развитыми стародачными

поселками, где кадастровая стоимость земли позволяет ограничиться малоэтажным жильем (например, комплекс 17 четырехэтажных домов и трехуровневых таунхаусов у железнодорожной платф. Дачная Наро-Фоминского ГО).

В периферийном экологически благоприятном дальнем Подмоскowie с относительно недорогой дачной недвижимостью (ГО Волоколамский, Клин, Талдомский, Шатура и пр.) жилищная функция СДО, как правило, сохраняется в сезонном варианте из-за проблем транспорта и связи. Однако реконструкция областных автодорог и модернизация интернет-коммуникаций на фоне роста популярности удаленной занятости и спроса на «здоровый образ жизни» привели к тому, что девелоперы приступают к организации небольших благоустроенных коттеджных поселков с хорошо доступной инфраструктурой соседних локальных центров (например, Дубна).

Заключение

Современные дачные поселения представляют собой территориальные (пространственные) образования, внутренние социально-экономические связи которых обуславливают развитие формальных (институциональных) и неформальных (индивидуальных) взаимодействий между городом и деревней. Функции дачных поселений, независимо от их экономической, социальной и пространственной значимости, развиваются в направлении сбалансированности региональной системы расселения. Для Подмоскowie как пристоличной области особую важность приобретает жилищная функция, позволяющая выбрать лучшие условия постоянного проживания или сезонного пребывания. Взаимодействие столичного или локальных центров и садово-дачных образований, с одной стороны, ведет к формированию тесных контактов между ними, с другой — к дезорганизации местных социально-экономических отношений и усложнению территориальных систем. Результатом становится территориальная поляризация жилищной функции СДО, которая в ближайших пригородах фактически сводит на нет традиционный дачный образ жизни, а на окраинах области, напротив, дает импульс строительству новых вторых домов.

Список источников

[1] *Kajdanek K.* Współpraca miejsko-wiejska w kontekście procesów suburbanizacji w Polsce. // *Współpraca miejsko-wiejska w Polsce Uwarunkowania i potencjał* / ed. by M. Dej, K. Janas, O. Wolskijego. Kraków, 2014. 166 p.

[2] *Токанова Н. А., Никулин А. С.* Бутово-Дачное. <http://uzaok.ru/viewtopic.php?f=29&start=20&t=1349> (дата обращения: 08.01.2020).

[3] *Дурилин П. Н.* Московские пригороды и дачные поселки в связи с развитием городской жизни. Москва: Фасоль, 1918. 41 с.

[4] *Русанов А. В.* Особенности сезонных поселений Подмоскowie по результатам выборов мэра Москвы-2018 // *Народонаселение*. 2019. № 3. С. 67-79.

[5] *Махрова А. Г., Медведев А. А., Нефедова Т. Г.* Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // *Вестник Московского университета*. 2016. № 2. С. 64-74. (Сер. 5. География).

References

[1] *Kajdanek K.* Współpraca miejsko-wiejska w kontekście procesów suburbanizacji w Polsce. // *Współpraca miejsko-wiejska w Polsce Uwarunkowania i potencjał* / ed. by M. Dej, K. Janas, O. Wolskijego. Kraków, 2014. 166 p.

[2] *Tokanova N. A., Nikulin A. S.* Butovo-Dachnoe. <http://uzaok.ru/viewtopic.php?f=29&start=20&t=1349> (accessed on: 08.01.2020).

[3] *Durilin P. N.* Moscow suburbs and dacha settlements in connection with the development of urban life. Moscow: Fasol, 1918. 41 p.

[4] *Rusanov A. V.* Specifics of seasonal settlements in Moscow region according to the results of the Moscow mayor elections 2018// Population. 2019. No. 3. P. 66-79.

[5] *Makhrova A. G., Medvedev A. A., Nefedova T. G.* Gardening and dacha communities of urban dwellers in the settlement system // Moscow University Bulletin. Series 5. Geography. 2016. No. 2. P. 64-74.

Информация об авторах

Русанов Александр Валерьевич — инженер лаборатории экономики народонаселения и демографии, экономический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0002-9047-401X> (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46; e-mail: rusanovmsu@gmail.com)

About the authors

Alexander V. Rusanov — Engineer, Laboratory of Population Economics and Demography, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0000-0002-9047-401X> (1/46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: rusanovmsu@gmail.com).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-18>

УДК 316.34

JEL classification: I32, J11

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ¹

Д. И. Сачук^а, Н. Л. Фадеева^б

^{а, б} Петрозаводский Государственный Университет (г. Петрозаводск, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0002-1992-5228>

^б <https://orcid.org/0000-0002-9856-4677>

Автор для корреспонденции: Н. Л. Фадеева (nata84fa@mail.ru)

Аннотация. *Статья посвящена изучению уровня благосостояния семей с детьми проживающих на территории Республики Карелия. Результаты анализа масштабов и профиля бедности указывают на то, что среди социально-демографических групп населения семьи с детьми отличаются самыми высокими рисками и глубиной бедности. В основу эмпирического материала легли результаты социологического опроса семей, обратившихся в органы социальной защиты по месту жительства. В работе рассмотрена и проанализирована взаимосвязь между числом несовершеннолетних детей в семье и самооценкой уровня обеспеченности с позиции соотношения материального положения с прожиточным минимумом по региону на каждого члена, наличием или отсутствием свободных денежных средств. Результаты исследования показали, что существуют социально-экономические различия между семьями с детьми и без детей, а каждый последующий ребенок снижает возможности семьи для адаптации в сложной экономической ситуации и активных действий по преодолению ситуации бедности. Таким образом, несмотря на государственную социальную поддержку, семьи с детьми не могут рассчитывать на существенное увеличение дохода, хотя время такая помощь является для них достаточно актуальной.*

Ключевые слова: малообеспеченность; уровень бедности; семьи с детьми; дифференциация доходов

Socio-Economic Vulnerability of Families with Children in Modern Russia

D. I. Sachuk^а, N. L. Fadeeva^б

^{а, б} Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-1992-5228>

^б <https://orcid.org/0000-0002-9856-4677>

Corresponding author: N. L. Fadeeva (nata84fa@mail.ru)

Abstract. *The article examines the well-being of families with children living in the Republic of Karelia. The analysis of the scale and profile of poverty indicates that families with children are characterised by the highest risks and depth of poverty among other groups. The empirical material is based on the results of a sociological survey of families who applied to social welfare authorities at their place of residence. The study considers and analyses the relationship between the number of minor children in the family and self-assessment of the well-being from the position of correlating the financial situation with the subsistence minimum in the region for each member, the presence or absence of free funds. The research results show that there are socio-economic differences between families with and without children, and each subsequent child reduces the family's ability to adapt to a difficult economic situation and take active steps to overcome poverty. Thus, despite state social support, families with children cannot count on a significant increase in income, although such assistance is quite relevant for them.*

Keywords: low income; poverty level; families with children; income differentiation

¹ © Сачук Д. И., Фадеева Н. Л. Текст. 2023.

Введение

Вопрос снижения бедности рассматривается и обсуждается в России на высшем уровне, однако предпринимаемые действия являются неэффективными, социальная политика не способствует снижению бедности и улучшению жизни населения. Отсутствует прогресс в решении проблемы снижения бедности в семьях с детьми [5]. После рождения ребенка уровень жизни семьи снижается, ресурсы среднестатистической семьи не обеспечивают формирование человеческого потенциала детского населения, таким образом, семьи с детьми остаются одной из самых социально уязвимых групп населения [6].

Бедность в России имеет значительную территориальную дифференциацию, так как по уровню экономического развития, состоянию рынка труда, половозрастной структуре и условиям жизни населения регионы крайне неоднородны. Е.А. Горина предприняла попытку сгруппировать регионы России по уровню социально-экономического развития. На основе анализа субъектов выделилось пять групп [8, с. 48], которые отражают социально-экономическую и демографическую дифференциацию. В результате Республика Карелия оказалась в группе регионов с пониженными бюджетными доходами, преимущественно пониженными доходами населения и неблагоприятной ситуацией с рождаемостью, то есть так называемым депрессивным регионом [1]. Несмотря на обилие эмпирического материала, оценивающего уровень бедности и малообеспеченности в целом по стране, виден определенный недостаток работ, изучающих региональные особенности. Вместе с тем семьи с детьми и дети являются одной из основных целевых групп социальной политики, что во многом обусловлено важностью инвестиций в человеческий капитал детей для дальнейшего развития региона.

Среди субъектов Северо-Западного федерального округа Республика Карелия занимает второе место¹ по уровню бедности после Республики Коми. Численность населения с доходами ниже границы бедности в 2021 г. составила 89 тыс. чел., или 14,6 %. Ввиду существующих межрегиональных особенностей субъектов России отмечается высокая дифференциация по уровню доходов, в том числе и по разным типам семей. Выбор семей с детьми в качестве предмета исследования обусловлен результатами исследований, свидетельствующими о том, что семьи с детьми имеют повышенные риски бедности. Проведенные исследования, в том числе и в Республике Карелия [1], показывают различия в бедности среди семей имеющих и не имеющих детей и семей с различным числом несовершеннолетних детей.

Проводя политику снижения уровня бедности населения, государственные органы все больше осуществляют адресный подход к регулированию социальной поддержки населения. Исследования демонстрируют, что дифференциальный подход к детским пособиям и другим видам помощи малоимущим семьям позволяют достичь более существенного результата по снижению бедности по сравнению с повышением пособий на уровне региона, оказываемых всем семьям [4, с. 373].

При оценке бедности исследователи прибегают к различным подходам и методикам. Если одни (Росстат и [2, с. 86]) рассчитывают бедность исходя из абсолютного подхода, определяя численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, то другие применяют модифицированную шкалу OECD [7, с. 125], метод оценки

¹ Социально-экономические индикаторы бедности // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. <https://krl.gks.ru/folder/115211/document/170783> (дата обращения: 10.01.2023).

денежного душевого дохода в соотношении с прожиточным минимумом [1; 3, с. 100], покупательской способностью в семьях с детьми [5, с. 67] или анализ с позиции разных подходов [9]. В представленной работе не только оценивается соотношение доходов с прожиточным минимумом, но и рассматривается, какие именно семьи обратились в органы социальной поддержки.

Основная часть

Бедные семьи с детьми можно разделить на две группы: малоимущие, которые по различным причинам не обращаются за помощью, и бедные, обращающиеся в центры социальной помощи за поддержкой и получающие ее. В данном исследовании в фокусе внимания находят семьи с детьми, являющиеся получателями мер социальной помощи.

В 2021 г. Министерство социальной защиты Республики Карелия при содействии кафедры социологии и социальной работы и лаборатории социологических исследований Петрозаводского государственного университета реализовало исследование феномена малообеспеченности и его проявлений в современном обществе Карелии. Целью социологического исследования, в котором принимали участие авторы статьи, было формирование полного представления о феномене малообеспеченности в современных реалиях карельского общества. В данной работе в фокусе внимания находятся домохозяйства, являющиеся получателями мер социальной помощи. Социологическое исследование проведено в рамках реализации комплекса мер по развитию эффективных социальных практик, направленных на сокращение бедности семей с детьми и улучшение условий жизнедеятельности детей в таких семьях в Республике Карелия.

При сборе эмпирического материала по эпидемиологическим соображениям была использована квотная выборка, которая включила в себя все муниципальные округа и городские территории республики. Всего было включено 18 баз для проведения опроса по числу отделений по работе с гражданами. В исследовании приняло участие 817 респондентов. Полевой этап исследования реализовывался специалистами ГКУ СЗ РК «Центр социальной работы Республики Карелия», ГБУ СО РК «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей», благотворительного фонда (БФ) «Мамадом», БФ «Материнское сердце», ГБУ СО РК Центр помощи детям, оставшихся без попечения родителей, «Надежда» в момент обращения граждан.

В соответствии с описанными источниками в теоретической части, авторами работы была выдвинута гипотеза, что наличие детей в семье, а также их количество являются значимым фактором, оказывающим влияние на уровень жизни домохозяйств, обращающихся за социальной помощью. В рамках выбранной темы авторы сосредоточились на уровне доходов респондентов, самооценке респондентами уровня своего материального положения, а также вопросе наличия свободных средств, что в условиях малообеспеченности является значимым критерием уровня адаптивности к возможным финансово-экономическим вызовам.

Для самооценки респондентами уровня своего материального положения была использована классическая для подобного исследования шкала, опирающаяся на реальные возможности домохозяйства, распределение ответов представлено графически на рисунке 1.

Для более корректного анализа данных было принято решение объединить варианты ответов, интерпретированные как уровень благосостояния, превышающий

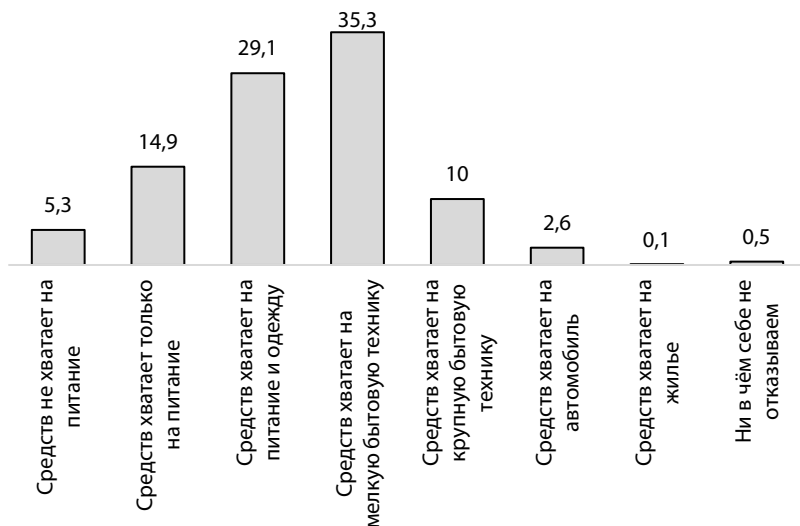

Рис. 1. Самооценка уровня благосостояния семьи, %

малообеспеченность. Отдельного изучения заслуживает вопрос, как подобные респонденты оказались среди клиентов органов социальной защиты, однако это не тема данной работы. Также для удобства анализа домохозяйства были сгруппированы по критерию количества детей.

Любопытно, что при первом приближении социальное самочувствие респондентов оказалось фактически не зависящим от количества детей в домохозяйстве. Более показательным оказалось общее сравнение домохозяйств с детьми и без детей (рис. 2).

При этом значение критерия хи-квадрат равно 12,47 при 5 степенях свободы, что позволяет заявить, что анализируемые переменные связаны, однако визуальный

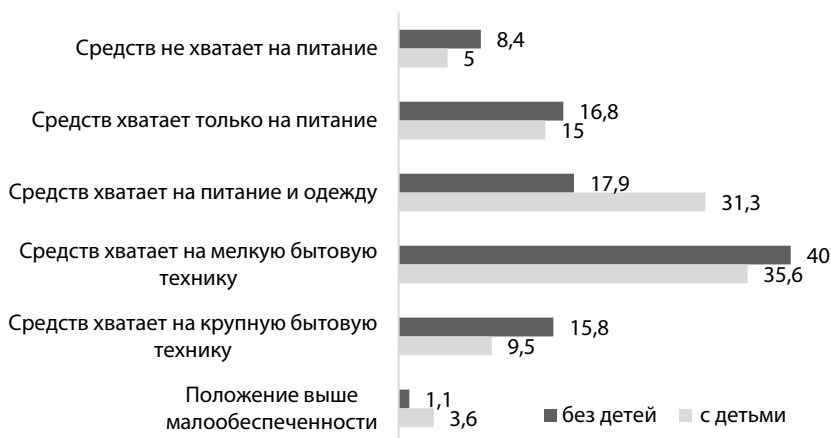

Рис. 2. Самооценка материального положения домохозяйств с детьми и без детей (в %)

Группировка семей с разным количеством детей по доходу, %

Доход, руб.	Доля группы семей по детности в диапазоне объема дохода, %				
	Нет детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 и более детей
Менее 15 000	18,10	13,60	11,10	7,50	6,90
От 15 000 до 30 000	26,60	40,10	37,30	33,30	36,20
От 30 000 до 45 000	33,00	28,70	32,00	25,20	27,60
от 45 000 до 60 000	17,00	12,70	13,90	26,50	19,00
Более 60 000	5,30	5,50	5,70	7,50	10,30

анализ позволяет интерпретировать эту связь как нелинейную и требующую особого рассмотрения.

Более показательным, хотя и несколько с неожиданной точки зрения, стало сопоставление доходов домохозяйств с разным количеством детей. Каждый ребенок в семье является иждивенцем, на содержание которого необходима определенная сумма дохода. В рамках проведенного социологического исследования авторский коллектив для оценки необходимой суммы решил отталкиваться от прожиточного минимума, который на момент проведения исследования для иждивенцев по Республике Карелия округленно составлял около 15 000 руб. Соответственно, подобная шкала была использована в вопросе, изучающем самооценку респондентами ежемесячного дохода домохозяйства. При этом, как и в подобных исследованиях, необходимо отметить, что за основу анализа берутся семьи как с разным количеством детей, так и с разным количеством работающего населения и пенсионеров, поскольку для назначения, например, детских пособий семья должна пройти критерии нуждаемости [7, с. 129].

Условная нулевая гипотеза заключалась в том, что при увеличении количества детей в семье для сохранения текущего уровня жизни домохозяйству необходимо увеличивать свой совокупный доход ориентировочно как раз на обозначенную денежную сумму. Было проведено исследование, данные, полученные в результате, представлены в таблице.

На первый взгляд, уровень дохода по группам респондентов с разным числом детей в семье несколько разнится. При этом значение критерия хи-квадрат опять же демонстрирует наличие связи между переменными, однако дальнейшие попытки анализа показывают, что связь эта слабая и носит нелинейный характер. При этом весьма наглядно, что значимого роста дохода домохозяйства в соответствии с выбранным шагом в 15000 руб. при увеличении числа детей в семье не происходит.

Безусловно, мы должны принимать во внимание, что при увеличении числа детей в семье реализуется определенный «эффект масштаба», который позволяет за счет уже приобретенного и накопленного имущества несколько снижать необходимые расходы на младших детей. Однако демонстрируемая респондентами фактическая статичность уровня дохода ярко показывает, что изначальная нулевая гипотеза не подтверждается. Мы можем отметить, что с объективной точки зрения каждый новый ребенок в малообеспеченной семье, несмотря на существующие меры поддержки государства, оказывает, скорее, негативный эффект на возможность улучшения материального положения домохозяйства в ближайшей временной перспективе.

Утвердиться в высказанном мнении нам позволяет дополнительный вопрос, обсуждавшийся с респондентами и касавшийся наличия у домохозяйства свободных средств, необходимых в случае возникновения внезапных, значимых и необходимых

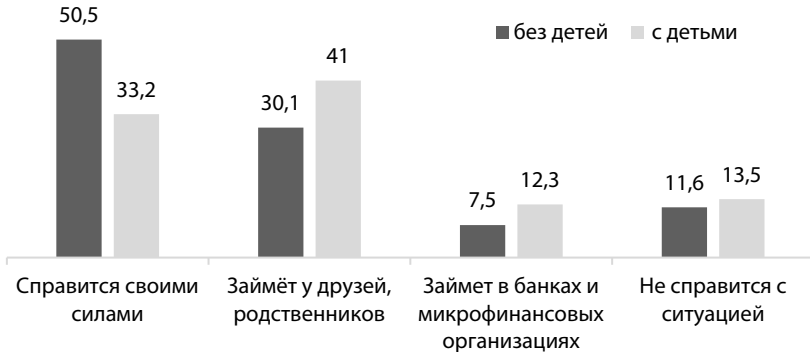

Рис. 3. Действия семьи в случае возникновения непредвиденных семейных расходов, % по группам в зависимости от наличия в домохозяйстве детей

трат. Контрольной суммой для удобства оперирования опять же была выбрана сумма в 15 000 руб. в соответствии с числовыми показателями прожиточного минимума для иждивенцев по Республике Карелия. Результаты показали значимую разницу между домохозяйствами без детей и с детьми (рис. 3).

Во-первых, отметим, что показанные различия в соответствии с критерием хи-квадрат носят значимый характер. Во-вторых, приходится констатировать, что каждое девятое домохозяйство из участвовавших в опросе в принципе не имеет возможности для какого-либо финансового маневра. По большому счету, эти домохозяйства способны функционировать в относительно нормальном режиме буквально до первого форс-мажора, что автоматически позволяет обозначить их как наиболее ярких представителей российского прекариата в соответствии с терминологией британского социолога Г. Стэндинга, который определил понятие прекариата через совокупность признаков. К ним были отнесены отсутствие гарантий занятости, гарантий рабочего места, специфическое место в структуре распределения (прекариат вправе полагаться исключительно на прямое денежное вознаграждение за труд), дефицит гражданских, социальных, политических, культурных, экономических прав и чувство незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне, чувство социального неблагополучия [10, с. 51].

Наконец, в-третьих, можно увидеть, что семьи с детьми находятся в более уязвимом положении, поскольку каждая вторая подобная семья не располагает какой-либо финансовой подушкой безопасности. Компенсаторно они выказывают бóльшую готовность использовать альтернативные механизмы для покрытия непредвиденных расходов, однако это никак не улучшает их материальное положение в настоящий момент. Одним из механизмов социальной поддержки, который государство предлагает семьям, является социальный контракт. Однако можно сказать, что информированность и готовность использовать социальный контракт как одну из стратегий по улучшению экономического положения семьи дифференцируется даже внутри региона [11].

Безусловно, специфику ответам респондентов придают изначальные социальные характеристики генеральной совокупности, обусловленные темой проведенного социологического исследования. Однако же мы полагаем, что в любом случае на примере приведенных нами сопряженностей мы с уверенностью можем констатировать,

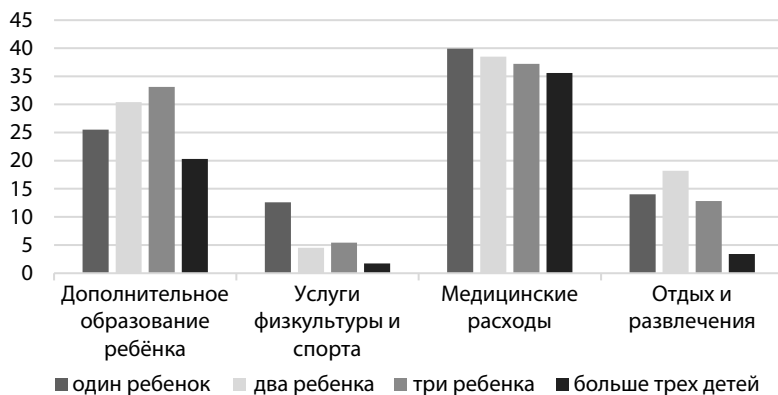

Рис. 4. Основные статьи расходов семьи (в %)

что, как это грустно не звучит, в современных российских реалиях наличие детей сказывается неблагоприятным образом на материальном положении домохозяйства. Следствием идут два промежуточных соображения. Во-первых, для домохозяйств, по совокупности причин оказавшихся в ситуации малообеспеченности, репродукция не становится фактором радикального улучшения материального положения, несмотря на существующий пакет мер государственной поддержки семей с детьми. Во-вторых, возникает гипотеза, что за счет своеобразного «эффекта масштаба» количество детей в домохозяйстве сказывается меньшим образом, чем сам факт появления детей в домохозяйстве.

Косвенное подтверждение этой гипотезы можно обнаружить в том, что с точки зрения владения движимым имуществом (бытовая техника, мебель, автомобиль в домохозяйстве) между домохозяйствами с различным количеством детей не выявлено значимых различий. Впрочем, это во многом объясняется тем, что изначально генеральную совокупность исследования составляли граждане, получающие социальную поддержку и находящиеся в реалиях малообеспеченности. В связи с этим различия между семьями с различным составом семьи и разным количеством детей несколько стираются.

Однако даже при подобном формировании выборочной совокупности оказывается возможным выявить реальные различия в уровне жизни семей с разным количеством детей. Значимые различия демонстрирует ответ на вопрос о структуре расходов домохозяйств. На рисунке 4 представлены наиболее иллюстрирующие этот тренд варианты ответа на соответствующий вопрос.

Здесь также можно отметить несколько интересных моментов. Во-первых, весьма выделяются семьи с количеством детей, большим чем три — в этих семьях расходы максимально примитивизируются, что свидетельствует об опасном положении домохозяйства с точки зрения уровня жизни. Важно при этом, что несмотря на то, что по действующему законодательству РФ, многодетной признается семья с тремя детьми, фактические отличия по уровню и качеству жизни отделяют скорее семьи с большим количеством детей.

Второе принципиально важное наблюдение касается того, что по мере роста числа детей в семье нарастает процент семей, предусматривающих расходы на детей (как,

к примеру, расходы на дополнительное образование ребенка). В это же время упрощается структура расходов «на себя» — показательны расходы на свое здоровье и отдых с досугом. С точки зрения структуры расходов семьи с одним ребенком чувствуют себя увереннее и свободнее распоряжаются имеющимися средствами. В совокупности с нашим предыдущим тезисом, что доходы семей не растут значимыми темпами при увеличении количества иждивенцев, тренд не может не тревожить как характеризующий качество жизни многодетных семей в современной России.

Заключение

Авторы отдают себе отчет в том, что сделанные выводы являются промежуточными, однако предполагают, что они могут служить опорой для дальнейших изысканий в направлении уже не столько выявления связи между уровнем жизни и наличием детей в домохозяйстве, сколько описания и уточнения этой связи, что и является дальнейшей целью авторского коллектива. На основании полученных данных можно предполагать, что рождение детей в реалиях малообеспеченной или пограничной с этим состоянием семьи существенно снижает вероятность восходящей социальной мобильности, фактически способствуя становлению феномена массовой хронической бедности в российских регионах.

Наличие детей является сильнейшим фактором бедности, домохозяйства, имеющие денежные доходы, близкие к прожиточному минимуму, и находящиеся на грани бедности, после рождения детей спускаются ниже этой черты.

Исследование показало, что при появлении детей и увеличении их количества в семье, ухудшается материальное положение, несмотря на систему государственной поддержки. Кроме того, изменяется структура расходов, которая фокусируется на обеспечении жилищно-коммунальных услуг и продуктов питания. Низкая доходность семьи ограничивает возможности использования материальных средств на такие статьи, как здоровье и образование.

Список источников

[1] Белая Р. В., Козырева Г. Б. Дифференциация уровня жизни и структура бедности депрессивного региона // Вестник Евразийской науки. 2020. № 6. <https://esj.today/PDF/20ECVN620.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).

[2] Вартанова М. Л. Социально-экономические аспекты малообеспеченности в современных условиях // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 6. С. 84-90. <http://doi.org/10.24412/2309-4788-2020-10695>

[3] Варызгина А. А. Стратегии преодоления бедности семьями с детьми // Народонаселение. 2016. № 2. С. 99-107.

[4] Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Влияние системы социальной поддержки на уровень бедности в регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 3. С. 368-377. <http://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.3.8>

[5] Елизаров В. В., Сеница А. Л. Факторы бедности семей с детьми и перспективы ее снижения // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2. С. 63-75. <http://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-1006>

[6] Калачикова О. Н., Груздева М. А. Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 147-160. <http://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.9>

- [7] Колосницына М., Филиппова А. Детские пособия и бедность в России // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 4. С. 118–153. <http://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-4-05>
- [8] Семьи с детьми в России: Уровень жизни и политика социальной поддержки / под ред. Л. Н. Овчаровой. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 153 с.
- [9] Слободенюк Е. Д. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3-4. С. 82-92. <http://doi.org/10.24411/2070-5107-2016-00017>
- [10] Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ад марингем Пресс, 2014. 328 с.
- [11] Фадеева Н. Л., Сачук Д. И. Возможности системы социальной защиты по увеличению реальных доходов населения // Studia Humanitatis Borealis. 2022. № 1. С. 48-56. <http://doi.org/10.15393/j12.art.2022.3806>

References

- [1] Belaya R., Kozyreva G. Differentiation of the standard of living and the structure of poverty in the depressed region // The Eurasian Scientific Journal. 2020. Vol. 12, No 6. <https://esj.today/PDF/20ECVN620.pdf> (accessed on: 20.01.2023).
- [2] Vartanova M. Socio-economic aspects of low-income in modern conditions // Natural-Humanitarian Research. 2020. No. 6. P. 84-90. <http://doi.org/10.24412/2309-4788-2020-10695>
- [3] Varyzgina A. Strategies for overcoming poverty in families with children// Population. 2016. No. 2. P. 99-107.
- [4] Grishina E. E., Tsatsura E. A. The Influence of Social Protection on the Poverty in Russian Regions // Living standards of the population in the regions of Russia. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 368–377. <http://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3.8>
- [5] Elizarov V., Sinita A. Factors of poverty of families with children and prospects for its reduction // Living standards of the population in the regions of Russia. 2019. No. 2. P. 63-75. <http://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065>
- [6] Kolosnitsyna M., Filippova A. Child Benefits and Poverty: The Case of Russia // Economic policy. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 118-153. <http://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-4-05>
- [7] Kalachikova O. N., Gruzdeva M. A. Social vulnerability of families with children in modern Russia // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2019. Vol. 12, No. 2. P. 147-160. <http://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.9>
- [8] Families with children in Russia: standard of living and social support policy / ed. by L. Ovcharova. M., 2019. 153 p.
- [9] Slobodenyk E. Factors of absolute and subjective poverty in modern Russia//The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussions. 2016. No. 3-4. P. 82-92. <http://doi.org/10.24411/2070-5107-2016-00017>
- [10] Standing G. Precariat: the new dangerous class. M.: Ad Maringem Press, 2014. 328 p.
- [11] Fadeeva N., Sachuk D. Social protection system's capacity to increase the real incomes of population // Studia Humanitatis Borealis. 2022. No. 1. P. 48-56. <http://doi.org/10.15393/j12.art.2022.3806>

Информация об авторах

Фадеева Наталья Леонидовна — старший преподаватель, кафедра социологии и социальной работы, Петрозаводский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-9856-4677> (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, просп. Ленина, д. 33; e-mail: nata84fa@mail.ru).

Сачук Денис Игоревич — старший преподаватель, кафедра социологии и социальной работы, Петрозаводский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-1992-5228> (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, просп. Ленина, д. 33; e-mail: sachuk_ptz@mail.ru).

About the authors

Natalya L. Fadeeva — Senior Lecturer, Department of Social Science and Social Work, Petrozavodsk State University; <https://orcid.org/0000-0002-9856-4677> (33, Lenina Ave., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: nata84fa@mail.ru).

Denis I. Sachuk — Senior Lecturer, Department of Social Science and Social Work, Petrozavodsk State University; <https://orcid.org/0000-0002-1992-5228> (33, Lenina Ave., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; sachuk_ptz@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-19>

УДК 314.1; 314.06

JEL classification: J10, J14

ТИПОЛОГИЯ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

О. О. Секички-Павленко

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-1370-8724>

Автор для корреспонденции: О. О. Секички-Павленко (sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru)

Аннотация. В статье представлена авторская методика типологии возрастной структуры субъектов России. Предметом исследования является отнесение региона к определенному типу возрастной структуры на базе пяти параметров (ожидаемая продолжительность жизни, средний возраст населения, доля женщин репродуктивного возраста, индекс старения и показатель демографической нагрузки). Автор предполагает наличие неоднородности возрастной структуры населения в различных субъектах страны. Совокупность используемых методов шкалирования и балльной оценки позволила отнести каждый из субъектов к определенному типу возрастной структуры. Всего выделено 6 типов возрастной структуры. Определено, что по состоянию на 2021 г. 78 субъектов страны (или 92 %) — это регионы со старым населением, в остальных 7 субъектах (или 8 %) возрастная структура является относительно молодой. Отмечено, что различие в типах возрастной структуры обусловлено уровнем демографического, социально-экономического развития, степенью урбанизации, национальным составом населения. Результаты работы могут быть использованы для исследований проблем старения населения и изменений типа возрастной структуры и в целом для анализа демографических процессов, происходящих в России.

Ключевые слова: тип возрастной структуры; ожидаемая продолжительность жизни; индекс старения; демографическая нагрузка; старение населения

Typology of the Age Structure of Russian Regions

O. O. Sekicki-Pavlenko

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-1370-8724>

Corresponding author: O. O. Sekicki-Pavlenko (sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru)

Abstract. The article presents the author's typology of the age structure of Russian regions. Regions were assigned to a certain type of age structure based on five parameters (life expectancy, average age of the population, the proportion of women of reproductive age, the ageing index and the indicator of demographic load). The presence of heterogeneity in the age structure of the population in various regions of the country was assumed. The combination of scaling and scoring methods was used to attribute each region to a certain type of age structure. In total, 6 types of age structure were identified. It was determined that as of 2021, 92 % or 78 Russian regions are regions with an old population, while the age structure is relatively young in the remaining 8 % or 7 constituent entities. The difference in the types of age structure is due to demographic, socio-economic development, urbanisation, and the national composition of the population. The research results can be used to examine population ageing and age structure, and in general for the analysis of demographic processes taking place in Russia.

Keywords: type of age structure; life expectancy; ageing index; demographic burden; population ageing

¹ © Секички-Павленко О. О. Текст. 2023.

Введение

Возрастная структура населения представляет собой результат продолжительного взаимодействия комплекса демографических, исторических и социально-экономических процессов и одновременно с этим выступает в качестве потенциала для будущего социально-экономического развития любой территории.

Учет возрастной структуры населения является важнейшим элементом планирования обеспечения населения объектами социальной инфраструктуры (детские сады, школы, вузы, медицинские учреждения различного профиля и т. д.). Возрастная структура населения определяет потребность в рабочих местах, желаемый уровень трудовой миграции, то есть в значительной мере обуславливает рынок труда. Кроме того, возрастная структура населения выступает базовым источником знаний при формировании социального и пенсионного обеспечения граждан. Актуальность исследования возрастной структуры населения возрастает при рассмотрении вопросов реализации мер демографической политики, которую проводит Российская Федерация. Недоучет и отсутствие типологии возрастной структуры населения регионов России в значительной мере ограничивают возможности реализации стратегических целей демографической политики. Поскольку возрастная структура представляет собой основной ресурс функционирования воспроизводства населения, без ее учета невозможно решать задачи по повышению рождаемости, снижению смертности и регулированию миграционных процессов.

Цель данной статьи — разработать типологию возрастной структуры субъектов Российской Федерации. Для достижения цели нашего исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, обосновать выбор индикаторов для типологии возрастной структуры, во-вторых, разработать методику типологии возрастной структуры населения, в-третьих, выделить характеристики каждого из типов возрастной структуры населения.

Обзор литературы

На сегодняшний день в современной научной литературе сформировано несколько подходов к исследованию возрастной структуры населения. Мы полагаем, что можно выделить три основных направления исследований. Во-первых, возрастную структуру рассматривают как базовый фактор будущего воспроизводства населения. Такой подход является общепризнанным и часто встречается в масштабных работах теоретико-методологического характера. Так, по мнению В.Н. Архангельского, возрастная структура является основным фактором формирования будущей численности населения любого региона [1].

Во-вторых, возрастную структуру зачастую рассматривают не в комплексе формирующих ее факторов и взаимовлияния различных элементов структуры, а отдельно исследуют определенный аспект какой-либо возрастной группы [2, 3]. Еще одним направлением исследований является анализ возрастной структуры с позиции старения населения. Этот подход в последние годы приобрел особую актуальность в связи с усиливающимся процессом старения населения регионов России [4, 5].

В зарубежной научной литературе отражен существенный вклад в развитие представлений о возрастной структуре населения А.Г. Сандберга. Этот шведский статистик и демограф первым предложил выделять типы возрастной структуры на основе пропорционального соотношения отдельных возрастных групп. В результате Сандберг

выделил три основных типа возрастной структуры: прогрессивный, стационарный и регрессивный.

В XX в. польский демограф Эдвард Россет в качестве ведущей причины старения населения и, соответственно, изменений возрастной структуры обозначил долговременное снижение рождаемости. Ученый предложил восьмиуровневую шкалу старения населения, в которой в качестве критерия отнесения популяции к определенному типу выступает процентная доля населения старше 60 лет [6]. Согласно шкале старения, разработанной ООН, за границу начала старости принимается возраст 65 лет. В соответствии с этим население по уровню старения делится на 3 группы. Если удельный вес населения старше 65 лет составляет 4 % и менее, то оно считается молодым. Если доля населения 65 и более лет составляет 4–7 % — это зрелое население. А если доля лиц старше 65 лет превышает 7 %, то население считается старым [7].

Некоторые авторы, исследующие процесс старения как основной тренд трансформации возрастной структуры, используют множественные критерии для отнесения популяции к тому или иному типу возрастной структуры. В частности, Г. Пенев при рассмотрении старения населения выделяет семь типов возрастной структуры на основе пяти критериев: средний возраст населения, доля лиц моложе 20 лет, доля лиц в возрасте 21–40 лет, доля лиц в возрасте 60 лет и старше, а также индекс старения. Использование нескольких индикаторов при рассмотрении процесса старения позволяет более глубоко проследить изменения в возрастной структуре населения [8].

На наш взгляд, выделение типов возрастной структуры на основе не одного, а нескольких параметров обладает рядом преимуществ. Во-первых, такая типология носит комплексный характер. Во-вторых, при учете нескольких параметров у исследователя появляется возможность рассматривать возрастную структуру через соотношение иных возрастных групп и параметров, которые непосредственно отражают возрастную структуру населения, не ограничиваясь только удельным весом населения старших возрастов. В-третьих, включение в типологию нескольких критериев позволяет косвенно судить не только о возрастной структуре, но и о демографическом и социально-экономическом положении того или иного региона.

Материалы и методы

Эмпирической базой для разработки типологии возрастной структуры послужили данные Росстата, а именно Статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года», «Демографический ежегодник России 2021» и данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

Для достижения цели исследования были выбраны следующие показатели, характеризующие возрастную структуру населения.

1. Ожидаемая продолжительность жизни (для обоих полов).
2. Средний возраст населения.
3. Доля женщин фертильного возраста.
4. Индекс старения населения.
5. Коэффициент демографической нагрузки.

Далее был применен метод шкалирования, что позволило построить для каждого показателя 6 равноинтервальных шкал. Далее методом балльной оценки каждой из шкал и каждому из интервалов был присвоен балл. Самое низкое число баллов соответствует более молодой возрастной структуре, самое высокое — более старой. После

был произведен расчет общей суммы баллов по всем шкалам для каждого из субъектов, что позволило нам отнести регион к определенному типу возрастной структуры.

Результаты

Всего автор выделил 6 типов возрастной структуры населения, соответствующих итоговой балльной шкале. Они представлены в таблице.

Первый тип возрастной структуры населения представлен 21 субъектом. Это наиболее старые регионы преимущественно северо-западной и центральной части России: Владимирская, Воронежская, Ивановская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Липецкая, Новгородская, Орловская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ульяновская и Ярославская области. Отличительной чертой данного типа возрастной структуры является практически полностью исчерпанный потенциал для омоложения. Средний возраст населения составляет 42–44 года. Доля женщин репродуктивного возраста самая низкая — в интервале от 38 % до 42 % от общей численности женщин, что в значительной мере препятствует повышению рождаемости в данных субъектах. Показатель индекса старения достигает наиболее высоких значений 170–250 %. Демографическая нагрузка на трудоспособное население свыше 850 чел., причем основная нагрузка создается за счет населения старших возрастных групп. Ожидаемая продолжительность жизни при данном типе возрастной структуры относительно невысокая и составляет 69–71 год.

Самый распространенный по числу субъектов второй тип возрастной структуры, который представляют 27 субъектов. К этому типу относятся следующие регионы: Алтайский край, Архангельская, Белгородская, Брянская, Волгоградская, Вологодская, Калужская, Кемеровская области, Краснодарский край, Ленинградская, Нижегородская, Омская, Оренбургская области, Республика Карелия, Республика Крым, Республики Марий Эл и Мордовия, Ростовская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Челябинская области и Удмуртская Республика и Чувашская Республика. Регионы данного типа возрастной структуры являются «старыми, интенсивно стареющими». Показатель ожидаемой продолжительности жизни находится в интервале 70–76 лет. Средний возраст населения близок к общероссийскому показателю и составляет 40–42 года. Доля женщин фертильного возраста невысока и составляет 42–44 %. Индекс старения находится в интервале 140–165 %, что свидетельствует

Таблица

Типология возрастной структуры населения субъектов Российской Федерации в 2021 г.

Показатели, характеризующие возрастную структуру	Значение показателей по типам возрастной структуры					
	1	2	3	4	5	6
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	69-71	70-76	68-72	68-74	71-72	66-81
Средний возраст, лет	42-44	40-42	38-40	36-37	35-36	29-35
Доля женщин в возрасте 15-49, %	38-42	42-44	43-45	45-47	47-48	49-53
Индекс старения, %	170-205	140-165	120-140	90-120	70-90	30-70
Демографическая нагрузка, ‰	более 850	750-850	750-820	650-750	650-700	550-650
Количество субъектов, ед.	21	27	19	11	2	5

Источник: Составлено автором на основе данных «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года». https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_naselrv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 11.01.2023), «Демографический ежегодник России 2021» <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf> (дата обращения: 11.01.2023).

об интенсивном процессе старения населения. Это также подтверждается высокими показателями демографической нагрузки, которая составляет 750–850 чел. нетрудоспособного возраста на 1000 чел. трудоспособного.

Третий тип возрастной структуры — старые, умеренно стареющие территории, представлен 19 субъектами: Амурская область, Еврейская АО, Иркутская область, Калининградская область, Красноярский край, Московская, Новосибирская области, Пермский край, Приморский край, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Республика Коми, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Татарстан, Республика Хакасия, Ставропольский край, Сахалинская область, Хабаровский край. Ожидаемая продолжительность жизни при данном типе возрастной структуры составляет 68–72 года. Средний возраст населения находится в пределах 38–40 лет, что ниже общероссийского показателя. Доля женщин в возрасте 15–49 лет составляет 43–45 %. Индекс старения 120–140 %. Демографическая нагрузка на трудоспособное население в пределах 750–820 чел. на 1000 трудоспособного населения.

Четвертый тип возрастной структуры — территории с тенденцией к постарению. К этому типу относятся 11 субъектов страны. В их число входят: Забайкальский край, Карбалино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Камчатский край, Магаданская область, Мурманская область, Ненецкий АО, Республика Алтай, Республика Бурятия, Томская область, Чукотский АО. Ожидаемая продолжительность жизни варьируется в пределах от 68 до 74 лет. Средний возраст населения составляет 36–37 лет, что ниже общероссийского показателя. Доля женщин репродуктивного возраста находится в пределах от 45 до 47 %. Индекс старения невысокий и составляет 90–120 %. Демографическая нагрузка на трудоспособное население умеренная и составляет 650–750 чел., при этом нагрузка достаточно равномерно распределена между двумя категориями (дети и пенсионеры).

Пятый тип возрастной структуры — территории в преддверии старости, представлен двумя субъектами — Тюменской областью и Республикой Саха (Якутия). Показатель ожидаемой продолжительности жизни при этом типе возрастной структуры составляет 71–72 года. Средний возраст населения 35–36 лет. Женщины репродуктивного возраста составляют почти половину общей численности всех женщин, их доля — 47–48 %. Индекс старения не превышает 90 %. Демографическая нагрузка 650–700 чел. нетрудоспособного возраста на 1000 чел. трудоспособного возраста.

Шестой тип возрастной структуры включает территории с относительно молодой возрастной структурой. К этому типу относятся 5 субъектов Российской Федерации: ХМАО, ЯНАО, Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия и Республика Тыва. Ожидаемая продолжительность жизни составляет при данном типе 66–81 год. Средний возраст населения один из самых низких по стране 29–35 лет. Доля женщин фертильного возраста, наоборот, самая высокая — 49–53 % от общей численности женского населения. Показатель индекса старения самый низкий по всей Российской Федерации и составляет 30–73 %, что указывает на происходящий процесс омоложения населения. Демографическая нагрузка на трудоспособное население создается главным образом за счет детского контингента и составляет 550–650 чел.

Обсуждение

В целом возрастную структуру населения России можно обозначить как старую, поскольку 92 % субъектов страны составляют регионы 1-го, 2-го, 3-го и 4-го типов.

Причем старение населения происходит преимущественно «снизу», т. е. за счет сокращения показателей рождаемости. Показатели ожидаемой продолжительности жизни хотя и увеличиваются год от года, но все еще остаются довольно низкими в большинстве регионов. Средний возраст населения в 2/3 субъектов превышает общероссийский показатель. Принимая во внимание то, что доля женщин фертильного возраста в значительной части регионов России составляет менее половины от всего женского населения, говорить о повышении рождаемости и, соответственно, омоложении возрастной структуры в ближайшей перспективе, на наш взгляд, нельзя. Из 85 субъектов Российской Федерации, только 13 имеют индекс старения населения менее 100 %, что свидетельствует об интенсивном процессе старения в большинстве регионов страны. Демографическая нагрузка в значительной части регионов очень высокая и формируется главным образом за счет лиц старших возрастных групп.

Относительно молодая возрастная структура населения в Тюменской области, Республике Саха (Якутия), ХМАО и ЯНАО сформирована в основном благодаря мощному социально-экономическому и ресурсному потенциалу, который притягивает значительное число трудоспособного населения, среди которого много женщин репродуктивного возраста, что обеспечивает обновление детской составляющей. Кроме того, суровые климатические условия этих регионов обуславливают отток населения старших возрастных групп после их выхода на пенсию [9]. В Республике Ингушетия, Республике Дагестан, Республике Тыве и Чеченской Республике формирование относительно молодой возрастной структуры объясняется высоким удельным весом женщин фертильного возраста, соответственно, высокой рождаемостью и в целом традиционными семейным укладом характерным для этих национально однородных и преимущественно аграрных регионов [10, 11]. Существенное отличие между перечисленными республиками Кавказа, с одной стороны, и Республикой Тывой, с другой стороны, заключается в показателе ожидаемой продолжительности жизни. Если в Ингушетии, Дагестане и Чеченской Республике ожидаемая продолжительность жизни населения одна из самых высоких в стране, то в Республике Тыве — наоборот, одна из самых низких. Однако по всем остальным параметрам, которые учитывались нами при отнесении региона к тому или иному типу возрастной структуры, Республика Тыва является самым молодым субъектом Российской Федерации.

Заключение

Научная новизна данного исследования заключается в предложении методики типологии возрастной структуры населения, которая основывается на нескольких параметрах, что позволяет не только учесть уровень старения, но и оценить, каким путем происходит старение населения «сверху» или «снизу», и дает возможность понять перспективы изменения возрастной структуры как на общероссийском уровне, так и на региональном. В предложенной типологии возрастной структуры на 2021 г. нами выделено 6 типов возрастных структур субъектов Российской Федерации. Из 6 выделенных типов возрастной структуры населения первые 4 типа представляют собой старую возрастную структуру населения, 2 типа — относительно молодую возрастную структуру. К первым четырем типам возрастной структуры относятся 92 % российских регионов, к оставшимся двум типам возрастной структуры только 8 % субъектов. Проведенное исследование позволяет обогатить методику изучения возрастной структуры населения и расширяет поиск возможных исследований в этой области.

Благодарность

Публикация, подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2021-2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021-2023, No. 0327-2021-0011 "Institutional models and factors of social and economic adaptation of the regional population in the context of the transition to dynamic development".

Список источников

- [1] Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г. Возрастная структура как фактор будущей динамики численности населения // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 2. С. 18-33. <http://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-02>
- [2] Заболеваемость населения трудоспособного возраста в Республике Башкортостан в 2015-2020 годах / Э. Р. Шайхлисламова, Э. Т. Валеева, А. С. Шастин, О. Л. Малых, В. Г. Газимова, Т. М. Цепилова, Т. С. Устюгова // Медицина труда и экология человека. 2022. № 2(30). С. 141-165. <http://doi.org/10.24412/2411-3794-2022-10211>
- [3] Структурно-динамический анализ уровня здоровья трудоспособной группы населения: региональный аспект / К. В. Кетова, Д. Д. Вавилова, М. С. Кузьмин, А. В. Корепанова // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2021. № 1(44). С. 3-12. <http://doi.org/10.22213/2618-9763-2021-1-3-12>
- [4] Сафарова А. А., Сафарова Г. Л. Трансформация возрастной структуры и старение населения регионов Северо-Западного федерального округа. // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 3(66). С. 94-102. <http://doi.org/10.52897/2411-4588-2021-3-94-102>
- [5] Доброхлеб В. Г., Кондакова Н. А. Типологизация и социально-экономические аспекты формирования демографического старения населения регионов России // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 4. С. 98-110. <http://doi.org/10.15838/ptd.2022.4.120.7>
- [6] Шабунова А. А., Барсуков В. Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления. // Проблемы развития территории. 2015. № 1(75). С. 76-87.
- [7] Горюшко Н. В., Пацала С. В. Старение населения России: страна на фоне мира, регионы на фоне страны. // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2020. № 3(22). С. 11.
- [8] Черешнев В. А., Чистова Е. В. Выявление региональных особенностей старения населения России // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16, № 12(471). С. 2206-2223. <http://doi.org/10.24891/ea.16.12.2206>
- [9] Развитие численности и демографической структуры населения российском Севере / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер // Россия: тенденции и перспективы развития. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. С. 725-731.
- [10] Секички-Павленко О. О. Влияние возрастной структуры на динамику рождаемости: на примере Республики Дагестан и Свердловской области // III Всероссийский демографический форум с международным участием. Мат-лы форума, Москва, 03-04 дек. 2021 г. Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. С. 81-84. <http://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.17>
- [11] Гран И. Н. Семейно-брачные отношения в Дагестане и других республиках Северного Кавказа: социологический анализ // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 153-159.

References

- [1] *Arkhangelsky V. N., Zinkina Yu. V., Shulgin S. G.* Age structure as a factor of the future population dynamics // *Population*. 2018. No. 2. P. 18-33. <http://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-02>
- [2] Morbidity of the adult working age population in the republic of Bashkortostan between 2015 and 2020 / E. R. Shaikhislamova, E. T. Valeyeva, A. S. Shastin, O. L. Malykh, V. G. Gazimova, T.M. Tsepilova, T. S. Ustyugova // *Occupational medicine and human ecology*. 2022. No. 2(30). P. 141-165. <http://doi.org/10.24412/2411-3794-2022-10211>
- [3] Structural-dynamic analysis of health level of working age population: regional aspect / K. V. Ketova, D. D. Vavilova, M. S. Kuzmin, A. V. Korepanov // *Social and Economic Management: Theory and Practice*. 2021. No. 1(44). P. 3-12. <http://doi.org/10.22213/2618-9763-2021-1-3-12>
- [4] *Safarova A. A., Safarova G. L.* Age structure transformation and the aging of the population in the regions of the northwest federal district // *The economy of the North-West: problems and prospects of development*. 2021. No. 3(66). P. 94-102. <http://doi.org/10.52897/2411-4588-2021-3-94-102>
- [5] *Dobrokhleb V. G., Kondakova N. A.* Typologization and socio-economic aspects of the formation of demographic aging of Russian regions // *Problems of Territory's Development*. 2022. No. 4. P. 98-110. <http://doi.org/10.15838/ptd.2022.4.120.7>
- [6] *Shabunova A. A., Barsukov V. N.* Trends in demographic ageing of population of the Russian Federation and ways of overcoming them // *Problems of Territory's Development*. 2015. No. 1(75). P. 76-87.
- [7] *Goroshko N. V., Patsala S. V.* Aging of the Russian population: country against the backdrop of the world regions against the background of the country // *Scientific and Methodical Electronic Journal of Omsk SAU*. 2020. No. 3(22). 11.
- [8] *Chereshnev V. A., Chistova E. V.* Determination of regional aspects of population aging in Russia // *Economic analysis: theory and practice*. 2017. No. 12(471). P. 2206-2223. <http://doi.org/10.24891/ea.16.12.2206>
- [9] Development of the number and demographic structure of the population in the Russian North / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, A. V. Smirnov, G. N. Fauzer // *Russia: trends and development prospects*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS, 2021. P. 725-731.
- [10] *Sekicki-Pavlenko O. O.* Influence of age structure on fertility dynamics: case study the republic of Dagestan and the Sverdlovsk region // III All-Russian Demographic Forum with International Participation: Forum Materials, Moscow, December 3-4, 2021. M.; Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 81-84. <http://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.17>.
- [11] *Gran I. N.* Family and marriage relations in Dagestan and other republics of the North Caucasus: sociological analysis // *Social and humanitarian knowledge*. 2019. No. 6. P. 153-159.

Информация об авторах

Секицки-Павленко Ольга Олеговна — младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-1370-8724> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29.; e-mail: sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru).

About the authors

Olga O. Sekicki-Pavlenko — Research Assistant, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-1370-8724> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-20>

УДК 314.02+314.18(98)

JEL classification: J11

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ДАШБОРДОВ¹

А. В. Смирнов

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
(г. Сыктывкар, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-6952-6834>

Автор для корреспонденции: А. В. Смирнов (av.smirnov.ru@gmail.com)

Аннотация. В статье обобщен опыт применения интерактивных веб-приложений (дашбордов) в демографической науке. Дашборды обеспечивают доступ к демографической информации в наиболее удобном для исследователей виде. Предложена методика создания дашборда, визуализирующего демографические характеристики населения Арктики, основанная на трех методологических принципах: учет иерархии территорий, пространственное представление данных и сочетание традиционной статистики с новыми цифровыми источниками данных. Описаны функциональные возможности разработанного на основе методики веб-приложения «Цифровой двойник населения Арктики». Дашборд отражает демографические характеристики арктического пространства на страновом, региональном и муниципальном уровнях. Он может найти применение в государственном и муниципальном управлении.

Ключевые слова: население; демография; дашборды; Арктика

Experience in Developing Demographic Dashboards

A. Smirnov

Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre
of the Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)

<https://orcid.org/0000-0001-6952-6834>

Corresponding author: A. V. Smirnov (av.smirnov.ru@gmail.com)

Abstract. The article summarises the experience of using interactive web applications (dashboards) in demographic science. Dashboards provide access to demographic information in the most convenient way. The paper presents the author's methodology for creating a dashboard about the population of the Arctic, based on three methodological principles: the hierarchy of territories, spatial representation of data and a combination of traditional statistics with new digital data sources. The study describes the functionality of the web application «Digital Twin of the Arctic population» developed on the basis of the methodology. The dashboard reflects the demographic characteristics of the Arctic at the national, regional and municipal levels. The dashboard can be used in state and municipal management.

Keywords: population; demographics; dashboards; arctic

Введение

Цифровые технологии сегодня активно используются во всех научных дисциплинах. Не стала исключением и демографическая наука. Демографы применяют как новые источники данных, генерируемые в цифровой среде, так и новые методы их обработки, основанные на машинном обучении и интеллектуальном анализе данных [1, 2]. Еще одно из актуальных направлений применения цифровых технологий — создание интерактивных веб-приложений (дашбордов), содержащих демографические данные. Дашборды предоставляют доступ к данным в наиболее удобном виде и могут найти

¹ © Смирнов А. В. Текст. 2023.

применение как в академических исследованиях, так и в государственном управлении.

В начале статьи будут рассмотрены существующие примеры демографических дашбордов, созданных учеными и компаниями из разных стран мира. Затем будет предложена методика создания дашборда, предоставляющего данные о населении Арктики, и перечислены используемые источники данных. Далее будут рассмотрены функционал и области применения веб-приложения «Цифровой двойник населения Арктики»¹, разработанного с помощью предложенной методики.

Дашборды в демографической науке

Понятие «*dashboard*» дословно переводится с английского языка как «приборная панель» и не имеет точного русскоязычного аналога. Поэтому слово «дашборд» было позаимствовано и активно применяется специалистами по анализу данных и цифровым технологиям [3]. В русскоязычной литературе дашборды также иногда называют интерактивными приложениями, панелями инструментов или панелями индикаторов.

В дашбордах данные организованы таким образом, чтобы пользователю было максимально удобно взаимодействовать с информацией. Использование диаграмм, таблиц, картограмм, инфографики в сочетании с различными элементами управления позволяет анализировать данные различными способами, упорядочивать их [4]. Дашборд — рабочий инструмент для специалистов, позволяющий получить необходимые данные в удобном виде, настраивать форму их представления. Дашборды применяются в бизнесе, науке и государственном управлении [5, 6]. Рассмотрим примеры демографических дашбордов, то есть созданных для изучения демографических данных.

К числу наиболее детализированных демографических дашбордов можно отнести интерактивные карты переписи населения Великобритании 2021 г.² Они позволяют визуализировать данные о демографии, образовании, здоровье, жилищных условиях и занятости населения в Англии и Уэльсе на уровне отдельных участков статистического наблюдения, каждый из которых состоит всего из несколько домов. Широтой охвата информации выделяется сайт City Population³, созданный в Институте прикладной фотограмметрии и геоинформатики Ольденбурга. Он содержит регулярно обновляемые дашборды, посвященные численности населения городов и территорий по всем странам мира.

Другая частая сфера применения демографических дашбордов — демонстрация результатов моделирования и прогнозирования. Например, в австрийском Центре демографии и глобального человеческого капитала Витгенштейна разработано веб-приложение⁴, позволяющее строить прогнозы динамики и образовательного состава населения стран мира до 2100 г. по пяти прогнозным сценариям [7].

В России к интерактивным базам демографических данных, содержащим некоторые элементы дашбордов (например, возможность строить графики), можно отнести

¹ Цифровой двойник населения Арктики. <https://digital-arctic.ru>.

² Census maps. Office for National Statistics. <https://www.ons.gov.uk/census/maps>.

³ City Population. <https://www.citypopulation.de>.

⁴ Wittgenstein Centre Human Capital Graphic Explorer. <http://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2>.

Единую межведомственную информационно-статистическую систему¹ и приложение сайта Демоскоп Weekly². Более широким функционалом, включая построение карт, обладает VI-портал Росстата³. Еще один пример — проект «Виртуальное население России»⁴, представляющий собой цифровую перепись населения [8]. На основе данных профилей пользователей социальной сети «ВКонтакте» авторы отразили в интерактивном атласе на региональном и муниципальном уровнях сведения о половозрастном составе, популярных именах, образовании, миграции и сетях дружбы.

Наибольшее развитие демографические дашборды получили в период пандемии COVID-19, когда особенно ценилась оперативность информации. В первые месяцы пандемии особое внимание было приковано к дашборду Университета Джона Хопкинса⁵, где публиковались данные о заражениях и смертях по странам мира. В Университете Северной Айовы на платформе ArcGIS были разработаны дашборды [9], демонстрирующие данные о заражениях и смертях от коронавируса в арктических странах и регионах. В России наибольшую известность приобрел дашборд Яндекса⁶, где данные представлены на уровне стран и субъектов РФ. Помимо заражений и смертей там публиковались данные о соблюдении самоизоляции по городам России и о популярности поисковых запросов, связанных с коронавирусом.

Несмотря на большой опыт создания демографических дашбордов отсутствуют примеры достаточно проработанных решений, охватывающих различные аспекты демографического развития Арктики.

Методика и данные

При разработке дашборда с данными о демографическом развитии Арктики использовались три методологических принципа. Во-первых, учитывалась иерархия территорий. Арктическая зона Российской Федерации состоит из территорий разных уровней: муниципальных образований, субъектов РФ, макроуровня (АЗРФ в целом). Почти вся статистика собиралась на местном муниципальном уровне, затем агрегировалась на более высокие уровни. Во-вторых, все данные имеют пространственное представление. Это важно, поскольку в Арктике практически все аспекты жизни зависят от удаленности территорий от основных центров расселения. Эти закономерности лучше всего демонстрирует Атлас населения, общества и экономики в Арктике [10]. В дашборде каждый район или округ представлен своими границами на картах-схемах, а каждый населенный пункт — координатами. В-третьих, сочетались традиционные и новые источники данных, возникшие благодаря цифровой трансформации — цифровые следы. Под цифровыми следами понимают результаты социального взаимодействия с помощью цифровых инструментов и пространств, а также цифровые записи других культурно значимых материалов [11, с. 1980; 2, с. 60]. Они позволяют получать более детальные и оперативные данные о демографических процессах.

¹ ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru>.

² Демоскоп Weekly. Приложение. <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>.

³ VI-портал. Росстат. <http://bi.gks.ru/biportal/contourbi.jsp?allsol=1&solution=Dashboard>.

⁴ Виртуальное население России. <http://webcensus.ru>.

⁵ COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering at Johns Hopkins University. <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>.

⁶ Коронавирус: дашборд. Yandex DataLens. <https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=X1>.

Главными источниками традиционных статистических данных Цифрового двойника населения Арктики стали База данных показателей муниципальных образований Росстата¹ и итоги переписей населения 1939–2021 гг. Среди используемых новых цифровых источников можно отметить данные проекта «Виртуальное население России»² (миграция), сервиса по продаже билетов Туту.ру³ (перемещения людей на поездах и самолетах), Яндекса (заболеваемость, смертность, самоизоляция и поисковые запросы в период пандемии), проекта «Инфраструктура научно-исследовательских данных»⁴ (расселение). Эти данные дополняют традиционную статистику, более полно раскрывают различные аспекты демографических проблем.

Дашборд «Цифровой двойник населения Арктики» имеет клиент-серверную браузерную архитектуру. В его основе находится веб-фреймворк Dash на языке программирования Python. Большинство графиков и картограмм создано с помощью пакета Plotly, а визуализации графов — с помощью Cytoscape. Для кластеризации и прогнозирования использовались пакеты *scikit-learn*, NumPy и pandas, для анализа сетевых структур данных — NetworkX, пространственных данных — GeoPy. Взаимодействие пользователя с дашбордом осуществляется через веб-сервер Nginx и WSGI-сервер Gunicorn.

Дашборд «Цифровой двойник населения Арктики»

Рассмотрим функционал дашборда «Цифровой двойник населения Арктики». Главная страница сайта посвящена Арктической зоне Российской Федерации (рис. 1). Во вкладке «Показатели» имеется возможность построения интерактивных фоновых картограмм по выбранному показателю за 2010–2021 гг. Доступны более 50 показателей. Цветовая шкала настраивается. Муниципальные образования и регионы российской Арктики автоматически ранжируются по показателю в нижней части страницы. Во вкладке «Многомерный анализ» пользователь может с помощью пузырьковой диаграммы визуализировать одновременно четыре показателя. Два из них отвечают за положение кружка по горизонтали и вертикали, третий — за его размер, четвертый — за цвет. Доступен выбор логарифмических шкал и построения линии тренда. Инструмент разработан для выявления закономерностей между показателями.

Во вкладке «Кластеризация» с помощью метода *k*-средних производится кластеризация муниципальных образований по одному или нескольким показателям. Используется стандартное масштабирование данных. Для оценки качества модели рассчитывается сумма квадратов расстояний от исходных точек до центров ближайших к ним кластеров (функция *inertia* пакета *scikit-learn*). Чем ниже значение, тем модель лучше. Во вкладке «Прогноз» можно экстраполировать любой показатель по выбранной арктической территории. Настраивается степень полинома, аппроксимирующего значения показателя. Имеется возможность выбора интервала учитываемых в прогнозе значений. Это позволяет, к примеру, исключить из рассмотрения значения, на которые повлияла пандемия COVID-19.

¹База данных показателей муниципальных образований // Росстат. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm>.

²Виртуальное население России. <http://webcensus.ru>.

³Датасет Туту.ру и данные модели Open Data Science. <https://story.tutu.ru/dataset-tutu-ru-i-dannyye-modeliopen-data-science>.

⁴Инфраструктура научно-исследовательских данных. <https://www.data-in.ru/data-catalog>.

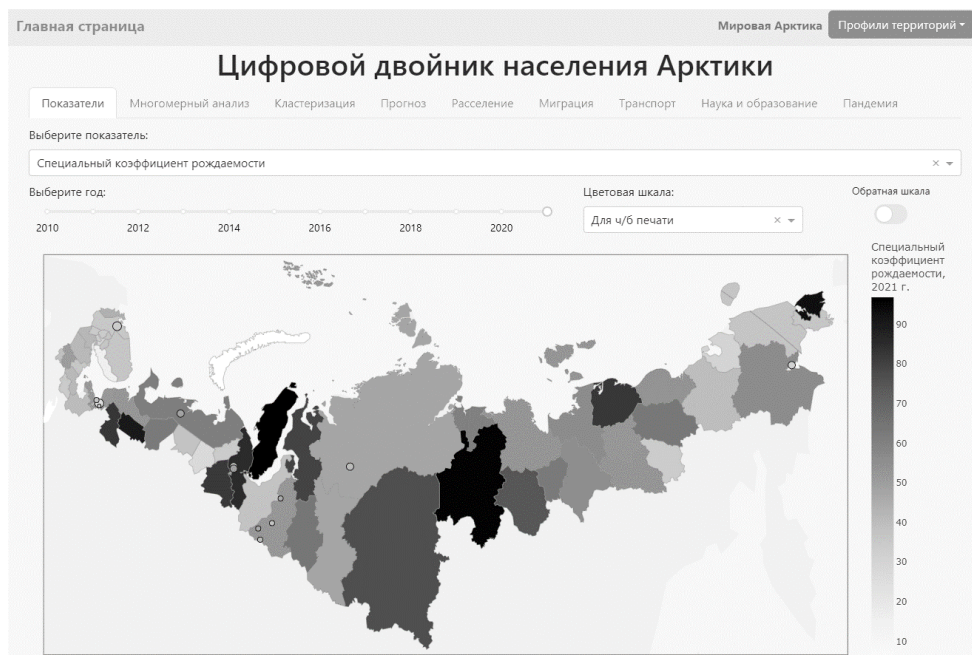

Рис. 1. Главная страница дашборда «Цифровой двойник населения Арктики» (источник: Цифровой двойник населения Арктики. <https://digital-arctic.ru>)

Во вкладке «Расселение» доступны интерактивные карты расселения Арктики. Первая отражает все населенные пункты по типам и численности населения. Вторая и третья — национальный состав (крупнейшую и вторую по численности населения национальности по каждому муниципальному образованию). Там же доступна анимация городского расселения Арктической зоны.

Изучение миграций основано на сетевом (графовом) подходе [2, 12]. Во вкладке «Миграция» отображается интерактивный граф миграционных перемещений российской Арктики по данным проекта «Виртуальное население России». Пользователь может выбрать схему компоновки графа и минимальную отражаемую величину миграционного потока. Граф после этого автоматически перестраивается. В нижней части отображается число перемещений по выбранному узлу или потоку. Во вкладке «Транспорт» на карте визуализируются перемещения пассажиров на поездах и самолетах по данным сервиса Туту.ру. Пользователю доступен выбор отображаемых видов транспорта и детализация информации по каждому населенному пункту.

В верхней части вкладки «Наука и образование» содержится диаграмма с информацией о комплексном балле публикационной результативности (КБПР) по научным организациям российской Арктики с 2012 г. без учета филиалов по данным научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. КБПР характеризует публикационную результативность научного сотрудника и рассчитывается с учетом квартильности и категории научных публикаций методом фракционного счета (разделение вклада авторов в научный результат в случае, если публикация подготовлена несколькими авторами

и из разных организаций). В нижней части отражается приведенный контингент студентов арктических вузов с 2014 г. Он рассчитывается по формуле

$$a + (b \cdot 0,25) + ((c + d) \cdot 0,1),$$

где a — численность студентов очной формы обучения; b — численность студентов очно-заочной (вечерней) формы; c — численность студентов заочной формы; d — численность студентов экстерната.

Во вкладке «Пандемия» представлены временные ряды показателей пандемии COVID-19 по арктическим регионам и России. Это абсолютные и относительные показатели заражений и смертей, индекс самоизоляции и динамика поисковых запросов в системе Яндекс, связанных с пандемией [13]. Индекс самоизоляции характеризует изменение активности пользователей сервисов Яндекса на улицах городов в период пандемии. Чем выше балл, тем меньше людей на улицах. Значение в 0 баллов соответствует уровню в час пик буднего дня до пандемии, 5 баллов — значению ночью. Анализ поисковых запросов осуществлялся по 15 ключевым словосочетаниям (маркерам), которые пользователи часто ищут в условиях самоизоляции или болезни: «антитела», «вторая волна», «вызвать скорую», «доставка еды на дом», «как не заразиться», «купить антисептик», «купить маску и респиратор», «лечение коронавируса», «пропало обоняние», «пульсоксиметр и сатурация», «сдать тест», «сделать КТ», «симптомы коронавируса», «что делать дома», «что делать, если не едет скорая». Эти данные могут использоваться для прогнозирования заболеваемости [14]. Значение по арктическим регионам определялось как среднее взвешенное по численности населения.

В разделе «Мировая Арктика» можно сравнить восемь арктических стран по выбранному социально-демографическому показателю. Там же доступна интерактивная карта крупнейших поселений мировой Арктики (с численностью свыше 10 тыс. чел.). Доступна динамика их численности с 2000 г. (для России — с 2002 г.).

Наибольший по объему раздел «Профили территорий» включает 85 интернет-страниц по числу территорий российской Арктики: Арктическая зона в целом, 9 арктических регионов и 75 муниципальных образований (городских округов, муниципальных округов и муниципальных районов). Демографический профиль каждой территории состоит из 6 частей. Профиль начинается с краткой характеристики муниципального образования, включающей оценку численности населения по последней переписи и на текущую дату. Затем представлен интерактивный график, где можно увидеть динамику выбранного показателя и сравнить со значениями показателя других арктических территорий. Далее размещена таблица расселения городского населения — численность населения всех городов и поселков городского типа, находящихся в пределах территории, с 1939 г. по 2021 г., по данным переписей населения. Следующие элементы профиля — возрастная пирамида по однолетним возрастным группам и диаграмма образовательного состава населения. В нижней части профиля расположена таблица со значениями основных демографических показателей. По каждому показателю указан ранг среди территорий российской Арктики.

В качестве примера на рисунке 2 продемонстрирован профиль городского округа Воркута — одного из самых быстро убывающих муниципальных образований российской Арктики [15, с. 47].

Если для решения какой-либо задачи встроенного функционала недостаточно, пользователь может загрузить исходный код дашборда и все используемые наборы

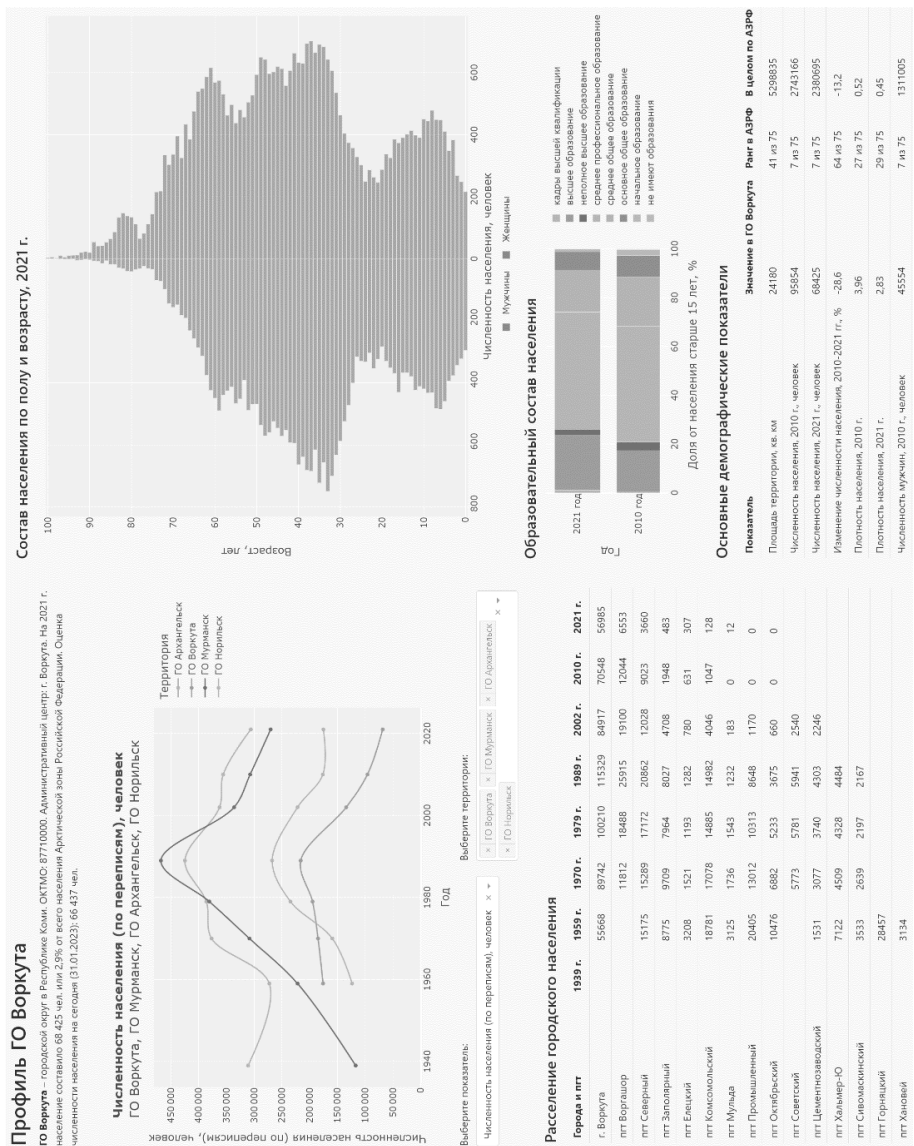

Рис. 2. Демографический профиль ГО Воркута (источник: Цифровой двойник населения Арктики. <https://digital-arctic.ru/> /ГО%20Воркута)

данных из репозитория на GitHub¹. С их помощью можно модифицировать все элементы, выполнить углубленный анализ данных.

Заключение

Исследование показало, что дашборды уже получили распространение в демографических исследованиях. В рамках исследования реализован «Цифровой двойник населения Арктики» — интерактивный веб-сайт, содержащий детальные — вплоть до муниципального и поселенческого уровней — данные о населении Арктики. Дашборд охватывает такую проблематику, как численность, динамика и состав населения, расселение, естественное и миграционное движение, труд и занятость, транспортные перемещения, наука и образование, влияние пандемии. С точки зрения государственного и муниципального управления наибольший интерес представляют демографические профили регионов и территорий, отражающие информацию о демографической ситуации.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-78-00081 «Разработка инструментария для изучения демографических процессов в условиях цифровизации общества (на примере российской Арктики)».

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 21-78-00081, “Development of Tools for Studying Demographic Processes in a Digitalised Society (with the Example of the Russian Arctic)”.

Список источников

- [1] Китчин Р. Сетевой урбанизм, основанный на данных // Сети города: Люди. Технологии. Власти / под ред. В. Е. Лапина-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянов. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 58-80.
- [2] Смирнов А. В. Цифровые следы населения как источник данных о миграционных потоках в российской Арктике // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 2. С. 42-64. <http://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16205>
- [3] Dabbas E. Interactive Dashboards and Data Apps with Plotly and Dash. Birmingham: Packt, 2021. 364 p.
- [4] Wickham H. Mastering Shiny: Build Interactive Apps, Reports, and Dashboards Powered by R. Sebastopol, CA: O'Reilly, 2021. 372 p.
- [5] Matheus R., Janssen M., Maheshwari D. Data science empowering the public: Data-driven dashboards for transparent and accountable decision-making in smart cities // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37(3). 101284. <http://doi.org/10.1016/j.giq.2018.01.006>
- [6] A Socio-Technical Perspective on Urban Analytics: The Case of City-Scale Digital Twins / T. Nohta, L. Wan, J. M. Schooling, A. K. Parlikad // Journal of Urban Technology. 2021. Vol. 28. No. 1-2. P. 263-287. <http://doi.org/10.1080/10630732.2020.1798177>
- [7] Demographic and Human Capital Scenarios for the 21st Century: 2018 assessment for 201 countries / W. Lutz, A. Goujon, S. K. C., M. Stonawski, N. Stilianakis. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 595 p. <http://doi.org/10.2760/41776>

¹Digital Arctic. GitHub. URL <https://github.com/av-smirnov/digital-arctic>.

- [8] *Замятина Н. Ю., Яцунский А. Д.* Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 117-137. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.07>
- [9] The “second wave” of the COVID-19 pandemic in the Arctic: Regional and temporal dynamics / A. N. Petrov, M. Welford, N. Golosov, J. DeGroot, M. Devlin, T. Degai, A. Savelyev // *International Journal of Circumpolar Health*. 2021. Vol. 80(1). P. 1-12. <http://doi.org/10.1080/22423982.2021.1925446>
- [10] Atlas of population, society and economy in the Arctic / L. Jungsberg, E. Turunen, T. Heleniak, S. Wang, J. Ramage, J. Roto. Stockholm: Nordregio, 2019. 78 p. <http://doi.org/10.30689/WP2019:3.1403-2511>
- [11] Promises and pitfalls of using digital traces for demographic research / N. Cesare, H. Lee, T. McCormick, E. Spiro, E. Zagheni // *Demography*. 2018. Vol. 55. P. 1979-1999. <http://doi.org/10.1007/s13524-018-0715-2>
- [12] *Danchev V., Porter M. A.* Migration networks: applications of network analysis to macroscale migration patterns // *Research handbook on international migration and digital technology* / ed. by M. McAuliffe. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 70-90. <http://doi.org/10.4337/9781839100611>
- [13] *Смирнов А. В.* Влияние пандемии на демографические процессы в Российской Арктике // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 6. С. 258-274. <http://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.15>
- [14] *Ahmad I., Flanagan R., Staller K.* Increased internet search interest for GI symptoms may predict COVID-19 cases in US hotspots // *Clinical Gastroenterology and Hepatology*. 2020. Vol. 18, No. 12. P. 2833-2834. <http://doi.org/10.1016/j.cgh.2020.06.058>
- [15] *Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н.* Особенности расселения населения в Арктической зоне России // *Арктика: экология и экономика*. 2016. № 2(22). С. 40-50.

References

- [1] *Kitchin R.* Data-Driven, networked urbanism // *City networks: People. Technologies. Authorities* / ed. by V. E. Lapina-Kratasyuk, O. Zaporozhets, A. Vozyanov. Moscow: New Literary Review, 2021. P. 58-80.
- [2] *Smirnov A. V.* Digital traces of the population as a data source on migration flows in the Russian Arctic // *Demographic Review*. 2022. Vol. 9(2). P. 42-64. <http://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16205>
- [3] *Dabbas E.* Interactive Dashboards and Data Apps with Plotly and Dash. Birmingham: Packt, 2021. 364 p.
- [4] *Wickham H.* Mastering Shiny: Build Interactive Apps, Reports, and Dashboards Powered by R. Sebastopol, CA: O'Reilly, 2021. 372 p.
- [5] *Matheus R., Janssen M., Maheshwari D.* Data science empowering the public: Data-driven dashboards for transparent and accountable decision-making in smart cities // *Government Information Quarterly*. 2020. Vol. 37(3). 101284. <http://doi.org/10.1016/j.giq.2018.01.006>
- [6] A Socio-Technical Perspective on Urban Analytics: The Case of City-Scale Digital Twins / T. Nohta, L. Wan, J. M. Schooling, A. K. Parlikad // *Journal of Urban Technology*. 2021. Vol. 28. No. 1-2. P. 263-287. <http://doi.org/10.1080/10630732.2020.1798177>
- [7] Demographic and Human Capital Scenarios for the 21st Century: 2018 assessment for 201 countries / W. Lutz, A. Goujon, S. K. C., M. Stonawski, N. Stilianakis. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 595 p. <http://doi.org/10.2760/41776>

[8] *Zamyatina N. Yu., Yashunsky A. D.* Virtual geography of virtual population // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. No. 1. P. 117-137. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.07>

[9] The “second wave” of the COVID-19 pandemic in the Arctic: Regional and temporal dynamics / A. N. Petrov, M. Welford, N. Golosov, J. DeGroot, M. Devlin, T. Degai, A. Savelyev // *International Journal of Circumpolar Health*. 2021. Vol. 80(1). P. 1-12. <http://doi.org/10.1080/22423982.2021.1925446>

[10] *Atlas of population, society and economy in the Arctic* / L. Jungsberg, E. Turunen, T. Heleniak, S. Wang, J. Ramage, J. Roto. Stockholm: Nordregio, 2019. 78 p. <http://doi.org/10.30689/WP2019:3.1403-2511>

[11] Promises and pitfalls of using digital traces for demographic research / N. Cesare, H. Lee, T. McCormick, E. Spiro, E. Zagheni // *Demography*. 2018. Vol. 55. P. 1979-1999. <http://doi.org/10.1007/s13524-018-0715-2>

[12] *Danchev V., Porter M. A.* Migration networks: applications of network analysis to macroscale migration patterns // *Research handbook on international migration and digital technology* / ed. by M. McAuliffe. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 70-90. <http://doi.org/10.4337/9781839100611>

[13] *Smirnov A. V.* The Impact of the Pandemic on Demographic Processes in the Russian Arctic // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021. Vol. 14. No. 6. P. 258-274. <http://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.15>

[14] *Ahmad I., Flanagan R., Staller K.* Increased internet search interest for GI symptoms may predict COVID-19 cases in US hotspots // *Clinical Gastroenterology and Hepatology*. 2020. Vol. 18, No. 12. P. 2833-2834. <http://doi.org/10.1016/j.cgh.2020.06.058>

[15] *Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N.* Features of population settlement in the Arctic zone of Russia // *Arctic: ecology and economy*. 2016. No. 2(22). P. 40-50.

Информация об авторах

Смирнов Андрей Владимирович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0001-6952-6834> (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com).

About the authors

Andrey V. Sminrov — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-21>

УДК 314.17

JEL classification: I10, J11

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИНАМИКИ ЖИЗНЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ФРАНЦИИ ЗА 1959–2020 ГГ.¹

В. И. Тельнов

Южно-Уральский институт биофизики ФМБА России (г. Озерск, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-3509-5372>

Автор для корреспонденции: В. И. Тельнов (tvi@subi.su)

Аннотация. *В настоящее время проблема повышения жизненного потенциала населения является актуальной мировой проблемой здравоохранения, геронтологии и социально-экономического развития, особенно старшего поколения. Известно, что эти проблемы в России имеют более тяжелый характер, чем в развитых странах. Данный вывод основан на том, что жизненный потенциал в России меньше, чем в развитых странах, что вызывает необходимость более углубленного изучения его динамики. Целью исследования явился анализ полного, единичного и относительного жизненных потенциалов, прожитых человеко-лет и индекса жизненного баланса у населения России в разных возрастных группах за годы переписи в нашей стране в сравнении с населением Франции. Установлено, что динамика всех исследованных показателей у населения России является более неблагоприятной, чем во Франции. На основе полученных результатов сделан вывод о регрессивном характере старения у россиян и прогрессивном старении у французов. Выделены критерии названных типов старения.*

Ключевые слова: жизненный потенциал; прожитые человеко-годы; индекс жизненного баланса; возрастная и календарная динамика; сравнительный анализ

Comparative Characteristics of Life Potential Dynamics in the Population of Russia and France for 1959-2020

V. I. Telnov

Southern Urals Biophysics Institute of the Federal Medical-Biological Agency of the Russian Federation (Ozersk, Russia)

<https://orcid.org/0000-0003-3509-5372>

Correspondence author: V. I. Telnov (tvi@subi.su)

Abstract. *The problem of increasing life potential of the population is a topical issue for the healthcare, gerontology and socio-economic development, especially regarding elder generations. It is well known that these problems are more intense in Russia than in developed countries. This conclusion is based on the fact that life potential in Russia is lower than in developed countries; thus, a deeper research of its dynamics is necessary. The study analyses the total, individual and relative life potentials, lived person-years and the index of life balance in the population of Russia in various age groups for the years of population censuses in the country compared to the population of France. It was stated that dynamics of all the studied values in the population of Russia was less favourable than in France. The obtained results reveal a more regressive character of ageing in Russian people and progressive ageing in the French. Criteria for the types of ageing were indicated.*

Keywords: life potential; lived person-years; life balance index; age and calendar dynamics; comparative analysis

¹ © Тельнов В. И. Текст. 2023.

Введение

Достаточно часто в демографических исследованиях проводят анализ численности, возрастно-половой структуры и связанных с ними традиционных показателей старения населения. Как известно, жизненный потенциал (LP — life potential) является центральным понятием и основным обобщающим показателем в потенциальной демографии [1]. Жизненный потенциал — число предстоящих лет жизни лица или группы лиц в определенном возрасте, исчисленное при условии сохранения данного уровня по возрастной смертности на основе таблиц смертности [2]. Жизненный потенциал измеряется в человеко-годах. Применение методов потенциальной демографии дает возможность повысить точность сопоставления различных демографических процессов, выражая их объем в человеко-годах, что является адекватным измерителем длящегося проживания народонаселения [3, 4]. Данный показатель измеряют у всего населения (полный жизненный потенциал, далее — жизненный потенциал) и его средневзвешенное значение — единичный жизненный потенциал. Кроме того, определяют относительный жизненный потенциал, то есть жизненный потенциал, приходящийся на 1000 прожитых человеко-лет [5]. Следует отметить, что в эпидемиологических исследованиях оценка риска на основе человеко-лет жизни является более надежной, чем на основе числа наблюдений [6], так как численность всегда меньше показателя человеко-лет.

Целью исследования явилась сравнительная оценка динамики жизненного потенциала населения России в сравнении с населением Франции за годы переписи с 1959 г. до 2020 (во Франции до 2019) г.

Материалы и методы

Использовали сведения о численном, возрастно-половом составе и ожидаемой продолжительности жизни населения России и Франции. Сравнительный анализ проводился по официальным данным населения России и Франции, полученным из отечественных (таблицы смертности) и международных (международная база данных по смертности) источников¹. На основе полученных материалов оценивали динамику жизненного потенциала, единичного жизненного потенциала, относительного жизненного потенциала и прожитых человеко-лет у населения обеих стран в целом и в разных возрастных группах: детское (0–14 лет), трудоспособное (15–59 лет) и пожилое (60+ лет) население. Динамику по возрастной единичного жизненного потенциала оценивали по десятилетиям жизни (0, 10, ..., 100 и 110 лет) в двух аспектах: во-первых, в пределах данного года переписи у всего населения и, во-вторых, в сравнении по годам переписи. Определяли также индекс жизненного баланса (индекс ЖБ) как отношение единичного жизненного потенциала к прожитым человеко-годам [7].

Результаты

Сравнительная динамика жизненного потенциала и прожитых человеко-лет всего населения, а также детского, трудоспособного и пожилого населения России и Франции представлена в таблице 1, из которой следует, что жизненный потенциал всего населения России остался практически без изменений за весь период наблюдения, как у мужчин, так и у женщин. При этом жизненный потенциал детского

¹ Таблицы смертности населения России. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ltmnu.php (дата обращения: 25.01.2023); Human Mortality Database. <http://www.mortality.org> (дата обращения: 25.01.2023).

населения уменьшился на 21–22 %, трудоспособного населения повышался на 4–16 %, а пожилого — повышался в 3,6 и в 2,9 раза соответственно. У мужчин и женщин Франции, напротив, жизненный потенциал повышался во всех возрастных группах: у всего населения — в 1,55 и 1,55 раза, у детского населения — на 15–18 %, у трудоспособного населения — в 1,72 и 1,72 раза и у пожилого населения — в 3,7 и 2,9 раза соответственно. В целом у населения России, за исключением пожилых, динамика была волнообразной, а во Франции во всех случаях возрастающей, то есть прогрессивной.

Как демонстрируют данные, представленные в таблице 1, показатель «прожитые человеко-годы» у всего населения повышался за весь период наблюдения, как у мужчин, так и у женщин — в 1,87 и 1,63 раза в России и в 1,76 и 1,72 во Франции соответственно. При этом в России значение показателя «прожитые человеко-годы» детского населения уменьшалось на 14–16 %, трудоспособного и пожилого населения повышался в 1,6 и 1,2 раза, а пожилого — в 3,7 и 3,0 раза соответственно. Во Франции у мужчин и женщин во всех возрастных группах прожитые человеко-годы повышались: у детского населения — на 5 и 4 %, у трудоспособного населения — в 1,45–1,43 раза и у пожилого населения — в 2,7 и 2,2 раза соответственно. В целом динамика значения показателя «прожитые человеко-годы» у населения России, за исключением детей, и у всех групп населения Франции характеризовалась постоянным повышением. Далее была проведена оценка динамики единичного жизненного потенциала и относительного жизненного потенциала в тех же возрастных группах населения России и Франции. Из данных таблицы 2 следует, что динамика единичного жизненного потенциала у всего населения России характеризовалось снижением на 22 и 17 %, у трудоспособного населения — на 16 и 4 %, а у пожилых — на 3 и 2 % соответственно, как у мужчин, так и у женщин. В отличие от этих тенденций, у детского населения наблюдалось незначительное повышение показателя (на 2 и 5 %). Единичный жизненный потенциал во всех возрастных группах мужчин и женщин Франции имел общую тенденцию к повышению, в частности во всем населении единичный жизненный потенциал повышался на 7 и 7 %, у детей — на 19 и 17 %, у трудоспособного населения — на 24 и 21 %, а у пожилых — на 42 и 36 % соответственно.

При анализе относительного жизненного потенциала в обеих странах установлено наиболее выраженное снижение данного показателя и у всего, и у детского, и у трудоспособного населения. У пожилых показатель, напротив, повышался. Понижение относительного жизненного потенциала у мужчин и женщин всего населения уменьшилось в России на 45 и 39 %, а во Франции — на 12 и 10 % соответственно. У детского населения в том же порядке снижение относительного жизненного потенциала составило в России 58 и 51 %, во Франции — по 33 % соответственно, а у трудоспособного населения в России относительный жизненный потенциал уменьшился на 38 и 37 % соответственно, а во Франции — практически не изменился (–2 и 0 %). Важно подчеркнуть, что в первых 3 группах снижение относительного жизненного потенциала в обеих странах было более выраженным, чем единичного жизненного потенциала, а повышение относительного жизненного потенциала у пожилых было более значимым, особенно во Франции. При этом относительный жизненный потенциал в России повысился в 1,9 и 1,8 раза, а во Франции — в 2,1 и 1,7 раза у мужчин и женщин соответственно. Следует отметить, что представленные в таблицах 1 и 2 показатели в разных возрастных группах являются составными частями соответствующих показателей во всем населении.

На рисунке 1 на основе данных, представленных в таблицах 1 и 2, для наглядности графически отражена динамика показателей прожитых человеко-лет и составных

Таблица 1
Жизненный потенциал (ЖП) в миллионах человеко-лет и прожитые человеко-годы (ПЧГ) в миллионах у населения России и Франции в динамике с1959 г. по 2020 г.

Год	Россия				Франция			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	ЖП, млн чел.-лет	ПЧГ, млн	ЖП, млн чел.-лет	ПЧГ, млн	ЖП, млн чел.-лет	ПЧГ, млн	ЖП, млн чел.-лет	ПЧГ, млн
<i>Все население</i>								
1959	2295,85	1349,13	2976,4	2047,80	877,85	713,64	987,67	835,55
1970	2432,68	1677,57	3124,8	2420,41	1012,08	805,04	1145,92	929,67
1979	2383,82	1914,39	3106,6	2681,65	1081,03	872,39	1241,61	1002,00
1989	2646,57	2155,21	3298,4	2873,36	1154,35	948,49	1334,27	1090,71
2002	2114,32	2329,02	2910,7	3041,89	1227,40	1069,16	1411,61	1229,10
2010	2200,99	2359,31	2946,4	3130,21	1311,27	1161,85	1492,57	1333,17
2020	2341,29	2519,10	2984,1	3312,54	1360,67	1254,56	1529,26	1434,09
2020/1959*	1,02	1,87	1,0	1,62	1,55	1,76	1,55	1,72
<i>Детское население (0-14 лет)</i>								
1959	1073,79	108,00	1177,5	104,67	388,39	40,69	411,11	39,23
1970	1078,96	134,13	1224,5	129,38	427,71	45,05	458,08	43,33
1979	910,56	103,56	1061,6	100,59	423,87	45,75	455,62	43,53
1989	1071,88	117,34	1215,6	113,83	412,19	41,16	441,81	39,27
2002	703,01	100,68	844,7	96,37	420,55	40,75	443,18	38,80
2010	668,56	74,22	769,1	70,77	445,58	41,47	465,11	39,52
2020	837,30	93,04	925,7	88,35	458,03	42,88	473,09	40,95
2020/1959	0,78	0,86	0,79	0,84	1,18	1,05	1,15	1,04
<i>Население в трудоспособном возрасте (15-59 лет)</i>								
1959	1185,42	1019,79	1699,5	1441,07	458,01	471,72	519,39	477,34
1970	1304,94	1236,82	1754,5	1539,53	542,79	506,08	616,63	504,04
1979	1418,97	1441,51	1877,8	1646,75	616,25	565,20	713,78	561,71
1989	1497,97	1571,50	1882,3	1673,32	687,32	602,30	800,92	601,64
2002	1321,46	1591,09	1855,8	1704,84	737,87	661,17	859,42	670,69
2010	1442,82	1678,69	1969,1	1851,97	774,97	681,87	893,58	699,38
2020	1372,84	1604,92	1773,9	1720,90	786,93	672,98	892,12	691,40
2020/1959	1,16	1,57	1,04	1,19	1,72	1,43	1,72	1,45
<i>Население в пожилом возрасте (60+ лет)</i>								
1959	36,65	221,34	99,4	502,06	31,44	201,23	57,17	318,98
1970	48,78	306,62	146,1	751,50	41,58	253,91	71,21	382,30
1979	54,30	369,32	167,3	934,31	40,91	261,44	72,22	396,76
1989	76,71	466,37	200,9	1086,21	54,84	305,02	91,55	449,80
2002	89,85	637,26	210,19	1240,68	68,98	367,25	109,01	519,62
2010	89,61	606,40	208,27	1207,47	90,72	438,50	133,88	594,27
2020	131,14	821,13	284,52	1503,29	115,71	538,71	164,06	701,73
2020/1959	3,58	3,71	2,86	2,99	3,68	2,68	2,87	2,20

* — здесь и в таблице 2 изменения ЖП и ПЧГ определены в 2020 г. относительно 1959 г.

Динамика единичного жизненного потенциала (ЕЖП) и относительного жизненного потенциала (ОЖП) у населения разных возрастных групп России и Франции

Годы	Россия				Франция			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	ЕЖП, чел.-лет	ОЖП, чел.-лет	ЕЖП, чел.-лет	ОЖП, чел.-лет	ЕЖП, чел.-лет	ОЖП, чел.-лет	ЕЖП, чел.-лет	ОЖП, чел.-лет
<i>Все население</i>								
1959	43,3	1702	45,3	1453	39,5	1230	41,8	1182
1970	39,9	1450	43,1	1291	40,1	1257	43,3	1233
1979	36,8	1245	41	1158	40,4	1239	44,4	1239
1989	37,8	1228	41,4	1148	41,2	1217	45,2	1223
2002	30,5	908	36,8	957	41,6	1148	45,1	1148
2010	32,8	933	37,8	941	42,4	1129	45,3	1120
2020	33,9	929	37,4	885	42,4	1085	44,8	1066
2020/1959*	0,78	0,55	0,83	0,61	1,07	0,88	1,07	0,90
<i>Детское население (0-14 лет)</i>								
1959	61,5	796	69,7	575	65,3	544	71,8	492
1970	61,4	643	72,2	506	66,6	531	74,3	493
1979	60,3	476	72,4	396	67,8	486	76,5	455
1989	62	497	72,7	423	70,6	435	79,3	405
2002	56,4	302	71	278	73,4	393	81,2	361
2010	60,5	283	73	246	75,4	384	82,5	349
2020	62,9	332	73,4	279	77,4	365	83,6	330
2020/1959	1,02	0,42	1,05	0,49	1,19	0,67	1,17	0,67
<i>Население в трудоспособном возрасте (15-59 лет)</i>								
1959	37,3	879	41,5	830	35,4	642	40,2	622
1970	35	778	40,9	725	37,3	674	43,2	663
1979	33,2	741	40,7	700	38,1	706	44,9	712
1989	33,7	695	40,9	655	40	725	46,9	734
2002	29	567	39	610	41	690	47,3	699
2010	31,2	612	39,8	629	42,4	667	48,1	670
2020	31,2	545	39,7	520	43,8	627	48,7	622
2020/1959	0,84	0,62	0,96	0,63	1,24	0,98	1,21	1,00
<i>Население в пожилом возрасте (60+ лет)</i>								
1959	11,3	27	13,7	49	10,8	44	12,6	68
1970	10,8	29	13,4	60	11,3	52	13,2	77
1979	10,1	28	12,5	62	11	47	13,2	72
1989	11,1	36	13	70	12,6	58	14,7	84
2002	9,6	39	11,9	69	13,3	65	15,3	89
2010	10,2	38	12,4	67	14,7	78	16,5	100
2020	11	52	13,4	86	15,3	92	17,1	114
2020/1959	0,97	1,92	0,98	1,77	1,42	2,09	1,36	1,67

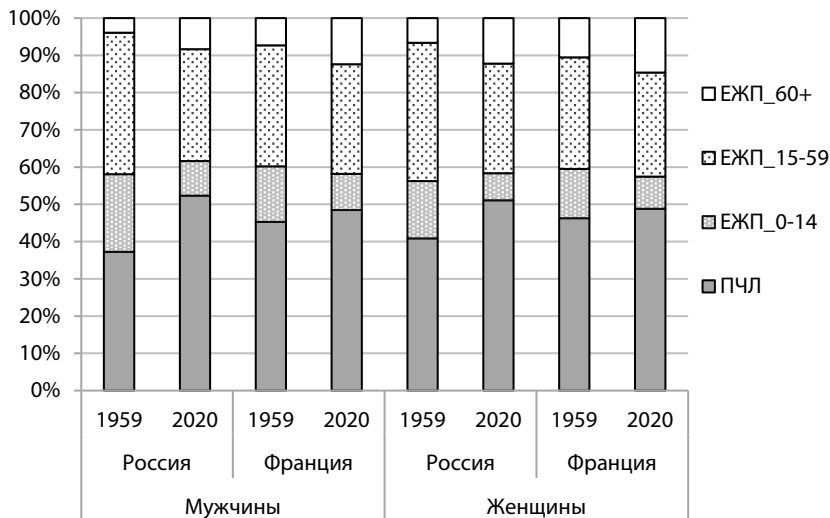

Рис. 1. Сравнительная динамика средневзвешенных прожитых человеко-лет и единичного жизненного потенциала в разных возрастных группах населения России и Франции

частей единичного жизненного потенциала, суммарно характеризующих жизненный баланс населения России и Франции в относительных цифрах, то есть соотношение единичного жизненного потенциала и прожитых человеко-лет, а также составных частей единичного жизненного потенциала. Данные, представленные на рисунке 1, свидетельствуют о том, что исходно более меньшая доля прожитых человеко-лет в России в 1959 г. к 2020 г. стала больше, чем у французов, у которых исходно относительно большая доля прожитых человеко-лет в 1959 г. к 2020 г. стала меньше, чем у россиян.

В таблице 3 представлена динамика единичного жизненного потенциала, прожитых человеко-лет и их соотношения в виде индекса жизненного баланса. Из данной таблицы следует, что как у мужчин, так и у женщин России в 1959 г. единичный жизненный потенциал был выше, чем прожитые человеко-годы, а в 2020 г. стал меньше последних, в результате чего индекс жизненного баланса уменьшился с 1,69 до 0,90 и с 1,44 до 0,88 соответственно (регрессивное старение). Пересечение этих показателей в нашей стране произошло в 1990-е гг. В отличие от населения России, во Франции и у мужчин, и у женщин единичный жизненный потенциал в 1959 и 2019 гг. оставался больше, чем прожитые человеко-годы. При этом индекс жизненного баланса

Таблица 3

Единичный жизненный потенциал, прожитые человеко-годы и индекс жизненного баланса (ИЖБ) у населения России и Франции (2020 г. в сравнении с 1959 г.)

Показатели	Значение показателя по России				Значение показателя по Франции			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	1959	2020	1959	2020	1959	2019	1959	2019
ЕЖП, чел-лет	43,3	33,9	45,3	37,4	39,5	42,4	41,8	44,8
ПЧГ	25,7	37,5	31,4	42,6	32,7	39,9	36,0	42,7
Индекс ЖБ	1,69	0,90	1,44	0,88	1,21	1,06	1,16	1,05

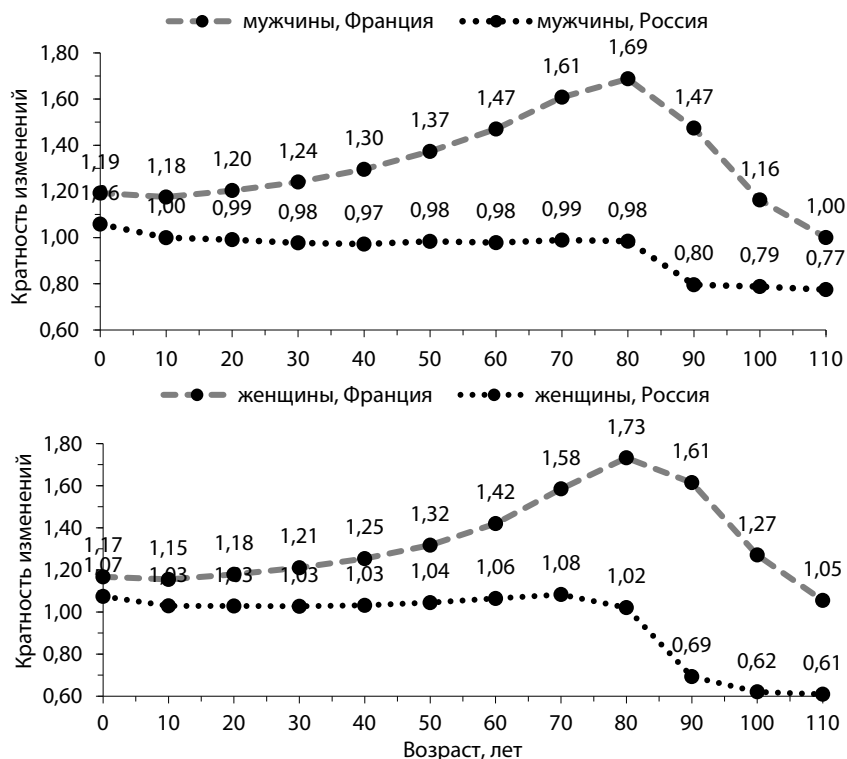

Рис. 2. Кратность изменения единичного жизненного потенциала у мужчин и женщин разного возраста в России и Франции в 2020 г. относительно 1959 г.

понижился с 1,21 до 1,06 и с 1,16 до 1,05 соответственно, то есть оставался больше единицы, что является признаком прогрессивного старения населения [7].

Для оценки повозрастного единичного жизненного потенциала было проведено изучение его динамики у населения разного возраста сравниваемых стран в разные годы относительно 1959 г. Установлено, что в России до 2010 г. единичный жизненный потенциал в выделенных возрастах имел отрицательную динамику (убыль) у мужчин и женщин, особенно у первых. В 2010 и 2020 гг. отмечена положительная динамика единичного жизненного потенциала у всего российского населения, что привело к его относительно небольшому суммарному приросту у женщин и практически остающейся убыли у мужчин (табл. 4). У мужчин и женщин Франции более выраженная положительная динамика единичного жизненного потенциала, как показывают данные таблицы 4, отмечалась во всех возрастах и годах наблюдения.

На следующем этапе была проведена сравнительная оценка кратности изменений единичного жизненного потенциала в 2020 г. относительно 1959 г. у населения двух стран. На рисунке 2 показано, что изменения единичного жизненного потенциала у мужского населения России характеризовались до 80 лет небольшим понижением, а после 80 — существенным снижением. У женщин до 80 лет отмечалось некоторое повышение единичного жизненного потенциала, который также снижался после 80 лет.

Таблица 4

Динамика сдвига (прироста/убыли) повозрастного единичного жизненного потенциала (лет) суммарно за все годы переписи населения России и Франции относительно 1959 г.

Возраст, лет	Россия				Франция			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	ЕЖП-1959	Сдвиг	ЕЖП-1959	Сдвиг	ЕЖП-1959	Сдвиг	ЕЖП-1959	Сдвиг
0	62,8	3,65	71,1	5,29	66,9	12,89	73,4	12,25
20	57,0	-0,02	65,0	1,89	59,7	10,48	65,8	10,18
20	47,7	-0,43	55,4	1,59	50,1	10,20	56,0	10,02
30	38,9	-0,90	46,1	1,25	40,8	9,82	46,4	9,76
40	30,4	-0,86	36,9	1,16	31,7	9,38	37,0	9,39
50	22,3	-0,37	28,0	1,25	23,2	8,67	28,0	8,89
60	15,5	-0,34	19,6	1,26	15,9	7,49	19,6	8,22
70	10,2	-0,11	12,4	1,03	9,9	6,02	12,1	7,09
80	6,3	-0,10	7,3	0,15	5,5	3,75	6,5	4,77
90	4,5	-0,93	4,9	-1,49	2,9	1,37	3,3	2,01
100	2,9	-0,62	3,0	-1,15	1,7	0,28	1,8	0,49
110	2,2	-0,50	2,2	-0,86	1,3	0,00	1,3	0,07
В среднем	—	-0,13	—	0,95	—	6,70	—	6,93

В отличие от россиян, у французских мужчин и женщин единичный жизненный потенциал прогрессивно повышался до 80 лет от 1,18 до 1,69 и от 1,15 до 1,73 раза, а затем снижался, но не опускался ниже 1,00.

Обсуждение

Таким образом, в результате анализа динамики показателей жизненного потенциала, прожитых человеко-лет и индекса жизненного баланса с 1959 г. по 2020 г. показано, что их исходное состояние в наблюдаемый период времени в России было более благоприятным по сравнению с Францией в целом. Однако вследствие более высоких темпов старения, отмеченного при оценке традиционных и альтернативных показателей, к 2002 г. этот процесс в России стал таким же, а к 2020 г. даже несколько более выраженным и неблагоприятным, чем во Франции [8]. Об этом прежде всего свидетельствуют более высокие значения традиционных показателей старения и темпов их роста у населения России. Если динамика традиционных показателей старения в России в целом соответствует общемировым тенденциям, о чем свидетельствует рост прожитых человеко-лет, то динамика альтернативных показателей имеет прямо противоположную направленность, которую отражают снижение жизненного потенциала, единичного жизненного потенциала, относительного жизненного потенциала и индекса жизненного баланса. Основными причинами такого несоответствия, очевидно, являются более высокий уровень смертности и более низкий средний возраст смерти от основных причин в России, чем во Франции, что, в конечном счете, приводит к соответствующим изменениям изученных показателей [9, 10].

Вместе с тем, динамика исследованных показателей свидетельствует о регрессивном характере старения у населения России в целом по сравнению с прогрессивным старением населения Франции. Это позволяет оценить характеристику прогрессивного старения как более медленное повышение количества прожитых человеко-лет,

постоянное повышение возрастного единичного жизненного потенциала по всем десятилетиям жизни, особенно в старших возрастных группах и, в конечном счете, значение индекса жизненного баланса, превышающее 1,0. Полученные результаты свидетельствуют о целесообразности демографического мониторинга процесса старения в нашей стране и ее регионах с учетом не только известных традиционных и альтернативных показателей старения, но и интегральных показателей их соотношения, а также анализа динамики возрастного единичного жизненного потенциала. Следует отметить, что степень прогрессивного старения у населения Франции в последние годы начала уменьшаться, однако этот процесс, по-видимому, не приведет к регрессивному старению, а остановится на стационарной стадии. Предположительно это может быть связано с тем, что хронологический возраст популяции не может увеличиваться бесконечно, так как биологическая продолжительность жизни в конечном счете имеет пределы в конкретных социально-экономических условиях [11–13]. Это позволяет оценить характеристику прогрессивного старения как более медленное повышение прожитых человеко-лет, которое не превышает увеличение жизненного потенциала по всем десятилетиям жизни, особенно в старших возрастных группах и, в конечном счете, значение индекса жизненного баланса, превышающее 1,0.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного сравнительного анализа жизненного потенциала, единичного жизненного потенциала, относительного жизненного потенциала, прожитых человеко-лет и индекса жизненного баланса у населения России в разных возрастных группах за годы переписи в нашей стране в сравнении с населением Франции, показано, что динамика всех исследованных показателей у россиян является более неблагоприятной, чем у французов. На основе полученных результатов сделан вывод о регрессивном характере старения у населения России и прогрессивном старении у населения Франции. Выделены критерии прогрессивного типа старения населения, а именно: более медленное повышение прожитых человеко-лет по сравнению с повышением жизненного потенциала по всем десятилетиям жизни, особенно в старших возрастных группах и, в конечном счете, значение индекса жизненного баланса, превышающее 1,0. У населения России наблюдались прямо противоположные тенденции, то есть старение имело регрессивный характер. На следующем этапе исследования предполагается изучить статистические связи между исследованными показателями и комплексом параметров старения с целью выбора наиболее информативных для контроля демографической ситуации и ее прогноза.

Список источников

- [1] *Фильтрозе Э.* Очерк потенциальной демографии: пер. с пол. Москва: Статистика, 1975. 216 с.
- [2] *Жизненный потенциал // Демографическая энциклопедия / А. А. Ткаченко, А. В. Аношкин, М. Б. Денисенко и др.* Москва: ООО «Издательство “Энциклопедия”», 2013. С. 284–285.
- [3] *Сафарова Г. Л., Сафарова А. А., Лисенко А. И.* Динамика жизненного потенциала России в условиях старения населения // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А. Я. Кваши: сборник статей / Под ред. М. Б. Денисенко, В. В. Елизарова. Москва: Проспект, 2014. С. 298–314. (Демографические исследования. Вып. 25).
- [4] *Sanderson W., Scherbov S.* A new perspective on population aging // Europe Demographic Research Papers. 2005. No. 3. P. 1–32.

[5] Тельнов В. И. Особенности демографического старения населения моногорода атомной промышленности Озерска // Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления. Мат-лы V всерос. межведомственной науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Воронеж, 10-12 нояб. 2022 / Под общ. ред. Р. Е. Рогозиной. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2022. С. 151-155.

[6] Гринхальх Т. Основы доказательной медицины: пер. с англ. / 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ГЕОТАР-МЕД, 2022. 328 с.

[7] Тельнов В. И. Индекс жизненного баланса как показатель старения населения // Успехи геронтологии. 2022. Т. 35. № 4. С. 640-641.

[8] Васин С. С позиций перспективного возраста, население России стареет быстрее всех. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0357/tema04.php> (дата обращения: 25.01.2022).

[9] Донцов В. И. Изменения смертности, продолжительности жизни и скорости старения в XX веке и возможные причины этого // Здоровоохранение Российской Федерации. 2021. Т. 65. № 1. С. 17-25.

[10] Самородская И. В., Семенов В. Ю. Потерянные годы потенциальной жизни от болезней системы кровообращения экономически активного населения Российской Федерации в 2013-2019 годах // Российский кардиологический журнал. 2021. Т. 26. № 5. С. 82-87.

[11] Гаврилов Л. А., Гаврилова Н. С. Биология продолжительности жизни: 2-е изд. Москва: Наука, 1991. 280 с.

[12] Голубев А. Г. Естественная история продолжительности жизни и старения: 3-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Эко-Вектор, 2021. 551 с.

[13] Шибалков И. П., Недоспасова О. П. Комплексная оценка влияния социально-экономических факторов на ожидаемую продолжительность жизни населения регионов России. Томск: Издательство «СТТ», 2020. 332 с.

References

[1] Filrose E. Essays on potential demographics / Trans. from Polish. M.: Statistics, 1975. 216 p.

[2] Life potential // Demographic encyclopedia / A. A. Tkachenko, A. V. Anoshkin, M. B. Denisenko et al. M.: LLC «Publishing House» Encyclopedia «, 2013. P. 284-285.

[3] Safarova G. L., Safarova A. A., Lisenenko A. I. Dynamics of life potential in Russia regarding population aging // Development of population and demographic policy. In the memory of A. Y. Kvashi: digest. Demographic studies, Volume. 25. / ed. by M. B. Denisenko, V. V. Elizarova. M.: Prospekt, 2014. P. 298-314.

[4] Sanderson W., Scherbov S. A new perspective on population aging // Europe Demographic Research Papers. 2005. No. 3. P. 1-32.

[5] Telnov V. I. Characteristic features of demographic aging in Ozyorsk, an atomic production monocity // Municipal formations of Russian regions: problems of research, development and managing: digest of the Whole-Russia Interdepartmental Research and Development Conference with International Participation (Voronezh, November 10-12, 2022) / ed. by R. E. Rogozina. Voronezh: Publishing house «Digital polygraphy», 2022. P. 151-155.

[6] Greenhalgh T. How to Read a Paper. The Basics of Evidence-Based Medicine and Healthcare: translated from English / 5th edition, updated and corrected. M.: GEOTAR-MED, 2022. 328 p.

[7] Telnov V. I. Life balance index as an indication of population aging // Advances in Gerontology. 2022. Vol. 35. No. 4. P. 640-641.

[8] Vasin S. Russian population is aging faster than any other from the point of view of perspective age. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0357/tema04.php> (accessed on: 01.25.2022).

[9] *Dontsov V. I.* Changes in mortality, life expectancy and the rate of aging in the XX century: possible causes // Health care of the Russian Federation. 2021. Vol. 65. No. 1. P. 17-23.

[10] *Samorodskaya I. V., Semenov V. Y.* Years of potential life lost from cardiovascular diseases of the economically active Russian population in 2013-2019 // Russian Journal of Cardiology. 2021. Vol. 26. No 5. P. 82-87.

[11] *Gavrilov L. A., Gavrilova N. S.* Lifespan Biology / 2nd ed. Moscow: Science. 1991. 280 p.

[12] *Golubev A. G.* Natural history of lifetime and aging: 3rd edition updated and corrected. SPb: Eco-Vektor, 2021. 551 p.

[13] *Shibalkov I. P., Nedospasova O. P.* Comprehensive assessment of the impact of socio-economic factors on the life expectancy of the population of Russian regions. Tomsk: STT Publishing House, 2020. 332 p.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального медико-биологического агентства России по Государственному заданию № 11.002.22.800. (шифр «Прогноз риска-22»).

Acknowledgements

The work was financially supported by the Federal Medical and Biological Agency of Russia according to the State Assignment No. 11.002.22.800. (code «Risk forecast-22»).

Информация об авторах

Тельнов Виталий Иванович — кандидат медицинских наук, доцент по специальности, ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский институт биофизики ФМБА России; <https://orcid.org/0000-0003-3509-5372> (Российская Федерация, 456780, г. Озерск, Озерский проспект, 19; e-mail: tvi@subi.su).

About the authors

Vitaliy I. Telnov — Cand. Sci. (Med.), Associate Professor, Southern Urals Biophysics Institute of the Federal Medical-Biological Agency of the Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0003-3509-5372> (19, Ozerskiy Ave., Ozersk, 456780, Russian Federation; e-mail: tvi@subi.su).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-22>

УДК 314.06 (477.75)

JEL classification: J11, O15

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В РОССИИ¹

С. Ю. Цёхла^а, Н. А. Симченко^б

^{а, б} Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0001-6485-3019>

^б <https://orcid.org/0000-0001-8364-2313>

Автор для корреспонденции: Н. А. Симченко (natalysimchenko@yandex.ru)

Аннотация. В условиях современной трансформации экономики существенно повысилась значимость науки в процессах обеспечения устойчивого перспективного развития. Целью статьи является исследование изменений социально-демографических характеристик молодых ученых и индикаторов завершенности научных исследований. Исследование построено на изучении социально-демографической статистики и данных по результатам научной работы (защит диссертаций) для получения характеристик потенциала молодых ученых и обоснования перспектив выполнения государственных заданий по участию молодых специалистов в научных исследованиях. Выявлена тенденция снижения в России численности исследователей, в том числе молодежного возраста и имеющих ученые степени. Обоснована необходимость в стимулировании и поощрении научной деятельности, реализации действенных мер по поддержке молодых ученых, которые будут способствовать сохранению и развитию кадрового потенциала российской науки, выполнению поставленных в государственных программах задач и реализации проектов перспективного экономического развития страны.

Ключевые слова: занятость; молодежь; наука; социально-демографическая динамика; молодой ученый

Young Scientists: Socio-Demographic Dynamics in Russia

S. Yu. Tsohla^а, N. A. Simchenko^б

^{а, б} V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0001-6485-3019>

^б <https://orcid.org/0000-0001-8364-2313>

Corresponding author: N. A. Simchenko (natalysimchenko@yandex.ru)

Abstract. In the context of current economic transformations, the importance of science in ensuring sustainable long-term development has significantly increased. The purpose of the article is to study changes in the socio-demographic characteristics of young scientists and indicators of the completion of scientific research. Socio-demographic statistics and data on the results of scientific work (dissertation defence) were analysed to obtain characteristics of the potential of young scientists and substantiate the prospects for fulfilling state assignments for the participation of young specialists in scientific research. A downward trend in the number of researchers in Russia, including those of young age and those with academic degrees, was revealed. The article demonstrates the necessity of stimulating and encouraging scientific activity, offering effective measures to support young scientists, which will help to preserve and develop human potential of Russian science, fulfil the tasks set in state programmes and implement projects for the country's long-term economic development.

Keywords: employment; youth; science; socio-demographic dynamics; young scientist

¹ © Цёхла С. Ю., Симченко Н. А. Текст. 2023.

Введение

Прогресс науки во многом определяет уровень развития общества, создает новые возможности для экономического роста. Мировое сообщество рассматривает молодежь как «крайне важный ресурс», привлечение которого к участию в жизни общества позволит обеспечить «устойчивое развитие»¹.

В Российской Федерации научно-технологическое развитие страны проводится на наиболее полном использовании интеллектуального потенциала нации, выявлении талантливой молодежи и привлечении молодых ученых к перспективным исследованиям².

Достижение развития кадрового потенциала сферы научных исследований и разработок предусматривается через повышение привлекательности карьеры в сфере науки и высшего образования, а также через реализацию проектов фундаментальных научных исследований, выполняемых молодыми учеными³.

В этой связи представляют интерес социально-демографическая ситуация в научной сфере и уровень активности молодежи в научных исследованиях.

Цель работы — исследование изменений социально-демографических характеристик молодых ученых и индикаторов завершенности научных исследований.

Исследование построено на изучении социально-демографической статистики и данных по результатам научной работы (защит диссертаций) для получения характеристик потенциала молодых ученых и обоснования перспектив выполнения государственных заданий по участию молодых специалистов в научных исследованиях.

Обзор литературы

В условиях современной трансформации экономики существенно повысилась значимость науки в процессах обеспечения устойчивого перспективного развития. Проблемы развития научного потенциала находятся в сфере интересов широкого круга ученых, практиков, государственных деятелей и экспертов.

Исследование возможностей для развития научного потенциала Л.А. Гудяева, М.И. Прыгунова считают одним из «ведущих факторов развития страны и региона», обозначают необходимость создания комфортных условий для ученых, в том числе молодых [1, с. 2].

Л.В. Павлова, И.В. Романова в совместной публикации отразили мнение о том, что «путь к науке будущего лежит через междисциплинарный подход и коллективные исследования», а поддержку научных школ следует рассматривать как форму организации научной деятельности [2, с. 126].

По мнению А.В. Маркова и Я.С. Мироновой, поддержка и поощрение творческой активности молодежи «способствуют развитию науки, государства и создают задел

¹ Молодежная стратегия Организации Объединенных Наций «Молодежь 2030». https://www.un.org/youthenvoy/wp-content/uploads/2014/09/WEBR-UN-Youth-Strategy_Booklet_-Russian-for-WEB.pdf (дата обращения: 21.01.2023). С. 4.

² Государственная программа Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 377. <http://gov.garant.ru/document?id=72116664&byPara=1&sub=14> (дата обращения: 21.01.2023).

³ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf (дата обращения: 21.01.2023). С. 74.

для решения стратегических задач научно-технологического развития России» [3, с. 265].

Исследователями проводится анализ результатов «полученных при активном участии молодых ученых и специалистов», подчеркивается необходимость «сохранения кадрового потенциала» [4, с. 14–15]. Однако, по данным исследования НИУ ВШЭ, академическая карьера и наука «не слишком привлекательны для молодежи» и требуют «дополнительных мер (и ресурсов) по ее привлечению и закреплению» [5, с. 25–26].

Преодоление сложившейся ситуации, по мнению А.А. Семеновой, «возможно при улучшении условий труда молодых исследователей, устранении нефинансовых барьеров в науке, реализации мер по укреплению позитивного имиджа профессии ученого» [6, с. 153].

В целом вопрос участия молодежи в обеспечении кадрового развития сферы науки и образования остается открытым и дискуссионным, несмотря на активные исследования в этом направлении. Особо актуален этот вопрос для современной России, где научные школы в составе национальной социально-экономической системы имеют мощный потенциал и способны оказать значительное влияние на реализацию стратегической цели обеспечения глобальной конкурентоспособности страны.

Материалы и методы

Источниками информации по рассматриваемой проблеме выступили нормативно-правовые документы, данные Федеральной службы государственной статистики, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, статистических сборников Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», сведения Научного портала Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, опубликованные труды ученых, материалы научных конференций, данные интернет-ресурсов, находящиеся в открытом доступе.

Для проведения исследования были задействованы принципы комплексного и системного подходов, логического анализа и синтеза, сравнения и обобщения, метод контент-анализа, методов обработки эмпирических данных и графического отображения результатов.

Использование методологии системного подхода обеспечило выявление свойств научной деятельности и взаимосвязи с динамикой экономических показателей при решении задач устойчивого развития страны.

Информационное наполнение исследования обеспечено применением формальных процедур подбора данных для анализа условий участия молодежи в научной деятельности, определением социальных и демографических параметров исследователей, последовательным изложением полученных результатов по этапам исследования.

Аналитические методы применены для оценки динамики выбранных показателей, проведения сравнения демографической статистики, изучения структурных составляющих, приемы научного обобщения — при обзоре публикаций и формировании выводов.

Для визуализации агрегированных данных использовались табличные методы отображения структуры и динамики аналитических показателей численности исследователей по молодежным возрастным группам, а также схематический принцип — для отображения основных мер государственной поддержки молодых ученых в России.

Метод контент-анализа задействован для проведения оценки интенсивности работы диссертационных советов по защите диссертаций и инструментов стимулирования

научно-исследовательской деятельности в Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского.

Комплексный подход применен при формировании рекомендаций и определении перспектив изменения условий в ходе реализации мер государственной поддержки молодых ученых и стимулирующих мероприятий повышения исследовательской активности научными и образовательными организациями.

Результаты

Молодежь в качестве социально-демографической группы выделяется по возрастным характеристикам от 14 до 35 лет включительно¹. У молодых людей в этом возрасте проходят важные социальные и демографические события: получение образования (по уровням), выбор профессии, начало трудовой деятельности, изменения семейного статуса и др. При рассмотрении трудовой занятости людей в молодежном возрасте делят на четыре «возрастные группы»². Исследовательская деятельность не ограничивается возрастом и может начинаться в дошкольном периоде [7, с. 313]. Научно-исследовательская деятельность по проведению фундаментальных, прикладных и поисковых научных исследований, а также по подготовке и защите научных диссертаций требует высокого уровня знаний, компетенций высшего образования³.

Согласно данным выборочных обследований рабочей силы, которые проводит Федеральная служба государственной статистики с периодичностью один раз в два года, в России за период 2017–2021 гг. численность занятых работой молодых женщин с высшим образованием превышает численность мужчин (табл. 1). Общая численность занятой молодежи, имеющей высшее образование, снижается как в абсолютном выражении, так и в отношении к общей численности занятых — с 13,5 % в 2017 г. до 11,7 % в 2021 г., что свидетельствует о снижении потенциальной численности молодых специалистов для участия в научных исследованиях.

В Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации находится на рассмотрении законопроект о закреплении понятия «молодой ученый», которым предлагается считать «лицо в возрасте до 35 лет включительно, являющееся работником научных организаций, научно-педагогическим работником образовательных организаций высшего образования, а также научным работником иных организаций, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность»⁴.

В научных организациях сотрудники категории исследователи профессионально занимаются исследованиями и разработками. Для анализа численности молодых

¹ О молодежной политике в Российской Федерации. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ (в последней редакции). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 21.01.2023).

² Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы): статистический сборник. Москва: Росстат, 2022. 151 с <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 22.01.2023). С. 19.

³ О науке и государственной научно-технической политике. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ. <http://kremlin.ru/acts/bank/9973> (дата обращения: 21.01.2022); О порядке присуждения ученых степеней. Постановление правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842. <http://government.ru/docs/all/88745/> (дата обращения: 21.01.2022).

⁴ Катенёва Ю. В Госдуму внесли законопроект о статусе молодых ученых // Парламентская газета. 30 сентября 2022 г. <https://www.pnp.ru/social/v-gosdumu-vnesli-zakonoproekt-o-statuse-molodykh-uchenykh.html> (дата обращения: 01.02.2023).

Таблица 1

Численность занятой молодежи, имеющей высшее образование, в разрезе возрастных групп

Год	Численность имеющих высшее образование		в том числе, численность, тыс. чел.							
			в возрасте 15-19 лет		в возрасте 20-24 года		в возрасте 25-29 лет		в возрасте 30-35 лет	
	всего, тыс. чел.	% от занятых всего	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
2017	9715,2	13,5	0,2	н/д	431	551	2041	2350	2021	2321
2019	9091,7	12,6	0,4	0,3	330	437	1795	2028	2059	2442
2021	8376,4	11,7	0,3	0,1	312	395	1521	1704	2012	2432

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы): статистический сборник. М.: Росстат, 2022. С. 35; Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). Москва: Стат. сб. / Росстат, 2020. С. 35; Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). Стат. сб. / Росстат, 2018. С. 35.

ученых среди исследователей научных организаций использованы статистические данные Федеральной службы государственной статистики, где информация приводится по возрастным группам, и задействованы две группы: 1) до 29 (включительно), 2) 30–39 лет. В исследуемый период прослеживается тренд сокращения численности исследователей в научных организациях, в т. ч. молодых специалистов (рис. 1).

В период 2017–2021 гг. доля исследователей в возрасте до 30 лет в общей численности исследователей снижается (с 18,4 % до 15,7 % соответственно), в отличие от возрастной группы 30–39 лет, где этот показатель, напротив, увеличился до 28,2 % в 2021 г. по сравнению с 25,4 % в 2017 г. (табл. 2).

При этом в этих возрастных группах значительно снизилась численность лиц, имеющих ученые степени. В группе до 30 лет численность докторов уменьшилась более чем в 2 раза (с 32 чел. в 2017 г. до 14 чел. в 2021 г.), кандидатов наук — на 54 % (с 3153 чел. до 1462 чел. соответственно). Среди исследователей в возрасте 30–39 лет докторов наук стало меньше на 60 чел. (8,8 %), кандидатов наук — на 1089 чел. (5,2 %). Такую ситуацию можно охарактеризовать снижением активности работ над диссертациями и уровня оформления (завершенности) результатов научных исследований.

В сфере науки и высшего образования деятельность научно-педагогических работников имеет «разноплановый характер и традиционно охватывает различные виды

Таблица 2

Динамика численности исследователей, имеющих ученые степени, по возрастным группам

Год	Исследователи в возрасте до 30 лет			Исследователей в возрасте 30-39 лет		
	доля в общей численности, %	численность, чел.		доля в общей численности, %	численность, чел.	
		доктора наук	кандидаты наук		доктора наук	кандидаты наук
2017	18,4	32	3153	25,4	566	20772
2018	17,4	40	2507	26,5	518	20459
2019	16,8	12	2129	27,4	518	20565
2020	16,3	39	1746	27,9	519	20295
2021	15,7	14	1462	28,2	516	19683

Источник: Численность исследователей Федеральная служба государственной статистики (Росстат) Наука, инновации и технологии <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 28.01.2023).

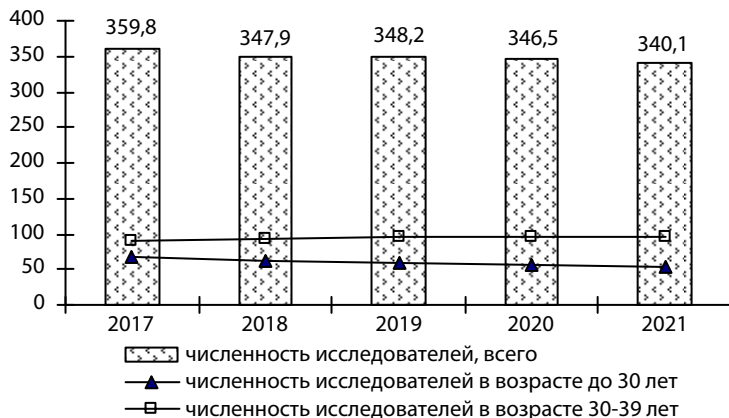

Рис. 1. Динамика численности исследователей в РФ по возрастным группам молодежи, тыс. чел. (источник: Наука, инновации и технологии. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 28.01.2023))

учебной, учебно-методической, научной, организационной и других видов работ» [8, с. 52]. Выполнение исследований, ориентированных на получение научного результата, «позволяет рассматривать педагога как научного работника, что и подтверждается наличием и присуждением ученых степеней и ученых званий» [9].

Министерство науки и высшего образования объявило, что работа с молодыми учеными выступает стратегическим направлением в его деятельности¹. Динамика общей численности молодых ученых в образовательных организациях высшего образования в период 2017–2021 гг. меняется в сторону сокращения (табл. 3). Следует отметить, что в последние два года наблюдается увеличение численности исследователей в вузах возраста до 30 лет, которые дольше могут продолжать активно работать. И такое омоложение кадров науки, безусловно, является позитивным изменением и результатом государственной поддержки молодых ученых, о чем более подробно будет рассмотрено далее.

Ученые получают степень кандидата или доктора наук после защиты диссертации и на основе автореферата с результатами своих научных работ. Для защиты диссертаций в научных и образовательных организациях высшего образования создаются диссертационные советы с правом присуждать ученые степени кандидата наук и доктора наук. По имеющимся данным, динамика количества диссертаций, защищенных в период 2017–2020 гг. в диссертационных советах, созданных в соответствии с приказами Минобрнауки России и созданными организациями самостоятельно, имеет тенденцию к уменьшению (рис. 2). По информации Министерства науки и высшего образования РФ, численность женщин, имеющих научную степень, меньше, чем численность мужчин. Среди докторов наук женщин 42 %, среди кандидатов — 49 %².

¹ Молодые ученые. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. https://minobrnauki.gov.ru/action/young_scientists/ (дата обращения: 29.01.2023).

² Сколько в России кандидатов и докторов наук. Портал ВАК. https://vak.world/user/news_and_ad/news_and_ad_app/4_view/news_read_page_view.php?news_id=122 (дата обращения: 01.02.2023).

Таблица 3

Динамика численности профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования по возрастным группам, чел.

Год	Всего	В том числе по возрасту			
		менее 25 лет	25-29 лет	30-34 года	35-39 лет
2017	65 194	1323	11 843	22 271	29 757
2018	60 180	1088	10 757	20 586	27 749
2019	56 061	988	9841	19 361	25 871
2020	52 980	1026	9162	18 022	24 770
2021	52 381	1614	9628	17 047	24 092

Источник: Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 01.02.2023).

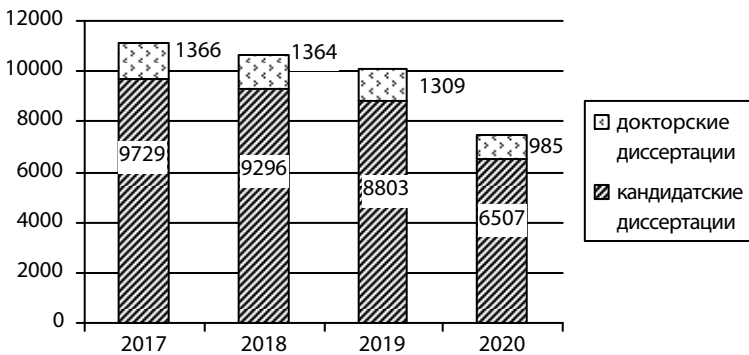

Рис. 2. Количество диссертаций, защищенных в диссертационных советах, ед. (источник: Научно-технологическая политика России в условиях постпандемии: поиск новых решений / Бредихин С. В., Власова В. В., Гершман М. А. и др. // Докл. к XXII Апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Науч. ред. Л. М. Гохберг; Науч. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Издат. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 91–94)

Общие результаты научной деятельности образуются из составляющих по регионам России, которые отличаются и имеют определенные условия формирования.

В Республике Крым крупнейшим образовательным и научным центром является Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (КФУ им. В.И. Вернадского). В этом университете созданы и функционируют 16 диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций по всем научным областям, за исключением сельскохозяйственных наук. Интенсивность работы диссертационных советов различная, количество защищенных диссертаций за последние три года приведены в таблице 4. Наибольшее количество диссертаций было защищено по педагогическим наукам и экономическим наукам, наименьшее — по философским наукам и техническим наукам.

Докторские диссертации защищаются редко и, как правило, их авторы зрелого (взрослого) возраста. За указанные годы работы диссоветов самому молодому ученому, защитившему докторскую диссертацию в 2022 г., было 36 лет, исследование

Таблица 4

Количество защищенных диссертаций в диссоветах КФУ им. В. И. Вернадского, ед.

Научные области	Количество защищенных диссертаций по годам					
	2020		2021		2022	
	докт.	канд.	докт.	канд.	докт.	канд.
Общественные науки (6 диссоветов)	2	23	2	4	2	26
Инженерно-технические науки (1 диссовет)	0	0	0	1	1	0
Естественные науки (2 диссовета)	1	0	0	2	0	4
Медицинские науки (4 диссовета)	0	3	0	1	0	12
Гуманитарные науки (3 диссовета)	0	5	0	1	0	5
Итого	3	31	2	10	3	47

Источник: Научный портал Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского <http://science.cfuv.ru/gosudarstvennaya-nauchnaya-attestaciya/dissertacionnye-sovety> (дата обращения: 20.01.2023).

выполнено по политическим наукам, входящим в группу общественных наук. Ученых, защитивших кандидатские диссертации в возрасте до 35 лет, достаточно большое количество, за исключением инженерно-технических наук, соответствующие данные по научным областям представлены в таблице 5.

Профессиональный уровень и результативность труда научных работников напрямую определяют качество экономического роста в стране. Поэтому важным является изучение направлений повышения эффективности научной деятельности исследователей, стимулирования активности молодых ученых в проведении исследований и связанной с защитой кандидатских и докторских диссертаций.

Таблица 5

Численность ученых в возрасте до 35 лет, защитивших кандидатские диссертации в диссоветах КФУ им. В. И. Вернадского

Научные области (отрасли наук)	2020		2021		2022	
	численность, чел.	доля в общей численности, %	численность, чел.	доля в общей численности, %	численность, чел.	доля в общей численности, %
Общественные науки (исторические, педагогические, политические, экономические)	12	52,2	3	75,0	6	23,1
Инженерно-технические науки (технические)	0	0	0	0	0	0
Естественные науки (физико-математические, биологические)	0	0	1	50,0	3	75,0
Медицинские науки (медико-биологические, клиническая и профилактическая медицина)	2	66,7	1	100	8	66,7
Гуманитарные науки (филологические, философские, культурология)	3	60,0	1	100	3	60,0

Источник: Научный портал Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского <http://science.cfuv.ru/gosudarstvennaya-nauchnaya-attestaciya/dissertacionnye-sovety> (дата обращения: 20.01.2023).

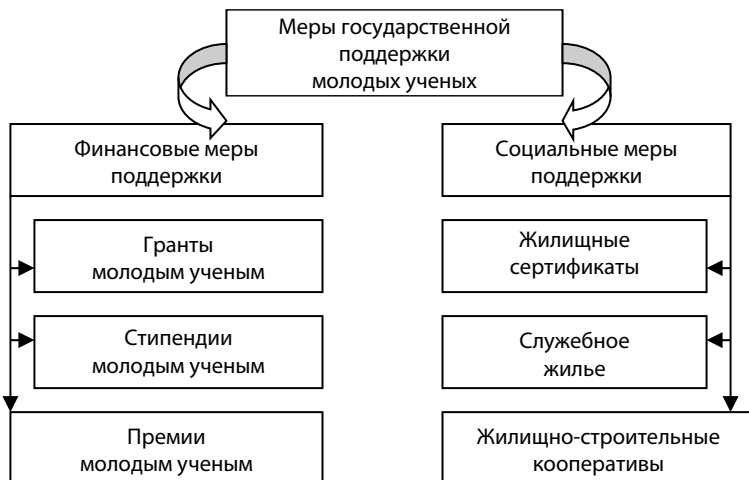

Рис. 3. Меры государственной поддержки молодых ученых (источник: Молодые ученые. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. https://minobrnauki.gov.ru/action/young_scientists/ (дата обращения: 29.01.2023))

Обсуждение

В России снижается численность исследователей, в том числе молодежного возраста и имеющих ученые степени. Тенденции, «связанные с сокращением молодых кадров, как в национальном масштабе, так и в региональном аспекте, по мнению исследователей, является значимой угрозой для устойчивого сбалансированного развития территорий Российской Федерации» [1, с. 3]. В тематических публикациях среди причин современного состояния чаще всего называют непривлекательность научной карьеры для молодежи, недостаточный размер зарплаты ученых, низкие размеры стипендий аспирантов и др. [5, с. 24; 6, с. 151].

Для улучшения условий работы и привлечения в сферу науки талантливой молодежи правительство внедряет меры государственной поддержки, научные и образовательные организации реализуют стимулирующие меры для повышения активности молодых ученых, заинтересованности руководителей и научных коллективов.

На государственном уровне разработаны и реализуются меры поддержки молодых ученых, в частности, молодых специалистов организаций, подведомственных Минобрнауки России (рис. 3).

Финансовые меры поддержки молодых исследователей нацелены на материальное поощрение разработок и исследований, реализуются по направлениям:

- грантовая поддержка через гранты Президента Российской Федерации для молодых российских ученых, гранты Президентской программы исследовательских проектов, проекты Российского научного фонда, РАН, и др.;

- стипендиальная поддержка через стипендии Президента Российской Федерации для молодых ученых, аспирантов и студентов, стипендии им. Ж.И. Алфёрова, и др.;

- премиальная поддержка через Премия Президента Российской Федерации в области науки и инноваций, премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, всероссийскую премию «За верность науке», и др.

Социальные меры поддержки молодых ученых нацелены на улучшение жилищных условий и проводятся по следующим направлениям:

- выдача социальной выплаты на приобретение жилья, государственных жилищных сертификатов;
- предоставление служебного жилья на период работы в исследовательской организации;
- строительство жилья для молодых специалистов жилищно-строительными кооперативами.

Ожидается, что активное внимание и информирование о российских научных достижениях, поддержка молодых исследователей, оказываемая как со стороны государства, так и при участии частных организаций, будут способствовать повышению интереса к научной деятельности, пересмотру мотивации, изменению мнений о престижности и привлекательности научной карьеры для молодежи.

В решении этих вопросов усиливается роль университетской науки, которая предоставляет широкие возможности в области научного роста, карьеры и повышения квалификации. Качественное выполнение научной работы и высокая эффективность деятельности научно-педагогических работников вузов достигается за счет внедрения балльно-рейтинговой системы оплаты труда. Балльно-рейтинговая система оплаты труда базируется на критериях, выраженных через показатели эффективности труда, сочетает поощрение качественного выполнения видов работ и индивидуальных достижений. Практика реализации такой системы оплаты труда позволяет организовывать ненормированные виды работ, стимулировать научную деятельность и проведение научных исследований в вузах страны.

Стимулирование научно-исследовательской деятельности в КФУ имени В.И. Вернадского в рамках эффективного контракта проводится как для участников научных мероприятий, так и для исследователей за достигнутые высокие результаты. Поощрению путем начисления определенного количества баллов подлежат:

- публикационная активность ученых;
- организация и проведение научного мероприятия;
- издание монографии;
- защита докторской / кандидатской диссертации;
- консультирование / научное руководство диссертации;
- участие в работе диссертационных советов;
- патентно-лицензионная деятельность;
- грантовая деятельность;
- реализация договоров на выполнение научно-исследовательских, научно-технических работ.

В целом стимулирование и финансовое поощрение в университете распространяются не только на молодых ученых, занимающихся исследованиями и защитивших диссертацию, но и их на наставников и руководителей научных диссертаций, участников заседаний диссертационных советов по защите диссертаций, тем самым создают условия для всесторонней поддержки развития научного потенциала организации.

В России с 2022 г. объявлено Десятилетие науки и технологий, определены основные задачи повышения участия молодежи в научных исследованиях и разработках, вовлечения исследователей и разработчиков в научные проекты, программы развития страны¹.

¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий. Указ Президента Российской Федерации от 12.01.2022 № 100.

Стимулирование и поощрение научной деятельности, практикуемые и проектируемые меры поддержки молодых ученых будут способствовать сохранению и развитию кадрового потенциала российской науки, выполнению поставленных в государственных программах задач и реализации проектов перспективного экономического развития страны.

Заключение

В условиях современных цифровых трансформаций экономики особую роль играет привлеченность в науку молодых ученых, востребованность их научных исследований в обеспечении технологического суверенитета нашего государства. На основе проведенных исследований изменений социально-демографических характеристик молодых ученых и индикаторов завершенности научных исследований выявлены тенденции снижения в России численности исследователей, в том числе молодежного возраста, и имеющих ученые степени. Определено, что профессиональный уровень и результативность труда научных работников напрямую определяют качество экономического роста в стране. Поэтому важным является изучение направлений повышения эффективности научной деятельности исследователей, стимулирования активности молодых ученых в проведении исследований и связанной с защитой кандидатских и докторских диссертаций. Обоснована необходимость в стимулировании и поощрении научной деятельности, реализации действенных мер по поддержке молодых ученых, которые будут способствовать сохранению и развитию кадрового потенциала российской науки, выполнению поставленных в государственных программах задач и реализации проектов перспективного экономического развития страны.

Список источников

[1] Гудяева Л. А., Прыгунова М. И. Поддержка молодых ученых как ключевой приоритет экономического развития и укрепления устойчивого положения России на глобальном рынке человеческого капитала: региональный аспект // Национальная безопасность. 2021. № 5. С. 1-10. <http://doi.org/10.7256/2454-0668.2021.5.36669>

[2] Павлова Л. В., Романова И. В. Школа молодых ученых «Квантитативная филология» // Квантитативная филология. 2021. № 2. С. 121-128.

[3] Марков А. В., Миронова Я. С. Поддержка инновационной деятельности молодых ученых Российской Федерации (обзор текущих конкурсов инновационных проектов для молодых исследователей) // Вестник современных исследований. 2018. № 8.3(23). С. 262-266.

[4] Антошкин А. А., Енгальцева И. А. Роль советов молодых ученых и специалистов в усилении научной активности и социальной защищенности молодых ученых, научные достижения в ФГБНУ ВНИИССОК за 2006-2015 годы при активном участии молодых ученых // Биотика. 2015. № 4(5). С. 11-16.

[5] Научно-технологическая политика России в условиях постпандемии: поиск новых решений. Доклад к XXII Апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13-30 апр. 2021 г. / С. В. Бредихин, В. В. Власова, М. А. Гершман и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Издат. дом Высшей школы экономики, 2021. 63 с. <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/465143213.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).

[6] Семенова А. А. Привлекательность научной карьеры в оценках молодежи // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2021. № 7(37). С. 143-154 <http://doi.org/10.24412/2414-9241-2021-7-143-154>

[7] Ханова Т. Г., Вялова Н. В., Волкова С. М. Организация исследовательской деятельности в дошкольном возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-1. С. 313-316.

[8] Орлова Н. Н., Цёхла С. Ю. Прогнозирование результатов повышения эффективности труда научно-педагогических работников в условиях цифровых трансформаций // Фундаментальные исследования. 2022. № 4. С. 50-57.

[9] Янковская В. В. Сущность и особенности труда педагогических кадров вузов // Российский экономический интернет-журнал. 2016. № 4. <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/58d/58da4ef1325852ad7c3b616e50d7d1e0.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

References

[1] Gudjaeva L. A., Pryanova M. I. support of young scientists as the key priority of economic development and sustainable position of the russian federation in the global human capital market: regional aspect // National Security. 2021. No. 5. P. 1-10. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36669 (accessed on: 21.01.2023).

[2] Pavlova L. V., Romanova I. V. School of Young Scientists «Quantitative Philology» // Quantitative Philology. 2021. No. 2. P. 121-128.

[3] Markov A. V., Mironova Ya. S. Support for the innovation activity of young scientists of the Russian Federation (a review of current innovation project competitions for young researchers) // Bulletin of Modern Research. 2018. No. 8.3(23). P. 262-266.

[4] Antoshkin A. A., Engalycheva I. A. The role of councils of young scientists and specialists in strengthening the scientific activity and social protection of young scientists, scientific achievements in VNISSOK for 2006-2015 with the active participation of young scientists // Biotika. 2015. No. 4(5). P. 11-16.

[5] Scientific and technological policy of Russia in the context of the post-pandemic: the search for new solutions: report to XXII April International Academic Conference on Economic and Social Development, Moscow, 13-30 apr. 2021 / S. V. Bredikhin, V. V. Vlasova, M. A. Gershman et al.; ed. by L. M. Gokhberg; National research University «Higher School of Economics». M.: HSE Publishing house, 2021. 63 p. <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/465143213.pdf> (accessed on: 01.02.2023).

[6] Semenova A. A. The attractiveness of a scientific career in youth assessments // The problems of scientist and scientific groups activity. 2021. No. 7(37). P. 143-154. <https://doi.org/10.24412/2414-9241-2021-7-143-154>

[7] Khanova T. G., Vyalova N. V., Volkova S. M. Organization of research activity in preschool age // Problems of modern pedagogical education. 2022. No. 76-1. P. 313-316.

[8] Orlova N. N., Tsekhla S. Yu. Forecasting the results of increasing the labor efficiency of scientific and pedagogical workers under the conditions of digital transformations // Fundamental Research. 2022. No. 4. P. 50-57.

[9] Yankovskaya V. V. The essence and features of the work of the teaching staff in higher education institutions // Russian economic online journal. 2016. No. 4. <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/58d/58da4ef1325852ad7c3b616e50d7d1e0.pdf> (accessed on: 02.02.2023).

Информация об авторах

Цёхла Светлана Юрьевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента предпринимательской деятельности, Крымский федеральный универ-

ситет имени В. И. Вернадского; <https://orcid.org/0000-0001-6485-3019> (Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4; e-mail: s.tsohla@yandex.ru).

Симченко Наталия Александровна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; <https://orcid.org/0000-0001-8364-2313> (Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4; e-mail: natalysimchenko@yandex.ru).

About the authors

Svetlana Y. Tsohla — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Management of Entrepreneurship, V. I. Vernadsky Crimean Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-6485-3019> (4, Vernadskogo Ave., Simferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: s.tsohla@yandex.ru).

Nataliia A. Simchenko — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department of Human Resource Management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-8364-2313> (4, Vernadskogo Ave., Simferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: natalysimchenko@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-5-23>

УДК 314.18

JEL classification: J11

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УФЫ И ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В 2020–2021 ГОДАХ¹

Е. И. Шевалдина

Уфимский государственный нефтяной технический университет (г. Уфа, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-3979-3744>

Автор для корреспонденции: Е. И. Шевалдина (Shevaldinalena@mail.ru)

Аннотация: *Статья посвящена изучению взаимосвязи социально-экономического развития Уфы и движения населения за 2020 и 2021 гг. Этот период интересен с точки зрения наблюдения численности населения города, особенно миграционных процессов. В 2020 г. наблюдались спад естественного прироста населения и отрицательное сальдо внешней миграции, а в 2021 г. при сохранении естественной убыли населения наблюдался положительный пик миграционного прироста. Автор статьи сделал попытку выяснить некоторые причины этих процессов на основе статистических данных по движению населения и показателей социально-экономического развития города Уфы. При опубликовании статданных за 2022 г. можно будет сделать окончательный вывод о характере происходящих изменений, и это станет основой для более объективного изучения процесса движения населения.*

Ключевые слова: социально-экономическое развитие города; численность населения; естественный прирост; миграционный прирост; миграционные процессы

Relationship between the Socio-Economic Development of Ufa and the Population Movement in 2020-2021

E. I. Shevaldina

Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-3979-3744>

Corresponding author: E. I. Shevaldina (Shevaldinalena@mail.ru)

Abstract: *The article examines the relationship between the socio-economic development of Ufa and the population movement in 2020 and 2021. This period is interesting from the point of view of observing the population of the city and especially migration processes. In 2020, there was a decline in natural population growth and a negative balance of external migration, and in 2021, while the natural population decline remained, there was a positive peak in migration growth. The study aims to understand the causes of these processes using statistical data on the population movement and indicators of socio-economic development of the city of Ufa. When statistical data for 2022 will be published, it will be possible to make a final conclusion about the nature of the changes taking place; then, a more objective study of the population movement can be conducted.*

Keywords: socio-economic development of the city; population; natural growth; migration growth; migration processes

Введение

Городской округ город Уфа — муниципальное образование в Республике Башкортостан Российской Федерации. Является административным, культурным, промышленным и торговым центром Республики Башкортостан и одним из самых

¹ © Шевалдина Е. И. Текст. 2023.

крупных в Приволжском федеральном округе и всей России. Город представляет собой многоэлементную структуру со сложными экономическими связями. Рост и развитие столицы Республики Башкортостан непосредственно связаны с развитием промышленного и научного потенциала, ростом жилищного и социального строительства и совершенствованием транспортной инфраструктуры, а также ростом человеческого потенциала.

Изучим взаимосвязь социально-экономического развития Уфы и движения населения в период 2020–2021 гг. Для этого определим, какие факторы воздействия на демографическую ситуацию в Уфе могли вызвать те или иные изменения, какие факторы из них отличают Уфу от других крупнейших городов.

Обзор литературы

Есть уже большое количество исследований, публикаций и даже академических трудов, посвященных взаимосвязи социально-экономического развития региона, страны или группы стран и миграционных процессов.

В частности, по Республике Башкортостан содержательные работы имеются у группы авторов во главе с И.А. Ситновой [1]. Изучению региональных аспектов посвящены работы Е.И. Шевалдиной [2], М.А. Карцева, Н.В. Мкртчяна и Ю.В. Флоринской [3]. В этих работах с использованием данных государственной статистики и выборочных обследований представлены эмпирические исследования взаимовлияния социально-экономического развития российских регионов и миграции в России. Показано, что трудовая миграция, как международная, так и внутренняя, более зависима от комплексного развития регионов, чем долговременные виды миграции. Представлены результаты исследований по обоснованию подходов к регулированию трудовой миграции со стороны федеральных и региональных органов власти.

Методологическая основа

Как показывают предыдущие исследования, на демографическую ситуацию влияет несколько факторов. Влияние физической среды на демографическую ситуацию в целом по всем крупнейшим городам России (за редким исключением) одинаковое, экологическая ситуация за счет внедрения новейших технологий по очистке воздуха и воды от промышленных, сельскохозяйственных и автомобильных факторов загрязнения меняется в лучшую сторону во всех городах-миллионниках. Фактор биологической среды, к которому относятся физическое и психологическое здоровье человека [4], фактор болезней и эпидемий был нивелирован общегосударственными усилиями по противодействию пандемии COVID-19, в результате которого в крупнейших городах страны меры государственной поддержки системы здравоохранения не позволили обостриться ситуации до критических показателей ни в одном регионе. Факторы влияния психологической, технологической, социально-политической и информационной сфер общественной жизни также в указанный период были одинаковыми по силе и направленности своего воздействия во всех крупнейших городах страны. Поэтому все возможные отличия демографической ситуации в Уфе от других городов-миллионников определяются исключительно социально-экономическими факторами. Решение о создании семьи, рождении ребенка всецело определяется финансовым состоянием людей, уровнем их дохода. Снижение дохода населения приводит к падению условий жизни, ухудшению здоровья людей вследствие отказа от покупок дорогостоящих

лекарств и качественных продуктов питания, что вызывает увеличение уровня смертности. Повышение дохода, наоборот, приводит к уменьшению уровня смертности и увеличению рождаемости. Отсутствие социально-экономических проблем оказывает влияние и на миграцию, люди никогда не поедут туда, где существует высокий уровень безработицы, где не решены социальные вопросы и нет перспектив повышения уровня личного благосостояния.

Таблица 1

Динамика основных показателей социально-экономического развития ГО г. Уфа за 2020–2021 гг.

Показатель	Ед. изм.	2020	2021	Абсолютное отклонение, (±)	Относительное отклонение, (%)
Оборот организаций	млн руб.	1 596 286,6	2 032 294,9	436 008,3	127,31
Объем отгруженной продукции (по всем видам экономической деятельности)	млн руб.	1 091 382,8	1 411 757	320 374,2	129,35
Объем отгруженной продукции по промышленности (по чистым видам экономической деятельности)	млн руб.	740 166,1	1 076 030,8	335 864,7	145,38
Оборот розничной торговли	млн руб.	477 191,0	524 233	47 042,0	109,86
Оборот общественного питания	млн руб.	9752,6	11 329,5	1576,9	116,17
Объем платных услуг	млн руб.	87 399,1	93 765,3	6366,2	107,28
Объем инвестиций в основной капитал	млн руб.	115 885,9	132 168,9	16 283,0	114,05
Ввод жилья	тыс. м ²	773	1 167,80	394,8	151,07
в т. ч. индивидуального жилья	тыс. м ²	162,6	343,8	181,2	211,44
Сальдированный финансовый результат — прибыль (убыток)	млн руб.	85 133,2	223 900,50	138 767,3	263,00
Доходы бюджета	млн руб.	33 257,0	35 906	2649,0	107,97
Расходы бюджета	млн руб.	31 961,6	35 862,8	3901,2	112,21
Среднемесячная заработная плата на крупных и средних предприятиях	руб.	53 041,50	57 787	4745,5	108,95
Уровень безработицы	%	6,16	0,95	-5,21	15,42
Количество безработных	чел.	37 125	5 717	-31 408,0	15,40
Количество вакантных мест	ед.	21 142	24 219	3077,0	114,55
Напряженность на рынке труда		1,46	0,26	-1,2	17,81

Источник: Доклад Мавлиева Ратмира Рафиловича главы Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан за 2021 год и их планируемых значениях на трехлетний период // Официальный сайт Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан. https://ufacity.info/upload/scope_files/5960/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%B7%D0%B0%202021%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

Социально-экономическое развитие Уфы в 2020–2021 гг.

Рассмотрим динамику основных социально-экономических показателей ГО г. Уфа РБ за 2020–2021 гг. [5]. В таблице 1 представлена динамика основных показателей социально-экономического развития и произведен расчет относительных отклонений данных показателей.

Из анализа данных таблицы 1 следует:

- оборот организаций в 2021 г. по сравнению с прошлым периодом возрос на 27,31 %;
- отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг по всем видам экономической деятельности по крупным и средним предприятиям — 1411,8 млрд руб., темп роста — 129,3 % относительно 2020 г.;
- объем отгруженной продукции по промышленности также вырос на 335864,70 млн руб., или на 45,38 %;
- оборот розничной торговли за 2021 г. составил 524,2 млрд руб., темп роста — 109,86 % в действующих ценах относительно 2020 г.;
- показатель оборота платных услуг населению увеличился на 6366,20 млн руб., или на 7,28 %;
- возросли показатели доходов и расходов бюджета на 7,97 % и 12,21 % соответственно;
- сократился показатель уровня безработицы в 15 раз;
- показатель среднемесячной заработной платы по крупным и средним предприятиям за 2021 г. составила 57787,0 руб., темп роста — 108,95 %;
- в 6,5 раза, или на 31408,0 чел. сократилось количество безработных;
- на 14,55 % увеличилось количество вакантных мест;
- уменьшилось напряжение на рынке труда на 17,81 %.

Динамика численности населения Уфы

Теперь, имея данные по социально-экономическим показателям развития города, проанализируем динамику численности населения ГО г. Уфа РБ на основании данных, представленных в таблице 2.

В ГО г. Уфа РБ за 2012–2021 гг. среднегодовая численность населения составила 1120,93 тыс. чел.; при этом в среднем базисный абсолютный прирост составил 43,17 тыс. чел., цепной абсолютный прирост составил 6,49 тыс. чел.; базисный темп роста составил 1,038 %, средний цепной темп роста составил 1,006 % в год. Как показывают данные, представленные в таблице 2, с 2012 г. в демографической ситуации ГО г. Уфа РБ наблюдались положительные тенденции и лишь за 2020 г. произошло снижение численности населения города Уфа. При этом в 2021 г. произошел резкий прирост численности населения, намного превосходящий темпы прироста предыдущих лет.

Рост численности населения Уфы коррелирует с ростом показателей социально-экономического развития города. Для выяснения степени взаимозависимости и причин резко положительного демографического сальдо с достигнутыми социально-экономическими показателями необходимо провести дополнительный анализ демографических показателей.

Рассмотрим погодовой баланс динамики численности населения за 2019–2021 гг., он представлен в таблице 3.

Как следует из данных таблицы 3, ГО г. Уфа соответствует 3-й тип динамики численности населения — механический приток превышает естественный прирост.

Таблица 2

Динамика численности населения ГО г. Уфа

Годы	Численность населения, тыс. чел. (на 1 января)	Абсолютный прирост, тыс. чел.	
		базисный	цепной
2012	1081,7	—	—
2013	1087,2	5,50	5,50
2014	1106,6	24,97	19,46
2015	1115,9	34,22	9,25
2016	1121,4	39,76	5,54
2017	1126,1	44,43	4,67
2018	1131,4	49,76	5,33
2019	1135,5	53,81	4,05
2020	1140,3	58,60	4,79
2021	1137,5	55,83	-2,77
2022	1146,6	64,86	9,06
В среднем	1120,93	43,17	6,49

Источник: Официальная статистика. Население // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. <https://bashstat.gks.ru/folder/25491> (дата обращения: 15.01.2023).

Таблица 3

Погодовой баланс динамики численности населения Уфы за 2019–2021 гг.

Год	Численность населения, чел.		Абсолютный прирост (+), абсолютная убыль (-)	В том числе:		Тип динамики
	на начало года	на конец года		естественный прирост (+), естественная убыль (-)	сальдо миграции (+, -)	
2019	1 135 480,0	1 140 273,0	4793,00	219	4574	3 тип
2020	1 140 273,0	1 137 500,0	-2773,00	-3894	1121	3 тип
2021	1 137 500,0	1 146 559	9059	-5556	14615	3 тип

Источник: Официальная статистика. Население // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. <https://bashstat.gks.ru/folder/25491> (дата обращения: 15.01.2023).

Естественный прирост в 2020–2021 гг. имел выраженный отрицательный баланс. На данных цифрах, несомненно, сказались последствия пандемии COVID-19, о чем свидетельствует показатель смертности в Башкирии — 16,6 на 1000 чел. в 2021 г., в 2020 г. он составлял 15,0 на 1000 чел.¹ Помимо людей, непосредственно умерших от последствий болезни и вызванных ею осложнений, появилось немалое количество умерших в результате неоказания или недополучения медицинской помощи в связи с хроническими заболеваниями, перенесением на неопределенное время плановых операций, общей перегруженности системы здравоохранения и недостатком больничного фонда.

¹ Доклад Премьер-министра Республики Башкортостан А. Г. Назарова на 42-м заседании Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан по итогам деятельности Правительства Башкортостана за 2021 год // Новости Официального портала «Корпорация развития Республики Башкортостан» от 30.03.2022. https://kr-rb.ru/press/news/novosti_1630.html (дата обращения: 22.01.2023).

Таблица 4

Показатели механического движения населения по городу Уфе

Показатели	2019	2020	2021	Темп роста базисный, %
Прибывшие, чел.	34 555	28 003	40 162	116,23
Выбывшие, чел.	29 981	26 882	25 547	85,21
Сальдо миграции, чел.	4574	1121	14 615	319,52
Коэффициент прибытия, %	1,15	1,04	1,57	136,40
Коэффициент выбытия, %	0,87	0,96	0,64	73,31
Коэффициент механического прироста, %	0,28	0,08	0,94	328,49
Коэффициент интенсивности миграционного оборота, %	56,84	48,13	57,77	101,64
Коэффициент эффективности миграции	7,09	2,04	22,24	313,82

Источник: Официальная статистика. Население // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. <https://bashstat.gks.ru/folder/25491> (дата обращения: 15.01.2023).

Сыграл свою роль также пересмотр планов на материнство, вызванный многочисленными проблемами и неудобствами в период пандемии. Решающим фактором в стремлении отсрочить материнство, разумеется, стали не столько психологический страх рождения больного ребенка и родов в гордом одиночестве, сколько соображения экономического и медицинского порядка. Хотя влияние COVID-19 на беременных пока не изучено до конца, некоторые исследования показали, что у инфицированных будущих мам чаще случались преждевременные роды, да и случаи мертворождений во время пандемии оказались выше. Экономическая неопределенность и связанные с коронавирусом потери рабочих мест также сказались на пересмотре изначальных планов пополнения в семье.

Миграционные процессы в Уфе

Если отрицательные цифры естественного прироста в 2020 г. не были компенсированы миграционным приростом из-за межгосударственных и межрегиональных ограничений на переезд, то в 2021 г. положительный импульс миграции позволил во многом скомпенсировать даже потери предыдущего года. Необходимо выяснить, чем был вызван рост количества прибывших в Уфу на постоянное место жительства в 2021 г.

Для этого рассмотрим показатели механического движения населения по городу Уфе за 3 года. В таблице 4 представлены показатели механического движения населения за 2019–2021 гг.

Таким образом, миграционный прирост ГО г. Уфа в 2021 г. составил 14615 чел., что в 13,03 раза больше, чем в 2020 г. Среди мигрантов преобладают представители стран СНГ: 33 % — выходцы из Таджикистана, 28 % — из Узбекистана, 13 % — из Армении.

Динамика показателей механического движения населения ГО г. Уфа за 2019–2021 гг. представлена на рисунке.

Всплеск миграционного притока обусловлен, прежде всего, повышением уровня жизни в республике. Особенно он привлекателен для мигрантов из Средней Азии. К 2021 г. открылось ряд новых производств, где было создано большое количество рабочих мест. В республику стали переезжать мигранты из других регионов,

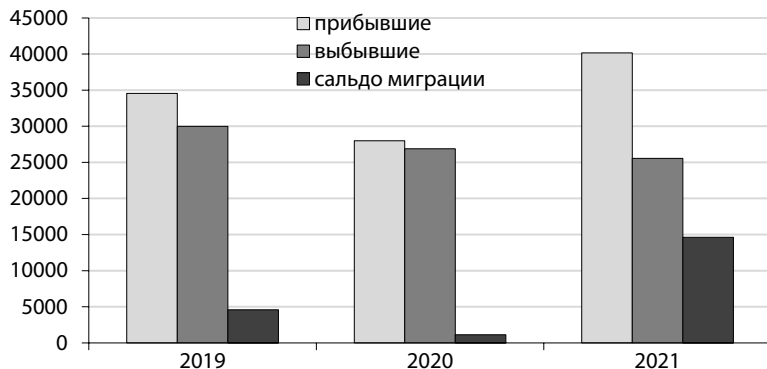

Рис. Динамика показателей механического движения населения ГО г. Уфа РБ, 2019–2021 гг., (источник: *Население // Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. <https://bashstat.gks.ru/folder/25491> (дата обращения: 15.01.2023)*)

возвращаются ранее уехавшие на работу в другие регионы. После снятия ковидных ограничений на границах дала о себе знать отложенная потребность в трудовых мигрантах.

После небольшого перерыва возобновилась образовательная миграция. Высокий уровень образования в Уфе, нацеленность вузов города на максимальное привлечение платежеспособных студентов из других государств и создание им максимально благоприятных условий для проживания и учебы способствовали увеличению количества образовательных мигрантов¹. Многие из образовательных мигрантов за время учебы заключают браки, что становится мотивом избрания Уфы как постоянного места жительства. Свою положительную роль также имеет толерантное отношение жителей республики к студентам из других государств. Есть определенная настороженность по отношению к трудовым мигрантам, но она не имеет явно выраженных националистических проявлений и ограничивается случаями конфликтов на бытовом уровне, имевшими место в основном в 2018 г.²

Заключение

Таким образом, ведущими факторами положительного сальдо трудовых ресурсов стали вхождение Башкортостана в топ-5 регионов Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, реализация инвестиционных проектов и создание особых экономических зон и территорий опережающего экономического развития. Эти моменты повлияли на создание новых рабочих мест, на которые, прежде всего, и нацелены трудовые ресурсы из дружественных государств. Но для более полной оценки тенденций миграционного процесса в Уфе необходимо будет провести сравнительные исследования показателей миграции за 2022 г., чтобы сделать окончательный вывод о том, являлся положительный миграционный

¹ В Уфе обсудили вопросы адаптации иностранных студентов // Официальный сайт Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан. Новости от 25 октября 2017. <https://ufacity.info/press/news/269287.html> (дата обращения: 22.01.2023).

² Социологи — о межнациональных конфликтах в Белорецке: «Противоречия там копятся годами // Уфа1.py. 14.12.2018. <https://ufa1.ru/text/politics/2018/12/04/65699931/> (дата обращения: 22.01.2023).

всплеск началом длительного процесса, или это было разовое явление, обусловленное ковидными послаблениями в миграционной политике¹. При этом нельзя забывать и об изменениях миграционной политики в связи с проводимой СВО на Украине. Из-за дефицита кадров на рынке труда, возникшего из-за частичной мобилизации граждан РФ для участия в специальной военной операции на Украине, Правительство РФ снимает ограничения на наем иностранных работников².

Список источников

[1] *Ситнова И. А., Ишназаров Д. У., Ишназарова З. М.* Трудовая миграция в России: от истории к современности // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 4(110). С. 3.

[2] *Шевалдина Е. И.* Миграционная ситуация и ее влияние на трудовые ресурсы в Республики Башкортостан // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России. Сб. мат-лов VI Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург, 04–05 июня 2015 г. / Отв. ред.: А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2015. С. 405-412.

[3] *Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф.* Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4(181). С. 87-97.

[4] Анализ факторов, влияющих на демографическую ситуацию в России / К. С. Гордеев, А. А. Жидков, Е. Д. Закунова, А. Е. Анисимова // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 5. <https://web.snauka.ru/issues/2019/05/89833> (дата обращения: 22.01.2023).

References

[1] *Sitnova I. A., Ishnazarov D. U., Ishnazarova Z. M.* Labour migration in Russia: from history to modernity // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2018. No. 4(110). P. 3.

[2] *Shevaldina E. I.* The impact of modern migratory situation on the labour force in the republic of Bashkortostan // Socio-economic and spatial-temporal features of the development of demographic processes in the regions of Russia: collection of materials of the VI Ural Demographic Forum with international participation: Economic and demographic behavior of households in the transition to an innovative type of development. Medical and demographic aspects of the natural and mechanical movement of the population. The experience of demographic policy in the post-Soviet space: the risks of pension reform (round table), Ekaterinburg, 04-05 June 2015 / ed. by A. I. Tatarkin, A. I. Kuzmin. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. P. 405-412.

[3] *Kartseva M. A., Mkrtychyan N. V., Florinskaya Yu. F.* Migration in Russia and regional socio-economic development: cross-impact analysis // Studies on Russian Economic Development. 2020. No. 4(181). P. 87-97.

¹ О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Указ Президента РФ от 15 июня 2021 г. № 364 // Гарант. Правовой портал. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400795679/> (дата обращения: 22.01.2023).

² Кто-то должен работать. МВД реорганизует процесс оформления трудовых мигрантов // Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/5692679> (дата обращения: 22.01.2023).

[4] Analysis of factors influencing the demographic situation in Russia / K. S. Gordeev, A. A. Zhidkov, E. D. Zakunova, A. E. Anisimova // Modern scientific researches and innovations. 2019. No. 5. <https://web.snauka.ru/issues/2019/05/89833> (accessed on: 22.01.2023).

Информация об авторах

Шевалдина Елена Ивановна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Региональная экономика и управление», Уфимский государственный нефтяной технический университет; <https://orcid.org/0000-0002-3979-3744> (Российская Федерация, 450000, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145; e-mail: Shevaldinalena@mail.ru).

About the authors

Elena I. Shevaldina — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Regional Economics and Management, Ufa State Petroleum Technological University; <https://orcid.org/0000-0002-3979-3744> (145, Chernyshevskogo St., Ufa, 450000, Russian Federation; e-mail: Shevaldinalena@mail.ru).

VI. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-6-1>

УДК 330.3

JEL classification: I15

МЕХАНИЗМЫ СОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДОСТИЖЕНИЮ ЗАДАЧ В ОБЛАСТИ ДЕМОГРАФИИ¹

Г. Ф. Булатова^а, Е. М. Разумовская^б, Н. М. Биктимиров^в

^{а, б, в} Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0002-6354-8968>

^б <https://orcid.org/0000-0003-3914-686X>

^в <https://orcid.org/0000-0001-8582-708X>

Автор для корреспонденции: Г. Ф. Булатова (gfvaleeva@gmail.com)

Аннотация. Цель исследования заключается в оценке перспектив содействия системы здравоохранения решению амбициозных задач в области демографии, главнейшая из которых — повышение ожидаемой продолжительности жизни. Гипотеза исследования заключается в том, что при смене приоритета функционирования системы здравоохранения на предоставление профилактических медицинских услуг задача повышения продолжительности жизни до 78 лет, поставленная Президентом РФ, достижима. Реализуемые в настоящее время национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография» должны быть скорректированы, при этом особое внимание стоит уделить здравоохранению в сельской местности, где медицинская помощь населению зачастую не может предоставляться своевременно и качественно, что является причиной миграции сельского населения в города, особенно в старшем возрасте.

Ключевые слова: здравоохранение; здоровьесебережение; стейкхолдер — потребитель здоровья; демография; продолжительность жизни; миграция

Mechanisms to Support the Healthcare System in Achieving the Tasks in the Field of Demography

G. F. Bulatova^а, E. M. Razumovskaya^б, N. M. Biktimirov^в

^{а, б, в} Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-6354-8968>

^б <https://orcid.org/0000-0003-3914-686X>

^в <https://orcid.org/0000-0001-8582-708X>

Corresponding author: G. F. Bulatova (gfvaleeva@gmail.com)

Abstract. The study aims to assess the healthcare systems' prospects of achieving ambitious goals in the field of demography, the most important of which is an increase in life expectancy. It is hypothesised that when the priority of the healthcare system is changed to the provision of preventive medical services, the task of increasing life expectancy to 78 years, set by the President, is achievable. The national projects «Healthcare» and «Demography» currently being implemented should be adjusted, while special attention should be paid to healthcare in rural areas, where high-quality medical care often cannot be timely provided to the population, which is the reason for the migration of rural populations to cities, especially at an older age.

Keywords: healthcare; health saving; health consumer as a stakeholder; demography; life expectancy; migration

¹ © Булатова Г. Ф., Разумовская Е. М., Биктимиров Н. М. Текст. 2023.

Введение

Ожидаемая продолжительность жизни, смертность, заболеваемость населения — это жизненно важные для каждого индивида и государства показатели, для их улучшения (увеличения или снижения) предпринимается множество мер разными субъектами, в том числе государством, разрабатываются национальные проекты, выделяется финансирование, создается пропаганда здорового образа жизни. Все эти задачи, являясь смежными для здравоохранения и демографии, направлены на общую цель — повышение качества жизни граждан. В настоящее время данные задачи особенно актуальны для сельской местности ввиду ограничения получения ее населением медицинской помощи. Наблюдающиеся миграционные процессы из села в город по этой причине вызывают тревогу в современном обществе. Система здравоохранения при правильной расстановке приоритетов способна содействовать более ускоренному достижению показателей в области демографии, главной здесь должна стать политика предотвращения заболеваний, профилактика и объединение усилий государства, работодателя и индивида. Именно в этом заключается гипотеза исследования.

Обзор литературы

Реформирование и развитие отечественной системы здравоохранения анализируются в трудах А.Г. Аганбегяна, А.А. Гильманова, В.Г. Ерохина, З.Р. Зиганшиной, В.Н. Казакова, В.А. Морозова, Е.М. Разумовской, Н.Х. Сабитова, Г.Э. Улумбековой, Ф.В. Хузиханова и др.

Вопросы развития миграции населения были рассмотрены в исследованиях С.В. Рязанцева, Л.Р. Борисова, Г.С. Жукова, Е.В. Павловского, В.А. Волоха, Л.Б. Карачуриной и др.

Материалы и методы

Главная цель исследования — проанализировать взаимосвязь целей государства в области демографии и здравоохранения. Для этого были использованы междисциплинарные методы исследования, применены институциональный, исторический, системный и социологический подходы и контент-анализ.

Информационно-эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые акты Российской Федерации, количественные данные Федеральной службы государственной статистики, Минздрава Российской Федерации, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, экспертные оценки, результаты анкетирования населения Республики Татарстан, проведенного авторами и др.

Результаты

Последствием пандемии коронавируса стало снижение ожидаемой продолжительности жизни в России по итогам 2020 г. до 71,1 года против 73,3 года в 2019 г. Это произошло впервые с 2003 г. В 2022 г. показатель практически сравнялся с допандемийным 2019 г., однако Владимир Владимирович Путин поставил амбициозную задачу добиться продолжительности жизни в 78 лет к 2030 г., что, по словам экспертов экономики здравоохранения, требует системного подхода [1].

Именно ожидаемая продолжительность жизни, по нашему мнению, является ключевым связующим показателем сфер демографии и здравоохранения.

На сегодняшний день реализуются национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография», государственная программа «Развитие здравоохранения» и другие программы на федеральном и региональном уровнях. Представим процентное соотношение финансирования федеральных проектов национального проекта «Демография» (общее финансирование 3105176,2 млн руб.) с целью сопоставления с основными причинами смертности (табл. 1).

Национальный проект «Здравоохранение» имеет схожие с национальным проектом «Демография» задачи, они представлены в таблице 2 совместно с процентным соотношением финансирования федеральных проектов.

Таблица 1

Процентное соотношение финансирования федеральных проектов национального проекта «Демография»

Федеральный проект	Финансирование, млн руб.	% от финансирования национального проекта «Демография», %
Содействие занятости женщин — доступность дошкольного образования для детей в возрасте до 3 лет	164 293,6	5,29
Финансовая поддержка семей при рождении детей	2 688 431,0	86,57
Укрепление общественного здоровья	3678,0	0,11
Спорт — норма жизни	150 021,4	4,83

Источник: составлено авторами на основании: Демография. Национальный проект. Утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол от 24 дек. 2018 г. № 16 // Министерство труда Российской Федерации. <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 21.12.2022).

Таблица 2

Процентное соотношение финансирования федеральных проектов национального проекта «Здравоохранение»

Федеральный проект	Финансирование, млн руб.	% от финансирования национального проекта «Здравоохранение», %
Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи	62,5	3,62
Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями	75,2	4,35
Борьба с онкологическими заболеваниями	969,0	56,14
Развитие детского здравоохранения	211,2	12,23
Обеспечение медицинских организаций квалифицированными кадрами	166,1	9,62
Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров	63,9	3,70
Развитие экспорта медицинских услуг	0,2	3,62
Создание единого цифрового контура на основе единой информационной системы	177,7	10,29

Источник: составлено авторами на основании: Здравоохранение: Национальный проект. Утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол от 24 дек. 2018 года № 16 // Министерство здравоохранения Российской Федерации. <http://www.roszdravnadzor.ru/i/upload/images/2018/7/25/1532512237.26174-1-15781.pdf> (дата обращения: 30.12.2022).

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 2, больше половины средств направлено на одну статью расходов — на борьбу с онкологическими заболеваниями. Данные расходы в 13 раз превышают финансирование, направленное на борьбу с сердечно-сосудистыми заболеваниями (далее — ССЗ). При этом причиной почти половины смертности в России являются ССЗ, в связи с этим несопоставимо столь низкое финансирование, направленное на лечение данного вида заболеваний. Возможно, преодоление столь высокой смертности от данных видов заболеваний планируется за счет профилактических мер (которые отражены в задачах и финансировании иных подпрограмм), однако, на наш взгляд, это не оправдано, тогда нужна цивилизованная система охраны труда, позволяющая избегать стрессов и травматизма.

Проводимые в последние десятилетия преобразования здравоохранения Российской Федерации предусматривали повышение доступности и качества медицинской помощи населению. Сегодня можно констатировать, что планируемые индикаторы не достигнуты, а по некоторым направлениям были получены негативные последствия. Наиболее существенно пострадало здравоохранение на селе. Проблема доступности медицинской помощи сельскому населению в последние три десятилетия обострилась [2, с. 5–10].

Опрос, проводимый авторами с целью изучения субъективной оценки населением системы здравоохранения Республики Татарстан и анализа ее социальной эффективности, основанной на оценке удовлетворенности населения оказываемыми медицинскими услугами, показал, что удовлетворенность качеством и доступностью получаемыми услугами на селе гораздо ниже, чем в городе [3, с. 86–99].

Все это обуславливает наличие высокой миграции населения из села в город, имеющих потребность в постоянном качественном медицинском обслуживании.

Наибольшей миграционной активностью обладает население в возрасте от 15 до 29 лет, кроме того, в экономически развитых странах миграция повышается в старших возрастных группах — это переселение в регионы с особенно комфортными климатическими, социальными условиями, в России — к взрослым детям, живущим в других местах и пр. Медицинская помощь — один из важнейших факторов переезда граждан [4].

Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, в 2021 г. по региону сумма всех видов прибытий составила 96 759 чел., что было на 5799 чел. больше по сравнению с 2019 г. (90 960 чел.), и на 8910 чел. больше показателя 2020 г. (87 849 чел.). Из всех прибывших 56 766 чел. (58,7 %) перемещались внутри республики, 28 825 чел. (29,8 %) приехали из других регионов России, и 11 168 чел. (11,5 %) прибыли из зарубежных стран¹.

Если из всех прибытий на г. Казань в 2019 г. приходилось 25 698 чел. (28,3 %), на г. Набережные Челны 7224 чел. (7,9 %), то по данным 2021 г. на г. Казань приходилось 27 953 чел. (28,9 %), на г. Набережные Челны 7159 чел. (7,4 %). Полученные цифры подтверждают, что за последние 3 года в общем числе прибытий значение Казани увеличилось [5, 6].

В ряде муниципальных образований население образует положительный миграционный прирост в пенсионном возрасте. К число таких образований относятся Аксубаевский, Апастовский, Атнинский, Балтасинский, Дрожжановский

¹ Демографический ежегодник Республики Татарстан.2022: Стат. сб. / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2022. 163 с.

Рис. 1. Сельско-городские миграционные передвижения внутри республики за 1997–2021 гг., чел. (источник: Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2022. Стат. сб. / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2022. 163 с.)

и Рыбно-Слободский. Имеется целая группа муниципальных образований, куда, наоборот, в пожилом возрасте население не стремится приезжать, в результате образуется миграционная убыль: Бугульминский, Буинский, Высокогорский, Лениногорский.

Полученные результаты показывают, что, в первую очередь, население старше трудоспособного возраста стремится в населенные пункты муниципальных образований, где наблюдается численное преобладание татарского населения, немаловажную роль играет и обеспеченность соответствующих населенных пунктов медицинскими учреждениями, наличие квалифицированных медицинских работников или близость районных центров, где, как правило, располагается центральная больница [5, 6].

За 1997–2021 гг. передвижения внутри республики несколько раз менялись, то в пользу городского, то в пользу сельского населения (рис. 1).

Если соответствующая динамика, заключающаяся в росте сельского населения за счет городского населения благодаря миграционному обмену внутри республики, продолжится, сформируется важная тенденция, направленная на сохранение сельских населенных пунктов в ряде муниципальных образований республики, что позволит решить насущные проблемы, стоящие перед республикой: продовольственная безопасность, изменение инфраструктуры сел, демографическая структура (с учетом того, что в сельской местности больше многодетных семей) и т. д.

Казань является одним из главных центров развития медицинского туризма для туристов из стран Европы, здесь продолжает развиваться соответствующая инфраструктура медицинского туризма. Республика Татарстан входит в число 70 регионов, принимающих участие в федеральном проекте «Развитие экспорта медицинских услуг» национального проекта «Здравоохранение» в части привлечения иностранных медицинских туристов в Россию.

Медицинский туризм, согласно прогнозам Всемирной туристической организации, является одним из наиболее перспективных видов туризма в XXI в. [7, с. 365]. Медицинский туризм является фактором эффективного использования потенциала регионального здравоохранения [8].

Именно на развитии медицинского туризма должно строиться взаимодействие здравоохранения муниципальных образований региона и его столицы. Население

Рис. 2. Основные субъекты-потребители здоровья (источник: составлено автором)

отдаленных районов должно быть обеспечено квалифицированной медицинской помощью, оно должно обращаться в столичные медицинские организации лишь для решения вопросов у очень узких специалистов или для получения санаторно-курортных услуг.

Улучшить качество и доступность медицинской помощи, в особенности в сельской местности, способен институт частнопрактикующих врачей.

Роль частнопрактикующего врача возрастает, потому что данные врачи, работая в частном кабинете, одновременно совмещают обязанности сотрудника (как врача, обладающего необходимой квалификацией), управляющего (как владельца этого кабинета) и предпринимателя (получающего прибыль с продажи медицинских услуг). Действительно, институт частнопрактикующих врачей может стать приоритетным направлением предоставления медицинских услуг в сельской местности ввиду ограниченности там получения качественных и доступных медицинских услуг местным населением.

Государство может стимулировать данный институт путем косвенных методов регулирования: беспроцентных кредитов, сниженного налогообложения, социального пакета, наследования кабинета. Нужно устранить дискриминацию частнопрактикующих врачей в финансировании из средств ОМС. Это позволит сделать оказание медицинских услуг качественным, а главное доступным, что является одной из ключевых проблем в малодоступных поселениях. Включение частнопрактикующих врачей в финансирование ОМС потребует смены тарифов на оказание медицинской помощи, но успех данного механизма доказан зарубежным опытом, например, государственная система Великобритании, основанная на институте частнопрактикующих врачей, показала себя эффективной, что стало основой для данного предложения в качестве развития отечественного здравоохранения.

В целом же демографические вызовы, обусловленные в первую очередь потребностью государства в увеличении продолжительности жизни, требуют пересмотра управления системой здравоохранения в Российской Федерации. Эффективным механизмом корректировки управленческих решений может стать система здоровьесбережения, где взаимодействие предполагает непосредственную кооперацию действий трех основных стейкхолдеров — потребителей здоровья: государства, работодателя и индивида (рис. 2).

Цель системы — формирование на территории государства института здоровьесбережения, соответствующего критериям социального государства

и предусматривающего эффективное взаимодействие индивида, государства и работодателя в вопросах улучшения общественного здоровья [9].

Главным стейкхолдером — потребителем здоровья является государство, интерес которого заключается в формировании здоровой, эффективной оптимально-репродуктивной нации. Его основные задачи:

- 1) формирование ментальности отношения к человеку как к ценности;
- 2) обеспечение системы здравоохранения ресурсами;
- 3) формирование мотивационных механизмов для работодателя и индивида [10, с. 67–69].

К задачам работодателя относятся формирование эффективно действующей системы охраны труда, снижение доли травматизма и вредного производства, реализация корпоративных программ укрепления здоровья.

Задачи индивида — это осознание ценности собственного здоровья, персонификация ответственности за него, здоровый образ жизни, профилактические меры укрепления здоровья, в том числе диспансеризация.

Обсуждение

Внутрирегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан, в частности переезд населения из села в город в связи с желанием получить доступную, качественную и инновационную медицинскую помощь, формирует новые вызовы перед государством [11]. Система здравоохранения, которой в настоящее время уделяют большое внимание (в частности, после эпидемии коронавируса), при смене вектора развития на профилактические меры укрепления здоровья, развитии института частнопрактикующих врачей в сельской местности, создании системы здоровьесбережения способна содействовать в решении данных вызовов. Предоставляемые медицинские услуги должны ориентироваться на главный результат системы здравоохранения — качественные показатели оценки здоровья населения [12, с. 58–59].

Заключение

Таким образом, взаимосвязь демографических процессов и развития здравоохранения не ставится под сомнение. Государство ставит глобальные задачи, вызовы в области демографии, система здравоохранения способна и обязана способствовать достижению этих целей, так как они направлены на решение одной общей задачи — укрепление общественного здоровья и повышение качества жизни в целом. Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась.

Список источников

[1] Системный подход к достижению общенациональной цели по увеличению ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 году / Г. Э. Улумбекова, Н. Ф. Прохоренко, А. В. Калашникова, А. Б. Гинойн // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 2. С. 19-30. <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-k-dostizheniyu-obschenatsionalnoytseli-po-uvelicheniyu-ozhidaemoypodolzhitelnosti-zhizni-do-78-let-k-2024-godu> (дата обращения 09.01.2023).

[2] Сельское здравоохранение России. Состояние, проблемы, перспективы / В. М. Чернышев, М. И. Воевода, О. В. Стрельченко, И. Ф. Мингазов // Сибирский научный медицинский журнал. 2022. № 42(4). С. 4–14. <http://doi.org/10.18699/SSMJ20220401>

[3] *Валеева Г. Ф.* Трансформация системы здравоохранения Российской Федерации в систему здоровьесбережения: дисс. ... канд. экон. наук / Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. Москва, 2022. 189 с.

[4] *Карачурина Л. Б.* Роль миграции в демографических процессах // Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие — Центр миграционных исследований. Москва: Адамант; Центр миграционных исследований, 2007. 370 с.

[5] Демографический доклад-2022. Социодемографический капитал Республики Татарстан в контексте национальной безопасности (2019–2021 гг.) / Под ред. д-ра социол. наук Ч. И. Ильдархановой. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2022. 352 с.

[6] Статистика здоровья населения и здравоохранения (по материалам Республики Татарстан за 2017–2021 годы). Учебно-метод. пособие / М. Н. Садыков, В. Г. Шерпутовский, Г. Р. Хуснуллина, Р. Р. Залялов [и др.]. Казань, 2022. 269 с.

[7] *Валеева Г. Ф.* Медицинский туризм в Российской Федерации: междисциплинарность, проблемы и пути их решения // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма. Мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф., п. Форос, г. Ялта, Республика Крым, 13-14 мая 2021 г. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 364-367.

[8] *Кривенко Н. В., Цветков А. И., Кича Д. И.* Медицинский туризм как фактор эффективного использования потенциала регионального здравоохранения // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 4. С. 136-150. <http://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.12>

[9] *Булатова Г. Ф.* Трансформация системы здравоохранения Российской Федерации в систему здоровьесбережения. Автореф. дисс. канд. экон. наук / Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. Москва, 2023. 26 с. http://ords.rea.ru/wp-content/uploads/2022/08/Bulatova_avt.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

[10] *Разумовская Е. М., Цаликова В. В.* Роль государственного регулирования в формировании системы здоровьесбережения // Методологические подходы к управлению общественным здоровьем: развитие здравоохранения и общественное здоровье. Пятая ежегодная науч.-практ. конф. Казань — Москва; КФУ, Институт управления, экономики и финансов, МГУ им. М. В. Ломоносова, экономический факультет. Москва: МАКС Пресс, 2022. С. 67-71.

[11] Внутрирегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан / Н. М. Биктимиров, Р. М. Гайфутдинова, А. А. Ибрагимов, Ч. И. Ильдарханова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 3. С. 189-202. <http://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.12>

[12] *Валеева Г. Ф.* Медицинские услуги и оценка их результирующего воздействия // Казанский экономический вестник. 2021. № 6. С. 57-61.

References

[1] A system approach to achieving the national goal of increasing life expectancy to 78 years by 2024 / G. E. Ulumbekova, N. F. Prokhorenko, A. V. Kalashnikova, A. B. Ghinoyan // Economics, taxes & law. 2019. No. 2. P. 19-30. <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-k-dostizheniyu-obshchenatsionalnoytseli-po-uvlicheniyu-ozhidaemoy-prodolzhitelnosti-zhizni-do-78-let-k-2024-godu> (accessed on: 09.01.2023).

[2] Rural healthcare of Russia. Status, problems, prospects / V. M. Chernyshev, M. I. Voevoda, O. V. Strelchenko, I. F. Mingazov // Siberian Scientific Medical Journal. 2022. No. 42(4). P. 4-14. <http://doi.org/10.18699/SSMJ20220401>

[3] *Valeeva G. F.* Transformation of the healthcare system of the Russian Federation into a health-saving system. Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences / Plekhanov Russian University of Economics. Moscow, 2022. 189 p.

[4] *Karachurina L. B.* The role of migration in demographic processes // Methodology and methods of studying migration processes. Inter-disciplinary textbook. Center for Migration Studies. M., 2007, 370 p.

[5] Demographic Report-2022. Sociodemographic capital of the Republic of Tatarstan in the context of national security (2019-2021). Monograph / ed. by Dr. Sci. (Soc.) C. I. Ildarkhanova. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2022. 352 p.

[6] Statistics of population health and healthcare (according to the materials of the Republic of Tatarstan for 2017-2021): Educational and methodological manual / M. N. Sadykov, V. G. Sherputovskiy, G. R. Khunullina, R. R. Zalyalov, et al. Kazan, 2022. 269 p.

[7] *Valeeva G. F.* Medical tourism in the Russian Federation: interdisciplinarity, problems and ways to solve them // Priority directions and problems of development of domestic and international tourism: materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Foros village, Yalta, Republic of Crimea, May 13-14, 2021. Simferopol: IT «ARIAL», 2021. P. 364-367.

[8] *Krivenko N. V., Tsvetkov A. I., Kicha D. I.* Medical tourism as a factor in the effective use of the regional health care potential // Population. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 136-150. <http://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.12>

[9] *Bulatova G. F.* Transformation of the healthcare system of the Russian Federation into a health-saving system. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences / Plekhanov Russian University of Economics. Moscow, 2023. 26 p. http://ords.rea.ru/wp-content/uploads/2022/08/Bulatova_avt.pdf (accessed on: 18.01.2023).

[10] Razumovskaya, E. M., Tsalikova V. V. State regulation of the formation of a health-saving system // Methodological approaches to public health management: healthcare development and Public Health: The Fifth Annual Scientific and Practical Conference. Kazan — Moscow, KFU, Institute of Management, Economics and Finance, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics: Col. monograph. Moscow: MAKS Press, 2022. P. 67-71.

[11] Intraregional Differentiation of Demographic Potential in the Republic of Tatarstan / N. M. Biktimirov, R. M. Gaifutdinova, A. A. Ibragimova, C. I. Ildarkhanova // Economic and Social changes: Facts, trends, forecast. 2019. Vol. 12, No. 3. P. 189-202. <http://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.12>

[12] *Valeeva, G. F.* Medical services and assessment of their results impact // Kazan Economic Bulletin. 2021. No. 6. P. 57-61.

Информация об авторах

Булатова Гульнара Фаридовна — ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; <https://orcid.org/0000-0002-6354-8968> (Российская Федерация, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: gfvaleeva@gmail.com).

Разумовская Елена Михайловна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента в социальной сфере, Казанский (Приволжский) федеральный университет; <https://orcid.org/0000-0003-3914-686X> (Российская Федерация, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: Elena.Razumovskaya@kpfu.ru).

Биктимиров Нияз Миннахматович — кандидат географических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; <https://orcid.org/0000-0001-8582-708X> (Российская Федерация, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: Niyaz825@mail.ru).

About the authors

Gulnara F. Bulatova — Assistant, Kazan (Volga Region) Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-6354-8968> (18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; e-mail: gfvaleeva@gmail.com).

Elena M. Razumovskaya — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chair of the Department of Social Management, Kazan (Volga Region) Federal University; <https://orcid.org/0000-0003-3914-686X> (18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; e-mail: Elena.Razumovskaya@kpfu.ru).

Niyaz M. Biktimirov — Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-8582-708X> (18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; e-mail: Niyaz825@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-6-2>

УДК 614.2

JEL classification: I11, I18

РОЛЬ ВНЕДРЕНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Т. А. Жеребцова ^а, С. Л. Леонтьев ^б, Д. О. Михайлова ^в, Е. В. Ануфриева ^г

^{а, б, в, г} ГАУДПО «Уральский институт управления здравоохранением им. А. Б. Блохина»
(г. Екатеринбург, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0002-9063-4642>

^б <https://orcid.org/0000-0003-4092-4577>

^в <https://orcid.org/0000-0001-8068-5940>

^г <https://orcid.org/0000-0003-2727-2412>

Автор для корреспонденции: Т. А. Жеребцова (umsep-ta@yandex.ru)

Аннотация. *Здоровье детей тесно связано с организацией медицинской помощи, и, в первую очередь, с организацией работы амбулаторно-поликлинической службы. Внедрение бережливых технологий и Новой модели организации оказания медицинской помощи в систему здравоохранения является одним из направлений по ее совершенствованию. В статье рассмотрена оценка эффективности внедрения Новой модели организации оказания медицинской помощи в детских поликлиниках Свердловской области, проведен анализ основных показателей состояния здоровья детского населения и деятельности медицинских организаций за период 2017–2021 гг. Целью исследования является анализ целевых показателей состояния здоровья детского населения и оценка влияния внедрения Новой модели организации оказания медицинской помощи на сохранении здоровья детского населения. Установлено, что организация амбулаторно-поликлинической помощи может оказывать влияние на формирование медико-демографических показателей. В работе применялись следующие методы: статистический, рейтинговый методы, изучение и обобщение сведений, сравнение и др.*

Ключевые слова: здоровье детского населения; первичная медико-санитарная помощь; «бережливые» технологии; Новая модель организации оказания медицинской помощи

The Role of the New Model of Organisation of Medical Care in Maintaining the Health of the Child Population in Sverdlovsk Oblast

T. A. Zherebtsova ^а, S. L. Leontiev ^б, D. O. Mikhailova ^в, E. V. Anufrieva ^г

^{а, б, в, г} Ural Institute of Public Health Management named after A. B. Blokhin (Ekaterinburg, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-9063-4642>

^б <https://orcid.org/0000-0003-4092-4577>

^в <https://orcid.org/0000-0001-8068-5940>

^г <https://orcid.org/0000-0003-2727-2412>

Corresponding author: T. A. Zherebtsova (umsep-ta@yandex.ru)

Abstract. *Children's health is closely connected with the organisation of medical care, and, first of all, with the organisation of the outpatient service. The introduction of lean technologies and the New Model of Organisation of Medical Care in the healthcare system is one of the directions for its improvement. The article assesses the effectiveness of the implementation of the new model for organising the provision of medical care in children's polyclinics in Sverdlovsk oblast, as well as analyses main indicators of the health status*

¹ © Жеребцова Т. А., Леонтьев С. Л., Михайлова Д. О., Ануфриева Е. В. Текст. 2023.

of the child population and the activities of medical organisations for the period 2017-2021. The purpose of the study is to examine the target indicators of the health status of the child population and assess the impact of the introduction of the New Model of Organisation of Medical Care and its role in maintaining the health of the child population. It was established that among the factors influencing the formation of medical and demographic indicators, the organisation of outpatient care is of great importance. The following methods were used in the work: statistical, rating methods, study and generalisation of information, comparison, etc.

Keywords: health of the child population; primary health care; lean technologies; a new model of organisation of medical care

Введение

Здоровье детей тесно связано с организацией медицинской помощи, и, в первую очередь, с организацией работы амбулаторно-поликлинической службы [1]. Первичная медико-санитарная помощь (ПМСП) является самым массовым видом медицинской помощи, которую получают около 80 % пациентов, обращающихся в медицинские организации (МО). МО, оказывающие ПМСП в амбулаторных условиях, осуществляют комплекс мер, позволяющих сохранять и укреплять здоровье населения, повышать качество жизни. Также им отводится ведущая роль в формировании здорового образа жизни.¹

В системе современного здравоохранения России, как и на всех этапах его развития, значительное внимание уделяется состоянию и совершенствованию службы охраны материнства и детства. Особое внимание акцентируется на совершенствовании ПМСП детскому населению. МО, оказывающие амбулаторно-поликлиническую помощь детям, несут ответственность за весь объем лечебно-профилактической помощи на уровне первичного звена. Именно в детской поликлинике реализуется более 80 % потребностей детей в профилактике, диагностике и лечении. Широкий спектр задач, реализующихся в детской поликлинике, предполагает необходимость непрерывной работы по повышению доступности и качества медицинского обслуживания детей [2, 3].

Существует множество управленческих подходов, способствующих повышению эффективности работы МО, оказывающих помощь детям. Внедрение бережливых технологий помогает в решении основных проблем, возникающих при организации работы первичного звена системы здравоохранения, и показывает высокую эффективность данных технологий в оптимизации процессов оказания медицинской помощи. В рамках реализации проектов по улучшениям с применением методов бережливого производства в детских поликлиниках совершенствуется работа регистратуры, лечебно-диагностический прием врача-педиатра в поликлинике и на дому, профилактический прием, лекарственное обеспечение, вакцинация, диагностические исследования и др. [4–9].

В рамках Национального проекта «Здравоохранение», реализуемого с 2018 г., предусмотрены федеральные проекты «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» и «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям».

Реализация Федерального проекта «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям»

¹Щепин О. П., Медик В. А. Общественное здоровье и здравоохранение: учебное пособие. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 591 с.; ВОЗ. Информационный бюллетень. Ноябрь 2019. Первичная медико-санитарная помощь // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. № 6(65). <https://cyberleninka.ru/article/n/voz-informatsionnyy-byulleten-noyabr-2019-pervichnaya-mediko-sanitarnaya-pomosch> (дата обращения: 03.02.2023).

повысит доступность и качество медицинской помощи детям на всех этапах ее оказания, улучшит материально-техническую базу детских поликлиник и детских поликлинических отделений МО.

Федеральный проект «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» запланирован на 2019–2024 гг. включает реализацию мероприятий по созданию и тиражированию «Новой модели медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь» (далее — Новая модель), направлен на обеспечение оптимальной доступности МО для населения, охвата всех граждан профилактическими медицинскими осмотрами, оптимизацию работы МО, оказывающих ПМСП, сокращение времени ожидания в очереди и упрощение процедуры записи на прием к врачу, а также формирование системы защиты прав пациентов.

В создании и тиражировании Новой модели участвуют 85 субъектов Российской Федерации: более 6,5 тыс. поликлиник используют бережливые технологии в своей деятельности. К 2025 г. доля МО, участвующих в создании и тиражировании Новой модели, составит 54,5 % [10].

В Свердловской области все мероприятия по совершенствованию ПМСП реализуются в рамках Стратегии развития здравоохранения Свердловской области до 2035 г., региональной государственной программы «Развитие здравоохранения Свердловской области до 2024 года», проектов и программ.

В 2016 г. отдельные направления пилотного проекта «Бережливая поликлиника» начали реализовываться в одной из детских поликлиник города Екатеринбурга. В 2021 г. в реализации мероприятий по созданию и тиражированию Новой модели участвуют уже 121 подразделение, оказывающее помощь детскому населению (в том числе 1 стоматология), 32 женских консультаций (в том числе кабинеты пренатальной диагностики).

В условиях современного развития здравоохранения приоритетной и нерешенной остается проблема оценки деятельности МО, оказывающей помощь детскому населению, особенно в условиях внедрения новых методологических подходов по созданию Новой модели в регионе и влияние на основные медико-демографические показатели [11].

Цель исследования — провести анализ целевых показателей состояния здоровья детского населения и оценку внедрения Новой модели, определить ее роль в сохранении здоровья детского населения.

Материалы и методы

Программа исследований состояла из двух этапов. На первом из них, на основании данных Росстата, данных ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, ФКУ «ГБ МСЭ по Свердловской области» Минтруда России, был проведен анализ основных медико-демографических показателей по Свердловской области за 2017–2021 гг.; проанализированы данные по общей и первичной заболеваемости детей, показатели первичной и общей инвалидности детского населения за 2017–2021 гг. На втором этапе на основании данных МИАЦ ГАУДПО «Уральский институт управления здравоохранением им. А. Б. Блохина», ТФОМС Свердловской области, результатов аудита по достижению критериев Новой модели проведен анализ деятельности МО Свердловской области, оказывающих помощь только детскому населению и участвующих в создании и тиражировании Новой модели.

Информационной основой явились электронные базы данных из разных источников. Объем выборки для анализа составлял 442 единицы. В работе применялись статистический, рейтинговый методы, изучение и обобщение сведений, сравнение, метод аудита и др.

Результаты

Продолжительность жизни, рождаемость, смертность населения, младенческая смертность являются наиболее важными медико-демографическими показателями. В связи с распространением новой коронавирусной инфекции (НКВИ) большинство медико-демографических показателей в регионе имели отрицательную динамику в 2020–2021 гг. За последние 5 лет (с 2017 г. по 2021 г.) в Свердловской области отмечается снижение рождаемости на 18,5 % (по РФ снижение на 16,5 %). В 2021 г. показатель рождаемости составил 10,1‰ (в РФ в 2021 г. — 9,6 ‰). Это наиболее низкий уровень рождаемости с 2002 г. (10,2 ‰). При этом за период с 2017 г. по 2021 г. регистрируется снижение показателя младенческой смертности на 12 % до 4,3 ‰ в 2021 г., что ниже 4,5 ‰ — планового значения, установленного национальным проектом «Здравоохранение».

Показатель общей заболеваемости детей в течение последних 5 лет в Свердловской области сопоставим с аналогичными показателями в УРФО и среднероссийскими данными. Анализ интенсивных показателей за 2017–2021 гг. указывает на рост уровня общей заболеваемости детского среди детей в возрасте от 0 до 14 лет на 10,2 %, среди подростков 15–17 лет на 22,2 %. Незначительное снижение показателя в 2020 г. может быть обусловлено снижением темпов проведения диспансеризации и профилактических медицинских осмотров детей и подростков в 2020 г. в сравнении с 2019 г. в связи с ограничительными мероприятиями в период распространения НКВИ (табл. 1).

Такие тенденции фиксируются на территории всей РФ и в большей мере могут быть обусловлены недовыявлением заболеваний на профилактических осмотрах, когда дети не независимо от наличия жалоб осматриваются расширенным составом специалистов и проходят комплекс лабораторных и инструментальных исследований. Дополнительный вклад в формирование здоровья детей вносит увеличение распространенности поведенческих факторов риска у школьников, нарастанием груза генетической патологии, влиянием экологических факторов и смещением на более ранние сроки формированием хронической патологии. На последний фактор оказывает влияние доступность и качество оказываемой медицинской помощи в первичном звене здравоохранения, своевременность выявления заболеваний и проведение лечебных и реабилитационных мероприятий.

Уровень первичной заболеваемости детского населения в период с 2017 по 2021 гг. характеризовался волнообразными изменениями. Общий прирост показателя составил среди детей в возрасте от 0 до 14 лет 10,2 %, среди подростков в возрасте 15–17 лет — 25,3 %. В 2021 г. показатель первичной заболеваемости детей в возрасте 0–14 лет составил 1788,1‰ (выше среднего показателя по РФ на 7 % и сопоставим с показателем по УРФО), в возрасте 15–17 лет показатель составил 1410,4 ‰ (выше среднего показателя по РФ на 3 %, по УРФО на 1,3 %) (табл. 2).

По результатам ранжирования муниципальных образований по показателю общей и первичной заболеваемости детского населения за 2017–2021 гг. были выделены территории с динамикой роста и снижения показателей общей и первичной заболеваемости детского населения в период 2017–2021 гг. Значительные различия общей

Таблица 1

Динамика общей заболеваемости детского населения различных возрастных групп в РФ, УРФО, Свердловской области в 2017–2021 гг. (на 1000 населения, ‰)

Территория	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Дети до 14 лет					
Свердловская область	2014,8	2058,8	2202,8	1933,1	2221,3
Уральский Федеральный округ	2243,4	2285,2	2307,4	2043,1	2278,5
Российская Федерация	2199,5	2204,9	2198,4	1931,9	2125,3
Дети 15–17 лет					
Свердловская область	1793,8	1836,1	1953,7	1812,8	2192,5
Уральский Федеральный округ	2150,3	2152,1	2144,8	1990,9	2229,7
Российская Федерация	2207,4	2224,0	2184,3	1996,5	2173,4

Источник: статистический сборник ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России.

Таблица 2

Динамика первичной заболеваемости детского населения различных возрастных групп в РФ, УРФО, Свердловской области в 2017–2021 гг. (на 1000 населения, ‰)

Территория	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Дети до 14 лет					
Свердловская область	1621,3	1656,5	1766,2	1549,3	1788,1
Уральский Федеральный округ	1814,7	1832,4	1824,9	1598,5	1787,9
Российская Федерация	1749,0	1751,2	1724,5	1485,4	1662,8
Дети 15–17 лет					
Свердловская область	1125,8	1136,7	1259,3	1147,4	1410,4
Уральский Федеральный округ	1338,9	1332,0	1340,2	1221,6	1391,7
Российская Федерация	1360,2	1378,2	1346,0	1218,9	1371,2

Источник: статистический сборник ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России.

и первичной заболеваемости детей, отражают как неоднородность в состоянии здоровья детского населения в муниципальных образованиях, так и условия оказания медицинской помощи, обеспеченность врачами специалистами.

Инвалидность детского населения является одним из показателей, зависящих от лечебно-диагностической, профилактической деятельности лечебных учреждений, социальных, гигиенических и экологических факторов, производственных и бытовых условий и других факторов. Распространенность инвалидности среди детей — один из показателей, который наряду с уровнем смертности, заболеваемости и патологической пораженности, характеризует состояние здоровья детского населения, а также степень развития и деятельности служб, ответственных за проведение политики в сфере охраны здоровья, в том числе оказывающих ПМСП.

На основании данных Росстата и федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр инвалидов» (ФРИ) представлены данные о численности детей инвалидов в возрасте до 18 лет (табл. 3).

С 2017 по 2021 гг. количество инвалидов в РФ уменьшилось по данным Росстата на 3,95 %, по данным ФРИ на 5,6 %. Такие изменения связаны с улучшением качества медицинской помощи, условий труда и общего уровня жизни. При этом в исследуемый период наблюдается тенденция увеличения количества детей-инвалидов

Динамика показателей инвалидности детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, в период 2017–2021 гг. в разрезе РФ, УРФО и Свердловской области

Показатель	Территория	Год				
		2017	2018	2019	2020	2021
Число инвалидов, чел.	Российская Федерация	Н/Д/ 12 271 088*	12 111 388/ 11 434 818*	11 947 754/ 12 004 740*	11 876 925/ 11 885 962*	11 632 958/ 11 581 569*
	Уральский федеральный округ	Н/Д/ 789 061*	781 727/ 729 383*	773 966/ 779 409*	778 499/ 779 867*	765 216/ 762 597*
	Свердловская обл.	Н/Д/ 297 915*	Н/Д/ 275 660*	Н/Д/ 292 063*	Н/Д/ 292 400*	Н/Д/ 285 549*
Число детей-инвалидов, чел.	Российская Федерация	636 024/ 630 212*	651 043/ 653 508*	670 006/ 671 170*	687 718/ 688 787*	703 675/ 704 496*
	Уральский федеральный округ	49 395/ 48 387*	50 386/ 50 682*	52 471/ 52 424*	54 985/ 55 105*	56 212/ 56 274*
	Свердловская обл.	17 960/ 17 447*	18 163/ 18 285*	18 851/ 18 770*	19 767/ 19 821*	20 032/ 20 048*
Доля детей инвалидов от общей численности инвалидов	Российская Федерация	5,1*	5,4/6,6*	5,6/5,5*	5,8/5,7*	6,1/6,0*
	Уральский федеральный округ	6,1*	6,4/6,9*	6,8/6,7*	7,1/7,0*	7,3/7,3*
	Свердловская обл.	5,8*	6,6*	6,4*	6,7*	7,0*
Число детей-инвалидов, в расчете на 10 тыс. детей в возрасте до 18 лет, чел.	Российская Федерация	215,1	217,2	221,7	226,4	231,6
	Уральский федеральный округ	182,0	182,8	188,5	196,4	200,5
	Свердловская обл.	198,9	197,5	202,5	210,9	213,4
Число детей в возрасте до 18 лет, чел.	Российская Федерация	29 573 971	29 980 680	30 215 423	30 370 372	30 383 341
	Уральский федеральный округ	2 713 498	2 755 857	2 783 818	2 799 943	2 803 655
	Свердловская обл.	902 570	919 423	931 018	937 279	938 535

Источник: данные Росстата и федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр инвалидов» (ФРИ).

* данные (ФРИ).

в РФ на 10,6 %, в Свердловской области на 11,5 %. По результатам анализа данных Росстата за 2021 г. по численности детей-инвалидов, полу и возрасту в разрезе РФ, УРФО и Свердловской области установлено, что в структуре инвалидности с учетом пола стабильно преобладают мальчики — 60 %, в возрастной структуре, наибольший удельный вес составляют дети от 8 до 14 лет — 48 % (табл. 4–5).

Уровень первичной инвалидности детского населения Свердловской области в 2021 г. составил 26,3 случая на 10 тыс. чел. детского населения, в том числе на селе — 22,1 случая на 10 тыс. чел. сельского детского населения, в городе — 27,0 случая на 10 тыс. чел. городского детского населения (табл. 6). За период 2017–2021 гг. показатель первичной инвалидности детского населения имел волнообразную динамику,

Таблица 4

Динамика показателей численности детей-инвалидов по полу в разрезе РФ, УРФО и Свердловской области (на 01.02.2021), кол-во чел.

Территория	Всего	% инвалидизации	Мальчики		Девочки	
			чел.	доля, %	чел.	доля, %
Российская Федерация	704 496	2,35	405 030	57,49	299 466	42,51
Уральский федеральный округ	56 274	2,04	34 121	60,63	22 153	39,37
Свердловская область	20 048	2,18	12 112	60,42	7 936	39,58

Таблица 5

Динамика показателей численности детей-инвалидов по возрастным группам, в период 2017–2022 гг. в разрезе РФ, УРФО и Свердловской области (на 01.02.2021), кол-во чел.

Территория	Всего	0–3 лет		4–7 лет		8–14 лет		15–17 лет	
		чел.	доля, %	чел.	доля, %	чел.	доля, %	чел.	доля, %
Российская Федерация	704 496	53 702	7,62	153 223	21,75	352 731	50,07	144 840	20,56
Уральский федеральный округ	56 274	4 775	8,49	13 131	23,33	27 454	48,79	10 914	19,39
Свердловская область	20 048	1 834	9,15	4 467	22,28	9 723	48,50	4 024	20,07

Таблица 6

Показатели первичной инвалидности детского населения Свердловской области и структура по возрастным группам в 2018–2021 гг.

Номер строки	Показатели	Годы											
		2018 год			2019 год			2020 год			2021 год		
		Абс.	%	на 10 тыс. детей	Абс.	%	на 10 тыс. детей	Абс.	%	на 10 тыс. детей	Абс.	%	на 10 тыс. детей
по Свердловской области													
1.	Признаны инвалидами всего, из них	2217	100	24,1	2690	100	28,9	2247	100	24,0	2466	100	26,3
2.	0–3 года	800	36,1	н/д	848	31,5	н/д	764	34,0	н/д	733	29,7	н/д
3.	4–7 лет	664	30,0	н/д	892	33,2	н/д	660	29,4	н/д	796	32,3	н/д
4.	8–14 лет	592	26,7	н/д	744	27,7	н/д	635	28,2	н/д	739	30,0	н/д
5.	15–17 лет	161	7,3	н/д	206	7,7	н/д	190	8,5	н/д	198	8,0	н/д
Городское население													
6.	Признаны инвалидами всего, из них	1920	100	24,8	2258	100	28,7	1910	100	24,1	2150	100	27,0
7.	0–3 года	722	37,6	н/д	751	33,3	н/д	674	35,3	н/д	678	31,5	н/д
8.	4–7 лет	582	30,3	н/д	771	34,1	н/д	567	29,7	н/д	691	32,2	н/д
9.	8–14 лет	479	24,9	н/д	567	25,1	н/д	505	26,4	н/д	606	28,2	н/д
10.	15–17 лет	137	7,1	н/д	169	7,5	н/д	164	8,6	н/д	175	8,1	н/д

Окончание табл. 6 на след. стр.

Номер строки	Показатели	Годы											
		2018 год			2019 год			2020 год			2021 год		
		Абс.	%	на 10 тыс. детей	Абс.	%	на 10 тыс. детей	Абс.	%	на 10 тыс. детей	Абс.	%	на 10 тыс. детей
Сельское население													
11.	Признаны инвалидами всего, из них	297	100	20,3	432	100	29,9	337	100	23,3	316	100	22,1
12.	0–3 года	78	26,3	н/д	97	22,4	н/д	90	26,7	н/д	55	17,4	н/д
13.	4–7 лет	82	27,6	н/д	121	28,0	н/д	93	27,6	н/д	105	33,2	н/д
14.	8–14 лет	113	38,1	н/д	177	41,0	н/д	128	38,0	н/д	133	42,1	н/д
15.	15–17 лет	24	8,1	н/д	37	8,6	н/д	26	7,7	н/д	23	7,3	н/д

и в 2021 г. остался на уровне 2017 г. При этом темп роста показателя первичной инвалидности сельского детского населения за этот период составил 33,0 %, а для городского детского населения показатель первичной инвалидности уменьшился на 4 %.

На основании данных ФКУ «ГБ МСЭ по Свердловской области» Минтруда России и годовых форм федерального статистического наблюдения N 7-Д (собес) «Сведения о медико-социальной экспертизе детей в возрасте до 18 лет» были рассчитаны относительные показатели первичной инвалидности детского населения на 10 тыс. соответствующего населения в разрезе муниципальных образований за 2017–2021 гг. Проведено ранжирование показателя первичной инвалидности детского населения в разрезе муниципальных образований, выделены территории с наиболее неблагоприятным рейтингом по данному показателю в 2021 г. Данные рейтинги характеризуют развитие и деятельность служб, ответственных за проведение политики в сфере охраны здоровья в муниципальных образованиях, в том числе оказывающих первичную медико-санитарную помощь.

Педиатрическая служба Свердловской области представлена 87 поликлиническими подразделениями в составе 64 учреждений здравоохранения, в том числе одной самостоятельной детской поликлиникой, 5 консультативно-диагностическими центрами, дневными стационарами при поликлиниках. ПМСП детям Свердловской области осуществляется в 64 МО (87 поликлинических подразделениях) и одной самостоятельной детской поликлинике г. Екатеринбурга.

Доступность ПМСП взаимосвязана с численностью прикрепленного населения на врачебных участках. На основании данных ТФОМС СО медицинская помощь детям оказывается на 823 педиатрический участках, 215 ОВП, 37 комплексных участках, 55 фельдшерских участках государственных МО. В 2021 г. в 39 из 62 государственных МО, оказывающих помощь детскому населению, средняя численность прикрепленного детского населения на педиатрических участках была выше рекомендуемых значений, при этом в 14 МО этот показатель превышал рекомендуемые значения более чем на 20 %, а в 25 МО превышение составляло 20 % от рекомендуемых значений.

В 2021 г. число врачей педиатров составляло — 1082 чел., в том числе 565 участковых педиатров. За период 2017–2021 гг. в РФ и УРФО наблюдается тенденция увеличения

количества врачей-педиатров, тогда как в Свердловской области зафиксирована отрицательная динамика. Обеспеченность Свердловской области врачами-педиатрами составила в 2021 г. 11,53 врача на 10 тыс. детей до 17 лет (в РФ — 16,2, в УрФО — 14,1), участковыми педиатрами — 6,02 на 10 тыс. детей до 17 лет (в РФ — 9,35, в УрФО — 7,95, норматив — 12,5 на 10 тыс. детей до 17 лет).

Анализ укомплектованности физическими лицами штатных должностей врачей-педиатров в МО показал, что в Свердловской области за пятилетний период отмечена тенденция к повышению на 1,4 %, при этом наблюдается рост укомплектованности врачами-педиатрами участковыми на 12,3 %. Также отмечается снижение коэффициента совместительства врачей-педиатров на 6,25 %, в том числе врачей-педиатров участковых на 9,1 %. Укомплектованность штатных должностей занятыми ставками в педиатрической службе в 2021 г. составляла 86,6 % (в том числе в поликлинике — 89,2 %, в стационаре — 78,3 %). Укомплектованность штатных должностей врачами (физическими лицами) — 71,6 % (в т. ч. в поликлинике — 78,4 %, в стационаре — 46 %). Коэффициент совместительства в целом по службе — 1,2 (в т. ч. в поликлинике — 1,13, в стационаре — 1,7).

Охват профилактическими мероприятиями детского населения в 2017–2021 гг. по данным ТФОМС Свердловской области, не достигал нормативных показателей. В 2021 г. объем диспансеризации детей-сирот, находящихся в стационарных учреждениях и детей, оставшихся без попечения родителей был выполнен на 105,6 % и 98,7 % к плану соответственно. Профилактические осмотры несовершеннолетних в 2021 г. были выполнены лишь на 86,4 %, что скорее всего обусловлено ограничительными мероприятиями по распространению НКВИ и сокращением возможности оказания профилактической помощи.

Анализ индикаторного показателя качества оказания медицинской помощи — «удаленная запись на прием в медицинские организации» за период 2017–2021 гг. показал увеличение на 38,7 % количества записей пациентов на прием к специалистам в дистанционной форме по трем информационным медицинским системам: РМИС, ПРОМЕД, АИС «МИР».

На основании анализа деятельности МО Свердловской области, участвующих в создании и тиражировании Новой модели, были рассчитаны итоговые рейтинги результативности работы МО, оказывающих ПМСП детскому населению за 2021 г. При формировании рейтинга результативности работы МО, оказывающих ПМСП детскому населению, были выбраны показатели, характеризующие объемы оказываемых медицинских услуг, профилактическую работу, доступность записи на прием, результаты медико-экономического контроля, экспертизы качества медицинской помощи от фактического выполнения ТП ОМС за амбулаторно-поликлиническую помощь, а также удовлетворенность представителей пациентов и степень вовлеченности медицинского персонала. При этом наиболее высокие рейтинги были определены в областных медицинских организациях, оказывающих помощь только детскому населению, в медицинских организациях г. Екатеринбурга по этим показателям рейтинги были ниже. Это связано в первую очередь, с меньшим количеством прикрепленного детского населения в медицинских организациях области.

С целью углубленной оценки деятельности МО, оказывающих помощь детскому населению нами проведен аудит 8-ми детских поликлиник, участвующих в реализации Новой модели и обслуживающих только детское население.

В 2021 г. чаще всего МО реализовали проекты актуальные в период распространения НКВИ: по совершенствованию процесса вакцинации (18,3 %), диагностических исследований (14,6 %), работы транспорта (13,7 %), работы регистратуры МО (12,7 %). Такие направления как управление качеством и безопасностью в МО (6,4 %), лекарственное обеспечение (5,5 %), снабжение МО (2,3 %), управление ресурсами в МО (0,9 %) выбирались значительно реже, а часть процессов в принципе не выбирается МО для отработки.

В рамках очного аудита МО нами было оценено внедрение Новой модели по 22 критериям в 8 подразделениях 8 МО, оказывающих помощь детскому населению. По итогам проведенных аудитов составлен перечень процессов, требующих улучшения и выделены проблемные направления, требующие разработки стандартов и алгоритмов внедрения. Выделены лучшие практики по достижению критериев Новой модели, которые можно тиражировать в другие МО, оказывающие помощь детскому населению.

Заключение (выводы)

1. Формирование показателей смертности населения, младенческой смертности, ожидаемой продолжительности жизни при рождении, происходит в результате влияния сложного комплекса демографических, социально-экономических, медико-организационных факторов. Определенный вклад в формирование демографических показателей региона вносит организация амбулаторно-поликлинической помощи. Распространение НКВИ оказало отрицательное влияние на основные медико-демографические показатели.

2. За исследуемый период 2017–2021 гг. в Свердловской области отмечается снижение показателя младенческой смертности на 12 %, рождаемости на 18,5 %, умеренный рост показателей общей и первичной заболеваемости детского населения с наибольшей динамикой в группе 15–17 лет. Показатель первичной инвалидности детского населения имел волнообразную динамику, и территориальную дифференциацию. У детей сельских территорий рост на 33,0 % при снижении показателя на 4 % для городского детского населения.

3. В педиатрической службе Свердловской области существует дефицит врачебных кадров, при этом намечается тенденция роста укомплектованности и снижение коэффициента совместительства в целом по службе, что обусловлено работой по целевому обучению будущих врачей за счет средств федерального бюджета и бюджета Свердловской области и изменением системы подготовки врачей с целевым приемом на обучение.

4. По результатам аудита МО, оказывающих помощь детскому населению, установлены проблемные направления, которые требуют принятия управленческих решений от руководителей МО.

5. Внедрение бережливых технологий в рамках Новой модели влияет на совершенствование внутренних процессов в детской поликлинике. Родители маленьких пациентов обращаются в поликлинику, используя дистанционную запись, сокращаются сроки прохождения профилактических осмотров и получения медицинской помощи, что позволит повысить доступность, качество оказания медицинской помощи и в будущем окажет влияние на показатели здоровья детского населения.

6. Необходимо продолжить дальнейший мониторинг внедрения Новой модели в системе здравоохранения Свердловской области и влияния на основные показатели

медицинской, социальной и экономической деятельности МО с целью выявления направлений для совершенствования ПМСП и лучших практик для тиражирования на уровне региона.

Список источников

[1] *Кильдиярова Р. Р.* Диспансеризация здоровых детей // Вопросы современной педиатрии. 2018. № 17(3). С. 246–250. <https://doi.org/10.15690/vsp.v17i3.1896>

[2] *Баранов А. А., Альбицкий В. Ю., Устинова Н. В.* Состояние и задачи совершенствования медико-социальной помощи детскому населению // Вопросы современной педиатрии. 2020. № 19(3). С. 184–189. <https://doi.org/10.15690/vsp.v19i3.2112>

[3] *Аликова З. Р., Анаева Л. А., Фидарова К. К.* Профилактическое направление в области охраны здоровья детей: исторические приоритеты // Материалы международного симпозиума «Актуальные вопросы истории медицины и здравоохранения». 2017. № 1. С. 13–14.

[4] Технологии бережливого производства в реформировании медицинских организаций, оказывающих ПМСП. Аналитический обзор / А. Ш. Сененко, И. М. Сон, Н. А. Дзюба, О. О. Захарченко, Д. С. Терентьева, В. А. Шелгунов // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. № 66(4). С. 6. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-6>

[5] Стратегия внедрения бережливого производства в детской поликлинике / И. Ю. Кондратьева, Л. Н. Коптева, И. А. Переслегина, Т. А. Боровкова // Медицинский альманах. 2018. № 54(3). С. 10–14.

[6] Применение инструментов бережливого производства при организации профилактических осмотров детского населения Томской области / И. А. Деев, В. А. Бойков, Л. М. Канонеркер, О. С. Кобякова, Е. С. Куликов, И. Ю. Новикова, И. А. Осихов, Т. В. Сиволобова, А. А. Таранов, М. А. Титова, И. П. Шибалков // Менеджер здравоохранения. 2019. № 9. С. 30–36.

[7] *Дьяченко Т. С., Девляшова О. Ф.* Итоги внедрения принципов «бережливого производства» в детской поликлинике // Медицина и организация здравоохранения. 2019. № 4(3). С. 19–25.

[8] *Ступак В. С., Соколовская Т. А., Малкандуева Ж. Х.* Региональный опыт внедрения бережливых технологий в педиатрической практике // Дальневосточный медицинский журнал. 2021. № 4. С. 71–75.

[9] Совершенствование оказания медицинской помощи детскому населению школьного возраста с использованием бережливых технологий в Свердловской области / Т. А. Жеребцова, С. Л. Леонтьев, Д. О. Михайлова, Е. В. Ануфриева // Саратовский научно-медицинский журнал. 2022. № 18(3). С. 463–465.

[10] Новая модель медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь. Методические рекомендации Министерства здравоохранения Российской Федерации: 2-е изд. с доп. и уточ. / Е. В. Каракулина, Э. К. Вергазова, И. Н. Ходырева и др. Москва, 2019. 88 с.

[11] Оценка эффективности внедрения Новой модели медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь, в медицинских организациях Свердловской области, работающих в системе обязательного медицинского страхования / Т. А. Жеребцова, С. Л. Леонтьев, Д. О. Михайлова, В. А. Шелякин // Национальное здравоохранение. 2022. № 3(2). С. 30–37. <https://doi.org/10.47093/2713-069X.2022.3.2.30-37>

References

[1] *Kildiyarova R. R.* Preventive medical examination of healthy children // Current pediatrics. 2018. No. 17(3). P. 246–250. <https://doi.org/10.15690/vsp.v17i3.1896>

[2] *Baranov A. A., Albitskiy V. Yu., Ustinova N. V.* State and Aims of Enhancement of Health and Social Care for Child Population // Current pediatrics. 2020. No. 19(3). P. 184-189. <https://doi.org/10.15690/vsp.v19i3.2112>

[3] *Alikova Z. R., Anaeva L. A., Fidarova K. K.* Preventive direction in the field of children's health: historical priorities // Materials of the international Symposium "Topical issues of the history of medicine and health care". 2017. No. 1. P. 13-14.

[4] Lean manufacturing technologies in reforming medical organizations that provide primary health care. Analytical review / A. Sh. Senenko, I. M. Son, N. A. Dzijuba, O. O. Zaharchenko, D. S. Terent'eva, V. A. Shelgunov // Social aspects of population health. 2020. No. 66(4). P. 6. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-6>

[5] The strategy of introducing lean manufacturing in the children's polyclinic / I. Yu. Kondratieva, L. N. Kopteva, I. A. Pereslegina, T. A. Borovkova // Medical Almanac. 2018. No. 54(3). P. 10-14.

[6] Application of lean management in medical examination of children in Tomsk region / I. A. Deev, V. A. Boykov, L. M. Kanonerker, O. S. Kobayakova, E. S. Kulikov, I. Yu. Novikova, I. A. Osihov, T. V. Sivolobova, A. A. Taranov, M. A. Titova, I. P. Shibalkov // Manager of health care. 2019. No. 9. P. 30-36.

[7] *Dyachenko T. S., Devlyashova O. F.* The results of the implementation of the principles of «lean production» in the children's clinic // Medicine and health care organization. 2019. No. 4(3). P. 19-25.

[8] *Stupak V. S., Sokolovskaya T. A., Malkandueva J. Kh.* Regional experience in the implementation of economical technologies in pediatric practice // Far East Medical Journal. 2021. No. 4. P. 71-75.

[9] Improving the provision of medical care to school-age children using lean technologies in the Sverdlovsk region / T. A. Zherebtsova, S. L. Leontiev, D. O. Mikhailova, E. V. Anufrieva // Saratov Journal of Medical Scientific Research. 2022. No. 18(3). P. 463-465.

[10] A new model of a medical organization providing primary health care. Methodological recommendations of the Ministry of Health of the Russian Federation (2nd edition with additions and clarifications) / E. V. Karakulina, E. K. Vergazova, I. N. Khodyreva, et al. M., 2019. 88 p.

[11] Efficiency evaluation of the implementation of a New medical organization model providing primary healthcare services in medical organizations of the Sverdlovsk region operating in the compulsory medical insurance system / T. A. Zherebtsova, S. L. Leontiev, D. O. Mikhailova, V. A. Shelyakin // National Health. 2022. No. 3(2). P. 30-37. <https://doi.org/10.47093/2713-069X.2022.3.2.30-37>

Информация об авторах

Жеребцова Татьяна Александровна — и. о. руководителя Регионального центра организации первичной медико-санитарной помощи ГАУДПО «Уральский институт управления здравоохранением имени А. Б. Блохина», <https://orcid.org/0000-0001-6318-8037> (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 86; e-mail: umsep-ta@yandex.ru).

Леонтьев Сергей Леопольдович — доктор медицинских наук, профессор, директор ГАУДПО «Уральский институт управления здравоохранением имени А. Б. Блохина», <https://orcid.org/0000-0003-4092-4577> (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 86; e-mail: ls.04@yandex.ru).

Михайлова Диана Олеговна — доктор медицинских наук, заместитель директора по учебной работе, первый заместитель директора, ГАУДПО «Уральский институт управления здравоохранением имени А. Б. Блохина», <https://orcid.org/0000-0001-8068-5940> (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 86; e-mail: umsep-do@yandex.ru).

Ануфриева Елена Владимировна — доктор медицинских наук, заместитель директора по науке ГАУДПО «Уральский институт управления здравоохранением имени А. Б. Блохина», <https://orcid.org/0000-0003-2727-2412> (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 86; e-mail: elena-@list.ru).

About the authors

Tatyana A. Zherebtsova — Acting Head of the Regional Center for Organization of Primary Health Care, Ural Institute of Public Health Management named after A. B. Blokhin; <https://orcid.org/0000-0001-6318-8037> (8B, K. Liebknecht St., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation; e-mail: umsep-ta@yandex.ru).

Sergey L. Leontiev — Professor, Dr. Sci. (Med.), Director of the Ural Institute of Public Health Management named after A. B. Blokhin; <https://orcid.org/0000-0003-4092-4577> (8B, K. Liebknecht St., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation; e-mail: ls.04@yandex.ru).

Diana O. Mikhailova — Dr. Sci. (Med.), Deputy Director for Development, Ural Institute of Public Health Management named after A. B. Blokhin; <https://orcid.org/0000-0001-8068-5940> (8B, K. Liebknecht St., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation; 620075, 8-B K. Libkneht St, Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: umsep-do@yandex.ru).

Elena V. Anufrieva — Dr. Sci. (Med.), Deputy Director for Science, Ural Institute of Public Health Management named after A. B. Blokhin; <https://orcid.org/0000-0003-2727-2412> (8B, K. Liebknecht St., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation; e-mail: elena-@list.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-6-3>

УДК 314.144

JEL classification: J13

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ РЕПРОДУКЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ¹

Н. Е. Русанова

ИСЭПН ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-1859-2345>

Автор для корреспонденции: Н. Е. Русанова (ninrus238@mail.ru)

Аннотация. *Актуальные тенденции применения программ вспомогательной репродукции в демографической политике России отражают стойкую тенденцию к усилению их влияния на рождаемость. Из всех применяемых в мировой клинической практике программ вспомогательных репродуктивных технологий российская система здравоохранения одобряет те, которые отвечают требованиям роста числа рождений, учитывая при этом как традиционные нормы морали, так и изменяющиеся запросы общества. Программы, максимально приближенные к естественным процессам зачатия, постепенно становятся рутинными, не требующими от пациентов чрезмерных материальных, временных и эмоциональных затрат; программы, осложненные из-за этических или организационных проблем, ограничиваются или полностью запрещаются.*

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии; экстракорпоральное оплодотворение; демографическая политика; стимулирование рождаемости

Current Trends in the Use of Assisted Reproduction Programmes in the Demographic Policy of Russia

N. E. Rusanova

Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS (Moscow, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-1859-2345>

Corresponding author: N. E. Rusanova (ninrus238@mail.ru)

Abstract. *Current trends in the use of assisted reproduction programmes in the demographic policy of Russia indicate an increase in their impact on fertility. Of all assisted reproductive technologies used in the world clinical practice, the Russian healthcare system approves those that meet the requirements of an increase in the number of births, taking into account both traditional moral norms and the changing demands of society. Programmes that are as close as possible to the natural processes of conception gradually become routine: they do not require excessive material, time and emotional costs from patients. Simultaneously, programmes that are complicated due to ethical or organisational problems are limited or completely prohibited.*

Keywords: assisted reproductive technologies; in vitro fertilisation; demographic policy; stimulation of the birth rate

Введение

Одной из основных целей демографической политики в России является повышение рождаемости, для чего используется комплекс мер, в том числе направленных на максимизацию репродуктивных возможностей населения. Среди них расширение доступности вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), снявших зависимость рождения детей от здоровья родителей, их возраста, семейного

¹ © Русанова Н. Е. Текст. 2023.

состояния и проч. Это позволило включить в практику общественного здравоохранения программы вспомогательной репродукции, не только способствующие росту числа рождений, но и отвечающие морально-этическим запросам общества. Во всех странах качественное влияние ВРТ на рождаемость выражено сильнее, чем количественное, поэтому государственное регулирование этих программ направлено на достижение баланса между потребностью в них и их доступностью, отражающей макроэкономические возможности. Первые успехи ВРТ показали, что они могут рассматриваться как «добровольная альтернатива» естественному зачатию: в начале XXI в. в Дании и Нидерландах доля зачатий в первом цикле ВРТ составляла 3,1 %, но за пять лет лечения с помощью ВРТ среднее число рождений у женщины достигало 1,6 ребенка [1]. Чтобы избежать необоснованного применения ВРТ, а также излишних дорогих для системы здравоохранения и обременительных для пар манипуляций, потребовался учет возможных негативных последствий и максимальное приближение протоколов к естественным циклам. Такие усовершенствования основаны на низких дозах препаратов и переносе единственного эмбриона, что сокращает вероятность беременности и требует для достижения успеха увеличение числа циклов, а значит, и больших материальных затрат.

В связи с этим возникает задача анализа эволюции роли ВРТ в формировании рождаемости в России и определения перспектив конкретных программ ВРТ с учетом существующих мировых тенденций. Материалами для анализа являются регулярные публичные обзоры Международной федерации профессиональных объединений по изучению фертильности (IFFS), последний из которых был опубликован в 2022 г. [2], а также отчеты российских регистров ВРТ за 1995–2020 гг.

Основная часть

Общие тенденции использования ВРТ в мире

ВРТ обязаны своим появлением медицинской проблеме — бесплодию, которое долгое время оставалось проблемой личной, в крайнем случае семейной, но никак не затрагивало общество в целом. Общегосударственной проблема бесплодия стала лишь на фоне снижения рождаемости до уровня, приводящего к депопуляции, и при этом до внедрения в клиническую практику ВРТ в 1980-е гг. проблема считалась почти нерешаемой, что показывают дефиниции бесплодия разных лет:

— Начало XX в.: «Бесплодие, врожденное или приобретенное состояние женского организма, делающее его неспособным к зачатию. ...Различные терапевтические и хирургические мероприятия могут устранить бесплодие. Мужское бесплодие ... неизлечимо»¹.

— 1920-е гг.: Бесплодие — «отсутствие деторождения в чадородном возрасте в течение 3 лет для первичного бесплодия, если беременность не наступает в течение 5 лет, то бесплодие можно считать абсолютным; при вторичном бесплодии этот срок составляет 3–5 лет» [3].

— Середина XX в.: «Бесплодие — неспособность зрелого организма к производству потомства. У женщин бесплодием считается отсутствие беременности не менее 2 лет регулярной половой жизни со здоровым в половом отношении мужчиной. У мужчин может зависеть от неспособности к совокуплению либо к оплодотворению»².

¹ Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и Ко». М., 1909. Т. 5. С. 166-167, 186.

² Популярная медицинская энциклопедия. Москва, 1963, С. 101-102.

Рис. 1. Бесплодие как комплексная проблема

— Начало XXI в.: Бесплодие — «неспособность мужчины или женщины детородного возраста к воспроизводству потомства. Диагноз ставится при отсутствии регулярной половой жизни в течение не менее года ... без применения контрацепции»¹. «Это заболевание мужской или женской репродуктивной системы, определяемое как невозможность добиться беременности после 12 или более месяцев регулярных половых актов без предохранения»².

В настоящее время ВРТ вышли за пределы только медицинской проблемы и трактуются как меры коррекции бесплодия в рамках комплекса регулирования рождаемости (рис. 1).

Сегодня разработанными до клинической стадии считаются около 20 методов ВРТ, основанных на ЭКО, но разрешение на применение их регулируется национальным репродуктивным законодательством. В 2021 г. лишь 63 страны, в основном из Азии, Африки, Океании, официально заявили, что вообще не практикуют вспомогательную репродукцию, но в реальности таких государств меньше, поскольку некоторые из них действительно не имеют репродуктивных центров, получая соответствующие услуги в рамках межстрановых объединений (например, Андорра, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Мальта, Сан Марино — в других странах Евросоюза). Общим является отсутствие взаимосвязи между количественными характеристиками рождаемости и распространением ВРТ: например, репродуктивные центры расположены в южной и северной Африке, хотя в ЮАР депопуляция белого населения, а в Египте, Марокко, Тунисе рождаемость достигает 16–220/00, и наблюдается динамичный естественный прирост. Доминирующей становится ориентация на «качественные» запросы населения, связанные с индивидуальным репродуктивным выбором, а не просто коррекцией проблем с зачатием и беременностью, поэтому набор разрешенных программ ВРТ и их доступность дифференцируется по странам. Многие используют ВРТ как инструмент семейной и гендерной политики, поддерживая с его помощью наиболее приемлемую для государства форму семьи, например, разрешая ВРТ только в случае официально оформленного брака. Общим правилом является облегчение доступа к программам, наиболее приближенным по медицинским и социальным характеристикам к естественным процессам и направленным на лечение заболеваний репродуктивной сферы (ЭКО, ИКСИ, преимплантационная диагностика (ПГД), криоконсервация полового материала), и ограничение доступа к программам, связанным с модификацией родительского комплекса, участием третьих лиц, лабораторным

¹ Демографическая энциклопедия. Москва, 2013, С. 67.

² Бесплодие // ВОЗ. https://www.who.int/ru/health-topics/infertility#tab=tab_1 (дата обращения: 05.02.2023).

использованием эмбрионов и проч. (репродуктивное донорство, однополое родительство, суррогатное материнство, посмертная репродукция, редукция плода, гендерная селекция). Почти везде запрещено репродуктивное клонирование человека и существенно ограничены исследования эмбриональных стволовых клеток, а также все больше стран в обязательном порядке сокращают число эмбрионов, «подсаживаемых» в одном цикле. В 2021 г. в 28 % стран этот эмбрион может быть только единственным, благодаря чему частота многоплодных беременностей, наступивших в результате переноса нескольких эмбрионов и признанных одним из наиболее серьезных осложнений ВРТ, сокращается.

Правовая доступность ВРТ определяется законодательным регулированием, которое во всем мире не только заметно отстает от темпов решения проблемы медициной, но иногда искусственно тормозит их. Относительно либеральный подход к ВРТ развивается под влиянием феминистских и нетрадиционных гендерных групп, что приводит к изменению концепции планирования семьи и применению методов ВРТ по «социальным показаниям» для одиноких женщин, решение о котором страны принимают с учетом национальных традиций и уровня рождаемости.

Отдельной проблемой является оплата услуг репродуктивных доноров, которое трактуется как донорство органов. Это может стимулировать потенциальных доноров дать информированное согласие на процедуру, но одновременно изменить статус будущего ребенка, который будет рассматриваться не только как субъект права, но и как «продукт труда». Регулируется такой вопрос по-разному — в США, например, оплата детерминируется требованиями компенсации морального и физического риска, в Швеции единого мнения не сформировано, хотя большинство приветствует оплату донорам ооцитов; российские клиники принимают решения индивидуально.

Такое организационное регулирование определяется возможностями использования ВРТ для достижения целей рождаемости, а индивидуальный доступ к услугам ВРТ, в конечном счете, лимитируется финансовыми ресурсами. По состоянию на 2021 г. респонденты из чуть более чем половины стран представляют страховое покрытие для ВРТ, а 53 % предлагают некоторую поддержку в лечении бесплодия. Большинство стран предлагают лишь частичное государственное финансирование либо обязательное медицинское страхование (ОМС), оставляя пациентам частные источники или добровольное медицинское страхование. Показанием для включения в государственные программы возмещения расходов является количество циклов ЭКО: в 8 странах нет ограничений на количество оплачиваемых циклов, 15 стран оплачивают по три цикла, шесть стран — по одному или двум циклам, пять стран — шесть циклов, три страны — четыре цикла, в Венгрии оплачивается пять циклов, в Южной Корее — семь циклов. ОМС без ограничения циклов распространяется на программы ВРТ в Австралии, Израиле и РФ, на шесть циклов — в Бельгии, Японии, Сингапуре и США, на один цикл — в Канаде, Чили, Кении, Новой Зеландии, Румынии, Сенегале, Тунисе и ОАЭ.

Другими распространёнными критериями отбора для финансового обеспечения ВРТ является возраст, который не лимитируется лишь в 12 странах — в 33 странах верхней является граница 37–46 лет, продолжительность бесплодия (семь стран), уровень индивидуальных доходов (Армения и Уругвай), количество перенесенных эмбрионов (13 стран). На общенациональном уровне чаще всего финансово поддерживается диагностика и лекарственное обеспечение, реже — ПГД и криоконсервация по медицинским показаниям, но во многих странах частное страхование расширяет индивидуальный перечень.

Пандемия стабилизировала тенденцию к усилению медиализации рождаемости, проявляющейся через рост обращений к ВРТ, которые укрепили новые тенденции рождаемости:

1. «Делегированное чайлд-фри» — сознательный отказ от рождения детей, но участие в программах вспомогательной репродукции в качестве анонимных доноров генетического материала.

2. «Отсроченное материнство» — изъятие у женщин в возрасте максимальной репродуктивности части созревших яйцеклеток для криоконсервации и последующего ЭКО с собственными клетками.

3. Определение пола «по социальным показаниям».

4. «Усыновление эмбриона» — решение будущих родителей о судьбе эмбрионов, оставшихся после ЭКО: донорство, криоконсервация, утилизация, передача при разводе.

5. Суррогатное материнство.

6. Трансграничная репродуктивная помощь («репродуктивный туризм») — поездки в другую страну за услугами, основанными на ВРТ.

Таким образом, медицинские характеристики программ ВРТ и их институциональные особенности дают возможность применять эти методы не только для повышения рождаемости, но и для регулирования основных процессов естественного движения населения, оказывающих влияние на репродуктивный выбор и реализацию репродуктивных решений.

Эволюция ВРТ как инструмента демографической политики России

Применение ВРТ как права на родительство, зачатие и беременность, законодательно поддерживается в РФ с 1993 г.: «Каждая совершеннолетняя женщина детородного возраста имеет право на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона. Искусственное оплодотворение женщины и имплантация эмбриона осуществляются в учреждениях, получивших лицензию на медицинскую деятельность, при наличии письменного согласия супругов (одинокой женщины). Сведения о проведенных искусственном оплодотворении и имплантации эмбриона, а также о личности донора составляют врачебную тайну. Женщина имеет право на информацию о процедуре искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона, о медицинских и правовых аспектах ее последствий, о данных медико-генетического обследования, внешних данных и национальности донора, предоставляемую врачом, осуществляющим медицинское вмешательство. Незаконное проведение искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона влечет за собой уголовную ответственность...»¹. Однако практических мер для его обеспечения долгое время не хватало. Доступ к информации о ВРТ ограничивался рекламными проспектами клиник, национальных баз данных по программам не существовало, поиск средств для оплаты ВРТ делегировался пациентам. Фактически отсутствовала гарантия защиты репродуктивных прав граждан, особенно при появлении новых программ ВРТ, юридического статуса человеческих эмбрионов и экспериментов на них, вовлечения третьих лиц в процесс репродукции при донации генетического материала или суррогатном материнстве и т. д.,

¹ Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан, ст. 35 «Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона» в ред. Федерального закона от 10.01.2003 № 15-ФЗ). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2413/ (дата обращения: 05.02.2023).

а также организации репродуктивной помощи населению. Однако наиболее морально сложные программы везде всегда находились в зоне особого внимания, например, правовое регулирование репродуктивного донорства углублялось по мере его внедрения в клиническую практику, поэтому законодательные акты, касающиеся мужского донорства, разработаны более подробно и на более высоком уровне, чем те, что относятся к донации ооцитов [7]. Например, в РФ нормативы программ искусственной инсеминации описывал приказ МЗ РФ № 301 от 28.12.1993 «О применении метода искусственной инсеминации женщин спермой донора по медицинским показаниям и метода экстракорпорального оплодотворения и переноса эмбриона в полость матки для лечения бесплодия», а донорство ооцитов еще несколько лет после этого не имело четкого правового обоснования и применялось «исходя из сложившейся практики». Но после принятия приоритетного национального проекта «Здоровье» и Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.¹ в 2007 г. отраслевое регулирование расширилось и стало более четким.²

В России сегодня разрешены более 10 программ ВРТ, применение которых регулируется федеральным репродуктивным законодательством, а финансовые аспекты корректируются на отраслевом и региональном уровне. За первый пандемийный год число центров, применяющих эти технологии в России, достигло 315 (в 2019 г. — 299), в них было выполнено 148 660 циклов, что на 10,2 % меньше, чем в 2019 г. Такое сокращение было вызвано запретом на контактные процедуры в первые месяцы пандемии, однако после снятия ограничений работа быстро восстановилась, и в итоге доля рождений после ЭКО осталась прежней — 2,4 %³. Изменилась лишь структура применяемых программ: увеличились спрос на «разорванные» программы (криоконсервация генетического материала и эмбрионов для использования в будущем), потребность в репродуктивных донорах (в связи с усилением откладывания рождений на пострепродуктивный возраст); из-за закрытия границ нарушились сложившиеся направления суррогатного материнства и репродуктивного туризма, а также сократилось количество переносов свежих эмбрионов с донорскими ооцитами из-за дополнительных трудностей с синхронизацией донора и пациента. Ответом стали институциональные меры, позволяющие оперативно реагировать на проблемы; например, в апреле 2021 г. была зарегистрирована Ассоциация суррогатного материнства (АСМ), объединившая организации и специалистов, задействованных в сопровождении программ ВРТ. В задачи АСМ входило обеспечение информирования членов ассоциации, агентств суррогатного материнства, граждан, специалистов и клиник репродуктивной медицины о правовых аспектах ВРТ в целом и СМ в частности, защита прав участников программ лечения и оперативная помощь в решении сложных вопросов и непредвиденных ситуаций, выполняющих эти программы.

¹ Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. Указ Президента РФ № 1351 от 09.10.2007. // Совет при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. <http://www.rost.ru>.

² О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению. Приказ МЗ РФ № 107н от 30 авг. 2012 г. С изм. и доп. от 11 июня 2015 г., 1 февраля 2018 г.; О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению. Приказ Минздрава России № 803н от 31.07.2020. [prikaz107.pdf \(http://www.rahr.ru\)](http://www.rahr.ru) (дата обращения: 05.02.2023).

³ Рассчитано по: Регистр ВРТ. Отчет за 2020 г. https://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrVRT_2020.pdf

Заключение

Временная и пространственная динамика ВРТ отражает стойкую тенденцию к усилению их влияния на рождаемость, поэтому расширяется включение методов зачатия, основанных на ЭКО, в демографическую политику. Страны заметно различаются по масштабам программ ВРТ и их доступности для различных групп населения, что отражает национальные цели и натальные традиции. В России ВРТ постепенно переходит к разряду рутинных процедур, не требующих от пациентов чрезмерных материальных, временных и эмоциональных затрат, что позволяет максимально использовать потенциал вспомогательной репродукции для роста рождаемости при сохранении ее качественных характеристик.

Список источников

- [1] *Pinborg A., Schmidt L., Andersen A. N.* Crude 5-year follow-up on delivery and adoption rates among 1338 new couples treated with ART // *Human Reproduction*. 2007. No. 22. i30.
- [2] International Federation of Fertility Societies' Surveillance (IFFS) 2022: Global Trends in Reproductive Policy and Practice, 9th Edition. <https://www.iffsreproduction.org/wp-content/uploads/2022/10/IFFS-Surveillance-2022-Published.pdf> (accessed on: 05.02.2023).
- [3] *Какушкин Н. М.* Основные предпосылки к изучению вопроса о женском бесплодии // Труды 7 Всесоюзного съезда гинекологов и акушеров. Ленинград, 1927. С. 234.
- [4] *Robertson J. A.* Ethical and legal issues in human embryo donation. // *Fertility and Sterility*. 1995. Vol. 64. No. 5. P. 885-894.

References

- [1] *Pinborg A., Schmidt L., Andersen A. N.* Crude 5-year follow-up on delivery and adoption rates among 1338 new couples treated with ART // *Human Reproduction*. 2007. No. 22. i30.
- [2] International Federation of Fertility Societies' Surveillance (IFFS) 2022: Global Trends in Reproductive Policy and Practice, 9th Edition. <https://www.iffsreproduction.org/wp-content/uploads/2022/10/IFFS-Surveillance-2022-Published.pdf> (accessed on: 05.02.2023).
- [3] *Kakushkin N. M.* Basic prerequisites for studying the issue of female infertility // Proceedings of the 7th All-Union Congress of Gynecologists and Obstetricians. L. 1927. P. 234.
- [4] *Robertson J. A.* Ethical and legal issues in human embryo donation. // *Fertility and Sterility*. 1995. Vol. 64. No. 5. P. 885-894.

Информация об авторах

Русанова Нина Евгеньевна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, <https://orcid.org/0000-0002-1859-2345> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32, e-mail: ner238@rambler.ru).

About the authors

Nina E. Rusanova — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Research Associate, Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS, <https://orcid.org/0000-0002-1859-2345> (32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: ner238@rambler.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-6-4>

УДК 338.465.4

JEL classification: L00, O1

ОЦЕНКА ФАКТОРОВ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ¹

Д. А. Травникова

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-2096-6377>

Автор для корреспонденции: Д. А. Травникова (d.travnikova@mail.ru)

Аннотация. В статье проведен анализ показателей устойчивости социальной системы с точки зрения изменения показателей здоровьесбережения. Проводится оценка заболеваемости населения, динамики выявления социально-значимых заболеваний, количества больных наркоманией и алкоголизмом. Делаются выводы о состоянии системы здравоохранения в зависимости от этих трендов. Кроме того, в статье проведен анализ состояния инфраструктуры здравоохранения. Приводится понятие устойчивости здравоохранения как ключевого фактора социальной устойчивости страны и ее отдельных территорий. Проведен анализ реализуемых в Свердловской области проектов в сфере здравоохранения и демографии. Показана значимость реализации региональных проектов для развития здравоохранения и здоровьесбережения, учитывающих конкретную региональную специфику. В статье приведены целевые значения региональных проектов в сфере здравоохранения на 2022 год.

Ключевые слова: здравоохранение; устойчивость; устойчивое развитие; экономический рост; экономически активное население; заболеваемость населения

Statistical Analysis of the Healthcare System: Assessing Factors of Sustainable Socio-Economic Development of Russia

D. A. Travnikova

Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-2096-6377>

Corresponding author: D. A. Travnikova (d.travnikova@mail.ru).

Abstract. The article examines the indicators of the stability of the social system from the perspective of changes in health-saving indicators. Population morbidity, dynamics of the detection of socially significant diseases, number of patients with drug addiction and alcoholism are assessed. According to these trends, conclusions are drawn about the healthcare system. In addition, the paper analyses the state of the healthcare infrastructure. The concept of healthcare sustainability as a key factor of social sustainability of Russia and its regions is presented. Projects implemented in Sverdlovsk oblast in the field of healthcare and demography are analysed. The importance of the implementation of regional projects for the development of healthcare and health saving, taking into account regional specificity, is shown. The article presents the target values of regional health projects for 2022.

Keywords: healthcare; sustainability; sustainable development; economic growth; economically active population; population morbidity

Введение

Оценка устойчивого развития системы здравоохранения как фактора социальной стабильности и экономического роста, на наш взгляд, должна осуществляться по следующим направлениям:

¹ © Травникова Д. А. Текст. 2023.

- 1) Оценка динамики заболеваемости населения (общая и по конкретным заболеваниям);
- 2) Оценка динамики наркомании и алкоголизма;
- 3) Оценка динамики ВИЧ-инфекции;
- 4) Оценка динамики инвалидизации;
- 5) Оценка динамики количества организаций здравоохранения.

Именно сохранение экономического активного населения и его прироста является ключевой задачей устойчивого развития здравоохранения. На наш взгляд, тенденции развития системы здравоохранения в социально-демографическом и институционально-экономическом аспектах очень неоднозначны.

Материалы и методы

В теоретико-методологическом отношении автор статьи опирается на положения концепций устойчивого развития и теорий компаративного анализа систем здравоохранения¹ [1-7]. Во многом автор опирается на декларируемые Организацией Объединенных Наций нормы относительно устойчивости социально-экономических систем.² В статье используется анализ динамики показателей развития здравоохранения в России и в Свердловской области.

Результаты и обсуждение

Развитие системы здравоохранения в Российской Федерации обусловлено сложными процессами формирования технологической, институциональной и финансовой инфраструктуры оказания медицинской помощи. При этом основным препятствием развития выступают угрозы возникновения новых заболеваний, роста числа онкологических проблем и социальных явлений (таких как наркомания и алкоголизм). В 2021 году заболеваемость по всем видам болезней в России существенно возросла, что обусловлено пандемией коронавируса (рис. 1).

В период с 2000 по 2020 гг. наблюдается устойчивая тенденция роста числа зарегистрированных онкологических заболеваний, при этом в 2020–2021 гг. в силу роста нагрузки на систему здравоохранения в части использования ресурсов системы для целей борьбы с коронавирусной инфекцией произошел некоторый спад, связанный скорее с большим количеством не выявленных фактов заболеваемости. При условии, что пик роста пришелся на 2019 г. (рис. 2).

Аналогичная ситуация наблюдается и по заболеваниям системы кровообращения. Также пиковое значение по динамике в период с 2000 по 2021 гг. по числу зарегистрированных заболеваний приходится на 2019 г. При этом в 2020–2021 гг. в силу

¹Canadian Institute for Health Information (2016) National health expenditure trends. https://www.cihi.ca/sites/default/files/document/nhex-trends-narrative-report_2016_en.pdf (accessed on: 10.02.2023); Government of the United Kingdom (November 30, 2015) NHS Choices: what we do. <http://www.nhs.uk/aboutNHSChoices/aboutnhschoices/Pages/what-we-do.aspx> (accessed on 10.02.2023); Health Canada (2012). What is the population health approach? <http://www.phac-aspc.gc.ca/ph-sp/approach-approche/index-eng.php> (accessed on: 10.02.2023); International Health Conference (July 22, 1946) Constitution of the World Health Organization. Retrieved from: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/EN/constitutionen.pdf?ua=1> (accessed on: 10.02.2023).

²OECD. Health at a glance 2015: OECD indicators. Paris OECD Publishing, 2015; OECD (2016) OECD health statistics. <http://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode> (accessed on 10.02.2023); World Health Organization Europe (June 27, 2008) The Tallinn charter: Health systems for health and wealth. http://www.euro.who.int/data/assets/pdf_file/0008/88613/E91438.pdf?ua=1 (accessed on: 10.02.2023).

недостаточного внимания к заболеваниям системы кровообращения и активизации всех ресурсов системы здравоохранения на борьбу с коронавирусной инфекцией наблюдается снижение числа выявленных случаев (рис. 3).

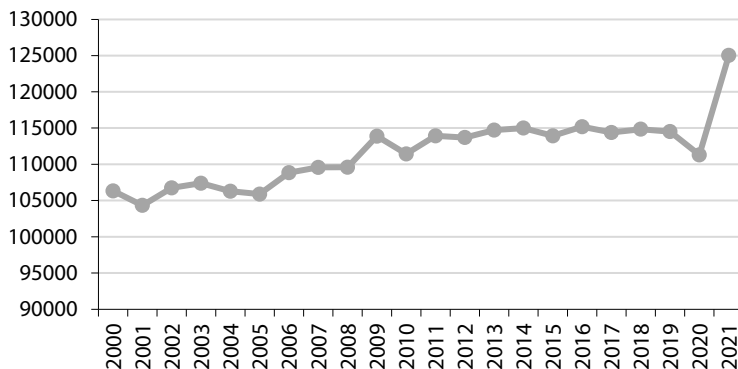

Рис. 1. Динамика заболеваемости в России в период с 2000 по 2021 гг. (в целом по всем зарегистрированным случаям), тыс. обращений (источник: Здравоохранение. Росстат — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

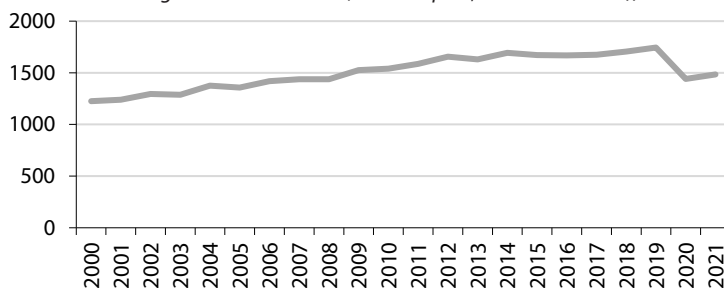

Рис. 2. Динамика онкологических заболеваний в России в период с 2000 по 2021 гг., тыс. обращений (источник: Здравоохранение. Росстат — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

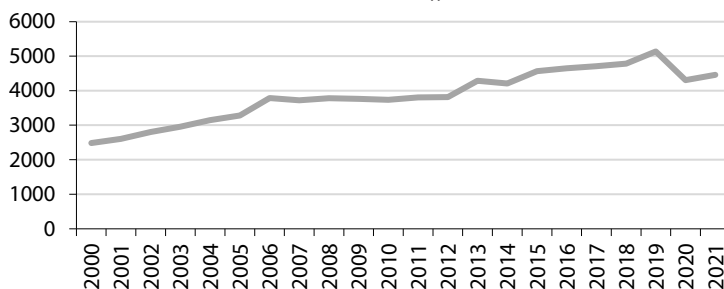

Рис. 3. Динамика заболеваемости болезнями системы кровообращения в России в 2000–2021 гг., тыс. обращений (источник: Здравоохранение. Росстат — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

Очевидно, что динамика заболеваемости органов дыхания существенно отличается от предыдущей инфографики, поскольку именно коронавирусная инфекция в 2020–2021 гг. стала основным регистрируемым заболеванием, что совершенно не означает снижение заболеваемости по другим болезням (рис. 4).

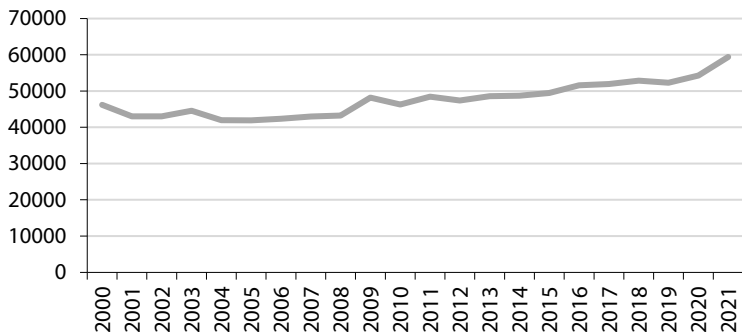

Рис. 4. Динамика заболеваемости по болезням органов дыхания в России в 2000–2021 гг., тыс. обращений (источник: *Здравоохранение. Росстат* — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

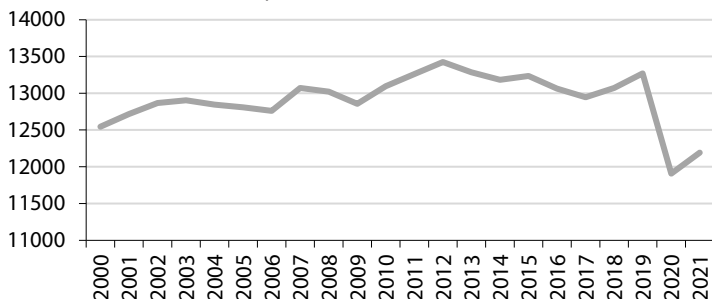

Рис. 5. Динамика внешних причин обращения в медицинские организации в России в 2000–2021 гг., тыс. обращений (источник: *Здравоохранение. Росстат* — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

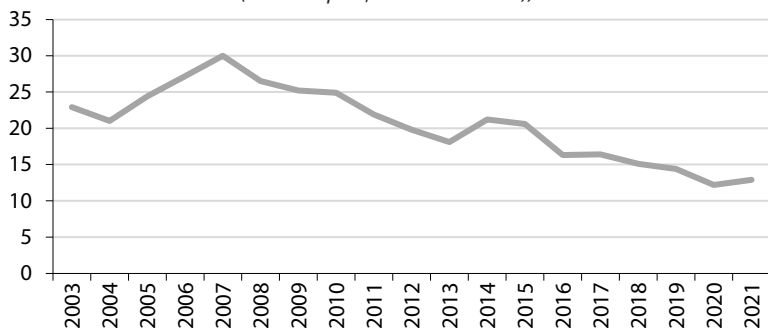

Рис. 6. Численность больных наркоманией, взятых под диспансерное наблюдение в течение года в России в 2003–2021 гг., тыс. чел. (источник: *Здравоохранение. Росстат* — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

Рис. 7. Общая численность больных наркоманией в России с 2003 по 2021 гг., тыс. чел. (источник: *Здравоохранение. Росстат* — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

Дадим оценку динамики травм и отравлений, а также случаев обращения в медицинские организации по внешним причинам, пиковое значение также пришлось на 2019 г., однако, в 2020–2021 гг. произошло резкое сокращение числа зарегистрированных случаев. На наш взгляд, ключевой причиной здесь стали объявляемые локауты, самоизоляция работников и снижение социально-экономической активности, а, следовательно, и травматизма (рис. 5).

Важнейшим аспектом становления здорового образа жизни и возникновения тенденций здоровьесбережения остается снижение численности больных наркоманией и алкоголизма в стране, данная тенденция показана далее (рис. 6).

В целом численность больных наркоманией снижается, при этом с 2009 г. это стало устойчивой тенденцией, что говорит об общем улучшении состояния социального здоровья общества и об эффективности мер профилактики (рис. 7).

Характеризуя алкоголизм как одну из существенных проблем устойчивого социального развития, нельзя не отметить стабильное сокращение численности больных алкоголизмом в России, при этом число лиц, поставленных на диспансерный учет сократилось по сравнению с 2003 г. почти в 5 раз, что говорит (даже при возможных ошибках в статистическом наблюдении) об исключительном успехе программ пропаганды здорового образа жизни и общем улучшении социально-психологического состояния общества (рис. 8).

Антиалкогольная кампания и меры «мягкой» силы в отношении общества со стороны государства приводят к значительным положительным результатам, что позволяет существенно сберечь экономически активное население, создавая потенциал роста валового внутреннего продукта (рис. 9).

Анализируя динамику ВИЧ, как одного из серьезных препятствующих устойчивости социальной системы факторов, также следует отметить неравномерность развития данного негативного явления. При пике в 2015 г., с 2015 г. по 2021 г. наблюдается неуклонное снижение количества зарегистрированных случаев ВИЧ в России (рис. 10).

Анализ количества лиц, признанных инвалидами, показывает, что наблюдается тенденция снижения количества данных лиц с 2000 г. по 2021 г., что можно оценить

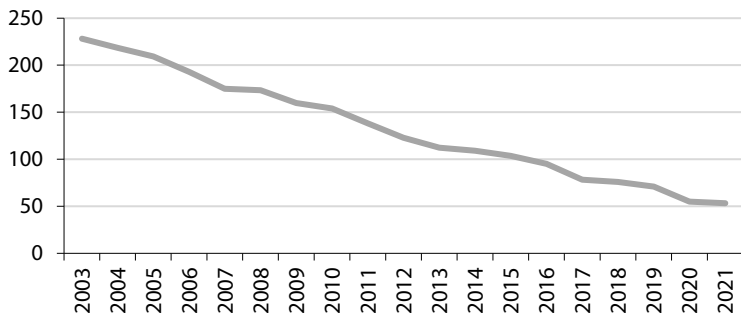

Рис. 8. Численность больных алкоголизмом, взятых под диспансерное наблюдение в течение года в России в 2003–2021 гг. (источник: *Здравоохранение. Росстат* — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

Рис. 9. Общая численность больных алкоголизмом в России с 2003 по 2021 гг. (источник: *Здравоохранение. Росстат* — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

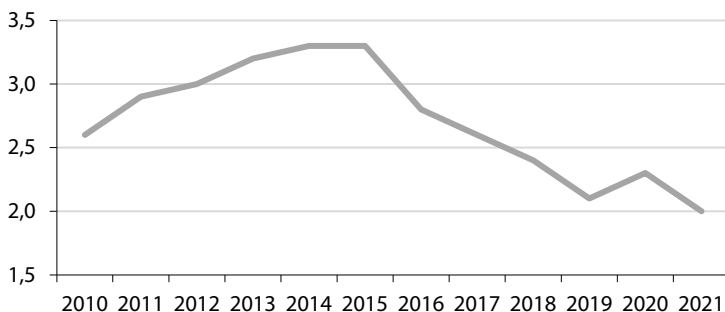

Рис. 10. Число зарегистрированных в течение года случаев ВИЧ в России в 2010–2021 гг. на 100 тыс. чел. (источник: *Здравоохранение. Росстат* — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

как исключительно позитивное явление, однако, возможно, что изменение методики признания инвалидами также могло привести к латентной (невывяляемой) инвалидности, что можно оценить негативно (рис.11).

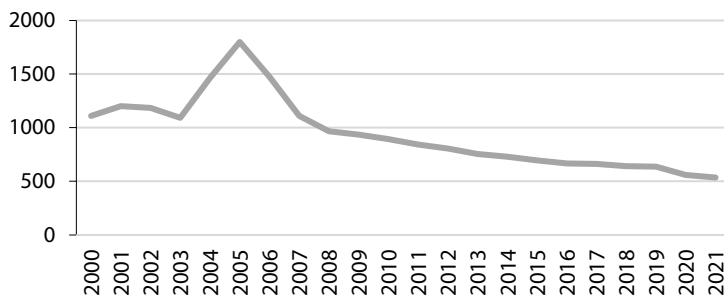

Рис. 11. Число лиц, признанных инвалидами впервые, в течение года в России в 2010–2021 гг., тыс. чел. (источник: *Здравоохранение. Росстат* — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

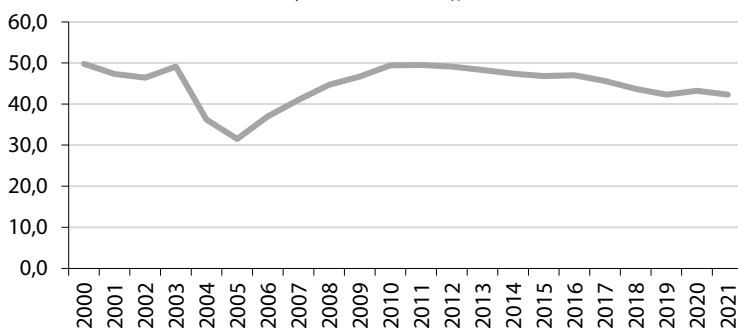

Рис. 12. Динамика доли инвалидов трудоспособного возраста в общем числе инвалидов в России в 2000–2021 гг., % (источник: *Здравоохранение. Росстат* — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

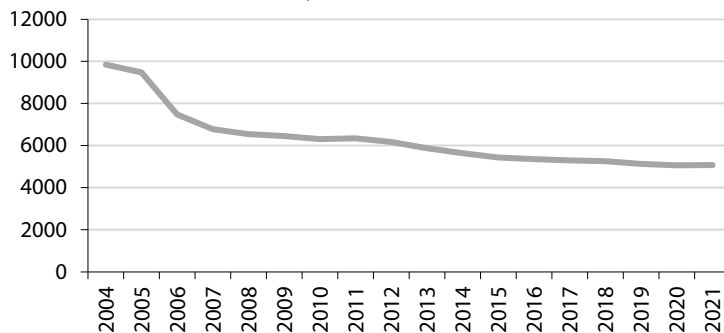

Рис. 13. Динамика числа больничных организаций в России в 2004–2021 гг. (источник: *Здравоохранение. Росстат* — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

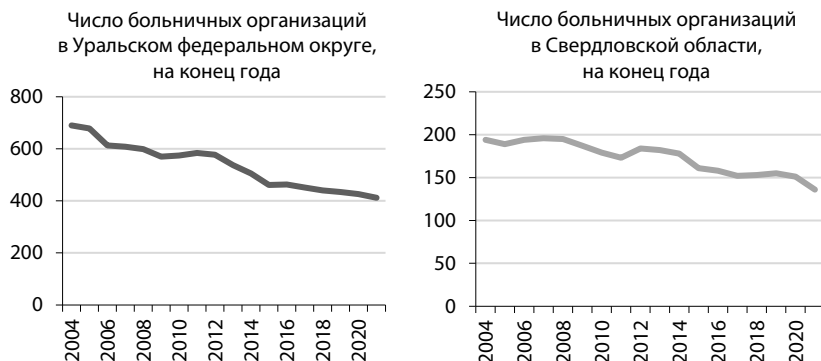

Рис. 14. Динамика числа больничных организаций в Уральском федеральном округе и Свердловской области в 2004–2021 гг. (источник: *Здравоохранение. Росстат* — 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023))

Важное значение также имеет, на наш взгляд, оценка динамики доли инвалидов трудоспособного возраста, поскольку ее сокращение является положительной тенденцией для обеспечения экономического роста за счет увеличения экономической активности населения. Однако, стоит отметить, что здесь имеется неоднозначная тенденция — доля колеблется в границах 42–50 % (рис. 12).

Развитие системы здравоохранения в современных условиях связано с сокращением количества больничных организаций и их укрупнением. Поэтому наблюдается отрицательная динамика числа больничных организации в России в 2004–2021 гг., что показано на рисунке 13.

В целом подобная тенденция наблюдается как на уровне Уральского федерального округа, так и на уровне Свердловской области (рис. 14).

Заключение

В настоящий момент в Свердловской области для целей повышения устойчивости регионального социально-экономического развития обеспечивается реализация национальных и региональных проектов в области здравоохранения.

В рамках реализации национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография» реализуется 11 проектов:

«Здравоохранение»

- 1) «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи»;
- 2) «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями»;
- 3) «Борьба с онкологическими заболеваниями»;
- 4) «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи»;
- 5) «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами»;
- 6) «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)» (ответственный исполнитель — Министерство цифрового развития и связи Свердловской области);
- 7) «Развитие экспорта медицинских услуг»;

8) «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации (Свердловская область)».

«Демография»:

1) «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек»;

2) «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан пожилого возраста «Старшее поколение» Свердловской области» (ответственный исполнитель — Министерство социальной политики Свердловской области);

3) «Финансовая поддержка семей при рождении детей» (ответственный исполнитель — Министерство социальной политики Свердловской области).

Для повышения эффективности социально-экономической системы региона необходимо акцентировать внимание на развитии здравоохранения и здоровьесберегающих технологий. Например, в Свердловской области реализуется программа модернизации первичного звена здравоохранения, направленная на совершенствование институциональных и инфраструктурных условий оказания медицинской помощи населению территории.

Список источников

[1] *Ерохина Т. В.* Государственное управление здравоохранением в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14, Саратов, 2006. 216 с.

[2] *Куделя Е. Д.* Управление здравоохранением в Российской Федерации: Организационно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14, Кисловодск, 2002. 199 с.

[3] *Блинов П. С.* Формирование и развитие системы предоставления платных медицинских услуг: дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05, Самара, 2009. 180 с.

[4] *Петров Д. А.* Формирование и развитие хозяйственного механизма предоставления услуг здравоохранения: дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05, Самара, 2005. 200 с.

[5] Five types of OECD healthcare systems: empirical results of a deductive classification / K. Böhm, A. Schmid, R. Götze, C. Landwehr, H. Rothgang // *Health Policy*. 2013. No. 113. P. 258–269. <http://doi.org/10.1016/j.healthpol.2013.09.003>

[6] *Camillo A. C.* The US healthcare system: complex and unequal // *Global Social Welfare*. 2016. No. 3. P. 151–160. <http://doi.org/10.1007/s40609-016-0075-z>

[7] *Grogan C. M.* Diffusion of ACA policies across the American states // *Journal of Health Politics, Policy and Law*. 2017. Vol. 42, No. 2 P. 205–209. <http://doi.org/10.1215/03616878-3766691>

[8] *Comparative studies & the politics of modern medical care* / ed. by T. R. Marmor, R. Freeman, K. G. H. Okma. Yale University Press, New Haven, 2009. 353 p.

[9] *Marchildon G. P.* Canada: health system review // *Health Systems in Transition*. 2013. No. 15(1). P. 1–179.

[10] *Marmor T. R., Freeman R., Okma K. G. H.* Comparative policy analysis and health care: an introduction // *Comparative Studies and the Politics of Modern Medical Care* — New Haven, CT, 2009. <http://doi.org/10.12987/yale/9780300149838.003.0001>

[11] *Zelmer J.* Beyond pilots: scaling and spreading innovation in healthcare // *Healthcare Policy*. 2015. No. 11. P. 8–12. <http://doi.org/10.12927/hcpol.2016.24452>

References

[1] *Erokhina T. V.* Public health management in the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.14. Saratov, 2006. 216 p.

[2] *Kudelya E. D.* Healthcare management in the Russian Federation: Organizational and legal research: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.14. Kislovodsk, 2002. 199 p.

[3] *Blinov P.v.S.* Formation and development of the system of providing paid medical services: dis. ... candidate of Economics. Sciences: 08.00.05. Samara, 2009. 180 p.

[4] *Petrov D. A.* Formation and development of the economic mechanism for the provision of health services: dis. ... candidate of Economics. Sciences: 08.00.05. Samara, 2005. 200 p.

[5] Five types of OECD healthcare systems: empirical results of a deductive classification / K. Böhm, A. Schmid, R. Götze, C. Landwehr, H. Rothgang // *Health Policy*. 2013. No. 113. P. 258–269. <http://doi.org/10.1016/j.healthpol.2013.09.003>

[6] *Camillo A. C.* The US healthcare system: complex and unequal // *Global Social Welfare*. 2016. No. 3. P. 151–160. <http://doi.org/10.1007/s40609-016-0075-z>

[7] *Grogan C. M.* Diffusion of ACA policies across the American states // *Journal of Health Politics, Policy and Law*. 2017. Vol. 42, No. 2 P. 205–209. <http://doi.org/10.1215/03616878-3766691>

[8] Comparative studies & the politics of modern medical care / ed. by T. R. Marmor, R. Freeman, K. G. H. Okma. Yale University Press, New Haven, 2009. 353 p.

[9] *Marchildon G. P.* Canada: health system review // *Health Systems in Transition*. 2013. No. 15(1). P. 1–179.

[10] *Marmor T. R., Freeman R., Okma K. G. H.* Comparative policy analysis and health care: an introduction // *Comparative Studies and the Politics of Modern Medical Care* — New Haven, CT, 2009. <http://doi.org/10.12987/yale/9780300149838.003.0001>

[11] *Zelmer J.* Beyond pilots: scaling and spreading innovation in healthcare // *Healthcare Policy*. 2015. No. 11. P. 8–12. <http://doi.org/10.12927/hcpol.2016.24452>

Информация об авторах

Травникова Дарья Александровна — соискатель кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет; <https://orcid.org/0000-0002-2096-6377> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45; e-mail: d.travnikova@mail.ru).

About the authors

Darya A. Travnikova — PhD Candidate Department of Regional and Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics; <https://orcid.org/0000-0002-2096-6377> (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: d.travnikova@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-6-5>

УДК 316.334.3

JEL classification: I18

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ¹

Е. А. Хомутова ^а, В. С. Кириленко ^б

^{а, б} Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ (г. Шахты, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0002-0968-2023>

Автор для корреспонденции: Е. А. Хомутова (demidenko733@bk.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены демографические вызовы и проблемы системы здравоохранения Российской Федерации, представлены возможные пути решения данных проблем. Определены причины стагнации фармакологической отрасли и приведены примеры халатности в медицинских учреждениях. Сделан вывод о необходимости увеличения финансирования медицинских учреждений и разработке устойчивого механизма доступа к надежной информации для принятия решений. Приведены направления развития современной цифровой медицины и перечислены преимуществ цифровой трансформации в здравоохранении.

Ключевые слова: здравоохранение; сектор; демографические вызовы; медицинское учреждение; демографические процессы

Russian National Healthcare System: Demographic Challenges, Problems and Ways to Solve Them

Е. А. Khomutova ^а, V. S. Kirilenko ^б

^{а, б} Institute of Service Sector and Entrepreneurship DSTU (Shakhty, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-0968-2023>

Corresponding author: Е. А. Khomutova (demidenko733@bk.ru)

Abstract. The article considers demographic challenges and problems of the Russian healthcare system and presents possible ways to solve them. The reasons for the stagnation of the pharmacological industry are determined, examples of negligence in medical institutions are presented. It is concluded that it is necessary to increase the financing of medical institutions and develop a sustainable mechanism for access to reliable information for decision-making. The directions for the development of modern digital medicine are given and the advantages of digital transformation in healthcare are listed.

Keywords: healthcare; sector; demographic challenges; medical institution; demographic processes

Введение

На сегодняшний день работа сектора здравоохранения страны играет большую роль в снижении смертности населения и укреплении здоровья граждан. В 2022 г. российский сектор здравоохранения столкнулся с новыми трудностями: в то время как пандемия коронавируса, длившаяся два года, пошла на спад и перестала перенаправлять системные ресурсы, проблемы, связанные с импортом медикаментов и медицинских изделий, обострились. Это хотя и замедлило, но не остановило реализацию ряда государственных проектов, призванных улучшить регулирование обращения с гражданами.

¹ © Хомутова Е. А., Кириленко В. С. Текст. 2023.

Основная часть

По официальным данным Минздрава и Роспотребнадзора, с начала пандемии в России коронавирусом заразились более 18 млн чел., из которых почти 400 тыс. чел. умерли непосредственно от этого заболевания. Однако в мировом рейтинге стран с наибольшим количеством подтвержденных случаев заражения Россия оказалась лишь на седьмом месте. На первом месте — США (более 80 млн чел.), за ними следуют Индия (43 млн) и Бразилия (30 млн). В общей сложности в мире было зарегистрировано более 504 млн случаев заражения и более 6 млн смертей.

Всемирная организация здравоохранения является частью Организации Объединенных Наций. Она была сформирована в том же году, что и Организация Объединенных Наций в 1948 г. В организации работает около 7000 сотрудников в шести региональных отделениях и 150 отделениях на местах. На сегодняшний день она насчитывает 193 государства-члена, а источник финансирования поступает из стран участников и пожертвований от благотворительных учреждений.

ВОЗ, несомненно, несет большую ответственность за обеспечение здоровых обществ в странах мира. Некоторые из традиционных функций этой организации включают пропаганду всеобщего здравоохранения и мониторинг рисков для здоровья населения. Обязанности международной организации простираются до предоставления рекомендаций и стандартизированных руководящих принципов политики в области здравоохранения странам и реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения.

Учитывая тот факт, что это глобальная чрезвычайная ситуация, роль организации в основном заключается в реагировании или противодействии пандемии, которая вызвала глобальную катастрофу во всем мире. Одна из ее главных ролей в течение этого времени заключается в том, чтобы давать точные предупреждения своим государствам-членам об этом ожидаемом риске для здоровья и формировать руководящие принципы его предотвращения.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что в эти трудные времена ВОЗ, учитывая ее обширную глобальную сеть и компетентный персонал, играет первостепенную роль в доведении до мировой общестственности информации. Для выполнения этой роли ВОЗ использует свой веб-сайт и платформы социальных сетей для распространения обновлений по всему миру.

Всемирная организация здравоохранения в течение определенного времени играет решающую роль в организации, оказании помощи, проведении исследований и представлении докладов о разработке потенциальных лекарств и вакцин.

С учетом прилагаемых усилий можно видеть, что ВОЗ проводит жизненно важную постоянную работу по расширению здравоохранения, улучшению систем охраны материнского здоровья, развертыванию программ вакцинации и поддержке слабых систем здравоохранения, что имеет важное значение для обеспечения того, чтобы кризис в области здравоохранения не обострился дальше.

На сегодняшний день существуют следующие проблемы и демографические вызовы:

- высокая преждевременная смертность населения, особенно мужчин;
- сокращение рождаемости;
- неудовлетворительные показатели здоровья детей;
- большой процент заболеваемости населения;
- высокий рост коррупции в секторе здравоохранения;

- низкая квалификация врачей;
- отсутствие либо старение медицинского оборудования;
- стагнация фармакологической отрасли;
- врачебная халатность.

Смертность населения, сокращение рождаемости — это сокращение численности населения, также известное как депопуляция, представляет собой сокращение с течением времени числа граждан, живущих в какой-либо конкретной стране, городе или другой географической области. Сокращение численности населения может быть вызвано одной или комбинацией многих возможных тенденций, включая старение, эмиграцию, рождаемость и / или коэффициенты рождаемости ниже коэффициента воспроизводства населения, высокие показатели младенческой смертности из-за недостаточно развитых систем здравоохранения и высокие показатели смертности из-за войн и насилия, болезней или других катастроф.

Статья 41 Конституции РФ гарантирует бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, а именно помощь за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. Средства выделяются, суммы увеличиваются, но нередко получить эффективную бесплатную медицинскую помощь гражданам затруднительно, а в некоторых случаях совсем невозможно по причине коррупции, которая процветает в здравоохранении. В последнее время сфера здравоохранения, продолжает занимать лидирующие позиции, входит в тройку самых коррумпированных¹.

Фармакология — это специфическая сфера здравоохранения со своими понятиями, закономерностями. Поэтому причинами стагнации фармакологической отрасли являются:

- отток специалистов за рубеж;
- недостаточное инвестирование;
- дороговизна разработки новых лекарств;
- длительный срок разработки нового лекарственного средства;
- наличие дженериков;
- проблемы финансирования разработок лекарственных препаратов [1].

Люди идут в больницу, ожидая быть в безопасности. Они хотят наилучшего ухода, который поможет им выздороветь или оправиться от травмы. Но к сожалению, возникают случаи медицинской халатности, когда пациенту не предоставляется эта защита. Эти ситуации могут быть опасными.

Рассмотрим, какие бывают случаи халатности в медицинских учреждениях:

1. Если работник больницы не следовал указаниям лечащего врача. В больнице есть сотрудники, которые должны заботиться о пациенте. Во время пребывания пациента в больнице ему может быть рекомендовано соблюдать определенную диету или режим упражнений. Если персонал не будет следовать этим инструкциям, это может привести к осложнениям или к большой боли и страданиям пациента после того, как он покинет больницу [2].

2. Ошибки при приеме лекарств. Персонал больницы должен быть осведомлен об аллергии, противопоказаниях и других предостережениях относительно лекарства,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.

назначаемого пациентам. Эта информация поможет им правильно вводить лекарство. Ошибки при приеме лекарств могут привести к травмам, от простой передозировки до чрезмерного или недостаточного использования препарата.

Это может привести к тому, что пациент пострадает от значительных осложнений и приведет к развитию опасных для жизни состояний. Перед введением любого лекарства медсестра должна тщательно ознакомиться с информацией, прилагаемой к лекарству [3].

3. Если раны не были обработаны должным образом, затем развилась инфекция. Больница несет ответственность, если у пациента есть рана, которая неправильно очищена, из-за чего развивается инфекция. К травмам следует относиться серьезно любому персоналу больницы. Рана должна быть тщательно очищена, если она загрязняется микробами, особенно если кожа человека повреждена.

После очистки рана должна быть покрыта, чтобы сохранить ее чистой. Лечение инфекции может потребовать от человека длительного пребывания в больнице. За это время существует риск того, что инфекция может распространиться на другие участки тела, что может осложнить лечение.

4. Ошибочный диагноз или отсроченная диагностика. Больница должна иметь систему для персонала, чтобы гарантировать, что каждый пациент диагностирован правильно. Тестирование, диагностика и лечение должны быть сделаны быстро, чтобы избежать ненужных страданий пациента. Ошибочный диагноз или отсроченная диагностика могут значительно повлиять на качество жизни пациента [4].

Примером ошибочного диагноза может быть назначение врачом лекарства от болезни, которой у пациента не было. Первоначальные результаты теста могут быть вводящими в заблуждение или неправильными, и врач может использовать эти ложные результаты, чтобы поставить неправильный диагноз [5].

Если врач чувствует, что необходимы последующие тесты, он должен сообщить о своих проблемах пациенту и его близким. Врач должен быть готов подождать, пока результаты не будут получены, прежде чем назначать препарат или принимать какое-либо другое решение о лечении. Когда человек получает травму из-за халатности больницы или медицинского работника, он имеет полное право подать иск о компенсации [6].

Для решения вышеуказанных проблем необходимо реализовать следующие области сектора здравоохранения:

- научно обоснованное (исходя из приоритетов) справедливое распределение ресурсов между группами пациентов;
- дополнительное нормирование затрат и объемов медицинской помощи;
- централизация финансирования с переходом на оплату по смете медицинских организаций;
- выравнивание базовых окладов медицинских работников регионов до уровня городов федерального значения;
- создание системы всеобщего лекарственного обеспечения населения в амбулаторных условиях;
- повышение качества высшего и среднего профессионального медицинского образования, а также управленческих кадров в здравоохранении;
- увеличение финансирования медицинской науки и создание централизованной системы управления НИР на уровне РАН и Минздрава России [7].

Рассмотрим векторы развития современной цифровой медицины. Она необходима для улучшения качества оказания медицинских услуг, скорости и оперативности обслуживания и увеличения продолжительности жизни.

Вот лишь пять преимуществ цифровой трансформации в медицине:

- взаимодействие с пациентами улучшается;
- создаются защищенные базы данных;
- повышается точность;
- упрощается управление данными.
- производительность растет.

В качестве примеров цифровой медицины можно привести следующие достижения:

- электронные медицинские записи;
- облачные системы безопасности;
- большие данные;
- приложения для здоровья и хорошего самочувствия;
- медицинские устройства на базе интернета вещей;
- мобильные устройства для мониторинга состояния здоровья;
- инструменты телемедицины [8].

С большим количеством людей, оставшихся дома во время пандемии, цифровое здравоохранение стало важнейшим инструментом в уходе за пациентами, и его использование будет только расширяться. Лидеры здравоохранения стремятся к большему росту цифрового здравоохранения — 80 % систем сообщают, что они планируют увеличить инвестиции в течение следующих пяти лет. С такой приверженностью со стороны лидеров отрасли цифровое здравоохранение будет оставаться важной сферой в будущем [9].

Заключение

Будущее здравоохранения в значительной степени обусловлено спросом пациентов на недорогую и доступную медицинскую помощь. Такие технологии, как машинное обучение и обработка данных, предложат автоматизированные решения традиционно дорогих и своевременных задач, предлагая пациентам и поставщикам медицинских услуг больше информации для разработки персонализированных планов лечения.

Подводя итог, необходимо отметить, что отрасль здравоохранения сталкивается со многими изменениями, которые создают новые проблемы для медицинских организаций, больших и малых. В частности, быстро развивающееся государственное регулирование, восстановление после пандемии COVID-19, технологические инновации и ожидания пациентов создают новую среду, в которой ведение медицинской практики включает в себя больше, чем просто лечение пациентов.

Список источников

[1] Беловодский А. А. Здравоохранение в России: проблемы и пути решения // Современные наукоемкие технологии. 2009. № 11. С. 21-27.

[2] Цуканова Н. Е. Демографические процессы в России: современное состояние и прогнозирование // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 27. <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-protsessy-v-rossii-sovremennoe-sostoyanie-i-prognozirovanie> (дата обращения: 15.01.2023).

[3] Всемирная организация здравоохранения о тенденциях здравоохранения в мире // Медицинские новости. 2015. № 6(249). <https://cyberleninka.ru/article/n/vsemirnaya-organizatsiya-zdravoohraneniya-o-tendentsiyah-zdravoohraneniya-v-mire> (дата обращения: 15.01.2023).

[4] *Леонтьев Н. А., Грибко С. С.* Коррупция в системе здравоохранения // БМИК. 2016. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-sisteme-zdravoohraneniya> (дата обращения: 16.01.2023).

[5] *Журавлев М. С.* Электронное здравоохранение: становление и развитие // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-zdravoohranenie-stanovlenie-i-razvitie> (дата обращения: 16.01.2023).

[6] *Ковелина Т. А., Марухно В.М., Собынин А.В.* Новеллы законодательства в сфере здравоохранения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. <https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-zakonodatelstva-v-sfere-zdravoohraneniya> (дата обращения: 16.01.2023).

[7] Здравоохранение России 2022–2023 гг.: неотложные меры в условиях особого положения в экономике и социальной сфере. Проблемы и предложения. Версия от 08.04.2022 // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2022. Т. 8, № 2. С. 22–47. <https://doi.org/10.33029/2411-8621-2022-8-2-4-21>

[8] *Феоктистов А. В., Скворцова Е. Н.* Тенденции развития законодательства в сфере охраны здоровья и оказания медицинской помощи // Наука. Общество. Государство. 2020. № 3(31). <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-zakonodatelstva-v-sfere-ohrany-zdorovya-i-okazaniya-meditsinskoj-pomoschi> (дата обращения: 16.01.2023).

[9] *Перхов В. П.* Показатели для оценки программ в области общественного здравоохранения // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2020. № 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-dlya-otsenki-programm-v-oblasti-obschestvennogo-zdravoohraneniya> (дата обращения: 16.01.2023).

References

[1] *Belovodsky A. A.* Healthcare in Russia: problems and solutions // Modern high technologies. 2009. No. 11. P. 21–27.

[2] *Cukanova N. E.* Demographic processes in Russia: the current state and forecasting // National interests: priorities and security. 2011. No. 27. <https://cyberleninka.ru/article/n/demografichesk-protsessy-v-rossii-sovremennoe-sostoyanie-i-prognozirovanie> (accessed on: 15.01.2023).

[3] World Health Organization about health trends in the world // Medical News. 2015. No. 6(249). <https://cyberleninka.ru/article/n/vsemirnaya-organizatsiya-zdravoohraneniya-o-tendentsiyah-zdravoohraneniya-v-mire> (accessed on: 15.01.2023).

[4] *Leontiev N. A., Gribko S. S.* Corruption in the healthcare system // Bulletin of Medical Internet Conferences. 2016. No. 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-sisteme-zdravoohraneniya> (accessed on: 16.01.2023).

[5] *Zhuravlev M. S.* E-Health: Establishment and Development // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-zdravoohranenie-stanovlenie-i-razvitie> (accessed on: 16.01.2023).

[6] *Kovelina T. A., Marukhno V. M., Sobyenin A. V.* Legislative innovation in the field of healthcare // Humanities, social-economic and social sciences. 2020. No. 6. <https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-zakonodatelstva-v-sfere-zdravoohraneniya> (accessed on: 16.01.2023).

[7] Healthcare in Russia 2022–2023: emergency measures in the context of the special situation in economy and social sphere. Issues and proposals // Healthcare Management: News. Views.

Education. Bulletin of VSHOUZ. 2022. Vol. 8, No. 2. P. 22-47. <https://doi.org/10.33029/2411-8621-2022-8-2-4-21>

[8] *Feoktistov A. V., Skvortsova E. N.* Trends in the development of legislation in the field of health protection and medical care // Science. Society. State. 2020. No. 3(31). <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-zakonodatelstva-v-sfere-ohrany-zdorovya-i-okazaniya-meditsinskoj-pomoschi> (accessed on: 16.01.2023).

[9] *Perkhov V. P.* Indicators for assessment of programs in the field of public health care // Current problems of health care and medical statistics. 2020. No. 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-dlya-otsenki-programm-v-oblasti-obschestvennogo-zdravoohraneniya> (accessed on: 16.01.2023).

Информация об авторах

Хомутова Екатерина Александровна — студент 4 курса факультета «Юриспруденции, социальных технологий и психологии», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ; <https://orcid.org/0000-0002-0968-2023> (Российская Федерация, 346500, г. Шахты, ул. Шевченко, 147; e-mail: demidenko733@bk.ru).

Кириленко Виктория Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовно-правовое дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ (Российская Федерация, 346500 г. Шахты, ул. Шевченко, 147; e-mail: demidenko733@bk.ru).

About the authors

Ekaterina A. Khomutova — Student, Faculty of Jurisprudence, Social Technologies and Psychology, Institute of Service Sector and Entrepreneurship DSTU; <https://orcid.org/0000-0002-0968-2023> (147, Shevchenko St., Shakhty, 346500, Russian Federation; e-mail: demidenko733@bk.ru).

Victoria S. Kirilenko — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Discipline, Institute of Service Sector and Entrepreneurship DSTU (147, Shevchenko St., Shakhty, 346500, Russian Federation; e-mail: demidenko733@bk.ru).

VII. СЕМЬЯ, СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И РОДИТЕЛЬСТВО

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-1>

УДК 314.15

JEL classification: J13, J18, J88

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ РОССИЙСКИХ РОДИТЕЛЕЙ О СИСТЕМЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ОТПУСКОВ: ОЦЕНКА ОБЪЕМОВ И ФОРМАТОВ¹

А. П. Багирова ^а, Н. Д. Бледнова ^б, А. В. Нешатаев ^в

^{а, б, в} Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0001-5653-4093>

^б <https://orcid.org/0000-0001-5362-7905>

^в <https://orcid.org/0000-0002-0145-7841>

Автор для корреспонденции: А. П. Багирова (a.p.bagirova@urfu.ru)

Аннотация. Одним из инструментов поддержки семей с детьми рассматривается перспектива трансформации системы родительских отпусков. Цель исследования состоит в оценке информированности населения, имеющего право на отпуск по уходу за ребенком, о законодательно установленной системе родительских отпусков и ее возможностях. В качестве метода сбора информации использовался опрос родителей, имеющих детей в возрасте до 1,5 лет. Основные выводы таковы: 1) информированность родителей о возможностях гибко пользоваться этими отпусками находится на достаточно низком уровне. Родители с более высоким уровнем образования и женщины лучше осведомлены о мерах в отношении родительских отпусков; 2) основное информирование родителей происходит через справочно-информационные интернет-порталы, СМИ и знакомых; выявлена специфика форматов для групп населения разного пола и уровня образования; 3) определены конкретные фокусы информации, на которых сосредоточены самые распространенные каналы информирования, выявлены тематические лакуны, о которых информация через эти каналы не поступает. Результаты исследования могут использоваться для совершенствования информационной составляющей демографической политики, в работе государственных органов, обсуждающих перспективы трансформации системы родительских отпусков.

Ключевые слова: родительский отпуск; отпуск по уходу за ребенком; информированность о мерах политики; политика родительских отпусков; родители, имеющие право на отпуск по уходу за ребенком

Awareness of Russian Parents about the Parental Leave System: Assessment of Volumes and Formats

A. P. Bagirova ^а, N. D. Blednova ^б, A. V. Neshataev ^в

^{а, б, в} Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0001-5653-4093>

^б <https://orcid.org/0000-0001-5362-7905>

^в <https://orcid.org/0000-0002-0145-7841>

Corresponding author: A. P. Bagirova (a.p.bagirova@urfu.ru)

Abstract. Transformation of the parental leave system is seen as one of the mechanisms to support families with children. The study aims to assess the awareness of the population entitled to parental leave about the legally established system of parental leaves and its possibilities. As a method of collecting infor-

¹ © Багирова А. П., Бледнова Н. Д., Нешатаев А. В. Текст. 2023.

mation, a survey of parents with children under the age of 1.5 years was used. The main conclusions are as follows. First, parents' awareness of the possibilities to use parental leave flexibly is at a rather low level. More educated parents and women are more aware of parental leave arrangements. Second, the informing of parents mainly occurs through informational Internet portals, the media and acquaintances; the specificity of formats for population groups of different sex and level of education was revealed. Third, specific informational areas, on which the most common channels of information are focused, are identified; thematic gaps are revealed. The results of the study may be used to improve the informational component of demographic policy, as well as in the activities of public authorities who discuss the prospects for transforming the parental leave system.

Keywords: parental leave; childcare leave; awareness of policy measures; parental leave policy; parents entitled to parental leave

Введение

В современных реалиях, связанных со снижением показателей рождаемости почти во всех российских регионах, усилением государственной демографической политики, направленной на повышение рождаемости через поддержку семей с детьми, особую актуальность приобретает поиск новых инструментов поддержки — апробированных и доказавших эффективность в других странах, но при этом соответствующих современному российскому контексту. В качестве одного из таких инструментов в России в последнее время стала рассматриваться перспектива трансформации системы родительских отпусков.

Говоря о системе родительских отпусков, мы имеем в виду три их основных вида: материнский отпуск (отпуск по беременности и родам), родительский отпуск (отпуск по уходу за ребенком), отцовский отпуск (в ряде стран выделяемый в отдельный вид отпуска). Отметим, что в нашей стране, несмотря на отсутствие законодательно выделенного отцовского отпуска, его возможность принципиально присутствует — в Трудовом кодексе РФ закреплено право использования отцом отпуска по уходу за ребенком. Таким образом, согласно российскому законодательству, отцовский отпуск является не обязанностью, а правом отца ребенка. Таким образом, наша страна занимает промежуточное положение между странами, в которых отцы не имеют права воспользоваться отпуском по уходу за ребенком, и странами, в которых отцовские отпуска являются обязанностью.

По инициативе Общественной палаты РФ сейчас активно обсуждается вопрос о введении более гибкой системы родительских отпусков. Речь идет о предоставлении родителям выбора между продолжительностью отпуска и суммой пособия, который, как предполагается, может варьироваться в континууме между двумя моделями: длительный отпуск при низком пособии и короткий отпуск при высокой сумме пособия. 1 июля 2022 г. Общественной палатой РФ был организован круглый стол «Декретный отпуск как механизм поддержки рождаемости и работающих родителей», на котором было отмечено, что введение механизма гибкого отпуска по уходу за ребенком обеспечит родителям, воспитывающим ребенка в возрасте до 1,5 лет, право такого выбора. Другая возможная мера, которую обсуждают сегодня демографы, предполагает модернизацию системы декретных отпусков через введение дней, выделенных специально для отцов, которые не могут быть переданы другому родственнику.

Эти меры, делающие систему родительских отпусков гибкой, наряду с рядом других (возможность использовать отпуск по уходу за ребенком двумя родителями одновременно, возможность выбора конкретного периода использования полагающихся дней отпуска и др.), уже апробированы во многих странах мира. Однако о возможности их

законодательного закрепления в России впервые зашла речь только сейчас, в период обострившегося демографического кризиса.

Цель нашего исследования состоит в оценке информированности той категории российского населения, которая имеет право на отпуск по уходу за ребенком, о существующей в нашей стране законодательно установленной системе родительских отпусков и ее возможностях. Гипотезами исследования выступают низкая информированность населения об отдельных мерах политики в отношении родительских отпусков и преобладание недостоверных каналов получения информации об этом.

Обзор литературы

Тема родительских отпусков, их гибкости, использования ее возможностей сегодня активно изучается в зарубежной социологии. Эта тема рассматривается как важная составляющая социальной, семейной, демографической, гендерной политики, политики в сфере занятости на рынке труда. Часто она используется в политической повестке — трансформация системы рассматривается как возможность достижения лидерства политическими партиями [1].

Среди наиболее актуальных исследовательских проблем в зарубежной науке сегодня фигурируют темы отцовской вовлеченности в систему родительских отпусков [2], отношения к ним отцов [3], матерей [4], работодателей [5], влияния политики в отношении родительских отпусков на уровень гендерного равенства [6], поддержки системы родительских отпусков рынком труда [7], поиска и приоритизации целей политики в отношении родительских отпусков, в качестве которых могут рассматриваться как повышение рождаемости [8], так и повышение уровня жизни семей с детьми [9], и т. д.

Отметим, что в России, по результатам анализа РИНЦ, научные статьи по проблематике отпусков по уходу за ребенком чаще всего лежат в области юриспруденции, в них рассматриваются конкретные прикладные правовые аспекты выхода женщин из отпусков [10, 11], правовые аспекты трансформации практики использования отцами права на отпуск [12] и др. Другой достаточно большой пласт исследований связан с особенностями начисления пособий в период отпуска по уходу за ребенком и их отражением в бухгалтерском учете организации [13]. Еще один заметный исследовательский фокус связан с изучением психологических особенностей женщин, пребывающих в отпусках по уходу за ребенком [14, 15]. Исследования, в которых выяснялись социальные настроения, оценки родителей, находящихся в отпусках по уходу за ребенком, мнения о предоставляемых в этот период государственных мерах, являются единичными. Мы своим исследованием стремимся заполнить этот пробел.

Материалы и методы

Нами проведен социологический опрос родителей, имеющих детей в возрасте до 1,5 лет. Размер выборочной совокупности составил 1000 человек, опрос проводился в мае-июне 2022 г. Он охватывал практически все субъекты РФ. Для опроса мы воспользовались возможностями онлайн-панелей, которые используют целый ряд процедур для повышения надежности собираемых данных (проверка заполненных анкет на критерии затрат времени на опрос, исключение противоречивости ответов в логически связанных вопросах, анализ ответов на вопросы-ловушки, оценка линейности заполнения табличных вопросов и др.). Квоты были установлены пропорционально численности населения в федеральных округах России.

Таблица 1

Структура респондентов по уровню образования

Уровень образования	Доля респондентов, %
неполное среднее	2,6
среднее общее	4,7
среднее специальное (профессиональное)	25,7
высшее	66,6
ученая степень	0,4

Источник: составлено авторами.

Средний и медианный возраст опрошенных составил 32 года, модальный — 31 год. Чаще опрошенные родители имеют двоих несовершеннолетних детей (44,9 %) или одного ребенка (38,6 %). Подавляющее большинство респондентов (92,9 %) в момент опроса находились в отпуске по уходу за одним ребенком,

остальные — с двумя. В выборочной совокупности представлены респонденты с разным уровнем образования. Соответствующие данные приведены в таблице 1.

Переменные, которые были выбраны для нашего содержательного анализа, являются номинальными. Основные из них:

1. Информированность о системе родительских отпусков в нашей стране в разрезе отдельных мер. Гипотеза исследования состояла в предположении о низком уровне информированности родителей относительно ряда элементов гибкости, не особо афишируемых в информационном поле демографической политики — например, возможность выхода из отпуска по уходу за ребенком на работу и возвращения в отпуск, возможность одновременно получать пособие по уходу за ребенком и работать неполный рабочий день, возможность использовать право на отпуск достаточно широкому кругу родственников ребенка — например, дяде, тете, бабушке, дедушке, и др. В вопросы, касающиеся информированности родителей о возможностях, которые могут быть использованы ими в период отпуска по уходу за ребенком, мы включили и «вопрос-ловушку»: в перечень ответов была включена несуществующая мера — возможность использования отцом дополнительного оплачиваемого отпуска в первый год жизни ребенка.

2. Источники информации относительно существующей в России системы родительских отпусков. В качестве выбора были предложены как общие, так и специализированные варианты. К последним мы отнесли, например, Госуслуги. Отметим, что не так давно в России появился телеграм-канал «Госуслуги: для родителей», представляющий официальную информацию обо всех видах поддержки родителей, включая меры, установленные для периода отпуска по уходу за ребенком. На сегодня данный канал имеет более 850 тыс. подписчиков. В канале доступным языком в удобном формате раскрываются основные меры существующей господдержки для семей с детьми.

В качестве других специализированных источников были предложены официальные сайты государственных структур (например, портал Министерства труда и социальной политики РФ, федеральные органы исполнительной власти субъектов РФ), нормативно-правовые акты. Понимая массовость феномена родительских чатов в современной России, мы также включили в перечень источников информации о родительских отпусках тематические сообщества в социальных сетях и родительские форумы.

Гипотеза этой части исследования состояла в преобладании источников общего характера в информировании населения о системе родительских отпусков в нашей стране.

Обработка и анализ данных осуществлялись в SPSS 23.0. Использовались процедуры описательной статистики, корреляционный анализ (коэффициенты Фишера и Крамера).

Результаты

Информированность респондентов о законодательно разрешенных мерах, которые семья может использовать в период родительского отпуска, представлена в таблице 2.

Таким образом, информированность более чем у половины опрошенных родителей присутствует только по трем параметрам — возможность использования отпуска отцом ребенка, возможность удаленной работы матери и ее работы на условиях неполного рабочего дня. Кроме того, каждый шестой опрошенный родитель «знает» о возможности использования отцами дополнительно оплачиваемого отпуска в первый год жизни ребенка (подобная мера в российском законодательстве отсутствует). Полученные результаты, на наш взгляд, могут быть обусловлены несколькими причинами. Во-первых, родители могли выбрать несуществующий элемент гибкости по ошибке, предполагая, что ранее слышали о похожей мере от своих друзей или встречались с подобной формулировкой в других информационных источниках. Во-вторых, некоторые респонденты могли ошибочно предположить, что все перечисленные меры реализуются в России. Выбор даже ложных вариантов ответов может восприниматься как попытка части респондентов продемонстрировать более высокий (нежели он есть на самом деле) уровень информированности об элементах гибкости в структуре родительских отпусков.

Мы выявили некоторые статистически значимые корреляции по информированности об отдельных элементах гибкости. Так, например:

1) с ростом уровня образования респондентов повышается информированность родителей о возможности использования отпуска по уходу за ребенком его отцом, информированность о возможности выхода из отпуска по уходу за ребенком и возвращения в него;

2) среди женщин выше, чем среди мужчин, уровень информированности о возможности использования отпуска по уходу за ребенком другими родственниками ребенка, информированность о возможности занятости женщин на рынке труда на условиях неполного рабочего дня, информированность о возможности выхода из отпуска по уходу за ребенком и возвращения в него.

Таблица 2

Информированность родителей, имеющих право на отпуск по уходу за ребенком, о гибкости существующей в России системы отпусков

№	Законодательно разрешенные элементы гибкости системы родительских отпусков	Доля респондентов, информированных о возможности, %
1	Возможность использования отпуска отцом ребенка	87,4
2	Возможность работы неполный рабочий день в период отпуска матерью ребенка	63,4
3	Возможность удаленной работы для матери ребенка в период отпуска по уходу за ребенком	60,2
4	Возможность использования отпуска родственником ребенка (не отцом)	49,3
5	Возможность выхода из отпуска по уходу за ребенком и обратного возвращения в него	48,5
6	Возможность использования дополнительного оплачиваемого отпуска в первый год жизни ребенка для его отца	17,0

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

**Источники информированности родителей о законодательно установленных мерах
в родительских отпусках**

№	Источники	Доля респондентов, пользующихся источником, %
1	Справочно-информационные интернет-порталы	59,8
2	Средства массовой информации	50,6
3	Знакомые и коллеги	44,5
4	Официальные сайты государственных структур	37,3
5	Собственный опыт	34,7
6	Тематические сообщества в социальных сетях, родительские форумы	31,6
7	Нормативно-правовые акты	16,1
8	Юридические консультации	6,3
9	Брошюры, листовки	5,6
10	Другое	0,6

Источник: составлено авторами.

Источники информированности родителей о законодательно установленных мерах в родительских отпусках представлены в таблице 3.

Анализ представленных данных показывает, что источники с сомнительной достоверностью (окружающие люди, социальные сети, собственный опыт) в тематике родительских отпусков вполне на равных конкурируют с ресурсами, «заточенными» на профессиональное представление точной и объективной информации.

Мы выявили некоторые статистически значимые корреляции по использованию опрошенными родителями тех или иных источников информации о системе родительских отпусков:

1) с ростом уровня образования респондентов повышается частота использования справочно-информационных интернет-порталов типа Госуслуг и нормативно-правовых документов для получения информации о системе родительских отпусков, при этом повышается и значимость информации, поступающей от коллег и знакомых;

2) среди женщин выше, чем среди мужчин, частота использования для получения знаний о мерах, доступных в период родительских отпусков, справочно-информационных интернет-порталов, тематических сообществ в социальных сетях и на родительских форумах.

Далее мы взяли самые распространенные среди наших респондентов информационные каналы и оценили взаимосвязь частоты их использования для формирования уровня информированности родителей об отдельных мерах системы отпусков:

1) пользователи справочно-информационных интернет-порталов имеют повышенный уровень осведомленности, значимо отличающийся от пользователей этим источником, по следующим мерам: возможность использования отпуска отцом и другими родственниками ребенка, возможность выхода из отпуска по уходу за ребенком и обратного возвращения в него;

2) респонденты, использующие средства массовой информации в качестве источника знаний о системе родительских отпусков, имеют повышенный уровень осведомленности по следующим мерам: возможность использования отпуска отцом ребенка, возможность работы неполный рабочий день или удаленно в период отпуска матерью

ребенка, возможность выхода из отпуска по уходу за ребенком и обратного возвращения в него;

3) респонденты, использующие мнения знакомых и коллег в качестве источника информации о родительских отпусках, имеют повышенный уровень осведомленности по следующим мерам: возможность использования отпуска отцом ребенка, возможность работы неполный рабочий день или удаленно в период отпуска матерью ребенка, возможность выхода из отпуска по уходу за ребенком и обратного возвращения в него.

Таким образом, ни по одному из наиболее широко распространенных источников информации не обнаружена статистически значимая корреляция с уровнем информированности родителей о возможности дополнительно оплачиваемого отпуска в первый год жизни ребенка для его отца. Это может свидетельствовать о том, что респонденты, которые ранее отметили свою осведомленность о существовании подобной меры, используют такие же источники информации, как и остальные родители, не выбравшие ложный вариант ответа. Вероятно, недостоверная информация может поступать из разных источников.

Обсуждение результатов

В ряде стран политика в отношении родительских отпусков рассматривается в качестве эффективного инструмента демографической политики, поскольку введение той или иной меры через какое-то время оборачивалось ростом рождаемости в стране. Так, например, внедрение отцовских отпусков способствует более активному участию отцов в реализации домашних и родительских функций. По мнению исследователей, равное распределение домашней работы между супругами может способствовать увеличению рождаемости [16]. Аналогичного результата позволяет достичь более гибкая система родительских отпусков [17].

Исследователи-демографы, политики в России сегодня рассуждают о трансформации системы родительских отпусков, предлагая введение тех или иных гибких элементов. В частности, И.Е. Калабахина и П.О. Кузнецова предлагают возможность балансирования между продолжительностью отпуска и его оплатой, введение дробного (прерывистого) отпуска, законодательное установление сокращения длительности отпуска при повышении его оплаты, введение непередаваемого отцовского отпуска, позволяющее комбинировать материнские и отцовские отпуска. Однако, по мнению ученых, данные изменения могут восприниматься населением болезненно [18].

Наше исследование показало, что для заметной части населения, являющейся родителями маленьких детей, даже существующая в стране система родительских отпусков в принципе остается незнакомой. Следовательно, шагом, предшествующим трансформации, должна стать работа по созданию информационного поля вокруг действующей системы. Использование каналов информирования, форматов упаковки контента должно предлагаться специалистами по продвижению, поскольку группы целевой аудитории — потребители данной информации, как показали наши данные, имеют специфическое восприятие этой информации в зависимости от их образования, пола и других социально-демографических характеристик.

Также практически востребованными представляются результаты нашего исследования, связанные с оценкой контента и существующих пробелов в разрезе источников информации о системе родительских отпусков. Наши данные показывают, что пользователям Госуслуг, например, не хватает информации, связанной с возможностью

работы неполный рабочий день и удаленной работы в период отпуска матерью ребенка.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволил сделать следующие выводы:

1. Информированность родителей, имеющих право на использование родительского отпуска, о возможностях гибко пользоваться этими отпусками находится на достаточно низком уровне. Лишь по трем из пяти существующих возможностей зафиксированы самые высокие уровни осведомленности, но о них знает лишь около половины опрошенных родителей. Выявлены взаимосвязи этой информированности с полом и уровнем образования респондентов. В целом родители с более высоким уровнем образования и женщины лучше осведомлены о тех или иных мерах политики в отношении родительских отпусков.

2. Информирование о действующей системе родителям поступает через разные каналы, основными из них являются справочно-информационные интернет-порталы, средства массовой информации, коллеги и знакомые. Выявлена специфика групп населения по полу и уровню образования в использовании тех или иных каналов информирования.

3. Определены конкретные фокусы информации, на которых сосредоточены самые распространенные каналы информирования, выявлены тематические лакуны, о которых информация через эти каналы не поступает.

Данные результаты могут быть использованы для совершенствования информационной составляющей проводимой в нашей стране демографической политики и в работе государственных органов, обсуждающих перспективы трансформации системы родительских отпусков. Перспективы дальнейших исследований заключаются в оценке мнений респондентов о возможностях, важности и востребованности трансформации системы родительских отпусков, выявлении взаимосвязи этих мнений с уровнем информированности респондентов относительно уже предусмотренных законодательством мер семейной и демографической политики.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01847, <https://rscf.ru/project/22-28-01847>

Acknowledgements

The research has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the Grant No. 22-28-01847, <https://rscf.ru/project/22-28-01847>

Список источников

[1] Moss P., Duvander A.-Z., Koslowski A. Parental Leave and Beyond: Recent International Developments, Current Issues and Future Directions. Bristol University Press, 2019. <https://doi.org/10.2307/j.ctvfrxng>

[2] Saarikallio-Torp M., Miettinen A. Family leaves for fathers: Non-users as a test for parental leave reforms // Journal of European Social Policy. 2021. Vol. 31. No. 2. P. 161-174. <https://doi.org/10.1177/0958928721996650>

[3] Altintas E., Sullivan O. Trends in Fathers' Contribution to Housework and Childcare under Different Welfare Policy Regimes // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 2017. Vol. 24. No. 1. P. 81-108. <https://doi.org/10.1093/sp/jxw007>

- [4] *Kmec J. A.* Are motherhood penalties and fatherhood bonuses warranted? Comparing pro-work behaviors and conditions of mothers, fathers, and non-parents // *Social Science Research*. 2011. Vol. 40. No. 2. P. 444–459. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.11.006>
- [5] *Appelbaum E., Milkman R.* Leaves That Pay: Employer and Worker Experiences with Paid Family Leave in California. 2012. <https://doi.org/10.13140/2.1.4437.3286>
- [6] *Tervola J., Duvander A. Z., Mussino E.* Promoting parental leave for immigrant fathers — What role does policy play? // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2017. Vol. 24. No. 3. P. 269–297. <https://doi.org/10.1093/sp/jxx006>
- [7] Supplemental family leave provision and employee performance: Disentangling availability and use / *K. Begall, L. van Breeschoten, T. van der Lippe, A.-R. Poortman* // *The International Journal of Human Resource Management*. 2020. Vol. 33. P. 1–24. <https://doi.org/10.1080/09585192.2020.1737176>
- [8] *Raute A.* Can financial incentives reduce the baby gap? Evidence from a reform in maternity leave benefits // *Journal of Public Economics*. 2019. Vol. 169. P. 203–222. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.07.010>
- [9] *Patnaik A.* Reserving time for daddy: the consequences of fathers' quotas. // *Journal Labor Economy*. 2019. Vol. 37. No. 4.
- [10] *Новикова Ю. О.* Выход на работу женщины, находящейся в отпуске по уходу за ребенком, на условиях неполного рабочего времени // *Кадровик*. 2022. № 11. С. 105–114.
- [11] *Кучина Ю. А.* Дистанционная работа как работа на дому во время отпуска по уходу за ребенком: проблемы интерпретации // *Кадровик*. 2021. № 4. С. 41–46.
- [12] *Чапчикова Д. С.* Правовые аспекты, способствующие социальной трансформации практики использования отцами права на отпуск по уходу за ребенком в РФ // *Юридический мир*. 2022. № 6. С. 47–51.
- [13] *Аникеева О. Е., Федорова О. С.* О необходимости начисления страховых взносов и НДФЛ на суммы не принятых к зачету пособий // *Налоги и финансовое право*. 2020. № 11. С. 126–133.
- [14] *Морева Г. И., Саночкина А. В.* Связь субъективной оценки самореализации женщин и отношения к разным сторонам действительности в периоде отпуска по уходу за ребенком // *Экспериментальная психология*. 2020. № 3. С. 156–168.
- [15] *Пожарская Е. Л., Ибрагимова Д. Я., Барахтенко А. А.* Психологические особенности женщин после выхода на работу из декретного отпуска и сопряженные с этим трудности // *Горизонты экономики*. 2021. № 6. С. 40–45.
- [16] *Ekberg J., Eriksson R., Friebel G.* Parental leave — A policy evaluation of the Swedish “Daddy-Month” reform // *Journal of Public Economics*. 2013. Vol. 97. P. 131–143. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2012.09.001>
- [17] *Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T.* The gender revolution: A framework for understanding changing family and demographic behavior // *Population and development review*. 2015. Vol. 41. No. 2. P. 207–239. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00045.x>
- [18] *Калабихина И. Е., Кузнецова П. О.* Кому (не) нужен трехлетний отпуск по уходу за ребенком? // *Демографическое обозрение*. 2022. № 3. С. 24–43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16468>

References

- [1] *Moss P., Duvander A.-Z., Koslowski A.* Parental Leave and Beyond: Recent International Developments, Current Issues and Future Directions. Bristol University Press, 2019. <https://doi.org/10.2307/j.ctvfrxng>

- [2] *Saarikallio-Torp M., Miettinen A.* Family leaves for fathers: Non-users as a test for parental leave reforms // *Journal of European Social Policy*. 2021. Vol. 31. No. 2. P. 161-174. <https://doi.org/10.1177/0958928721996650>
- [3] *Altintas E., Sullivan O.* Trends in Fathers' Contribution to Housework and Childcare under Different Welfare Policy Regimes // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2017. Vol. 24. No. 1. P. 81–108. <https://doi.org/10.1093/sp/jxw007>
- [4] *Kmec J. A.* Are motherhood penalties and fatherhood bonuses warranted? Comparing pro-work behaviors and conditions of mothers, fathers, and non-parents // *Social Science Research*. 2011. Vol. 40. No. 2. P. 444–459. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.11.006>
- [5] *Appelbaum E., Milkman R.* Leaves That Pay: Employer and Worker Experiences with Paid Family Leave in California. 2012. <https://doi.org/10.13140/2.1.4437.3286>
- [6] *Tervola J., Duvander A. Z., Mussino E.* Promoting parental leave for immigrant fathers — What role does policy play? // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2017. Vol. 24. No. 3. P. 269-297. <https://doi.org/10.1093/sp/jxw006>
- [7] Supplemental family leave provision and employee performance: Disentangling availability and use / K. Begall, L. van Breeschoten, T. van der Lippe, A.-R. Poortman // *The International Journal of Human Resource Management*. 2020. Vol. 33. P. 1-24. <https://doi.org/10.1080/09585192.2020.1737176>
- [8] *Raute A.* Can financial incentives reduce the baby gap? Evidence from a reform in maternity leave benefits // *Journal of Public Economics*. 2019. Vol. 169. P. 203–222. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.07.010>
- [9] *Patnaik A.* Reserving time for daddy: the consequences of fathers' quotas. // *Journal Labor Economy*. 2019. Vol. 37. No. 4.
- [10] *Novikova Yu.* Part-time leave for a woman on parental leave // *HR Manager*. 2022. No. 11. P. 105-114.
- [11] *Kuchina Yu.* Remote work as home work during parental leave: problems of interpretation // *HR Manager*. 2021. No. 4. P. 41-46.
- [12] *Chapchikova D.* Legal Aspects Facilitating the Social Transformation of the Practice of Taking a Parental Leave by Fathers in the Russian Federation // *Legal world*. 2022. No. 6. P. 47-51.
- [13] *Anikeeva O., Fedorova O.* On the need to calculate insurance premiums and personal income tax on the amounts of benefits not accepted for offset // *Taxes and financial law*. 2020. No. 11. P. 126-133.
- [14] *Moreva G., Sanochkina A.* Connection Between the Subjective Assessment of Women's Self-Realization and Attitudes to Different Sides of Reality in the Period of Parental Leave // *Experimental Psychology (Russia)*. 2020. No. 3. P. 156-168. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130312>
- [15] *Pozharskaya E., Ibragimova D., Barahtenko A.* Psychological characteristics of women after returning to work from parental leave and the difficulties associated with this // *Horizons of Economy*. 2021. No. 6. P. 40-45.
- [16] *Ekberg J., Eriksson R., Friebel G.* Parental leave — A policy evaluation of the Swedish “Daddy-Month” reform // *Journal of Public Economics*. 2013. Vol. 97. P.131-143. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2012.09.001>
- [17] *Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T.* The gender revolution: A framework for understanding changing family and demographic behavior // *Population and development review*. 2015. Vol. 41. No. 2. P. 207-239. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00045.x>
- [18] *Kalabikhina I., Kuznetsova P.* Who needs (or doesn't) three years of parental leave? // *Demographic Review*. 2022. No. 3. P. 24-43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16468>

Информация об авторах

Багирова Анна Петровна — доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, заместитель директора по науке и инновациям Института экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0001-5653-4093> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

Бледнова Наталья Дмитриевна — ассистент, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0001-5362-7905> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: n.d.blednova@urfu.ru).

Нешатаев Александр Васильевич — ассистент, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-0145-7841> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: a.v.neshataev@urfu.ru).

About the authors

Anna P. Bagirova — Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Soc.), Professor, Professor of the Academic Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Deputy Director for Science and Innovation, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-5653-4093> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

Natalia D. Blednova — Assistant, Academic Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-5362-7905> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: n.d.blednova@urfu.ru).

Aleksandr V. Neshataev — Assistant, Academic Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-0145-7841> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.v.neshataev@urfu.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-2>

УДК 301:312(571.56)

JEL classification: J12

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ БРАКА И СЕМЬИ (по результатам социолого-демографических исследований в Якутии)¹

А. С. Барашкова^а, В. И. Кондратьева^б

^{а, б} Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск, Российская Федерация)

^а <https://orcid.org/0000-0002-3397-5547>

^б <https://orcid.org/0000-0002-4373-3189>

Автор для корреспонденции: А. С. Барашкова (asbarashkova52@mail.ru)

Аннотация. В условиях беспрецедентного проникновения неолиберальных идей в сферу брака и семьи исследование проблем демографического развития семьи обретает особую значимость. Цель исследования — раскрытие сущности и причин происходящих трансформационных процессов в семьях Республики Саха (Якутия). Методология работы основана на концептуальных подходах сторонников отечественной школы фамилизма. Информационной базой послужили материалы многолетних социолого-демографических обследований в Якутии, которые позволили выявить видимые структурные изменения, расхождение мнений представителей разных поколений на брак и семью. Установлена лояльность взглядов респондентов на демографические события, ранее оцениваемых как негативные. Обобщенная оценка полученных результатов опросов населения позволяет предположить, что количественные и качественные изменения семьи в Якутии характеризуются динамизмом, утратой автономности семьи как системы, нарушениями среды ее жизнедеятельности. Будущие исследования будут направлены на раскрытие степени влияния трудовых стратегий членов семьи на устойчивость брачно-семейных отношений.

Ключевые слова: брак; семья; динамизм изменений; утрата автономности; Якутия

Transformational Processes in the Sphere of Marriage and Family (According to the Results of Sociological and Demographic Research in Yakutia)

A. S. Barashkova^а, V. I. Kondratieva^б

^{а, б} North-Eastern Federal University in Yakutsk (Yakutsk, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0002-3397-5547>

^б <https://orcid.org/0000-0002-4373-3189>

Corresponding author: A. S. Barashkova (asbarashkova52@mail.ru)

Abstract. The study of demographic development of the family acquires particular importance in the context of the unprecedented spread of neoliberal ideas in the sphere of marriage and family. The paper aims to reveal the essence and causes of the ongoing transformation processes in families of the Republic of Sakha (Yakutia). The methodology is based on the conceptual approaches of the supporters of the domestic school of familism. The study analysed materials of long-term socio-demographic surveys in Yakutia, which were used to identify visible structural changes, divergence of opinions of representatives of different generations on marriage and family. The loyalty of the respondents' views on demographic events, previously assessed as negative, was established. The generalised assessment of the obtained results of the population surveys suggests that quantitative and qualitative changes in the family in Yakutia are characterised by dynamism, loss of autonomy of the family as a system, violations of its living environment. Future research will be aimed at revealing the influence of labour strategies of family members on the stability of marriage and family relations.

Keywords: marriage; family; dynamism of change; loss of autonomy; Yakutia

¹ © Барашкова А. С., Кондратьева В. И. Текст. 2023.

Введение

Коллективный Запад, игнорируя то, что пребывает в кризисе доктринальной неолиберальной модели мироустройства, по-американски повсеместно навязывает эту культуру и мировоззрение, считает его универсальным¹. Интерпретация указанной модели в демографической сфере осуществлялась и до сих пор осуществляется, на наш взгляд, преимущественно в рамках теорий демографического метаболизма или смены поколений [1], демографического перехода [2] и теории демографического дивиденда [3]. При объяснении наблюдаемых демографических явлений в нашей стране, порой вне семейного контекста, некоторые исследователи также использовали основные положения указанных теорий [4–6]. Несмотря на острые теоретические дискуссии [7–10], оперирование новомодными концепциями в определенной степени расширило предметную область демографической науки, тематику исследований, выделило самостоятельные объекты изучения, в том числе применительно к институту брака и семьи.

Мы разделяем точку зрения ученых, считающих, что семья, происходящие в ней изменения во многом определяют динамику демографической ситуации. Обоснованное объяснение трансформационных процессов в современной семье предлагают сторонники отечественной школы фамилизма. А. И. Антонов с коллегами последовательно настаивает на изучении семьи через призму семейно-детного образа жизни, а не через брачное, репродуктивное поведение отдельных индивидов или семей без детей. Междисциплинарный подход к исследованию семьи, предложенный А. И. Кузьминым более четверти века назад, особенно позиция ученого относительно средового подхода, сохраняет свою актуальность, на наш взгляд, и ныне [18].

Якутия до настоящего времени характеризуется как регион с высоким уровнем рождаемости. На фоне сохраняющегося усиленного оттока мигрантов из республики именно компонент естественного прироста за счет рождений не приводит к обвальному падению численности населения, обеспечивает в известной степени демографическую безопасность в регионе [19, 20]. Наличие локальных очагов многодетности свидетельствует о сохранении в традициях титульного народа самосохранительного стержня посредством негласных постулатов — «жить в семье», «дорожить отношениями в семье» [21, с. 22–30]. В Якутии до сих пор третья часть семей проживает в селе, что на наш взгляд, остается некоей гарантией сохранения семейных ценностей. Однако и здесь наблюдаются трансформационные процессы в русле модернизационных моделей поведения населения, которые нами рассматриваются как признаки кризиса института брака и семьи.

Высоким остается удельный вес мужчин и женщин, не обремененных узами зарегистрированного брака, а сожителство достигло уровня феномена. Широко распространены внебрачные рождения — каждый третий новорожденный ребенок на протяжении почти десятилетий — внебрачный, а темпы разводимости слегка снизились лишь по причине сокращения числа браков [21, с. 37–42; 22, с. 6–33; 23]. Несмотря на наличие указанных выше фундаментальных основ семьи, обнаруживается устойчивая тенденция роста числа семей недопустимо малого размера (из двух человек), как правило, семей «без ядра».

¹Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/69695> (дата обращения: 10.02.2023).

Цель статьи — раскрытие сущности и причин происходящих трансформационных процессов в семьях Республики Саха (Якутия) через призму воззрений социума, выяснение, в чем проявляется (и проявляется ли) региональная специфика и в какой мере признаки «институционального кризиса семьи» здесь выражены. Ответы на поставленные вопросы по обобщенным результатам проведенных ранее обследований позволяют подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу.

Материалы и методы

Цель статьи вызвала необходимость использования метода групповых фокусированных интервью. Применение метода фокус-групп требует соблюдения принципов набора целевой аудитории, процедуры проведения интервью, текстовой расшифровки аудиозаписей проведенных интервью с последующим анализом материала [24]. В обследованиях не было нарушено квотное распределение респондентов по их возрасту, брачному статусу (официальному или фактическому), числу детей, представленности городских и сельских жителей (2008 г. — 11; 2017 — 2019 гг. — 23). Определяющим критерием было число детей, интервью велось с бездетными, одно-, двух- и многодетными семьями в столице и районах Якутии. Метод фокус-групп позволяет лучше понять существующие болевые точки в современных семьях, узнать мнение целевой аудитории о влиянии различных факторов на сложившуюся ситуацию, а конечный анализ — отфильтровать наиболее типичные, вычленив нетипичные суждения. Результаты ряда анкетных опросов отражены в публикациях [21; 22, с. 34–59; 23] и во введении.

Обсуждение

В ходе групповых фокусированных интервью происходят живое общение, обмен мнениями, дискуссия. При грамотно направленном интервью начинают устанавливаться причинно-следственные связи наблюдаемых трансформационных процессов в сфере брака и семьи. У участников фокус-групп вне зависимости от места их проживания (столица, малый город, районный центр, село средней плотности, малолюдное село) складывается понимание проникновения либеральных взглядов Запада по вопросам брака и семьи. Причем при определении силы воздействия этих (в целом внешних) факторов на организацию приватной жизни человека многие респонденты справедливо указывают на то, что поменялось отношение людей к институту брака, изменился статус женщин не только в обществе, но и в собственной семье.

Как и во многих северных регионах, в Якутии крайне остра проблема безбрачия населения. В ходе фокус-групп по этому вопросу обращалось внимание участников на роль личностных качеств холостяков, на оценку их реальных или вымышленных поступков. Считалось, что кто-то на самом деле боится ошибиться, кто-то не уверен в своих силах, кто-то не желает брать ответственность на себя или зависеть от кого-либо. Кроме этого, мужчины, с точки зрения участниц, отстают по уровню образования, злоупотребляют алкоголем. Дискуссия между женщинами и мужчинами чаще возникала вокруг вопроса материальной обеспеченности потенциального жениха (живет ли он в кредит или финансово состоятелен, насколько крепки родственные узы в его семье). Видимо, априори считается, что у потенциальной невесты все в порядке.

Проблемы в сфере брака в Якутии участники опросов чаще связывали с обострением общей ситуации по сравнению со спокойным советским периодом, когда была уверенность в завтрашнем дне, строились вполне обоснованные планы и в приватной сфере. Осуждался чрезмерный контроль со стороны общественности и особенно

родителей, к мнению которых в те времена вынуждены были прислушиваться в силу воспитания и традиций, но по мере взросления именно такой контроль оценивался как некий гарант перерастания отношений добрачного периода в более серьезные связи и сохранения семьи в последующем.

Влиянием времени пронизаны мнения, как-то: «Смутное рыночное время вызвало очень большое социальное расслоение между людьми, семьями». Поляризация семей по уровню достатка более четко обозначила границы брачного круга, которые ранее были завуалированы, но существовали в Якутии с незапамятных времен. Такие взгляды чаще высказывались в сельских фокус-группах. Рассуждения о причинах безбрачия всегда раскрывали суть такого демографического понятия, как узость брачного рынка, особенно в малолюдных поселениях, где потенциальные женихи и невесты знакомы с детства, что тоже, видимо, является препятствием для заключения удачного брака. А отсутствие возможности или нежелание, неготовность переехать куда-либо именно для решения столь деликатного вопроса усугубляет положение. Тем более, что современные молодые люди с предубеждением относятся к сватовству как способу расширения брачного рынка, активно применявшемуся в стародавние времена.

Практически в каждой фокус-группе, проведенной в столице, малом городе (г. Покровск), районных центрах (села Майя, Амга, Намцы, Чурапча) отмечалось, что в ориентациях молодежи встречаются какие-то нетрадиционные отклонения, приводящие к сознательному отказу от брака. В этом респонденты видят тлетворное влияние Запада, продуманную форму вторжения неолиберальной модели брачного поведения, направленную на разрушение скреп российских семей. С досадой отмечают, что некоторая часть нашей молодежи, в противовес увещаниям близких быть в русле традиционных ценностей, оказалась «открытой» этому агрессивному вторжению. Обилие стрессовых ситуаций, состояние неопределенности, по их мнению, также провоцирует иные склонности. По наблюдениям многих сельских участниц интервью, нередкая причина данного явления кроется в излишней опеке детей в родительской семье: инфантильный ребенок чаще поддается разным веяниям.

Почти каждый шестой брак в Якутии — гражданский. С точки зрения состоящих в гражданском браке обычно речь идет в таком тоне: даже и без печати в паспорте партнер(ша) будет относиться ответственно к своей половине, зачем эти формальности? Признается, что сейчас люди больше проявляют индивидуальность в этом плане; женщины стали увереннее, финансово независимы, а мужчины, наоборот, чаще не способны прокормить семью и их одолевает чувство стыда (сохранилось в сельском социуме). Данная форма связи между мужчиной и женщиной, по мнению более молодых респондентов — проявление права выбирать, свободы поведения.

Среди доводов лояльного и даже одобрительного отношения к гражданским бракам называются возможность для молодежи проверить себя в браке, шанс для более старшего поколения повторно вступить в брак, легкость расторжения союза без всяких обязательств. Даже адюльтер при длительном сожительстве казался вполне позволительным. Такие мнения преобладали в столице, малом городе, районных центрах.

Признается, что гражданский брак — признак современной жизни, это — в порядке вещей. Раньше жестко не одобряли, а сейчас всех прорвало, все имеют право на свободу. С возрастом обнаруживается боязнь одиночества, которая при неидеальных отношениях с детьми подвигает ранее разведенных или вдовых к поиску спутника жизни, хотя бы на время.

Неодобрительное отношение к гражданским бракам часто объясняется юридической незащищенностью женщин, детей. Встречались суждения, что именно в цивилизованном обществе все должно быть документировано, везде проставлена подпись, печать. Не теряет своего значения и понятие статусности в обществе замужней женщины, нежели пребывающей в сожителстве. Осуждению подвергались женщины, которые поддерживают неоформленные отношения из-за меркантильных соображений: снижается размер пособия на ребенка. В условиях села у гражданского мужа, имеющего неплохой заработок, высок шанс получить крупный кредит, так как он свободный, без детей. Желание обычно зрелой женщины иметь ядро семьи, найти ребенку отца наталкивается на явное или неявное общественное осуждение. На примере обсуждения проблемы гражданских браков видно, что клубок противоречий зависит не только от отношений мужчин и женщин на пути вступления в брак.

Традиционная модель якутской семьи — полная, многодетная, часто трехпоколенная, в составе которой порой совместно проживали родственники и даже не по прямой линии. Нередки были случаи, когда фактическим членом семьи являлся абсолютный посторонний, как правило, одинокий пожилой человек.

Материалы обследований позволили выяснить, что существенно изменился состав семей. Но еще более кардинальные трансформации произошли во взаимоотношениях членов семьи, в понимании роли семьи, детей в жизни человека, в самом восприятии семейных проблем. Отмечено снижение статуса мужа (отца) и их роли в организации жизнедеятельности семьи: слишком развит матриархат, в семье все решает женщина. Вопрос о падении статуса мужчины, как правило, всегда оказывался эмоционально окрашенным: боль, горечь, сожаление, осуждение сквозили во мнениях участников фокус-групп.

На личных примерах, оценивая как бы со стороны процесс воспитания дочерей и сыновей в семье, родители часто приходят к выводу, что наштамповали целое поколение стойких, сильных дочерей, а сыновей, наоборот, вырастили не приспособленными ни к чему. Признаются, что чрезмерно опекали их или вовсе не занимались сыновьями. При этом преобладало общее мнение, что современные родители стали более жертвенными. Сравнивая условия своего детства, особенно отцы (двор, улица, друзья, свободное перемещение, любые доступные природные объекты) удивляются, что в стойкую привычку вошла необходимость всюду сопровождать ребенка, страх за ребенка, чувство, ранее не присущее для якутского социума, навязанное извне.

Активное введение запретов ювенальной юстиции как одной из ветвей проникновения неолиберальной доктрины с негодованием воспринималось абсолютно во всех фокус-группах. Отмечалось, что мальчики в Якутии все познавали на личном опыте, всегда общались со сверстниками, росли в единении с природой, в мужском коллективе (охота, рыбалка, сбор дикоросов, труд на подворье). Данный фактор наряду с достижениями информационных систем привел к тому, что мало стало общения в семье: все вроде дома, а никто ни с кем не разговаривает, все в своих гаджетах.

Оторванность многих детей от реальной жизни участники опросов нередко объясняют и демографическим фактором — малодетностью. Приводя примеры социализации, общения детей между собой, взаимовыручки, многодетные родители единодушно приходят к мысли, что они обеспечивают будущее своих детей хотя бы тем, что их дети не одни в этом мире. При подобном подходе к жизни, утверждают они, не исчезают, но отходят на второй план вопросы материальной обеспеченности,

финансового положения семьи. Ведь главное — мир, согласие между детьми, между родителями и детьми, супругов друг с другом, общие интересы, общие планы, дух семьи. Естественно, в большой семье проблем еще больше, чем в малой ячейке, но когда есть понимание, поддержка друг друга — то все разрешаемо, то есть семьи продолжают надеяться на традиционные скрепы.

Влияние неолиберальных воззрений на семью проявляется и в масштабном пространстве внебрачной рождаемости. Почти в каждой фокус-группе высказывались одобрительные мнения, а поступок женщины оценивался как сознательный. Среди побудительных мотивов такого решения, согласно опросам, чаще называется мотив родить ребенка для себя или чтобы не остаться одной. Чаще на такой шаг осмеливаются самодостаточные женщины в возрасте 30+. Самодостаточность матерей-одиночек обнаруживается и в том, что происходит сознательный отказ сохранения отношений с биологическим отцом ребенка. Он не воспринимается как достойный спутник последующей жизни женщины и отец ребенка. Хотя это лишь видимая часть айсберга, а истинные причины могут быть спрятаны глубоко.

Причем высказывалось, что вне зависимости от нынешнего брачного состояния матери, если ребенок был желанным, спланированным, такой ребенок уже с утробы матери будет счастливым. Упоминаются случаи рождения ребенка, чтобы узаконить отношения с партнером (скромным, не уверенным, несвободным). Более любопытны эпизоды вынужденного рождения одинокой женщиной условно наследника при всеобщем одобрении близких, то есть выполнение заказа родственников. Воспитание такого младенца, естественно, осуществляется объединенными силами всех заинтересованных лиц. Иной пример вмешательства родных, когда родители девушки категорически не одобряют ее выбор, не нравится молодой человек, а сроки рождения ребенка близки.

Судя по высокой доле матерей-одиночек в самых молодых возрастах, внебрачная рождаемость часто — следствие опрометчивых поступков, ошибка молодости, измена любимого, результат неумения пользоваться противозачаточными средствами или отказа от них, а также непредвиденных, порой криминальных событий, что в совокупности указывает на сложность и неоднозначность феномена внебрачной рождаемости. Наряду с этим встречаются и такие авантюрные объяснения матерей-одиночек: жизнь — игра, надо проиграть и роль мамочки, один раз живем.

Заключение

Таким образом, статистический анализ и оценка сводных результатов проведенных в Якутии групповых фокусированных интервью показали существенные количественные и качественные сдвиги в сфере брачно-семейных отношений населения. На примере обсуждения проблемы безбрачия, распространения гражданских браков, внебрачной рождаемости видно возникновение целого клубка противоречий, сопровождающих жизнедеятельность семьи, вследствие чего размываются контуры среды семьи, свидетельствующие об утрате автономности семьи как системы. Это происходит как за счет ослабления внутрисемейных связей, контроля внутри привычного социального окружения (столице, малом городе или селе), так и усиления влияния внешних сил, в том числе в форме глубоко агрессивного проникновения моделей поведения населения Запада. В целом суждения проецируют жизненный опыт, возраст участников, их нынешний брачный статус.

Благодарность

Исследование выполнено по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FSRG-2023-0025).

Acknowledgements

The article has been prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project No. FSRG-2023-0025).

Список источников

- [1] Ryder N. B. The cohort as a concept in the study of social change. American sociological review. 1965. Vol. 30, No. 6. P. 843-861.
- [2] Notestein F. W. Population. The Long View // Food for the World. University of Chicago Press. 1945. P. 35-57.
- [3] Mason A. Demographic transition and demographic dividends in developed and developing countries. United Nations expert group meeting on social and economic implications of changing population age structures. Mexico City, 2005. P. 81-101.
- [4] Вишневецкий А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 6-33. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23099788> (дата обращения: 02.02.2023).
- [5] Баркалов Н. Б. Моделирование демографического перехода. Москва: Изд-во МГУ, 1984. 80 с.
- [6] Захаров С. В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход. http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html (дата обращения: 21.01.2023).
- [7] Lutz W. Advanced Introduction to Demography. Edward Elgar Publishing. 2021. 224 p.
- [8] Зверева Н. В. Демографический переход: спор о теориях разного уровня // Демографическое обозрение. 2015. № 2(1). С. 6-23. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1787>
- [9] Клупт М. А. Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 34-56. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1826>
- [10] Антонов А. И. Крах объяснительных схем демографического перехода // Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности. Десятые Валентеевские чтения: Сб. докладов / ред. О. С. Чудиновских, И. А. Троицкая, А. В. Степанова. Москва: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. 880 с.
- [11] Волков А. Г. Семья — объект демографии. Москва: Мысль, 1986. 271 с.
- [12] Жизнедеятельность семьи. Тенденции и проблемы / Отв. ред. А. И. Антонов. Москва: Наука, 1990. 128 с.
- [13] Римащевская Н. М. Население в ракурсе глобализации. Москва: Наука, 2002. 321 с.
- [14] Елизаров В. В. Перспективы исследования семьи: анализ, моделирование, управление. Москва: Мысль. 1987. 173 с.
- [15] Антонов А. И. Стратегия фамилистических исследований и политики «семейной приватизации» // Семья в России. 1995. № 1-2. С. 29-51.
- [16] Антонов А. И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. № 1. С. 40-43.
- [17] Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95-113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>
- [18] Кузьмин А. И. Концептуальные подходы к исследованию жизнедеятельности семьи // Семья в России. 1996. № 1. С. 14-30.
- [19] Сукнёва С. А., Мостахова Т. С. Демографическое развитие региона: Оценка, прогноз, политика. Новосибирск: Наука, 2002. 192 с.

[20] *Мостахова Т. С.* Демографическая безопасность региона. Якутск: Изд-во Якутского научного центра СО РАН, 2009. 188 с.

[21] *Барашкова А. С.* Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты. Новосибирск: Наука, 2009. 159 с.

[22] Доклад о положении семьи в Республике Саха (Якутия) / Т. С. Мостахова, А. С. Барашкова, Т. З. Винокурова и др. Якутск. Издательство: ООО «Офсет» 2007. 105 с.

[23] Демографические процессы в Республике Саха (Якутия): территориальный аспект / С. А. Сукнева, Т. С. Мостахова, А. С. Барашкова и др. Якутск: Сахаада. 2017. 208 с.

[24] *Белановский С. А.* Методика и техника фокусированного интервью: учебно-метод. пособие / Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. Москва: Наука, 1993. 352 с.

References

[1] *Ryder N. B.* The cohort as a concept in the study of social change. American sociological review. 1965. Vol. 30, No. 6. P. 843-861.

[2] *Notestein F. W.* Population. The Long View // Food for the World. University of Chicago Press. 1945. P. 35-57.

[3] *Mason A.* Demographic transition and demographic dividends in developed and developing countries. // United Nations expert group meeting on social and economic implications of changing population age structures. Mexico City. 2005. P. 81-101.

[4] *Vishnevsky A. G.* The demographic revolution is changing the reproductive strategy of homo sapiens // Demographic Review. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 6-33. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23099788> (accessed on: 02.02.2023).

[5] *Barkalov N. B.* Modeling of demographic transition. M.: MSU Publ. 1984. 80 p.

[6] *Zakharov S. V.* Fertility in Russia: The First and Second Demographic Transition. .: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html (accessed on: 21.01.2023).

[7] *Lutz W.* Advanced Introduction to Demography. Edward Elgar Publishing. 2021. 224 p.

[8] *Zvereva N. V.* The demographic transition: debate about theories of different levels // Demographic Review. 2015. No. 2(1). P. 6-23. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1787>

[9] *Klupt M. A.* Paradigms and oppositions of modern demography // Demographic Review. 2014. No. 1. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1826>

[10] *Antonov A. I.* The collapse of explanatory schemes of demographic transition // Strategic tasks of demographic development: priorities and regional features. Tenth Valenteev readings: Collection of reports / ed. by O. S. Chudinovskikh, I. A. Troitskaya, A. V. Stepanova. M.: Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University. 2020. 880 p. P. 16-23.

[11] *Volkov A. G.* Family as an object of demography. M.: Mysl, 1986. 271 p.

[12] Family life. Tendencies and problems / ed. by A. I. Antonov. M.: Nauka. 1990. 128 p.

[13] *Rimashevskaya N. M.* Population in the perspective of globalization. M.: Nauka. 2002. 321 p.

[14] *Elizarov V. V.* Prospects for family research: analysis, modeling, management. M.: Mysl. 1987. 173 p.

[15] *Antonov A. I.* Strategy of family studies and the policy of «family privatization» // Family in Russia. 1995. No. 1-2. P. 29-51.

[16] *Antonov A. I.* Crisis of familistic civilization in the XXI century // Economic strategies. 2016. No. 1. P. 40-43.

[17] *Sinelnikov A. B.* Family and marriage: crisis or modernization? // Sociological Journal. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 95-113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>

[18] *Kuzmin A. I.* Conceptual Approaches to the Study of the Vital Activity of the Family // Family in Russia. 1996. No. 1. P. 14-30.

- [19] *Sukneva S. A., Mostakhova T. S.* Demographic development of the region: assessment, forecast, policy. Novosibirsk. Nauka. 2002. 192 p.
- [20] *Mostakhova T. S.* Demographic security of the region. Yakutsk. Publishing House of the Yakutsk Scientific Center SB RAS. 2009. 188 p.
- [21] *Barashkova A. S.* Northern Family: Demographic and Socio-Economic Aspects. Novosibirsk. Nauka. 2009. 159 p.
- [22] Report on the situation of the family in the Republic of Sakha (Yakutia) / T. S. Mostakhova, A. S. Barashkova, T. Z. Vinokurova, et al. Yakutsk. Publisher: LLC «Offset», 2007. 105 p.
- [23] Demographic processes in the Republic of Sakha (Yakutia): territorial aspect / S. A. Sukneva, T. S. Mostakhova, A. S. Barashkova, et al. Yakutsk. Publisher: Sahaada. 2017. 208 p.
- [24] *Belanovsky S. A.* Methods and techniques of focused interview: educational and methodical manual. The Institute of Economic Forecasting of RAS. Moscow: Nauka. 1993. 352 p.

Информация об авторах

Барашкова Анастасия Спиридоновна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии НИИ региональной экономики Севера, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; <https://orcid.org/0000-0002-3397-5547> (Российская Федерация, 677000, г. Якутск, ул. Строителей 8а, e-mail: asbarashkova52@mail.ru).

Кондратьева Валентина Ильинична — кандидат экономических наук, советник, зав. лабораторией экономики народонаселения и демографии НИИ региональной экономики Севера, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; <https://orcid.org/0000-0002-4373-3189> (Российская Федерация, 677000, г. Якутск, ул. Строителей 8а, e-mail: kwi202@mail.ru).

About the authors

Anastasia S. Barashkova — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Department of Population Economics and Demography, Institute of Regional Economy of the North, North-Eastern Federal University in Yakutsk; <https://orcid.org/0000-0002-3397-5547> (8A, Stroiteley St., Yakutsk, 677000, Russian Federation; e-mail: asbarashkova52@mail.ru).

Valentina I. Kondratieva — Cand. Sci. (Econ.), Advisor, Head of the Department of Population Economics and Demography, Institute of Regional Economy of the North, North-Eastern Federal University in Yakutsk; <https://orcid.org/0000-0002-4373-3189> (8A, Stroiteley St., Yakutsk, 677000, Russian Federation; e-mail: kwi202@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-3>

УДК314.15

JEL classification: J08, J28, J18

КОРПОРАТИВНАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ПРАКТИК В РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ¹

А. С. Вавилова

Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-0079-7024>

Автор для корреспонденции: А. С. Вавилова (a.s.vavilova@edu.nsuem.ru)

Аннотация. Одним из перспективных направлений решения вопросов сбережения населения и развития человеческого потенциала в России является включение социального института бизнеса в реализацию государственной демографической повестки. Одним из инструментов может выступить корпоративная демографическая политика. В статье дано определение корпоративной политики, ориентированной на семьи работников, проведена классификация реализуемых в мировой практике мер, включаемых в такую политику. Предпринята попытка определить наиболее перспективные направления для российских организаций: обеспечение защиты жизни и здоровья сотрудников, достойное вознаграждение за труд, уважение семейных обязанностей сотрудников с детьми, эффективная система взаимодействия с сотрудниками как основными стейкхолдерами компании. Сделаны предположения о факторах влияния на потенциал внедрения и развития данных направлений. В качестве ключевого внешнего фактора предложено рассмотреть регион присутствия организации, а внутреннего — тип корпоративной культуры. Сделаны выводы о перспективах продолжения исследования вопросов поддержки сотрудников и их семей на корпоративном уровне в российских организациях.

Ключевые слова: концепция социальной ответственности; корпоративная демографическая политика; семья

Corporate Demographic Policy: Prospects for Implementing Practices in Russian Organisations

A. S. Vavilova

Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia)

<https://orcid.org/0000-0003-0079-7024>

Corresponding author: A. S. Vavilov (a.s.vavilova@edu.nsuem.ru)

Abstract. One of the promising areas in addressing issues of the population preservation and human potential development in Russia is the inclusion of the social institution of business in the implementation of the state demographic agenda. Corporate demographic policy can be considered one of the tools. The article defines a corporate policy focused on families of employees, as well as classifies measures implemented in world practice and included in such a policy. The study attempted to identify the most promising areas of these measures for Russian organisations. They include ensuring the protection of the life and health of employees; decent remuneration for work; respect for the family responsibilities of employees with children; an effective system of interaction with employees as the main stakeholders of the company. Assumptions were made about the factors influencing the potential for the introduction and development of these areas, where the region of presence is seen as a key external factor, while the type of corporate culture is an important internal factor. Conclusions were drawn about the prospects for continuing the study of issues of support for employees and families at the corporate level in Russian organisations.

Keywords: concept of social responsibility; corporate demographic policy; family

¹ © Вавилова А. С. Текст. 2023.

Введение

Сбережение населения и развитие человеческого потенциала сегодня являются ключевыми направлениями национальных интересов России. Важность этой задачи подтверждена реализацией на государственном уровне активной пронаталистской политики. Ее механизмы были заложены в Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года¹, развиты в национальном проекте «Демография»². Однако сегодня становится очевидно, что меры и механизмы, перечисленные в соответствующих нормативных документах, направленные, в первую очередь, на экономическую поддержку семей с детьми, не обеспечивают достижения предусмотренных результатов. Это обстоятельство заставляет искать новые подходы к стимулированию рождаемости, востребованные российским населением.

Одним из направлений, активно разрабатываемых отечественными исследователями (Т.К. Ростовская, А.П. Багирова, О.М. Шубат), является предложение о расширении списка социальных институтов, ответственных за формирование и развитие человеческого капитала. Включение в решение государственных задач институтов гражданского общества, института религии, социального института бизнеса позволит говорить о возможности формирования и реализации комплексного подхода к совершенствованию демографической политики. Так, введение нового уровня поддержки семей с детьми в рамках социального института бизнеса может рассматриваться как потенциальное усиление демографической политики, способное дополнить существующее государственное стимулирование и сделать его более адресным с учетом потребностей конкретных работников предприятий, одновременно с профессиональными выполняющими родительские функции.

В связи с чем представляется актуальным поиск и анализ мер, направленных на поддержку пронаталистской политики на корпоративном уровне. Отметим, что внедрение мер поддержки сотрудников, осуществляющих семейные обязанности, в концепцию социальной ответственности организаций может, с одной стороны, рассматриваться как поддержка государственной демографической повестки, а с другой — способствовать получению дополнительных выгод самими организациями. В связи с этим целью статьи являются анализ и классификация существующих в развитых экономиках мер поддержки сотрудников и их семей на корпоративном уровне, определение наиболее перспективных для внедрения в концепцию социальной ответственности российских организаций с учетом ряда внутренних и внешних факторов, влияющих на их жизнедеятельность.

Обзор литературы

Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников — это система мер, направленных на поддержку потребностей работников организации, выполняющих, помимо профессионально-трудовых, еще и семейные функции (в том числе — родительские функции, уход за престарелыми родителями и др.) [1, с. 1144–1153].

Подобная политика, как следует из целого ряда источников, сегодня все чаще реализуется и в государственных, и в коммерческих организациях [2, 3]. В развитых

¹ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 9.10.2007. № 1351 // Гарант. <https://base.garant.ru/191961>.

² Паспорт национального проекта «Демография». <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 10.03.2020).

экономиках определен ряд практик корпоративного управления, которые, в числе прочего, могут оказать влияние на демографическую ситуацию. Мы рассмотрим, в первую очередь, меры, актуальные для сотрудников, планирующих и осуществляющих родительские функции. Исследовательский фокус здесь, прежде всего, связан с изучением актуальных тенденций:

- 1) снижение гендерного неравенства в вопросах построения карьеры и уровнях оплаты труда [4, 5];
- 2) формирование условий для поддержания баланса между семьей и карьерой [6];
- 3) организация рабочего пространства, комфортного для сотрудников с детьми (места кормления детей, организация коллективного ухода за детьми в организации и т. п.) [7, 8];
- 4) оценка возможностей гибкого графика труда [9] (в том числе — через систему накопленного рабочего времени, формирование гибкого графика отпусков и т. п. [10]);
- 5) использование современных информационных технологий для организации сотрудникам с детьми удаленной работы;
- 6) возможности построения гибкой карьеры для сотрудников, осуществляющих функции по уходу и воспитанию детей [11].

Перечисленные направления формируют широкий пласт ценностной поддержки сотрудников. Они рассматриваются в русле построения инновационного рынка труда, опирающегося на тенденции уважения сферы личного пространства работников, создания условий достойного труда, неизбежности трансформации труда в условиях цифрового общества и т. д. [12].

В этой связи представляется актуальным определение возможности интеграции мер, которые включаются зарубежной наукой и практикой в корпоративную демографическую политику, в концепцию социальной ответственности российских организаций.

Материалы и методы

В течение последних четырех лет наш исследовательский фокус был направлен на анализ современных корпоративных практик и исследований, посвященных вопросам формирования и распространенности так называемой *family-friendly policy*¹ как в государственных, так и в коммерческих организациях различных стран.

Обзор проводился в период с 2018 г. по 2022 г. За этот период было изучено порядка 80 научно-практических исследований, отчеты о которых включены в журналы, индексируемые том числе и в базах Web of Science и Scopus. Отбор публикаций проводился по ключевым словам: *family-friendly policy*, *work-family balance*, *gender policy*. Обзор включил в себя работы ученых и исследователей из Испании, Германии, Финляндии, Швеции, Китая, США, Канады, Польши, Чехии, Японии. В ходе исследования нами был зафиксирован возрастающий в разных странах мира интерес к проблемам реализации, оценкам эффективности политики, направленной на поддержку сотрудников и их семей [13, 14]. Отмечено, что определенным драйвером для усиления внимания к данной проблематике послужила пандемия COVID-19. По итогам данного обзора были определены наиболее часто упоминающийся практики и инструменты поддержки семей сотрудников различных организаций.

¹ На английском языке она называется *family-friendly policy*, что дословно переводится как «политика, дружественная к семьям».

Результаты

На основе анализа современных исследований по вопросам поддержки семей сотрудников мы определили те направления социальной ответственности, которые, на наш взгляд, могут иметь потенциал для улучшения демографической ситуации в России. Рассмотрим основные из них.

1. Обеспечение защиты жизни и здоровья сотрудников.

Одной из ключевых тенденций, зафиксированных в организациях нового поколения, является разделение защиты здоровья на заботу о физическом и ментальном здоровье сотрудников. В первом случае основными мерами являются возмещение расходов на медицинские услуги (в том числе на ведение беременности и роды), корпоративная медицина, профилактические кампании, регулярная диспансеризация сотрудников, программы по поддержке или организации спортивного досуга сотрудников (компенсация расходов на посещение спортивных учреждений, поддержка корпоративной спортивной команды сотрудников и т. п.). Поддержка ментального здоровья осуществляется за счет введения в штат психологов, включение услуг психологов / психотерапевтов в пакет ДМС, организацию комфортного рабочего места и зон отдыха, проведение тренингов, семинаров, направленных на восстановление психологического баланса и т. д.

2. Достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки.

В рамках этого направления не только производится выплата заработной платы, соответствующей требованиям рынка труда, но и формируется эффективный и измеримый с успехами компании премиальный фонд, предпринимаются меры, направленные на помощь сотрудникам в вопросах кредитования, возмещаются расходы на уход, развитие и образование детей

3. Уважение семейных обязанностей сотрудников с детьми.

Это направление социальной ответственности реализуется через повышение качества жизни сотрудников и их семей. Это становится возможным через реализацию таких корпоративных услуг, как организация образовательной детальной и досуга детей сотрудников, меры, направленные на поддержание баланса между карьерой и семьей: возможность построения гибкой карьеры в зависимости от изменения ценностной ориентации (смещение фокуса на родительский труд или подготовку к нему), система гибкого графика труда и отпусков, приоритет удаленной работы для сотрудников с детьми дошкольного и младшего школьного возраста.

4. Эффективная система взаимодействия с сотрудниками как основными стейкхолдерами компании.

Рассматривая персонал как лиц, максимально заинтересованных в успешности компании, организации с высоким уровнем корпоративной социальной ответственности готовы предлагать им прозрачную систему взаимодействия. Ключевыми инструментами осуществления данного направления видятся выявление и учет потребностей сотрудников, выполняющих семейные обязанности, при осуществлении ими своих профессиональных обязанностей, включение сотрудников в обсуждение разработки корпоративных демографических программ, формирование концептуальной поддержки семейных ценностей на высшем уровне управления, создание безопасной корпоративной среды для сотрудников, планирующих и осуществляющих родительские обязанности, поддержка гендерного равенства в вопросах построения карьеры и оплаты труда.

Представляется, что перечисленные направления мер, направленных на поддержку сотрудников и их семей, имеют различный потенциал для реализации в российских организациях.

Обсуждение

Отметим, что выделенные направления взаимодействия с сотрудниками отвечают принципам стратегии ESG по направлению социальной ответственности (раздел S (*social*) аббревиатуры «ESG»), реализуемой рядом российских компаний¹. Данное направление стратегии, в числе прочего, включает создание условий для эффективного труда и развития человеческого потенциала, обеспечение соблюдения и защиты прав человека, инклюзивной среды и равного доступа к продуктам и услугам, поддержку местных сообществ и содействие социальному развитию. Однако нельзя не отметить, что включение данных практик в концепцию социальной ответственности носит сегодня не повсеместный характер, реализуется, как правило, крупными отраслевыми холдингами, компаниями из передовых отраслей экономики. Тогда как нужный эффект может быть достигнут за счет распространенности данных мер.

На динамику, результативность, эффективность внедрения данных практик могут влиять как внешние (регион присутствия, отрасль), так и внутренние факторы (организационная форма, тип корпоративной культуры, тип лидерства и др.).

Например, на основании кластерного анализа О.М. Шубат и А.П. Багирова выявили регионы страны с наилучшими показателями развития корпоративного сектора, самым высоким уровнем инновационной активности и самой низкой долей убыточных предприятий. В этих российских регионах в корпоративном секторе политика, ориентированная на семьи работников, может стать наиболее востребованной для персонала организаций, вполне доступной для предприятий и эффективной в качестве нового инструмента демографической политики [15, с. 1121–1134].

К благоприятным внутренним факторам для реализации практик поддержки семей работников можно отнести наличие в организации корпоративной культуры инновационного типа. Так как компании, в которых преобладает интеллектуальный труд, а управление характеризуется контурными управленческими решениями и партисипативностью, где развиты коммуникационные сети, скорее всего, имеют больший потенциал для реализации практик корпоративной демографической политики [16, с. 34–48].

Однако стоит отметить, что независимо от региона присутствия и типа корпоративной культуры многие российские компании во время пандемии COVID-19 достаточно быстро смогли апробировать некоторые международные практики политики, направленной на поддержку семей работников. Например, внедрение удаленной формы работы с использованием информационных технологий (согласно данным ВЦИОМ, до пандемии в формате удаленного режима трудились только 2 % опрошенных россиян², в период пандемии эта доля возросла в десятки раз). Этот факт позволяет говорить о перспективности реализации и других направлений поддержки сотрудников и их семей, описанных в данной статье, конечно, при активной государственной поддержке, которая могла бы заключаться в организации комплекса мер, связанных,

¹ Российский союз промышленников и предпринимателей. <https://rspp.ru/activity/social>

² По данным ВЦИОМ, см. <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/czifrovaya-gramotnost-i-udalennaya-rabota-v-usloviyakh-pandemii>

например, не только с субсидиями и льготами, но и репутационными аспектами¹ для организаций, реализующих корпоративную демографическую политику.

Поэтому представляется, что продолжение исследования вопроса интеграции международных практик поддержки сотрудников и семей на корпоративном уровне является перспективным в контексте поиска новых инструментов поддержки государственной демографической повестки.

Заключение

Современная демографическая ситуация в России требует поиска новых путей и инструментов решения вопросов сбережения народа России и развития человеческого капитала. В качестве одного из ключевых направлений в решении данных вопросов предлагается рассматривать включение социального института бизнеса в реализацию государственной демографической повестки. Например, через построение корпоративной демографической политики. Определяя такую политику как систему мер, направленных на поддержку потребностей работников организации, выполняющих профессионально-трудовые и семейные функции, мы предлагаем следующие направления таких мер: обеспечение защиты жизни и здоровья сотрудников, достойное вознаграждение за труд, уважение семейных обязанностей сотрудников с детьми, эффективная система взаимодействия с сотрудниками как основными стейкхолдерами компании. Для того, чтобы определить потенциал для их реализации в той или иной организации, необходимо проанализировать ряд внешних (регион присутствия, отрасль т. д.) и внутренних факторов (организационная форма, тип корпоративной культуры, тип лидерства и др.), влияющих на жизнедеятельность организации. Представляется, что продолжение исследования вопросов поддержки сотрудников и семей на корпоративном уровне в российских организациях является актуальным и перспективным.

Благодарность

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Acknowledgements

The article has been prepared within the framework of the project «Institutions to support Russian pronatalist policy: potential and prospects for influencing birth rate growth», supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation (NSch-1327.2022.2).

Список источников

[1] Vavilova A., Bagirova A., Shutova N. Supporting demographic policy in Russia: business-level opportunities and advantages // Conference proceedings of the 15th International Days of Statistics and Economics, MSED (September 9-11, 2021). Prague, 2021. P. 1144-1153.

[2] Mullins L., Chabonneay E., Riccucci N. The Effects of Family Responsibilities Discrimination on Public Employees' Satisfaction and Turnover Intentions: Can Flexible Work Arrangements

¹ Соответствующие предложения вошли в резолюцию по итогам III Всероссийского демографического форума с международным участием в проекте Концепции корпоративной демографической политики российских организаций; см. также [17].

Help? // Review of Public Personnel Administration. Vol. 41. No. 2. P. 384–410. <https://doi.org/10.1177/0734371X19894035>

[3] Why hotel employees care about Corporate Social Responsibility (CSR): Using need satisfaction theory / H. Kim, Y. Rhou, E. Topcuoglu, E. Kim // International Journal of Hospitality Management, 2020. Vol. 87(4). 102505. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102505>.

[4] *Averett K. H.* A feminist public sociology of the pandemic interviewing about a crisis, during a crisis // Gender, work and organization. 2020. Vol. 28, No. S2. P. 321-329. <https://doi.org/10.1111/gwao.12616>

[5] *Hodges L.* Do Female Occupations Pay Less but Offer More Benefits? // Gender and Society. 2020. Vol. 34, No. 3. P. 381-412. <https://doi.org/10.1177/0891243220913527>

[6] *Magnusson C.* Flexible time — but is the time owned? Family friendly and family unfriendly work arrangements, occupational gender composition and wages: a test of the mother-friendly job hypothesis in Sweden // Community, Work & Family. Vol. 24, No. 3. P. 291-314. <https://doi.org/10.1080/13668803.2019.1697644>

[7] *Samman E., Lombardi J.* Childcare and working families: new opportunity or missing link? An evidence brief // UNECEF — Childcare-Family-Friendly_Policies-2019. <https://www.unicef.org/sites/default/files/2019-07/UNICEF-Childcare%20-Family-Friendly-Policies-2019.pdf> (accessed on: 05.01.2023)

[8] *Stier H., Lewin-Epstein N., Braun M.* Work-family conflict in comparative perspective: The role of social policies // Research in Social Stratification and Mobility/ 2012. Vol. 30. No. 3. P. 265-279. <https://people.socsci.tau.ac.il/mu/noah/files/2018/01/Work-family-conflict-RSSM-2012.pdf> (accessed on: 10.01.2023)

[9] OECD. Family Database. <https://www.oecd.org/els/family/database.htm> (accessed on: 10.01.2023)

[10] *Halinski M., Duxbury L.* Workplace flexibility and its relationship with work-interferes-with-family // Personnel Review. 2019. Vol. 49, No. 1. P. 149-166. <https://doi.org/10.1108/PR-01-2019-0048>

[11] *Michaelides A., Anderson D., Vinnicombe S.* A qualitative exploration of managerial mothers' flexible careers: The role of multiple contexts // Journal of Vocational Behavior. 2023. Vol. 141. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2022.103840>

[12] *Wong K., Chan A. H. S., Teh P.-L.* How is work-life balance arrangement associated with organizational performance? A meta-analysis // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17, No. 12. P. 1-19. <https://doi.org/10.3390/ijerph17124446>

[13] *Masterson C., Sugiyama K., Ladge J.* The value of 21st century work-family supports: Review and cross-level path forward // Journal of organizational behavior. 2020. Vol. 42, No. 2. P. 118-138. <https://doi.org/10.1002/job.2442>

[14] *Fore H.* Family-friendly policies benefit all of us. Here are 4 ways to boost them? // Materials of World Economic Forum. <https://www.weforum.org/agenda/2019/07/4-ways-to-build-family-friendly-policies-parental-leave/> (accessed on: 28.12.2022)

[15] *Шубат О. М., Багирова А. П., Янь Д.* Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах // Экономика региона. 2021. № 18(4). С. 1121-1134 <https://doi.org/10.17059/ekon.reg>.

[16] *Багирова А. П., Вавилова А. С.* Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: реалии и возможности развития в российских организациях // Управленец. 2022. Т. 13, № 5. С. 34–48. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-5-3>. EDN: LLZBQQ.

[17] *Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Багирова А. П.* Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности биз-

неса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 151–164. <http://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>

References

[1] *Vavilova A., Bagirova A., Shutova N.* Supporting demographic policy in Russia: business-level opportunities and advantages // Conference proceedings of the 15th International Days of Statistics and Economics, MSED (September 9-11, 2021). Prague, 2021. P. 1144-1153.

[2] *Mullins L., Chabonneay E., Riccucci N.* The Effects of Family Responsibilities Discrimination on Public Employees' Satisfaction and Turnover Intentions: Can Flexible Work Arrangements Help? // Review of Public Personnel Administration. Vol. 41. No. 2. P. 384–410. <https://doi.org/10.1177/0734371X19894035>

[3] Why hotel employees care about Corporate Social Responsibility (CSR): Using need satisfaction theory / H. Kim, Y. Rhou, E. Topcuoglu, E. Kim // International Journal of Hospitality Management, 2020. Vol. 87(4). 102505. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102505>.

[4] *Averett K. H.* A feminist public sociology of the pandemic interviewing about a crisis, during a crisis // Gender, work and organization. 2020. Vol. 28, No. S2. P. 321-329. <https://doi.org/10.1111/gwao.12616>

[5] *Hodges L.* Do Female Occupations Pay Less but Offer More Benefits? // Gender and Society. 2020. Vol. 34, No. 3. P. 381-412. <https://doi.org/10.1177/0891243220913527>

[6] *Magnusson C.* Flexible time — but is the time owned? Family friendly and family unfriendly work arrangements, occupational gender composition and wages: a test of the mother-friendly job hypothesis in Sweden // Community, Work & Family. Vol. 24, No. 3. P. 291-314. <https://doi.org/10.1080/13668803.2019.1697644>

[7] *Samman E., Lombardi J.* Childcare and working families: new opportunity or missing link? An evidence brief // UNECEF — Chaldcare-Family-Friendly_Policies-2019. <https://www.unicef.org/sites/default/files/2019-07/UNICEF-Childcare%20-Family-Friendly-Policies-2019.pdf> (accessed on: 05.01.2023)

[8] *Stier H., Lewin-Epstein N., Braun M.* Work-family conflict in comparative perspective: The role of social policies // Research in Social Stratification and Mobility/ 2012. Vol. 30. No. 3. P. 265-279. <https://people.socsci.tau.ac.il/mu/noah/files/2018/01/Work-family-conflict-RSSM-2012.pdf> (accessed on: 10.01.2023)

[9] OECD. Family Database. <https://www.oecd.org/els/family/database.htm> (accessed on: 10.01.2023).

[10] *Halinski M., Duxbury L.* Workplace flexibility and its relationship with work-interferes-with-family // Personnel Review. 2019. Vol. 49, No. 1. P. 149-166. <https://doi.org/10.1108/PR-01-2019-0048>

[11] *Michaelides A., Anderson D., Vinnicombe S.* A qualitative exploration of managerial mothers' flexible careers: The role of multiple contexts // Journal of Vocational Behavior. 2023. Vol. 141. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2022.103840>

[12] *Wong K., Chan A. H. S., Teh P.-L.* How is work–life balance arrangement associated with organizational performance? A meta-analysis // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17, No. 12. P. 1-19. <https://doi.org/10.3390/ijerph17124446>

[13] *Masterson C., Sugiyama K., Ladge J.* The value of 21st century work–family supports: Review and cross-level path forward // Journal of organizational behavior. 2020. Vol. 42, No. 2. P. 118-138. <https://doi.org/10.1002/job.2442>

[14] *Fore H.* Family-friendly policies benefit all of us. Here are 4 ways to boost them? // Materials of World Economic Forum. <https://www.weforum.org/agenda/2019/07/4-ways-to-build-family-friendly-policies-parental-leave/> (accessed on: 28.12.2022).

[15] *Shubat O. M., Bagirova A. P., Yan D.* Corporate Family-Friendly Policies: The Possibility of Implementation in Russian Regions // *Economy of regions*, No. 18(4). P. 1121-1134. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg>

[16] *Bagirova A. P., Vavilova A. S.* Corporate demographic policy: The reality and development opportunities in Russian organizations // *The Manager*. Vol. 13, No. 5. P. 34-48. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-5-3>

[17] *Rostovskaya T. K., Shabunova A. A., Bagirova A. P.* The concept for corporate demographic policy of Russian enterprises in the framework of corporate social responsibility // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021. Vol. 14, No. 5. Pp. 151-164. <http://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>

Информация об авторах

Вавилова Ася Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративного управления и финансов, Новосибирский государственный университет экономики и управления; <https://orcid.org/0000-0003-0079-7024> (Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1; e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru).

About the authors

Asya S. Vavilova — Can. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Corporate Governance and Finance, Novosibirsk State University of Economics and Management; <https://orcid.org/0000-0003-0079-7024> (56, Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation; e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-4>
УДК 331, 331.5, 314
JEL classification: J11, J13

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ НА РОЖДАЕМОСТЬ И РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ¹

Т. А. Камарова^а, Н. В. Баранова^б

^{а, б} Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия)

^а <https://orcid.org/0000-0003-0087-9310>

Автор для корреспонденции: Т. А. Камарова (kta@usue.ru)

Аннотация. *Статья посвящена вопросам цифровой занятости и ее возможного влияния на рождаемость и родительское благополучие. Целью исследования является определение влияния различных форм цифровой занятости на уровень родительского благополучия и репродуктивные планы граждан. Представлены авторская трактовка понятия «цифровая занятость» и классификационная система ее группировки по формам. Авторами выдвинута гипотеза о разноплановом влиянии цифровых форм занятости на поведенческие установки в отношении родительства и родительское благополучие. Основным методом исследования — социологический опрос методом анкетирования. Пилотажный опрос был проведен на примере Свердловской области среди граждан репродуктивного возраста, работающих или имеющих опыт работы. Представлены некоторые результаты исследования, которые позволили оценить уровень родительского благополучия и репродуктивные установки в разных формах цифровой занятости. Обоснован вывод о необходимости дальнейших исследований влияния процессов цифровизации занятости на институт родительства.*

Ключевые слова: цифровая занятость; рождаемость; родительское благополучие; демография

The Impact of Digital Employment on Fertility and Parental Well-Being

T. A. Kamarova^а, N. V. Baranova^б

^{а, б} Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

^а <https://orcid.org/0000-0003-0087-9310>

Corresponding author: T. A. Kamarova (kta@usue.ru)

Abstract. *The article examines the issues of digital employment and its possible impact on fertility and parental well-being. The purpose of the study is to determine the impact of various forms of digital employment on parental well-being and reproductive plans of citizens. The authors' interpretation of the concept of «digital employment» and the classification system of its grouping by forms are presented. It is hypothesised that various forms of digital employment differently affect behavioural attitudes towards parenthood and parental well-being. The main method of research is a sociological survey by questionnaires. A pilot survey was conducted in Sverdlovsk oblast among citizens of reproductive age who are employed or have work experience. Some results of the study are presented, which made it possible to assess parental well-being and reproductive attitudes in various forms of digital employment. The conclusion about the need for further research on the impact of the processes of digitalisation of employment on the institution of parenthood is substantiated.*

Keywords: digital employment; fertility; parental well-being; demography

¹ © Камарова Т. А., Баранова Н. В. Текст. 2023.

Введение

Актуальность исследования обусловлена развитием ряда социально-экономических явлений, в том числе активным распространением процессов цифровизации во всех направлениях общественной деятельности, бизнеса и управления, изменением мировоззренческой парадигмы поколений, наличием глобальных цивилизационных вызовов. Кардинальные структурные изменения, обусловленные цифровизацией современной экономической среды, стали основным условием модернизации производственных отношений в России и развития цифровых форм занятости. Возникшие при этом тенденции, связанные с распространением коронавирусной инфекции, стали триггером распространения цифровых дистанционных форм занятости, повлиявших на устоявшиеся социально-трудовые отношения на рынке труда.

Развитие цифровой занятости несет с собой целый спектр преимуществ. Во-первых, эта новая форма взаимодействия между субъектами социально-трудовых отношений дает возможность как работникам, так и работодателям максимально учесть взаимные потребности и интересы. Во-вторых, такая форма позволяет использовать гибкие графики занятости, что весьма востребовано среди экономически активного населения.

Наряду с этим с цифровыми формами занятости сопряжен ряд проблем и противоречий, проявляющихся в двойственном влиянии на социально-трудовые отношения, на социально-психологические риски благополучия жизнедеятельности общества, на институт родительства.

В период коронавирусной пандемии крайне обострились вопросы демографического развития, репродуктивного поведения, сохранения семьи, перспектив воспроизводства населения.

Демографические исследования в нашей стране свидетельствуют об усугублении ситуации, связанной с рождаемостью в связи с пандемией COVID-19, что свидетельствует о возросшем значении поведенческого фактора демографического развития [1, 2].

Развитие цифровой занятости выступает одной из форм адаптации населения к социально-экономическим изменениям, что делает актуальными исследования различных аспектов развития цифровых форм занятости. Цифровая трансформация современного общества требует научного осмысления и оценки возможного влияния на институт родительства.

Авторами выдвинута гипотеза о возможном влиянии цифровизации на поведенческие установки в отношении родительства и родительского благополучия. Целью исследования является оценка влияния различных форм цифровой занятости на уровень родительского благополучия и репродуктивного поведения граждан. Результаты исследования будут использованы для последующей разработки модели анализа влияния цифровой занятости на рождаемость.

Обзор литературы

В эпоху Индустрии 4.0 происходят изменения всех сфер жизнедеятельности человека, четвертая промышленная революция выводит на новый цифровой уровень экономику и предполагает новые подходы в сфере занятости и социально-трудовых отношений. Результатом вызова цифровизации стало развитие цифровых форм занятости. Исследование цифровой занятости как неотъемлемой части цифровой экономики пока остается малоизученной научной областью.

Анализ научных работ позволяет сделать вывод, что цифровая занятость представлена в своих разнообразных формах (дистанционная, удаленная, платформенная занятость и др.), однако в настоящее время не сложилось единого мнения о сущности понятия «цифровая занятость».

Дистанционная занятость является мейнстримом цифровой занятости, ее исследованию посвящены работы ряда ученых, в которых поднимаются различные аспекты, такие как преимущества и недостатки ее применения [5–7], факторы и перспективы развития [8, 9], возможные риски ее использования, которые могут послужить препятствием дальнейшего распространения на рынке труда [10, 11]. Ряд работ посвящен гендерным вопросам использования дистанционной занятости и возможностям ее совмещения с родительством [12, 13].

Преимущества такого феномена цифровой занятости, как платформенная занятость, анализируются в публикациях наряду с ее основными недостатками, такими, например, как отсутствие трудового законодательства и необходимость совершенствования государственной политики в сфере труда [14, 15].

Анализ публикаций позволяет сделать вывод, что к цифровой занятости в большинстве исследований отнесены такие нестандартные формы занятости, как дистанционная и платформенная, при этом триггером развития данных форм занятости стала пандемия коронавируса. Мы согласны с тем, что данные формы занятости являются формами цифровой занятости. В более ранних публикациях нами была представлена расширенная авторская трактовка цифровой занятости — «занятость с использованием (более 70 % рабочего времени) цифровых технологий и ИКТ как неотъемлемой части трудовой деятельности. При этом собственно трудовой процесс может осуществляться как на стационарном рабочем месте, так и в удаленном формате, способы применения цифровых технологий и ИКТ могут отличаться в зависимости от формы занятости» [16, с. 202].

Несмотря на охват в научных публикациях различных аспектов цифровых форм занятости, следует отметить недостаток самостоятельных исследований, посвященных вопросам влияния цифровой занятости на родительское благополучие и рождаемость.

Материалы и методы

Настоящее исследование базируется на применении системного подхода к научному познанию на основе обобщения, систематизации, структурно-логического анализа. Эмпирической базой исследования послужили результаты проведенного авторами анкетирования с применением гугл-форм. Объектом пилотного исследования и генеральной совокупностью выступило население Свердловской области в репродуктивном возрасте, работающее и (или) имеющее опыт работы. Опрос был проведен осенью 2022 г. и охватил 504 респондента.

В основу методологии исследования легла авторская классификация занятости, включающая в себя следующие системообразующие понятия:

цифровая занятость — это занятость с использованием (более 70 % рабочего времени) цифровых технологий как неотъемлемой части трудовой деятельности;
нецифровая занятость — это занятость без использования цифровых технологий как неотъемлемой части трудовой деятельности.

При этом обе эти формы могут представлять как стандартную занятость, так и нестандартную (условия которой отклоняются от стандартных).

Гипотеза исследования сформулирована следующим образом: существует разноплановое влияние типа занятости на уровень родительского благополучия и репродуктивное поведение.

Результаты

В проведенном социологическом опросе населения Свердловской области приняло участие 504 респондента репродуктивного возраста, работающих и (или) имеющих опыт работы, из которых 68,8 % женщин и 31,2 % мужчин. При этом 47,6 % опрошенных отметили наличие детей, в том числе: троих и более детей имеют 6,0 % респондентов, двух детей — 20,4 %, одного ребенка — 21,2 %.

Структура респондентов по наличию занятости представлена на рисунке 2.

Программа социологического опроса включала вопросы, позволяющие определить, к какому виду занятости, согласно авторской классификации, можно отнести респондентов. Структура респондентов по видам занятости представлена на рисунке 3.

Цифровая стандартная занятость преобладает среди видов занятости, причем в этой группе большинство составляют женщины (более 60 %). Вторую по численности группу составили представители цифровой нестандартной занятости, в ней наблюдается равное распределение опрошенных по полу. В дальнейшем приводится

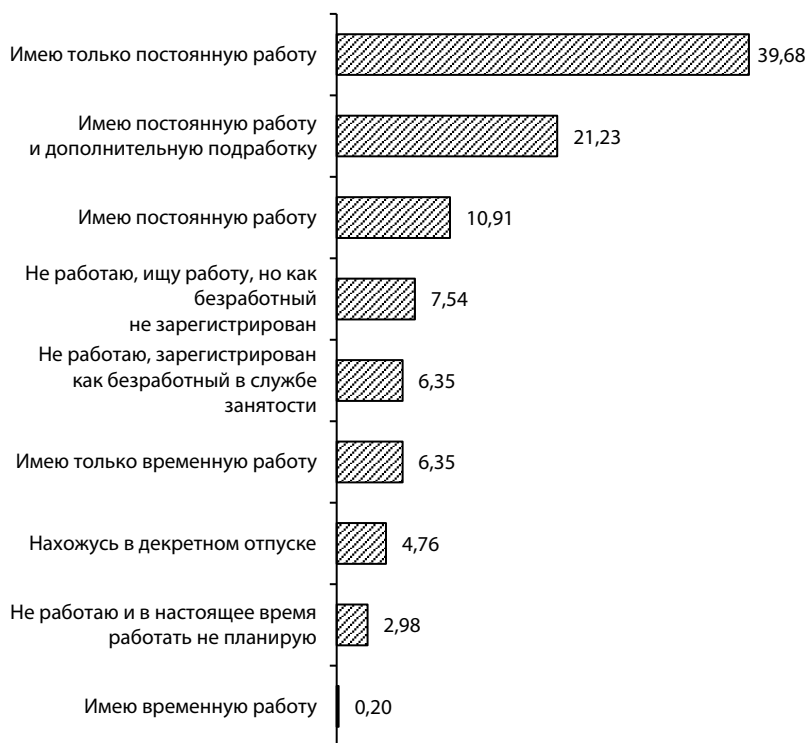

Рис. 2. Распределение респондентов по наличию занятости, % (источник: составлено авторами по результатам социологического опроса)

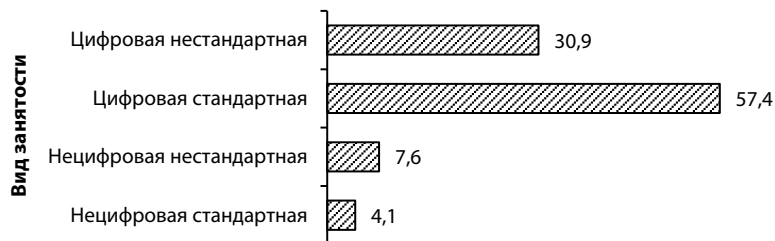

Рис. 3. Распределение респондентов по видам занятости, % (источник: составлено авторами по результатам социологического опроса)

часть результатов исследования, охватывающая только две эти укрупненные группы цифровой занятости.

Исследование позволило проследить различные аспекты родительского благополучия, включающие в себя функции успешного родителя, удовлетворенность своим здоровьем и здоровьем детей, ощущение счастья, удовлетворенность своей жизнью и др., причем в двух анализируемых группах результаты были неодинаковыми. Так, в группе респондентов, отнесенных к цифровой стандартной занятости, оценка удовлетворенности возможностью уделять детям достаточное количество времени выше, чем у респондентов из группы цифровой нестандартной занятости.

На рисунке 4 представлено распределение ответов респондентов обеих групп на вопрос «Насколько успешно Вам удастся совмещать работу с выполнением обязанностей родителя?», при этом было предложено отметить цифру на шкале, где 1 означает, что совмещать очень трудно, а 10 — удается вполне.

В группе цифровой стандартной занятости наблюдается в 2 раза больше ответов, свидетельствующих, что респондентам вполне удается совмещать работу с выполнением обязанностей родителя.

На рисунке 5 представлено распределение ответов обеих групп респондентов на вопрос «На Ваш взгляд, Вы счастливы?».

Наблюдаются определенные различия между ответами представителей разных групп цифровой занятости. Так, более 10 % респондентов, отнесенных к группе цифровой нестандартной занятости, считают себя несчастливыми.

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько успешно Вам удастся совмещать работу с выполнением обязанностей родителя?», % (источник: составлено авторами по результатам социологического опроса)

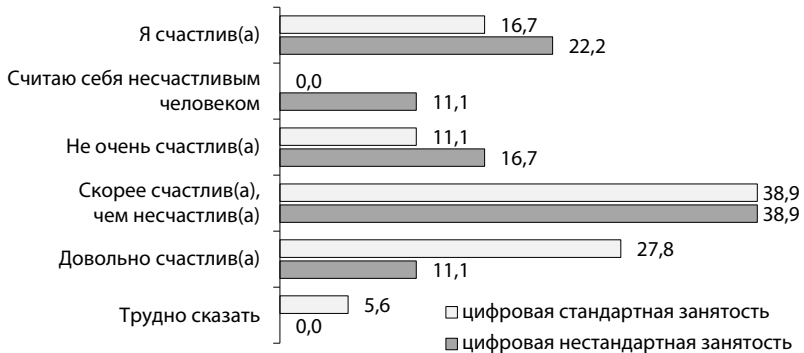

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «На Ваш взгляд, Вы счастливы?», % (источник: составлено авторами по результатам социологического опроса)

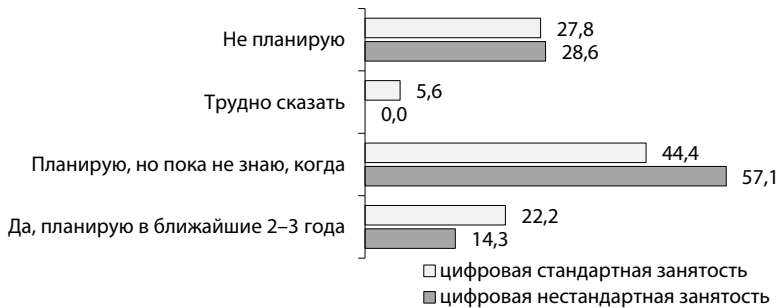

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Планируете ли Вы рождение ребенка / детей?», % (источник: составлено авторами по результатам социологического опроса)

Также имеются различия в ответах респондентов на вопрос «Планируете ли Вы рождение ребенка / детей?», структура ответов представлена на рисунке 6.

В группе респондентов, отнесенных к цифровой нестандартной занятости, в целом планируют завести детей 57,14 %, однако в группе респондентов, отнесенных к цифровой стандартной занятости, выше доля тех, кто планирует стать родителями в ближайшие 2–3 года.

Таким образом, представленные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о возможном разноплановом влиянии типа занятости на родительское благополучие и рождаемость.

Заключение

Результаты пилотажного исследования, проведенного среди мужчин и женщин репродуктивного возраста, работающих и (или) имеющих опыт работы, позволили определить, что существует разноплановое влияние на уровень родительского благополучия и рождаемости в зависимости от типа занятости. Фокус внимания данного исследования был направлен на две укрупненные группы — цифровую стандартную и цифровую нестандартную формы занятости. Считаем, что гипотеза исследования о влиянии процессов цифровизации занятости на воспроизводство населения и социальные аспекты родительства подтвердилась. По результатам проведенного

пилотажного исследования был сделан вывод, что в рамках авторской классификации типов цифровой занятости целесообразно в дальнейшем рассмотреть и выделить группу занятых с интенсивным использованием информационно-коммуникационных технологий в трудовом процессе и отдельно ИТ-занятость (с наиболее интенсивным использованием ИКТ) с целью дальнейшего анализа влияния разных форм цифровой занятости. В дальнейшем исследование планируется провести на территориях всех субъектов Российской Федерации. Результаты исследования будут использованы для последующей разработки модели анализа влияния цифровой занятости на рождаемость.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614, <https://rscf.ru/project/22-18-00614>

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the Grant No. 22-18-00614, <https://rscf.ru/project/22-18-00614>

Список источников

[1] Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2021 / отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. Москва ФНИСЦ РАН, 2021. 138 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021>

[2] Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2022 / отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. М.: ИТД «Перспектива», 2022. 220 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022>

[3] Азьмук Н. Сущность, особенности и функции цифрового рынка труда // Вестник Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Экономика. 2015. Т. 5, № 170. С. 38–43. <https://doi.org/10.17721/1728-2667.2015/170-5/7>

[4] Азьмук Н. А. Цифровая занятость в системе регулирования национальной экономики // Проблемы экономики (Харьков). 2020. № 1(43). С. 52–58. <https://doi.org/10.32983/2222-0712-2020-1-52-58>

[5] Федченко А. А., Дорохова Н. В., Дашкова Е. С. Гибкая занятость: глобальный, российский и региональный аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 1. С. 16–24. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-16-24>

[6] Колосова Р. П., Луданик М. В. Новая архитектура российского рынка труда в условиях цифровой экономики // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации: сб. науч. ст. Витебск: ВГТУ, 2018. С. 100–108.

[7] Калашикова И. В., Филиппова К. В. Трудовые отношения в эпоху гигиномики // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2020. № 3(58). С. 33–42.

[8] Lapina T. A., Stuken T. Yu. Work satisfaction of non-standard employed in Russia // The 11th International Days of Statistics and Economics: conference proceedings (Prague, September 14–16, 2017). Prague: University of Economics, 2017. Pp. 849–856.

[9] Róbert P., Oross D., Szabó A. Youth, precarious employment and political participation in Hungary // Intersections. 2017. Vol. 3, No. 1. P. 120–146. <https://doi.org/10.17356/ieejsp.v3i1.299>

[10] Thulin E., Vilhelmson B. New telework, time pressure, and time use control in everyday life // Sustainability. 2019. Vol. 11, No. 11. <https://doi.org/10.3390/su11113067>

[11] Землянухина Н. С. Современные тенденции в сфере занятости населения // Гуманитарный научный журнал. 2019. № 1. С. 38–43.

[12] *Tonkikh N. V., Chudinovskikh M. V., Markova T. L.* Assessment of female telework scope in the conditions of digital economy // *Advances in Economics, Business and Management Research*. 2019. Vol. 81. P. 160–163. <https://doi.org/10.2991/mtde-19.2019.30>

[13] *Пеуа А. В.* Влияние нестандартных форм занятости на физическое и психосоциальное здоровье женщин. Обзор исследований // *Вестник Омского университета*. 2018. № 4(64). С. 111–125. (Сер. Экономика).

[14] *Чудиновских М. В.* Основные тенденции развития цифровых трудовых платформ в условиях пандемии // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 3(56). С. 280–284. <https://doi.org/10.25683/volbi.2021.56.370>

[15] *Chen B., Liu T., Wang Y.* Volatile fragility: new employment forms and disrupted employment protection in the new economy // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17, No. 5. <https://doi.org/10.3390/ijerph17051531>

[16] *Камарова Т. А., Баранова Н. В.* Оценка развития цифровой занятости на рынке труда на примере ИТ-отрасли: базовые метрики // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 6. С. 199–214. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.12>

References

[1] Demographic well-being of Russian regions. National Demographic Report — 2021 / ed. by T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova. Moscow: FCTAS RAS, 2021. 138 p. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021>

[2] Demographic well-being of Russian regions. National Demographic Report — 2022 / ed. T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova. Moscow: PERSPEKTIVA, 2022. 220 p. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022>

[3] *Azmuk N.* Essence, features and functions of the labour digital market // *Bulletin of Taras Shevchenko National University of Kyiv. Economics*. 2015. Vol. 5, No. 170. P. 38–43. <https://doi.org/10.17721/1728-2667.2015/170-5/7>

[4] *Azmuk N. A.* Digital employment in the system of regulation of the national economy // *The Problems of Economy*. 2020. Vol. 1(43). P. 52–58. <https://doi.org/10.32983/2222-0712-2020-1-52-58>

[5] *Fedchenko A., Dorokhova N., Dashkova E.* Flexible employment: global, Russian and regional aspects // *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62, No. 1. P. 16–24. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-16-24>

[6] *Kolosova R. P., Ludanik M. V.* New architecture of the Russian labor market in the context of the digital economy // *Socio-economic development of organizations and regions of Belarus: efficiency and innovation: collection of scientific articles*. Vitebsk: VSTU, 2018. P. 100–108.

[7] *Kalashnikova I. V., Filippova K. V.* Labor Relations in Gig Economy // *Pacific State University Bulletin*. 2020. Vol. 3(58). P. 33–42.

[8] *Lapina T. A., Stuken T. Yu.* Work satisfaction of non-standard employed in Russia // *The 11th International Days of Statistics and Economics: conference proceedings (Prague, September 14–16, 2017)*. Prague: University of Economics, 2017. P. 849–856.

[9] *Róbert P., Oross D., Szabó A.* Youth, precarious employment and political participation in Hungary // *Intersections*. 2017. Vol. 3, No. 1. P. 120–146. <https://doi.org/10.17356/ieejsp.v3i1.299>

[10] *Thulin E., Vilhelmsen B.* New telework, time pressure, and time use control in everyday life // *Sustainability*. 2019. Vol. 11, No. 11. <https://doi.org/10.3390/su11113067>

[11] *Zemlyanukhina N. S.* Current trends in the field of employment // *Humanitarian Scientific Bulletin*. 2019. Vol. 1. P. 38–43.

[12] *Tonkikh N. V., Chudinovskikh M. V., Markova T. L.* Assessment of female telework scope in the conditions of digital economy // *Advances in Economics, Business and Management Research*. 2019. Vol. 81. P. 160–163. <https://doi.org/10.2991/mtde-19.2019.30>

[13] *Pesha A. V.* The impact of precarious employment on the physical and psychosocial health of women. Research overview // *Herald of Omsk University. Series «Economics»*. 2018. Vol. 4(64). P. 111–125.

[14] *Chudinovskikh M. V.* The main trends in the development of digital labor platforms in the context of the pandemic // *Business. Education. Law*. 2021. Vol. 3(56). P. 280–284. <https://doi.org/10.25683/volbi.2021.56.370>

[15] *Chen B., Liu T., Wang Y.* Volatile fragility: new employment forms and disrupted employment protection in the new economy // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17, No. 5. <https://doi.org/10.3390/ijerph17051531>

[16] *Kamarova T. A., Baranova N. V.* Assessing the development of digital employment in the labor market on the example of the IT sector: Basic metrics // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022. Vol. 15, No. 6. P. 199–214. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.12>

Информация об авторах

Камарова Татьяна Александровна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Научно-образовательный центр «Технологии инновационного развития» Управления наукометрии, научно-исследовательской работы и рейтингов, Уральский государственный экономический университет; <https://orcid.org/0000-0003-0087-9310> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: kta@usue.ru).

Баранова Наталья Владимировна — магистр управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: baranova_usue@mail.ru).

About the authors

Tatiana A. Kamarova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Research Associate, Scientific and Educational Center «Technologies of Innovative Development» of the Department of Scientometrics, Research and Ratings, Ural State University of Economics; <https://orcid.org/0000-0003-0087-9310> (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: kta@usue.ru).

Natalya V. Baranova — Master of Personnel Management, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: baranova_usue@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-5>

УДК 314.12

JEL classification: J13, J18

ТРЕНДЫ ИЗМЕНЕНИЙ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК В РОССИИ В 2022 ГОДУ¹

И. А. Кулькова

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-1975-0875>

Автор для корреспонденции: И. А. Кулькова (i.a.koulkova@mail.ru)

Аннотация. *Статья раскрывает вопросы влияния комбинированного кризиса 2022 г. на репродуктивные установки россиян. На основе статистических данных определено падение рождаемости до уровня 2001 г. Для выявления причин, связанных с репродуктивным поведением, автором проведен контент-анализ комментариев читателей социальной сети Дзен, оставленных после трех статей о сокращении рождаемости в 2022 г., содержащих призыв написать мысли о причинах сокращения и идеи о мерах по повышению рождаемости в России. Проведенный контент-анализ позволил выявить основную причину снижения рождаемости — продолжающееся сокращение уровня доходов населения, не позволяющее обеспечивать воспитание детей. Другой важной причиной падения рождаемости является неконтролируемый рост цен на жилье, что на фоне снижения уровня доходов приводит к невозможности приобретения недвижимости, при этом маткапитал данную проблему не решает. В статье также содержатся обобщенные предложения по повышению рождаемости, которые могут быть использованы при формировании демографической политики государства.*

Ключевые слова: рождаемость; репродуктивное поведение; факторы рождаемости; влияние кризиса на рождаемость; репродуктивные установки

Trends in Reproductive Behaviour Changes in Russia in 2022

I. A. Kulkova

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)

<https://orcid.org/0000-0003-1975-0875>

Corresponding author: I. A. Kulkova (i.a.koulkova@mail.ru)

Abstract. *The article examines the impact of the 2022 combined crisis on the reproductive attitudes in Russia. The statistical data revealed a drop in the birth rate to the level of 2001. To identify the causes associated with reproductive behaviour, a content analysis of comments from Zen social network readers was conducted. Comments were left by readers of three articles on the reduction in the birth rate in 2022, containing a call to write thoughts about the reasons for the reduction and ideas about measures to increase the birth rate in Russia. The content analysis identified the main reason for the decline in the birth rate, namely, the continuing decline in population income, which does not allow for the upbringing of children. Another important reason for the decline in the birth rate is the uncontrolled rise in housing prices, which, against the income decrease background, leads to the impossibility of acquiring real estate, and maternity capital does not solve this problem. The article also contains generalised proposals for increasing the birth rate, which can be used in the state's demographic policy.*

Keywords: fertility; reproductive behaviour; fertility factors; crisis on fertility impact; reproductive attitudes

¹ © Кулькова И. А. Текст. 2023.

Введение

Демографические вопросы являются одними из важнейших не только с социальной, но и экономической, а также геополитической точек зрения. Так, несмотря на введенные против России экономические санкции, уход зарубежных брендов, обеспечивающих ранее работой тысячи людей, с российского рынка и сокращение доходов многих российских компаний, безработица в 2022 г., по данным Росстата, была самой низкой в истории страны. Уровень безработицы в 3,96 %, что ниже естественного уровня, свидетельствует о значительном дефиците кадров, особенно в современных условиях, требующих развития отечественного производства для замещения санкционной продукции. Одной из причин дефицита кадров являются отложенные результаты катастрофического снижения рождаемости в 1990-х — начале 2000-х гг. С геополитической точки зрения демографические вопросы очень важны, поскольку плотность населения в России составляет 8,56 жителей на км², страна занимает 180-е место из 194 в мире по плотности населения; при этом стоит учитывать, что 8,6 % от населения России проживает в одном городе — Москве, а всего в стране 15 городов-миллионников.

В 2022 г. к России присоединились четыре территории (Луганская народная республика, Донецкая народная республика, Запорожская и Херсонская области), что увеличило численность населения России на 6,2 млн чел., однако с учетом присоединения также и дополнительных территорий средняя плотность населения увеличится лишь до 8,82 жителей на км², сохраняя страну на 180-м месте в мире.

Устойчивый рост численности населения зависит от уровня рождаемости в стране, который в период с 2015 г. по 2022 г. неуклонно снижался (рис. 1)

Как показывают данные статистики, в 2022 г. число рожденных сократилось на 96,67 тыс. чел., или на 6,9 % по сравнению с 2021 г. В относительных показателях коэффициент рождаемости (т. е. число рождений на 1000 жителей) также сократился на 6,3 % и впервые за последние 20 лет опустился до уровня 2001 г.

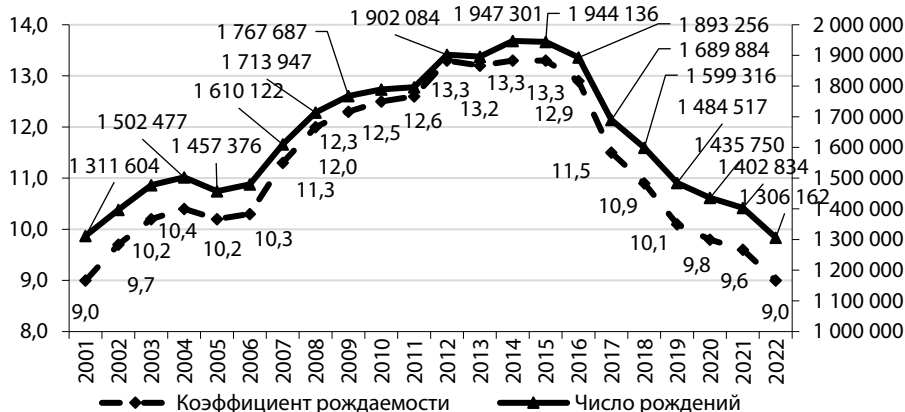

Рис. 1. Динамика рождаемости в России в 2001–2022 гг. (источник: Составлено автором на основе данных «Рождаемость, смертность и естественный прирост населения». https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/vita1_bd.htm (дата обращения: 20.01.2023); Социально-экономическое положение России. Январь 2023 г. Москва. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2023.pdf> (дата обращения: 14.02.2023)

Общепризнанной в демографии является идея, что уровень рождаемости является функцией двух переменных: демографической структуры и репродуктивного поведения. Демографическая структура в последние годы и в ближайшей перспективе оказывает негативное влияние на рождаемость, следовательно, основное внимание ученых и руководства страны в сфере демографии до 2030 г. должно быть направлено на вторую переменную.

Теория репродуктивного поведения, лежащая в основе данного исследования, зародилась лишь во второй половине прошлого века. Впервые включили установки на число детей в число факторов рождаемости Р. Холл, Дж. Стикос и К. Бэк [1], а также социально-психологические детерминанты рождаемости — Р. Фридмен [2]. Далее исследования стали основываться на бихевиористской концепции; в России — на модели диспозиционной регуляции поведения профессора В.А. Ядова [3].

Изучение репродуктивного поведения началось активно в нашей стране с 2010 г., в соответствии с данными базы данных eLibrary, когда впервые было издано 124 публикации за год, а до 2003 г. число публикаций составляло менее 10 ед. в год. Максимальное число публикаций по данной тематике наблюдалось в 2020 г. (241 ед.). Всего по ключевым словам «репродуктивное поведение» в eLibrary размещено 2718 публикаций (при этом мы исключили публикации по биологии, сельскому хозяйству, искусству, частично — по педагогике, юридическим наукам), из них 1048 публикаций — по медицинским наукам и здравоохранению (они лишь косвенно могут учитываться в демографии). Тогда из оставшихся публикаций распределение по тематике следующее: 653 — по социологии, 258 — по демографии, 237 — по экономике, 196 — по психологии, 120 — по истории, 67 — по педагогике, 27 — по философии, 14 — по юридическим наукам.

Количественный библиометрический анализ показывает, что основной метод сбора информации для анализа репродуктивного поведения — социологический, в частности опросы населения, именно опросы использованы для исследования Т.К. Ростовской, Е.Н. Васильевой [4], А.А. Вяльшиной, И.А. Ножкиной, С.С. Шалаевой [5], Н.В. Тонких [6], Г.В. Леонидовой, Е.А. Басовой [7] и др. Экономические и эконометрические расчеты по теме репродуктивного поведения, изучающие компоненты среднего числа детей в семье и среднего числа детей, рожденных женщиной за всю ее жизнь, встречаются гораздо реже; среди немногочисленных можно назвать, например, исследования В.Н. Архангельского [8].

Объектом данного исследования выступают репродуктивные установки как элемент репродуктивного поведения — психологические состояния личности, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей [9, с. 216].

Целью статьи является исследование репродуктивных установок населения в 2022 г. на основе контент-анализа, который отличается комбинированием большого числа элементов социоэкономического кризиса.

Анализ научных публикаций позволил сделать вывод о наличии доказательств влияния на рождаемость экономических и финансовых кризисов [10] и психологической напряженности и неопределенности (например, в связи с пандемией [11]), а также серьезных социальных изменений, к которым можно отнести, например, повышение пенсионного возраста на 5 лет [12], или исторического ряда влияния негативных факторов [13]. Однако 2022 г. отличается тем, что в этот год действовали одновременно несколько негативных факторов, способных изменить репродуктивные установки

россиян. Имеются пессимистичные прогнозы рождаемости на ближайший период [14], основанные на анализе демографической структуры, поэтому тема исследования изменения репродуктивных установок является актуальной.

Материалы и методы

Основным методом исследования выступает анализ документов. Был выбран контент-анализ, позволяющий перевести качественную информацию в вид, предоставляющий возможность количественного подсчета. В качестве источников информации (документов) были выбраны комментарии в Дзен к публикациям о значительном сокращении рождаемости в России в период январь — октябрь 2022 г. Все три статьи содержали примерно одну и ту же информацию, две из них включали вопросы к читателям: что они думают о причинах падения рождаемости в 2022 г. и что предлагают сделать, чтобы поднять рождаемость. Пример статьи: «Россияне побили антирекорд по рождаемости: как можно спасти ситуацию»¹. Комментарии в Дзен были выбраны потому, что на этом сайте они практически не подвергаются политической цензуре, данный канал стал достаточно популярным после закрытия нескольких зарубежных социальных сетей. Комментарии интересны еще и тем, что никто не заставляет читателей их писать, следовательно, искажений в информации значительно меньше. Таким образом, выбранные нами документы можно классифицировать: по способу фиксирования информации — электронные, по степени персонификации — личные, по статусу источника — неофициальные, по источнику информации — первичные.

Всего нами были найдены 126 неповторяющихся комментариев, которые содержали некоторые предложения или объяснения причин снижения рождаемости, из них 5 комментариев было нами удалено из выборки, поскольку они содержали экстремистские призывы к свержению власти, 3 комментария были удалены, поскольку единственную причину снижения рождаемости их авторы видят в сокращении численности женщин репродуктивного возраста как эхо демографической ямы 1990-х гг. (переменная демографической структуры) и в них отсутствуют какие-либо предложения; еще 5 комментариев объясняют снижение рождаемости глобальными трендами, опять же без рекомендаций. Итого в исследовании было использовано 113 документов, на каждый из них была оформлена карточка контент-анализа, были выделены 24 слова для подсчета, характеризующие причины снижения рождаемости и предложения по решению ситуации. Кроме того, определялся знак информации (положительно, отрицательно или нейтрально настроен автор комментария к рождению детей).

Результаты и обсуждение

Прежде всего о знаке информации — распределение комментариев произошло практически в равных пропорциях: 28 % авторов, судя по тексту, хотели бы иметь больше детей, 30,2 % — отрицательно относятся к (еще одним) родам, остальные комментарии — нейтральные.

Больше всего информации в комментариях было о причинах снижения рождаемости (рис. 2). Некоторые писали, что причины возникли не в этом году, а гораздо

¹Иваткина М. Россияне побили антирекорд по рождаемости: как можно спасти ситуацию. <https://dzen.ru/a/Y66IMS7DaCNwh4hA> (дата обращения: 15.02.2023); Критическая бездетность: в России стремительно падает рождаемость. Что с этим делать? https://dzen.ru/a/Y85B_rk9K0N-2-X4 (дата обращения: 15.02.2023); Рождаемость в России упала на 6,5% на фоне военной операции на Украине. Мнение автора канала. <https://dzen.ru/a/Y4SAMGm47DSP0zJc> (дата обращения: 15.02.2023).

Рис. 2. Причины снижения рождаемости в 2022 г. по результатам авторского контент-анализа комментариев, % (источник: Составлено автором по результатам собственного исследования)

раньше; военные действия, частичная мобилизация, отъезд части населения в качестве одной из причин были упомянуты лишь в 15 комментариях (13,6 %). Один из таких комментариев: *«Главное событие прошлого года — СВО и мобилизация обычного населения. По себе могу сказать, что планировала, занималась здоровьем, а потом февраль, и все, мне элементарно страшно»*. Санкции против России со стороны недружественных стран не были названы ни разу, как и, в целом, ухудшение экономической ситуации. В комментариях написано, что экономическая ситуация — плохая, но никто не написал, что она ухудшилась в 2022 г.; о том, что нет работы, указано в некоторых комментариях, но нигде не написано, что в этом году люди потеряли работу. В одном из комментариев прямо написано: *«И да: СВО, кризис, ковид и т. д. ничего не изменили»*.

Основная причина падения рождаемости, по мнению авторов комментариев, — недостаточность средств на воспитание ребенка. Эта причина отмечена в 44,5 % комментариев. *«Чтобы детей было больше, их наличие должно быть по кошельку вообще»*, — считает один из авторов комментариев; *«В настоящее время дети — слишком дорогое удовольствие»*, — вторит ему другой; *«Современные дети в избах не сидят, без штанов босиком не бегают. Каждому смартфон, компьютер, а то в школе учиться невозможно... Велосипеды, стулья, столы для уроков, очки, зубы — дорогая статья...»*, — объясняет третий. При этом один из авторов замечает, что *«ведь 10 лет как падают реальные доходы населения»*, а другой не менее внимательный автор подчеркивает, что *«и высокий уровень рождаемости сохранился в регионах, где зарплаты высокие — нефтеносные всякие»*.

Следующая по важности причина снижения рождаемости в 2022 г. — отсутствие у населения уверенности в завтрашнем дне, она отмечена в 20,9 % комментариев. *«А как вообще можно планировать рождение ребенка если неизвестно, что будет завтра?»*,

— задает вопрос один из авторов; *«Ситуация неопределенная, будущее туманно, уверенности никакой, цены с цепи сорвались...»*, — добавляет другой автор; *«Нет никаких перспектив, страна барахолка, купи-продай»*, — объясняет третий. Хотелось бы надеяться, что с ростом промышленного производства в связи с необходимостью замещения санкционных товаров население России перестанет воспринимать свою страну как «барахолку», появится вера в будущее своей страны.

Третьей по частоте упоминания причиной в комментариях названа дороговизна жилья (15,5 %). Один из авторов уверен, что *«государство бесконтрольным вливанием денег в строительные компании взвинтило цены на жилье более чем в 2 раза за два года!»*, в результате *«отдашь маткапитал за какую-нибудь халупу и еще лет двадцать выплачивать ипотеку будешь»*, — жалуется другой автор.

Примерно в 11 % комментариях отмечаются в качестве главной причины снижения рождаемости разводы, плохие отношения в семьях, авторы высказывают претензии к противоположному полу: *«Очень мало достойных мужчин, от которых хотелось бы родить ребенка»*, *«Жена имеет экономические стимулы для развода — получает алименты и пособия для одиноких мам. А мнение мужчин при разводе вообще не учитывается»*.

Те авторы комментариев, которые постарше, обвиняют в снижении рождаемости молодое поколение (9,1 %), они считают, что репродуктивное *«поколение крайне избаловано (единственные дети в семье и т. д.)»*, *«все хотят рубить бабло, делать карьеру, красиво жить, ездить на отдых»*, *«дети — это для многих издержки успеха»*. В одном из комментариев автор задает вопрос: *«С чем вы собираетесь бороться, с глобальным явлением под названием „живущие в комфорте не рожают?“»*. Здесь следует отметить, что в научной литературе имеются исследования, доказывающие на основе ретроспективного анализа влияние отношений с родителями в прошлом на текущее семейное состояние, в том числе на число детей в семье [15], поэтому дети, выросшие в малолетних семьях, скорее всего, не будут стремиться к большому числу детей.

Следующие две указанные причины падения рождаемости, по нашему мнению, можно было бы объединить с самой часто упоминаемой — отсутствием средств для воспитания ребенка. Более 8 % документов отмечают в качестве причины отсутствие работы, особенно в малых городах и сельской местности, но работа необходима родителям, в первую очередь, для получения доходов. Часть комментариев (5,5 %) отмечают сверхзанятость родителей как препятствие для рождения (еще одного) ребенка: *«Вот я родила и что дальше? Как хомяк в колесе крутимся с мужем то я до ночи, то он до ночи, хорошо есть бабушки помогают, а если бы их не было?»*, ей вторит другой комментарий: *«Конечно, для себя работаешь 26 смен в месяц по 12, а то и больше часов, а на ребенка сколько надо?»*. Особенно высокая нагрузка ложится на женщину, которая *«и рожать должна, и воспитывать, и еще работать параллельно»*. При этом причина столь высокой нагрузки кроется в низких заработных платах, недостаточных для воспитания ребенка.

Неожиданно для исследования была указана причина, связанная с обидой на государство, вернее, на чиновников, не поддерживающих рождаемость. *«Лягнула не так давно одна мадама от чиновничества, что государство нас рожать не просило, и как народ вскипел! А мне это в местечковой администрации еще 20 лет назад сказали в глаза. И с тех пор так и продолжают на местах если не вслух говорить, то всем отношением дают понять, что с детьми у тебя будут одни проблемы, и это твои проблемы, и „сама, дура, виновата, раз родить решила“»*. Разные, но похожие по содержанию нарративы

были нами встречены в шести разных комментариях, что уже сложно назвать случайностью, после чего появилась идея: может быть, высшим руководителям страны попросить свое население рожать детей?

Также среди причин снижения рождаемости назывались негативное отношение к роженицам в роддомах (*«отношение к роженицам ужасное, могут унижить, им это привычно»*), *«никому нет дела до рожениц и до детей»*), урбанизация (*«в деревне ребенок это помощник. В городе ребенок — обуза»*), ювенальная юстиция (*«как себя ведут дети в школах. Это ужас. Не скажи слово, ведь он знает свои права. Может просто позвонить и накапать на родителей, учителей. Затаскают так, что миллион раз пожалеешь, что родил его на свет»*), социальная обеспеченность от государства в старости, ковид.

Самая часто упоминаемая рекомендация для повышения рождаемости касалась жилья (она встречается в 20,0 % комментариев): часть документов предлагают «убрать спекуляции на рынке недвижимости, сделать цены адекватными зарплатам», продавать жилье «по себестоимости», а часть предлагает выдавать жилье бесплатно (кто — многодетным семьям, кто — одиноким мамам, кто — всем родителям вместо маткапитала).

Вторая по частоте упоминания (8,2 %) предлагаемая мера повышения рождаемости — повышение заработных плат при заморозке цен. Часть авторов предлагает выплачивать заработную плату мамам за воспитание детей в размере не менее прожиточного минимума на каждого ребенка до его совершеннолетия, при этом «должен идти стаж и формироваться пенсия», такая политика означала бы полное признание государством родительского труда.

Следующая по частоте упоминания мера повышения рождаемости связана с отменой повышения пенсионного возраста и изменением пенсионной системы (4,5 %). Предлагают *«платить пенсии за детей (а не за бездетность, как сейчас). Тогда и вымирание прекратится, денег на пенсии будет хватать, ведь их собирают с поколения детей, и пенсионный возраст не нужен (!), вы начнете получать отчисления сразу, как только ваш старший начнет работать, хоть в свои 40 лет»*.

Также в качестве мер повышения рождаемости упоминались запрет абортов, строительство детских садов и яслей, поликлиники, центров развития детей и спорткомплексов, *«а не пчеловейников»*, предоставление многодетным семьям земельных участков для ИЖС и льгот на стройматериалы, бесплатных ОМС для всей семьи, бесплатных садов, пионерских лагерей, обучения в *«колледжах, военных училищах, некоторых вузах с инженерно-техническим уклоном»*.

Заключение

Таким образом, основным трендом рождаемости в 2022 г. является ее значительное падение до уровня 2001 г. Решение отложить или отказаться от рождения (еще одного) ребенка частично (на 13 %) может быть связано с проводимой специальной военной операцией на Украине и мобилизацией, а также отъездом части населения из страны. И после возвращения воинов и «испугавшихся» домой часть отложенных решений о рождении ребенка будет реализована. Санкции против России не повлияли на репродуктивные намерения россиян, однако многолетнее снижение реальных доходов привело к отказам от рождения детей. Данная причина не решается увеличением маткапитала и пособиями для малообеспеченных семей, так как часто семья получает доход на 1–2 рубля больше черты малообеспеченности. При этом положительным моментом можно назвать то, что россияне не просят пособий, наоборот, часто

можно было прочитать, что пособия нужно отменить, а хотят получать достойную заработную плату за свой труд. Именно на это должна быть направлена социально-экономическая политика государства.

Благодарность

Публикация, подготовлена в рамках выполнения НИР по госзадаанию Института экономики Уральского отделения РАН на 2021-2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021-2023, No. 0327-2021-0011 "Institutional models and factors of social and economic adaptation of the regional population in the context of the transition to dynamic development".

Список источников

- [1] Hill R., Stycos J. M., Back K. W. The family and population control. Chapel Hill. 1959. 220 p.
- [2] Freedman R. The Sociology of Human Fertility // Current Sociology. Vol. 10-11, 1961-62. P. 35-42.
- [3] Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. Москва: Наука, 1975. С. 89-105.
- [4] Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Репродуктивные стратегии и практики россиян: по итогам всероссийского исследования // Human Progress. 2021. Т. 7, Вып. 2. С. 11. <https://doi.org/10.34709/IM.172.11>
- [5] Вяльшина А. А., Ножкина И. А., Шалаева С. С. Гендерные различия в репродуктивных ориентациях и отношении современной молодежи к мерам социальной поддержки рождаемости // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 4. С. 53-63.
- [6] Тонких Н. В. Родительское благополучие глазами российских женщин // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 4. С. 42-54.
- [7] Леонидова Г. В., Басова Е. А. Неравенство возможностей: фактор «родительской базы» (на материалах социологического опроса населения СЗФО) // Проблемы развития территории. 2020. № 1(105). С. 7-21. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.1.105.1>
- [8] Архангельский В. Н. Возможности использования показателей для реальных поколений при оценке динамики рождаемости // Human Progress. 2022. Т. 8, Вып. 2. С. 4. <https://doi.org/10.34709/IM.182.4>
- [9] Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. Москва: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. 304 с.
- [10] Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. Economic recession and fertility in the developed world // Population and development review. 2011. Vol. 37. No. 2. P. 267-306. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>
- [11] Luppi F., Arpino B., Rosina A. The impact of COVID-19 on fertility plans in Italy, Germany, France, Spain, and the United Kingdom // Demographic Research. 2020. Vol. 43. P. 1399-1412. <https://doi.org/10.4054/Demres.2020.43.47>
- [12] Кулькова И. А. Сокращение рождаемости как метод адаптации населения к динамичному изменению пенсионной системы // Human Progress. 2021. Т. 7, вып. 1. С. 7. <https://doi.org/10.34709/IM.171.7>
- [13] Клупт М. А. Тревоги XXI века: механизмы влияния на рождаемость // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 25-35. <https://doi.org/10.31857/S013216250018464-3>

[14] Ханова З. Г., Бельская О. Н. Исследование взаимосвязи между согласованностью семейных ценностей и благополучием семьи в современном обществе // Высшее образование сегодня. 2019. 5. С. 63–66. <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.19.05.P.63>

[15] Абылкаликов С. Демографические перспективы России в ближайшее десятилетие: шторм становится все идеальнее // Аист на крыше. Демографический журнал. 2023. № 10(10). С. 2-5.

References

[1] Hill R., Stycos J. M., Back K. W. The family and population control. Chapel Hill. 1959. 220 p.
 [2] Freedman R. The Sociology of Human Fertility // Current Sociology. 1961-62. Vol. 10-11. P. 35-42.

[3] Yadov V. A. On the dispositional regulation of the social behavior of the individual / Methodological problems of social psychology. M., 1975. P. 89-105.

[4] Rostovskaya T. K., Vasileva E. N. Reproductive strategies and practices of Russians: results of the all-Russian study // Human Progress. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 11. <https://doi.org/10.34709/IM.172.11>

[5] Vyalshina A. A., Nozhkina I. A., Shalaeva S. S. Gender differences in reproductive orientations and attitude of modern youth to measures of social fertility support // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022. No. 4. P. 53-63.

[6] Tonkikh N. V. Parental well-being: Russian women's view // Population. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 42-54.

[7] Leonidova G. V., Basova E. A. Inequality of Opportunities: the Factor of "Parents' Base" (Case Study of a Sociological Survey of the Population of the Northwestern Federal District) // Problems of territory's development. 2020. No. 1(105). P. 7-21. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.1.105.1>

[8] Arkhangel'skiy V. N. The possibilities of using indicators for real generations in assessing the dynamics of fertility // Human Progress. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 4. <https://doi.org/10.34709/IM.182.4>

[9] Antonov A. I., Medkov V. M. Sociology of the family. M.: Publishing House of Moscow State University: Publishing House of the International University of Business and Management («Brothers Karich»), 1996. 304 p.

[10] Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. Economic recession and fertility in the developed world // Population and development review. 2011. Vol. 37. No. 2. P. 267-306. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>

[11] Luppi F., Arpino B., Rosina A. The impact of COVID-19 on fertility plans in Italy, Germany, France, Spain, and the United Kingdom // Demographic Research. 2020. Vol. 43. P. 1399-1412. <https://doi.org/10.4054/Demres.2020.43.47>

[12] Kulkova I. A. Fertility reduction as a method of population adaptation to pension system dynamic change // Human Progress. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 7. <https://doi.org/10.34709/IM.171.7>

[13] Klupt M. A. Anxieties of The 21st Century: Mechanisms of Influence On Fertility // Sociological studies. 2022. No. 5. P. 25-35. <https://doi.org/10.31857/S013216250018464-3>

[14] Khanova Z. G., Belskaya O. N. Study of the relationship between the coherence of family values and family welfare in the modern society // Higher education today. 2019. No. 5. P. 63–66. <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.19.05.P.63>

[15] Abylkalikov S. Demographic prospects of Russia in the next decade: the storm is getting more and more ideal // Stork on the Roof. Demographics magazine. 2023. No. 10(10). P. 2-5.

Информация об авторах

Кулькова Инна Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследований социальноэкономической динамики, Институт экономики УрО

РАН, <https://orcid.org/0000-0003-1975-0875> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29.; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

About the authors

Inna A. Kulkova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Research Associate, Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, <https://orcid.org/0000-0003-1975-0875> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-6>

УДК 314.152

JEL classification: J11, J18

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕШЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВА¹

В. В. Лисьих

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-4826-8658>

Автор для корреспонденции: В. В. Лисьих (v.v.lisikh@urfu.ru)

Аннотация. *Целью статьи является исследование возможностей применения неoinституциональной теории в вопросе исполнения институтом предпринимательства социальных задач государства (в том числе демографических). В рамках исследования были рассмотрены зарубежные и отечественные публикации, касающиеся неoinституционализма как основного течения, объясняющего мотивы организаций в применении тех или иных практик. Выявлены два основных способа решения социальных задач предпринимателями — корпоративная социальная ответственность и государственно-частное партнерство. Сделан вывод о необходимости формирования социальных задач как институциональных правил. Такое понимание может привести к более широкому участию института предпринимательства в социально-экономическом развитии государства. Направлением дальнейших исследований послужит рассмотрение нормативно-правовых аспектов участия института предпринимательства в решении социальных задач государства.*

Ключевые слова: неoinституциональная теория; институт предпринимательства; государство; социальная политика

Theoretical Aspects of the Involvement of the Institute of Entrepreneurship in Solving National Demographic Problems

V. V. Lisikh

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

<https://orcid.org/0000-0003-4826-8658>

Corresponding author: V. V. Lisikh (v.v.lisikh@urfu.ru)

Abstract. *The article aims to study the possibilities of applying the neo-institutional theory in the issue of the implementation of the social tasks of the state by the institute of entrepreneurship (including demographic ones). The study examines foreign and domestic publications concerning neo-institutionalism as the main trend explaining the motives of organisations in the application of certain practices. Two main ways of solving social tasks by entrepreneurs are corporate social responsibility and public-private partnership. The research results revealed the need for the formation of social tasks as institutional rules. Such an understanding can lead to a wider participation of the institute of entrepreneurship in the socio-economic development of Russia. The further research will consider regulatory and legal aspects of the participation of the institute of entrepreneurship in solving social tasks of the state.*

Keywords: neo-institutional theory; institute of entrepreneurship; government; social policy

Введение

Государства, позиционирующие себя как социальные, берут на себя исполнение множества задач. Так, Российская Федерация, социальность которой прописана

¹ © Лисьих В. В. Текст. 2023.

в Конституции (ст. 7), ставит своими главными целями обеспечение достойного уровня жизни граждан. Примером отражения таких целей являются национальные проекты РФ — такие, как «Здравоохранение», «Демография», «Образование», «Культура»¹. Все они, так или иначе, включают в себя планы и конкретные действия для улучшения жизни россиян. В рамках национального проекта «Здравоохранение» предусматривается снижение показателей смертности населения от различных причин с помощью обеспечения доступности медицинской помощи и улучшения качества работы медицинских организаций. Национальный проект «Демография» предполагает увеличение продолжительности жизни и рост рождаемости посредством формирования системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, материальной поддержки семей при рождении детей и др. Проект «Образование» ставит целью обеспечение конкурентоспособности российского образования на глобальном рынке. Национальный проект «Культура» предусматривает укрепление духовно-нравственных и культурных ценностей, создание культурно-образовательных и музейных комплексов, продвижение талантливой молодежи и т. д. Исполнение социальных задач является основным интересом государства как в узком (аппарата государственного управления, обладающего властью на определенной территории), так и в широком (государственно-организованного сообщества, проживающего на определенной территории и организованного высшей властью) смыслах.

Ответственность за исполнение социальных задач стоит не только перед государственной властью, но и перед обществом в целом. Это приводит к выводу о возможности, а при остроте проблемы — и необходимости рассмотрения социальных задач как институционализированных правил, то есть правил, встроенных в общество как взаимные типизации или интерпретации. Такие правила могут приниматься на веру и поддерживаться общественным мнением (иметь неформальный характер) или основываться на силе закона (иметь формализованный характер) [1]. С течением времени социальные задачи государства все более институционализируются, что приводит к сдвигам в социальных процессах, обязательствах и существующих условиях, они приобретают в мышлении и действиях общества статус правил. Например, необходимость повышения рождаемости не является предметом дискуссии в российском обществе, а такие программы поддержки рождаемости, как материнский капитал², реализуемый на федеральном и региональном уровнях, только усиливают консенсус общества по этому вопросу. Для данной работы имеет решающее значение то, что социальные задачи в качестве институциональных правил могут оказывать особое влияние на формальные организационные структуры общества — в частности, на институт предпринимательства. Исходя из этого цель статьи — описать возможности применения неинституциональной теории в вопросе исполнения предпринимателями социальных задач государства.

Материалы и методы

Основным методом исследования является содержательный анализ научных публикаций. Были рассмотрены статьи, проиндексированные в базе данных Scopus, а также в журналах ВАК за 2012–2021 гг. Общее число публикаций, вошедших в базу

¹ Национальные проекты. <https://национальныепроекты.рф/projects> (дата обращения: 05.11.2022).

² Материнский капитал // Социальный фонд России. <https://pfr.gov.ru/grazhdanam/msk/> (дата обращения 05.11.2022).

для анализа — 753. Публикации отбирались по принципу соответствия заявленной тематике и цели исследования. В качестве ключевых слов в поиске использовались словосочетания «неоинституциональная теория», «институт предпринимательства», «социальные задачи государства». Для найденных статей был применен метод частотного анализа, с помощью которого оценивались динамика числа публикаций и их отраслевая структура. Содержательному анализу подвергались наиболее близкие к теме исследования публикации, из них 8 — в журналах ВАК и 11 статей из базы данных Scopus.

Результаты и обсуждение

Неоинституциональная теория является одной из основных школ в области изучения деятельности организаций [2]. Она берет свое начало в 1980-х гг. и связана с публикацией новаторских работ Джона Мейера и Брайана Роуэна [1] и Линн Цукер [3], а также анализ изоморфизма Пола Димаджио и Уолтера Пауэлла [4]. Основной идеей этих трех работ является аргумент, что организации принимают новые структуры и практики не потому, что они были особенно эффективными или действенными, а потому, что они придавали организациям образ легитимности.

Современные авторы также очень активно используют неоинституциональную теорию, что показывают результаты поиска в базе публикаций Scopus за последние 10 лет (586 статей). Распределение публикаций по годам показывает рост интереса к теме (рис. 1).

Зарубежные публикации демонстрируют широкий спектр применения неоинституциональной теории. Наиболее распространено применение неоинституциональной теории в разделе «Social Sciences» — 321 публикация, далее следует «Business, Management and Accounting» — 272 статьи, после идет «Economics, Econometrics and Finance» — 121 публикация.

Проблематика данных статей чаще всего касается частных организаций или иных организационных структур и описывает особенности управления, а также причины применения тех или иных практик. Так, К. Г. Нтим и Т. Сообаройен исследуют организации, в которых применяется принцип корпоративной социальной ответственности

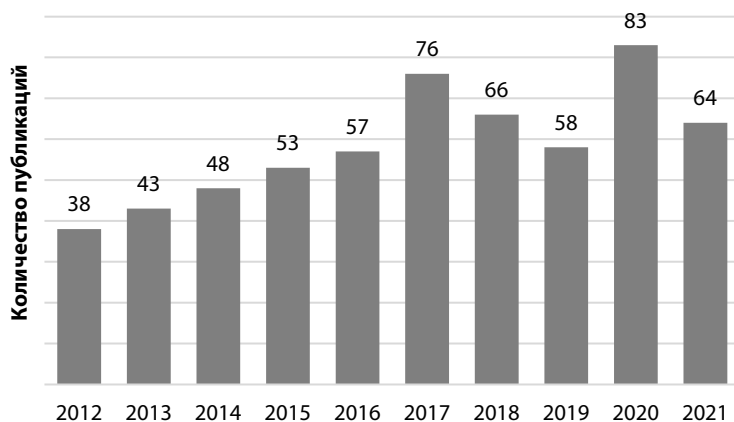

Рис. 1. Распределение публикаций на тему «неоинституционализм» по годам в Scopus

(КСО) [5]. Как известно, КСО — это концепция, в рамках которой организации формируют свою деятельность с учетом интересов общества и берут на себя ответственность за влияние их деятельности на другие фирмы и прочие заинтересованные стороны.

Отметим, что вопрос взаимосвязи КСО с финансовыми результатами деятельности компаний является одним из ключевых как в научных, так и в практических дискуссиях. К.Г. Нтим и Т. Сообаройен выявляют причины наибольшей применимости КСО в крупных организациях Южной Африки, а также изучают влияние наличия и отсутствия практики КСО на экономические результаты компании. Они делают вывод, что практика КСО реже применяется в корпорациях с высокой долей институциональной собственности, чаще — в корпорациях с высокой долей государственной собственности. Также ученые отмечают, что в большей степени к осуществлению социально-ответственной политики предрасположены корпорации с более продвинутыми системами управления.

Вопрос корпоративной социальной ответственности в контексте различных стран и типов организаций исследуется целым рядом авторов [6–9]. К. Бур изучает институциональное предпринимательство и его влияние на общественные и политические институты в так называемых «окнах возможностей» [10]. Автор приводит пример прорыва в области климатической политики авиакомпании в сторону снижения вредных выбросов в атмосферу, что, по мнению ученого, стало возможно благодаря сложившимся благоприятным условиям в институциональном процессе, которыми смогли воспользоваться компании. С. Дорадо объясняет феномен социального предпринимательства как социальное действие, которое является результатом нахождения организаций в той или иной среде [11]. В исследовании говорится о появлении коммерческого микрофинансирования в Боливии и — на основе неинституциональной теории — объясняются его причины.

Проведем анализ актуальности темы неинституционализма в российском научном поле за последние 10 лет. По запросу «неинституционализм» среди публикаций в журналах, входящих в перечень рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, выявлено 167 статей. Распределение публикаций по годам показывает актуальность темы (рис. 2). Однако стоит отметить меньшее количество российских статей, по сравнению с числом зарубежных публикаций, что говорит об относительно более низкой распространенности неинституциональной теории в нашей стране.

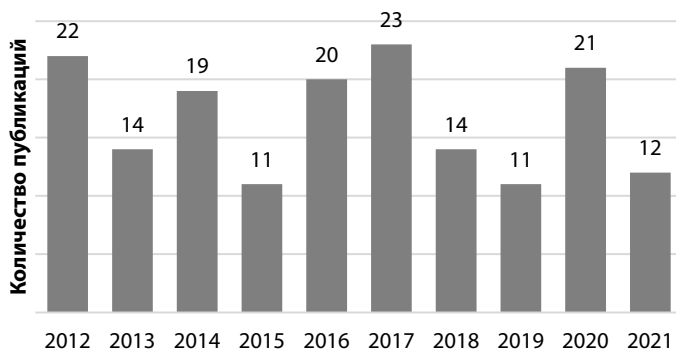

Рис. 2. Распределение публикаций на тему «неинституционализм» по годам в РИНЦ

В отличие от зарубежных публикаций, среди российских авторов наиболее распространено изучение неинституционализма в рамках экономики (81 статья), на втором месте по популярности — политические науки (42 статьи), далее следует социология (17 статей), также среди направлений научной деятельности, затрагивающих неинституциональную теорию, присутствуют юридические науки, педагогика, история, философия, химическая промышленность, языкознание, средства массовой информации. Такой объемный список направлений говорит о широких возможностях использования теории для изучения абсолютно разных аспектов человеческой деятельности.

Рассмотрим, какие вопросы затрагиваются в исследованиях, теоретической основой которых выступает неинституциональная теория. Л.А. Нугаева использует в контексте функционирования транспортного комплекса и логистической системы теорию трансакционных издержек — одного из течений неинституционализма, которое изучает затраты ресурсов в процессе выполнения различных видов деятельности [12]. Т.Б. Берсиров изучает возможный потенциал неинституционального подхода в управлении высшим образованием и повышении его эффективности [13]. В исследовании автор приходит к выводу о наличии такого потенциала и применимости для его изучения методов неинституциональной теории. Также подход может использоваться для поиска и объяснения связей в различных направлениях научного знания. Например, Е.М. Ашмарина предпринимает попытку выявления единообразия и различий в оценке связей и взаимозависимости между экономикой и правом [14]. И.В. Кирьянов, используя неинституционализм, описывает процесс моделирования высоко интегрированных экономических структур на примере крупных отечественных компаний, таких как ОАО «Газпром», ОАО НК «Роснефть», ОАО «Сбербанк России», ОАО «Магнит» и др. [15]. Результатом использования модели может являться снижение трансакционных издержек, доказательное определение предельных норм экономической эффективности структуры предприятия, определение оптимального пути развития организации. Г.Н. Барсукова проводит исследование земельного рынка с позиций неинституционализма, также применяя теорию трансакционных издержек [16].

Анализ публикаций показывает недостаточную изученность темы неинституционализма в части участия института предпринимательства в решении социальных задач государства. Одним из вариантов действия неинституциональной теории во взаимодействии предпринимательства с государством является государственно-частное партнерство (ГЧП) [17]. ГЧП — это один из способов развития общественной инфраструктуры, основанный на долгосрочном взаимодействии государства и бизнеса, при котором частная сторона участвует не только в проектировании, финансировании, строительстве или реконструкции объекта инфраструктуры, но и в его последующей эксплуатации (предоставление услуг на созданном объекте) и (или) техническом обслуживании. С.Л. Сазанова предпринимает попытку конкретизации понятий «институциональная среда» и «институт предпринимательства» в России [18]. В статье делается вывод, что сочетание ценностной и институциональной среды формирует институциональное пространство и определяет границы института предпринимательства, то есть предприниматели в своей деятельности могут ориентироваться не только на получение прибыли, но и на влияние общества и институциональных норм, закрепленных в нем. В действительности, отношения бизнеса и государства, оформленные в формате ГЧП, имеют в большей степени экономический характер

и в недостаточной степени затрагивают влияние институциональной среды на действия предпринимателей. Это связано с тем, что ГЧП чаще всего применяется для реализации инфраструктурных проектов долгосрочного характера (в среднем — 13,1 лет), причем большинство проектов относятся к коммунально-энергетической и транспортной отраслям (82 % и 12 % от общего количества соответственно) [19]. Данные факты говорят о том, что возможности применения ГЧП для решения социальных задач государства очень ограничены. Также становится понятна необходимость модификации формата ГЧП с целью формирования институциональной среды, способствующей развитию социально ответственных предпринимателей, либо разработки отдельного механизма, способствующего этому.

Переходя к основным принципам неинституциональной теории, невозможно не упомянуть работы Дж. У. Мэйера и Б. Роузена, в которых говорится, что институциональные правила могут содействовать появлению новых профессий, стратегий и программ, необходимых для рационального производства все новых продуктов и услуг [1]. Это, в свою очередь, позволяет развиваться новым организациям и подталкивает существующие к встраиванию новых практик и процедур в свою деятельность. Таким образом, организации под влиянием институциональной среды вынуждены подстраиваться под существующие правила и нормы, чтобы поддерживать собственную легитимность и репутацию, увеличивая шансы на дальнейшее успешное существование и развитие.

П. Дж. Димаджио и У.В. Пауэлл описывают причины изоморфизма организационных структур — сходства процессов или структуры одной организации с процессами или структурой другой [4]. Авторы рассматривают три приводящих к такому сходству процесса:

- принудительный,
- подражательный,
- нормативный.

Принудительный изоморфизм является результатом как формального, так и неформального давления на одни организации со стороны других, от которых они зависят, а также культурных ожиданий общества, где эти организации функционируют. Давление может являться грубой силой, убеждением или приглашением вступить в сотрудничество. В некоторых обстоятельствах организационные изменения могут быть прямой реакцией на предписания правительства: организации, находящиеся на первых этажах многоэтажных зданий, оборудуют специальные пандусы для возможности входа людей с ограниченными возможностями, чтобы соответствовать законодательству о доступной среде (Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.11.2021) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»).

В случае подражательного изоморфизма силой, которая побуждает к имитации, выступает неопределенность. В случаях, когда организационные технологии не имеют четкого выражения, организации могут моделировать себя по образу и подобию других организаций. Примером может служить выход в 1990-х гг. на российский рынок крупной сети ресторанов быстрого питания «Макдональдс», которые задали планку в качестве и скорости обслуживания клиентов, что привело к трансформации всего рынка общественного питания, когда даже самые небольшие заведения «оглядывались» на «Макдональдс» и стремились обеспечить похожий уровень обслуживания.

Нормативный изоморфизм берет свои корни из профессионализации — одной из сторон социализации, то есть приобретения индивидом профессиональных

навыков (причем эти навыки, как и условия, и методы ведения какой-либо деятельности, стремятся к единообразию). Причинами этого являются влияние уже сложившихся профессий, а также способы подготовки в рамках учебных заведений. Все они имеют схожие форму и воспроизводят в индивидах одни и те же качества.

Заключение

Таким образом, использование теории неинституционализма имеет большую перспективу в объяснении мотивов и конкретных действий предпринимателей. Институциональная среда неизбежно оказывает большое влияние на все структуры в обществе, в том числе и на институт предпринимательства, и если государство формирует социальные задачи как институциональные правила, которые понимаются в обществе как нечто, не только обязательное к исполнению, но и необходимое для всеобщего благосостояния, то следование этим правилам должно стать самовоспроизводящимся процессом.

Благодарность

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Acknowledgements

The article has been prepared within the framework of the project «Institutions to support Russian pronatalist policy: potential and prospects for influencing birth rate growth», supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation (NSch-1327.2022.2).

Список источников

- [1] Meyer J. W., Rowan B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // American journal of sociology. 1977. Vol. 83. No. 2. P. 340-363. <https://doi.org/10.1086/226550>
- [2] Alvesson M., Spicer A. Neo-institutional theory and organization studies: a mid-life crisis? // Organization Studies. 2019. Vol. 40. No. 2. P. 199-218. <https://doi.org/10.1177/0170840618772610>
- [3] Zucker L. G. The role of institutionalization in cultural persistence // American sociological review. 1977. Vol. 42, No. 5. P. 726-743. <https://doi.org/10.2307/2094862>
- [4] Di Maggio P. J., Powell W. W. The iron cage revisited: Institutional iso-morphism and collective rationality in organizational fields // American sociological review. 1983. Vol. 48, No. 2. P. 147-160. <https://doi.org/10.2307/2095101>
- [5] Ntim C. G., Soobaroyen T. Corporate governance and performance in socially responsible corporations: New empirical insights from a Neo Institutional framework // Corporate Governance: An International Review. 2013. Vol. 21. No. 5. P. 468-494. <https://doi.org/10.1111/corg.12026>
- [6] Marano V., Tashman P., Kostova T. Escaping the iron cage: Liabilities of origin and CSR reporting of emerging market multinational enterprises // Journal of International Business Studies. 2017. Vol. 48. P. 386-408. <https://doi.org/10.1057/jibs.2016.17>
- [7] Momin M. A., Parker L. D. Motivations for corporate social responsibility reporting by MNC subsidiaries in an emerging country: The case of Bangladesh // The British Accounting Review. 2013. Vol. 45. No. 3. P. 215-228. <https://doi.org/10.1016/j.bar.2013.06.007>
- [8] Beddewela E., Fairbrass J. Seeking legitimacy through CSR: Institutional pressures and corporate responses of multinationals in Sri Lanka // Journal of business ethics. 2016. Vol. 136. No. 3. P. 503-522. <https://doi.org/10.1007/s10551-014-2478-z>

[9] *Schons L., Steinmeier M.* Walk the talk? How symbolic and substantive CSR actions affect firm performance depending on stakeholder proximity // *Corporate social responsibility and environmental management*. 2016. Vol. 23. No. 6. P. 358-372 <https://doi.org/10.1002/csr.1381>

[10] *Buhr K.* The inclusion of aviation in the EU emissions trading scheme: Temporal conditions for institutional entrepreneurship // *Organization Studies*. 2012. Vol. 33. No. 11. P. 1565-1587. <https://doi.org/10.1177/0170840612463324>

[11] *Dorado S.* Small groups as context for institutional entrepreneurship: An exploration of the emergence of commercial microfinance in Bolivia // *Organization Studies*. 2013. Vol. 34. No. 4. P. 533-557. <https://doi.org/10.1177/0170840612470255>

[12] *Нузаева Л. А.* Концепции неинституционализма как теоретическое обоснование роли транспортного комплекса в региональном развитии // *Вестник СамГУПС*. 2015. № 1(27). С. 38-43.

[13] *Берсиров Т. Б.* Неинституционализм как методология исследования эффективности управления высшим образованием // *Гуманитарий Юга России*. 2021. Т. 10. № 3. С. 45-54. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.3>

[14] *Ашмарина Е. М.* Экономическое право и неинституционализм // *Вопросы экономики и права*. 2017. № 103. С. 7-12.

[15] *Кирьянов И. В.* Моделирование высокоинтегрированных корпораций: от неоклассики к неинституционализму // *Научный журнал НИУ ИТМО*. 2014. № 4. С. 171-187. (Сер. Экономика и экологический менеджмент).

[16] *Барсукова Г. Н.* Теоретические аспекты формирования земельного рынка // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2016. № 115. С. 1141-1154.

[17] *Сайфуллин Р. И.* Неинституциональный подход к определению сущности государственно-частного партнерства // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2012. № 2. С. 27-31. (Сер. Экономика).

[18] *Сазанова С. Л.* Институт предпринимательства в институциональном пространстве России // *Вестник университета*. 2017. № 9. С. 109-113.

[19] *Кашин А. В., Маркелов В. А.* ГЧП или ГГП? // *ЭКО*. 2020. № 2(548). С. 123-142. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2020-2-123-142>.

References

[1] *Meyer J. W., Rowan B.* Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // *American journal of sociology*. 1977. Vol. 83. No. 2. P. 340-363. <https://doi.org/10.1086/226550>

[2] *Alvesson M., Spicer A.* Neo-institutional theory and organization studies: a mid-life crisis? // *Organization Studies*. 2019. Vol. 40. No. 2. P. 199-218. <https://doi.org/10.1177/0170840618772610>

[3] *Zucker L. G.* The role of institutionalization in cultural persistence // *American sociological review*. 1977. Vol. 42, No. 5. P. 726-743. <https://doi.org/10.2307/2094862>

[4] *DiMaggio P. J., Powell W. W.* The iron cage revisited: Institutional iso-morphism and collective rationality in organizational fields // *American sociological review*. 1983. Vol. 48, No. 2. P. 147-160. <https://doi.org/10.2307/2095101>

[5] *Ntim C. G., Soobaroyen T.* Corporate governance and performance in socially responsible corporations: New empirical insights from a Neo Institutional framework // *Corporate Governance: An International Review*. 2013. Vol. 21. No. 5. P. 468-494. <https://doi.org/10.1111/corg.12026>

[6] *Marano V., Tashman P., Kostova T.* Escaping the iron cage: Liabilities of origin and CSR reporting of emerging market multinational enterprises // *Journal of International Business Studies*. 2017. Vol. 48. P. 386-408. <https://doi.org/10.1057/jibs.2016.17>

- [7] *Momin M. A., Parker L. D.* Motivations for corporate social responsibility reporting by MNC subsidiaries in an emerging country: The case of Bangladesh // *The British Accounting Review*. 2013. Vol. 45. No. 3. P. 215-228. <https://doi.org/10.1016/j.bar.2013.06.007>
- [8] *Beddewela E., Fairbrass J.* Seeking legitimacy through CSR: Institutional pressures and corporate responses of multinationals in Sri Lanka // *Journal of business ethics*. 2016. Vol. 136. No. 3. P. 503-522. <https://doi.org/10.1007/s10551-014-2478-z>
- [9] *Schons L., Steinmeier M.* Walk the talk? How symbolic and substantive CSR actions affect firm performance depending on stakeholder proximity // *Corporate social responsibility and environmental management*. 2016. Vol. 23. No. 6. P. 358-372 <https://doi.org/10.1002/csr.1381>
- [10] *Buhr K.* The inclusion of aviation in the EU emissions trading scheme: Temporal conditions for institutional entrepreneurship // *Organization Studies*. 2012. Vol. 33. No. 11. P. 1565-1587. <https://doi.org/10.1177/0170840612463324>
- [11] *Dorado S.* Small groups as context for institutional entrepreneurship: An exploration of the emergence of commercial microfinance in Bolivia // *Organization Studies*. 2013. Vol. 34. No. 4. P. 533-557. <https://doi.org/10.1177/0170840612470255>
- [12] *Nugaeva L. A.* Concept of neoinstitutionalism as a theoretical grounding for the role of transport complex in the regional development // *Vestnik SamGUPS*. 2015. No. 1(27). P. 38-43.
- [13] *Bersirov T. B.* Neoinstitutionalism as a methodology for studying the effectiveness of higher education management // *Humanities of the South of Russia*. 2021. Vol. 10. No. 3. P. 45-54. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.3>
- [14] *Ashmarina E. M.* Economic law and neo-institutionalism // *Issues of economics and law*. 2017. No. 103. P. 7-12.
- [15] *Kiryakov I. V.* Simulation of highly integrated corporations: From neoclassicism to neoinstitutionalism // *Scientific journal of NIU ITMO. The series «Economics and Environmental Management»*. 2014. No. 4. P. 171-187.
- [16] *Barsukova G. N.* Theoretical aspects of the formation of a land market // *Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*. 2016. No. 115. P. 1141-1154.
- [17] *Sayfullin R. I.* Neoinstitutional approach to definition of the meaning of state-private partnership // *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2012. No. 2. P. 27-31.
- [18] *Sazanova S. L.* Institute of entrepreneurship in the institutional space of Russia // *Vestnik universiteta*. 2017. No. 9. P. 109-113.
- [19] *Kashin A. V., Markelov V. A.* Public-Private or Public-Public Partnership? // *ECO*. 2020. No. 2(548). P. 123-142. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-123-142>.

Информация об авторах

Лисьих Виталий Вячеславович — магистрант, лаборант-исследователь, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0003-4826-8658> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: v.v.lisikh@urfu.ru).

About the authors

Vitaly V. Lisikh — Master Student, Lab Assistant, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0003-4826-8658> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: v.v.lisikh@urfu.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-7>

УДК 305-055.2

JEL classification: J16

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫГОДЫ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА¹

О. Е. Никонец

Брянский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова (г. Брянск, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-0052-8932>

Автор для корреспонденции: О. Е. Никонец (nikon4832@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы влияния гендерного равенства на экономические показатели и адаптацию рынка труда к новым условиям. Показано влияние гендерной политики, направленной на дифференциацию трудовых коллективов и расширению трудовых возможностей женщин, на прирост ВВП, экономико-демографическое развитие страны. Целью исследования является изучение реализации одной из целей устойчивого развития — гендерного равенства, и определение экономических возможностей для государства в результате устранения гендерного разрыва. Предметом исследования выступило гендерное неравенство. В результате проведенной работы определены основные задачи для выравнивания гендерного разрыва и предложены направления развития гендерной политики в области преодоления стереотипов в отношении женщин, определены перспективы экономико-демографического развития.

Ключевые слова: гендерное равенство; лидерство; ООН; стереотипы; устойчивое развитие

Gender Equality: Economic Benefits for the State

O. E. Nikonets

Bryansk Branch of Plekhanov Russian University of Economics (Bryansk, Russia)

<https://orcid.org/0000-0003-0052-8932>

Corresponding author: O. E. Nikonets (nikon4832@mail.ru)

Abstract. The article discusses the impact of gender equality on economic indicators, as well as the adaptation of the labour market to new realities. The influence of gender policy aimed at differentiating labour collectives and expanding women's labour opportunities on gross domestic product growth and economic and demographic development is shown. The study aims to examine the implementation of gender equality (one of the Sustainable Development Goals) and to identify economic opportunities for the state as a result of eliminating the gender gap. The subject of the study is gender inequality. As a result, the main tasks for decreasing the gender gap were identified, including the directions for the development of gender policy to overcome stereotypes in relation to women. Additionally, prospects for economic and demographic development were determined.

Keywords: gender equality; leadership; UN; stereotypes; sustainable development

Введение

Актуальность гендерных исследований очевидна. В современных условиях в рамках общей направленности устойчивого развития государств вопросы гендерного неравенства рассматриваются в совокупности экономических, институциональных, социальных, демографических факторов. Ученые и эксперты отмечают влияние гендерного равенства на экономико-демографическое развитие, на адаптацию миграционных процессов к возникающим изменениям, на дифференциацию смертности

¹ © Никонец О. Е. Текст. 2023.

населения по полу, на динамику рождаемости. Кроме того, отмечается адаптация и рынка труда к гендерным изменениям, проявляющаяся в выравнивании распределения ресурсов между полами. Хотя ранее гендерные исследования зачастую формировались на основе социального запроса, на сегодняшний день очевидна и экономическая выгода на всех уровнях государства и общества. Гендерные исследования на мировом уровне стали формироваться в середине XX в. В 1968 г. американский исследователь Р. Столлер дал определение термину «гендер».

Рассматривая эволюционное развитие гендерных исследований, можно выделить три направления: во-первых, женские исследования, или *women's studies* (1950–1960 гг.), во-вторых, феминистские исследования, или *feminist studies* (1970–1980 гг.), в-третьих, гендерные исследования, или *gender studies* (1980 г. по настоящее время) [1–8].

Вопросы гендерных исследований отражены в работах таких ученых, как Дж. Акер, М. Комаровски, Л. Линдзей, К. Маркс, Дж. Митчелл, К. Миллет, Т. Парсонс, С. Файерстоун, Х. Хартман, Ф. Энгельс, Барчунова, О. И. Воронина, Е. И. Гапова, Е. Жидкова, Е. Здравомыслова, О. Здравомыслова, Л. Попкова, Е. Омельченко, Л. Саморукова, Л. Семенова, И. Тартаковская, А. Темкина, А. Р. Усманова и др. [1–8]

В научных работах авторами поднимаются вопросы гендерной политики и ее влияния на экономическую эффективность компаний, регионов государства, проблемы гендерного разделения труда, способы преодоления гендерного дисбаланса.

Целью исследования является изучение реализации одной из целей устойчивого развития — гендерного равенства, и определение экономических возможностей для государства в результате устранения гендерного разрыва.

Предметом исследования выступило гендерное неравенство.

В качестве материалов исследования выступили аналитические и нормативные данные международных организаций по вопросам устойчивого развития и гендерного равенства, работы российских и зарубежных ученых по вопросам гендерного равенства.

Исследование направлено на определение основных задач для выравнивания гендерного разрыва, в том числе и обоснование направлений развития гендерной политики в области преодоления стереотипов в отношении женщин

Обзор литературы

4–15 сентября 1995 г. в рамках IV Всемирной конференции по положению женщин была принята Пекинская декларация, определяющая необходимость сокращения неравенства между мужчинами и женщинами.

На мировом пространстве, по данным ООН, на 2022 г. проживает 4,024 млрд мужчин (50,5 %) и 3,952 млрд женщин (49,5 %), в России соотношение немного отличается в пользу женского населения: 53,5 % женщины (77,9 млн чел.)¹.

Несмотря на это, на сегодняшний день, как заметил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, кардинальных изменений на мировом пространстве в рамках гендерного равенства не отмечается. Принятая в 2015 г. повестка определила центральное место достижению цели устойчивого развития «Гендерное равенство», которая должна быть достигнута в 2030 г. В России 29 декабря 2022 г. утверждена «Национальная

¹Официальный сайт ООН. <https://www.un.org/ru> (дата обращения: 10.01.2023).

стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.»¹. Кроме того, в России активно поддерживаются инициативы в рамках обозначенной стратегии, например, запущенный в апреле 2022 г. федеральный проект «Женщины: школа наставничества». Проект курируется Минобрнауки России, что также подчеркивает значимость повестки. Тема гендерного равенства, женского лидерства поддерживается и на уровне федеральных и региональных органов власти. Актуальность гендерных исследований подтверждается и с точки зрения экономической выгоды, так как имеется большое количество аналитических данных, подтверждающих влияние гендерного равенства на укрепление репутации, имиджа, конкурентоспособности компании, а в перспективе и повышающих финансовую результативность деятельности компании, ее стоимость на рынке. Таким образом, расширение деятельности женщин в рамках гендерного равенства, их активное участие во всех управленческих звеньях компании создают дополнительный стимулирующий фактор для устойчивого развития территории, ее экономического роста и развития предпринимательства.

Материалы и методы

Гендерное неравенство можно назвать утраченным потенциалом, так как из-за этого общество получает меньшее количество инноваций, менее разнообразных идей, не использует таланты, не реализует потенциал роста и, как отмечают многие экономисты-исследователи, это неравенство влечет за собой экономические издержки для всех.

По данным аналитического отчета Федеральной резервной системы по развитию сообщества, имеется прямая зависимость между ВВП и гендерным неравенством. На основе анализа представленных ФРС данных с 2005 г. по 2019 г. по развитию сообщества США была составлена модель, отражающая зависимость величины ежегодного увеличения валового внутреннего продукта (ВВП) за счет устранения расовых и гендерных различий в доходах, отработанных часах, уровне образования и занятости. Возрастная категория опрошиваемых составляла 25–64 года. В модели учтены фактические уровни заработка, отработанного времени, уровня образования и соотношения занятости к численности населения для различных расовых и этнических групп, а также для мужчин и женщин. Используя эти переменные, была проведена оценка трудовой составляющей совокупного ВВП в экономике и составлена скорректированная модель, получающаяся в результате устранения гендерных разрывов. По итогам корректировки ВВП показал существенный прирост, что доказывает эффективность гендерной политики, направленной на дифференциацию трудовых коллективов и расширение трудовых возможностей женщин. Увеличение моделируемого ВВП означает, что государство в целом выиграет, и устранение пробелов — это не игра с нулевой суммой, а реальные возможности, которые приводят к добавленной стоимости для экономики государства. В целом, неравенство обходится американской экономике примерно в 2,6 трлн долл. США в год, что соответствует 12 % ВВП 2019 г. В таблице приведена потенциальная выгода, которую можно было бы получить, ликвидировав этнические и гендерные различия².

¹ Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-п. <http://government.ru/docs/47493> дата обращения: 11.01.2023).

² Федеральный резервный Банк Сент-Луиса. <https://www.stlouisfed.org> (дата обращения: 11.01.2023).

Таблица

Смоделированная величина ВВП в результате устранения гендерных различий в отдельных штатах США

Штат	Смоделированный ВВП в результате устранения гендерных разрывов, млрд долл. США	Смоделированный базовый ВВП в результате устранения гендерных, расовых и этнических (в млрд), млрд долл. США
Арканзас	10	43
Иллинойс	69	280
Индиана	30	120
Кентукки	16	69
Миссисипи	10	41
Миссури	24	110
Теннесси	27	110

Полученная модель ВВП с учетом корректировки гендерных различий позволяет увидеть существенные экономические выгоды для регионов, государства. При формировании статистических данных для построения модели учитывали показатели рынка труда, такие как величина заработной платы в зависимости от пола, этнические признаки, образования и гендерных различий, количество отработанных времени. Приведенные данные свидетельствуют об имеющихся существенных различиях, например, величина заработной платы за час в среднем у женщин была ниже на 30–35 %, на 20 % меньше женщин имели высшее образование, у женщин на 18–20 % продолжительность рабочего времени в неделю была ниже, чем у мужчин. Разрывы являются результатом наследия дискриминации, возведенных барьеров, социального давления и системных ограничений, приводящих к неравным возможностям. Однако реализация принципа гендерного равенства способна не только учитывать интересы женщин, решая тем самым социальные вопросы, но и создавать дополнительные стимулы для развития экономики.

Гендерное равенство создает экономические выгоды на всех уровнях экономической системы от микроуровня компании до макроуровня государства, оказывая влияние на пророст ВВП. По данным Европейского института гендерного равенства EIGE, прирост ВВП к 2050 г. может составить от 1,95 до 3,15 трлн евро, или 3,2–5,5 % в расчете на душу населения. Такой прирост спрогнозирован без учета других стимулирующих факторов и учитывает только прирост за счет достижения гендерного равенства¹.

В современных условиях обеспечение гендерного равенства является одной из целей устойчивого развития и учитывается при построении рейтингов ESG. Так, например, рейтинговое агентство Sustainalytics, активно занимающееся вопросами устойчивого развития и оценкой показателей эффективности в сфере ESG, при формировании рейтинговой оценки учитывает гендерные факторы. Например, при наличии у компании гендерной политики и при активном участии женщин в аппарате управления (более трети женщин в совете директоров) агентство присваивает дополнительные баллы оцениваемой в рейтинге компании². Аналитическое кредитное рейтинговое агентство Acra-ratings.ru при расчете рейтинга ESG учитывает критерий «гендерное распределение»: долю женщин в общей численности работников, долю

¹ Европейский институт гендерного равенства. <https://eige.europa.eu> (дата обращения: 10.01.2023).

² Рейтинговое агентство Sustainalytics. <https://www.sustainalytics.com> (дата обращения: 20.01.2023).

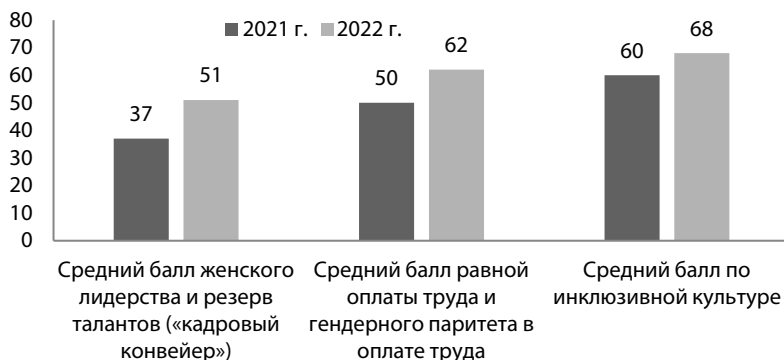

Рис. 1. Оценка эффективности по основным показателям качества данных при расчете индекса гендерного равенства (источник: Bloomberg. <https://www.bloomberg.com/> (дата обращения: 20.01.2023))

женщин на руководящих должностях, долю женщин в исполнительном руководстве. При формировании итоговой ESG оценки «гендерный состав» входит в блок «социальная ответственность» и имеет весовое значение 16,7 %. При этом в расчет берутся данные за 3 года.

Индекс гендерного равенства Bloomberg по итогам 2022 г. составил 71 % (GEI). При расчете GEI учитывалась 418 компаний с рыночной капитализацией 16 трлн долл. из 45 стран мира и 11 секторов экономики. Оценка эффективности по основным показателям качества данных при расчете индекса гендерного равенства представлена на рисунке 1¹.

Компании, которые были взяты в расчет GEI, активно работали на совершенствовании внутренней политики и менеджмента для обеспечения более благоприятных условий выполнения гендерного паритета. 78 % компаний имеют рекрутинговые стратегии, учитывающие гендерные показатели. По данным компании Bloomberg, 7,5 % женщин являются генеральными директорами компаний, 23 % женщин занимают руководящие должности финансового директора, 29 % входят в состав высшего руководства компании, 38 % — в состав среднего уровня руководства компании, 50 % — на начальной позиции в компании. При этом компании, в которых более 30 % женщин представлены в совете директоров, имеют около 59 % женщин на руководящих должностях, а в компаниях, где численность женщин в совете директоров менее 30 %, — лишь 41 %.

Компании все больше стараются поддерживать условия инклюзивной среды. Культура инклюзивности в 2022 г., по данным Bloomberg, оценивается в 60 %. На формирование этого показателя влияли следующие данные: около 86 % сотрудников-женщин после отпуска по уходу за ребенком остаются в компании, 76 % компаний предлагают дополнительные комфортные условия для женщин в декретном отпуске с частичной занятостью.

Реализацию фактора S из комплекса ESG скорректировала и пандемия COVID-19: около 99 % компаний улучшили или адаптировали условия для удаленной работы, 76 % компаний использовали дополнительные стимулирующие выплаты в случае

¹ Bloomberg. <https://www.bloomberg.com/> (дата обращения: 20.01.2023).

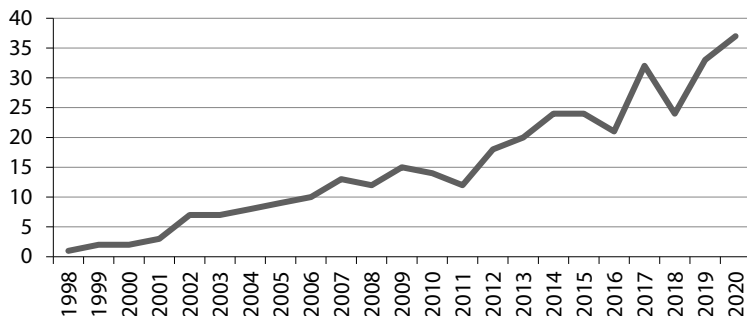

Рис. 2. Число женщин — генеральных директоров среди компаний из списка Fortune 500 (источник: Сбербанк. <https://www.sberbank.com/ru> (дата обращения: 10.01.2023))

тяжелой утраты сотрудников или родственников, расширились и программы дополнительного образования, учитывающие расширение деятельности женщин в рабочем пространстве.

Важным компонентом гендерного равенства является также и сокращение разрыва в заработной плате. В 2022 г. разница между заработной платой, в балльной оценке Bloomberg, снизилась с 21 балла в 2021 г. до 19 баллов в 2022 г. Также данные аналитических отчетов показывают, что разрыв в заработной плате ниже при наличии женщины — генерального директора, и компании с большим участием женщин в составе управления чаще пересматривают политику оплаты труда по гендерному признаку. Среди компаний, учитывающихся при расчете гендерного индекса Bloomberg, лишь 62 % компаний имели равную заработную плату по гендерному признаку.

Аналогичные результаты получены и Международной организацией труда (МОТ) и Всемирным банком. По данным опроса МОТ, проведенного в 2018 г., в 48 % компаний женщины занимали руководящие должности и только в 31 % компаний занимаемые должности соответствовали высшему уровню управления. По данным опроса Всемирного банка, лишь 18 % предприятий имеют в составе женщин — генеральных директоров или топ-менеджеров.

Среди корпораций из списка Fortune-500 женщины составляли всего 7,4 %, или 37 из 500 генеральных директоров¹ (рис. 2).

Несмотря на незначительное улучшение показателей, касающихся представленности женщин в аппарате управления, по сравнению с 1998 г. (в 1998 г. в 1 из 500 крупнейших корпораций была женщина — генеральный директор), гендерный разрыв на уровне высших руководителей корпораций остается значительным. При этом чем крупнее предприятие, тем ниже вероятность того, что на нем генеральным директором будет женщина. По данным опроса МОТ 2018 г., более 26 % малых предприятий, опрошенных МОТ в 2018 г. (на которых занято от 2 до 100 работников), возглавляли женщины, в то время как на крупных предприятиях (на которых занято более 250 работников) — 16 %.

Гендерное разнообразие на руководящих должностях связано не только с правами человека и социальным равенством. В ряде исследований показано, что более высокая доля женщин на руководящих должностях в частном секторе оказала положительное

¹ Сбербанк. <https://www.sberbank.com/ru> (дата обращения: 10.01.2023).

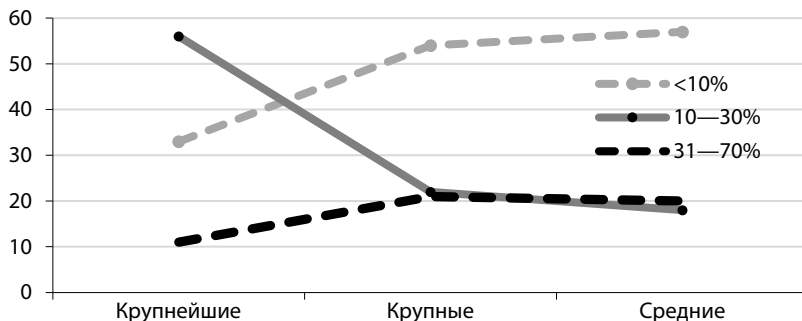

Рис. 3. Распределение российских компаний по представленности женщин в руководстве по сегментам бизнеса (источник [9])

влияние, повысив доходность фондового рынка и создав более высокую корпоративную прибыльность.

Вместе с тем все очевиднее, что женщины представляют собой значительный, но еще не задействованный ресурс для бизнеса. Хотя с 2000 г. доля женщин на руководящих должностях увеличилась в большинстве стран, темпы прироста еще незначительны. В 2019 г., по мировым данным, женщины занимали лишь 28 % руководящих должностей, с некоторыми региональными различиями, а в странах Северной Африки и Западной Азии, а также Центральной и Южной Азии эта доля едва достигла 13 %. Это статистика, которая существенно не изменилась за последние 20 лет.

Так, число женщин-работодателей на сегодняшний день превышает 25 %, что отражает положительную динамику за последние 16 лет. В странах Восточной Европы и Центральной Азии увеличилось количество женщин среди выпускников вузов, в процентном соотношении их доля даже выше количества выпускников мужчин.

Распределение компаний по представленности женщин в руководстве по сегментам бизнеса в России представлено на рисунке 3 [9].

Результаты и обсуждение

Сложившаяся тенденция свидетельствует о том, что женщины являются конкурентоспособной рабочей силой на рынке труда и не уступают по уровню компетенций мужчинам, однако некоторые препятствия на карьерном пути женщин сохраняются. И эти препятствия в основном связаны со стереотипами, имеющимися в обществе, относительно роли и возможности женщины в экономике. Их необходимо устранять, так как вовлечение женщин в экономику и расширение их участия во всех сегментах рынка труда имеет уже отмеченный ранее финансовый эффект. Глобальный опрос предприятий, проведенный МОТ в 2018 г., подтвердил, что прибыль компаний увеличивается в результате инициатив по гендерному разнообразию и равенству. Тем не менее, доля женщин на руководящих должностях остается низкой как в государственном, так и в частном секторах, и число женщин сокращается по мере продвижения по корпоративной лестнице к высшим руководящим должностям.

Всемирная организация ООН отмечает, что ближайшая перспектива гендерного равенства неутешительна и определяет следующую тенденцию: женщины с меньшей вероятностью, чем мужчины, будут трудоустроены, а если и будут трудоустроены, то с меньшей вероятностью займут руководящие должности.

Несмотря на такие пессимистические прогнозы ООН, в целом тенденция к положительным изменениям на рынке труда отмечается уже и сегодня. В России доля женщин, участвующих в общественной и политической деятельности, руководителей увеличивается и, по данным на январь 2022 г., темп прироста в этих сферах составил в среднем 4–5 %:

— доля женщин в категории «руководители» в центральных аппаратах федеральных органов государственной власти увеличилась на 5,3 п. п. и составляет почти 40 % общего числа руководителей (2021 г. — 1,2 тыс. женщин);

— доля женщин среди депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ увеличилась на 2,7 п. п. (2021 г. — 16,3 %);

— доля женщин среди членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ — на 3 п. п. (2021 г. — 19,5 %).

Несмотря на имеющуюся положительную тенденцию в рамках реализации гендерной политики некоторый гендерный разрыв сохраняется, особенно в сфере принятия решений. Роль женщины и стереотипы общества в отношении женской карьеры, ее социальной роли, сохраняют барьеры на рынке труда. Женщины на рынке труда в настоящее время сохраняют более низкие размеры заработной платы при том же уровне компетенций и занятости по сравнению с мужчинами. Величина разрыва в заработной плате между мужчинами и женщинами на сегодняшний день составляет 28 %. При этом женщины имеют более высокую бытовую нагрузку по сравнению с мужчинами. Женщины недостаточно активно представлены в публичной сфере. Поэтому, несомненно, формирование благоприятных факторов и условий для расширения представленности женщин во всех сферах экономики и общества является приоритетом государственной политики, так как это обеспечивает экономические выгоды государству. По данным Минэкономразвития, устранение гендерного дисбаланса, прирост уровня занятости женщин до уровня мужчин приведет к увеличению ВВП на 13–14 %, или 14 трлн руб.

Заключение

В современных условиях вопросы гендерного равенства обсуждаются как в научном, так и в социально-экономическом контексте. В качестве основной задачи для выравнивания гендерного разрыва на первый план выходит преодоление стереотипов в отношении женщин. С этой целью необходимо предпринять определенные усилия на всех уровнях экономической системы, понимая, что вопросы гендерного равенства — это далеко не только социальные аспекты, а еще и существенные экономические выгоды для государства. Поэтому следует сформировать в СМИ образ привлекательной и успешной женщины за счет увеличения присутствия публичных успешных женских образов, расширять участие женщин на лидерских позициях, устранять дисбаланс на рынке труда (равные условия оплаты труда, гибкий график работы, обучающие программы и т. д.), вовлекать женщин в цифровую экономику и IT-направления деятельности.

Список источников

- [1] Айвазова С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. Москва: Эслан, 2001. 79 с.
- [2] Айвазова С. Г. Трансформация российского гендерного порядка в странах СНГ: институциональные факторы и эффекты массовой политики // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 11-22.

[3] Введение в гендерные исследования: учеб. пособие для студентов вузов / Костикова И. В. и др.; под общ. ред. И. В. Костиковой; 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2005. 255 с.

[4] *Поспелова О. В., Кукаренко Н. Н., Львова М. А.* Гендерные исследования: вводный курс: учебное пособие / Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова». Архангельск: Поморский ун-т, 2007. 355 с.

[5] Гендер для чайников / Т. Барчунова, Е. Жидкова, Е. Здравомыслова, О. Здравомыслова, Л. Попкова, Е. Омельченко, Л. Саморукова, Л. Семенова, И. Тартаковская, А. Темкина; под ред. И. Тартаковской, Л. Попковой. Москва: Фонд имени Генриха Белля: Просветительско-издательский центр «Звенья», 2006. 262 с.

[6] *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.

[7] Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований» / отв. ред. Воронина О. А. Москва: МЦГИ, 2000. 396 с.

[8] *Хасбулатова О. А.* Реалии российской гендерной политики в XXI столетии // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 4-12.

[9] Economic benefits from equity / S. R. Buckman, L. Y. Choi, M. C. Daly, L. M. Seitelman. Federal Reserve Bank of San Francisco Working Paper, 2021. <https://doi.org/10.24148/wp2021-11> (accessed on: 20.01.2023).

References

[1] *Aivazova S. G.* Gender equality in the context of human rights. Moscow: Eslan, 2001. 79 p.

[2] *Aivazova S. G.* Transformation of gender order in cis countries: institutional factors and mass politics effects // *Woman in Russian Society*. 2014. No. 4. P. 11-22.

[3] Introduction to gender studies: Textbook, manual for university students / I. V. Kostikova et al.; ed. by I. V. Kostikova. 2nd ed., reprint. and additional. M.: Aspect Press, 2005. 255 p.

[4] *Pospelova O. V., Kukarenko N. N., Lvova M. A.* Gender studies: introductory course: textbook / Federal Agency for Education, State Educational Institution of Higher Education. Prof. education «Lomonosov Pomor State University. Arkhangelsk: Pomor University, 2007. 355 p.

[5] Gender for dummies / T. Barchunova, E. Zhidkova, E. Zdravomyslova, O. Zdravomyslova, L. Popkova, E. Omelchenko, L. Samorukova, L. Semenova, I. Tartakovskaya, A. Temkina; ed. by I. Tartakovskaya, L. Popkova. M.: Heinrich Bell Foundation: Educational and Publishing Center «Links», 2006. 262 p.

[6] *Zdravomyslova E. A., Temkina A. A.* 12 lectures on gender sociology: textbook. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2015. 768 p.

[7] Textbook on the course «Fundamentals of gender studies» / ed. by O. A. Voronina. Moscow: MCGI, 2000. 396 p.

[8] *Khasbulatova O. A.* The realities of Russian gender policy in the XXI century // *Woman in Russian society*. 2011. No. 3. P. 4-12.

[9] Economic benefits from equity / S. R. Buckman, L. Y. Choi, M. C. Daly, L. M. Seitelman. Federal Reserve Bank of San Francisco Working Paper, 2021. <https://doi.org/10.24148/wp2021-11> (accessed on: 20.01.2023).

Информация об авторах

Никонец Олеся Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Брянский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова; <https://orcid.org/0000-0003-0052-8932> (Российская Федерация, 241050, г. Брянск, ул. Бежицкая, 8; e-mail: nikon4832@mail.ru).

About the authors

Olesya E. Nikonets — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Research Associate, Bryansk Branch of Plekhanov Russian University of Economics; <https://orcid.org/0000-0003-0052-8932> (8, Bezhitskaya St., Bryansk, 241050, Russian Federation; e-mail: ni-kon4832@mail.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-8>

УДК 314.36

JEL classification: N34

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ¹

А. Б. Синельников

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-8651-8593>

Автор для корреспонденции: А. Б. Синельников (sinalexander@yandex.ru)

Аннотация. Семейно-демографическая политика в России стимулирует рождение детей в семьях, которые уже существуют, но не способствует ни созданию семей, ни их сохранению. Число браков уменьшается. Число разводов очень велико. Даже если один из супругов соблюдает все правила семейной жизни, другой супруг может расторгнуть брак ради «новой любви». По данным опросов ФОМ, многие респонденты считают эту причину уважительной. Чтобы избежать сложной ситуации в случае развода (раздел имущества, воспитание нескольких детей в семье без отца), многие пары живут вместе без регистрации брака и (или) имеют не более одного ребенка. Автор предлагает взимать налоги по прогрессивной шкале, в зависимости от среднего дохода на члена семьи. Это будет выгодно для семей с несколькими детьми, но невыгодно для одиноких людей и бездетных пар, что может стать для них стимулом к вступлению в брак и (или) рождению детей. Надо ввести следующие поправки в Семейный кодекс: 1) все женихи и невесты заключали брачный договор, 2) если один из супругов расторгает брак без согласия другого супруга, суд должен установить, кто из них виновен в разводе и учитывать это при решении вопросов о разделе имущества, а также о том, с кем останутся дети. Это может способствовать более ответственному отношению к созданию и сохранению семьи.

Ключевые слова: рождаемость; брак; развод; брачный договор; семейно-демографическая политика

Ways to Improve the Effectiveness of Family and Demographic Policy in Russia

A. B. Sinelnikov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-8651-8593>

Corresponding author: A. B. Sinelnikov (sinalexander@yandex.ru)

Abstract. The demographic policy in Russia only encourages the birth of children in families that already exist, but does not contribute to the creation of families or their preservation. The number of marriages is decreasing. The number of divorces is very high. Even if one of the spouses observes all the rules of family life, the other spouse can terminate the marriage for the sake of «new love». According to Public Opinion Foundation (FOM) surveys, many respondents consider this reason to be valid. To avoid a difficult situation in case of divorce (division of property, raising several children in a family without a father), many couples live together without marriage registration and (or) have no more than one child. The study proposes to establish to a progressive tax rate system, depending on the average income per family member. This will be beneficial for families with several children, but unprofitable for single people and childless couples, which may become an incentive for them to get married and (or) have children. The following amendments can be introduced into the Family Code: 1) all the grooms and brides should a marriage contract; 2) if one of the spouses terminates the marriage without the consent of the other spouse, the court must determine

¹ © Синельников А. Б. Текст. 2023.

which of them is guilty of divorce and take this into account when deciding on the division of property, as well as who the children will remain with. This can contribute to a more responsible attitude towards the creation and preservation of a family.

Keywords: birth rate; marriage; divorce; marriage contract; family demographic policy

Введение

В нашей стране как семейная, так и демографическая политика направлены на укрепление института семьи и создание условий для рождения детей¹. Когда эти две политики имеют одни и те же цели, можно говорить о семейно-демографической политике [1], хотя этот термин еще не стал официальным. Конечно, речь не идет о полном совпадении. С одной стороны, меры демографической политики по снижению смертности не имеют прямого отношения к семейно-демографической политике. Миграционная же политика рассматривается отдельно не только от семейной, но и от демографической. С другой стороны, некоторые задачи семейной политики, например, создание условий для того, чтобы доходы всех семей превышали прожиточный минимум, имеют только социальный характер, хотя решение этой проблемы может косвенно повлиять на демографическую ситуацию. Цель исследования состоит в разработке предложений по повышению эффективности семейно-демографической политики в России.

Переход к комплексной семейно-демографической политике

В настоящее время семейно-демографическая политика в России фактически направлена только на стимулирование рождения детей в уже существующих семьях. Она не влияет ни на создание семей, ни на их прочность. До недавнего времени лишь матери двух и более детей получали право на материнский капитал. Однако снижение рождаемости касается не только повторных, но и первых рождений. Поэтому с 2020 г. право на маткапитал стало предоставляться уже при рождении первенца. Уменьшение числа первенцев, да и всех следующих детей во многом вызвано снижением числа зарегистрированных браков и высокой вероятностью их распада.

Измена, пьянство, отсутствие заботы о семье и прочие грубые нарушения мужем или женой правил семейной жизни — это объективные причины развода, когда его требует другой супруг, который соблюдает эти правила. Но если нарушитель правил изменит свое поведение, чтобы сохранить семью, то такие объективные причины могут быть устранены.

К неустранимым объективным причинам относится невозможность соблюдения этих правил. Обычно это обусловлено импотенцией, бесплодием, психическими и другими заболеваниями, которые препятствуют нормальной семейной жизни и не поддаются лечению. Но это не всегда приводит к разводу. Можно смириться с бездетностью или усыновить ребенка. Здоровые супруги далеко не всегда покидают хронически больных мужей и жен, которые ни в чем не виноваты и нуждаются в заботе. А если покидают, то многие люди осуждают их за эгоизм.

Если требование расторгнуть брак — это реакция одного из супругов на антисемейное поведение другого, то такая причина объективна. Субъективные же

¹Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351. В ред. Указа Президента Российской Федерации от 01.07.2014 г. № 483 // Гарант. <https://base.garant.ru/191961/>; Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации // Российская газета. 29 августа 2014. <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения 03.02.2023).

VII. СЕМЬЯ, СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И РОДИТЕЛЬСТВО

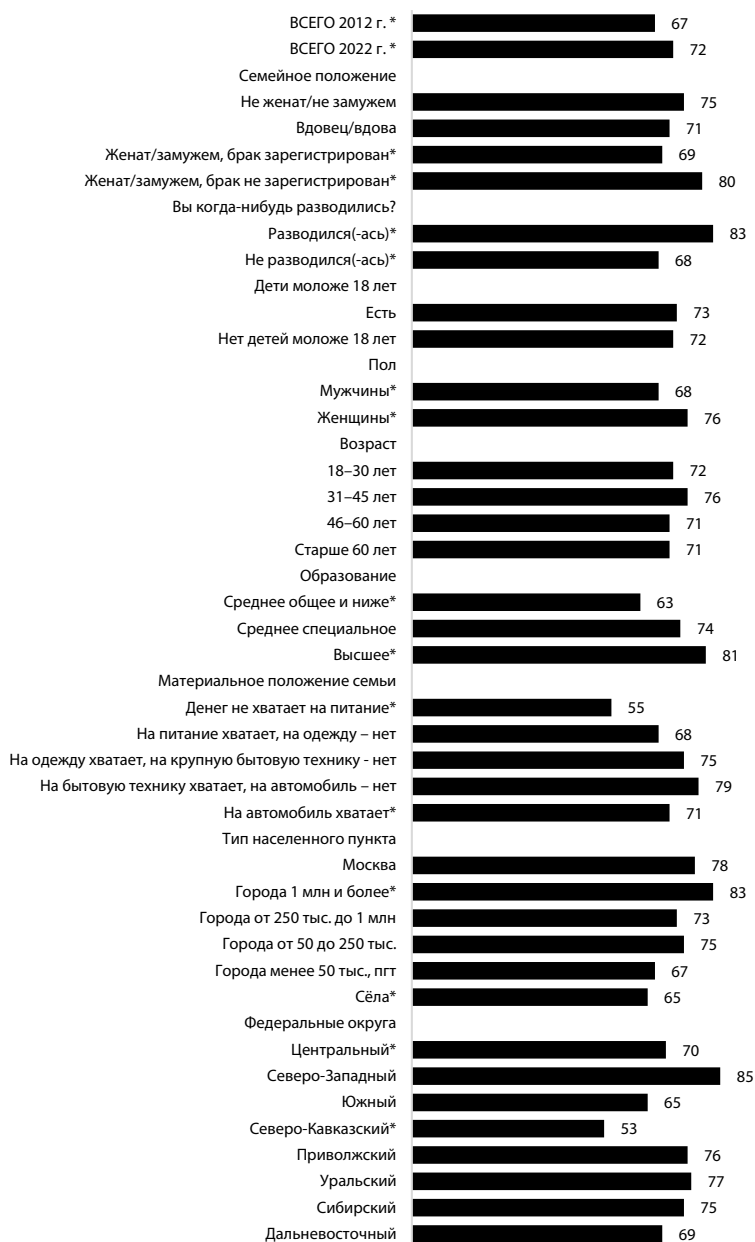

Рис. 1. Доля признающих допустимость развода «в принципе», независимо от наличия детей, по данным ФОМ, % от числа респондентов в группе (источник: расчеты по [2]. Примечание: на рис. 1, 2, 4 и 5 при группировке респондентов по полу, возрасту и другим признакам знаком * отмечены две группы, различия показателей между которыми статистически значимы ($t > 2$))

причины неустранимы, поскольку при этом имеет место негативная реакция инициатора расторжения брака на саму личность мужа или жены. У того, кто настаивает на расторжении брака, супружеская любовь прошла или ее никогда не было, а нелюбимый супруг вызывает неприязнь. Нередко возникает и новое чувство к другому человеку. Это далеко не всегда зависит от поведения покинутого мужа или жены. Мораль и законы давно признали субъективные причины развода уважительными, что привело не только к распаду множества семей, но и к кризису социального института семьи. После этого мало кто имеет основания верить в прочность своей семьи.

По данным всероссийского поквартирного опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» (ФОМ) 1–3 июля 2022 г. в 104 населенных пунктах на территории 53 субъектов РФ 72 % респондентов считают, что разводы допустимы в принципе, 19 % — что недопустимы, 9 % затруднились ответить. В 2012 г. допустимость развода признавали 67 % респондентов [2] (рис. 1).

Показатели социальной приемлемости развода дифференцируются в зависимости от пола, возраста, семейного положения, уровня образования, дохода и места жительства респондентов. С учетом числа опрошенных (как в 2012 г., так и в 2022 г. $N = 1500$) повышение приемлемости развода на 5 % статистически значимо ($t = 3$). Законные супруги считают развод допустимым реже, чем состоящие в неофициальном союзе (69 % против 80 %). Различия в 11 % значимо.

По мнению 52 % респондентов в 2012 г. и 53 % в 2022 г., развод допустим и в семьях с детьми до 18 лет (рис. 2). Различия между некоторыми группами респондентов в отношении к разводам в семьях с детьми имеют иной характер, чем в отношении к разводам вообще. Респонденты, имеющие детей до 18 лет, признают допустимым развод в семьях с детьми даже чаще, чем те, у кого нет детей этого возраста (59 % против 51 %). Разница значима ($t = 2,8$).

Данные исследования ФОМ подтвердили известную, хотя и противоречащую житейской логике закономерность: жены более склонны к расторжению брака, чем мужья. По мнению 68 % у мужчин и 76 % у женщин о разводах вообще (т. е. вне связи с наличием детей), гендерное различие невелико (8 %). Разводы же в семьях с детьми считают допустимыми 43 % мужчин и 62 % женщин, что на 19 %, или почти в полтора раза больше, чем у представителей так называемого сильного пола.

Для мужчин развод нередко означает также и разлуку с детьми (когда они есть), а во многих случаях также и потерю квартиры, если она не принадлежала ему или его родителям еще до брака. Поэтому мужчины реже, чем женщины, бывают заинтересованными в разводе.

Еще в 1970-х гг. Л. В. Чуйко на основании анализа судебных документов установила, что в семьях без детей женщины были инициаторами разводов в 52 % случаев, в семьях с одним ребенком в 64 %, с двумя и тремя детьми в 65 % случаев [3, с. 145–146].

По данным исследования кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ (2007–2008 гг.), доля разведенных среди 660 матерей с тремя и более детьми была лишь немногим ниже, чем среди всех женщин того же возраста по данным переписи 2002 г. В 86 % случаев инициаторами расторжения первого брака были жены [4, с. 342–343].

Дифференциация отношения к разводу в семьях с детьми до 18 лет по таким параметрам, как возраст, уровень образования, материальное положение семьи, тип населенного пункта и регион проживания, очень похожа на соответствующую

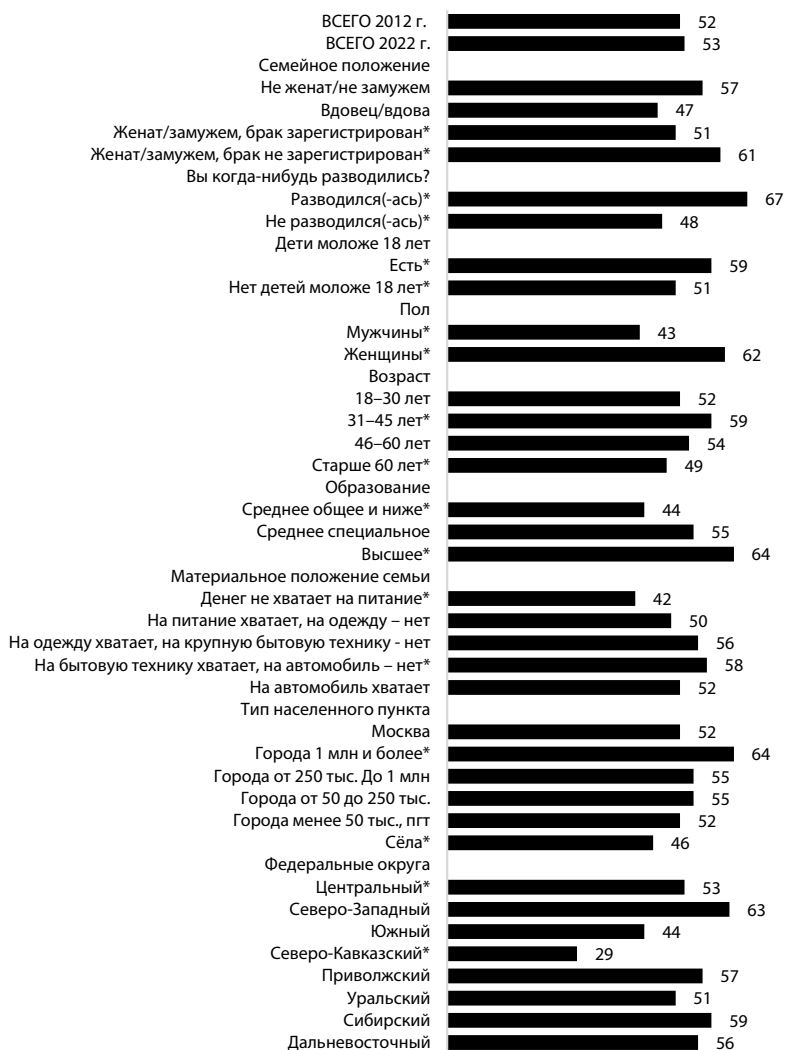

Рис. 2. Доля признающих допустимость развода для семей с детьми до 18 лет, по данным ФОМ, % от числа респондентов в группе (источник: расчеты по [2])

дифференциацию отношения к разводу вообще. Но во многих группах респондентов (те, кто никогда не разводились, мужчины, пожилые, лица с образованием не выше среднего, малообеспеченные, а также сельские жители) менее половины опрошенных считают допустимым развод в семьях с детьми. В Южном федеральном округе это мнение разделяют 44 %, а в Северо-Кавказском — лишь 29 % респондентов (рис. 2).

В анкете ФОМ были также вопросы о допустимости развода не только «в принципе», но и при наличии тех или иных конкретных причин (без упоминания о том, есть ли дети) (рис. 3).

Рис. 3. Доля признающих весомыми некоторые причины для развода, по данным ФОМ, 2012 и 2022 гг., % от общего числа респондентов (примечание: * эта причина была включена в анкету ФОМ только в 2022 г.; источник: расчеты по [2])

Поскольку объем статьи не позволяет подробно проанализировать динамику и дифференциацию социальной приемлемости расторжения брака по каждой из этих причин, остановимся только на двух из них, которые могут привести к разводу в одной и той же ситуации, то есть в случае супружеской измены.

Когда кто-то подает заявление на развод из-за измены мужа или жены, причина является объективной, так как другой супруг нарушил основное правило семейной жизни. В 2022 г. признали эту причину уважительной более половины (58 %) среди состоящих в законном браке и две трети (67 %) среди состоящих в незарегистрированном союзе (рис. 4).

Для респондентов, имеющих опыт развода, эта причина более уважительна, чем для людей без такого опыта (64 % против 56 %). Имеющие детей до 18 лет признают эту причину весомой несколько чаще, чем те, у кого нет детей этого возраста (62 % против 57 %), но различие невелико (5 %) и не выдерживает проверки на значимость ($t = 1,6$).

Мужчины считают допустимым развод в случае измены чуть-чуть чаще, чем женщины (60 % против 57 %). Но гендерное различие очень мало (3 %) и статистически незначимо. В наше время уже нет традиционной двойной морали, которая оправдывает неверных мужей, но осуждает неверных жен.

По остальным параметрам дифференциация допустимости разводов из-за супружеской измены примерно такая же, как в отношении разводов вообще. Среди самых

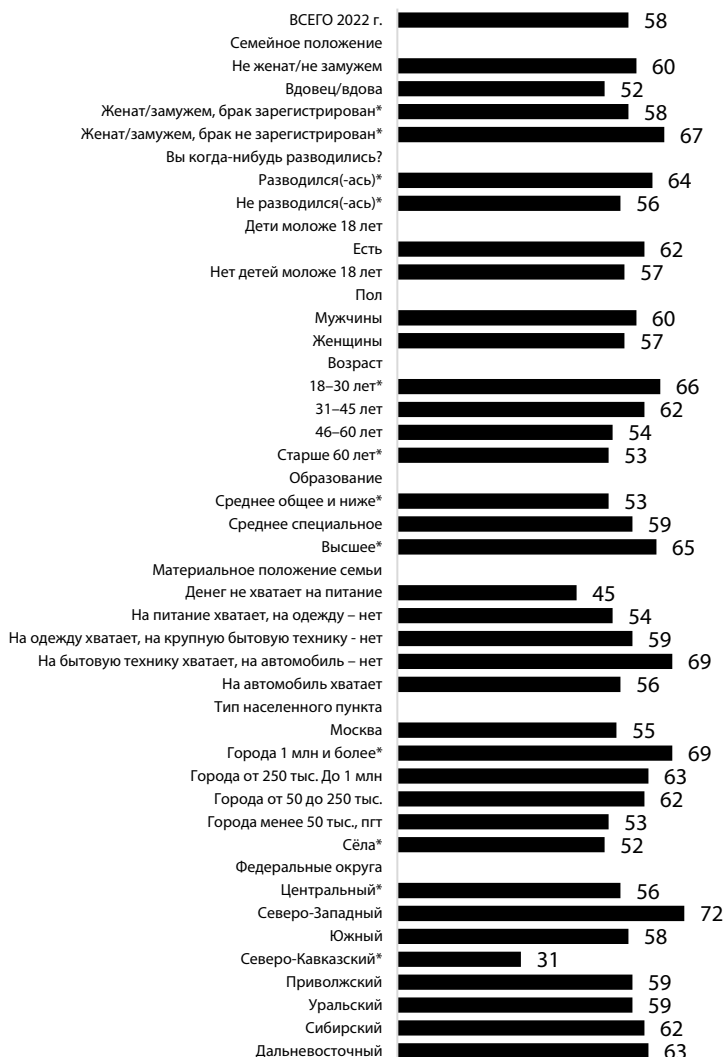

Рис. 4. Доля признающих допустимость развода из-за измены супруга / супруги, по данным ФОМ, % от числа респондентов в группе (источник: расчеты по [2])

бедных, которым не хватает денег даже на питание, признают эту причину уважительной менее половины (45 %), а среди жителей Северо-Кавказского федерального округа — менее трети (31 %). Во всех других группах и регионах более половины респондентов считают ее допустимой (рис. 5).

Если же неверный супруг сам требует расторжения брака, чтобы создать другую семью с любимым человеком, то для него «новая любовь» является субъективной причиной развода. Многие покинутые мужья и жены не виноваты в том, что их

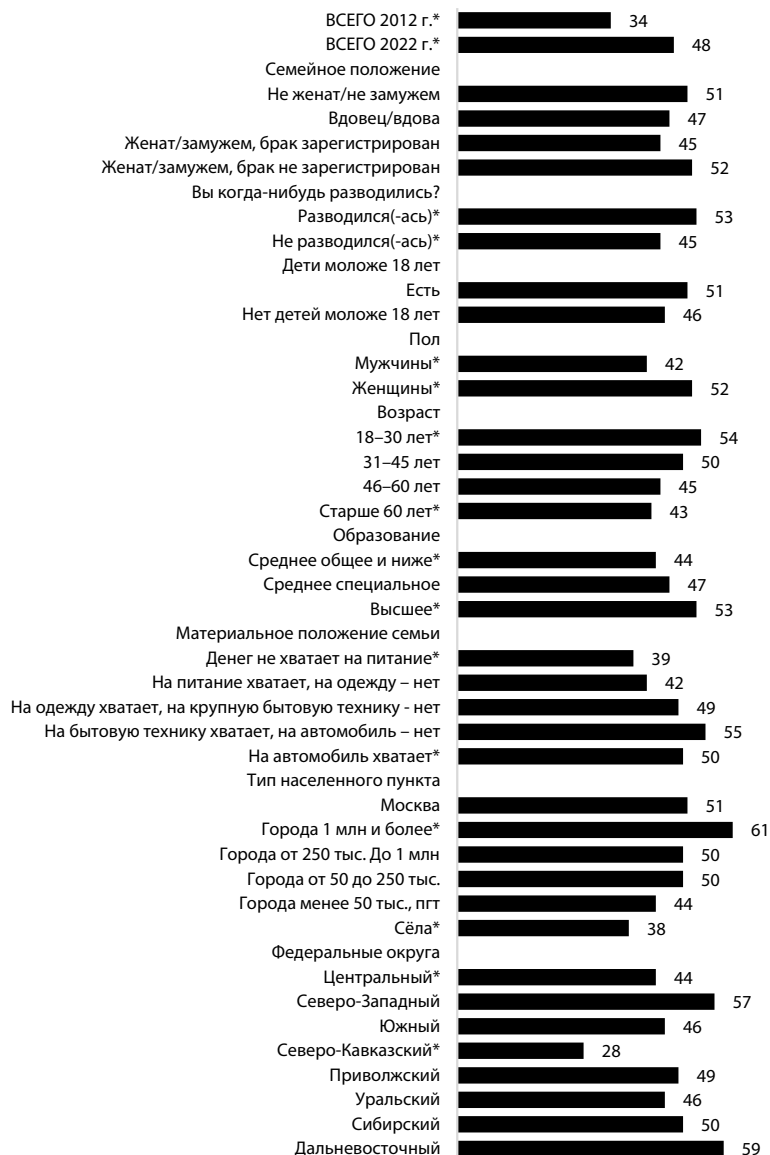

Рис. 5. Доля признающих допустимость развода из-за «новой любви», по данным ФОМ, % от числа респондентов в группе (источник: расчеты по [2])

супруги ушли к другим. Чтобы оправдать свое поведение перед родными и знакомыми, да и перед самими собой, неверные мужья и жены могут обвинять своих «бывших» в чем угодно. Однако истинная причина развода для них — это «новая любовь».

В 2012 г. каждый третий респондент (34 %) признал эту причину уважительной, а в 2022 г. — уже каждый второй (48 %). «Уважительность» этой причины за 10 лет увеличилась на 14 % — больше, чем для любой другой причины (рис. 3). В российском обществе отношение к неверным мужьям и женам, разрушающим ради «новой любви» свои семьи (с детьми или без них), постепенно уподобляется отношению к верным супругам, которые требуют развода из-за измен своих мужей и жен.

Дифференциация мнений о допустимости развода ради «новой любви» между разными группами респондентов имеет примерно такой же характер, как и дифференциация по вопросу о расторжении брака из-за измены мужа или жены. Различия в 10 % и более имеют место между мужчинами (42 %) и женщинами (52 %), между респондентами моложе 30 лет (54 %) и старше 60 лет (43 %), между самыми бедными (39 %) и самыми богатыми (50 %), между жителями городов-миллионников (61 %) и сельской местности (38 %). В региональном аспекте, как и всегда, минимальный показатель (в данном случае — 28 %) наблюдался в Северо-Кавказском федеральном округе, в остальных федеральных округах признали эту причину допустимой от 44 % до 59 % респондентов (рис. 5).

В некоторых группах и регионах доля лиц, признающих допустимым развод вообще (в том числе и в семьях с детьми), а также по тем или иным конкретным причинам, меньше, чем среди всех респондентов в целом. Это сельские респонденты, а также жители Северо-Кавказского федерального округа, где в 2021 г. на 1000 населения приходилось 3,4 развода, то есть меньше, чем в целом по РФ (4,4)¹. В этот регион, кроме Ставропольского края, входят шесть республик: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская, а также Северная Осетия — Алания, Ингушетия и Дагестан, где отчасти сохранилось традиционно негативное отношение к разводам, особенно если их причины носят субъективный характер, а в семье есть дети.

В целом по России уровень разводимости среди сельского населения существенно ниже, чем в городах. При этом показатели разводимости выше в тех регионах и социально-демографических группах населения, для которых характерна высокая степень социальной приемлемости как объективных, так и субъективных причин развода.

Во ходе исследования, проведенного ВЦИОМ в 2009 г. респонденты могли указать три из девяти вариантов ответа на вопрос «Что, на ваш взгляд, является совершенно необходимым для создания семьи?». После ответа «любовь» (65 %) на втором месте (55 %) оказался вариант «жилье для отдельного проживания от родителей» [5]. Многие россияне приняли западные нормы брачного поведения, согласно которым пара должна сразу жить отдельно, и стали откладывать брак, в том числе и так называемый «гражданский», до появления такой возможности. Согласно расчетам по данным Росстата за 1989–2021 гг., средний возраст женщин при вступлении в первый брак и при рождении первенца увеличился на четыре года, число первых браков уменьшилось на 41 %, а первых рождений — на 51 %. Длительное откладывание нередко приводит либо к отказу от вступления в брак и(или) от рождения детей, либо к бесплодию, вероятность которого с возрастом увеличивается. Надо создавать условия, способствующие более раннему вступлению в брак, чтобы супруги имели время для создания большой семьи с несколькими детьми.

¹Естественное движение населения Российской Федерации за 2021 год. Табл. 21. Стат. бюлл. Москва: Федеральная служба государственной статистики, 2022. <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения 10.12.2022).

Одним из способов поддержки больших семей может быть переход к прогрессивной налоговой шкале. В ее основе должен быть не индивидуальный заработок, а доход в расчете на одного члена домохозяйства, которое может состоять как из семьи, так и из одного лица. Семьи с несколькими детьми, чьи отцы являются единственным кормильцами, а жены не работают, будут платить значительно меньше налогов, чем одинокие люди и бездетные пары с таким же общим доходом. Сожители же не являются законными супругами, и каждый из них должен считаться одиноком, если с ним не проживают его дети. Предложения ввести прогрессивную шкалу налогов в зависимости от величины среднедушевого дохода выдвигались разными авторами, но были ориентированы лишь на уменьшение социального расслоения, а не на решение демографических проблем [6, с. 64–76].

Введение такой налоговой шкалы может стимулировать вступление в законный брак и рождение детей, особенно у одиноких мужчин и женщин, имеющих высокие доходы, с которых будет взиматься гораздо меньше налогов после создания семьи, особенно если она станет большой.

Одинокие люди и пары, не имеющие детей, должны будут платить намного больше налогов, чем члены больших семей с таким же общим, но гораздо меньшим среднедушевым доходом, не в порядке «наказания» за бездетность (многие из них бесплодны и в этом не виноваты), а потому, что у них нет иждивенцев. Если считать это нарушением прав личности, то следует отвергнуть принцип прогрессивного налогообложения, признанный почти во всем мире, а до 2000 г. — и в России. Теперь наша страна возвращается к этому принципу. С 2021 г. для лиц с доходами более 5 млн руб. в год ставка налогообложения повышена с 13 % до 15 %. Пора сделать налоговую шкалу более дифференцированной, как это уже было у нас в 1990-х гг. За счет налогов с богатых и бездетных можно увеличить помощь бедным и многодетным.

К сожалению, многие меры семейно-демографической политики предназначены не для семьи в целом, а только для матери с детьми. То есть, государство рассматривает каждую семью, которой оно помогает, как неполную семью, хотя в большинстве этих семей дети живут вместе с обоими родителями. Таким образом, семья без отца признается нормативной. Это противоречит принципам семейно-демографической политики и снижает ее эффективность.

В настоящее время право распоряжаться материнским (семейным) капиталом имеет лишь мать. Это нарушает гендерное равноправие в семье и обществе, снижает авторитет мужей и отцов в глазах жен и детей. Капитал следует переименовать просто в семейный или в родительский [7]. Все перечисления средств со счета, на котором он хранится, следует производить по совместному заявлению обоих родителей ребенка, если они состоят в законном браке друг с другом. Для отцов, которые не оформили в ЗАГСе брак с матерями своих детей, это может стать стимулом к его регистрации, чтобы вместе с женой принять решение об использовании капитала. В некоторых случаях желание сохранить это право может и удержат их от развода.

Желание единолично распоряжаться капиталом и получать материальную помощь от государства для одиноких матерей может привести к тому, что некоторые женщины откажутся от регистрации брака с отцами своих детей или разведутся с ними. Любые меры по стимулированию вступления в законный брак и по предотвращению разводов должны создавать заинтересованность и в том и в другом, как у мужчин, так и у женщин. Иначе результат будет нулевым или даже негативным. Это касается и мер помощи одиноким матерям. Предоставление им более весомых льгот и пособий, чем

законным супругам с таким же числом детей, может стимулировать отказ от регистрации брака [8] или его фиктивное расторжение при совместном проживании обоих родителей с детьми в фактически полных семьях. Помощь для неполных семей, как, впрочем, и для полных, должна быть адресной.

Налоговая шкала должна быть такой, чтобы «выигрыш» от снижения налогов или полного освобождения от них для якобы одинокой матери с ребенком оказался меньше «проигрыша» для его отца. Ему как формально не имеющему иждивенцев придется платить высокие налоги со своего дохода, который не будет делиться на число членов семьи.

Конечно, помощь семьям, как полным, так и неполным, следует увеличить. Но если материальная помощь от государства будет больше, чем от мужей, то они утратят роль основного кормильца семьи. Жены станут экономически независимыми. Это может привести не только к фиктивным, но и к реальным разводам, если супруги не ладят друг с другом.

Понимая, что правильное поведение в семье не спасает от развода по субъективным причинам, люди желают иметь гарантии хотя бы от потери жилья и прочей собственности. Поэтому многие пары, проживающие вместе, не регистрируют брак, чтобы имущество не считалось общим и не делилось в случае разрыва отношений. Но «гражданские» браки распадаются еще чаще, чем законные. У так называемых «гражданских жен» дети рождаются гораздо реже, чем у их ровесниц, имеющих законных супругов.¹ Замена браков сожительствами усугубляет кризис семьи и демографическую ситуацию.

Когда жена понимает, что муж может уйти к другой, она думает о том, как жить после этого. Одного ребенка можно либо воспитать и материально обеспечить в семье без отца, либо вновь выйти замуж. Но с тремя детьми и то, и другое будет намного труднее. Потенциальная непрочность браков снижает рождаемость.

Конечно, если один из супругов категорически отказывается жить с другим, то, независимо от причин отказа, сохранить семью невозможно. Она фактически уже распалась. Поэтому бракоразводное законодательство в нашей стране, как и во многих других, давно перешло от принципа справедливости, на котором должна быть основана любая правовая система, к принципу целесообразности. Однако представляется целесообразным и то, что супруг, который требует развода без согласия другого супруга, должен доказать, что тот пьянствовал, изменял, не заботился о членах семьи, жестоко обращался с ними или нарушал прочие правила семейной жизни. В противном случае сам инициатор развода будет признан виновным в расторжении брака без уважительных причин.

Следует учитывать вину мужа или жены в разводе, если они обращаются в суд по вопросу о разделе жилья и прочей собственности или о том, с кем останутся дети. Не каждый муж решится развестись с верной и заботливой, хотя и нелюбимой женой, зная, что может потерять квартиру. Не каждая жена пойдет на развод с нелюбимым, но ни в чем не виноватым мужем, понимая, что он может забрать себе ребенка.

Семейный кодекс разрешает как новобрачным, так и супругам с любым стажем брака заключать брачный договор, а также впоследствии по взаимному согласию внести в него изменения, если их брак не расторгнут. Договор может предусматривать

¹ Синельников А. Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ. Учебное пособие. Москва: Издательство «Перо», 2022. С. 165-172. 392 с. <https://istina.msu.ru/publications/book/510459430/>

совместную, раздельную или долевую собственность мужа и жены на все имущество, которое они собираются приобрести или уже приобрели после вступления в брак, либо на его отдельные части — дом, квартиру, земельный участок и т. д. При отсутствии этого документа все имущество, приобретенное ими во время брака, кроме полученного в наследство либо по договору дарения от родителей и родственников мужа или жены, считается общим и в случае развода подлежит разделу между бывшими супругами, независимо от величины заработков и личных доходов каждого из них в этот период.

По данным Федеральной нотариальной палаты, в 2011 г. было заключено 40 тыс. брачных договоров, а в 2021 г. — уже 148 тыс., т. е. 16 % от числа зарегистрированных в том же году браков¹. Однако подавляющее большинство женихов и невест не предлагают друг другу заключить договор, опасаясь, что это может быть воспринято как оскорбительное недоверие и привести к разрыву отношений. Если же заключение договора станет обязательным, то оно не должно вызывать такую реакцию.

Заключение

Когда семейно-демографическая политика будет способствовать созданию и сохранению семей, а не только рождению детей в них, она станет более комплексной. Это может повысить ее эффективность. Если внести предлагаемые изменения в налоговое и брачно-семейное законодательство, то люди больше не будут опасаться регистрации брака, а могут быть более заинтересованными в создании законных семей с детьми. Те, кто соблюдает правила семейной жизни, получают гарантии от потери собственности в случае развода. Отношение к браку и разводу станет более ответственным.

Конечно, этого еще недостаточно для повышения рождаемости до уровня полного замещения поколений. Но при нынешнем отношении российского общества к бракам, разводам и сожительству, подавляющее большинство семей будут иметь лишь одного ребенка или двоих детей, то есть депопуляция не остановится. Чтобы выйти из кризиса семьи, необходимо не только обеспечивать материальные условия для создания и сохранения семей с тремя и более детьми, но и возродить ценности семейно-детного образа жизни [9].

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00518, <https://rscf.ru/project/23-28-00518>

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the grant No. 23-28-00518, <https://rscf.ru/project/23-28-00518>

Список источников

[1] Антонов А. И. Цели активной семейно-демографической политики в связи с тенденциями динамики населения РФ // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 211. № 3. С. 264-274.

¹ Число брачных договоров в России за последние 10 лет выросло в три раза (2022) // Известия. Интернет-издание. 14.02.2022. <https://iz.ru/1291008/2022-02-14/chislo-brachnykh-dogovorov-v-rossii-za-poslednie-10-let-vyroslo-v-tri-raza> (дата обращения 02.02.2023).

[2] Разводы: «уважительные» и «неуважительные» причины // ФОМ. 2022. 14 июля. <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14750> (дата обращения: 29.11.2022).

[3] Чуйко Л. В. Браки и разводы. Москва: Статистика, 1975. 176 с.

[4] Фамилистические исследования. Т. 2. Миллион мнений о семье и о себе: сборник / Отв. ред. А. И. Антонов. Москва: КДУ, 2009. 380 с.

[5] Любовь, деньги или жилье — без чего не построить крепкую семью? Аналитический обзор ВЦИОМ. 08 июля 2009. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lyubov-dengi-ili-zhile-bez-chego-ne-postroit-krepkuyu-semyu> (дата обращения: 29.01.2023).

[6] Модернизация подоходного налога и снижение социального неравенства / А. Ю. Шевяков и др. // Автономная некоммерческая организация «Экспертно-аналитический Центр по модернизации и технологическому развитию экономики». Труды, вып. 3. Москва: ЭАЦ «Модернизация», 2011. 128 с.

[7] *Елизаров В.* Закон о материнском (семейном) капитале: сможет ли он обеспечить семьям с детьми достойную жизнь? // Демоскоп Weekly. 2007. № 277-278. <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0277/polit02.php> (дата обращения: 03.02.2022).

[8] *Захаров С.* Одинокое материнство в России // Демоскоп Weekly. 2013. № 553-554. <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/tema01.php> (дата обращения: 02.03.2023).

[9] Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019). Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова [и др.]; под ред. А. И. Антонова. Москва: ООО «МАКС Пресс», 2020. 486 с. <https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019>

References

[1] *Antonov A. I.* The goals of the active family-demographic policy in connection with population dynamics in Russian Federation // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2018. Vol. 211, No. 3. P. 264-274.

[2] Divorces: «good» and «disrespectful» reasons // Public Opinion Foundation, July 14, 2022. <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14750> (accessed on: 29.11.2022).

[3] *Chuiko L. V.* Marriages and divorces. M.: Statistics, 1975. 176 p.

[4] Familistic studies. Part 2: Million opinions about the family and about yourself. Collection / ed. by A. I. Antonov. M.: KDU, 2009. 380 p.

[5] Love, money or housing — without which you can't build a strong family? Analytical review of VCIOM. July 08, 2009. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lyubov-dengi-ili-zhile-bez-chego-ne-postroit-krepkuyu-semyu> (accessed on: 29.01.2023).

[6] Modernization of income tax and reduction of social inequality / A. Yu. Shevyakov et al. / Autonomous Non-Commercial Organization (ANO) «Expert-Analytical Center for Modernization and Technological Development of the Economy» (EAC «Modernization»). Proceedings, vol. 3. M., 2011. 128 p.

[7] *Elizarov V.* Law on maternal (family) capital: can it provide families with children with a decent life? // Demoscope Weekly. 2007. No. 277-278. <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0277/polit02.php> (accessed on 03.02.2022).

[8] *Zakharov S.* Lonely motherhood in Russia // Demoscope Weekly. 2013. No. 553-554. <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/tema01.php> (accessed on: 03.02.2023).

[9] Interregional sociological and demographic study of the values of family and children lifestyle (SEDOZH-2019) / A. I. Antonov, V. M. Karpova, S. V. Lyalikova et al.; ed. by A. I. Antonov. M: ООО «МАКС Пресс», 2020. 486 p. <https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019>

Синельников Александр Борисович — доктор социологических наук, доцент, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова <https://orcid.org/0000-0002-8651-8593> (Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 33; e-mail: sinalexander@yandex.ru).

About the authors

Alexander B. Sinelnikov — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor, Professor, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0000-0002-8651-8593> (1/33, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: sinalexander@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-9>

УДК 65.013

JEL classification: J13, M14

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ КАК ФАКТОРА КОРПОРАТИВНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ¹

А. А. Тобышева^а, О. М. Шубат^б

^а ООО «Агроторг» (г. Екатеринбург, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-0904-9471>

^б Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144>

Автор для корреспонденции: О. М. Шубат (o.m.shubat@urfu.ru)

Аннотация. *Падение рождаемости в России является важнейшим демографическим вызовом, актуализирующим поиск новых инструментов позитивного воздействия на репродуктивное поведение населения. Одним из таких инструментов является корпоративная демографическая политика. Важным фактором ее формирования и реализации являются когнитивные искажения сотрудников. Целью статьи является развитие теоретических подходов к анализу когнитивных искажений как фактора корпоративной демографической политики. Использованы методы наукометрического анализа, реализованного на ресурсе РИНЦ, общенаучные методы систематизации и обобщения. В ходе анализа был составлен наукометрический портрет исследований по тематике когнитивных искажений, предложена типология когнитивных искажений и показаны дальнейшие необходимые направления их исследований с целью совершенствования корпоративной демографической политики. Понимание особенностей формирования репродуктивных установок работников с учетом влияния на них когнитивных искажений необходимо для реализации мер, направленных на усиление установок на родительство работников компаний, что исключительно важно для решения существующих в России демографических проблем.*

Ключевые слова: когнитивные искажения; корпоративная демографическая политика; рождаемость; репродуктивное поведение

Theoretical Approaches to the Analysis of Cognitive Distortions as a Factor of Corporate Demographic Policy

А. А. Tobysheva^а, О. М. Shubat^б

^а LLC Agrotorg (Ekaterinburg, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-0904-9471>

^б Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144>

Corresponding author: О. М. Shubat (o.m.shubat@urfu.ru)

Abstract. *The decline in the birth rate in Russia is the most important demographic challenge that requires new tools to positively influence the reproductive behaviour of the population. One such tool is corporate demographic policy. An important factor in its development and implementation is cognitive distortions of employees. The article aims to develop theoretical approaches to the analysis of cognitive distortions as a factor in corporate demographic policy. Methods of scientometric analysis implemented on the web resource of the Russian Science Citation Index, as well as general scientific methods of systematisation and generalisation, were used. In the course of the analysis, a scientometric portrait of research on cognitive distortions was compiled, a typology of cognitive distortions was proposed, and further necessary directions for their research were shown in order to improve corporate demographic policy. Understanding*

¹ © Тобышева А. А., Шубат О. В. Текст. 2023.

the peculiarities of the formation of reproductive attitudes of employees, taking into account the impact of cognitive distortions, is necessary for the implementation of measures aimed at strengthening the attitudes towards parenthood of company employees. This is extremely important for solving the demographic problems in Russia.

Keywords: cognitive distortions; corporate demographic policy; fertility; reproductive behaviour

Введение

Падение рождаемости в России — наблюдаемое и прогнозируемое — является важнейшим демографическим вызовом современности, актуализирующим поиск новых инструментов, способных оказать позитивное влияние на репродуктивное поведение населения и переломить негативные демографические тренды. Одним из таких инструментов является активная реализация на предприятиях корпоративной демографической политики. Она представляет собой особое направление социальной ответственности бизнеса, направленное на оказание поддержки работникам в сфере рождаемости и родительства [1], способной позитивно влиять на рост рождаемости в семьях сотрудников предприятия.

Возможности и практический опыт реализации на российских предприятиях такого направления деятельности сегодня уже достаточно широко обсуждаются как учеными [2–7], так и представителями политической элиты и органов государственного управления¹. Важно отметить, что реализация корпоративной демографической политики, нацеленной на решение актуальных для государства задач, может представлять и практический интерес для самих предприятий, порождать дополнительные экономические и социальные преимущества для бизнеса. Так, проводя политику, направленную на поддержку не только профессиональных, но и родительских обязанностей работника, компании могут получать репутационные преимущества, повышать уровень их привлекательности как для соискателей вакантных должностей, так и для инвесторов. Реализация такой политики может облегчать возможность найма высококвалифицированных сотрудников, снижать текучесть персонала, повышать трудовую мотивацию и производительность труда [8–11].

Исследователи в разных странах изучают и выявляют самые разные факторы, оказывающие влияние на особенности реализации корпоративной социальной ответственности, — внутренние и внешние, объективные и субъективные [12, 13]. Безусловно, при формировании такой политики важно учитывать не только объективные характеристики и потребности сотрудников, но и субъективные факторы, оказывающие влияние на их репродуктивное поведение. Одним из таких факторов, на наш взгляд, являются когнитивные искажения.

Репродуктивное поведение как совокупность действий человека зависит, кроме прочего, от психологического состояния, мышления и воспроизводимых внутренних установок личности. В центре человеческого поведения лежит диспозиция, некая predisposition, на основе которой строится оценка возникающих ситуаций и принимается решение, результатом которого будет определенное поведение, в том числе репродуктивное. При этом репродуктивные установки как психический регулятор поведения представляют собой психические состояния личности, обуславливающие

¹Стенограмма заседания президиума Госсовета, посвященного политике в области семьи, материнства и детства. 17 февр. 2014 г. // Президент России. <http://www.kremlin.ru/news/20265> (дата обращения: 05.02.2023); Эксперты: рост рождаемости в РФ могут обеспечить многодетные семьи, но им нужна поддержка // ТАСС. 28.05.2022 г. <https://tass.ru/obschestvo/14757305> (дата обращения 05.02.2023).

взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей. Так, выделяют установки детности, направленные на достижение определенного числа детей и установки на применение контрацепции [14]. Репродуктивные установки могут формироваться под воздействием систематических ошибок мышления, могут быть обусловлены субъективными восприятием, убеждениями, стереотипами, сводящимися в так называемым когнитивным искажениям.

Термин «когнитивное искажение» был введен двумя учеными-бихевиористами — А. Тверски и Д. Канеманом, которые исследовали влияние стереотипов на мышление людей и определяли когнитивные искажения как расхождения в суждениях, умственные ошибки, «ловушки», которые мешают человеку принимать решения, а также способствуют формированию ошибочных выводов [15]. Американский психотерапевт создатель когнитивной психотерапии А. Бек полагал, что когнитивные искажения представляют собой нереалистичные, негибкие или экстремальные интерпретации информации, вызванные систематическими ошибками в логике человека [16]. Таким образом, под когнитивными искажениями понимаются отклонения в восприятии событий и людей, ошибки при обработке информации, вызванные систематическими ошибками в мышлении индивида, формирующие стереотипы, предубеждения и шаблоны когнитивных процессов.

Ошибки мышления искажают восприятие и обработку информации, что способствует нахождению и использованию быстрых путей для интерпретации огромного объема данных, поступающих от окружающего мира. Когнитивные искажения влияют на скорость восприятия и обработки информации, изменяют способ интерпретации поступающей информации. Также искажения могут заставлять индивидов игнорировать важную информацию, сосредотачивая внимание на тех умозаклчениях, которые поддерживают уже имеющиеся идеи и убеждения. Таким образом, ошибки мышления способствуют формированию стереотипов, предубеждений, затрудняют усвоение новой информации [16]. И в этом ключе когнитивные искажения могут существенно тормозить реализацию репродуктивных намерений сотрудников предприятия, акцентируя сознание на моментах, связанных с потенциально негативным отношением работодателей к семейным и родительским обязанностям сотрудников, с трудностями / невозможностью совмещения функций родителя и профессионального работника.

Согласно нашему предположению, когнитивные искажения являются тем феноменом, на работу с которым должны быть направлены реализуемые на предприятии меры корпоративной демографической политики. Важно отметить, что исследование влияния ошибок мышления на формирование и особенности внедрения такой политики не проводилось, что, очевидно, объясняется новизной объекта исследования. Целью нашего исследования является развитие теоретических подходов к анализу когнитивных искажений как фактора корпоративной демографической политики.

Данные и методика исследования

Формирование теоретических подходов к анализу когнитивных искажений в сфере репродуктивного поведения состояло из нескольких этапов. Охарактеризуем каждый из них подробнее.

Этап 1. В рамках этого этапа мы применили методы наукометрического и контент-анализа с целью выявления и описания тех научных публикаций, которые были

посвящены вопросам исследования когнитивных искажений в целом и вопросам их влияния на практики корпоративной социальной ответственности, в частности. В качестве информационного массива использовались публикации, проиндексированные в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). Отбирались и анализировались публикации, в ключевых словах которых фигурировал термин «когнитивные искажения».

Этап 2. Выявление направлений влияния когнитивных искажений на репродуктивное поведение сотрудников предприятия происходило на основе анализа основных концепций теории когнитивных искажений.

В современной научной литературе описано и проанализировано более 200 типов когнитивных искажений. Под влиянием когнитивных искажений различных типов у индивидов складываются различные схемы мышления — когнитивные схемы. Для нашего исследования мы выбрали следующие когнитивные схемы, описанные в работе [17]:

- фреймы (абстрактные образы для представления некоторого стереотипа информации);
- антиципации (представления о предмете или событии, возникающие до акта их восприятия; ожидание наступления, предугадывание);
- прототип (ассоциации на основе личного опыта и особенностей взаимодействия с людьми, предметами, ситуациями и обстоятельствами определенного типа);
- социальный стереотип (устойчивые убеждения и ассоциации на основе общественных представлений в отношении социальных групп, в т. ч. этнических, гендерных, возрастных).

Когнитивные схемы мышления и когнитивные искажения проявляются при принятии решения в условиях вероятности, неопределенности будущих событий (таких как рождение ребенка). Важной особенностью когнитивных искажений является то, что они могут оказывать противоположные воздействия на конечные убеждения и решения индивида. Когнитивные искажения могут формировать установки как способствующие росту рождаемости, так и препятствующие этому.

Результаты

Проведенный анализ позволил составить своего рода наукометрический портрет исследований по тематике когнитивных искажений. Анализ показал, что эта тематика является относительно новой и еще мало изученной. Так, в РИНЦ проиндексирована только 361 публикация, где в ключевых словах фигурирует термин «когнитивные искажения». Период опубликования таких материалов — с 2010 г. по 2023 г. Однако практически 2/3 публикаций по тематике когнитивных искажений вышли в последние 5 лет, что говорит о нарастающей популярности и востребованности этого исследовательского направления.

Важно отметить, что исследователи редко изучают когнитивные искажения в тех предметных областях, которые могут быть связаны с корпоративной социальной ответственностью и политикой. К таким областям мы отнесли области «экономика и экономические науки», «организация и управление» и «демография» (названия взяты из тематического рубрикатора РИНЦ). Отметим, что в предметной области «демография» оказалось проиндексировано только 3 таких публикации. Важно отметить, что не обнаружилось ни одной публикации с одновременным присутствием в ключевых словах терминов «когнитивные искажения» и «корпоративная социальная ответственность».

Отдельные наукометрические показатели публикационной активности по тематике когнитивных искажений в РИНЦ

Показатель	Значение показателя
Доля публикаций, в ключевых словах которых присутствует термин «когнитивные искажения», в общем количестве проиндексированных публикаций, %	0,00088
Количество публикаций, в ключевых словах которых присутствует термин «когнитивные искажения».	361
В том числе:	
статьи	210
книги и главы в книгах	18
материалы конференций	133
Количество публикаций, в ключевых словах которых присутствует термин «когнитивные искажения», за последние 5 лет (2019–2023 гг.)	238
Количество публикаций в предметной области «демография»	3

Источник: расчеты авторов.

Отдельные результаты наукометрического анализа представлены в таблице 1.

В ходе исследования нами была разработана типология направлений влияния когнитивных искажений на результаты репродуктивного поведения. Важнейшая задача, которая стоит перед эффективной корпоративной демографической политикой — рост рождаемости в семьях сотрудников. Следовательно, наиболее важным основанием для обозначенной выше классификации является то, насколько способствует или препятствует ошибка мышления (когнитивное искажение) формированию установки детности. В таблице 2 представлены основные когнитивные схемы, описание их воздействия на репродуктивное поведение индивидов, а также непосредственно виды когнитивных искажений, оказывающих влияние на репродуктивные установки. В целом проведенный анализ показал, что когнитивные установки способны формировать в отношении рождения детей установки детности и контрацептивные установки.

Обсуждение полученных результатов

На наш взгляд, необходимо особо отметить следующие важные моменты в полученных результатах.

Во-первых, проведенный наукометрический анализ публикаций по тематике когнитивных искажений, проиндексированных в Российском индексе научного цитирования, показал исключительную новизну нашего объекта исследования и подтвердил необходимость разработки теоретических основ изучения когнитивных искажений как фактора корпоративной демографической политики. В условиях, когда реализуемые в стране меры государственной поддержки и стимулирования рождаемости не показали ожидаемого результата и, по сути, оказались малоэффективными, актуализируется поиск новых инструментов эффективной демографической политики. Сегодня необходимость участия бизнеса в решении демографических проблем признается и на политическом, и на научном уровне. Однако необходима научно-исследовательская рефлексия, отвечающая на формируемый со стороны общества и государства запрос. Очевидно, что эффективность корпоративной демографической политики напрямую зависит от того, насколько изучены механизмы возможного

Таблица 2

Типология направлений влияния когнитивных искажений на репродуктивные установки

Когнитивная схема	Оказываемое влияние		Виды когнитивных искажений в рамках схемы
	способствует формированию установки детности	препятствует формированию установки детности	
Фреймы	Входящая информация о рождении детей воспринимается позитивно и формирует благоприятные ожидания в отношении наступления беременности и рождения детей	Входящая информация о рождении детей воспринимается негативно и формирует неблагоприятные ожидания в отношении наступления беременности и рождения детей	Эффект фрейминга
Антиципации	Позитивное представление о событии рождения ребенка, ожидание наступления события	Негативное представление о событии рождения ребенка, избегание наступления события	Ошибка подтверждения, эффект иллюзии правды, катастрофизация, преувеличение опасности, эвристика доступности, стереотипизация, эффект социальной желательности
Прототип	Позитивные ассоциации с рождением детей на основании личного опыта: нормализация взаимоотношений в семье после рождения ребенка; самореализация; возможности для карьеры и образования; нормализация здоровья женщины; повышение качества жизни семьи; улучшение жилищных условий и финансовых возможностей семьи	Негативные ассоциации с рождением детей на основании личного опыта: ухудшение взаимоотношений в семье; невозможность самореализации; снижение возможностей карьерного роста и образования; снижение здоровья женщины; снижение качества жизни семьи; ухудшение жилищных условий и финансовых возможностей семьи	Эвристика доступности, соответствие эмоциям, иллюзорная корреляция, обобщение частных случаев, эффект затухания
Социальный стереотип	Позитивные убеждения о беременных женщинах, матерях, детях на основе общественных представлений	Негативные убеждения о беременных женщинах, матерях, детях на основе общественных представлений	Неявные стереотипы, эффект авторитета, эффект повального увлечения (конформизм), эффект затухания

Источник: авторская разработка.

влияния тех или иных мер такой политики на рождаемость, репродуктивные установки работников предприятий. Представляется, что исследование когнитивных искажений может способствовать формированию более основательного информационного базиса для разработки эффективных мер корпоративной демографической политики.

Во-вторых, представленная в статье типология влияния когнитивных искажений на репродуктивные установки является лишь первым шагом в процессе исследования, однако уже позволяет выстраивать схемы дальнейших исследований в этом направлении.

Согласно типологии, один и тот же вид когнитивных искажений может оказывать различное влияние на репродуктивное поведение индивидов. Мы предполагаем, что когнитивные искажения способны сформировать установки в отношении рождения детей. Рассмотрим несколько шаблонов (паттернов) репродуктивных установок, основанных на отказе от рождения ребенка. Согласно теории мотивации, индивиду сложнее придерживаться долгосрочных целей, поскольку краткосрочные планы более прогнозируемы и привлекательны. Такая цель, как рождение и воспитание ребенка, является сложным и длительным процессом и, следуя постулатам теории мотивации, не стимулирует индивида к деятельности в этом направлении. Согласно эффекту неопределенности, индивиды имеют тенденцию избегать событий, вероятность наступления которых в силу отсутствия информации невозможно оценить. Зачастую планы индивидов строятся на нереалистичных сценариях худшего исхода без учета прошлого опыта (ошибка планирования, катастрофизация). Люди предпочитают, что возможные негативные сценарии, связанные с рождением детей, осуществятся и, как следствие, формируется установка на контрацептивное поведение.

Другой пример — эффект фрейминга, при котором смысловые акценты и форма подачи информации влияют на ее восприятие. Такое когнитивное искажение при рассмотрении текущих условий жизни потенциальными родителями может сформировать установку, характеризующую отрицательное отношение к рождению детей. При данной ошибке мышления жилищные условия, источники дохода будут оцениваться индивидом как недостаточные для рождения и воспитания ребенка, что ведет к abortивному или контрацептивному поведению.

При эффекте катастрофизации индивиды склонны воспринимать будущие события с негативной точки зрения, ожидая худшего. Так, потенциальные родители, прогнозируя условия жизни при рождении ребенка, будут оценивать изменение качества личных профессиональных навыков, изменения доходов, объемов и структуры расходов семьи с точки зрения угрозы, совокупности проблем и преувеличения значимости влияния событий.

Эффект авторитета как тип когнитивного искажения выражается в склонности к принятию решения на основании экспертного мнения или мнения авторитета. Например, потенциальные родители на основании стороннего мнения (друзья, соседи, собственные родители) могут негативно оценивать ценность детей и родительства в жизни.

В-третьих, типология влияния когнитивных искажений на репродуктивные установки индивидов создает системное представление об этих эффектах и создает основу для дальнейших исследований в этой области. На наш взгляд, в таком исследовании необходимы следующие направления:

— формирование «портрета» потенциальных родителей — сотрудников предприятия, поведение которых подлежит исследованию. Необходимо определить параметры целевой аудитории исследования, которые позволяют рассмотреть когнитивные искажения как фактор, влияющий на формирование репродуктивных установок и на реализацию корпоративной демографической политики;

— разработка методологии (и методик) оценки влияния когнитивных искажений на формирование репродуктивных установок сотрудников предприятия. Необходимо определить наличие когнитивных искажений у респондентов, оценить влияние когнитивных искажений на репродуктивные установки детности и контрацептивного поведения, интерпретировать полученные данные;

— разработка методологии (и методик) оценки влияния когнитивных искажений на формирование и реализацию корпоративной демографической политики. Рассмотрению подлежат когнитивные искажения репродуктивного поведения работников компаний, определение влияния уровня корпоративной культуры на репродуктивные установки, а также возможность формирования корпоративной демографической политики с учетом влияния когнитивных искажений. Представляется, что реализация данного исследования позволит оценить влияние когнитивных искажений на рождаемость и сформировать комплекс мер в рамках корпоративной демографической политики.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов и заключений. Прежде всего, когнитивные искажения следует рассматривать в качестве нового фактора репродуктивного поведения в рамках формирования корпоративной демографической политики. При этом важно отметить, что в научных областях, охватывающих темы корпоративной социальной ответственности и политики, а также демографии и репродуктивного поведения, проблематика когнитивных искажений недостаточно исследована.

В процессе исследования была разработана типология влияния когнитивных искажений на репродуктивные установки индивидов. Показано влияние четырех когнитивных схем на представления потенциальных родителей о рождении ребенка. Для каждой из схем указаны соответствующие когнитивные искажения, отражающие конкретные случаи ошибок мышления. Данная типология позволяет глубже понять взаимосвязь репродуктивного поведения и когнитивных искажений и предложить направления по работе с ними.

Проведенное исследование обладает большим потенциалом дальнейшего развития. Нами были обозначены направления последующих необходимых исследований в области когнитивных искажений и их влияния на реализацию корпоративной демографической политики.

Мы убеждены, что системное представление о взаимосвязи когнитивных искажений и репродуктивного поведения создает основу для поиска новых путей совершенствования корпоративной демографической политики и повышения ее эффективности. Это, в свою очередь, способно привести к усилению установок на родительство работников компаний, что необходимо для решения существующих в России демографических проблем.

Благодарность

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1527.2022.2).

Acknowledgements

The article has been prepared within the framework of the project «Institutions to support Russian pronatalist policy: potential and prospects for influencing birth rate growth», supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation (NSch-1327.2022.2).

Список источников

- [1] Ростовская Т. К., Шабунцова А. А., Багирова А. П. Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. №. 5. С. 151-164. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>
- [2] Багирова А. П., Вавилова А. С. Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: реалии и возможности развития в российских организациях // Управленец. 2022. Т. 13. №. 5. С. 34-48. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-5-3>
- [3] Вавилова А. С. Роль корпоративной демографической политики в поддержке семьи и развитии человеческого потенциала // III Всерос. демографический форум с междунар. участием: мат-лы форума. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 26-29.
- [4] Клупт М. А. Население и прокреация // Семья в России и Китае: процесс модернизации / под ред. И. И. Елисеевой, Аньци Сюй. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. С. 15-29.
- [5] Чернова Ж. В. Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20(1). С. 93-113. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.1.6>
- [6] Шубат О. М. Российский бизнес и поддержка рождаемости: успешные корпоративные практики // Глобальные вызовы демографическому развитию. Т. II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. С. 339-351. <https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-32>
- [7] Breaugh J. A., Frye N. K. An Examination of the Antecedents and Consequences of the Use of Family-Friendly Benefits // Journal of Managerial Issues. 2007. No. 19(1). P. 35-52.
- [8] Kim J. S., Yeo Y. H. Family-friendly policy and childbirth intention: Mediating effect of family life satisfaction // Asia Life Sciences. 2019. No. 3. P. 75-84.
- [9] Bourhis A., Mekkaoui, R. Beyond Work-Family Balance: Are Family-Friendly Organizations More Attractive? // Relations Industrielles / Industrial Relations. 2010. No. 65(1). P. 98-117. <https://doi.org/10.7202/039529>
- [10] Kim J., Wiggins M. E. Family-Friendly Human Resource Policy: Is It Still Working in the Public Sector? // Public Administration Review. 2011. No. 71. P. 728-739. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2011.02412.x>
- [11] Kabir R., Thái Minh, H. Key Factors Determining Corporate Social Responsibility Practices of Vietnamese Firms and the Joint Effects of Foreign Ownership // Journal of multinational financial management. 2021. No. 59. 100676. <https://doi.org/10.1016/j.mulfin.2020.100676>
- [12] Manner M. H. The Impact of CEO Characteristics on Corporate Social Performance // Journal of Business Ethics. 2010. No. 93. P. 53-72. <http://www.jstor.org/stable/27919154> (accessed on: 05.02.2023).
- [13] Медков В. А. Демография. Москва: Инфра-М, 2003. 544 с.
- [14] Боброва Л. А. Когнитивные искажения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. 2021. №. 2. С. 69-79. (Сер. 3. Философия). <https://doi.org/10.31249/rphil/2021.02.04>
- [15] Beck A. T. Thinking and depression: 1. Idiosyncratic content and cognitive distortions // Archives of General Psychiatry. 1963. No. 9(4). P. 324-333.

[16] Cognitive Distortions in Thinking in Connection with Positive and Negative Emotions of Employed and Unemployed / L. Zibrínová, Z. Birknerová, M. Frankovský, L. Zbihlejšová, D. Lajčín // Asian journal of social sciences and management studies. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 17-22.

References

[1] *Rostovskaya T. K., Shabunova A. A., Bagirova A. P.* The Concept for Corporate Demographic Policy of Russian Enterprises in the Framework of Corporate Social Responsibility // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2021. Vol. 14. No. 5. P. 151-164. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>

[2] *Bagirova A. P., Vavilova A. S.* Corporate demographic policy: The reality and development opportunities in Russian organizations // The Manager. 2020. Vol. 13, No. 5. P. 34-48. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-5-3>

[3] *Vavilova A. S.* Role of Corporate Demographic Policy in Supporting the Family and Human Capacity Development // III All-Russian Demographic Forum with international participation: materials of the forum. Moscow: FCTAS RAS, 2021. P. 26-29.

[4] *Klupt M. A.* Population and procreation // The family in Russia and China: the process of modernization / ed. by I. I. Eliseeva, Anqi Xu. St. Petersburg: Nestor-History, 2015. P. 15-29.

[5] *Chernova, Zh. V.* Family Friendly Workplace: Political Initiatives, Employer's Position and Types of Support for Workers with Family Responsibilities // The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2017. No. 20(1) P. 93-113. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.1.6>

[6] *Shubat O. M.* Russian Business and Fertility Support: Successful Corporate Practices // Global challenges to demographic development. Vol. II. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022. P. 339-351. <https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-32>

[7] *Breaugh J. A., Frye N. K.* An Examination of the Antecedents and Consequences of the Use of Family-Friendly Benefits // Journal of Managerial Issues. 2007. No. 19(1). P. 35-52.

[8] *Kim J. S., Yeo Y. H.* Family-friendly policy and childbirth intention: Mediating effect of family life satisfaction // Asia Life Sciences. 2019. No. 3. P. 75-84.

[9] *Bourhis A., Mekkaoui, R.* Beyond Work-Family Balance: Are Family-Friendly Organizations More Attractive? // Relations Industrielles / Industrial Relations. 2010. No. 65(1). P. 98-117. <https://doi.org/10.7202/039529>

[10] *Kim J., Wiggins M. E.* Family-Friendly Human Resource Policy: Is It Still Working in the Public Sector? // Public Administration Review. 2011. No. 71. P. 728-739. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2011.02412.x>

[11] *Kabir R., Thái Minh, H.* Key Factors Determining Corporate Social Responsibility Practices of Vietnamese Firms and the Joint Effects of Foreign Ownership // Journal of multinational financial management. 2021. No. 59. 100676. <https://doi.org/10.1016/j.mulfin.2020.100676>

[12] *Manner M. H.* The Impact of CEO Characteristics on Corporate Social Performance // Journal of Business Ethics. 2010. No. 93. P. 53-72. <http://www.jstor.org/stable/27919154> (accessed on: 05.02.2023).

[13] *Medkov V. A.* Demographics. Moscow: INFRA-M, 2003. 544 p.

[14] *Bobrova L. A.* Cognitive biases // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 3. Philosophy. 2021. No. 2. P. 69-79. <https://doi.org/10.31249/rphil/2021.02.04>

[15] *Beck A. T.* Thinking and depression: 1. Idiosyncratic content and cognitive distortions // Archives of General Psychiatry. 1963. No. 9(4). P. 324-333.

[16] Cognitive Distortions in Thinking in Connection with Positive and Negative Emotions of Employed and Unemployed / L. Zibrínová, Z. Birknerová, M. Frankovský, L. Zbihlejšová, D. Lajčín // Asian journal of social sciences and management studies. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 17-22.

Информация об авторах

Тобышева Анастасия Андреевна — экономист-аналитик; ООО «Агроторг»; <https://orcid.org/0000-0002-0904-9471> (Российская Федерация, 620082, г. Екатеринбург, Кольцовский тракт, 13/1; e-mail: tobysheva.a.a@internet.ru).

Шубат Оксана Михайловна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

About the authors

Anastasiya A. Tobysheva — Economist-Analyst, LLC Agrotorg; <https://orcid.org/0000-0002-0904-9471> (13/1, Koltsovsky Highway, Ekaterinburg, 620082, Russian Federation; e-mail: tobysheva.a.a@internet.ru).

Oksana M. Shubat — Dr. Sci. (Econ.), Department of Economics and Management at Metallurgical and Machine-Building Enterprises, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-10>

УДК 314.5+314.02

JEL classification: J12

ТРАНСФОРМАЦИЯ БРАЧНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2021 ГОДА¹

В. В. Фаузер

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
(г. Сыктывкар, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817>

Автор для корреспонденции: В. В. Фаузер (fauzer.viktor@yandex.ru)

Аннотация. *Рассматриваются теоретические подходы к институту семьи, бракам и разводам. Подробно рассмотрена история отношения государства к разводам. В научный оборот вводится статистический материал по отдельным показателям в целом по Республике Коми с 1920 г. по 2020 г., по муниципальным образованиям с 1990 г. Брачное состояние населения приводится по итогам переписей населения с 1959 по 2021 г. Представлен первый анализ итогов ВПН-2021. Делается вывод, что идет очередная «ревизия» семейных ценностей, устоев традиционного брака.*

Ключевые слова: Республика Коми; брачно-семейная структура; разводы

Transformation of the Marriage Structure of the Population of the Komi Republic in the Context of the 2021 All-Russian Population Census

V. V. Fauzer

Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre
of the Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817>

Corresponding author: V. V. Fauzer (fauzer.viktor@yandex.ru)

Abstract. *Theoretical approaches to the institution of the family, marriages and divorces are examined. The history of the attitudes of the state to divorces is considered in detail. Statistical materials are introduced into scientific circulation on individual indicators for the Komi Republic from 1920 to 2020, as well as for its municipalities since 1990. The marital status of the population is presented based on the results of population censuses from 1959 to 2021. The first analysis of the results of the 2021 All-Russian Population Census is presented. It is concluded that there is another «revision» of family values, the foundations of traditional marriage.*

Keywords: Komi Republic; marriage and family structure; divorces

Введение

Заключение брака всегда осознавалось как важное событие в жизни человека, изменяющее его социальный статус и порождающее определенные права и обязанности супругов. «Это событие издавна сопровождалось специальной церемонией, имевшей и сакральный, и правовой смысл. Главной процедурой, скрепляющей брак, стала его гражданская регистрация» [1, с. 211].

Переписи и микропереписи населения являются единственным источником информации о брачно-возрастной структуре населения. В переписи 1926 г. семейное состояние учитывалось в разрезе категорий «холостые, девицы», «женатые, замужние»; «вдовы» и «разведенные». «В переписях до 1970 г. учитывались две категории брачного состояния: „состоящие в браке” и „не состоящие” в нем. Население по состоянию в браке с 1979 г. классифицируется как: „никогда не состоявшие в браке; состоящие

¹ © Фаузер В. В. Текст. 2023.

в браке; вдовье; разошедшиеся, но не разведенные; разведенные (прошедшие процедуру расторжения брака)» [2]. С 2002 г. раздельно ведется учет состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке.

Развитие брачного рынка и его компонент (браки и разводы) в исторической ретроспективе зависит от социальной трансформации общества [3], от возрастной структуры и соотношения полов в дееспособных возрастах, от направленности и результативности миграционных процессов [4].

Традиционно брачный рынок или брачное пространство начинают исследовать с анализа абсолютных данных и общих коэффициентов брачности и разводимости, числа и структуры семей, с 2002 г. учет и опрос населения проводится по домохозяйствам. Динамика названных показателей отражает влияние на них социальных и экономических факторов, а также возрастной структуры населения, важное значение имеют нормы права и религиозные установки.

Цель работы — показать, как менялась структура брачности в советский и постсоветский периоды. Ставятся задачи раскрыть теоретические положения брачности, описать историю подходов к бракам и разводам, ввести в научный оборот итоги Всероссийской переписи населения 2021 г.

Подходы к бракам и разводам в разные исторические периоды

В Коми крае «браки были всеобщими и ранними. Вне брака оставались практически только инвалиды — около 3 % крестьян. О планировании числа детей не задумывались. При заключении брака среди крестьян материальные расчеты имели значение, но ими дело не ограничивалось. Браки устраивались родителями, и они всегда принимали в расчет, прежде всего, статус и репутацию семьи, из которой происходили новобрачные, затем личные качества невесты и жениха и лишь в последнюю очередь — их взаимные склонности» [5].

В досоветский период возможность или невозможность получить развод определялась Российской православной церковью, «число поводов для формального развода было четыре: 1) доказанное прелюбодеяние; 2) неизвестное длительное отсутствие; 3) приговор суда к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния; 4) пострижение в монашество, при условии обоюдного полюбовного соглашения супругов в отношении пострижения одного из них в монастырь, при одновременном пострижении, при достижении женою 50-летнего возраста, при отсутствии малолетних детей. В 1806 г. появился пятый повод для законного развода — „физическая неспособность к брачному сожитию“, что было равносильно признанию тяжелой болезни в качестве основания для развода. Строгость оправдывалась тем, что развод стал рассматриваться как грех, подрывающий идею священности брака» [6, с. 740–741, 749–750, 758].

В новой России после отделения церкви от государства процедуру развода осуществляли органы ЗАГСа после подачи заявления хотя бы одним из супругов. При И.В. Сталине разводов практически не было из-за ограничения поводов. Развестись можно было только через суд, причем районные народные суды такого права не имели, разводящимся официально надо было давать объявление в газету. При Н.С. Хрущёве процедура развода была упрощена.

К числу первых документов, регулирующих разводы, можно отнести Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. в котором в разделе VIII «Об усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и об изменениях в законодательстве о разводах» предлагалось:

1) «во изменение действующих законов о браке, семье и опеке, в целях борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям, установить при производстве развода личный вызов в ЗАГС обоих разводящихся супругов и отметку в паспорте разводящихся о разводе;

2) повысить оплату регистрации разводов — в размерах: первый развод 50 рублей, второй — 150 рублей, третий и последующие — 300 рублей;

3) при присуждении алиментов взыскивать на содержание одного ребенка 1/4 получаемой заработной платы ответчика, на содержание двух детей 1/3 и на содержание трех и больше — 50 % заработной платы ответчика;

4) для колхозниц исчисление производить в трудоднях по тем же нормам;

5) повысить уголовное наказание за неплатеж присужденных судом средств на содержание детей — до двух лет тюремного заключения, с отнесением расходов по розыску уклоняющегося от платежа алиментов лица за его счет»¹.

Эта норма нашла подтверждение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., в соответствии с которым «при выдаче свидетельства о разводе взимались с одного или обоих супругов, по определению суда, от 500 до 2000 рублей». В 1945 г. в республике было зарегистрировано всего 10 разводов. Кроме того, данным указом «в отношении детей, рожденных вне зарегистрированного брака, было запрещено установление отцовства, такие дети не могли получить фамилию отца»². По мнению экспертов, введение этой нормы фактически вернуло понятие «незаконнорожденности», существенно сказавшись на положении оказавшихся в таких ситуациях женщин и их детей.

Динамика брачности и разводимости

Браки. Обратим внимание, что в таблице 1 с 1939 г. абсолютные и относительные данные представлены в полном объеме, а с 1920 г. по 1938 г. относительные данные — частично.

Первый скачок числа браков был отмечен в 1941 г., что связано с началом ВОВ и желанием молодых людей узаконить свои отношения перед уходом на фронт. Такую же ситуацию мы наблюдаем в 2022 г. Очередной скачок браков был отмечен в 1945 г., что также вполне объяснимо. Удвоение числа браков приходится на период с 1950 г. по 1955 г., что частично связано с высвобождением спецконтингента из системы ГУЛАГа. С 1955 г. по 1991 г. число браков превышало 10 тыс., а пик пришелся на 1987 г. — 13046. В последующие годы шло плавное уменьшение числа заключенных браков. В 2020 г. их число сократилось в 2,5 раза к 2011 г. Аналогичную картину демонстрируют относительные показатели, свободные от динамики численности населения.

Разводы. Динамика числа разводов, как было отмечено выше, зависит не столько от численности населения, сколько от числа заключенных браков

¹ О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах. Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.01.2023).

² Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.01.2023).

и нормативно-правовой базы. На разводимость большое влияние оказывают также общественное мнение, этнические и религиозные нормы, ряд других факторов. Разводы влияют на формирование брачно-семейной структуры населения, на рождаемость и смертность. В абсолютных числах в Республике Коми до 1960 г. число разводов не превышало 1000 случаев. Затем число разводов стремительно росло, достигнув своего пика в 1994 г. — 6985, и в 2002 г. — 6223 случая, к 2020 г. оно сократилось почти вдвое — 3409 случаев. Общий коэффициент разводимости имел разнонаправленную динамику: до 1960 г. был менее 1,0 ‰, в 1960 г. — 1,6 ‰, в 1980 г. — 4,8 ‰, 1997 г. — 3,9 ‰, в 2002 г. — 6,1 ‰ и в 2020 г. — 4,2 ‰, примерно как в 1990 г. — 4,1 ‰ (табл. 1).

В разрезе муниципальных образований имеется статистика с 1990 г. Практически по всем МО с 1990 г. по 2020 г. произошло сокращение абсолютного числа заключенных браков, что связано с повсеместным сокращением численности населения. Общий коэффициент брачности при уменьшении (сравнивая крайние даты) имел в отдельные периоды пиковые значения роста. В Инте и Ухте он был максимальным в 1990 г., в Удорском районе в 1995 г. — 12,3 ‰ — это максимальное значение за все годы и по всем МО. В остальных муниципальных образованиях пиковые значения пришлось на 2010–2013 гг. (табл. 2).

Анализ абсолютного числа разводов показывает, что ни по одному муниципалитету нет ни однозначной динамики роста, ни динамики сокращения. Отдельные МО имели несколько пиков роста, после которых наступал спад. Если взять дату с максимальным значением и 2020 г., то однозначно можно отметить, что везде сократилось абсолютное число разводов. Более точную картину с разводами дают общие коэффициенты разводимости. В городских округах общий коэффициент разводимости был максимальным в 1995 г.: в Вуктыле — 8,4 ‰, в Воркуте — 7,6 ‰ и в 2013 г. — в Усинске — 7,0 ‰. По муниципальным районам он был наибольшим в 2014 г.: в Койгородском — 6,9 ‰, Княжпогостском — 6,7 ‰ и в 2000 г. в Печоре — 6,6 ‰. В 2020 г. в 9 из 20 МО уровень разводимости был выше республиканского. Также можно отметить, что разводимость в городских округах выше, чем в сельских районах (табл. 3).

О брачном состоянии населения информацию дают исключительно переписи населения или выборочные социально-демографические обследования. В нашем распоряжении имеются единичные данные с 1959 г. и более полные — с 1979 г. В 1959–1970 гг. число мужчин, состоящих в браке, было выше, чем женщин, в 1959 г. — на 18, в 1970 г. — на 44 в расчете на 1000 чел. Переписи населения 1979–1989 гг. зафиксировали снижение мужского перевеса по состоянию в браке, соответственно на 21 и 10 на 1000 чел. Переписи населения 2002–2010 гг. зафиксировали новое повышение числа мужчин, состоящих в браке, над числом женщин, в 2002 г. — на 71 и в 2010 г. — на 90 чел. в расчете на 1000 чел.

С 1979 г. по 2010 г. брачное состояние мужчин и женщин в Республике Коми носило волнообразный характер, рост сменялся падением и наоборот. Численность только двух когорт — вдовы и разведенные / разошедшиеся имела постоянную тенденцию к росту, но их величина была лучше средних показателей по России.

Сразу отметим, что итоговые таблицы переписи населения 2021 г. сопоставимы с предыдущими переписями, начиная с 2002 г. В период с 2010 г. по 2021 г. продолжилось уменьшение числа мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке и состоящих в браке при одновременном росте вдовых и разведенных (разошедшихся) в расчете на 1000 чел. В 2021 г. по отношению к российским показателям в Коми

Таблица 1
Количество браков и разводов, общие коэффициенты брачности и разводимости в Республике
Коми, 1920–2020 гг.

Год	Всего		На 1000 населения		Год	Всего		На 1000 населения	
	браки	разводы	браки	разводы		браки	разводы	браки	разводы
1920	1161	93	6,4	0,5	1985	12 327	5280	10,2	4,4
1921	2702	307	—	—	1986	13 020	5394	10,6	4,4
1922	3013	320	—	—	1987	13 046	5485	10,5	4,4
1923	3033	418	—	—	1988	11 876	5376	9,4	4,3
1924	2382	392	—	—	1989	11 920	5667	9,5	4,5
1925	1818	345	—	—	1990	11 355	5184	9,1	4,2
1926	2235	394	—	—	1991	11 065	6007	9,0	4,9
1927	1944	748	—	—	1992	8653	6600	7,1	5,4
1928	2441	713	—	—	1993	9317	6540	7,8	5,5
1929	2307	617	—	—	1994	8430	6985	7,2	5,9
1930	1812	535	7,5	2,2	1995	8615	6531	7,5	5,7
1931	1802	544	—	—	1996	6175	4794	5,5	4,3
1932	1845	734	—	—	1997	7298	4340	6,6	3,9
1933	1670	632	—	—	1998	6374	4378	5,9	4,0
1934	1799	659	—	—	1999	6811	4107	6,4	3,8
1935	1938	701	—	—	2000	5956	5072	5,7	4,8
1936	1954	445	—	—	2001	7563	6072	7,3	5,9
1937	1752	222	—	—	2002	7470	6223	7,3	6,1
1938	1702	247	—	—	2003	7758	5544	7,7	5,5
1939	1755	278	5,5	0,9	2004	6191	4916	6,2	4,9
1940	1534	259	4,6	0,8	2005	7396	4427	7,5	4,5
1941	2396	268	6,6	0,7	2006	7521	4698	7,7	4,8
1942	1836	251	5,5	0,8	2007	8427	5005	9,0	5,3
1943	1522	293	5,3	1,0	2008	7703	5259	8,3	5,7
1944	1667	278	5,9	0,9	2009	8207	5268	8,9	5,7
1945	3079	10	10,7	0,03	2010	8177	4648	9,0	5,1
1950	5786	161	13,2	0,4	2011	9406	4795	10,5	5,4
1955	12 501	340	28,4	0,8	2012	7822	4707	8,8	5,3
1960	11 845	1310	14,1	1,6	2013	8043	4924	9,2	5,6
1965	8349	1854	8,9	2,0	2014	7578	4841	8,7	5,6
1970	9317	3116	9,6	3,2	2015	7001	4112	8,1	4,8
1975	11 166	4165	10,7	4,0	2016	5499	4133	6,4	4,8
1980	11 887	5397	10,5	4,8	2017	5943	4229	7,0	5,0
1981	12 437	5251	10,8	4,6	2018	4667	3820	5,6	4,6
1982	12 592	5056	10,8	4,3	2019	4808	3862	5,8	4,7
1983	12 765	5156	10,8	4,4	2020	3798	3409	4,6	4,2
1984	12 050	5309	10,1	4,4					

Источники: Демографический ежегодник Республики Коми. 2021: стат. сб. / Комистат — Сыктывкар, 2021. 194 с.; Безносова Н. П. Естественное движение населения Республики Коми в 1926–1940-х годах // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии: Сб. науч. тр. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. 232 с. С. 115.; Демографический ежегодник Республики Коми. Сборник. Сыктывкар, 2007. 143 с.

Таблица 2

Общий коэффициент брачности по муниципальным образованиям Республики Коми, 1990–2020 гг., на 1000 чел. населения

Муниципальные образования	Значение коэффициента по годам									
	1990	1995	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Коми	9,1	7,5	5,7	9,0	8,1	6,4	7,0	5,6	5,8	4,6
<i>Городские округа</i>										
Сыктывкар	8,9	6,7	5,5	10,1	7,7	6,0	6,4	5,0	5,1	4,4
Воркута	10,2	9,1	6,9	9,6	9,4	8,1	9,0	6,7	7,4	5,9
Вуктыл	8,3	10,0	7,2	10,0	10,8	7,9	8,6	6,1	5,2	5,6
Инта	9,6	8,2	7,2	7,8	6,9	7,3	8,1	6,4	5,5	4,6
Усинск	9,8	7,6	6,9	10,7	10,4	7,2	8,4	6,4	6,7	4,6
Ухта	10,3	8,5	6,6	10,0	8,6	6,6	7,1	6,2	6,4	5,3
<i>Муниципальные районы:</i>										
Ижемский	7,3	6,5	3,4	6,5	8,6	4,9	6,1	6,2	5,7	4,0
Княжпогостский	9,1	7,6	4,5	8,9	6,7	4,8	5,9	5,1	6,7	5,1
Койгородский	9,1	6,1	4,2	6,8	7,8	5,7	7,7	5,6	4,3	2,9
Корткеросский	6,8	6,0	3,1	6,5	8,6	6,1	6,2	5,4	5,3	4,4
Печора	8,9	7,3	5,6	8,3	7,7	7,1	7,2	5,6	6,2	4,9
Прилузский	8,0	5,4	3,3	6,6	7,8	6,3	7,5	5,6	5,8	3,4
Сосногорск	8,5	7,4	6,4	8,2	8,3	6,8	7,5	5,2	6,3	4,7
Сыктывдинский	5,6	5,4	3,6	7,0	7,0	4,8	6,0	5,2	6,1	3,9
Сысольский	7,3	5,4	3,8	7,2	6,9	5,7	6,5	5,3	5,4	3,7
Троицко-Печорский	9,4	6,5	3,9	7,9	8,5	6,9	6,3	6,5	5,3	5,2
Удорский	10,6	12,3	5,7	9,2	7,1	6,2	5,2	3,7	3,7	2,9
Усть-Вымский	8,4	6,4	5,5	6,8	7,6	6,4	7,1	5,5	6,1	4,1
Усть-Куломский	7,7	5,8	3,2	6,7	7,5	5,4	6,5	4,9	5,5	3,6
Усть-Цилемский	8,6	6,0	4,1	6,4	7,7	4,9	6,4	5,5	5,4	4,5

Источник: Городские округа и муниципальные районы Республики Коми. Социально-экономические показатели. 2021. Стат. сб. / Комистат; [редкол.: М. Ю. Кудинова (пред.) и др.]. Сыктывкар, 2021. 285 с. С. 56; Города и районы Республики Коми. Социально-экономические показатели. 2009. Стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2009. 287 с. С. 85–86.

Таблица 3

Общий коэффициент разводимости по муниципальным образованиям Республики Коми, 1990–2020 гг., на 1000 чел. населения

Муниципальное образование	Значение коэффициента по годам									
	1990	1995	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Коми	4,2	5,7	4,8	5,1	4,8	4,8	5,0	4,6	4,7	4,2
<i>Городские округа</i>										
Сыктывкар	3,6	5,4	3,9	4,8	4,2	4,3	4,5	3,9	4,5	4,1
Воркута	6,6	7,6	6,3	6,5	7,0	7,1	6,5	6,2	6,2	5,3
Вуктыл	3,6	8,4	6,3	7,4	6,4	6,2	6,7	7,0	7,0	6,9
Инта	5,3	6,5	7,1	6,1	5,2	5,5	5,6	5,1	5,4	5,3
Усинск	5,3	6,4	6,4	6,3	6,3	6,0	5,7	4,8	5,7	4,4
Ухта	4,8	6,6	5,5	5,2	4,4	4,9	4,9	5,1	4,3	3,8
<i>Муниципальные районы:</i>										
Ижемский	0,8	1,1	1,5	2,4	2,3	2,7	3,2	2,8	3,0	2,1

Окончание табл. 3 на след. стр

Окончание табл. 3

Муниципальное образование	Значение коэффициента по годам									
	1990	1995	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Княжпогостский	3,3	6,0	4,5	4,7	4,2	4,0	4,5	5,3	5,0	4,0
Койгородский	1,7	3,3	2,2	4,7	3,9	2,9	4,8	4,5	3,6	3,8
Корткеросский	1,2	2,1	1,8	3,7	3,9	4,7	4,7	4,4	3,3	4,7
Печора	4,7	6,5	6,6	6,0	5,2	4,7	5,4	4,5	5,3	4,4
Прилузский	1,0	2,0	2,3	3,3	4,7	3,2	3,8	3,2	3,6	3,4
Сосногорск	3,8	5,2	5,2	5,9	5,2	5,0	5,6	5,2	4,6	4,3
Сыктывдинский	2,1	4,2	3,2	3,9	4,3	5,6	4,5	4,3	5,0	3,7
Сысольский	1,5	2,5	2,1	5,1	3,8	4,4	5,1	4,3	3,8	2,8
Троицко-Печорский	3,1	6,2	4,0	5,6	4,3	5,6	6,3	5,1	4,7	5,5
Удорский	3,2	5,9	5,3	4,7	5,7	4,7	4,3	4,1	3,8	3,1
Усть-Вымский	2,9	4,8	4,8	5,2	5,3	4,7	5,9	4,3	4,3	4,3
Усть-Куломский	1,8	2,9	2,1	2,1	3,4	3,4	4,2	3,5	3,5	3,5
Усть-Цилемский	1,6	3,1	4,1	3,3	4,2	4,3	4,6	3,8	4,5	3,9

Источники: Городские округа и муниципальные районы Республики Коми. Социально-экономические показатели. 2021: статистический сборник / Комистат; [редкол.: М. Ю. Кудинова (пред.) и др.]. Сыктывкар, 2021. 285 с. С. 57; Города и районы Республики Коми. Социально-экономические показатели. 2009: статистический сборник / Комистат. Сыктывкар, 2009. 287 с. С. 85–86.

меньше вдовых мужчин, но больше вдовых женщин, что объясняется разной возрастной смертностью (табл. 4).

С демографической точки зрения важно то, что ранняя и всеобщая традиционная брачность позволяла обеспечить максимально возможный в условиях высокой смертности период прокреативной деятельности женщины, а значит, и создать предпосылки для рождения достаточно большого числа детей, необходимого для поддержания устойчивой численности населения, в настоящее время в этом нет необходимости. Сексуальная жизнь человека может иметь свой собственный календарь, возраст полового дебюта может и не совпадать (и все чаще действительно не совпадает) с возрастом вступления в брак. Отсюда и все более частое раннее добрачное начало половых отношений, не обязательно связанное с намерением вступить в брак. А даже если такое намерение есть и впоследствии реализуется, момент начала фактического брака все чаще отделяется от момента его последующей регистрации, с которой можно и не спешить [1, с. 148, 210].

Однако ранняя брачность имела на Руси и другую крайность, о чем писал еще в 1761 г. Михаил Васильевич Ломоносов. «В обычай вошло во многих российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, и часто жена могла бы по летам быть матерью своего мужа». Такие браки бесплодны первые годы из-за молодости супруга / мальчика и последние, из-за возраста жены. «Второе неравенство в супружестве бывает, когда мужчина в престарелых годах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно. Для чего вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно. Всего сходнее, ежели муж жены старше от 7 до 10 лет, а невеста жениха не должна быть старше разве только двумя годами» [7, с. 254–255].

Действительно, чем раньше заключается первый брак, тем выше вероятность у семьи иметь желаемое число детей. В Республике Коми с 1990 г. по 2000 г. большая часть

Брачное состояние населения Республики Коми в возрасте 16 лет и более, переписи населения 1959–2021 гг., на 1000 чел. соответствующего пола*

Год	Мужчины				Женщины			
	никогда не состоявшие в браке	состоящие в браке	вдовы	разведенные, разошедшиеся	никогда не состоявшие в браке	состоящие в браке	вдовы	разведенные, разошедшиеся
1959	...	603	585
1970	...	671	627
1979	290	644	13	52	161	623	139	76
1989	251	661	18	68	137	651	131	80
2002	276	614	29	81	196	543	151	110
2010	261	632	30	77	173	542	166	119
2021	247	624	34	95	161	519	183	137
Справочно: Россия 2010	252	633	37	78	170	524	186	120
2021	230	633	43	95	156	535	172	137

* Включая лиц до 16 лет, указавших состояние в браке.

Источники: Состояние в браке, образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Т. 2: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2012. 158 с.; Табл. 5. Население по возрасту, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2021. Т. 2. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul/ (дата обращения: 30.01.2023).

женых (48,0–44,1 %) и невест (54,3–53,1 %) заключали брак в возрасте 18–24 лет. При этом в 1990 г. в столь юном возрасте 26,0 % мужчин и 28,9 % женщин успели развестись и снова вступить в повторный брак. С 2010 г. большая часть браков стала заключаться в возрасте 25–34 лет. Стоит также отметить, что с 1990 г. по 2020 г. в два раза увеличилась доля лиц, вступающих в брак после 35 лет, причем мужчины делают это чаще, чем женщины. За этот же период доля первых браков у мужчин уменьшилась на 7,5 п. п., а у женщин — на 10,3 п. п. Все годы доля мужчин, вступающих в первый брак, была выше, чем у женщин (табл. 5).

В переписи населения 2021 г. вопрос о состоянии в браке заполнялся лицами в возрасте 16 лет и более, а также респондентами в возрасте моложе 16 лет, которые фактически на дату переписи или ранее состояли в зарегистрированном браке или незарегистрированном супружеском союзе. Законодательно установленный в Российской Федерации минимальный возраст вступления в брак — 18 лет, как для мужчин, так и для женщин. По решению органов местного самоуправления этот возраст может быть снижен в отдельных случаях до 16 лет. К категории лиц, отвечающих на вопрос о браке, было отнесено 599234 чел., или 81,2 % от всего населения. На вопрос о брачном состоянии ответили 459916 чел., или 76,8 %. Среди горожан доля не указавших состояние в браке была 28,3 % против 1,7 % на селе (в Сысольском районе — 0,9 %).

Более половины населения указавших брачное состояние состоят в браке, доля состоящих в браке у мужчин выше (62,4 %), чем у женщин (51,9 %), это характерно и для городского и для сельского населения. Из состоящих в браке 87,0 % состоят в зарегистрированном браке, а 13,0 % в незарегистрированном супружеском союзе. Доля не оформивших официально брак на селе выше, чем у городского населения,

Таблица 5

Распределение браков по возрасту жениха и невесты в Республике Коми, 1990–2020 гг.

Год	Всего браков	По возрасту жениха, лет				Из общего числа вступивших в брак мужчин зарегистрировали		По возрасту невесты, лет				Из общего числа вступивших в брак женщин зарегистрировали	
		до 18	18-24	25-34	35 и более	первый брак	повторный брак	до 18	18-24	25-34	35 и более	первый брак	повторный брак
<i>Всего</i>													
1990	11 355	118	5445	3759	2033	8399	2956	551	6171	2778	1855	8070	3285
2000*	5956	76	2628	1947	1305	312	3162	1442	1040
2010	8177	16	2245	5836	2080	5887	2290	83	3155	3377	1562	5803	2374
2015	7001	7	1345	3604	2045	4765	2236	65	2060	3146	1730	4555	2446
2016	5499	4	991	2751	1753	3709	1790	47	1522	2425	1505	3538	1961
2017	5943	2	978	3008	1955	3926	2017	43	1578	2665	1657	3740	2203
2018	4667	2	739	2319	1607	3062	1605	29	1241	2027	1370	2925	1742
2019	4808	6	684	2310	1808	3109	1699	25	1253	1969	1561	2931	1877
2020	3798	6	621	1777	1394	2526	1272	21	1028	1501	1248	2311	1487
<i>% к общему числу браков</i>													
1990	100	1,0	48,0	33,1	17,9	74,0	26,0	4,9	54,3	24,5	16,3	71,1	28,9
2000*	100	1,3	44,1	32,7	21,9	5,2	53,1	24,2	17,5
2010	100	0,2	27,5	46,9	25,4	72,0	28,0	1,0	38,6	41,3	19,1	71,0	29,0
2015	100	0,1	19,2	51,5	29,2	68,1	31,9	0,9	29,4	44,9	24,7	65,1	34,9
2016	100	0,1	18,0	50,0	31,9	67,4	32,6	0,9	27,7	44,1	27,4	64,3	35,7
2017	100	0,0	16,5	50,6	32,9	66,1	33,9	0,7	26,6	44,8	27,9	62,9	37,1
2018	100	0,0	15,8	49,7	34,4	65,6	34,4	0,6	26,6	43,4	29,4	62,7	37,3
2019	100	0,1	14,2	48,0	37,6	64,7	35,3	0,5	26,1	41,0	32,5	61,0	39,0
2020	100	0,2	16,4	46,8	36,7	66,5	33,5	0,6	27,1	39,5	32,9	60,8	39,2

* Изменение в законодательстве (отсутствие сведений о том, какой по счету брак).

Источники: Демографический ежегодник Республики Коми. 2010: стат. сб. Комистат. Сыктывкар, 2010. 182 с. С. 99; Демографический ежегодник Республики Коми. 2021: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2021. 194 с. С. 109.

соответственно — 17,9 % и 11,0 %. Особенно высока доля незарегистрированных супружеских союзов в Ижемском и Удорском районах (по 20,5 %), а также в Корткеросском (20,2 %) и Усть-Куломском (20,0 %) районах.

Каждый пятый респондент указал, что он «никогда не состоял в браке, супружеском союзе», доля этой категории населения на селе выше, чем у горожан. В семи муниципальных районах доля «никогда не состоял в браке, супружеском союзе» более 20 %. Доля «разведенных официально» и «разошедшихся» невелика — 11,8 %. По доле разведенных выделяются Инта — 14,2 %, Воркута — 13,2 %, Печора — 11,6 % и Княжпогостский район — 11,4 %. Самая высокая доля прервавших «гражданский / фактический брак» в Троицко-Печорском районе — 3,0 %, в Вуктыле — 2,9 %, в Инте — 2,7 % и Воркуте — 2,6 %.

Завершают характеристику брачного состояния «вдовы». Как и следовало ожидать, доля вдов среди мужчин в 5,4 выше, чем у женщин, такая ситуация и в городах, и на селе. В городских округах выделяются Инта — 13,2 %, и Вуктыл — 12,0 %. Среди муниципальных районов лидируют Троицко-Печорский и Сысольский — по 14,3 %, Печора — 13,9 % и Усть-Вымский — 13,8 % (табл. 6).

Используя данные о брачном состоянии населения, можно рассчитать показатель безбрачия — невступление в брак на протяжении жизни. Безбрачие бывает вынужденным,

Таблица 6

Брачное состояние населения Республики Коми по переписи населения 2021 г., % от указавших состоянии в браке

Категория населения	Состоящие в браке	Никогда не состоявшие в браке, супружеском союзе	Разведенные официально	Разошедшиеся	Вдовы
Все население	56,7	20,0	10,0	1,8	11,5
мужчины	62,4	24,7	7,8	1,7	3,4
женщины	51,9	16,1	11,8	1,9	18,3
Городское население	56,7	19,6	11,0	2,0	10,8
мужчины	63,3	23,8	8,1	1,8	3,1
женщины	51,4	16,2	13,3	2,1	17,0
Сельское население	56,7	21,1	7,6	1,3	13,3
мужчины	60,4	27,0	7,2	1,4	4,0
женщины	53,4	15,7	8,0	1,2	21,6
<i>Городские округа</i>					
Сыктывкар	55,7	22,1	10,0	1,8	10,4
Воркута	56,6	19,4	13,2	2,6	8,2
Вуктыл	61,9	13,9	9,3	2,9	12,0
Инта	53,0	17,0	14,2	2,7	13,2
Усинск	62,5	17,5	10,5	1,4	8,1
Ухта	57,3	19,2	10,7	1,9	10,9
<i>Муниципальные районы</i>					
Ижемский	64,3	18,2	4,1	1,2	12,2
Княжпогостский	55,4	18,1	11,4	2,2	12,9
Койгородский	55,8	21,5	7,3	1,7	13,7
Корткеросский	55,9	24,1	6,3	1,4	12,2
Печора	54,9	17,8	11,6	1,8	13,9
Прилузский	57,2	20,7	7,6	0,8	13,6
Сосногорск	57,5	16,5	10,9	1,8	13,3
Сыктывдинский	56,0	22,4	8,9	1,4	11,3
Сысольский	54,5	21,7	8,8	0,7	14,3
Троицко-Печорский	55,8	17,2	9,8	3,0	14,3
Удорский	56,3	17,4	11,4	1,5	13,4
Усть-Вымский	53,3	20,3	10,8	1,8	13,8
Усть-Куломский	57,5	22,2	6,1	1,1	13,1
Усть-Цилемский	61,9	17,7	6,6	1,5	12,3

Источник: Разд. 2. Табл. 2.5. Население по возрасту, полу и состоянию в браке по городским округам и муниципальным районам // Итоги Всероссийской переписи населения 2021. <https://komi.gks.ru/vpn2020> (дата обращения: 30.01.2023).

Таблица 7

Удельный вес населения никогда «не состоявших в браке, супружеском союзе» среди указавших состояние в браке по возрастным группам в Республике Коми по переписи населения 2021 г.

Возраст, лет	Не состоявшие в браке, человек	Все население, %	в т. ч.			
			мужчины	женщины	городское	сельское
Все возраста	92 062	20,0	24,7	16,1	19,6	21,1
16–17	11 057	99,3	99,6	99,0	99,3	99,4
18–19	9074	94,9	97,3	92,1	95,2	93,7
20–24	15 108	73,4	82,4	63,5	73,2	74,0
25–29	9963	38,8	49,4	27,6	38,2	40,6
30–34	10 041	23,9	30,3	17,2	22,5	28,4
35–39	9114	18,0	22,3	13,8	16,1	23,6
40–44	7125	15,4	17,8	13,2	13,7	20,6
45–49	5572	12,9	14,2	11,7	11,4	17,0
50–54	3945	10,5	11,7	9,5	9,3	13,4
55–59	3667	8,9	9,7	8,2	7,8	10,8
60–64	3176	6,9	7,3	6,6	6,0	8,6
65–69	2039	5,6	4,9	6,1	5,3	6,3
70–74	1222	4,8	3,5	5,5	4,6	5,4
75 и более	959	3,9	2,4	4,3	3,9	3,8

Источник: Табл. 5. Население по возрасту, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2021. Т. 2. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul/ (дата обращения: 30.01.2023).

а еще результатом неблагоприятной ситуации — дисбаланса полов на брачном рынке или принадлежности к определенной социальной группе (например, к монашеству). «Распространенность безбрачия — один из основных параметров брачности, сильно влияющий на рождаемость. Уровень безбрачия, как правило, выше среди женщин, чем среди мужчин, среди городских жителей, чем среди сельских; он зависит также от социально-культурных и экономических факторов, значительно влияющие религии, традиций, форм семьи. Уровень безбрачия измеряется долей лиц данного пола, не вступивших в брак в поколении, к определенному возрасту (обычно к 50 годам). Уровень безбрачия в разных странах может колебаться от 2–3 до 18–20 %» [8, с. 51–52].

Уровень безбрачия рассчитаем как отношение числа «никогда не состоявших в браке, супружеском союзе» к численности «указавших состояние в браке» по пятилетним интервалам, мужчинам и женщинам, городу и селу. Всего лиц «никогда не состоявших в браке, супружеском союзе» в республике 92 062 чел., после 50 лет — 15 008 чел., в том числе мужчин 42,8 %, женщин 57,2 %. Как показывают представленные данные, с возрастом уровень безбрачия уменьшается. Если в возрасте 20–24 лет он составлял 73,4 %, то в возрасте 45–49 лет (окончательное безбрачие) — 12,9 %. Выше окончательное безбрачие у мужчин — 14,2 % и на селе — 17,0 %. Если условно рассчитать коэффициент безбрачия для всех возрастов, то он составит 20,0 %, в том числе у мужчин 24,7 % и у женщин 16,1 %; в городах 19,6 % и на селе 21,1 % (табл. 7).

Заключение

Большая часть жизни у человека проходит в семье родителей, потом в своей, и на финише жизни кто-то из супругов остается в одиночестве. Основная часть детей рождается в семьях, в юридически оформленных браках. Отношение к безбрачию

и детям, рожденным вне брака, менялось от полного отрицания и осуждения до толерантного отношения в последние десятилетия. Как бы не трансформировалась семья, она остается основной демографической ячейкой общества. От благополучия и сохранения традиционных семейных ценностей зависит величина демографического и трудового потенциалов территории [9]. В конце XX в. — начале XXI в. институт семьи очередной раз подвергся «ревизии», обсуждается тема о его неизбежном крахе. В мире растет число заключенных однополых браков, в России эта проблема пока не стала явной. На этом фоне проблема брачно-семейных отношений вновь стала приоритетной в исследовательском поле. В этом плане большим подспорьем станут материалы Всероссийской переписи населения 2021 г., которые позволят оценить трансформацию брака и семьи за последние десять лет.

Благодарность

Благодарности: статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022-2024 гг.). Автор признателен Фаузер Галине и Чупровой Екатерине за помощь в подготовке рукописи к печати.

Acknowledgements

The article has been prepared as part of the research «Human resources of the Northern regions of Russia: development potential or limitation of economic growth» (GR No. 122012700169-9, 2022-2024). The author would like to express gratitude to Galina Fauzer and Ekaterina Chuprova for their assistance in preparing the manuscript for print.

Список источников

- [1] Вишневецкий А. Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 368 с. <http://doi:10.17323/978-5-7598-1706-2>
- [2] Борисов В. А. Демография. Москва: Издательский дом NOTABENE, 1999, 2001. 272 с.
- [3] Лыткина Т. С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2005. 177 с.
- [4] Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980-2000 гг. / отв. ред. д-р экон. наук, проф. В. В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 168 с.
- [5] Вишнякова Д. В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX — начале XX вв. Сыктывкар: Коми научный центр, 2012. 164 с.
- [6] Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 2-е изд., испр. Т. 1. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2018. 896 с.
- [7] Ломоносов М. В. Сочинения / Сост., предисл. и примеч. Е. Н. Лебедева. Москва: Современник, 1987 г. 444 с.
- [8] Демографическая энциклопедия / Редкол.: А. А. Ткаченко, А. В. Аношкин, М. Б. Денисенко и др. Москва: ООО «Издательство „Энциклопедия”», 2013. 944 с.
- [9] Фаузер В. В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 1. С. 105-111.

References

- [1] Vishnevsky A. G. Demographic history and demographic theory: course of lectures; National research University «Higher School of Economics». M.: HSE Publishing house, 2019. 368 p. <http://doi:10.17323/978-5-7598-1706-2>

- [2] *Borisov V. A.* Demography. Moscow: NOTABENE Publishing House, 1999, 2001. 272 p.
- [3] *Lytkina T. S.* Economic behavior of the «new poor» in the conditions of social transformation: dis. ... cand. sociological Sciences: 22.00.03 М., 2005. 177 p.
- [4] *Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N.* Demographic and migration processes in the Russian North: 1980-2000 / ed. by Dr. Sci. (Econ.), Prof. V. V. Fauzer. Syktyvkar: Publishing House of SSU im. Pitirim Sorokina, 2016. 168 p.
- [5] *Vishnyakova D. V.* Ethno-demographic processes in the Komi region in the XIX — early XX centuries. Syktyvkar: Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2012. 164 p.
- [6] *Mironov B. N.* Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 volumes, 2nd ed., revisited. Vol. 1. St. Petersburg.: Dmitry Bulanin, 2018. 896 p.
- [7] *Lomonosov M. V.* Works / Compiled, foreword. and notes by E. N. Lebedev. М.: Sovremennik, 1987. 444 p.
- [8] Demographic Encyclopedia / ed. by A. A. Tkachenko, A. V. Anoshkin, M. B. Denisenko et al. М.: Encyclopedia Publishing House LLC, 2013. 944 p.
- [9] *Fauzer V. V.* Estimation of demographic and labour potential of the Komi Republic // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences. 2010. No. 1. P. 105-111.

Информация об авторах

Фаузер Виктор Вильгельмович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (Российская Федерация, 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <http://vvfauzer.ru/>).

About the authors

Viktor V. Fauzer — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS; <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-11>

УДК 316.4.051.63

JELclassification: J12

СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ¹

Г. С. Широкалова

Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Нижний Новгород, Россия); Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия (г. Нижний Новгород, Россия); Нижегородский государственный лингвистический университет (г. Нижний Новгород, Россия). <https://orcid.org/0000-0003-4089-5446>
Автор для корреспонденции Г. С. Широкалова (shirokalova@list.ru)

Аннотация. *Современные студенты родились в семьях, переживших крушение ценностей, на которых воспитывалось четыре предыдущих поколения. Их родители социализировались в эпоху, требовавшую от них иных личностных качеств для адаптации к новым условиям, но семейные традиции оставались значимым фактором, определявшим образ жизни. Глобализация за последние два десятилетия сформировала новую систему факторов, изменивших набор жизненных стратегий. Новые условия повседневного бытия потребовали системной социально-психологической адаптации во всех сферах жизни, в том числе отрицающей / корректирующей влияние прежних социальных институтов. Изучению социальных факторов, влияющих на институт семьи, ее структуру, жизненный цикл, посвящено множество исследований. Цель данной статьи — анализ оценок жизненных стратегий молодежи, которые обеспечивают устойчивость / разрушение семейных отношений. В ее основу положены результаты социологического исследования Российского общества социологов студентов РФ «Культурное наследие и связь поколений — 2022». Опрос проводился методом случайной выборки через онлайн-анкетирование с использованием google-форм во всех Федеральных округах России (N = 9751). Из массива данных выбраны ответы студентов учебных заведений Уральского федерального округа (N = 1054 чел.). Результаты исследования могут быть использованы специалистами, работающими с молодежной аудиторией.*

Ключевые слова: студенты; семья; родители; выбор супруга

Family in the Value System of Youth

G. S. Shirokalova

Volga Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (Nizhny Novgorod, Russia); Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russia); The Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). <https://orcid.org/0000-0003-4089-5446>
Corresponding author: G. S. Shirokalova (shirokalova@list.ru)

Abstract. *Modern students were born into families that survived the collapse of values, on which four previous generations were brought up. Their parents socialised in an era that required them to have different personal qualities to adapt to new conditions, but family traditions remained a significant factor determining the way of life. Over the past two decades, globalisation has formed a new system of factors that have changed the set of life strategies. The new conditions of everyday life required systemic socio-psychological adaptation in all spheres of life, including negating/correcting the influence of previous social institutions. Many studies have examined social factors affecting the institution of the family, its structure, and life cycle. The present article aims to analyse the assessments of the life strategies of young people that ensure the stability or destruction of family relationships. It is based on the results of the sociological study «Cultural heritage and the connection of generations» conducted among students by the Russian Society of*

¹ © Широкалова Г. С. Текст. 2023.

Sociologists in 2022. The study was conducted by random sampling through an online questionnaire using Google forms in all Federal Districts of Russia (N = 9751). The answers of students of the Ural Federal District (N = 1054 people) were selected from the entire data array. The results of the study can be used by specialists working with a young audience.

Keywords: students; family; parents; choice of spouse

Введение

Демографическое поведение зависит от многих факторов. Продолжение рода, бывшее в свое время биологической потребностью, уже в Ветхом Завете при изгнании из рая включается в систему социальных отношений. Трансформация самих семей и, соответственно, представлений о брачном поведении новых поколений в последние десятилетия, как и прежде, определяется технологическими, социально-экономическими и культурными отношениями, сложившимися как в конкретной стране, так и в мире. Их совокупность поставила проблемы демографической безопасности во всех странах мира, но в каждой из них она имеет собственную специфику.

Мы солидарны с мнением Ю.Р. Вишневого и М.В. Ячменевой, что изменения в семейной сфере России имеют объективную причину: затянувшийся на десятилетия период «социально-экономических реформ, стихийный и непредсказуемый характер которых сделал перспективы существования семьи неопределенными, что усиливает опасения за свое будущее и будущее своих детей и затрудняет принятие решений молодыми людьми о вступлении в брак. Кроме того, у молодежи усилились стремления к личной свободе, индивидуальному самоутверждению и эгоцентричному получению удовольствия, следствием чего стало нежелание стеснять себя семейными обязательствами» [1, с. 126].

В каждом конкретном случае из многих вариантов личность выбирает тот, который позволяет ей адаптироваться к ритму жизни, профессиональной карьере, уровню дохода, потребностям «большой семьи», возможностям самореализации. Но «возраст влюбленности» вносит свои коррективы в рациональное отношение к жизни современной молодежи при прогнозировании семейных стратегий.

Основная часть

Социология молодежи многоаспектна: социализация новых поколений проходит во всех сферах общественной жизни, взаимообусловленность которых определяет противоречивый портрет поколения. Система показателей в нашем исследовании РОС-2022 характеризует ценностные ориентации студентов России и их преломление в практической деятельности, в том числе в сфере семейных отношений [2, 3].

Именно в ней наиболее ярко проявляется отказ от традиционных для России стратегий и моделей поведения.

Совокупность объективных условий актуализировала тренды на замену официального брака «гражданским», сокращение количества детей в семьях, чайлд-фри, безбрачие и т. д. Степень распространенности подобных настроений зафиксирована во многих исследованиях. Выявлена региональная дифференциация репродуктивных установок и ценностей семейно-детного образа жизни. Например, «в сельской местности еще сохраняются ценностные ориентации семейно-детного образа жизни и достаточно сильно неприятие альтернативных форм сожительства и бездетности, в то время как городское население демонстрирует единодушную толерантность по отношению к чайлд-фри и более низкие репродуктивные установки» [4, с. 355–359].

Свердловск в советский период отличался высокой долей детей и подростков, выравниванием в городе соотношения численности мужчин и женщин, особенно в трудоспособных возрастах, а в целом благоприятной демографической ситуацией [5, с. 142]. Но через 30 лет, согласно исследованию населения Свердловской области, проведенному А. И. Ворошиловой и Н. Д. Бледновой в 2021 г., почти равны группы сторонников традиционной семьи (что не отменяет для 65 % «тестирования» официального брака сожительством) и не желающих вообще жить в браке, а доля не определившихся равна сумме названных выше групп. Причины регистрации брака делятся «на три группы — социальные, правовые и психологические. Среди социальных причин регистрации брака указывается соответствие традиционным нормам и представлениям, а также приобретение социального статуса. Среди правовых причин — вопросы раздела имущества в случае развода, а также возможности ведения дел супруга в определенных (или экстремальных) ситуациях. Здесь были также озвучены возможности воспользоваться государственными мерами поддержки семей, бюрократические вопросы, связанные с детьми и т. д. Ключевой аргументацией среди психологических причин регистрации брака стали «взаимная ответственность, серьезность намерений и стабильность отношений» [6, с. 358–359]. В социологии семьи традиционно анализировались первые две группы причин, в основном рационального / материального характера, стимулирующих/препятствующих созданию семьи и разводам.

Осознание вероятности утраты Россией демографической безопасности вызвало появление многих программ по поддержке семьи. Назовем некоторые из них. Выделение семьям материнского капитала и использование его для получения ипотечного кредита востребовано молодыми семьями, хотя таит в себе немало подводных камней (страхование / отказ от страхования жизни вкладчиков и залогового имущества, во всех случаях повышающий процентную ставку по кредитам, увеличение сроков кредитования и др.), в результате чего «интересы банков преобладают над интересами семьи» [7, с. 242, 240].

Существуют и региональные адресные программы. Например, в Республике Татарстан для закрепления молодежи в селе молодым мамам положены единовременные выплаты при рождении первенца и третьего ребенка [8, с. 446].

Третья группа причин регистрации брака — психологические. «Погода в доме» зависит от «погоды» в стране, но не в меньшей степени от личностных характеристик поколения, вступающего в брачный возраст. Многолетние и «многочисленные социологические замеры позволяют сделать вывод об определяющей роли субъективного фактора, умонастроения, интенции самой семьи или, как необходимый минимум, родительского ядра» [9, с. 18].

В нашей выборке девушки составляют 57,1 %, юноши, соответственно, 42,9 %, что практически аналогично распределению студентов по полу в РФ: 53 % женщин и 47 % мужчин¹, что позволяет сделать вывод об однонаправленности процессов и в других регионах России.

«Родительское ядро» формирует личность на первых этапах социализации, но насколько сохраняется его влияние в студенческие годы? В Уральском Федеральном округе ответы на вопрос *«Насколько лично для вас важно сохранение: семейных*

¹ В России растет количество женщин с высшим образованием // РИА Новости Крым. 24.01.2021. <https://crimea.ria.ru/20210125/V-Rossii-rastet-kolichestvo-zhenschin-s-vyshshim-obrazovaniem-1119186521.html> (дата обращения: 11.02.2023).

Таблица 1

Частота использования советов и опыта родных в разных ситуациях, % выбравших вариант ответа*

Ситуация применения опыта	% выбравших вариант ответа			
	часто используя	редко	никогда	итого
Организуя свой быт	52,8	35,2	12,0	100
Выбирая профессию	39,4	43,9	16,7	100
Покупая одежду, обувь	33,4	46,9	19,7	100
Планируя доходы / расходы	31,4	40,9	27,7	100
Выстраивая отношения с людьми	30,6	47,2	22,3	100
При оценке событий в мире	30,6	41,6	27,9	100
При оценке событий в стране	29,9	42,7	27,4	100
Выбирая место подработки	26,9	41,9	31,1	100
Выбирая спутника жизни	23,4	35,6	41,0	100
Выбирая друзей	19,4	42,9	37,8	100
Выбирая формы проведения свободного времени	18,7	41,7	39,7	100
Выбирая книги, музыку, кинофильмы и т. д.	16,0	32,8	51,1	100
Планируя количество детей в собственной семье	15,3	26,9	57,8	100

* Опрос проводился среди студентов учебных заведений Уральского федерального округа, опрошено 1054 человека.

Пропуски: 0 из 1054 (0,0 %).

Коэффициент V Крамера [0, ..., 1]: 0,071. Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

традиций?» распределились следующим образом: «не важно» — 3,9 %, «и да, и нет» — 20,5 %, «важно» — 69,8 %.

О степени востребованности опыта старших членов семьи можно судить по распределению ответов в таблице 1.

Авторитет родителей в вопросах, связанных с жизненными стратегиями в семейной сфере (не внимают советам при выборе спутника жизни 41 %, при планировании количества детей в семье 57,8 %), гораздо меньший, чем в вопросах, связанных с повседневностью: значительная часть студентов (34,7 %) живет с родителями, а 47,9 % в общежитии или на съемной квартире, что подразумевает материальную помощь со стороны семьи. Снижение авторитета родителей при выборе семейных стратегий объясняется, среди прочего, тем, что родительские семьи не являются примером благополучия по самым разным параметрам: от материальной обеспеченности до способности сохранить ее от развода. Согласно статистическим данным, в современной России на 100 браков 68 разводов (для сравнения: 30 лет назад — 42 %), причем «вторая волна» разводов приходится на 35–45 лет¹, когда дети уже осознают наличие кризиса в семье и задумываются о своем будущем.

Естественно, это сказывается не только на брачных стратегиях молодежи, но и на отношении к старшему поколению в целом: ответили, что в российском обществе уважают старших, 67,5 %, но гораздо показательней признание 71,6 % того,

¹ Статистика разводов в России 2022–2023 // Все новостройки Москвы. РФ. https://novomoscow.ru/info/statistika-razvodov-v-russii-prichiny-prodolzhitelnost-braka/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 10.02.2023).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с мнением, что семья более прочная», %

Сочетание характеристик мужа и жены	% выбравших вариант ответа			
	да	не имеет значения	нет	итого
принадлежат одному социальному кругу	38,8	48,8	12,4	100
одного вероисповедания	35,9	54,1	10,1	100
если в семье есть дети	35,3	50,9	13,8	100
одинакового уровня образования	34,7	54,1	11,2	100
приблизительно одинакового возраста	33,6	51,9	14,5	100
равного материального достатка	28,9	58,5	12,5	100
одной национальности	27,5	62,5	10,0	100

Пропуски: 0 из 1054 (0,0 %).

Коэффициент V Крамера [0, ..., 1]: 0,071. Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

что в идеальном обществе таковое должно быть: почти для каждого третьего уважительное отношение к пожилым не входит в систему ценностей. Социальный опыт «дедов» утрачивает свою значимость, поскольку он неприемлем в современных реалиях. Для молодежи важнее уважение к молодым: для 80,5 % это признак идеального общества. В современной же России его наличие отметили менее половины — 42,7 %.

Показательно исследование уважения к представителям «третьего возраста» через показатель «уступи место пожилому человеку», который является «едва ли не единственным наблюдаемым маркером уважения к позднему возрасту, практически исключая влияние прочих факторов». Исследуя эту проблему, А. Смолькин приходит к выводу, что «процедура уступания места пожилому человеку — эрозирующий институт, который распадается буквально на наших глазах», хотя «это до сих пор ожидаемая норма, более того, даже обязанность пассажира, зафиксированная в соответствующих инструкциях» [10, с. 66, 92].

О роли средств массовой информации в формировании образа жизни проведено немало исследований. Согласно с тем, что СМИ способствуют разрушению семейных ценностей 19,1 %, «не совсем согласны» — 40,5 %, «не согласны» — 40,4 %. Такая оценка может объясняться и тем, что студенты разделяют ценности, транслируемые СМИ, и тем, что считают критическое отношение достаточным предохраняющим их «клапаном».

Отношение студентов к разным факторам, влияющим на прочность семьи, представлено в таблице 2.

Различия значимости большинства факторов находятся в рамках статистической погрешности: почти треть опрошенных считает, что они способствуют укреплению семьи, что в три раза меньше доли отрицающих их влияние. Абстрактная возрастная уверенность в силе любви, которая побеждает все препятствия, характерна более чем для половины студентов, особенно когда речь идет о национальных различиях и материальном положении. Однако когда задается вопрос об учете национальной принадлежности при планировании собственного брака, ее планируют учитывать 40 % (табл. 3).

Но если роль национальности при выборе супруга для себя возрастает, то значимость образования, вероисповедания, материального достатка снижается. Низкая ценность единства религиозных взглядов объясняется тем, что только 9,3 % назвали себя верующими, имеющими тесные связи с общиной, 26,5 % выбрали вариант «Я

Таблица 3

Ориентации студентов на выбор супруга / супруги (в % от числа опрошенных)

Критерий выбора супруги / супруга	N = 1054
С представителем своей национальности	40,0
С человеком одинакового с вами возраста	35,8
С человеком, имеющим образование такого же уровня	28,0
С представителем того же вероисповедания	21,6
С человеком близкого / равного материального достатка	20,8
Не имеет значения или предложенные критерии не имеют значения	6,6
С любимым человеком	3,2
С человеком, разделяющим мои взгляды на жизнь	3,4
С человеком близким по духу	1,0
С тем, с кем мне комфортно	0,4
Не планирую создавать семью	0,3
Общие интересы	0,1
Другое	9,0
Затрудняюсь ответить	0,2
ИТОГО:	170,3

Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100 %.

Коэффициент V Крамера [0, ..., 1]: 0,071. Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

верующий, но к Богу обращаюсь без посредников». В юности нет осознания, какие «подводные камни» скрываются в семейной жизни супругов, отличающихся уровнем образования, вероисповеданием, цивилизационной спецификой, большой разницей в возрасте. Приведем такой пример: после просмотра кинофильма *ПиКей* (2014. Режиссер: Раджкумар Хирани, Индия), в котором показана сложность взаимоотношений влюбленной пары (девушка из Индии, юноша из Пакистана), практически все опрошенные мною студенты первого-второго курсов (75 чел.) заявили, что семья будет счастливой и крепкой.

Насколько молодежь способна поддержать реализацию таких функций социального института семьи, как формирование личности, воспроизводство популяции, материального обеспечения и ведения домашнего хозяйства, распределение семейного бюджета, уход за родными, социальный контроль, поддержание положительной эмоциональной атмосферы, обеспечение одобряемого социального статуса, взаимопомощь и защита, формирование круга общих интересов, удовлетворение сексуальных потребностей, покажет только их собственный опыт. Отметим неранжируемость этих функций: для каждой семьи существуют свои приоритеты: увеличивается разнообразие семейных отношений, основывающиеся на разных константах. Например, для «семьи-вулкана» характерно бурное выяснение отношений, но во время затишья — это благополучная семья. В «семье-маскараде» «ослабленная нравственно-трудова атмосфера, отсутствие общей культуры, неумение разумно организовать жизнедеятельность семьи» [11, с. 203, 204].

Заключение

Структура семьи, основанная на семейных традиционных ценностях, задает совсем иные скрепы не только самой семье, но и государству в целом, чем идеология

постмодернизма. Проникновение его в традиционные социальные институты изменяет «снежным комом» структуру ценностей во всех сферах жизни. Налицо противоречие: семейные ценности объявлены первичными, но СМИ формирует совсем иные приоритеты. Способны ли поправки в Конституцию РФ и уточнение их через законодательство изменить соотношение сил и не поздно ли это сделать? [12, с. 21].

Вопрос остается не открытым, а риторическим. Борьба «традиционалистов» (в числе которых «Бесогон» Н.С. Михалкова), несмотря на их большую популярность в социальных сетях, терпит поражение от либералов. Не удается ни ввести нравственную цензуру на ТВ, ни изменить позицию Министерства просвещения и культуры РФ, ни переориентировать содержание школьных программ... Именно поэтому изучение семейных стратегий студентов должно дополняться анализом динамики семейных отношений всех социальных групп.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288>

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the grant No. 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288>

Список источников

[1] Вишневецкий Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-125-141>.

[2] Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) / Н. В. Дулина, В. П. Засыпкин, В. А. Мансуров, Е. И. Пронина, Г. С. Широкалова, Д. В. Шкурин, П. С. Юрьев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5(80). С. 151-154. <http://doi.org/10.26105/SSPU.2022.80.5.014>

[3] Народная культура в оценках российской студенческой молодежи / Н. В. Дулина, В. А. Мансуров, Е. И. Пронина, Г. С. Широкалова, Д. С. Шкурин, П. С. Юрьев // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61-78. <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5>

[4] Карпова В. М. Региональные особенности сохранения ценности семейно-детного образа жизни // Международный демографический форум. Мат-лы заседания / отв. ред. д-р геогр. наук, проф. Н. В. Яковенко. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2020. 982 с. С. 355-360.

[5] Корнилов Г. Е. Свердловск в период демографического благополучия (1959-1989 гг.) // Глобальные вызовы демографическому развитию. Сб. науч. ст. в 2-х т. Т. 1. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. С. 132-145. <http://doi.org/10.17059/udf-2022-1-12>

[6] Ворошилова А. И., Бледнова Н. Д. «Зачем же в ЗАГС?»: отношение к регистрации брака среди уральского населения // Международный демографический форум. Мат-лы заседания / отв. ред. отв. ред. д-р геогр. наук, проф. Н. В. Яковенко. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2020. С. 355-360.

[7] Розанова Л. И. Материнский капитал в ипотечном кредите: баланс интересов молодой семьи и банков // Международный демографический форум. Мат-лы заседания / отв. ред. д-р геогр. наук, проф. Н. В. Яковенко. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2020. 982 с.

[8] Прыгунова М. И. Современные проблемы демографической безопасности регионов (на примере Республики Татарстан) // Международный демографический форум. Мат-лы заседа-

ния / отв. ред. д-р геогр. наук, проф. Н. В. Яковенко. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2020. С. 445-448.

[9] Шпилев Д. А. Семья перед лицом глобальных экологических изменений // Семейная экосистема человека / З. Х. Саралиева, Г. Л. Воронин, С. А. Судбин, Д. А. Шпилев [и др.]. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. 225 с.

[10] Смолькин А. Маленький переполох в большом трамвае: микросоциологический анализ ситуации «уступить/не уступить пожилому человеку место в общественном транспорте» // Социология власти. 2014. № 2. С. 65-103.

[11] Арифудина Р. У., Трушина Ю. Х. Современные модели и технологии семейного воспитания // Поклонись до земли своей матери. По мат-лам социального проекта «Поклонись до земли своей матери» / Сост. и ред. Н. В. Надеждина и др. Н. Новгород: ООО «Ново», 2006. 224 с.

[12] Широкалова Г. С. Семья на пороге перемен. Рубикон пройден? // Социальная безопасность в евразийском пространстве. Мат-алы III всерос. науч. конф. с междунар. участием; 18 дек. 2020 г. / под. ред. И. А. Грошевой. Тюмень: Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области, 2021. 422 с. <https://www.ssa-rss.ru/files/File/PublikaciiROS/Grosheva.%20Socialnaya%20bezopasnost%20v%20evraziyskom%20prostranstve.pdf>

References

[1] Vishnevsky Yu. R., Yachmeneva M. V. The attitude of student youth to family values (case study of the sverdlovsk region) // The Education and Science Journal. Vol. 20, No. 5. P. 125-141. <http://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-125-141>

[2] Cultural Traditions and Connection of Generations (Information about the Scientific Project) / N. V. Dulina, V. P. Zasyrkin, V. A. Mansurov, E. I. Pronina, G. S. Shirokalova, D. V. Shkurin, P. S. Yuriev // Surgut State Pedagogical University Bulletin. 2022. No. 5(80). P. 151-154. <http://doi.org/10.26105/SSPU.2022.80.5.014>

[3] Folk culture in the assessments of Russian student youth" / N. V. Dulina, V. A. Mansurov, E. I. Pronina, G. S. Shirokalova, D. S. Shkurin, P. S. Yuriev // Research Result. Sociology and management. 2022. No. 8(3). P. 61-78. <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5>

[4] Karpova V. M. Regional peculiarities of preserving the value of a family and child lifestyle // International Demographic Forum: proceedings of the meeting / ed. by Dr. Sci. (Geogr.), Prof. N. V. Yakovenko. Voronezh: Digital Polygraphy, 2020. P. 355-360.

[5] Kornilov G. E. Sverdlovsk in the Period of Demographic Prosperity (1959-1989) // Global challenges to demographic development: a collection of scientific articles in 2 volumes. Vol. I. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 2022. P. 132-145. <http://doi.org/10.17059/udf-2022-1-12>

[6] Voroshilova A. I., Blednova N. D. «Why go to the registry office?»: attitude to marriage registration among the Ural population // International Demographic Forum: proceedings of the meeting / ed. by Doctor of Geographical Sciences, prof. N. V. Yakovenko. Voronezh: «Digital Polygraphy», 2020. P. 355-360.

[7] Rozanova L. I. Maternity capital in a mortgage loan: the balance of interests of a young family and banks // International Demographic Forum: proceedings of the meeting / ed. by Dr. Sci. (Geogr.), Prof. N. V. Yakovenko. Voronezh: «Digital Polygraphy», 2020. 982 p.

[8] Prynunova M. I. Modern problems of demographic security of regions (on the example of the Republic of Tatarstan) // International Demographic Forum: materials of the meeting / ed. by Dr. Sci. (Geogr.), Prof. N. V. Yakovenko. Voronezh: «Digital Polygraphy», 2020. P. 445-448.

[9] *Shpilev D. A.* Family in the face of global economic change // Human family ecosystem: monograph / Z. H. Saralieva, G. L. Voronin, S. A. Sudin, D. A. Shpilev, et al. N. Novgorod: Publishing House of NISOC, 2018. 225 p.

[10] *Smol'kin A.* Little Trouble in Big Tram: Microsociological Analysis of the Situation «to concede / not to concede a place to the elderly person in public transport» // Sociology of Power. 2014. No. 2. P. 65-103.

[11] *Trushina Yu. Kh.* Modern models and technologies of family education // Bow down to the ground to your mother. Based on the materials of the social project «Bow down to the ground of your mother» / comp. and ed. by N. V. Nadezhkina et al. Nizhny Novgorod, 2006. 224 p.

[12] *Shirokalova G. S.* Family on the threshold of change. Has the rubicon been passed? // Social security in the Eurasian space: materials of the III All-Russian Scientific Conference with International participation (December 18, 2020) / ed. by I. A. Grosheva. Tyumen: Branch of ANO VO «IDK» in the Tyumen region, 2021. 422 p. <https://www.ssa-rss.ru/files/File/PublikaciiROS/Grosheva.%20Socialnaya%20bezopasnost%20v%20evraziyskom%20prostranstve.pdf>

Информация об авторах

Широкалова Галина Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; профессор, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия; ведущий научный сотрудник Нижегородский государственный лингвистический университет. <https://orcid.org/0000-0003-4089-5446> (Российская Федерация, 603009, Нижний Новгород, ул. Костина, 4; e-mail: shirokalova@list.ru).

About the authors

Galina S. Shirokalova — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Senior Research Associate, Volga Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS; Professor, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy; Leading Research Associate, The Linguistics University of Nizhny Novgorod; [https:// orcid.org/0000-0003-4089-5446](https://orcid.org/0000-0003-4089-5446) (4, Kostina St., Nizhny Novgorod, 603009, Russian Federation; e-mail: shirokalova@list.ru).

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-12>

УДК 314.1

JEL classification: I31, J14

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН НА РЫНКЕ ТРУДА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ¹

И. В. Шмарова

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-5187-489X>

Автор для корреспонденции: И. В. Шмарова (i.v.shmarova@urfu.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены показатели, характеризующие положение женщин на рынке труда. В результате проведенного исследования выявлено, что в процессе осуществления профессиональной деятельности женщины продолжают сталкиваться с рядом проблем: сложностями трудоустройства, значительной дифференциацией заработной платы мужского и женского населения, увеличением времени, затрачиваемого на профессиональную деятельность при одновременном сокращении времени на сон, личную гигиену, уход за собой и др. Сложности, связанные с организацией трудовой деятельности женщин, могут негативно сказываться на принятии ими решения о рождении детей. Возможным решением выявленных проблем может стать изменение работодателей к материнству и родительству. Предложены формы участия предприятий в реализации социально-демографической политики. Вместе с тем для увеличения вовлеченности предприятий в реализацию демографической политики необходима разработка комплекса мер их государственной поддержки.

Ключевые слова: женская занятость; женщины на рынке труда; поддержка родительства; российский бизнес; политика; дружественная к семьям работников

Changing the Position of Women in the Labour Market as One of the Factors for the Successful Realisation of Reproductive Intentions

I. V. Shmarova

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

<https://orcid.org/0000-0001-5187-489X>

Corresponding author: I. V. Shmarova (i.v.shmarova@urfu.ru)

Abstract. The article considers indicators characterising the position of women in the labour market. As a result, the study revealed that working women continue to face a number of problems: difficulties in finding employment; significant differentiation of the wages of the male and female population; an increase in the time spent on professional activities while reducing the time for sleep, personal hygiene and self-care, etc. Difficulties associated with organising the work of women can negatively affect their decision to have children. A possible solution to the identified problems could be a change in employers' attitudes to motherhood and parenthood. Forms of participation of enterprises in the implementation of socio-demographic policy are proposed. To increase the involvement of enterprises in the implementation of demographic policy, it is necessary to develop a set of measures for their state support.

Keywords: female employment; women in the labour market; parenting support; Russian business; family-friendly policy

Введение

В последние годы решение проблем, связанных со снижением рождаемости, увеличением смертности и, как следствие, депопуляцией населения страны, становится

¹ ©Шмарова И. В. Текст. 2023.

все более значимым для обеспечения возможностей устойчивого развития России в долгосрочном периоде. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2018–2022 гг. численность населения РФ снизилась на 1,3 млн чел¹. Следует отметить, что негативная динамика численности населения наблюдается несмотря на реализуемые на государственном уровне меры стимулирования рождаемости, поддержки семьи и детей. Это обуславливает необходимость поиска новых инструментов, которые позволят изменить существующие негативные тренды.

Отечественные ученые рассматривают различные направления для решения сложившихся демографических проблем: разработка и реализация комплекса мероприятий, направленных на улучшение здоровья населения, проведение социально-экономических преобразований, направленных на положительное изменение уровня и качества жизни, стимулирование рождаемости, использование трудовой миграции и др. ([1–3] и др.). В зарубежных источниках, посвященных исследованиям демографической динамики, большое внимание уделяется усиливающемуся в последнее десятилетие конфликту «семья — работа». Так, например, Дж. М. Агуэро, М. С. Маркс говорят о том, что на количество детей, которые есть у женщины, может существенно повлиять ее участие в рабочей силе [4], Дж. Е. Финли сравнивает взаимосвязь между показателями рождаемости и занятости женского населения в странах с низким, средним и высоким уровнем дохода [5], А. Озгорен, Б. Эргокмен, А. Тансель обращают внимание на существование негативной взаимосвязи между рождаемостью и занятостью женского населения [6]. Действительно, изменения, происходящие на рынке труда, могут оказать как позитивное, так и негативное влияние на изменение демографических процессов. А. О. Тындик, исследуя репродуктивные установки населения в российском обществе, приходит к выводу, что на их характер существенно влияют не только отношения между партнерами, но также образование и изменения на рынке труда [7], а А. Шадрина подчеркивает, что для успешной реализации репродуктивных намерений населения очень важно создавать условия для совмещения материнства и профессиональной занятости [8]. Вместе с тем, в России женщины часто сталкиваются с такими проблемами, как дискриминация в трудовых отношениях, сложности трудоустройства, сложности совмещения профессиональной деятельности и семейных обязанностей и др. [9]. Одним из вариантов решения существующих демографических проблем, по нашему мнению, будет являться изменение отношения работодателей к трудоустройству женщин, разработка корпоративной политики предприятия (организации), ориентированной на поддержку семьи и детей.

Целью исследования является рассмотрение динамики показателей, которые характеризуют современное положение российских женщин на рынке труда. Такое исследование является особенно актуальным в условиях сложившейся социально-экономической ситуации и негативных демографических прогнозов. Источником информации выступили официальные статистические данные текущего учета населения, реализуемого Федеральной службой государственной статистики во всех регионах России за период 2017–2021 гг. Выбор этого временного периода был обусловлен наличием необходимых данных на используемом информационном ресурсе.

¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.02.2023).

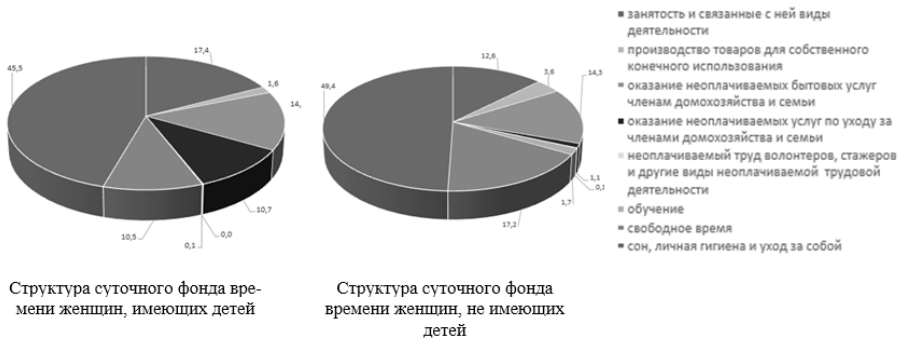

Рис. 1. Распределение суточного фонда времени женщин в зависимости от наличия детей в 2019 г. (источник: Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением // Федеральная служба государственной статистики. https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html (дата обращения 13.02.2023))

Результаты исследования

В процессе исследования были получены следующие результаты:

1. Структура суточного фонда времени женщин значительно меняется после рождения детей: увеличивается доля времени, затрачиваемого на занятость и связанные с ней виды деятельности (на 4,8 %), а также оказание неоплачиваемых услуг по уходу за членами домохозяйства и семьи (на 9,6 %), одновременно снижается доля времени, затрачиваемого на производство товаров для собственного конечного использования (на 2 %), сон и личную гигиену (на 3,9 %), свободное время (на 6,7 %) (рис. 1).

2. Средняя величина времени, затрачиваемого женщинами на поиск работы существенно больше, чем средняя величина времени, затрачиваемого мужчинами. С увеличением возраста наблюдается увеличение продолжительности поиска работы женщинами: в возрастной группе 20–24 года продолжительность поиска работы в 2021 г. составила 5,5 мес., а в группе 65–69 лет — 8,5 мес¹. Средняя величина времени на поиск работы женщинами фертильного возраста (25–39 лет) составляет от 7,1 до 7,3 мес. Уровень безработицы женщин, имеющих детей, значительно выше среднего уровня безработицы в РФ (рис. 2).

3. Рассмотрение сфер профессиональной деятельности позволило выявить, что в период 2017–2021 гг. женщины чаще являлись специалистами различного уровня квалификации, а также служащими, чем занимали руководящие должности (рис. 3).

Общая численность руководителей-мужчин в 2021 г. на 4,2 % превышала численность руководителей-женщин. Вместе с тем наблюдается преобладание женщин-руководителей в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса, торговле, управлении корпоративным сектором и др. (рис. 4).

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России // Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 13.02.2023).

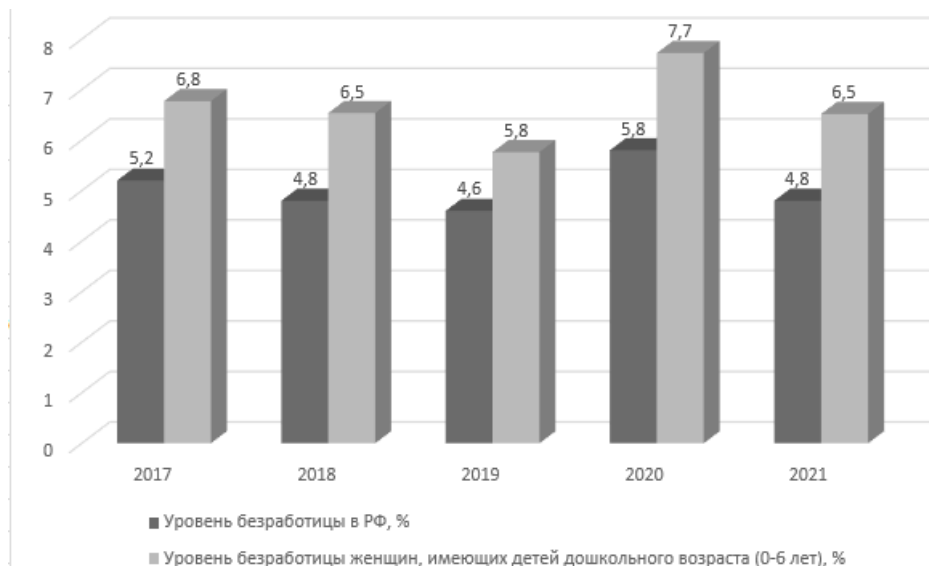

Рис. 2. Динамика показателей, характеризующих уровень безработицы, % (источник: Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 13.02.2023))

Рис. 3. Численность мужчин и женщин по группам занятий, тыс. чел. (источник: Сведения заработной платы работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам // Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671> (дата обращения: 13.02.2023))

4. В России наблюдается существенная дифференциация величины заработной платы мужского и женского населения вне зависимости от сферы деятельности (табл.). В период 2017–2021 гг. разница между средней заработной платой мужского и женского населения продолжала увеличиваться.

Рис. 4. Численность руководителей по сферам деятельности, тыс. чел. (источник: Сведения за заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам // Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671> (дата обращения: 13.02.2023))

Таблица

Дифференциация величины заработной платы мужского и женского населения вне зависимости от сферы деятельности

Категория персонала	Средняя месячная заработная плата в 2017 г., рублей		Разница между средней месячной заработной платой мужчин и женщин в 2017 г., руб.	Средняя месячная заработная плата в 2021 г., рублей		Разница между средней месячной заработной платой мужчин и женщин в 2021 г., руб.
	мужчины	женщины		мужчины	женщины	
Все работники	45 557	32 658	12 899	67 056	48 594	18 462
Руководители	88 305	59 902	28 403	133 082	90 580	42 502
Специалисты высшего уровня квалификации	54 727	38 622	16 105	81 427	55 760	25 667
Специалисты среднего уровня квалификации	51 707	30 284	21 423	73 898	44 259	29 639
Служащие	31 427	24 279	7 148	48 863	34 978	13 885
Квалифицированные рабочие	37 591	29 480	8 111	53 600	40 884	12 716
Неквалифицированные рабочие	20 966	17 614	3 352	31 960	26 442	5 518

Источник: Сведения за заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам // Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671> (дата обращения: 13.02.2023).

Дискуссионные вопросы исследования

Результаты реализованного исследования позволили подтвердить наличие ряда проблем на рынке труда среди женского населения. Во-первых, выявленное увеличение продолжительности профессиональной деятельности женщин после рождения детей может свидетельствовать о существенном возрастании финансовой нагрузки на семью после появления ребенка. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2021 г. более 46 % семей с детьми заявляли о том, что их доходов хватает только на приобретение еды и одежды, а приобрести все, что считают нужным, в России могут не более 2 % домохозяйств с детьми¹. Ситуация усугубляется в многодетных, молодых и неполных семьях. Кроме того, увеличение времени трудовой деятельности, а также времени на услуги по уходу за детьми происходит за счет снижения часов на сон и свободное время. Это в последствии может негативно отразиться на здоровье женского населения.

Во-вторых, значительная дифференциация заработной платы женщин и мужчин, более высокий уровень безработицы женского населения, а также направленность занятости мужчин и женщин по определенным специальностям и сферам деятельности свидетельствует о существовании проблем, связанных с трудоустройством женского населения. А.В. Гизатуллина, Н.С. Зимова говорят о том, что на рынке труда женщины часто сталкиваются с гендерной профессиональной сегрегацией [9], К.А. Макеева, М.В. Виничко — о дискриминации женщин на рынке труда [10].

Выявленные нами проблемы, связанные с трудовой деятельностью женского населения, отчасти могут быть связаны с тем, что отношение работодателей к материнству и родительству не всегда положительно. Особые опасения вызывает трудоустройство женщин детородного возраста: работодатели часто считают, что они не настроены на карьеру в полной мере, не будет соблюден баланс интересов работодателя и работника-беременной женщины, возникнут дополнительные временные и финансовые потери, связанные с поиском и обучением персонала на период отсутствия основного работника и др. [11]. Получается, что на текущий момент в увеличении показателей рождаемости в большей степени заинтересовано государство, так как сохранение численности населения страны необходимо для устойчивого развития России в долгосрочном периоде. Действительно, основные программы по поддержке семьи и детей разрабатываются государственными органами управления, а затем финансируются из бюджетов различных уровней. Вместе с тем изменение отношения к рождаемости и родительству на российских предприятиях (в том числе на уровне корпоративной культуры) позволит сотрудникам более позитивно смотреть на перспективы родительства. Возможными формами участия российских предприятий в реализации социально-демографической политики, по нашему мнению, могут стать:

- формирование корпоративной культуры на российских предприятиях, поддерживающей семью и семейные ценности;
- финансирование программ, направленных на стимулирование рождаемости и развитие детей работников предприятий (например, материальная помощь семьям с новорожденными, детьми до 3 лет, школьниками, материальная помощь оплаты дополнительного образования детей, поощрение семей с детьми, достигшими

¹ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Федеральная служба государственной статистики. <https://gks.ru/bgd/regl/b21102/Main.htm> (дата обращения: 13.02.2023).

значительных успехов в дополнительном образовании — лауреатов конкурсов и олимпиад, спортивных соревнований);

— организация трудовой деятельности с использованием удаленного режима работы и иных форм занятости родителей и др.

Вместе с тем в связи с быстрыми изменениями социально-экономической ситуации большинство организаций не имеют возможности активно участвовать в реализации социально-демографической политики. Увеличение вовлеченности предприятий, по нашему мнению, возможно в случае активной государственной поддержки социально-ориентированных организаций:

— введение налоговых льгот для организаций, представляющих рабочие места семейным сотрудникам с детьми в возрасте до 18 лет. Предполагается, что данная мера поддержки может быть применена к объектам среднего и крупного бизнеса при условии трудоустройства на предприятии лиц, состоящих в законном браке и имеющих детей, при численности таких сотрудников не менее 80 % от общей численности работников предприятия;

— возможность получения кредитов по льготным ставкам для организаций, предоставляющих рабочие места семейным сотрудникам с детьми в возрасте до 18 лет;

— реализация специальных мер поддержки социальных программ предприятий и др.

Заключение

В результате проведенного исследования было выявлено, что женщины в процессе осуществления профессиональной деятельности сталкиваются с различными сложностями. К их числу относятся значительная дифференциация заработной платы мужского и женского населения, более высокий уровень безработицы женского населения, а также направленность занятости мужчин и женщин по определенным специальностям и сферам деятельности и др. Кроме того, выявлено увеличение продолжительности профессиональной деятельности женщин после рождения детей, которое, с одной стороны, может свидетельствовать о существенном возрастании финансовой нагрузки на семью после рождения ребенка, с другой — может негативно отразиться на здоровье женского населения в долгосрочной перспективе. Возможным решением выявленных проблем может стать изменение отношения работодателей к материнству и родительству. Предложены формы участия предприятий в реализации социально-демографической политики. Отмечена необходимость государственной поддержки социально ориентированных предприятий с целью увеличения их вовлеченности в реализацию демографической политики.

Направлением дальнейших исследований может явиться разработка механизма поддержки предприятий, активно включенных в демографическую политику.

Благодарность

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Acknowledgements

The article has been prepared within the framework of the project «Institutions to support Russian pronatalist policy: potential and prospects for influencing birth rate growth», supported by the Council for Grants of the

President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation (NSch-1327.2022.2).

Список источников

- [1] *Тачкова И. А.* Состояние и пути решения демографической проблемы России // Экономика. Социология. Право. 2019. № 4(16). С. 45-51.
- [2] *Каиценко А. С.* Трудовая миграция как способ решения демографической проблемы России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 2. № 8. С. 341-344.
- [3] *Шарин В. И., Кулькова И. А., Плутова М. И.* Факторы рождаемости: родственная поддержка // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 2 (120). С. 24.
- [4] *Agüero J. M., Marks M. S.* Motherhood and Female Labor Supply in the developing world: Evidence from infertility shocks // Journal of Human Resources. 2011. 46(4), 800–826. <https://doi.org/10.1353/jhr.2011.0002>
- [5] *Finlay J. E.* Women's Reproductive Health and Economic Activity: A narrative review. // World Development, 2021. No. 139. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105313>
- [6] *Ozgoren A., Ergocmen B., Tansel A.* Birth and employment transitions of women in Turkey: Conflicting or compatible roles?// SSRN Electronic Journal. 2017. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3091241>
- [7] *Макаренцева А. О., Галиева Н. И., Rogozin Д. М.* Нежелание иметь детей в зеркале опросов населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4(164). С. 492-515.
- [8] *Шадрина А.* Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 392 с.
- [9] *Гизатуллина А. В., Зимова Н. С.* Проблемы занятости женщин с детьми дошкольного возраста в современной России и мире // Россия и современный мир. 2019. № 4(105). С. 219-228.
- [10] *Макеева К. А., Виниченко М. В.* Дискриминация на рынке труда и ее влияние на здоровье женщины // Материалы Ивановских чтений. 2016. № 4-2(9). С. 100-107.
- [11] *Сагандыков М. С., Протченко Е. А.* Баланс интересов работодателя и работника — беременной женщины // Проблемы права. 2018. № 4(68). С. 57-59.

References

- [1] *Tachkova I. A.* State and ways of solving the demographic problem of Russia // Economics. Sociology. Law. 2019. No. 4(16). P. 45-51.
- [2] *Kashchenko A. S.* Labor migration as a method for solving the demographic problem of Russia // Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space. 2019. V. 2. No. 8. P. 341-344.
- [3] *Sharin V. I., Kulkova I. A., Plutova M. I.* Fertility factors: related support // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2019. No. 2(120). 24.
- [4] *Agüero J. M., Marks M. S.* Motherhood and Female Labor Supply in the developing world: Evidence from infertility shocks // Journal of Human Resources. 2011. No. 46(4). P. 800–826. <https://doi.org/10.1353/jhr.2011.0002>
- [5] *Finlay J. E.* Women's Reproductive Health and Economic Activity: A narrative review. // World Development, 2021. No. 139. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105313>

[6] *Ozgoren A., Ergocmen B., Tansel A.* Birth and employment transitions of women in Turkey: Conflicting or compatible roles? // SSRN Electronic Journal. 2017. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3091241>

[7] *Makarentseva A. O., Galieva N. I., Rogozin D. M.* Desire (Not) To Have Children in the Population Surveys // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. No. 4(164). P. 492-515.

[8] *Shadrina A.* Dear children. Reduction of birth rate and growth of «price» of motherhood in the 21st century. M.: New Literary Review, 2017. 392 p.

[9] *Gizatullina A. V., Zimova N. S.* The Employment Problems of Women with Pre-School Children in Today's Russia and World // Russia and the contemporary world. 2019. No. 4(105). P. 219-228.

[10] *Makeeva K. A., Vinichenko M. V.* Discrimination in the labor market and its impact on women's health // Proceedings of the Ivanovo Readings. 2016. No. 4-2(9). P. 100-107.

[11] *Sagandykov M. S., Protchenko E. A.* Balance of interests of the employer and employee — pregnant women // Issues of Law. 2018. No. 4(68). P. 57-59.

Информация об авторах

Шмарова Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры ЭУММП, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»; <https://orcid.org/0000-0001-5187-489X> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru).

About the authors

Irina V. Shmarova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Academic Department of Economics and Management at Metallurgical and Machine-Building Enterprises, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-5187-489X> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru).

Научное издание

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ К ГЛОБАЛЬНЫМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВЫЗОВАМ

Сборник статей

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол Ученого совета №7 от 18.04.2023.
Пер. №06(23) (протокол редсовета №3 от 17.04.2023).

Редактор А. Б. Уминская
Корректор Н. А. Тарских
Компьютерная верстка С. В. Кузовковой

Электронное издание

1 оптический компакт-диск
Издание поставляется на одном CD-ROM диске
и может быть использовано в локальном и сетевом режимах.

Подписано к использованию 30.05.2023.

Объем 18,5 Мб. Уч.-изд. л. 52.

Тираж 20 шт.

Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 32 Mb RAM; свободное место на HDD 16 Mb;
Windows 95/98; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2-х и выше; мышь.

Издатель: Институт экономики УрО РАН
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, тел. +7(343) 371-45-36
Сайт: www.uiec.ru
E-mail: lavrikova.ug@uiec.ru

Изготовитель: Типография «ЮНИКА».
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29.
Тел. +7 (343) 364-55-24
https://vk.com/print_yunika

